Я 154/104

Ц. ФРИДЛЯНД и А. СЛУЦКИЙ

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ХРЕСТОМАТИЯ

1—9—3—1
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ц. ФРИДЛЯНД и А. СЛУЦКИЙ

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

(1789—1914)

★

ХРЕСТОМАТИЯ

6-е дополненное издание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1931 ★ ЛЕНИНГРАД

Редактор Г. РЕЙХБЕРГ

Отпечатано в 3-й типографии ОГИЗа
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 50000 экземпл,
Уполн. Главлита Б-6542.
Огиз С—1 № 318,
Заказ 3194.
Август 1931 г,
37¼ п. л.

Техредактор М. ПИОТРОВИЧ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТОМУ ИЗДАНИЮ

За последнее время появился ряд учебных пособий по всеобщей истории. Наша книга и раньше не ставила себе задачи быть учебником, тем более теперь: она по-прежнему остается сборником документов для учебных целей. Идя по пути дальнейшего улучшения и методической обработки книги в направлении, указанном нами в предисловии к предыдущему изданию, мы считали бы необходимым произвести радикальное изменение в построении самого пособия. Но в настоящем, шестом издании мы ограничились только некоторыми изменениями. Вновь просмотрен и проредактирован текст вводных статей, которые служат только кратким пояснением к документам. Вновь просмотрена и дополнена документальная часть книги. Переработана последняя глава книги: более подробно документирована история борьбы и в особенности в германской социал-демократии, а также во II Интернационале. К сожалению в настоящем издании мы не смогли внести всех необходимых изменений и в частности дополнить книгу главой по истории Америки. Надеемся выполнить это в последующем издании, если таковое потребуется.

20 июля 1930 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее издание выходит спустя полгода со времени появления первого издания. Во втором издании книга исправлена и дополнена на основе небольшого полугодового опыта тех учащих и учащихся, которые пользовались нашей книгой. Нами также был учтен ряд чрезвычайно ценных замечаний, которые были сделаны в целом ряде отзывов на книгу. Эти отзывы, в общем и целом благоприятные, были однако разноречивы. Основное разногласие рецензентов сводилось к различной оценке документального материала и выдержек из классических исторических трудов. В то время как одни расценивали документы, как «архивный» материал, мертвый и ненужный, другие считали излишним использование исторической литературы. Мы держимся того мнения, что точка зрения первых основана на недоразумении и неправильном понимании значения исторического документа. Конечно не всякий исторический документ является учебно-показательным документом, но единственно правильный путь целесообразного изучения истории возможен только как изучение документальной истории. При этом и с точки зрения педагогической занятие историей на основе самостоятельной кружковой проработки слушателями материала даст наибольший эффект только тогда, когда эти занятия не будут сводиться к зубрежке фактов или запоминанию голых схем, а к работе над конкретным документом эпохи при помощи марксистского метода.

Поэтому основные исправления и дополнения нашей книги шли по пути не отказа от документации, а, наоборот, по пути более тщательного подбора документов и уничтожения дробности за счет менее ценных («архивных») и выдержек из литературы. Что касается выдержек из литературы предмета, то мы оставили только те, которые или имеют самостоятельную ценность или являются классическими характеристиками эпохи. Вместе с этим мы считали целесообразным увеличить цифровой материал (таблицы) в тексте и в документах с тем, чтобы направить внимание учащих и учащихся не столько на политическую сторону проблем революционной истории, сколько на их социально-экономическую.

Мы пытались в документах и материалах дать по возможности полную картину революционных событий в целях преподавания. Два-три десятка документов конечно недостаточны для этого и вместе с тем могут создать впечатление некоторой пестроты. Избежать этого мы не могли и в настоящем издании за ограниченностью места, сложностью поставленных задач, обилием и важностью материала. Но мы стремились группировать материал вокруг основных вопросов.

В предисловии к первому изданию мы указывали на некоторую диспропорциональность частей. На это обращали наше внимание учащие и учащиеся. В настоящем издании мы пытались, поскольку это разрешают размеры одного тома, внести некоторую соразмерность в частях, увеличив главы о ближайших к нам эпохах. Главы о I Интернационале, Парижской коммуне и особенно II Интернационале значительно переработаны и увеличены. При этом хотя последняя глава и переработана значительно, все же мы не могли дать полное освещение эпохи II Интернационала по двум причинам: 1) отсутствие достаточного места и 2) необходимость дать суммарную характеристику типов рабочего движения и основных тенденций развития. Поэтому мы не могли останавливаться подробно на рабочем движении разных стран в их национальных особенностях и в конкретном историческом воплощении, а вынуждены были выявить только общие, типичные черты, свойственные эпохе, притом в их наиболее классических формах.

Текстовая часть в общем и целом оставлена нами без значительных изменений. Это главным образом потому, что мы продолжаем смотреть на них, вопреки мнению многих читателей, не как на самостоятельный учебник, а лишь как на введение к документальным материалам. Безусловно необходимо расширить, с нашей точки зрения, эти вводные очерки, но лишь с целью дать в них анализ каждого приводимого документа. К сожалению при ограниченных размерах книги мы лишены были возможности сделать это.

Здесь необходимо отметить, что неправильное понимание задачи хрестоматии приводило часто к тому, что учащие в своей работе недостаточно направляли внимание учащегося на изучение документа и подчас ограничивались лишь текстовой вводной частью. Такое положение дел не только непормально, но и вредно. Мы считаем необходимым подчеркнуть и указать тт. преподавателям и учащимся, что занятия, прошедшие без внимательного разбора документа эпохи, могут дать наименьший эффект.

В заключение мы считаем нужным отметить еще одну задачу, стоявшую перед нами в связи с необходимостью тщательного изучения наследия великого вождя и учителя международного пролетариата — В. И. Ленина. С этой целью мы пытались в каждой главе провести оценку Ильичем наиболее важных этапов революционного прошлого. Этим конечно не может ограничиться работа по изучению ленинизма как высшего этапа революционной борьбы XIX и XX вв. Выявить место Ильича в истории революционного движения — задача огромная. Каждый учащий и учащийся, каким бы он вопросом из истории революционного движения ни занимался, должен стремиться понять его в свете марксизма и ленинизма.

Второе издание нашей книги конечно не лишено ряда дефектов. Но при том колоссальном количестве материалов и сложности задачи эти дефекты могут быть исправлены только в результате коллективной работы и опыта.

Мы будем благодарны всем, кому приходится иметь дело с нашей книгой, за все указания, которые ими будут сделаны.

Просьба к учащим и учащимся направлять их по адресу: Москва, Соцэкгиз, Кузнецкий мост, 16.

В заключение считаем необходимым выразить нашу благодарность тт. Р. Н. Фрумкиной, Е. А. Гуревич, Е. М. Неймарку и Б. Патушинскому, сделавшим ряд переводов для настоящего издания.

Мы лишены были бы возможности выполнить нашу работу, если бы не могли пользоваться богатствами Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Это хранилище материалов революционной истории мирового значения станет источником, где много поколений будут черпать свои знания революционного прошлого пролетариата.

Москва 20 июня 1924 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В АНГЛИИ

Промышленная революция.

Современное европейское буржуазное государство образовалось в результате решительной ломки докапиталистической системы производства и социальных отношений старого порядка. Два переворота конца XVIII в. способствовали оформлению и победе буржуазных общественных отношений: промышленный переворот в Англии и Великая революция во Франции. Одна революция — преимущественно экономическая, другая — политическая. Но политическое значение индустриального переворота не меньше, чем экономическое значение Великой революции 1789 г.

Развитие капитализма в Европе началось еще в XVI в., со времени открытия Америки, причем до последней трети XVIII в. господствовал торговый капитал и самодержавное государство. Самодержавное государство возникло в борьбе с отдельными феодалами и означало победу «сильнейшего помещика» при поддержке буржуазии. Буржуазия оказывала давление на политику самодержавия, а последнее покровительствовало ее интересам. Капиталистический класс складывался медленно как класс в борьбе городских коммун с феодалами и в ходе революционных переворотов. В Англии в результате двух революций XVII в. утвердился парламентаризм. Но политическая власть все еще оставалась в руках союза землевладельцев и монополистически-торгового капитала. Буржуазное государство еще не было современным буржуазно-парламентским государством. Последнее было создано промышленным переворотом, современной крупной индустрией. В проникновении капитализма в сельское хозяйство и появлении машины — сущность экономической революции конца XVIII в. «Крупная индустрия в экономической области, современная наука и демократия в области политической — результат промышленного переворота». Этот экономический переворот повлек за собой решительные политические реформы, точно так же как французская революция 1789 г., поставив у власти буржуазию, дала мощный толчок развитию капитализма на континенте. Значение крупной индустрии было столь велико, что историк промышленного переворота Мантуа замечает: «Было много политических революций с более ярким ударом, но мало — более глубоких». Промышленный переворот глубоко революционен потому, что он уничтожил старое общество: на смену феодальному строю пришло буржуазное общество.

Основные классы капиталистического общества.

Этот переворот, как и всякая революция, подготовлялся десятилетиями. Только ко второй половине XIX в. он закончился в главных странах Европы (Англия, Франция и Германия) решительной победой машинного производства.

На арену истории выступили теперь новые классы — буржуазия и пролетариат. Борьба этих классов должна решить в современном обществе судьбу капитализма, как раньше — в ходе классовой борьбы буржуазии и дворян-землевладельцев — решалась судьба феодализма. Буржуазия, экономически передовой класс, в эпоху промышленного переворота и политической революции боролась с дворянством и духовенством, реакционными классами общества. Буржуазия шла тогда впереди народных масс. В то время буржуазия была революционным классом. Картина резко изменилась, когда на историческую сцену выступило «четвертое сословие» — пролетариат. Буржуазия в настоящее время объединяет вокруг себя все группы собственников, в том числе и остатки феодальных классов (офицерство, духовенство, помещиков), против пролетариата, условием освобождения которого является уничтожение всякой собственности и классов. Буржуазия стала реакционным классом, пролетариат же, ряды которого пополняются разоренными мощным развитием капитализма средними слоями населения, — классом революционным. Буржуазия уничтожила все фетиши, созданные феодализмом, поставив на место патриархальных отношений голый эгоистический расчет. Пролетариат уничтожит фетиши буржуазной демократии, воздвигнутые на основе

экономического неравенства. Пролетарская диктатура разобьет власть буржуазии. Богатство меньшинства, созданное трудящимся большинством, перейдет к обществу, бесклассовое коммунистическое общество станет своим собственным господином. Чтобы понять, как пролетарское общество придет на смену буржуазному, следует раньше выяснить происхождение современного капиталистического общества, понять развитие и исход в нем классовой борьбы. (См. в конце главы материалы и документы, № 16.)

Капитал и рабочая сила — основные элементы капитализма.

Для создания капиталистического строя необходимо, чтобы в соприкосновение друг с другом вступили, с одной стороны, собственник средств производства и существования, которому требуется закупить рабочую силу для дальнейшего увеличения его прибавочной стоимости, и, с другой стороны — «свободный» рабочий, продавец своей рабочей силы, лишенный средств производства. При этом рабочий должен быть свободным в двояком смысле: он сам не должен быть средством производства, как раб или крепостной, и не должен владеть орудиями производства. Средства существования и средства производства должны стать капиталом, т. е. должны находиться в руках покупателей рабочей силы, а рабочие должны быть наемными рабочими, отделенными от средств производства. Капитал и рабочая сила — вот основные элементы капиталистического общества. Как создались эти элементы? «Исторический процесс отделения производителя от средств производства» объясняет нам возникновение капитализма. Этот процесс насильственной экспроприации производителей есть процесс «первоначального накопления». Буржуазное общество потому и называется капиталистическим, что капитал — его движущая сила. Но капитал образуется путем накопления прибавочной стоимости, а прибавочная стоимость создается лишь в процессе капиталистического производства. «Последнее же предполагает наличность значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей» (Маркс). Создается таким образом порочный круг, выход из которого мы находим, предположив, что «капиталистическому накоплению предшествовало накопление «первоначальное», накопление, являющееся не результатом капиталистического производства, а его исходным пунктом».

Это первоначальное накопление, как мы увидим впоследствии, было насильственной революцией имущих классов против неимущих. Корни этой революции — в докапиталистическом обществе. «Экономическая структура капиталистического общества, — говорит Маркс, — выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого». Классической страной этого переворота была Англия. Вот почему на изучении этой страны мы и останавливаемся в первую очередь.

Англия — передовая страна капиталистического развития.

Почему в Англии экономическое развитие пошло быстрее, чем в других странах? Прежде всего отметим, что не всегда Англия была страной передовой. Еще в XV столетии Англия была государством экономически отсталым. Италия раньше других стран вступила на путь капиталистического развития. Испания, Португалия, Голландия и Франция конкурировали с Англией на протяжении столетий. Только с XVI в. выступает на арену истории Англия как экономический конкурент великих держав, и лишь со второй половины XVIII в. может итти речь об Англии как о капиталистическом властелине мира. Какие причины привели Англию, страну экономически отсталую по сравнению с другими европейскими государствами, к ее окончательной победе над ними? Как она стала классической страной капиталистического развития? Обычно указывают на преимущества ее географического положения. Островной характер Англии, умеренный климат, обилие морских гаваней, судоходных рек — вот причины, на которые обычно ссылаются, объясняя быстрый экономический рост Англии. К этому прибавляют еще иногда «расовые и национальные особенности», мускульную крепость и выносливость англичан. Но при всем безусловном значении географических моментов они однако не играли решающей роли до XVI в. и лишь с конца XVIII в. сделали Англию капиталистической страной в современном смысле этого слова.

Дело тут, как мы видим, не только в географическом расположении Англии и не в ее благоприятных климатических условиях. Эти условия оказали значительное влияние только тогда, когда открытие Нового Света втянуло Англию в международную торговлю, в колониальную политику. Английский капитализм укрепился благодаря огромным барышам, выручаемым в торговле, и благодаря эксплоатации богатств и рабочей силы европейских и в особенности заокеанских стран. Только с развитием мировой торговли обнаружились и другие преимущества английского общественного развития: уничтожение таможенных предприятий и цехов внутри страны, относительная буржуазная свобода, которой в XVIII в. пользовалась Англия в отличие от континентальных стран Европы. Но преимущества английского общественного строя также коренятся в ее собственном эко-

номическом развитии. Здесь и только здесь, а не во внешних факторах, мы и будем искать основную причину чрезвычайно мощного накопления капитала и рабочей силы в стране.

Рост торговли и колониальное расширение Англии.

До формирования промышленно-капиталистического общества купец выступал как организатор производства. Обратим поэтому внимание прежде всего на развитие торговли и колониальное расширение Англии за XV—XVIII вв. Говоря о торговле, мы имеем в виду не столько внутреннюю, сколько внешнюю торговлю с заморскими странами. Благородные металлы, дорогие материи, пряности, предметы роскоши и искусства — вот чем торговали в то время народы. Впоследствии внешняя торговля доставляла стране необходимое сырье для производства: хлопок, шелк-сырец и т. д. Хотя к началу XVIII в. внешняя торговля составляла $^1/_6$ часть оборотов внутренней торговли, но только она и создавала капиталы, необходимые для развития английской промышленности. Приведем несколько цифр, которые покажут нам рост внешней торговли страны. Правда, цифры будут ничтожны по сравнению с современной английской торговлей, но не забудем, что в начале XVIII в. в Англии было в 6 раз меньше населения, чем теперь.

В 1688 г. общая сумма ввоза и вывоза Англии равнялась около 11,5 млн. ф. ст.; в 1750 г. она поднялась до 20,9 млн., а в 1798 г. — до 52,4 млн. ф. ст. Росту торгового могущества страны соответствует и рост ее торгового флота: вместимость коммерческих судов, вышедших из английских портов в 1700 г., не превышала 317 тыс. *m* (вместимость флота одного ливерпульского порта в настоящее время в 35 раз больше). Эта цифра в 1737 г. достигает 503 тыс. *m*, в 1774 г. — 864 тыс. *m*, в 1787 г. — 1 405 тыс. *m*, а в 1801 г. — 1 958 тыс. *m*. На росте торговой и морской мощи Англии воздвигалось и ее экономическое могущество.

История Англии — история ее колониального расширения. К середине XVIII в. колонии стали главным рынком Англии: $^1/_3$ ее вывоза направлялась туда. В 1770 г. Америка закупала $^3/_4$ всего производства Манчестера. В 1767 г. один остров Ямайка покупал столько товаров Англии, сколько в 1704 г. все английские колонии, вместе взятые. Этот рост колониальной мощи Англии происходил постепенно. Первая фаза ее расширения начинается с конца XV в. В 1581 г. основывается Левантская компания для торговли с Турцией. В 1600 г. учреждается Ост-индская компания для торговли с Индией. (Мат. и док., № 3.) Но лишь через столетие могла итти речь об изменении, заметном для других. Второй период расширения страны относится к эпохе революции 1648 г. Победа торговой буржуазии, в лице Кромвеля, в годы первой революции положила начало ее коммерческому могуществу. В этой второй фазе своего расширения Англия нанесла удар Испании. До конца XVII в. тянется борьба между Голландией и Англией за колониальное господство. С XVIII в., в союзе с Голландией, Англия выступает на борьбу с Францией. Эта борьба занимает все XVIII столетие и продолжается до победы над Наполеоном. Из последних 126 лет Англия воюет 64 года. При этом семь войн XVIII столетия приходятся главным образом на войны с Францией. Какое значение имело расширение Англии для ее экономического развития? «Они (колонии) обеспечивали ей монополию на лучшие рынки для приобретения сырых материалов и для продажи мануфактурных товаров». Вот почему французские промышленники, да и не только они одни, жаловались в конце XVIII и в начале XIX в., что нет никакой возможности существовать: «Английские купцы монопольно владеют сырьем, и поэтому их производство стоит на 40% дешевле. Если даже назначить высокие таможенные пошлины (увеличить их на 25—30%), то и тогда англичанам выгоднее торговать, чем французам». Эти преимущества имели решающее значение для накопления капитала. Они-то и служили стимулом для его развития.

Насильственный характер процесса накопления капитала.

«Накопление капитала, — говорит Маркс, — это история, вписанная в летопись человечества мечом и огнем». Накопление капитала невозможно было в рамках ремесла или торговли. Какие бы высокие цены ни назначал на свои товары купец, торговля в эпоху докапиталистическую была связана с такими огромными расходами, что не могла приносить высокой прибыли. Вот пример величины торговых капиталов в Европе к концу средних веков; один купец, Ричард Пединкат, жалуется: «Я торговал шерстью, сыром и маслом и был арестован во Фландрии за долги казне, которые были с меня взысканы в сумме 14 ф. ст. 17 шилл., и я лишился всего, что имел». Это был далеко не бедный купец. Крупные капиталы в докапиталистическую эпоху были у королей, крупных землевладельцев. У представителей других сословий для торговли и производства они могли образоваться только путем ростовщичества. Но, чтобы получать процент, надо иметь достаточный капитал для ссуды. Этот капитал создавался путем грабежа колоний, главным образом потому, что колониальный грабеж не ставил никаких пределов для накопления богатств. Из колоний вывозили в большом количестве золото и серебро. Так в 1493—1520 гг. из Африки было вывезено золота на 8 370 тыс. марок. Америка к концу XVI в. была поставщи-

цей драгоценных металлов: она доставляла Европе более $^4/_5$ золота и серебра. Путем грабежа отдельные чиновники и купцы выкачивали благородные металлы из колоний. Купцы доставляли товары колонистам и наживали иногда на этом 500%. Туземцев заставляли покупать вещи, об употреблении которых те не имели представления. Особенно прибыльна была торговля рабами. Из Африки вывозили ежегодно до 1 500 тыс. рабов, причем эта торговля давала обычно 50%, а часто и 180% прибыли. (Мат. и док., № 3.) Немалое значение имел труд рабов как предмет эксплоатации европейских предпринимателей. «Принудительный труд в колониях был правилом. Выражался он в участии в доходах производства, в обязательной работе для людей некогда свободных и наконец—в полном рабстве». «Истинное богатство вновь открытых земель составляют их жители», — говорил еще раньше Колумб. Для характеристики колониального грабежа приведем следующий пример: в 1617 г. на островах Банда 17 членов привилегированной компании потребовали выполнения предписания от 1615 г. об истреблении населения и заселении островов более покорными племенами или рабами. Это постановление было приведено в исполнение: 15 тыс. человек пало в интересах 17. В проведении политики насильственного накопления капитала государство было всецело на стороне купцов и колонизаторов. Оно и само принимало участие в грабеже. Государственная власть Англии рядом мер покровительствовала торговле. К этим мерам относится изданный Кромвелем навигационный акт 1651 г. (Мат. и док., № 4.) Этот акт должен был утвердить морскую мощь Англии, ее господство над европейским континентом. Вывоз товаров из Европы и колоний разрешался только на английских кораблях. Специальные меры должны были затормозить развитие промышленности в колониях и покровительствовать доставке необходимых продуктов Англии. К этой же системе мер поощрения накопления капитала относится и налоговая политика государства, ее таможенная политика и «система общественного кредита», т. е. государственный долг, который в 1817 г., вследствие войны с Францией, достиг 850 млн. ф. ст. Налоги падали всецело на народные массы. Сдача их сбора в откуп служила обогащению капиталистов. Система протекционизма должна была охранять промышленность страны от иностранной конкуренции. «Это было средством фабриковать фабрикантов» (Маркс). Кроме того миллионные капиталы попадали непосредственно в карманы фабрикантов с целью поощрения национальной промышленности (в Англии, правда, меньше, чем в других странах). Так был создан один из основных элементов капитализма — **капитал**. Но пустить его в производство возможно было при наличии достаточной массы рабочих, вынужденных продавать свой труд.

Обезземеление крестьянства.

Лишенная собственности и изгнанная из деревни крестьянская масса — вот источник необходимой капитализму рабочей силы. Два фактора способствовали процессу экспроприации крестьянина-производителя: переход от пашен к пастбищам в интересах производства шерсти и превращение поместья в хлебную фабрику. Эти процессы явились результатом проникновения капитализма в английскую деревню и роста городов в связи с индустриализацией страны.

Процесс личного раскрепощения крестьян в Англии закончился в XIV в., в результате развития денежного хозяйства. Но прогресс последнего означал успешную эксплоатацию крестьянской земли. Островное положение Англии особенно благоприятствовало расширению внешней торговли XVI в. Богатые пастбища, разведение овец для производства шерсти давали огромные доходы владельцам и вели к тому, что «овцы поели людей». (Мат. и док., № 5.) За 1699—1701 гг. вывоз шерстяных изделий составлял $^2/_5$ всей вывозной торговли Англии, а в 1679—1771 гг. был равен $^1/_3$ всего вывоза. В течение первых 30 лет XV в. цена шерсти стояла высоко: 28 фунтов стоили 8 шилл. $^1/_4$ пенса; с 1541 по 1580 г. она увеличилась до 17 шилл. 4 пенсов. Это делало затрату капитала в сельском хозяйстве на производство шерсти наиболее выгодным занятием. Поэтому недаром шерсть в Англии считали «священным предметом» и основой английского благосостояния. Усиленный спрос на английскую шерсть, вызвавший расширение пастбищ, и послужил причиной обострения процесса экспроприации крестьянства в первый его период, с конца XV до конца XVI в., чтобы после незначительного затишья на протяжении 150 лет, со второй половины XVIII в., снова достигнуть огромной силы и закончиться лишь ко второй половине XIX столетия. Но выясним раньше, что представляла собой английская деревня до аграрного переворота.

Английская деревня до аграрной революции.

Сущность аграрной революции в Англии сводилась к замене земледелия скотоводством, земледелия по прежней системе открытых полей — пастбищем и сбором хлеба на обширных огороженных участках. До этой революции английское земледельческое население было подавляющим большинством страны, классом независимых мелких землевладельцев. «Феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно бо́льшим количеством лично зависимых крестьян» (Маркс). Мощь господ определялась числом их подданных. Поэтому они сохранили массу крестьян, ведущих

самостоятельное хозяйство. Еще в XV столетии английские йомены (крестьяне-землевладельцы) процветали. Правда, старинное английское поместье (мэнор) было как нечто целое разрушено уже к XV столетию, но в общем земля в деревне делилась: на домен (земля лорда), землю, находящуюся в свободном держании, землю крепостную, отданную на условии «обычного держания» (земля копигольдеров). Сюда же следует отнести и общинные земли, пустоши и выгоны. Из десятилетия в десятилетие эта система усложнялась, земля переходила из рук в руки. Мэнор часто делился на части, но в общем и целом в английском приходе сохранились три класса: незначительный класс свободных держателей, многочисленный класс держателей на основе обычая, т. е. издавна владевших землей в мэноре, и крестьян-котеджеров, которые имели небольшой клочок земли и жили за счет продажи своей рабочей силы.

Для землевладения Англии до аграрной революции характерна чересполосица. Ни один из землевладельцев не владел целым участком земли в приходе: эта земля состояла из разбросанных полос в разных концах прихода. В одном документе той эпохи мы узнаем, что «земля крестьянина В. Лукаса к 1750 г. состояла из 47 полос, расположенных на всей территории прихода». Следует также отметить как характерную черту старинной английской деревни существование общинного севооборота. Индивидуальный собственник не мог распоряжаться своей землей: его занятие зависело от всей крестьянской общины. Этим распорядкам подчинялась и земля лорда, чьи полосы лежали между полосами крестьянской земли и обрабатывались трудом крестьян. Что касается общинных выгонов, пустошей, лесов, то хотя пользование ими предоставлено было всем, но уже со времени Мертонского статута 1235 г. устанавливается, что лорды могут эксплоатировать свои леса, пастбища и пустоши, не обращая внимания на жалобы рыцарей и фригольдеров, которым они пожаловали в лен мелкие наделы в своих мэнорах. Последнее ограничение пало, когда с конца XV столетия лорды приступили к присвоению и огораживанию этих земель. Установился взгляд, что лорды — хозяева над этой землей и «право пользования общинными землями зависит от размеров собственного участка земли». «Это — земли не всех крестьян, но только собственников», — так рассуждали в то время. Вначале подобная теория служила оправданием для экспроприации крестьян. Государство в XV и XVI вв. еще выступало против захвата земель и чрезмерного разведения овец. Так постановление 1574 г. запрещало одному лицу держать более 200 овец. Государство проводило эту меру тогда, когда недостаточное развитие капитализма делало из крестьян мелких собственников — опору государственной политики, но лорды выступали и в это время против закона и обходили его в своих интересах.

Таким образом английская деревня до переворота представляла собой замкнутое целое, на основе натурального хозяйства, где не было места хозяйственной инициативе: она не была приноровлена к запросам расширенной торговли и промышленности. Радикальное изменение было внесено аграрной революцией.

Насильственный характер процесса обезземеления крестьян.

В XIV и XV столетиях по размерам пастбищная земля в приходе относилась к пахотной, как единица к трем или четырем, т. е. была в 3 или 4 раза меньше последней; в XVII столетии — как 1:1, а к началу XIX столетия — как 3:1, т. е. пастбищ было в три раза больше по площади, чем пашен. Как происходил процесс замены пашен пастбищами и образование крупной земельной собственности? Что касается лордов, то они в своих интересах разводили овец на своих участках. Эти участки они огораживали, причем, как видно из одного отчета 1549 г., считалось, что слово «огораживание» неприменимо к тем случаям, когда кто-либо ставил изгородь или плетень на своей собственной земле, где никто не имел выгона. Но прямые интересы заставляли также и свободных держателей, фригольдеров, часто огораживать свои участки и переходить к овцеводству без принуждения. Процесс объединения мелких полос в одни или половину акра (акр — $\frac{1}{2}$ десятины) в более крупные участки или огораживание участка в 3—4 акра соответствовали интересам наиболее богатых держателей. Лорды как и крестьяне-собственники, были заинтересованы и в разделе общинных земель. Оставалась огромная масса держателей по обычаю; они-то и были экспроприированы. При этом наиболее пострадали крестьяне-котеджеры, т. е. те земледельцы, которые владели небольшим участком земли и работали на земле собственников. Держатели-обычники владели землею по положению, которое определялось как владение «в зависимости от воли лордов». Лорд смотрел поэтому на себя как на хозяина крестьянской земли. Крепостной держатель земли имел в своей собственности, как иногда говорили крестьяне, «только свое брюхо». А так как чересполосица крестьянского землевладения и общинные порядки севооборота, как и общинные пастбища, мешали расширению овцеводства, то лорды выгоняли крестьян и захватывали их землю. Правда, обезземеление деревни началось в Англии еще раньше, как непосредственный результат развития городов, ремесла и торговли или как последствие эпидемии чумы — («черной смерти»)

(1348 г.). Крестьяне-держатели нередко сами были заинтересованы в объединении своих полос и в огораживании общинных земель для разведения овец. Иногда необеспеченность положения котеджера или крестьянина-держателя заставляла его с радостью возвращать землю лорду или бросать ее, чтобы зарабатывать на жизнь в качестве рабочего-батрака. Мы видим таким образом, что процесс обезземеления крестьян имеет свои экономические причины, объясняющие насильственный характер процесса обезземеления. Но отсюда делается некоторыми учеными совершенно неправильный вывод, что процесс обезземеления крестьян был результатом мирного экономического развития. Они пытаются опровергнуть Маркса, который видел в экспроприации крестьян одну из самых жестоких насильственных революций в истории.

В этом вопросе, как и в вопросе накопления капитала, мы имеем дело с революцией. Остановимся на процессе огораживания земель, которое мы выше изобразили. Лорд огораживал свой участок, подрывая тем самым всю систему общинного землевладения, так как его полосы были расположены вперемежку с крестьянскими. А так как лорд был богатым собственником, то крестьянину пришлось приспособиться к новым условиям хозяйственного развития. Лорд переходил, скажем, от пашни к разведению овец; он лишал котеджера тем самым дополнительного заработка и заставлял последнего покинуть деревню. Но лорд чаще — и это было правилом — просто сгонял крестьянина с земли, «очищая» землю от держателя. Нам остался ряд записей, свидетельствующих об этом грабеже. Вот одна запись: «Такой-то держит в деревне усадьбу, со столькими-то акрами земли, которые раньше находились под пашней. В настоящее время усадьба пришла в упадок, а земля превращена в пастбище и находится в руках лорда». Документы сообщают нам о росте пастбищ, о том, что «обработка пашен пришла в упадок, церкви и дома разрушены и громадные массы людей лишены возможности прокармливать себя и свои семьи». Издавались раньше специальные законы, которыми запрещали разрушать крестьянские дома (например акт Генриха VII от 1489 г.). Но разрушение крестьянских домов становилось массовым явлением, и все законы были тщетны. Новый сильный толчок насильственная экспроприация крестьян получила в XVI столетии благодаря реформации и переходу огромных земельных богатств церкви в руки короля. Эти земли раздавались лордам и были предметом спекуляции. Купцы проникали в деревню, сгоняли наследственных арендаторов и разводили овец. Но до второй половины XVIII столетия независимое крестьянство не исчезло в Англии. Оно было главной силой и опорой английской революции в XVII в., и, если в конце этого века в Англии существовало еще 180 тысяч фригольдеров, то через столетие они фактически исчезли. Во вторую половину XVIII в. исчез окончательно и класс йоменов. Таков вывод, к которому пришел известный английский экономист и путешественник Артур Юнг: «Их земли, — писал он, — попали в руки лордов-монополистов». На XVIII столетие, особенно на его вторую половину, падает усиление земельной экспроприации. Присмотримся к цифрам: с 1710 по 1760 г. было огорожено 300 тыс. акров, между тем как с 1760 по 1843 г. эта цифра достигла 7 млн.; с 1801 по 1831 г. экспроприировано было 3 511 770 акров земли, причем в XVIII в. особенно проявился процесс объединения отдельных участков и образования крупных ферм. Так в одном месте в 1778 г. 24 фермы слились в 3, в другом месте 30 ферм соединились в 2 и т. д. Причину особенного усиления огораживания и объединения земельных владений в конце XVIII и в начале XIX в. следует искать в переходе к капиталистическому земледелию, в развитии городов.

Постепенно менялось отношение государства к экспроприации крестьян, закончившись легальным «парламентским грабежом» земель (Мат. и док., № 8) к концу XVII в., когда «у власти стали наживалы из дворян и капиталистов» (Маркс). «Буржуазные капиталисты покровительствовали этой операции, между прочим, для того, чтобы превратить землю в предмет свободной торговли, расширить область крупного земледельческого производства, а вместе с тем увеличить приток из деревни рабочей силы — свободных, как птицы, пролетариев». Таким образом XVIII в., век колониального и торгового расцвета Англии, был вместе с тем веком ее аграрной и технической революции.

Прогресс сельского хозяйства в конце XVIII в.

Обезземеление крестьян вело к созданию широкого внутреннего рынка для потребления сельскохозяйственных продуктов. Крестьянин раньше производил все сам для собственного потребления. Теперь он должен был все покупать. Сырые материалы и предметы потребления превратились таким образом в товар. Отсюда — прогресс земледелия в конце XVIII в. Принудительный севооборот, чересполосица, споры о правах на пастбище, о границе земельных участков — все это было препятствием для прогресса земледелия. Только индивидуальная крупная земельная собственность не знала этих преград. Стремление к созданию крупного поместья стало стимулом имущих классов в конце XVIII в. В сельское хозяйство направился торговый капитал: купец становился землевладельцем, он разводил овец или расширял посевную площадь, выступая как предприни-

ниматель. Средний вывоз зерна с 1697 по 1765 г. вырос до 500 тыс. квартеров в год. Вместе с тем улучшалась обработка земли, усовершенствовались способы разведения скота, повышалась цена на хлеб и землю, происходил процесс капитализации сельского хозяйства. (Мат. и док., №№ 6, 8.)

Рост городов и индустриального населения Англии.

Проникновение капитала в деревню повлекло за собою не только обнищание крестьян и богатство помещиков. Этому процессу обязана Англия также ростом своих городов и индустриализацией страны. От 1700 до 1750 г. прирост английского населения равнялся 18%. Во вторую половину века, с 1760 по 1801 г., этот прирост достиг 59%, причем увеличение населения происходило главным образом в тех округах страны, где развивалась промышленность. Так в Ланкашире с 1700 по 1750 г. население увеличилось на 78%, в Йоркшире — на 52% (центры хлопчатобумажной и шерстяной мануфактуры), в то время как в Кенте, наиболее населенном земледельческом округе, прирост достиг лишь 20%. Росло население торговых и промышленных городов. Ливерпуль — важнейший торговый порт — в 1685 г. насчитывал 4 тыс. душ, а в 1760 г. — 35 тыс., в Манчестере население увеличилось с 6 до 40 тыс. и т. д. Происходила и профессиональная перегруппировка населения. Если к концу XVII столетия на 4 275 тыс. человек земледельческих классов приходилось 246 тыс., занятых торговлей, и 240 тыс., занятых мануфактурой, то в 1769 г. было первых 3 млн., вторых — 700 тыс., а третьих — 3 млн. Появилась и новая группа пауперов, нищих, численностью в 600 тыс. человек. Подобное изменение в составе населения было результатом не только аграрного переворота, но и промышленного роста страны.

От ремесла к фабрике.

Налицо имелись таким образом капитал и рабочая сила, как результат процесса первоначального накопления. Это были предпосылки для развития промышленности. Первая и основная ее отрасль, шерстяная промышленность, существовала в Англии в зародыше еще в XIII в. В XIV в. в Англию из Фландрии перенесено было искусство делать сукно. Некоторые из районов шерстяной промышленности страны обязаны своим происхождением переселению фламандцев еще в XIV столетии. В области сельского хозяйства ряд улучшений был результатом воздействия Голландии на Англию. Промышленные центры последней выросли в связи с развитием ее торговых городов. Так промышленность Ланкашира обязана своим прогрессом росту торговли Ливерпуля.

Денежное хозяйство уже давно разложило старый способ производства. Ремесло отделилось от земледельческого труда. С XIV и XV вв. под влиянием развития обмена распалась цеховая организация ремесла. Ремесленник, который раньше производил и сам продавал товары, сделался теперь их исключительным производителем. Из ряда ремесленников вышли те, кто взял на себя, вместе с расширением внутреннего рынка, доставку товаров от производителя к потребителю. Купец становился постепенно над ремесленником. Закон запрещал ремесленнику продавать, а купцу производить товары. Но впоследствии эти два рода деятельности объединились: купец выступил как организатор производства. Однако прежде чем промышленность стала фабричной, она прошла целый ряд ступеней. Обезземеление крестьян, необеспеченность их положения, а также стеснения цехов заставляли перенести промышленность из города в деревню. Только впоследствии, с развитием машинного производства, город становился опять центром индустрии. Вначале крестьянская семья из своего сырого материала, своими орудиями производства, собственными силами, в своем жилище производила предметы своего потребления. Впоследствии земледелец-промышленник добывает свой собственный сырой материал и, работая сам со своей семьей, производит пряжу или ткань, которую он продает на местном рынке или постоянным суконщикам, хозяевам-купцам; наконец владельцем сырья, а нередко и орудий производства, становится купец. (Мат. и док., № 10.) Домашняя, деревенская промышленность была особенно распространена в Англии во второй половине XVIII в. Решающим моментом в развитии домашней промышленности является тот момент, когда купец раздает крестьянам и средства производства. На основе широко распространенной домашней промышленности развивается в стране мануфактура. Но только появление машины создает современную фабрику.

Развитие промышленности находится в самой тесной связи с расширением торговли. Рост этот особенно заметен в шерстяном производстве. К концу XVII столетия в Англии получали шерсти с 12 млн. овец на 2 млн. ф. ст., а из них производили сукон-тканей на сумму до 7 млн. ф. ст.; в 1741 г. 17 млн. овец дают шерсть на 3 млн. ф. ст., а готовый продукт из них равен по ценности 8 млн. ф. ст.; в 1780 г. 5 млн. фунтов сырой шерсти дают на 13 млн. ф. ст. тканей. Этот же рост заметен и в других отраслях промышленности. Купец с ростом своих оборотов вынужден установить более строгий контроль как над сырьем, так и над процессом производства. Для этого он стремится, кроме организации производства (снабжение сырьем, орудиями производства и т. д.), разбросанных

по приходам крестьян собрать воедино, под одной крышей. Так создалась мануфактура. Купец таким образом или объединял самостоятельных производителей, или соединял тех из них, которые специализировались на какой-нибудь частичной операции в единой промышленной организации. Это вело к чрезвычайно детальному разделению труда, являющемуся предпосылкой технической революции. Но как бы далеко ни шло разделение труда на мануфактуре до появления машин, крупные предприятия являлись, вообще говоря, исключением. Мануфактурная стадия промышленной деятельности — это переходная форма при переходе промышленности от деревенской индустрии к фабрике. (Мат. и док., № 10.)

Труд и капитал до переворота.

До появления машин отделение промышленного труда от земледельческого не достигало еще больших размеров. Сельский промышленник часто обрабатывал землю сам. Понятие «фабрикант» не имело современного значения: так называли каждого работника в промышленности. Кровавое законодательство против рабочих (XIV—XV вв.) относилось преимущественно к сельскохозяйственным рабочим. Ряд законов, изданных на протяжении столетий, угрожал безработному крестьянину смертной казнью или рабством. Это законодательство было направлено против сельских и городских нищих. Законы государства вынуждали крестьян работать на помещика на условиях, им предписанных, но эти же законы в конце XVIII в. обеспечили фабрикантов рабочей силой. Нищие, находящиеся на содержании приходов, сохранились в Англии вплоть до XIX в., как «рабы приходов», которыми снабжались фабриканты по первому их требованию. Однако в области ремесла и домашней промышленности отношения между трудом и капиталом долго оставались патриархальными.

Социальные конфликты, как правило, были редки. Дело опять-таки изменила машина и связанная с нею фабрика-казарма.

Появление машины.

Как ни часты были технические усовершенствования до половины XVIII столетия, они не могли по своему значению сравниться с изобретениями конца XVIII в. Изобретения в прошлом не использованы были в такой мере и никогда не имели того характера и значения, как в эпоху капитализма. Впервые новые изобретения появляются в текстильном производстве, в хлопчатобумажном деле. Это объясняется прежде всего тем, что эта отрасль была более концентрирована, чем другие. Она была новой, меньше других страдала от цеховых пережитков; а бумажные товары вообще стоили дешевле шерстяных. Вот почему сюда направил свой взор технический гений. Нужно при этом не забывать, что стремление к техническим усовершенствованиям вызвано было еще и тем, что предприниматели, ввиду падения цен на предметы производства, стремились к его удешевлению; это возможно было достигнуть лишь уменьшением расходов по производству и прежде всего удешевлением рабочей силы. В том и другом случаях могла помочь только машина. Таким образом достаточно широкое развитие промышленности в Англии, специализация труда, созданная мануфактурой, предшествующие технические усовершенствования, особенные условия хлопчатобумажной промышленности и экономическая заинтересованность буржуазии — вот что определило изобретение машин. Последовательность в изобретениях лучше всего подтверждает это положение. В 1733 г. самолетный ткацкий челнок Дж. Кэя вызвал потребность в усиленном производстве пряжи. Попытки Уатта и Поля дали возможность Аркрайту в 1769 г. изобрести прядильный станок, а в 1764 г. Харгривс сконструировал машину «Джении», которая давала тонкую пряжу; машина Кромптона в 1778 г. объединила оба последние изобретения («мюль джении»). Увеличение выработки пряжи сделало необходимым изобретение ткацкого станка в 1778 г. Картрайтом. Все эти изобретения создавали «машину, которая пряла без пальцев». Так достигнуты были технические усовершенствования в отношении одной, самой главной части рабочего процесса — ручного труда. Впоследствии изобретения коснулись и двигательной механической силы. В 1769 г. Д. Уатт взял патент на паровую машину. Она применена была в хлопчатобумажном производстве только через 16 лет. Расцвет машинного производства относится к половине XIX в. Но уже в последнюю треть XVIII в. исход технического переворота был решен. С появлением машин появилась и фабрика. «Размер стоимости сложной машины, применение двигателей совокупным действием привели труд из домашней промышленности в огромную фабрику». Фабрика и машины открыли беспредельные возможности для расширения производства и создали предпосылки общественного переворота, чего не могли сделать мануфактура и домашняя промышленность, построенные на ремесленном базисе. С конца XVIII в. проявилось это революционное значение машин в Англии.

Машина повлекла за собою небывалое применение женского и детского труда, усилив эксплоатацию рабочих. Машина сокращала рабочее время, необходимое для производства товаров, удешевляла их. Но она увеличивала рабочий день, уменьшала заработную плату и создавала постоянную резервную армию. Все это, вместе с кризисом капиталистического общества, ставило рабочего в особенно неблагоприятное положение, как продавца рабочей силы. Капиталист,

усиливая эксплоатацию при помощи машин, уменьшал издержки производства. Покрывая в кратчайший срок расходы по оборудованию предприятия и покупке машин, он тем самым увеличивал свою прибыль. Машина разрушила промышленную идиллию прошлого, превратив рабочего в свой придаток. Поэтому рабочие вначале ненавидели машину. Они боролись с нею, а не с капиталистическим строем, превращающим машину в врага рабочего. Но машина и фабрика сплачивали рабочего и тем самым делали возможным его успешную борьбу с буржуазией. (Мат. и док., № 11.)

Социальные отношения в Англии после переворота.

Экономическая революция второй половины XVIII в. в полной мере закончилась лишь к половине XIX в., но общий характер социальных изменений наметился четко уже к концу XVIII в.

Новые социальные отношения постепенно складывались на базе капиталистического расцвета Англии с конца XVIII в. Об этом свидетельствуют цифры помещенных ниже таблиц о внешней торговле страны, о производстве угля, железа и особенно цифры роста текстильной промышленности в связи с увеличением ввоза хлопка в страну. (См. табл. № 2, док. № 1.)

Экономическая революция, которая происходила в Англии во второй половине XVIII в., подготовлялась на протяжении столетий. Она и определила характерную особенность английского общественного развития: сближение и срастание интересов дворянства и торгового класса. Из родословной купцов XVI и XVII столетий мы узнаем, что многие из них были дворянами, знатными лордами. Так богатые купцы XV и XVI вв. Горны — потомки Ульриха Горна, деда Роллана, герцога Нормандского; Дж. Лоутер, получивший в 1784 г. титул графа Лонсдель, был правнуком купца, торговавшего с Турцией, и т. д. Эта фактическая связь между денежной и землевладельческой аристократией и была основой политического строя Англии. «Славная» революция 1688 г. была совершена этим союзом. Вильгельм III Оранский, пришедший на смену Карлу II, по приезде в Лондон получил поддержку купцов и банкиров. Основанный в это время Английский банк должен был служить экономической базой нового государственного строя. Английская конституция, как и английский парламент, в руках аристократии собственнических классов, в условиях экономического процветания страны помогли Англии избежать революции. Виги были партией капиталистических элементов страны. Тори представляли интересы землевладения. Борьба вигов и торн заполняет всю первую половину XVIII в. Во второй половине, с ростом капиталистической промышленности и аграрной революции, политические отношения меняются, хотя в общем и целом Англия остается такой, какой она вышла из революции 1688 г. Билль о правах, конституционный акт этой революции, остался основой политического строя Англии. (Мат. и док., № 12.)

Политический строй Англии XVIII в.

Со второй половины XVIII в. проникновение капитализма в земледелие превратило землевладельческий капитал в решающую политическую силу и сблизило его с торговым монополистическим капиталом. Партия торн становилась как бы основой конституционного режима Англии, а виги распадались. Часть их примыкала к торн, а другая, незначительная, представляющая интересы промышленного капитала, выделилась в особую партию — радикальных вигов (Фокс, Шеридан). Это распадение вигов обнаружилось особенно в эпоху французской революции. К концу XVIII столетия правительство Англии, во главе с министром Питтом-младшим, представляло интересы старопромышленной Англии (союза торн и вигов). Но этот союз шел, как правило, навстречу интересам капиталистического развития. Идеалом для передовых элементов страны был А. Смит, основатель буржуазной политэкономии. Если к концу XVIII в. в области экономической происходила революция, то политическая и общественная жизнь Англии еще полна была пережитками феодализма. Регламентация промышленности, отсутствие свободы торговли, высокие таможенные пошлины и ряд законов по регулированию заработной платы мировыми судьями, законы о семилетнем ученичестве, о налоге на бедных, хлебный закон, покровительствующий интересам землевладения во вред промышленности, — все это мешало развитию капитализма. В области управления государством дело обстояло не лучше. Палата лордов находилась всецело в руках землевладельцев-аристократов. В Палате общин, избранной 160 тыс. избирателей на 8 млн. жителей Англии, из 658 депутатов 487 были дворяне или лица по рекомендации дворян, 100 с лишним депутатов были от графств, остальные — представители местных городских советов или захудалых «гнилых местечек», которые давно потеряли свое значение, как города, и находились в руках дворян. (Мат. и док., № 13.) Местное самоуправление в приходах и городах было всецело в руках дворян; судебная власть — тоже. Классовая юстиция и классовое управление Англии чувствовались особенно там, где затрагивались интересы землевладельцев: в вопросах обезземеления крестьян или торговли хлебом. Конечно подобный политический строй противоречил интересам новых промышленных классов, но они не были в конце XVIII в. в силах изменить его. Требование избирательной реформы

становилось их основным требованием. В конце XVIII в. борьба шла главным образом за свободу печати, за публичность заседаний парламента, за равноправие католиков. Во всех этих вопросах лишь постепенно и в результате борьбы удалось установить основное начало той свободы, которой гордилась в свое время буржуазная Англия. В это же время установилось и так называемое ответственное министерство. Последнее возникло в Англии потому, что существование исключительно только двух партий и усиление значения парламента делали министерство зависимым от той или другой партии парламента, его большинства. Укреплялось буржуазное общественное мнение, росла печать как особая держава — росла буржуазная Англия.

А. Смит и его учение.

В области экономической А. Смит выступил как носитель идей свободной торговли и свободной промышленности, как идеолог широких масс предпринимателей против торговой аристократии. А. Смит вел борьбу против монопольных компаний внешней торговли, против ограничений, затрудняющих международные торговые отношения, против регламентации промышленности. Его основной труд «Богатство народов» (1776) был евангелием свободной конкуренции. А. Смит однако писал во время домашнего производства, в эпоху мануфактуры. Вот почему у него заметна еще высокая оценка земледелия по сравнению с промышленностью и некоторое миролюбие в отношении рабочих. Он знает единственную силу экономического развития: личную заинтересованность и свободу промышленной и торговой деятельности. Заключение торгового договора 1786 г. между Англией и Францией означало победу новых принципов в области экономических отношений между народами, принципов, провозглашенных А. Смитом. (Мат. и док., № 14.)

Идеология буржуазии и пролетариата к концу XVIII в.

Экономически и политически побеждающая буржуазия формировала свою идеологию, направленную не только против прошлого, но и против будущего, против пролетариата.

Учение Мальтуса о том, что средства существования растут медленнее (в арифметической прогрессии), а население быстрее (в геометрической прогрессии), должно было служить обоснованием вечности капиталистического порядка. Ряд других экономистов буржуазии обосновывает полезность усиленной эксплоатации рабочих, даже детей, как воспитательной меры для народа. Эти меры должны приучить рабочих к труду, излечить их от «пьянства и лени».

Таким образом промышленный переворот не только экономически оформлял буржуазный класс, но и идеологически делал его зрелым, противопоставляя его всем остальным классам: землевладельческой аристократии и рабочему классу. Последний также родился вместе с промышленным переворотом. Но только с конца XVIII в. он постепенно начал складываться в пролетариат в современном смысле этого слова. Однако страдания масс в ходе промышленной революции не могли не вызвать попыток в их среде осознать причины бедствий и найти пути к избавлению. Причем мысль идеологов рабочей массы естественно направлялась в сторону социально-экономическую: почему огромное богатство Англии порождает нищету? Среди социалистов-утопистов этой эпохи следует отметить Спенса, Ч. Холла и Годвина. Характерным для них является критика института собственности и поиски наилучшей аграрной реформы. Годвина среди этих утопистов отличает не только острота и талантливость критики существующего строя, но и понимание полезности машины. Годвин — «анархист-индивидуалист», он видит главное зло в существовании государства и против него направляет острие своей критики. Но он силен лишь в критике экономического неравенства; он противопоставляет богатых бедным, но не пролетариат буржуазии. (Мат. и док., № 15.)

Революционно-реалистической программе буржуазии противостояла в конце XVIII в. утопическая программа рабочих.

С конца XVIII в. наступает эпоха безраздельного господства буржуазии. Начало ему положила промышленная революция.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА.

Материалы и документы настоящей главы сгруппированы вокруг следующих основных моментов: 1) состояние внешней торговли, 2) аграрная революция, 3) революция в промышленности, 4) политический строй и 5) идеология основных классов.

Документ № 1 и таблица № 2 дают общее представление об изменениях в хозяйственном строе Англии XVIII в. Документ № 1 дает оценку этого развития в представлении вождя английской буржуазии — министра Питта. Оба документа могут быть проработаны и после анализа различных сторон хозяйственного строя Англии, как итог лабораторных занятий. Таблица № 2 может быть использована также для составления диаграммы.

Документы №№ 3 и 4 посвящены английской внешней торговле, методам колониальной и торговой поли-

тики Англии эпохи первоначального накопления. Документ № 3, посвященный Ост-индской компании, дает для этого много материала; учащиеся могут его проработать, ответив на вопросы об организации Ост-индской компании, о размерах прибылей и о характере колониальной торговли. Документ № 4 может быть проработан под углом зрения характеристики протекционистской политики английского государства эпохи торгового капитала.

Следующий отдел посвящен аграрной революции. Документы этого раздела, №№ 5, 6, 7, 8, посвящены характеристике сущности и различных способов обезземеления крестьян. Документ № 5 — отрывок из «Утопии» Т. Мора — может быть использован как иллюстративный материал для характеристики процесса насильственного обезземеления; таково назначение и документа № 7. Для проработки служат №№ 6 и 8; таблицу № 8 следует использовать для составления диаграммы, сопоставив в кривую роста цен на хлеб в Англии первой и второй половины XVIII в. Документ № 6 должен вскрыть экономическую сущность процесса обезземеления с точки зрения капитализации сельского хозяйства и дать ответ на следующие вопросы: а) как совершался раздел общинных земель; б) что выгоднее — огороженный или неогороженный участок; в) приблизительные размеры участка земли, наиболее выгодные для сельского хозяйства; г) возможность ввести усовершенствование способов обработки земли на огороженном участке.

Следующий вопрос посвящен характеристике эволюции промышленности (документы №№ 9, 10, 11). Первый документ рисует организацию шерстопрядильной промышленности в XVIII в. до технического переворота. Отрывок из книги Гобсона «Эволюция современного капитализма» содержит описание организации текстильной промышленности современника — экономиста Дефо. На основании этого документа можно выявить характерные черты организации домашней индустрии. Документ № 11 — классическое описание мануфактуры. Может быть использован как и документ № 9. Документ № 11 может быть также использован для характеристики условий труда ремесленников до появления машины и после ее введения в текстильном производстве.

Следующий раздел посвящен характеристике политического строя, документы №№ 12 и 13. Следует на основании этих документов предложить установить основные конституционные положения английского государственного права. Документ № 13 должен дать конкретный иллюстративный материал к общим конституционным положениям «Билля о правах».

Для характеристики идеологии идущей к власти буржуазии, ее понимания основ экономической политики служит документ № 14.

Учащиеся могут на основании этого документа дать характеристику сущности свободной торговли эпохи промышленного капитала, противопоставив его протекционизму «Навигационного акта» (док. № 4) эпохи торгового капитала. Итогом лабораторной проработки задания может служить отрывок из «Коммунистического манифеста» № 16 об основных классах современного капиталистического общества.

Ко всей теме как минимум должны быть проработаны документы: №№ 4, 6, 10, 14.

ЛИТЕРАТУРА.

Основным учебником для углубленной проработки может служить книга Ц. Фридляндa, История Западной Европы, ч. 1, или Н. Лукина, Новейшая история Западной Европы, ч. 1 (для более подготовленных).

Для специальной проработки темы: К. Маркс, Капитал, т. I, гл. XXIV; «Коммунистический манифест»; Тойнби, Промышленный переворот в Англии XVIII в., гл. I—X; Мантy, Промышленная революция XVIII столетия в Англии (книга для наиболее подготовленных читателей); Зомбарт, Современный капитализм, вып. I, гл. о «Первоначальном накоплении»; Гельд, Социальная история Англии.

Для документации использованы следующие книги:

1) Мантy, Промышленная революция XVIII в. в Англии; 2) Ed. Baine, History of the cotton manufacture, 1835; 3) Гобсон, Эволюция современного капитализма; 4) Т. Мор, Утопия; 5) К. Маркс, Капитал, т. I; «Коммунистический манифест»; «Теория прибавочной стоимости»; 6) А. Юнг, Шесть месяцев по северу Англии («A six months tour through the North of England», 1770); 7) А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов; 8) Гэскелл, Ремесленники и машины (Geskell, «Artizans and machinery», London, 1836); 9) Джевсон, Платформа в Англии; 10) Годвин, Political justice; 11) Лавровский, Промышленный переворот; 12) Е. Косминский, Промышленность и торговля в Англии XVI—XVII вв.; 13) Кудрявцев, Великая английская революция.

1. Капиталистический расцвет Англии в конце XVIII в.

Эта речь принадлежит английскому министру В. Питту и произнесена им в Палате общин 17 февраля 1792 г. В. Питт (1759—1806) был премьер-министром в Англии в годы ее войны с французской революцией. В своей внутренней политике В. Питт стремился создать наиболее благоприятные условия для капиталистического развития страны, но помешать революции. Как государственный деятель В. Питт пользовался огромной популярностью среди английской буржуазии.

«...Если мы, рассмотрев различные статьи дохода, обратимся к более прямому исследованию источников нашего благосостояния, то найдем их в соответствующем росте нашей фабричной промышленности и нашей торговли. Отчеты, составленные по таможенным документам, не отличаются совершенной точностью, но они дают возможность установить сравнительные отношения в различные периоды. В 1782 г., в последний год войны [1], ввоз по оценке таможен возрос до 9 174 тыс. ф. ст. Он ежегодно значительно возрастал и в 1790 г. достиг 19 120 тыс. ф. ст.

Вывоз продуктов английской фабричной промышленности дает более определенный и более важный критерий для определения торгового благосостояния. Оценка предметов вывоза определялась в 1782 г. в 9 919 тыс. ф. ст.; в следующем году она достигла 10 409 тыс. ф. ст.; в 1790 г. она возросла до 14 921 тыс. ф. ст. и в прошлом году составляла 16 420 тыс. ф. ст. Если мы отнесем сюда еще вывезенные иностранные товары, то цифра вывоза в 1782 г. составит 12 232 тыс. ф. ст., после мира она поднялась в 1783 г. до 14 741 тыс. ф. ст.; в 1790 г. она доходила до 20 120 тыс. ф. ст. Эти документы в том виде, как они существуют (а они не могут быть полны), ценны только как обзор иностранной торговли этой страны. Более чем вероятно, что наша внутренняя торговля, которая имела всегда большое значение для нашего богатства, возросла, по меньшей мере, в таком же отношении. Я не имею возможности дать подробный сравнительный обзор нашей фабричной промышленности за тот же период, но ее быстрый рост — факт общепризнанный, и местные сведения джентльменов различных областей страны, перед которыми я говорю, делают излишними всякие подробности по этому вопросу.

Констатировав таким образом увеличение наших доходов и показав, что оно сопровождается соответствующим ростом нашей фабричной промышленности, выясним себе, каковы обстоятельства, благодаря которым происходит подобное действие.

Ответ, который раньше всего и непроизвольно приходит на ум всем людям страны, состоит в том, что наше благосостояние является следствием промышленности и природной энергии нации. Но что придало этой промышленности способность действовать с такой силой и энергией и настолько обогнать развитие страны в предыдущие периоды? В этом благоприятном действии огромное влияние сыграли технические усовершенствования в каждой отрасли промышленности и степень продуктивности труда, достигнутая применением машинного производства. Мы кроме того наблюдали в этот период более чем прежде влияние еще одного обстоятельства, которое способствовало этой стране достигнуть торгового первенства. Я говорю о кредите, который предоставляет нашим купцам льготные условия для расширения своих операций внутри страны, с одной стороны, и делает возможным добиться соответствующего превосходства на иностранных рынках — с другой. Это преимущество было главным образом очевидным в течение второй половины периода, о котором я говорю, и оно беспрерывно увеличивало благосостояние нации.

Кроме того дух эксплоатации и предприимчивости наших купцов проявился благодаря расширению нашего судоходства и рыбной промышленности и благодаря завоеванию новых рынков в различных частях света. Несомненно, этим успехам способствовали новые отношения с Францией, созданные торговым договором [1]; хотя значение этих отношений уменьшалось волнениями, которые тогда царили во Франции, но они все-таки являлись стимулом для развития промышленности и деятельности нашей страны.

Но есть еще одна причина, гораздо более благоприятная, чем все другие, потому что она отличается постоянством и способностью непрерывно возрастать. Это — постоянное скопление капитала, его тенденция к увеличению, тенденция, которая всегда должна проявляться и возрастать в стране, достигшей известной степени торгового благосостояния.

Вот условия, которые, мне кажется, непосредственно содействуют нашему настоящему благосостоянию. Они находятся еще в связи с другими более важными причинами...

Они очевидно и неизбежно связаны со степенью продолжительности мира, продление которого, сообщая спокойствие и уверенность, должно стать главным пунктом внешней политики нашей страны, с естественными условиями свободного, но подчиненного известным правилам правительства. Мы пользовались преимуществами законов

[1] Речь идет о войне с английскими колониями в Америке.

[1] Речь идет о договоре 1786 г.

нашей конституции, утвержденной и установленной еще памятными волнениями конца прошлого столетия. Вот великая и доминирующая причина, которая дала широкий простор и другим благоприятным условиям, о которых я говорил... Вот жизненная сила, которую мы должны всегда охранять. Если это первое условие будет соблюдено, все остальные в нашей власти...»

2. Торговля и промышленность Англии в XVIII в.

I. Внешняя торговля

Годы	Ввоз	Вывоз
1688	7 120 000 (ф. ст.)	4 310 000 (ф. ст.)
1720	6 090 083 »	6 910 000 »
1730	7 780 019 »	8 548 982 »
1740	6 703 778 »	8 197 788 »
1750	7,8 (в млн. ф. ст.)	12,7 (в млн. ф. ст.)
1760	9,8 »	14,7 »
1783	11,7 »	13,9 »
1796	21,0 »	29,2 »
1798	25,1 »	27,3 »
1800	28,3 »	34,4 »
1810	39,3 »	43,6 »
1815	33,0 »	58,6 »

II. Ввоз хлопка

Годы	В фунтах
1710	715 008
1720	1 972 805
1730	1 545 472
1741	1 645 031
1751	2 975 610
1771—1775	4 754 589
1776—1780	6 706 013
1781—1785	10 941 934
1786—1790	25 443 270
1791—1795	80 683 002
1796—1800	41 430 272

III. Вывоз продуктов хлопчато-бумажной промышленности

Годы	Ф. ст.
1710	5 698
1720	16 200
1730	13 524
1741	20 709
1751	45 988
1764	200 354
1766	220 759
1780	355 060
1787	1 101 457
1790	1 662 369
1800	5 406 501

IV. Производство железа и угля

Железо

Годы	Тонны
1740	17 350
1788	68 300
1796	125 079
1806	258 206

Уголь

Годы	Тонны
1660	2 148 000
1700	2 612 000
1750	4 778 820
1770	6 205 400
1790	7 618 722
1795	10 080 300

3. Задачи Ост-индской компании.

Ост-индская компания основана была в 1599—1601 гг. Этот устав составлен инициаторами компании на собрании 24 сентября 1599 г. Ост-индская компания пользовалась государственными привилегиями и вела монопольную торговлю с колониями. Вооруженные отряды компании расширяли колониальное могущество Англии, а ее агенты играли в завоеванных областях роль правительства. Перевод документа принадлежит Е. Косминскому («Промышленность и торговля в Англии XVI и XVII вв.»).

«Ввиду того, что различные лица, выше упомянутые, вместе с другими разными лицами, имена которых перечислены в начале этой книги, попущением всемогущего бога и с предварительно испрошенного королевского согласия нашей государыни, ее величества королевы, изъявили намерение во имя славы нашей родины и для развития торговых сношений в королевстве Англии, сообразно с размерами своего участия в предприятии и в соответствии с денежными суммами, назначенными ими и собственноручно подписанными, — предпринять в настоящем году путешествие в Ост-Индию и другие острова и страны, близ ее лежащие, и торговать там такими товарами, какие, как это будет установлено по дальнейшем обсуждении, требуется в этих странах, или покупать и выменивать там те товары, драгоценности и т. п., которыми те страны могут снабжать.

А для лучшего распорядка и организации предполагаемого путешествия и для поощрения всех тех, кто уже решил принять участие в данном предприятии, а также и тех, кто до момента отправления решит присоединиться к нему, упомянутые лица находят целесообразным выработать для себя известные постановления и правила, которых надлежит придерживаться — как в отношении снаряжения подходящих для такого предприятия судов, так и в смысле приготовления всяких товаров, слитков и т. п., всего того, что требуется и должно быть внесено для осуществления предприятия. Посему настоящее собрание выработало и приняло следующие постановления.

Во-первых, ни одно судно не должно быть принято для участия в предполагаемом путешествии от кого-либо из участников предприятия в качестве его капитала, или его доли в предприятии, за какую бы то ни было установленную плату.

Во-вторых, все суда, которые примут участие в путешествии, должны быть куплены за наличные деньги и подысканы теми лицами, которые будут назначены для этой цели.

Что касается, наконец, товаров, то никакой товар не может быть принят для отправки в качестве чьей-либо доли в предприятии, но все товары и все потребное для путешествия должны быть куплены и приготовлены для отправки теми лицами, которые будут назначены ответственными лицами и директорами (comitties and direktors) для данного путешествия — для того, чтобы купить и снарядить соответствующие суда с товарами.

Настоящее собрание избирает и назначает следующих 15 лиц, имена коих ниже названы, ответственными руководителями и директорами путешествия для того, чтобы вести хозяйство, распоряжаться и управлять делами, относящимися к путешествию, а также для того, чтобы обратиться к ее величеству с прошением о даровании купцам, принимающим участие в упомянутом предприятии, исключительной привилегии на возможно больший срок и таких прав и льгот, таможенных и других изъятий и разрешений, какие только могут быть получены; а также для того, чтобы снарядить соответствующие суда, нагрузив их различными товарами, предназначенными для отправки в данное путешествие. Настоящее собрание утверждает и санкционирует все те меры, которые упомянутые ответственные лица или директора, назначенные для данного путешествия, примут единодушно или большинством голосов, в отношении распоряжения имуществом с тем, однако, условием, чтобы ни один фактор (faktor) или другой служащий (office) не был нанят для данного путешествия помимо согласия и утверждения его общим собранием всех участников предприятия по избрании их большинством собравшихся...

Далее настоящее собрание избирает казначеями для получения и выплаты денежных сумм, относящихся к данному предприятию, мистера Джона Хайлорда и мистера Уильяма Ромней; в их руки должны быть переданы соответствующие взносы каждым из принимающих участие в означенном предприятии — в два срока, а именно первый платеж в ноябре, второй — в декабре.

Было принято на данном собрании, чтобы впредь не принимался ни один участник в предполагаемое путешествие и предприятие с меньшей суммой, чем 200 фунтов стерлингов.

Наконец было всеми принято, что казначеям должны быть переданы в кратчайший срок для покрытия мелких текущих расходов, связанных с упомянутым путешествием, по 12 пенсов с каждых 100 фунтов, подписанных или имеющих быть подписанными в качестве долей отдельных участников предприятия, с тем, чтобы эти суммы были собраны лицом, приглашающим участников на собрания, или доставлены самими участниками предприятия казначеям».

4. Навигационный акт.

(В извлечении.)

«Для увеличения торгового флота и поощрения мореплавания нации, что благодаря благому провидению и покровительству божию является столь важным средством благополучия и безопасности этого государства, настоящим парламентом и его властью должно быть постановлено, что с 1 декабря 1651 г. и впредь от этой даты никакие продукты и товары, произрастающие или производимые в Азии, Африке и Америке или же в частях, или же на относящихся к ним островах... не должны ввозиться или доставляться в английское государство или Ирландию, или же в какие-либо земли, острова, плантации или территории, принадлежащие нашему государству или находящиеся в его владении, на каком-либо ином корабле или кораблях, судне или судах, кроме тех, которые действительно и без обмана принадлежат только гражданам этой республики [1] или ее колоний как собственникам или действительным владельцам, и капитан и матросы которых также будут гражданами нашей республики, под страхом конфискации и потери всех товаров, которые будут ввозиться вопреки этому акту, а также под страхом конфискации корабля со всем его снаряжением, пушками и принадлежностями, на котором будут доставлены или ввезены названные товары или продукты; половина конфискованного будет итти в пользу республики, а другая — в пользу всякого лица или лиц, которые захватят товары или продукты и будут отстаивать свои права в каком-либо призовом суде республики.

Далее, вышеназванною властью постановлено, что никакие продукты и товары, произрастающие или производимые в Европе или какой-либо ее части, с 1 декабря 1651 г., не должны доставляться и ввозиться в Англию или иные земли, острова, колонии и территории, принадлежащие Английской республике или находящиеся в ее владении, ни на каком другом корабле или кораблях, судне или судах, кроме тех, которые принадлежат действительно и без обмана только гражданам этой республики, как действительным владельцам и собственникам, и ни на каких других судах, за исключением тех иностранных кораблей и судов, которые действительно являются собственностью подданных той страны или местности, где произрастают или производятся названные товары, или тех портов, куда названные товары могут быть доставлены или обыкновенно сначала привозятся для дальнейшего транспорта, — все это поставлено под той же угрозой конфискации, изложенной в предыдущей части этого акта, с тем чтобы упомянутые конфискации взыскивались и употреблялись, как было сказано выше.

Далее вышеназванной властью постановлено, что никакие продукты и товары, произрастающие и производимые за границей, и которые должны быть ввозимы в республику на судах, принадлежащих ее гражданам, не должны перевозиться или из какого-либо иного места или мест страны или стран, кроме тех, где названные продукты произрастают или производятся, или тех портов, куда они могут быть привозимы или обыкновенно сперва привозятся для дальнейшего транспорта, но не из каких иных мест и стран под угрозой...».

5. «Овцы поели людей».

Этот отрывок взят из произведения мыслителя и государственного деятеля XVI в. Т. Мора «Утопия». Т. Мор (1478—1535) в своей «Утопии» попытался нарисовать картину будущего коммунистического общества, но в его «Утопии» существовало рабство. В книге Т. Мора собран интересный материал по истории обезземеления XVI в.

«Самая существенная причина общественной бедности заключается в неизмеримом количестве «благородных», которые, подобно праздным трутням, питаются работой и потом своих крестьян, предоставляя им обрабатывать свои поля и высасывая из арендатора всю его кровь, чтобы увеличить свои доходы...

Есть еще одна (кроме войны) чисто местная причина, свойственная исключительно Великобритании. В чем заключается она? В бесчисленном количестве овечьих стад, которые теперь покрывают всю Англию. Эти повсюду смирные и нетребовательные животные у вас оказываются до того жестокими и прожорли-

[1] В то время Англия была республикой; управлялась парламентом. Во главе республики был лорд-протектор Кромвель.

выми, что бросаются на людей и прогоняют их с земли, с насиженных мест, из домов и деревень... Действительно, ко всем местам, где собирается нежная и драгоценная овечья шерсть, спешат благородные богачи и даже достопочтенные аббаты, чтобы присвоить себе участок земли. Ни привилегии, ни доходы с поместий — ничто не удовлетворяет этих жалких людей; им мало того, что они проводят жизнь свою в праздности и удовольствиях в тягость обществу и без пользы государству. На протяжении многих миль в окружности они лишают почву всякой обработки и превращают ее в пастбище, они сравнивают с землей дома и целые деревни, оставляя только церкви, да и то с тем, чтобы устраивать в них хлева для баранов; самые населенные и прекрасно обработанные земли благодаря им превращаются в пустыни. Без сомнения, они опасаются, что будет слишком много садов и лесу и таким образом звери останутся без пастбищ.

И вот такой жадный владелец окружает стеной пространство в несколько тысяч акров земли; честных крестьян выгоняют из домов — одних обманом, других силой, в лучшем случае длинным рядом притеснений и судебных волокит, так что, в конце концов, они принуждены бывают продать свою собственность. И вот эти-то семейства, более богатые численностью, чем средствами (так как земледелие требует многих рук), кочуют по полям и дорогам: мужчины и женщины, вдовы и сироты, отцы и матери с малыми ребятами. С плачем покидают эти несчастные ту кровлю, под которой они родились, землю, которая их кормила, и не знают, где искать себе пристанища. За бесценок сбывают они затем свой скарб, какой только могли захватить с собой, все вещи, имеющие сами по себе малую ценность. Да и то еще ладно. Ведь покупатель и это мог отнять у них. Когда и такой слабый источник исчерпывается, что, конечно, не заставляет себя долго ждать, — что же им остается дальше? Воровство, а вслед за ним виселица. Может быть им бы лучше влачить свою горькую судьбу в качестве нищих? Но тогда ведь никто не задумался бы бросить их в тюрьму, как бродяг и бездомных людей. А в чем же состоит их преступление? Да только в том, что они не могут найти себе никакой работы, которой они только добиваются изо всех сил. Да и кто бы мог им дать эту работу? Они ведь только и умеют, что обрабатывать поля; значит, там, где больше не думают о посевах и урожаях, дела для них нет. Одного пастуха достаточно теперь, чтобы пасти стадо на таком пространстве, которое прежде требовало обработки сотни рук. Какой же получается результат? Повсеместное сильное вздорожание съестных припасов. Но это еще далеко не все. После увеличения пастбищ повальные болезни вроде чумы уничтожили бесчисленное количество овец. Право, можно подумать, что само небо карает посредством этого страшного мора ненасытную жадность хозяев, хотя в таком случае справедливее было бы обратить эту болезнь на них самих. Самая цена шерсти так возросла, что бедняки, производившие в прежнее время из нее сукно, теперь уже не в состоянии ее покупать. И вот новая причина большого количества праздных людей. Нельзя отрицать, что число овец растет с каждым днем в значительном количестве, однако, несмотря на это, цена на них нисколько не понизилась, так как, хотя торговля шерстью официально и не составляет монополии, фактически же, однако, находится в руках нескольких богатых скупщиков, которые могут выжидать и продают ее с большими выгодами для себя...».

6. «Огораживание» и капиталистическое развитие сельского хозяйства в Англии.

Отрывок взят из книги английского экономиста XVIII в. А. Юнга «Шесть месяцев по северу Англии».

«Вряд ли есть другое утверждение в сельской экономике, более признанное, чем общеизвестный факт о благих последствиях огораживания общинных земель. Правда, некоторые авторы нападают на огораживания... и утверждают, что они не выгодны для нации, так как очень тяжело отзываются на бедняке. Мое пребывание в Норкшире прибавило к моим знаниям некоторые факты, говорящие о выгодах огораживания... Для того, чтобы дать вам достаточное представление об этом, необходимо изобразить ход огораживания, как оно обычно производится.

1. Собственники крупных участков земли обычно соглашаются на эту меру, уговариваются между собою и выбирают своего поверенного, прежде чем назначить общее собрание всех земельных собственников. Мелкий собственник редко, а может быть и никогда, не может добиться, чтобы в билль (об огораживании)

были вставлены пункты, ограждающие его право; он имеет мало влияния на выбор комиссаров, ведущих огораживанием, — а последние редко бывают особенно внимательны к его интересам...

2. Землевладелец, которому принадлежит пятая часть мэнора, прихода и т. д., имеет право отвергнуть данную меру, — поэтому более бедные землевладельцы часто вынуждены бывают согласиться на невыгодные статьи, лишь бы не потерять всех тех выгод, получить которые они надеются от огораживания.

3. Поверенный передает проект билля комиссарам, которые платят ему и себе самим без всякого отчета, как им заблагорассудится. Разве удивительно, что издержки, предшествующие действительному огораживанию земли, очень часто достигают 1800—2000 ф. стерл., которые взимаются и тратятся комиссарами абсолютно без всякого контроля! К этому чрезвычайному расходу надо прибавить расходы по огораживанию, копанию рвов, постановке столбов, изгородей и т. п... Огромная абсолютная и неограниченная власть комиссаров взимать такие суммы, какие им угодно, и раскладывать их по своему усмотрению граничит с полным деспотизмом...

4. Раздел и распределение земли находится целиком в их руках; по это дело весьма сложное, нужно принять в расчет и качество земли и число акров. Между тем опо выполняется крайне небрежно и неточно. Между тем пожаловаться некому: можно обратиться лишь к самим комиссарам, хотя бы они произвели распределение на участки небрежно, пристрастно. Итак, собственность владельцев участков, особенно небогатых, находится целиком в руках комиссаров, на их произволе... Они обладают деспотической властью, неизвестной ни в какой другой области этой свободной страны.

5. Справедливость и здравый смысл требуют, чтобы, по окончании межевания и раздела, решение комиссаров немедленно опубликовывалось, и, равным образом, их отчеты после конца всего дела должны быть доступны для просмотра каждым собственником, а не оставаться навсегда глубоким секретом...

6. Нет никакого средства против плутовства или ошибок комиссаров...

7. ...(И все же) выгоды от огораживаний не только благодетельны для индивидуума, — они чрезвычайно важны для нации. Улучшения земледелия — источника нашего богатства — ничтожны по значению без огораживания. Поэтому все меры должны быть принимаемы к тому, чтобы поощрить огораживание, каждое затруднение при проведении огораживания должно быть устранено, каждая несправедливость исправлена... Нужно, чтобы мелкие собственники участвовали в назначении комиссаров... Комиссары должны давать отчет во всех полученных ими и истраченных суммах. Нужно, чтобы против комиссаров можно было возбудить иск за неверные отчеты и т. д. При помощи всего этого... несомненно благодетельная мера огораживания была бы чрезвычайно расширена, и интересы как государства, так и индивидов, были бы целиком обеспечены».

Сравнение огороженных и неогороженных областей.

«...Следует отметить... удивительное превосходство шерсти и большую выгодность (овцеводства) в огороженных местностях по сравнению с неогороженными. Все местности с доходом в 10 шилл. и выше с головы принадлежат к числу огороженных... Около Эгли доход на огороженной земле 11 шилл., а на неогороженной только 2 шилл. 3 пенса, что составляет огромную разницу. Около Бендсворта в Ившэмской долине средний вес шерсти с овцы равен 9 фунтам на огороженной земле и только $3\frac{1}{2}$ фунтам на неогороженной. Может ли быть более сильный аргумент в пользу огораживания? Обычная вульгарная идея, что огораживание вредит овцам и мануфактурам, я думаю, тем самым опровергается. Благодаря огораживанию вы имеете 9 фунтов шерсти вместо 3 фунтов, т. е. одна овца дает столько же, сколько (на неогороженной земле) дают 3 овцы; (в Эгли) одна овца (на огороженной земле) приносит такой же доход, как пять овец (на неогороженной). Огораживания поднимают ренту, высокие ренты делают хозяев более трудолюбивыми. Всякая статья используется с наибольшей выгодой, если платится высокая рента; фермер знает, что изо всего он должен извлечь выгоду... Можно ли удивляться предрассудку или заблуждению тех писателей, которые ополчаются против огораживаний, будто бы причиняющих вред мануфактурам...».

Размеры ферм. «...Нет вопроса в политической экономии, который бы за последние годы более дебатировался, чем вопрос о том, какие размеры ферм наиболее выгодны. Важность

того, чтобы королевство было разделено на фермы таких размеров, какие наиболее благоприятны для производства, ясна и неоспорима... Мы имеем по этому вопросу целые томы рассуждений, аргументов и мнений — и очень мало фактов... Я собрал подробности насчет 250 ферм всех родов и размеров, всех видов почвы, находящихся под различными культурами, занятых разведением скота... Я нашел, что бóльшая часть королевства разделена на фермы средних размеров, потому что фермы менее 300 акров не могут быть отнесены к крупным... Совершенно неверно, что... крупные фермы преобладают в настоящее время в Англии... Нет другого графства в Англии, где крупные фермы и богатые фермеры были бы таким распространенным явлением, чем Норфольк, и однако... средние размеры ферм в этом графстве... не превышают 300 акров... Но какие фермы на основании наблюдений могут быть признаны наиболее выгодными как для индивидов, так и для государства?.. (Оказывается), что чем крупнее размеры ферм, тем меньше относительно на них упряжного скота; чем меньше фермы, тем относительно больше на них коров... Чем больше размеры ферм, тем большее поощрение для населения, за исключением немногих случаев... Крупные фермы — обычно богатые фермы... и обрабатывают землю более совершенными способами; но хорошая обработка означает, в большинстве случаев, большое количество рабочих рук... Наиболее выгодны для населения фермы от 500 акров и выше; самые превосходные фермы — это те, которые имеют размеры в 1 000 акров; фермы размерами меньше 500 акров много хуже... Вульгарное представление о том, будто бы крупные размеры ферм приводят к уменьшению населения королевства, оказывается перед лицом фактов ложным... Крупные фермеры далее получают лучшие урожаи, как убеждают цифры... Итак, фермы в 200—400 акров превосходят фермы более мелких размеров в отношении скота... Фермы бóльших размеров, чем 500 акров, превосходят более мелкие в отношении населенности... Фермы выше 300 акров... превосходят более мелкие в отношении продукта... Но у многих фермеров на ферме имеется меньшее, чем следует, количество скота, потому что они снимают больше земли, чем должны были бы снять, исходя из ложной идеи, будто бы, если много земли, то много и дохода... Если бедный фермер снимает землю и не снабжает ее достаточным количеством скота, то уменьшается национальный продукт, который бы получился, если бы были затрачены достаточные суммы на скот...».

Вот приблизительный подсчет доходности:

Неогороженной фермы с трехпольным хозяйством:

Пшеница после пара, по $2^1/_2$ куортера на 1 акр по 50 шилл. за куортер	=	6 ф. стерл.	5 шилл.
Ячмень после пшеницы, по $2^1/_2$ куорт. по 30 шилл. . . .	=	3 »	» 15 »
В три года	=	10 ф. стерл.	
В один год с 1 акра	=	3 »	» 6 шилл. 8 пенс.

И огороженной фермы с четырехпольным хозяйством:

Турнепс	=	1 ф. стерл.	15 шилл.
Ячмень — 4 куортера по 30 шилл.	=	6 »	» — »
Клевер	=	4 »	» — »
Пшеница — 3 куортера по 50 шилл. .	=	7 »	» 10 »
В четыре года . . .	=	19 ф. стерл.	5 шилл.
В один год с 1 акра	=	4 »	» 16 шилл. 3 пенс.

7. «Булавочная мануфактура».

Отрывок взят из книги А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).

«Чтобы иметь наглядное представление о том, какое влияние имеет разделение труда на общее положение промышленности народа, лучше всего обратить внимание на последствия применения этого разделения труда в каком-нибудь отдельном производстве.

...Возьмем для примера очень незначительное производство, на котором, однако, разделение труда часто очень заметно, а именно — производство булавок.

Рабочий, который не приловчился к этой работе, сделавшейся, вследствие разделения труда особым ремеслом, и не привык обращаться с употребляющимися в нем инструментами, изобретенными, вероятно, благодаря тому же разделению труда, — такой рабочий, как бы он ни был ловок, не успеет сработать в течение целого дня даже одной булавки и уж, конечно, не сделает их двадцать. Но при той организации, какую имеет теперь это производство, оно не только составляет отдельное ремесло во всей своей совокупности, но еще подразделяется на

много отраслей, бо́льшая часть которых, в свою очередь, является отдельным специальным занятием. Один рабочий тянет проволоку, другой выравнивает ее, третий обрезает, четвертый заостряет, пятый только обтачивает ее конец для насадки головки. Выделка головки сама по себе служит предметом двух или трех отдельных операций: особая операция насадить ее, другая отполировать булавки; совсем особое самостоятельное занятие — даже упаковка булавок в бумажки. Таким образом важный труд сработать булавку делится приблизительно на 18 различных операций, которые в некоторых заведениях исполняются каждая отдельными рабочими, тогда как на других один рабочий исполняет по две или по три операции зараз. Я видел одну такую маленькую мануфактуру; на ней работало только 10 рабочих, и потому некоторые из них исполняли одну за другой по две и по три операции. Хотя эта мануфактура была очень бедна и потому недостаточно снабжена машинами и инструментами, однако и эти 10 рабочих, если они горячо принимались за дело, успевали сработать около 12 фунтов булавок в день. А так как в каждом фунте бывает более 4 тыс. булавок средней величины, то, стало быть, эти 10 рабочих успевали сработать вместе более 48 тыс. булавок в день, и, значит, на каждого рабочего приходилось в день 4 800 булавок. Но если бы эти рабочие работали в одиночку и независимо один от другого, то, конечно, ни один из них не сработал бы и 20 булавок, а может быть, и одной булавки во весь рабочий день. Другими словами, они, наверно, не сработали бы $^1/_{240}$, а пожалуй и $^1/_{4\,800}$ части того, что они могут сработать теперь, благодаря искусному распределению и сочетанию различных операций».

8. Парламентский грабеж крестьян.

«...Насильственная узурпация общинной собственности, сопровождаемая обыкновенно превращением пашни в пастбище, началась в конце XV и продолжалась в течение XVI столетия. Однако в те времена процесс этот совершался в форме отдельных индивидуальных насилий, с которыми законодательство тщетно боролось в течение 150 лет. В XVIII веке обнаруживается прогресс в том отношении, что сам закон становится орудием грабежа народной земли, хотя наряду с этим легальным методом ограбления крупные фермы не отказываются применять и собственные маленькие методы. Парламентской формой этого грабежа являются «законы об огораживании общинной земли», т. е. декреты, при помощи которых земельные собственники сами себе подарили народную землю на правах «частной собственности», — декреты, экспроприирующие народ... Как пример метода, господствующего в XIX в. [1], мы приведем здесь «очистки», произведенные герцогиней Сутерланд. Как только бразды правления попали в руки этой особы, весьма просвещенной в области политической экономии, она решила немедленно же приступить к радикальному экономическому лечению страны и превратить в пастбище все графство, население которого прежними мероприятиями аналогичного характера уже было низведено до 15 тыс. человек. С 1814 по 1820 гг. эти 15 тыс. жителей — около 3 тыс. семейств — систематически изгонялись и искоренялись. Все их деревни были разрушены и сожжены, все поля обращены в пастбища. Британские солдаты были посланы для экзекуции, и дело доходило у них до настоящих битв с местными жителями. Одну старуху сожгли в ее собственной избе, так как она отказалась ее покинуть. Таким путем эта дама присвоила себе 794 тыс. акров земли, с незапамятных времен принадлежавшей клану. Изгнанным жителям она отвела на берегу моря около 6 тыс. акров земли, по 2 акра на семейство. Эти 6 тыс. акров представляли пустырь и не приносили собственникам никакого дохода. Герцогиня обнаружила столь высокое благородство чувств, что сдала землю в среднем по 2 шилл. 6 пенсов за акр тем самым членам клана, которые в течение столетий проливали кровь за ее род. Всю награбленную у клана землю она разделила на 29 крупных ферм, предназначенных для овцеводства, причем в каждой ферме жила одна единственная семья, в большинстве случаев семья батрака-англичанина. В 1825 г. 15 тыс. гэлов уже были замещены 131 тыс. овец. Часть аборигенов, изгнанных на морской берег, пыталась прокормиться рыболовством. Они превратились в амфибий и жили, по словам одного английского писателя, наполовину на земле, наполовину на воде, но и земля и вода вместе лишь наполовину обеспечивали их существование...».

(К. Маркс, Капитал, т. I, гл. XXIV.)

[1] Этот факт характерен и для конца XVIII в. (Прим. К. Маркса).

9. Изменение цен на хлеб на протяжении XVIII ст.

Годичная средняя цена.	Наиболее высокая цена.	Наиболее низкая цена.
Ш. П.	Ш. П.	Ш. П.
1700—1709 . . . 35 0,1	69 9 (1709)	25 4 (1707)
1710—1719 . . . 43 6,7	69 4 (1710)	31 1 (1719)
1720—1729 . . . 37 3,7	48 5 (1728)	30 10 (1723)
1730—1739 . . . 31 5,5	38 2 (1735)	23 8 (1732)
1740—1749 . . . 31 7,9	45 1 (1740)	22 1 (1743—1744)

Средняя (годичная) цена за 50 лет, с 1700 г. по 1749 г.,— 35 шилл. 9,58 пенса.

Годичная средняя цена.	Наиболее высокая цена.	Наиболее низкая цена.
Ш. П.	Ш. П.	Ш. П.
1750—1759 . . . 36 4,5	53 4 (1757)	28 10 (1750)
1760—1769 . . . 40 4,9	53 9 (1762)	26 9 (1761)
1770—1779 . . . 45 3,2	52 8 (1774)	33 8 (1779)
1780—1789 . . . 46 9,2	52 8 (1783)	35 8 (1780)
1790—1799 . . . 57 6,5	78 7 (1796)	43 0 (1792)

Средняя (годичная) за 50 лет, с 1750 г. по 1799 г.,—45 шилл. 3,46 пенса.

(К. Маркс, Теория прибавочной ценности, т. II.)

10. Шерстопрядильная промышленность XVII в.

Отрывок рисует организацию шерстяной промышленности в Англии XVI—XVII вв. Речь идет о деревенской промышленности, ее связи с торговым капиталом, ее превращении в мануфактуру и о первичной форме этой мануфактуры. Перевод документа принадлежит Е. Косминскому.

«Производители шерсти во всех областях делятся на три группы:

1. Это крупные землевладельцы, кон обладают собственностью на землю и скот и выдаются своим богатством. Они могут задержать продажу своей шерсти и предоставить суконщикам отсрочку в уплате, чтобы увеличить цены. Численно эта группа мала.

2. Те, которые арендуют землю у короля, знатных лиц или джентльменов и продают столько, сколько допускает или их инвентарь, или кредит. Их много, и производят они большое количество шерсти. Большинство их вперед запродает свою шерсть или обещает уступить ее за деньги, которые они берут в долг весной, чтобы купить себе овец для производства шерсти; тогда они нуждаются в деньгах, чтобы заплатить свою благовещенскую ренту и удвоить инвентарь на своей земле, как этого требует весеннее время; и в то же время суконщики тратят свой капитал на пряжу, чтобы сделать запас к сенокосу и жатве, когда выпрядется недостаточное количество пряжи, так что как фермеры, так и суконщики испытывают тогда одновременно крайнюю нужду в деньгах.

3. Общая масса сельских хозяев, с небольшим доходом, во всех областях производящих шерсть; у каждого из них обычно имеется шерсть, хотя и в небольшом количестве. Их много во всех областях, и они (вместе) имеют большое количество шерсти, хотя и в маленьких долях. Многие из них берут у скупщиков шерсти деньги в долг, чтобы купить овец и заполнить ими свои общинные пастбища. Их доли так малы, время продажи настолько различно, расстояние между ними и суконщиком так велико, что для них было бы сущим разорением предоставить суконщику во время продажи отсрочку платежа или зависеть от суконщика в установлении цен.

Эта шерсть обыкновенно обрабатывается 4 группами людей:

1. Богатый суконщик, который покупает себе шерсть у производителя в областях, производящих шерсть, делает себе запас на целый год заранее и хранит его в складе, а в зимнее время эта шерсть выпрядается его собственными пряхами, ткется его собственными ткачами и валяется его собственными валяльщиками, и все это за самую низкую плату. Эти суконщики могут прекрасно обходиться без скупщиков шерсти и могут тоже получить ее по своей цене; а кроме того, многие из них занимаются перепродажей (broggind) и перепродают очень много, если не большую часть той шерсти, которую они покупают.

2. Вторая группа — менее богатые суконщики, которые редко или вовсе не езлят поку-

пать себе шерсть в тех областях, где она производится, а большую часть ее берут в кредит на рынке, ставят многих бедняков на работу, превращают теперь шерсть в сукно, а потом продают его в неотделанном виде в таких местностях, как Девоншир и Поркшир (а уже другие отделывают его и продают в Лондон за наличный расчет), а потом приходят на шерстяной рынок, платят старый долг и снова берут в кредит. Многие в этой группе хорошо живут, становятся богатыми и дают тысячам работу; они не могут обойтись без скупщика шерсти, ибо иначе они должны были бы уволить своих рабочих и поступить в услужение к богатым суконщикам за 4 или 6 пенсов в день, т. е. жить впроголодь.

3. Третья группа—это те суконщики, которые не имеют достаточно капитала, чтобы поместить его частью в шерсть и частью в пряжу и часть сберегать в виде готового сукна, как делают богатые суконщики; они или вовсе не покупают шерсти, или лишь немного, но еженедельно покупают пряжу на рынке и тогда переделывают ее в сукно, а затем продают за наличные деньги и на них снова покупают пряжу, каковую пряжу еженедельно выносит на рынок много бедного народа, не желающего прясть за низкую плату на суконщика, но имеющего достаточно капитала, чтобы раобтать самостоятельно; сообразно надобности, они покупают свою шерсть еженедельно очень маленькими партиями и на рынке и приносят ее туда еженедельно в пряже и от этого получают очень хорошую выгоду, имея прибыль как от своего труда, так и от продажи, и живут очень хорошо. Этих прядильщиков так много, что знающие люди предполагают, что больше половины сукон, выделываемых в Уильтшире, Глостере и Соммерсетшире, производится средствами этих прядильщиков и бедных суконщиков; они зависят от скупщика шерсти, который еженедельно обслуживает их шерстью за наличные или в кредит.

4. Четвертая группа: те, кто производит сукна лучших сортов; в этом производстве работают тысячи бедного люда, живущего около портов и на побережьях от Ярмута до Плимута и во многих больших городах вроде Лондона, Норича, Кольчестера, Кентербери, Сауземптона, Экзетера и многих других. Эти люди, благодаря своему большому трудолюбию, и умению, пускают в дело большую часть грубой шерсти, производимой в королевстве, и это по такой же высокой или еще более высокой цене, какую суконщики платят за самую тонкую шерсть в королевстве...»

11. Ремесленники и машины.

Взято из книги Гаскелла «Ремесленники и машины», 1836 г., перевод Лавровского.

«До 1760 г. мануфактуры были в большей мере ограничены спросом на местном английском рынке. В период и до 1800 г. большинство ремесленников работало в своих собственных домах, живя со своими семьями. В течение этого промежутка времени (1760—1800) сильный толчок был дан этой отрасли (домашней индустрии) со стороны увеличившегося спроса за границей и на местном рынке, и были введены важные улучшения в конструкции машин, все направленные к тому, чтобы облегчить и ускорить производство. Когда все процессы (производства) выполнялись ремесленником на дому, под собственным его кровом, то он, сохраняя свое почтенное положение, независимое от ассоциаций, которые могли бы повредить его нравственному достоинству, зарабатывал столько, что не только мог жить в достатке, но и мог взять в аренду несколько акров земли, соединяя в своем лице принадлежность к двум классам, которые в настоящее время становятся все более и более отдаленными друг от друга. Правда, это земледелие часто было отсталым, было для него лишь подчиненным занятием, и земля производила лишь небольшую часть того, что она могла бы производить при лучшей системе хозяйства... Но он работал на ней в свободные часы, когда не был занят за ткацким станком или прялкой; она давала ему здоровое занятие и поднимала на общественной лестнице на высшее положение, сравнительно с простым рабочим. К его коттеджу примыкал неизменный огород с цветами, фруктовыми деревьями, съедобными корнеплодами, которые он тщательно и с успехом возделывались. Ремесленники, работающие на дому, были рассеяны по всему лицу страны... Такой домашний ремесленник был уважаемым членом общества, был хорошим отцом, хорошим супругом... жил до старости, работая, когда было нужно, прекращая работу, когда были удовлетворены его потребности. мог при желании по-

веселиться и выпить... Редко случалось, что дети должны были преждевременно трудиться, потому что сам ремесленник, с помощью экономной жены, зарабатывал обычно достаточно, чтобы содержать детей до тех пор, пока они не вырастут и не разовьются достаточно в физическом отношении... Не может быть сомнения в том, что домашний ремесленник, как моральное и социальное существо, был неизмеримо выше позднейшего мануфактурного рабочего; он был во всех отношениях в более выгодных условиях... Правда, в некоторых отношениях он был ниже: он редко мог свободно читать или совсем не умел писать, но он усердно ходил в церковь... Он производил сравнительно мало, но он был хорошо одет и хорошо питался. Он ничего не знал о клубах для неистовых политиков, о коалициях, которые могут поставить его во враждебные отношения к нанимателю, но он был исполнен уважения и почтения к высшим, исполнял свои заказы аккуратно... Он не напивался джином и пивом, но занимался спортом, весьма полезным для здоровья... Разнообразные обстоятельства произвели, однако, важные изменения в положении домашнего ремесленника еще прежде, чем пар стал соперником человеческой силы. А последние 40 лет оказались достаточными, чтобы произвести огромные перемены в положении и характере промышленного населения... Прялка, вырабатывающая одну нитку, была долгое время единственным способом прядения. Около половины прошлого столетия спрос на ткани так возрос, что заинтересованные лица напрягли свои изобретательские способности, и результатом были улучшенные инструменты для прядения. Некоторые из этих изобретателей, придумавших важные улучшения, не раскрывали в течение некоторого времени своего секрета, другие бывали принуждены, вследствие жестокого и неуместного преследования, перенести свои знания в другие округа. В обществе господствовал узкий, исполненный предрассудков взгляд, и в течение некоторого времени мало поощрения оказывалось тем, кто впоследствии были признаны благодетелями для развития торговли страны. Но, несмотря на все эти препятствия, спрос на ткани постепенно заставил домашних ремесленников принять улучшенные методы прядения, чтобы можно было произвести достаточное количество материала для тканья... Изобретение прядильной машины... помогло прядильщикам производить гораздо большее количество пряжи, по сравнению с тем, которое прежде производилось с помощью обычной прялки... Увеличение количества изготовляемой прядильщиками пряжи увеличило спрос на труд ткачей... Прежде половина времени ткача проходила в том, что он дожидался пряжи (поэтому он мог заниматься земледелием в качестве побочного занятия)... Теперь, ввиду увеличившегося и более постоянного поступления пряжи, ткач постепенно оставляет земледелие, как побочное занятие... Его труд оказывался более производительным и скорее приносившим результаты, когда он работал на станке, чем когда он занимался земледелием... Эта перемена в характере занятий ткача оказывает весьма значительное влияние на него с социальной точки зрения: он становится простым рабочим... прекращает держать или владеть землей. Прежде же владение землей приближало его и его детей к уровню мелких фригольдеров или йоменов... приводило его в частое соприкосновение с людьми этого круга... Прежде класс ручных ткачей разделялся на две большие группы... одни из них владели землей, другие зависели целиком от ткацкой работы... и страдали, когда не могли получить материал для работы... Теперь положение бедных (не владевших землей) ткачей улучшается... они приближаются к тем ткачам, которые до сих пор были и земледельцами; происходит постепенное слияние этих двух групп среди домашних ремесленников-ткачей, делает их более сплоченными, сознающими единство своих интересов... В течение полустолетия, непосредственно предшествовавшего введению силы пара, наблюдается весьма существенное улучшение в положении ткачей (обоих классов), происходящее не столько от возвышения оплаты их труда, сколько от того, что постепенно увеличивалось количество изготовляемой (прядильщиками) пряжи, и это позволяло ткачам работать все время и производить постоянное и достаточное количество ткани... Между тем в положении прядильщиков — этой аристократии ремесленников в счастливые дни ручной индустрии — происходят перемены еще большие и еще более быстрые, чем в положении ткачей: происходит целая революция, видоизменившая все сословие и, в конце концов, приведшая к разорению большей их части. Дело в том, что если в течение раннего периода развития мануфактуры — «прядильщик» и «ткач» были почти синонимы — оба процесса совершались под одной кровлей, теми же ли-

цами, то... затем прядение становится отдельною отраслью... и происходит быстрое улучшение орудий труда, которые делаются более громоздкими, сложными и дорого стоящими... Наконец, начинается постройка прядилен с бо́льшим или меньшим числом прядильных машин, приводимых в движение водяной силой. В этих прядильнях производились лишь первоначальные работы: чесание шерсти и прядение. Увеличение числа прядилен повлияло на развитие домашней индустрии: доходы прядильщиков падают, цена пряжи понижается вместе с увеличением ее количества, которого теперь стало более чем достаточно для того, чтобы удовлетворить спрос на нее. Это ведет к большим затруднениям... и послужило первым шагом к исчезновению мелких фригольдеров или йоменов во многих округах... Их мелкие участки становятся в течение немногих лет весьма задолженными... и очень быстрая и весьма большая перемена происходит в распределении земельной собственности между 1790 и 1810 гг. Этот упадок все же не был всеобщим и полным... В это время происходит еще другая важная перемена... Улучшение машин, увеличение их числа, устройство прядилен, приток капитала — все это, вместе взятое, приводит к увеличению количества производимой пряжи, далеко теперь превысившее то ее количество, которое могло быть обработано и обращено в ткань ручными ткачами. Оставался избыток, частью отправлявшийся за границу... Но спрос на ткань превышал предложение, и это делало необходимым привлечение большого числа рабочих рук в ткацкое производство. Пока снабжение пряжей было ограничено в размерах, пока оно равнялось почти или приблизительно спросу, ткачи почти не встречали конкурентов, и их заработная плата оставалась на одном приблизительно уровне. Теперь же, когда требования на ткани продолжались, а пряжа появилась в изобилии, множество ткачей иммигрирует в промышленные округа: большое число земледельческих рабочих бросает свои занятия, и появляется новая раса ручных ткачей... Эти новые ткачи занимали более низкое положение на общественной лестнице, чем старые ткачи, получали гораздо меньшую заработную плату и привыкли быть простыми рабочими. Они соглашались поэтому работать за более дешевую цену, и это повело к понижению цены ручного ткацкого труда и послужило началом той цепи несчастий, которые, в конце концов, привели ткачей к состоянию умирания с голоду... Со времени введения силы пара в положении ручных ткачей наступает чрезвычайная и прискорбная перемена: их труд был, можно сказать, раздавлен паровой машиной... Машины быстро совершенствовались... И вместе с усвоением научных открытий в области промышленности заработок ткачей все понижался, их положение становилось отчаянным... Около миллиона человеческих существ, занимавшихся ткачеством на ручных станках, оказались в положении глубокой нищеты и бедности: отец семейства, работая с помощью своих детей в течение 14 часов в сутки, не был в состоянии выработать то, что необходимо для самой простой жизни, вследствие продолжавшегося понижения цен. Цены, платимые за тканье определенного вида ткани, падали так:

Годы			
1795	. . . . .	39	шилл. 9 пенсов
1800	. . . . .	25	» —
1810	. . . . .	15	» —
1820	. . . . .	8	» —
1830	. . . . .	5	» —

В результате понижения цены своего труда ткачи оказались полуголодными, полураздетыми и лишенными самого необходимого для жизни. Доктор Кау так характеризует положение манчестерских ручных ткачей (1831): «Работая по 14 часов и более в сутки, они зарабатывают 5—7 шилл. в неделю. Они плохо питаются, плохо одеты, невежественны, работают в тесных сырых подвалах или скучены в плохо вентилируемых мастерских; остается лишь прибавить, что они распущены и развращены, чтобы дополнить картину их жизни». Та же самая характеристика приложима и к ткачам Йоркшира, Ноттингэмшира и Дербишира. Особенно мрачную картину представляют ручные ткачи, сосредоточенные в больших городах. Но бо́льшая часть ткачей живет в окрестностях больших мануфактурных городов; и несмотря на крайнее понижение их заработка и связанной с этим бедности, нет людей более терпеливых, умеренных и трудолюбивых. Лишения, которые они испытывают, являются, конечно, достаточным доказательством того, что крайне необходимо принять меры для облегчения их положения; еще более доказывают эти лишения, что машины, приводимые в движение паром, чрезвычайно много прибавив и прибавляя к нашим национальным ресурсам, вместе с тем влекли за собой

горе и страдание многочисленного и достойного класса ремесленников... Может быть, скажут, что ручные ткачи страдают по своей вине, что они жертвы собственной лени и нелюбви к фабричному труду? Но... на паровых ткацких фабриках за ткацкой работой наблюдают молодые женщины, там нет приложения труду ткача, который должен либо оставаться верным своему станку, либо погибнуть от недостатка и нужды. Поэтому тысячи семей продолжают зависеть от ручного станка... В борьбе с нуждой они не обращаются в пауперов: отцы семей, зарабатывающие всего лишь 5 шилл. в неделю, продолжают гордо свою работу среди лишений, но редко обращаются за помощью к приходу... В качестве очень ценного средства помочь жалко оплачиваемым ремесленникам можно указать на обработку так называемых «waste lands» (пустых, необработанных земель, быстрым темпом огораживающихся в начале XIX в.)... Несомненно, что много миллионов акров необрабатываемой земли при подходящей системе их обработки с избытком могли бы заплатить за издержки на их обработку... Несомненно, что обширная площадь земли может быть с пользой и выгодой обработана, хотя и не следует отсюда, что все «waste lands» годны для этой цели... Попытка помочь ткачам была сделана несколько лет тому назад несколькими джентльменами по соседству с Манчестером; они хотели поднять ручных ткачей из состояния крайней бедности. Помощь благотворительная была тут бесполезна: ткачи, с достойной похвалы гордостью, не хотели обращаться за помощью к приходу, за исключением случаев болезни. Было ясно, что эти люди, ведшие трудолюбивую и воздержанную жизнь, были жертвою их гигантского антагониста — пара... Сперва предположено было помочь им эмигрировать... Затем было решено снабдить этих впавших в бедность ткачей мелкими клочками земли, и были сделаны попытки подыскать для них подходящую землю, но окончились неудачей, так как за землю поблизости города запросили чрезвычайно дорого. Наконец остановились на песчаной, невозделанной «waste», за которую тоже запросили немалую сумму... Но когда подсчитали издержки, необходимые для устройства изгородей, удобрения земли и т. п., то и этот план был оставлен, так как он оказался не под силу частному капиталу... Обработка «waste lands» должна стать национальным делом; средства страны не могут быть употребляемы с большей пользой! Двадцать миллионов были ассигнованы на выкуп вест-индских рабов; но условия, в которых находятся домашние ремесленники, несравненно хуже тех, в которых жило рабское население колоний... Путем внутренней колонизации... можно было бы обратить рабочих в мелких фермеров... Земля является средством возрождения для наших рабочих, средством сделать их вновь счастливыми и миролюбивыми, сделать их потребителями в широких размерах местных и колониальных продуктов, а главное, сделать их вновь нравственными и независимыми членами общества, преданными стране и ее учреждениям. Но настаивая на необходимости восстановить домашних ремесленников, улучшить их положение, сделать их труд полезным для них самих и выгодным для государства, мы не предполагаем, что сделать это — значит сделать все, но лишь первый важный шаг. Напрасным было бы лишь понижать тяжесть обложения, делать хлеб более дешевым путем снятия уз с хлебной торговли, если мы не доставим бедному человеку возможность просодержать себя. Труд взрослого человека становится с каждым днем дешевле, с тех пор как гигантская сила пара была применена к промышленности. Если мы позволим рабочим приходить в упадок, если они будут подавлены прогрессом научных открытий, если усвоение механических приспособлений будет толкать их на праздность, если пауперизм будет распространяться все глубже и глубже, если рабочие дома станут их будущими жилищами, тогда солнце благополучия Англии будет опускаться, и ничто не спасет ее: ни ее огромный капитал, ни искусство ее ремесленников, ни предприимчивость ее купцов, ни ее неимеющие себе равных ресурсы, ни ее мудрые учреждения. Она может развить свою промышленность, может накоплять богатство, но если большая часть ее населения будет вырождаться такими же шагами, как в течение последнего полувека, то ужасные результаты не замедлят обнаружиться вскоре. Наши ремесленники отступают шаг за шагом перед машинами, и в то же время, в результате поглощения домашней промышленности фабриками, все усиливается приток населения в мануфактурные округа, вследствие чего создается еще большее переполнение на рынке труда...».

12. Билль о правах 1689 г.

(Извлечения.)

«...И посему означенные духовные и светские лорды и общины, в силу упомянутых грамот и выборов, собравшиеся ныне в качестве полного и свободного представительства этого народа, по зрелом обсуждении наилучших средств для достижения вышесказанных целей, прежде всего (как делали в подобных случаях их предки) заявляют, для восстановления и удостоверения своих древних прав и вольностей, нижеследующее:

1. Что предполагаемая власть приостанавливать законы или исполнение законов королевским повелением без согласия парламента незаконна.

2. Что предполагаемая власть изъятия из законов или исполнения законов королевским повелением так, как она присваивалась и применялась в недавнее время, незаконна.

3. Что учреждение суда комиссаров по церковным делам и всякие другие утверждения и суды подобного рода незаконны.

4. Что взимание сборов в пользу и распоряжение короля, в силу якобы прерогативы, без согласия парламента или на более долгое время или иным порядком, чем установлено парламентом, незаконно.

5. Что обращение с ходатайством к королю есть право подданных, и всякое задержание и преследование за такие ходатайства незаконны.

6. Что набор или содержание постоянного войска в пределах королевства в мирное время, иначе как с согласия парламента, противны закону.

7. Что подданные протестантского исповедания могут носить оружие, соответствующее их положению, и так, как дозволено законом.

8. Что выборы в члены парламента должны быть свободны.

9. Что свобода слова, прений и актов в парламенте не должна быть стесняема и подвергаема контролю в каком-либо суде или месте, кроме парламента.

10. Что не допускается требование чрезмерных залогов, ни наложение чрезмерных штрафов или жестоких и необычных наказаний.

11. Что присяжные должны быть вносимы в списки и призываемы к очереди надлежащим порядком, и присяжные, решающие судьбу человека в делах об измене, должны быть свободными землевладельцами.

12. Что всякие пожалования и обещания из сумм, ожидаемых от штрафов и конфискаций до осуждения, незаконны и недействительны.

13. Что для пресечения всяких злоупотреблений и для улучшения, укрепления и охранения законов парламент должен быть созываем достаточно часто».

13. Избирательная система в Англии и социальный состав парламента.

Этот отрывок взят из петиции «Общества друзей народа», демократической организации конца XVIII в., боровшейся за расширение избирательного права и демократизацию Англии.

«В настоящее время (конец XVIII в.) народ не имеет в палате общин полного и надлежащего представительства... Число представителей от различных графств в высшей степени непропорционально их пространству, населению и промышленному развитию... Большинство палаты избирается менее чем 15 тыс. избирателей, которые, если даже предположить число взрослого мужского населения не превышающим 3 млн., составляют не более одной двухсотой части всего подлежащего представительству народа. Возможно ли, чтобы Рутланд (отсталый район) и Норкшир (хозяйственно-развитой центр) имели одинаковое число представителей? Семьдесят членов являются представителями 35 местностей, называть число избирателей которых значило бы злоупотреблять терпением достопочтенной палаты, так как выборы там явно представляют собою одну формальность.

90 членов от 46 местностей, в которых число избирателей не превышает 50 в каждой.

37 членов от 19 местностей, в которых число избирателей не превышает 100.

52 члена от 26 местностей, где число избирателей не превышает 200...

Религиозные убеждения являются препятствием к праву голосования. Все католики повсюду исключены, протестантские диссиденты лишены права голоса в выборе представителей более чем в 30 избирательных округах.

Человек, получающий 1 000 ф. стерл. годового дохода с аренды, взятой на 99-летний срок, с торговли или государственных бумаг, не приобретает этим права голоса. Человек, платящий

сколько бы то ни было налогов, как бы невелика ни была их сумма, не имеет права голоса, если только не живет в известных избирательных округах.

Восемьдесят четыре человека своею собственною властью посылают 157 членов в парламент. Вдобавок к ним 150 членов назначаются не коллективным избранием тех, представителями которых они якобы являются, а по указанию 70 влиятельных лиц, и таким образом 154 патрона посылают от себя 307 членов парламента, т. е. положительное большинство палаты...

Таким образом все управление страны находится в руках 154 лиц...

В списке лиц, именующих себя «подходящими людьми» для выбора в будущий парламент, я нахожу «набобов», которые грабежом, убийствами и изменою своим хозяевам скопили себе громадные состояния и теперь, с помощью подкупа избирателей, сделались «подходящими людьми» и т. д., это — выходцы из Вест-Индии; далее я нахожу: управляющих аристократическими поместьями, сходных во всем (за исключением убийства) с вышеописанными набобами; должностных лиц, которые награбили уже настолько, что, как они сами дают понять, имеют теперь возможность вести честную жизнь; торговцев процентными бумагами и биржевых агентов, которые во время войны, разорив множество людей, обогатили себя и несколько лиц, стоящих у власти и посвящавших в тайны политики; стряпчих, которые, как наемные швейцарцы, за деньги готовы сражаться за что угодно; шотландцев, решившихся сделать карьеру, являясь «подходящими людьми» для английских местечек и английских дам; ирландцев с такими же намерениями, но сильно вытесняемых своими вышеупомянутыми соперниками; игроков, желающих поднять свой кредит, сделавшись членами парламента, и войти в общество, а также избежать ареста за мошенничества и долги».

14. Ад. Смит — против стеснений торговой и промышленной деятельности.

Отрывок взят из книги А. Смита «Богатство народов» (1776).

«...Одно из важнейших средств, предлагаемых меркантильной системой с целью увеличить в стране количество золота и серебра, состоит в исключительном стеснении ввоза всех почти товаров из страны, с которой торговый баланс считается непригодным...

...При помощи таких истин успели внушить и гражданам мнение, что благополучие их состоит в разорении соседей; поэтому каждая страна завистливыми глазами смотрит на благосостояние всех народов, находящихся в торговых отношениях, и все что составляет выгоду последних, считает за свою собственную потерю. Торговля вместо того, чтобы вызвать естественное согласие и дружбу как между людьми, так и между народами, стала самым обильным источником злобы и вражды.

Это учение первоначально было внушено и распространено духом монополии. Первые его проповедники не были, разумеется, так глупы, как те, которые приняли его на веру. Во всякой стране интерес всей массы народа состоит и должен состоять в том, чтобы покупать все необходимое у ближайших соседей и как можно дешевле... Но как интерес цеховых мастеров какого-либо ремесла состоит в недопущении жителям заказывать работу у кого бы то ни было, кроме них, так и выгоды купцов и фабрикантов каждой страны состоят в захвате в свои руки монополии на внутреннем рынке; вот причина непомерных пошлин и запрещений, наложенных в Великобритании и большой части прочих европейских государств на все почти товары, привозимые иностранцами...

На основании этих-то воззрений торговля между Францией и Англией подвергнута в том и другом королевстве столькими стеснениям и всякого рода ограничениям. А между тем если бы оба народа согласились подчиниться только действительным своим интересам, не слушая внушений торгашеской зависти и не ослепляя себя национальными предрассудками, то торговля с Францией могла бы быть выгоднее для Великобритании, чем с какой бы то ни было другой страной и таким же образом торговля с Великобританией для Франции... Эта торговля была бы, по крайней мере, в 3 раза выгоднее столь прославленной торговли с нашими американскими колониями, торговые обороты с которыми редко совершаются в 3 года, но чаще всего требуется для этого 4 и 5 лет... Франция со своим 24-миллионным населением могла бы открыть нам, по крайней мере, в 8 раз более широкий, а вследствие более частых оборотов — в 24 раза более выгодный рынок, сравнительно с тем, что представляет для нас Сев. Америка. Торговля с Великобританией была бы настолько же выгодна для Франции... Вот различие в выгодах между

торговлею, которую по предусмотрительности обоих народов нашли нужным стеснить, и между торговлею свободной и открытой...

Всякий человек, пока он не нарушает законов справедливости, имеет бесспорное право следовать по пути, указанному ему его личными интересами, и употреблять по своему усмотрению свой труд и капитал... Забота о выгоде естественно и необходимо побуждает избрать именно тот путь, который оказывается наиболее выгодным для общества...

Преследуя свою собственную выгоду, человек часто работает на общую пользу более действительным образом, чем если бы задался такой целью... Государственный человек, который принял бы на себя труд указывать частным лицам, как они должны употреблять свой капитал, мало того, что занялся бы совершенно бесполезным делом, но он присвоил бы себе власть, которую было бы безрассудно поручить не только одному лицу, но какому бы то ни было совету или сенату...».

15. Годвин о собственности и личной свободе.

Отрывок взят из книги У. Годвина (1756—1836) «Political justice».

(«Исследование касательно политической справедливости и ее значения на добродетель и благополучие») (1793). Книга Годвина направлена на защиту прав личности против авторитета.

«Вопрос о собственности есть краеугольный камень, увенчивающий здание политической справедливости. От правильности или неправильности наших представлений по этому предмету зависит, в какой степени мы будем понимать результаты простой, бесправительственной формы общества, в какой степени мы отрешимся от предрассудков, привязывающих нас к сложному (капиталистическому) обществу. Ибо ничто не имеет такой могущественной тенденции извращать наше суждение и наши взгляды, как ошибочное представление о материальных благах и их значении для счастья. Наконец, наступление периода, который упразднит систему принуждения и наказания, тесно связано с утверждением собственности на основе справедливости.

В распределение собственности вкрались многочисленные и очевидные злоупотребления, и каждое из этих злоупотреблений можно было бы сделать предметом особого исследования. Мечты о национальном величии, тщеславие, власть имущих, дурная налоговая политика, меркантильная система с ее сетью монополий, запрещений и привилегий, феодальное право с его своеобразными титулами владения, наследственное право — все эти мероприятия и институты неблагоприятно отразились на распределении хозяйственных благ. Но они не могут быть подробно исследованы здесь, так как задача автора — установить только общие начала, имеющие решающее влияние на собственность, и определить их ценность на основании принципа справедливости.

Кто имеет, согласно принципу справедливости, право на какой-нибудь предмет, например, на ковригу хлеба? Тот ли, кому хлеб наиболее нужен, или же тот, кто из обладания им извлечет наибольшую прибыль? Вот перед нами стоят шесть голодных людей, которые могли бы все наесться досыта ковригой хлеба. Они, быть может, дети одних и тех же родителей, но согласно феодальному праву первородства хлеб дается старшему из них. Разве это отвечает справедливости? Другой пример: я имею сто хлебов, а один из моих соседей умирает с голоду. Разве справедливость не требовала бы в этом случае, чтобы ему предоставили один хлеб. И все же мы ежедневно наблюдаем, как избыток и лишения существуют рядом, причем не делается никакой попытки применить уравнительную справедливость...

Каждый человек имеет право не только на необходимейшие средства существования, но и на приятную жизнь и вообще на досуг, дабы иметь возможность развивать свои духовные способности. Что же мы видим теперь? Мы видим, что рабочие классы, создающие благосостояние государства и добывающие своей деятельностью национальный доход, пользуются наименьшим досугом и получают наименьшую долю национального дохода, тогда как богатые тратят свой избыток на роскошь. Вообще крупные доходы противоречат началу справедливости. Если кто-нибудь имеет возможность расходовать ежегодно только 100 ф. стерл. и правильно понимает свое счастье, то ему несравненно лучше, чем богачу, тратящему свой избыток на ненужные вещи. Простой образ жизни гораздо полезнее для нашего физического и духовного благополучия, чем роскошный. Траты, идущие дальше удовлетворения необходимых жизненных потребностей, — не более, как форма чванства. Они предпринимаются нами только для угождения своему чувству тщеславия, своей страсти к чужим похвалам, своему высокомерию. Богатство

имеет, таким образом, гибельные последствия для духа его обладателя: оно мешает ему искать истину, осуществлять справедливость, другими словами—достигнуть счастья.

Нынешнее распределение богатства, следовательно, дурно. И не оно одно только: способ вознаграждения труда, считающийся ныне справедливым, также не соответствует справедливости. Человек, вырабатывающий больше, чем другой, получает теперь большее вознаграждение. Общество говорит: если ты будешь работать прилежно, то получишь во 100 раз больше пищи, одежды, помещения и удовольствия, чем тебе нужно. Разве это справедливо? Если бы я даже был величайшим благодетелем человечества, разве это давало бы мне право доставлять себе избыток, тогда как многие другие будут нуждаться в самом необходимом? Тем более, что избыток мог бы только повредить мне, затемняя мой разум и приводя меня поэтому к заблуждениям и порокам...

Человек есть существо политическое (общественное); но он в то же время индивидуальное существо. Общежитие должно быть устроено поэтому так, чтобы человек мог индивидуальным развитием своих способностей наилучше служить общему благу; но решающий голос имеет в этом вопросе не общество, не закон, а собственное суждение, независимая мысль отдельного человека. Общество есть, ведь, не более, как сосуществование рядом отдельных личностей, каждая из коих автономна. Общество не есть большая машина, части которой равномерно и закономерно захватывают друг друга и безвольно выполняют свою работу. Система справедливости не имеет ничего общего с идеалом экономистов, расхваливающих выше всякой меры совместную деятельность, основанную на разделении труда. Разделение труда принижает человека ко степени механического орудия; оно—продукт жадности и следствие роскоши. Экономическая система будущего будет основана на настоятельных потребностях отдельного человека. Торговли не будет, ибо она предполагает, что человек создает хозяйственные блага, ему самому ненужные».

16. Основные классы капиталистического общества.

(Отрывок из «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса.)

«Выросшее на развалинах феодализма современное буржуазное общество не уничтожило различия классов. Оно только поставило новые классы на место старых, выработало новые способы угнетения и новые виды борьбы.

Наша эпоха—эпоха буржуазии—отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия. Общество все более и более разделяется на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса—буржуазию и пролетариат...

Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль. Всюду, где она достигла господства, буржуазия разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные нити, связывающие человека с его наследственными повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана. В холодной воде эгоистического расчета потопила она священный порыв набожной мечтательности, рыцарского воодушевления и мещанской сентиментальности. Она превратила в меновую стоимость достоинство человека и на место бесчисленного множества видов благоприобретенной и патентованной свободы поставила одну беззастенчивую свободу торговли, словом — эксплоатацию, прикрытую религиозными и политическим иллюзиями, она заменила эксплоатацией открытой, прямой, бесстыдной и сухой...

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства, а следовательно, и в отношениях производства, а следовательно, и во всех общественных отношениях. Неизменное сохранение старого способа произвоства было, напротив, первым условием существования всех предшествовавших ей промышленных классов. Постоянные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечное движение и вечная неуверенность отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все прочные заржавелые отношения, с соответствующими им исстари установившимися воззрениями и представлениями, разрушаются, все вновь образовавшиеся оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и неподвижное испаряется, все священное оскверняется, и люди вынуждаются, наконец, взглянуть трезвыми глазами на свои взаимные отношения и свое жизненное положение...

Менее чем во сто лет своего господства буржуазия создала более могущественные и более

грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения вместе взятые. Подчинение сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, распашка целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, как бы из земли выросшие поселения... В каком из предшествующих столетий можно было предполагать, что подобные производительные силы дремлют в недрах общественного труда?

Итак, мы видели: средства производства и сообщения, которые послужили основанием для развития буржуазии, зародились еще в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и сообщения, условия, среди которых совершались производство и обмен в феодальном обществе, феодальная организация земледелия и промышленности, словом, феодальные имущественные отношения, оказались несоответствующими вызванным к жизни производительным силам. Они мешали производству, а не способствовали ему. Они превратились в столь же многочисленные оковы. Они должны были быть разорваны, и они были разорваны.

Место их заняла свободная конкуренция с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством буржуазии. В наших глазах совершается подобное же движение. Буржуазные условия производства и сообщения, буржуазные имущественные отношения, современное буржуазное общество, как бы волшебством создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, походит на волшебника, который не в состоянии справиться с вызванными его заклинаниями подземными силами. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой историю возмущения современных производительных сил против современной организации производства, против имущественных отношений, этих условий жизни для буржуазии и ее господства. Достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более угрожают существованию всего буржуазного общества. Во время кризисов постоянно уничтожается значительная часть не только готовых уже продуктов, но и находящихся в распоряжении общества производительных сил. Во время кризисов появляется эпидемия, которая во все предшествовавшие эпохи показалась бы нелепостью, эпидемия излишнего производства. Общество вдруг возвращается на некоторое время в варварское состояние; можно подумать, что голод или всеобщая истребительная война лишили его всех жизненных средств; промышленность и торговля как бы уничтожаются — и почему? Потому что общество слишком цивилизовано, потому что оно имеет слишком много жизненных средств, потому что торговля и промышленность его развиты слишком высоко. Находящиеся в его распоряжении производительные силы не способствуют уже развитию буржуазной цивилизации и буржуазных имущественных отношений; напротив, они стали слишком велики для этих отношений, они встречают в них препятствия, а когда им удается одолеть эти последние, они приводят в расстройство все буржуазное общество, угрожают существованию буржуазной собственности. Буржуазные отношения оказываются слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. Каким образом буржуазия устраняет кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил; с другой стороны, посредством завоевания новых и более широкой эксплоатации старых рынков. Следовательно, не чем другим, как подготовлением более широких и сильных кризисов и уменьшением средств противодействия им.

Оружие, которым буржуазия на-смерть поразила феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но она не только выковала оружие, которое нанесет ей смертельный удар, она также породила и людей, которые направят это оружие, современных рабочих, пролетариев.

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее только до тех пор, пока труд их увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя в розницу, представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому находятся в зависимости от всех случайностей конкуренции, от всех колебаний рынка...

...Из всех классов, противостоящих теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же именно ею и создается.

Средние слои, мелкие промышленники, мелкие купцы, ремесленники, крестьяне, — все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование как средних слоев. Следовательно, они не революционеры, а консерваторы. Более того, они реакционны; они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, но будущие свои интересы, поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата.

Пролетариат оборванцев (люмпен-пролетариат), этот пассивный продукт разложения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается в движение пролетарской революцией, но, по всей своей жизненной обстановке, он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней.

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. Пролетарий не имеет собственности; его отношения к жене, детям не имеют более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое, как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерло с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия являются для него не более, как буржуазными предрассудками, под которыми скрываются те или другие буржуазные интересы.

Все предшествующие пролетариату классы, достигая господства, старались упрочить уже приобретенное ими общественное положение, ставя все общество в условия, наиболее благоприятные для их обогащения. Пролетарии же могут овладеть общественными производительными силами только тогда, когда уничтожат свой собственный, а вместе с тем и все современные способы приобретения имущества. Пролетариям нечего упрочивать; они должны, напротив, разрушать все упрочившиеся способы частного обогащения и частного обеспечения.

Все возникавшие до сих пор движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Движение пролетариата есть самостоятельное движение подавляющего большинства в интересах подавляющего большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться, не уничтожая в прах всю возвышающуюся над ним надстройку из слоев, образующих официальное общество.

Если не по сущности, то по форме борьба пролетариата против буржуазии есть прежде всего борьба национальная. Пролетариат каждой страны естественно должен прежде всего покончить с своей собственной буржуазией.

Таким образом, очерчивая самые общие фазы развития пролетариата, мы проследили более или менее скрытую гражданскую войну, происходящую в недрах современного общества, вплоть до того пункта, когда эта война превращается в открытую революцию и пролетариат путем насильственного низвержения буржуазии кладет основание своему господству.

Все доныне существующие виды общественного устройства основывались, как мы видели, на противоположности угнетенных и угнетающих классов. Но, чтобы угнетать известный класс, нужно создать условия, среди которых он мог бы, по крайней мере, поддержать свое подневольное существование. Под гнетом лежащего на нем ига крепостной возвысился до степени члена (городской) коммуны, подобно тому, как горожанин, несмотря на гнет феодального абсолютизма, вырос до буржуа. Напротив, современный рабочий, вместо того чтобы возвышаться с прогрессом промышленности, все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится нищим, и нищета развивается еще быстрее, чем население и богатство. Все более делается очевидным, что буржуазия неспособна оставаться господствующим классом и возводить условия своего существования в норму, регулирующую весь общественный строй...

Самое важное условие существования и господства буржуазного класса есть накопление богатства в руках частных лиц, образование и умножение капитала. Условие существования капитала есть наемный труд. Наемный труд основывается исключительно на конкуренции рабочих между собою. Прогресс промышленности, безвольным и пассивным носителем которого является буржуазия, ставит на место разъединения рабочих посредством конкуренции революционное объединение посредством ассоциации. С развитием крупной промышленности вырывается следовательно из-под ног буржуазии то самое основание, на котором она производит и присваивает себе продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее поражение и победа пролетариата одинаково неизбежны».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Историческое место Великой французской революции.

Великая буржуазная революция во Франции была колыбелью современного буржуазного государства в Европе. По своему значению она выходит за рамки одной Франции: во всех странах Европы она способствовала уничтожению феодальных отношений как в области социально-экономической, так и в области политической. Это международное значение французской революции объясняется тем, что в XVIII в. в государствах старой Европы феодальный порядок был уже в значительной степени подточен. Французская революция закончила его ликвидацию. Однако в то время как в одних государствах (Германия) новые капиталистические отношения едва пробивались, в других (Франция) капитализм шагнул в достаточной мере вперед, чтобы определить успешный ход буржуазного общественного развития. Английская буржуазная революция XVII в. произошла до промышленного переворота, французская революция же XVIII в. — в процессе этого переворота. Применение машин только началось, промышленно-капиталистический строй Франции был еще в процессе формирования. Зародыши нового порядка были опутаны тягчайшими пережитками феодализма. Новая Франция не могла появиться на свет безболезненно, потому что «слишком далеко зашла старческая слабость и немощь старого строя и слишком велики были выросшие в недрах его непримиримые противоречия» (Кунов). Классовая борьба на основе развивающегося капитализма в период французской революции свелась поэтому не только к борьбе трех сословий: дворянства, духовенства и «третьего сословия», но и к социальным конфликтам внутри единого «третьего сословия». Однако в этих конфликтах пролетариат еще не противопоставил себя, как класс, буржуазии, идею коммунизма — идее буржуазного государства. Раньше предстояло родиться буржуазному государству на развалинах феодального общества.

«Старый порядок» и основная причина его падения.

Буржуазный строй зрел в недрах «старого порядка». Что такое «старый порядок»? Часто так называют общественный строй Франции и всей Европы до 1789 г. Но такое понимание ошибочно потому, что оно слишком обще. Тот общественный строй, который сложился во Франции к концу XVIII в., сильно отличается от строя Франции начала XVIII в. Таким образом понятие «старый порядок» охватывает различные эпохи в истории дореволюционной Франции. Когда мы говорим о «старом порядке» накануне революции, мы имеем в виду преимущественно Францию в период 1774—1789 гг.

Это было время, когда во Франции острее, чем когда бы то ни было, столкнулись интересы побеждающего буржуазного порядка и отживающего строя. Под «старым порядком» мы понимаем не только политический строй Франции, но и экономический порядок ее до революции. В экономике страны раньше всего и обнаружился конфликт между развитием капитализма и существующими имущественными отношениями. Французская революция в эпоху «старого порядка» была таким образом социальной революцией буржуазии против феодальных классов, как наша революция — социальная революция пролетариата — против капиталистических классов. Эти революционные задачи французской буржуазии были понятны и отдельным идеологам ее еще до революции. Один из них (Барнав) в своей книге дает первую попытку материалистического объяснения истории. Он понимает, что французская революция должна изменить политический строй страны в связи с изменением характера собственности, на основе которой покоится общественная жизнь. Для него французская революция — результат предшествующего общественного развития. «Там, где единственным источником дохода, — пишет он, — служит земля, крупные имения должны мало-помалу поглотить мелкие, тогда как там, где промышленность и торговля являются источниками дохода, там последние определяют и развитие сельского хозяйства». «Новое распределение богатства, — продолжает Барнав, — вызывает новое распределение власти. Как обладание землей взрастило аристократию, так индустриальная собственность приводит к народовластию». Правда, Барнав, как предвестник исторического материализма, — исключение, но идеологи поднимающейся буржуазии в общем

и целом понимали связь между грядущей политической революцией и экономической мощью буржуазии. В конфликте между развитием новых экономических сил и отживающим общественным порядком мы и будем искать основную причину революции.

Торговля, промышленность и сельское хозяйство Франции накануне революции.

«В истории человечества не было событий более крупных и более подготовленных, чем французская революция» (А. Токвиль). Но это конечно только до пролетарской революция в России. Понять причины революции конца XVIII в.—значит изучить раньше всего экономический строй «старого порядка». Уяснить предпосылки революции — значит выяснить основные классовые группировки страны; чтобы понять движущие силы революции, необходимо, наконец, познакомиться с идеологией борющихся классов.

Население Франции накануне революции было определено официальной статистикой примерно в 26 373 тыс. человек, причем на долю городского населения приходилось до 2 млн. Деревенское население составляло подавляющее большинство в стране. Крупных городов было мало: Париж и Лион. Париж насчитывал 600 тыс. жителей, а Лион — 135 тыс. Франция была страной земледельческой по преимуществу; деревня преобладала над городом. Но капитализм проникал и во французскую деревню. Франция конца XVIII в. была страной торгового капитала и мануфактурной промышленности. Революция конца XVIII в. развернулась в стране д о-м а ш п и н о г о п р о и з в о д с т в а. Крупнейшие торговые центры страны были в то же время и ее индустриальными центрами, а огромное деревенское население было не только потребителем, но и производителем мануфактурных товаров. О преобладании натурального хозяйства во Франции конца XVIII в. не может быть и речи. Несмотря на количественное преобладание деревенского населения во Франции конца XVIII в., в развитии ее торговли и промышленности следует искать ключ к пониманию характера ее сельского хозяйства. Но при этом ни в коем случае не следует упускать из виду пережитки феодализма в стране, которые препятствовали экономическому росту Франции. Говоря об экономическом строе Франции, надо всегда иметь в виду переплетение в нем противоречивых элементов: капитализма и феодальных пережитков. Феодальное прошлое давало себя чувствовать прежде всего в деревне.

Внешняя торговля.

Французский капитализм, как и английский, знал свой период первоначального накопления. Государственное покровительство промышленности и торговли во Франции было развито более, чем где бы то ни было. Во время министерства Кольбера (конец XVII в.) регламентация промышленности и запретительная таможенная политика введены были в систему. Французское государство содержало промышленность и поощряло торговлю.

Эпоха Кольбера совпала с периодом колониального расширения Франции. Еще в 20-х и 30-х годах XVII столетия обороты французских купцов превышали вдвое торговлю англичан и венецианцев. Правда, с XVIII столетия Англия начинает вытеснять Францию на мировом рынке. Однако французская торговля растет особенно со второй половины XVIII в. Это видно из следующих цифр: в 1716—1720 гг. внешняя торговля Франции оценивалась в 214,8 млн. ливров [1], а в 1784—1788 гг. — в 1 011,6 млн. ливров. О торговой мощи Франции писал лорд Честерфильд: «Французы ведут обширную торговлю с Ост-Индией и Вест-Индией: они почти совершенно вытеснили нас (англичан) из торговли с Левантом». Города Марсель, Бордо, Нант были центрами мировой торговли. В Марсель стекались обитатели четырех стран света, чтобы вести торговые операции. Это обстоятельство дало возможность широко развиться кораблестроению. В 1778 г. спущено было на воду 7 кораблей, а в 1784 г. — 33. Но что составляло предмет внешней торговли Франции? Она вывозила преимущественно земледельческие продукты и предметы деревенской промышленности, вина, ткани, бакалею; а также фабрикаты французского производства — пудру, румяна, предметы роскоши и парфюмерные товары; последние были по ценности не ниже, чем вывоз шерстяных товаров. Внешняя торговля Франции страдала от отсутствия необходимой свободы. Ряд запрещений, таможенная политика в вопросе, скажем, хлебной торговли мешали ее развитию. Но главным образом внешняя торговля страдала от отсталости французской промышленности. Вот почему, когда в 1786 г. заключен был англо-французский договор, в основу которого положен был принцип свободной торговли, Франция не смогла устоять в борьбе с английским капиталом. Развал французского государства дал возможность Англии в длительных войнах забрать ее колонии, вытеснить ее на рынках и стать

Э к с п о р т Ф р а н ц и и (в миллионах ливров [1])

	1716 г.	1789 г.
Продукты земли	36	93
» франц. индустрии .	45	133
Колониальные товары Америки	15	152
Товары Индии—транзитные .	2,6	4,1
Иностранные товары — транзитные	6	46

[1] Ливр равняется $37^1/_2$ коп.

капиталистическим хозяином мира. (Материалы и документы, № 1.) Это не мешало однако Франции делать большие успехи на путях капиталистического развития. Об этом свидетельствует таблица на стр. 36.

Внутренняя торговля и торговля хлебом.

Внутренняя торговля особенно остро чувствовала стеснения «старого порядка». Франция конца XVIII в. состояла еще из ряда областей, отделенных друг от друга таможенными границами. Эти части: «провинции пяти больших откупов», где товары могли циркулировать беспошлинно, но при ввозе и вывозе из одной области в другую пошлины платились; «провинции наподобие действительно иностранных» были как бы чужой для Франции страной и, наконец, «провинции, признанные за иностранные», которые были отделены от «провинции пяти откупов» таможенной линией. Подобная путаница во внутренних торговых отношениях служила, правда, фискальным интересам государства и интересам отдельных сеньоров, но решительно мешала развитию внутренней торговли. Для внутреннего обмена Франции этого времени особенно характерно отсутствие единой меры длины и веса, их необычайное разнообразие. Но еще больше стеснения и затруднения испытывала от правительственных мер хлебная торговля. Она была подчинена строжайшему регламенту. «Земледелец собирал свой урожай, платил десятину, налоги государству и повинности сеньору». Оставшийся хлеб был для собственного потребления и продажи. Но крестьянин не мог свободно располагать излишком своего хлеба, так как место и время продажи его были точно установлены. Он обязан был доставлять хлеб на рынок по заранее определенной цене и т. п. За выполнением всех этих и многих других правил наблюдали городская торговая полиция и особые чиновники, на содержание которых шли рыночные пошлины, падавшие на земледельцев. Ряд других рыночных пошлин (за взвешивание, за ссыпку хлеба), а также пеажи, или пошлины за провоз, подрывали всякую торговлю хлебом. Хлебная торговля считалась в стране чем-то преступным: торговцы подлежали строгому контролю. Вывоз хлеба в другие страны запрещался. Но с проникновением денежного хозяйства в деревню, с дальнейшим отделением промышленного труда от земледельческого торговля хлебом приобретала все большее и большее значение. Затруднения свободной продажи хлеба лишь порождали спекуляцию на голоде. Правда, «старый порядок» пытался облегчить условия хлебной торговли, но безуспешно. Эти препятствия были уничтожены только революцией. (Материалы и документы, № 2.)

Промышленность.

Мы уже указывали выше, что развитие промышленности в стране до XVIII в. зависело от развития ее торговли. «Марсель был одновременно и торговым и крупным промышленным центром: невозможно отделить его торговлю от промышленности». То же и с другими торговыми городами. Часто капитал обитателей этих городов (Нанта, Бордо) создавался торговлей рабами, но он шел и в промышленные предприятия страны. А рост торгового капитала (например, Нанта) способствовал промышленному расцвету ближайшей к нему области (Бретани). В 1758 г. была основана первая мануфактура ситца в Нанте, а через 7 лет на ней производили 5 тыс. штук ситца. Здесь была и веревочная фабрика и 2 канатных завода, где было 500 ткацких станков. На фабриках набивных бумажных материй работало 4 500 человек. Но кроме подобных центров торговли и промышленности были и собственно промышленные центры. Так население Лиона было по преимуществу занято производством шелковых изделий, выделкой шляп, ситца, сукон, окрашиванием тканей. Там работало 14 177 станков по изготовлению шелковых изделий, а рабочий персонал составлял 58 тыс. человек. Однако промышленность Франции была преимущественно распространена в деревнях, а не концентрирована в городах. По количеству изделий деревенской промышленности первенство принадлежало изделиям пеньковым и льняным, далее — шерстяной и шелковой промышленности. Хлопчатобумажная промышленность была самой молодой из всех отраслей текстильного производства. Подобное широкое развитие промышленной жизни страны в деревнях возможно было благодаря чрезвычайной бедноте французского крестьянства. Приведем несколько цифр. Общая сумма производства промышленных изделий к концу XVIII в. возросла в 5 раз по сравнению с временем Кольбера. Перед революцией производством шерстяных тканей было занято около 68 500 станков, изготовлявших 2 607 тыс. штук материи. Но какова была организация промышленности во Франции в это время? Преобладающей формой была деревенская, следовательно домашняя и собственно мануфактурная промышленность. Ремесло в мелкой промышленности ни в какой мере не было еще вытеснено. Это свидетельствует о роли ремесла во Франции накануне революции. Что касается домашней промышленности и мануфактуры, то во Франции существовали чрезвычайно разнообразные типы ее. Наряду с простейшей формой производства на заказ, непосредственно потребителю, мы встречаем: 1) работу производителя на рынок, 2) такую форму, когда между производителем и рынком был посредник, не владельцем сырья

был крестьянин, 3) когда сырье принадлежало купцу-предпринимателю, 4) когда и орудия производства принадлежали купцу и наконец 5) «фабрику без машин».

Во французской домашней промышленности наиболее распространены были второй и третий типы. О распространенности деревенской промышленности дает понятие еще и следующее свидетельство историка: «Пряли почти во всех деревнях; у каждой пастушки было свое веретено, в каждой хижине — своя прялка». Однако эта примитивная форма промышленности давала продукты для широкой торговли Франции. Во Франции значительное место занимала и мануфактурная промышленность. Отметим здесь мануфактуры Пикардии, где общая стоимость производства шерстяных материй оценивалась приблизительно в 18 500 тыс. ливров. Но когда говорят, что такая-то мануфактура занимает несколько сот и даже тысяч рабочих, не следует понимать, как правило, что все эти рабочие работают под одной крышей: большей частью это должно означать, что данный предприниматель раздает сырье и имеет столько-то производителей, разбросанных в округе.

Кроме ремесла и домашней промышленности, Франция знала крупную промышленность. Слабо была развита металлургическая промышленность, но потребление дров этой промышленностью часто приводило в ужас жителей окружающих деревень, которые в наказах просят запретить употребление лесов на топливо для металлургических заводов. Крупная индустрия еще не стала всеобщим и преобладающим типом промышленности, хотя мы и встречаем отдельные крупные предприятия в металлургической промышленности и особенно в области текстильного производства, где крупные предприятия встречались чаще. Но самое характерное для французской промышленности при сильном развитии ее — это сосуществование разнообразных промышленных систем. Только пар и машина в первой половине XIX в. дали окончательную победу крупной индустрии.

Французская промышленность не знала большой концентрации рабочих. В одной из наиболее развитых отраслей производства Марселя — мыловаренной — предприятия насчитывали в среднем не более 10—15 рабочих. Подобное состояние французской промышленности было связано с ее технической отсталостью. Только с 60-х годов XVIII в. наметилась техническая революция, которая заменила впоследствии мануфактуру фабрикой (Каутский). В своем докладе комиссии Учредительного собрания в первые годы революции главный интендант торговли писал: «Самое распространенное орудие в прядильном деле — это старинная прялка».

Уже с 70-х годов картина начала меняться: «Дух изобретений распространяется все шире и шире». Техническая отсталость французской промышленности по сравнению с английской однако определила ее торговую слабость в борьбе с Англией. Экономическая слабость Франции дополнялась еще стеснениями ее промышленной деятельности «старым порядком».

В области ремесла особенно чувствовались пережитки цеховой организации. Регламентация промышленной деятельности была здесь наиболее тягостной. «Кто из администраторов, — писал один фабричный инспектор министру в 1788 г., — нашел бы время переписать все общие и частные постановления о промышленности и кто был бы в состоянии одолеть их?» Эти стеснения мешали развитию производства. Правда, в области новых отраслей промышленности они почти не чувствовались: фабрика, мануфактура развивались вне цеховых установлений, как и деревенская промышленность. Но «искусство соединять рабочих в фабрику» было во Франции развито еще слабо, хотя все предпосылки для развития фабричной системы и победы машины были налицо. Однако пока понятия «фабрикант» и «рабочий» часто было трудно отграничить друг от друга. (Материалы и документы, № 3.)

Земельная собственность. В области сельского хозяйства земля была опутана сложной системой сеньориальных прав. В общем и целом до самой революции сохранилось крепостное состояние французской земли. Личность крестьянина была раскрепощена еще в XIV столетии, но земля его находилась во власти сеньора, его господина и помещика. Двойная зависимость крестьянина от сеньора имела еще свой смысл, когда дворянин выполнял полезные общественные функции: охранял мир и порядок. Но подобное положение дел давно уже исчезло. На смену пришла лишь эксплоатация крестьянской земли и ее рабочей силы. Крестьянство, составлявшее основное ядро населения Франции, было тесно связано с землей, жило ее плодами. Каковы же были размеры земельной собственности крестьян? На этот вопрос историческая наука пока не дает точного ответа. Чтобы ответить на него, прежде всего выясним характер земельной собственности Франции к концу XVIII в.

Сеньориальное право сводится к установлению иерархии собственников на землю: один зависит от другого, над ним стоящего, и земля, как общее правило, не свободна. При этом сеньориальная зависимость земли столь запутана, что трудно ее кратко изобразить. Мы знаем три вида земельной собственности: аллод, феод и цензиву. Аллод — полная собственность на землю. Собственник этой земли мог свободно распоряжаться ею, но аллод был исключением в стране. Феод —

земля, зависимая от другого собственника; феод имеет у себя в подчинении земли ротюрьеров, неблагородных. Наиболее типичной формой ротюрьерных земель являются цензитарные земли. Цензитарий платит ценз за содержание земли сеньору. Часто цензитарий сдает от себя в пользование землю. Таким образом на одном участке земли сидят два или три собственника. Подобная зависимость земли от того или другого сеньора приняла характер соответственно формуле: «нет земли без господина». Мы встречаем во Франции еще земли «мертвой руки». Это — земли сервов, — крестьян, личность которых закрепощена. Поселившийся на этой земле становится крепостным — сервом. Эти земли не могут быть проданы, они находятся в полном распоряжении сеньора, и к нему они переходят после смерти их владельца. Права сеньора на землю крестьянина выражаются в том, что цензитарий при вступлении во владение землей присягает на верность, признает свою зависимость от сеньора и платит пошлину за «ввод во владение». Сеньор может конфисковать землю цензитария за неаккуратные платежи и потом снова сдать ее в пользование. С платежом ценза обычно связан ряд других платежей и повинностей. Из них самый тягостный — это шампар, т. е. платеж натурой до $1/4$ размера жатвы. Сеньор обладал в известных случаях правом суда над своими крестьянами. И как бы ни сужено было это право к концу «старого порядка», оно давало возможность помещику притеснять своих земледельцев. Но самое существенное в состоянии земельной собственности накануне революции это, так сказать, «выветривание» сеньориальных прав. Земельная собственность сеньора не совпадала больше с его сеньориальными правами, с его сеньорией. Часто сеньор, не имея ни клочка земли, обладал однако правом сбора денег и получения натуры от земледельца. Здесь-то давало себя особенно сильно чувствовать отсутствие самомалейшей пользы и реакционность феодального порядка.

Под влиянием экономического развития и проникновения денежного хозяйства в деревню происходило и перераспределение земельной собственности. Дворянское землевладение рушилось двояким путем. Дворяне, нуждаясь в деньгах, продавали свою землю. Только ничтожная часть этой земли попадала в руки крестьян. Но даже оставляя формально за собой земли, дворянин, уезжая ко двору короля, отдавал управление землею своему управляющему и не вел самостоятельного хозяйства. Земля попадала все более и более в руки представителей торгового капитала. Этот процесс распыления дворянского землевладения был лишь одной стороной развития капитализма в сельском хозяйстве. Другой его стороной был процесс концентрации земли в руках немногих собственников. Желание получить максимум доходов от земельной собственности заставляло французских помещиков ликвидировать общинные угодья и огораживать пастбища. Об этом говорит ряд деревенских наказов. «Сеньоры, — читаем мы в одном из них, — овладели общинными землями приходов; они отнимают от крестьян одну из важнейших статей дохода, лишают их возможности содержать нужный для хозяйства скот, удобрять и обрабатывать землю». Государство своим законом о триаже, т. е. о выделении третьей части общинных земель в пользу собственников, шло навстречу богатым землевладельцам. Несмотря на то, что чрезвычайная чересполосица была явлением обычным в крупном землевладении (огромные поместья состояли нередко из 7—10 частей), накануне революции «владельцы одной, двух и большего числа тысяч и даже десяти тысяч акров земли не были редкостью». Под влиянием проникновения капитализма в сельское хозяйство образуется и новая форма землевладения — крупные фермы. Но в общем и целом земельная собственность Франции до революции остается феодальной собственностью.

Что представляла собою земельная собственность крестьян? Крестьянин не был собственником своей земли; как мы видели выше, он был обычно цензитарием, т. е. зависимым владельцем весьма незначительного и совершенно недостаточного клочка земли. Но наиболее распространенным типом крестьянина-земледельца является половник (его арендная плата — $1/2$ получаемого урожая), наиболее часто встречающейся формой крестьянского землевладения, натуральной аренды, — половничество. По вопросу о характере и распространенности крестьянского землевладения существуют в науке две точки зрения. Одни считают, что мелкая крестьянская собственность была широко распространена во Франции, что она охватывала большую часть французской территории, что она из десятилетия в десятилетие расширялась. Другие думают, что площадь земельной собственности крестьян уменьшалась с приближением к революции и не была столь значительна по размерам, как предполагают первые. Для марксиста при разрешении этого вопроса необходимо учесть силу капитализма во французском сельском хозяйстве. Тот, кто предполагает, что «Франция еще накануне революции не вышла из-под господства натурального хозяйства, и потому хозяйства земледельческого, рассчитанного на удовлетворение одних местных потребностей, незатронутого в своей чисто земледельческой деятельности международным обменом» (Лучицкий), для того точка зрения о сильной распространенности мелкой крестьянской собст-

венности является очевидной. Но мы знаем, что Франция накануне XVIII в. вступила уже на путь капиталистического развития. Мы не можем поэтому согласиться с приведенным выше взглядом. Не следует признавать правильной и противоположную точку зрения. Своеобразие французского экономического строя, в отличие от Англии, состоит в том, что сельское хозяйство не подверглось здесь аграрной революции, что проникновение капитала в деревню было здесь гораздо медленнее, чем в Англии, что во Франции при «старом порядке» сосуществовало мелкое, парцеллярное землевладение и огромные помещичьи латифундии. Для нас должен иметь значение не столько вопрос о количестве земельных собственников, сколько вопрос о размере собственности каждого крестьянина. «Трудно сказать, — пишет Кареев, — чтобы все население имело хоть огород, приносивший два су дохода. Часто мы встречаем не имеющих земли». Если и росла площадь крестьянской земли, то сравнительно в ничтожных размерах. Вся площадь ее, во всяком случае, не достигла $^2/_3$ годной под культуру земли, но нельзя ее сводить и к $^1/_3$. Точных цифр у нас нет, но можно допустить, что земля во Франции при «старом порядке» была распределена далеко не равномерно между тремя сословиями и что 80% населения Франции (крестьянство) владело меньше чем половиной пахотной земельной площади. (Материалы и документы, №№ 4, 5, 7.)

Проникновение капитализма в сельское хозяйство.

Буржуазный капитал постепенно проникал в деревню, и в деревне происходила медленная, но верная диференциация самого крестьянства. Но если сравнить капиталистическое сельское хозяйство Англии и Франции, то у последней оно стояло гораздо ниже. Значительная часть земельной площади французского королевства оставалась необработанной. Некоторые предполагают, что даже треть всей пригодной для обработки земли пустовала. Урожайность земли Англии относится к урожайности во Франции, как 8 к 3. Но земледелие Франции в общем и целом втянулось уже в товарный оборот. В большой зависимости от капитала находилось виноделие. В наказах мы часто читаем, что крестьяне «с озлоблением смотрят на крупных торговцев и собственников, присвоивших себе выручку всех». Капитал приводит к концентрации земли, к созданию новой формы земельной собственности: растут фермы. Приход Бальи жалуется и требует, чтобы каждый богатый собственник снимал одну ферму, а не 2, 3 или 4 «как это делают многие теперь. Они нанимают батраков, и сами не занимаются трудом». Улучшение проникает в земледелие медленно, хотя доход с сельского хозяйства в последние двадцать лет вырос в 2 раза. Но налоговой гнет и сеньориальные повинности мешают развитию земледелия. И в области сельского хозяйства более, чем где-либо, обнаруживается основное противоречие экономического строя Франции. «Земледельцы возмущаются против «старого порядка» не вследствие упадка земледелия, а потому, что «старый порядок» тормозит начавшие обнаруживаться успехи» (Жорес). (Материалы и документы, № 6.)

Таким образом экономический прогресс страны встречал на своем пути препятствие, благодаря сохранившим свою силу феодальным отношениям. Уничтожение их стало основной задачей классовой борьбы.

Основные классы во Франции накануне революции.

Основная черта общественного строя «старого порядка» — это сословная оболочка, в которой выступают перед нами классы. Дворянство, духовенство и «третье сословие» — вот три основных группы в стране. Класс землевладельцев — дворянство и духовенство — обладал по закону всеми правами и не имел почти никаких обязанностей. Эти два сословия были опорой трона. Они были в той или другой мере связаны с социальной и экономической системой феодализма и поддерживали ее, выступая как реакционная сила против всякой буржуазной реформы. Основная масса «третьего сословия» состояла из крестьянства, буржуазии во всех ее группировках, ремесленников и рабочих городов. Таким образом — внутри «третьего сословия» были различные социальные группы. Между крестьянством, городской и сельской буржуазией конфликты были обычным явлением. Нередки были столкновения также между предпринимателями и рабочими. Но общее, что объединяло «третье сословие», — это: 1) их ненависть к феодализму, 2) классовая сознательность буржуазии — авангарда «третьего сословия», борющегося со старым порядком. Вот почему конфликты между «третьим» и «четвертым» сословиями в деревне и городе проявлялись лишь в ходе самой революции после разрешения общей задачи уничтожения наиболее тягостных сторон феодального режима.

Дворянство.

Накануне революции дворянство распадалось на придворное, феодальное и дворянство мантии. Господствующее сословие землевладельцев было немногочисленным. Наиболее могущественной группой среди этого сословия было придворное дворянство. Основой его существования было расхищение государственной казны. Пятая часть государственных расходов шла на его содержание. 31 млн. ливров, предназначенных для уплаты пенсий, уходили на содержание дворян; 26 млн. ливров, предназначенных на содержание королевского штата, попадали в

те же карманы. 12 тыс. офицеров получали 46 млн. ливров, тогда как 135 тыс. солдат стоили казне только 44 млн. ливров. Поэтому придворное дворянство особенно ценило свои привилегии и свое положение при дворе, в армии и управлении. Между феодальным и придворным дворянством нередки были острые конфликты. Феодальному дворянству, помещикам наиболее отсталых частей Франции, связанных с землею, со своими крестьянами была ненавистна расточительность придворных. Они более, чем какая-либо другая группа дворянства, были связаны с социальной системой феодализма. Наконец — дворянство мантии. Так были прозваны дворяне по своему костюму, который они надевали при исполнении своих судебных обязанностей. Они составляли весь руководящий чиновничий аппарат государства. Дворянство мантии часто рекрутировалось из представителей буржуазии: финансистов и откупщиков. Последние, получив дворянское звание, приобретали землю и становились сеньорами. Их высокие должности связаны были с податными и другими привилегиями. Они укрепились в судебно-административных учреждениях государства (парламентах) и вели часто с королевской властью борьбу за свои сословные права.

Но несмотря на противоречия интересов отдельных групп, из которых состояло дворянство, оно в целом поддерживало основы существующего феодального порядка. Правда, дворянство беднело и попадало в денежную зависимость от буржуазии. Оно пыталось оградить себя железной стеной от других сословий, но это ему не удавалось: буржуазия проникала в ряды дворянства путем «облагораживания», за деньги или за выслугу. К паразитизму дворянства прибавилась его заносчивость. Государство поддерживало кастовый дух благородного сословия. Недаром один из журналистов той эпохи жалуется, что принадлежность к «третьему сословию» сделалась своего рода грехом: дворянин боится быть обесчещенным приближением плебея. (Материалы и документы, № 9.)

Духовенство. Духовенство в свою очередь распадалось на различные группы. Между крупными архиепископами и бедным духовенством зияла глубокая пропасть. Высшее духовенство выходило из рядов знатного дворянства. Один автор писал в то время, что епископы Франции были бы унижены включением в их среду наравне с апостолом Павлом простого рыбака Матвея. Богатство церкви к 1789 г. оценивалось в 2 992 538 тыс. ливров; но оно было распределено далеко не равномерно: одна епархия приносила 400 тыс. ливров в год, а другая со своим «ободранным епископом» — едва 7 тыс. Высшее духовенство по своим интересам было связано с дворянством, и ему чужды были идеи свободы, раскрепощения разума, которые несла с собою революция.

«Третье сословие». Перейдем к анализу «третьего сословия». (Материалы и документы, № 9.) Остановимся прежде всего на положении крестьянства. На эксплоатации крестьянского труда держалось все французское общество. В одном наказе мы читаем: «Этот лес обширен — он принадлежит сеньору; эта земля плодородна — она принадлежит буржуа; вот бедная земля: она моя, и я люблю ее; но после всех моих трудов от меня, в виде налога, отнимают лучшие снопы».

Мы выше ознакомились с положением крестьянина как землевладельца. Теперь посмотрим, каково было его положение как земледельца. Мы оставляем здесь в стороне ту часть крестьян — сервов, полурабов, — которые жили преимущественно на церковных землях и которых во всяком случае было немного. Огромная масса феодальных прав накануне революции уже исчезла, но феодальная реакция последней четверти XVIII в. пыталась снова все восстановить. (Материалы и документы, № 5.) Во всяком случае нельзя согласиться с тем, кто утверждает, что так как феодальный порядок перед 1789 г. находился в состоянии окончательного упадка, то «уничтожение феодального режима могло совершиться само собой, незаметно» (Кареев). Один из наиболее интересных буржуазных историков революции, историк половины XIX в. Токвиль, так описывает положение крестьян накануне 1789 г.: «Следы барщины почти везде являются наполовину изгладившимися. Большая часть денежных сборов понижена или уничтожена; тем не менее в большинстве провинций они еще встречаются в значительном числе. Всюду помещики взимают ярмарочные и рыночные пошлины. Известно, что во всей Франции они пользуются исключительным правом охоты. В общем они одни держат голубятни и голубей. Почти везде они заставляют обывателей молоть зерно на господской мельнице и давить виноград на господском прессе. Повсюду встречается очень обременительный сбор с продажи имений. Наконец, на всем протяжении земля обременена оброком и земельными рентами, денежными и натуральными повинностями, которые собственник несет в пользу помещика и от которых первый не в праве откупиться. Все эти подати и повинности более или менее связаны с землею или с ее произведениями; все они падают на того, кто ее обрабатывает». Из повинностей крестьян сеньорам необходимо выделить десятину — налог в пользу церкви, который давал 80 млн. ливров ежегодного дохода. Вообще говоря, «крестьянин не мог выйти ни на дорогу, ни перебраться через речку по шаткому деревянному мосту, ни купить на сельском рынке аршин сукна или пару

деревянных башмаков, не наталкиваясь при этом на каждом шагу на хищных феодалов». Но, освободившись от последних, он попадал в лапы судебных чиновников, наглых подьячих, алчных приставов, лишавших его последнего остатка урожая. Государственная налоговая машина заканчивала то, чего не доделывали светские и духовные дворяне. Государственные налоги были прямыми и косвенными. Главный прямой налог (талья) ложился на плечи крестьянства. Подушной подати подлежали будто бы все, но при Неккере народ платил $^2/_3$ этого налога, а налог «двадцатина» иногда достигал $^3/_{20}$ дохода. При этом еще городские налоги поднимали цены на предметы потребления крестьянина в 5 и 10 раз. Из косвенных налогов наиболее разорительным был налог на соль: ему подлежало лишь крестьянство. «Ежегодно конфискуют, описывают и продают за непокупку соли имущество бедняков, у которых нет хлеба». Мы знаем 50 разновидностей косвенных налогов. Акциз падает на табак, на селитру, на сидр — народный напиток и т. д. За 60 лет (1715—1775) налоги возросли в два раза. Феодальные права господ приносили крестьянам огромные убытки: одно право охоты обходилось земледельцам в 10 млн. ливров ежегодно.

Крестьяне были лишены всяких политических прав. Крестьянская масса часто была враждебной городу, который находился в привилегированном положении и был свободен от налогов. Поэтому крестьянство часто сталкивалось с буржуазным капиталом, землевладельческим и торговым, проникшим в земледелие. Социальные конфликты между крестьянством и феодалами, с одной стороны, и с буржуа — с другой, были в деревне часто острее, чем в городе.

Крестьянство во Франции постепенно теряло свою однородность. Правда, в отличие от Англии, французское крестьянство выделило из себя весьма незначительный слой фермеров, но с приближением революции положение богатой части крестьян улучшалось, внутри самого крестьянства усилился процесс классовой дифференциации. Наряду с сельскохозяйственным батраком и маломощным крестьянином появилась группа деревенской буржуазии, враждебная интересам основной массы крестьянства. Но крестьянство Франции обладало достаточными силами, чтобы не только голодать, но и сопротивляться угнетению. (Материалы и документы, № 9.)

Буржуазия. Становым хребтом французского общества накануне революции была **французская буржуазия**. Она, в отличие от всех прочих классов, осознала свои интересы, а в лице своих идеологов — пути, ведущие к ее освобождению. Она не была однородным классом по своему составу. Высшие группы буржуазии — финансисты и откупщики — были «социальным ублюдком», как говорил Жорес. Это была та группа буржуазии, которая жила за счет разорения государства феодальной властью. Налоговое бремя, монополии торговли и промышленности были часто им выгодны. Они страдали от заносчивости господствующих сословий, но не стремились к радикальным изменениям. Удельный вес их во Франции накануне революции был значительный. К этой группе примыкала широкая масса кредиторов государства, раньше, живущих доходами от государственных долгов. Этот слой буржуазии был заинтересован в создании прочного правительства и установлении своего контроля над его финансами. Накануне революции, в период финансового банкротства государства, он был особенно оппозиционен.

Затем следует торговая и промышленная буржуазия. Если исключить те группы ее, которые были связаны с монополиями, производством предметов роскоши, то основная масса, так называемая деловая буржуазия, была наиболее революционным элементом общества. Экономическая мощь страны переходила к этому слою буржуазии. Обеднение дворян особенно выделялось на фоне обогащения третьего сословия. Так, в Лионе в руках 400 купцов-фабрикантов сосредоточивалось более чем на 60 млн. ливров движимых и недвижимых имуществ. Все торговые центры Франции были переполнены богатыми негоциантами, купцами и предпринимателями. В Париже эта буржуазия задавала тон. И как в провинции дворянство нередко прислушивалось к мнению богачей, так и в Париже город определяет теперь настроение и обычаи двора. Париж благодаря своему экономическому росту и как центр государственного управления страны играл исключительную роль в стране. Здесь деловая буржуазия, собственно «третье сословие», стремится к революционному перевороту, наиболее решительному, во имя буржуазной собственности против собственности феодальной.

Наконец, **мелкая буржуазия** — наиболее значительный слой городского населения Франции. Париж был населен огромной массой мелких ремесленников, лавочников и т. д. Состав мелкой буржуазии был чрезвычайно разнообразен. Среди них были группы, связанные с цеховой промышленностью, с производством предметов роскоши, работающей на удовлетворение прихотей знати. Они были часто реакционны, хотя также страдали от феодального режима и разорения страны. Часть мелкой буржуазии испытывала на себе рост индустрии, уничтожающей цехи и мелкое ремесло. Эти группы ненавидели крупный капитал. Однако в общем и целом французская мелкая буржуазия до торжества машины сохраняет свою социальную устойчивость и, страдая от разрушающегося феодального режима, выступает

как решительная революционная сила. Ее революционная активность объясняется тем, что для мелкой буржуазии, как и для крестьянства, главное значение имеют не столько вопросы политические, сколько социально-экономические. Крестьяне мечтают о мелкой свободной собственности на землю, а городской мелкий буржуа, стремясь задержать развитие капитализма, вместе с тем неспособен поставить и разрешить вопрос о полном уничтожении капиталистического способа производства. Поэтому его идеология — смесь революционных идей с реакционными и утопическими.

Несколько особняком стоит интеллигенция, социальный слой, созданный развивающимся капитализмом. Она не находила еще приложения своим силам в обстановке старого порядка. Необеспеченность существования огромной части этой интеллигенции сближала ее с революционными слоями городского населения, с буржуазной оппозицией; она смотрела на себя, как на соль земли. Ее пролетарская часть была во время революции против всякой власти, желающей установить организацию и дисциплину; она анархична по своему мировоззрению. Но в условиях недостаточно развитого капитализма интеллигенция в целом сознает себя социальной группой, стоящей как бы над классами. Идея собственности, как основы общества, объединяет все группы интеллигенции с буржуазией. Интеллигенция, как и буржуазия, будет стремиться к наиболее радикальному уничтожению лишь феодальной собственности. Она будет мечтать о реализации идеалов эпохи просвещения.

В условиях подымающейся индустрии и растущей мощи буржуазии нельзя предполагать, чтобы Франция не знала совершенно конфликтов между трудом и капиталом. Пролетарии были, но пролетариата как класса, противоположного по своим целям буржуазии, не было. «Рабочий класс» того времени состоял из подмастерьев ремесла, ремесленников, рабочих мануфактур и пролетариев немногочисленных фабрик и заводов. Здесь мы оставляем в стороне широкую массу безработных и люмпен-пролетариев. О положении этих низов городского населения свидетельствует один современник: «Миллионы французов живут в худших условиях, чем те, которые сосланы на галеры: здесь по крайней мере жизнь их обеспечена». Лишенные всякой самостоятельной идеологии, всякой организации, если не считать сохранившихся еще от средних веков союзов подмастерьев, они, правда, бастуют (стачки в Лионе) или бунтуют и громят фабрики (разгром фабрики Ревельона в Париже в 1789 г.), но дальше этого дело не идет. Рабочие стремятся задержать развитие машины, и борьба идет часто «из-за двух су», но не имеет в виду осуществления особой социально-политической программы. Позже пролетарии, как и масса бедняков вообще в городах, становятся физической силой наиболее бурных дней грядущей революции. Будучи движущей силой революции, они долго были придатком к классу буржуазии и мелкой буржуазии. (Материалы и документы, № 10.)

Государственный строй Франции накануне революции.

Феодальные препятствия на пути капитализма были не только в области экономической, но и социально-политической. Это и определяло ожесточенную борьбу классов во Франции. На фундаменте противоречивых тенденций экономического развития и борьбы социальных группировок возвышалась королевская абсолютная власть. Возникшая в борьбе с феодалами при поддержке буржуазии, она к концу XVIII в. пришла в столкновение с буржуазным общественным развитием. Королевская власть стала тягчайшим препятствием для этого развития, не будучи способна установить даже централизацию в управлении страною. Можно сказать, что Франция конца XVIII в. была лишена единства: каждая из областей, входящих в ее состав, сохранила некоторую самостоятельность. По словам Мирабо, Франция представляла собою накануне революции не что иное, как неорганизованное соединение взаимно чуждых народностей («бретонская нация», «провансальская нация»). Это единство отсутствовало не только в хозяйственной жизни, но и в финансовой и административной областях. Не было централизации и в области законодательной. «Можно сказать,— пишет проф. Ардашев, — что при «старом порядке» вряд ли было не более таких учреждений, которые не считали своим долгом следить за исполнением законов и правительственных распоряжений, чем таких, которые наблюдали бы за их исполнением». Весь аппарат государственной власти, во главе с королем, был опутан рядом сословных учреждений, которые стали впоследствии опорными пунктами имущих классов для борьбы с абсолютизмом и его агентами (интендантами) как в центре, так и на местах. Эти сословные учреждения были в то же время и судебно-административными органами, которые вмешивались в разные стороны государственной жизни. Они пользовались правом регламентации королевских эдиктов и были центрами борьбы со всякой буржуазной реформой. Власть чиновников-дворян была лишь источником дохода. Ряд должностей, как генерал-губернаторство в провинции или губернаторство, были должностями номинальными. Во второй половине XVIII в. среди генерал-губернаторов можно было встретить 13-летних мальчиков. Получивший эту должность не показывался даже в провинции, но зато получал большие оклады; его доходы до-

ходили до 150 тыс. ливров в год. Купля и продажа государственных должностей была источником доходов и бедствий для государства. Особо надо отметить характер налоговой политики «старого порядка». Государство выступало в этой области как эксплоататор масс. Тягостным было не только освобождение правящих сословий от налогов, но и их неравномерное распределение и разнообразие, отсутствие определенной системы их взимания. Житель, скажем, области Артуа нес лишь половину податной тяжести, лежавшей на его соседе, жителе Пикардии. Дополнительной стороной этого налогового грабежа служила система откупов. Откупщик часто взимал двойную сумму налогов против установленных государством. Король выступал как расточитель народного достояния. Он был первым помещиком государства и обладал огромными земельными владениями. Его цивильный лист («королевское жалованье»), раздача пенсий и наград дворянам, его траты на прихоти отнимали немалую часть народного достояния. Все это служило причиной тягчайшего и длительного финансового кризиса государства. С 1778 по 1781 г. король роздал разным лицам на 2 600 тыс. ливров предварительных пенсий. К 1788 г. дефицит государства равнялся 160 737 412 ливрам. Преемники Неккера, впервые опубликовавшие сведения о государственном бюджете, прибегли к решительной мере, чтобы задержать финансовое банкротство государства. Но они не только не пытались уничтожить безумных трат короля и налоговых привилегий дворян и духовенства, а, наоборот, увеличивали их. Королева в 1785 г. покупает имение Сен-Клу за 6 млн. ливров, король — имение Рамбулье за 18 млн. ливров. Эти траты обогащали часть буржуазии — финансистов и откупщиков. Но где взять деньги, если в продолжение значительного срока не платишь по долгам? Министр Калонн занимал их без всякой оглядки, пока не довел государство до банкротства. Он занял за три года 486 млн. ливров. Чтобы остановить финансовое банкротство страны, наконец решено было приступить к созыву нотаблей, т. е. представительства благородных сословий. Неудача собрания нотаблей выдвинула вопрос о созыве Генеральных штатов. Дефицит государства коренился в банкротстве всей социальной и экономической системы «старого порядка». Король, нуждаясь в деньгах, должен был пойти навстречу буржуазии. Еще раньше, в 70-х годах XVIII в., реформы министерства Тюрго имели целью приспособить государственный порядок Франции к интересам экономического развития страны. Тогда были отменены цехи, барщина, объявлена свобода внутренней хлебной торговли, приступлено было к муниципальной реформе, и предполагали даже созвать общегосударственное совещательное учреждение, правда, лишенное политических прав. Но оппозиция правящих сословий (парламента) определила неудачу этих реформ. Тюрго получил отставку, и почти все его мероприятия были отменены. Эта неудача буржуазных реформ преследовала Францию на протяжении всего XVIII в. Так законы о свободе хлебной торговли отменяли четыре раза. Колебания государства между феодализмом и буржуазией имели последствием рост феодальной реакции в конце XVIII в. Помещики с помощью так называемых февдистов — знатоков феодального права, стремились восстановить утерянные сеньориальные права. Восстанавливались цехи, началось преследование свободного слова и т. д. Так рукой палача, по постановлению парламента, была сожжена брошюра Бонсерфа, направленная против феодальных прав. Парламенты стали центром оппозиции правящих сословий не только против буржуазных мероприятий короля, но и против самого короля в интересах сословных прав и привилегий. Это сделало их на весьма короткое время мишенью народного возбуждения. Но когда на собрании нотаблей представители благородных сословий направили свою энергию на защиту сеньориальных прав, народный протест обратился и против короля и против парламента. Так королевская власть, органически связанная с социальной системой феодализма, имея поддержку реакционной части буржуазии, встретила ненависть широких масс. Революция, возглавляемая буржуазией, стала неизбежной. (Материалы и документы, № 8.)

Идеология подымающейся буржуазии.

Французская революция, «имея своей целью не только переменить старое правительство, но и уничтожить старое общество, должна была одновременно сделать нападение на все установленные власти, разрушить все общепризнанные влияния; уничтожить традиции, обновить нравы и обычаи, очистить ум от всех идей, на которых до той поры покоилось уважение и повиновение» (Токвиль).

Французская буржуазия, вождь «третьего сословия», которая была всем экономически, не обладала однако никакой политической властью; но она формулировала на протяжении XVIII в. свою идеологию против мировоззрения отмирающих классов феодального общества. Эта идеология подымающейся буржуазии и есть просвещение XVIII в. Блестящие представители эпохи просвещения — Вольтер, Монтескье, физиократы (Кенэ), Руссо, энциклопедисты (Дидро) и материалисты (Гельвеций, Гольбах) — формулировали разные стороны буржуазного мировоззрения. Философия эпохи просвещения пересмотрела всю феодальную идеологию, противопоставив ей экономическое, политическое и философское мировоззрение буржуазии. В первое время

могучие удары просвещения были направлены против господства религиозных предрассудков (Вольтер), но затем центр внимания философа XVIII в. переносится в сторону общественного устройства. (Материалы и документы, № 11.) «Просвещенный человек» XVIII в. был провозвестником нового буржуазного общества. Он преисполнен верой в свой век, как век разума и философии. Для него все, что было до эпохи просвещения, — господство варварства и невежества. Он срывает покровы с религии. Для него разум играет ту же роль, что раньше бог. Разум становится единственным авторитетом, который признается мудрецом. Философия просвещения полна надежд на будущее. Она ждет революции, которая на смену «старому порядку» принесет новый порядок. Но революция для них — не действие народных масс. Они мыслят себе революцию в продолжение многих десятилетий, как революцию «сверху», произведенную королем и философами. Просвещенный человек XVIII в. верит в естественное право людей. Он выводит его с помощью своего разума, как право людей дофеодальной эпохи. Это естественное право — для него не только метод исследования причин несправедливостей «старого порядка», но и идеал будущего. Идеологи XVIII в. по-разному толкуют понятие естественного права, но для всех них свобода, равенство и собственность — основа счастливой общественной жизни. Человек эпохи просвещения ненавидит привилегии, он жалеет слабых и обиженных. Для него характерна любовь к человеку вне данных национальных рамок: свобода есть неотъемлемая принадлежность человека, — говорит он, — человек свободен по природе. Свобода ему принадлежит в силу естественного права. Человек эпохи просвещения поэтому любит проповедывать общие принципы переустройства общества. Он—сторонник равенства и веротерпимости. Но для него это—не экономическое равенство, а только равенство перед законом. Просвещенный человек XVIII в. — не подданный, а гражданин и патриот. Он всегда противопоставляет интересы нации интересам короля. Все указанные стороны философии просвещения свидетельствуют о том, что перед нами вместо старой идеологии сословных различий — учение о личной свободе и равенстве перед законом буржуазного общества.

Попытаемся вкратце охарактеризовать отдельные школы просвещения эпохи XVIII в. В области экономической идеологами буржуазной свободы выступили физиократы. Центральным пунктом их учения является идея, что основу богатства составляет земля. Земледелие есть первейший из всех промыслов, оно одно лишь доставляет человеку средства к прокормлению. Физиократы — идеологи сельскохозяйственного капитала. Они провозглашают принцип полного невмешательства в ход экономической жизни. Учение физиократов и то внимание, которое они уделяют земледелию, отражают экономическую отсталость Франции по сравнению с Англией, где в учении Адама Смита получили свое выражение интересы развивающегося промышленного капитала. Учение физиократов вдохновляло Тюрго и руководило его реформами. Идеологи буржуазии стремились использовать абсолютную власть короля в интересах буржуазного развития, прежде чем поставили себе задачу захвата политической власти. (Материалы и документы, № 12.)

Учение Монтескье о разделении властей ставило перед собою задачу разрешить вопрос о создании конституционного государства на смену абсолютизму. Абсолютизм Франции не знал разделения властей. Король и его чиновники соединяли в своих руках законодательную, исполнительную и нередко судебную власть. Монтескье стремится гарантировать обществу контроль над государственной властью. При этом Англия и ее общественное устройство служит для него идеалом для французского буржуазного общества. (Материалы и документы, № 13.)

Франция XVIII в. кроме чисто буржуазных учений знала еще и учения идеологов мелкой буржуазии. В лице Жан-Жака Руссо мы имеем попытку установить причины социального неравенства в обществе, формулировать идею демократического и справедливого государства. Руссо, как идеолог мелкой буржуазии, отрицает необходимость капиталистического развития, он идеализирует золотой век в прошлом человечества. Руссо зовет назад, к природе, к тому счастливому времени, когда люди не знали неравенства. Он выступает против современной городской культуры и идеализирует сельский быт. В учении мелкой буржуазии сочетаются революционные идеи с идеями реакционными. Направляя свои удары против феодальной крупной собственности, Руссо вместе с тем не предполагает возможным построить в будущем такое общество, которое не будет построено на частной собственности. Он не предполагает революционного уничтожения современного ему общества силою народных масс. Но учение Руссо, благодаря остроте критики и благодаря блестящей защите демократии, учения об «общей воле», было использовано вождями революционной демократии — Робеспьером, Сен-Жюстом и др., которые считали себя учениками Руссо. (Материалы и документы, № 14.)

Пролетариат не имел своего учения. Произведения Мабли, Мелье, Морелли содержат в себе критику частной собственности. Так Мелье, деревенский священник, считал своим идеалом атеизм и коммунизм. «Завещание» Мелье, на-

писанное в начале XVIII в., не было им опубликовано. Преследуемый сеньором, Мелье покончил самоубийством, уморив себя голодом. Его идеи не играли значительной роли в революции конца XVIII в. «Кодекс природы» Морелли заключает в себе следующие положения: ничто в обществе не может быть личной собственностью, кроме того, что идет непосредственно на потребление; все граждане содержатся обществом: всякий принимает участие сообразно своим талантам в труде. Но «Кодекс природы» Морелли — это единственный в своем роде теоретический опыт. В основе всех коммунистических утопий XVIII в. лежит идея «аграрного закона»: частная собственность на землю — главная причина всех бедствий человеческого рода. Земля должна стать общей для того, чтобы вернулся «золотой век» (Мабли). Но большинство этих утопистов, подобно Руссо, не верит в возможность реально осуществить свой идеал, — он кажется им невыполнимым. (Материалы и документы, № 15.)

Таким образом в недрах «старого порядка» созданы были все предпосылки для замены феодального общества буржуазным. Но в то время, когда в Англии мощное развитие капитализма и монопольное положение страны на мировом рынке сделали возможным медленный и постепенный переход от феодального порядка к капиталистическому буржуазному строю на основе сближения между землевладельческими, торговыми и промышленными кругами в конце XVIII в., во Франции недостаточное развитие капитализма, живучесть феодализма и глубочайшие социальные противоречия сделали неизбежной революцию в стране.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА.

Документы к данной главе сгруппированы вокруг следующих основных вопросов:

1. Хозяйственный строй Франции накануне Вёликой революции.

2. Социально-политические отношения и идеология основных классов.

К первому разделу относятся документы: №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6. Для характеристики торговли (внутренней и внешней) служат документы №№ 1 и 2; документ № 2 может служить для иллюстрации положения внутренней торговли. Таблицу № 1 следует использовать для анализа экспорта Франции XVIII в., как показатель особенностей ее промышленного строя; при этом желательно эти данные изобразить в диаграмме, показывающей соотношение экспорта и импорта и выявление роли продуктов сельского хозяйства и индустрии в общем торговом балансе страны.

Для характеристики организации промышленности и роли отдельных отраслей капиталистической индустрии могут служить документы № 3 (А) и таблица № 3 (Б). Последняя рисует медленный процесс проникновения машины в производство и слабую концентрацию промышленности во Франции XVIII и начала XIX вв. Земельные отношения и состояние сельского хозяйства накануне революции выявляются в документах №№ 4, 5, 6, 7. О формах землевладения, как и о феодальных отношениях накануне революции, дают представления документы №№ 4, 5. Они должны быть использованы для выяснения: 1) феодальных и капиталистических отношений в сельском хозяйстве и 2) степени капитализации сельского хозяйства. Желательно по документу № 4 установить формы и характер феодальных повинностей. Таблица № 7 служит для выяснения вопроса о распределении земельной площади среди различных сословий.

Значительная группа документов посвящена характеристике социально-политического строя Франции (№№ 8, 9). Документы № 9 *а*, *б*, *в* могут быть использованы в качестве иллюстративного материала. Документы №№ 9 *б*, *в* и 10 могут быть проработаны под углом зрения выяснения того, чем были буржуазия и пролетариат в «третьем сословии» накануне революции. Устав союза подмастерьев (документ № 10) может быть рассмотрен в сопоставлении с положением рабочих промышленно-капиталистической эпохи под углом зрения отношений труда и капитала.

Характер государственного аппарата «старого порядка» может быть выявлен таблицей № 8. Желательно предложить слушателям вычертить диаграмму соотношения отдельных статей в бюджете дореволюционной Франции. Последующая группа документов (№№ 10,11, 12, 13, 14) посвящена выяснению классовой идеологии. Желательно проработать один из двух документов (№ 13 *а* и *б* и № 14) для выявления основных черт идеологии мелкой буржуазии (Ж.-Ж. Руссо) и аграрно-коммунистических учений XVIII в. (Мабли).

В качестве примера дадим план проработки следующих документов:

I. Документы № 9 «*б*». Что такое «третье сословие»?

1) Какие классы в представлении аббата Сиэса составляют нацию?

2) Что такое «третье сословие»?

3) Как оценивает автор брошюры, аббат Сиэс, привилегированные сословия?

4) Чего добивалось «третье сословие»?

II. Документ № «*а*». Формы землевладения во Франции.

1) Феодальные отношения во французской деревне в изображении А. Юнга.

2) Каковы элементы капиталистической формы земледелия?

3) Каково положение отдельных групп крестьянства, в частности половников?

Во всяком случае ко всей главе должны быть проработаны документы №№ 1, 5, 9, «*б*» и 12.

ЛИТЕРАТУРА.

Для дальнейшей проработки данной темы могут служить в качестве учебного пособия: Ц. Фридлянд, История Западной Европы, ч. 1, или Н. Лукин, Новейшая история Западной Европы, ч. 1, гл. I—III. Для углубленной проработки рекомендуются работы: Кунов, Борьба классов и партий во французской революции 1789 и 1794 гг., стр. 8—50; Жорес, История Великой французской революции, т. I, гл. I и II; Лучицкий, Состояние земледельчества во Франции накануне революции; Виппер, Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв.; Волгин, Очерки по истории социализма. Для ознакомления с политической историей эпохи; Лависс и Рамбо, Всеобщая история, т. VII (соотв. главы), или Кареев, История Западной Европы, т. III.

Для документации использованы следующие книги: 1) Ж. Жорес, Histoire socialiste, т. I. (Учредительное собрание); 2) Levasseur, Histoire du commerce de la France; 3) Levasseur, Histoire des classes ouvrières de la France en 1789—1870; 4) Афанасьев, Условия хлебной торговли во Франции XVIII в.; 5) Шампион, Франция 1789 г.; 6) Ballot, L'introduction du machinisme dans l'industrie française; 7) А. Юнг, Путешествие во Францию в 1787—1790 гг. (франц. изд. 1794 г.); 8) И. Тэн, Происхождение современной Франции; 9) Лучицкий, Вопрос о крестьянской поземельной собственности и продажа национальных имуществ (1894); 10) «Collection des comptes rendus», изд. 1788 г.; 11) Аб. Сиэс, Что такое «третье сословие» (франц. изд. 1789 г.); 12) Вольтер, Голос приходского священника в суде за рабов, обитающих близ горы Юры;

1. Внешняя торговля Франции XVIII в.

Предметы торговли	1715 г.		1787 г.	
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
	Ливров			
Торговля с Европой				
1. Лен, металлы, смола, семена, каменный уголь, сало (последнее только ввозится)	5 910 000	1 051 000	34 210 000	10 324 000
2. Воск, перья, шелк, хлопчатая бум., конопля, кожа, масло (последнее только ввозится)	11 788 000	4 118 000	96 571 000	14 076 000
3. Ткани и нитки	6 436 000	31 482 000	68 991 000	89 044 000
4. Прочие промышленные изделия, суровый товар, скобяной товар, горшечный товар	3 828 000	6 535 000	21 041 000	33 438 000
5. Съестные припасы	11 678 000	6 474 000	53 080 000	26 596 000
6. Напитки	938 000	27 108 000	9 249 000	55 699 000
7. Москательный товар	2 455 000	587 000	20 631 000	6 118 000
8. Бакалейный товар	2 320 000	848 000	9 408 000	1 090 000
9. Скот	2 942 000	1 240 000	12 186 000	8 214 000
10. Вьючный скот	250 000	—	5 622 000	1 476 000
11. Табак в листах	5 117 000	1 425 000	15 640 000	8 675 000
12. Разные товары	2 826 000	6 964 000	7 675 000	11 755 000
13. Золото и серебро в монетах	13 015 000	—	79 279 744[1]	—
14. Негры в колониях	1 543 000	—	4 884 000	559 000
15. Товары Индии	—	2 651 000	—	4 162 000
16. Товары с американских островов	—	15 163 000	—	152 206 000
Итого с Европой	71 044 000	105 686 000	379 918 000	424 428 000
Торговля с Азией				
Индия и Китай	6 368 000	2 852 000	34 726 000	17 729 000
Торговля с Африкой				
Неграми	500 000	650 000	4 252 000	2 283 000
Торговля с американскими колониями				
Франц. колонии, национальное рыболовство	16 711 000	9 164 000	192 007 000	77 913 000
Итого.	96 623 000	118 838 000	610 903 000	542 600 000

[1] Это число в итоге не фигурирует, так как представляет собой добычу с испанских галионов (судна).

13) К е н э, Общие принципы экономической политики земледельческого государства (цит. по русск. переводу И Рубина); 14) М о н т е с к ь е, Дух законов (русск. перев.); 15) Ж.-Ж. Р у с с о, О причинах неравенства..., Об общественном договоре (русск. перев.); 16) М а б л и, Сомнения, предложенные экономистам-философам, о естественном и существенно-необходимом порядке политических обществ (цит. по русск. переводу); 17) Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время. (См. табл. на стр. 47.)

2. Стеснения внутренней торговли «при старом порядке».

Отрывок взят из книги А ф а н а с ь е в а: «Условия хлебной торговли во Франции XVIII в.».

«Королевство было во всех направлениях изрезано таможенными линиями, которые имели в длину чуть не 2 800 миль. Товар, отправленный из Бретани, Артуа в Прованс, подлежал восьми заявлениям и восьми осмотрам, должен был семь раз оплачиваться таможенным сбором и дважды перегружаться. Почти стольким же формальностям и платежам подвергался товар, направлявшийся из Парижа в Овернь или Дофинэ. Вина, перевозившиеся из Керси в Перигор, железные изделия, доставлявшиеся из Перигора в Керси, были обложены «гнусными поборами». Товары, шедшие из Нормандии на Понтуаз, на протяжении четырех миль оплачивались пошлиною три раза: в Сент-Дени — мостовым сбором, в Эпинэ — дорожным, во Франконвиле — транзитным; последний взимался сеньором, который иногда повышал его вдвое и который в сущности не имел никакого права на эту пошлину, так как государство освободило его от забот об исправности дороги.

Карта Лотарингии и Трех Епископств представляла картину путаницы, подрывавшей торговлю и земледелие и тормозившей дело прокладки дорог и каналов... Благодаря заставам, окружавшим каждый город и каждую деревню, житель Туля, выйдя из города, на каждом шагу встречал кордон или таможню, вследствие чего обитатели Лотарингии, Трех Епископств, Шампани, Бара и Эльзаса не могли сообщаться между собою, и страх внезапных осмотров, канцелярщины и конфискации парализовал торговлю. Франш-Контэ — провинция, состоявшая «на счету иностранных», — была совершенно отрезана от всех смежных областей, даже от Эльзаса — «провинции действительно иностранной».

Даже очень неполное перечисление применявшихся во Франции мер длины и веса заняло бы очень много места. Они менялись с каждой почтовой станцией. Необыкновенное разнообразие мер, употреблявшихся в различных частях одного и того же б а л ь я ж а [1], вызывало удивление. Королевское земледельческое общество констатировало в 1790 г. «значительные различия в пределах одного и того же города, местечка или деревни...»

«В 1775 г. правительство захотело познакомиться в точности с размером пеажей на Луаре и далее по каналам и Сене; с этой целью оно командировало полицейского комиссара Бланше, поручив ему купить в Руане вина и привезти его в Париж. Он купил там вино, доставленное из Дофинэ и Руссильона, за которое следовательно уплатили уже пошлины валанскую и лионскую. По выезде из Руана Бланше записал следующие пошлины: 1) в Артэ взимается сеньориальная пошлина, 2) другая такая же в Живердоне, 3) в Дигоене совершается въезд в пределы «пяти откупов», и пошлины уплачиваются по тарифу 1664 г. 4) в Десизе взимается октруа (пошлины за провоз), не допускающее свободного транзита, 5) в Невере требуют пять пеажей: а) в пользу мэра, б) и в) в пользу двух сеньоров, г) для епископа и д) для герцога Невера; кроме того требуется пошлина и с транзита, 6) в Пуа-де-Фер, 7) в Шарите три новых пеажа и сверх того пошлина, 8) в Коне два пеажа: а) в пользу Конти и б) в пользу монахинь Благовещения; эти все пеажи взимались на Луаре до входа в Бриарский канал; далее следуют: 9) пеаж в Немуре (на реке Луаре и на канале взимаются два пеажа: а) в пользу герцога Орлеанского и б) в пользу каноников церкви Орлеанской), 10) в Море, два пеажа: а) в пользу сеньоров и б) в пользу церкви богоматери в Море, и, наконец, 11) в Мелене (на Сене) три октруа — Мелена, Море и Немура, взимание которых тут сосредоточено, и кроме того пеаж в пользу герцога Вилье. Бланше нашел, что опыт достаточен, дальше вина не повез и продал его в Мелене...».

[1] Судебный округ во Франции «старого порядка».

8. Промышленность Франции в конце XVIII в.

Этот отрывок взят из книги Ж. Жореса «Социалистическая история», т. I — «Учредительное собрание». Ж. Жорес рисует нам картину промышленной деятельности Франции, как сочетание разнообразных форм индустрии: от деревенской промышленности к мануфактуры до фабрики.

«Можно весьма точно и без натяжки охарактеризовать состояние французской индустрии накануне революции следующим образом. Она была достаточно развита для того, чтобы дать буржуазии решающее значение. Она еще не была ни настолько грандиозна, ни настолько концентрирована, чтобы сгруппировать в нескольких центрах многочисленный и скученный пролетариат и пробудить в нем энергичное и отчетливое классовое сознание. Французская индустрия была достаточно активна для того, чтобы дать руководящей и предприимчивой буржуазии революционную силу и революционное сознание. Она не была настолько активна, чтобы внушить пролетариату такие революционные тенденции, которые шли бы вразрез с буржуазным движением.

Промышленность существовала чуть ли не в каждой провинции, в Лангедоке, в долинах Севеннов, от Лодева до Кастра — все возрастало число суконных мануфактур. В Нормандии имелись фабрики материй — шерстяных и хлопчатобумажных; в Пикардии и в Шампани — фабрики для изготовления вязаных изделий и сукон; на всем протяжении долины Луары и в средней части Ронской долины, в Туре, в Роане, в Лионе — фабрики шелковых изделий; в Арденнах, в долине Соммы — металлургические заводы, плавильни — те ужасные заводы, откуда впоследствии Бабеф призывал в минуту отчаяния «адскую армию»; в Эльзас-Лотарингии — фабрики металлических изделий, в Артуа — каменноугольные копи, которые, особенно в Анзене, разрастались в крупные предприятия.

Уже существовали крупные мануфактуры, возвещавшие грандиозную концентрацию промышленности, имевшую место в XIX в.; механические усовершенствования учащались, и в орудия труда вкладывались крупные капиталы. В своей последней важной речи, произнесенной с трибуны Национального собрания 21 марта 1791 г., Мирабо коснулся расходов рудников: «Чтобы дать понятие о тех громадных затратах, которых требуют разведывательные работы, я приведу в качестве примера Анзенскую компанию, оперирующую вблизи Валансьена. Она получила концессию не на разработку залежей, а на их разведку, когда не существовало никакого признака, который указывал бы на их местонахождение. После двадцатилетних розысков она отыскала залежи. Первая жила находилась на расстоянии трехсот футов, причем из нее нельзя было ничего извлечь. Чтобы добраться до нее, пришлось преодолеть подземный поток, преграждавший к ней доступ на протяжении нескольких миль. Бурав касался залежи, и предстояло не вычерпать эту массу воды, что было бы невозможно, но пробраться через нее. Была устроена огромная шахта, обложенная деревом; при помощи ее удалось сдержать напор воды и перебраться через поток. Эту шахту пришлось продолжить, так что ее глубина равнялась 900 *м*. Вскоре понадобились и другие шахты такого же рода. В Анзенских копях каждая обложенная деревом шахта глубиною в 460 туазов [1] по отвесу (ведь глубина копей равняется 1 200 футам) обошлась в 400 тыс. ливров. Таких шахт имеется 25 в Анзене и 12 в копях Френа и Конде. На одни эти шахты было затрачено 15 млн. Имеется 12 паровых насосов, каждый из которых стоил 100 тыс. ливров. На штольни и другие машины было израсходовано 8 млн.; на копях употребляется 600 лошадей и находят занятие 4 тыс. рабочих. Издержки на вознаграждение, размер которого установлен на основании тогдашних уставов, на уплату налогов и на пенсии больным рабочим, вдовам и детям рабочих превышают 100 тыс. ливров в год». Мирабо констатирует, что благодаря этим могучим орудиям труда Анзенские копи успешно конкурируют с Монскими копями. «Известно, — говорит он, — с какою завистью владельцы Монских копей всегда взирали на разработку Анзенских копей. До открытия этих последних они доставляли до 3 млн. мер угля, беря по 5 ливров 10 су за меру, весившую 250 фунтов. А теперь Анзенская компания, продающая то же количество угля за 25 су, снабжает углем пять провинций». Очевидно, что эта характеристика относится к прототипу крупной капиталистической индустрии. Большие мануфактуры существовали и в Седане и в Аббевиле. Мануфактура Ван-Робе в Аббевиле занимала более 1 200 ра-

[1] Туаз — старинная мера длины, — 6 футов.

ботников и работниц, которым приходилось вести чисто казарменный образ жизни. Работники и работницы должны были жить на фабрике, четыре монументальных двери которой охранялись дворниками в королевской ливрее; водка строго воспрещалась, и суровая дисциплина требовала от всех этих пролетариев молчаливого повиновения.

Иногда за них заступался аббевильский магистрат и напоминал фабриканту, что взыскиваемые им штрафы должны поступать не в кассу фабриканта, а в кассу вспомоществования рабочим.

Но не следует думать, что применение машин было значительно развито накануне революции. К нему всюду стремились, производились попытки, на него возлагались надежды, но результатов было немного...

До революции английские машины были мало известны и редко применяемы во Франции. По-видимому, машина для прядения хлопчатой бумаги, прялка «джении», типа, введенного в употребление Джэем, была впервые применена на одной амьенской мануфактуре в 1775 г. Этот пример не нашел себе подражателей. В 1780 г. поселившийся в Руане английский изобретатель Прайс изобрел машину, одинаково пригодную для прядения льна, хлопчатой бумаги и шерсти, но она не имела большого успеха. Конечно экономическое, торговое и индустриальное могущество французской буржуазии явилось важной двигающей силой революции, но для индустрии еще не наступил период крупного машинного производства.

Вот как Ролланд де ла-Платьер изображает индустрию в Пикардии, и эта характеристика в существенных чертах применима и к большинству провинций: «В Пикардии изготовляют шерстяные, бархатные, полотняные материи и вязаные ткани. Из 25 тыс. станков, действующих в данном округе, на города приходится лишь 6 500, в том числе около 5 тыс. в Амьене и 1 тыс. в Аббевиле. Часть городских станков и почти все деревенские перестают действовать в период жатвы; сенокос, рубка леса, посевы и другие сельскохозяйственные работы также обусловливают бездействие станков в большинстве деревень, так что в общем можно считать, что станки функционируют всего лишь восемь месяцев в году. Конечно следует признать, что из всех мануфактур наиболее плодотворными и поставленными в самые благоприятные условия оказываются именно те, которые дают трудящимся возможность заниматься, когда это бывает нужно, земледельческими работами. Такая комбинация не только благоприятствует здоровью, но и удваивает благосостояние населения, так как мануфактура и земледелие взаимно поддерживают друг друга. Народонаселение всегда бывает многочисленно там, где можно существовать, а существовать можно везде, где возможен заработок. В общем можно считать, что на каждый станок приходится десять человек, занятых изготовлением ткани, с тех пор как материал выходит из рук земледельца, до того момента, когда материя становится готовой для употребления...»

«На дьеппских мануфактурах, — читаем мы у Роллана, — посредственные работницы зарабатыгают не более 7—8 су, а умелые работницы — по 10, 11 и даже 15 су; но такое вознаграждение получают лишь немногие работницы. Дьеппские торговцы не являются вместе с тем и фабрикантами; они не снабжают кружевниц материалом, а продают его им и покупают кружева по их стоимости. Этим производством занято около 4 тыс. лиц — женщин, девушек и детей. Изготозление кружев составляет почти исключительное занятие жен моряков и рыбаков в те промежутки времени, которые у них остаются свободными от работ, связанных с рыбной ловлей. В Пюи работницы, изготозляющие полотняные кружева, зарабатывают от 5 до 6 су в день, а работницы, изготовляющие шелковые кружева, — по 12 су. Фабрики в Пюи могут дать занятие приблизительно 6 тыс. работниц, а вместе с фабриками, находящимися в окрестностях, — от 18 до 20 тыс.

Наконец существовала еще категория мелких независимых производителей, не получавших материалов для обработки от крупного предпринимателя и продававших свои произведения посредникам. Многие мелкие производители, изготовляющие в Пикардии вязаные изделия из шерсти, а в Шампани — из хлопчатой бумаги, обыкновенно продают изготовленные ими чулки и холст скупщикам, нередко живущим в другой провинции и объезжающим села.

Наряду с крупными мануфактурами, где уже существовала концентрация труда, где множество станков действовало в одном и том же помещении и скучивались сотни рабочих, существовала промышленность, характеризующая-

ся отсутствием концентрации, и, судя по количеству станков, функционировавших в деревнях, в конце XVIII в. господствовал именно этот тип индустрии».

Б. Распространение машинного производства и концентрация промышленности.

Производство шерстяных товаров.

Нормандия.

	Годы	Фабрики	Станки (Metiers)	Рабочие	Штук товаров
Эльбеф . . .	1745	64	775	24 000	7 967
	1785	75	1 093	—	18 000
Лувьер . . .	1745	18	146	—	1 005
	1785	15	300	8 000	3 600
	1789	—	390	—	3 500
Дарнеталь .	1745	40	209	—	1 938
	1787	44	430	—	—
Лизье . . .	1759	100	—	—	—
	1779	135	260	4 000	20 000

Пикардия и север.

	Годы	Фабрики	Станки	Рабочие	Штук товаров
Амьен . . .	1753	—	4 500	—	—
	1785	—	4 740	—	—
	1788	—	3 030	—	—
Аббевиль . .	1778	—	1 200	—	—
	1785	—	1 022	—	—
	1788	—	638	—	—
Лилль . . .	1789	—	1 081	—	—
Рубэ	1771	—	—	—	38 000
	1780	—	—	—	40 000
	1789	—	1 000	—	—

Восток Франции.

	Годы	Фабрики	Станки	Рабочие	Штук товаров
Реймс	1732	1 800	—	—	10 000
Седан	1750	—	1 000	14 000	—
	1775	—	654	—	2 989
	1781—1790	—	с 900 до 1 000	14 000	20 000

4. Земельные отношения во Франции накануне революции.

ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ.

Этот отрывок взят из книги английского экономиста Арт. Юнга «Путешествие во Францию 1787—1790 гг.» (фравц. изд. 1794 г.).

«Есть пять форм земельных держаний во Франции, детально разобранных в многочисленных заметках, сделанных мною во всех провинциях; но заняло бы слишком много места, если бы я стал приводить их все здесь.

1) Мелкие крестьянские участки; 2) денежная аренда, как в Англии; 3) феодальное владение; 4) крупная монопольная аренда земель, сдаваемых затем крестьянам; 5) фермеры, обрабатывающие землю из половины или третьей части урожая.

1. Крестьяне везде имеют мелкие участки, такие мелкие, о которых мы в Англии не имеем представления. Они имеют место во всех частях королевства, даже в провинциях, где преобладают другие формы владения; но эта форма очень распространена в Керси, в Лангедоке, в Пиренеях, Беарне, в Гаскони, в части Гиэни, в Эльзасе, во Фландрии и в Лотарингии. Во Фландрии, в Эльзасе, на берегах Гаронны и в Беарне я встретил много жителей, живущих с достатком, которых скорее можно назвать мелкими фермерами, чем собственниками; а в Нижней Бретани встречаются даже и богатые, но по большей части они бедны и несчастны, что является следствием слишком большого разделения мелких ферм между всеми их детьми.

В Лотарингии и в примыкающей к ней части Шампани они несчастны; я не раз видел эти разделы, доведенные до таких пределов, что простое фруктовое дерево и двести футов земли составляли ферму и все хозяйство семьи.

2. Денежная аренда обычно встречается в Пикардии, в Артуа, в части Фландрии, в Нормандии (за исключением области Ко), в Иль-де-Франсе и в Боссе. Эта форма практикуется также в провинциях, где преобладают другие формы; но по умеренному расчету эта форма не существует даже в шестой и седьмой части королевства.

3. Феодальные владения. Это — лены, которые раздаются помещиками прихода с сохранением сеньориальных платежей: оброка, сервитутов, с правом лишения владения за неисполнение ленных отношений и т. д. Эта форма очень распространена в Лимузене, Берри, ла-Марш в Бретани и т. д.; она встречается во всех частях королевства, в окрестностях Вьерзона, Батана и т. д. В Берри раздавались сильные жалобы на эти тяготы; способ взимания их вероятно составляет значительную часть зла. Они везде более тягостны по этой причине, чем это могло бы казаться. Утверждают, что решения суда очень строги по отношению к арендатору в пользу помещика.

4. Монополия. Этот способ практикуется обыкновенно в различных провинциях, где есть половники; богатые люди снимают в аренду большие пространства земли, которую они от себя сдают мелкими участками половникам, дающим им половину урожая. Я слышал много жалоб по этому поводу в ла-Марш, Берри, Пуату и Ангулуа. Другие провинции также не изъяты из этой практики. Она очевидно происходит из трудностей, свойственных системе половничества. Это — отвратительный способ, хорошо известный в Ирландии, откуда эти посредники почти все изгнаны.

5) Половники. Аренда исполу составляет может быть семь восьмых земель Франции. Она охватывает почти всю Солонь, Берри, Марш, Лимузен, Бургундию, Бурбонне, Ниверне, Овернь и т. д. Она встречается даже в Бретани, Мене, Провансе и во всех южных провинциях. В Шампани есть много земель, сданных из третьей части продуктов, но обычно она сдается исполу. Собственник обыкновенно дает скот и половину семян, половник дает свой труд, орудия и платит налог; но в некоторых кантонах собственник дает часть этого расхода. В Берри есть половники, снимающие землю исполу; некоторые снимают из третьей части и даже из четверти урожая. В Руссильоне собственник платит только половину налогов, а в Гиэне, от г. Ош до Флейранса, некоторые собственники платят все налоги. Близ Эгильона, на Гаронне, половники дают половину скота. Близ Фалеза, в Нормандии, я видел половника в таких местах, где трудно было ожидать встретить их на фермах, содержавшихся самими собственниками; следствием этого является то, что фермы этих собственников обработаны хуже всех ферм окрестных.

Это постоянное обстоятельство не нуждается в комментариях. В Нанси, в Иль-де-Франс, я видел договор, по которому собственник обязывался доставить скот, упряжь, орудия и платить налоги; половник давал свой труд и платил подушный налог. Собственник обязан был ремонтировать дом и двери; фермер — окна. Собственник давал семена в первом году, половник — в последнем; в промежуточные годы они доставляли их пополам. Урожай, проданный за деньги, делился между ними, мясо и сыр, которыми без ограничения пользовалась семья половника, возмещались уплатой шести франков с коровы. В Бурбонне собственник дает все виды скота, и тем не менее половник продает, обменивает и покупает по своему усмотрению, причем управляющий отмечает все эти перемены, потому что собственник получает половину выручки от продажи и платит половину расходов по покупкам. Подводы арендатора должны доставлять половину зерна в амбары замка, а затем вернуться туда же за соломой. Результаты этой бессмысленной системы поразительны: земли, которые в Англии сдавались бы по двенадцати ливров, здесь стоят не больше трех ливров, включая цену скота.

На первый взгляд кажется, что собственники больше всего страдают от половнической системы обработки. Но при ближайшем знакомстве мы видим, что арендаторы терпят большую нужду, некоторые даже являются нищими. В Ватане, в Берри меня уверяли, что половники почти каждый год принуждены занимать хлеб у помещика до нового урожая. В сущности не стоит занимать этот хлеб, потому что это смесь ржи и ячменя; я его часто пробовал и поэтому от души сожалею этих несчастных бедняков. Но простые люди здесь не едят пшеничного хлеба. При этой нужде фермеров о

состоянии помещиков можно судить по ренте, которую они получают. В Салабри (Солонь) собственник получает около 800 ливров на свою долю за площадь, на которой кормится семьсот овец. Вся рента с земель и скота не превышает таким образом 24 су с каждой овцы. В Лимузене на половников смотрят, как на прислугу, которой можно отказать во всякое время и которая принуждена считаться со всеми капризами своих господ. Полагают, что половина арендаторов находится в долгу у собственника, так что последний часто принужден увольнять их с потерей этих долгов, рискуя иначе тем, что земли эти останутся необработанными.

Из всех форм аренды земель самой скверной является форма мелких ферм. Больше она встречается в Пикардии и т. д., но это не является общей формой аренды в остальных частях королевства. Дробление ферм и населения так велико, что происходящая отсюда нужда в некоторых местах доходит до крайних пределов. Когда вы попадаете в какой-нибудь город в базарный день, вас поражает праздность народа. Вы встречаете целые группы крестьян. В Лапдивизио, в Бретани, я встретил человека, который прошел две с половиной мили, чтобы принести на рынок пару цыплят, не стоивших, по его словам, 24 су. В Авранже я встретил людей, которые везли каждый на лошади около четырех мер морской травы. Близ Изигейма, в Эльзасе, я видел женщин во время жатв, когда труд их ценился наравне с трудом мужчины, которые у большой дорроги собирали траву для своих коров».

5. Феодальные права поместий Бле и Бросс в Бурбонне.

Описание поместий Бле и Бросс, см. приложение к книге И. Тэна «Происхождение современной Франции», т. I.

«Доходы двух поместий Бле и Бросс проистекают из следующих источников.

Прежде всего из арендных плат за вышеупомянутые фермы, затем из феодальных прав, перечисление которых следует ниже.

Полезные и почетные права, связанные с владением поместьем Бле:

1. Права отправления уголовного и гражданского суда в первой, второй и третьей инстанциях на всей земле Бле и других деревнях, как то: в Бросс и в Жале. На основании этого права и как это видно из явочного акта, составленного в Шатле 29 апреля 1702 г., владетель Бле ведает все имущественные и личные, гражданские и уголовные дела, далее и в тех случаях, когда дело касается поступков дворян и духовных; ему же принадлежит право описывания и опечатывания мебели, одежды и другого движимого имущества, опека, попечительство и заведывание делами несовершеннолетних, а также управление их вотчинами и наблюдение за принадлежащими им по обычаю сеньориальными правами и доходами и пр.

2. Право лесного надзора, — на основании эдикта 1707 г. Лесничему сеньора подведомственны все дела касательно воды и лесов; он разбирает относящиеся сюда обычаи и судит все преступления и проступки против правил охоты и рыбной ловли.

3. Право дорожного надзора, т. е. полицейский надзор за улицами, дорогами и дорожными сооружениями (за исключением больших дорог). Сеньор назначает окружного судью, лесничего и дорожного надзирателя, — каковые должности соединены теперь в руках г. Теро (в Сагонне) и казенных дел стряпчего, которым состоит теперь г. Божар (в Бле); он может сменить этих лиц ввиду того, что они совсем не платят ему денег. Пошлины за внесение в книги явочных актов отдавались прежде в аренду в пользу сеньора, но в настоящее время, ввиду чрезвычайной трудности отыскать в этой местности толковых и знающих людей для выполнения этой должности, сеньор уступает свои права на эти пошлины тому человеку, которому он поручает должность повытчика или актуариса. (Сеньор платит окружному судье 48 ливров в год, с тем чтобы он открывал заседание однажды в месяц, и 24 ливра в год казенных дел стряпчему за присутствие на этих заседаниях.)

Сеньор получает в свою пользу штрафы, назначенные поставленными им судьями, и конфискованный ими скот. Этот источник приносит ему ежегодно средним числом 8 ливров.

Он должен содержать тюрьму и тюремщика (в описании не говорится, чтобы тюрьма имелась в действительности). Во всей сеньории не видно никаких внешних признаков существования виселицы.

Он имеет право назначать 12 нотариусов; в действительности только один нотариус — в Бле, да и тому совсем нечего делать; это тот самый Божар, который занимает место казенных дел стряпчего. Эта должность дана ему даром и только для того, чтобы не предать забвению сеньора; впрочем в этой местности нет никакой возможности найти толкового и знающего человека для исправления этой должности».

Он назначает также пристава, но уже с давних пор этот пристав не платит ему никакой аренды за свою должность и вообще не доставляет ему никаких доходов.

4. Личная и имущественная подать. В Бурбоннэ, в старину, подать принадлежала к тому разряду, который называется taille serve (рабская, или крепостная, подать), а крепостные принадлежали к разряду не имевших права располагать своим имуществом после смерти. Сеньоры, сохранившие еще за собой в полной неприкосновенности и на всем протяжении своих ленов и судебных округов особые феодальные права [1], пользуются еще в настоящее время правом наследовать после своих вассалов во всех решительно случаях, даже в ущерб родным их детям, если эти последние не были постоянными жителями данной местности и не жили под одной кровлею с своим умершим родителем. Но в 1255 г. Год-де-Сюлли даровал своим вассалам хартию, в которой он отказался от этого права на имущественную и личную подать, получив взамен того право взимания известного налога за право гражданства в его владениях. Этот налог взимается еще и в настоящее время (см. ниже).

5. Право на бесхозяйственные вещи, т. е. приблудный скот, на найденную утварь и одежду, на залетевшие пчелиные рои и на откопанные клады (в течение последних двадцати лет по этой статье не было никакого дохода).

6. Право на имущество лиц, умерших без наследников; а также право на наследование после незаконнорожденных и пришлых людей, умерших на его земле; равно как и право на имущество людей, присужденных к смерти, пожизненным галерам (каторжным работам), к изгнанию и пр. (никаких доходов).

7. Право охоты и рыбной ловли, причем второе оценивают в 15 ливров в год.

8. Право взимания особого налога за право гражданства... Самые богатые должны платить ежегодно по 12 мер овса, по 40 фунтов каждая, и по 12 парижских денье; люди среднего состояния — по 9 мер и по 9 денье; все остальные платят по 6 мер и по 6 денье. Это право установлено наилучшим образом и изложено во всех земельных описаниях и показаниях королю; кроме того оно укреплено и увековечено бесконечным числом расписок и т. п. доказательств; поэтому нет никакой возможности проникнуть в те причины, которые побудили старых управляющих или фермеров этого поместья прекратить взимание сборов в силу этого права. Множество сеньоров в Бурбоннэ пользуется этим правом и заставляет своих вассалов платить себе указанные сборы в силу документов, могущих считаться гораздо более подозрительными, чем те, которые находятся в распоряжении сеньоров земли Бле.

9. Налог на охрану замка Бле. Королевским указом 1497 г. размер этого налога для жителей города Бле и для всех живущих в пределах этого судебного округа, как то: для обитателей Шарли, Баумарвье и пр., был определен в 5 су в год с каждого дома, что и было приведено в исполнение. Только с очень недавнего времени взимание этого налога почему-то прекратилось, хотя с помощью недавних расписок можно доказать, что все жители этой местности всегда признавали себя подлежащими этому налогу на охрану и стражу.

10. Дорожные пошлины со всех товаров и припасов, провозимых через город Бле, за исключением зернового хлеба, круп, муки и овощей (по этому поводу имеется дело в государственном совете, которое тянулось с 1727 по 1745 г. и все еще не окончено. Со времени начатия этого дела взимание этих пошлин прервалось на время).

11. Право отлива, т. е. право взимания в пользу сеньора 9 пинт с каждой бочки вина, продающейся в розницу в городе Бле. Это право отдано в 1782 г. на откуп, на 6 лет, за 60 ливров в год.

12. Пошлины с убоя скота, или право получать язык от каждой рогатой скотины, убитой в городе, а также головку и ножки от всех зарезанных телят. В Бле нет мясника, однакоже во время жатвы и в течение всего года убивается около 12 быков. Эта пошлина взимается управляющим и ценится в 3 ливра в год.

[1] В данном случае право наследования после вассала, в ущерб его наследникам, даже родным его детям, не жившим в момент его смерти под одною с ним кровлею.

13. Сбор с ярмарок и рынков, с мер (погонных и сыпучих) и весов. Пять ярмарок и еженедельный рынок; но и ярмарки и рынки немноголюдны; крытого рынка нет. Это право ценится в 24 ливра в год.

14. Право на требование конной и пешей барщины. В качестве верховного местного судьи сеньор Бле пользуется этим правом по отношению к 97 человекам в самом Бле (22 конных дня и 75 пеших) и к 26 человекам в Бросс (5 конных дней и 21 пеший). При пешей барщине сеньор выдает по 6 су в день на кормление каждого человека и при конной — по 12 су на человека с повозкою и четырьмя быками. Из числа барщинников большая часть обременена большими семьями и дошла почти до нищенства, вследствие чего сеньор часто не решается требовать исполнения этой повинности со всей строгостью. При таком сокращении дохода он все же ценится в 49 ливров и 15 су.

15. Обязательное пользование мельницами владельца (судебный приговор 1736 г., присуждающий землевладельца Руа к обязательству молотить свой хлеб на господской мельнице и к штрафу за то, что он перестал молотить его там три года тому назад). Мельник взимает шестнадцатую часть смолотой муки. Водяная господская мельница вместе с ветряной и с 6 арпанами прилежащей земли отдается в аренду за 600 ливров в год.

16. Обязательное пользование господской печью для печения хлеба. По сделке, заключенной в 1537 г. между сеньором и его вассалами, он дозволяет им иметь в собственных домах небольшую печь с подом из трех глиняных плит, по полуфуту каждая, для печения пирогов, лепешек и сухарей; они же со своей стороны признают себя обязанными пользоваться господской печью для печения хлеба. Сеньор может взимать шестую часть теста; это право могло бы приносить по 150 ливров в год, по нисколько лет тому назад хлебопекарня обрушилась и не была выстроена заново.

17. Право держать голубятню. Таковая имеется в парке замка.

18. Право наследования вассалам. На основании этого права сеньор считается наследником своих вассалов, за исключением того случая, когда родные дети умершего жили под одной кровлей с ним в момент его смерти. Сеньор Бле пользуется этим правом на протяжении 48 арпанов. В продолжение последних 20 лет по небрежности или по другим причинам оно не приносило ему никакого дохода.

19. Право на пустыри и заброшенные земли, а также на земли, намытые рекой.

20. Чисто почетное право на скамейку подле клироса, на каждение перед его особой, на упоминание его имени на ектении, на погребение в церкви под клиросом, а также на внутренний и внешний траурный пояс с гербами при похоронах.

21. Крепостные пошлины с чиншевиков, вносимые сеньору приобретателем чиншевого участка в течение 40 дней по совершении покупки. В Бурбоннэ крепостные пошлины взимаются в размере одной трети и одной четверти продажной цены, а также в размере 6,8 и 12% с этой цены. Сеньор Бле и Бросс взимает их в размере 6%. Считается, что продажи имеют место по разу в течение каждых 80 лет. Это право сеньора простирается на 1356 арпанов, из которых лучшие стоят по 192 ливра за арпан, средние — по 110 ливров, а худшие — по 75 ливров. Покупщикам делается сбавка четверти следующих с них крепостных пошлин. Это право дает ежегодно 254 ливра.

22. Церковные десятины и сборы с мясных продуктов. Сеньор приобрел все десятины, за исключением очень немногих, у каноников Денле-Руа и у приора Шомонского. В уплату десятин здесь идет 13-й сноп. Эти десятины включены в арендные контракты фермеров.

23. Право на так называемый «господский сноп», это — право взимать, после отделения десятины, известную часть продуктов. В Бурбоннэ «господский сноп» взимается в очень различных размерах; иногда в пользу господина взимается 3-й сноп, иногда же 5-й, 6-й или 7-й, всего же чаще 4-й; в Бле взимается 12-й сноп. Сеньор Бле взимает «господский сноп» только на некотором числе земель своих владений. «Что касается земли Бросс, то там, повидимому, все земли, состоящие во владении чиншевиков, подлежат особому сбору. Эти сборы включены в арендные контракты фермеров, сидящих на землях Бле и Бросс.

24. Чинш, добавочный чинш и ренты, платимые за разного рода недвижимости, как-то: дома, поля, луга и пр., находящиеся во владеньи сеньоров.

В имении Бле к этой категории принадлежит 810 арпанов земли, разделенных на 511 участ-

ков и состоящих в пользовании 120 чиншевиков; общая ежегодная сумма получаемого с них чинша состоит из 130 франков деньгами, из 67 четвериков пшеницы, 3 четвериков ржи, 159 четвериков овса, 16 пулярдок, 130 куриц и 6 петухов и каплунов; все это оценивается в 575 франков.

В имении Бросс к этой категории принадлежат 85 арпанов, разделенных на 112 участков и находящихся в руках 20 чиншевиков; общая сумма годового чинша состоит тут из 14 франков деньгами, из 17 четвериков пшеницы, 32 четвериков ржи, 26 пулярдок, 3 кур и 1 каплуна. Все это ценится в 120 франков.

26. Право на общинные земли (124 арпана в имении Бле и 164 арпана в имении Бросс). Вассалы имеют по отношению к общинным землям только право пользования. «Почти все земли, на которых они пользуются правом выгона, принадлежат в собственность сеньорам, которые обязаны терпеть одно только это право пользования их собственностью со стороны вассала; да и то это право пользования дается не всем, а некоторым лицам...

Некоторые из этих ленов, а именно — 19, находятся в Бурбонне. В Бурбонне лены, даже находящиеся во владении простолюдинов, обязаны по отношению к сеньору при каждом переходе из одних рук в другие только выполнением некоторых почетных формальностей. В старину сеньоры Бле взимали при этом случае некоторый налог взамен своего права выкупа; но впоследствии они дозволили этому выйти из употребления.

Другие лены находятся в Берри, где существует еще право выкупа. В Берри у сеньора Бле имеется только один лен, а именно — Кормесс, находящийся во владении архиепископа Буржского. Он состоит из 85 арпанов; кроме того в число его доходов нужно включить некоторые десятины; всего же он приносит в год 2 100 ливров. Принимая один переход из рук в руки в течение каждых 20 лет, этот лен дает ежегодно сеньору Бле 105 ливров.

Кроме вышеперечисленных обязательств, лежащих на поместье Бле, на нем лежат еще следующие другие обязательства:

1. Жалованье священнику Бле. На основании королевского указа 1686 г., оно должно равняться 300 ливрам. Вследствие сделки, заключенной в 1692 г., священник, желая обеспечить себе правильную уплату этого жалованья, уступил сеньору все десятины, сборы с новин и пр. Когда указом 1768 г. священническое жалованье было определено в 500 ливров, священник потребовал себе этой суммы официальным путем. Каноники Ден-ле-Руа и приор Шомонский, пользовавшиеся десятинами на земле Бле, должны были принять на себя часть этого жалованья. В настоящее же время оно лежит все целиком на обязанности сеньора Бле.

2. Содержание стражника. Кроме помещения и отопления ему дается в пользование 3 арпана залежи и 200 ливров.

3. Управляющему за хранение архивов, за надзор за починками и исправлениями и за взимание штрафов полагается 432 ливра и кроме того ему дается в пользование 10 арпанов земли.

4. Уплата королю «двадцатин». В прежнее время земли Бле и Бросс вносили 810 ливров в качестве «двух двадцатин» и затем по 2 су с ливра. Со времени же установления «третьей десятины» они платят 1 216 ливров».

6. Цены на хлеб и на землю в XVIII в.

Годы	Цена гектолитра [1] хлеба во франках	Доход с гектара [2] обработанной земли	Максимум		Минимум	
			Дата	Цена	Дата	Цена
1701—1710	20,06	17,78	1709	32,32	1707	6,84
1711—1720	14,83	16,70	1714	27,41	1718	8,37
1721—1730	12,14	17,50	1725	20,56	1730	7,84
1731—1740	11,63	13,32	1740	16,31	1733	6,10
1741—1750	10,63	15,12	1746	16,88	1745	6,93
1751—1760	11,46	19,47	1756	17,60	1755	8,07
1761—1770	13,28	18,15	1769	17,50	1761	8,85
1771—1780	13,79	24,73	1772	17,24	1780	11,21
1781—1790	15,92	27,66	1789	20,02	1787	11,31

[1] *Гектолитр* = 3,8112 четверика.
[2] *Гектар* = 0,915299 десятины.

7. Примерное распределение земли между отдельными сословиями Франции накануне революции.

А. Распределение поземельной собственности между сословными группами в общине Невиля Сен-Ваast в 1779 г.

Земельные владения дворянства, духовенства и буржуазии.

Размер собственности (в манкоде[1])	Дворяне	Духовенство	Буржуазия	Итого
Более 500	—	1	—	1
От 300 до 500	—	—	—	—
» 200 » 300	—	—	—	—
» 100 » 200	—	—	2	2
» 80 » 100	1	1	1	3
» 50 » 80	—	1	—	1
» 40 » 50	—	—	1	1
» 30 » 40	—	—	1	1
» 20 » 30	—	—	3	3
» 15 » 20	—	2	5	7
» 10 » 15	—	1	3	4
» 5 » 10	—	2	4	6
» 2 » 5	—	1	3	4
» 1 » 2	—	—	2	2
Менее 1	—	—	2	2
Итого	1	9	27	37
Количество земли	96	724	799	4 619

Собственность крестьянского населения.

Размер собственности (в манкоде)	Земледельцы	Поденщики	Valets de charrue	Ремесленники	Занятые промыслом	Вдовы	Держатели	Итого
От 50 до 60	—	—	—	—	—	—	2	2
» 40 » 50	—	—	—	—	—	—	—	—
» 30 » 40	—	—	—	1	—	—	—	1
» 20 » 30	1	—	—	—	—	—	—	1
» 15 » 20	2	—	—	1	1	—	1	5
» 10 » 15	4	—	—	2	1	—	1	8
» 5 » 10	8	—	—	7	—	—	—	15
» 2 » 5	15	—	—	18	3	3	3	42
» 1 » 2	4	1	1	18	1	—	—	25
Менее 1	11	2	—	25	3	1	—	32
Огородники	20	8	7	28	3	3	—	59
Итого	65	11	8	100	12	7	7	209
Количество земли	248	4	1	215	42	10	156	676

[1] *Манкодг*=около 43 ар.; ар=100 кв. *м*.

Б. Распределение поземельной собственности среди дворянства, духовенства и буржуазии в общине Роклинкур.

Размер собственности (в манкоде)	Дворяне	Духовенство	Буржуазия	Итого
Более 500	1	—	—	1
От 200 до 300	—	1	—	1
» 100 » 200	—	1	—	1
» 50 » 100	—	—	1	1
» 40 » 50	—	—	—	—
» 30 » 40	—	—	—	—
» 20 » 40	—	—	1	1
» 15 » 20	—	—	—	—
» 10 » 15	—	1	3	4
» 5 » 10	—	—	5	5
» 2 » 5	2	1	3	4
» 1 » 2	—	1	1	2
Менее 1	—	—	3	3
Итого	3	5	17	23
Количество земли	501	363	148	1 012

Собственность крестьянского населения в общине

Размер собственности (в манкоде)	Земледельцы	Valets de charrue	Ремесленники	Занятые промыслом	Фермеры	Вдовы	Итого
От 20 до 30	—	—	—	—	1	—	1
» 15 » 20	—	—	—	—	1	—	1
» 10 » 15	1	—	—	1	1	—	3
» 5 » 10	4	—	—	1	1	3	9
» 2 » 5	5	—	—	—	1	1	8
» 1 » 2	5	—	5	1	—	1	12
Менее 1	4	—	1	—	—	4	9
Огородники	10	1	1	—	1	4	17
Безземельные	—	—	—	—	2	—	2
Итого	29	1	7	3	8	13	62
Количество земли	63	—	17	19	19	27	185

8. Конструкция расходного бюджета Франции.

Годы	Расходы на содержание двора (в ливрах)	% по отношению к общей сумме расходов (в ливрах)	Расходы военно-морские (в ливрах)	%	Уплата % в погашение долгов[1] (в ливрах)	%	Остальные расходы (в ливрах)	%	Общая сумма расходов (в ливрах)
1759	34 400 000	7	212 000 000	42	156 907 617	31	100 539 524	20	503 847 141
1764	45 000 000	15	79 000 000	24	—	—	—	—	309 294 183
1775	55 587 249	13	121 325 000	29	162 777 883	39	74 754 031	19	414 445 163
1776	44 838 164	11	130 788 682	32	142 892 456	34	97 065 349	23	415 574 651
1783	39 000 000	7	227 000 000	39	214 002 000	37	95 192 250	17	575 194 250
1785	39 000 000	6	150 800 000	28	234 500 000	44	110 400 000	21	529 400 000
1787	38 180 000	6	148 180 000	25	291 426 000	49	121 349 795	20	599 135 795

[1] Разграничить эти две категории расходов является делом, которое ныне далеко не всегда осуществимо.

Примерным соотношением могут служить цифры 1785 г., когда на уплату процентов предназначалось 207 млн., а на погашение долгов—27,5 млн. ливров. В более благополучном 1774 г., по расчетам Тюрго, на уплату процентов предполагалось ассигновать 119,8 млн. ливров, а на погашение долгов—35 млн.

9. Общая характеристика классов во Франции накануне революции

А. Дворянство.

(Из представлений парижского парламента против эдикта короля и министра Тюрго о дорожной повинности от 2—4 марта 1776 г.).

«Французская монархия по своему строю состоит из нескольких различных и совершенно отдельных сословий.

Личная служба духовенства состоит в исполнении всех функций, связанных с просвещением, отправлением богослужения и облегчением участи обездоленных посредством милостыни. Дворянство своею кровью защищает государство и помогает государю своим советом. Низший класс нации, который не может оказывать государству столь же отличных услуг, выплачивает ему свой долг в форме податей, промышленной деятельности и физического труда.

Освобождая от государственной барщины [1] низший класс граждан, который до сих пор обязан был ее нести, эдикт перекладывает эту повинность на два сословия государства, которые никогда ранее не были ею обязаны. Таким образом нет более различия между вашими подданными: дворянин, духовное лицо становятся повинными государственной барщине или, что то же самое, плательщиками налога, который должен заменить собою эту повинность.

Дело идет здесь, государь, не о борьбе богатых против бедных, как пытались вас в этом убедить.

Это — вопрос государственный, притом один из наиболее важных, так как дело идет о том, могут и должны ли быть смешаны в одну массу ваши подданные — следует ли перестать делать различие между разными состояниями, рангами, титулами и преимуществами. Подвергнуть дворян налогу для выкупа дорожной повинности, вопреки правилу, что никто не подлежит барщине, кто не подлежит талье, — это рав-

[1] Corvée — натуральная дорожная повинность, состоявшая в обязанности крестьян работать со своими подводами бесплатно над починкой больших дорог.

посильно превращению их в подлежащих барщине; а раз допущен такой принцип, то они могли бы быть приневолены к личному отбыванию барщины, как только бы она была восстановлена.

Мы глубоко убеждены, государь, что вашему величеству не осмелились представить подобные проекты во всей их широте. Ваша справедливость, ваша мудрость никогда бы не допустили их осуществления».

Б. Что такое «третье сословие»?

(Из брошюры аббата Сиэса «Что такое «третье сословие»?», 1789 г.)

«... 1. Что такое «третье сословие»? — Все.

2. Чем оно было до сих пор в политическом отношении? — Ничем.

3. Чем оно желает быть? — Чем-нибудь.

... Что требуется для существования и процветания нации? — Частный труд и общественная деятельность.

Все виды частного труда делятся на четыре разряда:

1. Так как земля и вода доставляют все первоначальные продукты, идущие на человеческие потребности, то к первому разряду относятся сельскохозяйственные работы.

2. Между получением сырых продуктов и их потреблением или применением необходима некоторая работа, разнообразная обработка, прибавляющая к ним добавочную, более или менее сложную, ценность. Человеческое искусство улучшает дары природы, увеличивая стоимость сырья в десять и во сто раз. В этом заключается труд второго разряда.

3. Между производством и потреблением, а равно между различными стадиями производства, устанавливается группа агентов-посредников, полезных как и для производителей, так и для потребителей. Это — купцы, удовлетворяющие спросу на товары, возникающему в разных местах и в разное время, спекулирующие на прибыли от сохранения и перевозки товаров, занимающиеся их сбытом оптом и в розницу. Это — третий вид полезной деятельности.

4. Помимо перечисленных трех разрядов трудящихся и полезных граждан, занятых приготовлением предметов потребления и пользования, в человеческом обществе существует еще много других видов труда, полезных и приятных посредственно. Этот разряд обнимает ученые и свободные профессии, начиная от самых почетных и кончая домашнею прислугою.

Таковы четыре разряда частного труда, на которых держится общество. Кто их доставляет? — Третье сословие...

Итак, что такое третье сословие? — Вся нация, но нация в оковах и под гнетом. Чем оно было бы без привилегированных? — Всею нацией, но нацией свободной и цветущей. Нет государственной жизни без третьего сословия, и все было бы гораздо лучше без остальных сословий. Недостаточно показать, что привилегированные не только не приносят пользы народу, но ослабляют его и вредят ему; необходимо доказать, что знать вовсе не входит в состав общественной организации и что она может лишь быть бременем для нации.

Прежде всего заметим, что нельзя найти места для касты знатных среди составных частей нации. Конечно есть и отдельные люди, которых болезнь, крайняя ограниченность, неизлечимая лень или дурной нрав делают неспособными к общественной работе. Исключения и злоупотребления всегда возможны, особенно в большом государстве. Но каждый согласится, что государство тем благоустроеннее, чем меньше таких злоупотреблений. Наименее благоустроенною надо признать ту страну, в которой не только отдельные лица, но и целый класс граждан видит свою славу в том, чтобы оставаться бездеятельным среди всеобщего движения и получать лучшую долю жатвы, ничем не содействуя ее произрастанию. Тунеядство этого класса общества делает его чуждым остальной нации. Знатное сословие не менее чуждо нам своими привилегиями — гражданскими и общественными...»

В. Крестьянство.

(Отрывок этот принадлежит Вольтеру, выступившему на защиту крепостных крестьян, живущих на церковных землях: «Голос приходского священника в суде за рабов, обитающих близ горы Юры, притесняемых монахами».)

«В день св. Людовика 1772 г., когда вступил я в правление моего прихода, многие из моих прихожан пришли ко мне и со слезами просили моей помощи. Я им говорил, что мой приход принадлежит монахам, которые дают мне на содержание 400 франков, и это они называют,

не знаю почему, достаточным пропитанием; однако в случае нужды эти 400 франков я охотно разделил бы с моими друзьями. После этих моих слов выступил вперед стряпчий и обратился ко мне со следующими словами:

— Мы сами готовы, государь мой, повергнуть к ногам вашим все оставшееся малое имение наше и трудами рук наших помогать вам в ваших трудах. Мы пришли сюда просить вашей защиты, дабы освободили вы нас от несправедливого рабства, под игом которого мы стонем в этих степях, распаханных нашими руками.

— Как! Что вы хотите высказать, дети мои? Какое рабство? Разве есть во Франции невольники?

— Конечно, государь мой,—продолжал стряпчий: — мы — невольники тех самых монахов, ставших ныне светскими людьми, которые дают вам на содержание деньги, чтобы тем лишить вас дохода от вашего места, и которые собирают плоды как от ваших трудов, так и от наших. Эти монахи, став канониками, сделались господами нашими: мы их рабы, им подвластные невольники. Помогите нам во имя того короля, который вел войну единственно для того, чтобы освободить от рабского ярма невольников христианских, во имя того короля, память которого мы ныне празднуем.

Я спрашивал их, что означают странные слова: невольники, подвластные рабы?

— Прежде всего, — говорил он, — наши начальники, не довольствуясь добычею, похищенною ими из наших хижин после нашей смерти, повелевали вырывать из земли наши тела и, отрезывая правую руку у мертвых, приносили ее к ним с церемониею, как бы в дополнение того, что они не могли получить от нашей бедности, и как страшный пример того, чтобы они (крестьяне) не дерзали касаться имения родителей своих, которое долженствовало бы быть добычею монахов, благодетелей наших.

Слыша это, я содрогался от ужаса, а он продолжал:

— Мы совершенные невольники как в отношении распоряжения имений наших, так и в отношении свободы личностей наших: ибо если во время нашего пребывания в доме родителей имеем с женами жалкие пожитки, то по смерти родителей все имение наше принадлежит монахам. Тогда нас выгоняют из отцовского жилища, и мы бываем вынуждены просить милостыню у ворот того самого дома, в котором мы родились. Мы умираем, покинутые всеми людьми, и не уносим в гроб ничего, кроме жалостного убеждения, что оставляем детей в нищете и рабстве.

Если иностранец, не знающий этих порядков, по несчастию проживает сверх года хоть один только день в этой варварской стране, тогда и он становится наравне с нами рабом монахов; даже в том случае, если бы после он получил великое имение в другом государстве, то и оно должно принадлежать также монахам. Они его достают на самом конце вселенной, и это право у них называется правом истца.

Нас можно назвать вьючными скотами, ибо монахи обременяют нас во время жизни, продают нашу кожу после смерти, а тела наши бросают в навозную яму».

Г. Наказ крестьян прихода Фосс.

Наказ приведен в книге Ж. Жореса «Учредительные собрания». Этот документ рисует не только феодальный гнет крестьянства, но особенно эксплоатацию земледельцев благодаря проникновению капитализма в деревню.

«Мы очень желаем, чтобы из множества подлежащих отмене налогов были прежде всего уничтожены те, которые падают на такие предметы, потребление которых одинаково необходимо как для бедных, так и для богатых, например, налог на соль. Нет налога, раскладка которого производилась бы до такой степени дурно, нелепо и несправедливо. Новидимому придумавшие его исходили из следующих соображений: нужно найти способ заставить бедных платить для покрытия государственных расходов столько же, сколько платят богатые; но так как мы не можем обложить их тальей, прибавками к ней, промысловым сбором, натуральной повинностью, поголовной податью, пятипроцентным сбором, ибо они не стали бы платить этих налогов и с них нельзя было бы взыскать их, то следует установить высокую пошлину на соль: ведь они, так же как и богатые, не могут обойтись без соли; поэтому их расходы на покупку соли до некоторой степени заменят те налоги, которыми мы не можем их обложить. Таково должно было быть бесчеловечное рассуждение служителей фиска, придумавших этот возмутительный налог.

В самом деле, мы на себе испытываем справедливость того, что мы только что сказали относительно потребления этого товара.

Одна живущая в нашем приходе очень бедная семья, состоящая из мужа, жены, 18-летней девушки и мальчика 10—12-летнего возраста, потребляет 78 фунтов соли в год.

Другая столь же бедная семья, состоящая из трех лиц, в том числе из двух молотильщиков, потребляет по крайней мере 60 фунтов в год, между тем как мы знаем, что в буржуазной семье, состоящей также из трех человек, потребляется не более 25 фунтов в год. Итак наша жалоба на то, что этот налог распределяется несправедливо, основательна...

Мы требуем, чтобы были упразднены королевские охоты... так как они чрезвычайно вредны для государства вследствие того громадного ущерба, который они причиняют земледелию. Нам небезызвестно, что благодаря нынешней роскоши богачей и множеству мануфактур, основанных в окрестностях Парижа, потребляется масса дров, что влечет за собой уменьшение количества леса; но дичь, размножающаяся в пределах королевских охот, истребляет еще большее количество его, так как она совершенно не дает ему расти: едва лишь покажутся молодые побеги, как дичь уже пожирает их.

И сколько семей в деревнях впало в крайнюю нищету вследствие штрафов, без разбора взыскиваемых с несчастных жертв этого поветрия (браконьерства), а часто даже и с невинных, которые иногда платились даже жизнью за легкий проступок, совершенный ими по неосторожности или по незнанию законов о королевских охотах.

В Сапли никогда не забудут об убийстве несчастной женщины, застреленной в то время, как она собирала земляннику, гнусным смотрителем за охотой Делионом, и об убийстве несчастного юноши Куа, убитого два года тому назад таким же образом, когда он собирал сухие сучья в лесу в окрестностях Шантильи, смотрителем охоты Орсе. Можно было бы упомянуть и о некоторых других столь же трагических фактах; но можно ли поверить, что лица, совершившие эти возмутительные преступления, были лишь переведены на другие места, получив при этом повышение по службе?

Мы требуем, чтобы каждому было предоставлено столь естественное право истреблять на своей земле уничтожающую жатву дичь, не посягая на принадлежащее сеньорам, как они утверждают, право охотиться на всем протяжении их ленов, лишь бы только они не причиняли никому вреда, хотя мы и очень хорошо знаем, что это право есть не что иное, как узурпация, совершившаяся двести лет тому назад при обезоружении крестьян.

Но почему же мы, крестьяне, не обладающие такими средствами, чтобы завести голубятни, должны доставлять пищу голубям, принадлежащим сеньорам и крупным землевладельцам? Неужели из-за того, что мы можем оказаться настолько злополучными, что ветер повалит то небольшое количество хлебов, которое растет на наших полях, нам, в довершение несчастья, придется или производить значительные расходы или допустить, чтобы эти птицы, жадно устремляющиеся на наши поля, чтобы истребить их, окончательно разорили нас?

Точно такая же судьба угрожает гречихе и другим хлебам, которые нам приходится сберегать в течение трех недель под ряд, чтобы предохранить их от опустошений, производимых голубями, так как мы вынуждены кормить не только кроликов сеньоров, их зайцев, их фазанов, куропаток, ланей, оленей, кабанов, но и всех их голубей, а пожалуй, и всех их домашних животных, коль скоро это им заблагорассудится.

И не приходится ли нам при всем том платить ренту землевладельцам и уплачивать массу разоряющих нас налогов, которые должны были бы падать на них?

И как это ни невероятно, встречаются такие сеньоры, которые не стыдятся говорить тем, кто жалуется на это: «Когда ты разоришься, я дам тебе хлеба». Боже правый, неужели французы созданы для того, чтобы стать нацией нищих, живущих подаянием, получаемым ими от нескольких богачей?

Мы полагаем, что было бы весьма целесообразно обуздать алчность богатых землевладельцев, большинство которых стремится лишь расширить свои имения за счет достояния бедняков. Как в 1749 г. лицам, имущество которых не переходит в другие руки, было справедливо запрещено расширять свои имения, так и теперь ничто, кажется, не препятствует установить известные размеры, которых не должны превышать имения, причем владения сеньоров должны составлять не более одной

четверти или одной пятой земель в приходе, а всякое другое лицо не должно владеть более чем одной шестой или одной седьмой...

...Находящегося в затруднительном положении крестьянина соблазняют предложением наличных денег, пробуждая у него жажду к ним, бесчеловечно ссужая ему в долг до тех пор, пока он не лишится возможности вернуть занятые деньги; затем его достояние продается за бесценок в пользу заимодавца, к нему пристают с массой мелочных придирок, его запугивают разорительным процессом и таким образом заставляют пожертвовать небольшим имуществом, дававшим возможность существовать его семейству.

Жадность богачей побуждает их изыскивать всевозможные способы расширять свои имения, и в этом заключается один из главных источников нищеты сельского населения.

Мы заявляем, что, вопреки мнению современных агрономов, было бы в высшей степени полезно завести по мере возможности в каждой деревне общинные пастбища, а также заставить лиц, незаконно присвоивших эти пастбища и пустоши несколько лет тому назад, возвратить их и привести проселочные дороги в их прежнее состояние.

Эти земли и эти дороги, захваченные и обращенные под плуг некоторыми сеньорами и частными лицами, служили пастбищем для коров, и то обстоятельство, что крестьянам приходится обходиться без них, является одной из причин бедственного положения нуждающегося деревенского населения, но ведь все делалось для богачей и ничего не делалось для бедняков...»

Д. Ремесленники и машина.

(Из брошюры «Пожелания шести предместий и пригородов г. Каэн о запрещении прядильных машин». Брошюра рисует недовольство ремесленников постепенным проникновением машин в производство. Цитируется по книге Левассера «История рабочего класса во Франции»).

«Многие наказы, — можно сказать: все, за исключением наказа общины, — определенно требовали запрещения прядильных машин. Пожелание бедняков, сопровождаемое требованием всех фабрикантов, не могло еще найти себе достаточно могущественных защитников, чтобы окончательно исчезнуть, наконец, из списка просьб. Его ставят под вопрос, дебатируют, изменяют, как если бы благо народа не было высшим законом. Человеколюбие, святое человеколюбие требует этого запрещения, а богачи, пресыщенные всем, утопающие в изобилии, богачи, которые нечувствительны к чуждым им бедствиям, сплоченными рядами выступают на бой против бедняка, лишенного всего, умоляющего на коленях о куске хлеба. Все софизмы о личном интересе должны разбиться вдребезги об этот несокрушимый аргумент: хлеба! Тщетно противопоставлять ему пышные слова, столь часто повторяемые, об интересах коммерции, о равновесии Европы, о национальном благоденствии. Вся эта политика, рожденная честолюбием властителей и торговыми камерами, становится ничтожной и варварской, теряет всякое значение перед криком нищеты и отчаяния. Торговый договор с Англией [1] — вот первая причина всего зла; его необходимо расторгнуть, ибо он политически вреден и противоречит интересам наших мануфактур и наших фабрик. Поспешим видоизменить этот гибельный договор или аннулировать его силой. Война менее ужасна, чем опустошения, приносимые подобным миром. Английские прядильные машины, которые стараются ввести и у нас, еще более увеличат наши бедствия. Можно прямо сказать, что они парализовали живые руки и убили промысел прядильщиц. В самом деле, люди, не имеющие иной собственности, кроме прядильного промысла, внезапно оказываются лишенными своей единственной работы, обеспечивавшей им жизнь. Механические станки нуждаются лишь в одной десятой части тех рабочих, которые были заняты раньше в ручных прядильнях, и отнимают следовательно у остальных девяти десятых насущный хлеб и возможность существования. Такие предприятия явно гибельны, и никогда не убедят нас в том, что родине-матери нужно обирать своих детей и делиться с иностранцами своими богатствами. Жестоко и дико отнимать у самого неимущего класса его единственный промысел, не предоставляя ему взамен обеспеченного и постоянного заработка. Найдется ли такой собственник, который добровольно отказался бы от богатства своих отцов для того, чтобы стать

[1] Речь идет о торговом договоре Франции и Англии 1786 г., построенного на частичном признании принципов «свободной торговли».

рабочим и зарабатывать кусок хлеба в поте лица своего? Найдется ли такой коммерсант или судовладелец, который пожертвовал бы своими несметными богатствами и своими доходными спекуляциями, променяв их на новый способ заработка, которого будет едва хватать на ежедневное пропитание его и его семьи? Никто из них, наверное, не сделает этого ради блага родины, когда оно столкнется с их собственным благополучием. Как же могут они по справедливости требовать этого от нищего рабочего, который не верит и не поверит никогда, что его интерес не имеет никакого отношения к интересу общему и что он обязан умереть с голоду ради блага королевства и ради преуспеяния торговли? Если Англия ввела у себя механические станки, то это объясняется тем, что у нее нехватает рабочих рук; там нужда вызвала к жизни машину. Но, без сомнения, Англия выбрала для этого более благоприятные обстоятельства; она позаботилась смягчить нужду рабочих; этого нужно по крайней мере ожидать от народа, умеющего так мудро управлять, уважающего так глубоко права человека и гражданина.

Механические бумагопрядильни не только разоряют класс прядильщиков и прядильщиц как в городе, так и в деревне, — они разоряют также промышленность.

Машинная пряжа мягка, хрупка, тяжела. Она с трудом поддается окраске и выделке. Наконец такого рода пряжа требует большой затраты труда для подготовки и для выделки вообще. Прежде всего много труда стоит подвергнуть ее окраске. Работница, производившая обычно три фунта пряжи в катушках с обыкновенной ниткой, может сделать только два фунта с механической — вследствие ее неравномерности. Навивальщики основы, производившие четыре основы в день, могут сделать с механической ниткой только две — вследствие ее мягкости и хрупкости. Рабочим, производившим в две недели основу в двадцать четыре локтя, требуется теперь месяц для того же количества, между тем цена товара осталась той же. Словом, со всех сторон можно собрать доказательства, что нитка английских механических станков разорительна для рабочего и фабриканта, что она увеличивает цену продукта, вместо того, чтобы понизить ее.

Механическая пряжа имеет еще одну отрицательную сторону, очень важную для потребителя, ту именно, что фабрикат из этой плохой нитки износится в три раза скорей.

Прибавьте к этому местные интересы города и окрестностей Руана. Большое значение города Руана заключается в его фабричной промышленности, в его торговле руанским ситцем. Огромное население города и рабочие руки ста тысяч прядильщиц, занятых в его мастерских, делают громадный город Руан естественным центром этой главной отрасли торговли. Если будут разрешены механические станки, работы хватит лишь на двадцать тысяч руанских рабочих, и город Руан рискует увидеть фабрики полотна во всех городах, местечках и деревнях королевства. То, чего жители не могли делать раньше из-за недостатка рабочих рук, они смогут делать теперь благодаря машинам. Итак интересы города Руана и интересы фабрикантов присоединяются к вполне законному требованию бедных рабочих, требованию запретить употребление английских механических прядильных станков».

Б. Наказ мастеров шелковых, шерстяных материй г. Труа.

(Наказ приведен в книге Верпге «Наказы бальяра г. Труа», т. I, пер. С. Сказкина. Документ рисует конфликт между городской и деревенской промышленностью; обращает на себя внимание требование усиленной системы покровительства отечественной промышленности).

«...Самый гибельный опыт доказывает ныне, что безграничная свобода торговли материями, недавно принятая во Франции, вредит и национальному сельскому хозяйству и национальной промышленности.

Напрасно ссылались на пример Англии, у которой эта система может удаться, принимая во внимание размеры ее владений.

Со времени припятия этой системы во Франции пустеют города и нищают деревни, сельское хозяйство в пренебрежении, и городские фабрики заброшены.

Пусть спросят собственников и земледельцев в пределах Труаского бальяжа. Все единогласно ответят, что появление фабрик в деревне лишает землю множества работников, пот которых оплодотворил бы ее; что со времени появления деревенской промышленности расходы по обработке земли более чем удвоились и что часто даже богатые жатвы погибали

за отсутствием рабочих рук для их уборки. Они ответят, что до 1777 г. насчитывали 63 пахаря в деревне Планси, около Труа, и что с 1788 г. там было не более 3 пахарей и 63 фабрикантов, так что значительная часть земли осталась необработанной.

Пусть бросят взгляд на производство г. Труа. Увидят, что оно, будучи далеко от того, чтобы успешно конкурировать с английскими фабриками, не может конкурировать даже с фабриками, возникающими повсюду в деревнях, и таким образом оно стремительно идет навстречу гибели.

В самом деле, деревенские фабриканты (мастера) не платят ни взносов при получении звания мастера, ни цеховых сборов; они имеют более дешевые рабочие руки; и квартира и пища им стоят гораздо дешевле. Они могут назначать более низкие цены на материи, а желание иметь сбыт побуждает их к этому...

Городские купцы поддерживают деревенские фабрики; они высказываются за их сохранение. Но можно ли исполнить такое пожелание, имеющее исключительно личный характер и являющееся неопровержимым доказательством выгодности этих фабрик в сравнении с городскими, если известно, что до появления деревенских фабрик труаское производство насчитывало более 3 тыс. станков и занимало более 30 тыс. душ и что теперь оно насчитывает меньше 1500 станков; если наконец известно, что это разорение и этот упадок производства г. Труа вызвали самые жестокие беспорядки и заставили город искать спасения в городской милиции, которую он держал под ружьем еще с февраля 1789 г.

Но для того, чтобы город мог оправиться от удара, который он испытал, не только обязательно нужно, чтобы труаское производство было сосредоточено в городе, но нужно также, чтобы оживить упавшее производство, исправить различные злоупотребления, укоренившиеся в нем во время, так сказать, анархии, на волю которой были предоставлены фабрики, и исправить несовершенства нового (промышленного) режима, обнаруженные опытом, как например учреждение бюро осмотра внутри королевства и нынешний порядок пломбирования, которые имеют в виду только налоги. Эти злоупотребления следующие:

сопротивление со стороны купцов исполнению ст. VI королевского патента от 28 июня 1780 г., которая уполномачивает самого фабриканта вымеривать длину своих тканей и обозначать результаты обмера на каждой штуке;

нарушение со стороны фабрикантов и купцов ст. XXIII эдикта, апреля месяца 1777 г., которая запрещает сдачу в аренду прав мастера...;

неисполнение регламентов, запрещающих смачивать и снимать с работы рабочих, увеличивая их заработную плату...

Все эти злоупотребления, введенные в производство, все эти несовершенства нынешнего режима препятствуют обращению товаров, облегчают фальсификацию, подрывают производство хороших фабрик и создают в результате этого препятствие к их восстановлению и их процветанию.

Вот почему наша корпорация высказывается в особенности:

1) за отмену безграничной свободы торговли и запрет иностранных материй;

2) за отмену ввозных пошлин на сырье;

3) за отмену таможен и бюро осмотра внутри королевства и нынешнего режима пломбирования и путевых пошлин;

4) за то, чтобы никакой торговый договор с иностранным государством не заключался без отзыва всех производств тех городов, в которых имеется консульская юрисдикция;

5) за уничтожение всех деревенских фабрик;

6) за то, чтобы шелк, шерсть, волокно и хлопок не считались товарами, и чтобы фабриканты одни имели право покупать и продавать пряжу из этого сырья...

10. Устав союза подмастерьев (вторая половина XVIII в.).

(Из книги Левассера, «История рабочего класса во Франции».)

«...Во имя отца и сына и святого духа, аминь. Иисус, Мария, Иосиф, Иоахим, Анна.

Мы, все подмастерья-столяры, собравшись в доме батюшки, дабы поддержать добрые нравы, завещанные нам нашими предками как к выгоде хозяев, так и к выгоде подмастерьев, постановили, как ниже следует:

Ст. 1. Если придет в город какой-либо подмастерье, желающий работать и обратится в первую мастерскую, где работает кто-либо из

перечисленных в сем списке подмастерьев, один из них должен проводить его к хранителю списка, и хранитель списка должен привести его к старосте для предварительного опроса; неисполнившие сего уплачивают 10 су штрафа.

Ст. 2. Если придет в город какой-либо подмастерье, желающий работать, а хранитель списка не найдет ему никакой работы, то последний должен привести его к старосте и четырем старшим подмастерьям, обозначенным в сем списке, чтобы попрощаться с ними. В случае, если у него не будет денег, староста и четыре старших подмастерья дадут ему надлежащие средства, чтобы проводить его в ближайший город, а хранитель списка обязан проводить его на свой счет, после чего передать список следующему товарищу. Неисполнившие сего уплачивают 10 су штрафа...

Ст. 8. Подмастерья обязаны заказывать святые обедни в дни св. Анны, нашего патрона, с большой торжественностью по обычаю, и также в четыре годовых праздника и праздник божьей матери, и в первые воскресенья каждого месяца должны заказывать обедни без пения и разделить освященный хлеб; за нарушение сего уплачивается штраф в 10 су.

Ст. 9. Хранитель списка обязан предупредить всех подмастерьев, означенных в настоящем списке, и предложить им посетить указанные выше богослужения; в противном случае уплачивается штраф в 10 су.

Ст. 10. Если предупрежденный о сем подмастерье не придет на богослужение без уважительной причины, он уплачивает 5 су штрафа...

Ст. 12. Если кто-либо из подмастерьев нуждается в чем-нибудь или заболеет и принужден будет лечь в больницу, остальные подмастерья обязаны посещать его по очереди и приносить ему на 5 су, чего он пожелает; неисполнившие сего уплачивают штраф в 10 су.

Ст. 13. Если бог позовет кого-либо из подмастерьев из этого мира в иной лучший мир, товарищи обязаны похоронить его и присутствовать на его похоронах, заказать панихиды за упокой души, а также написать об этом в другие города, чтобы там молились за него. Неисполнившие сего платят 10 су штрафа...

Ст. 15. Если в руки кого-либо из подмастерьев попадет какое-либо письмо или иное что, касающееся дел подмастерьев, он обязан передать это в руки старосты и четырех старших подмастерьев; в противном случае он уплачивает 10 су штрафа.

Ст. 16. Если кто-либо из подмастерьев учинит драку у батюшки или у хозяина, или вызовет на драку, или если кто напьется до того, что вино пойдет у него назад, или если кто будет клясться именем бога в присутствии товарищей, тот уплачивает за каждый из этих случаев 10 су.

Ст. 17. Если кто покажет себя льстецом, что часто приносит вред подмастерьям, то тот, кто убедится в этом, должен уведомить старосту и четырех означенных в сем списке подмастерьев; в противном случае он платит 10 су штрафа...

Ст. 19. Кто из подмастерьев уйдет, ничего не сказав товарищам, или, как ренегат, выйдет из артели и захочет снова вернуться, должен заплатить 32 су штрафа.

Ст. 20. Кто из подмастерьев будет передавать хозяину или кому бы то ни было о делах подмастерьев, обязан будет заплатить пеню по усмотрению товарищей и будет исключен из артели до нового постановления.

Ст. 21. Кто из подмастерьев перейдет к новому хозяину, прежде чем рассчитается со старым, уплачивает 10 су штрафа.

Ст. 22. Кто из подмастерьев перейдет к новому хозяину или в новую мастерскую без согласия хранителя списка, уплачивает 10 су штрафа...

Ст. 26. Если кто из подмастерьев захочет уйти, он уведомит о том хранителя списка, который обязан собрать его мешок, осведомиться у хозяина, доволен ли он им, затем привести его к батюшке и предуведомить старосту, дабы уходящий простился с ним и со всеми товарищами. Неисполнившие сего уплачивают штраф в 10 су.

Ст. 27. Кто пожелает принять участие в проводах уходящих товарищей, уплачивает свою долю сверх того, что платится из артельной кассы...

Ст. 32. Первый тост при проводах провозглашают за здоровье уходящих товарищей, не забывая тех, кто работает в городе, а уходящий провозгласит за здоровье товарищей, работающих в городе, не забывая тех, кто уходит.

Ст. 33. Второй тост провозглашают за здоровье подмастерьев того места, куда уходящие направляются, не забывая товарищей того места, откуда они уходят, а уходящий провозгласит за здоровье товарищей того места, откуда уходит, не забывая про тех, куда он идет.

Ст. 34. Третий тост староста и уходящий товарищ выпьют, выставив вперед правую ногу и скрестив правые руки. Они скажут тост за наше здоровье: «За здоровье всех нас, за наше здоровье, мои земляки!», и каждый товарищ в свою очередь скажет то же самое.

Ст. 35. Когда тосты кончатся, дежурный возьмет уходящего и поставит его перед старостой. Уходящий скажет: «Земляк, что вы желаете товарищам того места, куда я иду?» Староста скажет: «Привет батюшке и матушке и товарищам как здесь, так и там». И дежурный обойдет с уходящим круг всех товарищей, и все скажут то же самое.

Ст. 36. Когда это будет кончено, староста выйдет из круга вместе с уходящим. Староста покажет ему его палку и спросит: «Земляк, как вы признаете вашу палку?» Уходящий скажет: «Я признаю ее посредством зрения и света, которые бог мне дал, — рукоятка принадлежит королю, шнурок — мой, а конец для плутов и негодяев». Староста и уходящий поставят кончики правой ноги друг против друга, и староста возьмет палку за рукоятку и протянет ее со стороны города, а уходящий примет ее и пропустит ее под ногой с той стороны, куда он идет, и староста примет ее и пропустит ее под ногой со стороны, откуда уходящий уходит.

Ст. 37. Показывая ему мешок, староста спросит: «Земляк, как вы признаете ваш мешок?» И уходящий скажет: «Я признаю его посредством зрения и света, которые бог мне дал, — по ширине моих плеч, — он в руках добрых товарищей, они распорядятся с ним, как хотят». Сказав эти слова, уходящий станет на левое колено, и староста скажет ему: «Какой рукой принимаете вы ваш мешок, земляк?» Уходящий скажет: «Правой рукой, чтобы передать его левой руке, которая ближе к сердцу».

Ст. 38. Когда это кончится, староста и уходящий выступят вперед на четыре шага, и староста скажет уходящему, повернувшись к городу: «Вот красивый город очень приятного вида. О чем сожалеете вы, земляк, покидая его?» И уходящий ответит: «Я сожалею о хороших товарищах, о батюшке и матушке и о добром вине этого города». И староста скажет громким голосом: «Земляки, знайте, что этот товарищ сожалеет о хороших товарищах, о батюшке и матушке и о добром вине этого города». Тогда все товарищи воскликнут: «Надо дать ему выпить этого доброго вина!».

11. Вольтер о свободе совести.

(Вольтер, «Голос приходского священника...»)

«Надзиратель за раздачей подаяния, в земле немецкого принца, который был римско-католического исповедания, угрожал анабаптисту[1] выгнать его из владения принца. Он говорил: так как по всей империи исповедуемы три веры, то потому он, анабаптист, не достоин жить в земле его светлости; и так как этот разговор разгорячил монаха, то он угрожал анабаптисту виселицей.

— Боже мой, тем будет хуже для его светлости, — отвечал анабаптист. — Я содержу здесь знатные фабрики, имею у себя до 200 работников и доставляю своими занятиями местному принцу 200 тыс. талеров годового дохода; и если я со всем своим семейством переселюсь в другую землю, то ваш принц лишится многого.

— А если его светлость велит повесить всех твоих 200 работников, да и тебя самого со всею твоею семьею, — говорил надзиратель по сбору милостыни, — и если фабрики твои отдаст на содержание добрым католикам?

— Этого не может быть, — говорил старый анабаптист, — потому что фабрики не отдаются так, как всякие другие владения: художества и рукоделия неумеющему дать нельзя. Его светлость немало не выиграл бы от того, если бы и перешел в католичество; для него гораздо полезнее, чтобы подданным его я доставлял средства для заработков и трудами моими приумножал его доходы. Я стараюсь быть честным человеком; когда бы я по несчастью и не был таковым, то мой промысел довел бы меня до этого: в торговых обращениях, не так, как в придворной жизни, без честности не бывает никакого успеха. Какая тебе до того нужда, какой я исповедую закон? Если бы ты,

[1] Анабаптисты образовали религиозную секту (перекрещенцы) в XVI в. в Германии, Швейцарии. Они верили «во внутреннее откровение», в скорое наступление тысячелетнего царства Христа на земле; название перекрещенцев получили потому, что требовали вторичного крещения в сознательном возрасте, признавая, что младенец не может постигнуть величия тайны крещения.

следуя твоим хорошим правилам, имел великую власть и могущество, то без сомнения прошел бы всю вселенную от одного конца до другого и для своего удовольствия велел бы перевешать всех греков, которые не признают, что святой дух исходит от отца и сына; всех англичан, всех голландцев, датчан, шведов, пруссаков, ганноверцев, саксонцев, гессенцев, бернцев, которые не считают папу безгрешным; всех мусульман, которые веруют только в единого бога, не исповедуя сына божия; всех индийцев, закон которых древнее иудейского, и всех мудрых китайцев, которые в течение 5 тыс. лет служат единому богу, не подвергая себя ни безумию ни суеверию. Вот что наделал бы ты, если был бы самовластным.

— Конечно так, — отвечал монах, — ведь я воспален ревностью и усердием к дому господню.

— О, чудное суеверие или, лучше сказать, адская злоба! — возопил добрый анабаптист.— Какой это закон, который мог бы себя поддерживать убийцами и палачами и в котором с оскорблением божия всемогущества говорили бы богу: «Ты не столь всемогущ, чтобы сам собою мог подкрепить то, что мы называем истинным твоим богослужением, а надлежит, чтобы мы тебе в том помогали; ты без нас ничего сделать не можешь, а мы без огня и меча ничего учинить не можем...»

— Скажи, пожалуй, мне, кровожадный монах, — спросил его анабаптист, — доминиканец ты, иезуит или дьявол?

— Я иезуит, — отвечал надзиратель.

— Итак, друг мой, — сказал анабаптист, — ежели ты не дьявол, то для чего говоришь о таких дьявольских поступках?

— Преподобный отец ректор приказал говорить мне это.

— А кто предписал эту гнусную нелепость преподобному отцу ректору?

— Провинциальный протоперей.

— А этот протоперей от кого получил это повеление?

— От нашего настоятеля; а все это делается в угодность святейшему папе.

Наконец бедный анабаптист возопил:

О, святые отцы, папы, сидящие в Риме на цесарском престоле, вы, архиепископы, епископы, аббаты, ставшие властителями; я вас почитаю, но бегу от лица вашего. Если вы в сердцах ваших сами чувствуете, что ваше богатство и могущество не на чем ином не основано, как на невежестве и безумии наших предков, то наслаждайтесь ими по крайней мере с умеренностью. Мы не желаем лишить вас ваших святительских престолов. Но вы не давите нас вашими ногами; наслаждайтесь всеми благами сего мира, но нас оставьте в покое; в противном случае страшитесь, чтобы наконец подвластные вам народы не потеряли всего своего терпения и чтобы не довели вас до первобытного состояния святых апостолов, коих наследниками вы себя именуете.

— Ах, несчастный, ты желаешь, чтобы святой папа и епископ вюрцбургский наследовали царствие небесное евангельскою нищетою?

— Ах, преподобный отец, а ты хочешь, чтоб я был повешен?»

12. Физиократы — «Общие принципы экономической политики земледельческого государства».

(Извлечение из сочинений основоположника учения физиократов — Фр. Кенэ (1694—1774 г.)

III. Государь и народ никогда не должны упускать из виду, что земля есть единственный источник богатств и что одно только земледелие умножает последнее, так как умножение богатств обеспечивает увеличение населения; люди же и богатства обусловливают процветание земледелия, расширение торговли, оживление промышленности и непрерывное возрастание богатства. От этого обильного источника зависит успех всех отраслей управления в государстве...

IV. Собственность как над недвижимыми, так и движимыми богатствами должна быть гарантирована их законным владельцем, так как обеспеченность собственности является основным фундаментом экономического строя общества. Без этой обеспеченности территория осталась бы невозделанной. Не нашлось бы ни собственника, ни фермера, готовых произвести издержки, необходимые для того, чтобы придать ей ценность и начать ее обработку, если бы обладание землей и продуктами не было гарантировано тем, которые произвели затраты на эти издержки. Лишь обеспеченность постоянного владения привлекает труд и богатства к возделыванию и улучшению земель, к предприя-

тиям торговли и промышленности. И одна только верховная власть, которой принадлежит исконное право на распределение плодов земли, этого единственного источника богатств, в состоянии гарантировать подданным их собственность.

V. Налог не должен быть обременителен или непропорционален количеству национального дохода, его возвышение должно иметь место лишь в случае возрастания последнего; он должен взиматься непосредственно с чистого продукта земельных имуществ, а отнюдь не с рабочей платы или с жизненных припасов; в противном случае он увеличил бы расходы по своему взиманию, причинил вред торговле и ежегодно уничтожал бы часть богатств страны. Ни в коем случае не следует взимать налога с богатства земельных фермеров: затраты государства на земледелие должны рассматриваться как неприкосновенный фонд, который необходимо тщательно сохранять для получения налога, дохода и средств существования для всех классов граждан; в противном случае налог вырождается в средство грабежа, истощая и быстро разрушая государство.

VI. Затраты земледельцев должны быть достаточны для того, чтобы при помощи издержек, употребляемых на культуру земли, могло получаться ежегодно возможно большее количество продуктов, так как при недостаточности затрат издержки на культуру соответственно возвышаются и приносят менее чистого продукта...

VIII. Экономическая политика должна поощрять лишь производительные издержки и торговлю сырьем, бесплодные же издержки предоставить самим себе.

IX. Нация, владеющая большой территорией, годной для обработки и имеющая возможность вести большую торговлю сырьем, не должна допускать большого наплыва денег и людей в мануфактуры и торговлю произведениями роскоши в ущерб труду и издержкам, затрачиваемым на земледелие, так как прежде всего государство должно быть населено богатыми земледельцами.

X. Ни одна часть из суммы доходов не должна быть вывезена за границу иначе, как в обмен на деньги или товары.

XI. Следует предупреждать эмиграцию жителей, которые могли бы вывезти из государства свои богатства.

XII. Детям богатых фермеров следует селиться в деревне для того, чтобы там не чувствовалось недостатка в земледельцах, так как в том случае, когда какие-либо притеснения побуждают их покинуть деревню и удалиться в город, они уносят туда богатства своих отцов, которые затрачивались последними на культуру земли. В деревни следует привлекать не столько людей, сколько богатства; так как чем больше богатств затрачивается на культуру земель, тем менее людей требует она. По отношению к зерновым хлебам подобное явление замечается, например, при крупном землевладении богатых фермеров, в противоположность мелкому землевладению бедных половников, обрабатывающих землю с помощью быков или коров.

XIII. Каждому следует предоставить свободу возделывать на своем поле такие злаки, какие только подсказывают ему его собственные интересы, способности, свойства почвы и какие, по его мнению, способны давать возможно большее количество продуктов. Отнюдь не следует поощрять монополии в культуре земель, так как эта монополия наносит ущерб национальному доходу. Предрассудок, в силу которого следует стремиться к изобилию продуктов первой необходимости предпочтительно перед другими злаками и в ущерб продажной ценности тех или других, порожден близорукостью; люди, зараженные этим предрассудком, не замечают влияния обоюдной внешней торговли, доставляющей все и устанавливающей цену продуктов, которые может производить нация с наибольшей для себя прибылью. После богатств, идущих на эксплоатацию и культуру земель, следует поставить доходы и налог государства первого порядка, необходимые для того, чтобы обеспечить подданных от голода и неприятеля, поддержать славу и могущество монарха и благосостояние народа.

XIV. Следует поощрять разведение домашнего скота, так как только он доставляет земле удобрение, обусловливающее собой обильные жатвы.

XV. Земли, предназначенные для культуры зерновых хлебов, следует соединять по возможности в большие участки, эксплоатируемые богатыми фермерами, так как в крупных земледельческих предприятиях, сравнительно с мелкими, издержки на содержание и ремонт менее значительны, расходы гораздо ниже, а чистый продукт несравненно значительней. Многочисленность мелких фермеров невыгодна для

населения. Наиболее обеспеченным и способным к разным занятиям и профессиям, разделяющим общество на разные классы, является то население, которое содержится на чистый продукт. Всякое полезное сбережение, сделанное в занятиях, исполняемых с помощью животных, машин, водяной силы рек и т. п., служит к выгоде народа и государства, потому что более значительный чистый продукт гарантирует больший заработок для людей, занятых в других профессиях и работах.

XVI. Отнюдь не следует стеснять внешней торговли сырьем, потому что каков сбыт, таково и воспроизводство.

XVII. Следует облегчать сбыт и перевозку произведений и изделий ручного труда посредством исправления дорог, навигации по каналам, рекам и морю, так как чем более сберегает нация на торговых расходах, тем более возрастает доход, доставляемый территорией...

XIX. Пусть не думают, что дешевизна съестных припасов выгодна для простого народа; ибо она понижает плату рабочих, уменьшает их довольство, доставляет им менее труда и выгодных занятий и уничтожает доход страны.

XX. Не следует уменьшать достатки беднейших классов общества, так как они не могли бы в таком случае потребить достаточного количества съестных припасов, которые могут быть потреблены только внутри страны, вследствие чего воспроизводство и доход нации сократились бы.

XXI. Собственники и лица, занимающиеся прибыльными профессиями, не должны стремиться к бесплодным сбережениям, которые изъяли бы из обращения и распределения часть их доходов или барышей.

XXII. Отнюдь не следует поощрять роскоши в ущерб издержкам на эксплоатацию и улучшение земледелия и на потребление средств пропитания, так как эти издержки поддерживают хорошую цену и сбыт сырья и воспроизводство доходов нации...

XXIV. Не следует увлекаться кажущейся выгодой благоприятного денежного баланса, получаемого от обоюдной торговли с иностранцами. Надо принимать во внимание и тот более или менее значительный выигрыш, который получается вследствие различия продаваемых товаров от покупаемых. Часто теряет та нация, на стороне которой более выгодный денежный баланс; и эта потеря наносит ущерб распределению и воспроизводству доходов.

XXV. Следует поддерживать полную свободу торговли, так как самое надежное, совершенное и выгодное для народа и государства управление внутренней и внешней торговлей заключается в установлении полной свободы конкуренции...

XXVII. Правительство должно менее заботиться о сбережениях, чем о работах, необходимых для процветания государства, так как очень большие издержки могут перестать быть таковыми при соответствующем возрастании богатств. Но не следует смешивать пустые растраты с настоящими издержками, так как первые могут поглотить все богатства нации и государя...

XXIX. Источник для удовлетворения чрезвычайных потребностей государства следует видеть лишь в процветании народа, а не в кредите финансистов, так как денежные имущества представляют собою тайные богатства, не знающие ни государя, ни отечества...

XXX. Государство должно избегать займов, устанавливающих денежные ренты, ибо последние обременяют его все пожирающими долгами и при посредстве удобопродаваемых бумаг, дисконт которых все более и более увеличивает денежные бесплодные имущества, отдают финансовое хозяйство в жертву торговле или спекуляций. Эти имущества отвлекают финансы от земледелия и лишают деревни богатств, необходимых для улучшения земельных имуществ, эксплоатации и культуры земель.

13. „О законах, устанавливающих политическую свободу“.

(Монтескье, «Дух законов», ч. 2, кн. 2, гл. VI.)

Не будет еще свободы и в том случае, когда судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола: ибо судья будет законодателем. Если она соединена с исполнительной властью, то судья получает возможность стать угнетателем.

Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников или дворян, или из простых людей, были соединены эти власти: создавать законы,

приводить в исполнение общеобязательные постановления и судить преступления или тяжбы частных лиц.

В большинстве европейских государств установлен умеренный образ правления, потому что их государи, обладая двумя первыми властями, предоставляют своим подданным отправление третьей.

У турок, где эти три власти соединены в лице султана, царствует ужасающий деспотизм...

Ввиду того, что в государстве свободном всякий человек, за которым признается свободная душа, должен управлять собою сам, законодательная власть должна бы принадлежать всему народу. Но так как в больших государствах это невозможно, а в малых связано с большими неудобствами, то необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей все, что он не может делать сам.

Люди гораздо лучше знают нужды своего города, чем нужды других городов; они лучше могут судить о способностях своих соседей, чем о прочих своих соотечественниках. Поэтому члены законодательного собрания не должны быть избираемы из всего вообще населения страны, но жители каждого главного города должны избирать себе в нем своего представителя.

Великое преимущество избираемых представителей состоит в том, что они способны обсуждать дела. Народ для этого совсем не пригоден, что и составляет одну из слабейших сторон демократии...

Во всяком государстве всегда есть люди, отличающиеся преимуществами рождения, богатства или почестей; и если бы они были смешаны с народом, если бы у них, как и у прочих, было но одному только голосу, то общая свобода стала бы для них рабством, и они не имели бы никакого интереса защищать ее, так как большая часть решений была направлена против них. Поэтому доля их участия в законодательстве должна быть поставлена в соответствие с прочими преимуществами, которые они находят для себя в государстве, и это может быть достигнуто в том случае, если из них будет образовано особое собрание, которое имело бы право отменять решения народа, как народ имеет право отменять его решения.

Таким образом законодательная власть была бы поручена и собранию благородных и собранию представителей народа, каждое из которых имело бы свои отдельные от другого совещания, свои отдельные интересы и виды.

Исполнительная власть должна быть в руках монарха, так как эта часть правления, почти всегда нуждающаяся в действии быстром, лучше выполняется одним, чем многими, тогда как все, зависящее от законодательной власти, часто лучше устраивается многими, чем одним.

Если бы за неимением монарха законодательная власть была вверена известному количеству лиц, взятых в законодательном собрании, то свободы уже не было бы, потому что обе власти, оказалось бы, пользовались и всегда могли бы пользоваться и тою и другою властью.

Если бы законодательное собрание не собиралось в течение значительного периода времени, то не было бы более свободы, так как тогда произошло бы одно из двух: или законодательная деятельность совсем прекратилась— и государство впало бы в состояние анархии, или эту деятельность приняла бы на себя исполнительная власть, вследствие чего оно стало бы абсолютным.

14. Ж.-Ж. Руссо.

А. О происхождении неравенства.

(Из рассуждений Ж.-Ж. Руссо «О причинах неравенства между людьми и о происхождении человеческих обществ».)

Первый, кто напал на мысль, огородивши участок земли, сказав: «это мое», и нашел людей, достаточно наивных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья (ограды) и засыпавши межевой ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте этого обманщика. Вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, земля же не принадлежит никому».

Пока люди довольствовались деревенскими хижинами, шили себе одежду из звериных шкур при помощи хвои или рыбьих костей, украшали себя перьями или раковинами, разрисовы-

вали свое тело в разнообразные цвета, улучшали, украшали свои луки и стрелы, выделывали заостренными камнями немудрые рыбачьи лодки, либо при помощи тех же камней выделывали грубые музыкальные инструменты, — словом, пока они выполняли лишь такие работы, которые были под силу одному человеку, разрабатывая лишь такие искусства, которые не требовали сотрудничества многих людей, — до тех пор они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько могли быть таковыми по своей природе, и продолжали наслаждаться всею прелестью независимых отношений. Но с той минуты, как один человек стал нуждаться в помощи другого, с той минуты, как люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи, достаточный для двух, равенство исчезло, возникла собственность, стал неизбежен труд, и обширные леса превратились в цветущие нивы, требовавшие поливки человеческим потом: на них-то вскоре и взошли и расцвели, вместе с жатвой, рабство и нищета.

Этот великий переворот произведен изобретением двух искусств: металлургии и земледелия.

В глазах поэта золото и серебро, а в глазах философа железо и хлеб цивилизовали людей и погубили род человеческий. Ни то ни другое не было известно американским дикарям, которые потому и остались навсегда дикарями. Остальные народы повидимому пребывали в состоянии варварства, пока были знакомы лишь с одним из этих искусств. И одной из важнейших причин, почему в Европе утвердилась если не более ранняя, то во всяком случае более высокая и прочная цивилизация, чем в других частях света, является то, что она так богата железом и представляет столь благоприятные условия для хлебопашества.

При таком положении вещей равенство могло бы сохраниться лишь в том случае, если бы люди обладали одинаковыми дарованиями и если бы, например, расходование железа всегда находилось в полном равновесии с потреблением хлеба.

Но равномерность, ничем не поддерживаемая, скоро была нарушена. Более сильный работал успешнее, более ловкий извлекал большую выгоду из своего труда, более изобретательный находил средство сократить свой труд; земледелец мог больше нуждаться в железе, чем кузнец в хлебе, и наоборот, и при одинаковой затрате труда один получал больше дохода, тогда как другой еле-еле пробивался. Таким образом естественное неравенство возрастало вместе с неравенством в жизненных условиях, и различия между людьми, увеличившись вследствие различия внешних условий, стали более ощутительными и более постоянными в своем влиянии.

Б. Ж.-Ж. Руссо.

Б. Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре».

Я делаю следующее предложение: люди достигли той стадии, когда факторы, мешающие сохранению ими естественного состояния, берут верх над теми силами, которыми располагает каждый отдельный индивидуум для того, чтобы удержаться в этом состоянии. Раз дело дошло до этого, то первобытное состояние не может более продолжаться, и род человеческий погиб бы, если бы не изменил своего быта.

Так как люди не могут создать из себя самих новые силы, но могут лишь соединить те, которые им присущи, и дать им то или иное направление, то у них нет иного способа сохранить себя, как образовав, путем взаимного объединения, совокупности сил, достаточную для преодоления сопротивления, пустив эти силы в ход при помощи одного двигателя и заставив их действовать дружно.

Эта совокупность сил может родиться лишь из совместной деятельности многих индивидуумов. Но так как сила и свобода каждого человека являются первыми орудиями его самоохранения, то спрашивается, как может он связать их, не причиняя себе вреда, не греша против обязанностей по отношению к самому себе? С точки зрения нашего предмета это затруднение может быть выражено в следующих словах: «Найти такую форму союза, которая бы защищала и охраняла всей совокупностью общей силы личность и собственность каждого из своих членов, но в которой каждый, вступая в союз со всеми, повиновался бы однако лишь самому себе и оставался бы столь же свободным, как и ранее».

Такова основная проблема, разрешение которой дает общественный договор.

Пункты этого договора настолько определенно обусловливаются природой самого акта, что ма-

лейшее их изменение лишило бы их всякого значения и силы. Вот почему, хотя они и не были быть может никогда формулированы, они тем не менее остаются всюду одинаковыми, всюду молчаливо допущены и признаны вплоть до того момента, когда с нарушением общественного договора каждый вступает снова в свои первоначальные права и возвращает себе ту естественную свободу, от которой он отказался в пользу свободы договорной.

Пункты эти в сущности сводятся все к одному единственному, а именно: всецелое отчуждение каждого участника союза со всеми его правами в пользу целой общины. В самом деле, так как, во-первых, каждый отдает себя всего целиком, то условие оказывается одинаковым для всех, а так как для всех условие одинаково, то никто не имеет интереса сделать его более тяжелым для других.

Кроме того, так как отчуждение совершается без всяких оговорок, то единение оказывается как нельзя более полным, и ни один из участников союза не имеет права заявлять какие-либо претензии. В самом деле, если бы у отдельных лиц оставались еще какие-либо права, то при отсутствии общего главы, который мог бы разрешить конфликт между ними и обществом, каждый, являясь в том или другом отношении своим собственным судьей, захотел бы быть таковым во всем; тогда естественное состояние продолжалось бы, а союз неизбежно стал бы либо тираническим, либо призрачным.

Наконец каждый отдает себя всем вместе и никому в отдельности, и так как нет ни одного участника союза, который бы не был сам предметом того самого права, которое он уступает всем, то при этом приобретается эквивалент того, что теряется, не считая того, что приобретается при этом больше силы для сохранения того, что имеется в обладании.

Если таким образом устранить из общественного договора все то, что не составляет его сущности, то он сведется в сущности к следующей формуле: каждый из нас отдает в общее достояние свою личность и всю свою мощь под верховное управление общей воли, а все вместе, как корпорация, мы получаем каждого члена как неразделимую часть целого.

На место отдельной личности каждого участника договора этот акт союза, с момента его заключения, полагает начало моральному коллективу, состоящему из стольких членов, сколько имеет голосов их собрание; этот коллектив получает от данного акта свое единство, свое собирательное Я, свою жизнь и свою волю. Эта общественная личность, образующаяся таким образом через единение всех индивидуальных личностей, называлась в древности гражданской общиной (cité); в настоящее время она носит название республики или политического корпуса, называемого своими членами государством. Этот политический корпус называется государством, поскольку он пассивен, государем (сувереном), поскольку он активен, державой, при сравнении с другими, себе подобными. Что касается членов союза, то они все в совокупности называются народом, а каждый в отдельности — гражданином, поскольку он принимает участие в верховной власти, и подданным, поскольку он подчинен законам государства.

15. Мабли о земельной собственности как источнике зла.

(Мабли, «Сомнения, предложенные экономистам-философам, о естественном и существенно необходимом порядке политических обществ».)

«Лишь только я вижу, что установлена земельная собственность, я вижу неравные состояния, а от этих неравных состояний не должны ли произойти различные и противоположные интересы, все пороки богатства, все пороки нищеты, зверское состояние умов, развращенность гражданских нравов, все эти предрассудки и все эти страсти, которые будут вечно подавлять очевидные истины, на которые однако наши философы возлагают свою последнюю надежду? Обратитесь к истории — и вы увидите, как это неравенство состояний терзает все народы. Гордые своим богатством граждане гнушаются считать равными себе людей, осужденных жить в труде. Вы увидите, как на полях рождаются несправедливые и тиранические правительства, пристрастные и гнетущие законы, и, чтобы выразить все одним словом, это — нагромождение бедствий, под которыми стонут народы.

Такова картина, которую представляет история всех наций. Бьюсь об заклад, что, поднявшись до первоисточника этого беспорядка, вы найдете его в земельной собственности. Почему не оставили нас с одной только личной свободой, которую мы получили из рук благодетельной природы? Природа определила нас быть равными, потому что ни один человек не может требовать от другого обязанностей, которые он сам в свою очередь не должен выполнять по отношению к нему; она дала всем нам одинаковые потребности, чтобы беспрестанно уведомлять нас о нашем равенстве; она соединила нас социальными качествами, которые доставляли нам счастье и которые сделались в такой же мере зверскими и жестокими страстями, с тех пор как появились богатые и бедные. Мы хорошо наказаны за то, что искали счастья там, куда его не помещал виновник нашего бытия.

Лишь только мы допустили несчастье, введя земельную собственность и различие состояний, как скупость, честолюбие, тщеславие, зависть и соревнование должны были поместиться в наших сердцах, для того чтобы терзать их и завладеть управлением государства, для того чтобы их тиранить. Установите общность имуществ, и далее ничего не будет легче, как установить равенство состояний и укрепить на этом двойном основании счастье людей.

Физические и моральные качества не одинаковы у всех индивидов; и я знаю, употребляя выражение нашего автора, что, унесенные вихрем случайностей, они встречаются при обстоятельствах более или менее счастливых, и что если бы их предоставить самим себе, то равенство должно было бы вскоре разрушиться. Но разве не обязанность политики подавить зачаток зла и воспрепятствовать его развитию? Вместо того чтобы сопротивляться усилиям волн и ветров, разве кормчий должен отдаться буре? Наши отцы не видели опасности, которая им угрожала; далекие от противодействия тому, что готовило им неравенство состояний, они благоприятствовали этому, устанавливая земельную собственность; их невежество служит им извинением. Но по мере того как общества видели, что беспорядки умножаются под покровительством собственности, и по мере того как состояния, со дня на день более неравные, придавали новую силу страстям, разве не обязана была политика подняться к источнику зла и противопоставить плотину этому потоку, готовому выйти из берегов? Разве не следовало, подобно Ликургу, установить общность имуществ или по крайней мере подобно римлянам прибегнуть к помощи аграрных законов? Политика не сделала этого, потому что, будучи устранена от своего предмета интересами богачей и честолюбцев, она стала лишь орудием их страстей. Но почему же наши философы в настоящее время не добиваются этого? Их долг предупредить о наших ошибках, а они выдают заблуждение наших страстей за законы природы. «Следует ли предлагать, — говорит наш автор, — установление равенства состояний? Нет!» Таково и мое мнение. Зло в настоящее время слишком застарело, чтобы надеяться его излечить; но когда он прибавляет, что, для того чтобы в этом успеть, «нужно было бы разрушить всякую собственность и следовательно общество», я не могу не попросить у вас разъяснения, так как я вовсе не вижу необходимости разрушить при этом личную свободу, которая прекрасно существует без земельной собственности и которой однако достаточно, чтобы служить основанием общества, т. е. чтобы принудить нас установить и сохранить его.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Учредительное и законодательное собрания.

Основные этапы революции.

Во второй главе мы установили общие причины французской революции. Мы видели, как противоречия между развитием производительных сил и существующим политическим строем на основе определенных имущественных отношений сделали ее неизбежной. Упорство феодальных классов и глубина социального переворота обусловили затяжной характер революционного процесса. За период с 1789 по 1799 г. мы можем установить два основных этапа революции: со дня открытия Генеральных штатов (5 мая 1789 г.) до падения Робеспьера [9 термидора (27 июля) 1794 г.]. С 9 термидора и по 18 ноября 1799 г. — дня провозглашения консульской власти Бонапарта, будущего императора Франции Наполеона I. В первый период революция шла по «восходящей линии», во второй период — «по нисходящей линии». За это время, в процессе упорной и затяжной борьбы, различные классовые группировки от крупной и деловой буржуазии до мелкой (широких народных масс) приходили поочередно к власти, пока наконец после 9 термидора 1794 г. власть снова вернулась в руки буржуазии: наступила эпоха буржуазной республики. Эти этапы революции конечно тесно связаны друг с другом. Изучить французскую революцию — значит понять ход классовой борьбы в процессе ее развития. При этом не следует упускать из виду, что французская революция была не только национальным явлением, но и мировым: она положила начало революции на всем континенте.

Остановимся теперь на первом периоде революции — на истории буржуазной конституционной монархии и ее представительных учреждений: Генеральные штаты, Учредительное и Законодательное собрания.

Созыв Генеральных штатов.

Если основные причины революции коренятся в противоречиях общественного строя Франции, то поводом для нее послужило финансовое банкротство правительства. Финансовое банкротство «старого порядка» — результат истощения и обнищания главной массы налогоплательщиков — крестьян и отсталости промышленности страны (см. гл. II). При этом расточительность короля и привилегированных сословий только ускорила банкротство. Чтобы изыскать необходимые средства и облегчить финансовый кризис, король созвал нотаблей. Но, дважды собранные, они не пожелали отказаться от своих налоговых привилегий и тем самым вынудили королевскую власть обратиться за поддержкой к третьему сословию. Обращение короля к третьему сословию было также результатом той оппозиции, которую дворяне оказывали королю в парламентах. Королевская власть шла теперь навстречу третьему сословию, чтобы сломить сопротивление благородных. Это диктовало королю целый ряд уступок по отношению к третьему сословию. Уступчивости правительства способствовало также народное движение, которое со дня вступления на престол Людовика XVI не прекращалось. Если оно несколько уменьшилось в 1777—1778 гг., то с 1783 г. оно с новой силой продолжалось вплоть до самой революции. Особенно бурным движение было в деревнях. Там оно распространялось под влиянием голода и ужасной зимы 1788 г. Однако не деревни, а города Франции стали центрами оппозиции существующему порядку. Даже неорганизованные и распыленные пролетарии — и те бунтовали. Так бунт голодных рабочих в Париже, накануне самого открытия Генеральных штатов, хотя и не имел заранее намеченной цели, свидетельствовал о том, что атмосфера накалена в достаточной степени. Среди рабочих Парижа в апреле 1789 г. распространился слух, что фабрикант Равильон предложил уменьшить заработную плату рабочим. Пролетарии Сент-Антуанского предместья разгромили его фабрику. Но пролетарии не были угрозой для старого порядка. Только мощное революционное движение в деревне и оппозиция буржуазных групп, возглавлявших городскую бедноту, представляли

опасности для него. В некоторых городах борьба между парламентом и королем накануне самой революции, благодаря вмешательству буржуазии, приняла кровавый характер (в Бретани, в Дофине, особенно в Гренобле, и т. д.). Народное движение служило основанием для того «великого страха», который охватил имущие классы Франции в первые месяцы революции. Под влиянием безысходного финансового положения и могучей революционной волны король решил созвать Генеральные штаты, чтобы получить там поддержку третьего сословия против претензий привилегированных и прежде всего облегчить финансовые затруднения государства. При этом король хотел оставить в полной неприкосновенности «старый порядок». 24 января 1789 г. королевская власть оповестила страну специальной созывной грамотой о порядке выборов в Генеральные штаты.

Выборы и наказы.

Последний раз Генеральные штаты были созваны во Франции в 1614 г. Это было представительство сословий страны, к которым король обращался от случая к случаю для заслушивания мнений по отдельным важным государственным вопросам, особенно финансового характера. Каждое сословие имело равное число депутатов, они заседали отдельно, причем решения первых двух сословий (дворянства и духовенства) имели решающее значение. Созывная грамота оставляла это учреждение точно таким же, каким оно было столетиями раньше. Вопрос о внесословном представительстве даже не ставился королевской властью. Но так как король искал поддержки третьего сословия, то решено было дать последнему двойное представительство: третье сословие посылало в Генеральные штаты столько депутатов, сколько первые два сословия совместно. Избирательное право было предоставлено французам, достигшим 25 лет, имеющим постоянное жительство и занесенным в списки налогоплательщиков. Установлен был принцип двухстепенных выборов. Только привилегированные выбирали непосредственно своих депутатов. Вот как аббат Сийэс характеризует избирательную систему: «Первые избиратели от третьего сословия оказывали свое влияние только через две или три ступени, тогда когда дворянин и большинство духовных оказывали непосредственное влияние, лично вступали в палату и могли лично пользоваться такою же совокупностью политических прав, какая была доступна и нескольким стам членов третьего сословия». Всего депутатов должно было быть выбрано 1 200 (300+300+600). В составе Генеральных штатов среди духовенства преобладали приходские священники, среди третьего сословия — адвокаты, но были и духовные и дворяне. Среди последних знаменитый Мирабо. Депутаты Генеральных штатов получили от своих избирателей наказы, пожелания и жалобы населения Франции. Этих наказов насчитывается до 60 тыс. Они — один из интереснейших памятников Франции накануне революции. В наказах отразилось все разнообразие нужд отдельных социальных групп, но не следует упускать из виду, что крестьянские наказы часто писались представителями городской буржуазии и интеллигенции. Так в одном деревенском наказе мы читаем: «Мы были в числе 32 деревенских общин, и, несмотря на полное согласие, царившее среди нас, городские депутаты овладели правом редактировать наказ... Наказ деревни содержал существенные статьи, которые были уничтожены». Какие требования выставляли в наказах сословия? Дворянство и духовенство «стремились в целости и незыблемости сохранить основы старого порядка». Что касается верхушки и вождя третьего сословия — буржуазии, то она выставляла исключительно политические требования, да и то весьма умеренного свойства. Буржуазия стремилась к конституции; она выражала желание установить постоянный контроль над финансами государства, хотела представительного правления. Буржуазия желала уничтожения сословных привилегий и равенства перед законом. К отмене сеньориального права буржуазия в своих наказах относилась весьма осторожно. В экономической области она желала уничтожения стеснений торговли и промышленности. Крестьянские наказы прежде всего требовали уничтожения феодальных поборов и раскрепощения земли. Так намечались уже в наказах основные силы первого периода революции: привилегированное сословие — враг всякой реформы; буржуазия — стремящаяся к политическим преобразованиям, и крестьянская масса — мечтающая о полном уничтожении феодального режима. (Мат. и док. №№ 1 и 2.)

От генеральных штатов к Учредительному собранию.

Генеральные штаты открылись 5 мая 1789 г. Король в своей тронной речи обошел молчанием вопрос об удовлетворении требований третьего сословия. Первое столкновение в Генеральных штатах было вызвано вопросом о поголовном или посословном голосовании. Будут ли полномочия депутатов проверены совместно или отдельно? Сущность этого спора сводилась к решению вопроса о том, будут ли Генеральные штаты сословным представительством или представительством нации. Третье сословие, настаивая на принципе поголовного голосования, стремилось к уничтожению сословного строя. При поголовном голосовании третье сословие имело бы количественное большинство. Но дворянство и духовенство были против поголовного голосования, так как боялись за целость своих голов, как

писал К. Демулэн. 12 июня, ввиду отказа первых двух сословий совместно проверить депутатские полномочия, третье сословие постановляет приступить к их самостоятельной проверке. 17 июня, после перехода части депутатов дворянства и духовенства на сторону третьего сословия, оно объявляет себя Национальным собранием и решает, что в дальнейшем не могут взиматься налоги без воли народного представительства. (Мат. и док. № 3.) Третье сословие с этого момента вступило на путь революционной борьбы: это сплотило реакционные силы вокруг короля. «Все окружающие короля бросили идею о борьбе с привилегированными и встали на сторону дворянства и духовенства». В ближайшие месяцы король и привилегированные сословия сплоченно боролись с развертывающейся революцией. Король назначил совместное заседание сословий в своем присутствии на 23 июня. Когда третье сословие 20 июня пыталось продолжить свои работы, помещение для заседаний оказалось закрытым. В революционном порядке депутаты третьего сословия собрались в зале «игры в мяч» и здесь поклялись: «никогда не расходиться и собираться до тех пор, пока конституция не будет установлена и закреплена на твердом фундаменте». Попытка короля 23 июня на заседании Генеральных штатов воздействовать на сословия тем самым была заранее обречена на неудачу. И когда церемониймейстер потребовал закрытия собрания, Мирабо, глава оппозиции, заявил: «Сударь, скажите вашему господину, что только штыки могут заставить нас выйти отсюда». Королевская власть не могла надеяться на армию и вынуждена была подчиниться воле третьего сословия. 27 июня сословия уже заседали совместно, а 9 июля Национальное собрание объявило себя Учредительным собранием. Задачей его было перестроить общественный порядок по образу и подобию буржуазии.

Борьба народа с феодальным строем и королевской властью (14 июля, 4 августа, 5—6 октября).

Подчинение короля воле народа было видимостью. Двор готовился разогнать Национальное собрание. 30-тысячное войско было стянуто к столице. Версаль, местопребывание короля, был окружен войсками, король грозил перенести собрание в провинцию и отказался дать объяснение причинам скопления войск. 11 июля министерство Неккера получило отставку; оно было заменено министерством реакционеров. Необходимо было спасать завоевания первых недель революции. Дело решило победоносное народное восстание. Причины его следует искать в отчаянном положении народных масс Парижа в дни июня и июля 1789 г. В то время как в Версале белый хлеб был в изобилии, а монастыри хранили огромные запасы муки, Париж голодал. Национальное собрание не принимало мер для борьбы с голодом. 12 и 13 июля массы Парижа прежде всего обрушились на пекарни и монастыри. Неоднократные столкновения между народом и королевскими войсками дезорганизовали последние и приучили народ к борьбе. 12 июля в руках народа было 50 тыс. пик и 30 тыс. ружей, найденных в подвалах Дома инвалидов. Вооруженный народ напал на Бастилию и, после ожесточенной стычки, овладел этой цитаделью старого порядка. Бастилия не только была символом произвола старого режима, она была и серьезным опорным пунктом для возможного контрреволюционного нападения на Париж. 14 июля взятие Бастилии было первым решительным выступлением масс в защиту революции. С этого момента народное движение решает судьбы страны. 14 июля пала не только Бастилия, но и деспотизм: королевская власть не смогла противостоять натиску масс. Однако уже в событиях 12—14 июля наметились расхождения между народными низами и собранием, которое представляло имущие классы страны. Собрание в дни 12—14 июля не приняло никаких мер для облегчения нужды масс, так как оно не желало обременять зажиточных буржуа поголовным налогом, хотя бы в 2 су. В дни 12—14 июля, когда рушился старый порядок, а новый еще не был создан, буржуазия боялась не только королевской власти, но и народного движения. Это обстоятельство однако не было еще всецело осознано народными массами. С 14 июля начинается новый период революции: «У революции, у которой до сих пор был лишь один фокус, один центр — собрание, с этих пор оказалось два фокуса — собрание и парижское население...» «Среди убитых при взятии Бастилии не было крупных буржуа, руководителями борьбы выступали военные, офицеры, скромные промышленники, мелкие буржуа и безвестные пролетарии.

Удар королевской власти был нанесен в этот день средними и мелкими буржуа, судебными писцами, ремесленниками и пролетариями» (Жорес).

14 июля развязало революционную стихию в провинции. После 14 июля в стране начинается широкое городское, муниципальное и крестьянское движения. В городах буржуазия спешит создать самоуправление, вливая своих представителей в существующие городские учреждения или заменяя их новыми, уничтожая тем власть королевских чиновников. Повсюду формируется национальная буржуазная гвардия. Но особенно велико значение крестьянского движения. Крестьяне во всех деревнях принялись за уничтожение своих «бастилий» — помещичьих усадеб. Мощное крестьянское движение питалось тем, что с 5 мая до августа третье

сословие ничего не сделало для разрешения вопроса о сеньориальном праве, а в начале августа собрание спешит оградить собственность от разгрома. 3 августа представители Франции постановляют, «что беспорядки противоречат началам публичного права» и заявляют о своей готовности подавить волнения в деревнях. Но 4 августа один из членов собрания, дворянин де-Ноайль, указал депутатам на опасность аграрного движения и предложил немедленно уничтожить часть феодальных прав и тем самым ликвидировать движение в деревнях. (Мат. и док. №№ 4 и 5). Это предупреждение подействовало. Многие депутаты привилегированных сословий спешили отказаться от наименее выгодных прав, причем дворяне часто отказывались за счет духовенства, а священники—за счет дворян. Сделанные уступки крестьянству были ничтожны. Правда, декрет 11 августа (Мат. и док. № 5) торжественно отменяет феодальный строй, но тут же устанавливает, что сеньориальные повинности крестьян должны быть разделены на две группы: подлежащих выкупу и свободных от него. Практическая разработка дальнейших мер передается особому «феодальному комитету», а до его решений все должно было остаться по-старому. Но и эти скромные постановления собрания король отказался санкционировать. «Я никогда не соглашусь, — заявил он, — обобрать мое дворянство и духовенство». Привилегированные и король все время деятельно готовили контрреволюцию. В Версаль стягивались войска. 1 октября в Версале была устроена контрреволюционная демонстрация. Желая заставить короля дать санкцию принятым законам и разогнать войска, собрание снова обращается за помощью к народу. 5 октября огромная толпа, главным образом женщин, вышла из Парижа в Версаль, чтобы привезти в столицу, как тогда говорили в народе, «первого булочника и первую булочницу». Король был перевезен в Париж. Национальное собрание тоже переехало в столицу. Король и Национальное собрание находились теперь под бдительным наблюдением революционного народа. Но как в дни 14 июля, так и в дни 5—6 октября буржуазия желала использовать народное движение исключительно в своих интересах. Лафайет, вождь национальной гвардии, «защищал короля против народа», но только народ мог защищать революцию от короля. В 1789 г., в обстановке экономического кризиса, напор революционных масс нанес сокрушительный удар феодальному порядку, но в 1790 и 1791 гг. экономический подъем снова усилил политическую реакцию. В эти годы во Франции установлен был новый порядок, порядок буржуазной аристократии. Прежде чем перейти к характеристике государственного строя, установленного Учредительным собранием, остановимся на его политической и социально-экономической деятельности.

«Декларация прав человека и гражданина».

Приступив к государственной работе, собрание выработало знаменитую «Декларацию прав человека и гражданина»—манифест буржуазного мира, как «Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа» — манифест социальной революции пролетариата. То была декларация социальной революции буржуазии. «Декларация прав» была впоследствии искажена законодательством Учредительного собрания, но по замыслу и по своему существу она должна была быть революционным манифестом нового мира, капиталистического строя. «Люди рождаются и остаются свободными и равными в своих правах...», провозглашает декларация. «Свобода, равенство и братство»— основные принципы человеческого общества. Собственность, как и свобода личности, свята и неприкосновенна. Власть принадлежит нации, король—доверенное лицо ее. Вот принципы нового государственного устройства, являющиеся в то же время основными принципами философии XVIII в. Декларация направлена против феодальной собственности и социального строя, построенного на привилегиях и неравенстве перед законом. Но авторы декларации осторожны. Буржуазная собственность провозглашается основой общественного порядка, равенство перед буржуазным законом прикрывает экономическое неравенство. «Социальные различия, — читаем мы в декларации,— могут быть основаны только на общей пользе». Манифест буржуазного мира был провозглашен тогда, когда еще против буржуазии не выступал пролетариат, как ее могильщик. Поэтому мы в декларации читаем: «Народ имеет право на сопротивление угнетению». Это делает декларацию бессмертным памятником и для социальной революции пролетариата, провозглашающего свою декларацию трудящихся против буржуазного строя. (Мат. и док., № 10). Но как проведены были в жизнь эти принципы декларации? Мы сможем уяснить себе это, познакомившись с социально-экономической деятельностью Учредительного собрания.

Социально-экономическая деятельность Учредительного собрания.

4 августа 1789 г. была декларирована отмена феодального порядка. Но только 15 марта и 3—9 мая 1790 г. крестьянский вопрос получил свое разрешение. Закон 15 марта отменял безвозмездно лишь те сеньориальные права, которые фактически перестали существовать; все остальные подлежали выкупу . Статья 1 закона гласит: «Все полезные права, сохраняющие свое существование до выкупа,

приравниваются к простым рентам и поземельным повинностям». Самый закон о выкупе был чрезвычайно невыгоден для крестьян. Прежде всего для выкупа требовалось согласие обеих сторон; личный выкуп не допускался, крестьяне должны были выкупать все повинности сразу. При этом «выкупная сумма достигала таких размеров, что выкуп для большинства населения становился совершенно немыслимым». Наконец крестьянин обязан был документально доказать свое право на освобождение от той или другой повинности, в то время как архивы оставались в руках помещиков.

В интересах помещиков собрание разрешило также вопрос и об общинных землях: крестьянам эти земли не были возвращены. До лета 1793 г. в деревнях Франции можно было встретить пережитки феодального права. Буржуазия и помещики в Национальном собрании принимали в феврале — июне 1790 г. ряд декретов, направленных против крестьянства: объявление военного положения против крестьянских сборищ, обязательство платить налоги и так далее. (Мат. и док. № 6.)

В области рабочего вопроса не менее, чем в крестьянском, проявилась буржуазная сущность собрания. Если в 1789 г. кризис вызвал сильную безработицу, то в 1790—1791 гг. экономический подъем сопровождался ростом забастовочного движения. Летом 1791 г. в Париже бастовали строители и типографы. Национальное собрание решило вмешаться. Нужда в рабочих руках была большая, и собрание постановило закрыть национальные мастерские и прекратить общественные работы, чтобы уменьшить сопротивление рабочих и увеличить предложение труда. Вместе с тем по докладу ле-Шапелье о рабочих союзах и стачках собрание 14 июня 1791 г. постановило запретить всякие соглашения рабочих и стачки под страхом наказания. Несмотря на то, что закон запрещал объединяться с предпринимателями, однако он был направлен в основном против рабочих. Собрание провозгласило полную свободу договора между каждым рабочим и хозяином. При этом оно руководилось принципами, провозглашенными в «Декларации прав человека и гражданина». Союзы и стачки запрещались потому, что уничтожены были всякие корпорации и цехи, и потому, что, как говорил докладчик, выступление, скажем, 100 рабочих против 10 предпринимателей означало бы нарушение принципа равенства личностей. (Мат. и док. №№ 8 и 9.) В эти годы, первые годы революции, в обстановке экономического подъема стачечная волна поставила в порядок дня рабочий вопрос. Вопросы о заработной плате, о праве рабочих на союзы оживленно обсуждались в революционной Франции. Иногда рабочие проявляли сознательность и понимание своих интересов, но в общем и целом они и в смысле своей организованности и в смысле ясного представления классовых интересов не могут быть сравниваемы с буржуазией. В лучшем случае пролетариат шел на поводу у мелкой буржуазии. (Мат. и док. № 8.)

Классовую политику проводило собрание и в области налогового вопроса. Несмотря на уничтожение неравенства в распределении прямых налогов и отмену косвенных, большая часть налогов была возложена на плечи крестьянства.

Экономическое законодательство Учредительного собрания было буржуазным по существу. Классовым интересам буржуазии отвечала борьба с господствующими сословиями: дворянством и духовенством. Встречая сопротивление, буржуазия обращалась к массам, но делала это так, чтобы связать революционную стихию. Уничтожая однако основы феодального порядка, собрание тем самым подрывало власть господствующих сословий. 12 августа 1789 г. была отменена десятина, этим был нанесен большой материальный ущерб духовенству. Были отменены все привилегии, чины и звания, корпорации, и было решено уничтожить церковь «как государство в государстве». 12 июля 1790 г. был принят закон о гражданском устройстве духовенства. Он сводился к тому, что теперь, вместо старых церковных округов, созданы были новые, совпадающие с границами государственных департаментов, отменены были все церковные титулы, и должности епископов и приходских священников сделались выборными. Декрет от 27 ноября 1790 г. установил присягу духовенства на верность конституции. Вместе с тем собрание решило ввести единство в управлении страной. Вся Франция была разделена на 83 департамента. Таковы были буржуазные, но вместе с тем революционные для своей эпохи, меры собрания, направленные против старого порядка.

Мы знаем, что мощь духовенства, как сословия, заключалась во владении землей. Учредительное собрание стремилось вывести государство из финансового кризиса и обратило внимание на земли духовенства. Нужда в деньгах была огромна, и 2 ноября 1789 г. был принят декрет о «переходе церковных имуществ в распоряжение нации». Из церковных земель, а впоследствии и из земель эмигрантов-дворян был создан фонд национальных имуществ. Декрет этот имел в виду подорвать социальную мощь господствующих сословий и вместе с тем создать опору финансового благополучия государства. В период Учредительного собрания общая ценность земель равнялась 3 млрд. ливров; эта ценность должна была служить обеспечением

выпущенных ассигнаций, которые вначале были долговыми обязательствами государства, а впоследствии бумажными деньгами с принудительным курсом. Земли были пущены в продажу, а так как обладателем средств была буржуазия, то земельные участки попали прежде всего в ее руки. Если Учредительное собрание частично раскрепостило крестьянскую землю, то распродажа национальных имуществ отнюдь не имела в виду превратить крестьянина в землевладельца, землю в первую очередь приобретали буржуа и богатые крестьяне.

Экспроприация церкви и дворян уничтожила сословную мощь дворянства и духовенства, а распродажа этих земель создала таким образом новый социальный слой, материально связанный с революцией.

Конституция 1791 г.

Все преобразования Учредительного собрания были сведены воедино конституцией, известной под названием «Конституции 1791 г.». Если эта конституция (идеал французской крупной буржуазии) имела в виду уничтожить старый порядок, то вместе с тем она укрепляла режим буржуазной аристократии. Пестрота в управлении страной была уничтожена. Франция была разделена на 83 департамента, во главе которых стояли выборные власти. Суд был также выборным. Конституция отменила сословные перегородки и сделала нацию хозяином и правителем страны. Король ставился в зависимость от парламента, но ему предоставлены были достаточно широкие полномочия, чтобы во-время уничтожить невыгодные для буржуазии меры. Конституция обеспечивала свободу личности, она провозглашала свободу слова, сделав всех граждан формально равными. Но избирателей она разделила на активных и пассивных. Активные граждане (4 млн. на 26 млн. жителей страны) — это не те, кто принимал участие во взятии Бастилии, но те, кто владел собственностью (К. Демулэн). Право избирателя имел всякий гражданин, платящий налоги в размере местной трехдневной заработной платы. Но, чтобы быть выбранным в департаментское или муниципальное управление, требовалось платить налоги в размере 10-дневной заработной платы, а в Национальное собрание — в размере одной серебряной марки (20 руб. на довоенные деньги) и кроме того обладать какой-нибудь земельной собственностью. На основании этого закона и было выбрано следующее Законодательное собрание. В руки активных граждан передано было управление страной сверху донизу. Если ко всему этому прибавить, что 21 октября 1789 г. собрание приняло так называемый военный закон против восставшего народа, то классовый, буржуазный характер его станет ясен. (Мат. и док. № 11).

Партии и клубы в эпоху Учредительного собрания.

В Учредительном собрании не существовало резко отграниченных партий. Депутаты любили заявлять, что они не являются членами партий. Они группировались вокруг клубов. Все же можно отметить следующие группировки: крайняя правая, монархисты-конституционалисты и слабое демократическое крыло.

Крайняя правая всячески отстаивала старый порядок, но значение этой группы все более и более уменьшалось. Монархисты-конституционалисты были авторами «Конституции 1791 г.». Они имели свой клуб — клуб 1789 г. Если правые представляли интересы феодального землевладения, то конституционалисты, «люди 1789 г.», были представителями крупной буржуазии и обуржуазившейся части дворянства. Крайняя левая Учредительного собрания не была в ту эпоху республиканской, — то были демократически настроенные люди: Робеспьер, Петион и т. д. Эта группа после бегства короля, в июне 1791 г., начала усиливаться. Клубы, как мы уже указывали, играли в эпоху революции ту же роль, какую в наше время играют партии: они сделались центрами революционного движения. Особое значение приобрел якобинский клуб. «Общество якобинцев», друзей свободы и равенства, организовалось 8 февраля 1790 г. Уже в июне 1791 г. клуб насчитывал 406 отделений в провинции. До конца 1791 г. он объединял и умеренных демократов и крайних, и лишь после 17 июля 1791 г. (см. ниже) от него отделились умеренные, фейльяны, которые создали свой клуб. Кроме того в Париже существовал клуб кордильеров, объединивший крайние элементы столицы и др. В эпоху Учредительного и Законодательного собраний этот клуб играл роль центра всех революционных движений.

Новые попытки контрреволюции.

С конца 1790 г. усиливается наступление контрреволюции, король отказался дать санкцию законам против духовенства, опираясь в борьбе с революцией на дворянскую эмиграцию и вооруженную силу европейских государств. Эмиграция дворян и членов королевской семьи началась еще после событий 15 июля и 5—6 октября. Дворяне устроили свой центр недалеко от французской границы (Кобленц) и здесь собирали свои силы против Франции. Король пытался организовать побег, чтобы во главе преданной ему армии обрушиться на революцию. В ночь с 20 на 21 июня 1791 г. он бежал в Варенну, но был пойман и возвращен в Париж. Оппозиционно настроенное собрание вскоре однако из боязни республиканского движения начало благосклонно относиться к королю. Оно объявило, что короля выкрали. Республиканские элементы готовили свой поход про-

тив королевской власти. 17 июля 1791 г., по инициативе клуба кордельеров, состоялась демонстрация на Марсовом поле, где граждане подписывали петицию с требованием низложения короля. Здесь буржуазия впервые употребила военный закон против народа. Лафайет, вождь национальной гвардии, развернул красное знамя,— сигнал военного положения. Буржуазная гвардия расстреляла народную толпу. (Мат. и док., № 12.)

Впервые столкновение между буржуазией и народом приняло вооруженный характер. 17 июля являтся таким образом предвестником будущей гражданской войны, усугубленной внешней опасностью. В августе 1791 г. Австрия и Пруссия опубликовали так называемый Пильницкий манифест: они требовали вернуть свободу королю и уничтожить завоевания революции.

Учредительное собрание закончило свою работу, оно организовало конституционную монархию, в которой власть принадлежала крупной буржуазии. (Мат. и док., № 13.) Думали, что революция кончилась, но она еще только начиналась.

Общий характер работ Законодательного собрания.

1 октября 1791 г. открылось Законодательное собрание. Оно было выбрано на основе закона об активных и пассивных гражданах. По специальному постановлению Учредительного собрания ни один из членов последнего не мог быть депутатом Законодательного собрания. Законодательному собранию предстояло осуществить принципы «Конституции 1791 г.». Но оно не только не смогло осуществить этих принципов, а разрушило все работы своего предшественника. В борьбе с Законодательным собранием революция создала демократическую республику. Под влиянием двух решающих событий избирались депутаты нового собрания: бегства короля и расстрела на Марсовом поле. Это была уже не мирная обстановка торжествующей революции, а первые раскаты нарастающей гражданской войны. Бо́льшая половина депутатов Законодательного собрания состояла из адвокатов и писателей: то были ученики великих просветителей, идеологи буржуазии. Их поведение определялось развертывающимися событиями. Контрреволюционная деятельность дворянства, духовенства и короля, опасность войны и углубление экономической разрухи — такова была обстановка деятельности Законодательного собрания. Не забудем при этом, что Учредительное собрание не разрешило еще крестьянского вопроса: Законодательному собранию в тягчайшей обстановке гражданской войны пришлось разрешать огромной важности задачи. Только активность народных масс, как в дни 14 июля и 5—6 октября, могла помочь Законодательному собранию. Но буржуазный состав собрания не мирился с революционной инициативой и активностью масс. Отсюда неустойчивость Законодательного собрания. «Законодательное собрание, — пишет Олар, — все время казалось поддающимся поочередно под впечатлением минуты двум тенденциям, из которых одну можно было принять за демократическую, республиканскую, а другую — за буржуазную, умеренную. Вплоть до 10 августа 1792 г. большинство собрания склонялось то влево, то вправо. В действительности, пока трон стоял на своем месте, у собрания ни на одну минуту не являлось желания сделать какую бы то ни было уступку демократии или республике. Его намерения оставались всецело монархическими». Оно шло на уступку только под давлением революции. Об экономическом кризисе в эпоху Законодательного собрания свидетельствуют следующие цифры: в январе 1791 г. курс бумажных денег был равен 91% металлических денег, а ко времени закрытия работ Учредительного собрания ценность бумажных денег пала до 82%, к концу 1792 г. (к 10 августа) — до 51%. Падение ценности денег усилило дороговизну хлеба и др. предметов первой необходимости. При этом заработная плата далеко не поспевала за ростом цен. (Мат. и док., № 14.) Голод был причиной стихийного революционного протеста масс в 1792—1794 гг.

Состав Законодательного собрания.

В обстановке гражданской войны в Законодательном собрании резко выявилась пропасть между отдельными течениями. На правом крыле находились конституционные монархисты — фейльяны; их было 160. Но с усилением революционного напора масс они привлекали к себе многих депутатов центра. Они были сторонниками принципов 1789 г. Центр насчитывал до 300 депутатов. Депутаты центра любили называть себя независимой партией, но часто склонялись к фейльянам. Эти группы представляли интересы «богатых» финансистов, откупщиков государственных монополий, крупных поставщиков двора и государства, спекулянтов хлебом и продовольственными продуктами. На левой стороне сидели «якобинцы». Так вначале обозначали всех левых, — будущих жирондистов и монтаньяров. Якобинцы следовали общей политике: они наблюдали за королевской властью и стремились держать ее в подчиненном состоянии, но якобинцы не были чем-то единым. Острые разногласия среди якобинцев проявились в вопросе о войне и борьбе с контрреволюцией и тогда произошел раскол. (Мат. и док., №№ 16 и 17.) В связи с событиями 20 июня и 10 августа 1792 г. (см. дальше) якобинцы распались на две враждебные группы: жирондистов — предста-

вителей деловой буржуазии, и монтаньяров — представителей мелкой буржуазии. Но спор этих групп был разрешен оружием в эпоху Конвента (май — июнь 1793 г.).

Жирондисты были представлены многими блестящими ораторами, журналистами и писателями: Бриссо, Верньо, Кондорсе, Роллан. То была партия «государственных людей». Левое крыло якобинцев было представлено в собрании слабо, их центр был в коммуне [1] в Париже. В якобинском клубе — Робеспьер, в клубе кордельеров — Дантон, и, наконец, Марат, — вот кто были представителями крайних идей в столице.

Законы против дворянства и духовенства.

Серьезное испытание наступило для Законодательного собрания в связи с обсуждением вопроса о духовенстве и дворянстве. (Мат. и док., № 15.) Эмиграция дворян все усиливалась. Повсюду они готовили поход против Франции. Внутри страны они способствовали контрреволюции. Во главе эмигрантов стояли братья короля. С помощью эмигрантов король поддерживал связь с деспотами Европы. Таким образом борьба с эмигрантами связана была с борьбой против внешней опасности и против козней короля. Декрет от 9 ноября 1791 г., принятый собранием, объявил французов, собравшихся по ту сторону границы, подозреваемыми в составлении заговора против отечества. Собрание объявляло, что если к 1 января 1792 г. сборище эмигрантов не рассеется, то смертная казнь и конфискация имущества угрожают преступникам. Огромное значение для революции имел и вопрос о духовенстве. Не присягнувшее духовенство стремилось поднять восстание в стране. Оно воспользовалось недовольством части крестьян, которые ничего пока от революции не получили, их тяжелым экономическим положением, чтобы темную и невежественную массу отдельных районов Франции (Вандея) натравить против революции. Поводом служил закон о гражданском устройстве духовенства. Таким образом против духовенства, как и против дворян, надлежало принять решительные меры. 29 ноября 1791 г. собрание постановило, под давлением масс, что не присягнувшие священники должны быть арестованы и отправлены в тюрьму, а закон от 27 мая 1792 г. требовал их ссылки. Эти декреты не были утверждены королем, и собрание стало, таким образом, лицом к лицу с вопросом о королевской власти. Все эти вопросы теснейшим образом были связаны с вопросом о внешней опасности. (Мат. и док., № 17.)

Европа и революция.

К концу XVIII века в европейских государствах феодальный порядок был значительно поколеблен (здесь не идет речь о России). Некоторые слои населения Австрии и Пруссии были восприимчивы к идеям 1789 г. Но в то время, как Англия не нуждалась в политической революции для развития капитализма, европейские государства не могли еще вступить на этот путь: в Австрии и Пруссии не были готовы необходимые экономические и социальные предпосылки для буржуазного переворота. Правда, отдельные лица и группы этих стран и даже в далекой России, сочувствовали революции, но крестьянская масса была слишком пассивна, чтобы восстать против своих угнетателей. Вот почему, если в первый момент революции европейские государства относились к ней сдержанно и соображали, насколько полезна или вредна она для их захватнических интересов, то потом эта нейтральность исчезла. Вначале все государства были довольны ослаблением Франции, тем, что она больше никому не будет мешать. Россия, Австрия и Пруссия мечтали о грабеже Польши и Турции. Англия воспользовалась революцией, чтобы прибрать к рукам французские колонии. Но чем более французская революция углублялась, чем более заразительным становился ее пример для всех угнетенных народов, тем враждебнее стали относиться правительства к революционной Франции. Французская революция своим постановлением от 4 августа нарушила интересы некоторых феодальных князей германской империи на левом берегу Рейна и внутри своих границ (Авиньон), и новый революционный строй пришел, таким образом, в прямое столкновение с интересами европейских феодалов.

Внутри Франции победа революции постепенно восстанавливала мощь страны. Европейские державы не могли не видеть, что возрожденная революцией единая и свободная французская нация гораздо сильнее, чем их раздробленные и порабощенные народы. Франция стала угрозой для них. Она порвала австро-французский договор 1756 г., который был причиной слабости Франции на протяжении второй половины XVIII в.; она мечтала о том, чтобы порвать и англо-французский договор 1786 г. Революционная Франция требовала разгона эмигрантов, нашедших приют в соседних государствах. Война приближалась. Но когда должен пробить ее час? По этому вопросу не было единства в Законодательном собрании. Король мечтал о вооруженном конгрессе европейских держав, которые принудили бы Францию уважать его права. Фейяны хотели «ограниченной войны», т. е. такой войны, которую бы вел король, тем самым возвратив себе утраченную популярность. Но особенно сильны

[1] Коммунами в эпоху Великой французской революции назывались муниципальные самоуправления, в частности г. Парижа.

были расхождения среди якобинцев. Жирондисты желали войны немедленно и во что бы то ни стало; монтаньяры, Робеспьер, боролись против неминуемой войны. Для жирондистов война была способом достигнуть власти, подчинив себе короля. Но как заставить короля прибегнуть к помощи «жиронды»? Надо устрашить короля взрывом революционного движения. При этом сделать это надо так, чтобы народные массы направив свой удар против короля, выполняли предначертания «жиронды». Словом, они хотели обуздать народную стихию и вместе с тем подчинить себе королевскую власть. Конечно, для этого лучше всего было направить гнев народа против тиранов внешних, оставив в покое собственного деспота. Вместе с тем для «жиронды», представительницы интересов промышленной буржуазии, особенно важно было восстановить международный престиж страны. Робеспьер был против внешней войны. Он хотел народной войны для победы над королем французов, но боялся, что война превратит революцию в гражданскую войну.

3 декабря 1791 г. король тайно писал прусскому королю, что для него самое желательное — это вооруженный конгресс для восстановления лучшего порядка вещей. Но эмигранты шли дальше. Они стремились поднять крестовый поход против революции. Так борьба с королем и дворянами стала необходимостью для обороны революции извне и изнутри; да и сама война революции против европейского феодализма становилась неизбежной. 20 апреля 1792 г. собрание, по настоянию «жиронды», объявило войну Австрии. Франция не имела достаточно сильной дисциплинированной армии. Военные части старой армии, так называемые линейные войска, были дезорганизованы; добровольцы 1791—1792 гг. еще не стали регулярными революционными частями. Офицерство в своем подавляющем большинстве эмигрировало, и Франция в начале кампании терпела одно поражение за другим.

«Революция и отечество в опасности».

Грозная опасность угрожала стране и революции. 11 июля 1792 г. Законодательное собрание объявило «отечество в опасности». Вся Франция пришла в движение вплоть до самых глубоких слоев сельской массы. Декретом от 25 июля заседания всех органов парижского самоуправления, 48 его секций, объявлены были непрерывными. 1 августа собрание разрешило муниципалитетам раздать оружие всем гражданам, активным и пассивным. Оно объявило, что всякий гражданин, «который будет воевать за свободу», будет переведен в разряд активных граждан. Но король отказался дать санкцию декрету об образовании военного лагеря из 25 тыс. человек вокруг Парижа для защиты революции. Он уволил жирондистское министерство Роллана, назначенное им 12 марта 1791 г., в дни возбуждения и революционного подъема. Он вновь приступил к активным контрреволюционным операциям. Генерал Лафайет, командующий центральной армией, поддерживал короля. Революционному народу предстояло бороться теперь не только с королем и привилегированными сословиями, но и с умеренной конституционной буржуазией. Кто станет во главе новой революции: жирондисты или якобинцы? Этот вопрос был разрешен в дни 20 июня и 10 августа 1792 г.

Демонстрация 20 июня.

20 июня жирондисты пытались воспользоваться народным движением, чтобы заставить короля санкционировать принятые собранием декреты. Но демонстрация 20 июня не удалась, потому что жирондисты хотели только инсценировать народное движение. С момента начала демонстрации до конца ее они больше всего боялись народного движения. «В демонстрации 20 июня, — пишет Кунов, — было нечто комичное, на плакатах преобладали умеренные требования. И, когда народ ворвался в палаты короля и требовал утверждения декретов, Верньо, Писар и др. депутаты «жиронды» встали возле короля и решили охранять его». В дни 20 июня, однако народные низы Парижа выступили «не как мятежная сила, как в дни октября 1789 г., а как спокойная, радующаяся своей силе и способная организоваться масса. Это привело в трепет буржуазию». После 20 июня началось поэтому усиление реакции. В буржуазных массах обнаружился новый прилив роялистических чувств. Лафайет явился 28 июня в собрание с требованием «уничтожить секты, которые вторгаются в верховные права нации». Он требовал преследования вождей 20 июня. В Законодательном собрании происходили умилительные сцены примирения буржуазных групп. На одном таком заседании решено было предать проклятию всякого, кто будет пытаться восстановить деспотизм или учредить республику. Революции пришлось выступить, таким образом, и против Законодательного собрания. Но события 10 августа были подготовлены еще одним враждебным актом контрреволюции. 25 июля герцог Брауншвейгский опубликовал от имени коалиции манифест, который грозил уничтожением стране, революции и Парижу. (Мат. и док., № 19.)

Революция 10 августа.

Наконец, поражение на фронтах и ясная для народа мысль, что во всех несчастиях виновата королевская власть, завершили дело. 10 августа 1792 г. была уничтожена монархия, свергнут строй буржуазной аристократии и по-

ложено начало демократической республике. Кто произвел революцию 10 августа? Мелкая буржуазия и рабочие Парижа. Крайне-демократические элементы находились не в собрании, они группировались вокруг Парижской коммуны, вернее — ее секций. В большинстве секций Парижа созданы были комитеты для подготовки восстания. Эти комитеты выделили уполномоченных, которые заменили Коммуну Парижа, находящуюся в руках умеренных, и создали наряду с Законодательным собранием орган народного движения. Парижские секции уже с первых дней августа приступили к активным действиям. Одна из этих секций объявила: «глава исполнительной власти — первое звено антиреволюционной цепи». Среди парижских секций особую активность проявили секции рабочих предместий столицы. Однако революция 10 августа не была исключительно событием парижским, несмотря на огромную роль столицы в этой революции. То был национальный переворот; на его стороне были широчайшие массы Франции. Одна из провинциальных петиций гласит: «так как политическое тело, голова которого замышляет одно, а руки действуют в противоположном направлении, представляет собой нечто действительно чудовищное, то отстранение короля должно быть произведено немедленно». Франция выделила и вооруженные отряды для переворота. Марсель, Бордо и др. города юга дали так называемых «федератов». Федераты — добровольцы, преимущественно южных городов Франции, стекались в столицу на основании постановления от 9 июля об образовании вооруженного лагеря вокруг Парижа. Добровольцы Марселя спешили в Париж под звуки марсельезы, песни торжества и борьбы революционного народа. Федераты в числе до 3 тыс. и были вооруженной силой переворота. Парижская коммуна и федераты 10 августа создали демократическую республику. Однако, несмотря на участие пролетариев Парижа в перевороте, не следует предполагать, что революция 10 августа была социалистическим переворотом, хотя впоследствии она и послужила экономическим интересам крестьян и рабочих. Во главе восстания стояли мелкие буржуа, повстанцы в своих рядах насчитывали немало представителей революционной буржуазии южных торгово-промышленных городов Франции. (Мат. и док., № 20.)

Как отнеслись жирондисты и Законодательное собрание в целом к перевороту 10 августа? Верньо и некоторые другие жирондисты еще до 10 августа тайно сносились с королем и предлагали ему призвать к власти старое жирондистское министерство. Законодательное собрание в целом, однако, колебалось, пока не был ясен исход борьбы. Но после 10 августа оно согласилось лишь на отречение короля, а не на уничтожение королевской власти. Королевская власть была заменена временным исполнительным советом. Решено было созвать Конвент — национальное собрание, избранное на основе всеобщего избирательного права. Так были сметены все препятствия для учреждения республики и демократического строя. Конвент закончил дело революции 10 августа 1792 г.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА.

Обильный документальный материал гл. III сгруппирован вокруг следующих вопросов:

1) требования буржуазии и крестьянства в 1789 г.; 2) крестьянская политика Учредительного собрания; 3) рабочая политика собрания; 4) провозглашение Национального собрания и классовая борьба в стране в 1789—1792 гг.; 5) рост дороговизны как движущей силы народных движений; 6) война и 10 августа как итог событий.

К первому разделу относятся документы №№ 1 и 2. Важно проработать документ № 2 — деревенский наказ — для выяснения влияния буржуазии на формулировку крестьянских требований. Учащийся должен проанализировать документ, чтобы установить, какие пункты наказа соответствуют интересам буржуазии, какие интересам крестьянства. К разделу II относятся документы №№ 4, 5, 6, 7; желательно особо внимательное ознакомление с документами №№ 5 и 7. Первый документ может быть проработан для выяснения условий, необходимых при развитии буржуазного общества. Можно предложить учащимся, после ознакомления с характеристикой Жореса распродажи национальных имуществ, подтвердить ее анализом приведенных ниже таблиц. Документ № 4 преподаватель может прекрасно использовать в своем заключительном слове.

К разделу III относятся документы №№ 8, 9. Для анализа можно взять о д и н из двух документов. Полезно предложить учащимся по документу № 8 дать характеристику взаимоотношений труда и капитала в представлении рабочих и хозяев эпохи революции. «Закон Шапелье» может служить дополнительным подтверждением этой характеристики.

К разделу IV относятся документы №№ 3, 10, 11, 12, 13, 15. В этом разделе должны быть особо проработаны документы №№ 10 и 13. Особенно важно внимательно проработать «Декларацию прав человека и гражданина» (№ 10). Имеет смысл предложить слушателям сопоставить ее с нашей «Декларацией прав трудящихся» по вопросам: 1) О т н о ш е н и е к с о б с т в е н н о с т и, 2) в о п р о с о ю р и д и ч е с к о м и с о ц и а л ь н о м р а в е н с т в е; 3) л и ч н а я с в о б о д а и р е в о л ю ц и о н н о е н а с и л и е; 4) в ч е м р е в о л ю ц и о н н о е з н а ч е н и е Д е к л а р а ц и и 1789 г. Предложить учащимся прочесть документ № 11 для характеристики классовых

противоречий эпохи. Этот документ является как бы итогом проработки материала.

По разделу V можно предложить учащимся составить диаграмму падения курса ассигнатов для установления периода острого хозяйственного кризиса в стране. Раздел VI богато документирован. Сюда относятся документы №№ 16, 17, 18, 19, 20. Для проработки могут быть взяты документы № 16 «Б»: выяснить причины ненависти английской аристократии (земельной и торговой) к революции; можно также предложить сопоставить отношение к войне Бриссо и Робеспьера (№ 17) и установить причины расхождения этих двух политических группировок в вопросах войны. Конечно преподаватель может выбрать из всей темы лишь одну группу документов для проработки, сообразуясь с подготовкой и интересами слушателей. Во всяком случае ко всей теме должны быть проработаны документы №№ 10 и 13.

Литература: См. главу IV «Конвент».

1. Требования буржуазии.

(Извлечения из наказа Парижского округа, приведено у Ж. Жореса «Учредительное собрание».)

«Могущественнейшая нация Европы готовится выработать себе конституцию, т. е. установить незыблемый порядок, при котором злоупотребления власти станут невозможны.

Это великое дело окажется нетрудным, если будет достигнуто единодушие и если совещания будут свободны.

Для того чтобы свобода и единодушие господствовали в собрании, необходимо, чтобы их царство началось на первичных собраниях.

Поэтому мы протестуем, как лично, так и от имени всей нации, против того, как происходили собрания избирателей.

Мы протестуем:

по поводу того, что, после того как они были созваны и открыты чиновниками, эти последние еще и председательствовали на них, тогда как свобода требовала, чтобы непосредственно после их открытия сами они избирали своих председателей;

по поводу того, что собрания избирателей были подчинены надзору уездных судей, хотя свобода требовала бы, чтобы за благочинием на них следили избранные ими председатели и чтобы вопросы решались в них большинством голосов;

по поводу того, что собрания были вынуждены уменьшить число своих участников, хотя свобода требовала бы, чтобы граждане были представлены на них всеми избранными ими депутатами;

по поводу того, что национальное представительство было образовано незаконным порядком: духовенство и дворяне непосредственно назначали своих представителей, тогда как представители третьего сословия назначались: в общинах, входящих в состав небольших бальяжей, при посредстве собрания избирателей, а в общинах, входящих в состав больших бальяжей, при посредстве, во-первых, первичного собрания избирателей и, во-вторых, еще одного собрания ограниченного числа выборщиков; в городах — трехстепенным порядком: при посредстве депутатов, избранных кооперациями, затем части этих депутатов, избранных на собраниях в городских думах, и, наконец, еще меньшей части этих депутатов, избранных на собраниях бальяжей...

по поводу того, что духовные особы и дворяне пользовались привилегией передавать свой голос своим уполномоченным в нескольких бальяжах, тогда как лица, принадлежащие к третьему сословию, не пользовались этим правом, да и в самом деле одного человека ни в коем случае нельзя считать за двух;

по поводу того, что вышеупомянутая привилегия передавать голос уполномоченным порождает еще одно злоупотребление, заключающееся в том, что те, кому она предоставлена, располагают влиянием, обусловливаемым обладанием несколькими голосами;

наконец по поводу того, что всюду игнорировался основной принцип, заключающийся в том, что по открытии собраний и приведении к присяге исполнительная власть никоим образом не должна ни непосредственно, ни через своих чиновников распоряжаться на избирательных собраниях: их вмешательство всегда стесняет свободу и часто оказывает на выборы влияние, которое тем опаснее, что оно может остаться незамеченным.

Тем не менее, принимая в соображение крайнюю серьезность положения дел и величие общественных интересов, влекущих всех нас к национальному собранию, мы приступим к составлению наших инструкций, предоставляя суждение о наших протестах Генеральным штатам».

«Члены Генеральных штатов будут объявлены лицами, неприкосновенными со дня их избрания.

Они ни в коем случае и ни в какую эпоху не могут быть привлечены какою бы то ни было судебною или иною властью, кроме самих Генеральных штатов, к ответственности за свои действия, предложения и речи в Генеральных штатах.

Никакой отряд войск не имеет права подходить к тому месту, где происходят заседания генеральных штатов, ближе, чем на десять миль, за исключением тех случаев, когда Генеральные штаты выразят свое согласие на это или потребуют этого.

Отмена всяких налоговых льгот, от пользования которыми изъявили готовность отказаться духовенство и дворянство, в состав которых входит Парижский округ, станет на Генеральных штатах национальным законом.

Далее, будет установлено единообразие наказаний для граждан всех сословий, их одинаковое право занимать должности, звания и получать отличия; торговля и промышленность должны перестать быть занятиями, несовместимыми с дворянским достоинством; всякие личные барщины должны быть отменены.

Раз пройдут эти меры, мы желаем, чтобы Генеральные штаты вотировали поголовно. А в том случае, если бы осуществление этого желания на первых порах оказалось затруднительным, мы желаем, чтобы по крайней мере в тех случаях, когда, совещаясь порознь, сословия не пришли бы к соглашению, они собирались вместе для совместного окончательного совещания.

Все налоги, взимаемые с нации, будут объявлены незаконными; тем не менее их взимание будет временно разрешено, но лишь до последнего дня заседаний Генеральных штатов...

Мы желаем, чтобы все предложения, мнения и постановления обнародовались ежедневно путем их напечатания.

Генеральные штаты будут выражать королю в своих обращениях и речах глубочайшее уважение к его священной особе, но ни для одного из членов не может стать обязательным соблюдение форм, которые унижали бы достоинство человека и оскорбили бы величие нации.

Мы считаем целесообразным, чтобы Генеральные штаты поспешили объявить, что, лишь только будет выработана конституция, королевский долг будет обращен в национальный долг.

Генеральные штаты обратят особое внимание на нынешнюю дороговизну хлеба и позаботятся о том, чтобы положить ей конец.

Они настоятельно потребуют освобождения всех граждан, арестованных за нарушение — или под предлогом нарушения — постановлений относительно охоты».

«Всякая собственность неприкосновенна, так что никто не может быть лишен своей собственности, даже и в интересах общественного блага, кроме как под условием предварительного вознаграждения, причем этому принципу будет дано обратное действие в пользу собственников, не получивших вознаграждения при экспроприации их имущества.

Все те права, которые никогда не могли представлять собой собственности, как являющиеся несомненным нарушением естественного права, а равно и те, которые представляли собой собственность, но должны были перестать представлять собой таковую, так как исчезла та причина, которая их создала, — подлежат отмене.

Так как всякие, даже и высшие общественные должности предоставляются занимающим их лицам лишь в интересах нации, то они не могут ни стать собственностью, ни служить для занимающих их чиновников источником каких бы то ни было прав, которые можно было бы противопоставить изменениям и улучшениям общественных организаций, признанных необходимыми нацией.

Что касается собственности, основывающейся на документе, то, коль скоро она оказывается вредной для общественного блага, она подлежит выкупу.

Всякий собственник или земледелец волен истреблять на своих землях всякого рода дичь, причиняющую ущерб его собственности.

Натуральные повинности должны быть раз навсегда уничтожены и заменены денежным сбором, взимаемым со всех сословий.

Судоходные реки и большие дороги должны принадлежать, поскольку дело идет о пользовании, нации, а поскольку дело идет о собственности, они не должны принадлежать никому.

Все граждане имеют право собираться, составлять петиции и назначать делегатов для выяснения отношения к этим петициям как Генеральных штатов, так и исполнительной власти» [1].

[1] Раздел о собственности взят из проекта «Декларации прав человека и гражданина», предложенной Парижским округом.

2. Требования крестьянства.

(Наказ сельской общине Нозе в Шампани.)

«Мы просим:

1. Чтобы был только один единственный налог — поземельный, который будет уплачиваться безразлично всеми сословиями государства.

2. Чтобы был установлен особый на промышленность, и в ожидании, когда государственные долги будут выплачены, — такой другой налог, какой будет угодно Генеральным штатам, установить.

3. Чтобы сеньориальные барщины, помещичьи монополии и другие сеньориальные повинности были упразднены, если нужно с вознаграждением.

4. Чтобы все феодальные и чиншевые сборы были облегчены, — чтобы они требовались не иначе, как на основании правильных документов и чтобы их можно было выкупать.

5. Чтобы сеньориальная юстиция была упразднена.

6. Чтобы милиция и коннозаводская стража были уничтожены.

7. Чтобы были возобновлены регламенты относительно ношения оружия, в особенности лесными сторожами, и чтобы эти регламенты соблюдались.

8. Чтобы был составлен новый кодекс гражданский и уголовный.

9. Чтобы министры были ответственны за свое управление перед королем и Генеральными штатами.

10. Чтобы во всем королевстве было запрещено нищенство.

11. Чтобы были установлены точные сроки для созыва Генеральных штатов.

12. Чтобы не взимался никакой налог, на который не последовало согласия Генеральных штатов.

13. Чтобы провинциальные собрания, которые их заменяют, были организованы по образцу названных штатов.

14. Чтобы (сельские) общины были восстановлены во владениях, которые у них были захвачены, и, чтобы письмоводители (судебных мест) были обязаны выдавать им, по заявлении о том просьбы в указанной форме, всякого рода документы и справки, в которых им встретится надобность, под страхом личной ответственности за все потери и убытки, которые они причинят или потерпят.

15. Чтобы были упразднены (в деревнях) мануфактуры и механическое производство, столь вредные для земледелия.

16. Чтобы было запрещено держать голубей, либо пусть их запирают, согласно законам.

17. Чтобы штаты приняли меры против огромного ущерба, причиняемого деревням многочисленными зайцами и кроликами.

18. Чтобы таможенные границы провинций были отодвинуты на государственную границу.

19. Чтобы акцизные пошлины и соляная монополия были упразднены.

20. Чтобы округ, подведомственный парижскому парламенту, был уменьшен и чтобы были учреждены бальяжные суды или высшие трибуналы в более крупных городах.

21. Чтобы приходские священники были приняты на жалованье, либо чтобы им была возвращена десятина их приходов без всякого дележа или вычета [1].

22. Чтобы всякого рода поборы за требы были воспрещены и уничтожены.

23. Чтобы все монастырские общины, в которых не окажется достаточного количества монашествующих для исполнения устава, были упразднены и чтобы их имущество было обращено либо на ремонт (приходских) церквей, либо на субсидии церковным управлениям бедных приходов.

Составлено и постановлено нами, людьми третьего сословия, в помещении церковного дома названного прихода Нозе сего 16 марта 1789 г.».

3. Провозглашение Национального собрания.

(Постановление от 17 июня 1789 г.)

«... Собрание постановляет, что присутствующие депутаты могут и должны немедленно приступить к общей задаче национального преобразования и что они должны работать над ней беспрерывно и беспрепятственно.

Название «Национальное собрание» является единственным, соответствующим собранию при

[1] В большинстве случаев церковная десятина частью или целиком взималась в свою пользу местными сеньорами.

настоящем положении дел,— во-первых, потому, что депутаты, входящие в его состав, являются единственными общеизвестными законно утвержденными представителями; во-вторых, потому, что они посланы непосредственно почти всей нацией; наконец потому, что, так как представительство едино и нераздельно, ни один депутат, от какого бы класса или сословия он ни был избран, не имеет права выступать отдельно от настоящего собрания.

Национальное собрание единогласно постановляет, что все налоги и пошлины, хотя бы установленные и взимаемые незаконным путем, будут взиматься и впредь в том же порядке, но лишь до того дня, когда впервые будет распущено это собрание, какова бы ни была причина его роспуска.

По прошествии же этого дня взимание всяких налогов и пошлин, которые не будут определенно, формально и свободно утверждены собранием, должно совершенно прекратиться во всех частях королевства, какова бы ни была форма его управления.

Собрание спешит заявить, что, лишь только оно совместно с королем установит основы национального преобразования, оно займется рассмотрением и обеспечением государственного долга; собрание заявляет, что оно гарантирует долг государственным кредиторам чувством чести французской нации».

4. Марат о 4 августа.

(Статья Ж.-П. Марата из газеты «Друг народа» № 11 за 21 сентября 1789 г.)

«Если эта жертва продиктована духом чистой благотворительности, то, надо сознаться, долгонько же пришлось ждать, пока она не обнаружилась. Да, только при виде пламени своих пылающих замков они обрели в себе необходимое величие духа для того, чтобы отречься от своей привилегии держать в оковах людей, с оружием в руках завоевавших себе свободу. Только узрев возмездие, постигающее вымогателей, живодеров и охранителей деспотизма, они, наконец, обрели в себе великодушие отказаться от своих поземельных десятин и воздержаться от предъявления дальнейших требований к несчастным, которые едва могли влачить свое существование. Только услышав имена изгнанных (изгнанных из своих владений феодалов) и узнав о той судьбе, которая ждет их, они согласились оказать благодеяние: допустить уничтожение их исключительного права на охоту и соблаговолить, чтобы дикие животные впредь уже не пожирали нас...

Да и как обстоит дело с размерами этих жертв? Или я еще должен доказывать, что они большей частью иллюзорные жертвы? Будет ли действительным, реальным уничтожение всех привилегий, которое возвещается надписью на проектированных медалях (в память событий), если закон о сеньориальных, землевладельческих и феодальных правах скажет нам только, что эти права могут быть выкуплены? Что же касается уничтожения прав мертвой руки (церковных имуществ) и других феодальных прав, которые до сих пор ложились на личность,— этих чудовищных злоупотреблений, которые прикрывались красивым именем права,— так эти права все равно должны пасть, как только будет принят основной конституционный закон, возвещающий личную свободу всякого гражданина...»

5. Отмена сословных и феодальных привилегий.

Из декрета Национального собрания об уничтожении привилегий и феодальных прав 11 августа 1789 г.)

I. Национальное собрание окончательно упраздняет феодальный порядок. Оно постановляет, что из прав и повинностей, феодальных и чиншевых, те, которые относятся к личному или вещному крепостному праву, отменяются без вознаграждения; все прочие объявляются подлежащими выкупу; размеры и способ выкупа будут определены Национальным собранием. Те из названных повинностей, которые не уничтожены настоящим декретом, будут продолжать взиматься впредь до выкупа.

II. Исключительное право (сеньоров) иметь малые и большие голубятни упраздняется. Голуби будут заперты в голубятнях в течение времени, определенного общинами; в течение этого времени они будут рассматриваться как дичь, и всякий будет иметь право убивать их на своей земле.

III. Исключительное право (сеньоров) на охоту и разведение кроликов равным образом упраздняется, и всякий собственник (земли) имеет право уничтожать, но только на своих владе-

ниях, всякий вид дичи, применяясь к полицейским предписаниям, которые могут быть сделаны относительно общественной безопасности...

IV. Все сеньориальные юстиции упраздняются без вознаграждения; однако чины этих юстиций будут исправлять свои обязанности, пока Национальное собрание не позаботится установить новый судебный порядок.

V. Всякого рода десятины и заменяющие их оброки упраздняются, с тем, чтобы потом решить, как иным образом удовлетворить нуждам богослужения, содержания служителей престола, помощи бедным, ремонту и перестройки церквей и церковных домов и всех учреждений, семинарий, школ, коллегий, госпиталей, общин и т. д., на содержание которых в настоящее время эти десятины назначаются. Однако, пока эти меры не будут приняты и прежние владельцы десятин не получат иное вознаграждение, Национальное собрание приказывает, чтобы названные десятины продолжали быть взимаемы согласно законам и обычным способом.

Что касается прочих десятин, какого бы то ни было рода, они будут выкупаемы способом, который установит собрание; до постановления по этому поводу Национальное собрание предписывает продолжать их взимание.

VI. Всякие вечные земельные ренты, натурой или деньгами, всякого рода и всякого происхождения, кому бы то они не принадлежали, подлежат выкупу; полевой оброк [1] всякого рода и всякого названия равным образом будет подлежать выкупу по таксе, которую установит собрание.

VII. Продажность должностей, судебных и муниципальных, уничтожается теперь же. Правосудие будет оказываться бесплатно. Однако чиновники, занимающие эти должности, будут продолжать отправлять свои обязанности и будут получать свои доходы от этих должностей до тех пор, пока собрание не позаботится о средствах для их выкупа.

VIII. Плата за требы сельским священникам будет уничтожена и не будет уплачиваться, как только будет проведено увеличение жалованья приходским священникам и их помощникам; будет сделано постановление об обеспечении городских священников.

IX. В области налогов навсегда будут уничтожены привилегии денежные, личные и земельные. Налоги будут взиматься со всех граждан и всех имуществ одинаковым образом и в одинаковой форме.

X. Национальная конституция и общественная свобода более выгодны для провинций, чем привилегии, которыми некоторые из них пользовались и пожертвовать которыми необходимо для тесного единения всех частей империи [2]; поэтому постановлено, что частные привилегии провинций, сеньорий, областей, городов и общин, как денежные, так и всякие иные, уничтожаются безвозвратно...

XI. Все граждане, без различия происхождения, могут быть допущены ко всем должностям и званиям духовным, гражданским и военным, и никакая полезная профессия не будет влечь за собой лишение дворянства....[3]

XV. Относительно отчета, который будет представлен Национальному собранию о состоянии пенсий, милостей и содержаний, оно, в согласии с королем, займется уничтожением тех, которые не были заслужены, и сокращением чрезмерных, с тем, чтобы на будущее время установить сумму, которой король может располагать на этот предмет...

XVI. Национальное собрание постановляет, чтобы, в воспоминание о великих и важных совещаниях, которые только что произошли для счастья Франции, была выбита медаль и отслужен благодарственный молебен во всех приходах и церквах королевства.

XVII. Национальное собрание торжественно провозглашает короля Людовика XVI восстановителем французской свободы».

6. Национальное собрание и крестьянство.

(Декрет от 18 июня 1790 г.)

«Национальное собрание на основании доклада, сделанного ему его комиссией о десятине, многих петиций о том, чтобы плательщики имели возможность в этом году уплатить ее деньгами, а не натурой, узнав, что в некоторых

[1] Часть урожая, которую чиншевик обязан был ежегодно отдавать сеньору.

[2] Название империи употреблялось в ту пору для обозначения всей совокупности французских «владений» (включая колонии).

[3] «По старому порядку», например, дворянин лишался дворянского звания, если занимался торговлей.

местах наибольшее число этих плательщиков, без сомнения под влиянием злонамеренных людей, намерено отказаться от платежа и оказывает сопротивление взиманию налога; узнав также, что некоторые владельцы бенефиций, церковные общества или коммуны совершенно не собираются взимать их и не прилагают всех необходимых усилий к управлению имуществами, которыми им поручено заведывать, декретировало и декретирует нижеследующее:

I. Все плательщики десятины как церковной, так и пожалованной обязаны, согласно ст. III декретов от 14 и 20 апреля с. г., уплатить ее только в этом году тому, кому она по праву принадлежит, обычным способом, т. е. натурой и в обычном размере, кроме выполнения обязательств по денежным арендам, подтвержденным и заключенным добровольно.

II. Плательщики полевого оброка, — шампара, тринажа и других повинностей, обыкновенно уплачиваемых натурою, которые не были отменены без выкупа, обязаны уплатить их в настоящем году и в следующие годы до выкупа обычным способом, т. е. натурой, и в обычном размере, кроме выполнения обязательств по денежным арендам, подтвержденным документами и заключенным добровольно, согласно с декретами, изданными относительно феодальных прав 3 и 4 марта с. г.

III. Никто не может под предлогом тяжбы отказаться от платежа обычно уплачиваемой десятины, шампара, а также обычно уплачиваемых налогов с виноградников или других оброков подобного рода и перечисленных в ст. III гл. II декрета от 15 марта, кроме тех лиц, которые оспаривают право возбуждения против них иска, что они могут делать только по отношению к десятинам и полевым оброкам (шампар), находясь в противоречии с прокурором-синдиком округа; и если будет решено, что они не должны были вносить уплаченных ими повинностей, они будут им возвращены.

IV. Имущество тех, которые не уплатили следуемого с них за последний год полевого оброка, может быть продано с молотка, хотя бы требование к ним не было предъявлено в этом году.

V. Запрещается кому бы то ни было вносить сумму при взимании десятин, полевого оброка и т. д. как посредством листков, так и посредством речей, угроз под страхом наказания за нарушение общественного спокойствия. В случае сборищ с целью помешать или расстроить указанные взимания следует исполнить ст. ст. III, IV и V декрета от 23 февраля с. г. относительно безопасности лиц, собственности и взимания налогов, причем муниципалитеты должны исполнять обязанности, которые выполняются ими указанными статьями, под страхом указанных там наказаний.

VI. Муниципалитеты обязаны наблюдать как за взиманием десятин, так и за употреблением национальных имуществ, каждый в своем районе; следовательно в тех случаях, когда владельцы бенефиций, общества или коммуны не в состоянии будут эксплоатировать десятины или другие имущества, которые не сданы на откуп, или будут пренебрегать взиманием их, они обязаны будут заведывать ими или сдавать их под контракт на нынешний год и отдать отчет о доходе окружному совету. Но они все же не могут помешать исполнению арендного договора под тем предлогом, что он вступает в силу только с этого года.

VII. В случае лишения прав и конфискации движимого имущества, скота и съестных припасов муниципалитеты обязаны составлять протокол и доложить об этом окружному совету для вчинения необходимого иска...

VIII. Никакие владельцы бенефиций, корпорации, коммуны, фабрики, госпитали, дома призрения, колледжи и другие общественные учреждения не могут под каким бы то ни было предлогом отказываться делать декларации, предписанные декретом от 13 ноября 1789 г. или сопротивляться исполнению ст. XII декрета от 14 и 20 апреля с. г., требующего составления инвентаря движимого имущества; в случае, если администрация округа еще не организована, муниципалитеты имеют право к этому приступить. Один только Мальтийский орден не подчиняется правилам об инвентаре; но каждый член этого ордена обязан сделать декларацию относительно имуществ, которыми он владеет во Франции.

IX. Настоящий декрет должен безотлагательно быть представлен на утверждение короля, и председатель уполномочен явиться к его величеству и просить его издать приказ о быстром исполнении. Доклад комиссии о подесятинном налоге будет напечатан, и членам Национального собрания предлагается немедленно послать его своим доверителям вместе с настоящим декретом».

7. Национальные имущества.

А. Значение распродажи национальных имуществ.

(Из книги Ж. Жореса «Учредительное собрание».)

«Каковы были социальные последствия грандиозной экспроприации земельной собственности, принадлежавшей духовенству?..

Революционная распродажа церковных имуществ повлекла за собой тот имевший решающее значение результат, что она сокрушила политическое могущество сил старого режима, уничтожив их земельное могущество. Она усилила сельскую демократию и, употребив экспроприированные церковные и дворянские земельные владения на образование части крестьянской собственности, она придала крестьянской демократии мирской и современный характер. Пусть крестьяне-собственники станут консерваторами в социальном смысле слова. Пусть они останутся привязанными к католической религии; пусть, когда им покажется, что индивидуальной собственности угрожает опасность, или, когда они устанут от агитации городских рабочих, крестьяне на краткое время сблизятся с дворянином и со священником; они никогда не смогут вполне отдаться дворянину и священнику. Их разделяет не только воспоминание о долго длившихся притеснениях и эксплоатации старого режима, о десятине и о хлебном оброке. Живет воспоминание и о великой революционной операции, совершившейся в 1791 г., когда крестьянин понял, что его собственность была бы ненадежна, если бы он вернул всемогущество тем, от которых отнята эта собственность.

Крестьянин проник в аббатства и замки в силу закона и во имя его; во имя закона, под его покровительством и с его поощрения крестьянин в последний раз, накануне торгов, осмотрел части виноградника, небольшой луг, арпан пахотной земли, приобрести которые он стремился. И полученный им документ, удостоверяющий приобретенное им право собственности, имеет законную силу. Это — великая сила для крестьянина, и в дни опасности и реакции она спасет его от колебания и от сомнения.

Ему окажет поддержку еще и то обстоятельство, что его «сообщниками» в этом захвате земельной собственности были крупные и богатые городские буржуа. Подобно ему и более его они покупали церковные имущества и имущества дворян. Конечно не раз тайное огорчение удручало его сердце. Как, этим прекрасным имениям, питавшим праздных дворян и монахов, теперь суждено перейти в руки какого-то неизвестного буржуа, какого-то крупного городского торговца, какого-то банкира? Как, крестьянину не достанется вся земля, не он будет владеть лучшими участками земли? Буржуа займут место аббата и сеньора? Это омрачило радость деревенского населения; но в конце концов, хотя городские буржуа и делали большие покупки, они все же не приобретали всего, и их приобретения являлись порукой крестьянских покупок. От крестьян нельзя было отобрать приобретенные ими участки земли, не отбирая и от богатой и могущественной буржуазии прекрасных имений, в которых она водворилась. Итак революционная буржуазия служила оплотом для крестьян.

С экономической точки зрения распродажа национальных имуществ дала сильный толчок земледелию, весьма оживила деревню. Обширные церковные имения были расчленены; например некоторые сарсские аббатства владели дюжиной ферм; каждая из этих ферм, каждое из этих хозяйств было куплено особым покупателем: владения одного аббатства распределились между десятью и двенадцатью крупными буржуа. А так как каждый из этих буржуа был богат, мог употреблять капиталы на улучшение почвы и удовлетворял свое честолюбие, улучшая ее, то, в самом деле, грандиозный прилив денег и труда внезапно оплодотворил французскую землю.

И с каким страстным рвением крестьянин брался за обработку наконец приобретенной им земли! Благодаря этой деятельности революционной буржуазии и крестьян прогресс земледелия ускорился, и земельное богатство страны возросло. Показания современников не оставляют никакого сомнения на этот счет; достаточно будет привести одно из них: когда Паш, бывший парижским мэром и некоторое время военным министром в 1793 г., был отстранен от должности, и когда он вернулся в свою родную деревню Тэп-ле-Мутье в Арденах, он занялся исключительно сельским хозяйством. В речи, произнесенной им в VII г. (1798 г.) в вольном земледельческом обществе, он мог утверждать, что «жилища, обстановка и ин-

ща девяти десятых граждан улучшились по сравнению с 1789 г.».

Это улучшение коснулось не одних только сельских рабочих. Бесчисленные работы, предпринимавшиеся в связи с постройкой или перестройкой деревенских усадеб для новых владельцев, с постройкой новых зданий, возникавших в городах вместо экспроприированных церковных строений, вызвали оживленный спрос на труд городских рабочих. Для всей нации наступило оживление труда, подъем благосостояния и расцвет надежд, а благодаря этому благополучный ход дел в обновленном обществе отразился и на промышленном пролетариате, хотя он и не получил никаких непосредственных выгод.

Революцию поддержало грандиозное возрастание богатства, и если духовная деятельность, страстная любовь к свободе и знанию, дух отваги и изобретательности, порождаемый великими кризисами, весьма способствовал этому росту национального богатства, то главнейшей его двигательной пружиной послужила революционная экспроприация церковных имуществ».

Б. Состав покупщиков земли в 170 деревнях дистрикта Лаон

(после 1793 г.).

Группа покупателей	Число покупателей	В % к общему числу покупателей	Распределение зем. площади
Земледельцы . . .	474	30,0	3 700 арпан[1]
Виноградари . .	114	7,3	100
Садовники	6	0,3	3½
Поденщики . . .	133	8,4	80
Пастухи	10	0,6	8
Ремесленники . .	354	22,5	627
Занятые промысл.	113	7,2	300
Купцы	192	12,1	600
Городск. буржуа .	116	7,4	1 400
Сельские буржуа	58	3,7	
Фермеры	2	0,1	
Кюрэ	3	0,3	8

В. Перераспределение земельной собственности среди крестьян в деревне Mons en Laonnois за годы революции.

№№ п/п.	Звание покупщиков	До революции		Приобретено до 1792 г.		Приобретено с 1793 г.				Итого приобретено		Общий итог	
		арпан[2]	верж[3]	арпан	верж	арпан	верж	арпан	верж	арпан	верж	арпан	верж
1	Земледелец . . .	1	14	2	83		—		—	2	83	3	97
2	» . . .		86	2	83		—		—	2	83	3	69
3	» . . .		—		—		40		—		40		40
4	Виноградарь . . .	1	42	2	83		—		40	5	23	6	65
5	» . . .		69	3	23		—	2	—	3	23	3	91
6	» . . .		31		—		—		69		69		1
7	» . . .		4		—	1	20		—	1	20	8	20
8	» . . .		—	2	83		—		—		—		—
9	» . . .		—		—		10		—		10		10
10	Поденщик		—	1	80		—		—	1	80	1	80
11	Каменщик		37	3	23		—		—	3	23	3	60
12	Бочар	5	21	3	23		—		17	3	40	8	61
13	Слесарь		—		98		—		10	1	8	1	8
14	»		1	2	83		—		—	2	83	2	84
15	Ткач		—		20		—		—	1	20	1	20
16	Мясник		—	21	8		—		—	21	8	21	8
17	»		—		91		—		—		91		91
18	Столяр		дом		40		—		33		73		73
19	Мельник		—		—	4	—		—	4	97¾	4	97¾
20	Уксусник		47		90		97¾		—		90	1	37
21	Купец		—	1	50		—		—	1	50	1	50
	Итого.	10	52	52	51	6	67¾	3	69	62	87¾	73	39¾

[1] Арпан — старинная мера, колеблющаяся по провинциям в пределах 35 — 51 ар.

[2] Арпан = от 30 до 51 ар; ар=100 кв. метрам.

[3] Верж = 0,01 арпана.

8. Рабочие и предприниматели.

А. Жалоба предпринимателей-плотников Парижскому муниципалитету от 30 апреля 1791 г.

«Господа! бывшие мастера-плотники Парижа оказываются вынужденными донести муниципалитету на собрание рабочих-плотников, бывшее несколько времени тому назад в зале архиепископского дома, вопреки всем законам, чтобы принимать там постановления, во всех отношениях абсолютно противоречащие интересам общественного порядка и жителей Парижа.

На одном из этих совещаний все участники этого необычайного и противозаконного собрания постановили, что плата за рабочий день должна равняться 50 су для самых слабых рабочих, а в начале своих заседаний они поклялись не соглашаться работать за менее высокое вознаграждение и не позволять другим рабочим работать у одного предпринимателя, не подписавшегося под условиями, которые они вознамерились навязывать бывшим мастерам-плотникам. Вследствие подобных постановлений рабочие-плотники, составившие то собрание, о котором идет речь, ворвались в понедельник, 18 апреля, и в следующие дни в разные парижские мастерские и прибегали к насилию, чтобы удалить оттуда тех рабочих, которые мирно трудились там.

Предприниматели-плотники, встревоженные этими притязаниями и этими беспорядками, поспешили донести о них секциям, членами которых они состоят, и прибегнуть к покровительству законов и поддержке муниципалитета, чтобы подавить их и добиться справедливости; из уведомления, развешенного на всех улицах, они узнали, что муниципалитет намеревался положить конец собраниям, результаты которых были столь опасны для города Парижа. Однако ожидание муниципалитета, равно как и надежды предпринимателей, были обмануты. Работники-поденщики упорно продолжают держаться усвоенной ими системы; они злоупотребляют тем, что положение некоторых предпринимателей, берущихся за плотничьи работы, заставляет их соглашаться на вынужденные жертвы, чтобы продолжать постройки, которые они обязались выполнить, и ставить себя в зависимость от собрания рабочих.

Общественный интерес, те обстоятельства, которые мастера-плотники приняли на себя по отношению к собственникам, с которыми они заключили контракты, и боязнь, что опасность может увеличиться каждую минуту, — все вменяет им в непременную обязанность поставить на вид муниципалитету, что пора принять действительные меры для уничтожения источника стольких беспорядков, которые вскоре стали бы тягостными для всех классов общества и причинили бы непоправимые несчастья.

В самом деле, господа, как согласовать с обстоятельствами произвольное повышение цен, уплачиваемых за плотничьи работы? Неужели же рабочие могут предъявлять подобное требование в данный момент, когда цены всевозможных товаров, и в особенности наиболее необходимых, должны значительно упасть? Предприниматели не имеют права согласиться располагать таким образом состоянием собственников и лишить их выгод, доставляемых уничтожением ввозных пошлин, которые они отчасти уплачивают иным образом.

Они не должны соглашаться принимать рабочих, сговорившихся на собрании, которое дало бы им какое ему угодно количество каких ему заблагорассудится рабочих по произвольно установленной им цене. Кто гарантирует предпринимателям, что им не дадут батраков вместо плотников, раз это собрание получило бы возможность взимать поборы с тех лиц, которым оно доставило бы работу? Предприниматели, принявшие на себя обязательства при данных ценах или взявшие подряды на постройки с публичных торгов за сравнительно низкую плату, не могут выдержать этого повышения цен. В таком же положении находятся и другие, так как при расчете с ними это повышение цен не было бы принято в соображение. Итак внезапное повышение заработной платы плотников на целую треть неосуществимо.

Однако застой в плотничьих работах сделает невозможным продолжение работ для других рабочих, занятых постройкой домов. Значительное количество работников и плотников устремится снова на общественные работы, так что расходы на эти последние возрастут. Это причинит ущерб еще и в другом отношении: когда постройка доведена до первого потолка, каменные и плотничьи работы должны итти рука об руку, чтобы можно было довести постройку до кровли, а так как это не было сделано к наступлению зимы, то из этого вытекает весьма значительный ущерб для собственника вследствие недостаточной прочности строений.

Рабочие не должны быть рабами; но, коль скоро они выражают желание, вредное для общества, и несправедливую претензию, закон и общественная сила должны заставлять их выполнять их обязанности.

Коалиция, сегодня оказывающая давление на общую волю, завтра может предъявить еще более преувеличенные претензии; администрация должна как можно скорее поставить ей преграду.

Не должно существовать никаких коалиций, никаких общеустановленных цен: конкуренция будет естественным путем определять взаимные интересы.

Исходя из этих соображений, бывшие мастера-плотники требуют:

во-первых, чтобы муниципалитет предписал уничтожение и закрытие собрания рабочих поденщиков-плотников, так как они не законные и так как они нарушают право человека и посягают на индивидуальную свободу;

во-вторых, чтобы муниципалитет объявил не имеющими никакой силы все постановления, решения, регламенты и приговоры, которые это собрание позволило себе выработать или принять каким бы то ни было образом и против кого бы то ни было;

в-третьих, чтобы муниципалитет вытребовал себе для рассмотрения и принятия соответственных мероприятий протоколы, в которых записаны вышеуказанные постановления собрания».

Б. Отчет рабочих-плотников.

(Петиция рабочих-плотников Парижа Национальному собранию.)

(Извлечения.)

«Господа! 14 апреля рабочие-плотники, вполне подчиняясь законам, собрались, предупредив предварительно муниципалитет. Собравшись, они пригласили предпринимателей совместно с ними выработать постоянные регламенты относительно рабочего дня и заработной платы; но предприниматели отвергли приглашение под тем предлогом, что они не считают этого собрания законным. Рабочие, увидя, что даже те, которые, будучи обязаны им своим состоянием, должны были бы дорожить ими и уважать их, относятся к ним с презрением, дали им почувствовать всю несправедливость их поведения всеми теми способами, которые диктовались благоразумием, и при этом они не вышли из пределов, предписанных законом, надеясь, что предприниматели скорее решатся совместно с ними выработать предложенные регламенты.

Рабочие, бесполезно прождав несколько дней, сочли своим долгом предупредить беспорядки, которые могли бы явиться результатом упорства предпринимателей.

Поэтому рабочие сказали: публика не должна страдать от их злой воли; обеспечим ей наши руки на таких условиях, которые не были бы чрезмерны, но абсолютно соответствовали бы требованиям справедливости. Что же произошло вследствие этого? Некоторые из рабочих нашли заказы, взялись за их выполнение и сами предложили платить напятым ими работникам не менее пятидесяти су за рабочий день. Кроме того они выразили желание иметь постоянные регламенты для того, чтобы получить возможность договариваться с собственниками, основывая свои расчеты на солидных данных. В действительности это было не что иное, как добровольное соглашение, но прежние предприниматели называют его сговором. Чтобы удовлетворить желание, выраженное новыми предпринимателями, рабочие составили регламент, все восемь параграфов которого были признаны настолько справедливыми, что все новые предприниматели и большая часть рабочих пожелали подписать их. Спрашивается, могут ли регламенты осуществляться без ущерба для собственников и для законной и умеренной прибыли предпринимателей? Но недостаточно того, что эти регламенты были составлены компетентными людьми данной профессии; они должны были быть одобрены всеми заинтересованными сторонами.

Ввиду этого рабочие представили их г-ну мэру и попросили его принять на себя роль посредника в этом деле и пригласить бывших мастеров присоединиться к рабочим для совместного установления размера вознаграждения за рабочий день. Что касается обвинений, высказанных бывшими мастерами, то рабочие не считают нужным отвечать на них еще что-нибудь, кроме вышеизложенного. Эти обвинения совершенно не доказаны и не обоснованы.

И это небольшое число бывших предпринимателей-плотников, ужаснувшихся того, что они лишились прежде принадлежавшего им возмутительного права давать рабочим только то, что им заблагорассудится, и быстро наживаться на счет таланта и труда вышеупомянутых рабочих, обратилось с жалобой к департаменту полиции и в муниципалитет и не преминуло донести на рабочих, как на врагов законов, порядка и общественного спокойствия».

В. Письмо рабочих Марату.

(Газета Марата «Друг народа» № 487 от 17 июля 1791 г.)

«Друг народа! Дорогой пророк, истинный защитник класса неимущих! Позвольте рабочим раскрыть вам все те притеснения и гнусности, которые придумывают наши подрядчики-строители, чтобы возмутить нас, доводя нас до отчаяния. Не довольствуясь тем, что они скопили огромные состояния за счет бедных рабочих, эти алчные угнетатели, вступившие в соглашение друг с другом, распространяют о нас гнусные сплетни, чтобы отнять у нас работу (рабочие сорганизовались с новыми предпринимателями, принявшими их условия); их бесчеловечность дошла до того, что они обратились к законодателю, чтобы добиться издания против нас варварского декрета, обрекающего нас на голодную смерть.

Эти гнусные люди, в праздности пожирающие плоды тяжелого труда рабочих и никогда не оказывающие никаких услуг нации, прятались в подземельях 12, 13 и 14 июля. Когда они увидели, что класс неимущих один совершил революцию, они вышли из логовищ, чтобы третировать нас как разбойников; затем, увидев, что опасности миновали, они начали интриговать в дистриктах, чтобы подцепить местечки: они облеклись в мундиры и эполеты; в настоящее время, считая себя более сильными, они желали бы подвергнуть нас жесточайшему угнетению; они давят нас беспощадно и не испытывают никаких угрызений совести.

Вот, дорогой друг народа, некоторые из тех невежественных, алчных и ненасытных угнетателей, на которых нам указывают сен-женевьевские рабочие:

Понсе, строитель новой церкви святой Женевьевы, родом из Шклопа на Сене, извозчик по профессии, ничего не смыслящий в архитектуре, но настолько постигший искусство грабить, что он нажил 90 тыс. ливров дохода за счет своих рабочих.

Кампион, родом из Кутанса, бывший сперва рабочим в Париже, а ныне, несмотря на свое крайнее невежество, ставший строителем церкви Спасителя, мошенничеством присвоивший себе отель Табареп и получающий в настоящее время 90 тыс. ливров дохода.

Кильо, женившийся на уличной женщине и каким-то непонятным образом сделавшийся строителем, получающий теперь 50 тыс. ливров дохода.

Бьевр, родом из Аржантона, приказчик г. Роланда и компании, которых он разорил своими нелепыми подрядами при постройке торговой палаты, но наживший себе 30 тыс. ливров.

Монтиньи, родом из Аржайтона, которому поручена перестройка больницы для слепых в Сен-антуанском предместьи и которому принадлежат три роскошных дома в Париже.

Шаваньяк, из Лимузена, прибывший в Париж в деревянных башмаках, а теперь получающий более 40 тыс. дохода.

Конефф, первостепенный плут, которому недавно была поручена выдача заработной платы рабочим каменоломен, которому была подчинена объезжая команда и который обокрал государство более чем на два миллиона; он построил себе блестящие магазины в Куртиле; он всегда плохо обращался с рабочими и обсчитывал их.

Делабри, сын торговца известью в Лиможе, начавший барышничать при постройке итальянской комедии, получающий теперь более 40 тыс. ливров дохода.

Гобер, человек невежественный, грубый и неспособный, укравший более 200 тыс. ливров при постройке домов и затем построивший себе на бульваре дома, стоящие более 500 тыс. ливров.

Перо, рабочий из Бургундии, пользовавшийся покровительством администраторов госпиталя за то, что он женился на побочной дочери покойного Бомона, архиепископа парижского; он только что перестал заниматься делами, нажив себе 200 тыс. ливров дохода.

Ружевен, рабочий из Шампани, ставший строителем пять лет назад и уже получающий 50 тыс. ливров дохода.

Таковы источники скандального обогащения наших вампиров. Поверите ли вы, что несмотря на их богатства, они до такой степени жадны, что стараются уменьшить нашу поденную плату, установленную администрацией и равняющуюся 48 су; они не желают принять в соображение, что мы имеем занятие самое большее в продолжение шести месяцев в году, так что наш заработок сводится к 24 су в день, причем на эту ничтожную сумму мы должны питаться, платить за квартиру, одеваться и содержать наши семьи. Благодаря этому, после того как мы истощили свои силы, служа государству, подвергались дурному обращению со стороны наших начальников, ослабели от голода и переутомились, нам часто не остается иного исхода, кроме того как доживать остаток дней в Бисетре, между тем как наши вампиры обитают в дворцах, пьют изысканнейшие вина, спят на пуховиках, разъезжают в золоченых экипажах, предаваясь наслаждениям, забывают среди окружающей роскоши о наших несчастьях и часто отказываются заплатить семейству рабочего, раненого или убитого в полдень, заработную плату за день.

Примите же наши жалобы, дорогой друг народа, и поддержите наши справедливые требования в эти моменты отчаяния, когда мы видим, что наши надежды обмануты: ведь мы льстили себя надеждою, что выгоды, доставляемые новым порядком вещей, выпадут и на нашу долю и что наша участь станет легче...».

Подписано всеми рабочими новой церкви Сен-Женевьевы, числом 560.

Париж, 8 июня 1791 г.

9. Закон ле-Шапелье от 14 июня 1791 г.

«Я пришел от имени конституционного комитета сообщить вам о попытках нарушить конституционные принципы, отвергающие корпорации. Нарушение этих принципов несет большую опасность для публичного порядка. Многие лица хотят воссоздать ликвидированные корпорации, образуя организации ремесла, профессии, в которых они назначают президентов, секретарей, синдиков и др. должностных лиц.

Цель этих организаций, которые все больше распространяются в королевстве и уже вступают между собою во взаимные связи, — принудить предпринимателей, так называемых мастеров, к повышению заработной платы, помешать рабочим и отдельным предпринимателям, дающим им работу в своих мастерских, заключать между собою договоры по своему усмотрению и добиться того, чтобы они своей подписью обязались подчиняться тем постановлениям относительно уровня заработной платы и рабочего регламента, которые рабочие собрания позволяют себе составлять. Не останавливаются даже перед применением силы, чтобы добиться принятия этих условий. Если рабочие довольны своими заработками, их все же заставляют покидать мастерские. Эти мастерские должны стоять пустые. И действительно, некоторые мастерские уже приостановили работы, и в разных местах происходили всевозможные беспорядки.

Необходимо сказать: нет более корпораций в государстве, нет более частных интересов, есть только интерес общий. Никому из граждан не может быть разрешено сговариваться о своих групповых интересах, отделять себя от общества корпорациями...

Наш комитет (конституционный комитет) полагает, что пора принять меры против дальнейшего распространения беспорядков. Эти злосчастные союзы уже повели к тому, что в Париже возник союз под названием «Общество обязанностей», который подвергает всяческим преследованиям каждого, кто не признает «обязанностей», т. е. рабочего распорядка, установленного этим обществом. И мы имеем все основания предполагать, что рабочие побуждаются устраивать эти сходки не столько стремлением достигнуть посредством своих союзов повышения поденной платы, сколько тайным намерением вызвать беспорядки...

Итак мы должны возвратиться к тому принципу, что задача свободного договора найма, который одно лицо заключает с другим, заключается в том, чтобы определить уровень платы отдельного рабочего, и что, следовательно, рабочий безусловно должен соблюдать соглашение, которое он заключил с лицом, дающим ему работу. Теперь я не стану касаться вопроса, соответствует ли разумным требованиям теперешняя заработная плата; я должен только признаться, что, как мне кажется, она должна быть несколько выше, чем в настоящее время.

То, что я сказал, совершенно справедливо; у свободной нации заработная плата должна быть достаточно высокой для того, чтобы получающий ее находился в полной зависимости, вытекающей из неимения необходимейших средств существования и представляющей не что иное, как почти настоящее рабство. Несомненно, английские рабочие оплачиваются лучше, чем французские. Итак, не касаясь существующего размера заработной платы, я повторяю еще раз: определение ее — дело свободного соглашения отдельных лиц, и потому конституционная комиссия признала необходимым предложить вам соответствующий декрет».

«Статья I. Так как уничтожение всякого рода корпораций одной и той же профессии и сословия является одной из главных основ французской конституции, то воспрещается под каким бы то ни было предлогом и в каких бы то ни было формах вновь создавать таковые корпорации.

Статья II. Граждане одного и того же состояния или ремесла, предприниматели и владельцы магазинов, рабочие и подмастерья какого бы то ни было ремесла не имеют права, собравшись, избирать председателей, секретарей и делопроизводителей, вести списки, устраивать совещания, принимать постановления и издавать какие бы то ни было распоряжения, касающиеся их воображаемых общих интересов.

Статья III. Всем властям и коммунальным учреждениям воспрещается принимать какие-либо записки или петиции, подаваемые от имени того или иного сословия (профессиональной группы) или ремесла и давать на них какой-либо ответ. Напротив, им предписывается объявлять все совещания указанного рода не имеющими силы и заботливо наблюдать за тем, чтобы их постановлениям не подчинялись и не приводили их в исполнение.

Статья IV. Если граждане одной и той же профессии или одного и того же искусства или ремесла устраивают между собою совещания и заключают договоры, сводящиеся к тому, что они сообща отказываются от работы в своей отрасли промышленности или труда и соглашаются работать только за определенную, устанавливаемую ими плату, то все такие совещания и соглашения, устраиваются ли они тайно или нет, должны быть объявлены противными конституции и преступками против свободы и прав человека. Что же касается инициаторов, коноводов и подстрекателей, которые предлагали устраивать таковые соглашения, составляли их или председательствовали при совещаниях, то они по предложению коммунального прокурора должны предаваться суду полиции и присуждаться к денежному штрафу в 500 ливров, а также к лишению сроком на один год всех прав активного гражданина и права участвовать в первичных избирательных собраниях.

Статья V. Запрещается всем административным и муниципальным властям, под их личной ответственностью, допускать принятие на службу и предоставление работы, особенно общественной работы, тем предпринимателям, рабочим и подмастерьям, которые будут распространять и подпишут вышеназванные постановления, кроме того случая, когда они по собственному побуждению явились бы в полицейское присутствие, чтобы их видоизменить или отклонить.

Статья VI. Если в собраниях и на сходках будут сделаны угрозы против таких посторонних предпринимателей, ремесленников, рабочих или поденщиков, которые возьмут работу в данном месте или согласятся удовлетвориться более низкой заработной платой, или если такие угрозы будут распространены расклейкой афиш и посланиями, то инициаторы, зачинщики и подписавшиеся под такими документами наказываются денежным штрафом в 1 000 ливров и тюремным заключением на три месяца.

Статья VII. Если личная свобода предпринимателей и рабочих будет подвергнута угрозам и насилию со стороны этих союзов, виновники будут преследоваться в уголовном порядке и наказаны по всем строгостям законов, как нарушители общественного спокойствия.

Статья VIII. Все публичные собрания ремесленников, подмастерьев, рабочих и поденщиков, направленные против той свободы занятий в ремесле, которая предоставляется конституцией, против заключенных условий труда всякого рода, против мер, принимаемых полицией, а также против исполнения состоявшихся судебных приговоров по делам того же рода, должны рассматриваться как бунтовщические скопища и подлежат, как

таковые, судебному преследованию. Инициаторы, главари и подстрекатели таковых скопищ, а в особенности лица, учинившие насилия, подлежат наказанию по всей строгости закона».

10. «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г.

«Представители французского народа, составляющие Национальное собрание, полагая, что неведение, забвение или презрение прав человека являются единственными причинами общественных бедствий и порчи правительств, постановили изложить в торжественной декларации естественные, неотчуждаемые и священные права человека, чтобы эта декларация, будучи постоянно в виду всех членов общественного тела, непрерывно напоминала об их правах и обязанностях, — чтобы действия законодательной и исполнительной властей, будучи ежеминутно сравниваемы с целью всякого политического учреждения, через то были более уважаемы, — чтобы требования граждан, отныне основанные на простых и бесспорных принципах, всегда были направлены к поддержанию конституции и всеобщему счастью.

В силу этого Национальное собрание признает и объявляет пред лицом и под покровительством верховного существа следующие права человека и гражданина:

I. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах: социальные различия могут быть основаны только на общей пользе.

II. Цель всякого политического союза есть сохранение естественных и неотчуждаемых прав человека; права эти: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

III. Принцип всей верховной власти пребывает существенным образом в нации; никакое учреждение, никакое лицо не может осуществлять власти, не происходящей прямо от нации.

IV. Свобода состоит в праве делать все, что не вредит другому; таким образом пользование своими естественными правами со стороны каждого человека не имеет иных границ, кроме тех, которые обеспечивают за остальными членами общества пользование теми же правами; границы эти могут быть определены только законом.

V. Закон может запрещать лишь действия, вредные для общества; все, что не воспрещено законом, дозволено, и никто не может быть принужден к тому, чего не предписывает закон.

VI. Закон есть выражение общей воли; все граждане имеют право лично или через представителей участвовать в издании законов; закон должен быть равный для всех, имеет ли он целью защиту или наказание. Так как все граждане перед ним равны, то они должны быть допускаемы одинаково ко всем званиям, местам и общественным должностям соответственно своим способностям и без всяких иных различий, кроме тех, которые имеются в их добродетели и талантах.

VII. Никто не может быть обвинен, задержан или заключен иначе, как в случаях, определенных законом и по предписанным им формам; те, которые испрашивают, отдают, исполняют или заставляют исполнять произвольные повеления, подлежат наказанию; но каждый гражданин, вызванный или арестованный в силу закона, должен немедленно повиноваться: сопротивляясь, он становится виновным.

VIII. Закон должен устанавливать наказания только строгие и, очевидно, необходимые, и никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, установленного и обнародованного до преступления и законно примененного.

IX. Так как каждый человек предполагается невинным, пока его не объявят на суде виновным, то, в случае необходимости его ареста всякая строгость, которая не нужна для обеспечения за судом его личности, должна быть строго подавляема законом.

X. Никто не должен быть тревожим из-за своих мнений, даже религиозных, лишь бы их проявление не нарушало установленного законом общественного порядка.

XI. Свободная передача мыслей и мнений есть одно из самых драгоценных прав человека; следовательно, каждый гражданин может свободно говорить, писать, печатать, под условием ответственности за злоупотребления этой свободой в случаях, определенных законом.

XII. Для обеспечения прав человека и гражданина нужна общественная сила; таким образом эта сила установлена в интересах всех, а не ради частной выгоды тех, кому она вверена.

XIII. Для содержания общественной силы и для расходов администрации необходимо общее обложение; налоги должны быть распределены

равномерно между гражданами сообразно с их средствами.

XIV. Все граждане имеют право лично или через своих представителей определять необходимость общественных налогов, свободно на них соглашаться, следить за их употреблением, устанавливать их размер, основные раскладки, способ взимания в срок.

XV. Общество имеет право требовать отчета у каждого публичного агента своей администрации.

XVI. Каждое общество, в котором не обеспечена гарантия прав и не установлено разделение властей, не имеет конституции.

XVII. Так как собственность есть ненарушимое и священное право, то никто не может быть ее лишен кроме тех случаев, когда того явно требует законно засвидетельствованная общественная необходимость, притом — под условием справедливого предварительного вознаграждения».

11. Протест Марата против военного закона.

(«Друг народа» № 34, 10 ноября 1789 г. Военный закон против народных сборищ был издан 21 октября 1789 г.)

«Нет такого бедствия, нет такого посягательства, которые бы не были вызваны этим пагубным декретом.

Приказывая войскам итти против собравшихся граждан, этот декрет уничтожает нацию, которая существует только как совокупность отдельных личностей. Жестоко поступая с офицерами и солдатами, которые отказываются притеснять своих отцов, этот закон разъединяет граждан; он одних противопоставляет другим и заставляет их друг друга убивать. Какую бешеную ярость вселило в представителей коммуны его отравленное дыхание. Безумные, думаете ли вы, что куском красного полотна вы укроетесь от общественного негодования! Думаете ли вы, что несколько сбитых с толку слуг тирана защитят вас от справедливого гнева наших сограждан? Народ не продается никогда, и армия тоже не станет себя больше продавать. Подкупаемая государем, армия перешла на сторону нации; подкупаемая муниципалитетом, она перейдет на сторону народа. Этого требует разум. Это — плод просвещения. Эти прописи пока бросаются в глаза лишь искушенным философам. Скоро они станут ясны. Народ уже чувствует тяжесть вашего ига. Он уже вникнет вас в своих несчастиях. И если он вас захватит врасплох на месте вашего преступления, он разделается с вами навсегда. Вспомните децемвиров; их правление было кратковременно, ваше будет длиться еще меньше: вы подражаете их преступному поведению, и я вам предсказываю их конец.

Робкие граждане, люди, любящие свой покой, сосущие кровь из государства, и плуты, живущие всеобщим обманом, ничего не боятся так, как народных мятежей, которые с победою нового строя грозят их благополучию. Поэтому они постоянно восстают против энергичных призывов, против пылких речей, одним словом, — против всего, что может дать живо почувствовать народу его нищету и напомнить ему о его правах.

Вот мораль людей, достойных и могущественных. Посреди злоупотреблений властью и ужасов тирании они говорят только для того, чтобы успокоить народ; они работают только для того, чтобы помешать ему предаться справедливому гневу.

Они пользуются для этого сильными и весьма простыми доводами, которыми производят весьма сильное впечатление на людей ограниченных, но не на людей образованных. Я говорю о трагических сценах, которыми почти всегда сопровождаются восстания.

Какой бы ужас ни наполнял их душу и как бы они ни старались передать его другим, вот несколько мыслей, которые должны способствовать успокоению рассудительных умов.

Прежде всего народ восстанет лишь тогда, когда тирания повергнет его в отчаяние. Сколько зла он переносит молча, прежде чем приняться за мщение! И его мщение всегда справедливо в принципе, хоть и не всегда проявляется достаточно сознательно, в то время как причиной притеснений, которые он переносит, являются только преступные страсти тиранов.

И затем можно ли сравнить то небольшое количество жертв, которое народ приносит во время восстания во имя справедливости, с бесчисленным множеством подданных, которых деспот повергает в нищету или приносит в жертву своей жадности, честолюбию или просто капризам? Что составляют те несколько капель крови, которые народ пролил за время пышной революции для возвращения своей свободы, в

сравнении с потоками крови, пролитыми Тиберием, Нероном, Калигулой, Каракаллой, Коммодом, в сравнении с потоками, пролитыми религиозным неистовством Карла IX, преступным честолюбием Людовика XIV? Что такое несколько разграбленных в течение одного дня домов в сравнении с поборами, гнет которых нация переносила в течение 15 веков под владычеством трех королевских династий? Что такое разорение нескольких человек в сравнении с миллиардами людей, пущенных по миру дельцами, кровопийцами и расхитителями общественного достояния?

Отбросим предрассудки и посмотрим.

Философия приготовила, начала и способствовала современной революции — это бесспорно. Но писаний недостаточно, нужны действия. Чему же мы обязаны свободой, как не народным мятежам?

Народное восстание, начавшееся в Пале-Рояле, привлекло на свою сторону армию и превратило в граждан 200 тыс. человек, которых власть сделала наемниками и которых она хотела сделать убийцами.

Народное восстание, начавшееся на Елисейских полях, пробудило к мятежу всю нацию, низвергло Бастилию, уберегло Национальное собрание, сорвало заговор, предупредило разграбление Парижа, помешало пожару превратить Париж в пепел, а его жителям потонуть в крови.

Народное восстание, начавшееся на толкучке Нового рынка, сорвало второй заговор (5—6 октября), помешало бегству королевского двора и таким образом предотвратило неминуемую гражданскую войну.

Только восстания подавили фракцию аристократов Генеральных штатов, против которых бессильны философия и авторитет монарха. Они принудили террором фракцию аристократов выполнить свой долг; они ее заставили присоединиться к патриотической партии и соперничать с ней в деле спасения отечества.

Последите за законодательством Национального собрания и вы увидите, что оно становится активным только после некоторого народного волнения, что оно издает хорошие законы лишь после мятежа, а в периоды спокойствия и безопасности эта ненавистная фракция не упускала случая, чтобы внести какое-либо ограничение в конституцию или провести какой-нибудь пагубный декрет.

Исключительно восстаниями мы обязаны всему: и падению наших тиранов, и падению их фаворитов, креатур, наемников, приниженью великих и возвышению малых, возврату свободы и правильным законам, которые ее защищают, охраняют наш покой и счастье.

Военный закон, запрещающий сборища, мог быть предложен только врагом общественного блага; его могли провести только изменники родине; его могли одобрить только сторонники тирании. Пусть они согласятся с этой оценкой, если не предпочитают получить прозвище дураков!

Враги, которые меня преследуют, могут мне ставить в вину подобную доктрину; но я ее проповедую по долгу совести и не откажусь от нее, даже если бы пришлось сложить голову на эшафоте.

Чувствительные сердца! Они видят только несчастье нескольких лиц, жертв скоропреходящего восстания; они жалеют только о казни (вполне заслуженной) нескольких преступников. Я же вижу только несчастья, бедствия великого народа, отданного во власть тиранов, закованного в цепях, обкраденного, притесненного, угнетенного, избиваемого в течение целых столетий.

Кто более прав, более гуманен, более патриотичен — они или я? Они стараются усыпить народ, я силюсь его разбудить; они ему дают опиум, я же лью сильную струю воды на его раны и буду лить до тех пор, пока народ не получит свои права, пока он не станет свободен и счастлив.

Не иметь своей собственной точки зрения и предлагать военный закон — это значит подражать англичанам, а граф Мирабо не такой человек. Как бы то ни было, мы обязаны ему некоторым образом.

Военный закон против собраний хорош, превосходен, восхитителен, если установленная конституция справедлива, мудра и совершенна и если представители власти преданы своему долгу; тогда этот закон препятствует тревожным беспокойным личностям возбуждать народ к ниспровержению существующего строя и становится самым прочным оплотом свободы и счастья.

Но когда нация пытается разбить свои оковы, когда она борется против своих врагов, засевших во все учреждения и пытающихся повергнуть ее в анархию или вовлечь в рабство, чтобы можно было ее сколько угодно тира-

нить, — в такое время военный закон есть не что иное, как медная стена, воздвигнутая вокруг пропасти, куда ввергнут народ.

Мирабо! Если бы это было единственное зло, которое ты сделал Франции, то твое имя все-таки должно было бы внушать ужас всем добрым гражданам; и если бы единственным добрым делом Робеспьера было сопротивление этому закону, то все-таки его имя осталось бы дорогим навсегда».

12. Петиция о низложении короля от 17 июля 1791 г.

«Представители нации!

Вы заканчивали ваши работы; вскоре ваши наследники, избранные народом, пошли бы по вашим стопам, не встречая уже на своем пути тех препятствий, которые создавали депутаты двух привилегированных сословий, неизбежно оказавшиеся врагами всех принципов святого равенства. Совершается великое преступление: Людовик XVI бежит; он недостойно покидает свой пост, государство едва не стало жертвой анархии. Граждане задерживают его в Варенне; он привезен обратно в Париж.

Население этой столицы убедительно просит вас не высказываться относительно судьбы преступника, не выслушав мнения остальных восьмидесяти трех департаментов.

Вы расходитесь во мнениях.

В собрание присылается множество адресов; все секции государства разом требуют, чтобы Людовик был предан суду. Вы, господа, заранее решили, что он невинен и неприкосновенен, объявив в вашем вчерашнем декрете, что конституционная хартия будет представлена ему после того, как конституция будет окончательно выработана.

Законодатели, не таково было желание народа, и мы полагали, что ваша величайшая слава и даже ваша обязанность заключалась в том, чтобы служить органами общественной воли.

Не подлежит сомнению, господа, что нас побудила принять это решение толпа непослушных депутатов, заранее протестовавшая против какой бы то ни было конституции; но, господа представители благородного и простого народа, вспомните же, что двести тридцать протестовавших (депутаты правой, заявившие после ареста короля, что они перестают принимать участие в работах) уже не могли голосовать в Национальном собрании; следовательно этот декрет не имеет силы как формально, так и по существу дела; по существу дела потому, что он противоречит воле суверена, а по форме потому, что вотирован 290 лицами, не имеющими права участвовать в голосовании.

Все эти соображения, клонящиеся к общему благу, непреодолимое желание избежать анархии, которую повлек бы за собой недостаток гармонии между представителями и теми, которых они представляют, — все это заставляет нас требовать от вас, от имени всей Франции, чтобы вы отменили этот декрет, приняли в соображение, что преступление Людовика XVI доказано, что король отрекся от престола, приняли его отречение и созвали новую учредительную власть, чтобы истинно национальным путем приступить к суду над виновными, а главное, к замене и организации новой исполнительной власти».

13. «Прошение Марата отцам-сенаторам или основательные требования тех, кто ничего не имеет, к тем, кто имеет все».

«Отцы-сенаторы!

Нация состоит из 25 млн. человек, мы одни составляем больше двух третей этого числа, а нас в государстве не ставят ни во что, или если в высоких ваших декретах идет речь о нас, то лишь для того, чтобы принижать, мучить и утеснять нас.

При старом порядке подобное небрежение, подобное обращение с вашей стороны не показалось бы нам слишком странным; мы жили под господами, для которых нация вся целиком заключалась в их сердце; в их глазах мы были ничто, и они удостаивали вспомнить нас только для того, чтобы вырвать у нас плоды наших трудов или вырядить нас в свою колесницу.

Времена эти миновали; но что же мы выиграли от этого? В первые дни революции, которая так вскружила всем головы, которая вызывала такие клики радости, которая заставляла служить столько молебнов, — этой революции, которую столько перьев превозносило до небес, которую столько раз праздновали и на которую столько дураков по сию пору ди-

вятся, — в первые ее дни сердца наши на мгновение открылись для радости; мы убаюкивали себя надеждой, что наши бедствия закончились, что наша судьба переменилась.

Как бы ни были удачны перемены, происшедшие в государстве, все они только для богатых; к бедняку небеса всегда были и всегда останутся скупыми.

Отцы-сенаторы! Вы зоветесь народными депутатами, вы уверяете, что радели о его интересах, обеспечивали его права. Ну, а что же вы сделали для нас? Трудились над освобождением нации, конечно, скажете вы? Хорошо. Но какое же значение имеет политическая свобода для нас, которые никогда ее не знали и никогда не будут знать? Она имеет ценность лишь в глазах мыслителя, который хочет научить людей, публициста, который хочет составить себе имя, и граждан, которые не хотят над собой никакого господина, а у нас, бедных, обездоленных, совершенно нет времени на размышление [1]; мы редко вмешиваемся в государственные дела, а когда это с нами случается, наше участие может быть лишь таким, как участие зрителей в театральной пьесе или лицедеев в опере.

Что касается гражданской свободы, то мы никогда как следует ею не наслаждались и никогда полнее не будем наслаждаться. К чему обманывать себя? При теперешнем якобы господстве свободы нам живется еще гораздо хуже, чем при господстве рабства. Мы во сто раз больше терпим обид от гнусных сообщников мелких наших тиранов, чем терпели от посягательств приспешников деспота, — и мы не знаем, кому жаловаться, у кого просить защиты. Комиссары наших округов, наши мировые судьи, наши муниципальные чиновники переменили только имя: это те же прежние квартальные комиссары, прежние приказные, прежние королевские чиновники; в новой администрации находишь большинство лиц, входивших в состав прежней, либо других интриганов, других честолюбцев, других плутов, еще хуже прежних, и таких же слуг старого порядка, которые обдирают, грабят нас, утесняют и прижимают, сколько им угодно, среди бела дня врываются в наши дома и под покровом ночи насильственно отрывают нас от наших очагов. Наши полицейские суды и суды окружные составлены так же скверно, как наши прежние уездные и областные суды. Да и то сказать! Прежде у нас было пятьсот тысяч мелких тиранов, теперь миллион угнетателей; отцы-сенаторы, вы отдаете нас, беззащитных, целиком в их руки, и по тому, как мало заботились вы о нашей безопасности, о нашем спокойствии, мы сквозь все лживые положения о свободе, сквозь все великие слова о равенстве чинов и состояний отлично видим, что в ваших глазах мы как были, так и остались сволочью.

Наконец, что касается домашней свободы, то ведь ее не может быть для того, кто ничем не владеет, — следовательно жребий, нас ожидающий, — это вечное рабство; прикованные таким образом целый день к своей работе, ремесленники и слуги, мы являемся лишь орудием в руках сурового и властного господина.

Вы знаете, что это бесценное благо свободы, которым вы собираетесь наслаждаться, создано не для нас; в этом отношении мы так же чужды революции, как если бы мы вовсе не входили в состав государства.

Вы уделили много внимания собственности, поставленной вами под защиту законов; но как мало значат все эти установления для человека, которому не приходится вести дела, не приходится защищать интересы. Да и какое значение может иметь для неимущего сама собственность?

Вы разрушили наследственные привилегии, вы внесли больше равенства в гражданское состояние первых разрядов граждан, больше соразмерности в распределение налогов. Все эти формы, выгодные для вас, столь же чуждыми являются для нас. Лучше распределив налоги на состояния, вы сохранили всю тяжесть их для бедняка; хлеб, который он ест, вино, которое он пьет, ткань, в которую он одевается, обложены тяжелыми налогами. Как же вы не почувствовали, что справедливость требовала изъять от обложения тех, у кого ничего нет? Как же вы не почувствовали, что вместо взимания налога надо, наоборот, отпускать средства тому, кого нужда поставила ниже уровня физических потребностей [1].

Вместо того чтобы притти нам на помощь, вы жестоко обобрали нас. Церковное имуще-

[1] Что сталось бы с нациями, если бы бедняки прониклись своими правами, как иные философы, если бы размышление распаляло в них сознание ужасного своего положения? (Прим. Марата).

[1] Эти доводы выводил г. Шапелье при обосновании декрета (прим. Марата).

ство было достоянием бедных; вы его отняли у них на нелепые затеи правительства, на расточение министрам, на расхищение управителей, на скандальную пышность двора, на мотовство, мошенничество и разбой государственным вампирам. Вы намеревались устранить злоупотребления духовенства; и все-таки из того имущества, которое принадлежит нам, жезлоносцы и митроносцы удержали огромную долю: при этом они изъяты от обязательства уделять нам хотя бы малейшую часть этого имущества; они владеют им на правах собственности, под видом жалованья, для доставления себе тех удобств жизни, к которым они привыкли. Но что еще хуже, вы сохранили за ними при отставке те же огромные оклады на тот случай, если им надоест выполнение обязанностей святого их служения. Когда читаешь ваши декреты о лицах, занимающих церковные должности, об епископах и архиепископах с сохранением в различных случаях всего содержания, с прибавлением или вычетом четверти, трети или половины оклада, получаешь представление, что мы какие-то раввины, приводящие в порядок ростовщические счета.

Наконец из этого же церковного имущества, отнятого у бедных под предлогом уплаты государственных долгов, у нас оторвали пятнадцать миллионов на голодающих всего королевства; при напряженной работе в благотворительных мастерских придется по тридцати пяти су на душу, уплачиваемых всего один раз; между тем вы же ассигновали от себя девятнадцать миллионов на окончательную уплату долгов негодяя, близкого к престолу, скандального расточителя, чье грязное распутство является далеко не самым крупным проступком врага отечества, который в конце концов превратился в гнусного заговорщика [1].

Каково же заключение? Все те преимущества, которые богачи находят в своих владениях под защитой наших узаконений, существуют не для нас; и в этом отношении так же мы остаемся столь же чуждыми революции, как если бы вовсе не входили в состав государства.

До сих пор новый порядок вещей целиком идет на пользу богачей и интриганов; но это лишь одна часть их преимуществ. Отцы-сенаторы, вы якобы радели с особой заботой о равноправии всех граждан в пользовании общественными благами; при занятии должностей, мест и званий вы определили считаться лишь со способностями и нравственными качествами лиц. Это могло бы показаться великолепным, если бы вы не поторопились разрушить собственное ваше дело. Приемами фокусников у вас очень скоро сумели одну за другой вымапить все эти уступки. Только что успели вы признать, что все люди, равные по своей природе, должны без всякого различия призываться на должности, которые они способны достойно отправлять, как вы уже прибавили, однако без уплаты прямого налога размером в марку серебра они не могуть быть представителями нации; без уплаты прямого налога в десять ливров они не могут стать избирателями; без уплаты прямого налога в три ливра они не могут быть активными гражданами. Так путем этих мелких оговорок вы нашли искусный способ закрыть пред нами двери Законодательного собрания, судов, директорий, муниципалитетов. Во имя закона вы объявляете нас неспособными отправлять какую бы то ни было из должностей, на которые вы призывали нас во имя естественных прав; и в довершение несправедливости вы доходите до того, что объявляете нас неспособными назначать тех, кто должен отправлять эти должности, наконец просто лишаете нас самого звания граждан. Знаменитая ваша «Декларация прав» была, следовательно, лишь пустой приманкой на потеху дуракам, пока вы боялись их раздражения, либо в конечном итоге она сводится к передаче в руки богатых всех преимуществ, всех почестей нового порядка; значит, славная революция произошла на пользу только одним счастливцам.

Если бы этот знаменитый декрет, который для занятия должностей не требует иного ценза, кроме способностей и нравственных качеств, не успел превратиться в шутку, он все же не имел бы никакого применения к нам. Влача нищенское существование, мы можем служить отечеству только руками, как мы служили ему всегда. Таким образом в то время как вы одни будете наслаждаться счастьем повелевать другими, мы всегда будем призваны только повиноваться, отдавать государству свои труды, страдания и муки. Для нас преимущества конституции сводятся к оставлению нас в нужде и грязи.

Марат».

[1] Граф Д'Артуа (прим. Марата).

14. Рост дороговизны, падение ассигнаций.

Дата	Количество выпущенных ассигнац. (в миллионах)	Курсовая цена в металле[1] (в %)	Дата	Количество выпущенных ассигнац. (в миллионах)	Курсовая цена в металле[1] (в %)
К 1/X 1790 г.	400	91	К 15/VI 1792 г.	1 700	57
» 15/VI 1791 »	1 040	85	» 1/VIII 1792 »	1 800	61
» 1/X 1791 »	1 200	84	» 25/X 1792 »	2 000	71
» 15/XII 1791 »	1 300	77	» 1/II 1793 »	2 400	52
» 1/IV 1792 »	1 000	68	» 5/V 1793 »	3 100	52
» 1/V 1792 »	1 650	58			

15. Борьба с контрреволюцией.

А. Декрет от 9 ноября 1791 г. против дворянства.

(Извлечение.)

«...Французы, собравшиеся за границей королевства, объявляются с настоящей минуты заподозренными в составлении заговоров против отечества.

Если они будут еще оставаться в сборе к 1 января будущего года, то будут объявлены виновными в заговоре, подвергнуты преследованию, как таковые, и приговорены к смертной казни.

Будут виновны в том же преступлении и подвергнуты той же каре французские принцы и общественные должностные лица, отсутствующие до 1 января 1792 г.

В течение первых пятнадцати дней этого месяца созван будет высший суд, если в том окажется надобность.

Доходы заговорщиков, приговоренных заочно, будут в продолжение их жизни поступать в пользу нации, без нарушения прав их жен, детей и законных кредиторов.

Отныне все доходы отсутствующих из королевства французских принцев подвергаются секвестру...

Всякий офицер, который покинет свой пост, не имея отпуска или принятой отставки, будет наказан как дезертировавший солдат...

Всякий француз, живущий во Франции или вне ее, в случае вербовки им людей для увеличения сборищ эмигрантов, подлежит смертной казни...».

Б. Декрет от 29 ноября 1791 г. против духовенства.

(Извлечение.)

«...Все духовные лица обязываются принять в восьмидневный срок гражданскую присягу.

Ослушники будут лишены всякого содержания и всяких пенсий.

Кроме того они будут считаться заподозренными в возмущении против закона и в злых умыслах против отечества и в качестве таковых отданы под надзор властей.

В общинах, где произойдут беспорядки, они могут быть временно удаляемы с места их жительства в силу постановления департаментского управления.

Неповиновение такому постановлению будет караемо тюремным заключением на срок не свыше двух лет.

Священник, уличенный в подстрекательстве к неповиновению законам, будет присуждаем к двухгодичному тюремному заключению.

В случае религиозных беспорядков в общине расходы на их подавление возлагаются на общину, если она не примет мер против подстрекателей.

Содержимые государством церкви могут служить для другого богослужения.

Список священников-ослушников должен быть представлен в собрание.

Собрание будет печатать на счет государства, с выдачею национального вознаграждения авторам, сочинения, способные противодействовать фанатизму сельских жителей».

[1] Курс взят к началу месяца.

16. Отклики революции в Европе.

А. Клопшток о революции.

(Из поэмы и оды А. Клопштока — «Они не мы» и «Освободительная война».)

«Франция завоевала себе свободу. Это — величайшее дело века, достигающее вершин Олимпа. О, Германия, неужели ты в своей жалкой ограниченности не можешь постигнуть этого? Неужели твой взгляд не может проникнуть через ночные туманы? Посмотри все анналы мировой истории и найди в них, если можешь, хоть что-нибудь подобное тому, что совершается там. О, судьба! Отныне французы — наши братья; а мы? Я вопрошаю тщетно: вы молчите, немцы? Что означает ваше безмолвие? Скорбь ли о своем роковом бессилии? Или же оно сулит близкую перемену? Так иногда глубокая тишина возвещает бурю, которая разразится вихрями и градом. После же бури воздух едва колышется легкими струями, звенят ручьи, и дождевые капли ниспадают с листвы; в чудной свежести разливается аромат; ясная лазурь как бы смеется в необозримом просторе неба. Все полно силы жизни, радости; соловей поет песни любви, и еще сильнее влюбленный воспевает свою избранницу. Мальчишки пляшут около человека, которого не притесняет больше деспот; девушки окружают тихую женщину, кормящую новорожденного молоком свободы.

Если бы я имел сто голосов, их все же нехватило бы для того, чтобы восславить свободу Франции. Чего только вы не достигли? Самое ужасное из чудовищ — война — закована вами. О, моя родина, много страданий пришлось тебе испытать, но время смягчает их, и раны уже не кровоточат. Но есть нечто такое, что не поддается никакому умиротворению и всегда сочится кровью. Это сознание того, что не ты, моя родина, достигла вершины свободы и явила ее ослепительный образец всем прочим народам. Это сделала Франция. Ты не приобщилась к сладчайшей славе, ты не сорвала эту ветвь бессмертия... Все же эта славная пальмовая ветвь несколько похожа на сорванную тобою в те дни, когда ты очистила религию, вернула ей святость, похищенную жестокими деспотами для того, чтобы сковать души, — деспотами, которые проливали потоки крови только за то, что их подданные не хотели веровать во все то, что предписывала им необузданная фантазия их господина. Но если твоей рукой, моя родина, было сбито ярмо деспотов в рясах, не тебе пришлось сокрушить ярмо коронованных тиранов...

Мудрое человечество сгруппировало людей в государство; оно нашло в самой жизни средство к жизни. Дикари не живут: они произрастают, подобно растениям и животным, и не пользуются своими духовными силами. Идея объединения и мира получила широкое развитие в Европе, она почти достигла своей высокой цели; остается лишь — что составляет секрет художников — придать четким линиям рисунка прелесть красок.

Цена на хлеб

(Департамент Нонп)

Годы	Цена Оксеррской меры хлеба в 60 фунтов
1777	4 ливра
1778	8 »
1789	9 »
конец 1792	10 »
апрель и май 1793	12 »

Цена на сахар

(За фунт — 489 граммов)

Годы	Цена в монете эпохи	Соответствующая современная цена
1773	— 14 су 6 денье	0,68 сантима
1776	— 16 » 3 »	0,26 »
1781	— 05 » 0 »	1,18 »
1786	— 17 » 10 »	0,82 »
1790	1 л. 05 » 0 »	1,18 »
1791	1 » 16 » 0 »	1,70 »
1792	2 » 05 » 0 »	2,03 »

Цена на яйца

Годы	Цена за 1 000 в монете эпохи	Соответствующая цена в современной денежной единице
1771	37,40 ливров	0,42 сантима
1781	38,0 »	0,43 »
1785	46,0 »	0,54 »
1790	34,52 »	0,48 »
1792	54,0 »	0,64 »

Но стоит лишь правителям народов стать на место их самих, как законы теряют свою силу, а подданные превращаются в дикарей — грубую силу природы, вроде силы львов или порохового взрыва. В данное время вы жаждете крови народа, который раньше всех других достиг высшей цели и, отказавшись от завоевательной войны, — этой увенчанной лаврами фурии, — создал для себя наилучшую конституцию. Вы хотите огнем и мечом низвергнуть со страшной высоты энергичный и смелый народ, который спас себя сам, достиг вершины свободы; вы хотите принудить его снова попасть в рабство к дикарям. Убийствами вы хотите доказать, что всемирный судия — трепещите, и вас не минует его приговор!—не дал прав человеку. О, если бы вы могли, прежде чем меч обагрится кровью из раны, внять голосу мудрости. Если бы вы не были слепы: ведь в вашей собственной стране разгорается искра и краснеет пепел. Не спрашивайте ни придворных ни лиц привилегированных по рождению, проливающих за вас кровь в сражениях. Спросите тех, в чьих руках блестит сошник плуга, спросите рядового солдата армии, чья кровь ведь тоже не вода. И вы узнаете из их честных ответов или из их молчания, что видят они в этом пепле. Но вы их презираете. Играйте же в эту страшную игру, на которую еще никто не отваживался; эта война совершенно особого рода».

Б. Из речи Э. Борка в английском парламенте о французской революции.

«В системе европейского равновесия прежде всего приходилось считаться с Францией. Присутствие ее или отсутствие радикально изменяет все расчеты, основанные на этом равновесии.

В настоящий момент Франция, с точки зрения политической, считается как бы изгнанной из европейской системы. Вернется ли она когда-нибудь туда в качестве первоклассной державы — это вопрос. Но до настоящего момента я смотрю на Францию, как на державу, политически несуществующую; и во всяком случае пройдет время, прежде чем она вернется к прежнему положению.

Я далек от отрицания того, что Англия должна наблюдать за этим народом и средства своей обороны согласовать с симптомами его возрождения.

Со времени последней сессии палаты Франция сделала много вещей. Французы оказались самыми ловкими разрушителями, каких только свет видал. Они совершенно разрушили свою монархию, свои церкви, хозяйство, законы, доходы, армию, флот, торговлю, искусства, промышленность, они поработали-таки в нашу пользу. Если бы мы были завоевателями, а Франция была бы повержена к нашим ногам, мы не осмелились бы ей поставить такие тяжелые условия, в какие она поставила себя сама.

По своему положению и по своему соседству с нами Франция должна быть объектом нашей особой бдительности как ввиду ее силы, так ввиду заразительности ее примера. Эта заразительность ее примера привела к тому, что сношения с ней стали более опасны, чем величайшая ее враждебность.

Людовик XIV учредил невиданную в Европе по своей дисциплинированности воинскую силу, а вместе с ней и совершеннейший деспотизм. Этот деспотизм был спрятан под приятнейшими формами галантности, блеска, величия и также под обаянием наук, искусств, литературы. В действительности же это было не что иное, как разукрашенный деспотизм. В религии — крайняя нетерпимость, обычная спутница деспотизма.

Такого же характера деспотизм распространился по всем дворам Европы; такое же из ряду вон выходящее великолепие, такое же стремление иметь воинскую силу, бо́льшую, чем позволяют средства народа. Наши государи Яков и Карл увлеклись столь лестным для королей образом правления соседей. Сходство стремлений установило отношения одинаково опасные как для свободы, так и для интересов страны: к счастью, эта зараза не пошла далее трона. Вид столь цветущего и счастливого правительства, свободного в своих действиях и столь легко и основательно, казалось бы, достигающего своих целей, не мог не восхитить и завоевать все классы общества. Патриоты этого времени поднялись против подражания; как единственное средство избегнуть опасности они предлагали прервать всякую связь с Францией, дабы предупредить все могущие быть следствия ее примера.

Этой опасности уже не существует во Фран-

ции; зато есть другое зло. Зараза теперь уже не та; но соседство осталось то же и изменено быть не может. А слабость человеческая такова, что этой опасности приходится бояться еще более, чем той, которая уже не существует. Нелегко распространить среди народа дух рабства. Но дух, противоположный рабству, льстит нашим естественным наклонностям.

Когда-то перед нами была опасность быть увлеченными и порабощенными деспотизмом. Теперешняя опасность в том, что мы по примеру нации, не знающей чувства меры, впадем в анархию. Опасность теперь в том, что мы, в изумлении перед успехами узурпации и насилия, захотим подражать эксцессам беспринципной неразумности демократии, приводящей лишь к грабежу, изгнанию и жестокостям тирании. Уже не существует опасности религиозной нетерпимости, но зато существует опасность атеизма, который является пороком столь же неестественным, сколь и противным для чувства людей, нашедших утешение в религии, распространившейся и освященной столь давно. Таковы опасности, которыми нам в настоящий момент грозит Франция. Из них, по-моему, самая страшная, — это звание гражданина, данное солдату, — звание, способное дезорганизовать всю военную систему.

Палата видит, насколько я далек от желания внести французскую заразу в Англию. Однако мне известно, что многие лица расположены подражать французским реформам. Что касается до меня, то я столь далек от желания ввести подобную демократию, что если бы один из моих друзей сделал такую попытку (а говоря это, я далек от мысли, что такая вещь возможна), я бы его покинул и отныне присоединился бы к своим врагам, чтобы бороться с духом новшества, столь отличным от духа истинной реформы. Да, я нахожу, что эти намерения способны государство разрушить так, что нельзя будет его восстановить.

Французская нация весьма достойна порицания. Все, что они предпринимают, достойно только порицания. Они прославляют себя за то, что сделали революцию, а некоторая часть англичан принимает участие в их прославлении, как будто революция — это нечто желательное. Все ужасы и преступления анархии приводят к революции. Но это ничто в глазах любителей революции. Французы получили плохую конституцию ценой разорения своей страны, в то время как раньше у них была хорошая конституция. У них была хорошая конституция еще тогда, когда теперешние штаты состояли из представителей отдельных сословий. Их цель была в том, чтобы обеспечить государству независимость и устойчивость. Они бы достигли своей цели, если бы были благоразумны и хладнокровны. Следовало только исправить ошибки.

Вместо этого, вместо того чтобы улучшить положение государства, для чего они собственно и были собраны монархом и избраны своими провинциями, они взяли совсем другой курс. Прежде всего они разрушили все, что придает устойчивость государству, сняли всякую узду с слишком горячих депутатов всех трех сословий. В старой французской конституции так же, как в нашей, так же, как и в конституциях других стран Европы, была определенная устойчивость; они превратили конституцию в обломки, чтобы из них построить нечто чудовищное.

Едва покончив с этим, они занесли топор на основу всякой собственности, а следовательно, и национального благоденствия. Прежде всего они завладели церковными имуществами.

Они ввели кодекс, который назвали «Права человека», и начали применять основные принципы так, что должны были возбудить жалость последнего школяра. Но этот кодекс возбуждает не только насмешки, но и религиозные и гражданские раздоры.

Эта декларация прав человека низвергла государство и подвергла его стольким бедствиям, что ни одна страна в мире не могла бы их перенести, а самое незначительное следствие их — это ужасная война.

Перед французами уже не стоит вопрос о деспотизме или свободе. Жертвы, которые они принесли, потеря мира и могущества, эти жертвы не были принесены на алтарь свободы; ведь свободу они могли обрести без всяких жертв. Вместо этого они повергли себя во всяческие бедствия и это не для того, чтобы получить конституцию, подобную нашей, а наоборот, для того, чтобы помешать осуществлению какой бы то ни было разумной конституции.

Без сомнения им удалось добиться того, чего они желали: демократии. Но в такой стране, как Франция, это будет худшим видом правления, — это будет страшная тирания.

Худшие последствия все это имело для армии, так как она превратилась во что угодно, только не в орудие защиты: идея превратить

всякого солдата в гражданина совершенно абстрактна.

Положение во Франции таково, что меньше всего может вызвать энтузиазм, как бы некоторые лица ни пытались уверить в противном. Солдаты, далекие от того, чтобы быть гражданами, превратились в бунтовщиков, отказывающихся соблюдать какие бы то ни было правила. Их поведение было результатом анархии, из которой и должна была собственно возникнуть демократия.

Но последней меньше всего домогались вожаки, для которых демократия была только предлогом; это не была организованная дисциплинированная армия, которая, состоя из граждан патриотов, могла бы противостоять тирании. Это — рядовые, дезертировавшие из своего корпуса, покинувшие своих офицеров, чтобы присоединиться к разнузданной черни; это дезертирство от общего дела, — разрушение этой цепи, которая подчинением низшего высшему объединяет общество.

Та же причина, которая подымала солдат против офицеров, одушевляла слуг на борьбу с их хозяевами, крестьян на борьбу с их сеньорами, священников против епископов, детей против родителей. Таким образом они боролись больше с обществом, чем с рабством.

Я спрашиваю у членов этой палаты, хотят ли они видеть свои дома и имущества подвергнутыми грабежу, хотят ли они, чтобы их самих подвергли оскорблениям, чтобы их документы сожгли на их глазах? Хотят ли они подвергнуться изгнанию и быть вынуждены вместе с семьей искать убежища по всем странам Европы, не зная за собой другой вины, кроме преступления родиться дворянином, и желать ли быть заподозренным в желании сохранить свою собственность, имущество, ранг, положение и благополучие».

17. Война или мир.

А. Жирондист Брюссо о войне.

(Речь в якобинском клубе 16 декабря 1791 г.)

«Вопрос о том, нужно ли напасть на немецких князей, поддерживающих эмигрантов, или же ожидать их нападения. Вначале казалось, что этот вопрос не должен был вызвать споров и разногласий; оказалось однако, что единодушия по этому вопросу не существует: слишком уже умы всех охвачены предубеждениями и предрассудками. Мы желаем добиться правильного решения этого вопроса. Поэтому мы должны рассмотреть мнения как одной, так и другой стороны. Мы должны отказаться от предвзятого плана и смотреть в оба, так как иначе мы будем действовать вслепую. Остерегайтесь людей, сомнительное усердие которых приводило их к тому, что они то отстаивали, то покидали дело защиты родины. Но остерегайтесь также пятнать подозрениями врагов деспотизма. Я обвинял министра в том, что он преследовал патриотов, которые выступили против войны, и теперь я буду защищать не все предложения военного министра; но войну против немецких князьков я буду отстаивать.

В течение 6 месяцев, если не с начала революции, я обдумывал решение, которое я буду отстаивать, и ловким приемам противников не изменить его. Ряд доводов и событий убедил меня, что народ, завоевавший свободу после десяти веков рабства, нуждается в войне. Война нужна, чтобы закрепить свободу, чтобы очистить ее от пороков деспотизма и от людей, способных развратить ее. Благодарите небо за заботы о вас и за то, что вам было предоставлено достаточно времени, чтобы утвердить вашу конституцию. Теперь вы должны наказать мятежников, для чего у вас достаточно силы: примите же решение. Я отдаю дань уважения честным и патриотическим намерениям тех, которые поддерживают здесь противоположное мнение. Но я заклинаю их отвергнуть мои доводы, лишь рассмотрев их. Если окажется, что я ошибаюсь, я буду их мнение защищать перед Национальным собранием. Но если ошибаются они, я беру на себя обязательство разбить все их доводы до последнего. Все присутствующие здесь депутаты должны испытывать те же чувства.

Какое было бы несчастье, если бы мы разошлись во мнениях в том вопросе, который должен решить судьбу Франции. В течение двух лет Франция исчерпала все мирные средства, чтобы вернуть бунтовщиков (эмигрантов); все просьбы, все приказания оказались бесплодны; они упорно бунтуют, иностранные князья их упорно поддерживают, можно ли дальше колебаться напасть на них? Наша честь, доверие нашего

общества, необходимость улучшить нравы и закрепить завоевания нашей революции — все требуют от нас этого. Разве Франция не была бы оскорблена, если бы после принятия ее конституции нашлась кучка крамольников, которые издевались бы над ее конституционными властями; не была бы ли она обесчещена, если бы стала терпеть оскорбления, которые деспот не стал бы терпеть и в течение двух недель? Какой-нибудь Людовик XIV объявляет войну Испании, когда его посол был оскорблен испанским королем; а мы, будучи свободными, будем колебаться хоть мгновение? Что же хотите вы, чтоб они о нас думали? Что мы неспособны к решительным действиям и нуждаемся в том, чтобы бунтовщики нам навязали таковые? А потом они будут рассматривать их как результат нашей анархии.

Теперь что должно быть результатом этой войны: мы должны мстить, разрушив это разбойничье гнездо, если мы не хотим, чтобы заговоры, мятежи и пожары длились вечно, а заносчивая наглость аристократов возросла еще более. Они рассчитывают на Кобленцскую армию; именно эта армия является причиной упрямства наших фанатиков. Хотите вы одним ударом разбить аристократов, дезертиров, недовольных: разрушьте Кобленц, тогда глава нации был бы вынужден править согласно конституции; он принужден был бы видеть свое единственное спасение в привязанности к ней, а свои действия он бы приноровлял к ней».

Б. Робеспьер о войне.

(Из речи Робеспьера о войне в якобинском клубе 2 января 1792 г.)

«...Будем ли воевать или сохраним мир? Нападем ли мы на своих врагов или будем ожидать их нападения у своего очага? Я считаю, что такая формулировка не представляет данного вопроса во всех отношениях и во всем его объеме. Какое решение должны при данных условиях принять народ и его представители по отношению к нашим внутренним и внешним врагам? Вот правильная точка зрения, с которой этот вопрос надо рассматривать, если хотят всецело обнять его и обсудить со всей надлежащей точностью. Каковы бы ни были плоды наших усилий, важнее всего разъяснить народу его истинные интересы и интересы его врагов... Я постараюсь это выполнить и отвечу главным образом на мнение г. Бриссо.

...Само собою разумеется, что я не менее г. Бриссо стою за войну, предпринятую для утверждения царства свободы, и я, так же как и он, мог бы предаться удовольствию заранее рассказать обо всех ее чудесах. Если бы я был властителем судеб Франции, если бы я мог по своему желанию направлять ее силы и средства, я бы давно уже послал войска в Брабант, я бы помог льежцам и разрушил бы оковы батавцев; все эти походы мне очень по душе. Я бы не объявил, правда, войны мятежникам, но отбил бы у них охоту к нападению; и бы наконец не дал возможности более грозным и близким к нам врагам, защищая их, готовить нам вместе с тем еще более серьезные опасности внутри страны. Но в условиях, в которых находится моя родина, я бросаю беспокойный взгляд вокруг и спрашиваю себя, будет ли грядущая война такою, какою рисует ее наше воодушевление? Я спрашиваю себя, кто ее предлагает, почему, при каких обстоятельствах и зачем?

Вот тут-то в нашем совершенно исключительном положении и заключается весь вопрос. Вы непрестанно закрывали на это глаза, но я доказал то, что и так было всем ясно — что стремление к настоящей войне есть попытка осуществления старого замысла внутренних врагов нашей свободы. Я показал вам их цель, указал на средства ее выполнения; другие доказывали вам, что это есть ловушка; один из ораторов, член Учредительного собрания, сообщил вам на этот счет чрезвычайно важные факты. Нет никого, кто бы не заметил этой ловушки. Вспомним, что после непрестанного покровительства эмиграции и мятежникам-эмигрантам нам предлагают объявить войну их покровителям, да еще при этом защищают объединенных с ними внутренних врагов. Вы сами согласитесь с тем, что война выгодна эмигрантам, что она приятна министерству, придворным интриганам, той многочисленной партии, главари которой, слишком хорошо известные, издавна уже руководят всеми действиями исполнительной власти. Все глашатаи аристократии и правительства одновременно трубят об этом. Разве на всякого, кто бы искренно поверил, что поведение двора с начала той революции не было всегда противно принципам равенства и уважению к правам народа, не

посмотрели бы, как на безумца. Разве всякий, кто бы предложил, что двор предлагает столь решительную меру, как война, не ставя ее в связь со своими намерениями, не вызвал бы столь же мало лестную оценку своего мнения?

Неужели же для блага государства безразлично, будет ли объявление войны руководиться любовью к свободе или духом деспотизма, верностью или изменой? Что же вы ответили на все эти решительные факты? Что вы сделали, чтобы рассеять столько справедливых подозрений? Ваш ответ на основной пункт данного спора заставляет судить всю вашу систему...

...«Не пугайтесь, — говорит нам тот же оратор, — если эта шайка желает войны; не пугайтесь, если подобно ей двор и министры желают войны, если газеты, подкупленные министерством, восхваляют войну; хотя министры всегда соединяются с умеренными против патриотов, но против эмигрантов они заключат союз с патриотами и умеренными». Какая убедительная и блестящая перспектива!

Вы согласны с тем, что министры являются врагами патриотов; умеренные, которых они поддерживают, хотят аристократизировать нашу конституцию, и вы хотите, чтобы мы приняли их проекты! Министры, говорите вы, подкупили газеты для того, чтобы они подавляли дух общественности, уничтожали принципы свободы, восхваляли ее самых опасных врагов и клеветали на всех граждан, и вы хотите, чтобы я доверился видам и намерениям министров!

Вы считаете, что агенты исполнительной власти скорее воспримут принципы равенства и станут защищать неприкосновенность прав народа, чем заключат сделку с членами царствующего дома, с приверженцами двора, за счет народа и патриотов, которых они высокомерно именуют заговорщиками. Все аристократы требуют войны, все прихвостни их повторяют, как эхо, клич войны; и по-вашему не следует сомневаться в их намерениях. Удивляюсь вашему добродушию, но не завидую ему. Вы считаете возможным защищать свободу, не будучи подозрительными, не раздражая ее врагов, не приходя в столкновение с двором, министрами и умеренными. Сколь легкими и приятными стали для вас пути патриотизма!

Что же касается меня, то я нахожу, что чем больше подвигаешься по этой дороге, тем больше препятствий и врагов встречаешь на своем пути, тем больше чувствуешь себя покинутым своими прежними соратниками; и, признаюсь, что если бы я увидал себя окруженным придворными, аристократами и умеренными, мне бы почудилось, что я нахожусь в скверной компании.

...Честь французского имени — говорите вы? Боже праведный! Разве французская нация может быть обесчещена этим сборищем беглецов, столь же смешных, как и бессильных, имущество коих она может захватить, которых она может заклеймить перед лицом всего света печатью преступления и измены? Нет, — позор лишь в том, чтобы быть обманутым грубым коварством врагов нашей свободы! Великодушие, мудрость, свобода, счастье, добродетель — вот наша честь. А та честь, которую вы хотите воскресить, есть опора деспотизма; это — честь героев аристократии, тиранов; это — честь преступления. Эта честь есть странное существо, порожденное чудовищным союзом порока с добродетелью; оно сделалось сторонником первого, чтобы задушить свою мать; оно изгнано из пределов свободы. Оставьте же эту честь или сошлите ее по ту сторону Рейна; пусть она ищет приюта в сердцах или умах князей и рыцарей Кобленца!

Можно ли с таким легкомыслием рассуждать о делах государственной важности? Прежде чем ударяться в политику европейских государств и монархов, начните с обзора нашего внутреннего положения! Восстановите порядок у себя, раньше чем нести знамя свободы в другие страны! Но вы уверяете, что эта забота не должна вас даже касаться, как будто обычные правила здравого смысла не созданы для великих политиков. Восстановить порядок в финансах, прекратить расхищение их, вооружить народ и национальную гвардию, осуществить все, запрещенное до сих пор правительством, чтобы не опасаться ни нападения наших врагов, ни министерских интриг, оживить благодетельными законами, поддерживаемыми энергией, достоинством, мудростью, дух общественности и отвращение к тирании, которые единственно могут сделать нас непобедимыми для наших врагов — все это пеленые идеи! Война, война, лишь этого потребует двор; это решение избавляет от всех дальнейших забот, и для народа будет сделано все, лишь только мы объявим войну. Война против тех, кто может быть осужден судом немецких князей; доверие, поклонение внутренним врагам! Но впрочем, что я говорю? Есть

ли у нас внутренние враги? Нет, вы их не знаете; вы знаете лишь Кобленц. Ведь вы утверждаете, что корень зла в Кобленце. Итак он не в Париже? Значит нет никакой связи между Кобленцом и другим местом, недалеким от нас? Как, вы смеете говорить, что боязнь, внушаемая нации беглыми аристократами, которых она всегда презирала, заставила революцию пойти вспять, и вы ждете от этой нации всевозможных чудес?

Узнайте же, что по мнению всех просвещенных французов настоящий Кобленц находится во Франции, а Кобленц трирского епископа есть лишь одна из пружин, глубоко замышленного заговора против свободы, очаг, центр и главари которого находятся среди нас. Если вы не знаете всего этого, значит, вы не понимаете всего происходящего в этой стране. Если вы это знаете, то зачем же отрицать, зачем отвлекать общественное внимание от наших самых опасных врагов, чтобы сосредоточить его на других предметах и тем самым заводить нас в ловушку, которую враги нам подстроили?

...Во время внешней войны народ, как я уже сказал, отвлеченный военными событиями от политических вопросов, касающихся существенных основ его свободы, обращает менее серьезное внимание на темные проделки подтачивающих эту свободу интриганов и потрясающей ее исполнительной власти, а также на слабость или испорченность не защищающих народ представителей. Это было известно во все времена, и, что бы ни говорил г. Бриссо, замечателен и поучителен приведенный мною пример римских аристократов. Когда народ защищал свои права против захвата сенаторов и патрициев, сенат объявлял войну, и народ, забывая свои права и свои обиды, занимался лишь войною, оставляя сенату его власть и подготовляя патрициям новые победы. Война хороша для военных, честолюбцев, ажиотеров, спекулирующих на такого рода событиях; она хороша для министров, действия коих покрываются благодаря ей более густым и почти священным покровом; она хороша для двора, для исполнительной власти, авторитет, популярность и влияние коей она увеличивает; она хороша для коалиции дворян, интриганов и правящих Францией умеренных. Эта шайка сможет поставить своих героев и своих членов во главе армии; двор сможет доверить государственные войска людям, которые послужат ему при случае с тем большим успехом, что им будет создано нечто вроде репутации патриотизма. Они завоюют сердца и доверие солдат для того, чтобы крепче привязать их к делу реализма и умеренности — таков единственный род соблазна, которого я боюсь для солдат; ибо не относительно же возможности открытого и добровольного дезертирства их от дела народного нужно меня успокаивать! Даже человек, которому была бы противна измена родине, может быть доведен ловкими начальниками до вонзения меча в грудь лучших граждан; вероломное прозвище республиканца и мятежника, выдуманное сектой лицемерных врагов конституции, может вооружить обманутое невежество против дела народа. Уничтожение партии патриотов есть важнейшая цель всех их заговоров; а если эта партия исчезнет, то что же останется кроме рабства? Я опасаюсь не контрреволюции, а успеха ложных принципов поклонения и утраты духа общественности. Неужели вы считаете, что для двора и партии, о которой я говорю, представляет недостаточную выгоду возможность расквартирования солдат, разбивки их по лагерям, разделения их на армии, изоляции их от граждан, посредством чего — под внушительным названием военной дисциплины и чести — становится возможным незаметно заменить старым военным духом, духом слепого и абсолютного послушания, любовь к свободе и народные чувства, которые поддерживались их общением с народом Хотя дух армии в общем еще хорош, но вы не должны скрывать от себя, что интриги и наущения одержали во многих армиях успехи и что дух этот не совсем уж тот, каким был в первые дни революции. Не опасаетесь ли вы уже давно непрестанно проводимой системы, заключающейся в том, чтобы приводить армии к любви к королям и очищать ее от патриотического духа, который всегда кажется считался опустошающей, разоряющей армию чумой? Можете ли вы себе без некоторого беспокойства представить путешествие министра или назначение такого-то генерала, прославленного несчастиями самых патриотических полков? Неужели вы ни во что не ставите произвольного права жизни и смерти, которым закон облегчает наших военных патрициев с момента перехода страны на военное положение? Неужели вы ни во что не ставите полицейские права, которые закон представит военным начальникам во всех наших пограничных городах? Достигает ли цели ответ на все эти факты разглагольствованием о диктатуре у рим-

ляп и сравнением наших генералов с Цезарем? Нам говорили, что война устранит наших внутренних аристократов и истощит источник их происков; ничуть не бывало: они слишком хорошо угадывают намерения своих тайных друзей, чтобы сомневаться в исходе событий. Они станут лишь более деятельными в продолжение той глухой войны, которую они могут безнаказанно вести против нас, сея рознь и фанатизм и разрушая убеждения. Тогда-то облеченная в ливрею патриотизма партия умеренных, главари которых — зачинщики этого заговора, развовьет все свое пагубное влияние; тогда-то во имя спасения народа она прикажет замолчать каждому, посмевшему иметь некоторые подозрения относительно поведения или намерения агентов исполнительной власти, на которую она опирается, и генералов, которые, подобно ей, станут надеждой и кумиром народа. Если одному из этих генералов будет суждено одержать какой-либо видимый успех, который, я думаю, не будет весьма опасен для эмигрантов и фатальным для их покровителей,— какого только влияния он не придаст своей партии, каких только услуг не сможет оказать двору! Тогда объявят решительную войну истинным друзьям свободы, и восторжествует вероломная система эгоизма и интриг! А если дух общественности будет извращен, до какой только степени не сможет исполнительная власть и прислуживающие ей мятежники распространить свой захват? Исполнительной власти не нужно будет компрометировать успехи своих намерений неосторожной поспешностью, она сможет не торопиться предлагать план мировой сделки, о котором уже говорили. Будет ли она придерживаться этого именно плана, примет ли другой — она может ждать всего от времени, бессилия, невежества, внутренних разногласий, от происков многочисленной когорты своих сторонников, сидящих в законодательном корпусе, от всех наконец пружин, которые она так давно уже подготовляет.

...Я обескураживаю нацию, говорите вы; нет, я просвещаю ее; просвещать свободных людей — это значит будить их мужество и препятствовать тому, чтобы оно не стало камнем преткновения для свободы; и если бы я лишь разоблачил такое количество ловушек, опроверг столько ложных идей и дурных принципов, остановил порывы опасного энтузиазма, я бы пробудил дух общественности и послужил бы родине.

Вы сказали еще, что я оскорбил французов, сомневаясь в их мужестве и их любви к свободе. Отнюдь нет, я сомневаюсь не в храбрости французов, а опасаюсь вероломства их врагов; пусть на них открыто нападает тирания — они останутся непобедимыми; но против интриги храбрость бессильна...»

18. Король и контрреволюция.

(Из речи жирондиста Верньо в Законодательном собрании 3 июля 1792 г.)

«Французские принцы пытались поднять все европейские дворы против французской нации, действуя от имени короля; Пильницкий договор и чудовищный союз между венским и берлинским дворами заключены были в видах отмщения за достоинство короля; бывшие роты лейбгвардейцев стеклись в Германию под знамена мятежа для защиты короля; эмигранты просятся и принимаются на службу в австрийские войска и готовятся издали терзать свою родину тоже для того, чтобы оказать помощь королю, только для того, чтобы присоединиться к знатным кавалерам короны; другие знатные люди, преисполненные чести и тонкости чувств, покидают свои посты ввиду неприятеля, изменяют присяге, обворовывают кассы, усердствуют в подкупе солдат и таким образом славу свою полагают в подлости, клятвопреступлении, нарушении, субординации, воровстве и убийствах. (Рукоплескания.) Король Богемии и Венгрии, ведя с нами войну, и прусский король, наступая к нашим границам, действуют единственно только против нашей нации или Национального собрания и для сохранения блеска трона; на свободу делаются нападения именем короля, и если бы ее удалось уничтожить, то его же именем совершено было бы вскоре расчленение королевства в видах возмещения коалиционным державам их издержек, ибо щедрость государей известна; мы знаем, с каким бескорыстием посылают они свои армии разорять иностранную землю и насколько можно верить тому, что они стали бы истощать свою казну для поддержания войны, которая не была для них выгодна. Словом, предлогом или причиною всех бедствий, которые стараются свалить нам на голову, всех бедствий, которых нам нужно опасаться в будущем, является единственно имя короля...».

19. Манифест герцога Брауншвейгского.

(Извлечения.)

«Уничтожив произвольно права и владения немецких государей в Эльзасе и Лотарингии, начав смуты в королевстве и низвергнув законное правительство, совершая против священной особы короля и его августейшей фамилии покушения и насилия, которые с каждым днем учащаются и возобновляются, — те, кто узурпировал бразды правления, преисполнили меру беззаконий, объявив несправедливую войну его величеству императору.

Его величество, король Пруссии, соединенный с его императорским величеством (Австрия) узами тесного оборонительного союза и являясь влиятельным членом германского союза, не мог не притти на помощь своему союзнику.

К этим великим интересам присоединяется еще равным образом важная цель, которая тревожит сердце обоих государей: они имеют в виду прекратить анархию внутри Франции, положить конец нападкам на трон и церковь, восстановить законную власть, возвратить королю безопасность и свободу, которой он лишен, и дать ему возможность осуществлять принадлежащую ему законную власть.

Убежденные, что здоровая часть французской нации гнушается эксцессами угнетающей ее партии и что большинство жителей с нетерпеньем ожидает момента помощи, чтобы открыто выступить против ненавистных покушений своих притеснителей, его величество император и его величество король Пруссии призывают и приглашают их незамедлительно обратиться на путь разума, правосудия, порядка и мира. В этих видах я, нижеподписавшийся, генерал, главнокомандующий обеих армий, объявляю, что их величества не имеют намерения вмешиваться во внутреннее управление Франции, но единственно желают освободить короля, королеву и королевскую фамилию из их плена и обеспечить его христианнейшему величеству необходимую безопасность, чтобы он мог беспрепятственно созывать собрания, какие он найдет нужным, и трудиться над упрочением счастья своих подданных, согласно его обещаниям и насколько это будет от него зависеть...

Город Париж и все без исключения его жители будут обязаны сейчас же, немедленно подчиниться королю, предоставить этому государю полную свободу и обеспечить ему и всем королевским особам неприкосновенность и почтение, которыми подданные обязаны по отношению к своим государям по естественным и гражданским правам.

Их величества кроме того объявляют, заверяя в том императорским и королевским словом, что если дворец Тюльери подвергнется насилию и нападению, если будет причинено малейшее насилие или оскорбление их величествам королю, королеве и королевской семье, если немедленно же не позаботятся об их свободе, безопасности и охране, — они отомстят примерным и навсегда памятным образом, предав город Париж военной экзекуции и полному разрушению, а виновных в покушениях мятежников заслуженным им казням.

В силу этих соображений я самым сильным, настойчивым образом прошу и убеждаю всех жителей королевства не препятствовать походу и операциям войск, которыми я командую, но скорее доставлять повсюду свободный доступ, радушие и помощь, какую могут потребовать обстоятельства».

Дано в главной квартире в Кобленце 25 июля 1792 г.

20. Марат о 10 августа.

(Из плаката Марата «Друг народа французским патриотам».)

«Мои дорогие сограждане! Человек, преданный ради вас анафеме, выходит сегодня из подполья, чтобы закрепить вашу победу.

Стремясь доказать, что он достоин вашего доверия, он напоминает вам, что еще находится под мечом тирании за то, что раскрывал вам глаза на ужасные махинации ваших жестоких врагов.

Он вам предсказал, что ваши армии будут вероломными генералами отданы на закланье, и действительно три постыдных поражения возвестили начало кампании. Он вам предсказал, что границы государства будут переданы в руки врагов, — и вот враг во второй раз завладевает городом Бавей. Он вам предсказал, что разложившееся большинство Национального

собрания будет вечно предавать родину, и вероломство, переполнив своими двумя последними декретами чашу общественного негодования, привело, наконец, к жестоким, но столь необходимым событиям этого дня.

Он вам предсказывал, что вечно вас будут предавать чиновники, ваши неверные слуги, пока вы не прольете их кровь, чтобы спасти отечество, и вы только что приложили печать к этой скорбной истине.

Мои дорогие сограждане! Поверьте же человеку, который знает все интриги заговорщиков и который в течение трех лет ни на мгновенье не переставал бодрствовать на страже вашего спасения!

Славный день 10 августа 1792 г. может быть решающим для окончательной победы свободы, если вы только сумеете воспользоваться своими достижениями. Большое количество слуг деспота лижут теперь прах; ваши непримиримые враги кажутся приведенными в ужас, они будут более страшны, чем когда-либо. Вспомните процесс Шателе по поводу событий 5—6 октября. Бойтесь поддаться чувству ложной жалости. Пролив свою кровь, чтобы извлечь родину из пропасти, бойтесь сделаться жертвой их темных происков. Бойтесь, как бы грубая солдатня не сорвала вас ночью с ваших постелей, чтобы ввергнуть вас в тюрьму, где вам останется только предаваться отчаянию в ожидании гибели на эшафоте.

Я повторяю, страшитесь реакции, ваши враги вас не пощадят, если счастье улыбнется им. Не надо пощады! Вы бы безвозвратно погибли, если бы вы не поспешили убить развращенных гласных муниципалитета, департамента, всех антипатриотичных мировых судей, а также наиболее развращенных депутатов Национального собрания. Я говорю о Национальном собрании: эх, благодаря какому предрассудку, благодаря какому роковому почтению к нему щадят их? Вам не перестают говорить, что, несмотря на все дурное, что есть в нем, надо объединиться вокруг него; это значит предлагать собраться над разверзающейся под вашими ногами пропастью и предоставить заботу о вашей судьбе преступникам, поставленным для того, чтобы довершить ваше разорение. Знайте, что собрание — это ваш злейший враг: до тех пор, пока оно будет на ногах, оно будет вам мстить и стараться усыпить вас лживыми обещаниями. Оно будет исподтишка строить разные махинации, чтобы парализовать ваши усилия, и когда оно достигнет цели, оно предаст вас мечу своих продажных сателлитов: вспомните Марсово поле.

Никто больше меня не гнушается кровопролитием; но, чтобы помешать крови литься потоками, я вас тороплю пролить несколько капель ее. Чтобы согласовать человечность с заботой об общественной безопасности, я вам предлагаю уничтожить контрреволюционных членов муниципалитета, мировых судей, членов департаментов и Национального собрания. Если вы отступите, знайте, что кровь пролита вами сегодня зря и что вы еще ничего не сделали для свободы.

Но, что самое главное, держите короля, его жену и сына в качестве заложников, и пока окончательный приговор не будет произнесен, пусть их показывают народу четырежды в день. И так как от короля зависит удалить навсегда наших врагов, объявите ему, что если через две недели австрийцы и пруссаки не отойдут на 20 лье от наших границ, чтобы никогда более у них не появляться, его голова скатится к его ногам. Потребуйте, чтобы он собственной рукой подписал себе свой страшный приговор и чтобы он передал его своим коронованным союзникам. Он должен вас освободить от них.

Захватите также экс-министров и держите их в кандалах.

Все контрреволюционеры из правительственных учреждений Парижа должны быть казнены, офицеры, антипатриоты — изгнаны из батальонов; разоружите разложившиеся батальоны: Сен-Рош, Нотр-Дам, Сен-Жан-ан-Грев, Анфан-Руж. Все честные патриоты должны быть вооружены и снаряжены.

Наконец заставьте отменить декрет, обеляющий вероломного Мотье (Лафайет). Требуйте созыва Конвента для суда над королем и для изменения конституции. Члены его должны выбираться первичными собраниями, а не избирательным корпусом.

Заставьте немедленно выслать все иностранные и швейцарские войска, которые показали себя врагами революции.

Наконец заставьте собрание оценить головы сбежавших Капетов — изменников и мятежников.

Бойтесь, трепещите упустить единственный предоставленный вам гением-хранителем Франции случай — выйти из бездны и упрочить свободу».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

КОНВЕНТ.

Основные этапы истории Конвента.

Революция 10 августа 1792 г. низвергла королевскую власть и буржуазно-аристократический порядок. Конвент, пришедший на смену Законодательному собранию, создал демократическую республику. Между 10 августа и 22 сентября, когда происходили выборы в Конвент, Франция еще не стала республикой, но уже не была монархией.

Прежде чем перейти к изложению славной истории Конвента, наметим в общих чертах основные этапы и выясним общие условия, в которых развертывалась его деятельность.

История Конвента может быть подразделена на два периода: до 9 термидора — дня падения Робеспьера, и после 9 термидора, когда демократическая республика мелкой буржуазии была низвергнута и созданы были условия для победы буржуазной республики 1795—1799 гг. Мы займемся главным образом первым периодом истории Конвента. Он в свою очередь может быть подразделен на два этапа. Водоразделом будет служить революция 31 мая — 2 июня, когда из Конвента изгнаны были жирондисты. В 1789 г. третье сословие, единое и угнетенное, опрокинуло старый режим; в революции 10 августа народ выступил против королевской власти и режима буржуазной аристократии, а в дни 31 мая — 2 июня 1793 г. тот же народ, мелкая буржуазия и трудящаяся масса города и деревни, обрушился на представителей деловой буржуазии, жирондистов, и власть перешла в руки широкой народной массы во главе с мелкой буржуазией. Только опираясь на крестьянство, городскую мелкую буржуазию и на рабочих, Конвент мог выйти победителем над многочисленными врагами. Но в ходе самой революции эти различные группы, на которые опирался Конвент, объединенные общей ненавистью к феодальной и буржуазной аристократии, должны были в свою очередь притти в столкновение между собою на почве экономических интересов нового общества. В борьбе за и против капиталистической собственности разгорелись дальнейшие битвы. Упорная защита буржуазной собственности и борьба за наиболее благоприятные условия капиталистического накопления послужили причиной падения жиронды. Вопрос о собственности был также причиной столкновения среди монтаньяров: между робеспьеристами и дантонистами, с одной стороны, эбертистами и «бешеными» — с другой. Таким образом социальная революция против феодализма в своем развитии стала народной революцией и в конце концов уперлась в необходимость социальной революции против капитализма. Конечно в конце XVIII в., когда будущее было за промышленным капиталом, задача эта не могла быть разрешена и даже как следует поставлена. Это и послужило причиной 9 термидора, реакции и перехода власти снова в руки буржуазии. Несмотря на все дальнейшие перипетии революции, Конвент смог обеспечить победу только буржуазного порядка.

Условия деятельности Конвента.

В 1793—1794 гг. Франция была осажденной крепостью. Страну и революцию надо было защищать от внешней и внутренней опасности. Когда мы говорим о внешней опасности, мы имеем в виду оборону страны и революции от европейской коалиции. Если вначале только Австрия и Пруссия при поддержке России воевали с Францией, то в 1793 г. к коалиции присоединились почти все остальные страны Европы. Франция оборонялась одна против всех. Внутри страны, в непосредственной связи с внешним врагом, находился в начале работ Конвента лишенный престола король и еще не уничтоженные остатки привилегированных сословий. Вандея стала центром контрреволюционной деятельности в стране; эмигранты за пределами Франции усилили свою деятельность. Борьба с контрреволюцией была делом нелегким. Она закончена была в основном только к лету

1794 г. Если под контрреволюцией мы раньше понимали короля, дворян и духовенство, а позже и фейльянов, то впоследствии авангардом этой контрреволюции выступили жирондисты, — словом, все те, «у кого имелась крыша над головой». В этой обстановке все более и более ухудшалось материальное положение страны. Ни Учредительное, ни Законодательное собрания не сделали французского крестьянина свободным собственником земли. Они весьма мало предприняли также для облегчения жизни трудовых масс города. А хозяйство Франции все более и более разрушалось. Причиной тому была внешняя и внутренняя война. Гражданская война привела к расстройству хозяйства, а расстроенное хозяйство углубляло гражданскую войну. Для разрешения социально-экономической задачи пришлось бы не только вырвать с корнем феодализм, но с помощью налогов и льготной распродажи национальных имуществ, таксы на предметы первой необходимости и беспощадной борьбы со спекулянтами ограничить свободу распоряжения капиталистической собственностью. Только подобное законодательство смогло бы привлечь широчайшие массы на сторону революции. Но кто мог взять на себя разрешение этой задачи? Фейльяны, представители финансовой буржуазии, или жирондисты, для которых, как представителей деловой буржуазии, собственность была священна? Нет, это могла сделать партия народных масс, партия мелкой буржуазии, монтаньяры, которые, желая обеспечить себе победу над внешней и внутренней контрреволюцией, не пожалели и богача, чтобы спасти Францию. Но как далеко сможет эта мелкая буржуазия пойти в области нарушения прав частной собственности? Не станет ли она в конце концов опорой этой собственности против коммунизма? Все эти вопросы были в дальнейшем поставлены в порядок дня революции. (Мат. и док., № 1.)

Выборы в Конвент.

Революционная коммуна Парижа при помощи вооруженных федератов произвела революцию 10 августа. Вот почему до открытия Конвента Париж находился в руках революционеров, а жирондисты и умеренные оставались в тени. Но в провинции противоречия между жирондистами и монтаньярами не были так остры, и во многих департаментах умеренные революционеры преобладали над крайними. Франция в эпоху выборов Конвента находилась в чрезвычайно тяжелых условиях. Лафайет пытался противодействовать революции 10 августа, но безуспешно. Вместе с тем внешняя опасность возросла. 19 августа (Мат. и док., № 2.) враг вступил в пределы Франции; 20-го он обложил крепость Лонгви, а 30-го — Верден. Верден пал 2 сентября: путь к Парижу был открыт. Революции угрожала гибель. По патриотизм, доведенный до отчаяния, породил решимость. Мощный подъем революционной энергии спас Францию. 2 сентября в Париже распространился слух о контрреволюционных заговорах в тюрьмах. Народ бросился туда, и началось великое избиение контрреволюционеров, так называемая «сентябрьская резня». Стихийное возмущение масс возглавляли крайние революционеры повстанческой коммуны 10—20 августа. Они хотели закончить революцию, изгнав не только короля, но и сторонников буржуазной реакции. Выполнить им своей задачи целиком не удалось, но вопрос о королевской власти был окончательно решен. 26 августа первичные собрания приступили к выборам департаментских избирательных собраний, а 2 сентября последние должны были заметить депутатов Конвента. Правда, Конвент избирался на основании двухстепенных выборов, но, как мы видим, в чрезвычайно революционной обстановке. Вот почему в Конвенте не было роялистов. Но выборы не дали однако решительного перевеса крайним революционерам. Они были выбраны только в Париже. Департаменты дали жирондистов и еще более умеренных депутатов. Вся масса депутатов может быть разбита на три политические группы: «жиронда», «гора» и «болото». «Жиронда» была правым крылом Конвента, монтаньяры его левым крылом, «болото» (так обозначали группу умеренных и колеблющихся депутатов) было центром. В Конвенте перевес принадлежал в первое время жирондистам и «болоту».

Первые шаги Конвента.

20 сентября 1792 г. открылось первое заседание Конвента. 21 сентября Конвент постановил, что «королевская власть упраздняется во Франции», а 22 сентября было решено, что отныне правительство отмечает свои акты первым годом республики. 21 сентября 1792 г. жирондистское большинство Конвента постановляет, что «личная и имущественная безопасность находится под защитой нации». Уже в первые дни умеренное большинство Конвента решило уничтожить Коммуну 10 августа. Это послужило причиной первых столкновений между жирондистами и монтаньярами. Жирондисты, представители торговой и промышленной буржуазии Франции, хотели освободиться от революционного давления Парижа; они хотели превратить его в $^1/_{83}$ часть страны, т. е. свести его роль к роли любого из департаментов, а когда в связи с неудачами на фронтах и усилением продовольственной нужды значение Парижа увеличилось, «жиронда», устами своего представителя Инсара, председательствующего в Конвенте, заявила (25 мая 1793 г.): «Если эти постоянно возобновляющиеся мятежи приведут к покушению на неприкосновенность народных представителей, — заявляю вам от имени всей

Франции, что на берегах Сены будут искать следов Парижа». Так, желая поставить пределы революции, «жиронда» хотела прежде всего уничтожить революционную диктатуру Парижской коммуны 10 августа. В октябре 1792 г., по постановлению Конвента, Коммуна была распущена. Но в конце концов новые выборы дали еще более нежелательный для жирондистов состав, и борьба с Коммуной Парижа стала сущностью жирондистской политики в Конвенте.

Вопрос о роли Парижской коммуны не случайно вызвал острое столкновение между жирондистами и монтаньярами: то был спор между мелкобуржуазным Парижем и торговыми и промышленными городами, которые послали в Конвент жирондистских депутатов. Париж после революции стал еще более мелкобуржуазным. Он и до революции не был крупнопромышленным центром, а теперь хозяйственный упадок в стране, эмиграция имущих классов сделали этот город мелкобуржуазной твердыней Франции; при этом не забудем, что сила мелкой буржуазии была в ее блоке с трудящимися массами города и деревни. Буржуазия и ее интеллигенция в богатых торговых и промышленных центрах Франции не могли примириться с властью Парижа и страстно ненавидели крепость «горы».

Суд над королем.

Среди вопросов, стоявших перед Конвентом в первое время его существования, вопрос о короле имел важное значение. После 10 августа в Тюльери в «железном шкафу» найдены были бумаги, свидетельствовавшие о сношениях короля с иностранными дворами и о подкупе депутатов. (Мат. и док., № 2.) Конвентом была избрана «комиссия для расследования преступлений короля»; 3 декабря было решено предать его суду Конвента. Робеспьер, Марат и Сен-Жюст требовали суда над королем как над предателем. 15 января Конвент постановил считать короля виновным «в заговоре против общественной свободы и в посягательстве на безопасность государства». Приговор над Людовиком Капетом не должен подлежать утверждению народа. Смертная казнь без всякой отсрочки — справедливое наказание за его преступление. 21 января 1793 г. Людовик XVI был гильотинирован. Казнь была встречена народом с радостью. Но после 10 августа казнь короля восстановила против Франции всю Европу. В вопросе о казни короля не было однакоже единства и в Конвенте. За казнь голосовало 387 депутатов, против — 334. «Жиронда» колебалась. Ее вожди голосовали различно, но в большинстве своем жирондисты стремились или передать вопрос на рассмотрение народа или добиться отсрочки казни. Однако давление народных масс Парижа решило дело. Жирондисты из-за боязни потерять влияние на массы, вынуждены были (по крайней мере часть их) присоединить свои голоса к постановлению о казни. Для жирондистов это был крайний предел революционных мер, предел революции. Гражданская же война только начиналась.

Продовольственный вопрос в Конвенте.

Особенно обострилась борьба в Конвенте в связи с обсуждением продовольственных мероприятий. Если в 1790—1791 гг. и даже в 1792 г. (первая половина) Франция переживала некоторый экономический подъем, то с конца 1792 г. хозяйство Франции окончательно было подорвано. Дороговизна хлеба усилилась благодаря падению ценности ассигнаций. Так к концу работ Законодательного собрания стоимость бумажного рубля равнялась 72% (по отношению к металлическому), а уже в начале работ Конвента она упала до 51%; в 1794 г. ценность бумажных денег равнялась 34%, а в 1795 г. — только 18%. С 1756 по 1790 г. сто кило хлеба стоили 20 ливров, теперь же средняя цена его была 37 ливров. По сравнению с заработной платой стоимость хлеба увеличилась в четыре раза. Промышленность и торговля переживали глубокий кризис. С 1793 г. не было сбыта, нехватало сырья, начался долгий период разорения и истощения обрабатывающей промышленности; отсюда — безработица и голод. (Мат. и док., № 22.) Коммуна Парижа хотела заставить Конвент принять меры против спекуляции и дороговизны. В порядок дня был поставлен вопрос о «максимуме», о твердых ценах на хлеб. Жирондисты, ученики физиократов, боролись с этими проектами; они клеймили всякую попытку масс наказать скупщиков-спекулянтов. (Мат. и док., № 10.) И когда депутация парижских секций обратилась к Конвенту с заявлением: «Есть другие аристократы, которых не тронул Конвент, — это все крупные купцы, все скупщики... банкиры... нужно очистить от них землю отечества» (Мат. и док., № 23.), жирондисты отвечали: ввести «максимум» — значит разрушить собственность. 4 мая 1793 г. под давлением народа Парижа Конвент издал декрет о таксации хлеба в республике. Этим декретом был положен временный предел беспрерывному вздорожанию хлеба. Но классовая сущность жирондистской политики особенно выявилась при обсуждении налогового вопроса. Жирондисты боролись с промысловым налогом и с принципом прогрессивно-подоходного налога, так как, по мнению жирондиста Верньо, «прогрессия всегда остается произвольной и тем угрожает собственности». И когда 2 мая 1793 г. генеральный совет Парижа постановил произвести принудительный заем в 12 млн. ливров для борьбы с Вандеей и возложил этот налог на

владельцев дохода свыше тысячи ливров, жирондисты обрушились на «анархию и разбойников» Парижа.

Борьба между жирондистами и представителями широких народных масс — якобинцами — коренилась в классовых интересах промышленной и мелкой буржуазии Франции. Чтобы в этом лишний раз убедиться, следует внимательно прочесть и сопоставить проект «Декларации прав человека и гражданина», предложенный жирондистами (Кондорсе) и якобинцами (Робеспьер). (Мат. и док., № 9.) Основное различие — в вопросе о собственности. В то время как якобинцы вопрос об ограничении прав собственности подчиняют интересам народных низов, защищая материальные интересы неимущих, жирондисты настаивают на полном и безграничном праве собственности.

Так в области теории, как и в революционной борьбе, «жиронда» неизбежно должна была столкнуться с «горой», промышленная буржуазия — с мелкой буржуазией и трудящимися массами.

Организация Революционного трибунала, комитетов общественного спасения и общественной безопасности.

Неудачи на фронтах, Вандея — все это заставляло жирондистов, часто помимо их воли, итти на ряд решительных политических уступок народу. 9 и 10 марта по предложению Дантона создан был «Чрезвычайный уголовный суд, который должен был ведать антиреволюционные поступки». Этот суд был позднее назван Революционным трибуналом. Члены суда назначались Конвентом, его решения не подлежали ни апелляции, ни кассации. Необходимость централизации власти принудила Конвент создать 6 апреля Комитет общественного спасения из 9 членов, задача которого сводилась к контролю над деятельностью правительства и принятию мер для обороны революции. Был создан также Комитет общественной безопасности, руководящий орган государственной полиции для борьбы с внутренней контрреволюцией. Таким образом в эпоху борьбы с «жирондой» сложились все части того революционного правительства, которое позже, после изгнания «жиронды», стало диктатором Франции. Но раньше чем перейти к изложению событий 31 мая и 2 июня, к истории новой революции, познакомимся с ходом борьбы Франции с Европой.

Европа и Конвент.

В августе и сентябре 1792 г. враг вступил на территорию Франции; опасность вызвала взрыв энтузиазма, добровольцы массами хлынулись к границам отечества. Армия Франции была еще слаба, но разногласия в рядах врагов-союзников спасли революцию. Пруссия с ненавистью смотрела на Австрию. Она готова была ежеминутно бросить дело короля Франции, чтобы не лишиться добычи в предстоящем разделе Польши. Вот почему враги наступали на Францию не единодушно, и воодушевленным свободой солдатам Франции 20 сентября 1792 года при Вальми, под руководством генерала Дюмурье, удалось отбить наступление пруссаков, а 6 ноября 1792 г. при Жемаппе разбить и австрийцев. Французы не только отбили наступление врага, — они перешли в наступление. Битва при Вальми, как говорил Гёте, сопровождавший прусскую армию, означала новую эру в истории человечества. Европа вынуждена была считаться с революцией. Это оказало большое влияние на освободительные движения в других странах. Дальнейшие победы Франции в большей мере объясняются сочувствием европейских народов, в пределы коих вступила революционная армия, чем силой французских армий. Бельгия была занята французами. Генерал Кюстин вступил на территорию государств левого берега Рейна. 21 сентября генерал Монтескье занял Савойю, взята была Ницца. Кюстин и Дюмурье приступили к революционным преобразованиям в завоеванных странах. В Конвенте делегации от народов Европы, в том числе и от Англии, выражали свой восторг и преклонение перед революцией. Они обещали следовать примеру французов. (Мат. и док., № 6.) 19 ноября Конвент постановил, что «он окажет братскую помощь и поддержку всякому народу, который пожелает добыть себе свободу». (Мат. и док., № 4.) 16 декабря Конвент пошел дальше. (Мат. и док., № 4.) Он возложил на французских военачальников обязанность, вступая в пределы неприятельской страны, устанавливать демократические порядки. Революционно-оборонительная война превратилась таким образом в революционно-наступательную войну. Министры Англии говорили: «Труднее теперь угадать, где может остановиться народ, чем где захочет остановиться король». Англия не желает допустить завоевания Голландии, она угрожает Франции войной. Но 1 февраля 1793 г. Конвент поспешил предупредить Англию и объявил ей войну. (Мат. и док., № 7.) Таким образом в апреле 1793 г. Франция выступает одна против всех государств Европы. Революционное выступление расширяется. Дюмурье вступает в Голландию.

В Конвенте противостоят теперь друг другу две программы — жирондистской и монтаньярской войны. Жирондисты готовы вести войну за распространение революционных идей; им важно, как говорил Роллан, услать солдат подальше от Франции; жирондисты хотят окружить республику поясом дружеских государств, а главное — присоединить левый берег Рейна. «Жиронда» хочет занять Голландию, чтоб по-

том обрушиться на Англию и заставить ее подписать выгодный для себя мир, но она готова также вести переговоры с отдельными государствами коалиции. Она оберегает имущих в покоренных странах, как и в самой Франции.

Монтаньяры отклоняют всякую идею о переговорах. Они ведут войну под лозунгом: «Смерть тиранам». «Мир хижинам, война дворцам» — их девиз. (Мат. и док., № 5.) Но их внимание привлекает прежде всего судьба гражданской войны внутри Франции. Первый натиск революции на Европу был непродолжителен. В побежденных государствах только незначительный сдой населения активно примкнул к революции. Крестьянская масса была довольна отменой феодального порядка, но слишком пассивна. Реквизиции, вызванные обстановкой войны, озлобляли имущих и часть крестьянского населения. Скоро французская армия начинает терпеть поражения. В марте французам был нанесен удар в Голландии (при Неервиндене), а в апреле обрушились несчастья и на армию генерала Кюстина в Германии. В апреле 1793 г. измена генерала Дюмурье, вождя армии при Вальми, окончательно погубила кампанию. Дюмурье был ставленником «жиронды». Он хотел использовать армию для борьбы с Парижем. Его устремления шли дальше, чем задачи «жиронды». Он стремился не только уничтожить ультра-революционеров, но с помощью неприятеля восстановить монархию во Франции. Измена Дюмурье была решающим аргументом для народа Парижа в борьбе с «жирондой».

Революция 31 мая — 2 июня.

Жирондисты повели открытую войну с Коммуной. Они пытались создать департаментскую гвардию для борьбы с Парижем, хотели предать суду Марата, вождя народа в борьбе с «жирондой». Но все эти попытки не удались. Конвент под влиянием «жиронды» решил создать специальную «комиссию 12» для расследования деятельности Коммуны. Коммуна объявила себя на революционном положении. Она не бездействовала. Подобно 10 августа, секции приступили к формированию повстанческой коммуны, и 31 мая они заставили Конвент распустить «комиссию 12». Но это решение Конвента не прекратило народного движения. Коммуна требовала теперь ареста жирондистских депутатов. Марат сам ударил в набат, и 2 июня Конвент под давлением революционного народа постановил предать суду 29 депутатов «жиронды». Революцией 31 мая — 2 июня тем самым уничтожено было жирондистское влияние в Конвенте. Но этим не был еще разрешен вопрос о сопротивлении промышленной буржуазии в стране. Жирондистские депутаты подняли в департаментах юга Франции восстание против Парижа, так называемое федералистское восстание. В Лионе жирондистский бунт начался еще 29 мая. Там был казнен глава коммуны, революционер и демократ Шалье. В Тулоне, в Марселе и других городах власть Конвента была низвергнута. Вскоре жирондистская опасность превратилась в роялистскую: контрреволюционное восстание против Конвента возглавляли люди «старого порядка». Тулон был передан англичанам. В Лионе и Марселе руководство движением перешло в руки генералов-роялистов. Жирондисты стали таким образом авангардом контрреволюционной опасности. (Мат. и док., №№ 9, 10, 11, 12, 14.)

Вандея.

Но меньшее значение для революции имели восстание в Вандее, к югу от реки Луары, и так называемый шуанский мятеж крестьян, к северу от этой реки. Это восстание крестьян возникло в связи с набором 300 тыс. человек в армию, объявленным 25 февраля 1793 г. Но набор был лишь поводом для восстания. Причины его коренились глубже: в медлительности при разрешении аграрного вопроса. Восстание крестьян вскоре приняло политический характер. Они создали католическо-королевскую армию во главе с дворянами и начали действовать от имени Людовика XVII. Вандея стала контрреволюционным центром Франции. (Мат. и док., № 13.) Вырастала и внешняя опасность. Цели коалиции оформлялись и выяснялись. Англия намерена была «превратить Францию в настоящий политический нуль», союзники желали не только восстановить короля, но и расчленить страну. К тому же экономическое положение страны все более и более ухудшалось. В этой обстановке и сложилось революционное правительство Франции — диктатура мелкой буржуазии. Конституция 1791 г. уступила место конституции 1793 г.

Конституция 1793 г.

Мы знаем, что в 1789 г. в «Декларации прав человека и гражданина» были выражены принципы нового общественного порядка, которые были искажены конституцией 1791 г. Конституция 24 июня 1793 г. — наиболее демократическая из всех конституций Франции. Всеобщее избирательное право — ее основа. Она не только предоставляет право народу выбирать законодательный корпус, но и ставит под его контроль всех агентов правительства. Конституция 1793 г. установила референдум, который не только должен был дать санкцию конституции, но и вообще всякому закону будущего национального собрания. Без референдума можно было издавать лишь декреты, временные распоряжения. Министры, как и законодательный корпус, подлежали ежегодному перевыбранию. Конституции предшествовала новая декларация прав человека. (Мат. и док., № 16.) Она отлича-

лась от декларации 1789 г. более уравнительным характером и делала общее благо целью государственной политики. Этот основной закон демократической республики был принят после изгнания жирондистов. До революции 2 июня шла борьба между двумя проектами — жирондистской и монтаньярской декларации. Стоит сопоставить первый пункт той и другой, чтобы выяснить классовую сущность борющихся групп. Декларация монтаньяров (Робеспьера) гласит: «...право собственности, как и все другие права, ограничено обязанностью уважать чужие права», а декларация жирондистов (Кондорсе) гласит: «...право собственности состоит в том, что человек волен располагать по собственному усмотрению своим имуществом, своими капиталами и продуктами своего промысла». (Мат. и док., № 9.) Таким образом идеалом жирондистов является свободная собственность. Монтаньяры, вообще говоря, не отрицают частной собственности, но ставят ее в подчинение общественным интересам. Они провозглашают, что «общество должно заботиться о продовольствии всех своих членов»; они считают, что помощь неимущим составляет священный долг богатого по отношению к бедному. Таковы требования деловой и мелкой буржуазии. И хотя окончательный текст декларации Конвента не совпадает с предварительным его проектом, но эта декларация в отличие от первого буржуазного манифеста не только провозглашает свободу, но и заботится о равенстве и общем благе [1]. Наконец в области международных отношений конституция 1793 г. провозглашает: «Люди всех стран — братья, и кто гнетет хотя бы одну только нацию — является врагом всех народов». Вместе с тем конституция 1793 г. сильно подчеркивает роль революционного меньшинства. Однако эта конституция была предназначена для будущего. После того как в августе 1793 г. 1 787 377 французов высказались за конституцию и только 11 531 против, встал вопрос: возможно ли сейчас в полной мере применить ее? 10 октября 1793 г. Конвент постановил установить временное революционное правительство до заключения мира и отложить применение конституции.

Революционное правление.

Задачи этого правительства были формулированы Конвентом следующим образом: «Защита республики от внешних и внутренних врагов». Революционное правительство было временным и чрезвычайным — правительством гражданской войны. (Мат. и док., № 15.) Революционное правительство вынуждено было прибегать к решительным мерам для борьбы с врагами, вплоть до террора. Революционное правительство, как говорил Робеспьер, резко отличается от конституционного правительства тем, что оно — правительство гражданской войны. Революционное правление не применяет принципа разделения властей, а, наоборот, стремится сконцентрировать свою власть в руках немногих. Посмотрим теперь, из каких частей состояло это правительство? Конвент был центром правительства, но свою власть он осуществлял через Комитет общественного спасения (Мат. и док., № 17.) и Комитет общественной безопасности. Комитету общественного спасения был подчинен и исполнительный совет, на который были возложены лишь формально все функции исполнительной власти. В апреле 1794 г. этот совет был заменен 12 исполнительными комиссиями. В таком же подчинении находился и Комитет общественной безопасности. Задачи Комитета общественного спасения были определены декретом от 10 октября 1793 г.: «Временный исполнительный совет, министры, генералы и все государственные учреждения должны находиться под наблюдением Комитета общественного спасения, который должен еженедельно давать о них отчеты Конвенту. Агентами центральной власти на местах, в департаментах, в армиях были депутаты Конвента — комиссары». (Мат. и док., № 18.) Комиссары сплотили Францию в единое целое и были организаторами побед французской армии. (Мат. и док., № 19.) В республике, этом осажденном городе, комитеты и его комиссары проявили огромную энергию. Клубы и революционные комитеты на местах были также органами революционного правительства. (Мат. и док., № 20.) Народные якобинские клубы, очищенные от умеренных, стали «ярко горящими очагами демократии». Революционные комитеты при коммунах и секциях должны были следить за контрреволюционерами. Они окружили Францию своей сетью, и благодаря им удалось в корне пресечь всякие попытки контрреволюционного переворота. Революционное правительство пользовалось всеми средствами диктатуры, в том числе и террором. Под террором мы понимаем совокупность средств, принятых против врагов революции. «Террор не был системой — это было результатом положения дел». Революционный народ Франции вынужден был прибегнуть к нему, чтобы спасти революцию и страну. Летом 1793 г., когда жирондистское движение еще не было подавлено, когда Вандея подняла белое королевское знамя, а Франция подверглась нашествию в Эльзасе и Пиренеях, народ Парижа «потребовал поставить террор в порядок дня». Была отменена свобода слова и печати, смертная казнь угрожала всякому, кто письменно или уст-

[1] Отступление от проекта Робеспьера особенно ярко проявилось в вопросе о собственности. Формулировка ст. 15 принятого текста декларации гораздо ближе к проекту Кондорсе. (Мат. и док., № 16.)

но выступит против революции и ее правительства. Наказание смертью, гильотинирование, было наиболее частым наказанием врагов революции. Революционный трибунал был проводником террора; он судил, руководствуясь революционной совестью, и вынужден был постепенно упрощать процесс судоговорения и судопроизводства. Закон 22 прериаля 1794 г. отнял у обвиняемых защитников и устранил свидетельские показания. Обвиняемых приговаривали только к смертной казни. (Мат. и док., № 21.)

Революционному правительству в 1793—1794 гг. пришлось действовать в обстановке хозяйственного распада. Голод масс достиг вскоре неимоверных размеров. Только русские рабочие могут себе ясно представить его размеры. Враги революции делали все, чтобы углубить кризис: они подделывали ассигнации, которые наводняли Францию. Ажиотаж, спекуляция достигли огромных размеров; в борьбе с этими явлениями экономического порядка революционное правительство также применяло террор. Смертная казнь угрожала скупщикам. (Мат. и док., № 25.) Революционная армия Парижа оружием добывала необходимое пропитание народу в деревнях Франции. Однако не только террор спас Францию. Мощь Конвента была в его социально-экономической деятельности.

Социально-экономическая деятельность Конвента.

Конвент прежде всего окончательно разрешил вопрос о крестьянстве. Если после 10 августа Законодательное собрание сделало только один шаг вперед и расширило количество прав, которые могут быть уничтожены без выкупа, то декрет от 17 июля 1793 г. отменял сеньориальные права «фактически и юридически». Конвент признал право собственности на общинные земли за приходами, причем декрет от 10 июля 1793 г. устанавливает необязательность раздела этих земель. Конвент вместе с тем установил ряд льгот по распродаже национальных имуществ. Земли делились теперь на мелкие участки «в видах увеличения числа мелких собственников». Таким образом Конвент не только освободил крестьянскую собственность, но и способствовал превращению безземельных и малоземельных крестьян в собственников. Такова была политика Конвента в крестьянском вопросе. (Мат. и док., №№ 26 и 27.)

В сентябре 1793 г. был также принят «максимум» на все предметы первой необходимости. (Мат. и док., №№ 23 и 24.) Право реквизиции дополнило этот декрет и дало правительству необходимые продукты для пропитания армии и народа в столице. Налоговая политика Конвента была всецело рассчитана на обложение богатых и вела к установлению предела богатству отдельных лиц, воздвигала границы накоплению капитала. Так декрет от 3 сентября 1793 г. устанавливает, что доход граждан, превышающий 1 тыс. ливров, подлежит принудительному займу в размере $^1/_{10}$ при остатке от 1 до 1 тыс. ливров, $^9/_{10}$ — при остатке от 8 тыс. до 9 тыс., а при остатке свыше 9 тыс. ливров налог должен поглотить весь излишек. Конвент боролся и с безработицей. Он хотел уничтожить нищету. 28 июня 1793 г. был принят декрет о бедных, который гласил, что «каждый глава семейства, мужчина или женщина, если его заработок недостаточен для приобретения необходимых средств к существованию, имеет право на государственную поддержку». Конвент обещает малоимущим и безработным денежную помощь. Он заботится вместе с тем об охране материнства. Для регулирования вопроса о безработных декрет предлагает коммунам выяснить их количество и устроить для них общественные работы. Таким образом вся политика Конвента в области социально-экономической сводилась к тому, чтобы «взять у богатых их излишек и отдать его бедным, чтобы достигнуть своего рода уравнения имуществ». Но все эти меры отнюдь не предполагали уничтожения классового общества, построенного на частной собственности. Монтаньяры и глава их, Робеспьер, признают святость собственности, как основы общества: они за собственность мелкую против крупной. Закон о максимуме и праве реквизиции устанавливает также максимум заработной платы и право реквизиции рабочей силы. Всякая попытка забастовки сурово подавлялась правительством. Эти положения лежали в основе постановления Конвента в декабре 1794 г. при организации мастерских для производства оружия. «Всякая коалиция, — читаем мы в уставе мастерских, — или сборище рабочих запрещаются».

Однако, если Конвент и руководящие в нем группы стремились уничтожить только феодальную собственность и наказать богача-контрреволюционера, создать «эгалитарную республику», республику «равных собственников», то для революционера из народа, санкюлота, «монтаньярский республиканизм означал часто объявление войны не только роялистам и жирондистам, но также и всему буржуазному духу».

В заключение укажем еще на две меры Конвента из области его общественных реформ. Конвент провозгласил всеобщее, равное и обязательное образование. Он поставил вопрос о содержании детей в школах за общественный счет. Для борьбы с религией, для того чтобы искоренить религиозные предрассудки, Кон-

вент отменил старое летосчисление и календарь: первый год республики должен был теперь обозначать первый год существования свободного человечества. Дни и месяцы в революционном календаре вместо старых названий получили новые наименования плодов труда и явлений природы. Члены Конвента были, как говорит историк Олар, «подготовителями будущего общества, которые боролись с Европой, держа лопату в одной руке и меч в другой».

Борьба между сторонниками Робеспьера, дантонистами и эбертистами.

Деятельность революционного правительства не была результатом единодушных решений всех групп Конвента после изгнания жирондистов. Если революция 2 июня была делом Парижской коммуны и «горы», то в дальнейшем наметились расхождения как среди самих монтаньяров в Конвенте, так и между Конвентом и Парижской коммуной. Основные группировки, среди которых развернулась борьба в Конвенте: Дантон и его сторонники, правое крыло монтаньяров в Конвенте; робеспьеристы, которые господствовали в Конвенте и были в то же время правым крылом Коммуны и, наконец, эбертисты,— сторонники редактора народной газеты «Отец Дюшен», Эбера, и вождя Коммуны Шометта. На крайне левом фланге якобинцев находились «бешеные». Вожди «бешеных», Жак Ру и Варле, выдвигали перед массами новый вопрос о революции против богатых. Мы впоследствии увидим, каково содержание их требований, пока ограничимся только указанием на существование подобной группы.

Коммуна очень долго оказывала давление на Конвент. В этом отношении она выполняла указания «друга народа» Марата, убитого в июле 1793 г. Шарлоттою Кордэ, мстившей за жирондистов и умеренных. Марат звал массы на борьбу с роялистами, фейльянами, жирондистами и всеми богачами Франции. Он хотел в корне уничтожить контрреволюцию, а для этого он знал только одно средство: Париж должен всегда быть на-страже и готовым к новому выступлению на защиту революции. (Мат. и док., № 28.) Мы видели в главе об Учредительном и Законодательном собраниях, что Марат, как глава революционеров Парижа, неустанно звал на борьбу с имущими, был застрельщиком революционных дней. Не менее велико было его значение и в годы Конвента. Он был вождем революции 31 мая — 2 июня. Марат не был коммунистом. Он жестоко обрушился на Жака Ру за его «бешеную» агитацию, он был врагом коммунизма и «аграрного закона». Он был представителем мелкой буржуазии, ремесленников и рабочих, городской бедноты Франции конца XVIII в. В отличие от других политических деятелей своей эпохи Марат понимал движущие классовые силы революции, и борьбу в среде третьего сословия между имущими и неимущими. В своих проектах разрешения рабочего вопроса он однако не идет дальше предложения об организации при поддержке государства рабочих артелей. В его проектах мы найдем и реакционные черты ремесленника, борющегося с крупным производством. То же и в его аграрных проектах: не коммунизм, а наделение землею наибольшей массы граждан. Марат был гениальным вождем Великой революции, он впервые наметил основные черты революционной теории. Но Марат был убит, и Коммуна теперь должна была без него продолжать свои решительные действия. Коммуна осталась решающей силой революции только до марта 1794 г., когда Робеспьер обезглавил ее вождей. После этого борьба снова была перенесена в Конвент. Здесь решающей силой становятся отныне депутаты центра, «болото». На них попытался опереться Робеспьер в борьбе с крайними справа и слева, и их измена послужила причиной его казни. Посмотрим теперь, как развертывалась борьба между этими отдельными группами и чьи интересы представляли указанные группировки. Дантонисты, правое крыло якобинского блока, были представителями французской интеллигенции, наиболее многочисленного слоя ее — адвокатов, журналистов, писателей. (Мат. и док., № 29.) Эта группа готова была итти с революцией до установления демократической республики. Дантонисты были на стороне революции 2 июня, поскольку видели в федералистских планах жирондистов опасность для республики. Но 2 июня было для них пределом революции. Они особенно были враждебны мероприятиям Конвента, направленным против богатых. Их вождь Дантон говорил: «Всякого рода владения должны на вечные времена остаться неприкосновенными». Постепенно дантонисты становились все более и более умеренными политиками. Они требовали теперь прекращения террора, призывали к милосердию и тем самым ослабляли революционное правительство. Дантонисты становились таким образом авангардом контрреволюции, и борьба с ними стала в порядок дня. Но Робеспьер, глава революционного правительства, с июля 1793 г., прежде чем обрушиться на умеренных, попытался с их помощью уничтожить крайних, вождей Коммуны Парижа. Мы указывали уже выше, что якобинцы были блоком различных социальных и политических групп. Среди них эбертисты представляли пролетарские слои интеллигенции, разоренные слои мелкой буржуазии. Они не были коммунистами, по своим взглядам они скорее были ближе к «анархистам-индивидуалистам». Эбертисты требовали усиления террора и боро-

лись с правительственной властью как таковой. В вопросе религии они были атеистами. (Мат. и док., № 31.) Что касается «бешеных», как Жак Ру и Варле, то они переносили центр тяжести своей агитации из политической области в социально-экономическую. (Мат. и док., № 30): когда конвент принял Конституцию 1793 г., Жак Ру у решотки требовал принятия решительных мер против богатых. В этой агитации собственно и была сила «бешеных».

Что касается их положительной программы, то она имела в виду наделение всех бедняков землею, муниципализацию торговли, строгое наблюдение за выполнением «максимума». Историческое значение агитации «бешеных» в годы революции — в самой постановке вопроса о собственности.

Для Робеспьера борьба с дантонистами после казни вождей Коммуны стала необходимостью. Если с помощью дантонистов в марте 1794 г. Робеспьер обрушился на Коммуну, то 1 апреля того же года он покончил с Дантоном и его сторонниками.

9 термидора 1794 г.

Ведя борьбу с оппозицией справа и слева, с дантонистами и эбертистами, вожди революционного правительства — Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон — выдвигали в Конвенте и в комитетах свою программу социальных реформ. Весной 1794 г. задачи революции в основном были решены или были близки к своему разрешению. Внутренняя контрреволюция была подавлена, войска коалиции изгнаны с французской территории, аграрный вопрос решен. Каким будет тот новый строй, который создаст революция? Так стоял вопрос весной 1794 г. Для Робеспьера и Сен-Жюста это был идеал эгалитарной республики, республики «равных собственников», где не промышленность, а деревня будет играть руководящую роль. Эта программа шла вразрез с интересами буржуазии. Но сам Робеспьер думал, что его социальные реформы могут быть осуществлены на базе частной собственности. Отсюда и все противоречия его политики. В поисках поддержки у депутатов палаты он готов был обещать им смягчение террора, но для осуществления своей утопической программы он вынужден был террор еще более усилить. Робеспьер и Сен-Жюст мечтали о том, чтобы уничтожить нищету в стране. Для этого они предприняли перепись бедняков, прежде всего в сельских коммунах, чтобы наделить их землей и таким образом заложить основы аграрной республики равных товаропроизводителей (декреты марта — мая 1794 г.). Поддержку в этом деле революционному правительству могли оказать «бешеные». Но Робеспьер сделал все для того, чтобы лишить себя поддержки крайних элементов. Он не только гильотинировал вождей Коммуны, но с помощью революционных комитетов при секциях Коммуны он пытался ослабить значение самих секций и тем обезоружить революцию. Представитель мелкой буржуазии, он был врагом не только коммунизма, но и атеизма, врагом того широкого антирелигиозного движения, которое уже в 1793 г. началось в стране. «Если бы бога не существовало, — сказал он 21 сентября 1793 г., — надо было бы его изобрести». Для Робеспьера религия была наилучшей опорой его социальной системы: вера в новое божество, «верховное существо», должна была стать религией грядущей республики. 18 флореаля II года Конвент, по его предложению, установил культ верховного существа. (Мат. и док., № 32.) Робеспьер шел навстречу народу в его вражде к католическому духовенству, но вместе с тем он пытался заменить старую религию новой. Так в области политической и социальной Робеспьер из вождя революции превратился в ее тормоз. Робеспьер выполнил все задачи революции. Как представитель мелкой буржуазии, он не мог двинуть ее дальше по пути социальной революции. (Мат. и док., № 34.) Социальные проекты Робеспьера не могли поэтому рассчитывать на поддержку французских рабочих, и они вызвали жестокое сопротивление всей буржуазной массы в городах и деревнях. Так созданы были предпосылки для падения Робеспьера 9 термидора (27 июня) 1794 г. Диктатура мелкой буржуазии пала потому, что она хотела вернуть Францию назад от капитализма к «золотому веку»; пролетарская диктатура ведет нас вперед, к социализму, — в этом принципиальная разница двух революций.

Революционное правительство монтаньяров сумело не только защитить страну, «осажденный город», — оно изгнало врага с территории Франции и дало возможность революционным армиям снова разнести по Европе принципы свободы. Неудачи на фронтах преследовали Францию почти весь 1793 г. Однако уже в сентябре-октябре этого года наметился перелом. Кампания 1794 г. не имела себе подобных в летописях истории. В июне 1794 г. в решительной битве при Флерюсе страна была очищена от неприятеля. Войска Франции снова поставили Англию в необходимость защищать Голландию; Бельгия была в руках французов. С неменьшим успехом кончилась борьба с внутренней контрреволюцией: федералистами и Вандеей. Тулон, Лион и другие восставшие города юга подчинились Конвенту. В 1794 г. Вандея была раздавлена. Революция разрешила вместе с тем и свои основные социально-экономические задачи: она освободила крестьян, вырвала с корнем феодальный по-

рядок, обеспечила свободу и независимость страны и революционные завоевания. В этом исторический смысл диктатуры якобинцев. Мелкая буржуазия расчистила путь и создала гарантии для буржуазного порядка, но она не смогла пойти дальше по пути социальной революции. (Мат. и док., № 35.) Вот почему после битвы при Флерюссе, окончательно закрепившей победу революции, падение Робеспьера стало неизбежным. Против него выступили и крайние и умеренные в Конвенте. Пассивность Коммуны Парижа решила дело. Важно отметить, что среди секций Парижа, выступивших против него, была секция Жака Ру. В Конвенте среди «болота» он не нашел поддержки. Робеспьер был казнен 10 термидора. После его казни начинается медленное угасание революции: революционная диктатура уступает свое место буржуазной республике.

Революция после 9 термидора.

С 9 термидора (27 июля 1794 г.) до 4 брюмера IV года (26 октября 1794 г.) продолжал заседать Конвент. Под прикрытием старых принципов революционного правительства виновники падения Робеспьера («термидорианцы») начали гонения на республиканцев. Белый террор был противопоставлен красному террору. Уничтожены были все декреты Конвента, ставившие преграды капиталистическому накоплению. Так в декабре 1794 г. был уничтожен «максимум»; спекуляция, ажиотаж достигли неимоверных размеров. Голод усилился, особенно благодаря падению ассигнаций. Мануфактуры закрывались, и безработица усилилась. Конвент подавлял всякую попытку демократического восстания. Такая участь постигла восстание 1 апреля 1795 г. (12 жерминаля) и 26 мая того же года (1 прериаля). Массы восстали с требованием: «Хлеба и конституции 1793 г.». Эти неудачные попытки демократического переворота повлекли за собой усиление реакции. Конвент закрыл якобинский клуб, распустил революционные комитеты и, наконец, отменил конституцию 1793 г. Была установлена новая конституция, так называемая «Конституция III года». Она отменяла всеобщее избирательное право и устанавливала систему цензовых выборов. Создана была буржуазная республика: власть Комитета общественного спасения заменена была властью Директории. В ноябре 1799 г. Директория была свергнута и установлена консульская власть Наполеона. Наконец в 1804 г. Наполеон провозгласил себя императором, а после его падения в 1815 г. снова восстановлена была во Франции власть Бурбонов. И только в 1830 г., после новой революции, буржуазное государство было наконец утверждено.

Чтобы понять причины всех перипетий революции после 9 термидора, чтобы уяснить себе, почему во Франции, несмотря на временные поражения, революция не могла быть уничтожена, следует познакомиться с колоссальным социально-экономическим переворотом в результате пяти лет борьбы в стране. Франция 1795—1799 гг. резко отличалась от Франции эпохи «старого порядка». Теперь у власти стояли новые классы, новые социальные отношения создались на основе перераспределения собственности. Революция подорвала власть землевладельцев-дворян. Дворяне были «несчастнейшими людьми в мире». Но крестьянин Франции Жак-Простак, который до 1789 г. был привязан к земле тысячью оковывающих его уз, расправил теперь свои члены. Гигант потянулся, встал. Крестьянин стал свободным владельцем земли. Он был врагом контрреволюции, но и революции; он стал сторонником порядка против всех, кто справа или слева угрожал его мелкой свободной собственности. Французский крестьянин был теперь не только пассивен, но и консервативен. Он подымался только, когда ему угрожала опасность возвращения помещиков. В городах старая буржуазия была сломлена, но на смену ей пришла новая. При режиме буржуазной республики однако скоро воспрянула и старая буржуазия. Французская революция разрушила цехи и монополии, она создала многочисленную армию мелких собственников. «Они держатся, — пишет один историк, — за свою кубышку и уже не станут рисковать ею, участвуя в уличных мятежах». Они мечтают о сильной власти, о порядке, о режиме, гарантирующем революцию против дворян и «бешеных». Таким образом в городах создалась новая консервативная сила. Консервативна была и та часть новой буржуазии («пуворинии»), которая разбогатела на подрядах, спекуляции национальными имуществами и т. д., как и вся та масса людей, которая жила за счет революции. Эти новые слои были против реакции, но и против продолжения революции. Рабочие в городах, бедняки Парижа, Лиона и других промышленных и торговых центров Франции, в отличие от всех остальных слоев населения, не улучшили своего положения. Им при буржуазной республике жилось хуже, чем в эпоху террора. Политическая апатия — вот как можно охарактеризовать настроение трудовых низов города после 9 термидора. Правда, иногда, как в дни прериаля и жерминаля, эти массы выступали с требованием «хлеба и конституции 1793 г.», но то были отдельные вспышки. Народ Парижа больше не играл той роли в революции, что в дни 10 августа и 31 мая — 2 июня. На основе перераспределения собственности новые господствующие классы пытались укрепить государственную власть в своих инте-

ресах. Война не прекращалась: из оборонительной она стала завоевательной. Внутри страны вспыхивали роялистические восстания. Вандея снова подняла королевское знамя, а якобинцы Парижа мечтали о конституции 1793 г. В этой обстановке сложилась та колеблющаяся государственная власть, которая получила в истории название «системы качелей». Власть колебалась между роялистами и демократией. В этих условиях решающее значение приобрела армия и ее вожди. К их помощи обращалась Директория всегда, когда надо было подавить роялистическое или демократическое восстание. Наконец 18 брюмера 1799 г. генерал Наполеон Бонапарт совершил переворот с целью создать прочную буржуазную власть, гарантирующую завоевания 1789 г. против роялистической и демократической опасности.

Восстание Бабефа.

Прежде чем закончить изложение истории французской революции, мы кратко остановимся на истории одной из попыток революционно-демократического переворота в Париже в мае 1796 г. под руководством Бабефа. Собственно, заговор этот был открыт по вине провокатора еще до его выполнения, но историческое значение этой попытки огромно. Бабеф, редактор газеты «Народный трибун», после 9 термидора в тюрьме с некоторыми другими якобинцами (Дартэ, Буонаротти) составил план низвержения Директории во имя конституции 1793 г. Лозунг «хлеба и конституции 1793 г.» был чрезвычайно популярен среди масс столицы. Однако демократический заговор Бабефа отличался от прочих якобинских попыток тем, что это был заговор революционеров-коммунистов. Сторонники Бабефа (бабувисты) понимали, что «невозможна никакая свобода, пока нет равенства, т. е. пока существует частная собственность». Они стремились к ее уничтожению. Но как произвести новую революцию? Бабеф стремился связать свою агитацию с потребностями масс и революцию против собственности начал как борьбу против конституции III года и правительства Директории. Он требовал законов против спекуляции, максимума помощи государства беднякам. Восстание должно было быть подготовлено тайной директорией, и когда революционное меньшинство захватит власть, народ, по указанию тайной директории, выберет новый конвент и приступит к уничтожению собственности. Такова была политическая программа Бабефа. В области социальной положительные требования были формулированы менее ясно. Бабувисты были противниками аграрного закона. Они стремились к коллективной собственности на землю. «Долой частную собственность на землю, — сказано в «Манифесте равных», — земля — ничья». Бабеф был против права наследования, он стремился уничтожить крупные состояния и утверждал, что всякий должен иметь возможность удовлетворять свои потребности. Человек должен вознаграждаться не в меру того, что он даст обществу, ибо один сильнее, а другой слабее, а в меру того, что ему нужно для его существования. В коммунистической программе бабувистов не было достаточной революционной ясности. Так в их прокламациях к народу мы читаем: «Предложить богачам добровольно уступить властному требованию справедливости... и великодушно отдать народу свой избыток». Они думают, что «законодатель должен вести себя таким образом, чтобы в конце концов у б е д и т ь весь народ в необходимости уничтожения собственности для выгоды и пользы самого народа». Такова новая доктрина революционеров конца XVIII в. Восстание Бабефа не удалось. Бабеф и Дартэ были казнены. Но историческое значение заговора огромно. Через Бабефа пролетарское движение наших дней перекликается с эпохой диктатуры Конвента. Вместе с тем идеология бабувизма и в области коммунизма — шаг вперед по сравнению с идеями «бешеных» — Жака Ру, Варле и коммунистическими системами XVIII в. Бабеф знает, что социальное равенство не совпадает с формальным равенством по закону, и вместе с тем он считает, что первое достижимо лишь после з а в о е в а н и я п о л и т и ч е с к о й в л а с т и. Восстание Бабефа не удалось, потому что пролетариат Франции 1796 г. не был еще классом в современном смысле этого слова; однако уже восстание Бабефа доказало, что в дальнейшем всякое демократическое движение тесно связано с социальной борьбой, с новой революцией против собственности. (Мат. и док., №№ 34 и 35.)

Историческое значение Великой революции.

Великая французская революция разрушила старый порядок феодализма, его социальную систему и государственный строй. Она освободила крестьянина и его землю и тем самым раскрепостила труд. Революция открыла широкие возможности для накопления капитала, для развития капитализма. На место сословного порядка пришел внесословный строй. Исчезло неравенство по закону, но экономическое неравенство углубилось. Буржуазия встала у власти. Ей противостоит теперь пролетариат, как раньше «третье сословие» противостояло дворянству. Французская революция наметила пути развития европейских государств. Она способствовала рождению буржуазного общества в Европе силою своего примера и оружием своих армий. Вместе с тем, укрепляя буржуазный общественный порядок, социальная революция буржуазии указала и пути к победе пролетариата: через диктатуру класса

к радикальному перевороту общественных отношений, к бесклассовому коммунистическому обществу.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА.

Глава IV богата документальным материалом, который конечно недостаточен, чтобы вполне исчерпать историю эпохи, но дает необходимый минимум для характеристики основных моментов деятельности Конвента. Первые два документа могут служить иллюстрацией революционной борьбы вокруг вопроса о казни короля. Остальной материал сгруппирован вокруг следующих вопросов:

1) война; 2) борьба жирондистов и монтаньяров — революция 31 мая — 2 июня; 3) революционное правительство; 4) рост дороговизны и социально-экономическая деятельность Конвента; 5) борьба течений и 9 термидора; 6) восстание Бабефа; 7) историческое значение якобинизма и революционного правительства II года.

К I разделу относятся документы №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8. Их основная задача — осветить программу революционно-оборонительных и завоевательных войн. Представляет интерес проработка документа № 4. При обсуждении этого документа может быть разобран вопрос об условиях возникновения и успешности революционно-завоевательных войн Франции II раздел подробно анализирует вопрос о причинах борьбы жирондистов и монтаньяров — документы №№ 9, 10, 11. Документы №№ 12, 13, 14 рисуют борьбу с контрреволюцией во Франции после 2 июня — борьбу с жирондистами, роялистами и Вандеей. Из этого раздела рекомендуем предложить учащимся проработать документ № 9—выяснить взгляды жирондистов и монтаньяров:

1) на вопрос о собственности; 2) на обязанности государственной власти по отношению к неимущим; 3) формулировку прав народа; 4) руководящие принципы внешней политики. Можно заменить документ № 9 проработкой документов №№ 10 и 11: выяснить отношение жирондистов и монтаньяров к продовольственному вопросу и финансовой политике. Из II раздела можно также использовать для проработки документ № 14: установить причины крестьянских восстаний в эпоху Конвента. К разделу III относятся документы №№ 15, 16, 17, 18, 19. 20 21. Из этого раздела особенно полезна проработка документов № 15 или № 16. В этом и другом случае можно предложить учащимся на основе этих документов выяснить социально экономические принципы революционной диктатуры 1792—1794 гг. Остальные документы могут служить иллюстративным материалом.

Обратите внимание на раздел IV. Документы этого раздела №№ 22, 23, 24, 25, 26 посвящены продовольственному вопросу; документы №№ 28, 29 — земельной политике. Рекомендуем проработать документ № 24; учащиеся должны выяснить, что побуждало трудящихся настаивать на «максимуме». Полезно проработать документ № 25 для социальной характеристики принятого закона о «максимуме». Во всяком случае должен быть проработан документ № 27 об отмене феодальных прав. Этот документ, как и следующий, может быть использован для проработки вопроса о характере земельных отношений, установленных Конвентом. (В декрете от 17 июня см. ст. ст. 1, 2, в декрете от 10 июня — ст. 9 раздела IV.)

К разделу V относятся документы №№ 29, 30, 31, 32, 33, 34. Из этого раздела для проработки следует использовать документы №№ 29 и 31. Учащиеся должны на основании этих документов дать характеристику социально-экономических взглядов Марата, левого крыла якобинцев и «бешеных». Документ № 34 «в» может быть использован и для установления тех классовых группировок, которые принимали участие в восстании Бабефа. К разделу VI относятся документы №№ 36 и 37, дающие представление о сущности бабувизма. Предложите учащимся сопоставить эти документы со взглядами «бешеных» (№ 32) и «Декларации прав человека и гражданина» 1793 г. (№ 17).

Внимательно должны быть проработаны документы № 35 — взгляды Ленина и Маркса на историческое значение якобинизма. Вопрос о том, что дало основание Ленину писать: «Якобинец, непрерывно связанный с организацией пролетариата, совпавшего свои классовые интересы, — это и есть революционный социал-демократ, — большевик». Вопрос этот является контрольным вопросом для всей темы. **Во всяком случае как минимум должны быть проработаны документы №№ 9. 16 27, 35 и 37.**

ЛИТЕРАТУРА.

Для дальнейшей проработки истории Великой революции конца XVIII в. могут служить учебными пособиями: Ц. Фридлянд, История Западной Европы, ч. 1, или Лукин, Новейшая история Западной Европы, ч. 1, гл. IV. Как основные книги рекомендуем: Жорес, История Французской революции, т. II и III (Законодательное собрание, Конвент); П. Кропоткин, Великая французская революция; А. Матьев, Великая французская революция, т. I, II, III; его же, Борьба с дороговизной.

По вопросу о крестьянстве: Лучицкий, Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789—1793 гг. (с гл. IX); О Бабефе и бабувизме: Буанаротти, Заговор равных; Вандаль, Возвышение Бонапарта (во всяком случае «Введение»); Н. Лукин

М. Робеспьер; Захер, Сен-Жюст, Жак Ру. О Марате, *Ц. Фридлянд*, Марат до революции, Классовая борьба в июне — июле 1793 г. О 9 Термидоре см. *Л. Захер*, 9-е Термидора, Ц. Фридлянд, 9-е Термидора.

ДЛЯ ДОКУМЕНТАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1) Ж. Жорес, Histoire socialiste (тт. I, II, III, IV), 2) его же, Histoire parlementaire — Bucher et Roux (тт. 1, 10, 11, 12, 16, 17, 19, 24, 26, 28, 29, 32, 33, 34); 3) Ж. П. Марат, L'Ami du peuple, №№ 11, 34 — 1789 г., №№ 487, 667 — 1791 г., номер за 16 августа 1792 г., номер за 25 февраля 1793 г., 4) «Recueil général des lois, décrets etc.» par Lepec, тт. I, IV, VII; 5) Sagnac et Caron, Les comités des droits féodaux...; 6) Лучицкий, Крестьянская поземельная собственность во Франции до революции и продажа национальных имуществ (1896); 7) Vellay, La correspondance de Marat; 8) Фалькнер, Бумажные деньги в эпоху революции; 9) Клопшток, Поэмы и ода: «Они не мы», «Освободительная война» (русский перевод); 10) сборник «Революционное право» под ред. Н. Лукина; 11) «La société des jacobins» под ред. Aulard'a, т. IV; 12) «Moniteur», тт. 13, 14, 16. 18, 26; 13) Arch. parlem., т. LXVI; 14) «Recueil des actes du Comité de Salut Public» — Aunaru, тт. III, V; 15) Mautouchet, Le gouvern. révolutionaire; 16) Буанаротти, Заговор равных (русский перевод); 18) Письма М. Робеспьера, изд. Ц. Фридлянда.

1. Марат о задачах революции после 10 августа.

(«Друг народа», 16 августа 1792 г.)

«Пусть будет воздано должное и безумию совета в Тюильри, и изменническим действиям контрреволюционной национальной гвардии и швейцарского генерального штаба, и неспособности и тупости Людовика Капета, и вероломству жандармов, и беззаветной храбрости народа, и роли федератов и парижских санкюлотских отрядов. Победа венчала правое дело. Она сразила деспота с его приверженцами, привела в ужас подгнившее большинство сената[1], положила конец их дерзким интригам, придала решимость патриотическим депутатам Коммуны, санкционировала их власть, уничтожила власть департамента, трибуналов и развращенных двором мировых судей; разгромила генеральный штаб контрреволюции, нагнала страх на врагов революции, возвратила свободу гражданам и дала народу возможность закрепить свою власть, заставив пасть под ударами меча тех, кто строил козни. Но плоды этой блестящей победы были бы скоро потеряны, если бы патриотические депутаты Коммуны не остались на своих местах и если бы они не развили всей своей энергии до тех пор, пока свобода не окрепла.

Людовик Капет со своей семьей — заложник; не позволять никому из его креатур приближаться к нему, не спускать с него глаз — вот что является действительным средством перерезать нити всех контрреволюционных заговоров.

Объявить декретом премию за головы всех бежавших Капетов, изменников и бунтовщиков; обещать 6 млн. за каждого — было бы верным средством избавить себя от их заговоров, заставить обратиться в бегство вражеские полки со всем их оружием и багажом, спасти от расхищения национальные имущества и избегнуть пролития крови патриотов. Нет ничего более действительного, чем эта мера, если хотите доставить государству свободу, мир и счастье.

Требуйте ее, друзья отечества, требуйте во что бы то ни стало. И будьте уверены, что это не останется без результатов, потому что сейчас ваши представители идут, когда их подталкивают. Другая мера, не менее настоятельная, — это декретировать открытие арсеналов, чтобы немедленно вооружить всех граждан — друзей революции. Дело военного министра требовать соответствующего декрета. Скоро мы увидим, является ли он истинным патриотом: через месяц не должно быть в государстве ни единого национального гвардейца, который не был бы вооружен.

Пусть Коммуна вооружит немедленно всех добрых граждан столицы и заставит их учиться владеть оружием; Париж должен быть приведен в состояние готовности отразить все удары уже обескураженных врагов, если они будут столь смелы, что пустят в ход остатки своих сил.

Коммуна должна также спешно организовать лагерь у ворот Парижа и заставить занять как

[1] Под сенатом здесь разумеется Законодательное собрание.

можно скорее все прилегающие возвышенности, — мера, которую я предлагал год тому назад.

Коммуне надлежит ускорить суд над изменниками, арестантами, содержащимися в аббатстве, и предупредить, чтобы не вырвали из-под меча правосудия генеральный штаб швейцарской гвардии под предлогом боязни поссориться с 13 швейцарскими кантонами, если последним откажут возвратить этих пленных.

Коммуна должна помешать тому, чтобы декрет, устанавливающий продажу имений эмигрантов, обратился в одну горькую насмешку. Она должна заставить спешно продать те владения, которые находятся в столице, среди них дворец Бурбонов и все особняки, которые те имеют в Париже; надо настоять на том, чтобы Люксембургский дворец перешел в руки нации, и потребовать половину дохода с этих имуществ с целью разделить деньги между бедняками столицы, которые наперебой отличались при взятии замка Тюильри (10 августа), и таким образом упрочить победу отечества.

Пусть каждый добрый гражданин ведет агитацию среди линейных войск за требование права выбирать офицеров, — права, которое только что было дано национальной жандармерии; с своей стороны, я снова выдвигаю этот лозунг.

Дело Парижской коммуны — пролить свет на ведомство продовольствия, принять меры к обильному снабжению столицы припасами и объявить войну бессовестным спекулянтам...

Родина только что извлечена из пропасти пролитием крови врагов революции — средство, которое я не переставал рекомендовать как единственно действительное. Если меч правосудия поразит наконец интриганов и предателей, меня не услышат больше говорящим о публичных казнях, этом жестоком средстве, которое один только закон необходимости может повелевать доведенному до отчаяния народу и которое всегда оправдывается преднамеренным бездействием законов.

На практике комиссары Коммуны уже ввели многие из тех мер, которые я рекомендовал как необходимые средства для свободы: задержание в качестве заложников семейства Капета, запрещение контрреволюционной прессы, жестокое преследование общественных врагов, проскрипция спекулянтов, торговцев деньгами; зарекомендовали они себя и другими прекрасными чертами гражданственности. Они действуют превосходно. Если они будут проявлять ту же энергию до тех пор, пока не будет изменена конституция национальным Конвентом, если все министры проявят себя патриотами, а народ будет за ними тщательно следить, — я буду считать общественное спасение обеспеченным, я буду спать спокойно и возьму перо только для того, чтобы заняться переработкой конституции.

В конце концов будем бояться заснуть, будем помнить, что контрреволюционеры сплачивают свои силы. Будем настороже, как бы Мотье (Лафайет) не двинул своей армии против нас; будем опасаться, как бы все немецкие и швейцарские роялистские полки не явились нас блокировать. Немедленно господствующие над городом возвышенности должны были бы быть заняты парижской национальной гвардией. Муниципалитеты страны должны были бы получить приказание посылать курьеров с извещением обо всех передвижениях войск, которые могли бы подойти к столице. Пора лишить полномочий всю администрацию — эту придворную проститутку. Шесть министров уже должны были быть в оковах, пора арестовать и контрреволюционных членов собрания; эти Ламсты, Дюма, Воблан, Пасторе, Дюбайе должны были бы быть арестованы. Будем надеяться, что наши парижские комиссары не заснут...».

2. Измена короля.

(Документы найдены во дворце в потайном шкафу короля после 10 августа.)

А. Письмо бывшего королевского интенданта Лапорта королю от 21 марта 1791 г. о подкупе Мирабо.

А. Письмо бывшего интенданта Лапорта королю от 21 марта 1791 г. о подкупе Мирабо.

«Я уже отдал отчет вашему величеству о моей беседе с г. де Люсс; я не ожидал, чтобы дело кончилось так быстро. Требования вполне ясны. Мирабо хочет иметь верное обеспечение на будущее время либо в виде пожизненной пенсии от казны, либо в виде недвижимой собственности; он не определяет размера обеспечения. Угодно ли вашему величеству, чтобы я виделся с Мирабо и позондировал насчет его убеждений и намерений? Я думаю, что с ним

нужно больше откровенности и прямодушия, чем хитрости. Мирабо уже был обманут; два года тому назад он сказал, что Неккер дважды обманул его. Это — единственный человек, способный служить вашему величеству при нынешних критических обстоятельствах. Он очень резок: он называет триумвират [1] триумгезатом [2]. Я думаю, что его надо склонить к таким шагам, которые отрежут ему путь к соединению с этой партией» [3].

Б. Подкуп депутатов Законодательного собрания.

«Шестнадцать виднейших членов Законодательного собрания вполне обеспечены. Эти депутаты будут приобретены сперва на три месяца, а затем на всю сессию Законодательного собрания; но они обойдутся дорого.

Впрочем эта сумма составляет лишь половину дохода, который будет сбережен цивильным листом. Достаточно 2 млн.; из них 1½ млн. должны быть выданы в виде векселей, подлежащих уплате 31 марта. Дело не терпит отлагательств; вопрос разбирается в комитете уже пять дней. Для окончательного решения в принципе надо только ответить да или нет. Королю никогда еще не было оказано большей услуги. Дело решится весьма просто между интендантом цивильного листа и интендантом, заведующим ликвидацией....» [4]

В. Письмо Людовика XVI епископу Клермонтскому.

«Обращаюсь к вам, господин епископ, как к одному из духовных лиц, постоянно высказывавших просвещенную преданность религии. Я желал бы посоветоваться с вами, могу ли я причащаться на страстной неделе? Мне не хотелось бы сделать это недели через две. Вам известно мое печальное положение благодаря утверждению декретов о духовенстве. Я всегда смотрел на это утверждение, как на вынужденное, ибо твердо решил восстановить католический культ, если мне удастся вернуть свою власть. Священники, которых я видел, думают, что я могу причащаться. Прошу вас поговорить с другими епископами по вашему выбору и отослать мне это письмо вместе с ответом».

Г. Ответ епископа Клермонтского королю.

«Чтобы ответить на этот важный вопрос, мне нужно призвать всю мудрость и милосердие всевышнего. Я советовался с самыми выдающимися епископами. Все они того мнения, что ваше величество должны воздержаться от приближения к алтарю, ибо в конце концов только многочисленными благими деяниями вы сможете искупить в глазах бога свое участие в этой революции. Правда, вы были вынуждены к этому непреодолимой силой обстоятельств, но верноподданные вашего величества долго еще будут упрекать вас в санкционировании декретов, гибельных для религии».

---

[1] Так называли депутатов Ламета, Барнава и Дюпора, стоявших до 1791 г. во главе демократической левой Конституанты (Учредительного собрания).

[2] Triumgueusat — gueux — нищий, бродяга.

[3] Измена Мирабо, впервые обнаруженная благодаря открытию железного шкафа, вполне подтвердилась после опубликования мемуаров королевского интенданта Лапорта и маркиза де-Булье. Лапорт рассказывает, что в промежуток времени от мая 1790 г. до конца марта 1791 г. король выплатил огромные долги Мирабо, выдавал ему ежемесячно жалованье в 6 тыс. франков и сверх того положил на его имя 4 банковых билета по 250 тыс. франков каждый. Что Мирабо не даром пользовался щедротами Людовика XVI, показывают такие факты из деятельности его в Конституанте в этот период, как борьба за королевское veto, предложение предоставить королю право объявления войны и мира, энергичная оппозиция против строгих мер по отношению к эмигрантам и т. п. По свидетельству Булье, в планы Мирабо входил роспуск Национального собрания, якобы по желанию самого народа. Предполагалось путем усиленной агитации в департаментах изменить общественное настроение, добиться многочисленных адресов и петиций против народного представительства и произвести таким образом coup d'état. «Я написал королю, — замечает по этому поводу Булье, — что предпочитаю этот план удалению в Монмеди, и советовал ему осыпать золотом Мирабо, обещать и дать ему все, чего он захочет. Я старался убедить его в том, что теперь люди с незапятнанной репутацией не в состоянии спасти его и восстановить монархию, что им остается лишь выражать бесплодные пожелания, тогда как те, которые причинили все зло своей смелостью и ловкостью, найдут и средство поправить его».

[4] Записка помечена рукою короля.

3. Призыв к всеобщему ополчению.

(Из речи Дантона в Законодательном собрании 2 сентября 1792 г.)

Дантон (министр юстиции). «С чувством глубокого удовлетворения я, как министр свободного народа, спешу сообщить вам радостную весть о том, что спасение отечества не за горами. Вся Франция пришла в движение, все горят желанием сразиться.

Вам уже известно, что Верден еще не в руках неприятеля; вы знаете, что гарнизон поклялся уничтожить всякого, кто посмеет заговорить о сдаче. Все граждане столицы разделятся на три отряда: одни, готовые двинуться к границам, – это те, кто имеет оружие; другие будут рыть окопы; третьи составят огромную массу, ощетинившуюся пиками: их делом явится защита городов.

Париж готов всецело поддержать великие усилия народа. Сейчас, когда я говорю с вами, комиссары Коммуны выпускают торжественное воззвание, призывающее граждан вооружиться и итти в защиту родины.

В этот решительный момент, господа, вы можете открыто признать, как велика заслуга Парижа перед всей Францией; в этот момент Национальное собрание должно стать подлинным военным комитетом.

Мы просим вашего содействия в нашей работе; помогите нам направить по должному пути этот великий народный подъем, назначайте дельных комиссаров, которые будут нам помогать в этих великих мероприятиях. Мы требуем смертной казни для тех, кто откажется итти на врага или выдать имеющееся у него оружие. Необходимы беспощадные меры. Когда отечество в опасности, никто не имеет права отказаться служить ему, не рискуя покрыть себя бесчестием и заслужить имя предателя родины. Мы требуем, чтобы были изданы инструкции, указывающие гражданам их обязанности. Мы требуем, чтобы были посланы курьеры во все департаменты — оповестить граждан обо всех декретах, издаваемых вами. Набат, уже готовый раздаться, прозвучит не тревожным сигналом, но сигналом к атаке на наших врагов. (Аплодисменты.) Чтобы победить их, господа, нам нужна смелость, смелость и еще раз смелость — и Франция будет спасена. (Новый взрыв аплодисментов.)»[1].

4. Задачи революционных войн.

А. Декрет от 19 ноября 1792 г.

«Национальный конвент объявляет, что он окажет братскую помощь всем народам, которые пожелают возвратить себе свободу, и обязывает исполнительную власть отдать приказание командирам французских армий, чтобы они приходили на помощь гражданам, которые подвергались притеснениям за дело свободы.

Национальный конвент приказывает командирам французских армий напечатать и обнародовать настоящий декрет во всех местах, куда проникнет оружие республики».

Б. Декрет от 16 декабря 1792 г.

«I. В странах, которые заняты или будут заняты войсками Французской республики, генералы немедленно провозгласят именем французского народа отмену существующих налогов и податей, десятины, феодальных прав, постоянных и единовременных, реальных и личных повинностей, исключительных прав охоты дворянства и всех вообще привилегий. Они объявят народу, что несут ему мир, помощь, братство, свободу и равенство.

II. Они провозгласят суверенитет народа и низложение всех существующих властей; затем они созовут народ в первичные или общинные собрания, чтобы создать и организовать временное управление; они опубликуют и распространят написанную на языке или наречии данной страны прокламацию, приложенную к настоящему декрету.

III. Все служащие и чиновники прежнего правительства, а также лица бывших благородных сословий или члены каких-либо бывших привилегированных корпораций не допускаются — однако только при первых выборах — на места временных административных или судебных органов.

IV. Затем генералы объявят находящимся под

---

[1] Предложения Дантона приняты и декретированы.

охраной и защитой французской республики все движимые и недвижимые имущества, принадлежавшие казне, государю, его пособникам, сторонникам и добровольным приверженцам, общественным учреждениям, светским и религиозным корпорациям и обществам; они озаботятся незамедлительным составлением подробных описей, которые будут посланы ими в Исполнительный совет, и примут все доступные им меры к охране этих имуществ.

V. На временное управление, избранное народом, возлагается обязанность заведывания имуществами, находящимися под охраной и защитой Французской республики, и надзора за ними; оно озаботится исполнением закона, относящегося к судебному ведению гражданских и уголовных дел, к помощи и общественной безопасности; на его обязанности лежит установление местных расходов и приходов, необходимых для общественной обороны, и забота об их покрытии; оно может установить налоги, с тем однако, чтобы они не ложились бременем на неимущих и трудящуюся часть народа.

VI. Когда временное управление будет организовано, Национальный конвент назначит из своего состава комиссаров, чтобы таким образом братски связаться с ним.

VII. Исполнительный совет также назначит национальных комиссаров, которые немедленно отправятся на места, чтобы войти в соглашение с временным управлением, избранным народом, относительно мер, необходимых для общественной обороны и для обеспечения обмундирования и продовольствия войск республики и для покрытия расходов, которые вызваны или будут вызваны пребыванием их на данной территории.

VIII. Национальные комиссары, назначенные временной исполнительной властью, будут представлять ей каждые две недели отчет в своих действиях вместе со своими замечаниями; после того как Исполнительный совет одобрит или отвергнет их, будет дан отчет Конвенту.

IX. Временное управление, избранное народом, и функции национальных комиссаров прекращаются тотчас же, как только жители, провозгласив суверенитет народа, свободу и независимость, организуют свободную и народную форму правления».

B. Проект прокламации, принятый Конвентом 16 декабря для опубликования в завоеванных странах.

Французский народ народу...

«Братья и друзья, мы завоевали свободу и мы удержим ее: в этом залог нашего единства и нашей мощи. Мы предлагаем вам разделить с нами благо этого неоценимого сокровища, которое искони было и вашим и которого могли лишить вас ваши угнетатели только путем преступления. Мы пришли, чтобы изгнать ваших тиранов; они бежали; покажите себя достойными свободы, и мы охраним вас от их возвращения, мести и происков.

С этого момента Французская республика провозглашает низложение всех ваших гражданских и военных должностных лиц, всех властей, управлявших вами; она объявляет отмену в вашей стране всех налогов, обременяющих вас, под каким бы видом они ни существовали, — феодальных прав, пошлин на соль, дорожных пошлин, пошлин на съестные припасы, на въезд и выезд, десятины, исключительных прав охоты и рыбной ловли, барщины, дворянства и всех вообще податей и повинностей всякого рода, возложенных на вас вашими угнетателями.

Она уничтожает также все дворянские, священнические и прочие корпорации, все преимущества и привилегии, противные равенству. С этой минуты, братья и друзья, вы все — граждане, все равные в правах, все одинаково призваны защищать вашу родину, управлять ею и служить ей.

Немедленно составляйте общинные собрания; спешите организовать ваши временные управления; комиссары Французской республики войдут с ними в соглашение, дабы обеспечить ваше благоденствие и братство, которое отныне должно царить между нами».

5. Из воззвания генерала Кюстина к жителям Вормса.

«...Контрибуция, которую я был вынужден потребовать с вашего города, была наложена для того, чтобы переложить военные расходы на врагов нашей свободы, на людей, которые открыто объявили себя на стороне эмигрантов, на этих изменников, которые предпочли про-

воцировать наступление всех деспотов империи на наше свободное государство, вместо того чтобы честно носить почетное звание граждан — единственное звание, которое хотят отныне носить французы.

Война, которую мы ныне ведем и которая совершенно отлична от всех ранее существовавших войн, направлена исключительно против узурпаторов власти, но не против самих народов.

Только магистраты вашего города должны нести бремя наложенной на ваш город контрибуции, — такова воля представителей французской нации. Если бы на деле вышло иначе, то такая несправедливость только отягчила бы виновность ваших магистратов, и без того доказавших свое вероломство оказанием защиты эмигрантам.

Война дворцам узурпаторов, мир хижинам и честным людям — вот манифест французской нации...»

6. Адрес английских граждан Конвенту.

(Зачитан 7 ноября 1792 г.)

«Французы! В то время как иностранные разбойники под благовидным предлогом восстановления справедливости опустошают вашу страну [1], неся всюду разорение и смерть, в то время как разные изменники и предатели имеют наглость заявлять, что вторжение их на вашу территорию вызвано исключительно соображениями сочувствия и дружбы, — вся угнетенная часть человечества разделяет с вами ваши страдания и живет лишь ими, забывая свои собственные; наблюдая с тревогой происходящее, она возносит к божеству вселенной самые горячие молитвы о том, чтобы оно помогло в вашем деле, с которым так тесно связано благо человечества.

Подавленные системой гнета и инквизиции, которая, постоянно укрепляясь, незаметным образом лишила нашу нацию почти всей ее столь прославленной свободы, почти привела ее к тому ужасному состоянию рабства, из которого вы только что так победоносно вышли, пять миллионов преисполненных негодования английских граждан имеют смелость выступить для того, чтобы спасти свою страну от того позора, которым ее покрывает поведение облеченных властью людей. Мы считаем нашим долгом истинных бриттов поддерживать и помогать всеми имеющимися у нас средствами защитникам прав человека, устроителям счастья всего человечества и поклясться в ненарушимой дружбе с народом, осуществляющим ваши идеи. Пусть отныне эта связующая нас дружба станет для нас священной, и да падет самое страшное возмездие на голову того, кто дерзнул бы ее нарушить!

Французы! По сравнению с остальной частью нашей нации наши силы могут показаться вам незначительными, но знайте, что они беспрестанно возрастают. Правда, постоянно занесенная над нами карающая рука правительства внушает страх робким; правда, распространяемая с таким искусством клевета вводит в заблуждение легковерных, а открытый союз нашего двора с заведомо изменившими своей стране французами может сбить с толку недальновидных или честолюбивых людей, — и тем не менее мы можем с уверенностью сообщить вам, свободные люди и друзья, что просвещение делает быстро успехи в нашей среде, жажда знания овладела умами людей, и царству невежества и деспотизма, этих родных братьев, приходит конец; теперь постоянно все задаются вопросами: «что такое свобода?», «каковы наши права?» Французы! Вы уже свободны, но и бритты готовятся стать таковыми же. Дорогие друзья, вы сражаетесь за счастье всего человечества. Какие бы кровавые потери ни пришлось вам понести в этой борьбе, могут ли они сравниться с тем беспримерным счастьем, когда вы сможете сказать: «Мир свободен; больше не существует ни тиранов, ни тирании; мир царит на земле, и человечество этим обязано французам».

Отправка этого приветствия задержалась благодаря нашему желанию дать возможность присоединиться к нам другим организациям, разбросанным по всей Англии. За это время ваше оружие сопровождали неслыханные в истории успехи; мы поздравляем вас с ними; ваши успехи рассеяли наше беспокойство, но никоим образом не изменили наших чувств. Помните, французы, что хотя это выражение дружбы только теперь дойдет до вас, оно тем не менее должно носить дату 22 сентября 1792 г.

[1] Адрес был написан до поражения союзников.

7. Декрет об объявлении войны Англии и Голландии.

(1 февраля 1793 г.)

«Национальный конвент, заслушав доклад своего Комитета национальной обороны касательно действий английского правительства по отношению к Франции, постановил:

Принимая во внимание,

что король Англии не перестал, со времени революции 10 августа 1792 г., выказывать французской нации свое недоброжелательство и свою привязанность к коалиции коронованных особ;

что в это время он приказал своему послу в Париже выехать, так как он не хотел признать временный исполнительный совет, учрежденный Законодательным собранием;

что Сен-джемский кабинет в это же самое время порвал все сношения с французским послом в Лондоне под предлогом отстранения бывшего короля французов от власти;

что со времени открытия Национального конвента он не хотел отвечать на обычную корреспонденцию между двумя государствами и признать полномочия этого Конвента;

что он отказался признать посла Французской республики, хотя последний был снабжен верительными грамотами на его имя;

что он препятствовал совершению различных закупок зерна, вооружения и других товаров в Англии как французскими гражданами, так и агентами Французской республики;

что он задержал несколько лодок и кораблей, нагруженных зерном для Франции, несмотря на то, что по трактату 1786 г. вывоз зерна оставался свободным для других стран;

что, чтобы пресечь коммерческие операции республики в Англии, он запретил парламентским актом обращение французских ассигнаций;

что он уничтожил ст. 4 трактата 1786 г., издав в минувшем январе акт, который поставил всех французских граждан, проживающих в Англии или туда прибывающих, в самое ужасное положение, подвергнув их в высшей степени стеснительным формальностям, угрожающим их безопасности;

что в то же время и вопреки содержанию ст. 1 мирного договора 1786 г., он оказал покровительство и денежную помощь эмигрантам и даже начальникам мятежников, которые уже боролись раньше с Францией, что он находился с ними в письменных сношениях, очевидно направленных против Французской революции, что он укрывает также начальников мятежников французских западных колоний;

что в том же духе, без всякого на то вызывающего повода, в то время как все морские державы находятся с Англией в мирных отношениях, Сен-джемский кабинет издал приказ о значительном вооружении морских сил и об увеличении сухопутных сил;

что это вооружение было приказано сделать в тот момент, когда английское министерство с ожесточением преследовало всех тех, кто поддерживал в Англии принципы Французской революции, и употребляло всевозможные способы как в парламенте, так и вне его, чтобы покрыть Французскую республику позором и вызвать к ней отвращение как со стороны английской нации, так и со стороны всей Европы;

что цель этого вооружения, направленного против Франции, не была даже скрыта в английском парламенте;

что, — несмотря на то, что французский временный исполнительный совет употреблял все средства, чтобы сохранить мир и братство с английской нацией, и отвечал на все искажения и нарушения трактатов лишь возражениями, основанными на принципах справедливости, выраженных с достоинством свободных людей, — английское министерство продолжало упорствовать в своем недоброжелательстве и враждебности, продолжало вооружения и послало эскадру к Шельде, чтобы помешать французским действиям в Бельгии;

что известие о казни Людовика Англия использовала, чтобы опозорить Французскую республику, и дала приказ французскому послу в восьмидневный срок покинуть территорию Великобритании;

что английский король высказал свое участие к делу преступного короля и свое намерение поддерживать его различными способами;

что его тайная коалиция с врагами Франции и особенно с Австрией и Пруссией подтверждается заключением трактата с первою в минувшем январе;

что он втянул в ту же коалицию штатгальтера Соединенных провинций, которого рабское подчинение Сен-джемскому двору и Берлину слишком очевидно;

что последний в течение Французской революции, несмотря на нейтралитет, которым он

прикрывается, относился с пренебрежением к агентам Франции, оказывал гостеприимство эмигрантам, притеснял французских патриотов, препятствовал их делам, попустительствовал, несмотря на общепринятый обычай и просьбы французского министерства, фабрикантам фальшивых ассигнаций; что в последнее время, чтобы помочь враждебным намерениям английского двора, он издал приказ о морском вооружении, назначил адмирала, приказал голландским кораблям соединиться с английской эскадрой, сделал заем на военные расходы; препятствовал вывозу во Францию, также способствовал снабжению прусских и австрийских складов;

принимая во внимание, что все эти обстоятельства не дают больше надежды Французской республике дружеским путем восстановить свои права и что все действия британского двора и Голландии суть действия враждебные и равносильные объявлению войны, Национальный конвент постановляет:

Статья 1: Национальный конвент декретирует во имя французской нации, ввиду многочисленных вышеупомянутых враждебных Французской республике актов, объявление войны королю английскому и штаттальтеру Соединенных провинций.

Статья 2: Национальный конвент поручает временному исполнительному совету использовать все силы, которые он сочтет необходимым, чтобы отбить нападения и чтобы удержать независимость, достоинство, интересы Французской республики...»

8. Из воззвания Конвента о вооружении народа.

«...С настоящей минуты впредь до изгнания неприятеля с нашей территории все французы подлежат зачислению на службу в армиях.

Молодые люди пойдут в бой; женатые будут заготовлять оружие и перевозить провиант; женщины будут изготовлять палатки, одежду и нести службу в госпиталях; дети будут приготовлять из старого белья корпию; старики будут выноситься в общественные места для возбуждения в воинах мужества, для проповеди ненависти к государям и единства республики.

Национальные дома будут обращены в казармы, общественные места — в оружейные мастерские, грунт погребов будет промываться для добывания селитры.

Огнестрельное военное оружие будет выдаваться только тем, кто будет двинут против неприятеля; для внутренней службы будут употребляться только охотничьи ружья и холодное оружие.

Верховые лошади будут отбираться на пополнение кавалерийских частей; упряжные же, кроме употребляемых в земледелии, будут служить для перевозки артиллерии и провианта.

Никто не может ставить за себя заместителя. Общественные должностные лица останутся на своих местах.

Ополчение не будет всеобщим; неженатые граждане или не имеющие детей, вдовцы в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет будут двинуты первыми. Они должны немедленно явиться в главный город своего округа, где будут ежедневно упражняться в обращении с оружием, впредь до получения приказа о выступлении... Организованный в каждом округе батальон будет объединяться знаменами с надписью: «Французский народ восстал против тиранов...»

9. Якобинцы и жирондисты.

(Извлечения из проектов деклараций.)

А. Доктрина Робеспьера и якобинцев.

Целью всякой политической ассоциации является поддержание естественных и неотъемлемых прав человека и развитие всех его способностей.

Главные права человека суть: право заботиться о сохранении своего существования и право на свободу.

Права эти принадлежат всем людям одинаково, каково бы ни было различие их физических и моральных сил.

Равенство прав установлено природой. Общество не только не нарушает его, но и гарантирует его против силы, обращающей его в иллюзию.

Свобода есть присущая человеку власть проявлять все свои способности по собственному усмотрению. Руководством для нее является справедливость, пределами служат права других, а охраною — закон.

Собственность есть принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться тою частью имуществ, которая обеспечена за ним законом.

Право собственности, как и все другие права, ограничено обязанностью уважать чужие права.

Оно не может служить к ущербу ни безопасности, ни свободы, ни существования, ни собственности нам подобных.

Всякое владение, всякая сделка, нарушающие этот принцип, незаконны и безнравственны.

Общество должно заботиться о продовольствии всех своих членов, либо доставляя им работу, либо обеспечивая средства существования тем из них, которые работать не в состоянии.

Необходимая помощь неимущим составляет священный долг богатого по отношению к бедному; определение способа, которым этот долг должен быть выполняем, принадлежит закону.

Граждане, доходы которых не превышают суммы, необходимой для их пропитания, освобождаются от платежей на общественные нужды. Все остальные должны нести эти платежи прогрессивно, соответственно размерам их состояния.

Общество должно всеми своими силами способствовать успехам общественного разума и сделать образование доступным для всех граждан.

Все граждане должны быть допускаемы к занятию всех общественных должностей, без всякого другого различия, кроме различия добродетелей и дарований, и без всяких других прав, кроме народного доверия.

Народ есть верховный правитель; правительство есть его создание и его собственность; общественные должностные лица — его приказчики.

Чтобы эти права были не мнимыми, а равенство не химеричным, общество должно обеспечить общественных должностных лиц жалованьем и устроить так, чтобы граждане, живущие своим трудом, имели возможность присутствовать на общественных собраниях, к участию в которых призывает их закон, без ущерба для существования как их самих, так и их семей.

Народ может переменить свое правительство, когда ему угодно, и отозвать своих уполномоченных.

Сопротивление гнету является последствием всех других прав человека и гражданина.

Когда угнетению подвергается хотя бы один из членов общества, это составляет угнетение всего общества в целом.

Когда угнетается все общество в целом, это составляет угнетение каждого его члена.

Когда правительство нарушает права народа, священнейшею из обязанностей является восстание всего народа и каждой части его.

Когда гражданину не оказывается социальной гарантии, он пользуется естественным правом самому защищать все свои права.

В том или другом случае подчинение сопротивления гнету легальным формам является крайне утонченным видом тирании.

Всякое учреждение, не предполагающее, что народ хорош, а должностное лицо может быть продажным, негодно.

Люди всех стран — братья, различные народы должны по мере своих сил помогать друг другу как граждане одного и того же государства.

Тот, кто угнетает одну нацию, тем самым объявляет себя врагом всех наций.

Люди, ведущие с каким-нибудь народом войну, с целью задержать успехи свободы и упразднить права человека, должны быть преследуемы всеми не как обыкновенные враги, а как убийцы и мятежные разбойники.

Государи, аристократы и тираны, каковы бы они ни были, являются рабами, возмутившимися против верховного властителя земли, которым является род человеческий, и против законодателя вселенной, которым является природа.

B. Доктрина Кондорсэ и жирондистов.

Так как целью всякого соединения людей в общество служит поддержание их естественных, гражданских и политических прав, то права эти должны быть основою общественного договора: признание и провозглашение их должны предшествовать конституции, которая послужит для них обеспечением.

Естественные, гражданские и политические

права людей суть: сво´да, равенство, безопасность, собственность, социальная гарантия и сопротивление угнетению.

Равенство состоит в том, чтобы каждый мог пользоваться одинаковыми правами.

Свобода заключается в возможности делать все то, что не противно правам других; так пределами осуществления всяким человеком своих естественных прав являются только те пределы, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами.

Право собственности состоит в том, что человек волен располагать по собственному усмотрению своим имуществом, своими капиталами и продуктами своего промысла.

Человеку не может быть воспрещен никакой род труда, торговли и культуры.

Он может выделывать, продавать и развозить предметы всякого рода производства.

Всякий человек может отдавать в наем свои услуги, свое время; но он не может продавать себя самого: личность его не есть отчуждаемая собственность.

Никто не может быть лишаем ни малейшей части его собственности без его согласия, если только не требует того с очевидностью общественная необходимость; но, и в этомслучае отчуждение производится под условием справедливого предварительного вознаграждения.

Общественная помощь составляет священный долг общества, а размеры и применение ее должны быть определяемы законом.

Никакой налог не может быть установлен иначе, как в видах общей пользы и для покрытия общественных нужд. Все граждане имеют право содействовать, лично или через своих представителей, установлению общественных налогов.

Образование есть потребность всех, и общество обязано давать его всем своим членам.

Все граждане должны быть допускаемы к занятию всяких общественных мест, занятий и должностей. Свободные народы не могут признавать других причин предпочтения, кроме дарований и добродетелей.

Гарантиею этих прав служит верховная власть нации.

Народ всегда имеет право пересмотреть, преобразовать и изменить свою конституцию. Одно поколение не может порабощать поколений будущих, и всякая наследственность должностей нелепа и тиранична.

Является угнетением то, когда насилуются естественные, гражданские и политические права, которые должны быть гарантируемы законом.

Угнетением является то, когда закон нарушается общественными должностными лицами при его применении в каждом отдельном случае.

Угнетением является то, когда произвольными действиями нарушаются права граждан, что противоречит смыслу закона.

Социальной гарантии не может существовать там, где либо не определены ясно пределы общественных должностей, либо не обеспечена ответственность всех общественных должностных лиц.

Все граждане обязаны содействовать этой гарантии и поддерживать силу закона, когда призываются к тому его именем.

Люди, объединившиеся в общество, должны иметь легальное средство к тому, чтобы давать отпор гнету.

10. Жирондисты о продовольственном вопросе.

А. (Речь жирондиста Барбару о продовольственном кризисе в Конвенте от 27 апреля 1793 г.)

«Каковы же причины дороговизны хлеба? Жнецы, молотильщики и веяльщики ржи повысили свою поденную плату. Этому содействовали две причины: во-первых, падение курса ассигнатов, которыми с ними расплачиваются, и, во-вторых, обезлюдение деревни, происшедшее вследствие войны. Известно, что рабочая сила стоит тем дороже, чем меньше рабочих. С другой стороны, и транспорт стал гораздо дороже вследствие порчи дорог и уменьшения числа вьючных животных, весьма ощутительного в деревне.

Цена транспорта так высока, что, например, южным департаментам невозможно вывозить рожь из бывшей Бургони, не заставляя этим себя покупать хлеб по 12 су за фунт. Наконец, если бы им еще соглашались его дать! Но их оттесняют, говоря, что, закупая хлеб себе, они уморят голодом Париж. Вот каким образом тревога из-за продовольствия, распространяемая повсюду недоброжелательством, готовит нам может быть внутренние раздоры. Издержки по хранению зерна, найму телег возросли в ужасающей пропорции...

Чем крупнее были непредвиденные издержки, тем больше ассигнатов вводилось в обращение; и эта беспорядочная эмиссия опрокинула всю торговлю. Во Франции было 2 200 млн. ассигнатов. Другие 600 млн. находились на руках держателей разных ценностей. Теперь же в открытом обращении имеется 4 млн. ассигнатов, а в тайном еще 1 600 млн. звонкой монеты. Это составляет почти 6 млрд. ливров, и эта сумма в 6 раз превышает наши доходы. Таким образом между товарами и их денежным обозначением нет больше равновесия, и товары должны дорожать до тех пор, пока не дойдут до цены в 6 раз больше той, которая стояла на них в 1788 г.

Однако имеются обстоятельства, которые уменьшили бедствие, быть может помимо человеческой воли: это — закупки зерна, сделанные за границей правительством, закупки Марселя в Италии и все зерно, ввезенное частной торговлей. Далекие от мысли порицать первые наши операции, поздравим себя с тем, что мы их декретировали; но в особенности поблагодарим торговлю, исправляющую ошибки людей и бедствия, причиняемые войной.

Жестоко ошибаются те, которые думают, что закон, запрещающий продажу звонкой монеты, исправит зло, о котором я говорил: нужда или обман уже сделали этот закон бессильным. Монеты превращаются в слитки золота или серебра и продаются на бирже, как товары: ведь правильно, что кредит устанавливается не законами, а доверием, рождающимся из уважения к собственности. Напрасно стали бы мы пытаться повысить курс наших ассигнатов принудительным путем; он устанавливается иностранными нациями, и я знаю лишь одно средство избегнуть его понижения — это внушить иностранцам доверие к нашим бумажным деньгам.

Установив конституцию и уменьшив количество денежных знаков, вы восстановите курс наших ассигнатов и обычный уровень цен на все продукты; при помощи конституции вы поразите Англию, которая является самой опасной из враждующих с нами держав, потому что у нее есть флот. Таким образом запрещение продавать звонкую монету вовсе не является средством против дороговизны хлеба. Рассмотрим, является ли такса на зерно средством помочь этому. Что понимается под таксой на зерно? Конечно вы можете силой вырвать у двух или трех фермеров зерно по любой цене; но вы не можете сделать, чтобы обработка и транспорт этого зерна не стоили определенной суммы; и вы этим не поможете тем моральным причинам, которые заставляют повышать цены на зерно; наоборот, вы только усилите их влияние; поразив воображение мыслью о голоде, вы вызовете те мелкие частные закупки, которые могут действительно повлечь за собой голод. Вы хотите установить максимум цены на зерно; но или этот максимум будет слишком высок или вы сведете его к уровню ниже действительной цены. Если максимум высок — вы ничего не сделаете для народа; наоборот, вы принесете в жертву его интересы, так как никакой фермер не отдаст свою рожь дешевле этого максимума. А те различия, которые происходят вследствие обильного урожая, легкости перевозки по реке и тысячи других причин, — эти различия, выгодные для потребителя, — вы их уничтожите; вы лишаете людей даров природы.

Если ж, наоборот, максимум будет слишком низок, то произойдет следующее: потребители поспешат увеличить свои запасы и будут забирать рожь, как только она будет обмолочена. Вы хотели сохранить цену на хлеб в 3 су за фунт, что из этого вышло? Все жители соседних деревень, где хлеб стоит дороже, стали приходить за продовольствием в Париж. Мэр оказался вынужденным производить реквизиции при помощи вооруженной силы, чтобы помешать вывозу хлеба. Напрасные старания: вскоре понадобилось бы учредить бюро и ряд чиновников, чтобы положить предел этой новой монополии, издать целый кодекс о наказаниях, чтобы покарать крестьянина, унесшего хлеб в кармане, как некогда наказывали того, кто приносил в Париж бутылку вина. Вскоре эти новые заставы были бы так же сожжены, как прежние.

Если действительно можно силой захватить один склад, то нельзя вырвать по мелочам у 100 тыс. или даже у миллиона частных лиц тот мешок ржи, который каждый из них купил себе для своего личного потребления. Что же вы будете устраивать домашние обыски по городам и деревням для розыска одной четверти ржи, как некогда разыскивали фунт соли или табаку? Пожелаете ли вы вооружить одних французов против других, чтобы первые отвоевали силой у вторых свое продовольствие, когда они, наоборот, должны были бы распределить его между собой при помощи мирных

торговых сделок и постепенного воздействия экономических законов, которые не убивают людей, а предохраняют их от гибели. Откуда у вас явилась надежда упрочить этим способом продовольствие?»

Б. Рабочие Сент-антуанского предместья о максимуме.

(Извлечение.)

Появляется депутация от имени граждан Сент-антуанского предместья; она вводится в залу заседаний.

Оратор. Народные представители, вы собраны здесь во имя общественного спасения, во имя установления республиканских законов; отвечайте, что вы сделали? Наших лучших защитников вы разослали по комиссиям и этим опустошили святую гору. Злостные агитаторы, которые заседают вместе с вами, остались в силе и добились того, что происходит теперь; вы дали много обещаний, но ничего не сделали. Наши волонтеры, наши защитники терпят нужду в самом необходимом. Их женам и детям не хватает продовольствия. Уже давно вы обещали установить священный максимум на все предметы, необходимые для существования. Вечно обещать и ничего не исполнять, утомлять и изнурять народ — это значит отнимать у него всякую возможность доверия к вам.

Подобно народу, принесите в жертву свои интересы; пусть многие из вас забудут, что они являются собственниками. Пусть будет установлен максимум, и мы все будем защищать вашу собственность и еще более собственность нашей родины...

Тяжесть революции ложилась до сих пор только на несостоятельный класс. Настало время, чтобы богатые и эгоисты тоже стали республиканцами и своим имуществом заменили отсутствие у них храбрости; нужно установить республику единую и нераздельную; мы ее хотим без всяких ограничений; вы поклялись в этом вместе с нами; примените же вместе с нами к чрезвычайным бедствиям чрезвычайные меры; провозгласите силу, единство, храбрость, истину, смерть тиранам и всем их приспешникам. Республика, победа патриотам — вот наш девиз! (Аплодисменты.)

Избранники народа, вот наши средства для спасения общественного дела; только их мы считаем безошибочными.

Если вы их не примете, то мы, которые хотим спасти народ, заявляем вам, что находимся в состоянии восстания: 10 тыс. людей стоят у входа в залу... (Сильное возмущение во всех концах залы прерывает оратора.)

11. Жирондисты и монтаньяры о принудительном займе в 1 миллиард[1],

1. На первую, подлежащую обложению, тысячу ливров дохода устанавливается налог в 50 ливров, на вторую — 60 ливров и т. д., увеличивая это обложение по 10 ливров на каждую следующую тысячу ливров дохода; это увеличение обложения прекращается, как только налог доходит до 500 ливров на каждую тысячу.

2. Муниципалитеты приступают к взиманию этого налога в недельный срок по ознакомлении с законом.

3. Частные лица, полагающие, что они обложены чрезмерно, могут представить свои возражения в директории дистрикта.

Камбон (монтаньяр). Я также настаиваю на военном налоге и я также хочу, чтобы он взимался только на основании закона, изданного Конвентом; я хочу также, чтобы этот налог падал на всех граждан, без деления их на патриотов или аристократов. Но в республике есть люди, которые являются самыми жестокими ее врагами; они пользуются уважением приспешников тиранов, вторгающихся в нашу территорию, и занимают там важные должности в то время, как патриоты подвергаются угнетению. Департамент Эро, свидетель этих злоупотреблений, видя, что многие граждане бросают свою торговлю и собственность для того, чтобы итти на защиту родины, решил: очень плохо, что эти граждане платят столько же, сколько и те, которые сеют раздоры и вызывают войну. Этот департамент установил принудительный заем. Он сказал таким людям: ты богат и имеешь такие убеждения, которые вовлекают нас в расходы; я не хочу нарушать твоей собственности, но я хочу, наперекор те-

[1] Декрет о принудительном займе, предложенный от имени Комитета финансов 30 мая 1793 г.

бе, связать твои интересы с интересами революции; я хочу, чтобы ты ссудил твое состояние республике, а когда свобода будет установлена, тогда республика вернет тебе твои капиталы. И я хотел бы, чтобы Конвент, подобно департаменту Эро, декретировал гражданский заем в размере одного миллиарда, который падал бы на эгоистов и на людей, равнодушных к революции. Ассигнаты ведут против нас разорительную войну; пусть же этот гражданский заем в один миллиард повлечет за собой возвращение ассигнатов в казну и кроме того привяжет всех этих граждан к республике, так как всем подписчикам этого займа будет выдана расписка, которая будет приниматься в уплату при покупке земель эмигрантов. (Взрыв аплодисментов.)

Барбару (жирондист). Я возражаю против всех проектов о принудительном займе; я предлагаю способ собрать те же средства, не прибегая к займу. Я хочу изложить вам некоторые соображения по занимающему нас важному вопросу; прежде всего я укажу, что поспешность в таком щекотливом вопросе является очень опасной. Чтобы доказать это, достаточно привести вам несколько примеров. Вы знаете, каким образом совершаются обходы закона о воспрещении торговли звонкой монетой; закон, устанавливающий максимальную цену зерна, приносит бедствия, которые вы также скоро почувствуете... (Ропот; многие члены «Горы» кричат: «Речь идет о принудительном займе»). Уже южные департаменты жалуются, что из-за границы больше не привозят зерна... (Новый ропот. Те же члены: «Вопрос не касается зерна». С трибуны раздаются громкие крики. Несколько раз слышны возгласы: «Долой, долой!» На скамьях правой и центра сильное негодование. Барбару покидает трибуну.)

Марат. Что значит этот панический страх из-за нескольких криков неодобрения, вызванных женщинами? Опыт уже должен был излечить от этого Конвент. Уже два года слышны ваши жалобы, хотя у нас до сих пор нет ни одной царапины для того, чтобы показать ее вашим избирателям. Оппозиция принудительному займу происходит здесь оттого, что до сих пор не исключили некоторых членов собрания. (Ропот.)

Верньо (жирондист). Граждане, того, кто первый выдвинул систему прогрессивного обложения на роскошь и на богатство, нельзя обвинять в том, что он покровительствует богачам. Но можно подумать, что рвение и пылкий патриотизм Камбона, предложившего здесь принудительный заем в размере одного миллиарда, завлекли его дальше той цели, к которой он сам стремился...

В конечном результате принудительный заем, несомненно, является косвенным посягательством на собственность, противоречащим всем нашим принципам; он поставит нас в противоречие с нами самими и с окружающими нас фактами.

Такой налог может быть справедливым лишь тогда, когда он вызван неотложной необходимостью, а мы, к счастью, еще далеки от такого тяжелого положения. Этот налог уничтожит все наши обычные источники дохода, и нам придется изыскивать новые, которые окажутся при проведении в жизнь столь же фантастическими и неосуществимыми, как и первый. В данный момент этот заем не принесет нам никакой выгоды; он будет вреден для нации и подорвет всякое доверие; остановимся подробнее на следующих соображениях.

Никто не сомневается в том, что самым благим результатом общественного договора является неприкосновенность собственности и личности. Во избежание недоразумений мы согласимся, что нация является верховным владельцем всего народного достояния; но тот же самый договор, который устанавливает это право нации, закрепляет вместе с тем частную собственность и право обладания ею за тем, кто только что передал нации верховный суверенитет над своим имуществом. Этим обоюдным договором нация гарантирует отдельным гражданам мирное и безмятежное пользование всем, что он подчинил ее суверенитету; только в случае крайней небходимости нация может нарушить это право.

Но ведь Комитет финансов постоянно докладывал и опубликовывал, что наши военные ресурсы более чем достаточны? Разве при таких обстоятельствах мы имеем право решиться на проведение такого займа, или, вернее, на такое посягательство на частную собственность? Разве в том положении, в котором мы находимся, этот налог не становится несправедливым и возмутительным актом тирании?

Пусть нам не говорят, что это не налог, не произвольное обложение, а заем, который будет выплачен посредством продажи национальных имуществ: это ненужное притворство не

устранит реальных неудобств этого налога для тех, кто не в состоянии его выплатить, или для тех, кто сможет его выплатить, только продав или заложив свое собственное имущество; этот акт насилия не станет лучше или справедливее... от того, что мера является в данный момент бесполезной и невыгодной, она неразумна политически, вредна для нации и подрывает всякое доверие; она является как бы сигналом крайней опасности, провозглашенной необдуманно, без всякой нужды и без всякой пользы. Установите этот налог; этим вы затруднite наши платежи, прекратите продажу национальных имуществ, заглушите всякое соревнование, уничтожите все источники, питающие торговлю, и заставите безвозвратно удалиться тех, кто хотел поселиться на нашей гостеприимной земле.

(Конвент постановляет напечатать речь Верньо.)

Марат. Я также считаю опасным деление богачей на патриотов и аристократов. Я прошу, чтобы в проекте комитета было уничтожено это различие и чтобы на всех богатых был установлен прогрессивный налог соответственно с их состоянием.

Камбон. Мы все согласны с тем, что заем нужен; я прошу декретировать в принципе, что будет проведен принудительный заем, и пусть Комитету финансов будет поручено представить нам завтра проект о способе его проведения.

Барер. Я предлагаю следующую редакцию:

«Национальный Конвент декретирует следующее:

На всех богатых граждан накладывается принудительный заем в размере 1 миллиарда.

Квитанции этого займа принимаются в уплату при покупке владений эмигрантов.

Комитету финансов поручается немедленно представить способ его проведения».

12. Декрет Конвента о разрушении Лиона.

Национальный конвент, выслушав доклад Комитета общественного спасения, постановляет:

Ст. 1. Будет назначена Национальным конвентом, по представлению Комитета общественного спасения, чрезвычайная комиссия, составленная из 5 членов для незамедлительной кары по законам военного времени лионских контрреволюционеров.

Ст. 2. Все жители Лиона будут разоружены. Их оружие будет распределено сейчас же между защитниками республики. Часть будет передана лионским патриотам, находившимся под гнетом богачей и контрреволюционеров.

Ст. 3. Город Лион будет разрушен. Все то, что служило жилищем для богачей, будет снесено. Останутся лишь дома бедных, жилища перебитых или приговоренных к смерти патриотов, здания, специально обслуживавшие промышленность, и сооружения, посвященные делу человеколюбия и народного образования.

Ст. 4. Имя Лиона будет вычеркнуто из перечня городов республики. Совокупность оставленных в целости домов будет впредь носить имя Вилль-Аффранши (т. е. освобожденный город).

Ст. 5. На развалинах Лиона будет воздвигнута колонна, которая будет свидетельствовать перед потомством о преступлениях и наказании роялистов этого города, с такой надписью: «Лион объявил войну свободе, и Лиона более нет. В 18 день 1 месяца II года единой и нераздельной Французской республики» (т. е. 9 октября 1793 г., в день вступления революционной армии в Лион).

Ст. 6. Представители народа назначат сейчас же комиссаров для составления перечня всех имуществ, принадлежащих богачам и контрреволюционерам Лиона, чтобы Конвент мог немедленно установить способы выполнения декрета 12 сего июля, предназначавшего эти имущества для вознаграждения патриотов».

13. Вандея.

(Из донесений Комитету общественного спасения.)

Представители народа в Мэн-луарском и Сартском департаментах

Анжер, 24 апреля 1793 г.

«... Вы запрашиваете нас относительно подробностей смут, волнующих эту часть республики, о причинах этих смут, об их распространенности и об их последствиях. Мы вам готовы сообщить то, что мы знаем более достоверного на этот счет.

Невежество и фанатизм господствовали в областях, охваченных в настоящий момент восстанием, когда революция призвала французов к свободе. Революция здесь мало чувствовалась, и у свободы оказалось лишь незначительное число друзей. Цепи феодального и поповского деспотизма были разбиты по всей Франции; только тут не спешили их разбивать и ни на один момент не теряли надежды на их восстановление. В этом несчастном краю патриотизм уже три года как находится в войне с ненавистью к свободе и не всегда был победоносным. Уже три года, как эта несчастная страна повседневно орошается кровью ее обитателей.

Более удобной местности для контрреволюционного заговора нельзя было и выбрать: она отличается величайшим плодородием и охватывает часть наших берегов; настроение ее сбитых с толку жителей, их число, их богатства — все обещало, казалось, полный успех. Нужен был лишь предлог, и его доставил рекрутский набор. Все приготовления были сделаны с давних пор; в один момент поднялось более 100 тыс. человек; они захватили административные учреждения и сожгли все реестры документов, налоговые списки, все бумаги и все сведения, необходимые для управления. Они перерезали поодиночке захваченных врасплох патриотов и разгромили их имущество; их движение было стремительно, их успехи поражающи, и мы не боимся сказать, что может быть это было бы концом республики, если бы комиссары Конвента не прибыли в те различные пункты, которые захватили мятежники. Присутствие комиссаров вернуло уверенность и энергию ошеломленным патриотам, и все вместе принялись за операции, необходимые для того, чтобы рассеять этот грозный ураган.

Мы не будем входить здесь в детали различных экспедиций против этих бандитов. Вы уже об этом осведомлены, и мы шаг за шагом будем ставить вас в известность насчет этого, а здесь мы просто предлагаем вам познакомиться с природой зла и с его размерами.

Много эмигрантов из бывших дворян и священников стоит во главе этих скопищ и направляет все их движения: они по большей части вооружены и повидимому снабжены большим количеством военных припасов и продовольствия. Они окапываются, они вступают в бой по заранее обдуманному плану; в общем они сражаются довольно хорошо, и некоторые среди них обнаруживают отчаянную неустрашимость, которую может дать только фанатизм.

Вы не сможете поверить, до какой степени сбиты с толку эти бедные люди и как велико их доверие к руководящим ими злодеям. Никогда суеверие не заходило так далеко.

Объединяющими их символами являются белые знамена и белые кокарды; все носят наплечники и четки; король и их попы — вот их лозунг.

Они обладают храбростью, доходящей до безумия; они атакуют, не ожидая нападения. Эту странную уверенность дают им, во-первых, успехи, которые они вначале одержали с большой легкостью, а во-вторых, недостойное поведение тех, которые были назначены, чтобы дать им отпор...»

14. Восстание в Тулоне.

(Из донесений комиссаров Комитету общественного спасения.)

Граждане коллеги!

«Мы снова рискуем этим письмом, хотя уже около двух месяцев мы имеем печальную уверенность в том, что все те письма, которые мы вам писали и которые, возможно, предупредили бы наступление великих бедствий, были перехвачены или департаментом устьев Роны, или же департаментом Нижних Альп. С тех пор мы как бы на расстоянии 6 тыс. миль от Национального конвента и не знаем, существует ли он еще. Никакие бюллетени, никакие газеты не проникают к нам.

Нам известны меры, которые должны быть приняты Комитетом общественного спасения, чтобы потушить бунт объединившихся друг с другом департаментов. В довершение отчаяния Тулон отрекся от тех принципов, которые он до сих пор исповедывал с такой энергией. Наши коллеги, Пьер Байль и Бове, отправившиеся туда по различным делам их миссии, попали там в тюрьму. Там организованы секции и центральный комитет. Эта перемена была произведена эмиссарами марсельской клики, которые проникли внутрь его стен и, объединившись с флотскими офицерами и местными буржуа, совершили контрреволюцию. На клуб навели

два артиллерийских орудия, с приказом стрелять во всех его членов, которые вздумали бы появиться. Тревогу бьют днем и ночью. Все совращенные отряды войск держатся наготове; бросили в тюрьмы самых горячих защитников свободы. Марсельские патриоты, в числе более 500, укрывшиеся в Тулон и Варский департамент, как на гостеприимную территорию, чтобы ускользнуть от преследований и эшафота, самым недостойным образом преданы в руки их палачей и отведены закованными в Марсель. Было вызвано ужасное недоверие к ассигнациям и крайнее вздорожание съестных припасов, чтобы использовать недовольство рабочих арсенала, которых от 5 до 6 тыс.; и это все тулонские санкюлоты; им мы, согласно представленной ими петиции, почти два месяца тому назад, в течение немногих дней пребывания нашего в этом городе, повысили вдвое, в ассигнациях, плату за их рабочий день. По их стали исподтишка подстрекать к тому, чтобы они требовали звонкой монеты. Таким образом нас поставили между законом и народным ропотом. Вы знаете, дорогие коллеги из партии «горы», эту неизменную тактику, это обоюдоострое оружие, употребляемое среди нас с таким успехом против многих. В те времена Тулон отличался своим патриотизмом; клуб разразился мужественными обращениями против марсельских агитаторов, но мы держались твердо и отказались, сообразуясь с законом, установить плату по желанию, звонкой монетой, вполне убежденные в том, что если бы мы допустили эту снисходительность или, скорее, эту слабость, то не преминули бы возбудить находящуюся под рукой итальянскую армию к предъявлению тех же самых претензий.

Но тут-то нас и подстерегли богачи, буржуазная знать, дворяне, флотские офицеры, а может быть и англичане (ибо они в настоящий момент перед Тулоном); они вдруг заплатили три четверти заработной платы рабочим звонкой монетой, а остальную четверть ассигнациями, таким манером, что когда все было подготовлено для контрреволюции, то портовые рабочие, далекие от того, чтобы ей противиться, были первыми, кто поздравил себя со столь счастливой переменой и приложил к этому делу свою руку. В этом перепуганном городе сейчас же возник, по примеру марсельского, кровавый трибунал. В несколько дней должны быть гильотинированы 18 благороднейших патриотов. Уже пала под смертоносным ножом голова одного из лучших патриотов Тулона, гражданина Севестра, одного из основателей клуба; голова гражданина Жалло Вартелеми, президента уголовного трибунала Варского департамента, обречена на то же наказание. Он был выставлен не так давно на два часа на большой площади напоказ всему народу, который, будучи обманут и разгорячен самой наглой клеветой, громогласно требовал его смерти. Секции обещают, как бы из милости, что его будут судить. Другой Бартелеми уже ранее был умерщвлен в Марселе за дело свободы.

Не следует упускать из виду, что эти гнусные фейльяны следуют и здесь тем же путем, что в Лионе и Марселе; они беспрестанно говорят об единстве и нераздельности республики, о личной безопасности граждан и об уважении к собственности; и они грабят, связывают по рукам и ногам и наносят удары кинжалом на глазах у того же самого народа, печальной игрушки заблуждения и интриги. Вы знаете еще, что в момент, когда образовались секции, был торжественный праздник, в котором принимали участие все офицеры эскадры. Командовавший ею контрадмирал Трогов дал сигнал поднять все вымпела, и все корабли эскадры, по примеру адмиральского корабля, поспешили воздать почести неограниченной власти секций многочисленными артиллерийскими выстрелами; и он же самый, во время сделанного нами смотра эскадре, притворялся, что ему не приходится оказывать каких-либо почестей национальному представительству, под тем предлогом, что закон или постановление исполнительного совета строго запрещает салюты на море кому бы то ни было ввиду необходимости беречь наш порох. Если бы Людовик XVII появился на рейде, или старый губернатор, или старый интендант бывшего Прованса, мы предоставляем вам поразмыслить, испытывал ли господин граф Трогов те же самые затруднения. Мы вам отмечаем его как одного из вождей контрреволюции и мы доносим о нем вашему Комитету общественного спасения по поводу других фактов и обстоятельств, столь же тяжких, как и его сообщничество с вожаками тулонских секций...»

Ницца, 26 июня 1793 г.

15. О принципах революционного правления.

(Доклад М. Робеспьера 25 декабря 1793 г.)

(Извлечения.)

«Теория революционного правления так же нова, как революция, которая ее создала. Искать эту теорию надо не в книгах политических писателей, которые не предвидели подобной революции, и не в законах тиранов: они стремятся злоупотребить своей властью и мало занимаются оправданием ее... Необходимо разъяснить эту теорию и собрать вокруг принципов общественной пользы всех добрых граждан...

Задачи конституционного управления — направить жизнь республики, задачи управления революционного — ее создать. Революция — это война свободы против ее врагов; конституция — это режим свободы торжествующей и уверенной.

Революционное правительство должно быть чрезвычайно активным, именно потому, что оно правительство войны. Оно подчинено правилам менее определенным и менее строгим, потому что обстоятельства, в которых оно находится, чрезвычайно бурны, изменчивы, и особенно потому, что оно вынуждено применять беспрестанно новые и быстрые средства против все новых и новых опасностей.

Конституционное правление должно преимущественно заботиться о личной свободе, правление революционное — о свободе общественной... Революционное правительство защищает добрых граждан, оно знает только наказание смертью для врагов народа.

Эти замечания достаточны, чтобы объяснить происхождение и природу законов, которые мы называем революционными.

Те, кто называет эти законы тираническими, — глупые софисты или испорченные люди, которые желают смешать понятия; они желают объединить воедино мир и войну, здоровье и болезнь. В конце концов они хотят только возрождения тирании и смерти отечества. Если они призывают к буквальному исполнению конституционных положений, они это делают не иначе, как с целью безнаказанно посягнуть на конституцию и задушить республику в колыбели...

Корабль конституции не был построен для того, чтобы навсегда оставаться в верфи; но следует ли его пускать в море навстречу буре и враждебным ветрам? Этого хотят тираны и враги конституции, но французский народ вам приказывает ожидать возвращения спокойных времен для ее применения. Желания народа единодушны, они покрывают вопли аристократов и федералистов, мы принуждены освободить раньше всего отечество от врагов...

Если революционное правительство должно быть более решительным и более смелым в своих действиях, чем обычное правительство, менее ли оно справедливо и законно поэтому? Нет, оно опирается на более святой из всех законов: спасение народа; на наиболее беспрекословное из всех требований: необходимость...

Революционное правление ничего не имеет общего ни с анархией, ни с беспорядком; его задача, наоборот, — обуздать беспорядок, чтобы утвердить царство закона; оно ничего не имеет общего с деспотией: не страсти отдельных лиц, а общественные интересы руководят им...

Революционному правительству приходится действовать между двумя подводными камнями: умеренностью и крайностью... именно поэтому правительство должно быть осмотрительным, так как все враги свободы желают обратить против него не только ошибки его, но даже и наиболее мудрые меры...

Что следует в таком случае делать? Преследовать предателей и их ложные системы, поощрять патриотизм, несмотря на его заблуждение, просвещать патриотов и сделать народ достойным его прав и его судьбы.

Рассматривая обязанности революционного правления, мы заметили те подводные камни, на которые оно наталкивается. Чем более велика его власть, чем более свободны и решительны должны быть его действия, тем более добросовестные люди должны направлять их. День, когда оно попадет в нечистые или вероломные руки, будет последним днем свободы. Революционное правление станет тогда предлогом для успехов контрреволюции; его энергия станет ядом для народа. Доверие французского народа к вам вызвано скорее активностью Конвента, чем самым учреждением. Отдавая всю власть в ваши руки, народ ожидает, что правление ваше будет полезно для патриотов и грозно для врагов отечества. На нас возложена обязанность употребить все необходимые решительные политические меры, чтобы раздавить врагов революции и прежде всего удержать между

собою единство, в котором вы нуждаетесь, чтобы выполнить ваше великое назначение...

Установление Французской республики — не детская игра; она не может быть делом каприза или беспечности, ни результатом случайного толчка. Если революционное правление не будет поддержано энергией, просвещением, патриотизмом и добросовестностью всех депутатов, как будем мы обладать достаточной силой, равной противодействию Европы и всех врагов свободы, которые атакуют нас и теснят Францию со всех сторон?..»

16. «Декларация прав человека и гражданина» 1793 г.

«Французский народ, убежденный в том, что забвение и презрение естественных прав человека суть единственные причины всех бедствий, решил изложить в торжественной декларации священные и неотчуждаемые права, чтобы все граждане, имея возможность беспрерывно сравнивать действия правительства с целью всякого общественного установления, никогда не допускали притеснять и унижать себя тиранией; чтобы народ всегда имел перед своими глазами основы своей свободы, своего счастья; магистрат — свои обязанности; законодатель — предмет своих полномочий.

В силу этого он провозглашает перед лицом высшего существа следующую декларацию прав человека и гражданина.

Ст. 1. Целью общества является общее благополучие. Правительство установлено для облегчения обеспечения человеку пользования принадлежащими ему естественными и неотъемлемыми правами.

Ст. 2. Эти права суть: равенство, свобода, безопасность, собственность.

Ст 3. Все люди — равны, согласно природе и перед законом.

Ст. 4. Закон есть свободное и торжественное выражение общей воли; оказывает ли он покровительство или карает, — он один и тот же для всех; он повелевает только то, что справедливо и полезно для общества; запрещает же лишь то, что вредно.

Ст. 5. Все граждане одинаково допускаются к отправлению общественных должностей. Свободные народы не знают в своих выборах иных мотивов для предпочтения, кроме добродетелей и талантов.

Ст. 6. Свобода есть принадлежащая человеку возможность делать все, что не вредит правам другого; принципом ее служит природа, правилом — правосудие, охраною — закон; ее нравственные границы определяются таким положением: «Не делай другому того, чего не хочешь по отношению к себе».

Ст. 7. Не могут быть воспрещаемы ни право выражать свои мысли и мнения, будь то посредством ли печати или иначе, ни право мирных собраний, ни свободное отправление культов. Необходимость провозглашения этих прав вытекает из наличности деспотизма и свежего воспоминания о нем.

Ст. 8. Безопасность состоит в покровительстве, оказываемом обществом каждому из его членов для охраны его личности, его прав и его собственности.

Ст. 9. Закон должен защищать общественную и личную свободу от притеснений тех, кто управляет.

Ст. 10. Никто не может быть обвинен, задержан или заключен под арест иначе, как в случаях, определенных законом, и по предписанным им формам. Каждый гражданин, вызванный или схваченный в силу закона, обязан немедленно повиноваться; он делается виновным, оказывая сопротивление.

Ст. 11. Произвольным и тираническим является всякий насильственный акт, производимый по отношению к человеку вне случаев и без соблюдения форм, определенных законом; тому, против кого захотели бы его употребить, предоставляется право сопротивляться.

Ст. 12. Те, которые испрашивают, отдают, исполняют или заставляют исполнять незаконные постановления, виновны и подлежат наказанию.

Ст. 13. Так как каждый человек предполагается невинным, пока его не признают виновным, то, в случае необходимости его ареста, всякая строгость, которая не нужна для обеспечения (за судом) его личности, должна быть строго подавляема законом.

Ст. 14. Никто не может быть ни судим, ни наказываем иначе, как только будучи выслушанным или законно вызванным и лишь в силу закона, обнародованного ранее совершения преступления; закон, который карал бы преступления, совершенные раньше, чем он существовал, был бы тиранией; применение обратного действия закона было бы преступлением.

Ст. 15. Закон не может определять иных наказаний, кроме строго и очевидно необхо-

димых; они должны быть соразмерны характеру преступления и полезны для общества.

Ст. 16. Право собственности — это принадлежащее всякому гражданину право пользоваться и располагать по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла.

Ст. 17. Гражданам не может быть запрещен никакой род труда, хозяйства, торговли.

Ст. 18. Всякий человек может обязываться относительно своих услуг и досуга, но он не может ни продаваться, ни быть продаваем. Его личность не является отчуждаемой собственностью. Закон не признает состояния прислуги, может существовать только обязательство забот и признательности между человеком, который работает, и тем, кто его нанимает.

Ст. 19. Никто не может быть лишен малейшей части своей собственности помимо своего согласия, кроме случаев, когда этого требует законно установленная общественная необходимость, и под условием справедливого и предварительного вознаграждения.

Ст. 20. Никакой налог не может быть устанавливаем иначе, как ради общей пользы. Все граждане имеют право принимать участие в установлении налогов, следить за их употреблением и требовать отчета.

Ст. 21. Общественная помощь есть священный долг. Общество обязано давать средства к существованию несчастным гражданам, доставляя им работу или обеспечивая пропитанием тех, кто не в состоянии работать.

Ст. 22. Образование — потребность всех. Общество всеми своими силами должно содействовать успехам общественного разума и сделать образование доступным всем гражданам.

Ст. 23. Общественная гарантия состоит во всеобщем содействии тому, чтобы каждому обеспечить пользование и сохранение его прав; эта гарантия покоится в национальном суверенитете.

Ст. 24. Она не может существовать, если законом ясно не определены границы общественных должностей и если не обеспечена ответственность всех должностных лиц.

Ст. 25. Суверенитет пребывает в народе. Он — единый и нераздельный, неотъемлемый и неотчуждаемый.

Ст. 26. Никакая часть народа не может пользоваться властью всего народа; но каждая секция суверенна; образуя собрание, она должна иметь право с полной свободой выражать свою волю.

Ст. 27. Да будет немедленно умерщвлен свободными людьми всякий, кто узурпировал бы суверенитет.

Ст. 28. Народ всегда имеет право пересматривать, исправлять и менять свою конституцию. Ни одно поколение не может подчинить своим законам будущие поколения.

Ст. 29. Каждый гражданин имеет равное с другими право участвовать в составлении закона и назначении своих депутатов или своих агентов.

Ст. 30. Общественные должности по существу временны, они не могут быть рассматриваемы ни как отличия, ни как награды, ни как обязанности.

Ст. 31. Преступления представителей народа и его агентов не должны быть безнаказанными. Никто не имеет права претендовать на бóльшую неприкосновенность, чем та, которой обладают все граждане.

Ст. 32. Ни в коем случае не может быть ни воспрещаемо, ни приостанавливаемо, ни ограничиваемо право представлять петиции носителям общественной власти.

Ст. 33. Сопротивление угнетению есть следствие других прав человека.

Ст. 34. Угнетение одного члена общества есть вместе с тем угнетение всего общественного тела; угнетение общественного тела есть вместе с тем угнетение всех его членов.

Ст. 35. Когда правительство нарушает права народа, восстание составляет для каждой части народа самое священное из прав и самую необходимую из обязанностей».

17. Конституция 1793 г.

(Извлечения.)

А. Конституционный акт о республике.

1. Французская республика является единой и нераздельной.

2. Французский народ для осуществления своего суверенитета делится на первичные кантональные собрания.

3. В административной и судебной области

он делится на департаменты, дистрикты, муниципалитеты.

О правах гражданства.

4. Всякий человек, родившийся и живущий во Франции, достигший 21 года, всякий иностранец, достигший 21 года и проживающий во Франции в течение года, живущий своим трудом, или владеющий собственностью, или женившийся на француженке, или усыновивший ребенка, или взявший на свое иждивение старика; наконец всякий иностранец, который по признанию Законодательного собрания оказал услугу всему человечеству, — допускается к пользованию всеми правами французского гражданина.

О народном суверенитете.

7. Суверенным народом является совокупность французских граждан.

8. Народ выбирает своих депутатов путем прямого голосования.

9. Он поручает своим выборщикам избрание членов администрации и членов третейских, уголовных и кассационных судов.

10. Все законы утверждаются народом.

О первичных собраниях.

11. Первичные собрания состоят из граждан, проживающих в Кантоне не меньше шести месяцев.

13. Первичные собрания выбирают председателя, секретарей и счетчиков.

14. Они сами следят за порядком.

15. Никто не может явиться на собрание вооруженным.

16. Выборы производятся по запискам или открытым голосованием, смотря по желанию каждого избирателя.

17. Первичное собрание не может ни в коем случае предписывать всем одинаковый способ голосования.

О национальном представительстве.

21. Численность народонаселения является единственной основой при выборах национальных представителей.

22. На каждые 40 тыс. жителей избирается по одному депутату...

24. Выборы производятся абсолютным большинством голосов...

26. Если на основании первого подсчета никто не получил абсолютного большинства голосов, то производится вторичное голосование между двумя гражданами, получившими наибольшее число голосов.

28. Каждый француз, пользующийся правами гражданства, может быть избран на протяжении всей республики.

29. Каждый депутат является представителем всей нации.

32. Французский народ собирается для выборов ежегодно 1 мая.

33. Он приступает к ним, каково бы ни было число граждан, имеющих право участвовать в голосовании.

34. Первичные собрания могут быть созваны экстренно и по требованию пятой части граждан, имеющих на них право голоса.

35. В таком случае они созываются муниципалитетом в обычном месте собраний.

36. Эти экстренные собрания могут приступить к голосованию только в том случае, если на них присутствует больше половины граждан, имеющих право голоса.

О Законодательном собрании.

39. Законодательное собрание является постоянным, единым и нераздельным.

40. Его сессия продолжается один год.

43. Депутаты никогда не могут подвергаться судебному преследованию, обвинению или суду за убеждения, высказанные ими в Законодательном собрании.

44. За деяния уголовного характера они могут быть взяты на месте преступления; но приказ об их аресте или вызове в суд может быть издан только с разрешения Законодательного собрания.

Порядок заседания Законодательного собрания.

45. Заседания Национального собрания происходят публично.

46. Протоколы собраний печатаются.

47. Законодательное собрание не может выносить решений, если состоит менее, чем из 200 членов.

49. Законодательное собрание выносит постановление большинством голосов присутствующих депутатов.

50. По требованию 50 членов производится поименное голосование...

52. Законодательному собранию принадлежит полицейская власть на месте его заседаний и в установленной близ него полосе.

О функциях Законодательного собрания.

53. Законодательное собрание вырабатывает законы и издает декреты.

54. Под общим именем законов разумеются акты Законодательного собрания, относящиеся к гражданскому и уголовному законодательству; к общему управлению обыкновенными доходами и расходами республики; к национальным имуществам; к установлению пробы, веса, чеканки и наименования монеты; к размеру и характеру налогов и способам их взимания; к объявлению войны; к перераспределению французской территории; к народному образованию; к почестям, установленным в память великих людей.

55. Под именем декретов обозначаются следующие акты Законодательного собрания: ежегодное установление размера сухопутных и морских сил; разрешение или запрещение прохода иностранных войск через французскую территорию; допущение морских иностранных сил в гавани республики; меры охраны и поддержания общественного порядка; ежегодное распределение социального вспомоществования и организация общественных работ; приказания об изготовлении всякого рода монеты; непредвиденные и чрезвычайные расходы; меры частного и местного характера, касающиеся отдельной области управления, или одной коммуны, или одного вида общественных работ; защита территории; утверждение договоров; назначение и увольнение главнокомандующих армиями; предание ответственности членов Совета и государственных служащих; обвинение лиц, уличенных в заговоре против общественной безопасности республики; всякое частичное изменение и разделение французской территории; установление национальных наград.

Б. Доклад Сен-Жюста о временной отмене конституции 1793 г. и установлении революционной диктатуры.

(Речь в Конвенте 10 октября 1793 г.)

«Почему нужно после издания стольких законов вновь обращать ваше внимание на недостатки общего управления, на вопросы экономики и продовольствия? Ваша мудрость и справедливый гнев патриотов еще не преодолели злостных нападок, которые всюду раздаются по адресу народа и революции; законы — революционны, но их исполнители — плохие революционеры.

Пора вскрыть истину, которая отныне не должна ускользать от внимания тех, кто стоит во главе правительства. Республика будет упрочена лишь тогда, когда воля суверенного народа одержит победу над монархически настроенным меньшинством и будет властвовать над ним по праву завоевания. Нельзя дольше щадить врагов нового строя: свобода должна победить какой угодно ценой.

Ваш Комитет общественного спасения, стоящий в центре всех событий, выяснил причины общественных бедствий: он нашел их в отсутствии энергии у тех, кто проводит ваши декреты, в бесхозяйственности администрации, в неустойчивости намерений государства, в непостоянстве страстей, влияющих на правительство. Поэтому Комитет общественного спасения решил осветить вам положение дел и предложить средства, которыми, по его мнению, можно укрепить революцию, искоренить федерализм [1], облегчить положение народа и доставить ему изобилие припасов, усилить армию и очистить государство от заговоров, которые его наводняют.

Нельзя надеяться на благоденствие, пока дышит хотя бы последний враг свободы.

Нужно карать не только предателей, но и равнодушных; надо наказывать всякого, кто равнодушен к республике и ничего не делает для нее; с тех пор как французский народ изъявил свою волю, всякий, кто ей не подчиняется, не может быть участником народного суверенитета, а всякий, кто стоит вне суверенной нации, является врагом народа.

Если бы заговоры не вносили смуты в нашу державу, если бы родина не становилась тысячу раз жертвой снисходительности законов, было бы приятно управлять на основании принципов мира и естественной справедливости; но эти принципы приложимы лишь по отношению к друзьям свободы; у народа же и его врагов не может быть ничего общего кроме меча. Там,

[1] Т. е. стремление жирондистов заменить единое государство «федерацией» департаментов.

где нельзя управлять на основе справедливости, надо применять железо: нужно подавить тиранов...

Граждане, все враги республики находятся в составе ее администрации. Напрасно вы пытаетесь создавать законы, когда вас окружают подобные люди: напрасно помогают вам ваш Конвент и несколько министров; все в заговоре против них и против вас...

Вы издали законы против скупщиков, но те, кто должны заставлять уважать законы, сами занимаются скупками...

Среди администрации нет людей искренних: их патриотизм лишь пустое слово. Каждый жертвует всеми остальными и не поступается ничем из своих собственных интересов. Вы много сделали для народа, изъяв из обращения 1 800 млн. ассигнатов. Этим вы ограничили возможность причинять вред нашей родине: но со времени установления таксы люди, имеющие капиталы, тотчас же удвоили их. Поэтому необходимо увеличить налоговое обложение: необходимо учредить трибунал для того, чтобы потребовать отчет о денежном состоянии у тех лиц, которые в течение 4 лет распоряжались средствами республики: эта полезная проверка устранит воров из среды администрации. Государственное казначейство пополнится возвращенными им суммами; после долгой безнаказанности справедливость восторжествует. Затем, когда вы уничтожите самый корень зла и доведете до нищеты врагов народа, они уже не будут с ним конкурировать; тогда вы будете гораздо меньше затрачивать на обмундирование и снабжение армий; тогда бедняки не будут больше находиться в унизительной зависимости от богатых. Хлеб, получаемый от богача, горек; он угрожает лишением свободы. В мудро управляемом государстве хлеб по праву принадлежит народу. Но если вместо того, чтобы восстановить царство бережливости и подавить предателей, вы будете выпускать ассигнаты, чтобы еще больше обогатить их, — вы этим еще увеличите средства, при помощи которых ваши враги будут вредить вам.

Надо говорить правду всю целиком. Сила обстоятельств делает таксацию необходимой. Но если будет продолжаться выпуск ассигнатов и если выпущенные ассигнаты будут оставаться в обращении, то богач, имеющий сбережения, начнет конкурировать с народом, с земледелием, с полезными ремеслами, чтобы отнять у них необходимые рабочие руки.

Земледелец бросит свой плуг, потому что он больше заработает служа состоятельному человеку. Если вы таксируете продукты, у вас отнимут рабочие руки, а если будет недостаток продуктов, то богач отлично сумеет достать их себе в то время, как нужда будет итти своим чередом...

Итак все сводится к тому, чтоб доказать вам необходимость обложения богатых, установления суровой экономии и строгого преследования всех подотчетных лиц, для того чтобы не терпеть убытка на процентах и ежегодных поступлениях денежных сумм.

Ваш Комитет общественного спасения полагал, что в настоящее время бережливость и строгость являются лучшими средствами для удешевления стоимости продуктов. Ему представляли проекты заключения займов, учреждения банков и развития всякого ажиотажа и на монете и на продовольствии; он их отверг, как планы, внушенные жадностью или иностранцами. Наш принцип заключается в уменьшении массы ассигнатов только путем их сожжения...

При таких обстоятельствах, в которых находится республика, нельзя приводить в действие конституцию; она сама будет причиной своей гибели; она сделается охраной преступлений, направленных против свободы, потому что у нее не будет силы для их подавления. Они чересчур теснят даже и теперешнее правительство.

Нужно, чтобы меч закона быстро появлялся повсюду и чтобы ваша рука была всюду наготове для их уничтожения.

Невозможно добиться выполнения революционных законов, если само правительство не является революционным.

Теперь, когда республике нужно кормить армию в 1 200 тыс. человек, когда она должна покорить восставших и спасти народ; когда нужно доказать Европе, что не в ее власти восстановить у нас единодержавие, в это время вы должны организовать правительство, способное оказать поддержку вашим намерениям, способное установить экономию и добиться общего блага.

Вы должны наладить охрану гаваней, быстро построить большое количество кораблей, пополнить государственную казну, вернуть в стране изобилие и снабдить Париж продовольствием на все время до заключения мира; вы должны проявить свою энергию во всех областях и укрепить связь армии с народом и с Национальным конвентом.

Важно также, чтобы обязанности народных представителей при армиях выполнялись ими более строго; народные представители должны быть отцами и друзьями солдат, они должны спать в палатке и присутствовать на военных упражнениях; они не должны водить дружбу с генералами, чтобы солдат, обращаясь к ним, больше верил в их справедливость и беспристрастие; днем и ночью они должны быть готовы выслушать любого солдата; народные представители должны обедать одни, они должны быть умеренными в пище и помнить, что на них лежит ответственность за общественное спасение; они должны преследовать всякую несправедливость, всякое злоупотребление, так как дисциплина наших армий страдает многими недостатками...

До сих пор у нас не было военных учреждений и законов, соответствующих государственному строю той республики, которую предстоит основать. А все, что остается без изменений в эпоху обновлений, — является гибельным.

Военное искусство монархии не годится для нас. У нас другие люди и другие враги; могущество народов, их завоевания, их политический и военный блеск зависят от единого центра, от одного сильного учреждения...

Этот дух деятельности и энергии должен распространиться во всех воинских частях; администрация должна содействовать укреплению дисциплины.

В военном ведомстве масса грабителей; крадут корм лошадей; у многих батальонов нет пушек или лошадей для их перевозки; дисциплина не соблюдается, так как все крадут и с презрением относятся друг к другу и к себе.

Если вы хотите, чтобы Республика упрочилась, то пора уничтожить эти злоупотребления. Правительство должно быть революционным не только по отношению к аристократии; оно должно действовать революционно и по отношению к тем, кто обворовывает солдата, кто угнетает армию своей наглостью и расхищением казенных сумм, грозит довести народ до рабства, а страну до полного разрушения.

Столько бедствий происходит от испорченности одних служащих и от небрежности других.

Вы должны всюду сократить число служащих, для того чтобы начальники сами думали и сами работали. Растянутость переписки и правительственных приказов является признаком инертности; хорошее правительство должно быть лаконичным. Народные представители, генералы, администраторы окружены канцеляриями, как прежние придворные; никто ничего не делает, — а между тем производятся громадные траты. Канцелярии заменили собою монархию; дух канцелярщины объявил нам войну, и он до сих пор не подчинен ничьему руководству.

Нужно реформировать в корне все правительство, для того чтобы уничтожить склонность к тирании, которую стараются придать ему наши враги.

18. Декрет о рассылке комиссаров в департаменты.

(9 марта 1793 г.)

«Национальный конвент, заслушав доклад своих комитетов общественной безопасности, а также и военных комитетов, принимая во внимание, что в свободной стране каждый гражданин должен посвятить себя благу республики, постановляет нижеследующее:

Статья 1. Комиссары, избранные Национальным конвентом, немедленно должны явиться в различные департаменты республики, с тем, чтобы предупредить своих сограждан о новых опасностях, которые грозят отечеству, чтобы собрать достаточные силы, чтобы рассеять врагов.

Статья 2. Комиссары, в числе 82, разделятся на 41 секцию, по два депутата в каждой. Эти члены пройдут вместе два департамента согласно указу, который будет дан позже.

Департамент Парижа исключается так же, как и департаменты Корсики, Мон-Блан и различные части территории, которые недавно были включены в границы республики, каковые будут отданы под бдительность тех комиссаров, которые в силу предыдущих декретов уже находятся во главе армий республики...

Статья 4. Комиссарам вменяется в обязанность принимать все необходимые меры, которые они сочтут необходимыми. Они обязаны комплектовать немедленно в каждом департаменте, подлежащем их ведению, контингент, установленный законом от 24 февраля 1793 г., а также в случае надобности призвать всех граждан, способных носить оружие, или часть из них, следуя способу, который они сочтут необходимым, с обязательством дать немедленно

отчет Национальному конвенту о тех мерах, которые они примут.

Статья 5. Комиссарам вменяется в обязанность требовать от граждан, которые не включены в состав войск, сдать их оружие, военную одежду и прочую амуницию, равно как и все другие предметы военного снабжения сдать в склады, которые им будут указаны.

Статья 6. Комиссары Национального конвента имеют право требовать от установленных властей отчетов в их управлении. Они имеют право также предпринимать все меры, каковые они найдут нужными, чтобы восстановить порядок повсюду, где он будет нарушен, отстранить временно от обязанностей и арестовать тех чиновников, которых они найдут подозрительными; прибегнуть в случае необходимости к вооруженной силе, с обязательством предпринимать все свои действия сообща и тотчас же сообщать обо всем Национальному конвенту».

19. Из докладов комиссаров Конвента Комитету общественного спасения.

Комитету общественного спасения.

Народный представитель, командированный для массового набора в Луаретском и Шерском департаментах. Орлеан, 23 сентября 1793 г.

«Налагаемые мною революционные налоги имеют успех сверх моих ожиданий. Банкиры и дельцы раскошеливаются, несомненно из страха, выказывая беспрекословную покорность. Это не важно: делается благое дело, и бедные санкюлоты имеют облегчение в своих нуждах. В соответствии с их богатством и нуждами бедных граждан я не далее, как сегодня утром, обложил в революционном порядке некоего Куселя на 20 тыс. ливров, Лекутё — на 50 тыс., Жога — на 30 тыс., Шоваллена — на 20 тыс., Тассена Вильяну — на 20 тыс., сахаровара Дефрана — на 20 тыс., другого Тассена — на 12 тыс. и так далее; вот каким образом я нашел рог изобилия. Судите сами, получаю ли я благословения народной массы и проклятия богачей. Попам не оказывается больше пощады. Тюрьма и лишение их содержания — вот их жребий. Иные из них находятся под надзором как люди сомнительного поведения.

Народное общество и муниципалитет обязаны мне некоторой признательностью. Чтобы притти на помощь их нуждам и покрыть вызванные обстоятельствами их долги, я дал им, неизменно за счет богачей, одному 40 тыс. ливров и другому 49 тыс. Нация не отягчена оплатой их справедливых расходов. Богачи объявили нам войну; богачи и оплатят их до мелочей.

Смотритель минористской[1] тюрьмы в этом городе только что заменен одним патриотом. Этот Бирр всегда оказывал предпочтение «бывшим» и аристократам. Я получил на него доносы; они не удивили меня, так как он сторожил Брпссаков, Дельссартов, Мальвуазепов[2] и был участником их оргий. Я не поколебался его сместить.

Извещаю вас, граждане-коллеги, о том, что отправляюсь завтра для того же самого апостольского служения революции в Шерский департамент. Меня утешает единственно то, что он не причинит мне столько горя, сколько причинил Луаретский. Благоволите адресовать мне в Бурж касающиеся меня инструкции.

Представитель народа

Лапланш».

20. Роль народных обществ.

(Из циркуляра Комитета общественного спасения 4 февраля 1794 г.)

. . . . . Вы будете нашими могучими помощниками. Последняя сеть заговоров будет разорвана. Мы уничтожим подлые остатки федерализма, которым еще заражена значительная часть нашей администрации. Раскрывать интригу, которая опорочила общественные должности; вырывать маску из рук лицемеров патриотизма, у суеверия — его кинжал и факелы; следить за лабиринтами извилистых происков агентов, сообщников и приспешников тирании; раздавить голову измены, гидра которой старается вновь оживить свои разрозненные и раздробленные останки; разоблачить и преступного и злоупотребляющего властью чиновника, и подлого дезертира, покинувшего свой пост, и развращен-

[1] Тюрьмы в помещении монахов-миноритов в Орлеане.

[2] Узники, отправленные из Орлеана в Версаль и перебитые там 9 сентября 1793 г.

ного человека, продающего свою мысль и торгующего своей совестью, и эгоиста, для которого не существует отечества; поднять наконец над всеми этими должностными людьми факел, который в наших руках бросает яркий свет и своим блеском заставляет бледнеть всех виновных; производить всякие другие, не менее полезные, расследования; выявить добродетели, которые склонны оставаться в безызвестности; указывать родине тех, кто мог бы занимать какой-либо пост и работать над осуществлением новых планов и революционного строя; призывать к работе людей незапятнанных, просвещенных, храбрых, не подчиняющихся тирании; служить для республики тем питомником, где она будет находить их. Вот чего ждут от нас Конвент, Комитет общественного спасения и все добрые граждане.

Народные представители по различным департаментам, для того чтобы провести там чистку и организацию установленных властей, — будьте их факелом. Народные представители, избранные сыны народа, обязанные блюсти его интересы, хотят действовать только через народ и только во имя его интересов.

Народные общества! Представители народа образуют с вами неразрывную цепь. Вы начнете со строгого пересмотра своего состава, чтобы провести своих членов через горнило чистки. Негодяи часто подражали вашей внешности и хотели скрыть свои преступления под тою неприкосновенностью, которая должна охранять только добродетель.

Отбросив от себя все эти враждебные элементы, вы снова станете верны своему назначению; вы образуете чистое и блестящее ядро, крепкое и сомкнутое, подобное алмазу, освобожденному от корки, образовавшейся на его поверхности из-за налипшей грязи. Тогда народные представители призовут в вашу среду и отдадут на суд мнения всех общественных должностных лиц. Описание их деяний развернется в великую книгу, и вы произнесете свой приговор: пропасть разверзнется под ногами злых, чело справедливых украсится блестящим ореолом.

Здание революции скоро будет завершено, вы смело заложили прочный фундамент; вам предстоит увенчать и вершину здания. Оказанные вами ранее услуги являются залогом совершения всех тех, которых мы от вас ожидаем.

21. Террористические законы.

А. Декрет Конвента о подозрительных от 17 ноября 1793 г.

«...Объявляются подозрительными:

1. Те, которые своим поведением, писаниями или речами выказали себя приверженцами тирании или федерализма и врагами свободы.

2. Те, которые не докажут, как предписано законом 21 марта, чем живут и как исполняют свои гражданские обязанности.

3. Те, которые получили отказ в свидетельстве о гражданской благонадежности.

4. Чиновники, удаленные от должности Конвентом или его комиссарами.

5. Все те из старых дворян (включая сюда мужей, жен, отцов, матерей, сыновей и дочерей, братьев и сестер, а равно и агентов эмигрантов), которые не проявили непрерывной приверженности к революции.

6. Всякий, кто эмигрировал в промежуток времени с 1 июля 1789 г. до издания закона 1 апреля 1792 г., хотя бы он и возвратился в назначенный этим законом срок или ранее...»

Б. Закон от 22 прериаля II года (10 июня 1794 г.)[1].

«...7. Враги народа те, которые стремятся уничтожить общественную свободу силою или хитростью.

Признаются врагами народа те, которые будут побуждать к восстановлению королевской власти или стремиться унизить и распустить Национальный конвент или революционное республиканское правительство, центром которого он является.

Те, которые будут изменять республике при командовании крепостями или армиями и при выполнении всякой другой военной должности, будут поддерживать сношения с врагами ре-

[1] Вандемьер, брюмер, фример — месяцы осени — от 22 сентября до 20 декабря; нивоз, плювиоз, вантоз — месяцы зимы — от 21 декабря до 20 марта; жерминаль, флореаль, прериаль — весна — от 21 марта до 18 июня; мессидор, термидор, фрюктидор — лето — от 19 июня до 16 сентября. Пять дополнительных дней — санкюлотиды.

спублики и стараться вызвать недостаток в продовольствии армии или в удовлетворении других ее потребностей.

Те, которые будут стремиться помешать продовольствию Парижа или вызвать голод в республике.

Те, которые будут помогать планам врагов Франции, способствуя бегству и укрывательству заговорщиков и аристократии, преследуя патриотизм и клевеща на патриотов, подкупая уполномоченных народа, злоупотребляя принципами революции, законами и правительственными мерами путем ложного, вероломного применения их.

Те, которые будут обманывать народ или представителей народа с целью склонить их к поступкам, противным интересам свободы.

Те, которые будут стараться вызвать упадок духа, чтобы способствовать замыслам соединенных тиранов, направленных против республики.

Те, кот. будут распространять ложные известия, чтобы вызвать раздоры или смуты в народе.

Те, которые будут стараться направлять общественное мнение на ложный путь, мешать народному просвещению, развращать нравы и вносить порчу в общественную совесть, ослаблять энергию и чистоту революционных и республиканских принципов или задерживать их прогресс путем антиреволюционных и коварных сочинений или всякими иными махинациями.

Недобросовестные поставщики, ставящие в опасность республику, и расточители общественного достояния, кроме перечисленных в законе от 7 фримера.

Те из должностных лиц, которые будут злоупотреблять своими общественными функциями, чтобы помогать врагам республики, раздражать патриотов и угнетать народ.

Наконец все те, на которых указано в предшествовавших законах, устанавливающих наказания для заговорщиков и противников революции и которые какими бы то ни было внешними прикрытиями будут посягать на свободу, безопасность единства республики или стремиться помешать ее упрочнению.

8. Наказание для всех преступлений, установление которых принадлежит ревтрибуналу, — смертная казнь...

В. О печати.

(Извлечение из декрета от 29 марта 1793 г.)

«Национальный конвент постановляет:

Статья 1. Всякий, кто будет уличен в составлении или напечатании книг или статей, которые вызывают разрушение национального представительства, восстановление королевства или какой-либо другой власти, посягающей на суверенитет народа, будет предан суду революционного трибунала, приговорен и наказуем смертью.

Статья 2. Продавцы, раздатчики и разносчики этих произведений или статей будут приговорены к заключению не свыше трех месяцев, если они сообщат фамилии авторов, типографа и других лиц, от которых они их получили; если же они откажутся от показаний, они будут приговорены на два года заключения в кандалах...»

Г. Декрет от 9 июля 1794 г.

«Национальный конвент, заслушав отчет своих комитетов общественной безопасности и общественного спасения, постановил:

Статья 1. Земледельцы, поденщики, жнецы, ремесленники и мастеровые деревень, городов и общин, население которых ниже 1200 жителей и которые задержаны как заподозренные, будут временно освобождены с момента вступления в силу настоящего декрета.

Статья 2. Освобождению не подлежат те, которые обвинялись в вооруженных действиях против республики, в способствовании вступлению врагов на территорию и во всех других преступлениях измены.

Статья 3. Исполнение настоящего декрета поручается революционным комитетам главного города уезда, которые должны сговориться с революционными комитетами коммун, в которых проживали задержанные.

Статья 4. Комитеты главных городов уезда должны без промедления представить в Комитет общественного спасения отчет о гражданах, которые освобождены на основании настоящего декрета, с обозначением их имен и занятий, а также причин их ареста.

Статья 5. Национальный конвент разрешает Комитету общественного спасения и Комитету общественной безопасности освобождать преступников, которые были преданы революционным судам на основании закона от 22 прериаля текущего лета конституционными властями...».

22. Рост дороговизны, падение курса ассигнаций, заработная плата.

А. Рост дороговизны

Товары	Цены		Коэфициент возрастания
	В 1790 г.	В 1795 г.	
Четверик муки	2 ливр. — су	225 ливр.	112½
» бобов	4 » — »	126 »	81½
Полбут. орлеанского вина	80 » — »	2400 »	300
Древко сплавного леса	20 » — »	500 »	25
Четверик древ. угля	— » 7 »	10 »	29
Пара чулок	3 » — »	100 »	33⅓
Аршин эльбефского сукна	18 » — »	306 »	17

Б. Курс ассигнаций.

Месяцы \ Годы	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796
Январь	—	96	91	72	5	40	18,00	0,46
Февраль	—	95	91	61	52	41	17,00	0,35
Март	—	94	90	59	51	36	13,28	0,35
Апрель	—	94	89	68	43	36	10,71	—
Май	—	94	85	58	52	34	6,52	—
Июнь	—	95	85	57	36	30	3,38	—
Июль	—	95	87	61	23	34	3.09	—
Август	98	92	79	61	22	31	2,72	—
Сентябрь	98	91	82	72	27	28	2,08	—
Октябрь	97	91	84	71	28	28	1,36	—
Ноябрь	96	90	82	73	33	24	0,77	—
Декабрь	95	92	77	72	48	0	0,52	—

В. Заработная плата рабочих «Национальной мануфактуры гобеленов»

Периоды	Классы рабочих				
	I	II	III	IV	V
	(Ливров в день)				
С 1 января 1791 г.	4	3½	3	2½	2
С 4 сентября 1794 г.	7	6	5	—	4
С 23 февраля 1795 г.	9½	8	6⅔	—	5½
С конца июня 1795 г.	12⅓	11	9⅓	—	8½
С 27 июля 1795 г.	15,31	11	13,67	—	12
С 5 сентября 1795 г.	20,31	19	18,67	—	17

23. Народные массы требуют максимума.

(Петиция избирательного собрания департамента Сены и Уазы от 19 ноября 1793 г.)

«Граждане, первый принцип, который мы должны вам изложить, таков: свобода торговли хлебом несочетаема с существованием нашей республики. Из кого состоит наша республика? Из малого числа капиталистов и большого числа бедняков. В чьих руках находится торговля хлебом? — В руках этого малого числа капиталистов. Для чего они торгуют хлебом? — Для того чтобы обогатиться. Как они могут обогатиться? — Повышая цену на хлеб при продаже его потребителю.

Но кроме того вы обратите внимание и на то, что этот класс капиталистов и собственников, благодаря безграничной свободе в повышении хлебных цен, является таким же хозяином и в установлении заработной платы. Всякий раз, когда капиталисту нужен один рабочий, является десять, и капиталист выбирает; выбор естественно падает на того, кто наименее требователен; ему назначают цену, и рабочий подчиняется, потому что ему нужен хлеб и нужен безотлагательно. Таким образом эта группа капиталистов и собственников диктует цену рабочего дня. Безграничная свобода хлебной торговли делает также эту группку господами продуктов первой необходимости. Группка эта не преследует других целей, кроме цели удовлетворения своей жадности.

Из всего этого вытекает самое невероятное несоответствие между заработной платой и ценою продуктов первой необходимости. Дневная заработная плата равняется 16—18 су, в то время как цена хлеба равняется 26 ливрам за меру весом от 260 до 270 фунтов, по 6 унций в фунте. Ясно, что заработка нехватает на жизнь, и таким образом всякий, живущий трудом своих рук, неизбежно осужден на гибель.

Но если в то же время этот рабочий класс является наиболее многочисленным классом, если — когда его побуждает равенство всех перед законом — он является единственной силой государства, то как можно допустить, чтобы он переносил подобное положение вещей, которое его оскорбляет, душит и отнимает у него самые источники существования?

Не пугайтесь смелости высказанной истины: революции создаются не теми истинами, которые провозглашаются открыто, но теми, которые хотят заглушить.

Неограниченная свобода торговли хлебом тягостна для наиболее многочисленного класса народа. Народ не может ее переносить. Значит, она несовместима с нашей республикой... Вот вторая истина, к которой мы подошли: закон должен заботиться о пропитании всех граждан республики.

Какими правилами он должен руководиться при этом? Нужно добиться того, чтобы хлеб был; чтобы неизменная цена этого хлеба была всегда в соответствии с заработной платой, ибо, если, при неизменяющейся заработной плате, цена хлеба меняется, между той и другой неизбежно создается несоответствие, следствием которого является бедственное положение наиболее многочисленного класса. Такое положение вещей абсурдно и не может долго длиться.

Вот перед нами очевидные истины: необходимо справедливое соответствие между ценой хлеба и заработной платой, и дело закона поддержать это соответствие, для которого свобода торговли является препятствием.

К каким же средствам нужно прибегнуть? Вы не должны скрывать от себя того, что частичные меры здесь опасны и недействительны: долой полумеры! — они лишь погубят нас. Это на них ссылаются экономисты, желающие оправдать свою систему неограниченной свободы торговли. Торговля может существовать лишь при полной свободе, но при первых же помехах с ее стороны ее придется совершенно уничтожить, ибо, в противном случае, взяв у нас все, она не даст нам ничего, она нас погубит.

Уничтожьте теперь же все причины, способствующие невежеству и покровительствующие монополии.

Предпишите, чтобы весь хлеб продавался на вес. Установите максимальную цену. Поднимите ее в этом году до 9 ливров за квинтал в 50 *кг* (т. е. до 18 франков за 100 *кг*). Эта средняя цена будет одинаково хороша как для производителя, так и для потребителя. Предпишите, чтобы и в последующие годы цена на хлеб была установлена по тому же принципу, согласуясь с производительностью земли и стоимостью ее обработки, и чтобы цена эта устанавливалась лицами, выбранными для этого народом.

Запретите торговлю хлебом всем, кроме булочников и мельников, которые будут приобретать его по той же цене у жителей коммун и которые будут вести свою торговлю на глазах у всех. Запретите весовщикам приобретать хлеб более, чем нужно им на три месяца для собственного потребления. Обязуйте каждого фермера самого продавать свой хлеб на ближайшем рынке, запретите ему продавать этот хлеб за глаза весовщикам или посредникам. И наконец остающийся хлеб должен быть взят на учет муниципалитетами, должен находиться в резерве, чтобы первым быть выпущенным в продажу. Предпишите, чтобы никто не смел арендовать более 120 десятин; чтобы всякий собственник мог пользоваться лишь одним участком, а остальные был бы обязан сдавать в аренду; чтобы никто не смел получать арендную плату зерном и наконец чтобы никто не смел быть одновременно мельником и фермером. Предоставьте наконец заботы о снабжении каждой составной части республики ее центральной администрации, выбранной народом, и вы увидите, что изобилие хлеба и соответствие его цены с заработной платой дадут спокойствие, счастье и жизнь всем гражданам».

24. Закон о максимуме от 29 сентября 1793 г.

(Извлечения.)

«Национальный конвент, заслушав доклад своей комиссии по выработке закона о назначении максимума цен съестных припасов и товаров первой необходимости, декретирует нижеследующее:

Статья 1. Предметы, представляющие, по мнению Национального конвента, первую необходимость, для которых он считает нужным установить максимум или наивысшие цены, — суть: мясо свежее, солонина и свиное сало, масло коровье, масло растительное, живой скот, соленая рыба, вино, водка, уксус, сидр, пиво, дрова, древесный уголь, каменный уголь, сальные свечи, гарное масло, соль, сода, мыло, поташ, сахар, мед, белая бумага, кожа, железо, чугун, свинец, сталь, медь, пенька, лен, шерсть, материи, полотно, сырой фабричный материал, сабо (деревянная обувь), башмаки, сурепица и репа, табак.

Статья 2. Максимальной ценой дров первого сорта, равно как и угля, древесного и каменного, является цена, существовавшая в 1790 г. плюс одна двадцатая ее часть. Закон от 19 августа об определении цен на топливо, уголь и торф департаментами отменяется.

Максимум, или наивысшая цена листового табаку — 20 су за фунт; курительного табаку — 10 су; соли — 2 су, мыла — 25 су.

Статья 3. Максимальными ценами всех других съестных припасов и товаров первой необходимости, перечисленных в статье 1, будут на всем протяжении республики и вплоть до 1 сентября следующего года — те цены, которые существовали на них в 1790 г. согласно данным меркуриальных регистров (таблицы справочных цен, составлявшиеся по распоряжению городских властей) или департаментских прейскурантов с прибавлением сверх того одной третьей их части, за вычетом казенных и всяких других сборов, коим тогда они были подвержены, под каким бы наименованием таковые ни существовали.

Статья 4. Таблицы максимальных или наивысших цен всех съестных припасов, перечисленных в статье 1, будут составлены и расклеены администрацией каждого дистрикта в течение недели по получении настоящего закона и пересланы в департамент...

Статья 7. Все те лица, которые продадут или купят товары, перечисленные в статье 1, выше максимума, установленного и опубликованного в каждом департаменте, уплачивают в административном порядке денежную пеню в двойном размере против стоимости проданного предмета, идущую в пользу доносчика. Эти лица будут внесены в список подозрительных и преследуемых как таковые.

Покупатель не подвергается указанному взысканию, если он объявит о нарушении закона продавцом. Каждый же купец обязан иметь в своей лавке таблицу с указанием максимальных, или наивысших, цен его товаров.

Статья 8. Максимум, или наивысший размер, заработной платы, жалованья, сдельной или поденной работы со времени опубликования этого закона и до сентября следующего года повсеместно устанавливается генеральным советом коммун в тех размерах, какие существовали в 1790 г., с прибавлением сверх того еще половины этой цены.

Статья 9. Муниципалитеты могут объявлять реквизированными и в случае надобности наказывать тремя днями ареста тех ремеслен-

ников, рабочих и представителей всех возможных видов труда, которые без уважительных причин будут отказываться от занятия их обычной работой.

Статья 10. Административные власти обязуются наблюдать за правильностью порубки дров, равно как и за их отправкой.

Статья 11. Муниципалитеты наблюдают за упорядочением перевоза и обмера...

Статья 17. В течение войны запрещается вывоз через все границы товаров и съестных припасов первой необходимости, под каким бы наименованием и условием он ни имел места, за исключением только соли.

Статья 18. Указанные в предыдущей статье предметы, направленные за границу и схваченные при нарушении закона в расстоянии 2 лье по сю сторону границы и без таможенного билета от муниципалитета с места жительства возчика, будут конфискованы вместе с повозками, упряжью или же перевозочными судами в пользу тех, кто их задержит; а преступившие закон собственники и возчики будут караться 10 годами каторжных работ.

Статья 19. Для того чтобы экипажи нейтральных или свободных судов не злоупотребляли правом гостеприимства, увозя припасы и провиант городов и приморских местечек сверх своих потребностей, они обязаны обращаться в муниципалитеты, которые сделают распоряжение о приобретении для них всего, что им будет необходимо.

Статья 20. Настоящий декрет вводится в действие путем сообщения его на места с особым нарочным».

25. Декрет о борьбе со спекуляцией 26 июля 1793 г.

«Статья 1. Скупка есть тягчайшее преступление.

Статья 2. Скупщиками объявляются все те лица, которые изъемлют из обращения товары и продукты первой необходимости, покупаемые ими не с целью ежедневной открытой продажи, а с целью сокрыть их.

Статья 3. Скупщиками объявляются также те лица, которые портят или умышленно допускают порчу товаров или предметов первой необходимости.

Статья 4. Предметами первой необходимости являются: хлеб, мясо, вино, зерно, мука, овощи, фрукты, уголь, дрова, масло, водка, мыло, сало, пенька, шерсть, кожа, железо, медь, сукно, полотно и вообще все материи, кроме шелков.

Статья 5. В течение недели со дня опубликования данного закона все те лица, которые имеют в складах или в каких-либо других местах товары или предметы первой необходимости, обязаны заявить об этом своим муниципалитетам, которые и удостоверяются в наличности указанных товаров.

Статья 6. По проверке товаров собственник должен заявить, желает ли он заняться продажей их в розницу всем желающим, не позже, как через три дня после заявления и под наблюдением муниципального комиссара.

Статья 7. Независимо от того, желает ли торговец заняться розничной продажей или нет, он передает копии со счетов своих товаров муниципалитету, который, ознакомившись с ними, назначает комиссара для производства продажи, устанавливая такие цены, при которых собственник получает обычную торговую прибыль. Если цены, указанные торговцем, слишком высоки, продажа все равно будет производиться по обычному курсу, а составители ложных счетов будут рассматриваться как скупщики.

Статья 8. Те, которые по истечении недели со дня опубликования данного закона не сделают соответствующего заявления, будут объявлены скупщиками и, как таковые, наказаны смертью. Товары же их будут конфискованы.

Статья 9. Оптовые и розничные торговцы обязаны, под угрозой объявления скупщиками, сделать на своих магазинах надписи, гласящие о количестве и качестве их товаров.

Статья 10. Давшие ложные показания или переведшие свое имущество на чужое имя будут наказаны смертью.

Статья 11. Каждый гражданин, изобличивший скупщика или указавший на нарушение данного закона, получает 1/3 цены товаров. Другая 1/3 идет в муниципалитет на нужды бедняков. Остальная же 1/3 поступает в распоряжение республики».

26. Декрет, отменяющий без вознаграждения все бывшие сеньориальные повинности, феодальные, оброчные права.

(17—18 июля 1793 г.)

«По предложению Комитета общественного спасения Конвент декретирует:

Статья 1. Все бывшие сеньориальные повинности; феодальные, оброчные права как постоянные, так и единовременные, не исключая тех, которые сохранены декретом от 25 августа прошлого года, отменяются без вознаграждения.

Статья 2. Действие предыдущей статьи не распространяется на ренты и поступления, носящие характер не феодальный, а чисто поземельный.

Статья 3. Уголовные гражданские процессы, начатые по поводу как основных, так и недоплаченных добавочных сумм, следуемых по правам, отмененным статьей 1, прекращаются без какой-либо оплаты судебных издержек с той или другой стороны.

Статья 4. В случае, если отмененные статьей 1 поборы целиком или отчасти были секвестрованы, добровольно или по приказу суда, хранители должны возвратить секвестрованные предметы лицам, сдавшим их.

Статья 5. Лица, приобретшие с торгов национальные имущества, связанные с отмененными статьей 1 правами, не могут требовать возмещения. Однако они могут отказаться от имуществ; в этом случае они обязаны подать соответствующее заявление в директорию округа в течение одного месяца со дня опубликования настоящего декрета. В этом случае директория округа должна произвести ликвидацию сумм, уплаченных владельцем, как основных, так и процентов — и доходов, полученных им.

Статья 6. Бывшие сеньоры, специалисты по феодальному праву, комиссары по земельным делам, нотариусы и прочие хранители документов, удостоверяющих права собственности или подтверждающих взимание поборов, отмененных настоящим и предыдущими декретами, изданными предшествующими собраниями, — будь то документы, на которых основаны такие права, или документы, заключающие в себе признание подобных прав, — обязаны сдать их в течение трех месяцев со дня опубликования настоящего декрета в канцелярию местных муниципалитетов. Те документы, которые будут сданы до 10 числа будущего августа, будут сожжены в этот день в присутствии генерального совета общины и граждан; остальные будут сожжены по истечении трех месяцев.

Статья 7. Лица, уличенные в сокрытии, похищении или утайке подлинников или засвидетельствованных копий документов, подлежащих согласно предыдущей статье сожжению, будут приговорены к пяти годам тюремного заключения.

Статья 8. Действие статьи 6 распространяется на: 1) приговоры и решения, заключающие признание отмененных настоящим декретом прав или указания на них; 2) реестры, содержащие в себе заявления относительно прав феодов, отмененных перед тем; 3) документы относительно национальных имуществ, сданных в секретариаты округов.

Статья 9. Сборщики и счетчики должны в течение месяца со дня опубликования настоящего декрета сдать реестры, списки поборов и отчетные акты в секретариат своего округа. Счета будут сведены в течение двух месяцев со дня их представления, после чего реестры, списки и акты также будут немедленно публично сожжены, что лежит на обязанности синдикального прокурора округа.

Статья 10. Планы и межевые документы, которые могут дать указания относительно феодальных прав земельных имуществ, должны быть сданы в секретариат округа, в котором расположено имение, — на случай необходимых справок.

Статья 11. Декрет от 25 августа прошлого года сохраняет свою силу во всем, что не отменено настоящим декретом.

Статья 12. Министр внутренних дел должен принять меры к тому, чтобы настоящий декрет был доставлен непосредственно муниципалитетам, на обязанности которых лежит его осуществление, без посредничества административных органов».

27. Декрет о разделе общинных земель.

(10 июня 1793 г.)

(Извлечения.)

«Выслушав доклад своего комитета земледелия, Национальный конвент декретировал:

Часть первая. Статья 1. Общинные земли — это такие земли, на которые или на продукты которых имеют общие права все жители одной или нескольких общин или части общины.

Статья 2. Община есть общество граждан, соединенных местными связями, составляет ли она собой муниципалитет или часть другого муниципалитета, так что если муниципалитет состоит из нескольких различных секций, из которых каждая имеет отдельные общинные земли, только жители той секции, которая пользовалась общинными землями, будет иметь право на раздел.

Статья 3. Все земли, принадлежащие общинам, как общинные, так и вотчинные, каков бы ни был их характер, могут быть разделены, если они поддаются разделу, согласно ниже предписанным формам и правилам, за теми исключениями, которые будут указаны.

Статья 4. Исключаются из раздела общинные леса, подчиняющиеся правилам, которые уже изданы или еще будут изданы для управления национальными лесами.

Статья 5. Точно так же исключаются из раздела площади, места прогулок, общественные дороги и здания, употребляющиеся общинами; соответственно не включены в число общинных земель канавы и городские валы, здания и земли, предназначенные для общественных нужд, берега, наносные земли на берегу моря, гавани, порты, рейды и вообще все части территории, которые, не составляя частной собственности, считаются частью государственных имуществ.

Статья 6. Общины или граждане, которые до сих пор пользовались правом пасти там свой скот, будут и впредь, как и прежде, пользоваться этим правом.

Статья 7. Если на основании обследований и протоколов чиновников лесной администрации при участии муниципальных чиновников будет установлено, что все эти леса или часть их не приносят достаточного дохода, чтобы оставаться таковыми, исключение, сделанное в предыдущей статье, не будет иметь силы для этой части после утверждения этих протоколов советом департамента по предложению окружного совета; по собрании жителей обсудит и постановит их раздел или заселение в форме, которая будет указана вслед за этим.

Статья 8. Если общественные пастбища затоплены целиком или отчасти и осушка может быть произведена только общими силами, раздел затопленной части откладывается до тех пор, пока будет произведена осушка.

Национальный конвент поручает своей комиссии земледелия немедленно представить проект закона об усилении осушки болот, декретированной законом от 5 января 1791 г.

Статья 9. Оставляются в запасе земли, содержащие рудники, копи, каменоломни и другие минеральные источники, стоимость которых превосходит стоимость покрывающей их почвы, или которые будут признаны имеющими общественную пользу либо для общины, либо для республики.

Статья 10. Прежде чем приступить к какому-нибудь акту раздела вотчинных земель, общины должны доказать, что они выполнили свои долговые обязательства согласно закону от 5 августа 1791 г.

Часть вторая. Статья 1. Раздел общинных земель производится по живущим душам, независимо от возраста и пола, отсутствия и присутствия.

Статья 2. Собственники, не живущие в данном месте, не имеют никакого права на долю.

Статья 3. Жителем считается всякий французский гражданин, поселившийся в общине за год до издания закона от 14 августа 1792 г., или который не оставил ее за год до этой эпохи, чтобы основаться в другой общине.

Статья 4. Фермеры, арендаторы, работники, слуги и вообще все граждане имеют права на долю, если только они имеют право считаться жителями данного места.

Статья 5. Всякий гражданин считается живущим в том месте, где у него есть свой дом, и имеет там право получить надел.

Статья 6. Все те, которые приняли на себя временно общественные должности, исключаются из правил предыдущей статьи и имеют право получить свою долю в общине, которую

они оставили для исполнения своей должности. Это исключение распространяется на слуг и странствующих торговцев.

Статья 7. Отцы и матери пользуются той частью, которая выпадает на долю их детей до достижения последними 14-летнего возраста.

Никто не имеет права на долю в двух общинах.

Статья 8. Опекуны или лица, на иждивении которых находятся сироты, должны заботиться о сохранении части, которая им достанется.

Статья 9. Муниципальным органам специально поручается, как добрым отцам семейства, следить за содержанием и сохранением тех участков, которые достанутся гражданам, посвятившим себя защите республики; они должны обработать их за счет общины и собирать их доход в пользу участников раздела; это последнее постановление имеет силу только во время войны.

Статья 10. Бывший помещик, хотя и проживающий там, не имеет права на долю, если он воспользовался правом тпажа во исполнение статьи 4, гл. XXV ордонанса 1669 г., даже если бы он распорядился своей частью в пользу частных лиц, не помещиков...

Статья 12. Каждый житель получает в полную собственность участок, который достанется ему при разделе.

Статья 13. Он однако не имеет права отчуждать его в течение 10 лет после издания настоящего закона; совершенная им продажа будет считаться недействительной и несостоявшейся.

Статья 14. Право выгона скота не дает права на участие в разделе.

Статья 15. Всякий акт или обычай, устанавливающий другой способ раздела общинных или вотчинных земель, чем тот, который указан в настоящем декрете, считается недействительным и не имеющим никакой силы, и раздел должен производиться в формах, предписанных настоящим законом.

Статья 16. Часть общинных земель, которая достанется каждому гражданину при разделе, не может быть захвачена за долги, даже предшествующие настоящему закону, в течение десяти лет после его обнародования, за исключением уплаты общественных повинностей...

Часть третья. Статья 1. Разделение общественных земель необязательно.

Статья 2. Спустя неделю после опубликования настоящего закона муниципалитет, в районе которого расположена общинная земля, или, за его отсутствием, администрация округа созывает всех граждан, имеющих право участвовать в разделе, в форме, предписанной для созыва общинных собраний.

Статья 3. Собрание жителей должно всегда происходить в воскресенье...

Статья 5. Так как всякое лицо, достигшее 20 лет, без различия пола, имеет право на долю, то оно имеет также право голоса.

Статья 6. При открытии собрания комиссар, назначенный генеральным советом общины, сообщает собранию о причине созыва его и прочитывает настоящий закон, после чего собрание переходит к выборам председателя и секретаря.

Статья 7. Сорганизовавшись, собрание обсуждает сперва вопрос, должно ли оно делить эти общественные земли целиком или часть их.

Статья 8. Мнения собираются за или против.

Статья 9. Если одна треть голосует за раздел, раздел считается решенным.

Статья 10. После этого решения заключение о разделе не может быть отменено.

Статья 11. Собрание может обсуждать продажу или отдачу в аренду общинной земли, которую нельзя делить и общественное пользование которой не принесет пользы общине. Но это обсуждение может иметь результат только после того, как оно было разрешено советом департамента по предложению окружного совета, который должен констатировать, подлежит ли данное общинное имущество разделу, или же интересы общины требуют его продажи или сдачи в аренду.

Статья 12. Собрание жителей точно так же может решить, что общинная земля продолжает оставаться в общественном пользовании; в таком случае оно установит правила, которые оно считает наиболее полезным для регулирования общественного пользования.

Статья 13. Решение об общественном пользовании не может быть отменено в течение одного года.

Статья 14. Решение, которое в данном случае установит способ пользования, передается совету департамента по представлению окружного совета.

Статья 15. В случае, когда собрание жителей постановит общественное пользование все-

ми или частью общинных земель, собственники, не живущие там, но пользующиеся правом выгона скота, продолжают пользоваться этим правом наравне с другими.

Статья 16. Когда раздел решен, собрание переходит к назначению трех взятых вне общины экспертов, из которых один по крайней мере должен быть землемером, и двух чертежников, взятых из собрания, для осуществления раздела...

(Дальше идет указание о способах раздела общинных земель.)

Часть четвертая. Статья 1. Все общественные земли, известные вообще по всей республике под различными названиями: пустопорожних земель, гаст, гарриг [1] (gastes, garrigues), ланд, выгонов, пастбищ, мест, поросших камышами, вереском, общих лесов, пустующих земель и болот под всякими другими названиями, по своему характеру представляют земли, принадлежащие всем жителям или членам общины, или частей общины, в районе которой эти общественные земли расположены, и как таковые эти общины или части общин имеют основание и право требовать их обратно при ограничениях и изменениях, указанных в следующих статьях.

Статья 2. Если несколько общин более тридцати лет владеют совместно общинной землею без документов на нее с одной или с другой стороны, они имеют такое же право подвергнуть или не подвергнуть разделу и распределению земли, на которые они имеют общее право или общее пользование, как жители общины на разделение между собой своих общинных земель...

Статья 5. Национальный конвент не имеет в виду настоящим декретом ничего предрешить относительно права выгона скота на общинные земли в тех местах, где это установлено законами или обычаями.

Статья 6. Всякий раздел, предшествующий изданию настоящего закона и противоречащий его постановлениям, объявляется недействительным и не имеющим никаких последствий...

Статья 8. Владение в течение сорока лет, требуемое законом от 28 августа 1792 г. для оправдания права собственности бывшего помещика на пустопорожние земли, лапды, болота, невозделанные земли, пустующие земли, ни в коем случае не может заменить законного права, и этим законным правом не может быть право, вытекающее из феодального владения; это может быть только подлинный документ, удостоверяющий, что земли эти были законно куплены, согласно статье 8 закона от 28 августа 1792 г.

Статья 9. Так как целью этого закона является вовсе не нарушение мирного частного владения, а лишь уничтожение злоупотреблений феодальной власти и захватов, поэтому из действия предыдущих статей исключаются все пожалованные земли, земли, полученные при принудительном вводе во владение за долги, земли, полученные при разделе, и др. владения, полученные больше, чем за сорок лет, до 4 августа 1789 г., настоящими или прежними владельцами, но не добровольными покупателями или дарителями, прямыми наследниками или наследниками, указанными в завещании относительно безоговорочно принадлежащего им ленного участка.

Статья 10. И по отношению к тем, которые владеют указанными общинными землями или частью их только в течение сорока лет до указанной эпохи 4 августа 1789 г., проводится следующая разница:

Граждане, которые владеют на законном основании и добросовестно землями, которые они расчистили своими собственными руками или руками прежних владельцев, приобретенными ими и имеющими в настоящее время ценность, обязаны только уплатить общине те повинности, которые они платили сеньору или кому-либо другому, если они не расквитались с ним формально.

Владельцы, не имеющие документов или документы которых не являются законными или правильными, или составлены недобросовестно— если например были признаны муниципальными чиновниками эти документы без согласия собрания жителей общины, или если прежний сеньор выговорил для себя отсутствие гарантий и т. д., — так же, как покупатели, которые не расчистили этих земель чужими руками на свой счет или которые придали им ценность без расчистки, какими бы они ни владели правами, лишаются права владения этими общинными участками, но им будет отдано предпочтение на владение этими самыми участками, если они состоят участниками дележа, при условии уплаты общине добавочной стоимости их участка, правильно оцененного, а также и при условии гарантии этой уплаты со стороны продавца, если он ему достанется.

[1] Местные названия для пустующих бесплодных земель.

Статья 11. Ни одним из постановлений предыдущих статей Национальный конвент не имеет в виду нарушать права общин или бывших вассалов, имевших тяжбы в судах, не принимая во внимание прекращения их за истечением срока давности, в эпоху издания закона от 28 августа 1792 г.; эти процессы должны разбираться на основании тех же прав и претензий и тех же самых прав и доказательств, на основании принципов, установленных этим законом.

Статья 12. Национальный конвент постановляет, что часть общинных земель, находившихся прежде в пользовании владельцев бенефиций из среды духовенства, или монастырей, общин белого или черного духовенства, Мальтийского ордена и других корпораций и общин, или эмигрантов или государств в силу каких бы то ни было прав, принадлежат нации и как таковые не могут принадлежать общинам или частям общин, на территории которых они расположены, все равно, были ли общины уже проданы, или еще подлежат продаже в пользу нации...».

28. Марат о Французской революции.

(«Друг народа», № 667.)

«Революция обернулась против народа и превратилась в величайшее несчастье для него. С самого начала она послужила только вечным поводом для подкупов и заговоров... Уже вскоре после своего начала она сделалась для общественных чиновников постоянным средством для придирок и угнетения. Даже законодателям (депутатам) она открыла возможность делических операций, обманов и мошенничеств. А теперь она должна послужить богатым и спекулянтам для того, чтобы добиться неограниченных барышей и монополий, чтобы до крайности взвинтить ростовщические проценты и цены на средства существования, чтобы разорять народ системой бесстыдного грабежа и эксплоатации и, постоянно угрожая низшему классу нищетой, заставить его продавать себя...

Изменились на государственной сцене только декорации. Актеры, гримы, интриги, разделение ведомств остались те же самые. Не изменилось ничего в ходе политического механизма. И так будет до тех пор, пока у народа не пробудится подозрение, пока он не положит конец игре тех обманщиков, которые проводят его; пока он не найдет в себе достаточной решимости, чтобы наказать тех негодяев, которые одурачивают его...

Первая и самая главная причина бессилия наших стараний достигнуть свободы лежит в существе самой свободы.

Плебс, т. е. низшие классы нации, которым в борьбе против высших классов приходится рассчитывать только на самих себя, в момент восстания, благодаря своей массе, все опрокидывает, — но опрокидывает только затем, чтобы в конце концов оказаться побежденным: ведь у этих классов нет дальновидности, искусства, богатства, вооружения, вождей, нет плана действий. Так было и во Французской революции. Неверно, будто вся нация восстала против тиранов: опорой и защитой деспотизма остались дворянство, духовенство, сословие юристов, финансовый капитал, ученые, литераторы. И если некоторые образованные, состоятельные, но и пронырливые люди из высших классов сначала выступили против тиранов, то это длилось недолго: они тотчас же обратились против народа, едва лишь овладели доверием и использовали его силу для того, чтобы самим стать на место тех привилегированных сословий, которые были свергнуты им.

Революцию совершили только низшие классы общества: рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне, словом, низший слой, та беднота, которую богатые называют канальями, которую римское бесстыдство некогда называло пролетариатом. Но, как бы там ни было, одно верно: эта масса совершила революцию на пользу только мелким земледельцам, крючкотворцам и адвокатским шайкам».

Марат о рабочем и аграрном вопросе.

(«Друг народа» за 1791 г.)

«Раз всякий рабочий может трудиться на свой страх, он перестает желать работать под надзором других, и тогда исчезнут мастерские, мануфактуры и торговля.

Первым результатом всех этих бессмысленных декретов явится обеднение государства, так как они вызовут упадок мануфактур и торговли; затем последует разорение потребителей благо-

даря беспрестанным тратам, и сами ремесла исчезнут. В любой профессии, в которой не стремление к славе играет роль движущего стимула, коль скоро у занимающихся ею желание составить состояние перестает сопровождаться желанием установить свою репутацию, исчезнет добросовестность; вскоре всякая профессия, всякая торговля вырождается в интригу и плутовство. Ведь в таком случае дело будет итти только о том, чтобы сбыть свои произведения и свои товары, а потому достаточно будет придать им известный привлекательный вид и продавать их по низкой цене, не заботясь об их прочности и доброкачественности; итак все мастерства не замедлят выродиться. А так как благодаря этому продукты будут лишены прочности и всяких достоинств, то они окажутся разорительными для вынужденного пользования ими бедного потребителя, между тем как зажиточный потребитель станет делать свои покупки за границей. Приглядевшись к беспредельному развитию жажды наживы во всех классах народа в больших городах, вы убедитесь в этих печальных истинах.

Раз каждый получит возможность устроиться самостоятельно, не будучи обязан доказать свое умение, прекратится систематическое обучение ремеслам. Чуть только ученик научится кое-как изготовлять что-либо, он постарается извлекать выгоду из своей индустрии; он будет думать лишь о том, как бы открыть лавочку и начать раболепствовать для того, чтобы найти покупателей...

Так как нужно будет изготовлять превосходные товары не для того, чтобы составить себе репутацию и состояние, но для того, чтобы обольстить внешностью, то рабочий, опозоренный в каком-нибудь квартале, переселится в другой и часто закончит свою карьеру, побывав чуть ли не во всех кварталах какого-нибудь большого города и везде обманывая своих покупателей и самого себя. Это вырождение полезных искусств, это исчезновение добросовестности, эта бродячая и интриганская жизнь рабочих, нищета во всех профессиях и общественные бедствия, обусловливаемые гибелью торговли, с особенною силою скажутся в главных городах. Я не удивился бы, если бы через двадцать лет во всем Париже не оказалось ни одного рабочего, который сумел бы сделать шляпу или пару башмаков.

Падение искусства наступит тем быстрее, что всякий будет иметь свободу заниматься разными ремеслами и профессиями. И пусть не говорят, что спутник свободы — соревнование — вызовет их процветание; опыт слишком часто доказывает, что на самом деле бывает как раз наоборот. Например, в тех парижских кварталах, где не существовало ограничений свободы труда, рабочие, старавшиеся только о том, чтобы привлечь покупателей дешевизной, не заканчивали ничего. Что настанет, когда эта система осуществится для всех рабочих, когда мастера не будут в состоянии выдерживать конкуренции и когда исчезнут стимулы, вызывающие соревнование относительно доброкачественности товаров!

Бесконтрольной свободой должны пользоваться только изящные искусства и ремесла, служащие для удовлетворения потребности в пределах роскоши, так как, раз все могут обойтись без этого рода произведений, лишь доставляемое ими удовольствие может побуждать приобретать их... Что же касается полезных искусств и ремесл, служащих для изготовления предметов первой необходимости, то мастеровой обязательно должен доказать свое умение, так как никто не может обойтись без их произведений, доброкачественных или плохих, а следовательно, общественный порядок требует от законодателя, чтобы он принимал меры для предупреждения обмана, развращения нравов и обусловливаемых всем этим несчастий...

Вместо того, чтобы все расстроить, как это сделал невежественный конституционный комитет, следовало бы посоветоваться относительно вещей, не входящих в его компетенцию, с образованными людьми и заняться исключительно исправлением злоупотреблений.

В действительности, достаточно совершенно отменить цеховую юрисдикцию, поборы, взимавшиеся с лиц, получивших звание мастера, предоставив всякому признанному мастеру право судебным порядком преследовать рабочих за правонарушения. Чтобы вызвать процветание искусств, следовало бы установить для рабочих обязательное обучение в течение шести-семи лет. Чтобы рабочие не бедствовали целую жизнь, следовало бы установить приличную плату за их труд и заставить их хорошо вести себя, давая по истечении трех лет средства, для того чтобы самостоятельно устроиться всем тем, которые отличались умением и благоразумием, с тем условием, что лица, не женившиеся в год получения ими звания мастера, обязаны вернуть в общественную кассу полученную ими ссуду.

Естественное средство привести общество в цветущее состояние заключается в том, чтобы вознаграждать таланты и хорошее поведение. Природа желает, чтобы невежды руководились указаниями просвещенных людей, а неблагонравные люди — указаниями честных; следовательно, бездарные и плохо ведущие себя рабочие никогда не должны были бы становиться мастерами. Отсутствие способностей непоправимо; но можно отучиться от шалости, и проступки должны быть наказываемы, причем достаточно, чтобы каждый рецидив замедлял на шесть месяцев получение средств для обзаведения...»

Совершенно [1] необходимо и совершенно справедливо, чтобы тот же самый закон, который доставил бы столько выгод собственникам, устранив чересполосицу путем урегулированных законом обменов, обеспечил бы вместе с тем и пропитание для всех, заставив тех собственников, которые сами не утилизируют своих земель, сдавать их в аренду по участкам. Я слишком хорошего мнения о своих соотечественниках, чтобы думать, что раз они увидели бы, что расходы, которых требует обработка земли, уменьшаются, а доходы возрастают, благодаря объединению принадлежащих им участков, среди них нашелся бы хоть один человек, который был бы настолько бесчеловечен, чтобы жаловаться на то, что закон, обеспечивающий более равномерное распределение произведений земли, распределив обработку земли между большим числом семейств, лишил землевладельца права располагать своими земельными участками и сдавать их в аренду, сообразуясь со всеми капризами. Необходимым следствием этого постановления явилось бы то, что гражданское состояние приблизилось бы к естественному по отношению к большей свободе культуры и более равномерному распределению между ценой продуктов и сдельной платой, и, наконец, уничтожилась бы всякая монополия на земледельческие продукты; ведь чем больше будет земледельцев, тем меньше будет батраков, а поэтому их поденная заработная плата непременно повысится. С другой стороны, чем больше будет земледельцев, тем более возрастет конкуренция при продаже товаров. К тому же сельские жители, уверенные в том, что сами они прокормятся, были бы заинтересованы в том, чтобы остающийся у них избыток имел как можно большую ценность, так что свобода торговли хлебом установилась бы сама собой...

Скоро удобства, доставляемые устранением чересполосицы, разведением садов, вкус к истинным наслаждениям, доставляемым природой, и зрелище, представляемое счастливыми деревнями, непременно вернет в них изобилие вместе с их богатыми владельцами. Скоро просвещенные люди не будут считать унижением для себя браться за плуг, и, благодаря соединению света, проливаемого теорией, с указаниями практики, в земледелии наступит беспредельный прогресс...»

29. Дантонисты.

А. Дантон о праве собственности.

Конвент, 21 сентября 1792 г.

(Тальен предлагает депутатам поклясться, что они не покинут собрания, не выработав программы управления страной на основе равенства и свободы.)

«Прежде чем высказать свое мнение о том, с чего должно начать свою деятельность Национальное собрание, я прошу позволения сложить перед ним полномочия, вверенные мне Законодательным собранием. Я получил их под грохот орудий, которыми жители столицы громили деспотизм.

Теперь, когда произошло соединение армий, когда произошло объединение представителей народа, я должен отказаться от своих прежних полномочий министра; теперь я — только доверенный народа, и в качестве такового я говорю сейчас с вами.

Вам предложили принять присягу; действительно, необходимо, чтобы вы, в сознании громадной ответственности, принятой вами на

[1] В основном аграрная реформа Марата состояла в предложении организовать обязательный обмен чересполосных мелких земельных участков и их объединение, следовательно не «аграрный закон», а раздел фермерских хозяйств на мелкие участки, причем доход доставался бы попрежнему собственникам. Кроме того Марат заботливо отнесся и к батракам. О них и идет речь в приводимом отрывке.

себя, объявили в торжественной декларации народу, каковы те чувства и те принципы, которыми вы будете руководствоваться в своей работе. Вспомните, граждане, как вело себя первое Национальное собрание, несовершенство изданных им законов, его соглашение с тиранией. Не может существовать иной конституции кроме той, какая текстуально и путем поименного голосования будет принята большинством первичных собраний.

Вот что мы должны объявить народу. Тогда исчезнут все ложные признаки диктатуры, нелепые слухи о триумвирате, весь этот вздор, придуманный для запугивания масс, так как конституционным законом будет признано лишь то, что будет принято самим народом.

После этой декларации вы должны будете принять другую, не менее важную для дела свободы и общественного спокойствия.

До сих пор народ всячески возбуждали, так как надо было его поднять на борьбу с тиранами, надо было дезорганизовать деспотизм. Теперь необходимо, чтобы законы были так же беспощадны к тем, кто посмеет посягнуть на завоевания народа, как был беспощаден сам народ, уничтожая тиранию.

Необходимо, чтобы закон наказывал всех виновных, и тогда народ вполне будет удовлетворен. (Аплодисменты.).

Многие, даже самые честные граждане, выражали опасение, что пылкие друзья свободы способны нанести непоправимый вред общественному порядку, сделав преувеличенные выводы из своих принципов. Итак решительно откажемся здесь от всяких крайностей, провозгласим, что всякого рода собственность — земельная, личная, промышленная — должна на вечные времена оставаться неприкосновенной. (Дружные аплодисменты.)

Вспомним затем, что нам необходимо все пересмотреть, все переиздать, что и сама «Декларация прав» не совсем безупречна и что она должна подвергнуться пересмотру истинно свободного народа. (Новый взрыв аплодисментов.)

Предложение Дантона принято в следующей редакции:

«Национальный конвент постановляет:

1. Не должно существовать иной конституции, кроме той, которая будет принята всем народом.

2. Личность и собственность находятся под охраной французского народа.

Национальный конвент объявляет, что не отмененные законы временно остаются в силе; лица, не отрешенные от должности, остаются при исполнении своих обязанностей; государственные налоги, ныне существующие, будут взиматься попрежнему».

Б. Дантон о терроре.

(Из речи Дантона от 1 декабря 1793 г.)

«...Теперь, когда всякий федерализм уничтожен, революционные меры должны, естественно, опираться на законы, нами же изданные. Конвент почувствовал необходимость дополнить революционные мероприятия и сделал постановление в этом смысле. С этого момента каждый человек, проявляющий себя не в меру усердным революционером, принесет столько же вреда свободе, сколько мог бы принести убежденный контрреволюционер. Выйти за пределы поставленной цели, значит — миновать ее, а не достигнуть; наши враги не преминут умело использовать против нас самих избыток нашего гражданского одушевления. А мало ли людей, которые под маской преувеличенной преданности революции ускользают от революционной кары? Потому я и говорю, что мы должны выразить энергичные порицания тем, кто позволит себе переступить границы, указанные мною.

Объявим, что никто не имеет права отдавать произвольные распоряжения какому-либо гражданину республики. Защитим от всяких посягательств следующий принцип: законы должны исходить только от Конвента, — он один получил от народа право законодательства. Отзовем тех комиссаров, которые, хотя бы с самыми лучшими намерениями, принимали несоответствующие меры, о которых только что доведено до нашего сведения. Представители народа отныне должны издавать распоряжения в полном согласии с нашими революционными декретами, с принципами свободы и соответственно инструкциям, переданным им Комитетом общественного спасения. Запомним ту истину, что если то или другое общество разрушают ударами пик, то возвести и укрепить общественное здание можно только при помощи строительного циркуля.

Народ ежедневно высказывает одобрение на-

шей работе, ежедневно приказывает нам не покидать нашего поста; это потому, что мы свято выполнили свой долг. Будем стараться сделаться достойными того доверия, которым он нас окружает, будем сами создавать законы и не позволим никому их навязывать...

Я не только не думаю смягчить революционные меры, но, напротив, я предлагаю представить вам проект таких мер, которые могли бы действовать с большей силой и с большей справедливостью, так как не мало интриганов и настоящих заговорщиков избегло народного правосудия, меж тем как оно покарало менее виновных, нежели они.

Да, мы хотим итти революционным шагом во что бы то ни стало, хотя бы сама почва республики разверзлась под нами; до сих пор мы широко пользовались силой, обратимся теперь к мудрости; в сочетании этих двух элементов мы найдем средства спасения отечества...»

30. Речь Жака Ру у решотки Конвента 25 июня 1793 г.

«Уполномоченные народа, уже давно вы обещали прекратить бедствия народа, но что вы для этого сделали? (Сильное волнение.) Вы только что приняли конституцию, которую вы дадите на утверждение народа. Осудили ли вы ажиотаж? Нет! Произнесли ли вы приговор против скупщиков и монополистов? Нет! Мы вам объявляем: вы сделали не все, что требуется, вы, которые находитесь на «горе», достойные санкюлоты, что же, вы будете оставаться неподвижными на вершине этой бессмертной скалы?!

Берегитесь, друзья равенства не будут дураками в подчинении у шарлатанов, которые пожелают досаждать народ голодом, насилием скупщиков: их склады суть берлоги воров. Но кто знает, как еще дела повернутся? (Шум.) Таким образом из-за страха перед контрреволюцией пытаются поднять цены на съестные припасы, но разве не знают, что народ хочет свободы или смерти?

Цель спекулянтов, которые захватывают мануфактуру, торговлю, продукты, землю, — лишь бы только довести народ до отчаяния, заставить его броситься в объятия деспотизма. До каких пор вы будете терпеть, чтобы богачи-эгоисты упивались из позолоченных бокалов чистейшей кровью народа?

Если вы беззаботны по части искоренения ажиотажа и скупщиков, то это — подлость, которая вас сделает виновными в преступлении против нации. Нечего бояться ненависти богатых, т. е. злых, нужно всем пожертвовать для счастья народа.

Вы должны заботиться, чтобы вас не обвиняли в обесценении бумажных денег, чтобы таким образом приготовить банкротство. (Шум во всех частях зала.) Конечно, есть несчастья, неотделимые от больших революций, и наше намерение принести самые необходимые жертвы для поддержания свободы, — но народ вспомнит, что уж он два раза был обманут двумя законодательными собраниями. Наступило время, чтобы санкюлоты, которые сломили скипетры тиранов, уничтожили бы всякого рода тиранию, должно быть употреблено самое быстро действующее лекарство к нашим острым болезням.

Как вы, законодатели, желаете, чтобы человек, который имеет 600 фунтов (ливров) дохода, мог существовать, если вы не приостановите ажиотаж конституционным законом, который не мог бы быть отменен Законодательным собранием. Возможно, что мы будем иметь спокойствие только через 20 лет, громадные расходы войны... (Сильный шум слева.) Депутаты «горы»! Соорудите основы для преуспеяния республики, не кончайте вашей карьеры бесславием». (Снова шум возобновляется с большой силой.)

Один из граждан депутации: Я объявляю, что это не та петиция, на которую дала свое согласие секция Гравилиоп.

Несколько членов: Нет, нет, его надо выслушать.

Оратор продолжает: Угнетенные в департаментах санкюлоты прибудут, мы тогда покажем им пики, которыми была взята Бастилия, — те пики, которыми был рассеян заговор государственных людей, те пики, которые уничтожили гнилую «комиссию двенадцати»; тогда мы их поведем в святилище законов, и мы им покажем ту сторону, которая желает спасти тирана, и ту, которая произнесет над ним смертный приговор».

31. А. Речь Шометта в Генеральном Совете Парижской коммуны 14 октября 1793 г.

(Извлечения.)

Применение закона, который фиксирует цены на продукты и товары первой необходимости, встречает ряд затруднений. Жадность некоторых торговцев, подлость спекулянтов, все еще находят себе сторонников. Некоторые из торговцев Парижа хотели обойти закон и утверждали, что он к ним не относится; другие указывали на ошибки и упущения, вкравшиеся в ту таблицу твердых цен, которая была составлена муниципалитетом на основании закона. Но эта таблица была издана в слишком короткий срок и конечно не могла быть безукоризненной; наконец, некоторые торговцы разделили свои товары между своими друзьями и родственниками, и когда к ним приходит кто-нибудь, то они говорят, что у них нет товара.

Я не говорю о розничных торговцах; я буду нападать только на оптовиков, банкиров и членов торговых компаний, этих народных кровопийц, постоянно строящих свое счастье на бедствиях народа. Вы помните, что в 1789 г. и в следующих годах все эти люди вели очень крупную торговлю, но с кем? — С заграницей. Известно, что именно они вызвали падение курса ассигнатов и нажили крупные состояния при помощи ажиотажа на бумажных деньгах.

Что же они делали после этого, чтобы пополнить свое состояние? Они прекратили торговлю, и стали угрожать народу отсутствием товаров; но если у них есть золото и ассигнаты, то у Республики есть нечто большее: у нее есть рабочие руки. А ведь именно рабочие руки, и вовсе не золото, приводят в движение фабрики и мануфактуры. Ну, если они бросят фабрики, то Республика возьмет их и реквизирует сырье. Пусть они знают; что Республика может всегда, по единому мановению, превратить в пепел и грязь то золото и ассигнаты, которые они держат в своих руках. Пусть народ-великан уничтожит все торгашеские спекуляции.

Шометт требует, чтобы была создана комиссия

«для представления в Национальный конвент петиции с тем, чтобы обратить его внимание на сырье, на фабрики и просить его реквизировать их и подвергнуть наказанию тех владеющих ими фабрикантов, которые оставят их в бездействии; или же эти фабрики надо передать в полное распоряжение Республики, у которой хватит рабочих рук, чтобы пустить их в ход».

Б. Эбертисты против робеспьеристов.

(Заседание Клуба кордельеров от 4 марта 1794 г.)

Председатель оглашает проспект журнала «Друг народа», являющийся продолжением журнала Марата. Он будет редактироваться в духе принципов этого мученика свободы и будет содержать все необходимые сведения и разоблачения о государственных служащих и в особенности о народных представителях, изменивших народу. Этот журнал должен лежать на ответственности не отдельного редактора, а всего общества; кордельеры сами будут составлять его и отвечать всякому, кто осмелится нападать на его содержание.

Доска, на которой выгравированы права человека, с этого момента завешивается черным покрывалом; она должна остаться завешенной до тех пор, пока народ не уничтожит клики и не добьется восстановления своих прав.

Венсан. Я указываю здесь на существование новой клики, которая поднимается внутри Республики с целью погубить ее. Я обвиняю Люллье, Дюфурни и некоторых других лиц, которые как будто дали клятву установить гибельную систему модерантизма.

Дюфруни хочет закончить революцию так же, как и начал... Все стены Парижа он покрыл воззваниями, направленными против деятельности революционных комитетов, которые до сих пор еще не арестовывали никого кроме аристократов.

Венсан, сравнивая затем различные речи и отдельные выражения разных ораторов, как например Шабо, Базира, Бурдона (из Уазы), Филиппо и других, видит в них проявление серьезного заговора, который может оказаться более опасным, чем заговор Бриссо; если не воспротивиться планам заговорщиков и не применить к ним всей строгости террора, осуществляемого гильотиной против врагов народа, то этот заговор неизбежно приведет к гибели свободы.

Каррье. Граждане, я уже давно покинул арену революции; с некоторых пор я действительно замечаю все то, о чем говорится в вашем обществе; но у меня нет уверенности в том, кто именно хочет установить эту систему модерантизма.

При моем возвращении в Конвент, я был испуган появлением на Горе новых людей и теми разговорами, которые они вели между собой шопотом. Я вижу, я чувствую, что они хотели бы задержать ход революции. Они высказывают сожаление об участи тех, кого поразил меч национального правосудия.

...Изверги! Они хотели бы разбить эшафоты; но, граждане, помните, что против гильотины настроены именно те люди, которые сознают, что сами заслуживают ее. Кордельеры! Вы хотите издавать журнал в духе Марата; я приветствую вашу мысль и ваше начинание; но эта преграда слишком слаба и не может выдержать натиска всех тех, кто стремится погубить революцию; восстание, священное восстание — вот что вы должны противопоставить этим предателям! Кордельеры! Народные общества! В ваших сердцах всегда горело священное пламя патриотизма, оставайтесь друзьями революции; будьте на страже; сорвите маску с лица тех извергов, которые хотят вас уничтожить, и тогда незыблемая Республика выйдет увенчанной славой победительницы из всех сражений, которые подготовлены ей ее врагами. (Речь Каррье покрывается бурными аплодисментами.)

Эбер. Вы содрогнетесь от ужаса, когда узнаете адский замысел этой клики; у него много разветвлений, и в нем замешано большее число лиц, чем вы это думаете.

Эта клика хочет спасти сообщников Бриссо, тех 61 роялиста, которые совершили такое же преступление, как он, и которые, следовательно, должны быть также преданы смертной казни. Почему хотят избавить их от эшафота? Потому что эти интриганы чувствуют, что они могут подвергнуться той же каре; потому что все интриганы хотят объединиться вокруг этих роялистов...

...Пора народу показать всем этим жуликам и грабителям, что их царство недолговечно. Люди, ютившиеся раньше по чердакам, а теперь живущие в роскошных помещениях, разъезжающие в пышных каретах и упивающиеся народной кровью, — эти люди скоро станут добычей гильотины.

...Самыми опасными являются не воры, а честолюбцы. Те честолюбцы, которые выдвигают вперед других людей, а сами остаются на заднем плане; чем большей властью они завладевают, тем ненасытнее они становятся; они стремятся к единоличному господству (Эбер имеет в виду М. Робеспьера. — *Ц. Ф.*). Но Кордельеры не допустят этого (несколько голосов: «Нет, нет, нет!»). Я назову вам этих людей, заткнувших рот патриотам в народных обществах... Я знаю их замыслы, но я найду себе защитников. (Все присутствующие: «Да, да!»)

...Когда 61 преступник и их сторонники все еще остаются безнаказанными и не подвергаются смертной казни, то разве можно еще сомневаться в том, что существует клика, стремящаяся уничтожить права народа? — Конечно, нет. Ну, а раз она существует, раз мы ее видим, то какое у нас средство для того, чтобы освободиться от нее? Восстание. Да, именно восстание; кордельеры первые подадут сигнал, который должен сразить всех угнетателей. (Бурные аплодисменты.)

В. Парижская коммуна о религии.

(Декрет от 8 фримера II года.)

«Принимая во внимание, что парижский народ отказался признавать какой-либо культ, кроме культа Истины и Разума, генеральный совет Коммуны постановляет: 1) что все церкви или храмы всевозможных вероисповеданий, существующих в Париже, будут немедленно же заперты; 2) что все служители, к какому бы культу они ни принадлежали, будут лично и индивидуально ответственны за те смуты, источником которых окажутся религиозные мнения; 3) что всякий, кто потребует открытия храма или церкви, будет арестован как подозрительный; 4) что революционные комитеты будут приглашены зорко наблюдать за всеми священниками; 5) что будет составлена петиция Конвенту, приглашающая его издать декрет, который отстранил бы священников от всякого рода общественных должностей, а равно и всех мест в национальных мануфактурах».

Клуб якобинцев в Тюлле в борьбе с религией.

Заседание 7 фримера (28 ноября 1793 г.)

Один из членов Общества потребовал, чтобы все знаки суеверия, раздражающие патриотов во всех углах Тюльской коммуны, были сбиты и уничтожены. Это предложение было принято с восторгом, а для выполнения его Общество постановило выйти в полном составе из храма Свободы, чтобы направиться в храм суеверия и убрать из него все памятники, посвященные фанатизму и заблуждению. Час этой операции будет указан звоном большого колокола, а чтобы операция вышла более значительной и торжественной, Общество постановило, что все женщины, под страхом подвергнуться навсегда исключению из Общества, обязаны принять в ней участие, дабы сегодняшний день был посвящен разуму и философии.

По предложению одного из членов, Общество постановило, что над входом в храм суеверия, бывший кафедральный собор, будет большими буквами сделана следующая надпись: «х р а м р а з у м а».

Заседание закрывается и возобновляется в 12½ часов.

Оглашается письмо гражданина Бриваля, епископа, в котором он заявляет, что отказывается от своего поста. Общество приветствует это заявление аплодисментами [1].

Гайардон и Борн, бывшие епископские викарии, следуют его примеру, а также и некоторые другие. Паско отказывается от своего места, чтобы поскакать на фронт, и просит, чтобы назначили ему кого-нибудь заместителем...

... Общество вышло затем в полном составе и под звуки музыки направилось во все места, где виднелись еще следы суеверия.

Заседание 9 фримера (30 ноября 1703 г.)

По открытии заседания председателем три священника друг за другом отказались от своего ремесла. Один из них, Пьер д'Эстанг, взошел на трибуну и, выразив свои ярко-республиканские убеждения, предал огню свои шарлатанские грамоты. Отрекшись от ремесла священника, он хотел избавиться от всего, что могло бы ему напоминать заблуждения, от которых он отрекся. Он просил у Общества разрешения именоваться впредь Фабрицием, а не Пьером (Петром) лжецом. Общество приветствовало эту просьбу аплодисментами и постановило впредь именоваться ему Фабрицием. Второй отрекшийся, Барб, с энтузиазмом принявший заявление гражданина Дэстанг, просил разрешения носить впредь имя Дорепер, — имя, дорогое Республике по твердости, которую проявил этот гражданин, покончивший с собою, когда Верденская крепость, которою он командовал, была сдана наемникам тиранов. Третий отрекшийся, Прусперг, не захотел больше называться именем последнего тирана французов и, вместо Людовика, просил разрешения именоваться впредь Муцием Сцеволой.

Общество дало свое разрешение на это и, удовлетворенное поведением означенных трех граждан, удостоило их почетным отзывом.

... Берони, бывший священник, взошел на трибуну, держа в руке пакет бумаг и писем, и попросил, чтобы весь пакет был предан сожжению. Он искренне и с энергией говорил о заблуждениях, которые так долго держали народ под игом, и Общество постановило удостоить его почетного отзыва.

Гражданин Жюмель огласил составленный им адрес Национальному конвенту, в котором подробно описывается проведенное городом Тюллем гражданское празднество и в котором сообщается нашим законодателям о быстром прогрессе, наблюдаемом в настроениях и убеждениях населения нашего округа. Этот адрес, каждая строка которого дышет свободой, республиканским духом и разумом, был встречен аплодисментами, и Общество постановило отослать его и напечатать.

... Постановлено, что похороны умерших членов Общества будут происходить под надзором полицейского офицера с пикою в руках и с шапкою Свободы на голове.

Один из членов Общества поднял вопрос о процессии, недавно устроенной по поводу вынесения из часовни больных изображения какой-то девы; он потребовал для выправления допущенной ошибки сожжения упомянутого изображения посреди зала заседаний Общества. Предложение было принято.

Другой член Общества потребовал, чтобы пла-

[1] Г. Бриваль, епископ департамента Коррезы, переехал в деревню, в коммуну Сент-Илэр-лэ-Перу, но в июле 1795 г. он снова вернулся к исполнению своих обязанностей.

ток бывшего священника, плакавшего во время указанной церемонии, также был сожжен, так как ни утирались слезы. По этому предложению Обществом принят переход к очередным делам.

Заседание декады фримера II года Французской республики (30 ноября 1793 г.)

Заседание открывается речью одного санкюлота из Лиможа «против пережитков суеверий и заблуждений, — он требовал устройства гражданской прогулки, чтобы нанести последний удар фанатизму». Эта речь покрыта была шумными аплодисментами.

... Один из членов замечает, что фанатизм ниспровергнут и для того, чтобы он оставался в состоянии ничтожества, оратор требует, чтобы в самый короткий срок посланы были учителя в деревни. Необходимо послать Национальному конвенту адрес, в котором просить о скорейшем создании учительских институтов. Нужно командировать двух комиссаров в департамент, чтобы он пока временно послал учителей в деревни.

Принимается простой переход к очередным делам по поводу донесения на гражданина Гудо, бывшего епископского викария, который распространяет суеверные принципы, на что члены Общества возражали утверждением, что Гудо собирается сдать свои священнические грамоты и отказаться от своего прежнего ремесла.

Заседание 11 фримера (1 декабря 1793 г.)

... Гражданин Кустильяк, священник, всходит на трибуну и произносит республиканскую и философскую речь, в которой заявляет, что отказывается от священнического сана. Принимается постановление о похвальном отзыве и о напечатании его речи.

Лаваль, бывший священник, также отказался от своего прежнего ремесла священника и обещал сдать свои грамоты, как только он сможет их получить из той коммуны, в которой он раньше жил.

Гражданин Мужанк, судья окружного трибунала, который уже ранее сдал свой диплом бывшего адвоката, принес в дар свою медаль. Ему вынесен похвальный отзыв.

Согон через посредство Бори отрекся от своего ремесла священника.

... По требованию одного земледельца, постановлено доложить наблюдательному комитету, что приходский священник и викарий Жимеля оказывали сопротивление учреждению народного общества в Жимельской коммуне.

Общество принимает простой переход к очередным делам по поводу разных священнических дел. Оно постановляет, что впредь оно больше не будет тратить времени на выслушивание священников и что те, кто желает отречься от священнического сана, должны обращаться к установленным властям.

32. Культ Верховного существа.

(Декрет от 18 флореаля II года, 7 мая 1794 г.)

«I. Французский народ признает существование Верховного существа и бессмертие души.

II. Он признает, что культ, достойный Верховного существа, заключается в выполнении человеком его обязанностей.

III. Из этих обязанностей он считает первейшими: ненавидеть нечестность и тиранию, наказывать тиранов и изменников, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, желать другим всевозможного добра и не быть ни к кому несправедливым.

IV. С целью напоминать людям о божестве и их собственном достоинстве будут учреждены празднества.

V. Их названия будут заимствованы у славных событий нашей революции, у наиболее дорогих и полезных человеку добродетелей, у величайших благодеяний природы.

VI. Французская республика будет праздновать ежегодно события 14 июля 1789 г.; 10 августа 1792 г.; 21 января 1793 г.; 31 мая 1793 г.

VII. Она будет праздновать каждый десятый день, и эти праздники будут носить следующие наименования: В честь Верховного существа и природы. В честь человеческого рода. В честь французского народа. В честь благодетелей человечества. В честь мучеников свободы. В честь свободы и равенства. В честь республики. В честь свободы и мира. В честь любви к отечеству. В честь ненависти к тиранам и изменникам. В честь истины. В честь справедливости. В честь целомудрия. В честь славы и бессмертия.

В честь дружбы. В честь воздержания. В честь мужества. В честь добросовестности. В честь героизма. В честь бескорыстия. В честь стоицизма. В честь любви. В честь супружеской любви. В честь родительской любви. В честь материнской нежности. В честь сыновней почтительности. В честь детства. В честь юности. В честь зрелого возраста. В честь старости. В честь несчастья. В честь земледелия. В честь промышленности. В честь наших предков. В честь потомства. В честь счастья.

VIII. Комитеты общественного спасения и народного просвещения должны будут представить проект организации этих празднеств.

IX. Национальный конвент призывает все таланты, достойные служить человечеству, к содействию в деле установления этих празднеств путем гимнов, гражданских песен и всеми средствами, могущими содействовать их украшению и росту их значения.

X. Комитет общественного спасения выберет те художественные произведения, которые покажутся ему наиболее способными выполнить такое назначение, и вознаградит их авторов.

XI. Свобода культа сохраняется, согласно декрета от 18 фримера.

XII. Всякие аристократические сборища, противные общественному порядку, будут разгоняться.

XIII. В случае смут, поводом или мотивом которых явится культ, лица, которые будут возбуждать их фанатическими проповедями или антиреволюционными инсинуациями, а также лица, которые будут вызывать их несправедливыми и ненужными насилиями, будут равно наказываться по всей строгости законов.

XIV. Должен быть представлен особый доклад относительно более подробных постановлений, относящихся к этому декрету.

XV. 20 прериаля этого года будет устроено празднество в честь Верховного существа. Давиду поручается представить проект этого праздника Национальному конвенту».

33. Завещание Робеспьера.

A. Речь Робеспьера в Конвенте 8 термидора.

«Пусть другие рисуют вам заманчивые картины; я же хочу сказать вам полезные истины... Я буду отстаивать перед вами ваш оскорбленный авторитет и вашу насилуемую свободу. Я буду также защищать самого себя: ведь это не удивит вас. Вы совсем не похожи на тиранов, с которыми ведете борьбу. Крики угнетенной невинности не оскорбляют вашего слуха; и вы знаете, что это дело совсем не чуждо вам.

Революции, которые до нас изменили положение государств, имели целью только перемену династии или переход власти из рук одного в руки нескольких лиц. Французская революция — первая, основанная на правах человечества и на принципах справедливости. Другие революции требовали только честолюбия: наша предписывает добродетели. Невежество и сила ввергли их в новый деспотизм, наша, исшедшая из справедливости, может зиждиться только на справедливости.

Разве это мы посадили в тюрьмы патриотов и внесли повсюду террор? Это сделали чудовища, которых мы осудили. Разве это мы, забыв преступления аристократии и покровительствуя изменникам, объявили войну мирным гражданам, вменили в преступления неизлечимые предрассудки и безразличные вещи, чтобы найти везде виновных и сделать революцию ужасной для самого народа? Это сделали чудовища, которых мы осудили. Разве это мы заставили меч пройтись над большей частью Национального конвента и потребовали в народных собраниях головы шестисот представителей народа? Это сделали чудовища, которых мы осудили...

Правда ли, что распространяли гнусные списки, в которых были намечены жертвами некоторые члены Конвента и что про эти списки утверждали, будто то дело рук Комитета общественного спасения и мое? Правда ли, что осмеливались вымышлять заседания и жестокие приговоры, никогда не имевшие места, и не менее химерические аресты? Правда ли, что старались уверить некоторых безупречных представителей, будто их гибель уже решена? А тех, кто вследствие заблуждения уже уплатил неизбежную дань роковому стечению обстоятельств и человеческой слабости, старались уверить, будто их ожидала участь заговорщиков? Правда ли, что эта клевета была распространена с таким искусством и наглостью, что многие из членов не решались проводить ночи у себя дома? Да, и доказательства этих интриг имеются в Комитете общественного спасения.

Я признаю только две партии: хороших и дурных граждан. Патриотизм — дело не партии, а сердца, он состоит не в преходящем порыве, не признающем ни убеждений, ни здравого смысла, ни нравственности: тем менее состоит он в преданности интересам партии. Сердце мое омрачено испытанием стольких измен, и я считаю необходимым призвать на помощь республике честность и все благородные чувства. Я сознаю, что везде, где встретится хороший человек, какое бы место он ни занимал, ему нужно протянуть руку и прижать к своему сердцу. Я верю в роковые обстоятельства в революции, которые не имеют ничего общего с преступными намерениями: я верю в гнусное влияние интриги, и особенно в гибельное могущество клеветы. Я вижу мир, населенный глупцами и мошенниками; но мошенников меньше: их нужно карать за преступления и несчастия мира.

Среди стольких пылких страстей, в таком обширном государстве, тираны, армии которых обращены в бегство, но не сокрушены и не истреблены, отступают, чтобы оставить вас в добычу ваших междоусобных раздоров, которые они сами же разжигают... Ослабьте на минуту бразды революции: вы увидите, что они будут захвачены деспотизмом и что глава партии [1] низвергнет униженное национальное представительство...

Как помочь злу? Наказать изменников; обновить все бюро Комитета общественной безопасности, очистить этот Комитет и подчинить его Комитету общественного спасения, очистив предварительно и его; учредить единство правления под верховной властью Национального конвента, который должен быть центром и судьей, и подавить таким образом все партии гнетом национальной власти, чтобы воздвигнуть на их развалинах могущество справедливости и свободы; вот принципы. Если их невозможно провозглашать, то я выведу из этого заключение, что они отменены и что среди нас господствует тирания, но никак не то, что я должен молчать об этом: потому что — в чем можно упрекнуть человека, имеющего разум и умеющего умереть за родину? Я создан для борьбы с преступлением, а не для правления...»

Б. Воззвание Парижской коммуны в защиту Робеспьера 10 термидора.

«Граждане, родина в опасности, большей, чем когда-либо; преступники насилуют волю Конвента, диктуя ему законы. Робеспьера, провозгласившего благой принцип Верховного существа и бессмертия души, — преследуют. Преследуют Сен-Жюста, этого апостола добродетели, подавившего крамолу Рейна и Севера, создавшего вместе с Леба триумф войскам республики; преследуют Кутона, этого добродетельного гражданина, у которого только голова жива, а тело мертво, но зато он пылает жаром патриотизма; преследуют Робеспьера-младшего, который вел к победам итальянскую армию. — И кто же их враги? Какой-то Амар, благородство которого состоит в его 30 тыс. ливров дохода; Дюбаррон, виконт из числа чудовищ этой породы; Колло д'Эрбуа, приверженец подлого Дантона, комедиант, обворовавший при старом режиме кассу своей труппы; Бурдон (из деп. Уазы), без конца клеветавший на Коммуну Парижа; Баррер, член всех партий по очереди, фиксировавший поденную плату рабочих, чтобы уморить их голодом; — вот злодеи, на которых указывает тебе совет. Восстань, народ, — сохраним завоевания 10 августа и 31 мая и предадим смерти всех предателей».

Подписано: Леско, Флерио, мэр Блэн, помощник секретаря.

34. Бабеф и «бабувисты».

А. Манифест равных.

«Французский народ!

В течение пятнадцати столетий ты жил в рабстве и следовательно был несчастен. И вот уже шесть лет, как ты едва переводишь дух в ожидании независимости, счастья и равенства.

Равенство — первое требование природы, первая потребность человека и основное звено всякого законного товарищества Французский народ, тебе повезло не больше, чем другим народам, прозябающим на этом злосчастном земном шаре. Всегда и везде бедный человеческий род, отданный во власть более или менее ловких людоедов, служил игрушкой всяческому честолюбию, пищей всяческой тирании. Всегда и

[1] Диктатор.

везде людей убаюкивали красивыми словами; но никогда и нигде не получали они вместе со словом дела. С незапамятных времен нам лицемерно твердят: «люди — равны», и с незапамятных времен над человеческим родом нагло тяготеет самое унизительное и самое чудовищное неравенство. С тех пор как существует человеческое общество, прекраснейшее достояние человека признается за ним бесспорно, но еще ни разу оно не смогло осуществиться; на деле равенство было не чем иным, как красивой и бесплодной юридической фикцией. А теперь, когда мы его требуем более решительно, нам отвечают: — «замолчите, несчастные, фактическое равенство — только химера; довольствуйтесь условным равенством: вы все равны перед законом. Чернь, чего тебе еще?»

Чего нам еще? Законодатели, правители, богачи, собственники, теперь послушайте вы, в свою очередь.

Мы все равны, не так ли? Этот принцип остается неоспоримым, потому что если не быть безумцем, то нельзя серьезно утверждать, что на дворе ночь, когда стоит день.

Так вот, отныне мы намерены жить и умирать равными, какими мы родились; мы желаем или действительного равенства, или смерти; вот чего нам надо. И мы добьемся его, этого действительного равенства, какой бы то ни было ценой. Горе тем, кто заградит нам путь к нему. Горе тому, кто станет противиться желанию, провозглашенному таким образом.

Французская революция — только предтеча другой, более великой и более величественной революции, которая будет уже последней.

Народ раздавил объединившихся против него королей и священников; то же будет и с новыми тиранами и новыми политическими лицемерами, усевшимися на месте старых. Чего еще надо нам, кроме юридического равенства?

Нам нужно это равенство, не только записанное в «Декларации прав человека и гражданина»; мы хотим, чтобы оно было среди нас, под кровлей наших жилищ.

Для него мы согласны на все. Мы готовы снести все до основания, лишь бы оно осталось у нас. Если надо, пусть погибнут все искусства, лишь бы у нас осталось действительное равенство.

Законодатели и правители, так же бездарные как и бессовестные, и богатые, и бессердечные собственники, напрасно пытаетесь вы парализовать наше священное начинание, говоря: «они просто снова выдвигают этот аграрный закон, который уже не раз требовался и до них».

Клеветники, замолчите, теперь и вы выслушайте в смущенном молчании наши требования, диктуемые природой и основанные на справедливости.

Аграрный закон или земельный передел был мимолетным желанием некоторых беспринципных солдат, некоторых народностей, побуждаемых скорее инстинктом, чем разумом. Мы стремимся к более высокой и более справедливой цели, а именно: к коллективной собственности. Долой частную собственность на землю, земля — ничья!

Мы требуем и желаем общего пользования земными плодами: эти плоды принадлежат всем.

Заявляем, мы не можем дольше терпеть, чтобы подавляющее большинство людей трудилось в поте лица своего ради выгод и удовольствия незначительного меньшинства.

Достаточно долго, и даже слишком долго, меньше чем миллион людей распоряжаются тем, что принадлежит больше чем двадцати миллионам им подобных, им равных.

Пусть, наконец, прекратится это безобразие, в существование которого наши внуки не захотят верить. Пусть исчезнет, наконец, возмутительное деление на богатых и бедных, на знатных и простых, на господ и слуг, на правящих и управляемых.

Пусть не будет иного различия между людьми, как только возраст и пол. Так как у всех людей одинаковые потребности и одинаковые способности, пусть же воспитание и пропитание будут у них тоже одинаковыми. Они довольствуются одним солнцем и одним воздухом на всех: почему же каждый из них не мог бы удовлетвориться одинаковым количеством пищи одного и того же качества?

Но враги самого естественного порядка вещей, какой только можно представить себе, уже ораторствуют против нас.

Разрушители и бунтовщики, говорят они нам. Вы желаете только убийств и грабежа.

Французский народ!

Мы не станем терять времени на возражения им, но тебе мы скажем: организуемое нами священное дело имеет одну только цель — положить предел гражданской смуте и нищете народа.

Никогда не замышлялся и не приводился в исполнение более широкий план.

Время от времени только отдельные гении и мудрецы говорили о нем тихим и трепетным голосом. Ни один из них не имел мужества высказать всю правду до конца.

Пора перейти к решительным мерам.

Зло достигло своего апогея; оно распространилось по лицу всей земли. Хаос, под именем политики, царит на ней слишком много веков. Пусть же все придет в порядок и норму. Пусть по зову равенства организуются все элементы, стремящиеся к справедливости и счастию. Настал момент основать республику равных, эту великую обитель, открытую для всех людей. Наступили дни всеобщего обновления. Стонущие семьи, идите за общий стол, накрытый, природою для всех ее детей.

Французский народ!

По какому же признаку должен ты отныне узнавать превосходство какой-либо конституции? Только та конституция, которая всецело основана на фактическом равенстве, может подойти тебе и удовлетворить все твои пожелания.

Аристократические хартии 1791 и 1795 гг. только прочнее заклепывали твои цепи вместо того, чтобы их разбивать.

Конституция 1793 г. была значительным шагом вперед к действительному равенству; никогда еще человечество не подходило к нему так близко; но и эта конституция не достигла еще конечной цели и не давала того всеобщего счастья, великий принцип которого она торжественно узаконивала.

Французский народ!

Открой глаза и сердце на полноту блаженства, признай и провозгласи вместе с нами «республику равных».

35. Сущность доктрины Бабефа.

«1. Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами.

2. Цель общества — защищать это равенство, подвергающееся в естественном состоянии нападению сильных и злых, а также при всеобщем содействии увеличить общее благосостояние.

3. Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться. Никто не может уклониться от труда, не совершая тем самым преступления.

4. Труд и потребление должны быть общими для всех.

5. Угнетение имеет место, когда один надрывается над работой и во всем нуждается, в то время как другой, ничего не делая, утопает в роскоши.

6. Никто не может присвоить земельную или промышленную собственность исключительно себе, не совершая тем самым преступления.

7. В истинном обществе не должно быть ни богатых ни бедных.

8. Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу неимущих, являются врагами народа.

9. Никто не имеет права путем накопления всех материальных средств лишать других просвещения, необходимого для их счастья; образование должно быть общим.

10. Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить всеобщее счастье.

11. Революция еще не закончена, так как богачи захватывают все блага и пользуются исключительной властью, в то время как бедняки трудятся как настоящие рабы, изнывают в нищете и не имеют в государстве никакого значения.

12. Конституция 1793 г. является для французов истинным законом, потому что народ торжественно утвердил ее; потому что Конвент не имел права изменять ее; потому что, чтобы добиться этого, он велел расспрашивать народ, требовавший ее применения; потому что он изгнал и убил депутатов, которые, защищая ее, исполняли свой долг; потому что террор против народа и влияние эмигрантов руководили составлением и мнимым утверждением конституции 1795 г., не имевшей даже четверти избирательных голосов, полученных конституцией 1793 г.; потому что конституция 1793 г. санкционировала неотъемлемое право каждого гражданина давать свое согласие на законы, осуществлять свои политические права, иметь право собраний, требовать того, что он считает полезным и не умирать с голода; эти права открыто и всецело нарушены контрреволюционным актом 1795 г.

13. Конституция 1793 г. обязует каждого гражданина восстановить и защищать волю и счастье народа.

14. Все власти, установленные мнимой конституцией 1795 г., незаконны и контрреволюционны.

15. Поднявшие руки на конституцию 1793 г. виновны в «оскорблении народного суверенитета».

36. Историческое значение диктатуры якобинцев.

А. Маркс о якобинцах.

(Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции 1848—1850 гг., статья «Баланс прусской революции».)

«В 1648 г. (во время английской революции) буржуазия с новым дворянством была против королевской власти, против феодального дворянства и против господствующей церкви.

В 1789 г. (во время французской революции) буржуазия была в союзе с народом против королевской власти, дворянства и господствующей церкви.

Революция 1789 г. имела образцом (по крайней мере в Европе) только революцию 1648 г., революция 1648 г. — только восстание Нидерландов против Испании. Обе революции не только по времени, но и по содержанию были на целое столетие впереди своих образцов.

В обеих революциях буржуазия действительно была классом, стоявшим во главе движения. Пролетариат и фракции общества, не принадлежавшие к буржуазии, или не имели еще интересов, не совпадавших с интересами буржуазии, или не образовали еще никаких самостоятельно развивавшихся классов или частей классов.

Поэтому там, где они выступают против буржуазии, как например во Франции от 1793 до 1794 г., они борются лишь за осуществление интересов буржуазии, хотя и не буржуазным способом. Весь французский терроризм был не чем иным, как плебейским способом покончить с врагами буржуазии — с абсолютизмом, с феодализмом и с филистерством».

Б. Ленин о якобинцах.

(Ленин о якобинцах, см. «Шаг вперед, два шага назад», «Можно ли запугать рабочий класс якобинством». (Собр. соч., т. XIV, стр. 285.)

«Историки буржуазии видят в якобинстве падение («скатиться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы для Франции — лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам главным образом потому, что Франция XVIII в. была окружена на континенте слишком отсталыми странами, потому что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог.

«Якобинство» в Европе, на границе Европы и Азии, в XX в., было бы господством революционного класса, пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, что дали якобинцы XVIII в., но и привести, во всемирном масштабе, к прочной победе трудящихся.

Буржуазии свойственно ненавидеть якобинство. Мелкой буржуазии свойственно бояться его. Сознательные рабочие и трудящиеся верят в переход власти к революционному, угнетенному классу, — ибо в этом суть якобинства — единственный выход из кризиса, избавление от разрухи и от войны».

«Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—1793 гг. Но забывают о материальных историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными. Действительно, революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению, — вот те материальные, экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, переродив, обновив ее хозяйственную основу.

Пример Франции говорит нам одно и только одно: чтобы сделать Россию обороноспособной, чтобы добиться и в ней «чудес» массового героизма, надо с «якобинской» беспощадностью смести все старое и обновить, переродить Россию хозяйственно. А этого нельзя сделать в XX в. одним сметением царизма. Франция 125 лет назад не ограничилась этим. Этого нельзя сделать даже одним революционным уничтожением помещичьего землевладения (мы даже этого не сделали, ибо эсеры и меньшевики из-

менили крестьянству), одной передачей земли крестьянству. Ибо мы живем в XX в., господство над землей без господства над банками не в состоянии внести перерождения, обновления в жизнь народа.

Материальное, производственное обновление Франции в конце XVIII в. было связано с политическим и с духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с ней), с беспощадной войной, объявленной всему реакционному. Весь народ и в особенности массы, т. е. угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну все считали справедливой, оборонительной, и она была на деле таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы. Не в 1792—1793 гг., а много лет спустя после победы реакции внутри страны, контрреволюционная диктатура Наполеона превратила войны со стороны Франции из оборонительных в завоевательные».

«Ровно ничего, кроме оппортунизма, не выражают эти «страшные словечки»: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, — это и есть революционный социал-демократ. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, — это и есть оппортунист. Только оппортунисты и могут еще в настоящее время видеть опасность в заговорщицких организациях, когда мысль о сужении политической борьбы до заговора оппортуниста опровергнута и вытеснена давно жизнью, когда кардинальная важность массовой политической агитации выяснена и разжевана до тошноты. Реальным основанием страха перед заговорщичеством, бланкизмом является не та или иная обнаружившаяся черта практического движения (как давно и тщетно старается показать Бернштейн и К°), а жирондистская робость буржуазного интеллигента, психология которого так часто прорывается среди современных социал-демократов. Нет ничего комичнее, как эти потуги новой «Искры» сказать новое слово (сказанное в свое время сотни раз) в виде предостережений от тактики французских революционеров-заговорщиков сороковых и шестидесятых годов (№ 62, передовая). В ближайшем номере «Искры» жирондисты современной социал-демократии укажут нам, вероятно, такую группу французских заговорщиков сороковых годов, для которой значение политической агитации в рабочих массах, значение рабочих газет, как основы воздействия на класс со стороны партии, являлось бы давно заученной и разученной азбукой».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЧАРТИЗМ.

Англия после наполеоновских войн.

Первая половина XIX в. — наиболее богатая революционными событиями эпоха в новейшей истории Англии. Промышленный переворот закончился в стране только к сороковым годам, когда окончательно оформилось и современное буржуазное государство. С конца XVIII в. складывалась «новая Англия». «И если в XVIII в. страна не знала серьезных политических потрясений, то после англо-французских войн она вступает в полосу ожесточенных политических битв. Многие годы Англия состояла во главе европейской коалиции против французской революции. Она стремилась к экономическому преобладанию над миром, и в конце концов ее капиталистическая мощь дала ей победу над Францией. Мир с Францией закреплял за Англией ряд колоний, но не принес успокоения стране. В эпоху войн и непосредственно после падения Наполеона (1814 г.) английское правительство, из боязни народного движения, не только не расширило политической свободы, а отменило и то немногое, что было создано в предшествующие годы. Англии предстояло пережить свою революцию.

Но пока торжествовала реакция. Мир с Францией усилил эту реакцию. Богатым он принес отмену подоходного налога, а землевладельцам — добавочную премию в виде закона о пошлинах на ввозной хлеб (1814). Этот закон гарантировал землевладельцам высокие цены на хлеб на внутреннем рынке; ввоз иностранного хлеба в страну был почти запрещен. Мир с Францией принес с собою и промышленный кризис: армия безработных росла. Неурожайные годы и огромное налоговое бремя довершили дело. Одних процентов по долгам Англии пришлось платить 30,5 млн. ф. ст. ежегодно. Недовольство буржуазии существующими политическими порядками и нужда масс на почве растущего капитализма были причиной народных движений после войны. В 1816 и 1819 гг. это движение вылилось в вооруженное столкновение трудящихся с войсками, и «битва при Питерлоо» (через 4 года после битвы при Ватерлоо с армией Наполеона), как назвали в насмешку над правительством расстрел народного митинга в 1819 г., свидетельствовала о силе реакции и в свою очередь усилила реакцию. «Шесть актов», принятых парламентом, временно отменили все «свободы» Англии: право собраний, неприкосновенность личности и т. д. Политическая борьба народных масс с правительством однако только началась. Общий характер революционной борьбы в Англии первой половины XIX в. будет нам ясен, если вспомним, что это было время победы промышленного капитализма и буржуазного государства. Поэтому политическая борьба различных классов имела в виду, во-первых, окончательное оформление буржуазного государства, а во-вторых, удовлетворение интересов многочисленного класса пролетариата, созданного капитализмом. Классовая борьба буржуазии с аристократическим строем старой Англии идет здесь рука об руку с борьбой пролетариата против буржуазии. В центре пролетарской борьбы за демократию ее наивысшим пунктом был чартизм. В чартистском движении пролетариат впервые выступил как самостоятельная политическая сила в государстве торжествующей буржуазии.

Социально-экономическое положение Англии первой половины XIX века.

Чтобы понять ход политической борьбы в Англии первой половины XIX в., следует раньше всего уяснить себе экономическое положение страны и выяснить задачи и цели основных борющихся классов.

Машина в текстильном производстве Англии появилась еще в конце XVIII в., но только в начале нового столетия применение ее в шерстяной промышленности стало правилом. В 1825—1835 гг. входят в употребление механические ткацкие станки. В это время начинается широкое применение пара и технических усовершенствований во всех отраслях промышленности. «В 1812 г. прядильщик был в состоянии произвести в 200 раз больше, чем до появления машины «дженни»; ткач, работавший на механическом станке, создавал теперь столько же, сколько 40 искусных ручных ткачей». Аналогичные результаты были достигнуты и в металлургии

благодаря техническим усовершенствованиям. «При прежних процессах выделки железа для получения 10 *m* чугуна необходимо было 3 недели, после применения пудлингования для этого оказалось достаточным 3 дня. Применение угля, вместо древесного топлива, усовершенствованные способы литья стали, прокатки железа и т. д. служили прогрессу металлургии». Важно отметить, что процесс распространения машин в Англии отличался вначале (до 20-х гг. XIX в.) чрезвычайно медленным темпом и лишь со второй четверти XIX в. стал столь быстрым и всеобщим, что вскоре не оставалось буквально ни одной более или менее значительной отрасли производства, куда не проникала бы машина. В области машинной техники Англия долго оставалась монополистом в Европе. На континенте вытеснение ручного производства машинным, замена кустарной промышленности и мануфактуры фабрично-заводской индустрией совершились гораздо позже, и сам процесс этот происходил гораздо медленнее, чем в Англии. Благодаря машинам торговля и промышленность Англии достигли чрезвычайных размеров. В 1811—1820 гг. ценность продуктов английского вывоза равнялась 35,5 млн. ф. ст., в 1840—1850 гг. она достигла 131,8 млн. ф. ст., что явилось результатом чрезвычайного удешевления английских товаров благодаря высокой технике. Рост промышленности определял рост торговли. В 1819—1821 гг. в Соединенном королевстве было переработано 120 млн. фунтов хлопка, а в 1844—1846 гг. — 588 млн. Подобный же рост мы наблюдаем и в металлургии. Англия радикально изменила свой облик: она стала страной фабричных труб. Промышленный Север преобладал теперь над земледельческим Югом. «В течение 80 лет, как по мановению волшебного жезла, выросли огромные города» (Энгельс). Так население Бирмингама возросло с 73 тыс. в 1801 г. до 200 тыс. в 1844 г. Страна была перерезана теперь удобными путями сообщения. Правда, железные дороги появились только в 30-х годах, но путешествие дилижансом, которое в 1798 г. продолжалось 19 часов, через 40 лет продолжалось только 8 часов. Машина, а вместе с нею и фабрика торжествовали свою победу. Они не только разрушили ремесло и домашнюю промышленность, но и существующим формам ручного труда придали капиталистический характер. Особенно болезненно было действие ткацкого механического станка, главным образом потому, что он позже и медленнее прядильного проникал в производство. Значение машин для рабочего класса Англии видно хотя бы из следующих цифр.

В 1819 — 1821 гг. число рабочих на фабриках бумаготкацкой промышленности достигало 100 тыс. человек, а в 1859—1861 гг.—300 тыс. человек, но число ручных ткачей за эти годы упало с 240 тыс. человек до 7 500 человек.

Развитие английского капитализма сопровождалось бесчисленными кризисами. Если кризисы 1799—1811, 1815 и 1818 гг. являлись в известном смысле последствием войны или послевоенной обстановки, то кризисы 1825, 1836 и 1847 гг. были результатом победы капитализма в стране. Последние кризисы были связаны с некоторым сокращением рынков Англии во вторую четверть XIX в. на континенте, где развивалась собственная промышленность, и в Америке. Эти промышленные кризисы отличались глубиной и длительностью. Некоторые из них продолжались по нескольку лет. Частые неурожаи и финансовая неурядица углубляли их. Однако после каждого кризиса наступал новый промышленный подъем. Так после кризиса 1847 г. наступил весьма длительный период устойчивого положения капиталистической системы. Кризисы зависели не столько от ограниченности внешнего рынка Англии, сколько от узости внутреннего рынка, в связи с чрезвычайной нищетой масс. Кризисы обнаружили глубочайшие противоречия капиталистического строя.

Эту смену подъемов и кризисов в английской промышленности первой половины XIX в. Маркс описал так: «В первые 45 лет английской хлопчатобумажной промышленности, с 1770 г. по 1815 г., мы видим только 5 лет кризиса и застоя, по это был период ее мировой монополии. Второй 48-летний период, с 1815 по 1863 г. насчитывает только 20 лет оживления и процветания на 28 лет угнетенного положения и застоя. В 1815—1830 гг. начинается конкуренция с континентальной Европой и Соединенными штатами. С 1833 г. создается насильственное расширение азиатских рынков посредством «разрушения человеческой расы». С отмены хлебных законов, с 1846 по 1863 г., на 8 лет посредственного оживления и процветания приходится 9 лет угнетенного состояния и застоя».

Капитализм проникал и в сельское хозяйство. В течение XVIII столетия было огорожено 4 187 056 акров земли, а с 1801 по 1834 г. было огорожено 3 511 770 акров. В деревне, как и в городе, получили преобладание интересы капитала. (Мат. и док., №№ 1, 3.)

Буржуазные реформы в Англии.

Англия с триумфом шествовала по пути капитализма. Для буржуазии особенно важно было устранить все препятствия на пути его развития как в политической, так и в экономической областях. В первой главе мы видели, как в обстановке промышленного переворота сохранился аристократический парламентский строй Англии. Власть находилась в руках денежной и землевладельческой аристократии. Подавляющее боль-

шинство населения страны было лишено представительства в парламенте. Попытки избирательной реформы в эпоху французской революции обречены были на неудачу. После мира вопрос об изменении избирательных законов стал в центре внимания. Буржуазия стремилась к политической власти, чтобы разрушить существующий аристократический режим. Радикалы, идеологи буржуазии, противопоставляли «старой Англии» идеал демократического государства. Политический строй старой Англии был во многих отношениях пелепым пережитком. В парламенте из 658 депутатов 424 были заранее назначены либо министерством, либо лордами, владельцами «гнилых местечек». Лорды диктовали волю избирателям, в то время как большие промышленные центры не имели своего представительства в парламенте. Так герцог Ньюкестльский в 1829 г. выселил из своего «гнилого местечка» 587 жителей за то, что те голосовали против его кандидата. В ответ на их жалобы он сказал: «Разве я не имею права распоряжаться своею собственностью по своему усмотрению?» На этой же основе строилось и местное самоуправление.

Фактически в стране не было гражданских свобод. Правительство часто нарушало свободу личности и право собраний. Спорной была и свобода печати. Так называемый «штемпельный сбор» с каждого номера газеты делал ее недоступной для масс. В Англии не было ни веротерпимости, ни равноправия национальностей. Католики (в большинстве ирландцы) были лишены права занимать государственные должности, обучаться в университетах и т. д. На очереди стоял вопрос о борьбе промышленной буржуазии с властью денежной и землевладельческой аристократии, приспособившихся к условиям капиталистического развития. Вот почему, несмотря на острые столкновения этих групп, мы увидим в дальнейшем, как консерваторы, представители английской аристократии (бывшие торн), и либералы, представители буржуазии (бывшие виги), часто находили общий язык и прежде всего в борьбе с пролетарским революционным движением.

В центре внимания народных масс и буржуазии Англии стоял вопрос об избирательной реформе. Уже после войны требования нового избирательного закона вызывали вооруженные столкновения между правительством и народом. После промышленного кризиса 1825 г. это движение разрослось. Во главе его стал «Бирмингамский политический союз». «Национальный союз рабочих классов» содействовал его агитации. Задача последнего сводилась к тому, чтобы добиться всеобщего избирательного права и тем самым улучшить положение рабочих. Рабочие общества готовы были оказывать содействие буржуазии, чтобы потом с ее помощью добиться и более радикальной реформы в своих интересах. «Они-то доставляли вигам необходимые массы для организации манифестаций, собраний, грандиозных процессий в Лондоне и Бирмингаме». Но избирательная реформа 1832 г., как результат длительной борьбы народа и буржуазии против правительства, была лишь сделкой между вигами и торн. Правда, этот закон уничтожил наиболее пелепые стороны старой системы. В конечном счете однако реформа свелась к перераспределению депутатских мест, наделению ими новых промышленных центров страны и некоторому расширению избирательной коллегии: число избирателей доведено было до 930 тыс. Закон 1832 г. не был демократической реформой расширено лишь было право выбора для привилегированных корпораций Но брешь в старом порядке была пробита. Избранный на основе избирательной реформы парламент провел ряд необходимых буржуазных законов. Еще раньше была уничтожена в Англии торговля рабами, а в 1829 г. установлено было равноправие католиков. Лишь после 1832 г. дело буржуазных реформ пошло решительно вперед. Административная реформа, реформа уголовного законодательства, в смысле его смягчения, и т. д. следовали одна за другой. Были проведены в два чрезвычайно важных для буржуазии мероприятия: отмена хлебных пошлин (1846 г.) и новый закон о бедных (1834 г.). Хлебные пошлины были установлены в 1815 г. в интересах землевладельцев. Эти пошлины, как запретительные, противоречили принципам свободной торговли, повышали цены на хлеб и вместе с этим заработную плату. Борьбу с ними вскоре начала буржуазная организация — «Лига против хлебных законов», во главе с Кобденом, идеологом свободной торговли. Отменив хлебные законы, английское правительство вступило на путь ослабления и отмены запретительных пошлин вообще. Был отменен и навигационный акт 1651 г., который просуществовал в Англии до середины XIX столетия. Немалое значение имел и новый закон о бедных 1834 г. В старой Англии содержание бедняков было возложено на приходы. Эта помощь оказывалась не только инвалидам, но и безработным как на дому, так и в особых рабочих домах. Нищета в стране росла. В 1831—1833 гг. ежегодные издержки на содержание бедных достигли 7 млн. ф. ст. Буржуазия отменила старый порядок призрения бедных. Нищим и безработным, как и инвалидам, должна была теперь оказываться помощь не на дому, а в специальных рабочих домах. Закон 1834 г. имел в виду отучить бедняка прибегать к помощи государства. Рабочий дом стал тюрьмой. (Мат. и док., № 6.) Предложение рабочей силы увеличилось, и тем самым капита-

листы смогли уменьшить заработную плату. Так в конце 40-х годов либеральная буржуазия Англии исчерпала всю свою программу реформ, уничтожив при поддержке рабочих старую Англию и закончив оформление нового капиталистического государства. (Мат. и док., № 1.) Посмотрим, как жил пролетариат в этом государстве в первую половину XIX в.

Положение рабочего класса.

Нет ничего более потрясающего, чем положение рабочих в эпоху торжества буржуазной Англии. Много блестящих, непревзойденных страниц написано об этом Энгельсом и Марксом. Здесь мы сможем лишь кратко охарактеризовать жизнь рабочих той эпохи. Особенно тягостным было положение ткачей. «Они терпят много лишений», — писал один фабрикант. Часто взрослые здоровые мужчины, работая день и ночь, не могут заработать себе дневного пропитания. Ужас безработицы — вот основное зло в жизни английского рабочего. Недостаточная заработная плата вследствие растущей дороговизны еще более ухудшала положение, а необеспеченность и неуверенность в работе больше всего угнетали его. Рабочего всегда подстерегала безработица или, еще хуже, рабочий дом. Закон 1834 г. имел в виду превратить рабочий дом в темницу для голодных пролетариев. В промышленной Англии, с ее усовершенствованной техникой, безработных заставляли вертеть ручку мельницы, перемалывающую камни. (Мат. и док., № 6.) Еще более ужасно было положение женщин и детей на фабриках. Женский и детский труд, благодаря своей дешевизне, вытеснял взрослых рабочих, и эксплоатация его не знала границ. Фактически не было никакой охраны труда. В шахтах работали четырехлетние дети. Правда, в 1833 г. был издан закон о фабричной инспекции, а еще раньше был запрещен ночной труд, и ограничено было право пользования детским трудом. Англия вступила на путь фабричного законодательства, но, как мы это увидим в дальнейшем, это законодательство применялось только в весьма и весьма ограниченной степени. Вечно голодный рабочий жил в свободной Англии на положении «белого раба». В стране процветающей буржуазной культуры можно было встретить картины ужасающего нравственного и умственного одичания масс. (Мат. и док., №№ 3, 4, 5, 6.) В Англии более, чем где-либо, глубока была пропасть между бедностью и богатством. В стране резко друг против друга выступили два класса — п р о л е т а р и а т и б у р ж у а з и я. Нищета масс объяснялась главным образом ее пролетаризацией. Разоряющийся ремесленник, изгнанный из деревни крестьянин, лишенный работы пролетарий — вот из кого рекрутировался пролетариат. Пролетариат Англии был поэтому весьма разнороден по своему социальному составу. Его верхушка, специалисты-ремесленники и квалифицированные рабочие новых отраслей производства, жила в несколько лучших условиях, чем вся остальная масса. Из среды рабочей аристократии и интеллигенции выделились отдельные лица, которые по своему образованию и политическим талантам могли сравняться с лучшими деятелями буржуазии. Но фабрично-заводское ядро пролетариата тонуло в огромной массе пролетаризированного населения. Эта масса была способна на разрушительные действия, но не могла еще осознать своего положения и строить свое будущее. Класс будущего, пролетариат, в тридцатых — сороковых годах XIX в. только формировался.

Рабочее движение.

Машина стала определяющим и решающим фактором в жизни рабочего. Это особенно остро чувствовали, как мы уже указывали, английские ткачи. «Всемирная история, — пишет Маркс, — не знает более ужасающего зрелища, чем медленная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся наконец к 1838 г. гибель английских хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили существование со своими семьями на $2\frac{1}{2}$ пенса в день». Но не только ткачи, весь английский пролетариат страдал от победы машины. «Средства труда стали убивать рабочего» (М а р к с). Машина стала злейшим врагом пролетариата. «Можно было бы, — пишет Маркс, — написать целую историю таких изобретений с 1830 г., которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущения рабочих». Машина не только таким образом ухудшила положение рабочего, она отнимала у него всякую надежду на улучшение своего положения. Вот почему стихийная борьба рабочих прежде всего вылилась в форму борьбы с машинами. (Мат. и док., № 7.) «Требуется известное время и опыт, — читаем мы у Маркса, — чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вследствие этого различия переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплоатации». Это сознание однако проникало в рабочие массы не сразу. Борьба с машинами, поджоги фабрик особенно часты в первую четверть XIX в. (См. I главу.) Но это не приносило облегчения рабочему, и он ищет других путей борьбы. Он стремится теперь к организации и сплочению своих сил для борьбы с буржуазией, владеющей машинами, чтобы ограничить вредные для себя последствия их применения. Правда, союзы и стачки в Англии не были новым явлением, но современные профсоюзы появились только вместе с капитализмом, в первой половине XIX в. Еще в начале XIX в. английское правительство вме-

шивалось в отношения между трудом и капиталом. Существовали старые законы об обязательном семилетнем ученичестве. Мировые судьи устанавливали нормы заработной платы. Но уже в 1811 г. было заявлено, что «всякое вмешательство законодательства в свободу промышленности или полную свободу всякой личности распоряжаться своим трудом недопустимо». Наступило царство свободного договора между рабочим и предпринимателем. Еще в 1799—1800 гг. правительство Англии вновь запретило устройство союзов и стачек. Этот закон долго «был страшным жерновом на шее рабочих, пригибавшим их к земле». Нарушение его фабрикантами рассматривалось лишь как проступок, а нарушение рабочими — как преступление. Вскоре промышленный подъем, повлекший за собою волну стачек и упорное нелегальное существование союзов, помог вырвать у парламента отмену этого закона (1824 г.). Отныне в Англии рабочие получили право организовывать свои профессиональные союзы. Но уже в 1825 г. промышленный кризис повлек за собою почти полную отмену закона. После 1824 до 1829 г. стачечное движение широкой волной разлилось по стране. Неудачи этих стачек, в обстановке промышленного кризиса и ожесточенной конкуренции пролетаризированных масс, благодаря новым изобретениям, привели к полному распаду союзов.

Профессиональное движение в 1829—1836 гг. было иным, чем в предшествующий период. Если раньше союзы носили замкнутый местный характер, то теперь они стали объединениями в национальном масштабе как рабочих одной отрасли, так и различных отраслей производства. К этому времени относится и организация «Всеобщего рабочего союза» (1833 г.), который объединял рабочих различных отраслей производства. Его влияние было огромно: уже через несколько недель он насчитывал 500 тыс. членов. Стачечное движение в стране под влиянием союза шло даже под лозунгом 8-часового рабочего дня. Однако не соответствовавший уровню организации рабочих сил размах движения скоро привел его к краху. Со второй половины 30-х годов XIX в. этот тип рабочих союзов вынужден был уступить место другим формам рабочего движения. (Мат. и док., № 8.)

Второй период в истории профессионального движения Англии связан с именем Р. Оуэна. Р. Оуэн — великий социалист-утопист. Его учение выросло в обстановке победы капиталистического хозяйства, и исходным пунктом для его системы реформ сделалось промышленное предприятие. Он стремился воспитать человека, так как, по его мнению, среда создает характер человека. Р. Оуэн считал поэтому необходимым ограничить рабочий день 10 часами, обратив сугубое внимание на воспитание детей. Чтобы доказать правоту своих взглядов, он пытался создать идеальную промышленную ячейку у себя на фабрике в Нью-Ламарке, где повышение прибыли должно было итти рука об руку с улучшением положения рабочих. Оуэн дал подробно разработанный план примерных рабочих колоний, ячеек нового строя. Чтобы уничтожить деньги, он стремился к организации базаров для обмена продуктов труда при посредстве бумажных рабочих денег. В этом он видел путь для уничтожения денег и товарного производства. Р. Оуэн — отец кооперации. Он подошел близко к рабочим массам, изыскивая средства для улучшения их положения, но он не верил в революционную самодеятельность масс и думал мирной пропагандой среди всех классов общества осуществить свои идеалы. Конечным идеалом Р. Оуэна была организация сельскохозяйственной коммуны. Оуэну была чужда идея классовой борьбы. Учение Оуэна, при всем своем значении как идеологии антикапиталистической, не имело решающего значения для рабочего движения и стало мировоззрением только отдельных групп рабочего класса и мелкой буржуазии. «Утопические социалисты предлагают, — пишет Энгельс, — практические средства против нужды, но они вышли из рядов буржуазии и поэтому не в состоянии слиться с рабочим классом». Так «социализм в Англии в первой половине XIX в. не был связан с массовым политическим и экономическим движением рабочего класса, и рабочее движение пошло по другому пути». (Мат. и док., № 8.) В 30-х годах XIX в. английское профдвижение переживало упадок. Сильнейшие союзы каменщиков, глазговских рабочих и ланкаширских текстилей не обнаруживали признаков жизни. На первый план выступила политическая организация рабочего класса.

Что касается участия рабочих в политической борьбе, то рабочий класс Англии долго шел за буржуазией. Он помог ей в борьбе за парламентскую реформу и в результате остался ни с чем. «6 лет тому назад, — говорил в 1838 г. чартистский оратор Д. Вимель, — мы добивались того, что мы тогда считали свободой; мы соединились с буржуазией, боровшейся за свои политические права; мы завоевали для нее политическую свободу и верили, что в благодарность она нам поможет в завоевании прав для широких масс общества. Но она обманула нас, она нас покинула...» Таким образом и в области политической рабочему классу предстояло изменить свои старые пути, выработать свою собственную политическую программу в надежде исключительно на свои силы. (Мат. и док., № 9.) Неудачи эконо-

мической борьбы направили всецело внимание рабочего класса в сторону новой демократической избирательной реформы. Но эту избирательную реформу рабочий класс думал использовать так, чтобы с помощью государства улучшить свое экономическое положение. В предшествующие годы пролетарская борьба, благодаря давлению рабочих масс на правительство, достигла некоторых результатов. Благодаря этой борьбе положено было начало так называемому фабричному законодательству. Закон 1833 г. установил 8-часовой рабочий день для детей от 9 до 13 лет, 12-часовой — для подростков 13—18 лет, запретил для них ночной труд и ввел фабричную инспекцию. Фабричное законодательство в Англии создано было под влиянием двух причин: заинтересованности самих фабрикантов в ограничении эксплоатации рабочей силы, в целях сохранения ее, а также политических соображений консервативной партии, желавшей найти поддержку рабочих масс в борьбе с либеральной буржуазией. Но и капиталисты не желали лишить себя влияния над массами в борьбе за отмену хлебных законов и поэтому сравнительно слабо противодействовали фабричному законодательству. Так экономическая заинтересованность, противоречивые интересы господствующих классов и сила рабочего движения поставили Англию в области охраны труда впереди других европейских стран. Рост капитализма таким образом допускал некоторый подъем жизненного уровня масс, а улучшение их положения в свою очередь служило стимулом дальнейших технических изобретений, а следовательно снова роста безработицы и нужды. Однако только в конце 40-х годов фабричное законодательство коснулось взрослых рабочих. Рабочий класс Англии привык видеть в государственной власти силу, содействующую или препятствующую развитию классового законодательства. На его глазах буржуазия завоевала политическую власть, и он видел, как она воспользовалась этой властью в интересах капиталистического общества. Вот почему обманутый в 1832 г., он стремился теперь завоевать всеобщее избирательное право, чтобы иметь *прямую* возможность воздействовать на государственную власть для разрешения своей экономической проблемы. *Политическая реформа оставалась для него средством, — целью было уничтожение нужды.* Для чего нужно было рабочим всеобщее избирательное право, это прекрасно вскрыл рабочий чартист Коллинс. Он говорил: «Все интересы имеют своих представителей в парламенте, исключение составляют одни интересы простого народа. Интересы церкви, суда, земельные и денежные интересы — все они процветают, представители их взаимно помогают друг другу. Жан говорит Тому: «Не поможете ли вы мне провести этот закон защиты земельных интересов?» — «Конечно, — отвечает Том, — если вы поможете мне провести другой закон в защиту денежных интересов...» Нельзя допустить, чтобы волк издавал законы для овец, а анст для рыб; необходимо, чтобы рабочий имел своих представителей в парламенте». Так выросшее на почве социальных нужд рабочее движение в Англии сделало лозунгом своей борьбы всеобщее избирательное право. (Мат. и док., № 10.)

Первый период чартистского движения.

В июне 1836 г. в Лондоне было основано общество под названием: «Лондонская ассоциация рабочих». Во главе его стоял рабочий Ловетт, ученик Оуэна. Устав общества гласил: «Необходимо добиваться законными средствами политических и социальных прав для всех классов общества»; оно объединило в своих рядах наиболее интеллигентных и влиятельных рабочих. Общество насчитывало весьма незначительное количество членов. Оно находилось в связи с бирмингамским союзом радикалов. Кризис 1837 г. расширил рамки работ ассоциации: она стала во главе широкого народного движения. Ассоциация выработала проект демократической реформы парламента. Ею же была составлена петиция рабочих английской Палате общин. Для защиты этой петиции решено было заручиться содействием депутатов-радикалов палаты. Один из них, знаменитый ирландский депутат О'Коннель, подписал петицию и, передавая ее вождю ассоциации Ловетту, сказал: «Вот тебе твой чартер, Ловетт, агитируй за него, не довольствуйся ничем другим». Так петиция получила название хартии в память о великой «Хартии вольностей», которая в 1215 г. создала в Англии парламент. Хартия ассоциации была составлена и редактирована Ловеттом вместе с вождем бирмингамских радикалов Атвудом. Она должна была дать стране демократический порядок управления. Вскоре после организации «Лондонской ассоциации» и выработки петиции в связи с жестоким промышленным кризисом движение за хартию стало мощной революционной стихией. Вся страна была потрясена агитацией чартистов. Огромные митинги в 200 тыс. человек, а иногда и больше, грозили правительству, избранному лишь незначительным меньшинством народа, перейти от слов к делу, если шесть пунктов хартии с требованием всеобщей, равной, прямой, тайной избирательной системы, оплаты депутатов, ежегодного выбора парламента не будут приняты. Чартистское движение на своих знаменах написало: «Политическая власть — наше средство, социальное благоденствие — наша

цель». Но чартистское движение не было однородным, это был блок разнородных демократических групп. Вот почему, прежде чем говорить о ходе борьбы за хартию, мы должны разобраться в социальном составе чартистского движения.

Прежде всего к борьбе за хартию примкнула бирмингамская организация радикалов во главе с Атвудом и Плессом. То было правое крыло движения. Бирмингамские радикалы были представителями мелкой буржуазии. Бирмингам не был пролетарским центром: «Его рабочее движение состояло преимущественно из ремесленников, работавших на заказ, или из искусных рабочих». Для них имела большее значение борьба против хлебных законов, неравномерного распределения налогов и финансовая реформа, чем социальная сторона чартистского движения. Идеолог этого мелкобуржуазного крыла чартистского движения — Плесс — считал, что агитация за «чартер» должна «совершенно исключить всякие социальные вопросы», и конечно при этом может итти речь лишь о мирных средствах борьбы. Близко к этому правому крылу стояла рабочая аристократия. Ее центрами были также Бирмингам и Лондон. То были хорошо оплачиваемые группы рабочих. Во главе этой группы стояли Ловетт и наборщик Хетерингтон, вожди «Лондонской ассоциации». Они поддерживали тесную связь с радикалами. Однако основой чартистского движения было подлинное пролетарское ядро, пролетарии промышленных городов Англии. Во главе этой группы стояли О'Коннор, О'Бриен и Эрнст Джонс. Хотя фабрично-заводские рабочие были левым крылом чартистского движения, но их политическая идеология не заключала в себе ясно продуманной социальной программы, тем более, что среди вождей движения разногласия были очень остры. О'Коннор, О'Бриен, Хорней и Эрнст Джонс, — каждый из них имел свою политическую программу. Фабрично-заводский пролетариат Англии еще не вываривался в фабричном котле, не стал еще классом социалистически сознательным. Кроме того чартистское движение поддерживалось еще широкими слоями пролетаризирующегося населения Англии: разоренными ткачами, ремесленниками, крестьянами и земледельческими рабочими. Безработная масса была активным элементом движения. Среди этих масс рекрутировались нередко крайние элементы чартизма. Их вождем был бывший священник Стиффенс. (Мат. и док., № 12.) Он был консерватором, приверженцем церкви и монархии, но врагом машины и капитализма. Его сила была в этих разрушительных идеях. Идеология Стиффенса была по существу реакционной, но прикрыта революционными фразами. Стиффенс и его сторонники звали английских рабочих назад к земледельческой Англии. Для них хартия не представляла большой ценности, они признавали лишь «добрую молитву и длинную пику». Таков разнородный состав чартистского движения.

Когда оно разрослось и появилась необходимость в организации для сбора подписей под петицией и подачи ее в парламент, тогда созван был 4 февраля 1839 г. чартистский конвент, представительство всех рабочих ассоциаций Англии. В конвенте разнородные течения чартизма пришли в столкновение друг с другом. Вокруг вопросов о средствах борьбы за петицию в конвенте развернулись ожесточенные прения между сторонниками «моральной» и «физической» силы. (Мат. и док., № 12.) Мелкобуржуазные радикалы и представители рабочей аристократии признавали исключительно мирные средства борьбы: митинги и петиции в парламент. О'Коннор и его сторонники заявили о своей готовности прибегнуть к насилию в случае, если моральная сила окажется недостаточной. Крайнее левое крыло чартизма, во главе с Харнеем, еще в марте 1838 г. создало свою «Демократическую ассоциацию», где борьба всеми средствами за хартию сочеталась с требованием «отмены закона о бедных», введения 8-часового рабочего дня и расширения фабричного законодательства. Правое крыло терпело поражение за поражением в конвенте, что привело к уходу части бирмингамских радикалов. 12 июля 1839 г. первая национальная петиция была подана в Палату общин. (Мат. и док., № 11.) Под нею были подписи 1 250 тыс. граждан страны. Но Палата общин отклонила петицию. Конвент, благодаря острому столкновению течений и соглашательской попытке найти примирение между ними, не смог организовать борьбы за пролетарские требования. Он заседал в Лондоне, далеко не пролетарском центре, и вскоре вынужден был перенести свои заседания в другой город (Бирмингам), предполагая, что удастся, как говорил О'Коннор, «вдохнуть в уснувших жителей его революционный пыл». Конвент, прежде чем приступить к применению физической силы, обратился к стране с просьбой обсудить ряд революционных мер, а пока занялся бесплодными спорами. (Мат. и док., № 13.) В Бирмингаме и ряде других пунктов произошли столкновения между чартистами и правительством. Они кончились арестом чартистских деятелей. Неудачная попытка всеобщей забастовки, «священного месяца» (см. Мат. и док., № 14) вынудила вскоре конвент объявить себя распущенным. Так кончилась первая попытка организованной борьбы за хартию. Аресты и преследования обрушились на деятелей чартистского движения. Однако преследования не смогли

уничтожить движения, так как идеи чартизма были глубоко заложены и широко распространены. «Началось оно не вчера и окончится отнюдь не сегодня и не завтра», — писал английский писатель Карлейль. Кризис к этому времени закончился. Этим и объясняется затишье в рабочем движении. Однако само движение не прекратилось. Безработица и нужда росли. 1842 г. оказался наиболее тяжелым для рабочих, дав начало второму периоду чартистского движения.

Второй период чартистского движения.

Известия о крайнем обнищании рабочего класса приходили из всех промышленных городов страны. В некоторых местах бездействовало около 1/3 всего числа паровых машин. Так в Стокпорте из 8 218 способных к труду только 1 204 человека были заняты целиком, 2 866 — частично, а 4 148 не имели совсем работы. Предприниматели начали понижать заработную плату. Понижение заработной платы на 25% в некоторых отраслях шерстяной промышленности и даже на 45% было не редкостью. Эта острая нужда и вызвала подъем новой чартистской волны. Чартистское движение было теперь связано с широкой стачечной борьбой. В некоторых местах эти стачки, как в Ланкашире, принимали характер всеобщей забастовки. В Манчестере на собрании стачечников 2 августа 1842 г. решено было «связать лозунги всеобщего избирательного права с экономическими требованиями и не становиться на работу до тех пор, пока они не будут удовлетворены». Здесь же принято было решение о всеобщей стачке в борьбе за «чартер». Следует однако отметить, что забастовки эти часто сознательно вызывались предпринимателями, чтобы воспользоваться народным движением как силой для воздействия на правительство с целью отмены хлебных законов. Чартисты были против участия в борьбе с хлебными законами. О'Коннор говорил: «Единственной целью предпринимателей является покупка труда на самом дешевом и продажа его продуктов на самом дорогом рынке». Рабочий класс Англии теперь выступал против буржуазии, как бы на стороне консерваторов. Вопрос об отношении к господствующим группам особенно остро встал в связи с выборами 1841 г. На чьей стороне будут чартисты? О'Бриен предлагал воздержаться от голосования или выставить самостоятельные кандидатуры, но О'Коннор, а с ним и большинство чартистов решили поддержать консерваторов против либералов. На выборах 1841 г. тори победили. Этим они обязаны были чартистам. Но положение рабочих от этого не улучшилось.

Во второй период чартистское движение было очищено от его правого крыла. Из его рядов выступили Ловетт, Атвуд и другие представители мелкой буржуазии и рабочей аристократии. Выпущенный из тюрьмы Ловетт и другой вождь чартизма, Винцент, начали агитировать за организацию школ, библиотек, за трезвость и т. д. Но чартистское движение в целом выступило против этих «ученых и трезвенных теорий». Хартия осталась его целью. Чтобы достигнуть победы, чартисты готовы были теперь на самые решительные меры. Второй период чартистского движения отличается от первого своим пролетарским характером. «Национальная чартистская ассоциация» была теперь политической партией рабочего класса, с выборным исполнительным комитетом, периодическими съездами и членскими взносами. К 1842 г. эта ассоциация насчитывала 400 местных секций и до 40 тыс. организованных членов. Как и в первый период, широкая массовая агитация давала большие результаты. 2 мая 1842 г. была подана в парламент вторая петиция с 3 315 752 подписями. Однако в парламенте только 49 депутатов голосовали за допущение подателей петиции устно объяснить свои жалобы. Вторая петиция резко отличалась от первой. (Мат. и док., № 15.) Политические требования были лишь частью петиции. Рабочие требовали отмены закона о бедных 1834 г., 10-часового рабочего дня, смягчения налоговой политики. Неудача второго периода чартистского движения объясняется теми же причинами, что и в первую его эпоху. В 1834 г. в стране началось промышленное оживление. Стачечное движение ослабело, выбивая тем самым почву из-под ног чартистского движения.

В годы промышленного подъема (1843—1846) О'Коннор и О'Бриен приступили к выработке социальных программ. Здесь-то и обнаружилась вся незрелость рабочего класса Англии половины XIX в. О'Коннор выступил как враг капитализма, он звал рабочих назад, к прошлому. «Если бы каждый имел свою кладовую, — заявляя О'Коннор, — свой участок земли, свой овин, свою сторожку и свое ружье, никакой внешний и никакой внутренний тиран не осмелился бы вторгнуться в его жилище или посягнуть на права свободного человека». О'Бриен, который был ближе к коммунизму, писал: «Система, против которой я борюсь и хотел бы, чтобы и вы боролись, — та, при помощи, которой угнетатели превратили вас из землевладельцев в фабричных рабочих...» О'Коннор — противник коммунизма: «Я стою, — говорит он, — за принцип: мое и твое». Оба они после 1842 г. предлагали конкретную программу социальных реформ. О'Коннор выработал проект рабочего общества для закупки земли. «С этой целью необходимо, — писал он, — собрать по подписке

2 тыс. ф. ст., затем купленные на эти деньги участки раздать членам общества». Так думал О'Коннор разрешить социальный вопрос. О'Бриен желал национализации земли. Но и тот и другой фабрику противопоставляли земледелию и желали превратить рабочего в земледельца. (Мат. и док., №№ 18, 19.)

Третий период чартизма.

Промышленный подъем в 1846 г. кончился. В 1847 г. наступил снова жестокий кризис. Поднялась новая волна чартистского движения, теперь под непосредственным влиянием февральской революции во Франции. Третий период чартистского движения развивался в обстановке краха земельных проектов О'Коннора, под влиянием революционных событий на континенте, и принял политически-революционный характер. (Мат. и док., №№ 21, 22.) Однако и третья попытка подать петицию в парламент, теперь уже с 5 млн. подписей, опять не удалась. 10 апреля 1848 г. чартистская масса думала грозной и внушительной демонстрацией оказать давление на парламент, чтобы заставить его принять свои требования. Но для решительных действий у нее не хватило силы прежде всего благодаря неправильной, трусливой тактике вождей. О'Коннор, глава чартистов, в последнюю минуту призвал массы к отступлению. (Мат. и док., № 22.)

В эпоху расцвета капитализма в Англии, когда буржуазное государство окончательно укрепилось, а пролетариат еще не оформился как класс, не было почвы для новой революции. С 1850 г. в стране наступает решительный экономический подъем, и чартизм терпит окончательное поражение. При этом нужно иметь в виду, что в 1843—1846 гг. буржуазный парламент провел ряд реформ, ослабив тем остроту народной нужды. Был отменен закон о хлебных пошлинах, хлеб подешевел. Введен был 10-часовой рабочий день (1847 г.), ослаблено было применение закона о бедных. Все это уменьшило недовольство масс. Конечно при этом решающее значение имел экономический подъем 50-х годов. В 1850 г. вывоз Англии равнялся 70 млн. ф. ст., а ввоз — 99 млн. В 1860 г. вывоз — 164,5 млн. ф. ст., а ввоз — 210,5. Производство железа за десятилетие 1831—1840 гг. равнялось 13 млн. *m*, а в следующее десятилетие поднялось до 18 млн. *m*; в 1851—1860 гг. оно равнялось 32,5 млн. *m*. В 1841—1850 гг. было потреблено 2,3 млн. *m* хлопка и выделано 965 млн. ярдов (ярд = 3 фунтам) пряжи, а в следующее десятилетие количество потребленного хлопка увеличилось до 3,8 млн. *m*, а количество выделанной пряжи возросло до 1 988 млн. ярдов. Все это способствовало улучшению положения рабочих. Правда, они получили лишь крохи по сравнению с капиталистами, но, принимая во внимание то ужасное положение, в котором находились раньше английские рабочие, станет понятным, что и эти крохи имели для них существенное значение. Ткачи, скажем, зарабатывали в 1850 г. 13 шилл. в неделю, а в 1860 г. — 15. Литейщики в 1845—1854 гг. — 22½ шилл. в неделю, а в 1855—1864 гг. — 29 шилл. и т. д. (Мат. и док., № 23.) «В результате, если сравнить двадцатилетия 1831—1850 гг. и 1851—1870 гг., то мы увидим, что потребление пшеницы на душу увеличилось с 255 фунтов до 320, мяса — с 29 до 90 фунтов, сахара — с 20 до 35 фунтов и т. д.». Тем самым внимание рабочих было отвлечено от политических задач. Профессиональные союзы, которые со средины 30-х годов и в начале 40-х, в эпоху расцвета чартизма, вели с ним ожесточенную борьбу, приступили теперь к оживленному строительству больших «амальгамированных» союзов. Эти союзы строились теперь как национальные объединения рабочих по отдельным отраслям промышленности. Они забросили широкие задачи и добивались лишь незначительных улучшений. Так родился английский тред-юнионизм.

Причины неудачи и историческое значение чартистского движения.

Выросшее из социальной нужды масс, чартистское движение потерпело временное поражение. Рабочий класс к средине XIX в. в Англии не мог еще выставить развернутой программы положительных социальных требований, хотя и выявил в борьбе всю остроту своей классовой ненависти. Когда в 1851 г. собралась чартистская конференция и пожелала воспользоваться последними всплесками рабочей волны для возрождения широкого движения за хартию, то она вынуждена была внести существенные изменения в чартистскую программу. Конференция постановила бороться за хартию в целом, но считать возможным победу лишь при условии, когда чартизм встанет на почву повседневных экономических нужд народных масс и сможет удовлетворить эти нужды. Чартистская конференция формулирует поэтому широкую социальную программу. Но сам характер этой программы прекрасно выявил слабые стороны движения. Национализация земли и содействие кооперации, а также некоторые налоговые реформы и реформы в области призрения бедных — такова вся социальная программа чартизма. Как видим, в самом конце своего существования чартистское движение вынуждено было приспособиться к новому характеру пролетарской борьбы. Конференция чартистов предлагает тред-юнионам союз во взаимных интересах и в то же время упорно подчеркивает свою готовность лишь на мирные средства борьбы. (Мат. и док., № 24.) Но

в 50-х годах мы имели дело с последними вспышками чартизма. Правда, в последние годы в рядах чартизма постепенно выделялись группы рабочих и политиков, воспринявших элементы научного социализма, сделавших попытку создать классовую пролетарскую партию (Джонс), но упадок массового движения заранее определял неудачный исход этих попыток. Чартизм принадлежал в середине 50-х годов XIX в. прошлому.

Чартистское движение способствовало окончательному оформлению буржуазного государства. Вместе с тем оно дало рабочим 10-часовой трудовой день, способствовало распространению фабричного законодательства на все отрасли труда. И хотя непосредственно хартия не была проведена в жизнь, но уже в 60-х годах буржуазный парламент Англии вынужден был пойти на дальнейшее расширение избирательного закона. Однако не в этих непосредственных результатах историческое значение чартизма. «Чартизм, — пишет Энгельс, — есть компактная (всеобщая) форма оппозиции рабочего класса против буржуазии». «У чартистов Маркс и Энгельс впервые увидели, как пролетариат организуется в самостоятельную классовую партию» (Ф. Ротштейн). Чартисты впервые выдвинули перед широкими массами мысль о значении политической власти для социального благоденствия масс. Выросшее из социальных нужд этих масс, чартистское движение вместе с тем обнаружило недостаточность одних политических требований. Социализм как идеология рабочего класса должен был в дальнейшем срастись с массами, чтобы пролетарская социальная программа могла осуществиться. Чартизм вместе с тем обнаружил путаность и реакционность всякой социальной программы, поскольку она зовет от фабрики к сельскому хозяйству. Крах социальных проектов О'Коннора и О'Брианна направил пролетарскую мысль в сторону победы не над машиной как орудием производства, а над общественными отношениями, превратившими машину во врага рабочего. Чартистское движение означало также, что пролетариат становится авангардом революционного движения и в борьбе за демократию, не только против старого порядка, но и против победившего нового порядка — буржуазии. Чартистское движение служит лучшим доказательством правоты идеи Ленина, который утверждал, что в эпоху, когда пролетариат выступает против буржуазии, только власть пролетариата может обеспечить наиболее радикальное проведение в жизнь демократических требований. Чартизм означал выступление на историческую сцену «четвертого сословия» — пролетариата, который является в капиталистическом обществе ничем, который хотел в то время стать хотя бы чем-нибудь, чтобы потом сделаться всем и уничтожить буржуазный общественный строй. (Мат. и док., №№ 24, 25.)

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА.

Документы и материалы в настоящей главе сгруппированы вокруг следующих пунктов: 1) социально-экономическая характеристика Англии первой половины XIX в.; 2) положение рабочего класса; 3) идеология рабочего класса; 4) причины, вызвавшие чартистское движение; 5) отдельные этапы чартистского движения; 6) конец чартистского движения и его историческое значение. К I разделу относятся документы №№ 1, 2. Они служат дополнением к цифровому материалу вводного текста главы (см. также гл. I). Отрывок из классического труда Энгельса (№ 1), современника и участника чартистского движения, дает исчерпывающую характеристику социально-экономического переворота в Англии с конца XVIII до половины XIX в. Его целесообразнее прочесть после проработки всей темы, но можно проработать и как введение к анализу документов. Таблица № 2 может быть использована для составления диаграммы о профессиональном составе английского населения при сопоставлении с цифрами главы I (стр. 74). Ко II разделу относятся документы и таблицы №№ 3, 4, 5, 6. Документы №№ 3, 4 могут быть с интересом прочитаны учащимися как иллюстративный материал к введению.

Таблица № 5 может быть использована для уяснения вопроса о постепенной ликвидации в процессе индустриализации страны ручного труда ткачей. Таблица эта может быть использована и для составления интересной диаграммы. К разделу III относятся документы №№ 7, 8. Первый документ полезно проработать для выяснения причин ненависти рабочих к машинам в первый период их появления.

Второй документ полезно проработать под углом зрения выяснения сущности утопического социализма, дав ответ на следующие вопросы: 1) причины нищеты, по Р. Оуэну; 2) можно ли создать в рамках существующего капиталистического общества ячейку государства будущего? 3) характерные особенности плана утопистов; 4) положение трудящихся в будущем обществе; 5) земледельческий и промышленный труд; 6) принципы распределения благ.

Следующий IV раздел документирует вопрос: зачем нужна рабочим партия? Сюда относятся документы №№ 9, 10 (А и Б). В первом документе отражено недовольство рабочих реформой 1832 г.; он может служит иллюстративным материалом для учащихся. Второй документ должен быть проработан под углом зрения сопоставления взглядов рабочих политиков, для которых вопрос хартии — вопрос завоевания власти, и тех, кто особенно резко подчеркивал экономическое содержание движения.

Раздел V занимает самое большое место в документации главы. Документы сгруппированы здесь для

характеристик отдельных этапов чартистского движения. Сюда относятся документы №№ 11, 12, 13, 14 (первый период), документы №№ 15, 16, 17. 18 19 (второй период), документы №№ 20, 21, 22) (третий период). Целесообразно предложить слушателям сопоставление двух хартий (№№ 11 и 15) для выяснения особенностей каждого из этих периодов. Документы №№ 12, 13, 14, 20, 21 полезно использовать для анализа тактических разногласий в рядах чартистского движения. Документ № 16 может показать, как понимала буржуазия историческое значение чартистского движения. Несколько сложнее проработка документов №№ 18 19. Более подготовленной аудитории они однако могут быть предложены для анализа различных земельных программ О'Коннора в О'Брисна. Учащиеся могут выяснить: 1) их отношение к коммунизму; 2) их отношение к проекту национализации земли и к принципу частной собственности на землю; 3) ответить на вопрос о причинах появления аграрной программы у партии индустриального пролетариата Англии; 4) установить пути и средства осуществления аграрной реформы.

К последнему разделу относятся документы №№ 23, 24, 25. Первый документ может быть использован для установления связи между промышленными кризисами, колебаниями заработной платы и чартистским движением. Документ № 24 должен быть сопоставлен с документами №№ 11 и 15 (петициями) для установления характерных черт эволюции чартистского движения в основном не к революционному социализму, а к мирному тред-юнионизму и кооперации. Наконец документ № 25 — итоговая характеристика либеральной буржуазии и чартизма, принадлежит Марксу и Энгельсу и дает возможность установить историческое значение чартизма.

ЛИТЕРАТУРА.

Как учебное пособие для дальнейшей проработки могут быть использованы соответствующие главы в книге Ц. Фридлянда или Н. Лукина.

Основные книги по теме: Фр. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии; Ф. Ротштейн, Очерки по истории рабочего движения в Англии; Шлютер, Чартистское движение. Для дальнейшей углубленной проработки: Слоссен, Чартистское движение и причины его упадка; Гаммедж. История чартизма (книга принадлежит участнику и современнику движения); Долеанс, Р. Оуэн, т. V, Собр. сочинений Маркса и Энгельса.

Для документации использованы следующие книги:

1) Энгельс, Положение рабочего класса в Англии и статьи «Положение Англии» (т. II, изд. Института Маркса и Энгельса); 2) Маркс, статьи в «Нью-йоркской трибуне» (т. X—XI, изд. Института Маркса и Энгельса); 3) Гельд, Социальная история Англии (Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands, 1881 г.); 4) R. Porter, The progress of the nation in its various social and economic relations, 1851; 5) Nicholls, A., History of the Englisch poor law (т. I—II), 1854; 6) Kleinschrod, Der Pauperism in England, 1853 г.; 7) Беер, История социализма в Англии; 8) Гаммедж. История чартизма; 9) Dolléans Le Chartisme 10) Slossen The decline of The chartist movement (есть русский перевод); 11) Сборник документов — Postgate — Revolution from 1789—1906; 12) Palmerston, The life et correspondence. 1879 г.; 13) Барановский, Промышленные кризисы; 14) W. Lovett, The life and struggles of W. Lowett (1876 г.).

1. Англия в первую половину XIX в.

(Отрывок взят из книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1844 г.)

Лет 60—80 назад Англия была страною, как все другие, с маленькими городами, незначительной промышленностью и преимущественно земледельческим населением. Теперь же ей нет равной. Столица ее насчитывает 2½ млн. жителей, сама она вся покрыта громадными промышленными городами. Ее промышленность, работающая самыми сложными машинами, снабжает своими продуктами весь мир; трудолюбивое и интеллигентное густое население Англии, ⅔ которого заняты в промышленности, состоит теперь совсем из других классов, является совсем другой нацией, с иными обычаями и иными потребностями, чем прежде. Промышленная революция для Англии имела такое же значение, как политическая для Франции и философская для Германии, и расстояние между Англией 1760 г. и Англией 1844 г. так же велико, как расстояние между Францией старого порядка и Францией времен июльской революции. Но важнейшим продуктом этого промышленного переворота является английский пролетариат.

Возникли большие фабричные и торговые города Британской империи, в которых ¾ населения составляют рабочие, а мелкая буржуазия состоит из торговцев и очень немногих ремесленников. Современная промышленность приобрела значение лишь благодаря тому, что она превратила инструменты в машины, мастерские — в фабрики и вследствие этого трудящийся средний класс — в трудящийся пролетариат, а прежних крупных торговцев — в фабрикантов. Ремесло превратилось в фабричное производ-

2. Население Англии по переписи 1831 г.

СТРАНЫ	Земледелие			Лица, занятые в мануфактурах и фабриках с машинами	Лица, занятые в мелкой торговле или ремесле	Капиталисты, банкиры, специалисты с высшим образованием	Черноработные, поденщики, не занятые в сельском хозяйстве	Другие лица, старше 20 л. (кроме прислуги)	Мужская прислуга		Женская прислуга
	Владельцы земли, с применением наемных рабочих	Владельцы земли без применения наемных рабочих	Рабочие в сельском хозяйстве						От 20 лет	Моложе 20 лет	
Англия	141 460	91 883	744 707	1 314 106	964 177	179 983	500 950	189 389	70 629	30 777	518 705
Уэльс	19 728	19 966	55 468	6 218	43 226	5 204	31 511	11 180	2 145	1 179	42 234
Шотландия	25 888	50 966	87 292	83 993	152 464	29 203	76 191	34 930	5 895	2 599	109 512
Ирландия	95 339	564 274	567 441	25 746	298 838	61 514	89 876	410 595	54 142	44 600	253 155
Прочие владения Великобритании	1 583	3 533	3 578	419	7 689	1 873	3 032	1 838	1 068	665	4 390
Итого	283 998	730 622	1 458 486	1 430 482	1 466 394	277 777	701 560	647 932	133 879	79 820	927 996

ство. Разделение труда было строго проведено, и мелкие мастера, не имевшие возможности конкурировать с крупными предприятиями, были оттеснены в ряды пролетариата. В то время рабочий, благодаря уничтожению ремесла и мелкой буржуазии, был лишен всякой возможности самому сделаться предпринимателем. До сих пор он всегда мог надеяться основаться где-нибудь в качестве мастера, обзавестись впоследствии подмастерьями; но теперь, когда мастера были вытеснены фабрикантами, когда для самостоятельного предприятия нужны были большие капиталы, пролетариат сделался обособленным постоянным классом населения, между тем как прежде он часто являлся только переходной стадией к буржуазии. Кто в настоящее время родился пролетарием, тот должен остаться им навсегда. Только теперь пролетариат получил возможность играть самостоятельную роль.

Одновременно с мелкой буржуазией и с прежними рабочими было разорено и мелкое крестьянство. Соединение промышленного и земледельческого труда сделалось невозможным; освободившаяся земля, на которой раньше жили крестьяне, занимавшиеся каким-нибудь промыслом, попала в руки крупных арендаторов, и крестьяне были разорены конкуренцией крупных хозяйств. Лишившись возможности продолжать ведение хозяйства на собственной или арендованной земле, крестьяне должны были бросить ее и наняться в качестве батраков к крупным фермерам или помещикам.

Система промышленного производства проложила себе путь и в сельское хозяйство крупными предприятиями, разрушением патриархальных отношений, имевших именно здесь чрезвычайно важное значение, и применением машин, паровой силы, женского и детского труда. Введение системы промышленного производства в сельское хозяйство вовлекло последнюю, самую консервативную часть человечества в революционное движение...

...Парламентская реформа 1832 г. была победой класса капиталистов над земельной аристократией; отмена хлебных пошлин являлась победой промышленного капитала не только над крупными землевладельцами, но и над теми представителями капитала, интересы которых в большей или меньшей степени были идентичны и связаны с интересами землевладельцев, т. е. над банкирами, биржевиками, рантье и т. д. Свободная торговля вызвала преобразование всей внутренней и внешней финансовой и торговой политики Англии соответственно с интересами промышленников — класса, который в то время являлся представителем нации. И этот класс усердно принялся за дело. Всякое препятствие промышленному производству безжалостно устранялось. Вся система пошлин и налогов претерпела коренное изменение. Все должно было служить одной единственной цели, имевшей однако громадное значение для фабрикантов, т. е. удешевлению всякого сырья и особенно средств к жизни рабочего класса, производству сырья и удержанию заработной платы на низком уровне, впрочем без понижения ее. Англия должна была сделаться «мастерской всего мира». Все остальные страны должны были сделаться для Англии тем, чем уже была для нее Ирландия, т. е. рынками для продуктов ее промышленности, поставщиками сырья и средств к жизни. Какая чудная перспектива: Англия — громадный промышленный центр земледельческого мира, промышленное солнце, вокруг которого вращаются постоянно умножающиеся в числе производящие зерно и хлопок планеты!..»

3. Положение малолетних рабочих в ремеслах и на фабриках.

(Из парламентской анкеты.)

«В ремесленных производствах и на фабриках положение было следующее:

1. Встречаются случаи, когда дети начинают работать уже в возрасте трех и четырех лет и нередко в возрасте пяти, шести и семи лет; обыкновенно они начинают работать в семь или восемь лет. Большинство детей начинает работать следовательно с девятого года жизни, хотя и существуют немногие производства, в которых дети начинают работать с десяти, даже с двенадцати лет и даже еще позднее.

2. Во всех тех случаях, когда работают совсем маленькие дети, родители всегда приспособляют их к какому-либо занятию у себя на дому и под личным своим наблюдением; не начиная с пятилетнего возраста и старше, дети уже массами работают в мелких или крупных мануфактурных заведениях.

3. Значительное количество всех лиц, занятых в ремеслах и на фабриках, состоит из подростков, не достигших еще тринадцатилетнего возраста, и еще большее число состоит из

лиц 13—18 лет, хотя в отдельных случаях число лиц, не достигших тринадцатилетнего возраста, равняется числу лиц в возрасте 13—18 лет, иногда даже превышает последнее, как это доказывают отдельные случаи...

5. В некоторых отделах весьма распространенных производств, например при плетении кружев, при плетении из соломы и при расческе шерсти, занято большинство самых маленьких детей, не считая тех, которые работают у себя на дому под надзором своих родителей или хозяек в так называемых школах, которые в действительности являются скорее мастерскими...

13. Некоторые работодатели этих округов имеют обыкновение нанимать на работу детей по простым письменным условиям. При нарушении последних виновный может подвергаться заключению, что часто и случается, несмотря на его возраст.

14. В этих округах существует обычай, что родители занимают деньги у работодателей и обязываются особыми условиями возвращать долг из заработка детей; то же самое замечается в Бирмингаме и Варрингтоне, тогда как в большинстве других мест нет указаний на существование этой системы...

20. Почти всюду дети работают столько же, сколько взрослые, иногда 16, даже 18 часов без перерыва...

29. Хотя в некоторых немногочисленных производствах и мануфактурах употребляются опасные машины и иногда происходят очень серьезные несчастные случаи, но дети в общем редко поставлены в такие условия, что подвергаются такого рода опасностям, хотя вообще несчастные случаи, как например раздробленные руки, отрезанные или скомканные между зубьями шестерен и валами вальцов пальцы и попавшие в приводные ремни и измятые руки, в некоторых производствах не являются исключительными происшествиями. Иногда ремней, колес и т. д. такое множество, и многие из них помещены на таких открытых местах, что рабочие всегда находятся в опасности и принуждены быть на-чеку, чтобы избежать несчастья; можно бы избежать многих несчастных случаев, если бы обращено было строгое внимание, чтобы машины поставлены были правильно и устроены были предохранительные аппараты.

30. Во многих из этих производств и во многих мануфактурных, особенно в булавочном производстве, в гвоздарнях, в кружевном производстве, а также на чулочновязальных фабриках, в ситцепечатнях, в гончарных заведениях и на табачных фабриках, дети не только не получают хорошей и достаточной пищи, но даже теплого и приличного платья; на многие предложенные им вопросы они отвечают, что имеют редко или даже никогда не имеют в достаточном количестве пищи и что многие из них одеты в лохмотья. Общая жалоба заключается в том, что вследствие неимения подходящей одежды они не могут посещать воскресные школы или церкви.

В большинстве случаев физическое развитие детей очень серьезно пострадало под совокупным вредным влиянием подобной преждевременной работы, длины рабочего дня и недостаточного количества питания и одежды; в большинстве они кажутся удрученными, хрупкими, имеют бледный цвет лица и болезненный вид, малорослы и производят впечатление поколения с ослабленными физическими силами...

32. Болезни, главным образом встречающиеся среди них и к которым они более восприимчивы, чем дети того же возраста и сословия, но которые не вынуждены работать, — следующие: болезни органов питания, искривления и вывихи позвоночника, изуродования членов и болезни легких, кончающиеся истощением и чахоткой...».

4. Замена взрослых рабочих на фабриках женщинами и детьми.

(Письмо английского рабочего, цитируемое у Ф. Энгельса в книге «Положение рабочего класса».)

«У меня имеется под руками письмо английского рабочего Роберта Пундера, живущего в Лидсе (даю его точный адрес специально для буржуазии, пусть она его разыскивает), адресованное Сотлеру. Письмо это чрезвычайно наивно, по орфографию его и йоркширский диалект невозможно передать ни на каком другом языке. Автор его рассказывает, как один из его знакомых, также рабочий, разыскивая работу, попал в Сент-Элепс в Ланкашире и там отыскал своего старого друга. «Он нашел его, и когда пришел к его жилищу, представьте себе, что он увидел низкий, сырой подвал...» Затем следует описание мебели: «Два старых стула, круглый стол о трех ногах, ящик; постели не было, но в углу лежала куча старой

соломы, покрытая грязными простынями. Возле камина лежали два полена. Когда мой бедный друг вошел, он увидел, что несчастный Джек сидит на поленьях у огня, — и что бы вы думали, он делал? Он штопал толстой иголкой чулки своей жены. Когда он увидел своего друга в дверях, он хотел спрятать чулки, но Джо — так называется мой знакомый — уже увидел их и сказал: «Что за чорт, Джек, что ты делаешь? Где твоя жена? Разве это работа для тебя?» Бедный Джек был очень смущен и сказал: «Я знаю, что эта работа не для меня, но моя бедная жена на фабрике. Она должна уходить в 5½ часов утра и работает до 8 часов вечера. Вечером же, когда она возвращается домой, она так утомлена, что ничего не может делать, и я должен все, что могу, делать вместо нее, потому что у меня теперь нет работы, я не имел ее уже три года и, должно быть, никогда больше не буду иметь». И он заплакал горькими слезами. «Нет, Джо, — сказал он, — в этой местности есть достаточно работы для женщин и детей, но для мужчин ее нет. Легче найти на улице сто фунтов, чем получить здесь работу. Однако я не надеялся, что ты или кто-либо другой увидят, что я штопаю моей жене чулки. Это очень скверная работа, но жена моя едва держится теперь на ногах; я боюсь, что она совсем расхворается, и не знаю, что с нами тогда будет. Она уже давно у нас — глава дома, а я заменяю жену. Плохи дела, Джо! А ведь не всегда так было со мною». И он горько плакал. «Да, Джек, — сказал Джо, — но как же ты мог жить, не имея все это время работы?» «Я тебе скажу, Джо: я старался, как мог, но дела шли плохо. Ты знаешь — когда я женился, у меня было довольно много работы, и я не был ленив». «Это верно». «У нас было хорошо меблированное жилище, и Мери не нужно было работать: я мог заработать на нас двоих. Но теперь весь мир перевернулся наизнанку: Мери должна работать, а мне приходится сидеть дома, нянчить детей, мести полы, стирать, стряпать и штопать, ибо, когда бедная жена вечером приходит домой, она бывает очень усталой и обессиленной. Знаешь, Джо, это ужасно для того, кто привык к иной жизни». «Да, парень, это тяжело», — сказал Джо, и Джек снова начал плакать. Он говорил, что было бы лучше, если бы он не женился вовсе, было бы лучше, если бы он и на свет не родился; но что он не думал, когда женился на Мери, что ему придется так плохо. «Сколько я ревел над этим!» — сказал Джек. И вот, когда Джо все это услышал, он стал проклинать фабрики, фабрикантов и правительство всеми проклятиями, какими он научился с малых лет на фабрике».

5. Годовой доход и расход семьи ручных ткачей из 6 человек, из числа которых трое работают на ткацком станке.

Годы	Годовой доход			Необходимые расходы на квартирную плату, освещение, отопление, починку станков и пищу			Остаток на остальные расходы		
	фунты	шиллинги	пенсы	фунты	шиллинги	пенсы	фунты	шиллинги	пенсы
1820	60	13	4	38	7	—	22	6	4
1821	73	12	3	35	17	2	37	15	1
1822	59	9	6	34	13	4	24	16	2
1823	54	2	—	37	13	4	16	33	8
1824	49	14	6	38	4	10	11	9	8
1825	49	14	6	36	12	4	13	2	2
1826	30	14	3	30	2	4	—	11	11
1827	38	—	6	34	19	10	3	—	8
1828	38	—	6	32	10	—	5	10	6
1829	27	6	—	27	3	10	—	2	2
1830	35	2	—	34	13	4	—	8	8
1831	38	10	3	34	6	10	4	3	5
1832	30	14	3	30	6	8	—	7	7
1833	31	4	—	31	4	—	—	—	—

6. Постановление о внутреннем распорядке рабочего дома (1842 г.)

(Извлечения.)

А. Дисциплина обитателей рабочего дома и их пропитание.

«Статья 13. Содержащимся в рабочем доме, исключая больных и лиц I, IV и VII групп [1] предписан следующий порядок дня, исполнение которого предупреждается в каждой своей части колоколом.

ВРЕМЯ	Час вставания	Завтрак	Рабочие часы	Обед	Рабочие часы	Ужин	Спать
От 25 марта до 29 ноября . .	5¾	6½—7	7—12	12—1	1—6	6—7	8
От 29 ноября до 25 марта . .	6¾	7½—8	8—12	12—1	1—6	6—7	8

Статья 14. Через полчаса после удара колокола к вставанию жителям рабочего дома указанных выше групп будет сделана именная перекличка; мужчинам — директором рабочего дома, женщинам — заведующею хозяйством.

Статья 15. Еда разрешается (за исключением больных, детей и лиц I и IV групп) исключительно в столовых, причем во время еды должна царствовать полная тишина и приличное поведение. Запрещено также лицам соответствующих групп в часы, отведенные для работы и еды, находиться в спальнях. Исключения допускаются лишь с особого разрешения директора.

Статья 16. Директор рабочего дома, а по отношению к женщинам соответствующих классов заведующая хозяйством, определяет часы вставания и сна для лиц I, IV и VII групп, а также занятия, к каковым они способны; что касается еды (часов обеда, ужина и завтрака), то это решает совет попечительства о бедных...

Статья 19. Разрешено обитателям рабочего дома потребление для пищи и питья лишь того, что дается всем остальным правлением дома. Исключение допускается лишь с разрешения врача, при соблюдении статьи 15.

Статья 20. Ткань для платья обитателей рабочего дома устанавливается советом попечительства о бедных.

Статья 21. Бедняки рабочего дома будут заняты работой соответственно своим способностям и дарованиям; особой платы за работу не полагается...

Статья 22. Находящиеся в рабочем доме мальчики и девочки должны три часа рабочего времени ежедневно обучаться чтению, письму, арифметике, закону божьему и другим предметам, что должно способствовать служению богу, полезной, прилежной и нравственной жизни в будущем.

Статья 23. Каждому бедняку из рабочего дома разрешено во всякое время его покинуть. Если покидающий рабочий дом работоспособен и имеет там семью, то она должна быть с ним вместе удалена. Исключение допускается лишь с особого разрешения совета попечительства о бедных.

Статья 24. Директору разрешается по уважительным причинам разрешать временный уход из рабочего дома.

Статья 25. Посещение посторонними рабочего дома разрешается под наблюдением директора или швейцара в особом помещении.

Статья 26. Запрещено чтение или распространение произведений с противозаконным направлением, которые могут содействовать непослушанию и создать беспорядок.

Статья 27—28. Запрещены игра в карты, азартные игры; курение табаку запрещается под страхом удаления.

Статья 29. Духовенство всех тех религий, которые имеются среди обитателей рабочего дома, по своему желанию может во всякое время явиться к своим верующим для исполнения религиозных предписаний или для воспитания детей в духе соответствующей религии, поскольку

[1] Группа I — старики или инвалиды мужчины; II — мужчины и подростки старше 15 лет; III — мальчики 7—15 лет; IV — то же, что I — женщины; V, VI — то же, что II и III — женщины, VII — дети моложе 7 лет.

это не может нарушить общего распорядка в рабочем доме...

Статья 31. Ежедневно перед завтраком и после ужина должны совершаться молитвы; каждое воскресенье в рабочем доме следует совершать богослужение, на котором должны присутствовать все обитатели дома, кроме больных и детей. Не принадлежащие к англиканской церкви могут на богослужении не быть...».

Б. Меры наказания.

«Статья 33. Беспорядком считается:

нарушение установленного в рабочем доме порядка, шум в часы, когда предписана тишина; неприличные разговоры;

словесное или физическое оскорбление кого-либо;

угрозы;

нечистоплотность;

отказ или небрежное отношение к порученной работе;

симуляция болезни;

карточная или азартная игра;

вход без особого разрешения в помещение групп, к которым входящий не принадлежит;

неподобающее поведение во время молитвы и богослужения.

Статья 34. Строптивостью считается:

повторение поступков, перечисленных выше, в продолжение одной недели;

словесное или физическое оскорбление служащего рабочего дома или члена совета попечительства о бедных;

неисполнение повторного приказа служащего рабочего дома;

ущерб, нанесенный собственности правления бедных, кража или порча материалов, инструментов учреждения, пьянство, безнравственное поведение, непристойное поведение во время богослужения и молитвы.

Статья 35. Директор обязан каждый беспорядок (ст. 33) наказывать оставлением без обычной пищи и заменой ее 8 унциями хлеба или 1 фунтом картошки на 48 часов.

Статья 36. Строптивость (ст. 34) наказывается советом попечительства о бедных арестом на 24 часа с лишением (или без лишения) обычной пищи и заменой ее рационом пищи, указанным в ст. 35. Представляется также на разрешение совета попечительства о бедных вопрос о том, следует ли виновного направить к мировому судье для дальнейшего наказания.

Статья 37. Совет попечительства может также решить, следует ли виновного в беспорядке и строптивости бедняка одеть в особое платье преступника, с одновременным лишением обычного рациона или без лишения его на срок в 48 часов.

Статья 38. Если строптивость, указанная в ст. 34, сопровождается следующими обстоятельствами: постоянным насилием против какой-либо личности, продолжительным нарушением порядка, возбуждением других к непослушанию, безнравственным поведением в присутствии других обитателей рабочего дома, продолжающимся ущербом собственности рабочего дома, — тогда представляется право директору по отношению к столь непослушному бедняку тотчас же, без допущения всякой апелляции к совету попечительства, арестовать его на 12 часов, которые могут быть при дальнейшем наказании ему зачтены».

7. Против применения машин.

(Резолюция митинга ремесленников 26 мая 1804 г.)

«Настоящий митинг постановил, что домашняя система производства шерстяных материй всего лучше соответствует положению и условиям нашего прихода, а также, что она выгодна и удобна для всех жителей вообще.

Единодушно решено, что для охраны и обеспечения шерстяной домашней промышленности число ткацких станков, составляющих собственность отдельного лица или компании и работающих в его или компанейском помещении, должно быть ограничено и не должно превышать 5 станков.

Единодушно решено, что, по мнению настоящего митинга, ради вышеозначенной цели (именно сохранения домашней промышленности) число прядильных станков или других машин, употребляемых при прядении, составляющих собственность отдельного лица или компании и находящихся в его или компанейском помещении, не должно превышать 150.

Единодушно решено, что домашняя промышленность в высшей степени благоприятна развитию родительских, сыновних и братских чувств, процветанию семейного счастья и раз-

витию нравственных и гражданских чувств, составляющих залог общественного спокойствия; что фабричная система стремится к разрушению этих чувств и устоев, вводит молодых людей очень рано в самый дурной соблазн, угрожающий полным развращением, и ведет следовательно к их гибели.

Единодушно решено, что так как суконщики являются многочисленной корпорацией людей, производство и труд которых составляют их главное и часто единственное прирожденное право и источник существования, то производство это должно быть обеспечено за ними и оберегаемо как их самая святая собственность.

Единодушно решено, — несмотря на то, что уже несколько лет практикуется родителями, что они сами обучают собственных детей искусству и приемам шерстяного производства, не заключая для них ученических контрактов, тогда как лица других профессий уже законтрактовывают своих детей в качестве учеников для изучения суконного производства, — чтобы семилетний срок обучения был признан безусловно необходимым для того, чтобы могли вырабатываться хорошие и искусные работники, которые могли бы получить право заниматься шерстяным производством.

Единодушно решено, что так как некоторые лица (под влиянием главным образом личных, а не общественных интересов) хлопочут в парламенте об отмене всех ограничительных законов и противодействуют регламентированию (которого в настоящее время добиваются ткачи домашней промышленности), стараясь получить право свободно строить фабрики по своему желанию, необходимо от нас немедленно послать одного или нескольких депутатов, которые должны все это изложить перед комитетом, избранным парламентом, для того чтобы помешать планам означенных лиц.

Единогласно решено, что немедленно будет учрежден комитет, состоящий из тридцати одного мастера для приведения настоящих постановлений в исполнение».

8. Р. Оуэн.

(Из доклада Комитета общества вспомоществования бедным, занятым в промышленности и земледелии, представленного в Комитет Палаты общин по вопросу о бедных в 1817 г.)

«Милорды и джентльмены! Получив от вас предложение составить подробный доклад о плане общего облегчения участи бедных в промышленности и земледелии, имею честь изложить нижеследующее.

Чтобы составить себе правильное мнение об этом важном предмете, необходимо выяснить основные причины, коим следует приписать нужду, достигшую небывалых размеров в нашей стране и в немалой степени наблюдаемую и в других. Мы найдем, что корень зла кроется в том состоянии вещей, которое вызвано прогрессом общества. Дальнейший анализ укажет средства, как со злом бороться.

Ближайшей причиной современной нужды является понижение оценки человеческого труда. Это произошло вследствие повсеместного введения машин в мануфактуры Европы и Америки, но всего более Британии, в которой этот переворот был сильно ускорен изобретениями Аркрайта и Уатта.

Введение машин в производство предметов роскоши понизило их цену; понижение цены увеличило спрос на них в общем до столь крупных размеров, что после введения машин человеческого труда стало требоваться больше, чем до того.

Первым следствием новых технических условий явился рост частных богатств, что давало новый импульс к дальнейшим изобретениям...

Так одно техническое усовершенствование рождало другое в быстрой последовательности, и в несколько лет они не только были повсеместно применены на мануфактурах Соединенного королевства, но ревниво заимствовались другими странами Европы, а также Америкой...

К концу войны наша страна обладала производительной силой, дававшей такие же результаты, как если бы население увеличилось в пятнадцать или двадцать раз, — и все это было достигнуто в предшествующие двадцать пять лет. Быстрый прогресс, сделанный Великобританией за время войны в сфере богатства и политического влияния, не должен поэтому казаться удивительным: причина вполне соответствовала следствию.

Но тут возникли новые обстоятельства. Так как предметы производства перестали требоваться для надобностей войны, то для них не оказалось рынков; мировой доход оказался недостаточным для того, чтобы закупать все, создаваемое столь могучей производительной силой: последовало сокращение спроса. Когда же вследствие этого явилась необходимость

сократить производство, то вскоре оказалось, что механическая сила машины гораздо дешевле человеческого труда. Первая поэтому продолжала работать, а последний сделался излишним, и человеческий труд можно теперь иметь за плату много ниже той, которая безусловно необходима для существования при обычном уровне потребностей [1].

Нетрудно понять, что у рабочих классов теперь нет возможности конкурировать с механической силой. Отсюда вытекают три вывода:

1) пользование механизмами должно быть сильно сокращено; либо

2) миллионы людей должны умереть от голода, если механическое производство сохранит свои внешние размеры; либо

3) для бедных и безработных классов должно быть изыскано прибыльное занятие, в котором работа машин должна служить в помощь труду, а не вытеснять его, как в настоящее время.

Но при существующей коммерческой системе механическая сила не может быть выведена из употребления в одной стране, ибо это разорит ту страну, в которой ею перестанут пользоваться. Поэтому ни один народ не откажется от машины; и если бы такой акт был возможен, он явился бы несомненным признаком варварства тех, кто сделал бы подобную попытку. Однако было бы еще более очевидным варварством и актом грубой тирании, если бы какое-нибудь правительство позволило механической силе уморить голодом миллионы людей. Этой мысли нельзя допустить ни на одну минуту; осуществление ее принесло бы неслыханные бедствия для всех классов. Поэтому только третий из указанных выводов заслуживает рассмотрения, а именно тот, что для «безработных классов должно быть найдено прибыльное занятие, в котором работа машины должна служить в помощь труду, а не вытеснять его, как в настоящее время.

...Всякий план улучшения участи бедных должен заключать в себе способы, которые препятствовали бы детям приобретать дурные привычки, внушали бы им хорошие, воспитывали бы их и давали бы им полезные сведения, обеспечивали бы соответственный труд взрослым, организовывали бы их работу и расходы таким образом, чтобы от этого для них самих и для общества получалась наибольшая выгода; и вообще поставили бы их в такие условия, которые удаляли бы от них излишние соблазны и тесным образом объединяли бы их интересы и обязанности.

Такие преимущества не могут быть предоставлены отдельным лицам или семьям порознь или совокупному числу таковых.

Они могут быть успешно проведены в жизнь лишь при таком устройстве, которое позволяло бы объединить в одном учреждении население от 500 до 1500 душ, в среднем человек 1000.

Я предлагаю теперь комитету нижеследующий план, основанный на вышесказанных началах и соединяющий в себе, смею думать, все перечисленные преимущества, которые с течением времени могут породить другие, не менее важные...

...Я позволю себе изложить его как результат опыта, производившегося на широких основаниях в среде бедняков и рабочих изо дня в день в течение двадцати пяти лет, причем в продолжение всего этого времени неустанно обращалось внимание на изыскание первопричин их нищеты и бедствий и лучших средств к устранению того и другого.

Я прошу позволения обратить внимание комитета на чертежи и объяснения, сопровождающие текст этого доклада.

Чертеж изображает собою площадь, отведенную под строения, достаточные для устройства около 1200 душ и окруженные земельными участками. Внутри прямоугольной площади находятся общественные здания, разделяющие ее на два меньших прямоугольника. Центральное здание заключает в себе общественную кухню, общие столовые и все приспособления, необходимые для экономной и комфортабельной стряпни и еды. Справа находится здание, нижний этаж которого будет занят школою для детей младшего возраста, а во втором будут находиться лекционная зала и место для богослужения.

В здании налево помещаются школа для детей старшего возраста и комитетская комната, — это внизу; наверху — библиотека и помещение для взрослых. На свободном пространстве внутри прямоугольника находятся площадки для отдыха и развлечений; на этих площадках должны быть посажены деревья.

[1] Человеческий труд, когда-то великий источник богатства народов, уменьшился в доходности не менее как на 2—3 млн. ф. ст. в неделю в одной Великобритании; эта сумма — или может несколько большая, либо меньшая — была таким образом изъята из обращения в стране, и в этом причина, почему обеднели так сильно фермер, ремесленник, фабрикант и купец.

Три стороны прямоугольника предполагается занять жилыми домами для семейных рабочих, по четыре комнаты в каждом. Каждая комната должна иметь величину, достаточную для помещения одного человека, его жены и двух детей. Четвертая сторона будет занята зданием спален для всех детей сверх двух на семейство или тех, которым больше трех лет. В центре этой стороны прямоугольника находится помещение заведующих спальнями; на одном конце ее — больница, а на другом — здание для приема гостей, которые могут прибыть издалека для свидания с друзьями и родственниками. В центрах двух сторон прямоугольника находятся помещения для главных смотрителей, а в центре третьей — кладовая для всех предметов, нужных для учреждения.

Позади домов вокруг прямоугольника находятся огороды, за которыми, как показано на чертеже, идут дороги.

Сейчас же за ними по одной стороне находятся здания фабрик и заводов, бойни и т. п., отделенные от учреждения насаждениями.

По другой стороне находятся помещения для стирки, беления и т. п., а на еще большем расстоянии от прямоугольника две фермы с приспособлениями для соложения, варки пива, мукомольная мельница и т. п.; вокруг них возделанные участки, пастбища и т. п.; межи должны быть засажены фруктовыми деревьями.

План рассчитан по масштабу, достаточному для устроения 1200 душ.

В каждой комнате-квартире могут поместиться один мужчина, его жена и двое детей моложе трех лет; комната должна представлять больше удобств, чем обыкновенные жилища бедняков. Дети старше трех лет по этому плану будут посещать школу, обедать в общей столовой и спать в общих спальнях, причем родителям конечно можно будет видеть и беседовать с ними за едой и в другое подходящее время; будут приняты всевозможные меры к тому, чтобы помешать приобретению ими дурных привычек и склонностей; прежде чем оставить школу, они хорошо усвоят все необходимые и полезные сведения, которые всего более могут способствовать достижению счастья в жизни и сделать их полезными и уважаемыми членами общества, к которому они принадлежат.

Женщины будут заняты прежде всего уходом за своими детьми и содержанием своего помещения в полном порядке: во-вторых, будут обрабатывать огороды и выращивать овощи для надобностей общественной кухни; в-третьих, будут работать в тех отраслях фабричной промышленности, в которых женщины могут с успехом участвовать, но при этом не более четырех или пяти часов в сутки; в-четвертых, будут изготовлять одежду для населения общины; в-пятых, будут поочередно дежурить в общественной кухне, столовых и спальнях, а после получения соответственной подготовки также и надзирать за некоторыми сторонами воспитания детей в школах.

Старшие дети некоторую часть дня, соразмерно своим силам, будут приучаться помогать взрослым в огородных работах или на фабриках. Мужчины все будут заняты земледелием и вместе с тем и фабричным трудом или другой работой, нужной для общины.

Невежество бедных, их несдержанность и отсутствие разумного воспитания делают необходимым, чтобы нынешнее поколение их было деятельно и регулярно занято в течение дня какой-нибудь безусловно полезной работой, но такой, чтобы она была здорова и производительна. Вышеописанный план самым полным образом удовлетворяет этому требованию.

Чтобы дать наглядное представление о расходах, которых может потребовать устройство учреждения на 1200 душ, мы приведем следующие цифры...

(Дальше следует смета расходов на сумму в 96 тыс. ф. ст.)

Эта сумма, поделенная на 1200, дает на каждого капитал в 80 ф. ст., который может быть ссужен из 5%, или 4 ф. ст. в год.

Таким образом столь незначительным расходом, как 4 ф. ст. на душу, эти безработные могли бы быть поставлены в возможность поддерживать свое существование и, как легко видеть, скоро погасили бы занятый ими капитал, если бы в этом оказалась необходимость.

Этот план может быть выполнен несколькими способами.

Он может быть выполнен отдельными лицами, приходами, графствами, округами и тому подобными делениями, заключающими в себе несколько графств, и всей нацией при посредстве правительства, — одни могут предпочесть тот, другие — иной способ; и конечно было бы хорошо испытать несколько различных способов, чтобы тот план, который окажется наилучше выполненным, мог быть принятым впоследствии всюду. Поэтому он может быть при-

водим в исполнение любой партией, в каком ей угодно будет месте и соответственно ее взглядам на этот предмет и местным условиям.

Нельзя найти слов достаточно сильных, чтобы выразить несостоятельность и несправедливость нашей нынешней системы отношений к бедным и рабочим классам. Их оставляют коснеть в грубом невежестве. Им дают воспитываться в атмосфере дурных привычек и пороков; и, словно с преднамеренной целью не выпускать их из цепей невежества и пороков и подстрекать к преступлениям, их постоянно окружают соблазны, неминуемо порождающие все указанные выше последствия.

Однако бедные и безработные классы не могут, не должны быть предоставлены своей участи, иначе последствия будут грозны для всех нас. Вместо того чтобы оставлять их, как сейчас, во власти невежества и под воздействием условий, гибельных для их трудоспособности и нравственности, — условий, при которых особенно легко видеть безрезультатность и даже вред временных денежных вспомоществований, — им следовало бы, напротив того, дать возможность поддерживать себя собственным трудом в полном достатке, по системе, которая не только направляла бы их труд и заработки с наибольшей выгодой, но притом ставила бы их в условия, наиболее благоприятствующие развитию нравственности и счастия. Словом, вместо того чтобы давать развиваться их привычкам под наихудшим влиянием, какое только возможно, или предоставить это случаю и таким образом невольно толкать их на преступления, вызывающие необходимость в применении строгостей нашего уголовного закона, нужно ввести систему предотвращения нищеты и преступлений; и тогда область действия нашего уголовного уложения вскоре сузилась бы до самых тесных пределов.

Набросок такого плана, хотя и несовершенный, и был мною предложен в настоящем докладе.

Будем надеяться, что правительство нашей страны в достаточной мере убедилось теперь в необходимости отвергнуть принцип, на котором до сих пор основывались все наши законодательные меры по этой части; ибо ничто кроме указанной меры не может дать государству прочного благополучия. Пока принцип предупреждения не ляжет в основу законодательства, напрасно изыскивать иные средства помимо временных мер, которые не исправляют общества, а ввергают его в еще худшее состояние.

Если правительство придет к этому сознанию, то исполнение плана улучшения участи бедных лучше вверить нации, чем частным лицам.

Деньги, нужные для основания учреждения по предлагаемому плану, можно получить через консолидацию фондов некоторых общественных благотворительных учреждений [1], путем уравнения налога и займа под его обеспечение. Бедные, включая тех, которые ведаются общественной благотворительностью, должны стать предметом национального попечения.

Тогда получится изобилие средств и работы. Страна должна быть обследована, и для устройства фабрично-земледельческих поселений обеспечены лучшие места.

Участки, которые легко могут быть найдены в различных частях королевства, имеют быть должным образом подвергнуты оценке и куплены нацией, либо приобретены на праве вечной аренды и надлежащим образом распланированы компетентными лицами для требуемой цели. К выполнению каждой части работ этого дела с большой выгодой может быть приложен труд бедняков и безработных под руководством надежных лиц, назначенных для заведывания различными отраслями.

Преимущества, могущие получиться от осуществления такого плана, суммируются в следующих пунктах:

1. Хотя поверхностному наблюдателю такая система обеспечения безработных и может показаться убыточной, но всякий, кто видит все последствия такой комбинации, по зрелому размышлению признает ее наиболее экономной из всего, что до сих пор предлагалось.

2. Многие из безработных бедняков пребывают теперь в состоянии грубого невежества и воспитаны в дурных привычках, — зло, которое при нынешней системе будет продолжаться до бесконечно отдаленных поколений. Предлагаемый план дает самые верные средства, могущие удовлетворить все заинтересованные стороны и всякий свободный ум, для искорене-

[1] Или их можно одолжить у лиц, имеющих излишек свободного капитала, занять из фонда на спасение утопающих, или прибегнуть к иной финансовой мере, какая окажется удобной. Учреждения, быстро поднявшись в цене благодаря обработке земли, принадлежащей им, вскоре сделаются достаточным обеспечением значительной доли сумм, которые будут затрачены на покупку их.

ния как невежества, так и дурных привычек в течение одного поколения.

3. Величайшие бедствия общественной жизни происходят оттого, что человечество воспитывается на началах розни. Предлагаемые меры имеют в виду объединить людей для преследования общих целей ко взаимной пользе, дают легко осуществимый план постепенного устранения причин несогласий между людьми и делают тождественными их интересы и обязанности.

4. Эта система дает также самые простые и действительные средства для привития лучших чувств и привычек детям безработных бедняков, если общество в состоянии решить, какие привычки и наклонности следует прививать им.

5. Она указывает также самые могучие средства к исправлению привычек и всего поведения взрослой части безработных бедняков, преступно оставленной обществом в пренебрежении с самого их детства.

6. Благодаря особенностям этой системы она будет давать бедным в вознаграждение за их труд более высокий, более ценный и более обеспеченный достаток, чем какой они когда-либо могли получать.

7. В течение одного поколения она устранит надобность в налоге на содержание бедных или иной денежной благотворительности уж просто тем, что не даст никому впасть в нищету и подвергаться связанному с ней унижению.

8. Она даст возможность постепенно увеличить население тех мест Европы и Америки, в которых это окажется необходимым; если потребуется, даст возможность существовать с комфортом гораздо большему населению в данном месте, чем до сих пор; словом, увеличит силу и политическое могущество страны, в которой она будет принята, более чем в десять раз.

9. Этот план так доступен, что может быть проведен в жизнь даже с меньшими возможностями и усилиями, какие требуются для устройства новой фабрики в новом месте. Многие лица заурядных способностей создавали предприятия гораздо более сложные, чем предлагаемые. И в самом деле, не потребуется ровно ничего такого, что не практиковалось бы ежедневно в обыденной жизни, и все это по предлагаемому плану может быть исполнено еще значительно легче.

10. Он действительным образом избавит рабочих в промышленности и земледелии от страшной нищеты, переживаемой ими в настоящее время, не изменяя насильственно или преждевременно существующих общественных установлений.

11. Он позволит до любого предела вводить технические изобретения и усовершенствования, ибо по предлагаемому плану каждое усовершенствование машины будет подчиняться человеческому труду и оказывать ему помощь.

12. Наконец каждая часть общества будет испытывать на себе благодеяния этой перемены в условиях жизни бедняков. План, основанный на изложенных началах, является безусловно необходимым для укрепления благополучия общества и для предотвращения удручающего зрелища тысяч народа, гибнущих в нужде среди изобилия средств, достаточных для воспитания, обучения, доставления занятий и поддержания в достатке населения по крайней мере вчетверо большего, чем настоящее».

9. Рабочий класс и реформа 1832 г.

(Из анонимной статьи «Одного угнетенного» в «Poor Man's Guardian», март 1832 г.)

«Какой справедливости и пощады можете вы ждать от предпринимателей, после того как они получат свое избирательное право, если уже первый их шаг направлен к лишению вас самого дорогого и священного вашего права? Мы имеем теперь около ста «гнилых местечек»; если билль о реформе будет принят, то все королевство образует одно большущее гнилое местечко. Землевладельцы, торговцы и промышленники будут тогда одни располагать правом (вернее — привилегией) издавать законы. Интересы всех этих людей противоположны вашим интересам. Запомните себе мои слова: если этот билль станет законом в своей нынешней форме, то квартирная плата и цены на пищевые средства поднимутся, а заработная плата еще больше упадет. Отныне вы будете совершенно покинуты, преданы и беззащитны... И что за люди кандидаты, выставленные наживателями барышей? В моем городе выставлены два кандидата: один известен всем, другой же — некий мистер Юнг, который в социальной политике смыслит столько же, сколько мой ткацкий станок... Единственная правильная реформа должна бы заключаться

в следующем: народ, производящий хозяйственные блага, должен также один иметь право издавать законы.

Вы уже теперь знаете, как мало билль облагодетельствует вас непосредственно; но вас стараются уверить, что перенесение избирательного права от богатых людей на десятифунтовых домохозяев будет и для вас большой выгодою, так как эти люди будут более склонны удовлетворить ваши требования, чем аристократия. Вы естественно верите в это на основании тех либеральных мнений, которые вы слышите, и принципов, которые у вас на глазах эти люди защищают. Несомненно, покуда у них с вами одна общая причина жаловаться, покуда ваши обиды — их обиды, пока и у них нет избирательных прав, они будут говорить, что у всех должны быть одинаковые права. Но теперь положение вещей удивительно меняется: битва за реформу ими благодаря вашему содействию, я думаю, благополучно выиграна, и их положение очень изменилось; они уже больше не товарищи ваши по страданиям, они уже больше не являются вместе с вами истцами. Спрашивается же теперь: на основании опыта всех стран, что́ вероятнее, — что они пожелают удержать свое превосходство над вами или что, захватив, как исключительную привилегию, то, чего они до сих пор лишь требовали вместе с вами, они без нужды отдадут вам должную часть добытого?..»

(Мнение О'Бриенна, цитируемое у Ротштейна «Очерки по истории рабочего движения в Англии».)

10. Зачем нужна рабочим хартия?

«Петиция митинга 28 февраля 1837 г.».

А. Члены ассоциации рабочих — почтенным общинам Великобритании и Ирландии.

«Почтенным общинам Великобритании и Ирландии петиция нижеподписавшихся членов ассоциации рабочих.

Единственный разумный смысл общественных учреждений и законов заключается в защите, поощрении и поддержке всего, что может способствовать счастью всего народа. И подобно тому как целью ставится здесь взаимная польза, так и издание законов должно было бы происходить в силу взаимного соглашения. Справедливо принуждать к повиновению законам можно только при уверенности, что те, которые призваны повиноваться им, имели возможность лично или же через своих представителей издать их, внести в них поправки или отменить их. Лица, устраненные от этого участия в политической власти, не могут быть, при соблюдении справедливости, подчинены действию законов; для них законы являются только деспотическими распоряжениями, а на законодательное собрание, от которого последние исходят, они могут смотреть только как на участника бессовестного соглашения, придумывающего планы обложения и порабощения большинства.

Политическое право каждого человека стоит выше всех обычаев, форм и стародавних порядков; оно представляет собою основное право, которое не может быть ни даровано, ни справедливо отнято у него кем-либо. И когда это священное право отнимают у личности и облекают им собственность, то такой акт представляет злостное извращение справедливости и здравого смысла, ибо создание собственности и ее обеспеченность являются следствиями общества, великую цель которого составляет человеческое счастье.

Никакая конституция или законодательный кодекс, нарушающие политические и социальные права людей, не делаются священными благодаря давности и не освящаются обычаем. Невежество, давшее им начало или позволяющее им продолжать свое действие, не есть оправдание для увековечения несправедливости; только насилие и обман могут поддерживать их, когда сколько-нибудь значительная часть народа поняла и почувствовала свою приниженность.

Намерение и цель петиционеров состоит в представлении вашей почетной палате таких фактов, которые убедят вас и всю страну, что вы не представляете народа этих королевств. Они апеллируют к вашему чувству права и справедливости, как и ко всем принципам чести, дабы вы издали немедленно такие законы, которые открыли бы перед народной массой возможность быть представленной в парламенте в видах обеспечения наибольшей суммы счастья всем классам общества.

Из отчетов, составленных по распоряжению общин, ваши просители усматривают, что все население Великобритании и Ирландии составляет 26 млн. человек и что число мужчин

старше 21 года — 6 023 752, которые по мнению ваших просителей справедливо могут притязать на избирательное право. Между тем согласно докладу сэра Уортли (составленному по распоряжению вашей почтенной палаты) число зарегистрированных избирателей, имеющих право подавать голос на парламентских выборах, равно только 839 519, и даже из этого числа только $8^1/_2$ из 12 фактически подают свой голос. Подробно анализируя состав избирательных коллегий Соединенного королевства, наши просители приходят к заключению, что 331 член Палаты общин (составляющие в ней **большинство**) выбирается 151 492 **зарегистрированными избирателями**. Сравнивая все совершеннолетнее мужское население с этими 151 492 избирателями, мы видим, что $^1/_{40}$ часть его, или $^1/_{160}$ часть всего населения, имеет власть проводить все законы в вашей почтенной палате.

Далее просители ваши, по исследовании дела, усматривают, что это большинство из 331 члена состоит из 163 ториев или консерваторов, 134 вигов или либералов и только 34 представителей, именующих себя радикалами; из этого ограниченного числа вряд ли найдется 10 человек, которые являются истинными представителями нужд и желаний производительных классов.

Ваши просители усматривают также, что 15 членов вашей палаты выбираются округами, имеющими менее 200 избирателей; 55 — менее 300; 99 — менее 400; 121 — менее 500; 150 — менее 600; 196 — менее 700; 214 — менее 800; 240 — менее 900 и 256 — менее 1 000. Затем многие из этих округов посылают в палату двух депутатов.

Они находят также, что ваша палата, которую называют исключительно Народной палатой, или Палатой общин, имеет в своем составе 205 лиц, **находящихся в близком или отдаленном родстве с пэрами королевства**.

Затем они усматривают, что в состав вашей палаты входят: 1 маркиз, 7 графов, 19 виконтов, 32 лорда, 25 «достопочтенных», 52 «почтенных», 63 баронета, 13 рыцарей, 3 адмирала, 7 лордов-наместников, 42 вице-наместника, 1 генерал, 5 генерал-лейтенантов, 9 генерал-майоров, 32 полковника, 33 подполковника, 10 майоров, 49 капитанов армии и флота, 10 лейтенантов, 2 корнета, 58 адвокатов, 3 стряпчих, 40 банкиров, 33 пайщика Ост-индской компании, 13 пайщиков Вест-индской, 52 чиновника, 114 патронов церковных приходов, располагающих в общем итоге правом замещения 274 приходов. Имена всех этих лиц просители могут по требованию палаты сообщить.

Ваши просители почтительно поэтому обращают внимание палаты на то, что, как явствует из приведенных фактов, вы не представляете ни масс, ни интересов миллионов, а что лица, входящие в состав палаты, имеют интересы по большей части чуждые или прямо противоположные истинным интересам подавляющего большинства народа.

Принимая во внимание огромную власть, которую вы имеете над жизнью, свободой и трудом непредставленных миллионов; принимая во внимание военные и гражданские силы, находящиеся в вашем распоряжении; принимая во внимание, что в ваших руках находятся государственные доходы, призрение бедных, печать (благодаря законам, прямо исключающим одни только рабочие классы) и что сверх того вы имеете право передавать другим весь контроль над денежным обращением королевства, вследствие чего рабочие классы могут быть втихомолку обираемы или внезапно лишаемы занятия; наблюдая, как все эти элементы власти применяются палатой в ее нынешнем составе, и опасаясь последствий, которые могут проистечь отсюда, если не будет незамедлительно предпринята коренная реформа, ваши петиционеры настоятельно просят почтенную палату возвести в закон королевства нижеследующие постановления с теми существенными подробностями, которые ваша палата сочтет нужными».

«Закон о равном представительстве народа Великобритании и Ирландии...» [1].

Б. «Вопрос хартии — вопрос ножа и вилки».

(Речь Стиффенса, цитируемая у Долеанса в «Zl Chartisme», т. 1.)

«Принцип резолюции, о котором мне предстоит говорить, так очевиден, что каждый обязан принять его: это — принцип, в силу которого каждый человек, дышащий вольным воздухом божьим и двигающийся по вольной земле божьей, имеет право видеть свой домашний очаг, свою жену и своих детей столь же обеспеченными, как любое право, созданное аристократией. Вопрос о всеобщем избирательном праве,

[1] Дальше следуют практические предложения, которые вошли в текст документа № 12.

что бы против него ни возражали, есть в конечном счете вопрос ножа и вилки, вопрос о хлебе и сыре. И если бы кто-нибудь спросил меня, что означает всеобщее избирательное право, то я бы ответил: оно означает, что каждый человек имеет право носить на своих плечах хороший сюртук, располагать для себя и своей семьи приятной квартирой, иметь на столе хороший обед, работать лишь столько, сколько нужно для поддержания его в добром здравии, и получать плату, позволяющую ему участвовать в благах жизни, на которые всякий человек вправе разумно притязать... Позади всеобщего избирательного права я хотел бы видеть то знание в уме, тот принцип в сердце, ту мощь в сознании, ту непадломленную силу в деснице, которые дали бы рабочему человеку возможность встречать хозяина мужественно, выпрямившись во весь свой рост, без клейма несвободного человека на своем челе и без краски стыда и рабства на лице. Рабочие должны так же свободно чувствовать себя на фабрике, как на просторном лугу, и держаться столь же непринужденно, отправляясь в контору за платой, как они держатся среди своих товарищей, когда идут куда-нибудь развлекаться. Я хотел бы видеть, чтобы каждый человек выступал прямодушно, высказывал свои мысли без утайки, поступал согласно своей совести и никому не причинял никакого ущерба... Я всей душой поддерживаю резолюцию; я буду работать за нее, насколько это в моих силах и насколько вы будете содействовать мне в этом, и все вместе мы проведем хартию».

11. Первая национальная петиция.

«Достопочтенным общинам Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, собранным в парламент, петиция нижеподписавшихся, их страждущих соотечественников, почтительно изъясняющая:

Что мы, ваши просители, живем в стране, торговцы которой отличаются предприимчивостью, фабриканты — знатоки своего дела, искусство рабочих вошло в пословицу. Сама по себе страна прекрасна, почва ее плодородна, климат здоров; она в изобилии снабжена материалами для торговли и промышленности; в ней есть много удобных гаваней; по легкости внутреннего сообщения она превосходит все другие страны.

В течение 23 лет мы наслаждались глубоким миром.

И вот, при всех этих благоприятных для национального благополучия условиях и несмотря на все стремление и умение с выгодою пользоваться ими, мы обременены страданиями и в общественной и в частной жизни.

Мы изнемогаем под бременем налогов, которые, несмотря на это, оказываются далеко недостаточными для нужд наших правителей; наши промышленники трепещут на краю банкротства; наши рабочие умирают с голода, капитал не дает дохода, а лавка ростовщика полна; работный дом переполнен, а фабрика обезлюдела.

Мы оглядывались во все стороны, мы старательно искали причин нужды, столь тяжкой и столь продолжительной.

Мы не можем найти ни одной из них ни в природе, ни в провидении. Небо было милостиво к народу, но безумие наших правителей обратило в ничто благость божию.

Энергия могущественного королевства тратилась на создание власти себялюбивых и невежественных людей, и его богатства расточались для их обогащения.

Благу одной партии было принесено в жертву благо нации; немногие правили в интересах немногих, между тем как интересы большинства оставались в пренебрежении или нагло и тиранически попирались.

Заветной мечтой народа было, что средство от значительной части, если не от всех своих обид и страданий, он найдет в билле о реформе 1832 г.

Народ привык смотреть на этот акт как на мудрое средство к достойной цели, как на механизм улучшенного законодательства, когда воля масс наконец будет иметь силу.

Но народ был горько и низко обманут.

Плоды, казавшиеся столь привлекательными для взора, превратились в пыль и прах, когда их собрали.

Акт о реформе передал власть от одной господствующей партии другой, оставив народ столь же беспомощным, как и прежде. Наше рабство сменилось тем, что мы стали лишь как бы цеховыми учениками свободы, что еще усилило мучительное чувство нашего социального унижения, прибавив к нему горесть от вновь несбывшейся надежды.

Мы обращаемся к вашей достопочтенной палате с тем, чтобы сказать вам со всею почтительностью, что нельзя допустить, чтобы такое положение вещей продолжалось; что оно не может продолжаться дольше, не грозя серьезной опасностью прочности трона и миру всего королевства, и что если с божьей помощью и при применении всех законных и конституционных средств можно положить ему конец, то мы твердо решили в самом скором времени добиться этого конца.

Мы говорим вашей достопочтенной палате, что капитал хозяина должен приносить ему должный доход; что как законы, удорожающие хлеб, так и те из них, которые, превращая деньги в редкость, делают труд дешевым, должны быть уничтожены; что налоги должны падать на собственность, а не на труд; что благо большинства населения как единственно законная цель должно быть единственным предметом забот правительства.

Как предварительную меру для этих и для других необходимых перемен, как единственное средство, с помощью которого интересы народа могут быть ограждены и обеспечены, мы требуем, чтобы охрана этих интересов была вверена самому народу.

Когда государство призывает защитников, когда оно требует денег, то ни отказаться, ни просить об отсрочке нельзя, ссылаясь на бедность или незнание.

Раз от всех нас требуют поддержки и повиновения законам, то природа и разум дают нам право требовать в свою очередь, чтобы при изданин законов был выслушан голос всех.

Мы исполняем обязанности свободных людей; мы должны иметь привилегии свободных людей.

Мы требуем всеобщего голосования.

Голосование, чтобы быть обеспеченным от подкупа со стороны богатых и насилия со стороны власть имущих, должно быть тайным. Признание нашего права необходимо подразумевает свободу бесконтрольного пользования им.

Мы требуем тайного голосования.

Связь между представителями и народом, чтобы быть благотворной, должна быть тесной.

Законодательная власть и власть учредительная должны быть приводимы в частое соприкосновение и общение друг с другом, чтобы можно было наблюдать за их действиями и воздействовать на них.

Ошибки, сравнительно легкие, когда народ быстро их может поправить, могут повести к самым губительным последствиям, если им позволить пустить корни в течение долгих лет насильственного промедления.

Для общественной безопасности, как и для общественного доверия, существенно необходимы частые выборы.

Мы требуем ежегодных выборов в парламент.

Раз нам даны власть выбирать и свобода при выборе, пределы нашего выбора не должны быть ограничены.

Существующие законы вынуждают нас выбирать своими представителями людей, не способных оценить наше затруднительное положение или мало сочувствующих ему: купцов, удалившихся от торговли и больше не чувствующих на себе ее тягостей; землевладельцев, не знающих ни нужд земли, ни средств их удовлетворения; адвокатов, ищущих чести заседать в парламенте лишь как средства выделиться в судах.

Труды представителя, ревностного в исполнении своих обязанностей, многочисленны и тяжки.

Несправедливо, неосновательно и небезопасно допускать, чтобы представители продолжали их нести безвозмездно.

Мы требуем, чтобы при будущих выборах в члены вашей достопочтенной палаты согласие избирателей было единственным цензом; чтобы каждому представителю, избранному таким образом, было назначено из общественных доходов приличное и соответствующее вознаграждение на все время, которое он призван посвятить общественному служению.

Наконец мы самым серьезным образом хотели бы уверить вашу достопочтенную палату, что настоящая петиция продиктована не пустой любовью к переменам, что она проистекает не из легкомысленного пристрастия к фантастическим теориям, но что она является результатом многих и долгих обсуждений и убеждений, укрепляемых событиями каждого последующего года.

Управление этим могущественным королевством до сих пор служило поводом для соперничающих партий производить над ним свои себялюбивые эксперименты.

Последствия их мы узнавали по собственному горькому опыту, когда короткие проблески ненадежного благоденствия тонули бесследно в длинных и мрачных периодах страданий.

Если самоуправление народа не может устранить его бедствий, оно устранит по крайней мере его недовольство.

Всеобщее избирательное право одно лишь принесет и может принести истинный и продолжительный мир нации; мы твердо верим, что оно принесет также благоденствие.

Да благоволит же ваша достопочтенная палата самым серьезным образом рассмотреть эту петицию и приложить крайние старания при помощи всех конституционных средств, чтобы провести закон, гарантирующий за каждым мужчиной установленного возраста, здравых умственных способностей и не осужденным за преступление, право выбирать членов парламента; определяющий, чтобы все будущие выборы членов парламента производились при помощи тайной баллотировки; указывающий, что продолжительность парламента, избранного таким образом, ни в каком случае не должна быть больше года; уничтожающий всякий имущественный ценз для его членов и обеспечивающий за ними должное вознаграждение на время отправления ими парламентских обязанностей.

И ваши просители будут вечно благодарить бога».

12. Сторонники моральной и физической силы.

А. Ловетт о моральной силе.

«...Что касается наилучших средств для проведения хартии, мы прежде всего являемся противниками всего того, что может напомнить революционную борьбу, призыв к физической силе, к насилию; мы думаем, что победа, одержанная таким образом, будет поражением, нанесенным действительным принципам демократии, потому что все военные начальники, — и вся история это подтверждает, — становятся деспотами и потому что всякая военная организация, взывая к страстям, неизбежно отодвинет на много веков прогресс интеллектуальный и моральный. Мы думаем, что победа хартии будет счастьем для всех, единственным средством уничтожить продажность и монополию, зло в нашем правительстве, и что благо подобного порядка вещей будет простираться на все население; мы думаем также, что необходимо, чтобы добиться реформы, убедить все классы населения, что их интерес в присоединении к нам; так, только так мы сможем завоевать мирным путем хартию; единый народ имеет всегда много средств добиться осуществления своих желаний без насилия».

Б. Из речи Атвуда 15 января 1838 г. в Бирмингаме.

«...С помощью мира, закона, порядка, лойяльности и единения народ всесилен для добра. В смутах и беспорядке он становится слаб, как ребенок. Толпа еще никогда не обладала властью, но оскорбленный и возмущенный народ всесилен... Мы хорошо знаем и вас и свою страну, и мы знаем, что среди тех громадных масс людей, которые мы должны привлечь к политической деятельности, в каждом городе Англии, Шотландии и Ирландии, не исключая и самого Лондона, безумие одних и нечестность других легко могут увлечь массы на ложный путь. В один час ошибка или преступление могут нанести нашему делу и нашей стране громадное зло. Если только народ допустит запятнать свое дело кровью, то против него вооружится закон и раздавит его...»

В. Из речи О'Коннора на митинге в Лондоне.

«...Бедняков называют карманными ворами. Но я спрошу: какая разница между богатыми карманниками и бедными? Разница вот в чем: бедный человек обкрадывает карман богатого, чтобы наполнить свой карман. Народ слишком долго и слишком покорно выносил притеснения; я никогда не советовал народу прибегать к физической силе, потому что находил, что на это могут решиться только безумцы, но надо все же сказать, что те, которые кричат против насилия, поддерживают свою власть исключительно физической силой.

Народ должен только показать Палате общин, что решение его непреклонное, — и реформа будет дана.

Говорят, что рабочий класс состоит из грязных оборвышей и что среди них нельзя найти шестьсот пятьдесят человек, достойных заседать в Палате общин. В самом деле? Но он легко может помочь этой беде. Он наберет это число из присутствующих на митинге и отправится с ними сначала на мыловаренную фабрику Гауэса, потом пойдет с ними к портному, оттуда к парикмахеру и парфюмеру, где их

окропят модною вонью, и после всех этих приготовлений отправится с ними в Палату общин, и наверное они будут лучшими из шестьсот пятидесяти восьми, когда-либо заседавших в ее стенах. Я советую им не прибегать ни к восстанию, ни к гражданской войне, но я все же скажу, — и пусть слышит это Палата общин, — что если народ будут угнетать, если конституция будет нарушаться, если народ будет жить в постоянной нужде, тогда, — если никто другой не отважится на это, — я сам поведу народ к смерти или к славе.

На севере уже попробовали, что значит физическая сила. Недавно некоторые из представителей городской полиции были посланы в Дьюсбери, но ребята этого благородного города отослали их обратно. Я буду пользоваться моральным воздействием до тех пор, пока это возможно, до последних пределов, но я хочу также закрепить в их памяти, что лучше умереть свободным, чем жить рабом. Каждая почетная победа достигалась физической силой, но им не надо этого, потому что, если они добьются всеобщего избирательного права, они быстро разрушат твердыню подкупа; я надеюсь, и даже уверен, что народ будет действовать на основании здравого смысла, которым всегда был так исключительно богат рабочий класс; пусть возникает союз и из этого союза вырастет нравственное влияние, достаточное для того, чтобы завоевать права беднякам, но если это не удастся, то пусть каждый человек поднимет оружие в защиту того, в чем его здравый смысл видит справедливость...»

Г. Из речи Дж. Р. Стифенса.

«...Комиссары «закона о бедных» создают настоящую торговлю рабами, переводя беднейших земледельцев южных графств Англии в мануфактурные города Йоркшира и Ланкашира; их цель — понизить таксу заработной платы для всех рабочих во всей Англии до положения, которое признано задачей «закона о бедных».

Сравнить заработную плату в королевстве и понизить ее, согласно их гнусной доктрине, до уровня вознаграждения за труд с наименьшим количеством самой грубой пищи — такова их задача.

Но ведь в своем священном писании бог объявил, что он даровал людям — всем людям, а не только одним богатым — землю, чтобы ее заселять, жить на ней и установить свое владычество над птицами, животными и рыбами. Этот дар бога всему человечеству, воля господня, не на стороне роскоши, этого блестящего гостя, увенчанного виноградной лозой и упоенного всеми наслаждениями жизни, не она причина смерти от голода или, что еще хуже, медленной смерти в Бастилиях бедняков в разлуке со своей женой, детьми, отцом и матерью, братьями и сестрами. Так не должно быть. Прежде чем вы будете окончательно ограблены, возьмитесь за оружие. Каждый человек должен — это его первый долг — добыть себе хорошее ружье. У меня есть ружье или пистолет, несмотря на то, что я — священник. Если у вас нет денег, чтобы купить ружье, то заложите что-нибудь, чтобы приобрести необходимое. Если ваша бедность не позволяет вам обратиться к этому крайнему средству, вооружитесь хорошей пикой. (Гром аплодисментов.)

Не бойтесь, солдаты все за народ... Я — человек, стоящий за мир, но я предпочитаю миру слово божие. Бог объявил, что муж и жена не должны быть разделены, и он также объявил, что земля есть неотчуждаемая собственность человечества, — все следовательно имеют право найти в ней средства для существования. И если этот отвратительный закон о бедных, который попирает все божественные законы, будет применяться, если все мирные средства уничтожить его будут ни к чему, тогда (указывая на знамя, развевающееся по ветру) во имя наших детей и жен мы объявим войну на ножах. Если все те, которые производят все богатство, не имеют права, согласно слову божию, собирать сладкие плоды с земли, которые, по словам бога, они вырабатывали в поте лица, тогда вступим в бой на ножах с врагами, которые являются врагами бога. Если ружье и пистолет, если шпага и пика не будут достаточны, то пусть жены возьмутся за их ножницы, а дети — за булавки и иголки. Если все исчерпается, тогда берите горящую головню... (гром аплодисментов) горящую головню, — да, я повторяю, горящую головню, — и подожгите дворцы...»

13. Постановление чартистского Конвента 1839 г.

«...Мы почтительнейше предлагаем вашему серьезному обсуждению следующие положения:

На всех публичных митингах, которые будут созваны в один и тот же день, для того чтобы просить королеву призвать себе в советники честных людей, и на всех последующих митин-

гах вашего союза, или ассоциации, вплоть до 1 июля, вы должны предъявить собравшемуся народу следующие вопросы:

1. Готов ли он по призыву конвента потребовать обратно все деньги, которые он единолично или коллективно когда-либо поместил в сберегательных кассах, частных банках, или же у лиц, относящихся враждебно к его законным правам?

2. Готов ли он будет по тому же призыву немедленно потребовать обмена бумажных денег на золото?

3. Если конвент решит, что «священный месяц» необходим для того, чтобы подготовить миллионы людей добиться хартии их политического исцеления, решит ли он твердо уклоняться от работы в течение данного периода и воздерживаться от опьяняющих напитков?

4. Готов ли он, согласно своему старому конституционному праву, — праву, которое новые законодатели так хотели бы уничтожить, — с оружием в руках, как свободный гражданин, защищать законы и конституционные привилегии, завещанные ему его предками?

5. Может ли он наметить чартистских кандидатов, чтобы быть готовым выставить их, как своих представителей, на ближайших общих выборах?

6. Может ли он решиться вести дела только с чартистами и при всяком преследовании стоять друг за друга и защищать каждого, кто бы ни пострадал за правое дело?

7. Будет ли он всеми способами, имеющимися в его распоряжении, добиваться великой цели народной хартии и решил ли он, что никакая другая агитация за более скромные меры справедливости не отвратит его от правого дела?

8. Решил ли народ повиноваться всем правильным и согласным с конституцией требованиям большинства конвента?

После этих одновременных публичных митингов конвент будет снова заседать, и тогда посредством дискуссии, эмиссаров или каким-либо другим образом конвент постарается установить мнение народа по всем этим важным вопросам.

И, установив таким образом волю и решение страны, немедленно, после 1 июля конвент приступит к приведению в исполнение воли народа.

Помните, братья, что наш лозунг — «союз, благоразумие, энергия». Этим мы назовем народную хартию на зло врагам. Надеюсь, что вы будете постоянно и тщательно соблюдать девиз.

Мы остаемся ваши верные представители, члены конвента.

Подписали по их поручению Хью Крэг — председатель; В. Ловетт — секретарь».

14. О «священном месяце».

(Речь чартиста Р. Ловррея 13 июля 1839 г.)

«Дебаты Палаты общин доказали, — если необходимо было еще доказательство, — что нечего ожидать больше от этого парламента для улучшения жизни трудящихся классов. Лорд Дж. Россель посмел заявить, что принятый нами путь предсказан нам подстрекателями, которые руководятся корыстолюбивыми мотивами. Этим заявлением Дж. Россель предъявил нам ложное обвинение. (Слушайте!) Он совершил тем большую гнусность. (Аплодисменты.) Он солгал менее обоснованно, чем я когда-либо слыхал. Нет больше необходимости направлять новые петиции в Палату общин. Бельгия и Америка не добились свободы, пока они ее сами не взяли, и народ этой страны не добьется ее, пока сам ею не завладеет. (Аплодисменты.) Что касается «священного месяца», во время которого трудящиеся массы согласятся прекратить работу, следует только установить наиболее подходящий момент для его начала. Я проезжал Шотландию, Кумберланд, Вестморланд, и я нашел, что чартисты этих областей держатся того взгляда, что всеобщая стачка должна начаться тогда, когда будут снимать рожь и копать картофель. Сообразно их мнению я предлагаю следующую резолюцию: «Палата общин, отказавшись принять во внимание просьбу петиции, сделала напрасным всякое ожидание реформы от этого собрания: национальный конвент поэтому того мнения, что народ не начнет работы с 12 августа, разве если ему дадут или гарантируют тем временем права выбирать членов парламента и тем самым обеспечить защиту своего труда».

15. Вторая национальная петиция (8 мая 1842 г.).

(Извлечения.)

«Достопочтенным общинам Великобритании и Ирландии, собравшимся в парламент.

Государственная власть исходит от всего народа, должна охранять свободу народа и стремиться к счастию всех. Правительство ответственно пред всем народом. Согласие и полномочия народа единственно дают право корпорации людей издавать законы и управлять обществом. Палата общин народом не избрана и от народа независима. Она представляет только часть нации и служит интересам немногих, она оставляет нужды и петиции масс без внимания. Палата общин издает законы, которые противоречат воле народа; она вынуждает исполнять их с помощью неконституционных мер; она создает деспотизм и нужду. Если ваше достопочтенное собрание (палата) придерживается мнения, что народ Великобритании и Ирландии не должен пользоваться правом полного представительства, ваши просители просят совершенно недвусмысленно высказать мнение по этому вопросу для того, чтобы народ мог точно знать, что он может и чего он не может ожидать от вашей достоуважаемой палаты. Ваши просители находят, что там, где отрицается право представительства, надо воздержаться от уплаты налогов...

Ваши просители жалуются на то, что они обременены чудовищными налогами для уплаты процентов по так называемому национальному долгу, — долгу, который в настоящее время составляет 800 млн. ф. ст. и является только частью громадной суммы, растраченной в жестоких и расточительных войнах, направленных на подавление свободы. Суммы эти растрачены людьми, которых народ не уполномочивал и которые поэтому не имели ни малейшего права заставлять потомство тяжким бременем налогов расплачиваться за обиды, которые они нанесли человечеству.

Ваши просители громко жалуются на увеличение этого долга после двадцати шести лет почти беспрерывного мира, в то время как нищета и недовольство царят во всей стране...

В Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльсе тысячи людей умирают от острой нужды. И ваши просители, сознавая, что нищета есть самая главная причина всех преступлений, с чувством удивления, смешанного с тревогой, следят за нелепыми формами помощи бедным, престарелым, инвалидам.

С глубоким негодованием смотрят они на решение вашей достопочтенной палаты оставить в действии закон о бедных, несмотря на многочисленные доказательства неконституционности его принципа, на его нехристианский характер, а также на его жестокое и убийственное влияние на заработную плату рабочих и на жизнь подданных этой страны...

Ваши просители считают нужным с должным почтением и лойяльностью сравнить дневной доход ее величества с дневным заработком рабочего этой страны; и в то время как ваши просители узнали, что ее величество ежедневно получает для своих частных нужд сумму в 164 ф. 17 шилл. 60 пенсов, они также убедились, что многие тысячи рабочих семейств имеют дневной заработок $3^3/_4$ пенса в день на человека. Ваши просители узнали также, что его королевское высочество принц Альберт получал каждый день сумму в 104 ф. 20 шилл., в то время как тысячи должны существовать на 3 пенса в день.

Ваши просители также с удивлением услыхали, что король ганноверский получает ежедневно 57 ф. 10 шилл., в то время как тысячи налогоплательщиков этого государства существуют на $2^3/_4$ пенса в день.

Ваши просители с болью и скорбью узнали, что архиепископ кентерберийский получает ежедневно 52 ф. 10 шилл., в то время как тысячи бедных должны поддерживать существование своих семейств на доход, не превышающий двух пенсов в день на человека.

Но, несмотря на ужасающее и беспримерное положение народа, ваша достопочтенная палата не выказала ни малейшего расположения сократить государственные расходы, уменьшить налоги и поднять общее благосостояние...

Податели петиции сожалеют, что рабочие часы, особенно на фабриках, продолжительны, свыше меры человеческой выносливости, и заработная плата за труд, совершаемый в нездоровой обстановке фабрики, недостаточна для поддержания здоровья и доставления того удобства рабочему, которое так необходимо после успешного расходования физической энергии. Податели петиции обращают внимание парламента на нищенскую заработную плату земледельческого рабочего и испытывают чувство негодования и ужаса при виде ничтожного заработка тех, труд которых изготовляет пищу для всего населения. Податели петиции глубоко сожалеют о существовании монополий всякого рода в этой стране, и, категорически осуждая налоги на предметы необходимости, потребля-

емые главным образом рабочим классом, они думают в то же время, что уничтожение одной монополии не подымет труд из его нищенского положения, пока народ не приобретет власть, при которой все монополии и формы притеснения должны исчезнуть; податели петиции указывают на существующие монополии избирательного права, бумажных денег, владения машинами, землей, монополии прессы, религиозных привилегий, средств сообщения и множество других, слишком многочисленных, чтобы их можно было перечислить; все эти монополии создаются классовым законодательством...

Ваши просители уверяют Палату общин, что в пределах петиции невозможно перечислить даже $^1/_{10}$ часть всех тягот, которые давят народ, но если Палата общин согласна выслушать представителей, то они готовы изложить устно все нужды народа, которые возникли благодаря его политическому бесправию и развращающему действию классового законодательства.

Ваши просители желают, чтобы достопочтенная Палата общин согласилась принять народную хартию без добавлений, изменений или исправлений и тем самым устранила бы зло, царящее в стране».

16. Речь Маколея[1] в Палате общин против второй национальной петиции.

«Я — противник всеобщего избирательного права. Я полагаю, что всеобщее избирательное право несовместимо с правительственным делом: оно разрушает господство лучших, оно подрывает самые основы цивилизации. По моему мнению цивилизация покоится на обеспеченности собственности. Если бы какая-нибудь страна обладала плодороднейшей почвой, благороднейшей моральной и интеллектуальной конституцией, но не имела обеспеченной собственности, то она была бы неминуемо обречена на упадок; с другой стороны, всякая страна, в которой собственность священна, будет неудержимо прогрессировать в культурном отношении. Поэтому опасно отдавать высшую государственную власть в руки класса, который несомненно предпримет обширные и систематические нападения на обеспеченность собственности. Я думаю, что таков будет результат мероприятия, которое должно сделать неимущих большинством в парламенте. Основания для этого мнения я нахожу в самой петиции. Петиция должна быть рассматриваема как декларация принципов тех лиц, которые с возведением хартии в закон составят верховную корпорацию в государстве. Она должна быть рассматриваема как своего рода декларация о намерениях тех лиц, которые при указанных обстоятельствах будут выбирать большинство членов парламента. С этой точки зрения невозможно читать петицию хладнокровно. Против чего она направлена? Против государственных долгов, против земельной монополии, против монополии на машины и средства сообщения. Она усматривает в них источник зла, который нужно уничтожить. Что это означает? Это означает: прекращение платежей государственным кредиторам, массовую конфискацию важнейших элементов собственности. Земля, машины и средства сообщения не должны больше составлять монополии, т. е. быть частной собственностью. Между тем я твердо убежден, что результатом подобного рода мероприятий должно явиться не только ниспровержение существующей конституции и обеднение богатых, но и ужасающая нищета для бедных, более ужасная, чем та нищета, которая, по изображению петиционеров, существует теперь... Челобитчики хотят, чтобы им была отдана высшая власть; в каждой избирательной корпорации империи капитал и богатство должны быть положены к ногам рабочего класса. Как можно еще сомневаться, к чему это должно привести? Подобная конфискация собственности и ограбление богатых должны непременно повести к бедности, а бедность обострит аппетит к дальнейшему грабежу; ограбление вызовет отчаянную борьбу, пока не появится какой-нибудь военный деспот, который даст сохранившейся еще собственности некоторую обеспеченность...»

17. Чартисты об отмене «хлебных законов».

(Из речи О'Бриенна.)

«Безбожные ученики кобденовской школы свободной торговли желают вовлечь рабочие массы Англии в гибельную конкуренцию со всеми рабами Европы, чтобы убедиться, кто больше всех будет работать и кто будет производить наиболее дешевые товары. Они хотят восполь-

[1] Знаменитый английский историк.

зоваться трудом нищих и отбросов всех классов, чтобы потом они, эти свободные торговцы, создали себе княжеское богатство, продавая наиболее дешевые продукты и заполняя ими все рынки мира. Но нам говорят о большой внешней торговле, которую мы будем вести, когда хлебные законы будут отменены.

Без сомнения мы достигнем некоторого увеличения внешней торговли, но как могло случиться, что цена труда за то время, когда наша внешняя торговля со времени революции 1688 г. постоянно росла, беспрерывно падала и что постоянное уменьшение заработной платы никогда не было таким сильным, как в последние сорок лет, в период такого расширения нашей внешней торговли, какого мир не видал.

Достаточно сказать, что в то время, как мы торгуем с 60 различными государствами и колониями мира и имеем флот, равный флоту трех наиболее мощных морских держав, $^{9}/_{10}$ нашего населения не смогли бы сохранить рубашки на теле, если бы им пришлось заплатить долги, и ни один из 5 тыс. рабочих не может считать своим дом, в котором он живет. Нет, даже лошади и собаки аристократов и средних классов лучше живут, чем рабочие. Имущие классы имеют в своем распоряжении всегда хорошее питание и собственный дом, а рабочему некуда приклонить голову.

Он всегда голоден и нуждается и всегда в страхе, что ему придется кончить свою жизнь в рабочем доме. А нам говорят: интересы внешней торговли должны все перевесить».

18. О'Коннор о коммунизме, частной собственности и самоконтроле.

«Я был и, думаю, навсегда останусь противником коммунизма в том виде, как он провозглашается различными теоретиками. Однако я — горячий сторонник сотрудничества, которое означает законный обмен. Сотрудничество создает условия, которые, содействуя объединению людей, могут, широко распространившись, сделать коммунизм благодетельным. Я заметил, что вообще самые горячие проповедники коммунизма являются самыми ленивыми членами общества. Они хотели бы произвести такое разделение труда, чтобы более покорным пришлась львиная доля работы, стремясь, чтобы их естественным назначением была умственная работа, и представляя более доверчивым работать заступом, мотыгой, молотом и ломом. Коммунизм или разрушает здоровое соревнование, или же придает слишком большое значение отличиям и в конце концов должен выродиться в деспотизм самого худшего сорта — деспотизм самопожертвования и неуверенности в себе. В то же время частная собственность и трудовое сотрудничество создают здоровую связь между всеми классами общества, которую однако никто не может продлить дольше, чем это требуется, или чем этого хочет его сосед.

...В коммунизме значительное меньшинство может быть и, весьма вероятно, будет всегда недовольно; в то же время в обществе частных собственников, безразлично — насколько обширном, каждый человек может жаловаться только на самого себя. По этим причинам я являюсь защитником частной собственности и самоконтроля.

Если мы будем рассматривать каждого человека преимущественно со стороны его индивидуальных способностей, а не как члена той всеобщей системы коммунизма, против которой я борюсь, мы придем к убеждению, что не только его полезность для общества, но и его счастье должны быть установлены законодательным актом. А для того чтобы достигнуть двойной цели — сделать его полезным для общества и счастливым, я утверждаю, что нет никакого другого действительного и даже возможного средства, как снабдить его таким участком земли, который он своим собственным трудом, или же опираясь на принцип сотрудничества, смог бы достаточно хорошо обработать.

Вот что я понимаю под сотрудничеством. A, B, C, D или какие-нибудь другие четыре человека — соседи. A приготовляется сеять или жать, причем однодневная работа четырех человек стоит столько же, сколько работа одного человека в продолжение шести дней. Жатва и посев должны совершаться только в определенное время года. A приготовил все для посева жатвы. B, C, D, может быть, — нет, и так как они поэтому не особенно заняты, их время не представляет особенной ценности. Проработав день у A, который в свою очередь возвратит им эту работу, когда они будут готовы, они превратят время, сравнительно бесполезное, во время в высшей степени ценное. Вот это и есть трудовое сотрудничество, которое наши фермеры никогда не применяют в большом размере. Далее, для обладателя четырех акров земли было бы слишком безрассудно покупать молотилку или

содержать лошадь, но так как спрос порождает предложение, то для одного человека может стать выгодным содержать нескольких лошадей для того, чтобы отдавать их внаймы мелким фермерам, или для того, чтобы доставлять значительные грузы на рынок, или для того, чтобы вывозить удобрение. Другой может извлечь прибыль из молотилки, также сдавая ее в наем. Напротив, если бы лошади и машины были общей собственностью, то такова уже испорченность человеческой натуры — что все стали бы стараться воспользоваться и машинами, и лошадьми как раз в одно и то же время.

Я даже против общих кухонь, общих пекарен и общих прачечных. Я стою за принцип: «мое и твое».

19. Земельные проекты О'Бриенна.

(Извлечения из программы «Национальной лиги реформ».)

«...Настоящий митинг держится того мнения, что — в добавление к полному, справедливому и свободному представительству всего народа в Палате общин, на основании принципов, изложенных в народной хартии, или подобных им, для обеспечения действительной политической и социальной справедливости угнетенному и страждущему народу Соединенного королевства и для предохранения общества от насильственных революционных переворотов — необходимы следующие меры, одни — временного, другие — постоянного характера:

1. Отмена теперешней бесполезной и унизительной системы законов о бедных и замена их справедливым и действительным законом (основанным на первоначальном акте Елизаветы), который должен централизовать налоги в пользу бедных и распределять их справедливо и экономно в целях снабжения полезной работой и помощи нуждающимся бедным; налоги эти должны собираться лишь с владельцев всякого рода собственности; занятия для бедных должны быть здоровы, полезны и производительны, чтобы дать возможность бедным поддерживать себя, не лишая их самоуважения. До тех пор, пока такие занятия не будут доставлены бедным, помощь бедным должна быть оказываема во всех случаях быстро и щедро, как их право, а не выдаваема с неудовольствием, точно милость; она не должна сопровождаться суровым обращением, оскорблениями, заключением в рабочие дома, разлучением супругов, разрушением семей или другими подобного рода суровыми и унизительными условиями, при которых, как при настоящей системе, помощь превращается в наказание, а обращение с несчастными бедняками напоминает скорее отношение к осужденным преступникам, чем к жертвам несправедливости и испорченности общественного строя (чем бедняк, ищущий помощи, и является в действительности).

2. В целях облегчения тяжести налогов, в то же время для постепенного уменьшения, а в конце концов и устранения растущей массы нищеты и излишка необеспеченного населения, правительство должно употребить свой теперешний излишний доход и доход от национальной или общественной собственности на покупку земель и поселение на них безработных бедняков. Рента, получаемая от этих земель, должна употребляться на дальнейшую покупку земель до тех пор, пока все желающие занять участок земли, в качестве ли единоличных арендаторов или трудовыми общинами, будут иметь возможность сделать это. Общий закон, разрешающий приходам производить займы под обеспечение их налогов, весьма облегчил бы деятельность правительства в направлении к этой желательной цели...

4. Постепенное возвращение государством себе (на основании установленных принципов справедливого вознаграждения настоящих владельцев) его исконного, несомненного, неотчуждаемого права владения и исключительного права собственности на все земли, рудники, торфяники, рыбные ловли и т. д. всего Соединенного королевства и его колоний; они должны находиться во власти государства, как вечного доверенного представителя всего народа, и раздаваться народу в таком количестве и на таких условиях, какие будут определены законом и местными обстоятельствами, потому что земля, являясь даром создателя для всех, не может стать исключительной собственностью отдельных лиц; потому что сосредоточение земли в частных руках есть явное вторжение в права другой, лишенной владения стороны, превращая ее в большей или меньшей степени в рабов землевладельцев и капиталистов и стремясь ограничить или свести к нулю другие права и вольности; потому что захват земли одной частью человеческого рода находит себе не более оправданий, чем например монополия на воздух, свет, тепло или воду; наконец потому, что рента

с земли (принадлежащая по справедливости всему народу) составит национальный фонд, достаточный для покрытия издержек государства на все общественные нужды, для выполнения всех нужных общественных работ и для того, чтобы дать образование всему населению без необходимости какого-либо иного обложения.

5. Так как признанной обязанностью государства является поддержка всех тех из его подданных, которые вследствие своей неподготовленности или неудач не могут сами добывать себе средства существования, и так как национализация земельной собственности открыла бы новые источники применения для незанятого излишнего народного труда (каковой излишек труда ежедневно возрастает вследствие сосредоточения машин в руках капиталистов), то тот же принцип, санкционирующий теперь заботу со стороны общества о нуждающихся бедняках, должен быть распространен на установление системы национального кредита, при помощи которой всякий мог бы (на известных условиях) получить заем из национальных фондов, образующихся из доходов от общественной собственности, и иметь таким образом возможность брать в аренду и возделывать землю на свой собственный счет, вместо того чтобы находиться, как теперь, под гнетом несправедливой и тиранической системы, порабощающей наемный труд (при посредстве которой капиталисты и выжиматели прибыли имеют возможность лишать труд его справедливого вознаграждения), и, не подвергаясь искушению, стать наемным убийцей своих же собратьев — людей, по приказанию безбожных дипломатов, предоставляя последним возможность возбуждать и вести международные войны и попирать народные права к исключительной выгоде интересов аристократов и привилегированных классов. То же право на получение доли в национальном кредите должно быть предоставлено надобностям отдельных лиц, товариществ и общин во всех отраслях промышленности так же, как в земледелии...

7. В целях облегчить передачу собственности или услуг и взаимный обмен благ между людьми, уравнять спрос и предложение продуктов, поощрять производство так же, как и потребление, сделать продажу столь же легкой, как и покупку, на государстве лежит весьма важная обязанность учредить в каждом большом и маленьком городе общественные базары или склады для всякого рода меновых благ, которые должны быть оцениваемы специально назначенными для этого беспристрастными лицами, причем мерилом оценки должны быть принят или хлеб, или труд; лица, доставившие в склад продукты, должны получать условные квитанции с обозначением ценности сложенных ими продуктов, и такие квитанции должны быть признанным денежным знаком для обращения по всей стране, давая своим владельцам право брать из общественных магазинов соответствующее количество благ; тем самым постепенно будет заменяться современная безрассудная система конкуренции при торговле, система, которая, будучи необходимой и неизбежной в прошлом, теперь производит чудовищную массу зла, так как поддерживает обширный класс, живущий на прибыль, полученную от одной лишь торговли благами, основанной на деморализирующем принципе — дешево покупать и дорого продавать, совершенно не считаясь с дальнейшими последствиями такого образа действий для всего общества и для истинных интересов человечества.

Мы не предполагаем, что вышеизложенные меры охватывают все необходимые для общества реформы. Без сомнения есть много реформ, которые требуются, кроме указанных; несомненно нам нужна здоровая система воспитания юношества, принудительная для родителей и опекунов; несомненно нам требуется менее дорогая система военной сухопутной и морской обороны, чем существующая теперь; без сомнения нам необходима экспроприация железных дорог, каналов, мостов, доков, газового освещения, водоснабжения и т. д. и несомненно нам требуются более справедливые и гуманные гражданские и уголовные кодексы, чем существующие. Но все эти и другие нужные реформы легко выполнить, когда будут осуществлены реформы, указанные в изложенных выше положениях. В самом деле, без них справедливость не может быть оказана человечеству; общество не может быть поставлено на истинный путь совершенствования, чтобы никогда не свернуть с него в сторону и не пойти назад; не могут также проявиться те естественные задерживающие силы, без которых сталкивающиеся человеческие страсти и наклонности не дадут гармонического эффекта, но при наличности которых, как и в физическом мире, все элементы действуют совместно для блага, примиряя человека с его положением во вселенной и воодушевляя его верою в его назначение...»

20. Из речи депутатов Конвента 1848 г.

Делегат Бостона: «Трудящиеся классы Ланкашира погибнут навсегда, если хороший взмах метлы не внесет радикальное изменение в управление страной. (Слушайте!) Не к чему проповедывать спокойствие массам, умирающим с голоду. (Слушайте! Слушайте!) Я желаю передать правительству через прессу, что оно может быть уверено, что трудящиеся Ланкашира не покорятся необходимости умирать тысячами в стране, изобилующей богатством. (Слушайте! Слушайте! Слушайте!) Сцены, свидетелем которых я являюсь у себя, поистине ужасающи. Эта масса существ, изголодавшихся и отощавших, подобно призракам жмется вокруг моего дома, чтобы просить милостыню; она способна тронуть и каменное сердце. Наступило время, чтобы правительство предприняло что-либо для облегчения этого положения масс. Если правительство ничего не сделает, никто не может ручаться за мир в стране».

Делегат Галифакса: «Мои избиратели думают, что желательно действовать лишь в духе принципов «моральной силы», но они мне дали инструкцию не упорствовать на мерах бесполезной смиренности и вернуть им их права. Они согласны сражаться до последнего человека. (Аплодисменты.) Если это необходимо, они готовы спуститься с холмов Йоркшира, чтобы притти на помощь к своим братьям — согражданам Лондона. (Слушайте! Слушайте!) Они желают употребить методы моральной силы, если они совместимы с рассудком. Они думают, что Конвент должен обратиться к палате общин, и если последняя отклонит наши требования с пренебрежением или удовлетворит их наполовину, надо обратиться к королеве с требованием отставки ее министров. В случае если ее величество откажется исполнять этот приказ (я употребляю слово «приказ» намеренно, потому что королева — только служанка народа), тогда они готовы поручить Конвенту объявить себя постоянным собранием, начнется война между двумя парламентами, и вопрос будет в том, кому из них будет принадлежать господство». (Аплодисменты.)

Делегат Вигана: «Никакой другой народ в такой степени не угнетен и не испытывает нужды, как народ Вигана; никакое другое население не переносит это ужасное положение вещей более мирно, чем они. Почти все мастерские закрыты, река проникла в угольные копи, и работа прекратилась; народ Вигана страдает так долго, что он предпочитает прибегнуть к физической силе, чем оставаться в нынешнем положении. (Слушайте! Слушайте!) Рабочие мне сказали, что согласны подать еще одну петицию, но если и она будет отклонена, тогда они приступят к делу. Они надеются на прямое действие, каковы бы ни были последствия. Я знаю, что рабочие Вигана имеют намерение храбро поддерживать Конвент до того момента, пока хартия не станет законом страны: рабочие готовы добиться хартии, если будет это возможно, «силой моральной», если нет — «силой физической».

Делегат Манчестера: «10 тыс. рабочих в настоящий момент без работы; они хотят хартии при всех условиях, но они предпочитают добиться цели без пролития крови. (Слушайте! Слушайте!) Лавочники чувствуют также необходимость перемены: их доходы уменьшились больше чем наполовину, в то время как плата за наем помещения и их расходы остались те же...»

Делегат Ливерпуля: «Ливерпуль, где живут наиболее богатые купцы в мире, которые относились к другим классам с безразличием или презрением, раньше процветал, но в настоящий момент все изменилось. 10 тыс. человек безработных грузчиков и лодочников заполняют улицы, — вот уже двадцать недель, как они без работы. Ливерпуль находится между банкротством и революцией».

Ф. Мирфильд: «Мои избиратели из Барнслея дали мне мандат на большом митинге передать вам, что если правительство выпустит армию на Ирландию, — какая-то другая вещь будет выпущена здесь. (Аплодисменты.) Они надеются, что если петиция будет отклонена, Конвент не распустит себя, но возьмет в свои руки бразды правления государством. (Бурное одобрение галлереи.) Они надеются, что Конвент разделит земли на маленькие фермы и даст каждому человеку возможность добывать себе средства в поте лица своего...»

Делегат Нортгемптона: «Рабочие Нортгемптона в очень скверном положении, и благодаря этому они пришли к заключению, что только народная хартия даст возможность восстановить порядок вещей, способный повлечь

за собою полезные, благотворные социальные преобразования. Эти рабочие — рабочие-сапожники, и они зависят от внешней торговли. Они решились добиться хартии при всех условиях. Народ думает, что тот, кто не желает сражаться за нее, недостойный человек». (Слушайте! Слушайте! Аплодисменты.)

Делегат Стокпорта: «Рабочие живут, скорее умирают с голода, благодаря половинной заработной плате. Они желают гарантий для жизни и собственности, но при условии, если это будет гарантировано всем; но если это не может быть достигнуто, тогда они не видят другого пути, кроме войны. Народ Стокпорта решил, что эта петиция должна быть последней. Я против поспешности, но и против трусости...»

Рейнольд: «В Дерби и в округе проявлены лучшие чувства населением... Я думаю, что петиция должна быть последней, и я согласен с депутатом, который вчера сказал, что отказ согласиться с нашими требованиями будет объявлением войны против труда. Я согласен также с Лафайетом: «для того чтобы нация получила свободу, она должна хотеть ее», несколько капель крови ничего не составляют в балансе, и если моральные средства не помогут, народ готов ко всему. Таковы чувства населения Дерби, и я надеюсь, что вскоре оно будет обладать свободой». (Аплодисменты.)

21. Из речи Эрнста Джонса (1848 г.).

«Мистер Диксон говорит нам, что мы не пригодны для такого рода борьбы [1]. Почему нет? Что у нас ноги — из дерева, что ли, а руки — из пробки? Он говорит нам, что английский народ — против такого рода борьбы. В таком случае вся Англия — одна сплошная ложь; в таком случае нортгемптонские жители лгали мне вчера, когда говорили, что они стоят за решительную борьбу. В таком случае они лгали также в Ольдгэм-Эдже. Лгут, значит, и сегодня в этом зале, потому что они говорят, что они готовы на все. Неужели вся Англия вошла в заговор с целью обмануть пять или шесть незначительных лиц? Нет, сэр! Я верю, что народ готов на решительный бой, — и последний час рабства прозвонит наконец. Я был бы преступником, если бы я говорил это, не имея твердого и обоснованного убеждения. На мне будет лежать ответственность за то зло, которое может произойти. Вдовы и сироты будут иметь право проклинать меня, но перед лицом неба говорю: я верю, что мы стоим на пороге к осуществлению своих прав. Еще один шаг, и, если он даже будет сделан железной стопой, мы достигнем своей цели. Я искренно верю, что народ готов требовать хартию. Поэтому я говорю: берите ее. Бог на стороне правды.

Мы идем по правому пути; мы не хотим быть безрассудными и действовать сгоряча, но мы будем решительны. Мы будем уважать закон, если законодатели будут уважать нас; если же нет, то... республика!..»

22. Неудачи 10 апреля и торжество буржуазии.

(Письмо министра Пальмерстона английскому послу в Париже от 11 апреля 1848 г.)

«Дорогой Нормапби!

Славный день был вчера — Ватерлоо мира и порядка. Говорят, было поставлено на ноги сто тысяч добровольцев-констеблей, — некоторые оценивают их численность в двести пятьдесят тысяч. Улицы были наводнены ими, и люди всех классов и сословий сплотились в защиту закона и собственности. Чартисты имели довольно жалкий вид и собрали не более пятидесяти тысяч человек. Фергюс О'Коннор был напуган до потери чувств и был счастливейшим человеком в Англии, когда ему было объявлено, что демонстрации не будет позволено перейти мост.

Чартисты убедились, что громадная масса населения Лондона не с ними, и они сейчас притихнут и будут ожидать более благоприятного момента.

В то же самое время результат вчерашних событий будет иметь хорошее успокаивающее действие везде и на нашу сестрицу Ирландию. Но констебли, регулярные и добровольные, все же поклялись примерно расправиться со всяким бородатым бунтовщиком, который им попадется в руки, и я уверен, что они превратят его в кашу.

Искренно преданный Пальмерстон».

[1] Революционной борьбы.

23. Колебание заработной платы.

Годы	Денежная заработная плата	Цены	Реальная плата[1]	Замечания
1837—1841	100	100	100	Первые пять лет чартизма.
1842	99	87	113,8	Всеобщая безработица. Петиция-монстр о даровании хартии. Политическая забастовка в августе.
1843	96	80	120	Чартизм бездеятелен
1844	99	84	118	
1845	104	88	118	
1846	104	95,5	109	Голод в Ирландии. Признаки возрождения движения.
1847	96	115	83,5	Активность чартистского движения. Избрание О'Коннора в парламент.
1848	96	92	104,3	Чартистская демонстрация в апреле. Движение начинает ослабевать.
1849	96	79	121	Многочисленные отпадения от партии.
1850	96	71	135	
1851	98	72,5	135	
1852	100	77	130	У чартистов иссякают фонды для поддержания агитации.
1853	105	93	113	Чартистская организация исчезает.

24. Резолюции, принятые чартистским Конвентом в апреле 1851 г.

(Извлечения.)

«Так как все проекты парламентской реформы, за исключением хартии, дали бы средним классам гораздо больше голосов, чем рабочим, и следовательно поставили бы последних в еще более неблагоприятное положение, чем теперь, то надо агитировать за всю хартию. Уступка в одном пункте уменьшила бы пользу от остальных, и потому народная партия должна отказывать в поддержке всякому мероприятию, которое дает меньше, чем хартия.

Местное управление также должно быть в руках народа. Вопрос о всеобщем избирательном праве должен поэтому всегда трактоваться в связи с коммунальным представительством, и необходимо использовать всякий благоприятный шанс, который дают коммунальные выборы.

Трэд-юнионы надо привлечь на сторону движения, разъяснив им взаимные выгоды, которые получатся для обеих больших партий реформы от объединения их деятельности.

Конвент убежден далее, что лучший способ привлечь общие симпатии на сторону чартизма — это показывать его значение для облегчения страданий всех страждущих классов и приучать эти классы к тому, чтобы они смотрели на него как на орудие для осуществления их надежд; что лучший способ одолеть классовый режим — это показывать его сторонникам, что чартизм даст им больше, чем этот режим может или хочет им дать; что изменение политических порядков оказалось бы бесплодным без социальных перемен; что чартистское движение без знакомства с общественной наукой должно потерпеть полную неудачу; что на сторону чартизма надо привлечь не только политического деятеля, но и делового человека; что мы не можем требовать и приобрести поддержку рабочего, ремесленника, фермера, мелкого торговца, если мы не покажем, что мы — практические реформаторы и что нам можно без всякой опасности доверить государственную власть, что мы знаем, какие невзгоды гнетут их и как им помочь, что хартия принесет им положительную, немедленную и длительную пользу, что она тотчас увеличит их благосостояние и их ресурсы.

Чартистская партия должна выступать как защитница угнетенных, как связь, объединяющая отдельные корпорации на общей почве при помощи сильнейшего связующего средства,

[1] Для лучшей обозримости таблицы мы вычислили в процентных же отношениях реальную плату, разделив денежную плату на индекс цен. Прим. переводчика.

какое только существует: собственного интереса.

Пора обратиться поэтому с призывом к интересу каждого угнетенного класса в отдельности. Каждый из них требует известной суммы социальных реформ, отвечающей его нуждам; эти притязания, при всем своем разнообразии, не совместимы: одно право никогда не может притти в столкновение с другим, истина никогда не может противоречить истине.

Исходя из этого убеждения, Конвент рекомендует направлять общественное внимание на следующие пункты.

Конвент того мнения, что земля есть неотчуждаемое наследие человеческого рода и что существующая монополия на нее противоречит законам божеским и законам природы. Обращение земли в национальную собственность представляет единственный надежный фундамент народного благосостояния. Для достижения этой цели обществу должны быть рекомендованы постепенно следующие мероприятия:

1. Учреждение министерства земледелия.

2. Возвращение народу земель, принадлежащих органам призрения бедных, общинных, церковных и коронных. Земли эти должны быть разбиты на надлежащей величины участки и сдаваемы в аренду, а арендная плата — поступать в пользу государства.

3. Вознаграждение уходящего арендатора за произведенные им улучшения; воспрещение обязывать арендатора к определенному севообороту; отмена закона об охоте; обращение всех рент в хлебные ренты.

4. Поручение государству скупки земель для сдачи их в аренду отдельным лицам или товариществам. Денежные средства для этой цели должны добываться от платы за сданные в аренду национализированные земли и из иных источников, какие будут впоследствии определены.

5. Государству должно быть запрещено вновь отчуждать однажды приобретенные им земли; оно должно навсегда сохранить их в своих руках как национальную собственность, сдавая их лишь в аренду такими количествами и на таких условиях, которые обеспечили бы свободу арендатора и интересы государства.

6. Предоставление государству преимущественного права покупки продающейся земли по справедливой рыночной цене.

7. Для окончательной и полной национализации земли государство должно брать ее назад в свои руки, как только существующие права на нее будут прекращаться в силу закона, вследствие смерти, отчуждения или при помощи других средств, совместимых со справедливостью и великодушием ко всем классам».

«Труд — творец богатства и, как таковой, является самым существенным элементом процветания нации. Отношение между хозяином и рабочим противоречило до сих пор благосостоянию общества: творец был рабом своего творения, труд был рабом капитала и стонал под гнетом системы наемного рабства, противоречащей всем принципам свободы. Чтобы поднять труд из его угнетённого положения и в качестве средства для уничтожения наемного рабства и содействия развитию кооперативного начала предлагаются следующие мероприятия:

1. Безвозмездное предоставление прав юридических лиц всем кооперативным товариществам, преследующим промышленные цели.

2. Отмена всех законодательных ограничений, мешающих развитию рабочих товариществ.

3. Так как кооперативный принцип существенно важен для народного благосостояния, так как концентрации богатства следовало бы противодействовать при помощи распределительной тенденции и так как накопление его в руках отдельных обществ есть зло, лишь немногим уступающее индивидуальной монополии богатства, то все будущие кооперативные начинания, до полного разрешения рабочего вопроса, должны быть построены на национальном базисе и объединены в один национальный союз, отделениями коего являются отдельные промыслы и общества. Прибыли каждого местного общества, превышающие известную сумму, должны поступать в общий фонд на предмет образования новых рабочих ассоциаций и для ускорения таким путем развития ассоциированного и самостоятельного труда.

4. Государство должно учредить кредитный фонд для выдачи на известных условиях денежных ссуд корпорациям рабочих, которые пожелают объединиться в товарищества для промышленных целей».

«Подобно тому как каждый обязан трудиться, так каждый имеет право на средства для применения своего труда, а те, которые нетрудоспособны вследствие своего престарелого возраста или немощности, имеют право требовать поддержки от государства. Ввиду сказанного:

1. Для всех трудоспособных лиц, которые не в состоянии содержать себя сами, должна быть

подыскана хорошо вознаграждающая работа, если возможно — в земледелии.

2. В тех случаях, когда государство не может найти занятия для безработных, оно обязано поддерживать их до приискания такового.

3. Безработные должны поддерживаться государством, а не приходами, и расходы по этому предмету должны покрываться из общегосударственных средств.

4. Престарелые и немощные должны содержаться в своих собственных домах, в домах своих родных или же в специальных зданиях, построенных правительством, если сами призреваемые захотят этого».

25. Фритредеры и чартисты.

(К. Маркс, статья «Чартисты» в «Нью-йоркской трибуне» 25 августа 1852 г.)

«Тории, виги, пилиты (сторонники министра г. Пиля) в большей или меньшей степени являются достоянием прошлого. Партия же, официально представляющая современное английское общество, ту Англию, которая господствует на мировом рынке, — это фритредеры (манчестерцы, сторонники парламентской и приверженцы финансовой реформы). Фритредеры представляют собою партию сознающей свою силу буржуазии, промышленного капитала, которая стремится использовать свою социальную мощь и в политическом отношении для того, чтобы искоренить последние заносчивые остатки феодального строя.

Вожди этой партии рекрутируются из самой деятельной и энергичной части английской буржуазии — из фабрикантов. Их целью является неограниченное, ничем не прикрытое преобладание буржуазии, они добиваются подчинения всего общества законам современного буржуазного производства и господству тех людей, которые руководят этим производством. Под свободой торговли они понимают нестесняемую свободу движения для капитала, освобожденного от всяких политических, национальных и религиозных пут. Земля, земельная собственность должна стать рыночным товаром и должна эксплоатироваться по общим торговым законам. Должны существовать только фабриканты пряжи и бумажной ткани; помещики же должны исчезнуть. Словом, не должно быть никаких политических или социальных ограничений, установлений или монополий кроме тех, которые вытекают из «вечных законов политической экономии», т. е. из тех условий, при которых капитал производит и распределяет. Лозунгом этой партии в ее борьбе против старых английских учреждений этого периода социального развития является: производить как можно дешевле и устранить все faux frais (т. е. излишние, ненужные издержки) производства. С этим лозунгом они обращаются не только к отдельным частным лицам, но и главным образом ко всей нации.

Королевская власть со своим «варварским блеском», со своим двором, своим «цивильным листом» и толпой лакеев принадлежит к числу faux frais производства. Нация может производить и обменивать продукты и без короля; поэтому долой трон! Синекуры дворянства, Палата лордов — все это faux frais производства. Большая постоянная армия — faux frais. Колонии — faux frais. Государственная церковь со своими богатствами, накопленными при помощи грабежа и попрошайничества, — точно так же faux frais. Пусть священники свободно конкурируют между собой и пусть каждый им платит, сколько может. Весь громоздкий аппарат английского законодательства со своим канцелярским судом, — все это faux frais. Национальные войны — faux frais. Англия сможет с меньшими затратами эксплоатировать чужие нации, если она будет с ними жить в мире.

Дело в том, что этим передовым борцам британской буржуазии, сторонникам манчестерской школы каждое учреждение «Старой Англии» кажется столь же разорительной, сколь и бесполезной институцией, не имеющей никакой другой цели кроме того, чтобы мешать нации производить как можно больше и как можно дешевле и свободно выменивать свои продукты. Их последним словом является конечно буржуазная республика, в которой во всех областях господствует полная свобода конкуренции и в которой остается лишь тот минимум правительственной власти, который необходим для внешнего и внутреннего управления, в соответствии с классовыми интересами, делами буржуазии; но и этот минимум должен быть организован как можно проще и экономнее. В других странах такую партию назвали бы демократической...

Но британские буржуа — это не то, что легко возбудимые французы. Если им и хочется добиться парламентской реформы, то они для этого еще не устраивают февральских революций. Напротив того, когда в 1846 г. отменой хлебных законов была достигнута огромная победа над земельной аристократией, они ограничились тем, что прикарманили себе доставшиеся им материальные выгоды, не сделав в то же время из своей победы необходимых политических и экономических выводов и дав тем самым вигам возможность снова овладеть своей наследственной монополией управления. За все время от 1846 до 1852 г. они выставляли себя на смех своим боевым кличем: «Великие принципы и практические (т. е. малые) дела». Почему они так поступали? Да потому, что при всяком насильственном перевороте они вынуждены были бы апеллировать к рабочему классу. Но если они в аристократии видят своего умирающего противника, то в рабочем классе они видят своего нарождающегося врага. И они предпочитают вступить в сделку с слабеющим, уходящим в прошлое противником, нежели усиливать, не показными, а реальными уступками, и без того все усиливающегося врага, которому принадлежит будущее. Поэтому они стараются избегать сколько-нибудь резких столкновений с аристократией. Но историческая необходимость истории все же толкает их вперед. Они неизбежно должны выполнить свою миссию и уничтожить «Старую Англию», Англию прошлого. С того момента, как они окажутся единственными обладателями политической власти, как экономическая мощь и политическая власть сосредоточатся в одних и тех же руках и поэтому борьба против капитала сольется с борьбой против существующего правительства — с этого момента будет датироваться социальная революция в Англии.

Обратимся теперь к чартистам, этой политически активной части британского рабочего класса. Шесть пунктов той хартии, за которую они борются, не содержат в себе ничего, кроме требования всеобщего избирательного права и тех условий, которые необходимы для того, чтобы всеобщее избирательное право не стало иллюзорным для рабочего класса; этими условиями являются например: тайное голосование, диэты для членов парламента, ежегодные выборы. Но всеобщее избирательное право обозначает для рабочего класса Англии политическое господство. Пролетариат образует здесь огромное большинство населения; в ряде долгих, хотя и не явных, гражданских войн он выработал себе ясное сознание своего классового положения. И даже в сельских округах не осталось больше крестьян: там имеются помещики, производители-капиталисты (арендаторы) и наемные рабочие. Введение всеобщего избирательного права было бы для Англии завоеванием, в котором было бы гораздо больше социалистического духа, нежели в любом мероприятии, которому на континенте присваивается это почетное имя.

Его неизбежным результатом явилась бы политическая гегемония рабочего класса.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. ВО ФРАНЦИИ.

«48-й год».

До половины XIX в. родиной революции в Европе оставалась Франция. Однако революция 1848 г. охватила и другие страны континента. По глубине социального переворота и по своему историческому значению эта революция уступает кризису конца XVIII в.; тем не менее «48-й год» занимает важное место в общей революционной истории. Говоря о «48-м годе», мы имеем в виду не одну, а целый ряд революций: французскую, германскую, итальянскую и венгерскую. Каждая из них имеет свои особенности, однако все они имеют много общего. Как попытка окончательно ликвидировать «старый порядок» в Европе, 48-й год является продолжением 1789 г. Но, с другой стороны, революции этого года не только продолжают, но и углубляют принципы 1789 г. За 50 с лишним лет Европа шагнула далеко вперед по пути капиталистического развития. Промышленный капитализм укрепился во многих странах Европы. Социальный вопрос встал во весь рост. Правда, пролетариат е щ е не был в силах осуществить свое освобождение, но буржуазия у ж е не была авангардом революционного движения. В самой постановке социального, рабочего вопроса было то новое, что принес с собой 1848 г. Но в зависимости от уровня капиталистического развития страны выдвигалась на первое место та или другая задача: борьба за буржуазное государство или за освобождение пролетариата. Отсюда два типа революции 1848 г.: французский и немецкий. «Немецкая и итальянская революции работают со старыми идеями 1789 г., французская революция 1848 г. выдвигает новые лозунги, тесно связанные с идеями 1789 г., но более широкие, чем эти последние». При этом следует отметить, что социальный вопрос имел первостепенное значение и в тех странах, где революция могла дать пока победу только буржуазному государству над отживающим «старым порядком». Эта новая задача была в известном смысле главной причиной неудач буржуазной революции 1848 г. Вместе с тем в порядок дня истории стал вопрос, имевший огромное значение для Германии и Италии: задача национального объединения. Чтобы выяснить характер «48-го года», в этой главе мы остановимся на истории двух революций: «февральской» во Франции и «мартовской» в Германии (Пруссия и Австрия).

От империи Наполеона I до июльской монархии.

История Франции в первую половину XIX в. может быть подразделена на следующие периоды: империя Наполеона (до 1815 г.), реставрация Бурбонов (1815—1830 гг.), закончившаяся июльской революцией, и эпоха июльской монархии (1830—1848 гг.). Постараемся кратко характеризовать каждый из этих периодов.

Господство Наполеона во Франции после 18 брюмера 1799 г. (см. гл. IV) связано с историей бесчисленных войн в Европе. Все они имели одну цель: победу французской буржуазии над Англией. Чтобы победить своего могущественного конкурента, Франция боролась со всем миром. Империя Наполеона была правительством военной диктатуры промышленной буржуазии Франции. Наполеон прежде всего имел в виду интересы этого класса. Его войны должны были гарантировать отечественным промышленникам монопольное положение на европейском рынке сырья и сбыта товаров. Так называемая система континентальной блокады, которая должна была изолировать Англию от европейских рынков и тем подорвать ее торговое и промышленное могущество, служила также для искусственного взращивания французского капитализма. Законодательство внутри Франции, как и внешняя политика, защищало исключительно интересы буржуазии. Наполеон продолжал дело «французской революции», и вместе с тем это было ее реакционным преодолением. Он гарантировал победу буржуазному общественному порядку как против врагов справа, так и от давления народных низов слева. Режим буржуазной диктатуры ликвидировал все «свободы», способствовал возрождению нового привилегированного класса и новой знати. То была эпоха восшествия на престол буржуазии. «Наступил момент преуспеяния, — говорил Наполеон. — Кто осмелится определить его границы?» Франция не только

вернулась к дореволюционному положению, она шагнула далеко вперед по пути экономического развития. Так на национальной выставке 1801 г. было представлено 229 экспонатов французской промышленности, а в 1806 г. их было уже 1 422. Несмотря на тяжелые войны, под ударами бича континентальной блокады французская промышленность продолжала свое триумфальное шествие, и хотя успехи буржуазии во многом зависели от победоносных войн Наполеона, но в них же таились причины гибели империи. Во Франции Наполеон остановил развитие революции, укрепив буржуазное государство. В Европе силою оружия он способствовал революции, рождению буржуазного общества. До известного момента на его стороне было сочувствие народов Европы. Но оправившаяся буржуазия европейских государств вскоре не смогла и не пожелала больше подчиняться диктатуре французского промышленного капитала, подчинять свои интересы интересам французского рынка. Французская буржуазия из силы, способствовавшей капиталистическому развитию, превратилась таким образом в препятствие для этого развития. Буржуазия Европы кинулась тогда в объятия своих феодальных правительств, чтобы сломить империю Наполеона I. К тому же система исключительной монополии Франции на европейском рынке и континентальная блокада подорвали хозяйство Европы. Бесконечные войны и оскудение рынка вызывали неизбежно недовольство буржуазии и крестьянства в самой Франции. В результате совместного действия всех этих факторов империя пала. Наполеон погиб от коалиции феодальных правительств Европы, могуществу которых теперь не могла быть противопоставлена революционная сила французского народа. Во Франции восстановлены были Бурбоны. Началась эпоха реставрации.

Несмотря на многочисленные попытки Бурбонов (Людовик XVIII и Карл X) приостановить развитие буржуазного общества, Франция осталась верна принципам революции 1789 г. Но белый террор преследовал все, что напоминало революцию. Дворянам были возвращены нераспроданные национальные имущества, и они были вознаграждены миллиардом ливров; однако основные социальные завоевания революции не были тронуты. В политической области дарованная королем хартия и парламент свидетельствовали о бессилии реставрации. Больше того: «ни в какую эпоху могущество буржуазии, смешанное с некоторым политическим недовольством, не было в такой мере уделом страны, как в годы реставрации». В 1815 г. общая ценность внешней торговли Франции равнялась 621 млн. франков, а в 1829 г. — 1 224 тыс. франков. Первая паровая машина появилась на выставке 1806 г. В 1820 г. насчитывалось 65 паровых машин, а в 1830 г. — 625. Реставрация продолжала протекционистскую политику империи и покровительствовала не только промышленникам, но и землевладельцам. Эта двойственность вызвала скоро оппозицию со стороны промышленной буржуазии, которая стремилась утвердить исключительно свое господство, если возможно, под скипетром Бурбонов. Реакция служила в известной мере интересам крупных капиталистов, «капиталистов-феодалов», но она была препятствием для дальнейшего развития капитализма, а следовательно буржуазного класса в целом. Вот почему при первой попытке реакции (Карл X) уничтожить конституционную хартию революция стала неизбежной. В июльской революции 1830 г. власть во Франции перешла из рук аристократов-землевладельцев в руки финансовой буржуазии — банкиров (Казимир Перье, Лафит). Июльская революция 1830 г. была несомненно «странной революцией». Она была подготовлена крупной буржуазией, которая ее боялась, а совершена народом, который рвался в бой, почти не думая о ней. Падение Бурбонов было подготовлено предшествовавшим историческим развитием. Но для буржуазии достаточно было лишь некоторой перегруппировки сил в министерстве, а народ, даже его наиболее радикальные группы, не шел дальше смутных желаний республики. Так создана была июльская монархия с избранным королем-буржуа Луи-Филиппом Орлеанским во главе. (Мат. и док., №№ 1, 2.)

Июльская монархия.

Буржуазия остановила свой выбор на Луи-Филиппе прежде всего потому, что она была против республики. «Республика, — говорили ее представители, — обрекла бы нас на ужасные раздоры», поэтому «монархия должна обеспечить нам победу над анархией». Они избрали короля, личность которого была особенно ничтожна, чтобы ему труднее было выйти из границ, в которых ей «удобно будет держать королевскую власть». Вождь крупной буржуазии Гизо говорил: «Он будет уважать наши права, потому что сам получил свои от нас». (Мат. и док., № 1.) Июльская монархия в общем и целом не преобразовывала учреждений реставрации, она приспособила их к интересам капиталистического развития. Тридцатые и сороковые годы XIX в. — годы расцвета французского капитализма во всех областях. Буржуазное государство покровительствовало прежде всего интересам финансового капитала и промышленности. О росте французской промышленности и торговли дадут нам представление следующие цифры: общая ценность внешней торговли с 1 131 млн. франков в 1831 г. поднялась до 2 437 млн. в 1846 г. Если империя выдавала ежегодно до 100 свидетельств на изо-

бретения, то к сороковым годам XIX в. эта цифра поднялась до 1 400 — 2 000. Какую бы отрасль промышленности мы ни взяли, мы повсюду обнаружим тот же подъем. Так, добыча железной руды возросла вдвое: с 714 тыс. *т* в 1833 г. до 1 658 тыс. *т* в 1847 г. Но самое существенное — это победа машины. «Паровые машины, питавшиеся каменным углем, выполняли в 1847 г. работу, равную 1½ млн. чернорабочих... Нет возможности все охватить при том разнообразии отраслей промышленности, которое рождается в эти годы», — пишет историк-экономист Левассер. Машина проникала в металлургию и особенно бурно в текстильное производство. Период июльской монархии связан с оживлением железнодорожного строительства. В эти годы положено было начало французской железнодорожной сети. Концентрация производства и общая индустриализация страны шагнули далеко вперед. Если в 1789 г. земледельческое население страны составляло 91,3%, то в 40-х годах оно пало до 78,58%. С 1841 по 1851 г. население 20 крупнейших городов Франции повысилось на 19%. Большинство предприятий находилось в руках небольшой кучки крупных предпринимателей: то была особая группа «новых феодалов».

Капитализм пронік и в сельское хозяйство. С 1830 по 1848 г. ценность недвижимой земельной собственности возросла вдвое. Франция была страной мелкой крестьянской собственности. К 1850 г. на 7 845 724 собственника приходилось примерно 12 394 366 земельных участков. При этом больше 3 млн. собственников как неимущие были освобождены от налогов. Клочок земли, в «посовой платок», не был в состоянии прокормить своего владельца. «В течение XIX столетия место феодалов заняли городские ростовщики, место феодальных повинностей — ипотечные долги, место аристократической земельной собственности — буржуазный капитал. Крестьянин находился в кабале у ростовщика». Победа машины повлекла за собой широкую пролетаризацию масс. Французский ремесленник, лавочник и крестьянин получили первый тяжелый удар, масса безработных заполняла города Франции, и, как говорит Маркс, «к 4 млн. (считая с семействами) официально зарегистрированных пауперов, бродяг, преступников и проституток присоединяется еще 5 млн. людей, которые постоянно стоят на краю пропасти и живут в деревне, и то-и-дело кочуют со своими тряпками и детьми из деревни в город и из города опять в деревню». Безработица еще более усилилась благодаря промышленным кризисам. Детский и женский труд, как и в Англии, начал вытеснять мужской. Парламентская анкета 1840—1845 гг. обнаружила в 63 департаментах страны в промышленных предприятиях, занимающих свыше 10 рабочих, 131 098 детей и 254 871 женщину на 672 446 мужчин. Прудон писал в декабре 1839 г., что в Париже всегда налицо 30 тыс. портных, которым нечего делать, что они насчитывают до 150 тыс. безработных. Рабочий день продолжался 18 часов, смертность была ужасная. Но буржуазия, следуя совету Гизо, о б о г а щ а л а с ь.

Капитализм во Франции сделал большие успехи по сравнению с концом XVIII в. и первыми десятилетиями XIX в. Правда, Франция и теперь сильно уступала как капиталистическое государство Англии. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в то время как Англия, территория которой на $^2/_5$ меньше, чем территория Франции, построила около 5 400 *км* железных дорог, длина французской железнодорожной сети к 1848 г. равнялась 1 800 *км*. Во Франции происходил процесс утверждения и победы промышленного капитала. (Мат. и док., №№ 3, 4.)

Финансовая буржуазия, в отличие от Англии, была вождем всего буржуазного класса Франции. Промышленной буржуазии предстояло бороться за власть. Мелкая буржуазия находилась в отчаянном положении: капитализм наносил ей удары, и из ее рядов выходили враги капиталистической системы, но часто и враги социальной революции. Для фабриканта, который стремился к власти, уменьшение его прибыли финансовой аристократией было меньшей опасностью, чем ее уничтожение пролетариатом. Поэтому в революции он скоро перешел на сторону «партии порядка». Мелкая буржуазия колебалась, она не переставала бороться с буржуазией, но одновременно и с пролетариатом.

Если верхушка буржуазии, финансисты и крупные фабриканты, были сторонниками протекционистской системы, то промышленный капитал требовал полной свободы экономической деятельности. В области политической промышленная буржуазия защищала идею избирательной реформы, которая включила бы в правящую касту всю массу буржуазного класса. Промышленная буржуазия была недовольна королевским правительством, в отличие от финансовой, которая была вполне удовлетворена. Крайнее левое крыло буржуазной оппозиции вне парламента группировалось вокруг газеты «Н а ц и о н а л ь». Она защищала идею буржуазной республики, но без всяких социальных учреждений. Внутри парламента интересы промышленной буржуазии представляла «династическая левая» (О. Барро). Она мечтала о сделке с существующей монархией, чтобы избегнуть революции и республики. Мелкая буржуазия была настроена радикально. Но это был радикализм в области политики. Ее представитель Ледрю-Роллен неоднократно публично зая-

влял себя противником коммунизма. Республиканцы-демократы мечтали о конституции 1793 г., и их социальные требования не шли дальше декларации прав человека, провозглашенной Робеспьером (см. гл. IV). Центром для республиканцев-демократов, как и социалистов, служила газета «Реформа». (Мат. и док., №№ 7, 8.)

В эпоху июльской монархии, как мы уже указали выше, встал во весь свой рост социальный вопрос. Носителями социальных идей были представители вновь нарождающегося фабричного и ремесленного пролетариата, а также выходцы из рядов мелкой буржуазии. «Социальные идеи» особенно процветали в Париже. Состав пролетариата Парижа отчетливо выступает из следующих цифр: 30 тыс. предпринимателей из 64 тыс. работали или самостоятельно, или с одним рабочим, причем преобладающее большинство рабочих были ремесленники, рабочие домашней промышленности (портные), строительные рабочие; фабрично-заводские пролетарии были менее значительной группой населения. (Мат. и док., № 4.) Такая же картина была в Лионе — другом промышленном центре страны. Собственно пролетариат Лиона составляли 40 тыс. подмастерьев; над ними возвышался класс хозяев-мастеров (до 10 тыс.), а последних эксплоатировали фабриканты (800 человек), которые раздавали им заказы. Подобный социальный состав пролетариата конечно мог служить почвой лишь для незрелых социальных идей. Не забудем при этом, что французский пролетариат лишен был опыта и организации английских рабочих.

Утопический социализм.

Социалистические школы эпохи июльской монархии могут быть разделены на три группы: коммунисты-утописты, социалисты-«государственники» и революционеры-«коммунисты». Среди социалистов-утопистов наиболее видное место занимали учения Фурье и Кабэ. Представителем второй группы был Луи Блан. Что касается революционеров-коммунистов, то они находились в сороковых годах еще в процессе формирования своих идей. Мы оставляем в стороне целый ряд коммунистических и просто революционно-демократических групп с социальной окраской, чрезвычайно многочисленных в эпоху 30-х и 40-х годов (Распайль, Барбесс), представлявших интересы пролетарских или мелкобуржуазных групп. Мы не будем здесь также говорить о Прудоне, отце анархизма (см. гл. VIII).

Утопический социализм при всем различии отдельных практических программ коммунистического переворота имел то общее, что творцы его считали возможным строить коммунистический строй уже в рамках капитализма, причем строить его немедленно. Их объединяла ненависть к революции, они не верили в самодеятельность масс. «Если бы я, — говорил Кабэ, — держал революцию в кулаке, то я бы не разжал его». Коммунисты-утописты отрицали классовую борьбу, самодеятельность масс. Их сила была в критике капиталистического строя.

Но наибольшее значение в эпоху революции принадлежало социалистам-государственникам. Под социализмом в то время понимали, в отличие от коммунизма, программу социальных реформ, как результат правительственной деятельности. Главой школы был Луи Блан. Его идеи об организации труда и «праве на труд» сделались знаменем рабочего класса. Главное зло капиталистического строя Луи Блан видел в конкуренции, противопоставляя ей идею ассоциации. Социальной задаче должно быть подчинено все. «Социальная революция» с помощью политической власти народа — таков лозунг Луи Блана. Для победы принципа ассоциации требуется вся сила государства, и Луи Блан мечтает об организации министерства труда после победы демократического правительства и о создании сети производственных артелей. Частные предприятия должны будут после победы демократии капитулировать перед ассоциациями; они последуют примеру последних, и тем самым мирным путем будет уничтожена анархия производства. Организованный труд предохранит пролетариат от безработицы. Но какое государство проведет в жизнь эти меры? Луи Блан «ждет решительной атаки не от одного пролетариата, но от пролетариата в союзе с его хозяевами», он враг революционной диктатуры. Социалисты-государственники были таким образом социальными реформаторами, но не революционерами.

Глубоко отличались от системы Луи Блана идеи революционеров-коммунистов. В самой Франции, собственно, они не имели за собою определенной группы. Среди революционеров только Огюст Бланки и его друзья были близки к идеям «Коммунистического манифеста». Революционеры-коммунисты стремились к диктатуре восставших пролетариев. Они относились отрицательно «к социальному и коммунистическому строительству» утопистов, но сами не имели ясно разработанной программы коммунистической революции. Так, Бланки видел в просвещении не только одно из орудий, но и решающее средство социального переворота. Уровень пролетарского развития, отсутствие оформленной идеологии, при пассивности и консерватизме широких крестьянских масс, не могли конечно служить почвой для победы социальной революции. Но вместе с тем на базе развивающегося капитализма рабочее движение Франции становилось фактором первостепенной важности. (Мат. и док., № 6.)

История июльской монархии наполнена шумом политических и социальных битв, особенно в период 30-х и 40-х годов. В сороковые годы недовольство ушло вглубь, и под видимой тишиной зрели предпосылки новой революции.

Лионское восстание 1831—1834 гг.

В 1831 г. разразилось знаменитое лионское восстание. Мы выше отметили социальный состав населения Лиона: на 40 тыс. подмастерьев приходилось 10 тыс. мастеров и 800 капиталистов, эксплоатировавших и тех и других. Рабочее движение в Лионе было, собственно, движением союза рабочих и мастеров против раздатчиков заказов. Стачка 1831 г. началась в связи с отказом фабрикантов выполнять ранее установленный, при взаимном соглашении, тариф. Фабриканты аргументировали правом свободного соглашения между рабочими и предпринимателями, рабочие — страшной нуждой и голодом. Предательство фабрикантов вызвало на улицу рабочих под лозунгом: «жить, работая, или умереть в бою». Лион перешел в руки рабочих, но мирная, «соглашательская» политика руководителей восстания, непонимание целей и задач рабочего движения способствовали быстрой организации буржуазии, которая с помощью военной силы, посланной центральной властью Парижа, раздавила восстание. Отдельные революционные выступления рабочих-республиканцев не помогли. Между 1831 и 1834 гг. шла медленная, но упорная мобилизация рабочих, которые мечтали отомстить буржуазии и улучшить свое материальное положение. В эти годы окончательно сложилась организация первоначально мастеров, а затем и рабочих, общество «мютюэлизма», общество взаимопомощи. В первый период общество мютюэлизма было настроено чрезвычайно миролюбиво. Но после того как в него проникли рабочие, оно подпало под влияние крайних элементов, и его разгон послужил сигналом для нового восстания 1834 г., раздавленного с еще большей свирепостью, чем первое. (Мат. и док., № 5.)

Казалось, господство крупной буржуазии будет вечным. Но с развитием капитализма все более обострялись противоречия между всей массой буржуазного класса и финансовой олигархией. Все более сильной становилась ненависть пролетарских масс к существующему общественному порядку. Июльскую монархию разлагали продажность парламента и чиновников, постыдная спекуляция и ажиотаж, а также государственный дефицит. Власть в руках 240 тыс. избирателей («легальной страны») встретила сопротивление широких масс, и вместе с промышленным кризисом 1847 г. в стране снова оживилась политическая борьба. Инициативу в борьбе за избирательную реформу вначале взяла на себя либеральная парламентская оппозиция. Она устраивала банкеты и пыталась мирным путем воздействовать на правительство. Но вскоре мелкая буржуазия и пролетариат вмешались в борьбу. Республиканцы-демократы решили расширить рамки борьбы, они не ограничились «революцией презрения», они приступили к организации широкого народного движения и восстания против монархии. Когда в январе 1848 г. депутаты-либералы хотели организовать банкет в XII парижском округе, правительство запретило его. Либералы готовы были уступить, но демократы, опираясь на пролетарские и мелкобуржуазные массы столицы, постановили банкет провести. Он должен был состояться 21 февраля, а 22—23-го столкновения народной массы с войсками превратили протест в революцию. 24 февраля Франция стала республикой; р е в о л ю ц и я н а ч а л а с ь. (Мат. и док., №№ 7, 8.)

Февральская революция; первый период от 24 февраля до 4 мая.

Историю февральской революции мы можем разделить на следующие три основных периода: первый период — от 24 февраля до 4 мая 1848 г. — эпоха временного правительства, «когда созданная республика находилась под давлением народных пролетарских масс»; второй период — от 4 мая 1848 г. до 29 мая 1849 г., когда после победы в июне 1848 г. над пролетариатом укрепилась буржуазная республика, и наконец третий период, когда после июня 1849 г. парламентская республика, где враждовали между собою монархистские клики буржуазии, после подавления рабочих, демократов и буржуа-республиканцев, уступила место империи и военной диктатуре Луи-Наполеона.

После первой атаки народа на монархию Луи-Филиппа согласился создать министерство «династической оппозиции» (О. Барро, Тьера), т. е. министерство умеренно-либеральной буржуазии. Но народное движение сорвало эту попытку повторить июль 1830 г. Король подписал свое отречение. Он хотел сохранить монархию установлением регентства. Даже некоторые группы буржуазных республиканцев из «Насьональ» готовы были помириться с регентством, но баррикадные борцы сорвали и эту попытку. Провозглашено было временное правительство. Существовали, собственно, два списка временного правительства. Один, провозглашенный в палате депутатов и составленный в большинстве из сторонников газеты «Насьональ», другой — вышедший из редакции газеты «Реформа». В ратуше после долгих споров эти списки были объединены. В состав временного правительства вошли: Дюпон де Лер, Араго, Ламартин, Ледрю-Роллен, Гарнье-Пажес, Мари и Кремье. Эти члены правительства утверждены были и в палате депутатов. К ним присоединили

Марраста, представители газеты «Насьональ», и Флокона от «Реформы». Наконец после ожесточенных споров Луи Блан и рабочий-механик Альбер были допущены в правительство в качестве секретарей. Временное правительство было таким образом составлено из трех групп: умеренных республиканцев, к которым принадлежало большинство, двух социалистов (Луи Блан и Альбер) и представителей мелкобуржуазных демократов (Ледрю-Роллен и Флокон). (Мат. и док., № 9.) Подобный состав правительства обрекало его на постоянные колебания до тех пор, пока у буржуазии явилась возможность разделаться с представителями пролетариата. Борьба разгорелась очень скоро по вопросу об организации республики и ее знамени. Умеренные, во главе с Ламартином, желали передать этот вопрос на рассмотрение учредительного собрания, но народ требовал немедленного провозглашения республики. Наконец принята была весьма туманная формула: «Временное правительство желает республики, но только с утверждения народа, мнение которого будет немедленно опрошено». Однако трудовой Париж, Париж баррикад, не считался с подобным толкованием своей победы. Он провозгласил «демократическую и социальную республику». Какое знамя будет символом республики: красное знамя социальной революции или трехцветное знамя 1789 г.? Красное знамя защищают пролетарии. Ламартину, представителю умеренных, удалось однако убедить толпу, что красное знамя — символ мятежа, и республика должна утвердить своим символом трехцветное знамя с красной розеткой. Это была первая победа хорошо организованных буржуазных групп над революционной стихией. (Мат. и док., № 11.) В дальнейшем борьба развертывается между народом и временным правительством за укрепление демократической республики и особенно за ее социальное содержание. «Свобода, равенство и братство» объявлены верховным законом республики. Правительство спешит созвать учредительное собрание, избранное на основе всеобщего избирательного права. Оно отменяет смертную казнь, закон об аресте за долги, уничтожает ряд налогов (налог на напитки) и т. д. Ледрю-Роллен, министр внутренних дел, рассылает комиссаров в провинции, чтобы укрепить республику на местах. (Мат. и док., № 13.) Установление республики, поскольку она не касается собственности, встречает поддержку всех групп правительства. Но в вопросах о собственности, о праве на труд, о налоговой политике, о дальнейшем углублении революции даже в области политических лозунгов развертывается борьба. Государство нуждается в деньгах. Откуда их взять? Чрезвычайный налог на буржуазию? Ни в коем случае. Превращение Французского банка в государственный банк? Это нарушает интересы финансистов. Правительство обращается за помощью к народу. Рабочий класс «жертвует республике три месяца нищеты»; но буржуазия не раскрывает кошельков. Тогда правительство решает установить новый налог в 45 сантимов на крестьянство и тем делает республику ненавистной подавляющему большинству населения страны. (Мат. и док., № 14.) Под давлением народа временное правительство провозглашает право на труд, организацию национальных мастерских. Но оно отклоняет требование об организации министерства труда, ограничиваясь созданием правительственной комиссии для трудящихся (люксембургская комиссия). Правительство спешит созвать учредительное собрание, надеясь приостановить развитие революции. Ламартин уже через несколько дней после организации временного правительства обратился с манифестом к народам Европы; он торжественно провозгласил новые принципы международной политики, заявив, что республика не нуждается в признании. Но манифест не идет дальше пацифистских фраз о мире. И, как это теперь выяснено вполне точно, одновременно с торжественным манифестом к народам Европы Ламартин ищет сближения с Николаем I. (Мат. и док., № 12.) Так во всех областях революционная фраза правительства должна была прикрыть фактическое предательство революции.

«Право на труд» и «организация труда» получили свое кажущееся осуществление в декрете об организации национальных мастерских и люксембургской комиссии. (Мат. и док., № 10.) Но национальные мастерские были благотворительным учреждением, а люксембургской комиссии предстояло обсуждать и вырабатывать проекты по рабочему вопросу, заведомо осужденные на гибель. «Представителя рабочих, — пишет Маркс, — изгнали из заседания временного правительства; буржуазная часть последнего сосредоточила в своих руках действительную государственную власть, а подле министерств финансов, торговли, общественных работ, подле банка и биржи образовалась социалистическая синагога...» Люксембургская комиссия создана была из представителей рабочих корпораций. Она должна была служить также посредником в конфликтах между хозяевами и рабочими. Позже люксембургская комиссия приступила к организации производственных ассоциаций. Во главе комиссии стояли Луи Блан и Альбер. Люксембургская комиссия в политическом отношении была настроена довольно мирно, и в дальнейших революционных событиях она часто выступала против народа. Но под давлением люксембургской комиссии были проведены не-

которые законы и в интересах рабочих. Так, издан был закон о 10-часовом рабочем дне. Значение этих «социальных законов» в том, что «они с высоты европейской трибуны разоблачили тайну революции XIX в. — освобождение пролетариата». (Мат. и док., №№ 15, 16.)

В центре внимания Франции с марта 1848 г. стал вопрос о сроке созыва учредительного собрания. Революционный Париж стремился к диктатуре; созвать национальное собрание возможно лишь после закрепления республики и ее социальных завоеваний. Чтобы добиться отсрочки выборов в учредительное собрание, предстояло изгнать из правительства его умеренных членов. Подобные попытки были сделаны 17 марта и 16 апреля, но обе неудачно. Ответственность за поражение парода несут члены правительства, демократы и социалисты, которые не только не руководили пародом, но изменяли ему в самую опасную минуту. Так, 17 марта Луп Блан, а 16 апреля Ледрю-Роллен способствовали победе правительства над народными демонстрациями. Попытки Огюста Бланки противодействовать этому разлагающему влиянию «вождей» не увенчались успехом. Революционному народу Парижа недоставало организации, ясного сознания целей борьбы. Но уже после 16 апреля буржуазия подняла голову. Крики «долой коммунистов» неслись по Парижу. В стране началась организация контрреволюционных сил («партии порядка»), пока однако им противостояли народные революционные клубы. Клуб Бланки (Центральный республиканский клуб) и др. были центрами революционной мобилизации масс. (Мат. и док., № 20.)

Правительство объявило о созыве учредительного собрания. В своем воззвании оно писало: «Право выборов стало правом всех без исключения. Со времени этого закона пролетариев нет более во Франции». Подобные иллюзии свидетельствовали о наивности и слепоте одних членов правительства и о злостном надувательстве масс другими. В стране развернулась избирательная борьба. И в то время как циркуляры Ледрю-Роллена к комиссарам, требовавшие давления и направления выборов в интересах республики, встречали ненависть буржуазии, на местах монархисты и клерикалы, под видом преданности республике, делали решительно все, чтобы поместить в революционной столице контрреволюционное собрание. Так кончился первый период революции. Фактически удалось осуществить лишь буржуазно-демократические преобразования. Но республика на баррикадах получила отпечаток социальных требований пролетариата. «Февральская революция, казалось, была осуществлена помимо и против буржуазии. Народные низы, класс наемных рабочих, сделался властелином Парижа»,— так писал историк Токвиль в своих воспоминаниях. Но это только казалось. Пролетариат не уничтожил господства буржуазии, он делил свою власть с буржуазией; буржуазия готовилась к дальнейшей борьбе со своим союзником, рабочим классом. (Мат. и док., №№ 18, 19.)

Февральская революция; второй период: от 4 мая 1848 г. до 29 мая 1849 г.

Учредительное собрание было избрано на основе демократического избирательного закона. Большинство в нем принадлежало умеренным республиканцам. В собрании было много монархистов (130—150 человек), которые до поры до времени выдавали себя за республиканцев. Главное поражение потерпели радикалы и социалисты: «радикалы были побиты, социалисты были раздавлены». Они были выбраны только в нескольких больших городах Франции. Результат выборов означал победу буржуазии над пролетариатом, провинции — над Парижем, деревенского населения — над городским. «Партия порядка» подняла голову. Уже первые шаги собрания выявили его контрреволюционную сущность. Во вновь избранную исполнительную комиссию не были включены социалисты. Так хотели легальным путем покончить с завоеваниями революции. Собрание отклонило предложение Луи Блана об организации министерства труда. Красная розетка на трехцветном знамени республики исчезла.

Вскоре собранию предстояло установить свое отношение к «декларации временного правительства» о международной политике революции. Ламартин обещал поддержку Франции всем борющимся за свободу народам. Польша истекала кровью после долголетней борьбы с царским правительством. Надо было оказать ей поддержку не только на словах. Надо было решиться в случае необходимости и на революционную войну. «Но война есть предлог для крайних мер. Кто знает, не породит ли она новый Комитет общественного спасения, не будет ли она средством, чтобы провести во Франции и других местах великий переворот, из которого выйдет обновленное общество?» При этом не забудем, что Ламартин вел тайные переговоры даже с представителями Николая I. Так вырисовывалась связь между защитой Польши и радикальными задачами революции внутри страны. 15 мая трудящиеся Парижа потребовали выступить на защиту Польши. 15 мая было логическим продолжением 17 марта и 16 апреля. Против контрреволюционного собрания, созданного всеобщим избирательным правом, выступил революционный народ. Однако и 15 мая отсутствие руководства и недостаточная ясность задач движения были причиной поражения. В самом ходе событий Бланки воспользовался протестом масс, чтобы провозгласить требование уничтожения нищеты

и организации труда. В приготовленных на случай успеха прокламациях предполагалось объявить новое временное правительство из социалистов и революционеров-демократов. Предполагали прежде всего позаботиться об уничтожении социальной нужды. (Мат. и док., № 21.) В день восстания 15 мая один из революционеров (Гюбнер), после того как народ ворвался в парламент, провозгласил: «Именем обманутого своими представителями народа собрание распускается». Но эта попытка кончилась неудачей. Революционный народ был раздавлен хорошо организованной буржуазной национальной гвардией. Луи Блан и идущие за ним рабочие корпорации не поддержали движения. Рабочие национальных мастерских были враждебны ему. Республиканцы видели в нем посягательство на святость учредительного собрания. 15 мая поэтому только усилило реакцию. Огюст Бланки, Барбесс были арестованы. «Республика сошла еще на один градус по наклонной плоскости, по которой она катилась. Трехцветные республиканцы начали казаться слишком смелыми. Роялисты собрались с духом». Вся ненависть буржуазии направлена была теперь против красных, против социалистов. Но после изгнания Луи Блана и Альбера из правительства, после ликвидации люксембургской комиссии, после решительного поражения 15 мая — где были рабочие? Национальные мастерские были созданы как благотворительные учреждения для безработных. Париж был полон безработными. Все его 325 отраслей производства терпели страшный кризис. Ремесленники, не считая 7 653 лиц, не имевших профессий, наполняли ряды безработных и устремились в национальные мастерские. (Мат. и док., №№ 23, 24.) Но эти мастерские не имели ничего общего с ассоциациями Луи Блана хотя бы потому, что здесь рабочие не были организованы по профессиям. Из них формировали бригады, и в политическом отношении они должны были служить опорой и орудием в руках умеренной партии. (Мат. и док., № 22.) Рабочих национальных мастерских предполагали использовать в борьбе с люксембургской комиссией, но постепенно рабочие мастерских сближались с «Люксембургом», с революционным народом Парижа. (Мат. и док., № 25.) В мае число рабочих в них достигло ста тысяч. Правительство не имело для этой массы необходимой работы, оно и не искало ее. Дело в том, что скоро, благодаря ослаблению кризиса, со всех сторон поднялась волна протеста предпринимателей. Они указывали, что «национальные мастерские содержат рабочих за государственный счет и тем поддерживают забастовки». Два крупных фабриканта указывали на обойщиков, слесарей, шапочников и портных, которые продолжали бастовать благодаря поддержке, которую они получали в виде ежедневной платы в мастерских. Нарастание революционного настроения и необходимость сломить сопротивление стачечников — вот главные причины последовавшего роспуска мастерских. Буржуазии важно было покончить с иллюзией организации труда. Важно было спровоцировать рабочих на восстание, чтобы окончательно разделаться с призраком коммунизма. Решено было провести расчет рабочих, направив их на работу в провинцию, или принудить их записаться в армию. 21 июня это решение попытались провести в жизнь. (Мат. и док., № 26.) Ответом послужило поголовное восстание. Оно было таким образом сознательно вызвано правительством, оно было актом самообороны со стороны рабочих. Геройская борьба продолжалась до 27 июня. «Хлеба или свинца», «Свинца или работы» — требовали рабочие. Июньское восстание 1848 г. имело много общего с лионским бунтом 1831 г. Кто был участником его? Вначале — исключительно рабочие национальных мастерских. Лишь потом к ним присоединились рабочие корпорации и наконец Сент-Антуанское предместье, которое стало цитаделью восстания. В последние дни оно было поддержано отдельными группами социалистов Парижа. Несмотря на многочисленные попытки организовать движение, повстанцам не удалось создать достаточно внушительной силы для сопротивления войскам правительства. Против них был хорошо организованный союз всей собственнической Франции. Крестьянство было враждебно рабочим, потому что думало, что на содержание национальных мастерских идет налог в 45 сантимов. «Провинция Франции ненавидела рабочих Парижа, видя в них виновников разрухи». Буржуазные республиканцы взяли на себя руководство подавлением восстания. С ними выступали и мелкобуржуазные демократы (Ледрю-Роллен); наконец вооруженная сила палачей народа создана была из люмпен-пролетарских элементов столицы. Так называемая подвижная (мобильная) гвардия была грозной силой в руках имущих классов. Имело ли восстание программу? Воззвание Сент-Антуанского предместья говорит «о защите собственности», и только к самому концу восстания «демократическая социальная республика вырисовывается как цель его». Общий характер июньской битвы, отсутствие необходимой организации масс, оборонительная тактика баррикад решили судьбу рабочих. 50 тыс. убитых да 25 тыс. арестованных — вот итог буржуазной победы. (Мат. и док., №№ 26 — 31.)

С поражением пролетариата, собственно, кончается история революции 1848 г. В дальнейшем начинается ее постепенное угасание. 24 июня исполнительная комиссия была уничтожена, и

объявлена диктатура генерала Кавеньяка. Если 4 мая из правительства были изгнаны рабочие, то теперь разделались со всеми демократами, членами правительства. Наступила эпоха буржуазной республики. Собрание объявило войну социализму. Был начат поход против клубов, сняты с обсуждения все социальные законопроекты, отменен 10-часовой рабочий день. Революция, которая до июля шла по восходящей линии, открывая беспредельные возможности для трудящихся, пошла теперь по нисходящей линии: ближайшее будущее принадлежало буржуазии.

Буржуазное собрание выработало конституцию. Она вотирована была под угрозой осадного положения. Эта конституция отказалась от всяких «социальных утопий». Исчезло «право на труд». Конституция, установив всеобщее избирательное право, широкие свободы, формулировала их так, чтобы всегда иметь возможность уничтожить эти «свободы» в интересах охраны собственности. Конституция стала «одной из самых важных крепостей буржуазного класса». Президент наделен был правами монарха; он должен был избираться непосредственно народом и только на четыре года. Тем самым конституция узаконяла постоянный конфликт между властью законодательной и исполнительной. 10 декабря 1848 г. во Франции был избран в президенты Луи-Наполеон, племянник Наполеона I. Он должен был помочь буржуазии закончить подавление пролетариата. Но он отстранил от власти и республиканскую буржуазию. Избрание Наполеона в президенты было «революцией» крестьянства против республики. Но Наполеон был кандидатом не только крестьянства. Он обещал покровительство религии, семье и собственности — «партии порядка»; свободу преподавания вместе с защитой авторитета папского престола · католикам; прекращение изгнаний, уменьшение налогов, учреждение попечительств для стариков — рабочим; обеспечение бывших военных — армии; наконец крестьянам — уничтожение налога на соль и главное мир, долгий мир. (К. Маркс.) Крестьянство избрало Наполеона как протест против буржуазной «республики 45 сантимов». Президент Луи-Наполеон должен был обеспечить устойчивость республики, как такой общественной формы, которая могла бы предоставить политическую власть всему буржуазному классу в целом и примирить отдельные буржуазные фракции, гарантируя им подавление красного призрака. (Мат. и док., № 32.) Выработав конституцию, избрав президента, покончив с социальными требованиями пролетариата, учредительное собрание закончило свою работу. Но буржуазные республиканцы желали не только учредить республику, они хотели законодательствовать в ней. Отсюда конфликты между буржуазными республиканцами в собрании со всей массой буржуазии в стране, которая желала покончить со всем, что напоминало революцию, и прежде всего стремилась прекратить всякое общественное переустройство: буржуазии необходимо было передать управление республики в консервативные руки. В январе 1849 г. был решен вопрос о роспуске учредительного собрания. Это означало не только победу буржуазного класса над его идеологами, но и победу Луи-Наполеона над республиканской буржуазией. 29 мая 1849 г. открылось законодательное собрание. Революция вступила в третий и последний период своего существования.

Февральская революция; третий период: от 29 мая 1849 г. до 2 декабря 1851 г.

Выборы в законодательное собрание шли главным образом под лозунгом борьбы с коммунизмом. (Мат и док., № 33.) Большинство крестьян видело в коммунизме чудовище, а основная масса крестьянства озверилась и в республике. Последняя обрушилась на крестьян, на всех мелких собственников в интересах богачей после июня 1848 г. Снова был введен налог на напитки, посягнули на деньги мелких буржуа в сберегательных кассах. В законодательном собрании на 700 депутатов было около 450 монархистов, 160 демократов-социалистов и 75 умеренных республиканцев. (Мат. и док., № 34.) Борьба должна была теперь развернуться между монархистскими фракциями буржуазии и республиканцами-демократами. После июньских дней произошло сближение между демократами и социалистами. Они образовали социально-демократическую партию. Парламентским представительством их была «гора». «Гора» была рождем восстания 13 июня 1849 г., но она была народней на монтаньяров 1793 г. Ламартин обещал поддержку борющимся за свободу народов. 15 мая обнаружило, что буржуазия не желает итти дальше словесных деклараций в этом вопросе. После июньских дней диктатор Кавеньяк, в поисках поддержки у католически настроенного крестьянства, решил оказать помощь римскому папе против республиканцев Италии. Президент Луи-Наполеон отправил экспедицию, во главе с ген. Удино в Италию для борьбы с революцией. Генерал Удино бомбардировал республиканский Рим, «гора» увидела в этом насильственном акте нарушение конституции. 13 июня 1849 г. народ Парижа должен был встать на защиту конституции, но раздавленная в июне 1848 г. при содействии демократов демократия Парижа не смогла теперь победить хорошо организованного врага. 13 июня кончилось полным поражением мелкой буржуазии. Теперь началась борьба внутри законодательного собра-

ния между отдельными монархистскими и республиканскими кликами буржуазии. Легитимисты представляли интересы крупного землевладения, орлеанисты—крупную торговлю и промышленность, республиканцы — среднюю промышленную и часть мелкой буржуазии. Республиканская фракция видела в парламентской республике политическую форму, защищающую наилучшим образом капиталистические интересы Франции в целом. Но постепенно гегемонию в буржуазном блоке завоевала финансовая буржуазия. Реакция крепла. Она начала законодательствовать. Народное образование было отдано в руки клерикалов (закон Фаллу). Отклонено было предложение ввести свободу торговли: была сохранена протекционистская система. Белый террор царствовал в стране. Тюрьмы были переполнены. Монархисты законодательного собрания отнюдь не предполагали сохранить конституцию 1848 г. 31 мая 1850 г. парламентская буржуазия отменила всеобщее избирательное право. (Мат. и док., № 35.) Реакция обрушилась на крестьянские массы и на мелкую буржуазию. Даже республиканцы из «Насьональ» стали теперь революционной группой. Приближались выборы 1852 г., когда народ снова должен был выбирать президента. Буржуазной олигархии необходимо было закончить к этому времени свой переворот и окончательно уничтожить революцию. Среди народных масс усиливались революционные идеи. Президент Наполеон, этот герой «Общества 10 декабря», имел за собой отбросы всех классов и, сильный ненавистью собственников к социальной революции, он хотел использовать удобную политическую ситуацию, чтобы уничтожить республику и укрепить свою личную власть, а с нею и власть финансовой буржуазии во Франции. Надо было спешить с развязкой.

Президент прежде всего уничтожил парламентское министерство, создав свое «министерство приказчиков». 12 мая 1851 г. он прибрал в свои руки армию. Собрание ищет теперь поддержки против узурпаторских попыток президента у остатков «горы». Но союз «горы» и республиканской клики буржуазии не был и не мог быть длительным, и после первых же избирательных успехов «горы» блок между парламентской буржуазией и мелкой буржуазией распался. Парламентская буржуазия встретила отпор и со стороны своего собственного класса в стране: буржуазный класс был недоволен своими идеологами, желавшими продолжать революционное состояние страны. Буржуазии необходим порядок, всякий порядок против «красной опасности». Наполеон — символ этого порядка, направленного в случае необходимости против республиканской буржуазии. Ее страх, что 1852 г. может принести повторение июньских дней, что всякая борьба классов может развязать революционную стихию, бросает ее в объятия Наполеона. (Мат. и док., № 36.) Луи Бонапарт своими воззваниями, подкупом, ложью, насилием поддерживает среди буржуазии эти надежды. Он хочет отменить закон от 31 мая 1850 г., восстановить всеобщее избирательное право и тем подкупить демократию. Но больше всего он ищет поддержки у крестьянства. Крестьянин во Франции — опора бонапартизма. Мелкая крестьянская собственность была всем в эпоху Наполеона I. Она создана была и утвердилась на развалинах феодального землевладения. Но в середине XIX в. мелкая собственность оказалась в кабале у капитала и была лишь тенью прошлого. Но, поддерживая Луи-Наполеона, крестьянство думало возвратить времена Наполеона I. Войны Наполеона I с процентами возвратили бы крестьянству (так думало в массе своей крестьянство) собранные с него налоги, открыв штыком новые рынки и ограбив континент. «Французское крестьянство, нищее и малоземельное, потянулось снова к славе империи. Оно не понимало, что в новых условиях Наполеон вернет им только тягости империи без ее славы» (Маркс). Но главное — это армия. Она открывает беспредельные возможности для крестьянина. Французская деревенщина — за Наполеона-племянника, так как крестьянин думает возродить великую армию Наполеона I — дяди. Кто мог противостоять перевороту президента 2 декабря 1851 г.? Парламентская оппозиция буржуазии и мелкой буржуазии была ничтожной силой, рабочий класс был раздавлен. Сопротивление части крестьянства было незначительным. Когда после 2 декабря буржуа-республиканцы обратились к Сент-Антуанскому предместью, им ответили: «Что вы от нас хотите? Нас обезоружили после июня 1848 г., в предместьях нет ни одного ружья». Так было покончено с февральской революцией. (Мат. и док., №№ 37, 38.)

Уроки февральской революции.

От поражения к поражению — таков тернистый путь февральской революции. Она началась кризисом 1847 г. и кончилась подъемом 1849 и 1850 гг. «Социальная республика появилась как фраза, как пророчество, на пороге февральской революции. В июньские дни 1848 г. она была потоплена в крови парижского пролетариата. Но и в следующих актах драмы она показывается еще в виде привидения, возвестив о себе демократической республикой. 13 июня 1849 г. она улетучилась со своими разбежавшимися в разные стороны мелкими буржуа. Но, обратившись в бегство, она продолжает с удвоенной энергией рекламировать себя. Парламентская республика буржуазии овладевает всей сценой. Она развертывается

во всю доступную ей ширь, но 2 декабря 1851 г. хоронят ее при криках: «да здравствует республика!», в ужасе испускаемых объединенными роялистами» (Маркс). Революция 1848 г. победила благодаря пролетариату и погибла вместе с ним после июня. Она означала выступление на сцену пролетариата как решающей силы общественного развития. Пролетариат выступил против буржуазии, он стал авангардом революционного движения народных масс. Его поражение было неизбежным в обстановке побеждающего промышленного капитала. Но вместе с капитализмом он вырос количественно, оформил свою идеологию, создал свой организации, чтобы выйти на путь широкой классовой борьбы. Пролетариат отделился от мелкой буржуазии. Идеи классового мира были им изжиты в кровавой гражданской войне, а с ними был изжиты и другие утопически-социалистические и утопически-коммунистические идеи. Таким образом даже поражения 1848 г. послужили на пользу пролетариату. Решающие бои в ходе самой революции развернулись между организованной буржуазией и пролетариатом. Пролетариату осталось рассчитывать только на свои собственные силы, вместе с тем он смог оценить роль и значение крестьянства и мелкой буржуазии в своих поражениях и для своей окончательной победы. Февральская революция показала всему миру, что «на всех домах Европы начертен таинственный крест, сама история руководит судом, а исполнителем приговора будет пролетариат». (Мат. и док., гл. VI, «Б», №№ 32—35.)

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА.

Документы к гл. VI группируются вокруг следующих основных моментов: 1) социально-экономическая характеристика июльской монархии и борьба различных классов против господства финансовой олигархии; 2) утопический социализм; 3) первый период Французской революции 1848 г.; 4) июньские дни; 5) второй период революции и диктатура буржуазии; 6) переворот 2 декабря 1851 г. Итоги революции 1848 г. будут даны в следующей главе. К первому разделу относятся документы №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8. Внимательно следует прочесть общую характеристику июльской монархии (№ 1), принадлежащую К. Марксу. Использовать таблицы №№ 2 и 3 для составления диаграммы об экономическом развитии Франции эпохи 30—40-х годов. Подобную же диаграмму можно составить по таблице № 4 «о социальном составе парижского пролетариата». Особенно рекомендуем по этому разделу проработку таблицы № 4. Документы № 5 могут быть использованы для характеристики лионского восстания. В подготовленной аудитории учащиеся, познакомившись с этими документами, могли бы написать краткую характеристику восстания. Во всяком случае рекомендуем проработку документа «В» устава о-ва мютюелизма для выяснения мелкобуржуазных черт рабочей идеологии.

Из раздела второго рекомендуем для проработки отрывок «Б» (Луи Блана) или «В» (Кабэ). В том и другом случае для сопоставления с документом «Г» (коммунисты-революционеры). Проработка этих документов должна вестись под углом зрения выяснения разницы между утопическим и научным социализмом.

В разделе третьем многочисленные документы сгруппированы вокруг отдельных проблем: а) организация временного правительства; б) его трудовое законодательство; в) борьба за революцию и против созыва Учредительного собрания. Нам кажется наиболее целесообразным использовать для проработки документы, характеризующие рабочее законодательство первого периода революции, — документы №№ 10, 15, 16, 17. Учащиеся должны выяснить сущность социальных реформ эпохи и их значение в революции специально: примирительную роль Люксембургской комиссии в конфликтах труда и капитала. Можно выбрать и другую группу документов: борьба вокруг вопроса о созыве Учредительного собрания — документы №№ 9 (В), 11, 13, 14, 18, 19, 20, 21.

Следующий раздел (4-й) рисует причины и ход июньского восстания — документы №№ 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31. Они освещают значение, организацию национальных мастерских, изменение настроения рабочих этих мастерских и их сближение с рабочими Люксембургской комиссии и, наконец, роспуск мастерских. Из этого раздела учащиеся должны внимательно прочесть документы №№ 22 и 25 и ответить на вопрос: какая цель преследовалась правительством при организации мастерских? Таков вопрос, на который должны ответить документы. Остальная часть документов этого раздела относится непосредственно к июньским дням. Полезен анализ документа № 28 о программе восставших в Сент-Антуанском предместьи. Историческое значение июньских дней прекрасно иллюстрирует документ № 31. Рекомендуем как иллюстративный материал прочесть слушателям также документ № 30.

Из остальных документов этой главы полезна проработка документа № 33. Учащиеся на основании этого документа могут выяснить программу Луи-Наполеона как платформы объединения собственников. Под углом зрения борьбы буржуазии с коммунизмом могут быть проработаны также документы №№ 36, 37. Во всяком случае как иллюстративный материал может быть использован документ № 34.

Как минимум к этой главе должны быть проработаны таблицы №№ 2 и 4 и документы №№ 6 (Б), 1031, 33.

Примером может служить план проработки документов №№ 9, 10, 15, 16 о рабочем законодательстве временного правительства. Как вводный документ, характеризующий программу временного правительства, рекомендуем при проработке вопроса использовать

«Прокламации» за № 9 (В) для ответа на вопрос о мелкобуржуазной сущности временного правительства, после чего необходимо проработать указанную группу документов для ответа на следующие вопросы: 1) Что сделало правительство для облегчения положения рабочих. 2) Какую цель преследовало оно этим законом. 3) Характер и задачи Люксембургской комиссии. 4) Каков характер деятельности Люксембургской комиссии в вопросах взаимоотношений труда и капитала и т. д.

(Литература: см. гл. VII).

1. Июльская монархия.

(К. Маркс, Борьба классов во Франции 1848—1850 гг.)

«Когда либеральный банкир Лафитт после июльской революции торжественно провожал в ратушу своего кума, герцога Орлеанского, он обронил слова: «С этого времени господствовать будут банкиры». Лафитт выдал тайну революции (1830 г.).

При Луи-Филиппе господствовала не буржуазия, а одна ее фракция, так называемая финансовая аристократия — банкиры, биржевые и железнодорожные короли и часть объединившихся с ними землевладельцев: владельцы угольных копей, железных рудников и лесов. Она сидела на троне, она диктовала законы в палатах, она раздавала государственные должности, начиная с мест в министерствах и кончая местами в табачных бюро.

Собственно промышленная буржуазия составляла часть официальной оппозиции, т. е. была представлена в палатах только как меньшинство. Оппозиция ее проявлялась тем решительнее, чем исключительнее развивалось самодержавие финансовой аристократии и чем обеспеченнее представлялось ей ее собственное господство над рабочим классом после потопленных в крови восстаний 1832, 1834 и 1839 гг. Руанский фабрикант Гранден, игравший роль самого фанатичного орудия буржуазной реакции как в Учредительном, так и в законодательном Национальном собрании, в Палате депутатов, был самым ярым противником Гизо. Леон Фоше — известный впоследствии своими бессильными попытками разыграть во французской контрреволюции роль Гизо — в последние годы Людовика-Филиппа вел чернильную войну за промышленность, против спекуляции и против правительства, ее прихвостня. Бастиа от имени Бордо и всей виноделческой Франции тоже агитировал против господствующей системы.

Мелкая буржуазия, равно как и крестьянский класс, совершенно отстранялась от политической власти. В официальной оппозиции или совершенно за пределами легальной страны [1] находились наконец идеологические представители и выразители только что названных классов, их ученые, адвокаты, врачи и т. д. — одним словом, их интеллектуальные силы...

Июльская монархия была не чем иным, как акционерным обществом для эксплоатации французского национального богатства. Дивиденды этого общества распределялись между министрами, палатами, 240 тыс. избирателей и их сообщниками. Луи-Филипп был директором этой компании. При такой системе постоянно подвергались опасности и терпели ущерб торговля, промышленность, земледелие, судоходство, интересы промышленной буржуазии.

В то время как финансовая аристократия издавала законы, управляла государством, распоряжалась всеми общественными властями, фактически и при посредстве печати подчиняла себе общественное мнение, во всех сферах, начиная с двора и кончая Café-Borge, повторялся тот же разврат, тот же бесстыдный обман, та же жажда обогащения не посредством производства, а посредством ловкого фокусничества над уже существующим чужим богатством. Верхи буржуазного общества охватывались безудержным, вступающим в постоянные конфликты даже с законами буржуазного общества, развитием нездоровых и развратных похотей, в которых богатство, нажитое азартной игрой, естественно ищет себе удовлетворения, превращая наслаждение в разврат и сливая в один общий поток деньги, грязь и кровь. Финансовая аристократия как в своих способах наживы, так и в наслаждениях является не чем иным, как возрождением пролетариата босяков на верхах буржуазного общества».

[1] При Луи-Филиппе ту часть населения, которая пользовалась избирательным правом, называли «легальной страной»; не имевшие избирательного права, исключенные от политической жизни, получали название «нелегальной страны». Избирательное право получили только лица, уплачивающие ежегодно не менее двухсот франков (75 руб.) прямых налогов. Таким образом из 34-миллионного населения Франции в состав «легальной страны» входило всего 250 тыс. человек, или, другими словами, избирательное право получал лишь один человек из 135 жителей.

2. Капиталистическое развитие Франции в эпоху июльской монархии.

А. Торговля Франции.

(В миллионах франков.)

Годы	Генеральная торговля[1] Всего	Специальная торговля[2] Ввоз	Вывоз	Всего	Годы	Генеральная торговля[1] Всего	Специальная торговля[2] Ввоз	Вывоз	Всего
1825 . . .	1 201	401	544	948	1837 . . .	1 566	569	515	1 084
1826 . . .	1 126	436	461	897	1838 . . .	1 893	656	659	1 315
1827 . . .	1 168	444	507	621	1839 . . .	1 950	651	677	1 328
1828 . . .	1 218	454	611	965	1840 . . .	2 063	747	695	1 442
1829 . . .	1 224	483	504	987	1841 . . .	2 187	804	761	1 565
1830 . . .	1 211	489	453	942	1842 . . .	2 082	847	644	1 491
1831 . . .	1 131	374	456	830	1843 . . .	2 179	846	687	1 533
1832 . . .	1 349	505	507	1 012	1844 . . .	2 340	868	790	1 658
1833 . . .	1 459	491	559	1 050	1845 . . .	2 423	856	848	1 704
1834 . . .	1 435	501	610	1 014	1846 . . .	2 437	920	852	1 772
1835 . . .	1 595	520	577	1 097	1847 . . .	2 339	956	720	1 676
1836 . . .	1 871	564	629	1 193					

5. Восстание в Лионе.

А. Предприниматели отказываются соблюдать тариф.

«Г-ну редактору «Précurseur» («Предвестник»). Лион, 12 ноября 1831 г.

Милостивый государь!

Хотя вы, повидимому, хотели прекратить дебаты по вопросу о тарифе, мы все же надеемся, что вы примете несколько посылаемых нами кратких заметок.

Начнем с того, что ваша вчерашняя статья, по поводу которой г-н префект написал свое письмо, верна от начала до конца как с фактической стороны, так и со стороны содержащихся в ней рассуждений. Так например в результате некоторых принятых уже мер более четырех тысяч станков осталось без работы. Те, которые говорили г-ну префекту обратное, обманывали его. Он был однажды обманут, когда его убедили, что шесть тысяч станков бездействуют благодаря отсутствию рабочих рук, взятых им под свое покровительство.

Вы не говорили, что тариф продиктован властью; однако г-н префект нашел нужным оправдаться; очевидно жалоба была из другого места. И в самом деле есть различные виды принуждения. Издание тарифа было фиксировано властью с того момента, как рабочие стали этого требовать либо на площади Круа-Руж, либо в примирительных камерах (Conseils des prud'hommes). После этого произошли совещания торговой палаты. Г-ну префекту, который председательствовал там, очень хорошо известно, что по вопросу, касающемуся промышленности и необходимости этого тарифа, она единогласно ответила «нет», и только по административному вопросу — «нужно ли дать тариф, чтобы предотвратить беспорядки», она ответила «да». Поэтому мы спрашиваем, следовало ли так ставить вопрос и должен ли был человек, функции которого заключаются в поддержании общественного спокойствия, при подобных обстоятельствах произносить слово «бунт»?

Г-н префект утверждает, что фабриканты просили разрешения собраться для выбора делегатов. Это неверно — они не просили об этом. Доказательством может служить то обстоятельство, что по приглашениям мэрии, разосланным в числе 600, явилось всего сто тридцать человек, которые поручили своим уполномоченным прежде всего обсудить вопрос об умеренности тарифа. Но когда они собрались в префектуре, им по этому вопросу было запрещено говорить, и им было заявлено, что собрание имеет целью выработку минимального тарифа.

Но разве фабриканты не могли отказаться от участия и уйти?

---

[1] Под генеральной торговлей понимают общее количество товаров, ввезенных в страну или вывезенных из нее, независимо от того, употреблены ли они в самой стране или лишь прошли через страну.

[2] Под специальной торговлей понимают товары, употребляемые в самой стране.

3. Рост железнодорожной сети, паровых машин, добычи угля, обработки шерсти и шелка.

Годы	Железнодорожная сеть			Паровые машины		Шерсть-сырье, ввоз (в тысячах килограммов)	Шелк в коконах, ввоз (в тысячах килограммов)	Производство угля (в тысячах тонн)
	Длина (в километрах)	Количество перевезенных пассажиров (в миллионах)	Перевозка товаров (в миллионах тонн)	Количество	Лош. сил (в тысячах)			
1830	—	—	—	—	—	—	—	1 863
1831	38	—	—	—	—	3 836	14,4	—
1832	—	—	—	—	—	—	—	—
1833	—	—	—	—	—	—	—	—
1834	—	—	—	—	—	—	—	—
1835	149	—	—	—	—	14 044	10,1	2 506
1836	—	—	—	—	—	—	—	—
1837	—	—	—	—	—	—	—	—
1838	193	—	—	—	—	14 826	13,2	3 113
1839	248	—	—	2 540	33,0	13 612	8,9	—
1840	4 5	—	—	2 591	34,0	13 456	14,7	3 003
1841	573	6,3	1,0	2 810	37,0	20 323	10,2	3 410
1842	600	6,2	1,5	3 053	39,0	20 356	13,8	3 592
1843	829	7,3	1,5	3 360	43,0	19 755	9,1	3 693
1844	831	8,1	1,9	3 645	46,0	21 273	13,3	3 783
1845	880	8,8	2,3	4 114	50,0	21 407	62,6	4 202
1846	1 322	10,4	2,5	4 395	57,0	10 468	34,1	4 469
1847	1 837	12,8	3,6	4 853	62,0	15 623	61,7	5 153
1848	—	—	—	5 212	65,0	9 429	20,9	—
1849	—	—	—	4 949	62,0	21 796	50,3	—
1850	—	—	—	5 322	67,0	22 441	180,9	—
1851	—	—	—	5 672	71,0	18 014	191,5	—

4. Рабочее население Парижа в 1848 г.

Число рабочих	Наименование	Заработная плата в франках		Средняя
		Минимум	Максимум	
	Мужской труд:			
10 886	Печатное дело, гравирование, бумажное производство	1,00	85,00	4,18
10 835	Обработка драгоценных металлов, ювелирное, золотое и серебряное дело	1,00	15,00	4,17
22 081	Обработка металла, механическое производство	1,00	16,00	3,18
17 583	Галантерея	1,00	20,00	3,94
28 715	Мебельное производство	1,25	15,00	3,90
4 241	Кожевенное	1,50	10,00	3,87
10 625	Каретное	1,00	8,00	3,86
40 083	Строительное дело	0,50	10,00	3,81
6 572	Химическое и керамическое производства	1,25	15,00	3,71
7 951	Пищевое производство	1,00	7,00	3,60
4 021	Бондарное и корзиночное производства	0,75	6,00	3,54
11 028	Текстильное производство	—	—	—
30 274	Производство одежды	0,75	12,00	3,34
201 895				
	Женский труд:			
4 410	Печатное дело, гравирование, бумажное производство	0,50	7,50	1,75
3 739	Обработка драгоценных металлов	0,75	6,00	2,04
1 269	Обработка металла, механическое производство	0,75	5,00	1,71
15 540	Галантерея	0,40	5,00	1,83
3 845	Мебельное производство	0,75	5,00	1,78
234	Кожевенное дело	0,50	3,00	1,14
2 694	Каретное, седельное производство, военное снаряжение	0,50	3,50	1,27
135	Строительное дело	0,75	2,00	1,43
2 727	Химическое и керамическое производства	0,60	20,00	1,48
1 394	Пищевое производство	1,00	3,00	1,68
632	Бондарное и корзиночное производства	0,40	2,50	1,56
2	Текстильное производство	0,25	5,00	1,46
54 398	Производство одежды	0,15	5,00	1,62
112 891				

По этому поводу мы должны напомнить, что двадцать четыре делегата фабрикантов собрались в тот вечер, когда они были избраны, и послали коллективное письмо г-ну префекту, в котором они просили его принять меры для предупреждения или рассеяния сборищ вокруг места их заседания. Вы знаете, г-н редактор, была ли эта просьба принята во внимание. Вы сами описали порядок шествия нескольких тысяч человек, пришедших с разных сторон с намерением, которое легко угадать, их остановку сперва на площади Белькур, затем на площади префектуры до конца заседания, на котором обсуждался вопрос о тарифе, где должно было содержаться больше трехсот статей, для обсуждения которых потребовалось бы, по крайней мере, две недели напряженного труда.

В одном пункте мы согласны с г-ном префектом и мы принимаем его определение тарифа. «Власть, — говорит он, — не может урегулировать соглашений между фабрикантом и рабочим, которого тот нанимает...». Тариф — не закон и т. д. Но зачем в таком случае все происходившие собрания, расклеенные объявления и все возникшие по этому поводу споры?

В заключение мы ничего не скажем по поводу письма ста четырех известных фабрикантов к господину префекту, которому ни один из них не был известен, кроме только того, что отсюда видно, что этот чиновник при исполнении своих функций придавал мало значения знакомству с нашей промышленностью и с людьми, руководящими ею».

(Следует большое число подписей фабрикантов, среди которых фигурирует большая часть делегатов.

Б. Воззвания лионского муниципалитета и рабочих-республиканцев г. Лиона.

«Рабочие! Председатели ваших секций направляются ко мне для изыскания, в согласии с вашими магистратами, способов облечения вашего несчастного положения и ваших страданий. Это — честные граждане. Вы можете вполне на них положиться. Слушайтесь их, когда они вам скажут, что первой вашей заботой, как и нашей, должно быть поддержание порядка и восстановление общественного спокойствия.

Я предлагаю вашим председателям столковаться и явиться ко мне возможно раньше. Я готов принять их во всякое время дня и ночи.

Рабочие, вы должны питать уважение к закону, к собственности! Не давайте проникнуть в вашу среду злонамеренным элементам, которые оклеветали бы ваши намерения! Вы назвали меня вашим отцом, и я хочу быть отцом добрых детей.

Префект Дюмолара.

Лион, префектура, 23 ноября 1831 г.

«Лионцы! Обстоятельства, о которых мы все сожалеем, вызвали прекращение работ. Здравый смысл населения гарантирует нас от печальных последствий, которые это могло бы иметь; среди нас царствует порядок, господствует спокойствие, и уже общее желание требует открытия мастерских. Фабриканты, начальники мастерских, рабочие, каждый из нас относится с доверием друг к другу; пусть изгладится из памяти прошлое: скоро в этом городе опять восстановится гармония и счастливая деятельность.

Я поэтому предлагаю всем жителям опять открыть свои мастерские, магазины и взяться опять за свои обычные занятия.

Мэр города Лиона Буассе.

Одобрено префектом Роны Дюмолароп».

Дано в городской думе
24 ноября 1831 г.

«Лионцы! Вероломные магистраты фактически потеряли свое право на общественное доверие. Между нами и ими возвышается гора трупов. Никакое соглашение таким образом невозможно. Лион, столь славно освобожденный своими детьми, должен иметь магистраты по своему выбору, магистраты, руки которых не обагрены кровью их братьев.

Наши защитники выберут синдиков, которые будут председательствовать во всех соответствующих корпорациях и в представительстве города и Ронского департамента.

Лион должен иметь свои коалиции или предварительные собрания, нужды населения провинций наконец должны быть услышаны, и должна быть организована новая гражданская гвардия. Довольно министерского шарлатанства, которое нам предписывает подчинение.

Солдаты, вы заблуждались, придите к нам, пусть ваши раненые скажут вам, являемся ли мы вашими братьями!

Национальная гвардия, распоряжения, отданные вероломными и корыстными людьми, осквернили ваш мундир. Но в сердце мы — французы. Соединитесь с нами для поддержания порядка.

Мы убеждены, что при первом призыве каждый из вас будет на своем посту.

Все честные граждане поспешат восстановить доверие, открыв свои магазины.

Заря истинной свободы с этого утра занялась над нашим городом: пусть ничто не омрачит ее сияния. Да здравствует истинная свобода!

За комиссию рабочих

Локомб, синдик,

Фредерик, вице-президент,

Шарпантье, Лашаппель, синдики».

Лион,
23 ноября 1831 г.

«Лионцы! Несколько ничтожных человек хотят узурпировать власть рядом с властью, защищающей наши магистраты, или, вернее, они хотят ее уничтожить. Лионцы, неужели вы потерпите это? Неужели вы хотите впасть в анархию? Неужели вы будете терпеть иго горсти мятежников? Нет, вы поддержите меня, чтобы дать мне силы восстановить порядок и спокойствие. Ваш город перенес довольно несчастий; надо положить этому конец. Нечего бояться нападений извне; я отвечаю за это головой.

Честные рабочие, которые называли меня своим отцом, помогите мне спасти город от несчастий, которые еще угрожают ему, чтобы я мог заняться вашими делами. Вы не оставите дела порядка, это ваше дело, потому что без порядка не будет работы. Наши внутренние и внешние враги пользуются нашими несогласиями, они готовы их использовать.

Я делаю следующие распоряжения:

Ст. 1. Так как только высшая власть имеет право отдавать приказы, то посты должны признавать только такие приказы, на которых находится печать префектуры.

Ст. 2. Всякий человек, который будет отдавать приказы, не исходящие из префектуры, будет арестован и препровожден ко мне для отдачи отчета в своих намерениях.

Ст. 3. Во имя спасения города я требую, чтобы все граждане взялись за оружие, чтобы обеспечить исполнение мер, которые я должен буду принять для поддержания порядка.

Ст. 4. Предлагаю всем ревностным гражданам, способным исполнять функции штабных офицеров, предложить свои услуги.

Государственный советник,

префект Роны Дюмолар».

Лион,
27 ноября 1831 г.

В. Лионское восстание 1834 г.

Устав общества мютюелизма (взаимопомощи).

(Введение.)

«Справедливость, порядок, братство; совет, помощь и поддержка».

«Труд — сокровище; труд, который по видимости есть только мучение, составляет на самом деле неиссякаемый источник благодеяния и счастья. Тем не менее человек не может и не должен работать беспрерывно. Его здоровью необходим отдых; человеку кроме его труда необходима еще особая жизнь, в которой он мог бы поддерживать долг и обязательства своего состояния; ему необходимо развлечение; чтобы украсить свою жизнь и возвысить свое поприще, ему нужны любовь и добро; он должен, наконец, развивать свое искусство и ремесло, каковы бы они ни были, и должен отдать дань человечеству.

Пчела служит нам как бы образцом и примером — своим трудом, своей кротостью, своей силой и чувством солидарности; пчела, которая прекрасной весной вылетает из своего улья, порхает с цветка на цветок, кружится над ними, лаская их, и возвращается, чтобы обогатить их соком общую сокровищницу и насладиться отдыхом.

Года тысяча восемьсот двадцать восьмого, июня двадцать девятого дня, составлены статуты мютюелизма как устав и акт объединения.

Ассоциация принимает название мютюелизма, что означает принцип взаимности; делай другому то, чего хочешь, чтобы другие делали тебе.

Каждый член ассоциации называется мютюелист, что означает, что он всегда поступает по отношению к другому так, как хотел бы, чтобы поступали по отношению к нему самому.

Мютюелизм основывается на справедливости, порядке и братстве: таковы принципы, которых должны придерживаться все, входящие в ассоциацию. Цель мютюелизма — совет, помощь, поддержка; таковы обязанности каждого члена ассоциации. Таким образом основатели и вновь принятые братья имеют задачей: 1) откровенно и прямодушно оповещать друг друга обо всем, что имеет отношение к их профессии и что может быть полезно им и необходимо; 2) помогать друг другу по силе возможности вещами и деньгами посредством складчины, если с кем-нибудь из них случится несчастье; 3) поддерживать друг друга заботливостью, любовью и советами, считать друг друга братьями и относиться друг к другу по-братски до самой смерти их и их супруг.

Многочисленные благодетельные последствия мютюелизма слишком сложны, чтобы можно было подробно развить их здесь. Они будут предметом обсуждения и собеседований, которые входят главным образом в задачи начальников и советников (indicateurs) малых ячеек, а также инспекторов.

Чтобы упрочить, упорядочить и увековечить мютюелизм, основными правилами его считаются сохранение неприкосновенной тайны в отношении ко всем посторонним и строгое выполнение каждого принципа и каждой статьи. Основатели и братья, которые будут вновь приняты, должны при окончательном акте принятия дать клятву сохранять тайну и свято соблюдать статьи, которые ниже следуют...».

Г. Протест мютюелистов против разгона их общества.

Лионское общество мютюелистов, добровольно находящееся вне политической сферы, полагало, что ему нечего опасаться никаких агрессивных действий со стороны власти, но закон об ассоциациях показывает, что оно заблуждается; этот чудовищный закон, дело самого дикого вандализма, нарушающий самые священные права, приказывает членам этого общества разорвать связывающие их узы и разойтись... Мютюелисты должны рассмотреть и обсудить это.

Принимая как общее положение, что ассоциация есть естественное право всех людей, что она является источником всякого прогресса, всякой цивилизации; что это право вовсе не есть уступка человеческих законов обществу, но результат желаний и потребностей человечества, записанных в провиденциальный кодекс; принимая в частности во внимание, что ассоциация трудящихся является необходимостью нашей эпохи, что она является для них условием существования, что все законы, которые посягают на нее, будут иметь непосредственным результатом оставление их беззащитными со стороны эгоизма и корыстолюбия, которые их эксплоатируют, — принимая все это во внимание, мютюелисты протестуют против убивающего свободу закона об ассоциациях и заявляют, что они никогда не подчинятся игу, которое превращает их в скотов, что они не допустят, чтобы их собрания преследовались; и, опираясь на неприкосновенное право, право жить работая, они будут сопротивляться со всей энергией, свойственной свободным людям, всякой грубой попытке и не остановятся ни перед какими жертвами для защиты права, которого никакая человеческая сила не может у них отнять.

Дюмон, председатель секции, Сабатье, Гетар, начальник центральной ложи; Древэ, Фюльке, старший сын, Офро, Одель, Мишалон, Перрель, Бонар, Боссю, Вилгаз, Бодн».

(Следуют две тысячи пятьсот сорок четыре других подписи).

Д. Воззвание революционеров-республиканцев Лиона.

«Граждане! Наглость наших правителей не знает границ; они думают скрыть таким образом свою слабость, но они ошибаются: народ теперь слишком проницателен. И разве они не знают, что вся Франция отворачивается от них и что нет ни одного честного человека, каково бы ни было его положение, — будет ли это фабрикант или пролетарий, гражданин или солдат, — который решился бы выступить в их защиту!

Граждане! Вот что еще сделало правительство Луп-Филиппа... Приказом от 7-го сего месяца оно назначило нескольких придворных, врагов народа, на очень доходные места. Это еще новые пиявки, которые обогатятся золотом, с таким трудом собираемым нами для уплаты подавляющих нас налогов. Среди них находится Барт, ренегат, произведенный также в пэры Франции... Так вознаграждают людей, лишенных чести, совести, в то время как все те,

которые полезны стране, страдают от нужды; например рабочие и старые солдаты. Но чему тут удивляться? Эти чисты и храбры; они дорожат жизнью только потому, что она дает им возможность любить отечество и служить ему; и за это их сажают в тюрьмы, их убивают на улицах или их посылают в Алжир... Так не поступало бы национальное правительство, республиканское правительство.

Но самым знаменательным актом королевской власти является назначение Персиля в министерство юстиции. Персиль, граждане, — это поставщик эшафотов... Этот Персиль хотел отрубить головы величайшим патриотам Франции, и если присяжные ему в этом отказали, то не из-за недостатка настойчивости с его стороны...

Этот Персиль имел наглость заявить, что надо уничтожить союзы и отменить суд присяжных... Назначая его министром, королевская власть согласилась со всеми его мыслями и разделяет всю ненависть этого человека... Бедная Франция, неужели ты опустишься до такой степени рабства и позора, до которой тебя ведут?..

Закон против ассоциации в данный момент обсуждается в Палате пэров. Мы все знаем, что он там безусловно будет принят. Мы таким образом в самом непродолжительном времени увидим его расклеенным на наших улицах... Вы видите, граждане, они хотят уничтожить не только нашу национальную честь и свободу, но они покушаются на нашу жизнь, на наше существование.

Уничтожая общества, они хотят помешать рабочим поддерживать друг друга в нужде и во время болезней, в особенности помогать друг другу добиваться улучшения их несчастной участи... Народ справедлив, народ добр; те, которые приписывают ему разрушительные и кровожадные мысли,—наглые клеветники; но те, которые лишают его прав и хлеба, — бесконечно преступны.

Рабочие, солдаты, вы все — дети героической Франции. Неужели вы будете терпеть то зло, которым вам угрожают; неужели вы подчинитесь позорному игу, которое готовят для вашего отечества? Нет, в ваших жилах течет французская кровь, в груди у вас бьются французские сердца; вас нельзя поэтому сравнить с трусливыми рабами. Вы все сговоритесь, чтобы спасти Францию и вернуть ей название первой среди наций...».

8 апреля 1834 г.

6. Утопический социализм первой половины XIX в.

А. Шарль Фурье.

«Индустриализм есть самая новая из научных химер: это — мания производить смешанным образом, безо всякой системы в пропорциональном вознаграждении, безо всякой гарантии того, что производитель или рабочий получит часть в увеличении богатства; потому мы видим, что страны промышленные имеют больше нищих, чем страны безразличные к этому роду прогресса. Будем судить системы по их результатам. Англия есть модель для всех народов, предмет их зависти; чтобы оценить благосостояние ее народа, я воспользуюсь свидетельствами неотразимыми.

Собрание хозяев-ремесленников Бирмингама 21 марта 1827 г. объявляет, что промышленность и бережливость рабочих не могут защитить их от бедности, что масса рабочих, занятых в земледелии, не может иметь одежды и действительно умирает с голода в той стране, где есть избыток жизненных припасов. Это известие тем менее подозрительно, что оно исходит из среды хозяев мастерских, заинтересованных в понижении рабочей платы, для которых было бы выгодно скрывать бедность рабочих...

Вот рабство, восстановленное на деле: очевидно, что излишества промышленной конкуренции возведут цивилизованный народ на ту же ступень бедности и порабощения, который достигли народы Китая и Индостана, в древности знаменитые чудесами земледелия и мануфактур...

В тех местах, где цивилизованный народ не умирает от голода, быстро действующего, он умирает от голода медленного, вследствие лишений, от голода спекулятивного, который обязывает его питаться веществами нездоровыми, от голода, заключающегося в излишке труда, в занятиях опасных, в чрезмерном утомлении, от которого происходят лихорадки и другие болезни. Это во всяком случае есть смерть от голода.

И когда он не страдает от голода, то чем он питается? Чтоб об этом судить, нужно ви-

деть вблизи, чем питается французский крестьянин даже в провинциях наиболее плодородных. Восемь миллионов французов не едят хлеба, а питаются каштанами и подобными вещами. Двадцать пять миллионов французов не пьют вина, и, несмотря на то, приходится бросать в помойные ямы целые сборы винограда ввиду невозможности сбыть его.

Вот возвышенный полет промышленности к совершенству; и, несмотря на то, каждый год появляются дюжины новых теорий относительно богатства народа. Сколько богатства в книгах и сколько бедности в хижинах!..

Франция идет туда же, куда и Англия. Париж имеет 86 тыс. бедных, о которых мы имели сведения, и может быть столько же остающихся в неизвестности. Французские рабочие столь несчастны, что в промышленных провинциях, например в Пикардии, между Амьеном, Камбре и Сен-Кантеном, крестьяне в своих землянках не имеют постелей; они делают для себя некоторое подобие постели из сухих листьев, которые в продолжение зимы превращаются в навоз, наполненный червями, так что при пробуждении отцы и дети вытаскивают друг у друга из тела червей. Пища в этих хижинах соответствует изяществу мебели. Такова счастливая участь прекрасной Франции. Можно указать целую дюжину провинций, где бедность находится на такой же степени, например Бретань, Лимузен, Верхняя Овернь, Севенны, Альпы, Юра, Сент-Этьен и даже прекрасная Турень, называемая садом Франции.

На эти указания индустриалисты отвечают, что нужно распространить образование, народное обучение. Да к чему же послужит оно несчастным, которые не имеют куска хлеба? Оно только возбудит их к мятежу. Это унижение человечества, наконец, порождает атеизм, который возрастает пропорционально прогрессу цивилизованной промышленности».

«Как велико в настоящее время число людей, трудящихся действительно и положительно? Оно не простирается выше третьей части народонаселения. При сравнении труда цивилизованных народов с трудом в будущем обществе, обществе гармонии, мы увидим, что две трети нашего народонаселения состоят из людей, ничего не делающих или занимающихся делами отрицательными. Вот таблица непроизводительных лиц в эпоху цивилизации:

I. Домашние паразиты:

1. Три четверти женщин городских и половина женщин деревенских по причине того, что они заняты трудами по хозяйству и домашними хлопотами, потому их день в смысле производительности труда ценится в пять раз дешевле, чем день мужчины.

2. Три четверти детей, вполне бесполезных в городах и мало полезных в деревнях по причине своей неумелости и испорченности.

3. Три четверти всякого рода прислуги, труды которой суть не что иное, как результат усложнения хозяйства, особенно в кухне, и половина прислуги, занятой в конюшнях, и прислуги, имеющей в виду удовлетворение роскоши; сюда же относится и труд, который теперь необходим только благодаря промышленной раздробленности и сделается излишним в ассоциации.

Эти три класса составляют особое отделение в серии паразитов. Они перестанут существовать в ассоциации, где разумное распределение и целесообразное употребление услуг уменьшат на $^3/_4$ или на $^4/_5$ число рук, употребляемых теперь благодаря путанице раздробленных хозяйств и несоединенных семейств.

II. Социальные паразиты:

4. Сухопутные и морские армии, которые отвлекают от труда наиболее здоровое юношество и поглощают бо́льшую часть налогов, способствуют нравственной порче юношества, принуждая его посвящать паразитическому труду те годы, которые оно должно бы употреблять на положительный труд, и от которого оно отвыкает, находясь в военном звании. Бесполезное соединение людей и машин, называемое армией, употребляется на то, чтобы ничего не производить, в ожидании того времени, когда его употребят на разрушение. Это другое назначение будет выяснено дальше. Здесь мы рассматриваем армию только в отношении ничегонеделания.

5. Легионы чиновников для сбора налогов. Одни таможни требуют во Франции службы 24 тыс. человек; прибавим сюда армии по сбору всякого рода налогов, т. е. агентов, употребляемых правительством для получения налогов, и другие армии приставов, полевых стражей, охранителей охоты, шпионов и пр., наконец, все сложные администрации, например администрацию финансов и другие, которые будут бесполезны при том порядке, когда всякая фаланга

будет платить все налоги в определенный день по простому извещению министра.

6. Добрая половина фабрикантов, почитаемых полезными, которые непроизводительны относительным образом, по причине дурного качества приготовляемых предметов. Эти предметы, предполагая всеобщее совершенство (т. е. в обществе гармонии), могли бы уменьшить потерю и удешевить фабрикацию наполовину сравнительно с нынешним состоянием дел и часто на три четверти в подрядах, предпринимаемых для правительства, которое все единогласно обманывают.

7. $^{9}/_{10}$ купцов и коммерческих агентов, потому что истинная торговля в ассоциации исполняет этот род деятельности с помощью $^{1}/_{10}$ агентов, употребляемых при нынешней путанице.

8. Две трети агентов транспорта сухопутного и морского, которые неправильно помещаются в торговом классе и которые к недостаткам запутанного транспорта присоединяют недостатки транспорта рискованного, где их неискусство и неблагоразумие удесятеряют кораблекрушения. Поместим сюда же категорию контрабанды, которая часто приводит к тому, что увеличивает в десять раз сумму движений и агентов, требуемых правильным транспортом. Бывали примеры, что материи, посылаемые из Дувра в Кале, направлялись на Гамбург, Франкфурт, Базель и Париж, делая таким образом пятьсот лье вместо семи, и все это для равновесия торговли и для усовершенствования и уравновешения торгового аппарата.

III. Паразиты прибавочные:

9. Гуляющие по закону, по случаю и секретно, ничего не делающие или по недостатку работы, или для отдохновения. Конечно они отказались бы от этого отдохновения при труде привлекательном; теперь они, напротив, удваивают законные уступки, празднуя святой понедельник, самый убыточный из всех святых, потому что в фабричных городах он празднуется 52 дня в году. Прибавим сюда праздники корпорации, революции, карнавал, именины, брак и столько других, которые без сомнения не будут праздноваться в том обществе, где промышленные собрания будут приятнее, чем праздники и балы у цивилизованных народов. К прогулу нужно отнести также всякое случайное промедление в работе. Если хозяин удаляется, то рабочие перестают работать; если проходит мимо человек или кошка, они все приходят в движение, старшие и младшие опираются на лопаты и смотрят для развлечения: 40 или 50 раз в день таким образом они теряют по 5 минут. Их неделя в сущности сводится только к 4 полным дням. Сколько потерянного времени при труде без промышленного влечения!

10. Софисты и прежде всего контраверсисты (т. е. юристы), те, которые их читают и по их возбуждению вмешиваются в дела партий, в непроизводительные интриги. К спорам, занимающим отдельных людей, нужно прибавить смуты политические и бездеятельность промышленную, которая от них происходит.

Таблица спорщиков и софистов простирается гораздо дальше, нежели обыкновенно думают; предположим, что порядок ассоциации будет порождать только $^{1}/_{20}$ часть нынешних тяжб и что для их окончания он представляет средства столь же простые, сколь нынешние средства запутаны. Отсюда следует, что $^{19}/_{20}$ наших адвокатов суть паразиты; равным образом тот же характер имеют свидетели, путешественники и т. п. Сколько других паразитов софистов, начиная с экономистов, которые сами же вооружаются против паразитов, несмотря на то, что носят их знамя!

11. Праздные, так называемые comme il faut, проводящие свою жизнь в ничегонеделании. Присоединим сюда их слуг и весь класс, который для них трудится, потому что непроизводителен тот, кто служит непроизводительным, подобно ходатаям по делам, которых число в одном Париже доходит до 60 тыс. Присоединим сюда всех участвующих в выборах.

Заключенные в тюрьмах составляют также класс праздный по принуждению, равно как и больные. У природных гармонийцев не будет и $^{1}/_{10}$ части больных, сравнительно с числом их в цивилизации. Хотя болезнь есть зло неизбежное, но оно способно к великому сокращению. Из десяти больных девять заболевают благодаря невыгодным условиям труда в обстановке цивилизованного порядка; эти девять в порядке гармоническом будут здоровы, не во гнев будь сказано докторам.

12. Отщепенцы, люди, находящиеся в открытом возмущении против промышленности, законов, нравов и обычаев. Таковы лотереи и игорные дома — истинная язва общественная, разные рыцари промышленности, падшие женщины, пищие, воры, разбойники и другие отщепенцы, которых число совсем не уменьшается и которые требуют содержания, жандармов и

чиновников, равным образом непроизводительных.

IV. Классы стержневые:

Агенты положительного разрушения, те, которые своими действиями производят голод и чуму или содействуют войне. Цивилизованный порядок оказывает свое высокое покровительство агентам голода и чумы; он обожает любителей ажиотажа и спекулянтов; он поощряет всякое изобретение, которое может сделать войну более истребительною [1].

Агенты производства отрицательного. Я уже доказал, что они чрезвычайно многочисленны, что бо́льшая часть воздвигнутых ими построек, таких, как стены, служащие оградою, говоря относительно, непроизводительны; другие — не что иное, как труды воображаемые, по причине непонимания дела и отсутствия искусства, например здания, которые разваливаются, мосты и дороги, построенные не на месте. Некоторые составляют не прямое опустошение, — например сто рабочих делают, повидимому, полезное дело, вырубая лес, но в самом деле они приготовляют опустошение своей страны и вредят ей больше, чем война, язвы которой залечиваются.

Другие оказываются бичом по своим следствиям, например изобретение новой моды, которое осуждает на нищету 20 тыс. рабочих и притом так, что бездеятельность их служит источником беспорядков».

«В цивилизации существует 16 классов кроме рабства; между всеми этими классами царит корпоративная ненависть; порядок цивилизации со всеми ее пустыми речами о нежном братстве порождает одну только классовую рознь, идущую

в восходящем порядке — ненависти,
в нисходящем порядке — презрения.

Если и приходится видеть в цивилизации некоторые проблески сближения между кастами, как например в Неаполе, где патрициат покровительствует лаццарони, или в Испании, где богатое духовенство протежирует нищим, то такого рода сближение противоположных каст ведет только к беспорядку и всякому злу; будь то в любви, где сближение грандов с женщинами из народа производит только беспорядок появлением на свет незаконнорожденных детей, или, где неравные браки вносят раздоры между семьями; будь то в политике, где богатые часто ищут сближения с бедными, которые им нужны для успешного проведения тех или иных интриг и махинаций.

Слияние неравных сословий станет делом очень легким в обществе гармонии. Высшие классы охотно будут встречаться в общественных местах с низшими, прельщенные весельем, вежливостью, приличием и честностью, царящими на таких собраниях. Беднейшие будут гордиться своим новым положением и высоким назначением своей фаланги, которой суждено изменить весь облик человечества; они постараются превзойти цивилизованных своей честностью и справедливостью: единственное средство в их руках для получения доступа к прибылям. Они быстро усвоят манеры и поведение благовоспитанных классов, так что хороший тон будет царить уже в первой из фаланг, если навербовать ее членов из местностей, известных вежливостью своего населения, как например из окрестностей Тура и Парижа.

Богатые, пропитанные ненавистью к цивилизованному плебею, тем охотнее и искреннее пойдут навстречу низшим классам фаланги; им будет казаться, что это новая порода людей, с которой они быстро сблизятся, помня о грубости и фальши цивилизованных. Они также легко забудут в кругу гармонийцев о своем высоком звании, как легко они забывают его ныне в кругу гризеток, вышедших из народа, но претендующих на хорошие манеры.

Я утверждаю поэтому, что слияние начнется уже со второго месяца совместной жизни; что богатые классы первые восстанут против принципа политики цивилизованных: для того, чтобы существовало несколько богатых, надо, чтобы было много бедных; принцип этот будет быстро заменен следующим: бедные должны пользоваться некоторым достатком для того, чтобы богатые чувствовали себя счастливыми.

Напомним, что одним из наиболее могущественных средств для достижения слияния классов будет естественное воспитание детей, предоставление им полной свободы в выборе игр и упражнений, без всякого вмешательства отцов или наставников».

«...При вступлении каждого члена в фалангу производится оценка всех земель, машин, мате-

[1] Военные в этой таблице поставлены два раза: как агенты войны, производящие разрушения, и как люди, осужденные на бездеятельность, на непроизводительную роль. Различные роли и двойственный характер деятельности военных требуют помещения их в двух местах.

риалов, мебели и обстановки, которые он с собой вносит наличностью.

Правление выдает каждому члену акции или купоны акций, стоимость которых эквивалентна сделанному членом взносу. Можно быть членом фаланги, не будучи акционером; можно также быть акционером, не принимая никакого активного участия в фаланге. В этом последнем случае нельзя получать дивидендов, относящихся на долю труда и таланта.

Годичная прибыль разделяется на три неравные части следующим образом:

$^5/_{12}$ — активным участникам работы,
$^4/_{12}$ — на долю акционерного капитала,
$^3/_{12}$ — на долю теоретических и практических знаний.

Таким образом всякий может участвовать в прибыли соответственно своим данным и способностям».

Б. Луи Блан.

(Отрывки из брошюры «Организация труда». Сентябрь 1840 г.)

«В современном обществе государственный порядок покоится преимущественно на двух людях: миссия одного — фигурировать на парадах, другого — рубить головы. Иерархия консерваторов начинается с короля и кончается палачом.

Когда лионские рабочие восстали, говоря: «Пусть нам дадут хлеба или убьют нас», это требование поставило всех в большое затруднение; и так как обеспечить им жизнь казалось слишком трудным, то их убили. Интересно знать, часто ли намерены люди проделывать столь кровавый опыт?

...Кто же действительно заинтересован в поддержании существующего общественного строя? Никто, положительно никто: богач — не больше, чем бедняк; хозяин — не больше, чем раб; тиран — не больше, чем жертва.

...Докажем: 1) что конкуренция является для народа системой уничтожения; 2) что конкуренция является для буржуазии непрестанно действующей причиной обнищания и разорения.

Отсюда ясно станет, что интересы всех солидарны и социальная реформа для всех без исключения членов общества является средством спасения.

...Общество, подобное тому, которое я только что описал, носит в себе постоянный зародыш гражданской войны.

В настоящее время можно найти много мыслителей, только и думающих над организацией труда. «Что нам за дело, — говорят они, — до всех ваших парламентских распрей и мелких ссор из-за портфелей и ваших дворцовых революций? Спуститесь с нами в недра этого разлагающегося общества; вы там увидите другие объекты для страха и надежды. Эти-то пропасти надо измерить. В конце концов, что собою представляет любое правительство? Силу чисто преходящего свойства. Стоит обновиться обществу, и власть, не соответствующая новой цивилизации, падет сама собой в силу собственной слабости.

Все это — чистейшие софизмы. Несомненно, обновленное общество организовало бы новую власть, но разве существование власти столь независимо от существования общества, что можно, не тронув первой, видоизменить последнее? Когда вы найдете средство обеспечить торжество принципу ассоциации и организовать труд, следуя правилам разума, справедливости и человеколюбия, то как надеетесь вы реализовать ваши доктрины? Власть — это организованная сила. Она опирается на слепой, но упрямый в своей слепоте интерес, на страсти, враждебные всяким новшествам. У власти имеются судебные палаты, которые будут вам грозить своими законами; трибуналы, которые будут вас ударять своими приговорами; солдаты, которые будут разить вас своими штыками. Так захватывайте же власть, если не хотите, чтобы она вас угнетала. Превратите ее в свое орудие, чтобы не натолкнуться на нее, как на препятствие.

Больше того: освобождение пролетариата — дело весьма сложное: оно связано со слишком большим количеством реформ; оно нарушает слишком много навыков; оно наталкивается на слишком много предрассудков; оно противоречит не в действительности, но по видимости слишком многим интересам, чтобы не считать безумием веру в возможность освобождения путем частных усилий и изолированных попыток. Для этого требуется вся сила государства — и то еще не слишком много для такого дела. Пролетариям для освобождения нехватает орудий производства: дело правительства их предоставить.

Нет, без реформы политической невозможна и реформа социальная, ибо если вторая является целью, то первая служит средством.

Не следует ли отсюда, что обсуждение социальных вопросов есть дело праздное, даже опасное, и что надо начать с завоевания власти, а потом решить, что из этого можно сделать? Это все равно, что сказать: начнем с того, что пустимся в путь, а там уже посмотрим, куда нам итти...

Не приводят к выкидышу только те революции, цель которых определена и заранее намечена...

Никогда не будем терять из виду ни средств, ни целей и, далекие от того, чтобы избегать обсуждения социальных теорий, будем к ним обращаться, поскольку это от нас зависит, чтобы не быть застигнутыми врасплох и чтобы оказаться в состоянии управлять силой, когда мы ею овладеем.

Уверены ли вы, что человечество не сумеет извлечь пользу из того, что вы называете мечтой? Уверены ли вы, что мечта сегодняшнего дня не станет действительностью десять лет спустя и что для торжества истины через десять лет не надо мечтать сегодня?..

Роберт Оуэн не был практическим реформатором, когда хотел положить в основу распределения продуктов труда человеческие потребности в обществе, где в основе этого распределения не лежит даже размер оказываемых обществу услуг.

Сен-симонисты также не были практическими реформаторами, когда требовали уничтожения семьи и немедленной отмены права на наследство.

Шарль Фурье не был практическим реформатором, когда ставил распределение всех промышленных и земледельческих работ в зависимость от индивидуального каприза и вводил в свою социальную организацию все, за исключением идеи власти.

Но сколько могучих идей в этих произведениях, в особенности в произведениях Фурье!..

Как же, по нашему мнению, можно организовать труд?

Правительство должно рассматриваться как верховный регулятор производства, облеченный для выполнения своей задачи всей полнотой власти.

Задача его должна состоять в том, чтобы использовать сущность конкуренции для ее уничтожения.

Правительство должно заключить заем, который пойдет на создание общественных мастерских в наиболее важных отраслях национальной промышленности.

Так как создание их требует значительных средств, то первоначально количество мастерских будет строго ограничено; но, в силу лежащего в основе их организационного принципа, они будут обладать силой безгранично расширяться.

Так как правительство рассматривается как единственный учредитель общественных мастерских, то оно и составит их устав.

Работать в общественных мастерских будут призваны все рабочие, в нравственности которых можно быть уверенным, и капиталисты, чьи капиталы будут объединены для приобретения орудий производства.

Так как ложное и антисоциальное воспитание, в котором вырастает нынешнее накопление, заставляет искать в личной заинтересованности побудительные мотивы для повышения производительности, то различие заработной платы будет построено на иерархии функций, причем совершенно новое воспитание должно видоизменить в этом отношении идеи и нравы. Нечего и говорить, что заработная плата во всех случаях должна давать рабочему возможность существования.

В первый год по учреждении общественных мастерских иерархия функций регулируется правительством. Совсем иначе в последующие годы. Так как рабочие со временем сами сделают оценку друг друга и все будут одинаково заинтересованы в успехе ассоциации, то и иерархия впредь будет основываться на избирательном принципе.

Ежегодно будет подсчитываться чистый доход, распределяемый на три части: одна будет распределяться поровну между членами ассоциации; другая предназначается, во-первых, на содержание старых, больных, увечных; во-вторых, на облегчение кризиса, который мог бы разразиться над другими отраслями промышленности; третья — на предоставление орудий труда тем, кто захочет войти в ассоциацию, благодаря чему последняя сможет бесконечно расширяться...

Каждый член общественной мастерской будет иметь право распоряжаться своей заработной платой по своему усмотрению.

Раз уже общественная мастерская будет построена на таком принципе, то само собой по-

нятно, что из нее выйдет. В каждой основной отрасли промышленности будет общественная мастерская, конкурирующая с частной промышленностью. Долго ли будет длиться борьба? Нет, потому что общественная мастерская будет иметь перед любой частной промышленной мастерской то преимущество, которое есть результат общинного начала...

Из солидарности всех рабочих в одной мастерской мы можем сделать заключение о солидарности всех мастерских в одной отрасли промышленности. Для завершения системы необходима еще солидарность различных отраслей промышленности: вот почему из общей суммы получаемой каждой индустрией прибыли мы удерживаем некоторую сумму, дабы государство могло притти на помощь всякой отрасли промышленности, которую независящие чрезвычайные обстоятельства поставили бы в затруднительное положение...

Резюмируем сказанное. Надо попытаться произвести социальную революцию:

1) потому что нынешний социальный строй чересчур полон неравенства, нищеты, безобразия, чтобы он мог долго существовать;

2) потому что нет никого, кто бы не был заинтересован, независимо от положения, ранга, состояния, в торжестве нового социального строя;

3) наконец, потому что эту столь необходимую революцию можно и даже легко произвести мирным путем».

В. Кабэ.

(Отрывки из «Путешествия в Икарию».)

«...Неужели нет лекарства для излечения общественной болезни? Конечно есть, иначе к чему бы служил человеческий разум?

Каково же это лекарство? Устранить причину зла, т. е. уничтожить неравенство, собственность и деньги и на место их водворить равенство во всем и общность.

Так значит общность позволяет соблюсти естественные права? Да, так как ее основной принцип — сохранить и усовершенствовать природное равенство.

Каков ее принцип в отношении личности? Нация или народ образуют истинное общество, построенное согласно общему интересу; все члены нации — братья, члены ассоциации, совершенно равные в смысле прав и обязанностей. Сама нация является лишь семьей; это — единая духовная личность.

Какой принцип лежит в основе пользования благами? Все блага общие и образуют общественный капитал; все земли образуют единое, сообща обрабатываемое, целое.

Какой принцип лежит в основе промышленности? Общественная промышленность едина, т. е. образует единое промышленное целое, где работает народ, как один человек, где производится все необходимое на началах разделения и урегулирования труда, дабы производить сколько возможно больше без двойной работы и без лишней затраты сил.

На каком принципе строятся права и обязанности? Они для всех одинаковы: каждый обязан трудиться равное количество часов в день по мере своих способностей и, согласно его потребностям, имеет право на равную долю всех производимых продуктов.

Нет ли несправедливости в том, чтобы талантливый, гениальный человек получал часть наравне с прочими? Нет, потому, что талант и гений являются результатом воспитания, даваемого обществом, и талантливый человек поэтому был бы ничто вне общества.

Как рассматривается труд? Как общественная служба, а всякая общественная служба рассматривается в свою очередь как труд. Труд и общественная служба рассматривается также как своего рода налог.

Есть ли другие налоги? Нет, исключительно равное участие каждого в труде и общественном служении.

На каком принципе построен труд? Он всеобщ и обязателен для всех: работают вместе, в громадных общественных мастерских, причем стремятся сделать труд насколько возможно более привлекательным, кратковременным, облегченным благодаря применению машин.

Какой принцип применяется к машинам? Их никогда не будет слишком много. Все, что только можно, делается посредством их.

На каком принципе зиждется снабжение пищей, одеждой, квартирой и мебелью? По возможности они должны быть одинаковы для всех, изготовлены общиной в целом и предоставляемы ею каждому. Все делается согласно установленному законом образцу.

Каким принципом руководиться в отношении

Каким принципом руководиться в отношении удовольствий и роскоши? Община производит сначала необходимое и полезное, потом приятное, не ставя при этом иных ограничений, кроме диктуемых разумом.

Можно ли одним махом заменить систему, построенную на собственности и неравенстве, коммуной? Нет, необходим переходный строй.

Каков этот переходный строй? Строй, который, все еще сохраняя собственность, возможно больше устраняет нищету и постепенно сводит на-нет неравенство состояний и общественных прав; строй, который, путем воспитания одного или нескольких поколений, создает пригодных для коммунального строя людей, который в первую очередь открывает свободу для дискуссий и ассоциаций, затем дарует всеобщее голосование.

Почему же сразу не уничтожить собственности? Потому, что собственники на это не согласятся, а мы должны во что бы то ни стало избежать насилия; да и потому, что невозможно в материальном отношении в один момент выполнить все работы, необходимые для коммунального строя.

Итак, надо усвоить принцип коммунальности, но отсрочив полное и окончательное осуществление его? Да, в силу необходимости, потому что аристократия отвергает принцип коммунальности, она отвергнет и переходный строй и какую бы то ни было реформу.

Но как заставить аристократию согласиться на принцип коммунальности? Надо ли пускать в ход силу? Нет, ни насилия, ни революции, а следовательно, ни заговора, ни покушения.

Почему? Я мог бы привести много оснований, но ограничиваюсь теми, которые вытекают из интересов народа и общества в целом.

Внимайте.

Насильственные революции — это война со всеми сопутствующими ей возможностями. Они чрезвычайно трудны потому, что правительство уже самим фактом своего существования обладает колоссальной силой: она заключается в его правительственной организации, во влиянии, которое принадлежит аристократии и богатству, в обладании законодательной и исполнительной властью, в казне, армии и национальной гвардии, трибунале, суде и полиции с тысячами средств разбить и разложить...

...Народ жаждет революции не только теперь: с самого начала мира не проходило и года, чтобы народ не чувствовал потребности сбросить ярмо аристократии для отвоевания естественных прав. И однако как мало делалось активных попыток произвести революцию по сравнению с тем, сколько раз революции жаждали! Среди попыток к революции сколько из них достигали цели, не будучи позднее обмануты или уничтожены аристократией?

Не богатых ли надо спропагандировать в первую очередь? Несомненно так: полезнее всего начинать с них, потому что богатство и знание пользуются большим влиянием и скорее могут обратить других богатых и даже бедных. Скольких последователей имели Ламене и Ламартины, Аржансоны и Дюпон-де-Леры, скольких увлекли они за доктриной, апостолами которой являлись?

Можно ли ждать, что богачи будут обращены? А разве можно сомневаться в этом? Разве нет просвещенных, справедливых, великодушных богачей?

Итак, за дело, за дело, все богатые и бедные, кто только исповедует принцип коммунальности! Обсуждайте, проповедуйте, обращайте, пропагандируйте. Подбирайте мысли и доказательства, могущие облегчить процесс обращения других. Я начал, другим это удастся лучше, чем мне.

Не надо конспираций, не надо конспиративной ассоциации, которой всегда грозят нетерпение и разъединение. Никаких задних мыслей. Только дискуссия.

Не надо частичных попыток осуществления коммунального строя: успех их принес бы мало пользы, а крушение, почти неминуемое, наделало бы много бед. Последователей, только создавать последователей, пока вся масса не усвоит принципа коммунизма.

Если бы я держал революцию в своем кулаке, то я бы его держал сжатым, хотя бы мне грозило умереть в изгнании.

Пылкие коммунисты — ученики, подражатели и последователи Иисуса Христа.

Блюдите доктрину, проповедуемую Иисусом Христом.

Если хотите, скажите, что она слишком прекрасна, что это — мечта, неосуществимая утопия... но вы не смеете говорить, что она безнравственна, презренна, ненавистна.

Не говорите, что коммунизм — это «аграрный закон», потому что это — нечто совершенно противоположное, так как он не хочет дележа.

Не говорите, что коммунизм — это насилие; он зовет лишь к дискуссии, убеждению словом, выявлению общественного мнения и воли нации.

Не презирайте коммунизма: это — самая чис-

тая, самая нравственная и даже самая религиозная доктрина.

...Не презирайте, не отталкивайте настоящих коммунистов, потому что они желают лишь справедливости и порядка, труда и согласия, братства и счастья всех людей.

Коммунальный строй — это взаимное и универсальное страхование всех всеми. При помощи умеренного труда он обеспечивает каждому воспитание, возможность вступления в брак, пищу, квартиру, одним словом — все...».

Г. Коммунисты-революционеры.

(Отрывок из передовой статьи «Коммунистического журнала». Сентябрь 1847 г.)

«...Мы называем наш орган «Коммунистическим журналом» потому, что мы убеждены и знаем, что освобождение может быть достигнуто только путем полного преобразования ныне существующих отношений собственности, — словом, что оно может осуществиться только в обществе, основанном на коммунизме.

Коммунистическое движение многими понимается до такой степени превратно, другими оно намеренно до такой степени искажается и поносится, что мы принуждены все-таки сказать и здесь несколько слов о нем, поскольку мы его знаем и принимаем в нем участие. Мы ограничимся главным образом тем, что заявим здесь, чем мы не являемся. Такое отмежевание наперед отметет многое из той клеветы, которою мы вероятно были бы встречены.

Мы не педанты системы, мы по опыту знаем, как бессмысленно спорить и ломать себе голову насчет учреждений, которые должны быть устроены в будущем обществе, оставляя в то же время без внимания все средства, которые могли бы привести нас к этому обществу. Предоставим философам и ученым строить системы для устроения будущего общества, — мы считаем это и хорошим и полезным. Но если бы мы, пролетарии, стали совершенно серьезно спорить об устройстве мастерских, о форме управления в грядущем коммунистическом обществе, если бы начали ссориться по поводу покроя одежды или лучшего способа очистки уборных и т. п., то мы стали бы попросту смешны и по праву заслужили бы кличку непрактических мечтателей, которую так часто прилагали к нам. Задача нашего поколения — разыскать и доставить строительные материалы, потребные для постройки нового здания; а построить его — это уже задача будущих поколений, и мы можем быть спокойны: в строителях недостатка не будет.

Мы не из тех коммунистов, которые всего хотят достигнуть любовью. Мы не проливаем горьких слез при лунном свете над несчастиями человечества и не замираем затем в восторженном восклицании при мысли о золотом будущем. Мы знаем: наше время серьезно; мы знаем: оно требует от каждого напряжения всех его сил, и мы знаем, что эти грезы о любви — не что иное, как своего рода духовное самоослабление, лишающее каждого, кто предается им, всякой дееспособности.

Мы не из тех коммунистов, которые уже теперь проповедуют вечный мир, в то время как наши враги повсюду готовятся к бою. Мы знаем прекрасно, что нигде, за исключением разве Англии да Северо-американских соединенных штатов, нигде нам не удастся перейти к лучшему строю раньше, чем мы силой добьемся для себя политических прав. Пусть осуждают нас за это иные и пусть ославят нас революционерами. Печали нам от этого мало. Мы по крайней мере не пускаем пыли в глаза народу; мы хотим сказать ему только правду и обратить его внимание на приближающуюся бурю, чтобы он мог к ней подготовиться. Мы не заговорщики, которые хотят начать революцию в такой-то именно день или перебить государей в такой-то срок; но мы и не терпеливые агнцы, безропотно принимающие на себя крест свой. Мы прекрасно знаем, что на континенте должен загореться бой между аристократическими и демократическими элементами, — это знают и враги наши, и они снаряжаются в битву; поэтому долг каждого приготовиться, чтобы нас не застигли врасплох и не истребили нас. Нам предстоит еще выдержать последнюю и серьезную борьбу, и когда наша партия выйдет из нее победительницей, тогда только настанет время, будем надеяться, навсегда отложить оружие в сторону.

Мы не из тех коммунистов, которые верят, что коммунистический строй может, словно по щучьему велению, быть введен немедленно после победоносно проведенной борьбы с врагами его. Мы знаем, что человечество не делает прыжков, а лишь шаг за шагом подвигается вперед. Не

можем мы с вечера на утро перейти из негармонического общества в гармоническое; для этого понадобится, смотря по обстоятельствам, более или менее продолжительный переходный период. Лишь постепенно может быть преобразована частная собственность в общественную.

Мы не из тех коммунистов, которые хотели бы уничтожить личную свободу и превратить весь мир в одну большую казарму или в один большой рабочий дом. Разумеется, есть коммунисты, которые не стесняются, отрицают и хотят уничтожить свободу личности, которая, по их мнению, мешает общественной гармонии; но у нас нет никакой охоты покупать равенство ценой свободы. Мы убеждены, что ни в каком обществе свобода личности не может быть больше, чем в том, которое будет построено на основе коммунизма.

В единстве сила, и только оно в состоянии привести нас к цели.

Поэтому, пролетарии всех стран, объединяйтесь — открыто, где это разрешено законом, потому что наша деятельность не боится света, — и тайно, где это запрещено произволом тиранов. Так называемые законы, запрещающие людям собираться для обсуждения выдвинутых на очередь жизнью вопросов и для требования своего права,— это лишь веление произвола тиранов, и кто им повинуется и уважает их, тот действует как подлый трус, а кто презирает и нарушает их, тот поступает мужественно и честно...».

7. Требования либеральной буржуазии.

(Обвинительный акт, предъявленный Одилоном Барро в бюро Палаты депутатов в заседании 22 февраля 1848 г.)

«Мы предлагаем предъявить обвинение министерству, как виновному:

1. В предательстве иностранцам чести и интересов Франции.

2. В искажении принципов конституции, нарушении гарантий свободы и покушении на права граждан.

3. В попытках путем систематического подкупа подменить свободное выражение общественного мнения низкими расчетами частного интереса и в искажении таким образом представительного образа правления.

4. В продаже, ради чисто министерской выгоды, общественных должностей, равно как всех атрибутов и преимуществ власти.

5. В разорении в тех же интересах государственных финансов и в компрометировании таким образом национальных сил и величия.

6. В насильственном лишении граждан прав, неразрывно связанных с каждой свободной конституцией, пользование коим и было гарантировано партией.

7. Наконец, в оспаривании, путем открытой контрреволюционной политики, всего того, что было завоевано нашими двумя революциями, чем было вызвано в стране глубокое смятение».

8. Программа газеты «La Reforme» («Реформа»).

«Все люди — братья. Там, где нет равенства, свобода — ложь.

Общество существует благодаря неравенству способностей и различию функций; но высшие способности не должны быть связаны с бо́льшими правами: они соответствуют бо́льшим обязанностям.

В этом состоит принцип равенства; ассоциация — необходимая его форма.

Конечною целью ассоциации является удовлетворение умственных, нравственных и материальных потребностей всех через приложение и соревнование различных сил и способностей.

Рабочие были р а б а м и или к р е п о с т н ы м и, теперь они — н а е м н и к и. Необходимо довести их до положения ч л е н о в а с с о ц и а ц и и.

Этот результат может быть достигнут только действием демократической власти.

Истинно-демократической властью является та, которая имеет своим принципом верховенство народа, своим источником всеобщую подачу голосов и целью — осуществление формулы: «свобода, равенство, братство».

Правители в истинной демократии являются только уполномоченными народа: они должны быть ответственны и сменяемы.

Общественные функции не представляют отличий; они не должны составлять привилегий, они являются обязанностями.

Все граждане имеют равное право участвовать в выборе уполномоченных народа и в законодательной работе, но для того чтобы это равенство права не было призрачным, всякая об-

щественная должность должна быть оплачиваема.

Закон есть воля народа, формулированная его уполномоченными. Все должны повиноваться закону, но все имеют право открыто обсуждать закон с целью изменить его в том случае, когда он оказывается плохим.

Свобода печати должна быть охраняема и поддерживаема как гарантия против возможных заблуждений большинства и как орудие прогресса человеческого разума.

Образование граждан должно быть общим и бесплатным. Забота об этом лежит на государстве.

Каждый гражданин должен пройти школу солдата. Никто не может слагать с себя, откупаясь деньгами, обязанность содействовать защите своей страны.

Государство должно взять на себя инициативу промышленных реформ, способствующих проведению такой организации труда, которая вывела бы рабочих из положения наемников и привела бы к положению членов ассоциации.

Кредит частных лиц должен быть заменен государственным кредитом. До освобождения пролетариата государство должно служить банкиром для бедных.

Рабочий имеет такое же право, как и солдат, на признательность государства. Сильному и здоровому гражданину государство обязано дать работу, старому и слабому — помощь и покровительство».

9. Февральская революция.

А. Министерство О. Барро — А. Тьера.

«Граждане Парижа!

Отдан приказ прекратить стрельбу. Король поручил нам составить новое министерство. Палата будет немедленно распущена. Правительство обращается к стране. Генерал Ламорисьер назначен главнокомандующим национальной гвардией. Одилон Барро, Тьер, Ламорисьер, Дювержье-де-Горанн назначены министрами.

Свобода. Порядок. Реформа.

Подписано: Одилон Барро, Тьер».

Б. Отречение Луи-Филиппа.

«Я отрекаюсь от короны, которую воля народная возложила на меня, в пользу моего внука, графа Парижского.

Да преуспеет он в этой великой задаче, которая выпадает на его долю сегодня.

Подписал Людовик-Филипп»

Париж 24 февраля 1848 г.

В. Прокламация временного правительства французскому народу.

«Во имя французского народа.

Ретроградное и олигархическое правительство ниспровергнуто героизмом народа Парижа. Это правительство бежало, оставив за собой кровавый след, который не позволяет ему никогда вернуться.

Кровь народа текла как в июле. Но на сей раз эта великодушная кровь не будет обманута. Она завоевала национальное народное правительство, соответствующее правам, успехам и желанию великого и благородного народа. Временное правительство, созданное немедленно и получившее одобрение народа и депутатов департаментов на заседании 24 февраля, уполномочено обеспечить и организовать в данный момент народную победу.

Оно состоит из: Гр. Дюпона (де-Лер), Ламартина, Кремье, Араго (члены Института), Ледрю-Роллена, Гарнье-Пажеса, Мари.

Это правительство имеет секретарями: Армана Марраста, Луи Блана, Фердинанда Флокона и Альбера.

Эти граждане не колебались ни минуты принять патриотическую миссию, которая возлагалась на них крайней необходимостью. Когда столица Франции в огне, обязанность временного правительства позаботиться о народном спасении. Вся Франция поймет его и будет с ним соперничать в патриотизме. При народном правлении, которое объявляет временное правительство, всякий гражданин — должностное лицо.

Французы! Покажите всему миру пример, данный Парижем Франции. Приготовьтесь, опираясь на порядок и веру в себя, к принятию могучих учреждений, создать которые вы призваны.

Временное правительство хочет республики, по утвержденной народом, который непосредственно будет опрошен.

Единство нации, состоящей отныне из всех классов граждан, которые в нее входят; управление нации ею самой.

Свобода, равенство и братство — как принципы; народ — в качестве девиза и лозунга. Вот демократическое правительство, которое Франция обязана обеспечить себе и которое наши усилия сумеют за ней утвердить!»

10. Первые шаги временного правительства.

А. Декрет о праве на труд

«Временное правительство Французской республики обязуется обеспечить существование рабочего трудом.

Оно обязуется обеспечить трудом всех граждан. Оно признает, что рабочие должны объединиться между собой в союзы, чтобы пользоваться доходами своего труда.

Временное правительство возвращает рабочим по принадлежности миллион, который должен остаться от цивильного листа».

Б. Люксембургская комиссия.

«Принимая во внимание, что революция, совершенная народом, должна быть совершена для него;

что пора положить конец долгим и несправедливым страданиям работников; —

что рабочий вопрос — вопрос наиболее важный из всех;

что нет вопроса, более высокого и более достойного забот республиканского правительства;

что в особенности Франции надлежит со страстью заняться изучением и разрешением задачи, поставленной теперь перед всеми индустриальными нациями Европы;

что нужно без малейшего замедления принять меры, необходимые для того, чтобы гарантировать народу законные плоды его труда, —

Временное правительство республики постановляет:

«Будет назначена постоянная комиссия, которая будет называться правительственной комиссией о рабочих, со специальной и определенной миссией заниматься их положением.

Чтобы показать, какое значение временное правительство придает решению этой великой задачи, оно назначает президентом правительственной комиссии о рабочих одного из своих членов, г-на Луи Блана, вице-президентом — другого своего члена, г-на Альбера, рабочего.

Рабочие будут призваны в комиссию.

Комиссия будет заседать в Люксембургском дворце».

В. Учреждение национальных мастерских.

Французская республика.

Свобода, равенство, братство.

«Рабочие!

Решением от 28 сего февраля 1848 г. министр общественных работ предписал немедленно закончить те общественные работы, которые уже начались.

Со среды, 1 марта, будут организованы в различных местах работы большой важности.

Все рабочие, желающие принять в них участие, должны явиться к одному из мэров Парижа, который примет их заявление и немедленно направит в мастерские.

Рабочие Парижа!

Вы желаете добиться трудом достойного существования. Будьте уверены, что все усилия временного правительства направлены на то, чтобы помочь вам.

Республика ждет, республика имеет право ждать, что патриотизм всех граждан заставит их последовать ее примеру. Таким образом увеличится количество полезного труда.

Итак, пусть работы будут возобновлены повсюду. Рабочие! после победы — труд. Вот еще один прекрасный пример, каковой вы можете дать миру, и вы его дадите.

Министр общественных работ Марн».

Г. Декрет об отмене сдачи работы с торгов и о сокращении рабочего дня.

Французская республика.

Свобода, равенство, братство.

«По докладу правительственной комиссии по делам рабочих, принимая во внимание:

1) что слишком долгая работа не только разрушает здоровье рабочего, но и мешает развитию его интеллекта, унижает достоинство человека;

2) что эксплоатация рабочего подрядчиками, называемыми marchandeurs или tâcherons, по существу несправедлива, изнурительна и противоречит принципам братства, —

Временное правительство республики постановляет:

1. Рабочий день уменьшается на один час. Следовательно в Париже, где он равнялся одиннадцати[1] часам, он уменьшается до десяти; в провинции, где он равнялся двенадцати, он уменьшается до одиннадцати.

2. Эксплоатация рабочих подрядчиками, или marchandage[2], воспрещается.

3. Само собой разумеется, что ассоциации рабочих, не имеющие целью эксплоатации рабочими друг друга, не рассматриваются как marchandage.

Дюпон (де-Лер), Араго, Альбер, Кремье, Флокон, Гарнье-Пажес, Ламартин, Луи Блан, Марраст, Мари»[3].

Париж, марта 2 1848 г.

11. Борьба за знамя республики.

А. Трехцветное знамя.

(Постановление правительства.)

«Временное правительство объявляет, что национальное знамя есть трехцветное знамя, цвета которого будут восстановлены в порядке, принятом Французской республикой; на этом знамени написаны слова: «Французская республика», «Свобода, равенство, братство», — три слова, объясняющие смысл демократической доктрины, символом которых является это знамя, между тем как его цвета являются выражением республиканских традиций.

Как условный знак и как благородное воспоминание о последнем акте народной революции, члены временного правительства и прочие власти будут носить красную розетку, которая будет также прикреплена к древку знамени».

Б. Красное знамя.

(Воззвание О. Бланки.)

«К временному правительству!

С глубокою скорбью прочли сражающиеся республиканцы прокламацию временного правительства, восстанавливающую галльского петуха и трехцветное знамя.

Трехцветное знамя, освященное Людовиком XVI, прославленное первой республикой и империей, было обесчещено Людовиком-Филиппом.

Мы не живем к тому же ни во времена империи, ни во время первой республики.

На баррикадах 1848 г. народ водрузил красное знамя.

Пускай не пробуют его бесчестить.

Оно красно от той благородной крови, которая была пролита народом и национальной гвардией.

Оно ярко развевается над Парижем, оно должно быть сохранено.

Победоносный народ не позволит спустить свой флаг».

---

[1] Обычный рабочий день.

[2] Работа от подрядчика.

[3] Позднейший декрет (21 марта) устанавливал наказание за marchandage — штраф от 50 до 200 франков и шесть месяцев заключения при третьем осуждении.

12. Манифесты к народам Европы.

(Извлечение.)

«Французская революция только что вошла в окончательный период своего существования. Франция — республика; Французская республика не нуждается в признании ее прав на существование; она уже признана естественным правом, правом нации. Она выражает волю великого народа, которая не нуждается в другой санкции. Но так как Французская республика желает занять вполне определенное место среди европейских держав, а не является нарушительницею общеевропейского порядка, вам надлежит тотчас же осведомить правительство, у которого вы аккредитованы, о принципах и стремлениях, которые отныне будут руководить внешней политикой французского правительства.

Провозглашение Французской республики никоим образом не может задеть ни одну из существующих форм правления. Формы правления могут отличаться одна от другой так же, как характер, географическое положение, духовное, нравственное и материальное развитие каждого отдельного народа. Нации, как и всякий человек, переживают известные возрасты. Принципы, являющиеся их выразителями, постепенно проходят через все фазы развития. Монархическая, аристократическая, конституционная и республиканская формы правления представляют не что иное, как известные ступени зрелости народного гения. Нации требуют тем большей свободы, чем шире они могут ею воспользоваться; они добиваются тем большего равенства и демократизации, чем сильнее вдохновляет их чувство справедливости и любви к народу. Это только вопрос времени. Народ гибнет, опережая свою зрелость, и позорит себя, упуская ее. В глазах истинных государственных деятелей монархия и республика не представляют двух абсолютных, смертельно враждующих принципов: это только два явления, которые составляют взаимный контраст и которые могут жить рядом, понимая и уважая друг друга.

Война, явившаяся роковой и славной необходимостью в 1792 г., отнюдь не является поэтому принципом Французской республики. Между 1792 и 1848 гг. прошло полвека. Франция не подвинулась бы вперед, а далеко отошла бы назад, если бы спустя полвека вернулась к принципам 1792 г. или к принципам империи. Вчерашняя революция есть шаг вперед, а не назад. Вместе со всей вселенной мы хотим итти к братству и миру...

Договоры 1815 г. не имеют более правового значения в глазах Французской республики; но она признает все территориальные границы этого договора как факт, принятый ею за основание и исходную точку ее отношений к другим нациям.

Но если договоры 1815 г. являются лишь фактом, подлежащим изменению с общего соглашения, и если Франция во всеуслышание заявляет, что она считает своим долгом и священной миссией притти мирным и законным путем к этим изменениям, то для Европы здравый смысл, умеренность, добросовестность, благоразумие республики являются лучшей и более прочной гарантией, чем буква тех мирных договоров, которые постоянно нарушаются и изменяются сю же самой.

Возьмите на себя труд, милостивый государь, объяснить и заставить искренно признать этот откровенный взгляд республики на возможность освобождения от договоров 1815 г., указав, что в этой откровенности нет ничего, нарушающего спокойствие Европы.

Итак мы громко заявляем, что если пробьет час освобождения угнетенных народов Европы или других стран света; если Швейцарии, нашей верной союзнице со времен Франциска I, будет угрожать стеснение того внутреннего развития, которое ведет к усилению союза демократических государств; если независимые государства Италии будут захвачены; если будут ставиться преграды их внутренним преобразованиям; если вооруженной силой у них будут оспаривать право соединяться для упрочения итальянского отечества, — то Французская республика сочтет себя вправе прибегнуть к оружию, чтобы покровительствовать этому законному движению и росту национального чувства народов.

Республика, как видите, с первых же шагов своих оставила далеко за собой эпоху изгнаний и диктатур. Она твердо решила никогда не нарушать принципа свободы внутри страны; она решила также не нарушать демократических принципов в своей внешней политике. Она не позволит никому закрыть рукой насилия мирное сияние ее свободы от взгляда других наций. Она провозглашает себя союзницей всех прав,

всякого прогресса и всякого законного развития учреждений тех наций, которые захотят жить одними принципами с нею. Она не будет вести тайной и зажигательной пропаганды у своих соседей. Она знает, что только та свобода прочна, которая сама собой зарождается на родной земле. Но она надеется влиять на мир светом своих идей, величественным, зрелищем порядка и мира; она будет честно и решительно привлекать последователей лишь уважением и симпатиями к себе. Это не война, это только неизбежная сила вещей. Это не волнение Европы, это — жизнь. Французская республика не станет поджигать мир, она будет снять со своего места на горизонте других народов, чтобы итти впереди и руководить ими...

Остаюсь, милостивый государь, и т. д.

Министр иностранных дел Ламартин».

13. Из циркуляра Ледрю-Роллена комиссарам правительства.

«Во многих департаментах меня спрашивали, каковы ваши полномочия. Гражданин военный министр озабочен вашими отношениями к военным начальникам. Многие из вас требуют, чтобы им разъяснить, какие отношения должны существовать между вами и судебным сословием. Наконец вам необходимо указать, каковы должны быть ваши отношения к национальной гвардии и какова должна быть ваша роль — это особенно важно — по отношению к выборам.

§ 1. Каковы ваши полномочия? — Они неограниченны. Доверенные революционной власти, вы также революционеры. Победа народа возложила на вас обязанность провозгласить и утвердить его дело; для выполнения этой задачи вы облечены его самодержавием; ограничением вам является одна ваша совесть, так как вы должны делать все, что требуют обстоятельства, для водворения общественной безопасности.

Благодаря нашим правам эта задача не представляет ничего ужасного. До сих пор вам не пришлось сталкиваться ни с одним серьезным сопротивлением: как ни велика была ваша власть, вы ни разу не были вынуждены выйти из пределов умеренности. Не следует однако заблуждаться насчет истинного положения страны: необходимо возбуждать в ней живейшие симпатии к республике, а для этого нужно вверить все политические должности надежным и сочувствующим нам людям. Все префекты должны быть сменены. В некоторых местностях просят об их удержании; вы должны объяснить населению, что нельзя оставлять людей, служивших правительству, каждое действие которого было преступлением...

Вы позаботитесь также о замещении мэров и их помощников. Если муниципальные советы окажутся враждебными республике, вы их распустите и учредите, по соглашению с мэрами, временный муниципалитет. Впрочем обращайтесь к этой мере только в самых крайних случаях: я полагаю что значительное большинство муниципальных советов может быть оставлено в прежнем виде, особенно в том случае, если во главе их будут стоять новые личности...

§ 4. Выборы. Выборы являются важнейшим вашим делом, от них зависит спасение страны. Наше будущее зависит от состава национального собрания. Необходимо, чтобы собрание было воодушевлено духом революции: в противном случае нам не избежать гражданской войны и анархии. В этом отношении особенно берегитесь интриг двуличных людей, которые, послужив королю, называют себя слугами народа. Они обманывают вас, и вы должны отказать им в своей поддержке. Поймите хорошенько, что для того чтобы быть достойным чести заседать в национальном собрании, нужно быть чистым от традиций прошлого. Старайтесь во всем руководствоваться словами: повсюду новые и по возможности вышедшие из народа люди.

Просвещайте избирателей и повторяйте им постоянно, что господство людей монархии кончилось.

Вы понимаете, как велика в этом отношении ваша задача. Воспитание страны еще не окончено, вы должны руководить им. Старайтесь об образовании во всех местностях вашего департамента избирательных комитетов и вникайте серьезно в права кандидатов. Останавливайтесь только на тех, в республиканском образе мыслей которых вы вполне уверены, которые наиболее способны помогать делу республики. Никаких сделок, никакой снисходительности. Пусть день выбора будет днем торжества республики ...».

14. Клуб Барбеса о налоге в 45 сантимов.

«Клуб революции вместе со всем трудящимся населением интересовался применением декрета о временном налоге в 45 сантимов, который касается четырех прямых налогов.

В самом деле, этот налог ложится главным образом и сравнительно очень тяжело на мелких собственников-земледельцев и на сельских работников.

Справедливо указывают, что финансовое бремя, унаследованное от старого монархического режима, должен был бы нести класс цензовиков, который управлял страной, а не народ, который всегда был чужд и враждебен пагубной политике Луп-Филиппа.

Этот добавочный налог возбудил в большей части департамента такое возмущение, что большое число земледельцев — мелких собственников заявили, что они откажутся его платить. Кроме того этот налог противоречит социальному равенству, к которому должна стремиться республика, и республиканской системе в вопросе о налогах, согласно которой вся тяжесть бюджета должна ложиться на привилегированные классы, трудовое же население должно быть свободно от него.

Ввиду этого клуб революции требует от временного правительства:

чтобы в отмену декрета 16 марта мелкие плательщики были освобождены от этого пересбременения налогами;

чтобы добавочный налог взимался, только начиная с известной суммы дохода, и

чтобы он прогрессивно увеличивался, пропорционально величине дохода, которая служит основанием налога».

15. Законопроект Люксембургской комиссии.

«Меры, предложенные Люксембургской комиссией, вкратце заключаются в следующем:

Пункт 1. Необходимо учредить министерство труда, специальная задача которого заключалась бы в подготовке социальной революции и постепенной, мирной, безболезненной ликвидации капиталистического строя.

Пункт 2. Министерству труда следует поручить: 1) посредством выпуска государственной ренты скупить железные дороги и рудники; 2) французский банк превратить в государственный банк; 3) учредить государственное страхование; 4) организовать большие товарные склады, состоящие под наблюдением ответственных чиновников, куда фабриканты и производители могли бы помещать свои товары; полученные взамен документы должны иметь силу бумажных денег; эти документы будут безусловно обеспечены товаром, оцененным компетентными лицами; наконец, 5) открыть базары, которые для мелкой торговли должны играть ту же роль, какую товарные склады для крупной.

Пункт 3. Из чистой прибыли, — которую в настоящее время дают частным предпринимателям железные дороги, рудники, страхование и банки и которая при новой системе перейдет к государству, — и из государственных сборов с товарных складов министерство труда должно составить свой особый рабочий бюджет.

Пункт. 4. Из него должны покрываться расходы на уплату процентов и на погашение долговых обязательств, вытекающих из взятых правительством в свои руки предприятий. Остаток должен итти: 1) на субсидирование рабочих товариществ и 2) на сельскохозяйственные колонии.

Пункт 5. Рабочие товарищества, получающие субсидию от государства и основывающиеся на принципе братской солидарности, должны иметь возможность накоплять неотчуждаемый и беспрестанно растущий коллективный капитал. Только при этом условии уничтожится крупное и мелкое ростовщичество, капитал перестанет быть средством эксплоатации; орудия производства не будут собственностью привилегированных лиц, кредит не будет предметом торговли, и праздность и богатство — исключительным правом избранных.

Пункт 6. Рабочее товарищество, пользующееся государственною субсидией, должно положить в основу своего существования следующие принципы: за вычетом вознаграждения за труд, процентов на капитал и всех затрат на производство и материал, чистый доход распределяется так: одна четверть идет на погашение капитала, принадлежащего собственникам отчужденного государством владения; из второй четверти составляется фонд для вспомоществования престарелым рабочим; третья — распределяется между рабочими в виде дополнитель-

ного вознаграждения; последняя четверть идет на составление резервного фонда. Так организуются товарищества отдельных профессий. Для создания между ними солидарности следует организовать товарищество различных отраслей производства».

16. Люксембургская комиссия и конфликты между рабочими и предпринимателями.

А. Рабочие-булочники обращаются к Л. Блану за помощью.

25 числа Л. Блан получил следующее письмо от делегатов синдиката пекарей:

«Гражданин представитель народа!

Двое из представителей синдиката парижских пекарей должны сделать вам безотлагательное сообщение по поводу серьезных опасений, касающихся изготовления хлеба в нынешний вечер; они вчера дважды совещались с гражданином префектом полиции; сегодня они должны снова с ним увидеться в половине второго. Может быть, вы придете на совещание. Этот мотив делает необходимым сообщение, которое они просят вас выслушать во имя спокойствия Парижа».

Они остаются и пр.

«Суббота, 25 марта, 11 часов и три четверти».

Б. Сообщение «Монитера».

«Сегодня опять прибегли к официальному вмешательству правительственной комиссии о рабочих, но на этот раз при исключительных обстоятельствах. Речь шла об одном из производств (изготовлении хлеба в Париже), малейшие пертурбации которого могут иметь самые серьезные последствия для продовольствия столицы. Рабочие-пекаря образуют корпорацию, страдания их требовали самых быстрых и самых действительных, но не паллиативных средств. Ясное сознание несчастного положения, которое незаметным образом выпало на их долю, среди трудовой организации, сделавшейся вообще невыносимой, еще более раздражило их и внушало им крайние решения. Парижу грозила возможность остаться без хлеба через несколько дней, может быть, на следующий же день. Тем не менее соглашение, и соглашение полное, было устроено сейчас же после того, как его стали добиваться; делегаты хозяев и работников принесли сегодня утром свою тяжбу на третейский суд президента и вице-президента комиссии. Новый тариф был выработан путем непродолжительного полюбовного и совместного обсуждения тяжущимися и был охотно принят обеими сторонами. Большинство рабочих-пекарей стояли во дворе Люксембургского дворца, ожидая с нетерпеливым волнением исхода переговоров. Г-н Луи Блан пришел прочесть решение, которое было встречено всеобщим и восторженным одобрением. Свидетельства самой искренней благодарности, принесенные делегатом той и другой стороны, с лихвой вознаградили комиссию за ее неутомимые старания. Между тем как хозяева выражали свою благодарность комиссии, один рабочий, избранный в делегаты добровольным решением своих товарищей, подошел в сильном волнении к г-ну Луи Блану, горячо пожал ему руку и предложил ему от их имени по два франка, которые должны быть вычтены у каждого из них из платы за ближайший рабочий день и представлены в распоряжение временного правительства. Эти факты многознаменательны, так как они не представляют собою отдельных и исключительных случаев. Не станем вспоминать о затруднительных случаях, к которым было применено посредническое решение комиссии; большая часть из них была предана гласности; не дальше, как вчера, посредством своевременных переговоров с Лионской железнодорожной компанией, комиссия устранила затруднения, грозившие продолжительною разорительную безработицу рабочих-механиков заведения Фарко в городе Сент-Уане; сегодня утром рабочие получили уверение в том, что они могут снова взяться за работу, так как их плата не будет понижена».

17. Отношение к иностранным рабочим.

«По предложению правительственной комиссии о рабочих.

Принимая во внимание, что принцип, провозглашенный торжествующей республикой, есть принцип братства;

что мы сражались и победили во имя и ради всего человечества;

что одно уже название человека выражает нечто неприкосновенное и священное, чего не может стереть различие отечеств;

что кроме того славная особенность Франции, ее гений, ее обязанность состоит в том, чтобы ее победы и — когда это нужно — даже ее страдания призывали на нее благословение народов;

принимая во внимание, что, если она кормит в настоящее время много иностранцев, — еще большее число ее граждан живет своим трудом в Англии, в Германии, в Швейцарии, в Америке, — под самыми отдаленными небесами;

что вызывать ответные меры со стороны других народов, изгоняя из нашей страны наших иностранных братьев, было бы не только позором для нас, но и бедствием, —

временное правительство поручает иностранных рабочих, живущих во Франции, покровительству французских рабочих и вверяет честь гостеприимной республики великодушию народа».

18. Прокламация временного правительства о выборах в Учредительное собрание.

Французская республика.

(Извлечения.)

Свобода, равенство, братство.

«Временное правительство французскому народу.

При всех великих актах жизни народа правительство обязано оповещать нацию.

Вы готовитесь совершить один из величайших актов народной жизни, избрать представителей страны, извлечь из вашей совести и вашего голосования не только правительство и социальную власть, но и целую конституцию. Вы будете организовывать республику.

Мы только провозгласили ее. Поставленные у власти общим согласием во время междуцарствия народа, мы не хотели и не хотим другой диктатуры, как только той, которой требует абсолютная необходимость. Если бы мы не приняли опасный пост, мы были бы трусами. Если бы мы остались на нем хотя бы часом долее, чем этого требует необходимость, мы были бы узурпаторами. Вы сильны.

Мы считаем дни. Мы стремимся как можно скорее передать республику нации.

Временный избирательный закон, составленный нами, есть самый широкий, какой ни у одного еще народа в мире не призывал народ к пользованию высшим правом человека, своей собственной верховной власти.

Право избирать есть право всех без исключения. Со времени этого закона пролетариев нет более во Франции.

Каждый француз, достигший совершеннолетия, есть политический гражданин. Каждый гражданин есть избиратель. Каждый избиратель обладает верховной властью. Право одинаково и абсолютно для всех. Нет ни одного гражданина, который мог бы сказать другому: «Ты обладаешь большей властью, чем я». Созерцайте ваше могущество, готовьтесь пользоваться им и будьте достойными вступить во владение вашим царством.

Царство народа называется республикой.

Если вы спросите нас, какую республику мы подразумеваем под этим именем, каких принципов, какой политики, какой добродетели мы желаем тем республиканцам, которых вы изберете, то мы ответим вам: «Посмотрите на народ Парижа и Франции со времени провозглашения республики».

Народ сражался героически.

Народ торжествовал гуманно.

Народ подавил анархию в самом начале.

Народ тотчас же по окончании сражения разбил орудие своего справедливого гнева. Он сжег эшафот. Он провозгласил отмену смертной казни против своих врагов..

Он признал свободу личности, не ссылая никого.

Он признал свободу религиозной совести; он хочет, чтобы религия была свободна, но без первенства и привилегий.

Он не нарушил собственности.

Он довел честность до того высокого бескорыстия, которое служит предметом удивления и сердечного волнения в истории.

Он выбрал, чтобы поставить их во главе себя, имена самых честных и самых твердых людей, которые были у него под рукой. Они ни разу не выразили ненависти или зависти к богатству.

Ни одного крика мщения против отдельных лиц.

Имя народа стало именем мужества, милосердия и добродетели.

Мы должны сделать вам лишь одно наставление: «Подражайте народу. Думайте, чувствуйте, вотируйте, действуйте так, как он».

19. Против немедленного созыва Учредительного собрания.

Клуб Бланки

«Граждане!

Мы требуем отсрочки выборов в национальную гвардию и в Учредительное собрание. Эти выборы будут комедией. В Париже лишь весьма малое количество рабочих (ouvriers) занесено в избирательные списки. Урны собрали бы лишь голоса буржуазии. В городах класс трудящихся, приученный долгими годами гнета и нищеты к ярму, не принял бы никакого участия в голосовании или очутился бы под руководством своих хозяев как слепой скот. В деревнях все влияние сосредоточено в руках аристократов. Своей системой индивидуального обособления умелая тирания задушила в сердце масс всякое движение. Несчастные крестьяне, доведенные до положения крепостных, оказались бы без ведома опорой для их врагов, которые их угнетают и эксплоатируют.

Наша душа возмущается при мысли, что угнетатели могли бы таким образом воспользоваться плодами своего преступления. Заставлять десять миллионов людей отвернуться от своего собственного спасения, вырвать у их невежества санкцию их рабства — значит совершить святотатство; это было бы слишком наглой насмешкой над февральскими баррикадами.

Народ не знает; нужно, чтобы он знал. Это не дело одного дня или одного месяца. Контрреволюция господствовала в течение пятнадцати лет одна; неужели будет слишком много, если предоставить, быть может, один год свободе, которая претендует лишь на половину трибуны и которая сама не зажмет рта своему врагу. Нужно, чтобы свет проник в последнюю деревушку республики... Нужно, чтобы трудящиеся подняли свои головы, согбенные рабством, и поднялись из того состояния оцепенения и прострации, в котором их держат господствующие касты, возлагая свои ноги на их головы.

И не говорите, граждане, что наши опасения напрасны. Если выборы состоятся, они будут реакционны. Общий голос говорит, что роялистическая партия, единственно организованная благодаря своему долгому господству, решит их исход интригой, подкупом и социальным влиянием и выйдет победительницей.

Вдумайтесь в это. Эта победа равносильна гражданской войне.

Париж, сердце и мозг Франции, не отступит перед натиском прошлого. Вдумайтесь в печальные последствия конфликта между парижским населением и собранием, которое сочло бы себя представителем нации, не будучи им. Это завтрашнее голосование будет неожиданностью и ложью.

Да избавит ваша предусмотрительность Францию от этой великой опасности. Дайте стране возможность родиться для республики. В данный момент она еще заключена в удушливую оболочку монархии. «Отсрочка выборов!» — таков крик парижского народа».

20. Реакция перешла в наступление.

(Воззвание клуба Бланки.

«Граждане! Контрреволюция устроила кровавую баню народу. Мы требуем немедленного предания суду убийц.

Уже два месяца роялистская буржуазия Руана замышляла втихомолку Варфоломеевскую ночь против рабочих... Она сделала большие запасы картечи. Власти это знали.

То там, то здесь раздавались пароли смерти, предвестники катастрофы: «надо покончить с этой сволочью!». В самом деле, сволочь, которая в феврале после трех дней сопротивления заставила буржуазную гвардию признать республику!

Граждане, члены временного правительства, почему в течение этих двух месяцев рабочее население Руана и окрестных долин не было организовано в национальную гвардию?

Почему одна только аристократия имела организацию и владела оружием?

Почему произошло так, что в момент исполнения своего ужасного заговора она встретила только безоружных людей?

Каким образом очутился в Руане 28-й линейный полк, этот зловещий герой предместья Vaise в 1834 г.?

Каким образом гарнизон повиновался приказам генералов, отъявленных врагов республики, генерала Жерара, креатуры и тени Луи-Филиппа?

Они жаждали кровавого реванша, эти наемники низвергнутой династии. Им нужна была

апрельская резня в утешение за второе июля (1830 г.)?

Им недолго пришлось ждать.

Апрельские дни — едва только два месяца после революции. Это быстро, граждане, члены временного правительства!

И ни в чем не было недостатка в этих новых апрельских сценах. Ни в картечи, ни в пулях, ни в разрушенных домах, ни в осадном положении, ни в жестокости солдатчины, ни в издевательстве над мертвыми, ни в единодушном издевательстве газет, этих низших почитателей силы. Улица Transnonain (где было подавлено восстание в 1839 г. в Париже) превзойдена. Читая наглый рассказ об этих похождениях разбойников, вспоминаешь те печальные дни, которые некогда покрыли Францию печалью и позором.

Это те же палачи и те же самые жертвы. С одной стороны — разъяренные буржуа, толкающие на резню идиотов-солдат, которых они напоили вином или ненавистью; с другой стороны — несчастные рабочие, падающие без защиты под пулями и штыками убийц.

Для довершения сходства являются королевский двор, судьи Луи-Филиппа, как гиены, бросающиеся на остатки от резни и наполняющие тюрьмы двумя стами пятьюдесятью республиканцами. Во главе этих инквизиторов находится Франк-Карре, гнусный генеральный прокурор суда пэров, этот Лабордемон [1], который с яростью требовал головы майских инсургентов 1839 г. Повестки о приводе в суд преследуют до Парижа патриотов, бегущих от роялистского преследования.

Ибо в Руане царит роялистский террор, — разве вы не знаете об этом, граждане, члены временного правительства? Руанская буржуазная гвардия с яростью отвергла республику в феврале. Она поносит республику и хочет ее низвергнуть.

Все, что оставалось республиканского, было брошено в тюрьмы. Вашим собственным агентам угрожает смерть, они смещены, и их стерегут. Муниципальных судей Лемассопа и Дирапа тащили по улицам, приставив к ним штыки к груди, в изорванной одежде... Это роялистское восстание восторжествовало в старой столице Нормандии, и вы, республиканское правительство, поддерживаете этих восставших убийц! Измена это или низость?..

Вы отлично знаете, что не было борьбы. Было только убийство. И вы позволяете рассказывать о славных подвигах убийц? Или в ваших глазах, как в глазах королей, кровь народа только вода, которою хорошо от поры до времени поливать слишком загроможденные улицы? Сотрите в таком случае с ваших зданий эту гнусную ложь, состоящую из трех слов, которую вы только что написали: «свобода, равенство, братство».

Если бы ваши жены и ваши дочери, эти блестящие и хрупкие создания, праздно разъезжающие в роскошных экипажах, вдруг были брошены к вашим ногам, растерзанные неприятелем, как огласили бы вы весь мир своими воплями и требованием мести!

Так посмотрите же! Вот на плитах ваших госпиталей, на соломе в мансардах лежат трупы убитых женщин с простреленною буржуазными пулями грудью, грудью, которая носила и кормила рабочих, потом которых жиреют буржуа...

Женщины из народа так же дороги, как и ваши, и их кровь не может, не должна остаться неотомщенной.

Итак, мы требуем:

1. Роспуска и разоружения буржуазной гвардии Руана.

2. Ареста и предания суду генералов и офицеров буржуазной гвардии и линейного полка, которые дали приказ избиения и руководили им.

3. Ареста и предания суду так называемых членов апелляционного суда, назначенного Луи-Филиппом, которые, действуя именем и за счет победоносного роялистского мятежа, арестовали законных судей города и наполнили тюрьмы республиканцами.

4. Немедленного удаления из Парижа линейных войск, которых на братоубийственных банкетах подстрекают к резне парижских рабочих».

21. Документы, изготовленные для опубликования на случай победы народа 15 мая 1848 г.

А) «Временное правительство:

Распайль, Бланки, Луи Блан, Барбес, Ледрю-Роллен, Коссидьер, Собрие, Гюбер, Кабэ.

Б) Именем народа, основателя республики в феврале и мае 1848 г., комитет общественного спасения объявляет:

[1] Лабордемон был председателем суда пэров во время Ришелье; ему принадлежит знаменитое выражение: «Дайте мне одну строчку рукописи человека и я берусь повесить его».

что национальное собрание, состоящее в большинстве из реакционеров, нарушило свои полномочия;

что оно теряло драгоценное время в то время, как наша обездоленность требовала спешных мер;

что оно отказалось создать министерство труда;

что оно захватило аппарат подавления, оставив войска в Париже и дав право президенту призывать как их, так и всю национальную гвардию в Париже;

что оно произвело нападение на свободу и суверенитет народа, провозглашенные на баррикадах в феврале, запретив народу законом представлять петиции непосредственно;

что оно наконец стреляло в народ, мирно пришедший представить петицию в пользу поляков.

Вследствие чего:

Народ Парижа, наш авангард и часовой, взял на себя наблюдение за осуществлением полномочий, данных его представителям, и, обнаружив, что они нарушены, объявляет их лишенными всякой власти и назначает комитет общественного спасения из 9 членов, а именно граждан...

Этот комитет облечен неограниченной властью для проведения мероприятий по учреждению и организации подлинно демократической республики и самому решительному подавлению реакции, если она осмелится вновь появиться.

B) Комитет общественного спасения постановляет, что:

1) Капиталисты, известные в качестве таковых муниципальному комитету, должны уплатить в течение пяти дней со дня извещения, которое им будет послано; сумму в 200 франков с каждой тысячи франков их установленного дохода сверх 1 500 франков дохода каждого члена семьи старше 15 лет — до суммы 3 500 франков; с 3 500 до 5 тыс. франков уплачивается 250 франков, и подобное прогрессивное повышение должно продолжаться до половины дохода.

2) В течение того же срока каждый земельный собственник, платящий от 100 франков до 250 франков поземельного налога, должен уплатить добавочно 25 франков с каждых 50 франков поземельного налога; платящий от 250 франков и до тысячи франков должен добавочно уплачивать 100 франков с каждых 50 франков основного поземельного налога; платящий от тысячи франков до 5 тыс. франков — 150 франков с каждых 50 франков; выше 5 тыс. — 200 франков с каждых 50 франков...

5) По получении первых взносов должно быть сделано немедленное распределение среди нуждающихся — в 3 франка на семью из 3 лиц и в 8 франков на семью из 6 лиц.

6) Рабочей гвардии поручается поддержание порядка.

7) Всякий гражданин, найденный в пьяном виде, будет заключен под стражу и будет получать в пищу лишь суп, хлеб и воду».

22. Назначение национальных мастерских.

(Беседа с г. Мари [1].)

Г-н Марн объяснил мне 20 марта то, что я уже раньше заметил, — что г. Луп Блан желает по личным соображениям вынудить временное правительство создать министерство труда и прогресса, чтобы оправдать свою репутацию среди рабочих, что правительство все еще достаточно энергично сопротивляется его претензиям, видя в них и диктаторские замашки этого человека и полное и немедленное расстройство общественного порядка, но оказалось не в состоянии не согласиться на создание рабочей комиссии, где он мог бы только пытаться дезорганизовать работу, но не дезорганизовать ее фактически.

Г-н Мари сказал мне также, что окончательной целью правительства было лишь допустить этот опыт [2], что сам по себе он будет иметь хороший результат, так как докажет рабочим всю пустоту и вздорность этих неприложимых к жизни теорий и заставит их на себе испытать их разрушительные последствия. Просветившись таким образом, на будущее время они перестанут поклоняться г-ну Луп Блану, который потеряет весь свой престиж, всю свою силу и совершенно перестанет быть опасным.

23 марта г-н Мари вызвал меня в Hôtel de Ville. После заседания правительства я туда отправился и узнал, что открыт кредит в пять миллионов национальным мастерским и что впредь финансовые операции будут легче.

[1] Член временного правительства в беседе с начальником национальных мастерских.

[2] Создание национальных мастерских.

Г-н Мари отозвал меня в сторону и шопотом спросил, могу ли я положиться на рабочих.

— Да, — ответил я, — но число их так увеличивается, что очень трудно иметь на них такое прямое влияние, какого бы мне хотелось.

— Число неважно, — сказал министр, — если они в наших руках, то оно не может быть слишком большим, лишь бы вы нашли путь действительно привязать их к себе. Не жалейте денег: если нужно будет, мы предоставим вам даже секретный фонд.

— Я не думаю, чтоб это понадобилось; в будущем это может быть чревато серьезными осложнениями. Однако какую цель, кроме общественного спокойствия, преследуют ваши советы?

— Общественную безопасность. Считаете ли вы себя в состоянии вполне руководить вашими людьми? Возможно, что близок день, когда понадобится вывести их на улицу.

— Вы будете судить об этом, г. министр.

Г-н Мари, расставаясь со мною (28 марта), снова настаивал на необходимости иметь рабочих в полном своем распоряжении в определенный день. Он спросил, вооружены ли они, и сказал мне, что надо об этом позаботиться и что, если нужно, он даст мне средства для этого».

23. Состав национальных мастерских.

(Из сводки переписи рабочих на 19 мая 1848 г.)

Оружейники	123	Чернорабочие	552
Золотых дел мастера	1 755	Типографы	1 246
Шапочники	1 050	Поденщики	8 976
Булочники	261	Каменщики	4 371
Шорники	265	Купцы	9
Трепальщики	261	Механики	442
Плотники	1 395	Столяры	6 312
Котельщики	381	Литейщики	126
Чеканщики	1 413	Художественный труд	3 957
Приказчики	399	Без профессий	7 636
Граверы	4 210	Портные	1 891
Кондитера	408	Пильщики	852
Сапожники	1 869	Землекопы	1 254
Прислуга	624	Ткачи	1 572
Разные профессии	2 937	Бондари	2 631
Столяры (краснодеревщика)	5 091	Токари	2 629
Кузнецы	576		

24. Порядок зачисления в число рабочих национальных мастерских и формирование бригад.

Французская республика. Национальные мастерские. Регламент о вербовке рабочих в бригады.

«§ 1. Зачисление в бригады различных округов должно производиться на основании порядка, установленного приказами, посланными в мэрии.

§ 2. Не допускается вербовка по воскресеньям и в дни национальных праздников.

§ 3. Чтобы быть завербованным, рабочий обязан:

1. Доказать своей мэрии, что он старше 16 лет, если только он не сирота по отцу, или если он не старший сын родителей, которые имеют 6 детей.

2. Представиться лично и обязательно в день и час, указанный для означенного округа, с удостоверением, в котором указаны: его фамилия, его профессия, его адрес; удостоверение должно быть засвидетельствовано его мэрией и датировано по крайней мере за два дня до вербовки.

3. Рабочий, который служит в гвардии, в день принятия в своем округе должен с разрешения начальника поста притти в центральное бюро.

4. Рабочий, который пожелал бы вступить в бригаду, которая уже была раньше сформирована, должен представиться лично в указанный день и час в своем округе с удостоверением начальника этой бригады, в котором должен быть указан его номер, номер его части.

5. Рабочий, который потеряет свое удостоверение, должен явиться в бюро заявлений с удостоверением своего начальника части, чтобы получить новое, и тогда он должен уплатить 50 сантимов.

6. Рабочие составят бригады из 56 человек, каждая неполная бригада будет дополнена из подлежащих формированию следующих бригад.

Ни одна бригада не выйдет из бюро вербовки неполной, исключая последней.

7. Бригадиры и начальники взводов избираются заранее рабочими, но их бригады или взводы могут быстро быть употреблены для пополнения неполных кадров того же округа. Их назначение делается окончательным только после вербовки.

8. Ежедневно лейтенант, посланный начальником округа, должен являться и указывать номера частей бригад, в которые входят рабочие, вновь завербованные, для того чтобы эти номера были внесены в книжки рабочих.

В книжках должны быть внесены имена и адреса начальников частей, лейтенантов, бригадиров и начальников взводов.

Комиссар республики, директор национальных мастерских

Эмиль Тома».

25. Сближение Люксембурга и национальных мастерских.

«Работники! Мы, делегаты люксембургских рабочих, мы, делегаты национальных мастерских, мы, преданные душой и телом республике, за которую, как все вы, мы сражались, мы просим вас, во имя свободы, купленной столь дорогой ценой, во имя отечества, вами возрожденного, во имя братства и равенства, не присоединять ваших голосов к голосам анархическим и не оказывать им поддержки, не предоставлять ваших рук и сердец в распоряжение сторонников трона, который вы сожгли. Эти люди без души и без характера неизбежно привели бы к анархии страну, которая нуждается только в свободе и труде.

Никто не должен теперь стремиться к иному титулу, нежели к самому прекрасному из всех, к названию гражданина. Никто не должен пытаться бороться с истинным властелином, т. е. с народом.

Подобная попытка была бы гнусным преступлением, и тот, кто на нее решился бы, изменил бы чести и отечеству.

Реакция работает и волнуется, ее многочисленные посланцы будут рисовать перед вашими глазами, братья наши, картины несбыточного, безумного блаженства; она сорит золотом, — не доверяйте ей, друзья, не доверяйте! Погодите, погодите еще несколько дней о тем спокойствием, которое вы уже выказали и которое представляет собою настоящую силу.

Надейтесь, ибо время наступило, будущее нам принадлежит: не поощряйте вашим присутствием манифестаций, в которых народного — только их название.

Поверьте нам, послушайтесь. Единственная вещь, возможная теперь во Франции, — это демократическая и социальная республика.

История последнего царствования — ужасна; не будем же продолжать ее. Не только короля не нужно, не нужно и императора. Нужны только свобода, равенство и братство.

Да здравствует республика!

Пьер Венсар, президент люксембургских делегатов.

Огюст Блюм, вице-президент.

Жюльон, казначей.

Лефор, секретарь.

Бакон, президент делегатов национальных мастерских.

Эжен Гарлен, секретарь.

Петти Бонно, лейтенант.

Ардильон, лейтенант».

26. Июньские дни.

Роспуск национальных мастерских.

«1) Холостые рабочие в возрасте от 18 до 25 лет приглашаются записаться в армию республики для пополнения различных полков.

Имена тех, кто отказывается записаться добровольно, будут немедленно вычеркнуты из списка национальных мастерских.

2) Немедленно должна быть произведена перепись рабочих Парижа. Она должна быть произведена по соглашению с мэриями и служащими национальных мастерских, которые делегируются для этой цели.

Все рабочие, которые не могут формально доказать свое пребывание в Париже в течение 6 месяцев до 24 мая, должны быть рассчитаны, и им прекращается выдача жалованья и вспомоществований.

3) Списки рабочих, распределенных по месту жительства и по профессии, должны быть представлены в бюро, расположенное возможно ближе к центру Парижа, служащие администрации ознакомят с этими списками хозяев. Хозяева могут затребовать любое число рабочих, которое

они признают нужным для возобновления или продолжения своих предприятий. Рабочие, отказывающиеся отправляться на работу, немедленно вычеркиваются из общего списка национальных мастерских.

4) Рабочие, которые не будут исключены из списков согласно предыдущих параграфов и которые в данный момент будут попрежнему составлять часть национальных мастерских, будут оплачиваться сдельно, а не поденно.

5) В возможно более краткий срок будут организованы бригады рабочих и направлены на работы по выполнению крупных общественных сооружений под управлением инженеров путей сообщения.

По поручению министра общественных работ, в порядке приказа, Буланж, генеральный секретарь.

27. Воззвание Национального собрания к национальной гвардии.

«Члены национальной гвардии!

Вы дали вчера и не перестаете давать блестящие доказательства вашей преданности отечеству.

Если на минуту можно было еще спрашивать себя, какова причина мятежа, обагряющего кровью наши улицы, мятежа, который в течение недели столько раз менял требования и знамя, то никакого сомнения не может существовать теперь, когда пожары опустошают столицу, когда формулы коммунизма, призывы к грабежу смело провозглашаются с баррикад.

Без сомнения, голод, нищета, безработица помогли мятежу.

Но между восставшими есть много несчастных, которые вводятся в заблуждение; преступление тех, которые их увлекают, и цель, которую они себе поставили, теперь вполне обнаружены.

Они требуют не республики: она провозглашена.

Не требуют и всеобщего голосования: оно дано в полной мере.

Чего же они хотят? Теперь мы это знаем: они хотят анархии, пожаров, грабежей.

Национальные гвардейцы! Соединимся все для защиты и спасения нашей великолепной столицы.

Национальное собрание объявило непрерывность заседаний. Оно сосредоточило в руках храброго генерала Кавеньяка все полномочия, необходимые для защиты республики.

Многие представители облекаются своими знаками отличия и примешиваются к вашим рядам, чтобы сражаться рука-об-руку с вами.

Собрание не остановилось и не остановится ни перед каким усилием, чтобы выполнить великую миссию, которая ему была поручена. Оно исполнит свой долг так же, как вы исполните свой.

Национальные гвардейцы! Положитесь на собрание так же, как оно полагается на вас.

Да здравствует республика!

Президент Национального собрания Сенар».

24 июня 1848 г.

28. Воззвание рабочих Сент-Антуанского предместья Парижа.

«К оружию!

Мы хотим демократической и социальной республики.

Мы хотим верховной власти народа.

Все граждане республики не должны и не могут желать ничего другого.

Чтобы защитить эту республику необходимо содействие всех. Многочисленные демократы, которые поняли эту необходимость, уже два дня как вышли на улицу.

Это святое дело насчитывает уже много жертв; мы все решились отомстить за этих благородных мучеников или умереть.

Вставайте, граждане! Пусть ни один из вас не уклонится от этого призыва.

Защищая республику, мы защищаем собственность.

Если слепое упорство оставит вас равнодушными ко всей этой пролитой крови, мы все умрем под пылающими развалинами предместья Сент-Антуан.

Подумайте о ваших женах, о ваших детях, и вы придете к нам».

29. Отвергнутый проект прокламации, представленный Консидераном [1].

Национальное собрание к парижским рабочим.

«Братья рабочие! Страшное столкновение обагрило кровью улицы столицы. Многие из вас принудили правительство обратить против вас французское оружие, чтобы спасти республику.

Республиканцы, братья пролили кровь своих братьев.

Во имя отечества, во имя революции, которая должна вас окончательно освободить, во имя человечества, священные права которого мы хотим упрочить и организовать, бросьте, бросьте это братоубийственное оружие.

Неужели для того мы завоевали себе республику, чтобы разрывать друг друга, для того провозгласили демократический закон Христа, святое братство?

Братья, послушайте нас, внемлите голосу представителей всей Франции: вы стали жертвой рокового недоразумения.

Почему вы восстали? Разве страдания, которые оставили за собой 18 месяцев промышленного кризиса и 17 лет испорченности монархического режима, не коснулись всех классов?

Послушайте нас: с одной стороны промышленники обвиняют рабочих и национальные мастерские в плохом состоянии дел; с другой стороны рабочие обвиняют промышленников в своем несчастном положении.

Не есть ли это взаимное обвинение — пагубное заблуждение? Зачем обвинять людей и классы? Зачем обвинять друг друга в страданиях, происшедших от рокового стечения обстоятельств, в страданиях, унаследованных нами от прошлого, которое все мы желаем преобразовать?

Разве мы обогатим себя тем, что будем убивать друг друга? Разве, истребляя друг друга, мы создадим эру братства? С каких пор ненависть и гражданская война сделались плодотворными и производительными? Где найти работу, если мятеж непрерывно волнует Париж? Откуда возьмется хлеб для всех, если все отрасли промышленности остановлены кровавым террором улицы?

Братья-рабочие, мы повторяем вам: вы — жертвы рокового недоразумения.

Рабочие, вас обманывают, вам внушают против нас сомнение, недоверие и злобу. Вам говорят, что в нашем сердце нет святой любви к народу; что мы хотим задушить законное развитие социального принципа февральской революции: вас обманывают, братья, вас обманывают.

Знайте это, запомните это: в своей душе и в своей совести, перед богом и перед человечеством, национальное собрание объявляет вам, что оно хочет работать без устали над окончательным устройством социального братства.

Национальное собрание хочет утвердить и развить всеми возможными и практическими средствами законное право народа, право всякого родящегося на свет человека — жить, работать.

Национальное собрание хочет путем субсидий и поощрений всякого рода утвердить и развить великий принцип ассоциации, цель которого есть свободное соединение всех интересов, всех прав.

Национальное собрание, так же как и вы, хочет всего, что может улучшить судьбу народа, из которого оно вышло, возвысить достоинство трудящегося, сблизить в братском чувстве все члены великого тела нации.

Братья, братья! Дайте вашим представителям время изучить проблемы, покорить препятствия, восстановить демократическим путем целый политический и социальный строй, опрокинутый в три дня геройской победой, и перестаньте, о, перестаньте кровавыми столкновениями раздирать свое отечество».

30. Белый террор против июньских бойцов.

А. Постановление Учредительного собрания.

«Статья 1. В интересах общественной безопасности будут высланы во французские владения, находящиеся за морем, за исключением тех, которые расположены на берегах Средиземного моря, те, ныне заключенные в тюрьмах лица, которые будут изобличены, как участники восстания 23 июня и следующих дней. Женам и детям высылаемых таким образом из Франции лиц будет дозволено разделить участь своих мужей и своих отцов.

Статья 2. Следствие, начатое военными судами, будет продолжаться, несмотря на отмену

[1] Коммунист-утопист, последователь Фурье.

осадного положения, поскольку дело идет о тех лицах, относительно которых на этом следствии выяснится, что они являлись предводителями, виновниками или зачинщиками восстания, что они доставляли или раздавали оружие или военные припасы, командовали или совершили какой-нибудь поступок, увеличивающий их виновность как участников мятежа.

Это относится и к заключенным в тюрьмах и к каторжникам, бежавшим от правосудия и участвовавшим в восстании.

Статья 3. Декретом Национального собрания будет установлен особый режим, которому будут подвергнуты лица, ссылаемые на житье в колонии.

Статья 4. На исполнительную власть возлагается обязанность немедленно приступить к проведению сего декрета в исполнение».

Б. Из инструкции прокурора судебной палаты относительно способов находить июньских бойцов.

«...Удостоверить, почернели ли губы и руки пленных от пороха.

Крупинки пороха могут оставаться между складками или в трещинах мозолистых рук.

На большом пальце, которым кто-нибудь взводил курок ружья, иногда должна оставаться ссадина, чаще всего должен оставаться синяк.

При взрыве от капсулей летят осколки, которые царапают верхнюю часть руки и большого пальца.

Под ногтями, между складками окружающей их кожи, также могут скрываться следы пороха.

Карманы платья должны подвергаться тщательному исследованию: в них может содержаться несколько крупинок пороха или капсюли.

Отдача ружья могла вызвать на плече, к которому был приложен ружейный приклад, контузию.

Пули могли продырявить одежду — круглая дыра; кусок материи мог быть оторван.

Ухо, находившееся возле ружейного приклада, должно, говорят, пахнуть порохом еще через неделю после выстрела»...

31. «Братский союз демократов» в июньские дни.

«Братья! Мы считаем своим долгом обратиться к вам с призывом взять под свою защиту наших братьев, пролетариев Парижа, жертв предателей, убийц и клеветников.

Парижская буржуазия наконец победила в желанном бою. Создатели республики, их жены и дети пали в кровавой битве от рук буржуа. Буржуа упоены сладострастием убийств. И теперь, когда ими создано правительство крови и ужаса, когда они царствуют в пустыне, которую они называют «миром», они торжествующе заявляют своим братьям по подлости в других странах: «порядок царит в Париже».

Лжецы и клеветники буржуазной прессы пытались прикрыть истинные причины восстания 23, 24, 25 и 26 июня, но неудачно. Причины героического восстания для всех, кто внимательно следил за событиями во Франции с февраля, ясны.

Тотчас после своего провозглашения временное правительство объявило, что революция — дело рук народа — должна служить интересам народа. За провозглашением этого принципа следовал декрет, который гарантировал всякому гражданину «право на труд».

Но, кроме плохо организованных национальных мастерских, ничего не было сделано, чтобы выполнить данные народу обещания. Национальное собрание отклонило предложение Л. Блана об организации министерства труда и сопровождало свое решение самыми грубыми оскорблениями. Изо дня в день рабочих национальных мастерских подвергали оклеветанию наемные шельмы в прессе и в Национальном собрании.

Их называли «ворами» и «недовольными лентяями». И, наконец, мастерские были закрыты. Обманутым рабочим оставили выбор между поступлением в армию и голодом. Это дьявольское решение вызвало рабочих на восстание.

Л. Блан предсказывал революцию голода. Париж свидетельствует о восстании голода, но оно было близко к тому, чтобы стать революцией.

Вам говорят: при всеобщем голосовании восстание не может быть оправдано; но мы утверждаем, что нуждой вызванная война против виновников народных страданий при всех условиях оправдана.

Три революции осветили право на сопротивление угнетению. Нужда пролетариев свидетельствует об этом угнетении. Правительство не осуществило гарантированного им «права на труд». Тем самым каждый из тысячи имеет

нравственное право, так как общественный договор ему больше не дает защиты, обороняться против системы, которая обрекала его на нужду и голод.

Парижские рабочие были предательски обмануты, их надежды разрушены, обещания, которые им были сделаны, нарушены, их вожди брошены в тюрьмы, их петиции осмеяны, их право свободы собраний отвратительным законом от 7 июня уничтожено, и, наконец, они были брошены в объятия голода. И поэтому они восстали, поэтому они взялись за оружие с боевым кличем: «Труд или смерть!» Они боролись и пали, как всегда умирали борцы за справедливость.

Клеветники трудовых масс утверждают, что инсургенты объявили войну обществу и цивилизации. А если даже так? Общество ведет с ними войну, — почему им не вести войну против общества?

Мы заявляем, что к обществу, такому, каково оно теперь, у нас нет никакого уважения. «Цивилизация» означает плохо оплаченный труд, голод, тюрьмы, «Бастилии» для масс. Для миллионов цивилизация — ложь, организованное лицемерие, они хотят гибели подобной цивилизации. Рабочих Парижа, которые ожидали счастья, поглотила пропасть страданий. Словами: «свобода, равенство и братство» издевались над ними. Их «свобода» — господство сабли; их «равенство» — в голодной смерти в то время, когда бездельники купаются в излишествах; и, когда они громко заявляют свое решение «жить в труде или умереть в борьбе», тогда гранаты, бомбы и пули объясняют им значение «братства».

Знамя красной республики — знамя пролетариев Европы. Прошло то время, когда массы политическими фразами и номинальными политическими правами могут быть усыплены. Миллионы пролетариев Франции, Англии, Германии понимают теперь, что лучшая бумажная конституция не может гарантировать им не только все человеческие права, но даже главнейших из них. Красное знамя, сорванное в предместьях Парижа, не завоевано. Вера, чьим символом служит это знамя, не ограничивает свою власть одним Парижем, но живет и растет в каждом человеческом улье индустрии, и одно и даже 50 поражений не смогут уничтожить триумфа этой веры...».

32. Из речи Ледрю-Роллена о семье и собственности в Национальном собрании.

(25 августа 1848 года.)

«Я сказал, что красная республика — это только жупел. Если вы выслушаете меня в течение нескольких минут, я надеюсь доказать это. (Слушайте! Слушайте!) Под этим именем вы особенно преследуете социализм. Но я не боюсь социализма. Позвольте объяснить — почему. (Смех на правой.) Я не боюсь его, так как он только сигнал того, на что мои глаза были открыты: глубины нищеты современного общества. Что его средства ошибочны, с этим я согласен.

Но, чтоб показать социализму ошибки, надо что-либо сделать, чтоб возродить страну. Не новую конституцию; поверьте мне, это — не лекарство. В наших законах так много конституций, что мы могли бы снабжать ими все народы мира (смех): нам нужны социальные учреждения.

Позвольте мне сказать, что я — думаю и вся страна в целом — понимаю под действительной республикой. Дело не в названии, даже не во всеобщем голосовании: дело в уважении к семье, в уважении к собственности.

Может быть, вы думаете, что красные республиканцы, как их называют, не уважают семьи? Может быть, вы думаете, что люди, каждый день жизни которых — сплошное страдание, не нуждаются в этой спокойной радости? Хотя единственное удовольствие, которое им доступно, — это семейный очаг. Семья! Нам нужно ясно представить себе это слово. Нам оно нужно не для немногих, а для всех. (Слушайте! Слушайте!) Чтоб все могли иметь свою семью, все должны трудиться. Ибо, где семья ребенка, принесенного в приют для подкидышей? Где семья девушки, не могущей жить своим трудом, вынужденной быть проституткой? Где семья рабочего, почти вынужденного жить с сожительницей. Где семья старого рабочего, умирающего на больничной койке? Где семья для всех их? Мы желаем, чтоб семья была всеобщей. Мы вовсе не относимся к ней без уважения; мы не желаем ее ограничения, мы желаем ее расширения и умножения. (Длительные аплодисменты.)

Вы говорите об уважении к собственности. Позвольте мне сказать: только глупцы не видят, что собственность — первое основание свободы. Мы тоже требуем собственности: ибо мы добиваемся, чтобы рабочий имел или кредит, или орудия своего труда. Мы требуем собственности для всех, доступной и оправданной трудом и, для начала, способной самосохраняться. Вот какой мы ее хотим. И, может быть, мы желаем ее больше вашего. Знаете ли, почему? Потому что мы говорим, что имеются средства для превращения в собственников большего числа рабочих; что в нашей стране, во Франции, все могут иметь место под солнцем; что у вас есть общественное достояние, которое можно разделить; что у вас имеются государственные имения, которые ничего не производят и которые могли бы стать выгодными благодаря индивидуальному труду; что во Франции есть еще много земли для расчистки и много бесплодных пустошей для возделывания. Собственность не может быть слишком умножена, чтоб удовлетворить нас.

Итак, мы уважаем собственность, лишь бы она, подобно семье, была бесконечно умножена. А когда мы это говорим, мы проводим великую идею Конвента. Вы хорошо знаете, что он требовал дробления собственности. И это было правильно, так как все республики — и тут я оспариваю социалистические идеи — в древние и средние века погибли благодаря концентрации собственности, так как и в настоящий момент столь великолепная и гигантская страна, как Америка, глубоко встревожена концентрацией собственности. (Возражения.) Вы понимаете, что мне трудно отвечать на возражения, которых я не слышу. Я говорил и повторяю — и меня не могут опровергнуть те, кто прекрасно знает, что это верно: в Северной Америке собственность страдает именно от своей концентрированности; американцы требуют не аграрного закона, а распределения государственных земель. С одного конца страны до другого они провозглашают: «Земля — вот свобода».

Да, нам нужна собственность, так же как и семья; она нужна нам для всех: если не земельная, то, по крайней мере, как орудие труда».

33. Луи-Наполеон Бонапарт своим согражданам.

(Избирательный манифест.)

«Чтобы возвратить меня из изгнания, вы сделали меня представителем народа. Накануне избрания главы республики мое имя представляется вам символом порядка и безопасности.

Я знаю, что доказательства такого великого доверия относятся более к этому имени, чем лично ко мне, который еще ничего не сделал для своей страны. Но чем более покровительствует мне память императора, и чем больше она влияет на наши выборы, тем более я чувствую себя обязанным выразить вам свои чувства и свои принципы. Между вами и мною не должно быть никаких недоразумений.

Я не из таких честолюбцев, которые мечтают то об империи и войне, то о применении разрушительных теорий. Воспитанный в странах свободных, в школе несчастия, я всегда останусь верным обязанностям, налагаемым на меня вашим избранием и волей собрания.

Если бы я был избран президентом, я бы не отступил ни перед какою опасностью, ни перед какой жертвой, чтобы защитить общество, на которое так дерзко нападают. Я посвятил бы себя всецело, без задней мысли, утверждению республики — мудрой по своим законам, честной по своим намерениям, великой и сильной по своим действиям.

Я поставлю свою честь в том, чтобы к концу четырех лет передать своему преемнику власть — твердою, свободу — неприкосновенною, прогресс — осуществившимся на деле.

Каков бы ни был результат выборов, я преклонюсь перед волею народа, и мое содействие заранее принадлежит всякому справедливому и твердому правительству, которое восстановит порядок в умах и в делах, которое будет деятельно покровительствовать религии, семье и собственности, этим вечным основам всего социального строя, которое проведет возможные реформы, прекратит распри, примирит партии, — одним словом, я наперед заявляю свое сочувствие тому правительству, которое даст беспокойной стране возможность рассчитывать на будущность.

Восстановить порядок — значит возбудить к себе доверие, запастись кредитом на случай временного недостатка в средствах, восстановить финансы.

Покровительствовать религии и семье — значит укрепить свободу вероисповеданий и свободу преподавания.

Покровительствовать собственности — значит обеспечить неприкосновенность продуктов труда, гарантировать независимость и безопасность владения собственностью, утвердить на незыблемых основаниях эти необходимые основы гражданской свободы.

Что же касается до возможных реформ, то вот какие, по моему мнению, наиболее необходимы:

Соблюдение возможной бережливости, которая, не расстраивая общественных учреждений, позволила бы уменьшить наиболее тягостные для народа налоги; поощрение предприимчивости, которая, развивая богатства земледелия, могла бы дать и во Франции и в Алжире работу незанятым рукам; забота о дряхлых рабочих и учреждение для них домов призрения; введение в наши законы о промышленности улучшений, которые привели бы не к разорению богатого в пользу бедного, а к утверждению благоденствия каждого на благосостоянии всех;

справедливое ограничение количества таких должностных лиц, которые, находясь в зависимости от правительства, часто обращают свободный народ в народ опекаемый;

содержание такого гибельного стремления, которое нередко вовлекает государство в такие сферы, где частные лица могут действовать так же хорошо, а иногда даже и лучше, чем государство, — деспотизм по своей природе имеет наклонность к централизированию интересов и предприимчивости, что же касается республики, она отвращается от всякой монополии;

наконец, предохранение свободы прессы от двух излишеств, которые ее всегда компрометируют: от произвола и ее собственной распущенности.

В войне мы не найдем облегчения нашим несчастиям. Ясно, что самым дорогим моим стремлением будет являться сохранение мира. Франция со времени первой революции была воинственна потому, что ее вынуждали к этому. На вторжение она отвечала завоеванием. Теперь, когда ее никто не вызывает, она может посвятить свои силы мирному прогрессу, не отклоняясь, впрочем, от честной и решительной политики. Великая нация не должна высказываться напрасно; лучше ей совсем не высказываться, чем обращаться к пустым угрозам.

Думать о достоинстве нации — значит думать и об армии, — благородный и бескорыстный патриотизм которой часто не был признаваем. Поддерживая основные законы, дающие силу нашей военной организации, необходимо заботиться об облегчении, а не об увеличении тягости конскрипций. Нужно заботиться о настоящем и будущем не только офицеров, но и унтер-офицеров и солдат. Надо дать людям, долго служившим под нашими знаменами, прочное положение.

Республика должна быть великодушна и иметь веру в свое будущее; я хорошо знаю, что такое изгнание и заключение, я от души желал бы видеть тот день, когда отечество будет иметь возможность отказаться без опасения от проскрипций и стереть последние следы наших гражданских несогласий.

Таковы, мои дорогие сограждане, идеи, которые я внесу в мое управление, если вы призовете меня на президентство республики.

Задача эта трудна, миссия эта громадна, — я это знаю. Но я не отчаиваюсь исполнить ее; я призову к себе на помощь людей, известных по своему высокому образованию и по своей испытанной честности; призывая их, я не буду обращать внимания на различие партий.

Прибавлю к этому, что человек, обладающий честью стоять во главе французского народа, имеет верное средство делать добро: ему стоит только желать его.

Луи-Наполеон Бонапарт.

34. Из избирательной литературы для крестьянства во время выборов в законодательное собрание.

(Отрывки из брошюры Г. Валлона, «Les Partageux» — «Раздельщики» и из брошюры Пьера Жуанье, «К моим братьям крестьянам».)

«...Красный — это не человек, это красный; он не рассуждает, он уже не думает. У него уже нет ни чувства истины, ни чувства справедливости, ни чувства красоты и добра. Это уже есть направленное, разумное и свободное существо, каковы вы и я. Без достоинства, без нравственного чувства, без разумности он приносит в жертву своим самым диким, самым грубым страстям свою свободу, свои инстинкты, свои идеи; это падшее и выродившееся существо. Самое его лицо носит признаки этого вырождения. Лицо у него забитое, огрубевшее,

без выражения; мутные, бегающие глаза, никогда не смотрящие в лицо, избегающие взгляда, как глаза свиньи; грубые, негармоничные черты лица; низкий холодный, сдавленный и плоский лоб; немой, невыразительный, как у осла, рот; крупные выдающиеся губы — признак низких страстей; толстый, широкий, неподвижный, без тонкости очертаний и крепко посаженный нос — вот общие характерные черты, которые вы найдете у большинства раздельщиков. На их лицах начертаны глупость учений и идей, которыми они живут...»

«...Смотрите... Допустим, что нас в деревне сто человек и что мы вместе устраиваем общество; мы уговариваемся каждый вносить в общую кассу по франку в месяц. Всего, значит, сто франков в месяц и 1200 франков в год. Один из наших товарищей сваливается больной, — понятно, это все предположения, — денег у него нет, он беден. Ну-с! Вот из этих-то денег мы и покупаем в аптеке лекарства. Что же до его работы, то ее мы не забываем; 99 здоровых соединяются вместе; на соломинке тянем мы жребий, и те, кому досталось, идут в воскресенье обрабатывать его поле, копать мотыгою виноградник, убирать сено или обмолачивать снопы. Взялись пораньше, и глядишь, до обедни все уже кончено; все возвращаются довольные; нет бедных, и больной, поберегшись, выздоравливает скорее. Ну, по совести, будет ли преступлением по отношению к республиканскому правительству пропагандировать и поощрять такое проявление солидарности между людьми? Я этого не думаю, между тем — это социализм...»

35. Состав Законодательного собрания.

(К. Маркс, «18 брюмера».)

«Легитимисты и орлеанисты составляли две крупные фракции партии порядка. Что же привязывало эти фракции к их претендентам и что разъединяло их между собой? Разве это не были лилии и дом Бурбонов, с одной стороны, трехцветная кокарда и дом Орлеанов — с другой, — словом, различные оттенки роялизма? При Бурбонах управляло крупное землевладение со своими попами и лакеями, при Орлеанах — финансовая аристократия, крупная промышленность или крупная торговля, т. е. капитал со своей свитой из адвокатов, профессоров и краснобаев. Легитимное бурбонское королевство было лишь политическим выражением наследственного господства владельцев земли, июльская монархия — политическим выражением узурпированного господства буржуазных выскочек. Итак, в основе разделения этих фракций лежали не так называемые принципы, а условия материального существования, два различные вида собственности, старое противоречие между городом и деревней, соперничество между капиталом и земельной собственностью. Кто станет отрицать, что наряду с этим их привязывали к тому или другому королевскому дому старые воспоминания, личная вражда, опасения и надежды, предрассудки и иллюзии, симпатии и антипатии, убеждения, верования и «принципы»? На различных формах собственности и социальных условиях существования и поднимается целая надстройка разнообразных специфических восприятий, иллюзий, типов мышления, мировоззрений. Каждый класс возводит и формирует эту надстройку сообразно своей материальной основе и окружающим общественным отношениям.

Во времена республики орлеанисты и роялисты оказались рядом и с одинаковыми притязаниями. И если каждая сторона вопреки другой старалась осуществить реставрацию своего собственного королевского дома, то это значило лишь, что каждый из двух крупных интересов, разделяющих буржуазию, — земельная собственность и капитал, — стремился реставрировать свое верховенство, подчинив себе соперника. Как партия порядка, они господствовали над другими классами общества полнее и откровеннее, чем когда-либо раньше при реставрации или июльской монархии. Такое господство было возможно вообще только в форме парламентской республики, так как только эта форма могла объединить в себе оба крупные подразделения французской буржуазии и таким образом осуществить господство всего класса вместо режима какой-либо одной его привилегированной фракции...

В противовес буржуазной коалиции образовалась коалиция мелкой буржуазии и рабочих, так называемая социал-демократическая партия. Мелкие буржуа нашли, что после июльских дней 1848 г. их плохо вознагра-

дили, что их материальным интересам угрожает опасность, а демократические гарантии, долженствовавшие обеспечить эти интересы, поставлены под знак вопроса контрреволюцией. Поэтому они сблизились с рабочими. С другой стороны, их парламентские представители, м о н т а н ь я р ы, заключили союз с вождями социалистов. В феврале 1849 г. устраивались банкеты примирения. Была выработана общая программа, учреждены общие избирательные комитеты, выставлены общие кандидаты. Социальные требования пролетариата получили демократическую интерпретацию, устранившую их революционное жало; демократические притязания мелкой буржуазии, не ограничиваясь одной политической стороной, выдвигали свои социалистические пункты. Так образовалась с о ц и а л-д е м о к р а т и я. Новая «гора», явившаяся продуктом этой комбинации, включала в себя, — если не считать нескольких фигурантов из рабочего класса и нескольких сектантов-социалистов, — те же самые элементы, как и старая «гора», но в большем количестве. Но по мере дальнейшего развития она изменилась вместе с классом, который она представляла. Своеобразный характер этой социал-демократии определялся тем, что она требовала демократически-республиканских учреждений не для того, чтобы при помощи их уничтожить одновременно обе противоположности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы смягчить противоречие между ними и превратить его в гармонию. Какие бы мероприятия ни предлагались для достижения этой цели, как бы эффектно ни украшалась последняя революционными представлениями, сущность дела всегда останется одна и та же. И эту сущность составляет преобразование общества на демократических началах, одинаково выводящее его за пределы мелкой буржуазии...».

36. Тьер об отмене всеобщего избирательного права.

«...Теперь вопрос: кто эти люди, которых мы исключаем? Бедные? Нет, мы исключаем не бедняка, по бродягу, хотя и зарабатывающего разными законными и незаконными средствами себе пропитание, но пропивающего все, что приобретается им на работе, ничего не приносящего в свой дом и не имеющего даже своего собственного жилища.

Это те люди, которые составляют не основу, но самую опасную часть населения скученных пунктов страны; это те люди, которые заслуживают прозвища, столь прославленного историею, — слышите ли вы это? — прозвища толпы. Я знаю, что многие поостерегутся, не захотят лишиться этого орудия; но друзья истинной свободы, или, лучше, истинные республиканцы, — презирают эту толпу, эту подлую толпу, погубившую все республики. Я понимаю, что тираны могут ужиться с этой толпою, — они ее кормят, управляют ею и презирают ее; но не понимаю, как могут любезничать с толпою, стоять за толпу — республиканцы. Само собою разумеется, что это ложные республиканцы, дурные республиканцы.

Это те республиканцы, которые могут быть знакомы до тонкостей с социалистическими учениями, но которые незнакомы с историей. Прочтите несколько страничек истории, и она вам скажет, что эта подлая толпа продала тиранам вольности всех республик. Это та толпа, которая за хлеб и зрелища продала Цезарю свободу Рима.

Это та толпа, которая, сменив вольности Рима на хлеб и цирки, не перестала быть во дни деспотизма столь же изменчивою, как и во дни республики, — возводила на трон императоров, вроде презренного Нерона, убивая их потом без милосердия. Это та толпа, которая возвела на трон Галла и умертвила его через несколько дней за то, что он был очень суров, которая признала подлого Вителлия, которая, наконец, не обладая военным мужеством, предала Рим варварам.

Эта та толпа, которая предала Медичи вольности Флоренции; которая умертвила в Голландии, в мудрой Голландии, Витта, бывшего, как вам известно, истинным другом свободы; которая умертвила Бальи; которая, умертвив Бальи, рукоплескала потом казни жирондистов, — казни, бывшей не чем иным, как самым возмутительным убийством; которая рукоплескала затем заслуженной казни Робеспьера; которая стала бы рукоплескать и вашей и нашей казни; которая подчинилась деспотизму великого человека (Наполеона), знавшего хорошо ее инстинкты и умевшего управлять ею; которая потом рукоплескала падению этого человека; которая, наконец, в 1815 г., зацепив веревкою его статую, опрокинула ее в грязь...»

37. Собственники и переворот 2 декабря.

(Из реакционной брошюры Ромье: «Красный призрак».)

«...Мы подвигаемся вперед: нас ожидает уже не гражданская война, а жакерия. Ликвидировавшие июньское восстание подавили волнения, но не уничтожили нарушителей общественного спокойствия, которые попрежнему продолжали свою деморализирующую общество деятельность. Последние поняли, что конституция является для них лучшим оружием, вооружились ею и начали подводить подкопы, результаты которых невозможно еще предвидеть. Подкопы их проникли во все села; в то время как Париж, Лилль, Страсбург и Лион, имеющие у себя много войска, могут рассчитывать, в случае битвы, на легкую победу, — под остальную Францию подведена мина, готовая взорвать ее по первому сигналу. Ненависть к богатому там, где есть бедные; ненависть к мелкому буржуа там, где есть бедные; повсеместная ненависть низкого к высокому, — вот во что нам превратили, или, лучше сказать, во что мы превратили Францию. И, однако, какой серьезный путь избрало благоразумное правительство ввиду такой близкой катастрофы. Оно все еще продолжает эту скучную комедию, которая зовется политикой и которая, таская за собой свои отребья, разыгрывается на сцене развалившегося театра...

«На реках вавилонских»... Они здесь, эти пролетарии, которые распевают этот гимн ненависти, — здесь, на берегах рек парижских, на берегах всех источников, питающих Францию; они дышат теми днями, когда в их руках будут ваши дети и они расплющат их о камни.

Час судьбы пробьет; и пусть лжемудрствующие присутствуют на этом кровавом представлении, ими самими поставленном в театре, разрушить который будет для них тогда уже поздно...

Организация 1789 г. не дает такого рычага, которым можно было бы поддержать общество в его падении. Это общество прокуроров и лавочников находится в агонии, и если оно еще может ожить, то только тогда, когда за спасение его возьмется солдат. Только пушкой можно разрешить вопросы нашего столетия; и она разрешит их, *хотя бы ей пришлось притти для этого из России*.

Армия, одна только армия, может спасти нас. Когда я говорю «нас», я подразумеваю не то общество, которое существует в настоящее время, а то, каким оно должно быть, — общество, ни во что не вмешивающееся, знающее только свои семейные и личные интересы, думающее лишь об удовольствиях, — общество, наслаждающееся благотворною теплотою божественного солнца, живущее науками и искусствами, составляющими его славу, войною, создающею его величие, любовью, созидающею ему на земле рай, — общество, которое забудет Ж.-Ж. Руссо и откажется от своих то смешных, то кровавых безумств, доставшихся нам по зачумленному завещанию, идущему от позорного царствования Людовика XV...

Человеческие споры должны разрешаться мечом. Вам будут создавать прекрасные государственные теории, будут разыскивать способы к просвещению цивилизации и нравственному усовершенствованию (я употребляю самые красивые слова из слов новейшего изобретения), но все это не может изменить натуры человека и предупредить тот день, когда обстоятельства заставят людей прибегнуть к силе, как к единственному средству, могущему разрешить их споры. Споры разрешаются только одной силой. Сила остается силою, какой бы характер она ни имела: она может иметь мирный характер, когда будет опираться на букву закона, как она проявляется в собрании, где большинство подавляет меньшинство; она может иметь насильственный характер, когда будет опираться лишь на свое собственное могущество, как она проявляется во время войны, когда искусство и храбрость являются основанием всякого права...

На зло идеологам материальная сила никогда не перестает быть высшей поддержкой сильных.

Я не стану сожалеть о том, что живу в такое печальное время, если мне придется хоть один раз вполне насладиться зрелищем охоты за этою зверскою и глупою толпою, которая всегда возбуждала во мне ужас, — когда я вдоволь нагляжусь на то, как будут погонять и бичевать ее, подобно тому как гоняют и бичуют дикого зверя. О, если бы я мог, наконец, видеть, как выметают ту грязь, в которой гордо валяется наше поколение, как одним ударом будет снята лживая шкура с наших философов и трибунов всех родов!.. Увидев это, я запел бы от всего сердца гимн Симеона, запел бы даже в том случае, если бы мне пришлось умереть вслед за этим пением.

Но не будем отчаиваться. Кровь будет пролита, прольются слезы. Нищета опутает своими холодными сетями обманутый народ; он будет наказан сурово голодом и ядрами; изумленные буржуа выдержат кризис во всех его разнообразных фазах, ничего не понимая в этом колоссальном смятении, которое и из их среды похитит многих; но к концу всех этих страшных неурядиц — они, как я думаю, будут непродолжительны, — к концу их утвердится сильное правительство, которое откроет новую эру власти. Во время этих неурядиц власть будет переходить из одних рук в другие, которые будут отстаивать ее с оружием в руках. Но в конце концов софизмы утратят свое обаяние и перестанут приводить общество к своим ужасным последствиям; лучше видеть, что народ сражается за Цезаря, чем за национальные мастерские».

38. «18 брюмера Луи Бонапарта».

(К. Маркс об отношении различных классов к перевороту Луи Бонапарта, «18 брюмера».)

А. Буржуазия.

«Французская буржуазия восстала против господства рабочего пролетариата и упрочила господство за пролетариатом босяков, с шефом «общества 10 декабря» во главе. Буржуазия держала Францию в нескончаемом страхе перед грядущим террором красной анархии. Бонапарт 4 декабря дисконтировал это грядущее, когда воодушевленная водкой армия порядка расстреливала по его приказанию на Монмартрском и Итальянском бульварах почтенных буржуа в окнах их собственных квартир. Буржуазия превозносила саблю — сабля господствовала над ней. Она уничтожила революционную прессу, — собственная ее пресса была уничтожена. Она отдала под полицейский надзор народные собрания, — ее салоны отданы под полицейский надзор. Она распустила демократическую национальную гвардию, — ее собственная национальная гвардия распущена. Буржуазия ввела осадное положение, — теперь ее поставили в осадное положение. Она вытеснила присяжных военными судами, — ее присяжные вытеснены военным судом. Она подчинила народное просвещение попам, — попы подчинили ее своему собственному просвещению. Она ссылала без суда, — ее ссылают без суда. Каждое общественное движение подавляла она государственной властью, — каждое движение ее общества подавляет государственная власть. Одушевленная страстью к своему денежному мешку, она восставала против собственных политиков и литераторов, — ее политиков и литераторов устранили и затем, когда рот ее был заткнут, а перо сломлено, ее денежный мешок разграбили...»

Б. Пролетариат и мелкая буржуазия.

«Почему парижский пролетариат после 2 декабря не поднял восстания?

Низвержение буржуазии было только декретировано, но декрет еще не получил выполнения. Всякое серьезное восстание пролетариата тотчас оживило бы буржуазию, примирило бы ее с армией и обеспечило бы пролетариату второе июньское поражение.

4 декабря буржуазия и лавочники возбуждали пролетариат к борьбе. Вечером того же дня некоторые легионы национальной гвардии обещали явиться на место борьбы в форме и с оружием в руках. Буржуа и лавочники к тому времени узнали, что Бонапарт одним из декретов 2 декабря отменил тайное голосование и заставлял их таким образом писать «да» или «нет» в открытых официальных списках рядом со своим именем. Волнения 4 декабря перепугали Бонапарта. В течение ночи он велел прибить на перекрестках Парижа плакаты, объявлявшие о восстановлении тайного голосования. Буржуа и лавочники сочли свою цель достигнутой. И среди тех, кто на следующий день не пожелал выйти на улицу, на первом месте были буржуа и лавочники.

Парижский пролетариат потерял во время ночного нападения Бонапарта с 1 на 2 декабря своих вождей, командиров баррикад. Оставшись с армией без офицеров и под свежим воспоминанием июньских дней 1848 и 1849 гг. и майских дней 1850 г. отнюдь не склонной бороться под знаменем монтаньяров, он предоставил своему авангарду — тайным обществам — спасать инсуррекционную честь Парижа; буржуазия спасовала перед солдатами с такой беспомощностью, что впоследствии Бонапарт, разоружая ее национальную гвардию, выставил следующий иронический мотив: он боится, что национальные гвардейцы буржуазии под влиянием анархистов злоупотребят своим оружием против самой буржуазии...»

В. Крестьянство.

«Как Бурбоны были династией крупного землевладения, Орлеаны — династией денежного мешка, так Бонапарты суть династия крестьян, т. е. французской народной массы. Не Бонапарт, подчинявшийся буржуазному парламенту, а Бонапарт, разогнавший буржуазный парламент, — истинный избранник крестьян. Три года городам удавалось фальсифицировать истинный смысл избрания 10 декабря, обманывая надежды крестьян на восстановление империи. Волю избирателей 10 декабря 1848 г. выполнило лишь coup d'état 2 декабря 1851 г.

Парцеллярные карликовые крестьяне составляют огромную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, друг с другом в какие-либо прочные и сложные отношения. Их способ производства не только не создает между ними взаимного общения, но прямо-таки изолирует их друг от друга. Изолирование увеличивается еще благодаря плохим путям сообщения во Франции и бедности крестьян. Поле производства, мелкий участок земли, не требует для своей обработки ни разделения труда, ни применения науки, не требует, следовательно, разностороннего развития, разнообразия талантов, сложности общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти довлеет себе, самостоятельно производит большую часть предметов своего потребления и добывает таким образом жизненные средства более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Клочок земли, — крестьянин и его семья; рядом другая парцелла, — другой крестьянин и другая семья. Известная сумма таких семейств образует деревню, известная сумма деревень — департамент. Таким образом наибольшая часть французской нации составляется путем простого сложения одноименных величин, вроде того, как мешок картофеля из отдельных картофелин. Поскольку миллионы семей существуют в экономических условиях, благодаря которым они по своему образу жизни, по своим интересам и образованию отличаются от всех других классов и даже враждебны им, они сами образуют класс. Но поскольку между малоземельными крестьянами существует только локальная связь, поскольку тождественность их интересов не создает никакой общности, никакого национального объединения, никакой политической организации, они не образуют класса. Они поэтому не способны защищать свои классовые интересы от собственного имени ни в парламенте, ни в каком-либо конвенте. Они не могут сами представлять себя, они должны быть представлены другими. Их представитель должен быть в то же время их господином, авторитетом, вооруженным неограниченной правительственной властью, которая защищает их от всех других классов и посылает им сверху дождь и солнечные лучи. Политическое влияние малоземельных крестьян находит себе, таким образом, наиболее полное выражение в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество.

Под влиянием исторической традиции среди французских крестьян возникла вера, что некий муж, по имени Наполеон, принесет им с собою все блага земные. И вот явился человек, которого выдавали за этого мужа, ибо он носил имя Наполеона, основываясь на статье наполеоновского кодекса, которая гласит: «незаконно рожденным воспрещается разыскивать отца». Обетование, наконец, исполнилось, и муж этот после двадцатилетнего бродяжничества и целого ряда удивительнейших приключений стал императором французов. Idée fixe племянника осуществилась, так как она совпала с idée fixe многочисленнейшего класса французов.

Но дело в том, что династия Бонапарта представляет не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится выйти за пределы социальных условий своего бытия, за пределы своей парцеллы, а того, который хочет, напротив, укрепить эти условия; не то сельское население, которое собственной энергией, соединившись с городами, хочет низвергнуть старый порядок, а то, которое, упрямо замкнувшись вместе со своими парцеллами в рамках этого старого порядка, жаждет спасения и покровительства от призрака империи. Династия Бонапарта является представительницей не просвещения, а суеверия крестьян, не их рассудка, а их предрассудков, не их будущего, а их прошедшего...»

39. Прокламация президента республики Луи Бонапарта от 2 декабря.

Воззвание к народу.

«Французы! Настоящее положение дел не может продолжаться долее. Каждый проходящий день увеличивает опасное положение страны. Собрание, вместо того, чтобы быть самой твердой опорой порядка, стало очагом заговоров. Патриотизм трехсот его членов не мог остано-

вить его пагубных стремлений. Вместо того чтобы создавать законы в интересах всех, оно кует оружие для гражданской войны; оно посягает на власть, которую я получил прямо от народа; оно разжигает все дурные страсти; оно нарушает спокойствие Франции: я распустил его и пусть весь народ будет судьей между мною и им.

Конституция, как вы знаете, была составлена так, что заранее ослабляла власть, которую вы мне захотели доверить. Шесть миллионов голосов были блистательным протестом против нее, а между тем я точно соблюдал ее. Я относился бесстрастно к вызовам, к клеветам, к оскорблениям. Но теперь, когда основной договор не уважается даже теми, которые беспрестанно на него ссылаются, и когда люди, погубившие две монархии, хотят связать мне руки, чтобы ниспровергнуть республику, я считаю своим долгом помешать их бесчестным замыслам, поддержать республику и спасти страну, призвав в торжественные судьи единственного повелителя, которого я признаю во Франции,— народ.

Итак, я делаю честное воззвание ко всему народу и говорю вам: если вы хотите сохранить это беспокойное состояние, унижающее наше достоинство, компрометирующее наше будущее, то выбирайте другого на мое место, потому что я не хочу власти, бессильной делать добро,—власти, которая налагает на меня ответственность за действия, предотвратить которые я не в силах, и которая не позволяет мне распоряжаться рулем в то время, когда я вижу, что корабль стремится к погибели.

Если, напротив, вы имеете еще ко мне доверие, то дайте мне средства выполнить великую миссию, которую вы мне довверили.

Эта миссия состоит в том, чтобы закончить эру революций, удовлетворяя законным потребностям народа и предохраняя его от разрушительных страстей. В особенности она заключается в том, чтобы создать учреждения, которые переживут людей и сделаются основанием, на котором можно будет построить что-нибудь прочное.

Убежденный, что неустойчивость власти и перевес в правительстве собрания служат постоянными причинами волнений и раздоров, я повергаю на ваше голосование следующие главные основания конституции, которые следующие собрания разовьют впоследствии:

1. Ответственный глава избирается на 10 лет.

2. Министры, зависящие единственно от исполнительной власти.

3. Государственный совет, составленный из наиболее отличившихся людей, составляющих законы и поддерживающих их во время прений в законодательном корпусе.

4. Законодательный корпус, разбирающий и вотирующий законы, избранный всеобщею подачею голосов,, без открытой подачи голоса, которая извращает выборы.

5. Второе собрание, составленное из знаменитостей страны, — власть уравновешивающая как охрана основного договора и политических вольностей.

Эта система, созданная в начале нынешнего века первым консулом, дала уже раз Франции спокойствие и благосостояние; она утвердит их и на этот раз.

Таково мое глубокое убеждение. Если вы его разделяете, докажите его своим голосованием; если же, напротив,, вы отдаете предпочтение правлению бессильному, все равно—монархическому или республиканскому, заимствованному из бог знает какого прошедшего или бог знает какого химерического будущего, тогда отвечайте отрицательно.

Итак, в первый раз после 1804 г. вы будете голосовать с полным знанием дела, хорошо понимая, за кого и за что вы голосуете.

Если я не получу большинства ваших голосов, тогда, я созову новое собрание и передам ему полномочие, которое я получил от вас.

Но если вы думаете, что дело, символом которого служит мое имя, т. е. Франция, возрожденная революцией 1789 г. и организованная императором, продолжает быть вашим делом, то объявите, это, дав мне власть, какую я от вас требую.

Тогда Франция и Европа будут предохранены от анархии, препятствия сгладятся, соперничества исчезнут, потому что все будут видеть в решении народа указание промысла божия.

Луи-Наполеон Бонапарт».

Дано в Елисеевском дворце,
2 декабря 1851 г.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 Г. В ГЕРМАНИИ.

Мартовская революция в Германии

Мартовская революция в Германии должна была вместо сословно-самодержавного государства создать государство буржуазии. В стране ремесленно-цеховые формы еще судорожно цеплялись за жизнь, не изжиты были формы классовой борьбы, порожденные старым порядком, а полуразрушенное и полуразложенное феодальное общество, которое было в то же время уже и капиталистическим обществом,—хотя капиталистическим всего лишь в смутных, расплывчатых и ублюдочных сочетаниях,—было чревато новыми классовыми противоречиями и новой классовой борьбой между буржуазией и пролетариатом. В этом сочетании элементов «старого порядка» и капитализма характерная особенность Германии первой половины XIX в. Пестрая смесь прошлого с будущим определила ход и судьбу мартовской революции, как «незаконченной буржуазной революции». Но когда говорят о германской революции, необходимо предварительно условиться, что понимать под словом «Германия». В XIX в. оно служило наименованием для 30 с лишним мелких государств».

После войн Наполеона население Германии было подвластно одному императору (австрийскому), 5 королям и 29 суверенным князьям. Центральными государствами Германии были Австрия и Пруссия Характеристикой австрийской революции 13 марта и прусской—18 марта—мы и займемся в этой главе. Нас также будет интересовать национальное движение имевшее целью объединение Германии.

Германия первой половины XIX в.

Что представляла собою в экономическом отношении Германия первой половины XIX в.? В стране преобладало сельское хозяйство в ремесло. Жители городов Пруссии составляли к 1849 г. 28,4% всего населения страны, причем до 1840 г. рост сельского населения заметно не отставал от роста городского населения. В Пруссии в 1849 г. только Берлин насчитывал 300 тыс. жителей, в городах с населением свыше 10 тыс. было лишь 10½% обитателей страны, а с числом жителей свыше 100 тыс.—3%. При этом в городах с населением свыше 5 тыс. до 20% жили сельским хозяйством. Также обстояло дело и в Австрии. Здесь в 1846 г. на города со стотысячным населением приходилось всего 2,8% населения. Самый большой город Австрии—Вена—насчитывал 408 тыс. чел. Австрия—государство национальное! Во всей стране насчитывалось всего 20 городов с количеством жителей 10 тыс. человек. Промышленность страны еще была опутана цеховыми ограничениями. В Австрии заниматься промышленной деятельностью имел право лишь тот, кто получил от цеха в установленном законном порядке звание мастера. То же и в Пруссии. Так, в Пруссии в 40-х годах XIX в. на 457 365 самостоятельных мастеров приходилось 384 783 подмастерья и только 78 тыс. фабричных предприятий с 550 тыс. рабочих. Сильно развита была домашняя промышленность. В Пруссии, скажем, было 217 388 ткацких станков, установленных в предприятиях, и 585 835—на дому. Машина только начинала пробивать себе путь в промышленности. В Австрии в 1841 г. применялась 231 паровая машина. Из этого числа больше половины в текстильной промышленности. Необходимо отметить, что только около половины всего числа машин было построено в Австрии, остальная часть была ввезена из-за границы. Еще ниже по своему экономическому уровню была Венгрия. В ее столице, Будапеште, на 360 тыс. мастеров и 6 900 подмастерьев приходилось всего 876 фабричных рабочих. Но отсталость Германии особенно рельефно вырисовывается при сравнении с ее экономикой второй половины XIX в. Достаточно указать на следующую цифру. С 1842 г. до девяностых годов XIX в. количество рабочих каменноугольной промышленности возросло в 25 раз, а производительность доменных печей—в 138 раз. Германия до 1848 г. может поэтому по праву считаться «докапиталистической», по сравнению с концом XIX столетия. Но стоит только сравнить ее хозяйство с положением дел в начале

XIX в., и мы заметим ее бесспорный капиталистический прогресс. Так, в начале XIX в. в городах Пруссии жило 6,42% ее населения, а к половине XIX в., как мы видели выше, 28,4%. К какой бы области мы ни обратились, мы повсюду обнаружим экономический прогресс. В 1835 г. в Германии была построена первая железная дорога; в 1840 г. длина ее железнодорожной сети равнялась 540 *км* при ежегодном приросте в 108 *км*; в 1850 г. длина сети возросла до 5 856 *км*. Процесс капиталистического развития ускорился особенно после 1834 г., когда 18 государств Германии объединились в таможенный союз. Но характерно здесь отметить медленный темп развития капитализма. В Австрии, как и в Германии вообще, в 40-х гг. XIX в. уже не могло быть и речи о безраздельном господстве феодально-цехового общества. Там господствовало некоторое промежуточное состояние, тем более невыносимое, что оно объединяло в себе все темные стороны безвозвратно погибшего прошлого и еще не созревшего будущего. Капитализм, не вполне еще развившийся, высасывал все соки из остатков более ранних хозяйственных форм и вознаграждал себя за недостаток внутренней силы и широты размаха самой неслыханной и грязной эксплоатацией. Капитал рос «по каплям», но и в таком виде он разрушал старое. Некоторые области Германии, как Рейнская область, Вестфалия, дальше других шагнули по пути капитализма.

Процесс проникновения капитализма в страну был задержан конкуренцией Англии, запретительной таможенной политикой континентальных государств, но нищета германского народа создавала беспредельные возможности для выжимания прибавочной стоимости и тем компенсировала иностранную конкуренцию. (Мат. и док., №№ 1, 3.)

Классы Германии накануне революции.

Если в городах устойчивость докапиталистических отношений была заметно расшатана, то в деревне еще в огромной степени царствовал старый порядок. 1848 г. застал на плечах крестьян значительную долю средневекового бремени. Личность крестьянина была объявлена свободной в Пруссии в 1807 г., в Австрии еще в 1781 г. Но освобождение крестьянина как земледельца и землевладельца, задержалось. В Пруссии к 20-м годам XIX в. только часть наиболее зажиточных крестьян была объявлена собственниками земли, и им предоставлено было право выкупить феодальные повинности. В Австрии до 1848 г. почти ничего не было сделано для превращения крестьянина в самостоятельного земельного собственника. В Венгрии, накануне революции, крестьянин отбывал барщину более 100 дней в году и, помимо многочисленных повинностей, отдавал $^1/_{10}$ своего урожая церкви и $^1/_9$ — помещику. Преимущественное право помещика на охоту, его налоговые привилегии, его судебная власть фактически превращали помещика в господина и повелителя своих крестьян. Некоторая часть более зажиточных крестьян Пруссии была свободна; но во что обошлось им это освобождение? Всего освобождено было от феодальных повинностей с 1815 по 1848 гг. 360 234 крестьянина. При этом они потеряли 1 533 050 моргенов земли (морген = 2 550 кв. метров), единовременно выплатили 18 544 768 талеров (талер — $1^1/_2$ руб.) и обязаны были выплачивать ежегодную ренту в 1 600 тыс. талеров деньгами и 58 138 пудов хлеба в год. Собственники-крестьяне составляли привилегированный слой в рядах всей массы крестьянства. Дворяне обогащались. «Феодальное дворянство, многочисленное и богатое, официально считалось первым сословием в стране». Оно сохранило бóльшую часть своих старых привилегий, и на своих землях оно вело часто крупное хозяйство. Помещики связались с европейским рынком и торговали продуктами крестьянского хозяйства. Последние десятилетия накануне революции были годами сельскохозяйственного подъема в стране.

Это обстоятельство содействовало расслоению дворянства. Магнатам-феодалам — консерваторам — часто противостояли дворяне, стремящиеся к некоторым государственным преобразованиям. Но в целом дворянство было связано со старым порядком. Сельскохозяйственный расцвет придавал ему силы для борьбы с народом и революцией. Об этом расцвете сельского хозяйства Германии на базе еще не раскрепощенного крестьянского труда в связи с полной индустриализацией Англии свидетельствуют следующие две таблицы.

В Прусском королевстве (его прежнего состава) средняя цена за тонну злаков за период 1821—1860 гг. может быть выражена в следующих цифрах:

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Горох
1821—1830	121,4	126,8	76,6	79,8	97,0
1831—1840	138,4	100,6	87,6	91,6	107,4
1841—1850	167,8	123,0	111,2	100,6	130,0
1851—1860	211,4	165,4	150,2	144,0	176,0

И средняя годовая величина чистого дохода, скажем, одной экономии гр. Штольберг-Вернигероде составляла:

1780—1789 гг.—18 831,36 марок
1840—1879 » —28 258,95 »
1883—1888 » —59 077,18 »

На этой базе растущего материального могущества возвышалось дворянство Германии, одно-

временно соединяя в себе черты феодала и капиталиста.

Капиталистическое развитие выдвинуло и городскую буржуазию, но она была незначительной силой. «Буржуазия Германии далеко не была так богата и так сконцентрирована, как во Франции и Англии... Промышленных районов было мало, и они были далеко разбросаны один от другого». Промышленное развитие не создало ни одного крупного центра, подобного Парижу или Лондону. Но буржуазия крепла и постепенно начинала предъявлять требования государственной власти. Под ее давлением или, вернее, в ее интересах в 1818 г. введен был протекционистский тариф, а в 1834 г. создан таможенный союз. В сороковых годах либеральная буржуазия становится значительным фактором общественного развития. Однако она не смогла стать решающей силой переворота. И то, что надлежало сделать буржуазии в революции, совершила мелкая буржуазия, а в некоторых частях страны, в Венгрии, «мелкопоместное дворянство». Мелкая буржуазия была самой значительной и наиболее многочисленной частью населения. В обстановке медленно развивающегося, но повсюду проникающего капитализма, мещанство становилось смиренным, низкопоклонничало перед сильным монархическим правительством и готово было стать в оппозицию к нему, когда оно начало слабеть. Бюргеры симпатизировали либерализму, когда буржуазия делала первые шаги; их охватывал сильный пароксизм демократизма, когда буржуазия завоевывала для себя господство, и они впадали в самую жалкую трусость, когда класс, стоящий под ними, пролетариат, отважился на самостоятельное движение. Среди мелкой буржуазии сильно было реакционное крыло, мечтающее о возвращении к докапиталистическому обществу. Интеллигенция, особенно близкая к мещанству социальная группа, была решающей силой оппозиционного движения этой эпохи. Роль интеллигенции в Германии, как и повсюду, прямо пропорциональна отсталости страны. Ее идеалы не идут дальше туманных представлений о республике, без всякой социальной окраски, и значительный удельный вес ее объясняется капиталистической отсталостью Германии. Либеральная буржуазия им противопоставляет конституционные теории, построенные на принципах сговора с существующим режимом. Либерализм стоит «на правовой почве», кичась своей законностью. (Мат. и док., № 1.)

Рабочий накануне мартовской революции.

Уже из предшествующего изложения должны быть ясны роль и значение пролетариата в домартовской Германии. Фабрично заводские рабочие были ничтожным меньшинством. Пролетарии крупной индустрии были незначительной группой даже в Берлине и Вене. Главная масса пролетариата — это ремесленники и люмпен-пролетарии. В 1844 г. разразилось восстание в Силезии. Силезия была страной широко распространенной домашней ткацкой промышленности и в то же время страной крупных феодалов. Здесь более чем в какой-нибудь другой области Германии налицо были элементы прошлого и капиталистического будущего. Голодные ткачи уничтожали машины и поджигали фабрики. Восстание было быстро подавлено. Подобные восстания повторялись в Богемии и в других частях страны. Борьба с машинами — таков был лозунг стихийного рабочего движения. Часть ремесленников мечтала о возрождении цехов. В связи с кризисом 1847 г. столицы, — Вена и Берлин, — как и вся страна, были наполнены безработными, деклассированными массами. Но среди ремесленного пролетариата капиталистически более развитых частей страны, в Рейнской области, а также и в Пруссии, мы встречаем уже коммунистически-сознательных и революционно-настроенных пролетариев и ремесленников. До революции среди немецких подмастерьев особенно были сильны идеи французского утопического коммунизма. Наиболее значительной фигурой среди утопистов Германии был портной Вейтлинг. Его учение соответствовало промежуточному социальному положению ремесленного пролетариата Германии: то были уже пролетарии, но еще пролетарии-подмастерья. Маркс писал о Вейтлинге: «Если сравнить гигантскую детскую обувь пролетариата с карликовой и стоптанной политической обувью буржуазии, то приходится предсказать германской замарашке гигантские размеры». Для Вейтлинга ясно, что «освобождение рабочего класса должно быть делом рук самого рабочего класса», но он предполагает, что пролетарская революция должна опираться не на возрастающую силу его организации, а на нищету масс. Он подобно всем утопистам, строит план будущего общества и ожидает осуществления своих идеалов если не от «доброго миллионера», подобно Фурье, то от «коммунистического мессии»; он считает необходимым начать уничтожение буржуазного общества с отмены денег... Для Вейтлинга характерна ненависть к буржуазии и отрицание классового мира. Но он не отдает себе ясного отчета в значении политической власти для освобождения рабочего класса.

Таково путаное и вместе с тем уже значительно ушедшее вперед учение пролетария-подмастерья.

Накануне 1848 г. появился «Коммунистический манифест», написанный Марксом и Энгельсом. В манифесте был дан гениальный прогноз будущего; это была программа классово-сознательного пролетариата, гегемона грядущей революции. В революции 1848 г. положения, про-

возглашенные Марксом и Энгельсом, оправдались блестяще. Пока, однако, эти идеи были лишь достоянием небольших пролетарских групп. (Мат. и док., №№ 2, 4, 5.)

Политический строй Германии накануне революции.

На своеобразной социально-экономической базе воздвигнуто было здание германских государств. Германия была как экономически, так и политически сильно раздроблена. Несколько десятков самодержцев управляли страной. После войн Наполеона и революции 1830 г. кое-где в мелких государствах Германии была введена конституция. Но в общем произвол самодержавия и всесильной бюрократии казался вечным. Сословные представительные учреждения, правда, существовали в стране, но они больше заботились об интересах привилегированных, чем о народе. Правительство стремилось воспитать не граждан, а подданных: «глупого мужика, истинного филистера, благонадежного горожанина и чиновника-взяточника». Цензура и шпионаж дополняли систему. В 1815 г. была обещана конституция. Однако вскоре обещание было позабыто. Уже с тридцатых годов началось заметное политическое оживление в стране. В 1847 г. финансовая нужда заставляет прусского короля согласиться на созыв сословных представителей страны. Подобное же учреждение решил созвать под влиянием финансовой нужды и император Австрии. Австрия, страна национальностей, помимо всего прочего, знала еще «прелесть» угнетения господствующей нации многочисленных народов. Правительство Австрии управляло, натравливая один народ на другой. Так, в 1846 г., в связи с польским восстанием, господа Австрии поспешили смягчить положение русинских крестьян и натравили их против поляков-помещиков. В Венгрии они созывали сословные учреждения, чтобы ослабить национальную борьбу одного из сильнейших народов империи. (Мат. и док., № 14.)

Над всем этим пестрым объединением государств возвышается с е й м, представительство отдельных правительств. Его задача сводится к подавлению всякого стремления к свободе. Это — детище европейской реакции. Он создан Венским конгрессом, и его охраняет австрийский министр Меттерних, чьим именем обычно называли всю домартовскую систему управления Германии.

Первый период мартовской революции.

С тридцатых годов в Германии, как мы говорили выше, началось общественное движение. В 1847 г. его питает экономический кризис: «картофельный бунт», крестьянские движения — предвестники революции. 24 февраля 1848 г. во Франции объявлена была республика. Это послужило сигналом для Германии. Здесь все подготовлено было для революционного взрыва. Но в Германии разложение старого порядка зашло дальше, чем рост и силы буржуазии. Вот почему инициатива Франции имела решающее значение для Германии. Уже с конца февраля 1848 г. в некоторых южных государствах Германии народ заставил правительство дать конституцию, но движение еще не охватило сильнейших государств — Австрию и Пруссию. 13 марта революция победила в Вене, 18 марта — в Берлине. Раньше, чем в самой Австрии, в Венгрии сословный сейм устами Л. Кошута потребовал конституции и самостоятельного министерства; требования эти были посланы в Вену. 13 марта народные массы Вены окружили здание, где заседали сословные чины, и потребовали от депутатов решительных действий. Либерал Фиргов в своей речи, которая была едва ли не первым публичным выступлением в стране, заявил о свободе печати, о снятии оков с науки, о свободе совести, потребовал народного представительства и дружного союза народов Австрии. (Мат. и док., № 16.) Дальше этих требований либералы не шли. В Венгрии, чтобы избежать повторения 1846 г. в Галиции, дворянство, во главе с Кошутом, решило облегчить положение крестьян. Оно, конечно, не имело в виду радикального их освобождения. Постановление сейма предполагало добровольное согласие помещиков на освобождение крестьян от феодальных повинностей. В Вене народ вырвал у короля в дни 14—15 марта эдикты о создании студенческой и национальной гвардии, обязательство созвать народное представительство и удалить Меттерниха. (Мат. и док., № 15.) В Пруссии, в Берлине, революция тоже заставила короля сделать ряд уступок. Король обещал свободу печати, созыв объединенного ландтага. Но эти уступки были лишь первым шагом. Буржуа торжествовали, и когда министр юстиции Савиньи поздравил старика-рабочего, последний с мрачным видом ему ответил: «ты не понимаешь, старина, нам ровно ничего не дали». Вооруженное нападение на народ в Берлине послужило причиной упорного баррикадного боя. Прусский король был вынужден удалить войска из столицы; он обещал конституцию и объявил о своем стремлении стать во главе «немецкого движения к единству». В Пруссии создано было либеральное мартовское министерство. Оно было составлено из либеральных аристократов и буржуазии и должно было быть «министерством соглашения». Так закончились первые дни борьбы. (Мат. и док., №№ 6 и 7.) Кто принимал участие в мартовской революции во всей Германии, и кто воспользовался ее результатами? Активной силой в Вене и Берлине были рабочие и мелкие буржуа. Уже в первые дни революции в Вене национальная гвардия защищала фабрики от разгрома рабочих

в пригородах. И в то время как на улицах Вены шла борьба с самодержавием, в пригородах буржуазная гвардия расправлялась с рабочими. В Берлине 31 марта буржуазия, в лице одного из «начальников баррикад» — Урбана, умоляла короля вернуть войска в столицу. (Мат. и док., № 7.)

Правда, в Вене национальное единение длилось гораздо дольше, чем в Берлине, но и в Австрии и в Пруссии с первых минут, — и чем дальше, тем острее — намечалось расхождение между пролетариатом и буржуазией, которая была намерена раздавить рабочих. Мы видели выше, как в Венгрии сейм, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство, принял кое-какие меры для облегчения их положения. Но венгерское дворянство воспользовалось плодами мартовской революции, чтобы провести прежде всего свою конституцию и национальную автономию. В дальнейшем в Венгрии, как и в остальной Германии, крестьянству пришлось восстаниями напоминать правительству о его обязательствах. В Австрии и Пруссии рассмотрение крестьянского вопроса было отложено до рассмотрения его национальным собранием.

В Австрии правительство даровало народу конституцию 25 апреля 1848 г. Эта конституция ввела избирательную цензовую систему. Она не предполагала созыва Учредительного собрания для преобразования государства, а лишь создание палаты соглашения между короной и народом. Против этой дарованной конституции подняли протест студенты, рабочие и мелкая буржуазия Вены. 15 мая, в ответ на роспуск центрального комитета студенческого легиона и национальной гвардии, в Венгрии повторились события 13 марта. Буржуазией было сделано все для того, чтобы не допустить рабочих из предместий в город, но, несмотря на это, пролетарии, помимо и против буржуазии, способствовали победе. 15 мая революционный народ Вены добился созыва Учредительного рейхстага, нижняя палата которого должна была быть избрана на основе всеобщего избирательного права. Через несколько дней император бежал, Вена снова заволновалась. В отличие от революционеров Парижа в дни бегства короля в Варенн летом 1791 г. (см. гл. III) мелкая буржуазия столицы прежде всего мечтала о возвращении императора и об охране его особы. Но 26 мая правительство распустило студенческий легион и снова все пришло в движение. И на этот раз нельзя было обойтись без помощи рабочих предместий. При поддержке рабочих декрет о роспуске студенческого легиона удалось уничтожить. Революция снова победила, но она не смогла использовать результатов своей победы. В мае революционная интеллигенция играла руководящую роль в движении. Роль студенчества в венской революции, прежде всего, конечно, объясняется экономической отсталостью страны, где пролетариату приходилось выполнять задачи мелкой буржуазии, а мелкая буржуазия и ее интеллигенция не выступили еще против революционной пролетарской стихии. (Мат. и док., № 17.) Отсталостью Австрии следует также объяснять некоторую пассивность венской буржуазии, которая при всей ненависти к предместьям не решалась, однако, на открытый и преждевременный разрыв с революционным движением. (Мат. и док., № 18.)

В Берлине была обещана конституция. Новый избирательный закон должен был быть выработан объединенным ландтагом. Этот закон был вскоре опубликован. Он вводил косвенные выборы. Рабочие и мелкобуржуазные демократы протестовали против ограничения избирательной системы, но в Берлине революционное движение не было достаточно сильным, чтобы добиться тех же результатов, что и в Вене. Решено было созвать палату соглашения. Противоречия между пролетариатом и буржуазией здесь были сильнее, чем в Вене, потому что прусская буржуазия была экономически более развита, а мелкая буржуазия более труслива, чем в Австрии, и результаты здесь были для народа поэтому еще менее значительны.

Итак, первый период революции по всей Германии дал победу либеральной буржуазии. Дальнейшая судьба революции должна была решаться по желанию буржуазии в парламентах, «на правовой почве», в согласии с дворянством и монархией. И даже там, где как в Вене, победа осталась за народом, последний не знал, как использовать свою победу, и она уплыла из его рук. Победа народа только укрепила реакцию.

Объединительное движение в Германии. Одновременно с движением в отдельных странах шла борьба за объединение Германии. 31 марта 1848 г. во Франкфурте открылись заседания предварительного парламента. Депутатами его были члены уже существовавших в германских государствах парламентов, виднейшие писатели и общественные деятели страны. Собрание заседало подле, и наряду с сеймом предпарламент постановил созвать в мае Учредительное национальное собрание, избранное на основе всеобщего избирательного права, для всей страны, а пока собрание решило разойтись, выделив комиссию в 50 депутатов. Предпарламент не желал ни распустить сейма, ни изменить его состава. Республиканская оппозиция предпарламента протестовала против подобных решений. Она требовала, чтобы собрание заседало до созыва Учредительного собрания; она настаивала на роспуске сейма. Но эти требования были отклонены. Правое крыло,

в вопросе о будущем устройстве Германии, не шло дальше предложения создать крышу над существующими государствами. Республиканцы мечтали о федерации по типу Северо-Американских Соединенных Штатов. Но почти никто из них не шел дальше самых туманных социальных требований. (Мат. и док., № 23.) Постановления предпарламента не удовлетворили республиканцев. Они покинули его, а несколько позже в Бадене, во главе с Геккером и Струве, подняли восстание. (Мат. и док., № 24.) Впоследствии они получили поддержку легиона немецких эмигрантов из Франции, во главе с Гервегом, которых правительство Французской республики с радостью выпроводило за пределы своей страны. Восстание было жестоко подавлено. Слабосильное республиканское движение ограничилось частью баденской территории, повстанцы не знали, как начать дело. Вот что писал один из них: «Должен признаться, что я сам на себя смотрел с изумлением». Движение во многих местах было раздавлено при помощи хорошо организованной буржуазной милиции.

Так в вопросе объединения Германии дело ограничилось пока видимостью победы. Буржуазия желала победить конституционным путем, но реакция вскоре в порядок дня поставила штык.

«Палаты соглашения».

Летом 1848 г. борьба продолжалась. Либеральная буржуазия в парламентских прениях старалась закрепить свою победу над старым порядком и прежде всего над «анархией». Но судьбы революции решались, однако, в уличной, баррикадной борьбе. Вне парламента реакция собирала силы и при поддержке либеральной буржуазии, благодаря трусости мелкой буржуазии, раздавила пролетариат, только теперь начавший создавать свои организации. В Пруссии партии не руководили выборами. О сознательности избирателей дает представление следующая выдержка из одной демократической избирательной программы: «Мы желаем республиканского правительства и во главе его короля, который должен являться представителем народа перед иностранными правительствами, чтобы тем самым предотвратить ограничение народной свободы извне». Косвенные выборы заранее обусловили неудачу демократов. Прусское собрание в подавляющем большинстве состояло из представителей крупной буржуазии, чиновников и дворян. 68 крестьян в собрании далеко не разделяли демократических взглядов левой, а два-три рабочих-ремесленника не имели значения. Собрание разделилось на две почти равные части — конституционалистов и аристократов. Левая была незначительной группой. Собрание делило власть с мартовским министерством «торговцев маслом и шерстью». «Мартовское министерство» Кампгаузена было, в известном смысле, революционным по своему происхождению, но оно стремилось прекратить революцию теперь, когда революция была для буржуазии закончена. Кампгаузен уступил место Ганземану, человеку дела, который, не стесняясь революционными иллюзиями, стремился обеспечить интересы имущих и силою подавить революцию. «Буржуазия должна была принести в жертву короне народ, взамен чего корона должна пожертвовать буржуазии дворянство». Уже в вопросе о гражданской милиции собрание решило закрыть в нее доступ неимущим, пролетариату. В самом существенном вопросе — о крестьянстве — было решено безвозмездно отменить только ничтожную и для дворянства мало-полезную часть феодальных тягот. Министерство Ганземана сделало лишь робкий шаг против феодалов. Налог на водку, на сахар, отмена налоговых привилегий, такова была программа «конституционного министерства».

В Австрии дело обстояло не лучше. Учредительное собрание открылось 22 июня. Большинство и здесь было представлено конституционалистами. Но в Австрийском учредительном собрании крестьянская фракция была многочисленней, чем в Пруссии. Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего избирательного права, раздиралось национальной борьбой. Представители наиболее экономически и политически отсталых народов Австрии, славяне, присоединились к правому крылу собрания. Отсутствие общего языка в прениях увеличивало путаницу. И собрание беспомощно топталось на месте. Представители славян искали вне парламента союза с императором, чтобы получить поддержку в борьбе с венграми и выторговать себе некоторые преимущества за счет других народов. (Мат. и док., № 19.) Венгры не были представлены в собрании. В Австрии крестьянский вопрос стоял острее, чем в Пруссии. Собрание отклонило предложение депутата Кудлиха о полной и безвозмездной отмене феодальных повинностей. Оно постановило, что новый землевладелец должен выдать приличное вознаграждение бывшим владельцам земли за отмену некоторых феодальных прав. В национальном вопросе собрание только содействовало усилению шовинизма и сепаратизма отдельных наций. Министерство из аристократов и либералов-политиков, подобно собранию, оберегало трон и привилегированные сословия от народа.

В Венгрии рейхстаг торжествовал победу. По вопросу о самостоятельности некоторых министерств (министерства финансов) собрание Венгрии столкнулось с правительством Вены. Уступки последнего послужили поводом для венгерского собрания обещать поддержку Австрии в борьбе против революционной Италии.

Так Венгрия, подобно славянским народам, хотела воспользоваться революцией, чтобы добиться для себя привилегированного положения в Австрии.

Франкфуртское собрание.

Франкфуртское учредительное собрание открылось 18 мая 1848 г. Оно должно было создать единую свободную Германию. Но это собрание больше других занималось пустым словопрением и подготовило почву для реакции. «75 аристократов, — родина, тебе изменили; 75 адвокатов — красивые слова — никаких дел; 76 профессоров — родина, ты погибла», — так характеризует состав и работу собрания поэт-современник. И в самом деле, собрание было удивительной смесью отсталых и либеральных элементов. Правое крыло собрания прикрывало конституционализмом свои реакционные взгляды. То были аристократы — дворяне, но часто и буржуа, испуганные революцией. Большинство принадлежало к центру. Правая часть центра искала союза с «верхами» против народных низов, — то были либералы-аристократы. Левая часть центра усыпляла собрание и отнимала у него время своими бессодержательными и невыносимыми речами. Левое крыло собрания, несмотря на то, что в его рядах было несколько видных революционеров (Роберт Блюм), страдало особой болезнью, которую Маркс называет «парламентским кретинизмом». Они были убеждены, будто целый мир, его история и его будущее определяются и направляются большинством голосов в представительном собрании... В ходе работ собрания от левой отделилась группа крайних левых, с весьма неопределенными социальными требованиями.

Собрание долго обсуждало свой регламент, но оно не сделало ничего, чтобы создать опору для своего существования.

В Пруссии и Австрии так или иначе за собраниями стоял народ и его вооруженная сила. Франкфуртское собрание охранялось только красноречием его ораторов. Оно отклонило предложение об амнистии участников апрельского восстания. Большинство собрания было солидарно с заявлением одного из своих депутатов: «Мы предпочитаем добрый порядок без большой свободы революционной свободе без порядка». Прежде чем приступить к разработке и обсуждению конституции, собрание решило вопрос об организации имперской власти, не желая посягнуть на существование самостоятельных государств. Предполагалось создать над ними центральную власть. Эту власть решено было передать в руки одного из имперских принцев с титулом временного правителя, но иметь при этом неответственном правителе ответственное министерство. Предложение левых о передаче власти в руки исполнительной комиссии самого собрания было им отклонено. Вопросы, не имеющие прямого отношения к будущей конституции, не рассматривались. Собрание обсуждало конституцию, в то время как «социальная реакция», возникшая на почве эгоизма и трусости богатых классов, создавала почву для политической реакции. (Мат. и док., № 25.) Чем объяснить подобную трусость и нерешительность немецкой буржуазии в вопросах революции? Мы указали общие причины. Теперь постараемся в самой классовой борьбе эпохи революции найти объяснение предательства буржуазии.

Рабочий класс в революции.

Пример Франции, где рабочий класс наложил свой отпечаток на революцию, имел огромное значение для Германии. Но это не есть еще единственная причина: «Революция — локомотив истории». В развертывающейся революционной борьбе пролетариат Германии формировал свои организации, боролся за улучшение своего экономического положения и своим участием во всех революционных столкновениях между правительством и народом вселял ужас в ряды имущих классов. В Вене и Берлине правительство вынуждено было организовать работы для безработных. Десятки тысяч пролетариев содержались за счет государства. Но борьба с ними диктовалась классовыми интересами буржуазии. Рабочие Берлина и Вены забастовками добивались улучшения своего положения. Был введен 10-часовой рабочий день, увеличена заработная плата во многих отраслях производства, начали создаваться профсоюзы (наборщики). Против пролетариата и его организаций выступила буржуазия. В Берлине на этой почве происходили неоднократные столкновения между городским самоуправлением и рабочими. Пролетарии совместно с мелкой буржуазией создавали политические клубы и демократические союзы, составляя их крайне-левое крыло, но одновременно в Берлине уже 19 апреля 1848 г. создан был «центральный комитет рабочих». (Мат. и док., № 10.) Во главе его стал Стефан Борн. Это была первая широкая организация рабочих в Германии. Правда, Стефан Борн много заимствовал у Луи Блана, и его идеи об «организации труда» и «праве на труд» были ему особенно близки. Но сам факт подобной организации вселял страх буржуазии. Организовывались не только рабочие, но и ремесленники. Они созвали свой конгресс, где требовали возрождения цехов. По их примеру пролетарии Берлина подняли вопрос о созыве рабочего конгресса Германии. Конгресс этот открылся в 20-х числах августа. Здесь положено было начало всегерманскому рабочему союзу, с отделениями на местах. Решения конгресса проникнуты духом сознательной классовой борьбы, но не лишены некоторых

чисто цеховых воззрений. Таковы требования о «возможном упразднении конкуренции между мастерами». Еще раньше, вскоре после 18 марта, в Берлине состоялось открытое собрание рабочих, где представители отдельных профессий выставляли свои требования. Читая отчет этого собрания, мы видим, как немецкий пролетариат в массах своих не изжил еще цеховых предрассудков. Уничтожение машин — часто повторяющееся требование рабочих. При этой отсталости широкой пролетарской массы не удивительно, что в рядах даже наиболее организованной и сознательной части его мы встречаем цеховые и мелкобуржуазные воззрения. Но революционное значение пролетариата Германии было не в этих преимущественно экономических организациях. Во многих частях Германии рабочие вместе с мелкобуржуазными радикалами создавали, как мы отмечали выше, демократические союзы. Мелкая буржуазия хотела вести за собою на поводу пролетариат, но последний часто толкал ее вперед. Передовым органом революционной демократии Германии и ее центром была «Новая рейнская газета», которую редактировал Маркс. Члены «Союза коммунистов» с началом революции, сделав попытку организации союза, рассеялись по Германии, повсюду играя руководящую роль в борьбе. Авангард пролетариата постепенно начинал играть роль гегемона революции. И это несмотря на то, что пролетарское ядро было окружено еще люмпен-пролетарской и ремесленной массой. (Мат. и док., № 9.) В Австрии процесс организации пролетариата шел еще медленнее. Но и здесь конфликты между рабочими и буржуазией были часты. И даже в Венгрии, этой отсталой земледельческой стране, в ее столице Будапеште, отдельные демократы пытались формулировать далеко идущие социальные требования крестьян и рабочих. В обстановке этой самоорганизации пролетариата и развертывается дальнейшая история революции.

Борьба с контрреволюцией и ее победы.

Борьба за демократическую избирательную реформу в Пруссии в апреле 1848 г. потерпела неудачу. Прусское собрание занималось словопрением. Принц Прусский, виновник бойни 18 марта на улицах Берлина, снова вернулся в столицу. Реакция усиливалась. Собрание отказалось даже признать заслуги борцов 18—19 марта перед отечеством и приняло следующую характерную формулу: «Принимая во внимание значение имевшей место революции и признав заслуги борцов за нее неоспоримыми, собрание видит свою задачу не в том, чтобы вынести какие-либо суждения, но в том, чтобы согласовать государственное устройство страны с интересами короны, и оно переходит к очередным делам». Решил дело исход июньских дней в Париже. Уже в средине лета слухи о реакционном выступлении носились в воздухе. Наконец, выяснили, что правительство вывозит оружие для своих войск из берлинского цейхгауза. 14 июля народ Берлина напал на цейхгауз. Здесь произошло столкновение не только с войсками, но и с гражданской буржуазной милицией, которая приступила к разоружению нападавших на цейхгауз. Немецкая буржуазия начала решительное наступление на революцию. Поражение народа снова усилило реакцию. Собрание, наконец, заметило опасность и решилось на некоторое противодействие реакции. Оно потребовало от военного министерства издания приказа по войскам, предостерегающее офицеров от сближения с реакцией. В крестьянском вопросе оно сделало шаг вперед, но и теперь дальше некоторых льгот в вопросе о приостановке судебных процессов между крестьянами и помещиками собрание не пошло. (Мат. и док., №№ 11, 12.) При обсуждении конституции собрание решило выбросить из титула короля слова «божией милостью», высказалось за уничтожение дворянства. Этими мерами исчерпало оно весь свой революционный энтузиазм, а вражда между рабочими и предпринимателями все более и более усиливалась. 13 октября произошло новое столкновение между гражданским ополчением и рабочими, разрушившими ненавистную для них машину по выкачиванию воды насосами из рва на земляных работах. Столкновение закончилось расстрелами. Пролетариат не был в силах захватить власть в стране. В такой обстановке не представляло особой трудности для реакции раздавить собрание и революцию. В Берлин были стянуты войска, и 9 ноября на основании королевского постановления собрание должно было немедленно прекратить свои совещания и переехать в провинцию Бранденбург. На разгон штыками собрание ответило решением о «пассивном сопротивлении», которое после долгой проволочки было разъяснено как отказ от платежа налогов. Притом собрание желало оставаться на почве законности и не допускать вооруженной борьбы. Оно отказалось от поддержки, которую ему обещали машиностроительные рабочие Берлина. Иначе решение о неплатеже налогов поняли революционеры-демократы. Рейнский демократический союз призывал к вооруженной борьбе, чтобы осуществить постановление собрания. Но новая революционная попытка не удалась. (Мат. и док., № 13.)

В Австрии события развертывались более сложно. Летом 1848 г. связь между буржуазией и реакцией стала особенно тесной. Реакция крепла благодаря национальной вражде. Правители Австрии искали союза со славянами против немцев и венгров. Но реакцию усиливал и шовинизм

венгров. В июне в столице Чехии, в Праге, началось демократическое восстание немцев и чехов. Оно было подавлено князем Виндишгрецом, опорой реакции, для которого «человек начинался только с барона». (Мат. и док., № 18.) Вместе с тем произошло сближение между чешской буржуазией, национально настроенной аристократией и императором Австрии. Подавление восстания в Праге, в связи с парижскими событиями, особенно ободряюще подействовало на реакцию. Австрийский император начал свой поход против Венгрии. Он воспользовался для этого вооруженной силой славян: сербов, словаков, хорватов, во главе с баном Елачичем. Дело в том, что, получив некоторую национальную свободу, Венгрия продолжала отказывать в ней национальным меньшинствам, живущим на ее территории. Отсталые славянские народы обрушились на своего исконного врага — венгерское дворянство. Они хотели поддержкой императора добыть себе некоторые привилегии, и реакция покровительствовала им. Реакция готова была даже поспешить с освобождением крестьян-славян, чтобы противопоставить их венгерскому дворянству. Когда венгерское собрание обратилось за поддержкою к венскому собранию, последнее отказало в помощи. Но венская демократия и народ Венгрии не враждовали. Когда в начале октября австрийское правительство хотело отправить из Вены батальон для подавления Венгрии, оно встретило сопротивление студентов и рабочих. Восставший народ напал на военное министерство, повесил министра и завладел городом. Император снова бежал к славянам. Вена переживала дни мая и 13 марта. Восстание в октябре было делом рабочих, студентов и некоторой части мелкой буржуазии. Вся остальная масса собственников была против восстания. Незадолго до октября, в августе 1848 г., вооруженная гвардия мелкой буржуазии расстреляла рабочую демонстрацию, которая протестовала против понижения платы за труд на общественных работах. Буржуазия была перепугана участием рабочих в октябрьском движении, но рабочие, несмотря на недавнее предательство вооруженного ополчения, рука об руку с ним обороняли Вену и революцию от реакции. Итак, в октябрьском восстании принимали участие две враждебные друг другу группы — пролетариат и мелкая буржуазия. Студенчеству принадлежало руководство восстанием. Восставшие допустили ошибку уже в первые дни восстания: они передали официальную власть в руки рейхстага, того рейхстага, который мечтал о соглашении с короной. Вена упорно и долго защищалась против войск правительства, блокировавших город. На баррикадах столицы геройски боролись и умирали рабочие. Но Вена только оборонялась. Скоро встал вопрос о призыве на помощь венгров. Буржуазия, а с нею и рейхстаг долго колебались, пригласить ли венгров для спасения революции; время шло. Но и сами венгры, которые стояли недалеко от столицы, не спешили на помощь к восставшему городу; они ждали приглашения. Когда они двинулись к Вене, было уже поздно. Город был сдан врагу буржуазией. Рабочие до последней минуты боролись на баррикадах. Вена пала, и австрийская революция была закончена. (Мат. и док., № 19.)

Мы выше обрисовали деятельность Франкфуртского национального собрания. Оно с невозмутимым спокойствием продолжало обсуждение конституции. И когда прусское правительство, которое вело войну с Данией за освобождение Шлезвиг-Гольштинии, решило заключить перемирие и отдать восставших на милость датского правительства, собрание после долгих прений санкционировало это перемирие. Общее недовольство собранием республиканцев и демократов вызвало новое восстание. 18 сентября во Франкфурте-на-Майне народ выступил против Учредительного собрания. Это восстание было очень скоро подавлено, но его продолжением была революция в Бадене. Там было создано временное правительство и была объявлена республика. Правительство, во главе с республиканцем Струве, отменило все феодальные повинности, объявило о переходе земель в руки общин и т. д. Но и это восстание было только эпизодом. Его поражение дополнило общую картину победы реакции в стране. (Мат. и док., № 25.)

1849 год. В конце 1848 г. революция была повсюду раздавлена (кроме Венгрии). 1849 г. начался под знаком реакции. В декабре 1848 г. прусский король «даровал» народу новую конституцию. Она почти повторяла все то, что обещала конституция «палаты соглашения». Но дарованная конституция была только переходом к полной победе реакции. В апреле 1849 г. прусский король созвал новую палату. Она оказалась недостаточно податливой, и ее пришлось распустить. Да и кто мог бороться с реакцией? Крестьянство? Но оно было предано «картофельным министерством» и ему незачем было защищать буржуазное собрание. Буржуазия стояла упорно на почве права и противопоставляла штыкам реакции свою лойяльность. Пролетариат не был в силах взять на себя все руководство революционной борьбой. Так было покончено с революцией в Пруссии.

Революция в Австрии была раздавлена в октябре. Рейхстаг переведен был в маленький провинциальный город Кремзир, где, забытый всеми, доживал свои последние дни. 7 марта 1849 г. войска разогнали и австрийский рейхстаг. (Мат. и док., № 20.)

Венгрия упорно сопротивлялась реакции. Она воспользовалась передышкой, которую она получила во время борьбы между правительством и Веной, и создала сильную армию. В борьбе с Елачичем венгры одерживали одну победу за другой. Поражение венской революции их многому научило; они стали решительнее. Глава правительства, Кошут,—как представитель буржуазии, дворянства и дворянской интеллигенции страны, проявил свой радикализм в борьбе за национальную независимость. Воспользовавшись отречением Фердинанда, императора Австрии, рейхстаг (4 апреля 1849 г.) постановил, что «Венгрия со всеми принадлежащими ей землями составляет теперь одно самостоятельное, независимое государство, от власти над которым Лотарингский дом отстраняется на вечные времена». (Мат. и док., № 27.)

Мы не будем здесь излагать всех перипетий долгой и героической борьбы революционной Венгрии против реакции. Укажем только на то, что она пала под ударами австрийских и главным образом русских войск. 21 мая было объявлено, что 200 тыс. русских солдат под командой князя Паскевича вступают в Венгрию. 11 августа Кошут сложил свои полномочия, а 12 августа венгры капитулировали перед русской армией. «Венгрия, — писал Паскевич Николаю I, — лежит у ног вашего величества». (Мат. и док., №№ 28 и 29.)

А Франкфуртское национальное собрание в соборе св. Павла продолжало обсуждать конституцию. Оно предполагало установить в стране наиболее идеальный конституционно-монархический порядок. Собрание передавало власть над Германией в руки неответственного наследственного императора. Кто будет императором Германии? Будет ли объединенная Германия включать Австрию, или без нее она создаст «малую Германию»? Эти вопросы скоро сами собой разрешились отказом Австрии войти в объединение. Пришлось остановить свой выбор на прусском короле, но он не пожелал принять корону из рук революцией созданного собрания. Так рука германской буржуазии повисла в воздухе. Реакция теперь отвернулась от нее. Депутаты отдельных государств начали покидать его. Ни одно из крупных германских правительств не пожелало признавать новой конституции, а собрание не имело собственных сил: оно существовало до тех пор, пока была сильна революция. В 1849 г. Франкфуртское собрание должно было пасть жертвой реакции, как и либеральная буржуазия Вены и Берлина. Буржуазия только теперь начала борьбу за признание выработанной конституции. В 1849 г. конституция была для нее единственным уцелевшим достоянием революции. Не для того, чтобы уберечь это достояние, а чтобы продолжить революцию лучшая часть мелкобуржуазной демократии и пролетариат приняли участие в борьбе. Восстание вспыхнуло в Саксонии, в прирейнских государствах, оно охватило Баден и Пфальц. Активной силой в новой революции был пролетариат, но преобладание и руководство им принадлежало мелкой буржуазии. Программа баденско-пфальского «майского» восстания была самой широкой из всех программ буржуазных демократий за 1848 и 1849 гг. Она требовала созыва Учредительного собрания, «которое объединило бы в себе всю законодательную и исполнительную власть», безвозмездного упразднения феодальных повинностей, помощи всем неспособным к труду, организации национального банка для торговли и промышленности и защиты хозяйства от тягот капитала и т. д. Но «майская революция» 1849 г. в момент ликвидации борьбы, раздираемая внутри спором между буржуазно-демократическими и пролетарскими элементами, была обречена на гибель. После долгих битв революция была раздавлена. (Мат. и док., № 28.) Тем самым участь Франкфуртского собрания была решена. Оно переехало в Штуттарт и здесь было разогнано войсками.

Реакция победила окончательно.

Уроки 1848 г. Французская революция 1848 г. была революцией внутри буржуазного общества, но она поставила в порядок дня социальный вопрос. Во Франции пролетариат был решающей силой борьбы, а впоследствии и центром для всех революционных элементов страны. В Германии революция была направлена в первую голову против «старого порядка», но и здесь пролетариат выступил как фактор первостепенной важности. *Революции 1848 г. «были расщелинами в твердой коре буржуазного общества. Но они обнаружили под ними бездну».* Так было во Франции, так было и в Германии. Во Франции пролетариат не созрел, чтобы стать вождем революционного движения, а буржуазия не могла итти нога в ногу с революцией. В Германии буржуазия была всецело в плену у реакции. Она подобно французской буржуазии пожертвовала свободой во имя порядка и отказалась при этом даже от необходимых для нее преобразований. Страх перед пролетариатом и борьба между пролетариатом и буржуазией — причина неудачи революции 1848 г. Эта борьба превратила германскую революцию в особый тип «незаконченной буржуазной революции». В дальнейшем буржуазия Германии будет все более и более приспособляться к самодержавию и существующему юнкерскому государству. Политическая революция буржуазии закончена, история поставила вопрос о социальной революции про-

летариата; только его революция уничтожит до основания «старый порядок».

Но и поражение революции 1848 г. послужило на пользу пролетариату даже в такой отсталой стране, как Германия, где выявились противоречия между буржуазией и пролетариатом, между революционным пролетариатом и колеблющейся мелкой буржуазией. Во Франции, как и в Германии, авангард пролетариата изжил таким путем утопизм конституции и демократические иллюзии. Пролетариат приступил после революции к созданию своей собственной пролетарской организации, выработке своей классовой идеологии, основные принципы которой были блестяще формулированы Марксом и Энгельсом уже в «Коммунистическом манифесте». (Мат. и док., №№ 30, 31, 32, 33.)

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА.

Чрезвычайная пестрота и сложность событий германской революции 1848 г. не могли не отразиться на подборе документов к этой главе. Документы эти не дают исчерпывающей характеристики событий, они иллюстрируют и служат материалом для анализа лишь отдельных сторон революции. Документы к гл. VII группируются вокруг следующих вопросов: 1) социально-экономическая характеристика Германии первой половины XIX в.; 2) прусская революция 18 марта; 3) деятельность Франкфуртского национального собрания и революционно-демократическая борьба с ним и, наконец, 4) итоги событий 1848 г. К I разделу относятся документы №№ 1, 2, 3. Обратите внимание на таблицу № 1. Она может быть использована для составления сравнительной диаграммы экономического развития Англии, Франции и Германии. Исчерпывающую характеристику социально-экономического строя Германии этой эпохи дает отрывок из работы Ф. Меринга (№ 2). Диаграмма должна иллюстрировать документ № 2, желательно при этом, чтобы учащиеся сопоставили положение немецкой и английской буржуазии, французской и немецкой мелкой буржуазии на основании материала, проработанного раньше. В этом смысле должен быть внимательно проанализирован документ № 3, отрывок, принадлежащий К. Марксу. Специально для характеристики Австрии служит документ № 14. Для характеристики идеологии рабочего класса служат документы №№ 4, 5, 9. Полезна проработка документа № 4. Предложите учащимся на основании этого отрывка сопоставить воззрения Вейтлинга и Кабэ, выяснить их оценку революции. Но особенно существенно проработать документ № 5 для выяснения сущности пролетарских требований в эпоху буржуазной революции.

Второй раздел посвящен революции 18 марта — документы №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13. Они иллюстрируют различные стадии революции. На основании соответствующих глав учебника и документов №№ 6, 7, 8, слушатели могли выяснить, почему революция сохранила старое правительство и привела только к образованию «Мартовского министерства». Документы №№ 5 и 10 служат для выяснения вопроса о формировании самостоятельных рабочих организаций в эпоху буржуазной революции. Документы №№ 11 и 12 можно использовать для сопоставления роли буржуазии и крестьянства в революции 1789 и 1848 гг. Документ № 13 может быть использован для выяснения методов борьбы с контрреволюцией буржуазии и революционной демократии. Документы № 15, 16, 17, 18, 19, 20 посвящены Австрии (революции 13 марта). Особый интерес представляет проработка документа № 16 для выяснения идеологии и требований либеральной буржуазии. Документ № 18 может помочь выяснению взаимоотношений между различными национальными отрядами буржуазии; документ № 20 — для выяснения вопроса об отношении буржуазии к революции, после того как восстание демократии угрожало гибелью монархистской конституции.

Следующий раздел относится к деятельности Франкфуртского Национального собрания в борьбе за демократическое объединение Германии — документы №№ 21—27. Главное внимание при подборе документов этого раздела уделено было выяснению программы мелкобуржуазной демократии. Особенно внимательно для выяснения этого вопроса следует проанализировать документы №№ 22 и 25. Учащиеся должны при этом сопоставить эти документы с документом № 5 для выяснения отличий коммунистической и радикально-демократической программы. Чтобы уяснить также отличия революционной тактики мелкой буржуазии и пролетариата, следует внимательно прочесть документы №№ 24, 26, 27. Учащиеся здесь должны вспомнить роль мелкой буржуазии в Февральской революции 1848 г.

Как иллюстративный материал следует использовать документ № 30. Но особенно обратите внимание на последний раздел, посвященный итогам революции 1848 г. Внимательно должен быть проработан документ № 31 «Обращение ЦК к Союзу коммунистов». Маркс в этом документе в марте 1850 г. критически оценил свою деятельность в 1848 г. и сформулировал основные принципы революционной тактики. При проработке этого документа следует иметь в виду примерно следующие вопросы: 1) отношение к либеральной буржуазии; 2) отношение к мелкой буржуазии — чем должна программа пролетарских требований отличаться от программы радикальной мелкой буржуазии; 3) организация и тактика пролетариата в демократической революции. Внимательно следует проработать документ № 32 «Отношение Ленина к революции 1848 г.». Этот документ дает нам возможность наилучшим образом установить преемственную связь между Марксом и Лениным в вопросах революционной тактики и стратегии; под этим углом зрения документ № 32 и должен быть проработан.

Как минимум к гл. VII должны быть проработаны документы №№ 1, 9, 16, 22, 32, 33.

ЛИТЕРАТУРА.

Как учебник к гл. гл. VI и VII могут быть по выбору использованы Ц. Фридлянд, История Зап. Европы, ч. 1 или И. Лукин, История новейшего времени (для предреволюционной эпохи).

Франция.

Репар, Республика 1848 года; К. Маркс, Классовая борьба во Франции, 18-е Брюмера; Сборник, К 75-летию 1848 года (отдельные статьи по Франции и Германии); Вейль, История республиканской партии с 1814 по 1870 гг., Бебель, Фурье; Горев, О. Бланки.

Германия.

Блосс, История германской революции; Рязанов, Маркс и Энгельс (соответств. главу); Меринг, История германской социал-демократии (соответств. главу); Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии.

Для дальнейшей проработки.

Маркс и Энгельс, в эпоху немецкой революции 48 года (статьи из «Новой рейнской газеты»); или Соб. соч.. Маркса и Энгельса, тт. VI, VII, VIII; Зомбарт, Германия накануне экономического переворота; Кнапп, Освобождение крестьян на Западе; Кампфмейер, История общественных классов в Германии, стр. 139—157; Бах, Австрия в первую половину XIX в.

1. Германия в системе мирового хозяйства.

ГОСУДАРСТВА	МИРОВАЯ ТОРГОВЛЯ В МИЛЛИОНАХ МАРОК									
	1830 г.	1840 г.	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.		
								Ввоз	Вывоз	Итого
Великобритания и Ирландия	1 760	2 260	3 380	6 360	9 180	12 122	13 978	10 686	5 919	16 636
Франция	740	1 320	1 500	3 340	4 540	7 414	6 634	3 805	3 328	7 133
Германия	**660**	**1 120**	**2 100**	**3 200**	**4 240**	**5 976**	**7 472**	**5 765**	**4 611**	**10 376**
Россия	400	500	640	920	2 000	2 420	1 903	1 236	1 487	2 728
Австро-Венгрия	320	440	580	1 020	1 660	2 688	2 349	1 441	1 650	3 091
Италия	220	340	520	920	1 480	1 322	1 930	1 377	1 084	2 461
Испания, Португалия	220	280	400	600	820	1 080	1 692	919	705	1 624
Нидерланды	320	540	880	1 120	1 420	2 420	4 014	3 270	2 862	6 132
Бельгия	280	400	700	960	1 280	2 320	2 518	1 794	1 557	3 351
Швеция и Норвегия	160	240	340	600	840	1 100	1 138	951	623	1 574
Соед. штаты	500	860	1 280	2 740	3 420	6 180	7 011	3 462	5 103	8 565
Ю. Америка	280	440	760	1 210	1 700	2 020	4 134	2 198	2 695	4 893
Британские колонии	580	1 240	1 860	3 800	4 820	7 240	6 409	5 401	5 342	10 743
Во всех странах	6 440	9 980	14 940	26 820	37 400	54 302	61 182	42 305	36 996	79 301

2. Экономическое и политическое положение Германии первой половины XIX в.

(Отрывок из книги Фр. Мерингa, «История германской социал-демократии; История Германии»)

«Избыток политической реакции после наполеоновских войн, в которой задыхалась германская буржуазия, был возможен только вследствие недостаточного экономического развития ее. Французское господство очистило Германию только от самого грубого феодального мусора. На левом берегу Рейна феодализм был совсем уничтожен. Здесь дворянство уже не имело больше никаких преимуществ, феодальные и церковные имения перешли в крестьянские руки, а крестьянин стал таким же свободным землевладельцем, как во Франции. С другой стороны, во всей остальной Германии сохранились значительные остатки феодальной грязи и больше всего на севере и на востоке.

Так называемое освобождение крестьян вовсе не устранило феодальных отношений. Французские крестьяне хорошо просветили по-

мещичьи головы тем красным петухом, которого они пустили на замки своих мучителей; когда в знаменитую августовскую ночь 1789 г. нужно было покончить с феодальными привилегиями, то в этом вопросе впереди остальных членов национального собрания шли дворяне; германские же крестьяне были слишком обездолены для применения столь же основательного метода: только там и сям, в Восточной Пруссии и Силезии, они немного зашевелились. С другой стороны, более умные из дворян выступили с проектом освобождения крестьян, заботясь при этом об интересах юнкерства, а вовсе не крестьянства. Они понимали, что крестьянин, отбывающий барщину,— плохой и непадежный работник; превращая его в свободного безземельного пролетария, они надеялись выжать из него большее количество труда. Подобно тому как Мирабо, один из вождей третьего сословия и дворянин, не принял участия в тех постановлениях французского национального собрания, которые покончили с феодальными методами эксплоатации, так и Шен, самый свободомыслящий из прусских государственных людей, согласен был возвратить крестьянам личную свободу, но никоим образом не соглашался восстановить их неограниченное право собственности на их участки. Закоренелая в своем классовом эгоизме масса юнкерства даже понять этого не могла. Только те ужасные удары, которые они получили от крестьянских детей в рядах французского войска, вбили им в голову немного политико-экономической логики.

Прусское освобождение крестьян ограничилось тем, что сделало их пригодными для современного ведения войны, во всем же остальном постаралось спасти все, что еще можно было. Дали крестьянам личную свободу, соблазняли их разными обещаниями относительно порядка их владения землей до тех пор, пока неприятель не был изгнан из страны. А затем крестьян надули еще хуже, чем буржуазию.

Главная масса мелких крестьян, т. е. тех, у которых не было даже собственной упряжки, вследствие освобождения попала из огня да в полымя. Права владения за ними не были укреплены; от феодальных платежей, службы и барщины они тоже не освободились. Если их личная свобода чему-нибудь и давала простор, то только притязаниям юнкерства. Теперь пали и те пределы эксплоатации крестьян, которые пыталась установить королевская власть в XVIII в. С самым бедным крестьянином юнкер делал все, что хотел. Он мог захватить постройки в возмещение каких-нибудь прав владения, мог их выкупить, просто отказать ему в его участке, или пользоваться его невежеством, чтобы побудить его отказаться от «возможных» его прав. Словом, за какие-нибудь гроши или, если и это казалось ему слишком высокой ценой, то просто насилием, ложью и обманом он низводил крестьянина до степени обездоленного пролетария, и тогда этот крестьянин был свободен от всяких прав по отношению к юнкеру, а юнкер был свободен от всяких обязанностей по отношению к крестьянину.

Создав себе пролетариат, необходимый для крупного сельского хозяйства и беззащитный перед ужаснейшей эксплоатацией, юнкера принялись за грабеж зажиточных крестьян в другой форме. Эти крестьяне были разделены на крестьян с сомнительными правами на владение, вернее — с правами, ставшими спорными вследствие юнкерских захватов в течение столетий, и на крестьян с неоспоримыми правами на владение. Отношения с крестьянами, имевшими собственную упряжку и права на оспариваемые владения, были «регулированы»: они должны были обеспечить себе неограниченное право собственности на свой участок и свободу его от всяких феодальных тягот уступкой юнкерству трети или половины своей пашни, смотря по большей или меньшей спорности их прав на владение. Кроме того при помощи разных вероломных законодательных определений большая часть этих крестьян была устранена от этого регулирования и подобно своим товарищам, не имевшим собственной упряжки, оставлена на произвол юнкерства. Те крестьяне, которые имели собственную упряжку и неоспоримые права, были «освобождены» от сервитутов; они должны были дать оценить в деньгах или в ржи свои феодальные тяготы и откупиться от них, внеся их в двадцатикратном размере.

Прусское освобождение крестьян было кровавой сатирой на то, что французские крестьяне получили и от своей революции. По ту сторону Рейна абсолютизм и феодализм были низвергнуты, и их призрачное возвращение после Ватерлоо показало только, что дни их уже сочтены навсегда. По сю же сторону Рейна они росли тем привольнее, что эксплоатация масс позволяла им вести капиталистическое хозяйство в государственных и юнкерских имениях. Крупное сельское хозяйство имело теперь самый настоящий пролетариат, последнюю ка-

плю пота которого оно умело превращать в деньги; а громадные суммы денег и земли, которые причитались с крестьян после четырехсот лет юнкерского грабежа и которые были уплачены им, дали средства для основания сельскохозяйственных промыслов, прежде всего — винокуренных заводов; и с этого времени Германия стала заливать весь мир прусской сивухой...»

«В Пруссии сельское население составляло три четверти всего населения, в Германском союзе — больше двух третей. В городах первую роль играло цеховое ремесло, хотя оно и сильно опустилось. В 1830 г. оно находилось в том же состоянии, как в 1800 г. Во вторую половину этого периода оно с грехом пополам залечивало раны, которые ему нанесены были в первую половину продолжительными войнами. А во всем прочем на нем незаметно было каких-нибудь следов прогрессивного развития. Ремесленники работали прапрадедовскими способами на местное потребление и заказчика; ограниченные и эгоистичные, противники всякого технического прогресса, они влачили растительное существование в душной тесноте мелкого городка. Отдельные ремесленные мастерские отличались миниатюрностью своих размеров; было почти в два раза больше мастеров, чем подмастерьев. Каждый подмастерье надеялся сделаться мастером, а где была свобода ремесл, там он мог поселиться когда угодно: в ремесле социальный антагонизм еще не обострился.

Однако подмастерья не представляли собой такой печальной картины, как мастера. Старые союзы подмастерьев со времени тридцатилетней войны распались, а чахлые остатки их были насильственно растоптаны княжескою властью в интересах растущего капитализма... Само собой понятно, что к тому же времени относится строжайший запрет коалиции и для сельского населения. Но как раз жестокое законодательство поддерживало в среде подмастерьев какое-то глубокое классовое самосознание, недовольный беспокойный дух, который постоянно жил и не ослабевал, благодаря особому цеховому учреждению, принудительному странствованию. Ремесленные подмастерья в Швейцарии, Англии и Франции знакомились с такими прогрессивными порядками, от которых домашние отличались достаточно резко; многие из них оставались навсегда за границей, другие же возвращались на родину с более свободными воззрениями.

Жалкому состоянию германского ремесла соответствовала и расшатанная организация его. Капиталистическая политика просвещенного деспотизма уже в XVIII в. наложила руку свою на цеховое устройство, пробила в нем брешь и расшатала его; затем над ним прошумели бури наполеоновского века, но основательно они смели цехи только там, где покончили и с феодализмом: в Рейнской Пруссии, Рейнской Баварии, Рейнском Гессене. Во всей же южной Германии царили цехи, даже в Саксонском королевстве, которое достигло уже сравнительно высокой степени промышленного развития. В старопрусских провинциях на бумаге значилась свобода ремесл, но прусское ремесло не получило из-за этого нового импульса к развитию...

Южногерманская мелкая буржуазия оказалась несколько подвижнее, хотя здесь, на правом берегу Рейна, ремесло лежало еще в цеховых оковах.

Политический идеал мелкого буржуа, занимавшего господствующее положение в Бадене, Пфальце, Вюртемберге, был определен его экономическим положением. По временам он даже мог желать республики, в виде блаженной Аркадии, крестьянско-буржуазной республики небольших размеров, без крупных антагонизмов исторического и общественного происхождения, без чрезмерного богатства и чрезмерной бедности, — все в среднем состоянии, среднем размере. Ему не надо князей, цивильных листов, дворянства, регулярного войска и даже, если возможно, налогов, но ему не хотелось ни внешней политики, ни крупной промышленности, ни мировой торговли. И если бы было возможно, чтобы Германия распалась на большое число таких мелких республик, то она основательнее, чем когда-либо прежде, исчезла бы из числа великих народов.

Несмотря на преобладание ремесла, в Германии не было недостатка в различных зачатках капиталистического способа производства...

Широким фундаментом для этого капитализма была домашняя промышленность, которой далеко уступали ремесло и мануфактура, основанные на ручной работе, а в особенности механическая фабрика.

Германская домашняя промышленность возникла двумя путями. Частью капитал стал вить себе гнездо в трещинах цеха, сорвал эту гнилую постройку, так что отдельные ремесленники превратились в капиталистов-оптовиков, а большинство стало наемными работниками домашней

же промышленности. И здесь не обошлось без дружеского содействия государственной власти. Прусское гражданское право подчинило все цеховые учреждения воле властителя страны; только король мог учреждать новые цехи, старые же он мог уничтожить и восстановить, как ему будет угодно. По главным образом капитал устремился в деревню, где он был свободен от каких бы то ни было все-таки стесняющих цеховых рамок; здесь он набросился на крепостного, которого юнкер успел сделать беззащитным, на мелкого крестьянина, сидевшего еще на своем незначительном участке; в малоплодородных областях с сильно раздробленным землевладением этот крестьянин не мог уже существовать одним земледелием: он давно уже искал побочного занятия в прядении и в тканье и вырезывании более или менее художественной домашней утвари...

В Восточной Германии провинция Силезия и королевство Саксония явились центральными пунктами капиталистического способа производства. Даже во времена глубочайшего упадка выделка полотна оставалась вывозящей отраслью промышленности, и к центрам ее половины XVII в. относилась также и Силезия...

В известных отношениях Силезия представляла собою классическую страну ост-эльбского феодализма. Когда Шен в 1797 г. путешествовал по этой провинции, он был возмущен тамошними «ужасными» порядками. Он говорил, что самый воздух здесь крепостнический и что вне городов здесь можно встретить только рабов и господ; а то, что здесь бунт не следовал за бунтом, объясняется только остатками патриархальных отношений между помещиками и крестьянами, причем последние бессознательно легче переносили то, что, собственно говоря, было невыносимо; кроме того это объясняется еще духовным и телесным вырождением силезцев под влиянием крепостничества, рабства, под влиянием, наконец, прядильного и ткацкого промыслов. Действительно, организация силезской льняной промышленности имела в своей основе поместное владение...

И все ткачи, свободные и несвободные, должны были платить помещику ткацкую пошлину. Свободных было чуть заметное меньшинство; громадное большинство ткачей было подвластно помещику и наряду с ткацкой пошлиной должно было платить феодальные подати, нести феодальную службу. Но, продавая своим подданным право заниматься ткачеством как промыслом, феодалы вовсе и не думали о том, что на них может лежать долг заботиться о сбыте продуктов ткацкого производства: напротив ту пряжу, которую они в больших количествах получали в виде натурального оброка от подвластных прядильщиков, они сбывали ткачам через торговцев; облагаемые ими ткачи стали для них обеспеченным рынком для сбыта излишней пряжи. Если же ткачи где-нибудь оставались с избытком полотна, то это было их дело и помещика вовсе не касалось. Крестьяне должны были сбывать свой товар за всякую рыночную цену или за ту цену, которую полотняному торговцу заблагорассудится выдать за рыночную. Давно уже вошедшая в поговорку нищета силезских ткачей становится теперь для нас вполне понятной: феодализм и капитализм одновременно соревновались в грабеже его...

Промышленные центры Восточной Германии более или менее погрязли в феодальной тине. Зато промышленный центр Западной Германии достиг почти высоты современного буржуазного общества. Промышленность Рейнской Пруссии была более развита и разнообразна, чем силезская и даже саксонская; она шла впереди последних стран еще и в том отношении, что с 1795 г. жила под влиянием буржуазно-освободительного законодательства французской революции.

К Рейнской провинции непосредственно примыкал, снабжая ее частично сырыми продуктами и составляя с ней в промышленном отношении одно целое, пограничный железный и угольный округ. В связи с промышленностью процветала для германских условий весьма значительная ввозная и вывозная торговля со всеми странами света, существовали весьма развитые прямые сношения со всеми большими складочными пунктами на мировом рынке. Расцвету торговли и промышленности благоприятствовало накопление капитала; старые сословия в городах распадались, а выделившиеся атомы снова скучивались во все более резко расходящиеся классы буржуазии и пролетариата. В деревне процветала свобода земельной собственности: преобладал мелкий крестьянин, освободившийся от феодальных тягот, но все более попадавший в долговую зависимость от капитала. Буржуазия господствовала над ним при помощи ипотеки, подобно тому, как над пролетариатом она господствовала при помощи заработной платы, а над мелким буржуа — при помощи конку-

ренции. Но господство буржуазии было признано и утверждено в торговых, фабричных, присяжных судах во всем материальном законодательстве. Для Германии это была единственная в своем роде ступень экономического развития.

В своем постепенном росте рейнско-вестфальская крупная промышленность представляла пеструю картину капиталистических форм производства. В Ремшейдском округе сохранилось еще ремесло, и капитал довольствовался ролью комиссионера-экспортера всевозможных товаров, причем конечно капиталистический режим не стал от этого мягче. В Золингенском округе он разрушил цехи и поверг в нищету пролетариат домашней промышленности, оружейных мастеров — представителей самого почетного, пользовавшегося мировой известностью, ремесла. В Ахене он укротил цеховых суконщиков, взяв себе на службу дешевые рабочие силы сельского округа. В крефельдской шелковой промышленности, которая с самого начала была организована в торговом отношении, ткачи домашней промышленности упорно отстаивали свое звание мастеров; они были счастливы, когда путем тяжелых лишений им удавалось приобрести право собственности на ткацкие станки, и вовсе не подозревали, что они этим только сильнее заковывают себя в цепи капитализма. Но рейнская промышленность отличалась еще и тем, что в ней очень рано развились мануфактурное и машинное производства. Первая механическая прядильная машина была в Германии пущена в 1783 г. эльберфельдским фабрикантом, применившим в качестве двигателя водяную силу. Если, с одной стороны, в 1826 г. золингенские точильщики буйно восстали против ужасной системы расплаты натурой, если то же сделали в 1828 г. крефельдские шелковые ткачи вследствие невыносимого понижения заработной платы, то, с другой стороны, дети рабочих, в это же время сотнями приносившиеся в жертву машине, хранили тяжелое молчание...»

«Около середины 30-х годов в Германии снова воцарилось кладбищенское спокойствие. Но в это время, когда князья с чувством самоудовлетворенных государственных деятелей взирали на результаты своих патриотических усилий, они конечно меньше всего думали, что гораздо успешнее демагогов подкапывают свою, божией милостью дарованную, власть. В начале 1834 г. вступил в силу прусско-германский таможенный союз, открывший свободу сношений на пространстве приблизительно 8 тыс. квадратных миль с тридцатимиллионным населением и противопоставивший эту область как единое целое иностранным торговым державам. Год спустя окончилась постройка первой германской железной дороги между Нюрнбергом и Фюртом. Довольно медленно, но неудержимо, Германия уносилась в великий поток мирового обращения.

История возникновения таможенного союза представляет собой трагикомический пример того, как непонимание правителей находит себе укротителя в экономической необходимости. В то время все почти европейские государства оградили себя таможенными пошлинами, но растерзанная Германия осталась открытой для заграничной победоносной конкуренции и особенно была наводнена английскими товарами, столь долго стесненными континентальной системой. И вот как изображали положение дел нижнерейнские фабриканты в жалобе своей на имя прусского короля: «Наша промышленность, благодаря таможенным линиям, не имеет доступа ни на один из европейских рынков; для европейской же промышленности Германия является свободным рынком». Зато у германской промышленности не было и внутреннего рынка, так как вся Германия была изрезана бесчисленными таможенными линиями, так что французу де-Прадту немцы напоминали заключенных, которые только через решетку могут споситься между собой. Но что особенно смешило иностранцев, так это идея германских деспотов, торговля и хозяйственная политика которых руководились исключительно династическими интересами и причудами. Но они были бедны, и нужда в золоте смиряла упорство верховных правителей. Уже в 1818 г. финансовые соображения вынудили Пруссию уничтожить все внутренние таможни и окружить государство одной таможенной линией, хотя далеко растянувшаяся, глубоко изрезанная граница очень затрудняла взимание пошлин. Средние и мелкие германские государства, почти все соприкасавшиеся с прусской границей, благодаря этой мере попали, что называется, из огня да в полымя. И как бы ясно для них ни было то обстоятельство, что прусско-германский таможенный союз обозначал собою начало прусского господства, другого выбора для них не оставалось. Они щетинились и ерошились, пока была возможность, иного лет еще прибегали к разным уловкам, но растущая финансовая нужда решила; один за другим являлись они и вступали в таможенный союз.

Так как для всех правительств имел значение только финансовый доход от пошлин, но вовсе не покровительство промышленности, то тариф оказался более либеральным, чем во всех других государствах континента. Большинство фабрикантов конечно вопило о повышении пошлин, но для правительства этот вопль имел тем меньше значения, что благодаря вывозу ржи крупное землевладение стало горячим сторонником свободы торговли.

Напротив, главным рычагом при постройке железных дорог явилась молодая буржуазия. В Германии было очень мало хороших сухопутных и водных путей; к 1831 г. в Пруссии шоссе не имели протяжения более 1 100 миль. Тем скорее поняли рейнская и саксонская промышленность, большие торговые города, вроде Лейпцига и Магдебурга, какую важность представляют для них железные дороги. Деспотам и их слугам дело сначала казалось в высшей степени подозрительным. Прусский генерал-почтмейстер Наглер, остервенелый преследователь «демагогов», занимавшийся перлюстрацией писем в крупных размерах, усердно агитировал против этого «в высшей степени ограниченного и второстепенного сообщения». Этим он заслужил благоволение своего монарха, который полагал, что ему, помазаннику божьему, угрожает опасность от того, что он в одном поезде со своими возлюбленными поддаными поедет из Берлина в Потсдам. Только такие князья-мечтатели-фантасты, как король баварский и кронпринц прусский, более или менее благосклонно относились к железным дорогам; но об их глубоком экономическом значении и они ничего не подозревали. Верховное невежество часто неуместно вмешивалось в дело постройки германской сети железных дорог, но задержать ее оно не могло.

Железные дороги пробили первую брешь в китайской стене партикуляристских предрассудков. Недолго спустя Карл Бек в образе, отличающемся сомнительной красотой, но пророческим смыслом, воспевал в железнодорожных рельсах брачные узы, блестяще отлитые обручальные кольца стран. Железные дороги раскрыли сокровища германской земли — железо и уголь; они дали могучий толчок крупной промышленности, которая стала проникать теперь в Южную Германию, обосновываться в Аугсбурге, Нюренберге, Мангейме. Машиностроительные заводы вырастали с небывалой быстротой, например Борзит в Берлине, Крамер-Клетт в Нюренберге.

Однако ремесло все еще сильно преобладало в Германии и даже пережило новый и последний расцвет во время экономического подъема 30-х годов. Правда, отдельные промыслы уже начинали страдать от конкуренции больших предприятий, например мыловаренные и кожевенные заводы, перчаточники, шляпники, горшечники, но зато другие, например механики, слесаря, камнетесы, были в выигрыше от занятий, которые давала им крупная промышленность. Таким образом потеря и ущерб уравновешивали друг друга...»

8. Буржуазия и пролетариат.

(К. Маркс, «Баланс прусской революции» и Ф. Энгельс, «Революция и контрреволюция в Германии».)

«Немецкая буржуазия развилась так лениво, вяло и медленно, что в ту минуту, когда она грозно выступала против феодализма и абсолютизма, она сама столкнулась с грозно выступившим против нее пролетариатом и всеми теми частями общества, интересы и идеи которых совпадали с интересами пролетариата. И не только защитник буржуазных интересов класс смотрел на нее враждебно—вся Европа встретила ее недружелюбно. Прусская буржуазия не была, как французская в 1789 г., классом, который являлся заступником интересов современного ему общества перед представителями старого общества, перед королевской властью и дворянством. Буржуазия опустилась до положения сословия с ясно определившейся позицией как против короны, так и против народа. Она была оппозиционно настроена против обоих своих противников и нерешительна по отношению к каждому из них в отдельности, потому что она всегда видела в том и другом своего врага. Это было сословие, с самого начала готовое изменить народу и пойти на компромисс с коронованными представителями прежнего общественного строя, потому что буржуазия сама вся принадлежала прежнему общественному строю; это было сословие, не защищавшее интересов нового общества против старого, а отстаивавшее подновленные интересы внутри устаревшего общественного строя, сословие, схватившееся за кормило революции не потому, что за ним стоял народ, а потому, что народ толкал его вперед. Буржуазия стояла во главе революционного движения не как представительница инициативы новой общественной

эпохи, а как защитница привилегий старой. Буржуазия представляла собой ничем не проявивший себя в свое время слой старого государства. Она землетрясением была выброшена на поверхность нового общества. Без веры в самое себя, без веры в народ она брюзжала на то, что было выше ее, дрожала перед тем, что стояло за ней, и была полна эгоистических помыслов. И с ясным сознанием своего эгоизма буржуазия рисовалась как революционер перед консерваторами и была консервативна с революционерами. Она потеряла веру в собственные лозунги, и у нее вместо идей остались фразы. Напуганная мировой бурей, она вместе с тем эксплоатировала народное движение без энергии в каком бы то ни было направлении и с заимствованиями по всем направлениям; она была пошла, потому что не была оригинальна. Без инициативы, без веры в себя самое, без веры в народ, без всемирно-исторической миссии — она походила на проклятого старика, осужденного на то, чтобы в собственных старческих интересах руководить первыми порывами молодости мощного народа. Слепой, глухой, беззубой и дряхлой — вот какой оказалась прусская буржуазия у кормила прусского государства после мартовской революции...»

«Рабочий класс Германии в своем социальном и политическом развитии в такой же мере отстал от рабочего класса Англии и Франции, в какой немецкая буржуазия отстала от буржуазии этих стран. Каков господин, таков и слуга. Развитие условий для существования многочисленного, сильного, сконцентрированного и интеллигентного пролетариата идет рука об-руку с развитием условий для существования многочисленной, богатой, сконцентрированной и сильной буржуазии. Движение рабочего класса никогда не приобретает самостоятельности и исключительно пролетарского характера, пока все различные части буржуазии и особенно ее прогрессивнейшая часть — промышленники — не завоевали политической власти и не преобразовали государство сообразно своим потребностям. Но едва лишь развитие доходит до этого пункта, как неизбежный конфликт между предпринимателями и рабочими надвигается- угрожающе-близко и уже не может быть отсрочен; тогда становится невозможным понрежнему кормить рабочих обманчивыми надеждами и обещаниями, которые никогда не приводятся в исполнение; тогда выступает наконец во всей своей полноте и со всей ясностью великая проблема XIX столетия — освобождение пролетариата.

В Германии подавляющее большинство наемных рабочих было занято не в промышленности современного типа, не работало у предпринимателей, представленных в Великобритании такими превосходными экземплярами, а у мелких ремесленников, вся производственная система которых является остатком средневековья. И подобно тому, как между хлопчатобумажным лордом, с одной стороны, и мелким починялой-сапожником или портным-мастером — с другой, существует колоссальное различие, так и пробудившийся к жизни фабричный рабочий промышленного Вавилона в корне отличается от смирного портновского или столярного подмастерья в мелком провинциальном посаде, в котором условия жизни и характер труда лишь немного отличаются от условий жизни и приемов труда за пять веков до нашего времени. Общее отсутствие современных жизненных отношений, современных способов производства естественно сопровождается таким же общим отсутствием современных идей; поэтому нет ничего удивительного в том, что после революционного взрыва бо́льшая часть рабочих выставила требование немедленного восстановления цехов и средневековых привилегированных ремесленных корпораций. Однако под влиянием нескольких промышленных районов, в которых преобладает современный способ производства, а также под влиянием странствований, обычных для многих рабочих, усиливались сношения между рабочими, повышалось их умственное развитие, и в конце концов выступило сильное ядро элементов, у которых идея освобождения их класса отличалась несравненно большей ясностью и более согласовалась с наличными фактами и историческими потребностями. Но эти рабочие составляли меньшинство. Если более энергичное движение буржуазии начинается с 1844 г., то движение рабочего класса берет начало с восстаний силезских и богемских фабричных рабочих в 1844 г.».

4. Утопический социализм в Германии.

(Отрывок из сочинения Вейтлинга, «Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть».)

«...Злые люди говорят вам: «Дом, поле, фабрику, в которой вы работаете, мы купили, арендовали или наследовали; мы дадим вам столько, чтобы вы не умерли с голоду во время своей

работы», — и, чтобы избежать голодной смерти, вы молча соглашаетесь на это. Но настанет день, когда вы спросите их: делили ли вы наравне с нами труды наши, несли ли с нами тяготы паши?

Денно и нощно трудитесь вы, долгие годы сменяют друг друга, магазины ломятся от полноты благ, отвоеванных трудом вашим у матери-земли, — и все-таки большинство из вас лишено самых необходимых предметов в пище, жилище и одежде, все-таки из благ земли меньше всего приходится как раз на долю тех, кто наиболее обильно поливает ее своим трудовым потом. Причина этому — неравномерное распределение труда и производимых им благ. Оно порождает бедность и богатство, ибо бедные существуют лишь там, где есть богатые, и богатые — где есть бедные.

Вы все чувствуете тяжесть бремени, под которым вы задыхаетесь, но многие из вас не знают средств, как бороться с этим. Одни мастера стремятся помочь себе тем, что понижают плату своим подмастерьям или рабочим, тогда как эта мера только вредит как им самим, так и всему кругу ремесленников, ибо с уменьшением заработной платы рабочим понижается и цена труда, потому что перестает существовать такса, регулирующая цены, которая могла бы противодействовать падению их, и каждый становится предоставленным собственным своим слабым силам. Вы ищете всегда причины бедствий своих в ближайшей окружающей обстановке, тогда как они находятся в чертогах.

Другие считают источником всех бед ни в чем неповинные машины, которые послужат к счастью для человечества, когда оно в будущем установит общность имуществ и соединится в одну большую дружную семью, потому что машины сообщают человеку такую силу и такую скорость, какой он сам по себе от природы лишен, и делают излишним при своем применении такое большое количество труда и тягостей.

Наши жалкие общественные условия ведут к тому, что изобретение и применение машин, коих назначение — облегчить труд рабочего, увеличивают лишь его бедственное положение, нисколько не улучшая условий труда: продолжительность рабочего дня осталась та же, не была еще удлинена. Покуда это положение дел останется неизменным, корыстные люди, что бы ни предпринял рабочий для улучшения своего положения, всегда используют эти меры для своих низких узко-эгоистических целей. Самое большое, они бросят изобретателю машины корку от своего роскошного стола, чтобы не охладить пыл его коллег.

Причина переживаемого нами плохого положения дел — исключительно неравномерное распределение и пользование благами, а также неравное распределение труда для производства этих благ. Средством для поддержания этого отвратительного непорядка служат деньги.

Если бы в один прекрасный день исчезли деньги, то богатые и бедные скоро вынуждены были бы устроить свою жизнь на основе общности имуществ. Но пока существуют деньги в их современном значении, никогда мир наш не увидит свободы. Сколько страданий и несчастья испытало уже человечество со времени их введения! Составьте себе список всех пороков и прегрешений человечества, и вы признаете, что самые ужасные из них, наиболее омрачающие общественное благосостояние, не могли бы и возникнуть без денег и без сомнения исчезнут с уничтожением этих последних и с введением общности имуществ. Провозгласите свободу и равенство, устраните панов и попов, уничтожьте постоянное войско и обложите налогами богатых — всем этим вы достигнете многого, но счастье человечества вы далеко еще не утвердите. Чтобы увенчать наше дело, мы не должны остановиться на этом. Наш долг — воспользоваться настоящим великим моментом, когда человечество напряженно борется за свое спасение. Если уж в нашей борьбе мы ставим на карту кровь, жизнь и свободу, то будем лучше стремиться к достижению совершенного, чем несовершенного, но стоящего не меньших жертв».

5. Требования коммунистической партии Германии.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1. Вся Германия объявляется единой, неразделимой республикой.

2. Всякий немец, достигший 21 года, имеет право избирать и быть избранным, если только он не подвергался уголовному наказанию.

3. Народные представители получают вознаграждение, чтобы и рабочие имели возможность заседать в парламенте германского народа.

4. Всеобщее вооружение народа. В будущей армии должны быть одновременно и рабочими армиями, чтобы войско не просто потребляло,

как было раньше, но производило больше, чем составляют издержки по его содержанию. Кроме того это является средством организации труда.

5. Бесплатность судопроизводства.

6. Все феодальные повинности, все оброки, бенефиции, десятины и т. д., до сих пор тяготеющие на сельском населении, отменяются без всякого выкупа.

7. Имения государей и прочие феодальные имения, все рудники, копи и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях в интересах всего общества ведется хозяйство в крупном масштабе и при помощи современных вспомогательных средств, даваемых наукой.

8. Ипотеки на крестьянские земли объявляются государственной собственностью. Проценты по этим ипотекам крестьяне уплачивают государству.

9. В тех областях, где развита аренда, земельная рента или арендная плата уплачивается государству в виде налога.

Все эти меры, указанные в пунктах 6, 7 и 9, проводятся с той целью, чтобы уменьшить общественные и прочие повинности крестьян и мелких арендаторов, не уменьшая средств, необходимых для покрытия государственных расходов, и не создавал опасности для самого производства.

Собственно, земельный собственник, не являющийся ни крестьянином ни арендатором, не принимает никакого участия в производстве. Поэтому присвоение им продукта труда — просто злоупотребление.

10. На место всех частных банков выступает государственный банк, бумаги которого имеют узаконенный курс.

Эта мера делает возможным урегулирование всего кредитного дела в интересах всего народа и таким образом подрывает господство крупных собственников денег. Мало-по-малу замещая золото и серебро бумажными деньгами, она удешевляет необходимое орудие буржуазного оборота, всеобщее средство обмена и позволяет направить действие золота и серебра на внешние отношения. Эта мера в конце концов необходима для того, чтобы приковать к правительству интересы консервативных буржуа.

11. Государство берет в свои руки все средства транспорта: железные дороги, почту и т. д. Они обращаются в государственную собственность и бесплатно отдаются в распоряжение неимущего класса.

12. В вознаграждении всех государственных чиновников не будет никаких иных различий кроме тех, что семейные, т. е. лица с большими потребностями, будут получать и большее вознаграждение, чем остальные.

13. Полное отделение церкви от государства. Духовенство всех вероисповеданий будет получать плату исключительно от своих добровольных общин.

14. Ограничение права наследования.

15. Введение усиленного прогрессивного налога и уничтожение налогов на предметы потребления.

16. Устройство национальных мастерских. Государство гарантирует всем рабочим их существование и берет на себя попечение о неспособных к труду.

17. Всеобщее и бесплатное народное образование.

В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и крестьянского сословия — со всей энергией способствовать проведению в жизнь указанных выше мероприятий. Ибо только посредством их осуществления миллионы людей, которые до сих пор эксплоатировались в Германии небольшим числом лиц и которых постараются и впредь держать в угнетении, сумеют добиться своего права и той власти, которая подобает им как производителям всех богатств.

Комитет: Карл Маркс, Карл Шаппер, Г. Бауэр, Фр. Энгельс, И. Молль, В. Вольф».

6. «Так называемому прусскому королю в Берлине».

(Выдержки из одной либеральной летучки.)

«Государь! Вы приняли титул германского императора и изъявили свою волю стать во главе пробудившейся к свободе германской нации.

Государь! Германский народ считает это наглостью и со всей решительностью отклоняет ваши претензии называться его вождем и руководителем на его новой, возвышенной стезе.

Вы не можете быть германским императором, не можете водительствовать свободным германским народом на пути славы. Вы потеряли всякое право на это высокое звание.

Кто из германских монархов решительней всех примкнул к гнусной системе насилия того негодяя, которого прогнали храбые венцы и чей портрет они прибили к виселице, не имея возможности повесить на ней удравший оригинал? Это были вы.

Кто в течение ряда лет упорно отвергал справедливые требования введения народного представительства в Пруссии и преследовал патриотов, провозглашавших эти требования? Это были вы.

А когда под давлением обстоятельств стало невозможным продолжать отказывать в конституции, кто пытался усыпить народ, бросив ему жалкий, ублюдочный декрет от 3 февраля 1847 г.? Это были вы.

Кто окончательно уничтожил даже ту ничтожную долю политической свободы, которая оставалась от времени Штейна в Пруссии при Фридрихе-Вильгельме III? Кто заместил все государственные должности консервативными, ультра-консервативными или, что то же, реакционными креатурами, преследовавшими и подавлявшими каждое свободное движение человеческого духа? — Вы.

Кто в союзе с Меттернихом, действуя постоянно через союзный совет, препятствовал развитию конституционного строя в других немецких государствах? — Вы.

Кто оправдал все злодеяния наглой бездарной военщины, учиненные ею против мирных граждан, кто покрыл все издевательства ее над правом, разумом, обычаем и еще более усилил их, отменив помилованием даже тот приговор, который вынесли благорасположенные к преступникам судьи? — Вы.

Кто приказал расстрелять без пощады голодных силезских ткачей, освободив убийц от наказания? — Вы.

Кто в своей тронной речи 1847 г. объявил открытую и решительную войну тому духу, который торжествует сейчас свою победу и вождем которого вы собираетесь теперь стать? — Вы.

Кто насмехался над справедливыми требованиями германского народа дать свободу печати, предложив законопроект о печати, которым связал бы ее еще худшими цепями, чем сама цензура, тогда как даже власть имущие пришли к убеждению, что цензура невыносима далее? — Вы.

Кто еще из германских монархов устроил такую ужасную кровавую баню для своих граждан, как вы?

Все эти обвинения — «первые пришедшие нам на память, но и они достаточны для того, чтобы взоры германского народа отвратились с негодованием от вас. Нет! Отягченный такими обвинениями, вы не можете быть германским императором!»

7. Манифесты короля Фридриха-Вильгельма IV.

А. «К моим дорогим берлинцам».

«К моим дорогим берлинцам!

В сегодняшнем моем указе о созыве парламента вы получили залог доброго расположения вашего короля к вам и ко всему немецкому отечеству. Еще не замолкли восторженные возгласы, которыми приветствовали меня бесчисленные верные мне сердца, как группы бунтовщиков примешали к этим голосам свои возмутительные и грубые требования. Число их растет, когда благомыслящие удаляются от них. Так как их упорное стремление проникнуть во дворец давало основание опасаться с их стороны грубых выходок и оскорблений моих храбрых и верных солдат, то оставалось только очистить площадь при помощи кавалерии, которая шла шагом и имела оружие в ножнах, причем у двух пехотинцев ружья выстрелили сами собою. Благодарению богу, никто при этом не пострадал. Шайка злых людей, но большей части иностранцев, которая скрывалась целую неделю, несмотря на розыски, извратила совершенно это обстоятельство, чтобы такою ложью способствовать проведению своих злых планов, и породила в пылких душах моих верных и дорогих берлинцев мысль о мести за невинно пролитую кровь, в силу чего они и оказались сами виновниками кровопролития. Мои войска, ваши братья и земляки, взялись за оружие только тогда, когда они вынуждены были к этому многочисленными выстрелами с Королевской улицы. Победоносное шествие войск явилось неизбежным последствием этого обстоятельства.

Вы, подданные моего дорогого отечества, можете теперь предотвратить еще большие несчастья. Ваш король — и в то же самое время ваш вернейший друг — заклинает вас об этом, ради всего святого для вас исправьте эту роковую ошибку. Мирно возвращайтесь домой, разберите

баррикады, которые все еще стоят, и пришлите ко мне людей, исполненных истинного, старого берлинского духа. Пришлите их со словами, которые вам подобает сказать теперь вашему королю, и я даю вам мое королевское слово, что все улицы и площади тотчас же будут очищены от войск и военная охрана останется только у некоторых зданий дворца, у цейхгауза, да еще у некоторых помещений, да и то лишь на короткое время. Услышите отеческий голос вашего короля, жители моего верного и прекрасного Берлина, так как и я готов вырвать свое сердце ради великого будущего, которое ожидает, благодаря богу, Пруссию, а за Пруссией и всю Германию.

Любящая вас всем сердцем королева и ваша истинная мать и друг, которая теперь лежит больная, присоединяет свои полные слез просьбы к моим.

Писано в ночь с 18 на 19 марта 1848 г.

Фридрих-Вильгельм.

Б. «К немецкой нации».

(Воззвание короля после победы народа.)

«С сегодняшнего дня наступает для нас новая славная страница истории. Вы теперь снова являетесь единой великой нацией, свободной и могущественной в сердце Европы; Фридрих-Вильгельм IV прусский стал во главе объединенного отечества для спасения Германии, доверяя вашей геройской помощи и вашему духовному возрождению.

Вы сегодня же увидите его украшенным старинным национальным цветом среди вас на площади.

Да здравствует и да будет благословен конституционный князь, вождь объединенного немецкого народа, новый король свободной, возродившейся снова нации».

В. Возвращение войск в Берлин.

«Милостиво снисхожу к просьбе ветеринарного врача Урбана о немедленном возвращении в Берлин войск, находящихся в Потсдаме и его окрестностях, а в особенности гвардейского полка императора Александра.

Собственноручно 21 марта 1848 г.

Фридрих-Вильгельм.

8. Требование расширения избирательного права.

(Резолюция рабочего собрания.)

«Ваше величество! Нам кажется, что народу больше следует, чем ему дано в проекте избирательного закона. Мы хотели общего избирательного права, получили же ограниченное, так что тот, кто проклятием общества осужден служить или получать милостыню, лишен избирательного права. Мы хотели прямых, одностепенных выборов, между тем мы видим, что между нами и нашими представителями проникли выборщики; мы наконец желаем, чтобы совершеннолетие считалось тем возрастом, когда мы уже способны представлять свои интересы.

Мы надеялись, что в будущем совершеннолетие будет наступать не позже чем с 21 года жизни, но наши надежды и тут нас обманули.

Мы предлагаем:

1. Служащие и пользующиеся общественным пособием не должны быть лишены политических прав, прав выбирать и быть выбранными.

2. Избиратели должны сами выбирать своих представителей без выборщиков.

3. Всякий мужчина, достигший 21 года, может выбирать, достигший же 24 лет может быть избран.

4. Мы обсуждали этот адрес в собрании «Народного союза» и надеемся, что наше право собираться под открытым небом, без оружия, по большими массами, ограниченное проектом, и впредь никоим образом нарушаться не будет.

Ваше величество! Мы показали себя мужами, мы сумели владеть оружием в борьбе за свободу, полагаем, что таким образом мы себе завоевали право и впредь носить его при себе для охранения и гарантии последней.

По поручению «Народного союза у палаток»: Краузе, слесарь; Зигерист, рабочий, Г. А. Шлеффель, студент; Моиске, студент; Гирш, купец; Эпгелинг, кузнец».

9. Требования рабочих.

(Собрание рабочих у Шенгаузских ворот.)

Беттихер (плотник). Мы имеем работу только 9 месяцев в году. Зимой мы должны делать долги, летом их выплачивать. По при ничтожных наших заработках мы не можем удовлетворить всех кредиторов, поэтому мы вносим предложение о повышении заработной платы. Затем 14 часов работы слишком много. Если присчитать ходьбу туда и обратно, то получится целых 18 часов. Отец семейства лишен возможности при таких условиях даже слышать лепет своих ребят. Когда он уходит поутру, они еще спят; когда он возвращается, они уже спят. Мы требуем от своих хозяев повышения платы, они могут это сделать.

Зигерист (слесарь). От имени всех машиностроительных рабочих я жалуюсь на недохватку работы. Во главе нас стоят в высшей степени непрактичные управляющие, которые редко дают нам возможность заработать лишний кусок хлеба. Рабочее министерство положило бы конец их деспотизму. Такое министерство должно также установить минимум платы в 4 талера для того, чтобы рабочий класс мог существовать; оно должно понизить рабочий день до 10 часов и следить за управлением касс без вмешательства магистрата.

Вильке (кожевник). Наше желание исполнено, мы не желаем возобновлять кровавой бани, но мы требуем предоставить нам плоды нашего пота. Мы работаем с пяти часов утра до семи часов вечера. Уменьшение рабочего времени до шести часов и повышение платы до 4 талеров в неделю, — значит ли это требование слишком много?

Бриль (паборщик). Мы все боролись, будем же и дальше держаться дружно. Если мы упустим этот случай поговорить друг с другом, наши силы окажутся раздробленными. Мы не можем заставить мастера дать нам более высокую плату, потому что тогда он сам должен брать больше, товары вздорожают и не будут покупаться. Мы привели бы мастера к обнищанию, этого мы не желаем. (Шум.) Я такой же рабочий, как и вы, и тоже хочу правды и справедливости. Я тоже стою за повышение платы, но оно должно произойти мирным путем, путем полюбовной сделки с мастером, ибо не он, а конкуренция определяет цены на все предметы. Далее необходимо, чтобы рабочий мог работать над своим духовным самообразованием, поэтому рабочее время должно быть сокращено. Существовавшее до сих пор общество поступало крайне несправедливо по отношению к рабочим. Почему оно так поступало? Потому что рабочие были необразованы. Я требую поэтому народного образования на средства государства. Это будет стоить много денег, — я это вижу, — но мы многое сбережем. Мы сбережем расходы на жандармов, на тюрьмы, на работные дома, на палачей и виселицы. Если мы желаем помочь, то мы должны принять коренные меры. Богатые должны пожертвовать часть своего имущества. В чьих руках находилась до сих пор власть? В руках дворянства, благородных и богачей. Они умели жить, но для рабочего они ничего не делали, для рабочего, который ведь доставлял им все, начиная с самого необходимого и кончая комфортом. Правда, имеются люди, которые заботятся о нас, несмотря на то, что они носят хороший сюртук. Рабочий — основа общества, а так как он теперь меняется, то и все общество должно теперь измениться; улучшиться и преобразоваться. Нам нужно дешевое правительство: это облегчит бремя, которое лежит теперь на крестьянине, ремесленнике и рабочем. Всем гражданам должно быть дано избирательное право. Постоянное войско должно быть заменено всеобщей народной милицией, которая вовне и внутри страны будет внушать уважение. Это даст экономию. Понимающие дело должны образовать рабочее министерство, долженствующее завязать связи со всей страной и учредить в каждом главном городе провинции провинциальный комитет, а в каждом уездном городе — уездный комитет. Наконец, как я уже сказал, необходимо народное воспитание. Нам всем знакомо министерство Эйхгорна. Это министерство утешало нас загробным миром, когда мы жаловались на нужду на этом свете: «После смерти, — говорили они, — все получите». Оно посылало во все наши общины пасторов и учителей, которые должны были кормить наших ребят изречениями из библии и забивать им головы. Такое воспитание не могло помочь удрученному человечеству. Помощь человечеству придет от него самого. Всякий носит спасителя в собственной груди. (Долгие бурные аплодисменты.)

Эберт Гельм (чернорабочий). Трех талеров недостаточно для отца семейства. Всюду на

постройках мы находим профессионалов. Это не должно быть. Нужно запретить им работать в качестве простых рабочих.

Бергеман (маляр). От имени своих товарищей я приношу жалобу на то, что издатели слишком много заказывают в работных домах. Далее, работа по шаблону нам приносит большой ущерб. Франке например изготовляет много товару по шаблону и поэтому в состоянии продавать в шесть раз дешевле, чем мы. Вношу поэтому предложение об отмене шаблонов. Далее, никто не может существовать при нашей заработной плате. Мы желаем, чтобы ни один мастер не имел больше двух учеников. Иные имеют до шести учеников, это слишком много. В заведении Мальмепэ заняты четыре мальчика, которые, как и девушки, наносят нам большой ущерб.

Бизель (рабочий по шелку). Мы принадлежим к наиболее угнетенным рабочим и требуем, чтобы работы в работных домах прекратились. Далее, работодатели не имеют права давать работу девушкам и не имеют права иметь больше трех учеников; они не должны также иметь больше станков, чем это позволяют размеры занимаемой ими квартиры.

Штейнгоф (позументщик) выставляет следующие требования: 1) все девушки, работающие за позументными станками, должны перестать работать; 2) число машин, делающих излишними рабочие руки человека, должно быть ограничено. Если мне возразят: что же должны девушки делать дома? — то я отвечу: повышение заработной платы даст их отцам возможность их содержать.

Келлинг (сигарный рабочий) желает уравнения между капиталом и трудом не в духе коммунистов. Всякий должен предлагать и использовать свои силы, труду должно быть воздано по заслугам. Оратор также выдвигает требование, чтобы чужим было отказано в работе и чтобы мастера не имели права держать более трех учеников.

Захариэ (писец). Не за себя, а от имени поденных рабочих я выступаю. Государство нанесло рабочим раны, оно же должно их залечить. Оно должно производить муку большими партиями для розничной продажи. Поденные рабочие должны соединиться в один пролетарский союз... (Поднимается шум, собрание заставлят оратора взять слово «пролетарский» обратно.) Всякий гражданин, зарабатывающий меньше полуталера в день, примыкает к союзу; государство предоставляет членам союза квартиры за минимальную арендную плату. (Оратор снова употребляет слово «пролетарий», что вызывает новые порицаппия со стороны собрания.) Члены освобождаются от всяких налогов, прямых и косвенных. (Аплодисменты.)

Цигельбейн прочитывает заявление от восьмисот литографских рабочих, из которых только 150 человек имеют работу, остальные же терпят со времени введения машин страшную нужду. Существенные пункты заявления сводятся к следующему: ограничение числа машин; далее, устранение девушек, укорочение рабочего дня. Хлеба или смерть!!

Копский (ткач по шелку). Я говорю не от имени депутации, а от собственного, — и все же говорю за всех. Раньше говорили о рабочем министерстве, которое должно регулировать труд в нашей стране. Я иду дальше: во Франции, Австрии и Англии тоже должны быть созданы подобные рабочие министерства, все они должны вступить в сношения друг с другом, ибо только тогда станет возможным создание одинаковой системы и труда и индустрии. (Браво! Браво!)

Бере (кучер) прочитывает от имени всех прислуг жалобу на то, что солдат употребляют для перевозки, переноски и вообще для частных услуг, и просит, чтобы его жалоба была немедленно донесена королю...»

10. Из устава Центрального комитета рабочих.

«...Мы, рабочие, были в глазах большей части немецкой буржуазии чужими, незнакомыми существами, с которыми связывали темные представления о грубости и трусости, невежестве и покорности, о глупости и диком разрушении; могли ли мы ожидать, что мы примем участие в историческом движении, что нас будут считать общественным классом, имеющим свое собственное самостоятельное развитие? И вот, когда наряду с бессознательной капиталистической властью постепенно развился сознательный рабочий класс, после революции, наполовину ошеломившей Германию, — ибо импульс к ней исходил из-за границы, — мы видим, что часть народа, порой даже не умеющая пользоваться добытыми политическими свободами, боится вы-

ростшей перед пей грозной силы, и многие готовы даже ценой выигранной победы подавить ее. Но а эта сила рабочих, действительно ли она так грозна, так опасна, как то утверждают трусы, скупцы и тщеславные слуги реакции, с одной стороны, и бессмысленные запальчивые люди — с другой?..

Мы ни переоцениваем, ни недооцениваем своих сил: верно то, что мы теперь находимся на такой ступени развития, с которой ни одна сила в мире не может нас сбросить. Мы берем свое дело в свои собственные руки, и никто не вырвет его из наших рук. Но, сознавая свою силу, мы не забываем и того, что в нашем отечестве отнюдь еще не существует двух резко друг от друга отграниченных народных классов, капиталистов и рабочих, а что имеются и другие элементы...

...Мы знаем, что историческое развитие немецкого народа зависит от развития народов, уже проделавших этот процесс; мы знаем также, что в народе, где существуют рабочие, бедные, униженные и угнетенные, но где нет еще рабочего класса, инициатива революции не может исходить от последнего. Мы отлично знаем, кто очутится у власти после этого. Здесь наши интересы сливаются с интересами капиталистов; мы, как и они, жаждем мира, мы должны его желать. Если мы желаем стать в качестве рабочего класса силой в государстве, чтобы каждый из нас мог заявить себя членом этого класса и работать в качестве такового, что организация рабочих должна явиться нашей первой задачей, она — первая необходимость... Таким образом не отдельная кучка филантропов будет защищать наши интересы, а мы возлагаем на государство обязанность не лишить большей части своих детей тех средств, при помощи которых они только и могут существовать, развиваться и, надеемся, быть счастливыми. Соединившись, мы найдем эти средства, ибо каждой необходимости должна соответствовать возможность. Германия не так бедна, чтобы часть ее детей должна чахнуть. Мы, выросшие в нужде и лишениях, поможем своим братьям...»

11. Буржуазия в революции 18 марта.

(К. Маркс и Ф. Энгельс, Министерство Кампгаузена; Министерство Ганземана.)

«Мартовская революция вовсе не подчинила народному суверенитету суверена страны. Она принудила только корону, т. е. абсолютистское государство, войти в соглашение с буржуазией и соединиться со своим старым соперником.

Корона пожертвовала дворянством ради буржуазии, буржуазия пожертвовала народом ради короны. На таких условиях королевство обуржуазилось, а буржуазия приобрела царственную осанку.

После мартовских событий только и остались эти две силы. Они взаимно служат друг другу громоотводами революции. Конечно на «широкой демократической основе».

В этом и заключалась тайна теории соглашения.

«Торговцам маслом и шерстью», образовавшим первое после мартовской революции министерство, поправилась их роль — служить своими плебейскими крыльями прикрытием для обнаружившей свои слабые стороны короны. Они замирали от восторга, наслаждаясь возможностью быть принятым ко двору; сами восхищались своим отказом от своей римской суровости — римской суровости времен соединенного ландтага — и любовались своим стремлением запеленать трупами прежней своей популярности пропасть, грозившую поглотить корону. Как важничал министр Кампгаузен в роли повивальной бабки конституционного образа правления! Этот бравый мужчина был очевидно сам глубоко растроган своим собственным великодушием. Корона со своими приверженцами с явным неудовольствием терпела этот унизительный протекторат и в ожидании лучших дней строила bonne mine au mauvais jeu.

Наполовину уничтоженная армия, дрожащая за свою должность и за свое содержание бюрократия и униженное феодальное сословие, глава которого находился в конституционном образовательном путешествии, несколькими ласковыми словами и поклонами без труда одурачили господина bourgeois-gentilhomme.

Номинально господство было в руках буржуазии, и она ни на минуту не сомневалась в том, что вся власть прежнего государства отдана без всякой задней мысли в ее распоряжение и что она сама теперь всемогуща. Не только в министерстве, но и всюду, во всем государстве, буржуазия убаюкивала себя такими грезами.

Разве единственные геройские деяния прусской буржуазии после марта, разве частые кровавые вылазки милиции граждан против невооруженного пролетариата не нашли себе сочувствующих людей в армии, в бюрократии и даже в среде самих феодалов, с готовностью отдавших себя в ее распоряжение? Разве не поражались онемевшие правительственные президенты коммунальных советов и ушедшие в себя дивизионные генералы единственными усилиями, до которых попатужились местные представители буржуазии — коммунальные советы? В награду за это их услужливая пошлость позже третировалась крайне пренебрежительно Ваидпшгрецом, Елачичем и Вельденом. Разве не удивлялись они единственным геройским деяниям этих коммунальных советов после мартовской революции, их патриархально-серьезным словам предостережения, обращенным к народу? И могла ли еще прусская буржуазия сомневаться в том, что умерла прежняя ненависть к ней армии, бюрократии и феодалов, заменившись благоговейной преданностью к сдерживающему самого себя и анархию великодушному победителю — буржуазии?

Было ясно, что перед прусской буржуазией была еще только одна задача — удобно устроиться, своей властью устранить беспокойных анархистов, восстановить «спокойствие и порядок» и наверстать проценты, потерянные за время мартовской бури. Речь могла итти еще только о том, чтобы свести к минимуму издержки производства для утверждения ее господства и обусловившей это господство мартовской революции. Разве не следовало отнять у одураченного народа оружие, которое принуждена была потребовать под фирмой народа для себя прусская буржуазия в ее борьбе с феодальным обществом и короной, — свободу ассоциаций, свободу печати и т. п.? Ведь в нем не было более нужды для борьбы за буржуазию, и народ проявлял подозрительные желания воспользоваться им против нее же.

Соглашению между буржуазией и короной, между рынком буржуазии и предоставленным своей судьбе прежним государством, по мнению буржуазии, препятствовал еще только народ — этот «сильный, но злонамеренный парень», как говорит Гоббс, — народ и революция.

Революция была правовым титулом народа: на революции основывал он свои будущие требования. Революция была векселем, который народ выдал буржуазии. Путем революции буржуазия добилась власти. День перехода власти к ней был сроком платежа по этому векселю. Буржуазия должна была заявить протест против этого векселя.

Революция в устах народа означала: вы, буржуа, вы — Комитет общественного спасения, в руки которого мы отдали власть не для того, чтобы вы вступали в соглашение с короной по поводу ваших интересов, но для того, чтобы вы добились перед короной осуществления наших интересов — интересов народа.

Революция была протестом народа против соглашения буржуазии с короной. Поэтому вступавшая в соглашение с короной буржуазия должна протестовать против революции.

Это произошло при великом Кампгаузене. С мартовской революцией решено было не считаться. Отвергнув предложение о признании мартовской революции, берлинское народное правительство тем самым показало себя правительством прусской буржуазии, собранием лиц, вступающих в соглашение.

Совершившееся оно признало несовершившимся. Собрание громогласно объявило прусскому народу, что оп вступал в союз с буржуазией не для того, чтобы произвести революцию против короны, а наоборот, что он произвел революцию для того, чтобы корона могла вступить в союз с буржуазией против него же самого. Так был уничтожен правовой титул революционного народа, и приобретена почва прусского права.

Почва права, да и к тому же еще почва прусского права!

Что служило почвой права для рыцаря больших дебатов — Кампгаузена, для вновь восставшего провидения Соединенного ландтага и собрания для выработки соглашения? Конституционный ли это был закон 1815 г., закон ли о ландтаге 1820 г., указ ли 1849 г., или закон о выборах и выработке соглашения 8 апреля 1848 г.?

Ни то, ни другое, ни третье.

Почва права означала попросту, что революция не приобрела под собою почвы, а старое общество не потеряло ее, что мартовская революция была только «обстоятельством, давшим толчок» к давно уже подготовленному внутри старого прусского государства «объединению» короны с буржуазией, «объединению», потребность в котором сама корона признавала в прежних своих всемилостивейших рескриптах и лишь не считала до марта «настоятельной».

Словом «почва права» означала, что буржуазия желает быть с короной после марта в тех же отношениях, что и до марта, как будто революции и не бывало, а Соединенный ландтаг достиг своей цели без нее. «Почва права» означала, что правовое основание народа, революция, не входят в contrat social, заключенный между правительством и буржуазией. Буржуазия выводила свои притязания из старого прусского законодательства для того, чтобы народ не основывал своих притязаний на новой прусской революции...»

12. Буржуазия и крестьянство.

(К. Маркс, «Баланс прусской революции».)

«Буржуазному министерству удалось одинаково ожесточить против себя не только городской пролетариат, буржуазную демократию и феодалов, но оно сумело отдалить от себя и превратить в своих врагов даже изнывавших под игом феодализма крестьян. В этом его ревностно поддерживало собрание для выработки соглашения.

Предложенный проект освобождения от феодальных повинностей был самым жалким произведением, явившимся следствием бессильного желания буржуазии отменить феодальные привилегии, эти «несовместимые с новым государственным устройством отношения», и буржуазной боязни революционно посягнуть на собственность в каком бы то ни было виде. Жалкий, трусливый, близорукий эгоизм до такой степени ослепил прусскую буржуазию, что она оттолкнула от себя самого необходимого своего союзника — крестьянство.

3 июня 1848 г. депутат Ганов внес предложение о том, «чтобы все находящиеся в производстве дела по урегулированию отношений между помещиками и крестьянами и по выкупу повинностей немедленно приостанавливались по односторонему заявлению впредь до нового, основанного на справедливых принципах закона».

И только в конце сентября, т. е. спустя четыре месяца, министерство через собрание для выработки соглашения приняло проект закона о приостановлении производящихся между помещиками и крестьянами дел, отвергнув все либеральные поправки, сохранив оговорку о временном определении текущих повинностей и оставив в силе «обязательность уплаты спорных повинностей и недоимок».

В августе, если мы не ошибаемся, собрание для выработки соглашения не признало предложения Рейнштиля «о немедленном прекращении барщины» неотложным, и крестьяне должны были таким образом понять, что они сражаются за то самое собрание для выработки соглашения, которое отдалило их от фактического положения, завоеванного ими после марта.

Французская буржуазия начала с освобождения крестьян. С помощью крестьян завоевала она Европу. Прусская же буржуазия до того погрязла в своих узких, недалеких интересах, что пренебрегла даже этим союзником и превратила его в орудие для феодальных контрреволюций».

13. Пассивное сопротивление.

А. Прокламация левых в Национальном собрании.

«Пруссаки! Национальное собрание апеллировало к прусскому народу против беззакония и насильственных декретов министерства Бранденбурга, и миллионы откликнулись на его призыв.

Наши постановления за честь и свободу отечества были встречены единогласно с восторгом. Король сам обратился к народу с призывом высказаться. Мы высказались, а теперь короля отделяют от народа. Министерство Бранденбурга имело наглость открыто заявить: «Нельзя чересчур смягчать сердце короля». Ваши адреса не передаются. Ваши делегации не принимаются. Король лишен свободы, окружен преступной шайкой, которая скрывает от него возмущение всей страны для того, чтобы принести трон и отечество в жертву своим изменническим планам. Из залы заседания и канцелярии национального собрания они сделали казарму. Ослепленные сыны отечества — солдаты — разорвали и разбросали наш архив с важнейшими документами, в том числе 12 тыс. петиций со всех концов страны. Наш президент ходатайствовал о выдаче этих бумаг. Ему неоднократно было отказано. Что значит для этих людей желание, права и свобода 16 млн. пруссаков?

Ваши петиции растоптаны, в совещание ваших представителей врываются солдаты с штыками. Опубликованные самим королем законы об охране личной свободы и жилища бесстыдно нарушены. Военное осадное положение объявлено там, где заседают священные личности делегатов. Это измена, наглей и ужасней которой не знает немецкая история.

Официальные сообщения сеют по всей стране ложь и искажение истины. Газеты принуждены печатать эти сообщения, а голос правды в печати задушен насилием. Но ничто не помогло нашим врагам. Национальное собрание стоит на посту, и места тех делегатов, которые, забыв свой долг, трусливо ушли с поста, заполняются с каждым днем; кандидаты торопятся сами принимать участие в этих почетных и опасных заседаниях. Правда, грубая сила отнимает у нас драгоценные дни и недели, которые мы могли бы употребить на благо народа, но все же никому не удалось помешать нам употребить все средства для борьбы против насилия.

Мы возбудили против министерства процесс по обвинению в государственной измене и вынесли единогласную резолюцию от 16 ноября, лишающую его права собирать налоги и распоряжаться государственными финансами. Этим актом мы исчерпали все парламентские средства. Теперь слово за народом. Он должен выполнить наше постановление».

Б. Воззвание комитета демократических союзов Рейнской провинции.

«Воззвание. Кельн, 18 ноября 1848 г. Рейнский окружной комитет демократов приглашает все демократические союзы Рейнской провинции принять и провести следующие мероприятия:

1. После того как само прусское национальное собрание постановило отказать в платеже налогов, необходимо воспрепятствовать их насильственному взиманию, оказав всякого рода сопротивление.

2. Необходимо повсюду организовать ландштурм для отражения врага. Вооружение и снабжение несостоятельных следует доставить за счет общин или посредством добровольных сборов.

3. Повсюду потребовать от власти публичного заявления, намерены ли они признавать и проводить постановления национального собрания.

В случае отказа необходимо назначить комитеты общественной безопасности и притом, где возможно, по соглашению с общинными советами. Те общинные советы, которые будут противодействовать законодательному собранию, необходимо обновить посредством всеобщих народных выборов.

От имени Рейнского окружного комитета демократов: Карл Маркс, Карл Шаппер, Шнейдер 2-й».

АВСТРИЯ.

14. Государственное устройство Австрии.

(Из книги М. Баха, Австрия в первую половину XIX в.)

«Какой смысл имеет для австрийца слово «отечество»? Что означает оно для венгерца, богемца, итальянца? Всегда и везде оно представляет для австрийца лишь совокупность трех мистических слов — единство двора, государства и казны... Великая, возвышенная в своей простоте идея отечества, тот античный энтузиазм, который одушевлял греков и римлян при одном только слове «родина», сделал бы смешным австрийского офицера, который обязан руководствоваться во всем лишь предписаниями «высокого служебного долга перед монархом»; на чиновника подобного рода мечтательные утопии навлекли бы неизбежные кары. Чиновник служит лишь высокой казне монарха и тому, кто ею заведует. У австрийца нет отечества. Он знает лишь монархическое понятие государства.

«Государство — это я», и если он достиг высших ступеней служебной лестницы, под этим «я» он разумеет себя одного. О том понятии государства, которое выработано юридической наукой, он не имеет никакого представления. Но зато он прекрасно понимает, как сохранять неприкосновенность своего государства, он отлично умеет превратить управление государством в колоссальный союз единомышленников, в братство, куда принимаются лишь «подходя-

щие люди, лишь те, которые сроднились с черепашьим ходом канцелярской машины, с ее формалистикой, безответственностью и взаимными дружескими услугами отдельных ведомств. Союз этот образует огромную непреоборимую фалангу австрийской бюрократии, разделяющуюся на камеры управления и департаменты. Сюда принадлежат все гражданские и военные управления, все то, что держит в своих руках жизненные нервы страны, накладывает свою печать на ее духовные силы, на ее волю. Это — огромнейшая организация посредственности, совершенная китайщина нашего времени. Руководимый аристократией, которая извлекает из него жирные доходы и выгодные синекуры, тесно сплоченный с духовенством на почве общих интересов, этот темный союз разросся, как мощное вьющееся растение, и, подобно полипу, охватывая все своими щупальцами, связал двор по рукам и ногам. Он пользуется эрцгерцогами, осуществляя под защитой их имен свою волю, делая их козлами отпущения перед общественным мнением. Неизменная лицемерная преданность высшей воле, льстивая эксплоатация личных слабостей высокопоставленных особ, на языке, всегда высокие интересы государственного служения, непрестанная ответственность под покровом полной безответственности — таковы устои этого всемогущего союза. Религия его — иезуитизм; его девизы: «мы посмотрим»; «один за всех и все за одного»; «кто хорошо подмазывает, тот хорошо едет»; «рука руку моет». Его далай-лама — Меттерних, его творец — покойный император Франц, переживший тяжелые испытания, но зато и выдержавший их блистательно благодаря поддержке со стороны глупости своих народов.

По смерти Франца эта олигархия стала всемогущей; делая ничтожные уступки духу времени, она управляет империей без императора, заставляет служить себе двор и эрцгерцогов, не оказывает покровительства никому, кроме себя и своих присных, составляет ту темную силу, которая может с полным правом сказать о себе: «государство — это мы». Изо дня в день все более справедливыми становятся слова Наполеона: «Австрия — это уже не монархия, — это олигархия худшего сорта». Таково устройство этой машины, которая, как это ни странно, управляется в настоящее время не лицом, не учреждением, но идеей, фантомом, так называемой системой, т. е. эгоистическими инстинктами дельцов и ничем не сдерживаемыми происками самовластия; машину эту вынужден поддерживать всякий, кто надел на себя зеленую форму чиновника и отдал себя во власть какой-либо канцелярии... И если иезуитский дух (австрийской правительственной системы) покрывает предохранительной ржавчиной известные части государственного и правительственного тела, подобно тому как кислород — металлы, то, с другой стороны, подобно этому же химическому элементу он разлагает и разрушает органические ткани государственной жизни...»

15. Правительственные распоряжения 14 и 15 марта.

(Плакаты правительства.)

«Теперешние события одинаково затрагивают как благо государства, так и благо города Вены; они требуют осмотрительного развития, а посему в интересах как всего общества, так и отдельных лиц представляется в высшей степени важным, чтобы охранялись порядок и безопасность. Этого требует общее благо, этого требует часть добросовестных и патриотических жителей Вены. Ввиду сего его императорско-королевское величество уже соизволили всемилостивейше допустить вооружение студентов и выразить надежду, что все граждане, вступив в гражданские корпуса, по возможности усилят их и окажут энергичное содействие сохранению спокойствия. Но сии мероприятия, сии здравые стремления студентов и бюргеров должны встретить деятельную поддержку со стороны остальных жителей Вены. Посему все главы домов и семейств, все собственники фабрик и мастерских приглашаются к тому, чтобы удерживать дома своих родных и подчиненных, поскольку они не принадлежат к числу по праву вооруженных жителей, и таким образом противодействовать увеличению толпы на улицах, что могло бы помешать или замедлить желательный выход из положения. Власти и почетные жители Вены не убоятся никаких трудов; они уповают на общеполезное взаимодействие всех».

Барон Иоганн Талапко фон-Геститич, императорско-королевский президент Нижней Австрии.

Вена, 14 марта 1848 г.

«Мы, Фердинанд Первый, божией милостью император австрийский и прочая и прочая, сделали в настоящее время распоряжение, которое мы признали необходимым, дабы удовлетворить желания наших верных народов.

Нашим извещением об уничтожении цензуры свобода печати гарантирована таким способом, как во всех государствах, где существует она.

Национальная гвардия, построенная на основах собственности и образования, уже несет плодотворнейшую службу.

Приняты необходимые меры к созванию в самом непродолжительном времени депутатов от всех провинциальных сословий и центральных конгрегаций Ломбардо-венецианского королевства, с усиленным представительством гражданского сословия и с соблюдением существующих провинциальных конституций, для обсуждения решенной конституции отечества.

Ввиду этого мы с уверенностью ожидаем, что умы успокоятся, занятия снова пойдут в регулярном порядке, и вновь оживятся промыслы и торговля.

Мы тем увереннее предаемся этой надежде, что сегодня, присутствуя среди вас, с умилением убедились, что вас и теперь, как искони, воодушевляют верность и преданность, каковые вы в течение столетий при всяком случае неизменно проявляли по отношению к нашим предкам, равно как и к нам».

Вена, 15 марта 1848 г.

16. Речь либерала Фишгофа.

«Мы собрались здесь в великий, полный глубокого значения день, — в день, когда после долгого времени там, наверху, собрались сословия Австрии, чтобы заявить о народных желаниях и дать у ступеней трона выражение идеям нашего времени. Но чтобы этот день дал нам то, что он обещает нам дать, мы должны стоять на одном уровне с ним. Итак, ободрим же людей, заседающих там наверху, нашими возгласами, укрепим их нашим одобрением, поведем к желанной цели нашим содействием.

Сегодня мы должны исполнить серьезную миссию. Необходимо решиться, отважиться, быть мужественными и твердыми. У кого нет в такой день мужества, тому место в детской.

Время не ждет, и, быть может, нам принадлежит только этот момент; итак, заявим же быстро и энергично, прямо и коротко, что нам необходимо, чего мы требуем, за что мы стоим. Подробное изложение предоставим людям, собравшимся наверху.

Мы требуем прежде всего свободы печати. Желания отдельных лиц, пока они находят себе лишь индивидуальное выражение, оставляются без всякого внимания; это — капли воды, которые, падая в одиночку, впитываются землей, исчезают в песке, испаряются в воздухе. Но если единичные желания сливаются в одно русло, в ручейки и ручьи прессы, они постепенно превращаются в могущественный, непреодолимый поток общественного мнения — и горе тому государственному человеку, который осмелился бы направлять государственный корабль против этого потока. Шеридан, один из знаменитейших парламентских ораторов Англии, так говорил о силе печати: «Дайте мне холопскую верхнюю палату, дайте трусливую нижнюю палату, но сохраните мне свободу печати — и посмотрел бы я, как бы осмелились они посягнуть на свободу Англии». Итак, потребуем же прежде всего и в самых решительных выражениях свободу печати.

Но одна эта свобода недостаточна. Право народа не только в том, чтобы устами прессы заявлять о своих желаниях: он должен также посредством присяжных осуществлять свое правовое сознание и устами своих представителей проводить свою волю, когда решаются вопросы о его судьбе, его счастье и горе. Дальше, следует снять оковы с совести; наука в Австрии должна быть свободной, ложная государственная политика разделила народы Австрии, теперь они должны братски объединиться и увеличить свои силы союзом.

Слабые стороны одной национальности уравняются тогда добродетелями других, достоинства всех национальностей еще более развернутся благодаря объединению и, будучи использованы в государственных целях, вознесут Австрию на высоту благоденствия и силы. Вспомним немцев с их высокими стремлениями, с их тяготением к идеалу, вспомним настойчивых, трудолюбивых и выносливых славян, рыцарственных энтузиастов-мадьяр, искусных и сообразительных итальянцев и представим себе, что они сообща и потому с возросшими силами трудятся над общими вопросами государства: могут ли быть какие-либо сомнения в

том; что Австрия займет тогда импонирующее положение среди европейских государств?

Чтобы эти надежды на прекрасное будущее не потерпели крушения, мы в этот торжественный час должны оказать самое энергичное содействие, — с сильно бьющимся сердцем, полным надежды и мужества.

Да здравствует Австрия и ее славное будущее! Да здравствуют союзные народы Австрии!!

Да здравствует свобода!».

17. Рабочие и демократы-революционеры в день 15 мая.

«В этот момент, когда массы внизу, полные нетерпения, ждали, что будет выдвинуто и поддержано энергичными действиями энергичное требование, идущее дальше злободневных событий, что кроме отмены приказа 13 мая 1848 г. потребуют однопалатной системы и, быть может, поставят еще тот или иной вопрос, имеющий жизненное значение для будущей свободы, а гарантией за удовлетворение министрами этих требований признают отточенные штыки и заряженные ружья, — в это самое время достославные члены центрального комитета, или, правильнее сказать, некоторые обломки его, собравшись, мямлили, как в тайном судилище средних веков, и производили исследование, какие выражения можно признать подобающими в петиции, раз предметом ее должно быть только признание центрального комитета и ничего больше...

Мы уже не нуждаемся в таком комитете; нам совсем не требуется комитета, который приходится тащить за собой; нам требуется такой, который шел бы впереди или, по крайней мере не отставал бы от нас».

(Из радикальной газеты «Конституция» за 17 мая 1848 г.)

«...В университете и на университетской площади большое возмущение. Центральный комитет (студенческий комитет), который в течение этого дня все еще продолжал свои заседания, поручил доктору Гольдмарку возвестить три известные пункта петиции. Гольдмарк, взобравшись на крышку бассейна, обратился с речью и, между прочим, просил соблюдать спокойствие до тех пор, пока не принесет ответ депутация, отправившаяся к министерству с упомянутыми требованиями. С этого времени вся площадь представляла интересную арену непрерывно сменявшихся впечатлений. Прежде всего ружья были приведены в порядок и по большей части заряжены боевыми патронами, в которых не было недостатка. После опытов, пережитых 13 марта, когда стреляли в безоружный народ, и ввиду военных приготовлений, сделанных реакцией в предыдущую ночь, эту меру считали необходимой. Потом выступил отряд техников, имеющих орудия для сооружения баррикад и готовых, в случае нужды, руководить постройкой этих защитительных приспособлений; их встретили громкими криками. Там же выстроился довольно значительный отряд стрелков со своими винтовками. На лицах у всех было самое воинственное выражение. Но эта сцена вдруг сменилась другой, более радостной. Запели арндтовскую «Где родина немца», и тысячи рьяных глоток с одушевлением подхватили ее; за ней последовали другие бодрые и веселые песни, пошли шутки, народ стал укладываться на земле. Но вот приходит известие, что неисчислимые массы рабочих, явившихся из пригородов, чтобы предложить студентам свою помощь, стоят перед воротами, которые уже заперты. Они прислали сюда депутацию, чтобы осведомиться, как идут здесь дела. Сейчас же на площади признали целесообразным вызвать охотников и отправить их к рабочим для успокоения; в то же время поручили поблагодарить их и сказать, что в случае нужды их уведомят... Рабочие целый день поддерживали постоянные сношения с университетом через одного из своих; они уверили студентов, что по первому же знаку 10 тыс. человек войдут в город, вооруженные необходимыми инструментами и готовые все свои силы отдать завоеванию народных прав и защите своих интересов. Посланцы являлись каждые полчаса. Было даже так, что из рабочих, работавших на улице поблизости от таможни, несколько лиц воспользовались часом, отводившимся им для обеда, и пришли в актовый зал, чтобы, — как выражались они, — осведомиться, не требуется ли господам, работающим головою, помощь тех, кто работает руками... Со всех сторон подходили и присоединялись бюргеры и национальные гвардейцы, в мундирах... Наступают сумерки, со многих сторон слышатся нетерпеливые и тревожные голоса: почему не возвращается депутация? Наконец кто-то пришел и сообщил, что, как можно надеяться, просьбы будут удовлетворены, поэтому следует еще подо-

ждать... «С какой стати, — раздается в ответ со всех сторон. — Четыре часа — достаточный срок». Некоторые возражают, но это ни к чему не ведет. Все поднялись и с твердыми, решительными намерениями двинулись вперед. Ряды национальных гвардейцев, большинство которых явилось сюда и приняло участие в этой грандиозной демонстрации, не дожидаясь распоряжений своих начальников, были необозримы, главные площади города переполнились. Колонны направились к Бургу, который охранялся изнутри многочисленными войсками, готовыми к пальбе из пушек. Народ, стекавшийся густыми толпами, все время сопровождал шествие. Во главе шел студенческий комитет; в центре его развевалось старое красное знамя студентов из эпохи турецких походов и плакат с надписями: «Одна палата», «Теснейшее единение с Германией...»

(Из «Всеобщей австрийской газеты» 18 мая 1848 г.)

18. Славянская буржуазия и революционное движение в Вене.

(Воззвание Богемского национального комитета.)

«Ваше... величество! Крик негодования раздался в Праге и прозвучал эхом по всему королевству, когда узнали о событиях, имевших место в Вене 14 и 15 числа сего месяца (мая); богемцы, до глубины души возмущенные тем, что высокие милости, коими возлюбленный король и государь осчастливил свои народы, вместо того, чтобы встретить благодарную признательность, в действительности имели последствием тяжкое нарушение конституционной свободы по отношению к власти. Богемцы соединяются в крике, который пламенем проникает все сердца: все для нашего императора и короля Фердинанда; жизнь и кровь за него, милостиво даровавшего своим народам свободную конституцию, признание их национальных прав. Крепкая верностью Богемия шлет к тебе людей, ее доверием облеченных, как вестников любви и привязанности нации, которая хочет вечно помнить и никогда не забудет, чем она обязана королю. Мы глубоко сожалеем, что эта нация не могла приобщиться к счастью и уже теперь восторженно приветствовать в своей среде ваше величество и послужить крепкой стеной против всякой несправедливости, против всех нападений на возлюбленного короля; мы завидуем счастливому жребию храбрых сынов Тироля. Мы все, как один человек, готовы, когда дело идет о защите короля и свободы, соперничать с испытанными тирольцами не только в любви, но и в верности, и мужестве. Высоким счастьем было бы для нас, если бы лежало в пределах возможности, чтобы творец нашей свободы лично открыл первый лантаг Богемии, с которым над нашей Страной восходит новое живительное солнце свободы. Хотя уважение к свободному самоопределению вашего величества воспрещает нам высказать эту просьбу, мы с тем большей уверенностью можем надеяться в ближайшем будущем видеть среди нас уже давшего благоприятный ответ эрцгерцога-наместника. Верные вашему величеству богемцы, изгоняя от себя всякие распри, все объединяются любовью к своему королю и отечеству и хотят сохранить прочные связи со всеми, кого императорская корона Австрии объединяет в одно великое целое.

От Богемского национального комитета».

Прага, 19 мая 1848 г.

19. Буржуазия благодарит палача октябрьских дней в Вене.

(Адрес Виндишгрецу от гильдии крупных торговцев.)

«С глубочайшим почтением являемся мы перед вашей княжеской светлостью, чтобы принести вашей светлости нашу глубокую благодарность за восстановление законного порядка и спокойствия, чем единственно гарантируется безопасность личности и имущества граждан. Этими неоценимыми благами, величайшее значение коих в полном объеме могли оценить в особенности мы в нашей промышленной и торговой деятельности, этими великими благами и их восстановлением мы обязаны вам, светлейший князь, освободителю всех благонамеренных от темной ночи анархии, из оков террористической партии, которая поклялась погубить всех честных граждан. Не мы одни — наши семьи и родственники одушевлены одинаковым чувством благодарности; все они вместе с нами благословляют тот день, когда ваша светлость вступили в Вену с вашими победоносными войсками. Но, овладев этим городом,

вы, ваша княжеская светлость, спасли австрийскую монархию от распада и обеспечили ей прочность. История сохранит для грядущего потомства прославленное имя полководца, который в своем управлении был так же справедлив, как великодушен в победе».

20. Дарованная конституция.

(Манифест императора Австрии от 7 марта 1849 г.)

«Почти год тому назад, когда наш государь, предшественник в империи, император Фердинанд I, с готовностью выступил навстречу общему желанию соответствующих времени политических преобразований и обещал свободные учреждения, во всей империи распространились чувства благодарности и радостного ожидания. Но позднейший опыт слишком мало соответствовал таким справедливым надеждам. Состояние, в котором отечество находится в настоящее время, наполняет наше сердце глубокою скорбью, внутренний мир нарушен. Столь прискорбны действия не свободы, но совершающегося злоупотребления ею. Наш долг и наше желание положить конец этому злоупотреблению закончить революцию. В манифесте 2 декабря мы выразили надежду, что с божьей помощью и в согласии с народами нам удастся соединить все земли и племена монархии в один великий государственный организм... Между тем созванный императором Фердинандом I рейхстаг в Кремзире обсуждал конституцию для одной части монархии. Мы, ввиду положения, занятого рейхстагом в октябре, трудно согласимого с должной верностью по отношению к нашему дому, во всяком случае, не без колебания, решили доверить ему продолжение этого великого дела. При этом мы предавались надежде, что собрание, имея в виду данные обстоятельства, в самый непродолжительный срок приведет возложенную на него задачу к вожделенному окончанию. К сожалению, это наше ожидание не было оправдано. После многомесячного обсуждения дело конституции все еще не пришло к завершению. Исследования из области теории, не только стоящие в решительном противоречии с фактическими отношениями монархии, но и вообще противоречащие водворению упорядоченного правопорядка в государстве, отодвинули вдаль восстановление спокойствия, законности и общественного доверия, породили в благомыслящих гражданах тяжкие опасения и влили мужество и новую активность в партию переворота, только что разбитую силой оружия в Вене и еще не вполне побежденную в других частях нашей империи. Благодаря этому испытала существенное потрясение и надежда, что этому собранию, несмотря на в высшей степени почтенные элементы, находящиеся в нем, удастся разрешение его задачи. Между тем победоносные успехи нашего оружия в Венгрии приблизили к укреплению великое дело возрождения единой Австрии, которое мы поставили задачей своей жизни, и сделали неотложной необходимость прочно обеспечить основания этого дела. Народы Австрии с справедливым нетерпением ожидают от нас конституции, которая должна охватить в общем союзе не только земли, представленные в Кремзире, но всю империю. Поэтому мы постановили по свободному решению и собственной императорской властью даровать для совокупности империи нашим народам те права, свободы и учреждения, которые им обещали наш высокий дядя и предшественник императора Фердинанд I и мы сами, которые по нашему крайнему разумению и совести признали спасительнейшими и действительнейшими для блага Австрии. Посему мы возвещаем в данный день конституционные акты для единой и нераздельной империи Австрии, закрываем сим собрание рейхстага в Кремзире, распускаем оный и повелеваем, дабы члены его разошлись немедленно по опубликовании сего постановления».

ПРЕДПАРЛАМЕНТ И ФРАНКФУРТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

21. Предложение республиканца Струве в предварительном собрании.

«Мы, нижеподписавшиеся, вносим в германский парламент во Франкфурте-на-Майне предложение принять и утвердить ко введению в жизнь следующее изложение прав немецкого народа.

Давно уже Германия находится под гнетом глубокого унижения. Оно может быть выражено следующими словами: рабство, невежество и злонамеренное пользование народом. Под влиянием этой системы тирания, если не во всей

своей силе, то по существу все-таки продолжается до сих пор, хотя главная сила ее надломлена. Германия много раз бывала на краю гибели, она потеряла наилучшие свои провинции, а некоторым из провинций грозит крайняя опасность.

Нужда народа стала невыносимой.

Поэтому, все те узы, которые связывали германский народ с нынешним положением вещей, уже порваны и задача собрания немецких представителей, которые съехались 31 марта во Франкфурте-на-Майне, состоит в том, чтобы создать такие новые узы, при помощи которых можно было бы объединить весь германский народ в нечто единое целое и великое.

Неприкосновенность имущества и личности, благосостояние, всеобщее образование и свобода для всех, без различия происхождения, сословия и вероисповедания, — вот та цель, к которой стремится немецкий народ. Следующие меры могут привести к достижению этой цели.

1. Уничтожение постоянной армии и слияние ее с гражданским ополчением для образования одного общего народного ополчения, в состав которого должны войти все граждане, способные носить оружие.

2. Уничтожение современной армии чиновников и замена ее правительством, состоящим из свободно избранных представителей народа.

3. Отмена постоянных налогов, разоряющих народ, а в особенности всех тех налогов, которые задерживают правильное развитие внутренних дел Германии, как, напр., городских и судоходных налогов, гнетущих сельское население, десятинных налогов, налогов гильдий и тому подобных, угнетающих промышленников, уничтожение акциза и замена всех этих налогов:

а) прогрессивным налогом на доходы и имущества, при которых необходимые жизненные расходы каждого гражданина свободны от всяких обложений;

б) повышением таможенной пошлины на границах Германии для защиты ее торговли, промышленности и сельского хозяйства.

4. Уничтожение привилегий всех наименований, в особенности привилегий дворян и богачей. Уничтожение привилегированных судебных сословий и установление всеобщего права германского гражданства.

5. Уничтожение опеки над общинами и замена ее общинным законом на началах самоуправления.

6. Упразднение всех монастырей и их учреждений.

7. Уничтожение союза, бывшего до сих пор между церковью и государством и между церковью и школой, и замена его:

а) уравнением прав всех вероисповеданий введением неограниченной свободы совести и вероисповеданий, установлением права свободных ассоциаций, самоуправлением общин и в особенности правом свободно выбирать себе духовников, учителей и бургомистров;

б) улучшением положения учителей и равномерным распределением окладов духовенства;

в) уничтожением платы за учение и платы духовенству за отправление церковных треб.

8. Отмена цензуры, залогов и замена этих установлений свободой печати в самом широком смысле этого слова.

9. Уничтожение тайного и письменного инквизиционного суда и замена его гласным и устным судопроизводством и судом присяжных.

10. Отмена многочисленных ограничений личной свободы немецких граждан всех сословий и обеспеченные особым законом права союзов и собраний.

11. Устранение нужды рабочих классов и среднего сословия, поднятие торговли, промышленности и сельского хозяйства; средствами для этого могут служить огромные цивильные листы, незаслуженные громадные оклады чиновников и пенсии, различные денежные пособия и невозделанные поместья различных обществ, а также казенные земли.

12. Уничтожение неприязненных отношений между капиталом и трудом посредством учреждения министерства труда, на обязанности которого должно лежать преследование ростовщичества, защита труда, а в особенности установление права рабочих участвовать в прибылях производства.

13. Уничтожение многочисленных, друг другу противоречащих, законов частного права: уголовного, гражданского, церковного и государственного, а также законов о монетах, мерах веса, почтовых и железнодорожных законов и замена их новыми законами, соответствующими духу времени и обеспечивающими внутреннее единство Германии в духовном и материальном отношениях, а также и ее свободу.

14. Уничтожение раздробленности Германии и восстановление деления ее на округа, согласно современным отношениям между ними.

15. Упразднение наследственной монархии (единодержавия) и замена ее свободно избранными парламентами, во главе которых должны стоять свободно избранные президенты; объединение этих парламентов федеративной союзной конституцией подобно свободным Североамериканским штатам.

Германский народ! Вот те основания, которые только и могут, по нашему мнению, сделать Германию счастливой, уважаемой и свободной.

Германские братья Востока и Запада, мы приглашаем вас оказать нам поддержку в стремлении создать для нас непарушимые человеческие права. Мы останемся во Франкфурте-на-Майне все вместе до тех пор, пока не соберется свободно избранный парламент для разрешения судеб Германии. Тем временем мы выработаем проекты необходимейших законов и при помощи свободно избранной исполнительной комиссии мы подготовим великое дело возрождения Германии».

22. Восстание Геккера.

(Воззвание Народного комитета в апреле 1848 г.)

«К народу! 18 веков рабства, угнетения и истощения давят народ, призванный нести знамя свободы впереди других народов, — немецкий народ. По нынче лежит пред нами открытая книга мировой истории, и после 18 столетий позора мы золотыми буквами впишем в нее смелой рукой: освобождение и избавление от ига наших фараонов, — народ впишет в эту книгу имена тех, которые вышли из хижин и мирных жилищ, чтобы с оружием в руках завоевать свободу для детей своих и внуков, чтобы те на свободной немецкой земле могли воспользоваться тем счастьем и миром, которые завоевали для них их отцы. Вы умирали в сотнях боев, жертвовали своими лучшими детьми ради воинственных наклонностей тех, которые смотрели на вас, как на вещь. Теперь вы будете бороться за свободу для себя, своего очага и своих детей. Вы работали в поте лица, обремененные заботами день и ночь, вы сторожили ваше перезаложенное имущество, а в это время княжеские наложницы, развратные царедворцы с нахальным смехом взирали на ваших оборванных детей или делали их игрушкой для своей забавы. Отныне вы хотите и будете работать лишь на себя и будете пользоваться плодами своего тяжелого труда с евангельским сознанием: «работники достойны своего вознаграждения». Вы не будете больше искать права и справедливости у порога богатых прислужников и придворных рабов, а найдете правду в свободном сообществе. Вам не нужно богато оплачиваемых чиновников, всего их высокомерия, — вы сами водворите порядок в своем доме, в своей общине, в своем крае. Сосчитайте миллионы и сотни миллионов, которые вырвали из вашей дрожащей руки разные чиновники и канцеляристы, и спросите себя, дурно или хорошо вами управляли и не можете ли вы лучше и счастливее устроить жизнь свою, жен и детей ваших, хозяйства ваши и сограждан ваших. Вам говорят, что вам поможет парламент, император германский со своим придворным штатом и блеском, со своими министрами и парламентом, оплачиваемыми миллионами и сотнями миллионов, почерпнутыми из богатого источника крестьянского пота, рабочей нужды и промышленного обмана. Хотите вы быть дураками и снова дать обмануть себя? Существует лишь одно слово, одно государство, одно право, равное для всех, — все воплощается в одном; слово это — немецкая республика. Там, в счастливой свободной обстановке, где все обсуждают и решают свои дела, где народ сам создает для себя законы, где пенсии и богатые оклады блестящих придворных бездельников не будут оплачиваться слезами и заботами крестьян и горожан, где не будут пропивать в одну ночь то, во что вложена тысяча рабочих дней сынов народа, — там будет подлежать ответственности и суду тот, кого вы на срок назовете старшим гражданином, выберете его управлять делами народа; там вы изберете судей и управителей из своей собственной среды, без жалованья и пенсий. Только в республике вы полностью вкусите плоды рук своих и насладитесь отдыхом в счастливой семье. И если вы сомневаетесь, то взгляните на миллионы американцев, взгляните на президента, исполняющего волю народа, более могучего, чем 40 млн. немцев, спасшего вас в прошедший голодный год от смерти; этот народ ежегодно оплачивает труд своего президента в 50 тыс. гульденов; вместо миллиардов государственного долга и неимоверных государственных налогов, выколачиваемых из народа, — там народное самоуправ-

ление. Можно ли еще сомневаться, можно ли выбирать между покоем раба и борьбой, которая даст нам лучшее, более светлое будущее? Нет и нет! Возьмитесь за меч, свергните ваших притеснителей, сгоните их со святой земли, с опозоренной ими собственности великого, прекрасного народа; умейте бороться, побеждать, умирать под знаменем Немецкой республики. И когда-нибудь седой старик, боровшийся за освобождение народа, будет рассказывать своим потомкам о тяжелом прошлом, и ни один человек больше не осквернит тогда почвы, на которой труд вознаграждает, и благосостояние все увеличивается, и сердце каждого человека бьется легко и свободно; и из поколения в поколение будут рассказывать о вас, что вы первые вынули меч из ножен ради освобождения вашего отечества и первые провозгласили клич: победа или смерть во имя Немецкой республики!

— Временный Народный Комитет».

Констанца, апрель 1848 г.

23. Франкфуртское Национальное собрание.

(Ф. Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии.)

«Народ ждал от германского национального собрания, что оно упорядочит все спорные дела и будет действовать в качестве верховной законодательной власти всего Германского союза. Но никто не знал, имеют ли его постановления законную силу или же они подлежат санкции союзного сейма или отдельных правительств. Ввиду такой неясности собрание, если бы оно обладало хоть искрой энергии, должно было без всякого промедления распустить союзный сейм — самый непопулярный орган в Германии, — отправить его по домам и заменить союзным правительством, избранным из членов самого собрания. Оно должно было объявить себя единственным законным выражением суверенной воли германского народа и тем самым сообщить силу закона всем своим постановлениям. И прежде всего оно должно было организовать для себя в стране вооруженную силу, которая была бы достаточна для того, чтобы сломить всякое сопротивление правительств. И все это было легко, очень легко в начальной стадии революции. Но было слишком много ожидать таких шагов от собрания, большинство которого состояло из либеральных адвокатов и доктринеров-профессоров, от собрания, которое хотя и заявляло притязания на то, будто бы оно воплощает собой цвет германского ума и германской науки, в действительности представляло арену, на которой старые, отжившие свое время политики демонстрировали перед Германией весь свой непреднамеренный комизм и всю свою неспособность к мышлению и действиям. Это собрание старых баб с первого же дня своего существования больше трусило перед самым слабым движением народа, чем перед всеми реакционными заговорами всех взятых вместе германских правительств. Оно попало под надзор союзного сейма, оно даже формально упрашивало о санкционировании его постановлений союзным сеймом, потому что эта ненавистная корпорация должна была опубликовать его первые постановления. Вместо того чтобы окружить себя силой вооруженного народа, оно переходило к очередным делам, несмотря на все акты насилия, учиняемые правительством; на его глазах в Майнце ввели осадное положение, обезоружили майнцское население — и национальное собрание не ударило пальцем о палец. Позже оно избрало эрцгерцога Иоганна австрийского имперским правителем и объявило, что все постановления собрания должны иметь силу закона. Но эрцгерцог Иоганн вступил в этот новый сан лишь по получении согласия от всех правительств, и вышло, что его назначило не собрание, а союзный сейм. Что же касается законной силы декретов собрания, то более крупные правительства никогда не признавали их и не считались с ними, а национальное собрание ни разу не обнаружило решительности в их проведении; таким образом этот вопрос остался нерешенным.

Такой характер имело это собрание, которое заявляло претензию быть единственным законным представителем великой и суверенной нации и у которого, однако, недоставало желания или силы для того, чтобы провести в жизнь свои притязания. Прения в этой корпорации, практически оставшиеся совершенно безрезультатными, не представляют в то же время и теоретической ценности, так как в них простонапросто пережевывались самые истасканные общие места устарелых философских и юридических школ. Всякое положение, какое бы ни высказали, вернее, ни пробормотали на этом собрании, бесконечное число раз давным-давно,

и притон несравненно лучше, было уже напечатано.

Это собрание в начале революции было страшным привидением для всех германских правительств. Правительства ожидали от него совершенно диктаторских и революционных действий именно потому, что оставили в тумане вопрос об его компетенции. Чтобы сократить влияние этой ужасной корпорации, они раскинули обширную сеть интриг. Но у них было счастья больше, чем ума: собрание само исполняло дела правительств лучше, чем то могли бы сделать сами они...»

24. Баденское восстание.

(Воззвание к немецкому народу.)

«Борьба народа с его угнетателями началась. Даже на улицах Франкфурта, где заседает бессильное центральное правительство и словоохотливое Учредительное национальное собрание, народ расстреливался из пушек. Лишь меч может спасти немецкий народ. Если во Франкфурте победит реакция, Германия будет порабощена так называемым законным путем хуже, чем это бывает после кровопролитных войн.

Леррах, 21 сентября 1848 г. Именем временного правительства: Густав Струве. Комендант главного штаба В. Б. Левенфельд. Секретарь Карл Блинде».

«Немецкая республика, благоденствие, образование, свобода для всех. Именем немецкого народа временное правительство Германии постановляет:

§ 1. Все лежащие на земле средневековые тяготы, как и все средневековые повинности, десятины, оброки, барщина и т. п., отменяются немедленно, без всякого возмещения. Всевозможные откупные и выкупные платежи за подобные повинности тоже прекращаются.

§ 2. Все платежи государству, церкви и дворянам-землевладельцам отныне прекращаются. Подоходный прогрессивный налог, исключающий от обложения бедное население, заменяет отныне всякие подати; лишь таможенная пошлина на границах Германии остается еще на некоторое время.

§ 3. Вся земля, принадлежащая государству, церкви и приверженцам князей, конфискуется, при условии вознаграждения впоследствии, и переходит в собственность соответствующих общин.

§ 4. Для обеспечения всех вышеперечисленных льгот назначается всеобщее народное восстание. Все мужчины, способные носить оружие, от 18-до 40-летнего возраста, берутся за оружие для защиты отечества, находящегося в опасности. С сегодняшнего дня господствуют законы военного времени, пока немецкий народ не завоюет себе свободы.

Именем временного германского правительства: Густав Струве. Секретарь Карл Блинде. Главный штаб Леррах. В первый день немецкой республики, 21 сентября 1848 г.

25. 1849 год.

(Из «Новой Рейнской газеты» — «Новый 1849 год».)

Кельн, 31 декабря. Никогда еще ни одно революционное движение не начиналось такой трогательной увертюрой, как революция 1848 г. Папа освятил ее своим церковным благословением, волова арфа Ламартина приветствовала ее сладкозвучными филантропическими мотивами на слова о... о братском единении всех членов общества и всех наций.

«Seid umschlungen, Millionen,
Diesen Kuss der ganzen Welt».
(«Дайте вас обнять, миллионы;
Мир, прими мой поцелуй».)

В настоящую минуту папа, изгнанный из Рима, сидит в Гаэте под охраной свирепого идиота Фердинанда, «главы» объединения Италии, интригуя против Италии с ее наследственным врагом Австрией, которой он в более счастливые для себя времена угрожал отлучением. В последних президентских выборах во Франции можно найти статистические данные для оценки непопулярности предателя Ламартина. Нет ничего человеколюбивее, гуманнее и бессильнее, чем февральская и мартовская революции. Нет ничего более жестокого, чем неизбежные последствия этой гуманности и бес-

силия. Свидетели тому: Италия, Польша, Германия и в первую голову — побежденные июня.

Поражение французских рабочих в июне было в то же время поражением самих июньских победителей. Ледрю-Роллен и другие деятели «горы» были вытеснены партией буржуазных республиканцев, партией «Насиональ». Партия «Насиональ», в свою очередь, вытеснена династической оппозицией Тьера — Барро. А эти последние принуждены были бы сами уступить место легитимистам, если бы только круговорот трех реставраций уже не был исчерпан и Луи-Наполеон представлял собою что-нибудь большее, чем пустую урну, которую французские крестьяне заполнили своими записками, свидетельствующими о вступлении их в социально-революционное движение, а французские рабочие своими вотумами проклятия всем вождям пройденных этапов — Тьеру — Барро, Ламартину и Кавеньяку, Марри — отметили только акт, что поражение революционного французского рабочего класса имело своим неизбежным последствием поражение победившей его республиканской французской буржуазии.

Поражение рабочего класса во Франции и победа французской буржуазии были в то же время новым закабалением тех национальностей, которые на пение галльского петуха ответили героическими попытками освобождения. Польша, Италия и Ирландия были вновь обобраны и истерзаны прусскими, австрийскими и английскими жандармами. Поражение рабочего класса во Франции и победа французской буржуазии были в то же время поражением средних классов во всех европейских странах, где они, объединившись на мгновенье с народом, приветствовали пение галльского петуха кровавым мятежом против феодализма. Неаполь, Вена, Берлин, поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии — были в то же время победой Востока над Западом, победой варварства над цивилизацией. В Валахии началось подавление румын русскими и их орудием — турками. В Вене германская свобода была задушена кроатами, чехами, венгерскими солдатами и австрийскими пограничниками и тому подобным сбродом, и в настоящее время русский царь вездесущ по всей Европе. Падение буржуазии во Франции, триумф французского рабочего класса, общее освобождение рабочего класса — вот, следовательно, условия европейской свободы.

Но страна, превратившая все народы в своих пролетариев, охватившая своими могучими руками весь мир, уже покрывшая однажды своим золотом издержки европейской реставрации, доведшая классовые противоречия у себя до самой резкой, самой бесстыдной формы, — Англия кажется скалой, о которую разбиваются революционные волны, которая уморит голодом новый общественный строй, когда он еще во чреве матери. Англия властвует над мировым рынком. Ниспровержение национально-экономических отношений в любой стране европейского континента или во всем европейском континенте без Англии — только буря в стакане воды. Промышленные и торговые отношения внутри каждой страны зависят от ее сношений с другими народами, обусловлены ее связью с мировым рынком. Но владычица мирового рынка — Англия, а буржуазия — владычица Англии.

Итак, освобождение Европы — будь то восстановление независимости угнетенных национальностей, будь то падение феодального абсолютизма — обусловлено победоносным восстанием французского рабочего класса. Но все социальные перевороты во Франции неизбежно разбиваются об английскую буржуазию, о промышленную и коммерческую мировую гегемонию Великобритании. Каждая частичная социальная реформа во Франции и на Европейском континенте вообще, поскольку она хочет быть окончательной, есть и будет пустым благим пожеланием. А добрая, старая Англия будет опрокинута только мировой войной, которая одна может дать чартистскому движению организованной английской рабочей партии необходимые условия для победоносного восстания против их могучих угнетателей. Только с той минуты, когда чартисты станут во главе английского правительства, социальная революция перейдет из царства утопии в мир действительности. Но каждая европейская война, в которой замешана Англия, есть мировая война. Она будет вестись в Канаде, как и в Италии, в Восточной Индии, как и в Пруссии, в Африке, как и на Дунае. А европейская война — первое последствие победоносной рабочей революции во Франции. Как и во времена Наполеона, Англия станет во главе контрреволюционных армий, по самой войной будет выдвинута в авангард революционного движения и искупит свою вину перед революцией XVIII ст.

Революционный подъем французского рабочего класса, мировая война — вот предзнаменования наступающего 1849 г.».

26. Восстание в мае 1849 г.

(Фр. Энгельс, «Революция и контрреволюция в Германии».)

«Борьба между германскими правительствами, с одной стороны, и Франкфуртским парламентом, — с другой, в конце концов достигла такой силы, что в первые дни мая большая часть Германии поднялась в открытом восстании: сначала Дрезден, потом баварский Пфальц, части Рейнской Пруссии и, наконец, Баден.

Во всех этих случаях действительно борющаяся часть инсургентов, та, которая прежде всего взялась за оружие и начала сражаться с войсками, состояла из рабочего класса городов. Как только разражался конфликт, к рабочим обыкновенно присоединялась и часть беднейшего сельского населения — батраки и мелкие крестьяне. Большинство молодых людей из всех общественных классов, стоящих ниже класса капиталистов, по меньшей мере временно, стояло в рядах инсургентских армий, но эта довольно пестрая толпа скоро поредела, как только дело приняло более серьезный оборот. Студенты, эти «представители интеллигенции», как они любили себя называть, в первую очередь дезертировали из-под знамен, если только их не удавалось задержать производством в ранг офицеров, для чего они, разумеется, лишь в самых редких случаях обладали необходимыми способностями.

Рабочий класс принял участие в этом восстании, как принял бы участие и в других восстаниях, когда он мог бы ожидать, что ему удастся или устранить некоторые препятствия на своем пути к политическому господству и социальной революции или же толкнуть более влиятельные, но менее смелые общественные классы на более решительный и революционный путь, чем тот, по которому они шли до того времени... И в том и в другом случае рабочий класс представлял действительно и правильно понятые интересы своей нации: он по мере сил ускорял ход революции, через которую необходимо должны пройти старые общества цивилизованной Европы и без которой ни одно из них не может помышлять о дальнейшем более спокойном и регулярном развитии своих сил.

Сельское население, примкнувшее к восстанию, толкалось к партии революции главным образом непомерной тяжестью налогов и отчасти феодальных повинностей. Не имея собственной инициативы, оно составило хвост других классов, начавших восстание, и колебалось из стороны в сторону между рабочими и мелкой буржуазией. Почти всегда особое общественное положение каждого лица решало, к какой стороне примыкало оно. Сельский батрак вообще присоединялся к городским наемным рабочим: мелкий крестьянин обнаруживал склонность итти рука-об-руку с мелким буржуа.

В классе мелких буржуа, важность и влиятельность которого мы отмечали уже несколько раз, можно видеть руководящий класс майского восстания 1849 г. (Так как на этот раз среди центров движения не было ни одного из крупных городов Германии, то мелкой буржуазии, которая всегда преобладает в городах средних и мелких размеров, удалось захватить руководство движением.) В борьбе за имперскую конституцию и права германского парламента опасность угрожала интересам именно этого класса. Во всех временных правительствах, которые организовались в восставших областях, большинство было представителем этой части народа, и потому действия, до которых возвысились временные правительства, можно считать мерой того, на что вообще способна германская мелкая буржуазия, — как мы увидим, ни к чему не способная, кроме разрушения движения, которое доверится ей.

Мелкая буржуазия призывала к восстанию высокопарными словами и неумеренным прославлением подвигов, которые она совершит; как только действительно вспыхнуло восстание — совершенно вопреки ее желанию, она была тут как тут, чтобы овладеть властью; но она воспользовалась этой властью только за тем, чтобы свести к нулю все успехи восстания. Как только вооруженное восстание приводило к серьезному кризису, мелких буржуа охватывал величайший ужас перед опасным положением, в которое они попадали; ужас перед народом, который всерьез принял их велеречивый призыв к оружию; ужас перед властью, которая теперь попадала им в руки, и прежде всего ужас перед последствиями, которые должны были возникнуть из волей-неволей усвоенной ими политики для них самих, для их общественного положения, для их собственности... Тактика мелкой буржуазии, или, вернее, полное отсутствие всякой тактики, повсюду была одна и та же, и потому восстания в мае 1849 г. во всех частях Германии сложились по одинаковому образцу.

В Дрездене борьба на улицах продолжалась четыре дня. Мелкие буржуа Дрездена «гражданское ополчение», не только не принимали участие в борьбе, но во многих случаях поддерживали действия войск против восставших. Силы инсургентов составились почти исключительно из рабочих окрестных промышленных округов. Они нашли способного и хладнокровного вождя в русском эмигранте Михаиле Бакунине, который впоследствии был взят в плен и в настоящее время заключен в казематах Мункача в Венгрии. Вмешательство многочисленных прусских войск подавило это восстание...

С восстанием в Пфальце и Бадене революция овладела богатой, плодородной провинцией и целым государством. Здесь было все: деньги, оружие, солдаты, боевые припасы. К восставшим присоединились даже солдаты из регулярной армии; мало того: в Бадене они были первыми из восставших. Восстания в Саксонии и Рейнской Пруссии принесли себя в жертву, чтобы выиграть время для организации южногерманского движения. Вообще нигде еще провинциальное и частичное восстание не было в таком благоприятном положении, как именно здесь. В Париже ожидалась революция; венгры стояли перед воротами Вены, во всех государствах Средней Германии не только народ, но и солдаты решительно склонились на сторону восставших и ждали только случая, чтобы присоединиться к ним. И однако движение, попав в руки мелких буржуа, с самого начала было обречено на крушение. Мелкобуржуазные правители, в особенности в Бадене, — и во главе их господин Брентано, — никак не могли забыть, что узурпацией поста и прерогатив своего «законного» суверена, великого герцога, они совершают государственное преступление. Они садились на свои министерские кресла с сознанием виновности в сердце. Чего же было ждать от таких «старых баб»? Они не только предоставили восстание его бессистемной и потому безрезультатной самодеятельности, но и делали все, лежащее в их силах, чтобы отнять у движения всю энергию, внутренно обессилить его, привести к гибели, и делали это с успехом, благодаря горячей поддержке того сорта непостижимых политиков, «демократических» героев мелкой буржуазии, которые действительно думали, будто они «спасают отечество», предоставляя нескольким бойким политикам типа Брентано водить себя за нос...

В мае вспыхнуло восстание, — в половине июля 1849 г. оно было совершенно подавлено. Первая германская революция была окончена...»

ВЕНГРИЯ.

27. Декларация независимости.

(Извлечения.)

«...Законы, принятые для укрепления конституции весной 1848 г., дали австрийскому дому повод для клятвопреступления.

Эти законы возродили страну путем радикальных реформ и гражданского порядка. Они отменили десятину и тем ободрили труд, дали право представительства всему народу без различия расы или религии (эти реформы провозгласил не кто иной как палата, основанная на старинных аристократических учреждениях): они установили принцип равенства перед законом, отменили свободу от налогов [1], восстановили свободу печати, силою отнятую до того, учредили систему суда присяжных и другие реформы. Но хотя действие французской революции вызвало революционное движение почти во всех провинциях Австрии и династия потеряла всю свою территорию, благодарная венгерская нация не хотела извлекать пользу из этих затруднений в виде новых уступок короля; она довольствовалась созданием гарантий для своей свободы и светской независимости в системе, основанной на ответственности министров.

Вследствие сего, основываясь на всех этих фактах и веря в справедливость бога и цивилизованного мира, опираясь на естественные права нашей нации и на силу, какую она обнаружила в своих испытаниях, по долгу самосохранения, присущему всем нациям, мы объявляем и решаем нижеследующее от имени нации, которую мы законно представляем:

1. Венгрия объявляется свободным и независимым европейским государством, включая Трансильванию, которая к ней законно присоединяется, и все зависимые земли, области и провинции Венгрии.

2. Дом Габсбургов Лотарингских, который собственными руками уничтожил «прагматиче-

[1] Привилегия большинства дворян.

скую санкцию» [1] и нарушил все связи, существовавшие благодаря взаимным договорам между ним и Венгрией, и притом путем измены, клятвопреступления и применения оружия против венгерской нации, — дом Габсбургов, осмелившийся покуситься на расчленение страны путем отделения от Венгрии Трансильвании, Кроации, Славонии, Фиуме и Побережья, не останавливаясь даже перед помощью армии иностранного государя [2] для уничтожения независимой жизни страны, — названный дом Габсбургов Лотарингских настоящей декларацией от имени нации навсегда лишается власти над Венгрией, Трансильванией и над всеми зависящими от них областями и провинциями, изгоняется из страны и лишается гражданских прав.

Следовательно, в силу настоящей декларации, от имени нации он объявляется низложенным, лишенным трона и изгнанным.

3. Венгерская нация, возвращаясь в европейскую семью как свободное и независимое государство в силу своих неоспоримых прав, объявляет в то же время, что она намерена сохранять и поддерживать мир и добрососедские отношения с народами, которые некогда были подданными того же государя, что и она, заключает союз со всеми другими нациями, поскольку этим не будут нарушаться ее собственные права.

4. Национальное собрание установит форму правления во всех его деталях, но, пока смогут быть проведены эти мероприятия, Людвиг Кошут, единодушно избранный представителями нации президентом правительства, провозглашается правителем-президентом с поручением ему правительственной власти на всем протяжении страны через таких министров, каких он пожелает избрать, за его и их ответственностью.

Поручая правительству Венгерского государства осуществить и опубликовать наше настоящее решение, мы облекаем его властью, необходимой для этой цели, и именем нации предписываем всем гражданам повиноваться его приказаниям и указаниям.

Дано палатой в заседании 19 апреля 1849 г. в Дебречинс.

Законно созванные магнаты и представители венгерской нации.

Подписали: Барон Сигизмунд Перцель. Второй президент палаты господ Павел Альмаши. Товарищ председателя палаты депутатов Эмерик Сацвай».

28. Роспуск венгерского рейхстага.

(Эдикт императора.)

«1. Сим мы распускаем рейхстаг, так что по обнародовании этого рескрипта рейхстаг немедленно должен прекратить свои заседания. 2. Все не санкционированные нами постановления и распоряжения мы объявляем незаконными и недействительными. 3. Сим мы подчиняем главному командованию нашего бана (Елачича) все расположенные в Венгрии и сопредельных странах, равно как и в Трансильвании, войска, национальную гвардию и корпуса волонтеров. 4. До восстановления нарушенного мира королевство Венгрия подчиняется законам военного времени, а посему подлежат закрытию все городские и окружные собрания. 5. Наш бан сим командируется как полномочный комиссар нашего королевского величества и снабжается всей властью и правами, дабы исполнять в сфере исполнительной власти все функции, которые в теперешних чрезвычайных обстоятельствах возлагаются на него как нашего заместителя. Ввиду таковых возложенных нами на него полномочий мы объявляем, что все, что повелит, прикажет, решит и предпишет бан, следует рассматривать так, словно сие повелено, приказано, решено и подписано нашей высочайшей королевской властью».

29. Манифест Николая I.

(Извлечения.)

«...Божиею милостью, мы, Николай Первый, император и самодержец всероссийский и проч., и проч., и проч. объявляем всенародно: манифестом от 14 марта 1848 г., известив верноподданных наших о бедствиях, постигших За-

[1] В 1723 г. австрийский царствующий дом гарантировал венграм сохранение всех «документальных и иных прав, свобод, привилегий, иммунитетов, таможен, прерогатив и законов, уже существующих и учрежденных или имеющих быть установленными настоящей и будущими палатами».

[2] Царя России.

падную Европу, мы о тем вместе изъявили, что готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем в неразрывном союзе со святою нашей Русью защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших. Смуты и мятежи на Западе с тех пор не укротились. Преступные обольщения, увлекающие легкомысленную толпу обманчивым призраком такого благоденствия, которое никогда не может быть плодом своеволия и самоуправства, проложили себе путь и на Восток, в сопредельные нам, подвластные турецкому правительству княжества Молдавское и Валахское. Одно присутствие войск наших совместно с турецкими восстановило и удерживает порядок. Но в Венгрии и Трансильвании усилия австрийского правительства, разрозненные другою еще войною — с врагами внешними и внутренними в Италии, не могли доселе восторжествовать над мятежом; напротив, укрепясь скопищами наших польских изменников 1831 г. и других разноплеменных пришельцев, изгнанников, бетлых и бродяг, бунт развился там в самых грозных размерах. Среди сих пагубных событий император австрийский обратился к нам с желанием нашего содействия против общих наших врагов. Мы в нем не откажем. Призвав в помощь правому делу всевышнего вождя браней и господа побед, мы повелели разным армиям нашим двинуться на потушение мятежа и уничтожение дерзких злоумышленников, покушающихся потрясти спокойствие наших областей. «Да будет с нами бог!» Так, — мы в этом уверены, — чувствует, так уповает, так отзовется в богом хранимой державе нашей каждый русский, каждый наш верноподданный, и Россия исполнит святое свое призвание».

МАРКС И ЛЕНИН О 48-м ГОДЕ.

30. Революция 18 марта 1848 года и 1789 год.

(К. Маркс, «Баланс прусской революции».)

«Прусскую мартовскую революцию не следует смешивать ни с английской революцией 1648 г. ни с французской 1789 г.

Революции 1648 и 1789 гг. не были ни английской ни французской революцией — они были революциями в европейском стиле. Они не представляли собой победы определенного общественного класса над старым политическим порядком, а были декларацией политического строя для нового европейского общества. Буржуазия вышла из них победительницей. Но победа буржуазии была тогда победой нового общественного строя, победой буржуазной собственности над феодальной, победой единой нации над провинциализмом, конкуренции над цехом, раздела власти над ее майоратной нераздельностью, собственника земли над порабощением собственника при помощи земли, победой просвещения над суеверием, семьи над родом, промышленности над героической ленностью, гражданского права над средневековыми привилегиями. Революция 1648 г. была восстанием XVII ст. против XVI, революция 1789 г. была победой XVIII в. над XVII. Эти революции гораздо более выражают потребности тогдашнего мира, чем потребности тех стран, в которых они произошли, — Англии и Франции.

В прусской мартовской революции мы не находим ничего подобного.

Февральская революция свергла конституционную монархию в действительности и господство буржуазии в идее. Прусская же мартовская революция должна была создать конституционную монархию в идее и господство буржуазии в действительности. Далекая от того, чтобы быть революцией европейской, она была лишь искаженным отзвуком европейской революции в отсталой стране. Вместо того чтобы быть впереди своего столетия, она отстала от века более чем на полстолетие. Она с самого начала отличалась вторичным характером, а известно, что вторичные болезни с бо́льшим трудом поддаются лечению, чем первичные, и в то же время сильнее подрывают организм. Дело шло не об установлении нового общественного порядка, а о вторичном возрождении в Берлине общества, уже погибшего в Париже. Прусская мартовская революция не была даже революцией национальной немецкой — она с самого начала была провинциально-прусской. Наряду с ней происходили венская, кассельская, мюнхенская революции, вообще все виды провинциальных восстаний, которые оспаривали у нее ее значение.

Люди 1648 и 1789 гг. бесконечно гордились тем, что они стоят во главе обновленного общественного строя. Гордость же берлинца 1848 г. заключалась в том, что он являл собой анахро-

низм. Свет этой революции подобен свету звезд, который доходит до нас, жителей земли, спустя 100 тыс. лет после того, как потухли тела, излучившие этот свет. Прусская мартовская революция произошла в миниатюре: «вся она вообще была миниатюрой» такой звезды для Европы. Ее свет был светом давно уже разложившегося общественного строя».

31. Уроки 48-го года.

(Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850 г.)

«Братья! В два революционных года, 1848—1849, Союз выдержал испытание в двояком смысле: прежде всего в том, что члены его повсюду энергично бросались в движение, что они и в печати, и на баррикадах, и на полях сражений стояли в первых рядах единственно решительного революционного класса — пролетариата. Союз, далее, выдержал испытание и в том смысле, что его понимание движения, как оно было изложено в циркулярах конгресса и Центрального комитета 1847 г. и в «Коммунистическом манифесте», оказалось единственно правильным и что высказанные в этих документах ожидания вполне оправдались, а тайно пропагандировавшееся в предыдущее время Союзом понимание современного общественного положения теперь на устах народов и публично проповедуется на площадях. В то же время прежняя прочная организация Союза значительно расшаталась. Большая часть его членов, непосредственно участвовавших в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные округа и общины ослабили и мало-по-малу порвали связи с Центральным комитетом. Следовательно, в то время как демократическая партия мелкой буржуазии все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную точку опоры, в лучшем случае осталась организованной в отдельных местностях и для местных целей и благодаря этому оказалась в общем движении совершенно под господством и под руководством мелкобуржуазных демократов. Такому положению необходимо положить конец: самостоятельность рабочих должна быть восстановлена. Центральный комитет понял эту необходимость и потому уже зимой 1848—1849 г. отправил эмиссара Иосифа Молля в Германию для реорганизации Союза. Влияние миссии Молля не было однако длительным, отчасти потому, что германские рабочие тогда еще не имели достаточного опыта, отчасти же потому, что эта миссия была прервана восстанием прошлого мая. Сам Молль взялся за ружье, вступил в баденско-пфальцскую армию и 19 июля пал в столкновении при Мурге. В его лице Союз потерял одного из самых старых, самых деятельных и надежных членов, участвовавшего во всех конгрессах и центральных комитетах и уже раньше выполнившего с большим успехом ряд поездок с определенными поручениями. После поражения революционных партий Германии и Франции в июле 1849 г. почти все члены Центрального комитета опять собрались в Лондоне и, пополнив свой состав новыми революционными силами, с обновленным рвением приступили к реорганизации Союза.

Реорганизация Союза может быть проведена только через эмиссара, и Центральный комитет считает в высшей степени важным, что эмиссар отправляется как раз в такой момент, когда предстоит новая революция, следовательно, когда рабочая партия должна выступить по возможности организованно, солидарно и самостоятельно, чтобы буржуазия не сумела вновь использовать ее и взять на буксир, как было в 1848 г.

Мы говорили вам, братья, уже в 1848 г., что германские либеральные буржуа скоро придут к господству и тотчас же обратят свою только что завоеванную власть против рабочих. Вы видели, как это сбылось. В самом деле, именно буржуа после мартовского движения 1848 г. немедленно захватили государственную власть и воспользовались этой властью для того, чтобы тотчас же отбросить рабочих, их союзников по борьбе, в прежнее угнетенное положение. Если буржуазия не могла этого достигнуть, не вступив в союз с устраненной в марте феодальной партией, наконец не уступив господства снова этой феодальной абсолютистской партии, то она все же обеспечила себе условия, которые, ввиду финансовых затруднений правительства, предоставляли бы ей господство на долгое время и гарантировали бы ее интересы в том случае, если бы оказалось возможным, чтоб революционное движение уже теперь вступило на путь так называемого мирного развития. Для обеспечения своего господ-

ства буржуазии даже не понадобилось бы вызвать против себя ненависть насильственными мероприятиями против народа, потому что все эти насильственные шаги сделала феодальная контрреволюция. Но развитие не пойдет этим мирным путем. Напротив, революция, которая ускорит развитие, близка, будет ли она вызвана самостоятельным восстанием французского пролетариата или вторжением священного союза в революционный Вавилон.

И роль, которую германские либеральные буржуа 1848 г. играли по отношению к народу,— эту самую предательскую роль в предстоящей революции возьмут на себя демократические мелкие буржуа, занимающие теперь в оппозиции такое же положение, как либеральные буржуа до 1848 г. Эта демократическая партия, которая много опаснее для рабочих, чем прежние либералы, состоит из трояко рода элементов:

1) Из наиболее прогрессивных частей крупной буржуазии, которые ставят себе целью немедленное и полное низвержение феодализма и абсолютизма; эта фракция представлена прежними берлинскими соглашателями, предложившими отказ в платеже налогов.

2) Из демократически-конституционных мелких буржуа, главной целью которых в предшествовавших революциях было создание более или менее демократического союзного государства в том виде, как оно отстаивалось их представителями — левой Франкфуртского собрания, а позже Штутгартским парламентом и ими самими — в кампании за императорскую конституцию.

3) Из республиканских мелких буржуа, идеалом которых является Германская федеративная республика, подобная швейцарской, и которые теперь называют себя красными и социал-демократами, потому что они питают благочестивое желание уничтожить давление крупного капитала на мелкий и давление крупного буржуа на мелкого; представителями этой фракции были члены демократических конгрессов и комитетов, руководители демократических союзов, редакторы демократических газет.

Все эти фракции называют себя теперь, после своего поражения, республиканскими или красными, совершенно так же, как республиканские мелкие буржуа во Франции называют себя теперь социалистами. Там, где они, как в Вюртемберге, Баварии и т. д., находят еще возможность отстаивать свои цели конституционным путем, они пользуются случаем, чтобы сохранить свои старые фразы и доказать на деле, что они нисколько не изменились. Впрочем понятно, что измененное название этой партии нисколько не изменяет ее отношения к рабочим; оно доказывает только, что эта партия должна выступать против абсолютизма, объединившегося с буржуазией, и опираться на пролетариат.

Мелкобуржуазно-демократическая партия в Германии очень сильна. Она охватывает не только огромное большинство буржуазного населения города, мелких торгово-промышленных людей и ремесленных мастеров — она причисляет к своей свите крестьян и деревенский пролетариат, пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов.

Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она борется вместе с нею против той фракции, к низвержению которой она стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда сама хочет упрочиться.

Далекие от мысли преобразовать все общество в интересах революционных пролетариев демократические мелкие буржуа стремятся к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество. Поэтому они требуют прежде всего уменьшения государственных расходов путем ограничения бюрократии и переложения главных налогов на крупных землевладельцев и на буржуа. Далее, они требуют устранения давления крупного капитала на мелкий посредством введения правительственных кредитных институтов и законов против ростовщичества, благодаря чему перед ними и крестьянами открылась бы возможность получить ссуды не от капиталистов, а от государства, и притом на льготных условиях; они добиваются затем введения буржуазных имущественных отношений в деревне путем полного устранения феодализма. Чтобы провести все это в жизнь, им необходим демократический — будь это конституционный или республиканский — образ правления, который давал бы большинство им и их союзникам-крестьянам, и демократическое общинное управление, которое предоставило бы им непосредственный контроль над общинной собственностью и ряд функций, которые в настоящее время выполняются бюрократами.

Чтобы противодействовать господству и быстрому умножению капитала, они требуют от-

части ограничения права наследования, отчасти передачи возможно большего количества работ государству. Что касается наемных рабочих, то прежде всего твердо устанавливается, что наемные рабочие должны остаться, как и до сих пор, по при этом демократические мелкие буржуа хотят, чтоб рабочие имели лучший заработок и более обеспеченное существование; они надеются достигнуть этого отчасти предоставлением рабочему занятий со стороны государства, отчасти мерами благотворительности, — словом, они надеются подкупить рабочих более или менее замаскированными подачками и сломить их революционную силу, временно делая сносным их положение. Приведенные здесь требования мелкобуржуазной демократии не отстаиваются одновременно всеми ее фракциями; в своей совокупности они являются определенной целью для немногих представителей этих фракций. Чем дальше идут отдельные члены и фракции мелкобуржуазной демократии, тем в большей степени они усваивают эти требования, и те немногие, которые видят в предыдущем свою собственную программу, подумали бы, что ведь здесь даны те максимальные требования, осуществления которых можно ожидать от революции. Но эти требования никак не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока по крайней мере решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о замазывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества. Что мелкобуржуазная демократия в период дальнейшего развития революции на время получит в Германии преобладающее влияние, — это не подлежит никакому сомнению. Следовательно спрашивается, какова будет позиция пролетариата и в частности Союза по отношению к ней —

1) при продолжении теперешних отношений, когда мелкобуржуазные демократы находятся также в угнетенном положении?

2) в ближайшей революционной борьбе, которая даст им перевес?

3) после этой борьбы, во время ее перевеса над низвергнутыми классами и пролетариатом?

1. В настоящий момент, когда демократические мелкие буржуа повсюду угнетены, они проповедуют пролетариату всеобщее единство и примирение, они протягивают ему руку и стремятся к созданию одной большей оппозиционной партии, которая охватила бы все оттенки, представленные в демократической партии, т. е. они стремятся к тому, чтобы втянуть рабочих в партийную организацию, где господствуют общие социал-демократические фразы, за которыми скрываются их особые интересы и где определенные требования пролетариата не могут быть выставлены ради требования дорогого мира. Подобное объединение послужило бы исключительно к их выгоде и всецело ко вреду пролетариата. Пролетариат совершенно утратил бы свою самостоятельную, с таким трудом завоеванную позицию и опять опустился бы до роли придатка официальной буржуазной демократии. Значит от такого объединения следует отказаться самым решительным образом. Вместо того чтобы еще раз опуститься до роли хора, одобрительно рукоплещущего буржуазным демократам, рабочие, и прежде всего Союз, должны работать в том направлении, чтобы наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний. Насколько несерьезно буржуазные демократы думают о союзе с пролетариями, в котором последние обладали бы такой же властью и такими же правами, как они, показывают например бреславльские демократы: они самым свирепым образом преследуют в своем органе «Neue Oderzeitung» самостоятельно организованных рабочих, которых они титулуют социалистами. На случай борьбы против общего врага не нужно никаких особых объединений. Раз необходимо вести прямую борьбу против такого противника, интересы обеих партий на время совпадают, и как бывало до сих пор, так и в будущем

само собою сложится объединение, рассчитанное на данный момент. Понятно, что в предстоящих кровавых конфликтах, как и в прежних, победа будет добыта главным образом рабочими благодаря их мужеству, решительности и готовности к самопожертвованию. В этой борьбе мелкие буржуа, как и раньше, будут по возможности дольше медлить и держаться нерешительно и пассивно, с тем, чтобы потом, когда будет одержана победа, воспользоваться ею для себя, призвать рабочих к спокойствию и возвращению к своему труду, предупредить так называемые эксцессы и лишить пролетариат плодов победы. Не во власти рабочих помешать в этом мелкобуржуазным демократам, но во власти рабочих затруднить их усиление по сравнению с вооруженным пролетариатом и продиктовать им такие условия, что господство буржуазных демократов с самого начала будет носить в себе зерно их гибели и что их последующее оттеснение господством пролетариата будет значительно облегчено. Во время конфликта и непосредственно по окончании борьбы рабочие прежде всего должны, насколько это возможно, противодействовать буржуазным колебаниям и вынуждать демократов привести в исполнение их теперешние террористические фразы. Они должны работать в таком направлении, чтобы непосредственное революционное возбуждение не было опять подавлено тотчас же после победы. Напротив, они должны его поддерживать, насколько это только возможно. Далекие от того, чтобы выступать против так называемых эксцессов, — против случаев народной мести по отношению к ненавистным индивидуумам или официальным учреждениям, с которыми связаны только ненавистные воспоминания, они должны не только терпеть эти выступления, но и брать на себя руководство ими. Во время борьбы и после нее рабочие должны при каждом случае наряду с требованиями буржуазных демократов выставлять свои собственные требования. Лишь только демократические буржуа приготовятся взять власть в свои руки, они (коммунисты) должны потребовать гарантий для рабочих. В случае необходимости они должны вынудить эти гарантии и вообще позаботиться о том, чтобы новые правители обязались пойти на всевозможные уступки и обещания; это — самое верное средство, чтобы их скомпрометировать. Опьянение победой и радость по поводу нового положения вещей, которые наступают после всякой победоносной уличной борьбы, они вообще должны, насколько это возможно, сдерживать спокойным и хладнокровным пониманием событий и нескрываемым недоверием к новому правительству. Наряду с новыми официальными правительствами они должны учреждать собственные, революционные рабочие правительства, в виде ли правлений общин, общинных советов, в виде ли рабочих клубов и рабочих комитетов, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили бы опору в рабочих, но и увидали бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих. Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих собственных союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя.

2. Но чтобы можно было энергично и угрожающе выступать против этой партии, которая начнет предавать рабочих с первого же часа победы, они должны быть вооружены и организованы. Вооружение всего пролетариата ружьями, винтовками, орудиями и амуницией должно быть проведено немедленно; надо противодействовать возрождению старого гражданского ополчения, направленного против рабочих. Но там, где осуществление окажется невозможным, рабочие должны сделать попытку организоваться в виде самостоятельной пролетарской гвардии, с ими же избранными командиром и генеральным штабом, и поступить в распоряжение не государственной власти, а созданных рабочими революционных общинных советов. Там, где рабочие работают за счет государства, они должны добиться вооружения и организации в отдельный корпус с избранными ими командирами, или же организации в виде части пролетарской гвардии. Оружие и боевые припасы ни под каким предлогом не должны сдаваться, всякая попытка разоружения должна быть в случае необходимости расстроена силой. Уничтожить влияние буржуазных демократов на рабочих, немедленно создать самостоятельную и вооруженную организацию рабочих и установить условия, по возможности наиболее тяжелые и компрометирующие для временного и неизбежного господства буржуазной демократии, — таковы главные пункты, которые пролетариат, а вместе с ним и Союз должны иметь в виду во время и после предстоящего восстания.

3. Лишь только новые правительства до известной степени упрочатся, немедленно начнется их борьба против рабочих. Чтобы было возможно с силой выступить против демократических мелких буржуа, необходимо прежде всего, чтобы рабочие самостоятельно организовались и централизовались в клубах. По свержении существующих правительств Центральный комитет будет перенесен в Германию, как только это станет возможным; он тотчас же созовет конгресс и внесет на его рассмотрение предложение относительно централизации рабочих клубов под руководством правления, находящегося в главном центре движения. Быстрая организация по крайней мере провинциального объединения рабочих клубов является одной из главнейших мер для усиления и развития рабочей партии; ближайшим следствием низвержения существующего правительства будет избрание национального представительного собрания. Здесь пролетариату придется позаботиться:

1) о том, чтобы никакие придирки местных властей или правительственных комиссаров не послужили поводом для устранения некоторого числа рабочих;

2) чтобы наряду с буржуазно-демократическими кандидатами всюду выставлялись рабочие кандидаты, которые были бы по возможности членами Союза, и чтобы для их избрания были использованы все возможные средства. Даже там, где нет никакой надежды для их проведения, рабочие должны выставлять своих собственных кандидатов, чтобы сохранить свою самостоятельность, подсчитать свои силы и публично проявить свою революционную позицию и свои партийные точки зрения. При этом рабочие не должны дать подкупить себя фразами демократов например о том, что это раскалывает демократическую партию и дает реакции возможность победы. Все эти фразы в конце концов приводят к тому, что пролетариат оказывается обманутым. Успехи, которых пролетарская партия должна достигнуть подобным независимым выступлением, неизмеримо важнее, чем тот вред, который может причинить наличность нескольких реакционеров в представительном собрании. Если демократия с самого начала выступит решительно и террористически против реакции, влияние последней, на выборы заранее будет уничтожено...

Мы видели, как демократы в ближайшем движении придут к господству и как они будут вынуждены выступить с более или менее социалистическими мероприятиями. Возникает вопрос: какие же меры должны будут в противовес этому предложить рабочие? Конечно рабочие не могут в самом начале движения предлагать чисто коммунистические мероприятия. Но они могут:

1. Принудить демократов возможно всесторонне вторгаться в существующий общественный строй, нарушать его нормальный ход, компрометировать самих себя, а также сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил, перевозочных средств, фабрик, железных дорог и т. д.

2. Они должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые во всяком случае будут выступать не революционно, а лишь как реформисты; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность. Так например если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, рабочие должны требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики как собственность реакционеров были конфискованы без всякого вознаграждения. Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал при этом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства. Следовательно требования рабочих всюду должны будут сообразоваться с уступками и мероприятиями демократов.

Если германские рабочие не сумеют достигнуть господства и осуществления своих классовых интересов, не проделав целиком продолжительного пути революционного развития, то на этот раз у них есть по крайней мере уверенность, что первый акт этой предстоящей революционной драмы совпадает с прямой победой их собственного класса во Франции и тем самым будет сильно ускорен.

Но для своей конечной победы они сами должны сделать самое большое тем, что они будут выяснять себе свои классовые интересы, что они займут, лишь только это окажется возможным, свою самостоятельную классовую позицию и ни на одно мгновение не дадут лицемерным фразам демократических мелких

буржуа сбить себя с пути самостоятельной организации партии пролетариата. Их боевым лозунгом должно быть: «Непрерывная революция».

32. Ленин о 48-м годе.

А. Лублановщина.

«Французский социалист Луи Блан в революцию 1848 г. печально прославил себя тем, что с позиции классовой борьбы перешел на позицию мелкобуржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией якобы «социализма», а на деле служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Луи Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, будто буржуазия *может* помочь рабочим в деле «организации труда», — этот неясный термин должен был выражать «социалистические» стремления.

Лублановщина одержала теперь полную победу в «социал-демократии» правого фланга партии ОК в России. Чхеидзе, Церетели, Стеклов и многие другие, ныне являющиеся вождями Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов, бывшие также вождями Всероссийского совещания советов, заканчивающегося на-днях, заняли именно позицию Луи Блана.

Во всех главных вопросах современной политической жизни эти вожди, стоящие на точке зрения приблизительно международного течения «центра», — Каутского, Лонгэ, Турати и многих других, оказались именно на мелкобуржуазной позиции Луи Блана. Возьмите вопрос о войне.

Пролетарская точка зрения состоит в отчетливой *классовой* характеристике войны и в непримиримой враждебности к империалистической войне, т. е. к войне *между* группами капиталистических (*все равно*, монархических *или* республиканских) стран *из-за* дележа капиталистической добычи.

Мелкобуржуазная точка зрения отличается от буржуазной (прямое оправдание войны, прямая «защита отечества», т. е. защита «интересов» *своих* капиталистов, защита *их* «прав» на аннексии) тем, что мелкий буржуа «отрекается» от аннексий, «осуждает» империализм, «требует» от буржуазии, чтобы она перестала быть империалистской, оставаясь в рамках всемирных империалистских связей и капиталистического хозяйственного строя. Ограничиваясь этой добренькой, безвредной, пустой декламацией мелкий буржуа *на деле* только беспомощно плетется *за* буржуазией, «сочувствуя» кое в чем пролетариату на словах, оставаясь в зависимости от буржуазии на деле, не умея или не желая понять пути, ведущего к свержению капиталистического ига, единственно способного избавить человечество от империализма...

...*Надо* делать решительные шаги к свержению капитала. Их надо делать умело и постепенно, опираясь *только* на сознательность и организованность подавляющего большинства рабочих и беднейших крестьян. Но эти шаги надо делать. И советы рабочих депутатов в ряде мест России *уже* начали их делать.

На очереди дня — решительная, бесповоротная размежовка с Луи Бланами — Чхеидзе, Церетели, Стекловыми, партией ОК, партией с.-р. и т. п. и т. п. Разъяснение массам, что лублановщина губит и загубит успех дальнейшей революции, успех даже свобод, если массы не поймут вреда этих мелкобуржуазных иллюзий и не присоединятся к сознательным рабочим в их осторожных, постепенных, обдуманных, но твердых и немедленных шагах к социализму.

Вне социализма *нет* спасения человечеству от войн, от голода, от гибели еще миллионов и миллионов людей...»

Б. Из какого классового источника приходят и «придут» Каваньяки.

(В. *Ленин*, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 21—23.)

«Вспомним классовую роль Каваньяка. В феврале 1848 г. монархия была свергнута во Франции. Буржуазные республиканцы у власти. Они так же, как наши кадеты, хотят «порядка», называя этим восстановление и упрочение монархических орудий угнетения масс: полиции, постоянной армии, привилегированного чиновничества. Они так же, как наши кадеты, хотят положить конец революции, ненавидя революционный пролетариат с его еще очень неясными

тогда «социальными», т. е. социалистическими стремлениями. Они так же, как наши кадеты, относились с беспощадной враждебностью к политике перенесения французской революции на всю Европу, к политике превращения ее в мировую пролетарскую революцию. Они так же, как наши кадеты, использовали искусно мелкобуржуазный «социализм» Луи Блана, взяв его в министры, превратив его из вождя социалистических рабочих, каким он хотел быть, в придаток, в прихвостень буржуазии.

Таковы были классовые интересы, позиция и политика господствующего класса.

Другой основной общественной силой была мелкая буржуазия, колеблющаяся, запуганная красным призраком, поддававшаяся крикам против «анархистов». В своих стремлениях мечтательно- и фразисто-«социалистическая», охотно называвшая себя «социалистической демократией» (даже термин именно этот принимают теперь эсеры вместе с меньшевиками!), мелкая буржуазия боялась довериться руководству революционного пролетариата, не понимая, что эта боязнь осуждает ее на доверие к буржуазии. Ибо в обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, особенно при неизбежном обострении этой борьбы революцией, не может быть «средней» линии. А вся суть классовой позиции и стремлений мелкой буржуазии состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, т. е. как раз к такой «средней линии».

Третьей решающей классовой силой был пролетариат, который стремился не к «примирению» с буржуазией, а к победе над ней, к безбоязненному развитию революции вперед, и притом в международном масштабе.

Вот какова была объективная историческая почва, породившая Кавеньяка. Колебания мелкой буржуазии «отстранили» ее от роли активного деятеля, и, воспользовавшись ее боязнью довериться пролетариям, французский кадет генерал Кавеньяк пошел на разоружение парижских рабочих, на массовый расстрел их.

Революция кончилась этим историческим расстрелом; мелкая буржуазия, численно преобладавшая, была и осталась политически бессильным хвостом буржуазии, и через три года во Франции была опять восстановлена цезаристская монархия в особенно гнусной форме...

...Кавеньяк — представитель класса (контрреволюционной буржуазии), проводник его политики. А именно этот класс, именно эту политику вы сейчас уже поддерживаете, господа эсеры и меньшевики! Этому классу и его политике вы даете, имея заведомое большинство в данную минуту в стране, преобладание в правительстве, т. е. превосходную базу для работы.

В самом деле. На Всероссийском крестьянском съезде почти сплошь царили эсеры. На Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов большинство огромное за блоком эсеров и меньшевиков. То же на выборах в районные думы Петрограда. Факт налицо: эсеры и меньшевики сейчас правящая партия. И эта правящая партия добровольно отдает власть (большинство в правительстве) партии Кавеньяков!!

Было бы болото, а черти найдутся. Была бы шаткая, колеблющаяся, боящаяся развития революции мелкая буржуазия, — появление Кавеньяков обеспечено.

В России много теперь такого, что отличает нашу революцию от французской революции 1848 г.: империалистическая война, соседство более передовых (а не более отсталых, как у Франции тогда) стран, аграрное и национальное движения. Но все это может изменить лишь форму выступления Кавеньяков, момент, внешние поводы и т. п.

Сути дела все это изменить не может, ибо суть заключается во взаимоотношении классов.

На словах и Луи Блан был, как небо от земли, далек от Кавеньяка. Обещаний «бороться в одних рядах» вместе с революционными рабочими против буржуазных контрреволюционеров и Луи Блан давал бесчисленное множество. И в то же время ни один историк-марксист, ни один социалист не посмеет усомниться в том, что именно слабость, шаткость, доверчивость к буржуазии со стороны Луи Бланов родили Кавеньяка, дали ему успех.

Исключительно от стойкости и бдительности, от силы революционных рабочих России зависит победа или поражение ждет русских Кавеньяков, неизбежно порождаемых контрреволюционностью русской буржуазии, с кадетами во главе, и шаткостью, боязливостью, колебаниями мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков».

В. Начало бонапартизма.

(В. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 271—274.)

«...Министерство Керенского, несомненно, есть министерство первых шагов бонапартизма.

Перед нами налицо исторический признак бонапартизма: лавирование, опирающееся на военщину (на худшие элементы войска), государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга.

Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом обострена до крайних пределов: и 20—21 апреля и 3—5 июля страна была на волосок от гражданской войны. Разве это социально-экономическое условие не представляет из себя классической почвы бонапартизма? А ведь к этому условию присоединяются другие, вполне ему родственные; буржуазия рвет и мечет против советов, но она еще бессильна сразу разогнать их, а они уже бессильны, проституированные господами Церетели, Черновыми и К°, оказать серьезное сопротивление буржуазии.

Помещики и крестьянство живут тоже в обстановке канупа гражданской войны: крестьяне требуют земли и воли, их может — если может — сдержать только бонапартистское правительство, способное раздавать самые беспартийные обещания всем классам и ни одного обещания не выполняющее.

Добавьте к этому момент, вызванный авантюрой наступления военных поражений, когда особенно ходки фразы о спасении родины (прикрывающие желание спасти империалистическую программу буржуазии), — и вы увидите перед собой самую полную картину социально-политической обстановки бонапартизма.

Не будем же обманываться фразами. Не дадим ввести себя в заблуждение тем, что перед нами только еще первые шаги бонапартизма. Именно первые-то шаги и надо уметь разгадать, чтобы не попасть в смешное положение туповатого филистера, который будет ахать по поводу второго шага, хотя сам же помогает первому...

От начала французского бонапартизма в 1799 и 1849 гг. русский бонапартизм 1917 г. отличается рядом условий, — например тем, что ни одна коренная задача революции не решена. Борьба за решение земельного и национального вопроса только еще начинает разгораться.

Керенский и контрреволюционные кадеты, которые играют им, как пешкой, не могут ни созвать в назначенный срок Учредительного собрания, ни отсрочить его созыва, не углубляя в обоих случаях революции, а катастрофа, порождаемая затягиванием империалистской войны, продолжает надвигаться с еще гораздо большей силой и быстротой, чем прежде.

Передовые отряды пролетариата России сумели выйти из наших июньских и июльских дней без массового обескровления. Партия пролетариата имеет полную возможность выбрать такую тактику и такую форму или такие формы организации, чтобы внезапные (будто бы внезапные) преследования бонапартистов не могли ни в коем случае прекратить ее существование и ее систематическое обращение со своим словом к народу.

Пусть партия ясно и громко скажет народу правду без урезок: что мы переживаем начало бонапартизма, что «новое» правительство Керенского, Авксентьева и К° есть лишь ширма для прикрытия контрреволюционных кадетов и военной клики, имеющей власть в руках, что народ не получит мира, крестьяне не получат земли, рабочие не получат 8-часового рабочего дня, голодные не получат хлеба без полной ликвидации контрреволюции, — пусть партия скажет это, и каждый шаг в развитии событий будет подтверждать ее правоту.

Россия с замечательной быстротой пережила целую эпоху, когда большинство народа доверилось мелкобуржуазным партиям эсеров и меньшевиков. И теперь уже начинается жестокая расправа большинства трудящихся масс за эту доверчивость.

Все признаки указывают на то, что ход событий продолжает итти ускоренным темпом и страна приближается к следующей эпохе, когда большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату. Революционный пролетариат возьмет власть, начнет социалистическую революцию, привлечет к ней — несмотря на все трудности и возможные зигзаги развития — пролетариев всех передовых стран и победит и войну и капитализм».

Д. Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа.

(В. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 52—56.)

«...Вот о чем думает больше всего русский буржуа: о неслыханных опасностях «пути» 1789 г.! Буржуа не прочь от пути Германии в 1848 г., но «все усилия» он употребит для избежания пути Франции. Поучительное изречение, над которым стоит очень и очень задуматься.

В чем коренная разница между обоими путями? В том, что буржуазно-демократический переворот, осуществленный Францией в 1789 г., Германией в 1848 г., в первом случае был доведен до конца, а во втором — нет; в первом случае дошел до республики и полной свободы, а во втором — остановился, не сломив монархии и реакции; во втором случае прошел под руководством главным образом либеральных буржуа, ведших за собой на буксире недостаточно окрепший рабочий класс, в первом случае проведен хотя бы в известной части активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию, — во втором случае быстро привел к «успокоению страны», т. е. к подавлению революционного народа и к торжеству «урядника и вахмистра», в первом — доставил на известный период господство революционному народу, раздавившему сопротивление «урядников и вахмистров».

Вот ученый лакей российской буржуазии выступает в «почтеннейшем» либеральном органе с предостережением против первого, «французского», пути. Ученый историк желает «немецкого» пути и прямо говорит это. Он знает превосходно, что немецкий путь не обошелся без народного вооруженного восстания. В 1848 и 1849 гг. был целый ряд восстаний и даже временных революционных правительств в Германии. Но ни одно из этих восстаний не было вполне победоносным. Самое успешное восстание, берлинское восстание 18 марта 1848 г., кончилось не свержением королевской власти, а уступками сохранившего свою власть короля, который очень быстро сумел оправиться от частичного поражения и отобрать назад все эти уступки.

Итак, ученый историк буржуазии не боится восстаний народа. Он боится победы народа. Он не боится того, чтобы реакция, бюрократия, ненавистная ему бюрократия, была проучена слегка народом. Он боится свержения реакционной власти народом. Он ненавидит самодержавие и всей душой желает свержения его, но погибели для России он ждет не от сохранения самодержавия, не от отравления народного организма медленным гниением неумерщвленного паразита монархической власти, а от полной победы народа.

Он знает, этот муж алтынной науки, что время революции есть время предметных уроков для народа, и вот он не хочет предметных уроков по части уничтожения реакции, пугая нас предметными уроками по части уничтожения революции. Он пуще огня боится того пути, когда революция хоть на небольшое время одерживала полную победу, и он жаждет всей душой такого исхода, вроде немецкого, когда реакция на долгие и долгие периоды одерживала полнейшую победу.

Он не приветствует революции в России, а лишь старается смягчить вину ее. Он желает не победоносной революции, а неудавшейся революции. Он считает реакцию явлением законным и правомерным, естественным и прочным, надежным и благоразумным. Он считает революцию явлением незаконным, фантастическим, неправомерным, которое может быть в лучшем случае оправдано до известной степени неустойчивостью, «слабостью», «несостоятельностью» самодержавного правительства. Он смотрит на революцию, этот «объективный» историк, не как на законнейшее право народа, а лишь как на греховный и опасный прием исправления крайностей реакции. Для него революция, победившая вполне, есть «анархия», а реакция, победившая вполне, не есть анархия, а только небольшое преувеличение известных необходимых функций государства. Он не знает другой «власти», кроме монархической, другого «порядка» и другой «общественной организации», кроме буржуазных. Из тех европейских сил, которым революция в России «откроет провиденциальную миссию», он знает только «немецкого вахмистра», но не знает и знать не хочет немецкого социал-демократического рабочего. Ему противна больше всего «гордыня» тех, кто «собирается обгонять западную буржуазию» (г. профессор пишет слово буржуазия в иронических кавычках: нашли, дескать, такой нелепый термин в применении к европей-

ской — ев-ро-пей-**ской**, — **культуре**!). Он благодушно закрывает глаза, этот «объективный историк», на то, что именно благодаря застарелой самодержавной мерзости в России Европа вот уже десятки и десятки лет стоит на месте или пятится назад в политическом отношении. Он боится предметных уроков «собравшегося с новыми силами урядника», и поэтому — о, вождь народа! о, политический деятель! — он пуще всего предостерегает от решительного разгрома всех «сил» современного урядника. Какая презренная холопская фигура! Какое гнусное предательство революции под соусом якобы ученого и якобы объективного рассмотрения вопроса! «Копните русского и найдете татарина», говорил Наполеон. Копните либерального российского буржуа, скажем мы, и найдете одетого в новенький мундир урядника, которому оставляют $^{9}/_{10}$ его с т а р о й силы по тому глубокомысленному «ученому» и «объективному» соображению, что иначе он захочет, пожалуй, «собраться с н о в ы м и силами». У всякого идеолога буржуазии — насквозь торгашеская душонка; он думает не об уничтожении с и л реакции и «урядника», а о том, чтобы подкупить, подмаслить, умягчить этого урядника посредством возможно более быстрой сделки с ним...

...Какой поучительный урок дает этот мудрец либеральной буржуазии тем доктринерам социал-демократии, которые договорились до следующей резолюции, принятой кавказскими новоискровцами и с п е ц и а л ь н о о д о б р е н н о й редакцией «Искры» в особом листке. Эта резолюция (вместе с одобрением «Искры») перепечатана полностью в брошюре Н. Л. «Две тактики» (стр. 68—69), но, так как товарищам в России она мало известна, так как редакция «Искры» сама не пожелала перепечатать в своей газете этой «весьма удачной», по ее мнению, резолюции, то мы приводим ее здесь целиком в поучение всем социал-демократам и в посрамление «Искры»:

«Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления социал-демократического сознания пролетариата, конференция (кавказская конференция новоискровцев), в целях обеспечения для партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя, высказывается против образования социал-демократического временного правительства и вступления в него, а считает наиболее целесообразным оказывать давление извне на буржуазное временное правительство для посильной демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социал-демократами временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от социал-демократической партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма, с другой — з а с т а в и т ь б у р ж у а з н ы е к л а с с ы о т ш а т н у т ь с я о т д е л а р е в о л ю ц и и и т е м о с л а б и т ь е е р а з м а х».

Эта резолюция — позорная, ибо она выражает (помимо воли и сознания писавших ее, которые встали на наклонную плоскость оппортунизма) предательство интересов рабочего класса в руки буржуазии. Эта резолюция освещает превращение пролетариата для эпохи демократической революции в хвост буржуазии. Эту резолюцию достаточно поставить рядом с вышеприведенной цитатой из г. Виноградова (а подобных цитат всякий найдет сотни и тысячи в либеральной публицистике), чтобы видеть, в какое болото залезли новоискровцы. Ведь г. Виноградов, этот типичнейший идеолог буржуазии, у ж е о т ш а т н у л с я от дела революции. Не ослабил ли он этим «размах революции», господа новоискровцы? Не следует ли вам пойти с повинной к господам Виноградовым и умолять их ц е н о й в а ш е г о в о в д е р ж а н и я о т р у к о в о д с т в а р е в о л ю ц и е й не «отшатываться от дела революции»?

(В. Л е н и н, Собр. соч., т. VI, стр. 452—455.)

33. Революция 48-го года и пролетариат.

(Речь К. Маркса на юбилее «Рабочей газеты».)

«Так называемые революции 1848 г. были лишь мелкими эпизодами — ничтожными щелями и расщелинами в твердой коре буржуазного общества. Но они обнаружили под ней бездну. Под внешне незыблемой поверхностью открылся необъятный океан, которому достаточно притти в движение, чтобы разметать вдребезги целые материки. Шумно и сумбурно возвестили события этого года эмансипацию пролетариата — эту тайну XIX ст. и его революции.

Правда, эта революция не была изобретением 1848 г. Пар, электричество и сельфакторы были несравненно более опасными революционерами, чем граждане Барбес, Распайль и Бланки. Но разве мы чувствуем давление воздуха, которым мы дышим, хотя он давит на каждого из нас тяжестью в 20 тыс. фунтов? Точно так же не чувствовало европейское общество до 1848 г. революционной атмосферы, которой оно было окружено и сдавлено со всех сторон.

Существует характерный для XIX ст. факт, которого не станет отрицать ни одна партия. С одной стороны, мы видим такой расцвет промышленных и научных сил, о каком даже подозревать не могла ни одна прежняя историческая эпоха. С другой же стороны, наблюдаются признаки упадка, перед которыми бледнеют пресловутые ужасы последних времен Римской империи.

В наше время каждая вещь как бы чревата своей противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая способностью сокращать и оплодотворять человеческий труд, приводит к голоду и чрезмерной работе. Освобожденные силы богатства, по странной прихоти судьбы, становятся источниками лишения. Победы искусства куплены, повидимому, ценой потери характера. Человечество становится господином над природой, но человек делается рабом человека или рабом собственной низости. Даже чистый свет науки может — так кажется — светить, только оттеняемый темным фоном невежества. Результатом всех наших открытий и всего нашего прогресса является, повидимому, то, что материальные силы приобретают духовную жизнь, а люди опускаются до степени косной, тупой материальной силы.

Это антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, и современной нищетой и разрухой — с другой; это противоречие между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи является осязательным, бесспорным, колоссальным фактом. Одни партии могут скорбеть по этому поводу, другие — могут желать избавиться от современных успехов техники, лишь бы избавиться вместе с тем от современных конфликтов; первые могут фантазировать на ту тему, что такой несомненный прогресс в хозяйственной области требует, в виде дополнения, столь же несомненного регресса в области политики. Мы, со своей стороны, узнаем в этом лукавого духа, который мощно работает над тем, чтобы преодолеть все эти противоречия. Мы знаем, что новые общественные силы сумеют творить благое дело, если они будут располагать *новыми людьми*, а *ими являются рабочие*.

Рабочие — такой же продукт настоящего времени, как и сама машина. В тех знамениях, которые приводят в смятение буржуазию, аристократию и злополучных пророков регресса, мы открываем следы деятельности нашего доброго друга, нашего *Робина Гуда*, старого крота, так быстро работающего в земле, — мы узнаем революцию. Английские рабочие — первенцы современной промышленности. Они поэтому наверное не будут последними, которые ускорят приход социальной революции, продукта именно этой промышленности, — революции, которая означает освобождение всего их класса во всем мире и которая столь же международна, как международны господство капитала и рабство наемного труда. Я знаю героическую борьбу английских рабочих, начатую еще в средине прошлого столетия, борьбу, не окруженную нимбом славы, ибо буржуазные историки оставили ее в тени и замолчали.

В средние века в Германии существовало, в отмщение за злодеяния правящих классов, тайное судилище — «суд Фемы». Если на каком-нибудь доме появлялся красный знак, то знали уже, что хозяин его вне закона. Теперь на всех домах Европы начертан таинственный красный знак. Сама история руководит судом, а исполнителем приговора будет пролетариат».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Экономическое состояние Европы второй половины XIX в.

Во второй половине XIX в. промышленный капитализм окончательно завоевывает прочное положение в странах Запада и становится основной экономической системой. Шаг за шагом, вытесняя мануфактуру и ремесло в основных отраслях производства, машинная техника становится господствующей.

Промышленный капитал, попав на богатую почву, развивает производительные силы страны. Быстро растет население городов, пополняясь выходцами из деревень — пролетаризованными сельскими жителями. Города, расширяясь, связываются между собою стальной лентой железных дорог и водных путей.

Вместе с ростом железнодорожной сети увеличивалась и росла скорость кругооборота товаров, а вместе с этим рос и внутренний рынок. Но капитализм связывал не только города отдельных государств. Он вел к увеличению обмена между странами, устанавливая прочную экономическую связь различных государств между собою, развивая международное разделение труда.

Капитал захватывал все новые и новые рынки, втягивая в свою орбиту колониальные страны. «До изобретения машин промышленность каждой страны направлялась главным образом на обработку сырых материалов, производимых ее собственной почвой. Так, Англия обрабатывала шерсть, Германия — лен, Франция — шелк, Индия и Левант — хлопок и т. д. Благодаря применению машины и пара разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит уже единственно от всемирного рынка, от международного разделения труда» (Маркс, Нищета философии).

Рос внешний рынок и обороты его торговли. Еще в 1800 г. обороты всемирной торговли составляли 6 050 млн., в 1820 г. — 6 820 млн., в 1840 г. — 11 500 млн., а в 1850 г. — уже 16 550 млн. марок.

Англия.

В 60—70-х годах XIX столетия Англия, раньше других вступившая на путь капиталистического развития, остается еще монополистом на мировом рынке. Промышленная революция, начавшаяся в последней трети XVIII ст. (см. первую главу), закончилась в общих чертах ко второй половине XIX ст. При этом 50—70-е годы XIX ст. являются периодом наибольшего ее экономического расцвета.

За это время происходит быстрый рост промышленных городов, увеличивается количество городского населения, достигая уже в 1851 г. 50% всего количества жителей. К началу XIX ст. в Англии был единственный город Лондон с населением свыше 100 тыс. человек и только 5 городов с населением больше 50 тыс. К 70-м годам последних уже насчитывалось 28. Открытие калифорнийских и австрийских золотых россыпей, рост колониальных рынков являются могущественными факторами экономического развития Англии. В 1800 г. в Соединенном королевстве было добыто 10 млн. *т* каменного угля, в 1855 г. — уже 61 453 079 *т*, а в 1864 г. — 92 787 873 *т*. Выплавка чугуна равнялась в 1840 г. — 1 390 тыс. *т*, в 1855 г. — 3 218 154 *т*, а в 1864 г. поднялась до 4 767 951 *т*.

Но особенно свою монополию Англия развивает в области хлопчатобумажной промышленности. В 1832 г. в стране насчитывалось 9 млн. веретен, а в 1885 г. количество их увеличилось до 44 млн. За период с 1854 до 1864 г. длина железнодорожной сети возросла с 8 054 миль до 12 789, а вложенный капитал увеличился с 286 068 794 ф. ст. до 425 719 613 ф. ст. Англия превращается в «мастерскую мира». Из десятилетия в десятилетие растет ценность вывоза. Так ежегодная средняя ценность вывозимых продуктов изменялась в десятилетия:

1841 г.—1850 г.	57,4 млн. ф. ст.	
1851 » —1860 »	106,6 » » »	
1861 » —1870 »	166,0 » » »	

Вместе с ростом и укреплением фабричного способа производства происходила концентрация капитала в Соединенном королевстве, как это можно заметить из таблицы на стр. 323.

С 1861 по 1868 г. исчезло 338 хлопчатобумажных фабрик, но зато возросло число веретен

	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Число фабрик	2 210	2 887	2 549
» паровых ткацких станков . .	98 847	399 992	379 329
» веретен	28 010 217	30 387 494	32 000 014

на 1 612 540, точно так же, как и их продукция. «Машины сделались производительнее и крупнее, сосредоточившись в руках меньшего числа капиталистов». Будучи монополистом мирового рынка, Англия являлась колоссальной колониальной державой. После двух войн с Китаем (в 1849 и 1856 гг.) Англия добивается торговых привилегий для своих граждан, получает остров Гонконг, и 10 китайских портов (Шанхай, Кантон, Фучжоу, Амой и др.) открываются для торговли английских купцов. С середины 70-х годов Англия начинает овладевать Египтом, а еще раньше Ост-Индией. Колонизация Австралии и других богатых земель и различных частях света имела для Англии решающее значение. Из этих колониальных стран Англия вывозила сырье для двух основных отраслей своего растущего хозяйства: хлопчатобумажной и металлургической промышленности. Колониальная политика Англии была тем фактором, который придавал особую мощь развитию ее хозяйства. Быстрый рост национального дохода страны происходил отчасти за счет колониальной политики. Колониальные же прибыли наряду с монопольным положением на рынке давали возможность уже в этот период частично улучшать положение тонкой прослойки квалифицированных английских рабочих.

Отмерла старая земледельческая, ремесленная Англия, а на смену ей пришли крупная промышленная и торговая буржуазия и фабричный пролетариат, растущий из года в год.

Франция. Франция к этому периоду также становится на твердую почву капиталистических отношений. Правда, капитализм во Франции развивается замедленным темпом, страна долго еще остается с преобладанием мелкого землевладения крестьянского типа, с мелкой ремесленной обрабатывающей промышленностью, но пар и машина и здесь проникают во все поры хозяйства страны и разрушают старое патриархальное отношение.

На каждые 100 жителей во Франции приходилось сельского населения в 1846 г. 75,58, а в 1878 г. — 68,88. Таким образом за 25 лет количество сельского населения уменьшилось почти на 7%, за счет чего увеличилось население промышленных городов. Так, количество жителей с 1836 по 1861 гг. увеличилось:

в Лионе	с 244 000	до 323 000	человек
» Марселе	» 198 000	» 300 000	»
» Бордо	» 131 000	» 194 000	»

Вместе с ростом больших городов — промышленных центров — росла и сеть железных дорог Франции, усилив обращение товаров в стране.

В 1830 г. протяжение железнодорожной сети равнялось 38 *км*, в 1848 г. — 1 832 *км*, в 1850 г. — 9 439 *км*, в 1870 г. — 17 440 *км*.

Открылся внутренний и внешний рынок.

Встреча на рынках с такой крупной капиталистической страной, как Англия, с одной стороны, торговый договор с нею же в 1860 г., построенный на принципе свободной торговли, — с другой, привели Францию к усвоению прогрессивной техники.

В стране начало расти количество предприятий с паровыми двигателями. Так, в 1862 г. их насчитывают около 15 тыс., а к 1872 г. — уже до 23 400.

Вместе с ростом промышленности происходила и ее концентрация: в 1865 г. вся ценность промышленного производства Франции равнялась 12 млн франков, причем половина этой суммы приходилась на долю крупной промышленности. Но концентрация промышленности во Франции не заходила так далеко, как в Англии. По данным Торговой палаты Парижа, в 1860 г. было: 7 492, или 7%, промышленных предприятий с количеством рабочих более 10, 31 480 заведений, или 31,7%, с количеством рабочих от 2 до 10 и 62 199 хозяйств, или 61,2%, с одним рабочим. По этим же данным в том же году в Париже насчитывалось 416 811 рабочих на 101 171 хозяев, или в среднем 4 рабочих на нанимателя. Вместе с ростом промышленности рос во Франции рабочий класс. Но, как мы видим, это был по преимуществу ремесленный пролетариат, занятый главным образом в строительной промышленности, в сфере изделий предметов роскоши, съестных припасов, одежды, т. е. таких отраслей производства, куда с трудом проникала крупная машина, копя и организующая рабочую массу.

Германия. Германия позже Франции вступила на капиталистический путь, но благодаря избытку дешевых рабочих рук, с одной стороны, благоприятному состоянию природных естественных условий (железо и уголь) — с другой, после ряда внутренних реформ сверху, пользуясь техническим опытом капиталистических стран, она скоро становится в круг развитых капиталистических государств.

Всколыхнутая революцией 1848 г., Германия в 50—60-х годах становится окончательно на капиталистические рельсы, и с этого времени

наблюдается быстрый рост ее производительных сил. Начало второй половины XIX ст. является первым этапом по пути экономического расцвета Германии.

Растут города, становящиеся промышленными центрами, а вместе с ними увеличивается и сеть железных дорог. Так, длина железнодорожного пути равнялась: в 1840 г. — 469 *км*, в 1850 г. — 5 822 *км*, а в 1879 г. — 18 537 *км*. Пассажирское движение за это время увеличивается в три с лишним раза, а движение грузов — в 12 раз. Удешевление перевозок на 75% повело к увеличению скорости сбыта и оборота. Так например употребление хлопка-сырца в пределах таможенного союза поднялась с 500 тыс. центнеров в 1834 г. до 1 500 тыс. в 1860 г.

В этот период развития производства, до 1866 г., когда начинаются кризис и застой, особую роль выполняют открывающиеся кредитные учреждения, банки, собирающие путем вкладов финансовые средства для промышленных и трайспортных предприятий. Растет число акционерных обществ. Так, акционерных обществ было до 1850 г. 54, а в 1871 — 1879 гг. — 429.

Росла и крепла крупная промышленность. За период в 20 лет производство и потребление основных продуктов промышленности на душу населения увеличились (в килограммах):

	1850 г.	1870 г.
Угля каменного и бурого	191	717
Чугуна	6,9	38,8
Хлопка	0,85	2,85

Но особенно быстрым темпом начала индустриализироваться Германия после франко-прусской войны. Золотой дождь французских миллиардов, посыпавшийся в виде контрибуции, оплодотворил германскую промышленность. Этот период известен под именем «грюндерства».

Таким образом к середине второй половины XIX ст. капиталистические отношения Германии определились с полной ясностью, а основные классы капиталистического общества приобрели определенные очертания.

Формирование буржуазного государства.

Вместе с ростом и укреплением капитализма в странах Запада шли рост и оформление государства как политической власти нового господствующего класса. Во всех странах вместе с машиной, которая принесла на смену феодально-цеховому строю новые производственные отношения капиталиста и пролетария, приходит к власти и завладевает государственной машиной буржуазия. На смену феодально-дворянским и помещичьим интересам пришли интересы промышленного и торгового капитала или комбинации тех и других. «Государство превращается в акционерное общество буржуазии, а правительство — в комитет, заведующий общественными делами буржуазии». Но этот процесс формирования совершается в тяжких муках через ряд катастроф — от первых натисков во время английских революций XVII в., французской XVIII в. через революцию 1830 г. к 1848 г. по всей Европе. 50—60-е годы XIX ст. ставят перед рядом стран — Францией, Пруссией, Австрией, Италией — задачу создания централизованного государства буржуазии. В одних странах, как Франция и Англия, буржуазия непосредственно пришла к власти после ряда революций. Эпоха Наполеона III во Франции — эпоха господства финансовой аристократии. В других странах, как Германия, буржуазия как класс, поднявший свою голову после французской революции, испугавшись красного призрака 1848 г., заключила соглашение с феодально-юнкерским классом. Но и в том и в другом случае к этому времени в Западной Европе складываются и оформляются национально-буржуазные государства, приспособленные к интересам капиталистического развития.

Состояние рабочего движения второй половины XIX в.

С ростом и укреплением капитализма рос и развивался рабочий класс, переживая различные фазы классовой борьбы. От стихийных бунтов и борьбы против машины, против нового способа производства, от союза с буржуазией, во имя туманных «народных интересов» он пришел, наконец, к сознанию своих особых интересов, к выводу, что «освобождение рабочих есть дело самих рабочих», к пониманию необходимости объединения своих сил на почве общности экономических интересов. Встав на путь коалиции в защиту своего заработка, он в ходе классовой борьбы приучился ценить организацию своего класса.

В различной исторической обстановке складывалась борьба рабочих разных стран, по рано или поздно они становились на один и тот же путь — путь коалиции. При этом ферма борьбы, форма организации определялись влиянием различных исторических факторов: 1) степенью экономического развития страны, 2) политической обстановкой, в которой протекала борьба, 3) степенью развития классового сознания и, наконец, 4) структурой самого рабочего класса, взаимодействием его составных элементов. Все эти факторы оформляли рабочее движение различных стран и создавали те типичные особенности, которые отличают английский трэдюнионизм от немецкого и французского типов.

Англия.

Благоприятное экономическое положение страны, особенно в период 50—60-х годов XIX ст., сопровождавшееся огромным ростом колониального и торгового могущества Англии, способствовало спаду революционной волны чартизма — этого первого широкого политического движения английского

рабочего класса. Широкая эмиграция наиболее активных и предприимчивых из рабочего класса в Америку и Австралию в этот период, в поисках быстрого обогащения на золотоносных землях, вела к разрыхлению рабочего класса, а относительное улучшение его материального положения — к усыплению его политического сознания. Организация «братских демократов» в начале 60-х годов и «Международного комитета» во время Крымской войны (1853—1855 гг.) была в сущности последним всплеском волны политического движения. С этого времени рабочее движение Англии — в особенности наиболее квалифицированных групп в металлургии и текстильной промышленности — идет по пути образования различного рода экономических и культурных организаций.

В Англии рабочий класс раньше своих собратьев на континенте вступил на путь коалиции. Уже с 60 — 70-х годов XIX ст. английские трэд-юнионы имели за собой почти полувековой опыт. К этому времени трэд-юнионизм, который принято называть старым, сложился как законченное целое. Характерной чертой старого трэд-юнионизма является то, что он захватывал небольшие слои высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих. Английская буржуазия, выступившая на мировой рынок монополистом, могла уделять «малую толику от щедрот своих» рабочим. Это обстоятельство определило характер и дух трэд-юнионизма. Удовлетворение мелких, ежедневных, насущных конкретных экономических требований — вот задачи трэд-юнионизма. Он целиком стоит на почве капиталистических отношений и манчестерства, используя выгоды, которые несет благоприятное состояние монопольного английского рынка. Отсюда — коллективные договоры, система скользящей скалы [1], примирительное разбирательство конфликтов; отсюда же взаимопомощь, занимающая солидное место в системе трэд-юнионизма. Идеологи трэд-юнионизма так определяют сущность его: «Трэд-юнионы по самому своему существу есть организация для обеспечения известных конкретных и определенных выгод для всех членов, выгод, которые видоизменяются в различных отраслях промышленности в зависимости от их технических процессов, их экономического положения и, может быть, географических центров». (Вебб, «История трэд-юнионизма».) Для понимания сущности трэд-юнионизма характерным является устав ассоциации бумагопрядильщиков. (Мат. и док., № 12.)

Второй отличительной особенностью трэд-юнионизма является их строго замкнутый характер объединения, тот узкий профессионализм, который наложил резкий отпечаток на все движение. Эта цеховщина вносила разнобой в понимание общих задач движения, часто вела к конкуренции и борьбе с неквалифицированными рабочими, не объединенными союзом, но обеспечивала интересы «аристократии труда». Трэд-юнионы после периода чартизма в общем мало интересовались политикой, но и к политике они подходили с точки зрения своих узких практических интересов корпоративного движения. Так боролись трэд-юнионы за свое полное юридическое признание, добившись закона 1871—1875 гг; так же они относились и к Интернационалу, как мы увидим позже. Правда, экономический кризис 1857 г., повлекший массовую безработицу и понижение заработной платы, вновь всколыхнул движение, в особенности рабочих разросшейся строительной промышленности и смежных с нею областей. Широкое стачечное движение 1859 г. в строительной промышленности, поддержанное рабочими других отраслей, привлекло к образованию, в начале в Лондоне, а потом и в других городах, советов профессиональных союзов, пытавшихся стать, при талантливом руководстве группы рабочих деятелей — Оджера, Кремера, Гоуэля и других будущих деятелей Международного товарищества рабочих, — центрами политического и экономического движения.

Франция. Во Франции рабочий класс, выступивший на историческую арену вместе с революционной тогда буржуазией, на опыте борьбы пришел к сознанию своих собственных интересов. С развитием капиталистических отношений на путь коалиции — синдикатов — вступили и рабочие Франции. По драконовский закон ле-Шапелье, запрещавший всякое право коалиции, отчаянное преследование правительством возникающих синдикальных камер, в результате чего было отдано под суд 3 909 рабочих за участие в 749 союзах, — все это мешало нормальному развитию синдикального движения. Но не могла долго сопротивляться буржуазия естественному росту их и должна была легализовать союзы в уродливейшей форме закона 1864 г. Это была первая победа французских рабочих на пути к классовой борьбе.

Закон о собраниях 1868 г., изданный Наполеоном III как прямое требование представителей рабочих, облегчил организацию синдикатов. С того времени начинается рост профессиональных союзов, приведший в 1869 г. к необходимости объединения всех синдикатов вокруг общей федеральной палаты.

Французский рабочий класс, став на путь синдикализма, находился под влиянием, с одной стороны, Прудона, с другой — О. Бланки.

[1] Автоматическое уменьшение и повышение заработной платы в зависимости от изменения цен изготовляемого товара на рынке.

Прудон. Пьер-Жозеф (1809 — 1865 гг.) представитель мелкобуржуазного французского социализма этом ст автор я а э о о ических работ. Рабочий по происхождению самоучка, он приобретает огромное значение как публицист в рядах французского социализма, оказывая на него большое влияние на протяжении значительного периода. Уже в 1840 г. он выступает с сочинением «Что такое собственность», резко обрушившись на капиталистическую собственность, объявив: «Собственность есть кража». Выступая не против собственности вообще, а только ее капиталистической формы, эксплоатирующей мелкую собственность, Прудон заявляет себя сторонником мелких производителей (мелких крестьян и ремесленников). Капиталистической собственности он противопоставляет мелкую собственность, в укреплении и развитии которой он видит спасение. Он считает единственным путем освобождения рабочего от пут рабства — превращение его в собственника. Свою систему идей, которая сложилась у него в период 1845 — 1846 гг., он излагает в работе «Философия нищеты», в которой он задался целью вскрыть основные экономические противоречия и наметить свой план их преодоления. Как только вышла из печати эта путаная книга, Маркс счел необходимым резко выступить против идей Прудона. В своей работе «Нищета философии» (1847 г.) Маркс блестяще вскрывает утопический и мелкобуржуазный характер системы мышления Прудона, противопоставляя ему свою систему идей складывавшегося в этот период научного коммунизма. В этой наиболее ранней работе Маркса уже сформулированы основные идеи марксизма.

Прудон, этот типичный идеолог мелкой собственности и мелкой буржуазии, «не понял общественного строя в его сцеплении» и корень всего зла увидел в крупной собственности. Выступая критиком капиталистической системы, Прудон предлагает изменить ее, уничтожив деньги и процент и положив в основу отношений людей в обществе новую систему обмена благ, основанную на началах взаимности (mutuus — взаимный, оттого систему называют мутуализмом), свободного договора самостоятельных производителей. Освободить обмен от эксплоататорской торговли — это значит освободить труд от паразитических элементов. Для этого необходимо организовать народный банк, выполняющий функции обменного аппарата продуктами между производителями. Прудон — противник всякой монополии, всякой авторитарности. Потому он против государства и коммунизма, который, по его мнению, «не что иное, как отвращение к труду, подавление мысли, гибель личности, узаконение всего пичтожного». (Прудон, «Экономические противоречия».) Идеолог самостоятельных товаропроизводителей, он все же рекомендует рабочим производительные товарищества. Не понимая значения классовой борьбы, считая борьбу с капиталистической властью вредной, Прудон советовал рабочим исключительно мирные экономические способы борьбы, направленные к замене капиталистической системы системой производительных товариществ, вступивших в федерацию на основе свободного соглашения. (Мат. и док., № 1.)

Бланки. Луи Огюст (1805 — 1881 гг.); — знаменитый французский революционер, «вечный узник», тюремный пленник различных французских правительств (37 лет своей жизни провел в тюрьмах), два раза приговоренный к смертной казни, выступает как непримиримый враг капиталистического общества. Член различных заговорщических обществ, активный участник двух революций, Бланки выступает как коммунист. Находясь под влиянием французского материализма XVIII в. и утопических социалистов, с одной стороны, продолжая традиции бабувизма — с другой, Бланки не создал оригинальной политической системы. Великое историческое значение Бланки заключается в том, что он ведет резкую борьбу с Прудоном и прудонистами, разоблачая мирный, легалистский характер их стремлений, противопоставляя их тактике метод революции и диктатуры. Бланки признает в классовой борьбе общества основное содержание исторического процесса и видит задачу рабочих в организации и политической борьбе. Выдвигая на первый план борьбу за власть, Бланки разрабатывает идею вооруженного восстания, предусматривая все детали технической стороны дела (см. «Инструкцию к вооруженному восстанию» в журнале «Историк-марксист» № 3). Диктатура, по учению Бланки, это — прежде всего диктатура заговорщической партии, группы революционеров, которые, захватив государственную власть, при поддержке народных масс, преобразуют общество по желаемым ими планам, придавая огромное значение просвещению масс. Движущие силы революции Бланки видит в пролетариате и деклассированной интеллигенции. Относясь отрицательно к разработке плана будущего общества, Бланки однако считает необходимым выработать план деятельности или программу диктатуры (Мат. и док., № 3.)

Французское рабочее движение после реакции 50-х гг., вновь пробужденное под влиянием целого ряда экономических причин, в это время делает первые шаги к высвобождению из-под руководства буржуазного республиканизма и выходу на самостоятельную арену. Еще на выборах в 1857 г. рабочие призывали голосовать за буржуазных кандидатов. Группа передовых рабочих во главе с Толеном в это время приходит к мысли о необходимости собственного

представительства, отмежевываясь от буржуазной оппозиции. Воспользовавшись случаем предстоящих дополнительных выборов в марте 1864 г. в законодательный корпус, они начинают вести агитацию и выступают с воззванием, известным под названием «Манифест 60-ти», по количеству подписавших его рабочих. Авторы манифеста еще целиком стоят на почве идей Прудона, но в политической части своих выводов идут дальше своего учителя, выдвигая задачу самостоятельной организации и рабочих кандидатур (Мат. и док., № 2.)

Борьбою прудонистов и бланкистов заполнено рабочее движение Франции этого периода. Необходимо иметь при этом в виду, что ни те, ни другие не представляли собою широкого массового движения, а были группами и сектами на поверхности рабочего движения.

Германия. С ростом капитализма растет удельный вес буржуазии. Но напуганная 48-м годом, немецкая буржуазия отказалась от прерогатив власти. Буржуазия помирилась на тех барышах, которые дали ей 50-е годы, — время промышленного подъема Германии. Но скорый кризис (1857 г.) больно ударил по ее кошельку и ускорил конфликт с аграрно-юнкерскими силами в лице прусского короля (конституционный конфликт).

Идеологическим выразителем стремлений буржуазии и ее оппозиционного настроения была прогрессивная партия, образование которой относится к 1861 году. Страдая от бесконтрольного хозяйничания финансами страны и новых налогов на содержание армии, она требовала свободы развития производительных сил, невмешательства государства в область отношений труда и капитала, но была против всеобщего избирательного права и ограничивалась в политической области охраной конституции, отстаивая бюджетное право парламента. Либеральная буржуазия кричала о конституции, но отвергала парламентаризм.

В борьбе с враждебными буржуазии силами прогрессисты пытались опереться на рабочих. При этом они преследовали две цели: увеличить собственные силы и отвлечь рабочих от их классовых путей. Основывая различные рабочие общества для самообразования, прогрессисты пытались проводить свои либеральные и фритредерские идеи. Агитация Шульце-Делича за кредитные, сырьевые и производительные товарищества, поддержанная прогрессистами, была идеологическим выражением мелкобуржуазных интересов падающего ремесла и находила поддержку среди ремесленного пролетариата. Но вовлеченные в движение рабочие не могли долго оставаться под опекой прогрессистов, не получая ответа от них на жгучие социальные вопросы. «Сбережения и самопомощь» в духе кооперации прогрессистов не удовлетворяли рабочих членов различных просветительных обществ. Пробужденная самодеятельность искала выхода, и весь следующий период рабочего движения Германии можно охарактеризовать как высвобождение из-под опеки буржуазной идеологии и формирование своей собственной классовой позиции и программы. В этом отношении неоценимую услугу оказал Лассаль.

Лассаль Фердинанд (1825 — 1864 гг.), крупный публицист и оратор, оказал огромнейшее влияние на рабочее движение Германии. Выходец из буржуазной семьи, он получил солидное образование. Вместе с Марксом и Энгельсом принимал участие в революции 1848 г., участвуя в «Новой Рейнской газете». В 1859 г. в связи с итальянским вопросом между Лассалем и Марксом назревают крупные разногласия. Лассаль показывает себя «реальным политиком», приверженцем Пруссии в противоположность Марксу, который подходил к оценке событий с точки зрения интересов международной пролетарской революции. В 1862 г., когда в Пруссии назревает так называемый конституционный конфликт, Лассаль вновь выступает на политическую арену, борясь против прогрессистской партии. Черты реального и национального политика, который борется с буржуазией, бичуя ее трусость и подлость, проявляются в этот период с особенной силой. Не брезгуя никакими средствами, оппортунист Лассаль, подчиняющий свои действия единой идее демократизации государства на основе всеобщего избирательного права, готов войти в соглашение с правительством Бисмарка, чтобы достичь своих целей. К этому периоду относится также разработка им идей о социальной монархии. Во время «конституционного конфликта», когда особенно обострился вопрос о тактике демократов, Лассаль счел необходимым обратиться к рабочему классу как особой реальной силе, которая может быть противопоставлена реакционному правительству Бисмарка. В своем докладе рабочим на тему «О связи современной исторической эпохи с идеей рабочего сословия», известном под названием «Программы работников», Лассаль развил свои идеи на задачи рабочего движения. Если вспомнить, что как раз в этот период в Германии, в особенности в Саксонии, среди начавшего пробуждаться рабочего движения росло стремление к высвобождению из-под опеки прогрессистов, будет понятно то огромное значение Лассаля, который в это время выступал со своей программой. В поисках путей для оформляющегося рабочего движения лейпцигские рабочие, организовавшиеся для съезда, обратились к Лассалю.

В своем докладе «об особой связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия» и «Гласном письме» (Мат. и док.,

№ 4) Центральному комитету он указал на особые интересы «рабочего сословия» и отсюда — необходимость организации своей собственной партии. Шульце-делич'ские товарищества, основанные на началах самопомощи, не изменят положения рабочих, ибо оно определяется «железным законом заработной платы», низводящим ее до среднего уровня, необходимого для поддержания жизни и размножения. Только организуясь как производитель в товарищества, рабочий класс при помощи государственного кредита может изменить свое положение. Государство должно притти на помощь рабочим. Рабочие, объединившись в партию под лозунгом всеобщего, равного, прямого избирательного права, должны в легальных формах оказывать давление на буржуазное государство, демократизируя его. При этом Лассаль особенное значение придает роли государственной власти, доходя подчас в своих построениях до «государственного социализма». Формой, в которую вылилось движение за самостоятельность от прогрессистов рабочей организации, был Всеобщий германский рабочий союз, председателем которого вскоре после смерти Лассаля стал Швейцер. (Мат. и док., № 6.)

После «Коммунистического манифеста» эти выступления Лассаля были первыми призывами к рабочим организоваться в самостоятельную партию. Вот почему Лассаля справедливо называют отцом социалистического движения в Германии. Но, оформив немецкое рабочее движение и организационно и идейно, Лассаль вместе с тем привил ему и те черты реальной и оппортунистической политики (и в области практики и в области теории), носителем которых был он. Переоценка значения всеобщего избирательного права, непонимание классовой природы государства и преклонение перед «социальными функциями» демократического и парламентского строя, отказ от революционной тактики и революционной традиции рабочего движения, переоценка роли производительных товариществ с государственной помощью в рамках существующего строя, непонимание действительных задач широкого массового движения (отказ от профсоюзов и стачек) и диалектики классовой борьбы («единая реакционная масса») — вот что характеризует реального политика Лассаля. Лассаль оказал огромное влияние на рабочее движение. Современная германская социал-демократия снова возвратилась под знамена Лассаля, выдвинув лозунг «Назад к Лассалю».

Наряду с лассальянским рабочим движением в Саксонии же существовало и развивалось совершенно самостоятельно и в борьбе с ним движение рабочих ферейнов, связанное, с общедемократическим движением в стране, под руководством талантливого токаря Августа Бебеля (1882—1913 гг.) и старого ветерана революции 1848 г., ученика Маркса и Энгельса, Вильгельма Либкнехта (1826—1900 гг.). По инициативе Бебеля, находившегося под сильным влиянием В. Либкнехта, несмотря на противодействие вождей демократического движения, в сентябре 1868 г. был созван в Нюрнберге съезд рабочих ферейнов, на котором были приняты программа саксонской народной партии и решение присоединиться к Международному товариществу рабочих. Программа эта была принята большинством 69 голосов, принадлежавших 61 союзу, против 46 голосов, принадлежавших 32 союзам. Программа эта, известная под названием Нюрнбергской (см. док., № 7), дает общее представление о теоретическом уровне того течения в немецком рабочем движении, которое год спустя, на съезде в Эйзенахе, окончательно порвало связь с общедемократическим движением и оформилось в социал-демократическую рабочую партию. Нюрнбергская программа послужила основанием для выработанной в Эйзенахе программы новой партии. (Мат. и док., № 8). Эйзенахская программа была принята на съезде рабочих ферейнов в августе 1869 г., где присутствовали 262 делегата, представлявших 193 города, и положила основание социал-демократической рабочей партии, резко расходившейся вначале с лассальянцами по целому ряду вопросов. Печатным органом новой партии было признано «Народное государство».

Эйзенаховцы с самого начала выступили против лассальянцев. Хотя в области теории эйзенаховцы не были свободны также от лассальянского влияния, все же они были ближе к марксизму. Маркс и Энгельс поддерживали связь с эйзенаховским движением, так как считали его более способным к переходу на рельсы революционно-пролетарской борьбы. Основное расхождение между эйзенаховцами и лассальянцами было по вопросам: национальному, о путях объединения Германии, о задачах профсоюзов и производительных товариществах. Когда в ходе истории получили разрешение основные вопросы, разделявшие два лагеря (объединение Германии Бисмарком), разногласия между ними все более уменьшались, и под влиянием ударов реакции, от которой терпели оба направления, они пришли к идее объединения. Это объединение в одну партию произошло на Готском съезде в 1875 г. на общей компромиссной программе (Мат. и док., № 9), подвергнутой резкой критике со стороны Маркса и Энгельса. (Мат. и док., № 10.)

Мы в самых общих чертах пытались проследить эволюцию рабочего класса главных стран Запада и видели, как, высвобождаясь от пут буржуазной идеологии, он приходил к сознанию

своих собственных интересов, становясь на путь классовой борьбы. Это было началом новой полосы рабочего движения. И хотя по-разному понимали, как мы увидим позже, различные группы и секты социалистического движения задачи этой интернациональной солидарности, но все они сходились на том, что настало время объединения усилий рабочих в международном масштабе. Движение начинает выходить из рамок национальных интересов и проникается духом интернационализма. Завершением этого периода и была организация Международного товарищества рабочих — Интернационала — в Лондоне в 1864 г.

Предшественники Интернационала.

Идея интернациональной солидарности рабочих, легшая в основу I Интернационала, как и всякая гениальная идея, не была творчеством отдельного лица. Она так же стара, как и сам рабочий класс. И всякий раз, как поднимались волны революционного движения, эта идея приобретала особую рельефность и конкретность. «Союз справедливых», «Союз изгнанников», «Демократическое братство» — все эти организации писали на своих знаменах еще туманные лозунги: «Все люди—братья». Так было и перед 48-м годом, когда эмигранты-революционеры всех стран объединились в Лондоне в коммунистический союз и издали знаменитый «Коммунистический манифест», написанный Марксом и Энгельсом. В нем уже идеи рабочего интернационализма носили законченно-классовый характер. Но все эти революционные союзы и кружки, выдвинувшие идею интернациональной солидарности, вначале в форме туманной космополитичности, а потом как ясно очерченную идею пролетарского братства, не могли создать широкого движения, главным образом потому, что в то время не было еще почвы для его роста. И только тогда, когда на арену выступил пролетариат как мощный класс, когда он начал сознавать свои отличные интересы как класса наемных рабочих, лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стал действенным и практическим, а «стихийный интернационализм превратился в сознательный».

Это сознание родилось среди самих западноевропейских рабочих, и когда, после реакции 1848 г., в 70-х годах рабочий класс вновь поднимает голову, идея интернационализма приобретает жизненность.

Экономический кризис 1857 г. вновь всколыхнул рабочее движение, подчеркнув неустойчивость и необеспеченность рабочих масс в капиталистическом обществе, а политический кризис 1859 г., приведший к австро-итало-французской войне, дал толчок политическому движению, выдвинув необходимость противопоставить внешней захватнической политике капиталистов политику рабочего класса: солидарность международных интересов. Американская междоусобная война лишавшая притока сырья (хлопка) английскую текстильную промышленность, поставила ее в тяжелое положение. Этот экономический кризис, с одной стороны, общее наступление капиталистов на права трэд-юнионов и угроза притока с континента более дешевых рабочих рук — с другой, толкали вождей английского трэд-юнионизма к сознанию необходимости объединения международных усилий рабочего класса в борьбе с капиталом. Аналогичное положение наблюдалось во Франции и в других странах. Таким образом на этот раз идея рабочего Интернационала выступала как экономическая необходимость и поэтому приобрела особую жизненность.

Организация Международного товарищества рабочих.

Поводом к объединению послужили международная выставка в 1862 г. в Лондоне и польский вопрос. Только благодаря исторической случайности эти факты повели к созданию Интернационала, явившись «искрой; громадный же горючий материал, давший движению возможность так сильно разгореться, носил интернациональный социальный характер». (Пекк, «Интернационал».) В 1862 г. французская рабочая делегация в составе нескольких сот человек прибыла в Лондон на международную выставку, куда явились и представители немецких рабочих. Встреча в Лондоне представителей рабочих разных стран и эмигрантов 1848 г., при той политической и экономической ситуации, о которой мы говорили выше, поставила на очередь вопрос о реализации идеи международной солидарности рабочих. Застрельщиком выступил Лондонский совет профсоюзов. С этой же целью в 1863 г. были образованы в Париже и Лондоне рабочие комитеты Интернационала. В том же году в Париже и Лондоне была вновь устроена встреча делегатов на митинге в Сент-Джемс-холле в честь Польши. Здесь говорилось о необходимости объединения, причем англичане придавали ему особое значение в целях недопущения въезда иностранных рабочих во время стачки. Наконец в 1864 г. англичане, с целью выражения сочувствия польской революции, решили созвать в Лондоне на 28 сентября в Сент-Мартинс-холле международный митинг. На этом митинге, под председательством либерального проф. Бизли, выступил представитель английских трэд-юнионов Оджерс с адресом французским рабочим. (Мат. и док., № 13.) В ответ на это Толен, представитель французской делегации, прочел приветствие, в котором говорил: «Рабочие всех стран, нам необходимо объединиться между собою, чтобы противопоставить непроходимую преграду на-

губной системе, разделяющей человечество на два класса». (Мат. и док., № 14.) После речей, по предложению трэд-юниониста Уйлера, было решено организовать Международное товарищество рабочих. (Мат. и док., № 15.) Был выбран временный комитет, в состав которого вошло много трэд-юнионистов (Оджерс, Осборн, Уйлер и др.), два-три француза, жившие в Англии как представители рабочих Франции, двое — от Италии, Карл Маркс и Эккариус — от Германии. Так было положено основание Международному товариществу рабочих. Местопребыванием комитета был назначен Лондон. Конечно не случайным является то обстоятельство, что Лондон явился центром международной рабочей организации, а в составе комитета одну из руководящих ролей стали играть талантливые вожди трэд-юнионистов. Англия в то время являлась передовой капиталистической страной, рабочий класс ее был авангардом, закаленным в классовой борьбе, имел за собою историю и традиции, опытных руководителей. Маркс очень высоко ценил участие вождей трэд-юнионов в Интернационале, так как придавал огромное экономическое и политическое значение Англии как монопольной капиталистической державе и смотрел на нее как на рычаг социальной революции. (Мат. и док., № 11.)

Временный комитет, кооптировав в свою среду представителей других наций, выделил подкомиссию для выработки статутов и программы. Представленный Марксом проект манифеста и устава был принят комиссией на заседании 1 ноября 1864 г. единогласно. (Мат. и док., №№ 16, 17.)

Роль Маркса в Интернационале.

На различных ступенях находилось тогда рабочее движение разных стран. По-разному оценивали вожди задачи и значение Интернационала. Прудонисты, стоявшие во главе французской секции Интернационала, правда, ушедшие дальше своего учителя, но безнадежно зараженные мутуалистскими идеями Прудона, хотели видеть в нем прежде всего мирную международную ассоциацию обмена и кооперативное общество, оказывающее кредит и организующее различные товарищества, осуществляющие идею справедливого обмена, а также — «общество изучения социального вопроса». Бланкисты хотели видеть в Интернационале международную организацию революционеров-заговорщиков для борьбы с бонапартизмом. Англичане оценивали его как организацию, служащую задачам трэд-юнионов в их борьбе за заработную плату. И требовался весь гений Маркса, чтобы сочетать все эти разнокалиберные течения рабочей мысли и создать действительную организацию рабочего класса для его борьбы. «Было очень трудно так поставить дело, — пишет Маркс Энгельсу, — чтобы наши взгляды приняли такую форму, которая сделала бы их приемлемыми для теперешней точки зрения рабочего движения. Требуется время, пока вновь возродившееся движение сделает возможной старую смелую речь. Необходимо быть сильнее на деле и умереннее в форме». Стоявшая тогда задача очищения рабочего движения от различных социалистических и полусоциалистических сект, оформление широкого массового самостоятельного рабочего движения как результат опыта революции 1848 г. и чартизма, требовали гибкой тактики. Маркс и выступал всегда как величайший тактик, гениальным умом прозревающий историческую обстановку и законы развития рабочего класса. Выдвигая то общее, что могло бы спаять рабочее движение разных стран, он вместе с тем всегда подчеркивает необходимость классовой борьбы и организации, беспощадно борясь с утопизмом и филистерством. (Мат. и док., № 18.) Учредительный адрес закладывал основы международной политики рабочего класса, ясно формулировал его цели, рассматривая их как международные задачи.

Формирование Интернационала.

Период до первого конгресса в Женеве (1866 г.) был организационным для самого Интернационала. Вначале он был штабом преданных революционеров различных стран, и предстояло подвести под него фундамент широкого рабочего движения. Лондонская конференция 1865 г. дала возможность наметить основные вехи ближайших практических задач. Политическая кампания Интернационала в Англии за расширение избирательного права приблизила к нему трэд-юнионы, относившиеся к нему вначале холодно. Их конференция в Шеффильде в 1864 г. рекомендовала своим союзам вступать в международную ассоциацию. После того как были завоеваны симпатии трэд-юнионов, Интернационалу легче было пробивать себе дорогу на континенте в романских и немецких странах. При этом он пользовался различными экономическими средствами, обслуживая нужды рабочих, чтобы таким образом связать пропаганду идей Интернационала и вербовку членов с практическими запросами рабочих масс. Поддержка стачек, материальная помощь, организация различных производительных и потребительных товариществ — все это способствовало популярности Интернационала и привлекало к нему новых членов. На Женевском конгрессе 1866 г. уже были представлены 25 секций и 11 кооперативных товариществ Англии, Франции, Швейцарии с романскими и немецкими секциями в Германии. Значение Женевского конгресса заключалось в том, что он окончательно оформил организацию Интер-

национала, утвердив устав и основные принципы его программы. Интернационал был построен на принципе демократического централизма. Основой его служили секции, объединенные в национальные или областные федерации. Верховным органом был ежегодный конгресс. (Мат. и док., № 17.)

Течения внутри Интернационала.

Уже Женевский конгресс показал, что в рядах Интернационала таятся разногласия, что он носит в себе элементы скрытой борьбы. Это происходило оттого, что рабочее движение находилось в разных странах на различных ступенях классового сознания и не вылилось еще в широкую массовую организацию нося сектантский характер. Очищение рабочего движения от сектантских пут, придача ему широкого массового боевого базиса — вот великая задача, стоявшая перед Интернационалом Маркс правильно оценивал положение, когда писал Зорге: «История Интернационала была непрерывной борьбой генерального совета с сектами и дилетантскими опытами, пытавшимися утвердиться внутри самого Интернационала против действительного движения рабочего класса». Борьба эта велась на конгрессе, но еще более в частных переговорах с отдельными секциями. Борьба марксизма, вокруг которого группировались английские и немецкие секции, с прудонизмом и бакунизмом романцев заполнила собой всю историю Интернационала.

Прудонисты.

Основным вопросом, разделявшим прудонистов и представителей научного социализма — марксистов, являлся вопрос о политической борьбе рабочего класса. Прудонисты, враги всякой государственности защищали то положение, что рабочий класс не должен вмешиваться в политику, что всякая политическая власть есть насилие, и вмешательство в борьбу капиталистического государства есть уклонение от прямых задач пролетариата. Они проглядели организующее значение государства. Относясь отрицательно к стачке как к непроизводительной трате энергии и незаконной с точки зрения договаривающихся рабочего и работодателя, противоречащей экономической науке, ведущей к безработице, они предлагали стать на путь всеисцеляющей кооперации и обменных операций на основе «конструированной средней ценности». Эту точку врения развивали прудонисты на Женевском конгрессе и по вопросу о сокращении рабочего дня, женском и детском труде, кооперации. Часть романской делегации эмансипацию женщины видела в возвращении ее к семейному очагу, осудив современную тенденцию капиталистического развития, втягивающую женский и детский труд в производство.

Первые годы своего существования, вплоть до Лозаннского конгресса 1867 г., Интернационал не выявил себя как законченное целое ни в идеологическом ни в политическом отношениях. Почти на всех его резолюциях еще лежит печать прудонистской фразеологии.

Победа марксизма.

И только в 1867 и 1868 гг. на Лозаннском и Брюссельском конгрессах марксизм одерживает окончательную победу, и Интернационал становится центром классовой борьбы. Первая победа, одержанная над прудонистами в Лозанне, была по основному вопросу — о политических задачах рабочего класса. Докладчик по вопросу о том: «не является ли отсутствие политических свобод препятствием к социальному освобождению рабочих, и если да, то каковы могут быть те средства, с помощью которых можно ускорить завоевание политической свободы», констатировал, что «без обеспечения рабочих политической свободой Международное товарищество почти не в состоянии выполнить своих главных задач — распространиться, охватить всю Европу и сделаться тем, чем оно должно быть, — мощным и сильным объединением рабочих, призванных возродить социальный строй мира. Поэтому необходимо добиваться в первую голову политического освобождения...» Принятая резолюция определенно формулирует задачи пролетариата в этой области. (Мат. и док., №№ 19 и 20.)

Другой крупной победой, служащей идеологической вехой, является резолюция о собственности на Брюссельском конгрессе. (Мат. и док., № 21.) Своим постановлением о праве коллективного владения копями, рудниками, шахтами, железными дорогами и т. п., а также общественной собственностью на земли и усадьбы Интернационал целиком стал на коммунистическую и коллективистическую точки зрения. Прудонисты и на этот раз категорически протестовали против «аграрного» коммунизма, выдавая свои индивидуалистические стремления мелких собственников. Этим постановлением Интернационал окончательно и навсегда отмежевался от прудонизма, а «коммунистические идеи одержали полную победу». Постановления эти имели то огромное идейное значение, что «расшатали уже безусловную веру в авторитет Прудона и разрушили цельность его программы». (З а с у л и ч.)

Отношение к войне.

Чрезвычайно важным вопросом, которым неоднократно занимался Интернационал, был вопрос о войне. После австро-прусской войны 1866 г. в Европе царило напряженное состояние военной грозы, которая во всякое время могла разразиться между Пруссией и Францией. Это напряжение, подогреваемое авантюристической

политикой Наполеона III и Бисмарка, достигло своего предела перед Брюссельским конгрессом. Необходимо было организованным рабочим противопоставить свою политику мира. В резолюции, принятой в Лозанне, устанавливается принципиальная грань между пролетарским отрицательным отношением к войне и буржуазно-пацифистской мечтой о мире и определяется отношение к заседавшей тогда в Женеве либерально-буржуазной «Лиге мира и свободы». В этой резолюции уже намечается программа Интернационала по вопросу о войне. Мир между народами может быть только результатом новой экономической системы бесклассового общества, союз свободных государств может осуществиться только после отмены постоянных армий. Резолюция о войне Брюссельского конгресса 1868 г. формулирует уже конкретные обязанности рабочих разных стран на случай войны. В ней намечаются попытки превращения войны между народами в гражданскую классовую войну как наиболее верное средство борьбы за мир. (Мат. и док., № 22.)

Бельгийский делегат де-Пап развивает эту точку зрения следующим образом:

«Для прекращения войны существует два метода: первый заключается в прямом противодействии войне путем отказа от военной службы или путем прекращения работ, второй метод состоит в прекращении войны путем разрешения самого социального вопроса... При первом методе приходится начинать каждый раз сначала. Только второй метод разрушает зло в самом его источнике». На этот раз Интернационал также более определенно установил свое отношение к пацифистской «Лиге мира и свободы», созывавшей II конгресс, и в целях действительной борьбы за мир предложил ее членам вступить в Международное товарищество рабочих. Такое предложение было не по вкусу буржуазным глашатаям мира.

Скоро членам Интернационала на практике пришлось проверить свой интернационализм. Правда, силы Интернационала были слишком слабы чтобы предотвратить франко-прусскую войну 1870 г. Но поведение отдельных секций и самого генерального совета во время войны показало, что идеи интернационализма имеют глубокие корни. За несколько дней до объявления войны парижская секция Интернационала выпустила воззвание о протесте против возможной войны, которое нашло живой отклик в воззвании берлинской секции. Рабочие союзы Хемница, Лейпцига, Дрездена, Крефельда, Эберфельда и других городов Германии солидаризировались с выступлением берлинской секции. Члены рейхстага, интернационалисты Бебель и Либкнехт, воздержались от голосования кредитов на ведение войны.

Французские интернационалисты не ограничились выпуском воззвания, а решили использовать внешнюю войну для низвержения империи, провозглашения социальной республики, предложения немцам мира, а в случае отказа германского правительства объявить ему революционную войну. Намеченный план не был приведен в исполнение ввиду внезапного ареста руководителя движения Пепди.

23 июля 1870 г., во время франко-прусской войны, генеральный совет Интернационала опубликовал воззвание, где хотя и считает войну для Германии оборонительной для той эпохи национальных войн, когда формировалась буржуазная Германия, все же предупреждает относительно истинного смысла событий. «Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы настоящая война утратила свой оборонительный характер и превратилась в войну против французского народа, победа и поражение одинаково будут гибельны для немецкого рабочего класса». В этом воззвании, написанном Марксом, одинаково бичуются все европейские правительства, виновные в настоящей войне. 9 сентября был выпущен новый манифест ко всем секциям Интернационала, в котором указывалось на опасность прусской военной камарильи, решившей превратить войну в завоевательную. На этот раз генеральный совет активно призывал своих членов встать на защиту интернационализма. Немецким рабочим предлагалось требовать почетного мира с установленной во Франции республикой. Французским рабочим рекомендовалось следить за действиями своего буржуазного правительства и использовать республику в целях самоорганизации. Так проявил себя Интернационал во время франко-прусской войны.

Отношение к профсоюзам и стачкам.

В заключение мы остановимся на отношении Интернационала к профсоюзам и стачкам. Конгрессы Интернационала неоднократно занимались этими вопросами, так как зарождавшееся в различных странах экономическое движение было тем путем, который приводил рабочих к Интернационалу. Несмотря на отрицательное отношение прудонистов к стачкам, Интернационал с самого начала высоко ценил эту форму экономической борьбы рабочих, подчеркивая их важную роль в освободительном движении. Еще на первом конгрессе Интернационала в Женеве в докладной записке генерального совета, принадлежащей перу Маркса, и принятой по этому поводу резолюции (Мат. и док., № 19) были установлены основные задачи союзов как центров усилий рабочих в борьбе, «направленной против самой системы наемного труда».

На Лозаннском конгрессе была целиком повторена резолюция Женевского конгресса, а в

1868 г. в Брюсселе по этим вопросам была принята резолюция, конкретизирующая задачи союзов. (Мат. и док., № 23.)

Рост и укрепление Интернационала.

Период от Женевского до Базельского конгресса (1869 г.) был периодом роста, укрепления и оформления идеологической сущности Интернационала. Из небольшого штаба революционеров различных стран он скоро превращается в центр освободительной борьбы пролетариата, давая начало росту и оформлению социалистического движения в национальных и государственных границах.

Мировой кризис 1867 г., неурожайные последующие годы пробежали конвульсией по хозяйственному телу Европы, парализовав его члены, породив безработицу и сокращение заработной платы. Это вызвало массовую волну забастовок во всех странах, особенно в Англии, и целый ряд кровавых волнений. Вмешиваясь в забастовочное движение, с одной стороны, направляя его — с другой, Интернационал выступал как могущественный фактор рабочего движения. Поддерживая материально забастовочное движение, как это имело место во время парижской стачки бронзовщиков, строительных рабочих в Женеве и т. п., не допуская ввоза иностранных рабочих во время открытой борьбы, как например в Лондоне во время стачки корзиночников, реагируя на ход политических событий, как например на кровавую баню в Шарлеруа (Бельгия), Интернационал выступил как друг рабочих, оказывая решающее влияние на исход борьбы. Чрезвычайно типична в этом отношении стачка строительных рабочих в Женеве в 1868 г. (см. описание у Пекка). Каковы бы ни были исходы стачек, Интернационал только выигрывал. Рабочие разных стран практически убеждались в действительной силе Интернационала. Организация новых секций в этот период была только оформлением существующих стремлений рабочего класса. Интернационал становится невидимым огромным положительным фактором для рабочих, пугалом для буржуазии. В период от Базельского конгресса до падения Парижской коммуны Международное товарищество рабочих достигло своего расцвета. Стачечная волна разрасталась, а вместе с ней росло и влияние Интернационала. На Базельском конгрессе уже были представлены Англия, Франция, Германия, Бельгия, Австрия, Швейцария, Италия и «Nation Labour Union» Северной Америки. Невозможно было точно учесть количество членов Международного товарищества рабочих. Состав их был текучий. Но главная сила заключалась не в количестве его членов, а в том авторитете и влиянии, которые имел Интернационал.

Причины распада Интернационала.

Вместе с ростом и укреплением Интернационала внутри его появились роковые предвестники скорого распада. Расцвет Интернационала до Парижской коммуны стал началом его конца после нее. Первую брешь нанесла франко-прусская война, вторую — падение Парижской коммуны. До Парижской коммуны, как мы видели, деятельность Интернационала по необходимости носила по преимуществу экономический характер. Война и Коммуна доказали необходимость организации рабочего класса в политическую партию. «В то время буржуазное общество само открыло пролетариату политическую арену для борьбы, дав ему, под давлением необходимости, политическое гражданское право избирателя». И пути дальнейшего развития социалистического движения верно предвидел Бебель, заявив на Эйзенахском конгрессе социал-демократической партии: «При всех условиях социал-демократическая партия должна сначала сама конструироваться в Германии, так как наряду с интернациональной необходима и национальная организация, и первая без второй была бы лишь призраком!»

История ставила перед рабочим классом новую задачу: развитие массового организованного рабочего движения в национальных и государственных рамках. Переход к новым формам борьбы требовал новой формы международной организации. Развитие движения в национальных рамках приводило непременно к ослаблению интернациональных связей, к усилению национальных противоположностей, обусловленных историческими особенностями страны, различием типов политических учреждений. Вместе с тем Парижская коммуна воочию показала, что общности целей различных социалистических групп с различной тактикой не только недостаточно для успеха рабочего движения, но такое положение вредно отражается на нем. Интернационал как боевой центр может развиваться только на основе единого понимания методов борьбы. Различные группки и секты только мешали массовому движению, и их необходимо было изжить в острой борьбе.

С Парижской коммуны начинается новый этап классовой борьбы рабочих в национально-государственных рамках, по преимуществу на политической арене. Это неминуемо приводило к обострению тех идеологических противоречивых тенденций, которые таились в недрах Интернационала с самого начала и не выступали до тех пор, пока он занимался вопросами экономики, стачек и кооперации. Они привели к распаду, когда история поставила в порядок дня новые задачи.

(Мат. и док., № 28.)

Научный социализм — марксизм — должен был еще раз столкнуться с узким утопическим сектантством; ведущим свое начало от Прудона, в ходе борьбы уже изживающим себя. На этот раз прудонистская идеология, подновленная и доведенная до крайностей анархизма, вылилась в так называемый бакунизм. Творцом ее был Бакунин.

Бакунизм. Идеи Бакунина формировались в период 40-х годов XIX ст. — в период общественных катаклизмов, в обстановке неустойчивости социально-экономических отношений. Капитализм безжалостной рукой рвал старые патриархальные связи ремесленника и крестьянина, нес разорение, гнет капитала и неустойчивость положения мелкому самостоятельному товаропроизводителю. Все это определяло и питало буртарскую идеологию Бакунина. Не понимая общественных отношений и хода классовой борьбы, бакунизм воспринял ненависть к капиталистическому строю от Прудона и, увидев в государстве «капиталиста и тирана», стал отрицать его как основное зло, призывая к немедленному его уничтожению. (Мат. и док., № 24.)

Борьба марксизма с бакунизмом. Первое столкновение марксизма с анархизмом произошло на Базельском конгрессе в 1869 г. по вопросу о праве наследования. Бакунин считал, что право на наследство ведет к развитию частной собственности, порождает социальную несправедливость и мешает осуществлению «социального равенства»; поэтому отмена права наследования является основным условием освобождения труда. Эккариус, выражая точку зрения Маркса, в своем выступлении доказал, что право на наследство не является причиной социального неравенства, оно не является категорией общественных отношений и потому по существу не создает власти капиталистической эксплоатации, а является правовой надстройкой современного общества. Основная задача поэтому лежит в плоскости преобразования самого общества. В качестве ближайших требований он выдвигал требование повышения налога на наследство и ограничение права наследования. Расхождения по этому вопросу были только одним из мелких эпизодов начинавших оформляться двух непримиримых идеологий. Основным принциниальным вопросом споров являлось отношение к государству, политике, авторитарности и федерализму. Отсюда различная оценка задач Интернационала и путей рабочего движения. Считая, что всякое участие рабочего класса в политике ведет к укреплению существующего строя, Бакунин признавал высшей политикой политику, направленную на разрушение современного государства, и призывал к отказу от всякой иной политики. Эта буртарская идеология вела к вспышкопускательству и отвлекала рабочих от их прямых задач. Поэтому Маркс и его сторонники увидели в Бакунине врага рабочего движения и решили «положить конец сектантству и происках дилетантских групп». (Мат. и док., № 27.)

«Альянс». Свою дезорганизаторскую деятельность Бакунин начал проявлять со времени организации им «Альянса», или «Международного союза социальной демократии» (Мат. и док., № 25), в день ухода с конгресса «Лиги мира и свободы» в 1868 г. Организация эта, полутайная-полуявная, была построена по заговорщицкому типу и имела кроме легального, доступного для всех, признающих программу «Альянса», еще законспирированный тайный комитет «интернациональных братьев», руководимый и вдохновляемый Бакуниным. Легальный «Альянс» обратился к генеральному совету с просьбой принять его в состав Интернационала, сохранив за ним право иметь свой устав, программу и организацию. Генеральный совет отклонил просьбу. (Мат. и док., № 26.) Тогда «Альянс» решил распустить себя и готов был вступить в ряды Интернационала при условии сохранения его теоретической программы. Это было тактическим ходом Бакунина. Маркс по этому поводу писал Энгельсу: «Бакунин думает: если мы одобрим его радикальную программу, то он сможет ее разблаговестить и таким образом скомпрометирует нас; если мы выскажемся против, то нас ославят контрреволюционерами». Поэтому генеральный совет уклонился от общей оценки программы, согласившись принять отдельные секции «Альянса» на общих основаниях. Хотя «Альянс» официально был распущен, но его тайная организация продолжала существовать и постоянно инспирировала против генерального совета, имея целью захватить его. Борьба марксизма и бакунизма не прекращалась ни на минуту и достигла особой интенсивности в швейцарской Юре, приведя к расколу. Этот раскол переносился и в Интернационал. Предстоящая Лондонская конференция должна была дать ответ. Резолюция этой конференции о политической деятельности (Мат. и док., № 29) резко и определенно устанавливала необходимость для рабочего класса организации своей политической партии, которая, противостоя всем партиям имущих классов, может подготовить торжество социальной революции. Резолюция подчеркивала нераздельность экономической и политической борьбы рабочего класса. Чтобы легче противостоять дезорганизующим тенденциям, необходимо было централизовать силы генерального совета, точно определить компетенцию национальных федеративных советов и секций. По всем этим

организационным вопросам конференция дала необходимые директивы генеральному совету. Конференция также занималась вопросами назревающего раскола, борьбой между бакунинской Юрской федерацией, имеющей центром Локле и Ла-Ша-де-Фоне, претендующей на название центральной, со старой федерацией с центром в Женеве. Конгресс встал на сторону старой романской федерации, признав Женевский комитет центральным. В ответ на это постановление бакунисты созвали съезд своих сторонников Швейцарской федерации, на котором провозгласили старую романскую федерацию распущенной, а образовавшуюся Юрскую — центральной. Съезд выработал устав, основанный на принципе полной автономии входящих секций. В противоположность постановлению конгресса Интернационала съезд принял резолюцию «об отношении к правительствам», в которой говорилось: «Конгресс Юрской федерации рекомендует всем секциям Интернационала отказаться от всякой деятельности, имеющей своей целью социальное преобразование при помощи политических реформ». Отныне Юрская федерация сделалась базой всех дезорганизаторских попыток. Изданное Юрской федерацией воззвание ко всем секциям Международного товарищества рабочих кладет начало открытой борьбы с генеральным советом. (Мат. и док., № 30.)

Последние шаги Интернационала.

На Гаагском конгрессе предстояла решительная схватка марксистов с бакунистами. «Дело идет о жизни или смерти Интернационала», писал Маркс Кугельману. Решались судьбы рабочего движения, и Маркс счел необходимым впервые лично присутствовать на конгрессе. Все внимание было посвящено двум основным вопросам: о полномочиях генерального совета и о политических задачах рабочего класса. Бакунисты, в лице Гильома, требовали отмены полномочий генерального совета и превращения его в «центр для письменных сношений и ведения статистики». «Генеральный совет не имеет никаких влияний на социальные конфликты... Для политической борьбы генеральный совет также совершенно не нужен... Таким образом мы приходим к заключению, что существование генерального совета бесполезно... Мы предлагаем ограничить его роль и сделать его простым бюро переписки и статистики», говорил Гильом. После долгих дебатов было принято предложение генерального совета изменить статьи II и VI общего регламента (Мат. и док., № 31), представив ему еще более широкие права и полномочия. Дальнейшим шагом к ограждению Интернационала от интриг бакунистов, наводнивших в это время Лондон после Коммуны, было перенесение генерального совета в Нью-Йорк.

По вопросу о политических задачах была принята резолюция Вальяна, считающая политическую деятельность пролетариата основным условием социальной революции. Постановлением конгресса из рядов Интернационала были исключены Бакунин и Гильом как участники тайного «Альянса». Но все эти меры не спасли Интернационал от естественной смерти. Перенесение генерального совета на американскую почву не вдохнуло в него жизнь, и Гаагский конгресс в сущности был последним.

С перенесением центра в Нью-Йорк генеральный совет фактически изолировал себя от социалистического и революционного движения Европы и уже не проявлял органической руководящей работы. Старый Интернационал умирал. Женевский съезд 1873 г. фактически доказал это. Дальнейшее его существование было медленной агонией, пока наконец на конференции 15 июля 1876 г. он не распустил себя, выпустив воззвание к рабочим всего мира. (Мат. и док., № 32.)

Значение I Интернационала.

«Старый Интернационал себя пережил. Организация же нового, того же типа, т. е. организация союза всех пролетарских партий мира, предполагает повсеместные репрессии против рабочего движения, как это было в период от 1849 до 1864 г.», писал Энгельс Зорге. Старый Интернационал умер. Но не могло умереть рабочее движение, вдохновленное и оформленное им. Интернационал исчез с поверхности, дав начало росту массовых социалистических партий: Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, Голландии, Америки и других стран. В этом была его историческая задача. «Интернационал был учрежден для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для его борьбы» (Маркс). Эту задачу он выполнил блестяще. Теперь началась новая эра рабочего движения: на базе национально-государственной создание сильных массовых рабочих партий, на основе которых вырастет II Интернационал. Либкнехт с полным правом мог сказать на первом конгрессе II Интернационала в 1889 г. в Париже: «Интернациональная рабочая ассоциация выполнила свою миссию. Интернационал не умер, он переродился в могущественное рабочее движение по отдельным странам и продолжает жить в нем. Он живет и в нас: настоящий конгресс — создание интернациональной рабочей ассоциации».

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА.

Документы и материалы настоящей главы сгруппированы вокруг следующих основных моментов: 1) в какой исторической обстановке и при каких условиях

создавался I Интернационал; 2) на каких организационных основах он строился; 3) в борьбе с какими разновидностями мелкобуржуазного социализма пришлось бороться Марксу и его последователям за идейную гегемонию марксизма в рабочем движении и наконец 4) выяснить причины гибели Интернационала и те новые задачи, которые стояли перед международным рабочим движением на его новом этапе.

Документы №№ 1, 2, 3, 14 (по Франции), 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 (по Германии), 12, 13 (по Англии) вскрывают идеологию рабочего движения этого периода в лице наиболее типичных представителей, владеющих умами рабочих в разных странах. Вместе с тем часть из этих документов (№№ 13, 14) дает представление о том, как смотрят на задачи создания Интернационала и какие надежды возлагают на него его основатели — английские профессионалисты и французские мелкобуржуазные социалисты. Разработка этих документов важна не только для того, чтобы уяснить классовую зрелость и идейную платформу различных группировок и сект рабочего движения этой эпохи, но и для того, чтобы при дальнейшей работе в решениях самого Международного товарищества рабочих (МТР) вскрыть влияние этих группировок. Так как на решения конгрессов I Интернационала в первый его период больше всего влияли прудонисты, то следует рекомендовать в первую очередь проработку документов, относящихся к выяснению идеологии творца этого направления, самого Прудона (документ № 1), и эволюции этих взглядов у его последователей — левых прудонистов (документ № 2). Здесь же можно рекомендовать изучение взглядов Бланки (документ № 3), для того чтобы выявить характерные особенности, отличающие этого великого революционера и его последователей от прудонистов. К этой же группе материалов принадлежит документ № 11, выясняющий, почему Маркс и его последователи считали необходимой организацию центра международного движения в Англии.

Следующая группа документов посвящена выявлению идейной платформы и организационных основ Международного товарищества рабочих и роли Маркса в нем (док. №№ 16, 17, 18). Первые два документа являются основными документами эпохи, сформулированными самим Карлом Марксом, и должны быть обязательно проработаны учащимися. Устав I Интернационала может быть проработан в трех направлениях: а) со стороны идейно-политического содержания, основных формулировок задач и основных принципов, б) организационных основ и в) влияния различных групп. Последнее важно для определения степени и характера влияния немарксистских элементов. Эти же два основных документа, наряду с письмом Энгельса (№ 18) дают возможность определить роль Маркса и его тактику в отношении к немарксистским группировкам.

Следующая группа документов (№№ 19—23) дает возможность как выявить позицию I Интернационала по основным вопросам рабочего движения, так и проследить по решениям конгрессов эволюцию МТР в сторону основных положений марксизма. С этой точки зрения особую ценность представляют документы №№ 19 и 21. При проработке резолюций МТР необходимо всякий раз вскрывать влияния мелкобуржуазного социализма. Наконец последняя группа документов (№№ 24—32) посвящена вопросу борьбы с бакунизмом и гибели Интернационала. Документы №№ 24 и 25 вскрывают идейную позицию Бакунина по основным вопросам рабочего движения. При проработке их необходимо также знакомство с критической оценкой бакунизма, даваемой Ф. Энгельсом (документ № 27). Воззвание Юрской федерации являясь бакунистским документом, вводит в гущу борьбы МТР и вместе с тем вскрывает организационные принципы бакунистов, пытающихся противопоставить их марксистам. Документы №№ 29 и 31 дают ответ МТР по основному вопросу борьбы с бакунистами — о политических задачах рабочего класса и путях освобождения пролетариата. Документы №№ 30 и 32 вскрывают новые задачи, ставшие перед рабочим движением на его новом этапе и вместе с тем выясняют историческую заслугу I Интернационала. Они могут быть положены в основу самостоятельной контрольной работы на тему «Историческое значение I Интернационала».

В качестве примеров проработки укажем на устав I Интернационала. Желательно при разработке этого документа сравнить его с уставом III Коммунистического Интернационала. Проработка этого документа может итти примерно так:

1. Из признания каких основных теоретических положений исходит устав МТР?
2. В каком пункте можно усмотреть уступку немарксистским элементам в формулировке основных положений, и какое значение имеет она?
3. Как формулирует задачи МТР его устав?
4. Каковы организационные принципы МТР?
5. Вычертите организационную схему МТР?
6. Что заимствовал III Коммунистический Интернационал в своем уставе у МТР?

ЛИТЕРАТУРА.

Как учебники могут быть использованы:
Ц. Фридлянд. История Западной Европы, ч. I, соответств. лекция.

По отдельным вопросам: Стеклов. Интернационал, чч. 1 и 2; Засулич, Очерки Международного товарищества рабочих; Ротштейн, Очерки по истории английского рабочего движения; А. Тома, История Второй империи; Мерипг, История германской социалдемократии; Полонский, Бакунин. Красный Бланки. Больш. Сов. Энц. т. VI. Доманже. Бланки.

Для документации использованы следующие книги:
1) А. Тома, История Второй империи 2) П. Ж. Прудон, Французская демократия; 3) О Blan-

qui, Critique sociale; 4) Лассаль, Избранные сочинения; 5) Hugo u. Stegman, Handbuch der Sozialismus; 6) Handbuch d. sozialdemokratischen Parteitage v. 1863—1909.; 7) A. Bebel, Aus mein Lebens, B. II; 8) J. Guillaume, L'Internationl (Documents et Souvenirs, 4 v.); 9) Архив Маркса и Энгельса, т. I, из статьи Рязанова; 10) K. Marx, Die Ynauguraladresse d. Internationalen Arbeiter-Association, übersetzt v. K. Kautsky; 11) Маркси Энгельс, Письма; 12) O. Testn, Le livre bleu; 13) W. Liebknecht, Zur Grund u. Bodenfrage; 14) Ausserordentlicher Internationaler Sozialisten — Kongress zu Bazel, 1912; 15) Бакунин, Избр. соч., «Государственность и анархия»; 16) K. Meyer, Der Emanzipationskampf, B II.

1. П.-Ж. Прудон.

(Отрывки из книги «Французская демократия».)

«Французское слово mutuel, mutuation, mutualité, синоним réciproque, réciprocité, взаимный, взаимность, происходит от латинского mutuum, что значит ссуда (потребляемого продукта), а в более широком смысле — обмен. Известно, что при ссуде на потребление ссужаемый предмет потребляется заемщиком, который потом возвращает уже не тот самый предмет, а другой, равный ему и одинаковый или неодинаковый, но во всяком случае равноценный. Предположите, что заимодавец, в свою очередь, становится заемщиком: здесь будет следовательно взаимный заем или обмен; такова логическая связь, заставившая дать одно и то же имя двум разным операциям. Посмотрим же, каким образом эта идея взаимности, обмена, справедливости, заменив идею власти, общинности или милосердия, привела в политике и политической экономии к системе отношений, совершенно противоположной нынешнему общественному порядку.

Во-первых, спросим: под каким именем и вследствие какого влияния идея взаимности впервые овладела умами?

Мы уже видели, как понимает люксембургская школа [1] отношения человека и гражданина к обществу и государству: по ее мнению, это отношение состоит в подчинении. Отсюда организация, основанная на власти и общинности.

Против этого восстают поборники личной свободы, по мнению которых общество должно рассматривать не как иерархию должностей и способностей, а как систему равновесия свободных сил, где всем гарантированы одинаковые права с условием нести одинаковые обязанности: равные выгоды за равные услуги. Следовательно эта система по существу основана на равенстве и свободе; она исключает всякое пристрастие к богатству, рангам и классам.

По мнению защитников личной свободы, человеческая природа есть высшее выражение, чтобы не сказать — воплощение, всемирной справедливости; поэтому право человека и гражданина непосредственно вытекает из достоинства его природы, как позже благосостояние его прямо вытекает из его личного труда и хорошего применения своих способностей; умственное же развитие его — из свободного упражнения своих дарований и качеств. Следовательно государство есть не что иное, как результат свободного союза людей равных, независимых и правомочных; оно представляет таким образом только сгруппированные вольности и интересы; всякое разногласие между властью и тем или другим гражданином есть в сущности гражданская распря. Итак, в обществе нет другой прерогативы кроме свободы, иной верховной власти кроме права. Авторитет и милосердие отжили свой век, — говорят они, — вместо них нам нужна теперь справедливость.

Исходя из этих начал, диаметрально противоположных основаниям люксембургской школы, они хотят порядка, принципа взаимности. Услуга за услугу, — говорят они, — прибыль за прибыль, ссуда за ссуду, обеспечение за обеспечение, гарантия за гарантию: таков закон. Это древнее возмездие: око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь, перенесенное из уголовного права и жестокого обычая вендетты в область экономического права, в отношения труда и свободного братства. Отсюда вытекают все учреждения, основанные на взаимности: взаимное страхование, взаимный кредит, взаимное вспоможение, взаимное обучение; обоюдные гарантии сбыта, обмена, труда, доброкачественности, справедливой оценки товаров и пр. Вот к чему стремится система взаимности, желая с помощью известных учреждений возвести свое начало в государственный принцип, закон, скажу больше — в государственную религию, тем более, что путь к этому для граждан так же легок,

[1] Речь идет о лупблановском социализме.

как и выгоден; он не требует ни полиции, ни наказаний, ни гнета и ни в каком случае не может никого обмануть или разорить.

Здесь рабочий перестает быть рабом государства, поглощаемым коммунистическим океаном; он человек свободный, настоящий властелин, действующий по собственной инициативе и под своей личной ответственностью; он уверен, что получит за свою работу и услуги справедливую цену, достаточно вознаграждающую его, и встретит в своих согражданах полную справедливость и гарантию в оценке всех предметов своего производства. Точно так же государство, правительство, перестает быть властелином; власть здесь не противоречит свободе; она служит здесь к дополнению свободы, только с другой точки зрения: власть, правительство, государство и пр. являются здесь формулами, заимствованными из старинного языка для обозначения в известных случаях суммы, единства, тождественности и солидарности частных интересов.

Следовательно здесь уже немыслимы вопросы, как в буржуазной системе или системе люксембургской, — должны ли государство, правительство или община господствовать над личностью или быть подчинены ей; должен ли правитель стоять выше гражданина или гражданин выше правителя; угнетает ли власть свободу или служит ей. Все эти вопросы—чистейшая бессмыслица. Правительство, власть, государство, община и корпорации, классы, товарищества, города, семейства, граждане, — словом, группы и индивидуумы, нравственные и физические личности, — все равны перед законом и только один закон властвует, судит и управляет: «Despotes ho nomos».

Взаимность предполагает раздел земли, разграничение собственности, независимость труда, отделение друг от друга различных видов промышленности, специализацию отправлений, личную и коллективную ответственность, смотря по тому, каков труд — личный или коллективный; она предполагает приведение общих расходов к минимуму, истребление дармоедства, уничтожение нищеты. Община, иерархия, нераздельность, централизация предполагают, напротив, умножение ведомств и органов власти, подчинение частной воли, потерю сил, развитие непроизводительных занятий, бесконечное увеличение общих расходов, следовательно развитие тунеядства и нищеты...

...Так как мы дожили до демократии и все пользуемся одинаковыми правами, так как закон оделяет нас одинаковыми милостями и почетом, то я думаю, что, принимаясь за дела, мы должны отстранить всякий вопрос о первенстве и, оценивая взаимно наши услуги, должны принимать в расчет только настоящую ценность труда.

Польза стоит пользы;

должность стоит должности;

услуга оплачивает услугу;

рабочий день равняется другому рабочему дню.

И всякий продукт труда должен оплачиваться таким продуктом труда, на который потрачена такая же сумма труда и издержек.

Если бы при подобных сделках пришлось отдавать чему-нибудь предпочтение, оно не досталось бы тем блестящим, приятным, хорошо вознагражденным обязанностям, которые нравятся всем; оно выпало бы на долю тех тяжелых работ, которые оскорбляют нашу деликатность и возмущают наше самолюбие. Положим, богачу взбредет на ум нанять меня в лакеи: «Глупых ремесл не существует, — скажу я себе, — есть только глупые люди. Попечения, которые оказываются личности, стоят выше полезного труда; это подвиги милосердия, которые ставят оказывающего их выше того, кто их принимает. Я вовсе не желаю унижаться и потому поставлю следующие условия моей службы: тот, кто желает иметь меня лакеем, платит мне из своего дохода 50%. Иначе мы выйдем из пределов братства, равенства, взаимности; скажу больше: мы выйдем из пределов справедливости и нравственности, мы перестанем быть демократами и превратимся в общество аристократов и холуев».

...Кто не видит например, что мелкая торговля неизбежно должна существовать, потому что иначе крупные компании были бы поставлены в необходимость ради удобства своих покупателей всюду открывать магазины и конторы? Сверх того, в порядке вещей, основанном на взаимности, все мы в отношении друг к другу — клиенты, подчиненные, слуги. В этом-то и состоит наша солидарность, которую авторы манифеста [1] провозглашают наряду с правом на труд, свободою труда, взаимностью кредита и т. д. Система поглощения, на которой основаны все большие компании капиталистов и люксембургские общины, обрекает человека на вечное подчинение, на вечную наемщину; неужели было бы худо, если бы он стал свободным продавцом благодаря системе взаимности, где

[1] Речь идет о «Манифесте 60-ти».

ажиотаж немыслим? Назначение торговца состоит не только в том, чтобы продавать и покупать, имея в виду исключительно свою выгоду; оно должно возвыситься вместе с общественным порядком, часть которого оно составляет. Прежде всего торговец есть распределитель продуктов, качество, изготовление, производство, ценность которых он должен знать в точности. Потребителям своего округа он должен сообщать сведения о ценах, о новых предметах, о предстоящей дороговизне, о возможности падения цен. Здесь необходима постоянная работа, требующая ума, усердия, честности; но, повторяю, при новых условиях, в которые нас ставит система взаимности, дело продавца нимало не требует гарантии (сомнительной, заметьте) большой ассоциации. Для общественного спокойствия в этом случае достаточно всеобщего преобразования нравов путем принципов. Поэтому, спрашивается: зачем пропадать экономическому индивидуализму? Зачем нам мешаться в это? Организуем право, и пусть лавка делает свое дело. Благосклонность публики обратится на того, кто будет всех честнее и всех прилежнее.

Вот в чем, если не ошибаюсь, должны заключаться элементы союза между мелкой промышленностью и торговою буржуазией и рабочим классом, того союза, который громко провозгласили и которого требовали авторы манифеста.

«Без нас, — говорят они с глубоким предчувствием истины, — буржуазия не может основать ничего прочного; без ее содействия наше освобождение может быть замедлено очень надолго. Соединимся же для общей цели — для торжества истинной демократии...»

...То самое, что на экономическом языке называется нами «взаимностью или взаимным обеспечением», в политическом смысле выражается словом федерация. Этими двумя словами определяется вся реформа наша в политике и общественной экономии.

...Итак мы видим, что политический и экономический идеал рабочей демократии далеко не тот, который вот уже 70 лет тщетно преследует буржуазия. Поэтому мы не можем участвовать с буржуазией не только в одном парламенте, но даже в одной оппозиции: у нас слова имеют совсем другое значение, наши идеи, принципы, формы правительства, учреждения, нравы совершенно иные. Постоянно, но бесплодно обещаемые вольности и гарантии 1789 года неосуществимы в буржуазном конституционализме, тогда как в демократической системе они вытекают сами собой без всякого затруднения. Отсюда мы приходим к неизбежному заключению, что если рабочий народ мог отвергнуть на последних выборах кандидатов правительства как представителей идеи, противной его принципу, то тем более следовало ему поступить точно так же с кандидатами оппозиции: потому что и те и другие представляют одну и ту же идею, одну и ту же политику, один и тот же порядок, с тою только разницею, что министерские кандидаты откровенно выдают себя за то, что они есть, тогда как оппозиционные обманывают своих избирателей, скрывая свою мысль.

Если рабочий класс придает себе какое-нибудь значение и если он гонится не за призраком, то должен знать, что прежде всего ему нужно выйти из-под опеки и, не заботясь ни о министерстве, ни об оппозиции, действовать отныне самостоятельно для себя. Быть или силою, или ничем — вот что ему предстоит...»

2. „Манифест 60-ти".

«Манифест 60-ти», названный так по количеству подписавших его, появился 17 февраля 1864 г. в газете «Opinion Nationale» и является чрезвычайно характерным документом для понимания настроения передовых рабочих Франции этого периода.

«...Затруднительное положение рабочих наглядно иллюстрируется следующим печальным обстоятельством.

В стране, конституция которой построена на началах избирательного права, в стране, где каждый ежеминутно упоминает и восхваляет принципы 1789 г., нам приходится оправдывать рабочие кандидатуры, долго и подробно приводить все аргументы в их пользу, и все это для того, чтобы избежать не только несправедливых обвинений со стороны боязливых людей и рутинеров, но и опасливого и отрицательного отношения со стороны наших друзей.

Всеобщее избирательное право сделало нас совершеннолетними политически; но нам остается еще добиться социального раскрепощения. Свобода, которой третье сословие сумело добиться с такой решимостью и настойчивостью, должна распространиться во Франции как в стране демократической на всех граждан

без исключения. Политическое равноправие необходимо заключает в себе социальное равноправие.

Без конца, до отвращения повторяли, что более нет классов: с 1789 г. все французы равны перед законом. Но мы, не имеющие другой собственности, кроме наших рук, мы, обязанные ежедневно подчиняться всяким законным или произвольным требованиям капитала; мы, живущие под гнетом исключительных законов, вроде закона о коалициях и параграфа 1781 (Гражданского уложения), посягающих и на наши интересы и на наше достоинство, — мы с большим трудом можем поверить этому утверждению.

Мы, живущие в стране, где нам предоставлено право избирать депутатов, и не всегда имеющие возможность научиться читать; мы, которые, вследствие запрета свободно собираться и устраивать союзы, не в состоянии организовать профессиональное образование и должны видеть, как это драгоценное орудие промышленного прогресса превращается в монополию капитала, — мы не можем питать этих иллюзий.

Мы, дети которых проводят свои ранние годы в развращенной и нездоровой фабричной обстановке или в ученичестве, представляющем в настоящее время собственно особый вид рабства; мы, жены которых принуждены покинуть свой дом, чтобы браться за противоречащую их природе изнурительную работу и разрушать таким образом семью; мы, лишенные права сговариваться для мирной защиты нашей заработной платы, чтобы обеспечить себя от безработицы, — мы утверждаем, что равенство, провозглашенное законом, не существует еще в нравах и только должно быть еще осуществлено в действительности...

Мы прекрасно знаем, что интересы не поддаются регламентации, что они ускользают от действия закона и что примирение их достижимо только путем частных соглашений, текучих и изменчивых, как и сами эти интересы. Без предоставления свободы всем гражданам это примирение немыслимо. Завоевания наших прав мы будем добиваться мирными и законными средствами, но энергично и упорно. Наше освобождение вскоре наглядно обнаружит прогресс, совершившийся в умственном развитии трудящихся классов, — этой несметной массы, прозябающей в состоянии, которое обозначается названием «пролетариат», но которое мы, употребляя более справедливое выражение, назовем «салариат»[1].

[1] Система наемничества.

Тем, кто со страхом начинает ждать взрыва борьбы и забастовок, как только мы начинаем добиваться свободы, мы скажем: «Вы не знаете рабочих; они преследуют гораздо более великую и плодотворную цель, чем истощение своих сил в повседневной борьбе, которая в конечном счете одинаково гибельна для обеих борющихся сторон и которая угрожает разорением одних и нищетою других. Третье сословие говорило: Что такое третье сословие? Ничего! Чем оно должно быть? Всем! Мы же скажем: буржуазия, наша старшая сестра в деле освобождения, сумела в 1789 г. проглотить дворянство и разрушить несправедливые привилегии; нашей задачей является не отмена прав, которыми справедливо пользуются средние классы, а завоевание такой же свободы действий. Во Франции, демократической стране par excellence (по преимуществу), ни одно политическое право, ни одна социальная реформа, ни одно орудие прогресса не может оставаться привилегией немногих. В силу естественного хода вещей нация, глубоко проникнутая духом равенства, неудержимо стремится превратить всякое завоевание в общее достояние.

...Пусть не вздумают обвинять нас в стремлениях к аграрным законам, к химерическому равенству, укладывающему отдельных лиц на Прокрустово ложе, к разделу имущества, к установлению максимума и принудительных сборов с богатых и пр. Нет! Давно уже пора положить конец этой клевете, распространяемой нашими врагами и принимаемой на веру невежественными людьми. Свобода труда, кредит, солидарность — вот наши мечты. В тот день, когда они осуществятся к славе и к благу дорогой нам страны, исчезнет деление на буржуа и пролетариев, на хозяев и рабочих. Все граждане будут равны в правах.

Но, говорят нам, всех этих реформ, в которых вы нуждаетесь, депутаты могут добиваться так же, как и вы, и даже лучше, чем вы: они являются представителями всех граждан и избраны всеми.

На это мы ответим: нет! Мы не имеем своих представителей, и вот почему мы выдвигаем вопрос о рабочих кандидатурах. Мы прекрасно знаем, что никто не говорит о промышленных, торговых, военных, журналистских и тому подобных кандидатурах; но если этого нет на словах, то фактически дело обстоит именно таким образом. Разве подавляющее большинство законодательного корпуса не состоит из крупных землевладельцев, фабрикантов, купцов, генералов, жур-

налистов и т. д., которые вотируют молча или раскрывают рот только в заседаниях комиссий, да и то по вопросам, относящимся к их специальностям?

Только самое ничтожное число депутатов выступает по общим вопросам. Конечно мы полагаем, что рабочие депутаты должны были бы и могли бы защищать общие интересы демократии, но если бы даже они ограничились защитой особых интересов самого многочисленного класса, какая это была бы специальность, какое широкое поле! Они заполнили бы пробел в законодательном корпусе, в котором физический труд совершенно не представлен. Мы, не имеющие в своем распоряжении ни одного из таких средств, как богатство, связи, государственная служба, гласность, мы принуждены дать нашим кандидатурам ясное и выразительное наименование и по возможности называть вещи их настоящими именами.

Мы не имеем своих представителей: и действительно в одном из последних заседаний законодательного корпуса единодушно была выражена симпатия рабочему классу, но ни один голос не возвысился для того, чтобы умеренно, но твердо формулировать наши стремления, наши желания и наши права так, как мы их понимаем.

Мы не имеем своих представителей, мы, отказывающиеся признать, что нищета есть божественное установление. Благотворительность, эта христианская добродетель, наглядно доказала и сама признала свое бессилие в качестве социального института.

Конечно в доброе старое время, в эпоху «божьей милости», когда короли и дворяне, наставляемые господом, смотрели на себя как на отцов и на старших братьев народа, когда счастье и равенство отложены были до царствия небесного, благотворительность должна была играть роль социального института.

Но во время народного верховенства и всеобщего избирательного права она является и не может не являться не чем иным, как личной добродетелью. Увы! недостатки и слабости человеческой природы всегда будут оставлять чувству братства достаточно широкое поле для своего проявления; но *незаслуженная* нищета, та нищета, которая в форме болезни, недостаточной заработной платы и безработицы замыкает подавляющее большинство честных и трудящихся людей в заколдованный круг, откуда они тщетно пытаются выбраться, эта нищета, по нашему глубокому убеждению, может исчезнуть, — и она исчезнет. Почему никто не указал на это различие? Мы не хотим быть зависимыми или благотворимыми людьми; мы хотим сделаться равными; мы отвергаем милостыню; мы требуем справедливости.

Мы не имеем своих представителей, так как никто не заявил, что дух антагонизма с каждым днем все более ослабевает в народной массе. Научепные опытом, *мы не чувствуем ненависти к людям, а хотим изменить вещи*. Никто не сказал ни слова о том, что закон о коалициях в настоящее время превратился в простое пугало и что он не только не устраняет зла, но и увековечивает его, не оставляя никакого исхода людям, считающим себя угнетенными.

Мы не имеем своих представителей, так как при обсуждении вопроса о синдикальных камерах обнаружилась странная путаница в головах людей, рекомендовавших это учреждение. По их мнению, синдикальная камера должна составляться из хозяев и рабочих и быть чем-то вроде профессиональных советов прюдомов (доверенных лиц) и третейских судов, изо дня в день решающих возникающие вопросы. Мы требуем синдикальной камеры, состоящей исключительно из рабочих, избранных всеобщим голосованием, — учреждения палат труда, могли бы мы сказать, по аналогии с торговой палатой, а нам отвечают предложением трибунала.

Мы не имеем своих представителей, так как никто ни одним словом не обмолвился о наблюдающемся в рабочем классе широком стремлении к организации народного кредита. Кто знает о том, что в настоящее время в Париже безвестно функционируют 35 обществ взаимного кредита? В них заключены плодотворные ростки, но для полного своего расцвета они нуждаются в солнце свободы.

Голосование 31 мая в Париже бесспорно решило великий вопрос о свободе. Страна спокойна, не было ли бы благоразумно и политично испытать теперь действие свободных учреждений, долженствующих облегчить *постепенный переход от старого общества, основанного на наемном труде, к будущему обществу, основанному на общем праве*? Не опасно ли дожидаться моментов кризиса, когда страсти возбуждены всенародным бедствием?

Разве успех рабочих кандидатур не окажет колоссального морального действия? Он докажет, что наши идеи понятны, что наши примирительные стремления оценены и что наконец

общество не отказывается осуществить на практике то, что оно признает справедливым в теории.

В 1848 г. избрание рабочих фактически санкционировало политическое равенство; в 1864 г. это избрание санкционирует социальное равенство.

Если только не оспаривать очевидности, то необходимо признать, что существует особый класс граждан, нуждающихся в прямом представительстве, так как зал заседания законодательного корпуса представляет единственное место, где рабочие могли бы в достойной и свободной форме выразить свои пожелания и потребовать предоставления им тех прав, которыми пользуются остальные граждане.

Рассмотрим современное положение без злобы и без предубеждения. Добивается ли демократическая буржуазия чего-нибудь такого, к чему бы мы не стремились с такой же горячностью? Освобождения всеобщего избирательного права от всех сковывающих его пут? Мы этого хотим. Свободы печати и собрания, подчиненной общим законным нормам? Мы этого хотим. Полного отделения церкви от государства, установления бюджетного равновесия, свободы местного самоуправления? Всего этого мы хотим.

Но ведь без нашего содействия буржуазия вряд ли получит и сохранит эти права и вольности, составляющие душу демократического общества.

Чего же мы добиваемся специально или по крайне мере более энергично, чем буржуазия, по той причине, что мы в этом непосредственнее заинтересованы? Бесплатного и обязательного народного образования и свободы труда.

Образование развивает и укрепляет в человеке чувство собственного достоинства, т. е. сознание своих прав и своих обязанностей. Просвещенный для исполнения своего долга человек апеллирует к разуму, а не к физической силе.

Если в качестве противовеса свободе торговли не установлена будет свобода труда, то вскоре мы будем свидетелями образования финансовой аристократии. В самом непродолжительном времени мелкие буржуа, подобно рабочим, превратятся в ее слуг. Разве в настоящее время не очевидно, что кредит не только не становится общедоступным, но, наоборот, концентрируется в немногих руках? И разве Французский банк не дает нам примера вопиющего нарушения всех экономических принципов? Он пользуется одновременно привилегией выпускать бумажные деньги и правом безгранично повышать размер процента!

Повторяем, без нас буржуазия не может создать ничего прочного; а без ее содействия наше освобождение может затянуться на долгое время.

Объединимся же для достижения общей цели: для торжества истинной демократии...

Во избежание недоразумений мы формулируем вкратце наши положения.

Основное политическое значение рабочих кандидатур заключается в следующем:

Дополнить и этим подкрепить деятельность либеральной оппозиции. Она в самых скромных выражениях требовала необходимого минимума свобод; рабочие депутаты потребуют необходимого минимума экономических реформ.

Таково точное содержание общих взглядов, высказанных рабочими во время избирательной кампании, предшествовавшей выборам 31 мая. Тогда для выставления рабочей кандидатуры пришлось преодолеть множество препятствий; вот почему ее не без основания можно было упрекнуть в запоздалости. В настоящее время почва расчищена, а так как, по нашему мнению, необходимость рабочих кандидатур с тех пор еще более наглядно доказана всеми последними событиями, то мы не колеблемся забежать вперед, дабы избежать упрека, сделанного нам во время последних выборов».

3. Огюст Бланки.

Отрывок, приводимый здесь, «Коммунизм — будущее общество», взят из последней главы сочинения «Капитал и труд» и написан в 1869—1870 гг. Отрывок характерен для Бланки этого периода. По нему можно установить основные влияния на его автора (ср. Бабеф и его доктрина, французских материалистов XVIII в., критику капиталистического общества утопистов) и раскрыть основное содержание учения Бланки. Важно также сравнить с идеологией Прудона и Лассаля.

«Ассоциации — вот последнее слова коммунизма! Но не надо иллюзий! Это последнее слово не будет сказано, пока громадное большинство будет коснеть в невежестве. Скорей спустится на землю луна, чем коммунизм, если отсутствует неотделимая составная часть последнего—

образование. Легче существовать нам без воздуха, чем коммунизму без образованности, которая составляет его атмосферу и орудия движения. Между этими двумя вещами, коммунизмом и образованием, такая тесная связь, что одно без другого не может сделать ни шага вперед или назад. Они всегда шли совместно плечо с плечом и друг возле друга и никогда не удалятся друг от друга ни на пядь до конца их пути.

Невежество и коммунизм не соединимы. Всеобщая образованность без коммунизма и коммунизм без всеобщей образованности одинаково невозможны. Человек коммунистического строя — это тот, которого нельзя ни обмануть, ни водить на помочах. Невежда — это обманутый и орудие обмана; это — раб и орудие порабощения.

Представим себе, что в одну прекрасную ночь все солдаты превратились в ученых. Я представляю себе, какое живописное зрелище будет собой представлять посещение казармы офицерами на другой день утром и какие, по меньшей мере гимнастические прыжки они будут выделывать.

Представим себе, что 38 миллионов французов подверглись тому же волшебному превращению, что и вышеупомянутые солдаты. Через 24 часа не осталось бы ни следа от правительства, а через месяц — был бы коммунизм в полном разгаре.

...Много лет придется потратить на открытую борьбу с тяжелыми препятствиями, так что незачем забавляться правильными атаками на легкие заграждения, которые собственно могут быть взяты мимоходом. Армия, религия, муниципалитеты, политическая организация — это легкие заграждения, невежество — вот страшный бастион. По дню на каждое заграждение, но 20 лет на бастион! Заграждения мешают осаде — прочь их! Это сможет, однако, произойти через продолжительное время. Ввиду того, что коммунизм сможет утвердиться только на месте разрушенного бастиона, нельзя рассчитывать, что это произойдет завтра. Путешествие на луну было бы менее опасной химерой. Все-таки это мечта многих нетерпеливых, мечта, увы! не осуществимая до революции в умах.

Даже желания всей Франции было бы недостаточно, чтобы приблизить час, а такая попытка привела бы к поражению и послужила бы сигналом к бешеной реакции.

Каждый организм живет при особых условиях, вне которых он нежизнеспособен. Коммунизм нельзя импровизировать, так как он является только следствием образования, последнее же не поддается импровизации.

...Коммунизм будет шаг за шагом продвигаться вперед, параллельно с образованием, его спутником и руководителем. Коммунистическая революция совершится в тот день, когда при всеобщности образования ни один человек не сможет быть обманутым другим. С этого дня никто не захочет страдать от неравенства состояний, и только коммунизм сможет тогда удовлетворить человеческое общество.

...Таковы будут, по нашему мнению, следствия всеобщего просвещения. Заметьте: в этом гороскопе коммунизм фигурирует как простое следствие, но отнюдь не как причина.

Коммунизм неминуемо должен появиться как следствие всеобщего образования, и иначе он не может появиться.

...Коммунизму приписывают, будто он есть отрицание свободы и подавление индивидуальности. Конечно, если б коммунизм родился преждевременно, он, этот жалкий выродок, немедленно бросился бы со всех ног обратно к египетским горшкам и к египетскому рабству. Но если он должен быть сыном Знания, кто же тогда осмелится жаловаться на сына подобной матери? А, впрочем, где основания для бросаемых ему обвинений? Эти обвинения не более, чем поклеп, тем более, что обвиняемый ведь никогда еще даже не жил.

И во имя кого поднимают это дерзкое обвинение? Во имя индивидуализма, который беспрерывно в течение тысячелетий убивает свободу, убивает индивидуальность. Много ли индивидов в нашей среде, которых бы индивидуализм не превратил в свою жертву, в илотов? Может, один из десяти тысяч. Десять тысяч мучеников на одного мучителя, десять тысяч рабов на одного тирана!

И еще защищают «свободу»! Я понимаю, какая жалкая иезуитская уловка кроется за этим названием.

Олигархия — не называется ли она демократией, клятвопреступление — честностью, удушение — укрощением?!

«Свобода», которая жалуется на коммунизм, мы знаем ее — эту свободу! Это свобода порабощать, свобода безнаказанно эксплоатировать, свобода для богачей. Эту свободу народ называет угнетением, преступлением; народ не желает больше питать ее своим мясом и кровью.

Все моралисты-законодатели выставляют тот принцип, что человек жертвует обществу часть своей свободы, — другими словами, что свобода одного ограничена свободой другого. Разве соответствуют этому принципу современное обще

ство с его разделением на привилегированных и париев? Сколько надо поработить, чтоб одного сделать свободным? 10, 20, 60, 100, 2 000, тридцать тысяч, сто тысяч? Неисчислимы тарифы, неисчислимы их применения, лишь цепь рабства пребывает неизменной.

Всякое вторжение в свободу других нарушает правильное определение, данное моралистами (впрочем, остающееся пустым звуком). Из этого определения следует социальное равенство между личностями. Отсюда: свобода имеет предел только в равенстве Только настоящая ассоциация соответствует этому суверенному закону. Старый порядок пропитал его без стыда и жалости. Коммунизм — спасение личности, индивидуализм — ее гибель!

Для коммунизма всякая личность священна, для индивидуализма она не ценнее, чем дождевой червь, и он жертвует их целыми гекатомбами кровавому триумвирату: Лойоле, Цезарю, Шейлоку (т. е. духовенству, милитаристам и капиталистам). А после этого индивидуализм спокойно заявляет: коммунизм был бы подавлением личности!

...Буржуазная наука, которая осыпала и продолжает осыпать человечество столькими благодеяниями, очень озабочена, видя, что ее учение выступает под другими знаменами. В своей озабоченности она требует, чтобы коммунизм — ее молодой противник — разъяснил все частности будущей организации, разрешил все трудности, которые ей угодно предвидеть. Она требует, чтобы для удовлетворения ее любопытства было построено совершенно готовое до последнего колышка и гвоздика здание.

Как будет гражданин этого нового времени распоряжаться своей особой, своим временем, мыслями, фантазиями? Кто будет мыть столовую посуду, кто будет подметать, кто будет опорожнять ночные горшки, таскать воду, кто будет добывать каменный уголь? На все эти наглые вопросы существует один ответ: «Это вас не касается».

Да что там! Тут сорок, пятьдесят миллионов человек; каждый из них образованнее любого академика, каждый вооружен с головы до ног против насилия и хитрости, все раздражительны, как люди чувства, и недоверчивы, как пугливые лошади. Ничто из той проклятой вещи, которая именуется господством, не могло бы носа показать среди них, ни тени авторитета, ни атома принуждения, ни звука приказания.

И эти сорок миллионов даровитых людей, которым никто из нас в подметки не годится, эти люди, чтоб организоваться, нуждаются в наших советах, наших регламентах, нашей указке? Без нашей помощи они не знали бы, где достать штаны и рубаху. Того и гляди, что и пищу они совали бы в ухо, если бы мы их не предупредили, что надо есть ртом.

...Коммунизм, стало быть, — не утопия, он является следствием правильного развития и ничего не имеет общего с теми тремя или четырьмя системами, которые вышли готовыми из мозга фантазеров. Кабе был, очевидно, неправ в своем желании видеть правильный идеал будущего внезапно осуществленным в утопии. Он должен был потерпеть еще более жестокую неудачу, чем его подражатели, так как коммунизм — это результат всеобщего развития, а не яйцо, которое высижено где-то на задворках человечества какой-то птицей о двух ногах без перьев и крыльев.

Сен-симонисты, фурьеристы, позитивисты объявили войну революции, обвинив ее в самых неисправимых недостатках. В продолжение тридцати лет их речи возвещали вселенной конец эры разрушения и пришествие эры созидания в лице их мессий различного рода. В общем враждебные друг другу, эти секты сходились только в желчной критике революционеров, которых они считают закоренелыми преступниками, отказывающимися открыть глаза для нового света их учения и уши для их лозунгов.

Чтобы установить различие между обоими направлениями, достаточно сказать, что коммунисты не переставали быть отважнейшим авангардом демократии, в то время как утописты, чтобы выклянчить у реакционных правительств различные милости, соперничали друг с другом в пошлости и в поношении республики. Коммунизм есть сущность и мозг революции, новые же религии враждебны революции не менее старой. Все знают теперь, что такое сен-симонисты: это столпы империи. Конечно их нельзя обвинять в вероотступничестве. Их учение одержало блестящую победу: господство капитала, всемогущество банков и крупной промышленности. Вместе с ними господствуют и сен-симонисты, нет ничего вернее. Но сказать, что эти бравые люди считаются опасными и новаторами?!

Фурьеристы 18 лет ухаживали за Луи-Филиппом, сидя на спине у республиканцев. После победы последних перешли к республике, но были изумлены и поражены, встретив изгнание там, где надеялись получить власть. В шуме они исчезли вместе с их смешной утопией. Их

остатки влились в ряды демократов. Им не на что надеяться в другом месте.

Позитивизм[1], третья химера нашего столетия, выступил с отрицанием всех религий, но кончил смешным соединением кастовой системы с каким-то карикатурным католицизмом.

Конт[1] посвятил свои последние дни восхвалению царя Николая и поношению революционеров. Своей кастовой системой он думал завоевать сердце реакции. Но ни реакция, ни царь не удостоили даже взглянуть в его сторону.

Коммунизм, который тождествен революции, должен остерегаться малейших следов утопии и не должен отходить от политики. Недавно коммунизм держался вне политики. Теперь он целиком ушел в политику. Она, однако, не более, чем его прислужница, и он не должен слишком усердствовать, чтобы пользоваться ее услугами.

Коммунизму не следует теперь же навязывать себя, так как завтрашний день еще не канун победы. Это значило бы захотеть подняться на солнце. Кто сделает такую попытку, тот очутится на земле с поломанными костями, не успев подняться высоко, и должен будет надолго залечь в больницу.

...Когда придет день революции, он будет внезапным ударом. Не потому, чтобы он совершил внезапную трансформацию. Люди и вещи останутся те же, что и накануне. Лишь надежда и страх поменяются местами. Цепи упадут, народ свободен, и обширные горизонты открываются перед ним.

Что делать тогда? Построить новую почтовую станцию для старого дилижанса, как в 1848 г., и спокойно войти в старую колею? Известно, куда последняя ведет. Если же, напротив, возьмет, наконец, верх коммунистическое сознание, то человечество пойдет по двум параллельным путям. Один из них этап за этапом ведет к всеобщему бесплатному обучению. Другой — соответствующим путем к коммунизму. В начале обоих путей должна быть принята одна и та же мера: разрушение препятствий. Последние хорошо известны: это черная армия и заговор капитала.

С черной армией дело обстоит просто: вон ее, и конец! Капиталисты менее покладисты. Известны их неизменные приемы: они убегают или прячутся, после чего усаживаются у окна и спокойно смотрят, как народ валяется в грязи водосточной канавы. Это история 48 года. Народ вздыхал, плакал, ругался, потом слишком поздно рассердился, был хорошенько побит и получил опять свои цепи. Не будем же мы все это проделывать сызнова!

Помешать исчезновению звонкой монеты невозможно. Не стоит об этом и заботиться. Но недвижимое имущество и даже движимое не могут ни спрятаться, ни удрать: этого достаточно. В первую очередь выполняют наиболее спешную работу».

Срочные постановления.

А. Меры экономические.

«1. Приказ всем директорам промышленных и коммерческих предприятий, под страхом изгнания, временно поддержать status quo (в неизменном виде) как в их предприятиях в отношении личного состава, так и в отношении заработной платы. Позднее государство войдет с ними в соглашение. Где директора будут изгнаны вследствие их отказа подчиниться этому распоряжению, там должно быть взамен назначено другое правление.

2. Созыв компетентных комиссий для урегулирования вопроса о таможенных пошлинах, рудниках, больших промышленных компаниях, кредите и о деньгах.

3. Созыв комиссии, которой будет поручено наметить основы устройства рабочих ассоциаций.

Этими приказами будет парирован предательский удар со стороны капиталистов, а для первого момента это главное. Рабочие смогут тогда ожидать дальнейших экономических мероприятий не в сточной канаве, как это было в 1848 г., а в другом месте.

Б. Меры политические.

Уничтожение армии и судейского сословия. Немедленное увольнение высших и средних чиновников. Временное сохранение содержания за мелкими чиновниками.

---

[1] Позитивизм — философское учение, родоначальником которого считают французского философа Огюста Конта (1798—1857). Позитивисты считают единственным средством познания только наблюдения над действительностью.

Разгон мужской и женской черных армий (монахов и монахинь).

Национализация движимого и недвижимого имущества церквей, церковных общин, мужских и женских конгрегаций, а также их подставных лиц.

Возобновление действий дополнительных законов 24 февраля 1848 г. против действительных врагов республики. Аннулирование всех произведенных после издания этого закона сделок по продаже вышеперечисленных имуществ или закладных на таковые.

Реорганизация служебного персонала. Уничтожение судов и уложения о наказаниях. Арбитражные суды для гражданских дел и присяжные заседатели для уголовных. Наказание, пропорциональное преступлению, но устанавливаемое судьями не по заранее выработанному кодексу, а исключительно согласно совести. Закон должен, установить только вид наказаний.

Образование милиционной территориальной армии. Всеобщее вооружение рабочих и республиканцев. Никакой свободы для врагов.

В. Финансовые мероприятия.

Уничтожение «Большой книги государственных долгов».

Комиссия для улажения вопроса о сберегательных кассах.

Замена всех прямых и косвенных налогов одним прямым прогрессивным налогом на наследства и доходы.

Г. Народное просвещение.

Установление единой школы первой, второй и высшей ступеней.

Правительство: диктатура Парижа.

Преждевременное обращение ко всеобщему избирательному праву было заранее обдуманным предательством. Было известно, что благодаря тому, что, начиная с 18 брюмера, печати был все время зажат рот, провинция сделалась добычей духовенства, бюрократии и аристократии. Требовать голосования от порабощенного населения провинции — это значило требовать голосования ее господ.

Истинные республиканцы требовали отсрочки избирательных собраний до того времени, когда благодаря свободной дискуссии совесть каждого будет свободна. Но это сильно испугало реакционеров, которые так же были уверены в немедленной победе, как и в поражении в случае отсрочки выборов хотя бы на год. Временное правительство умышленно предало республику в руки реакции, а последняя не замедлила подавить ее.

Обращение после революции к тайному голосованию может иметь только две цели, в одинаковой мере преступные: срыв выборов насилием или монархия. Скажут, что при открытом голосовании победят меньшинство и насилие. Нет! Большинство, приобретенное посредством запугивания и зажимания рта,— это не большинство, а толпа рабов. Это — слепой трибунал, который в течение 70 лет выслушивал только одну сторону. Пусть же он теперь в продолжение 70 лет выслушивает другую сторону. Раз обе стороны не могут отстаивать свои права одновременно, пусть же они это проделают по очереди, одна за другой.

В предвидении событий недоточивые реакционеры уже тянут свои сентиментальные и насквозь лживые проповеди, где вечно повторяется этот припев: «Ах, какое несчастье, что, одержав победу, все партии заботятся только о репрессиях, но отнюдь не о свободе!»

В 1848 г. республиканцы, забыв о 50-ти годах преследований, даровали своим врагам полную и широкую свободу. Момент торжественный и роковой! Он больше не вернется. Победители, несмотря на долгие и тяжкие обиды, взяли на себя инициативу, дали пример всепрощения. Каков был ответ? — Истребление. Все в порядке. В тот день, когда кляп будет вынут изо рта трудящихся, он будет крепко забит в пасть капитала.

Один год парижской диктатуры сэкономил бы для Франции и для человечества четверть столетия.

Если понадобится десять лет парижской диктатуры, не стоит останавливаться и перед этим.

Правление Парижа — правление страны, осуществленное через страну, т. е. единственно законное. Париж — это не есть только один кантон, замкнувшийся в своих кантональных интересах. Нет, это есть истинный представитель всей страны. Для своего спасения революция должна уметь соединять энергию и благоразумие.

Нападение на принцип собственности было бы столь же бесполезным, сколь и опасным.

Коммунизм не может быть декретирован сверху. Он может быть введен только в результате свободного решения страны, что, в свою очередь, не может быть раньше всеобщего распространения просвещения.

Нельзя темноту уничтожить в 24 часа. Из всех наших врагов это самый упорный. Может, и двадцати лет нехватит, чтобы покончить с ним. Сознательные рабочие знают уже по опыту, что главный, а может быть и единственный, враг ассоциаций — это невежество.

...Когда государство будет работать над распространением просвещения, очевидные преимущества ассоциаций не замедлят броситься в глаза промышленному пролетариату. Тогда объединение рабочих пойдет с наивысшей быстротой.

Особенно велики будут затруднения в деревне. Невежество и подозрительность чаще и больше бывают в избе, чем в мастерской. Кроме того для крестьянина не существует такой необходимости и заинтересованности, которые влекли бы его в ассоциации. Орудие его труда солидно и верно. Промышленность, совершеннейшее орудие для выкачивания капитала, есть, однако, утлое суденышко, которое волны бросают из стороны в сторону и которому каждый миг грозит крушением. Земледелие же имеет под своими ногами твердую почву.

Крестьянин знает свой участок. На нем он укрепляется, окапывается и не боится ничего кроме нападения. Для него кораблекрушением было бы поглощение его участка этим океаном земли, пределов которого он не знает. Поэтому слова «раздел», «коммунизм» так режут его ухо. Республике они приписали значительную часть своих несчастий в 1848 г. Ей же они приписывают все неудачи, начавшиеся с заключения союза трех императоров.

Это не значит, однако, что надо слово «коммунизм» вычеркнуть из политического словаря. Далеко нет! Надо приучить крестьян к этому слову, чтобы оно звучало для них не как угроза, а как надежда. Достаточно, если твердо будет установлено, что коммунизм — это всеобщая ассоциация, образованная добровольной федерацией частных ассоциаций. Политическая ассоциация французской территории уже существует. Почему бы с прогрессом идей экономической ассоциации не стать естественным дополнением к политической?

Но надо определенно объявить, что никто не может быть насильно втянут в ассоциацию, и если кто со своим участком присоединится к ней, то только по свободному желанию.

Контрибуции с имений врагов республики будут взяты в форме денежных штрафов по приговорам судов, что ни в какой мере не противоречит принципу собственности. Необходимо будет также объявить, что приговоры суда будут щадить мелких и средних собственников, так как их вражда, если она и существует, не столь опасна и не заслуживает наказания.

Но кого немедленно нужно без колебаний и жалости вымести из страны — это аристократов и духовенство. Марш за границу!

...На одном открытом собрании осмелились бросить «деклассированным» обвинение в стремлении к государственному перевороту. Еще осмелились сказать, что общество, состоящее из образованных, было бы нежизнеспособно и что ему следует предпочесть общество, состоящее из одураченных. Жаловаться на то, что тогда было бы слишком много образованных, в то время как общество именно вследствие своего невежества и порабощено, — это ли не язык врагов народа? Они сами это хорошо понимают, почему и скрывают свою тактику за льстивыми фразами. Они золотят пилюлю, уверяя пролетариев, что сила и ловкость рук не менее ценны, чем сила ума. Рабочие, которые отдают все силы делу раскрепощения масс, знают хорошо ядовитость этого фимиама лести.

Они слишком хорошо знают, что ни ловкость, ни сила не заменяют ума, и автор какого-нибудь прекрасного произведения промышленности может быть в то же время набитым дураком.

...Часто работник ума нуждается больше, чем последний рабочий. Что такое «деклассированные», как не парии интеллигенции? Их оскорбляют только потому, что они бедны. Как только они обзаводятся деньгами, им ничего не стоит возвыситься до самого первого ранга. Какое еще нужно доказательство того, что в нашем обществе люди различаются не по заслугам, а по состоянию?

Множество ученых живут и умирают в нищете, оказав миру никем не замеченные услуги. Они владели знанием, но не ловкостью, а только ловкость и уменье обделывать дела обогащают. Лишь делячество — этот хобот вампира — есть верховный господин нашего жестокого общества. Несчастны те, кого природа забыла наделить им. Они послужат пищей царю всех знаний — знанию как эксплоатировать.

Тысячи лучших людей изнемогают на дне нищеты. Они являются вечной угрозой капитала. И капитал не ошибается в своей ненависти. Эта невидимая армия прогресса, «деклассированные», образует тот фермент, который глухо будоражит массы и не дает им погрузиться в маразм.

Завтра они образуют армию революции!».

4. Ф. Лассаль.

I

(Из «Гласного ответа центральному комитету».)

Приводимые здесь отрывки дают представление о позиции Лассаля по основным вопросам рабочего движения. Критику их см. ниже — в письме Маркса к Швейцеру, президенту Всеобщего германского рабочего союза.

«...Господа! В письме вашем вы приглашаете меня изложить вам, в какой мне угодно форме, мои взгляды на рабочее движение, на средства, к которым надо прибегнуть для улучшения положения рабочего сословия в политическом, материальном и умственном отношениях, и особенно на значение ассоциаций для совершенно необеспеченного класса народа.

Я не затрудняюсь исполнить ваше желание и избираю простейшую форму гласного ответа на ваше письмо...

...Только от политической свободы может он (рабочий класс) ожидать удовлетворения своих законных интересов.

...Эта партия (прогрессистов) доказала, что против решительного правительства она есть и будет бессильна. Она доказала свою совершенную неспособность содействовать малейшему действительному осуществлению интересов свободы.

Она доказала, что не имеет ни малейшего притязания на симпатии демократических слоев населения и совершенно чужда чувства и понимания политической честности, которой рабочее сословие должно быть проникнуто.

...Рабочее сословие должно организоваться в самостоятельную рабочую партию и принять лозунгом этой партии общее, равное и прямое избирательное право. Представительство рабочего сословия в германских законодательных собраниях — вот одно, что может удовлетворить его законные интересы в политическом отношении. Согласно этому политической программой рабочей партии должна быть мирная и законодательная агитация в этих видах при помощи всех законных средств.

Само собой понятно, как должна относиться рабочая партия к немецкой партии прогрессистов...

Но вы хотите учредить сберегательные, инвалидные, вспомогательные и больничные кассы?

Я признаю в этих учреждениях известную относительную пользу, в высшей степени ничтожную и почти не стоящую траты сил...

Могут ли шульце-делицевские ассоциации, кредитные и ссудные общества, сырьевые и потребительские товарищества улучшить положение рабочего сословия?

На этот вопрос приходится решительнейшим образом ответить — нет!

Легко показать это вкратце.

Что касается, во-первых, кредитных или ссудных и сырьевых товариществ, то те и другие существуют лишь для того, кто ведет дело на свой счет, стало быть для мелкопромышленного ремесленника. Для рабочего в тесном смысле, для работников, занятых в фабричной крупной промышленности, не имеющих собственного промысла, для которых и были бы нужны кредит и сырые материалы, эти общества не существуют...

Эти общества могут только продлить смертельную борьбу, в которой мелкое ремесло погибает под гнетом крупной промышленности и вскоре должно окончательно уступить ей; через это они усилят муки этой смертельной борьбы и бесполезно задержат развитие нашей культуры. Но и это значение они имеют только для малочисленного ремесленного класса, а рабочего сословия, занятого в крупной промышленности и ежедневно умножающегося, вовсе не касаются.

Остается еще рассмотреть потребительские общества.

Развитие потребительских обществ распространилось бы на все рабочее сословие. Тем не менее, они совершенно неспособны улучшить положение рабочего сословия. На это есть три причины, которые в сущности составляют одну...

1. Рабочее сословие терпит постигший его ущерб в качестве не потребителя, а производителя. Стало быть, уже по одному этому ошибочно хотеть помочь работнику как

потребителю, вместо того чтобы помогать ему с той стороны, где его действительно давят, т. е. как производителю...

2. При теперешних отношениях, под господством спроса и предложения труда, рабочую плату определяет следующий железный закон: средний размер рабочей платы всегда сводится на безусловно необходимое содержание, требуемое привычками народа для поддержания жизни и размножения. Вот точка, вокруг которой вращается действительная поденная плата, как маятник, никогда не поднимаясь надолго выше и никогда надолго не опускаясь ниже...

Действительный средний размер рабочей платы состоит в беспрестанном колебании вокруг этого центра тяжести ее, причем она то возвышается (период благоденствия во всех или некоторых отраслях труда), то падает (период более или менее общей нужды и кризисов).

Ограничение среднего размера рабочей платы пределами, по привычкам народа безусловно необходимыми для существования и размножения, — таков, повторяю, железный и жестокий закон, управляющий при нынешних обстоятельствах заработной платой...

Из продукции труда берется и раздается рабочим столько, сколько безусловно необходимо для поддержания их существования (рабочая плата). Весь остальной продукт труда достается предпринимателям...

...Сделать рабочее сословие своим собственным предпринимателем — вот единственное средство устранить железный и жестокий закон, определяющий рабочую плату. Если бы рабочее сословие сделалось своим собственным предпринимателем, тогда уничтожилось бы различие между рабочей платой и барышом предпринимателя, и вознаграждением труда стал бы продукт труда.

Самое мирное, законнейшее, простейшее уничтожение предпринимательского барыша превращением рабочего сословия, посредством добровольных ассоциаций, в положение своего собственного предпринимателя, устранением этим единственным способом того закона, который при нынешнем производстве дает работникам лишь необходимое для жизни, как наемную плату, а все остальное предоставляет предпринимателю, — вот единственно истинное, единственно реальное, единственно соответствующее справедливым притязаниям рабочего сословия, средство улучшить его положение.

...Разумеется, нет ничего несомненнее, достовернее, как то, что вам это всегда будет невозможно, пока вы исключительно предоставлены своим изолированным индивидуальным усилиям.

Но вот потому-то и обязано государство доставить вам эту возможность — взять в свои руки для поощрения и развития великое дело свободных добровольных ассоциаций рабочего сословия и положить себе в священную обязанность дать вам средства и способы для вашей самоорганизации и самоассоциации.

Государство может доставить вам эту возможность легче всего посредством своих больших кредитных и оборотных учреждений (банков)...

Стало быть, государство принадлежит вам, господа, нуждающимся классам, а не нам, высшим сословиям, потому что из вас оно и состоит... Государство — это вы, великая ассоциация беднейших классов!

Следовательно, помощь и поощрение, которыми государство дало бы меньшим ассоциациям возможность существовать, были бы не чем иным, как совершенно законной и естественной общественной самопомощью рабочих классов самим себе и своим членам как отдельным личностям.

Повторим: свободная добровольная ассоциация работников, но осуществленная помощью и покровительством государства, есть единственный выход из бедственного положения рабочего сословия.

Но как склонить государство к этому вмешательству?

И на этот вопрос тотчас представляется ясный, как солнце, ответ: это возможно только при общем и прямом избирательном праве.

Только тогда вы склоните государство выполнить свой долг, когда все законодательные собрания Германии будут основаны на общем и прямом избирательном праве.

Всеобщее и прямое избирательное право есть, стало быть, как теперь обнаружилось, не только политический принцип ваш, но и ваш основной социальный принцип, коренное условие всякого социального улучшения. Это — единственное средство улучшить материальное положение рабочего сословия.

Но как добиться этого общего и прямого избирательного права?

...Организуйтесь в общий германский союз с целью законной и мирной, но неутомимой, непрестанной агитации для введения во всех германских землях общего и прямого избирательного права.

...Вот знамя, которое вам следует поднять. Вот знамя, под которым вы победите, и другого для вас нет...».

Программа работников.

II

«Здесь приведены отрывки из лекции Лассаля, прочитанной 12 апреля 1862 г. в берлинском ремесленном союзе, на тему «Об особой связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия».

...Непрестанное взаимодействие, которое я вам показал, постепенно придало общественному труду и всем общественным отношениям совершенно противоположный характер: зародыш его запал в общество давно и теперь только окончательно выработался, сильно развился и придал общественному труду его нынешний отличительный вид. В своем нынешнем громадном развитии этот характер представляется в противоположность прежнему в следующих главных чертах: как прежде потребность — спрос предшествовала производству — предложению, вызывала и определяла его, служила ему руководством и заранее известным мерилом, так теперь производство — предложение предшествует потребности — спросу, старается вызвать его. Производство имеет в виду не известную местность, не известную потребность близкого круга сбыта, а всемирный рынок. Люди производят для всего мира, для всех людей, для неизвестной и недоступной определению потребности, а чтобы продукт мог вызвать потребность в себе, ему дается оружие — дешевизна. Дешевизна есть оружие продукта, которым он, с одной стороны, завоевывает себе покупщика, а с другой — выбивает с поля все прочие товары того же рода, которые также навязываются покупщику. Таким образом в систему свободной конкуренции каждый производитель, какие бы громадные массы ни производил, может надеяться найти сбыт всему, если ему удастся лучше вооружить свой товар дешевизною, так чтобы он мог поразить товары других производителей.

Отличительный характер такого общества состоит в великом, неизмеримом богатстве, но зато в крайней шаткости всех отношений, почти в постоянной тревожной сомнительности положения каждого человека и, наконец, в чрезвычайно неравномерном распределении выгод производства между участниками в нем.

Вот как велик был, господа, переворот, незаметно произведенный в самом сердце общества тихим, революционным, подкапывающим действием промышленности гораздо раньше конца прошлого века...

Тихий, незаметный революционный прогресс промышленности еще задолго до конца прошлого века низвел землевладение до совершенно ничтожного значения сравнительно с его прежней важностью. Землевладение заняло второстепенное место при громадно развившейся промышленности с ее новыми способами производства и с богатствами, которые в ней заключались и ежедневно накоплялись. Огромное влияние, которое она приобрела этим на все население и на все его отношения, распространилось даже на дворянство, большей частью обедневшее.

Итак, внутри общества, в действительных отношениях, революция наступила гораздо раньше, чем во Франции, и оставалось только доставить этому перевороту внешнее признание, дать ему правовую санкцию.

Таково, господа, значение всех революций! Нельзя сделать революцию; можно дать только внешнее правовое признание и последовательное развитие революции, уже совершившейся в действительных отношениях общества.

Хотеть сделать революцию может только глупость неразвитых людей, не имеющих понятия о законах истории.

Но такая же глупость, такое же ребячество в желании повернуть назад и остановить революцию, уже совершившуюся внутри общества, в сопротивлении ее правовому признанию, в упреках обществу, в котором произошла такая революция, или людям, которые содействовали родам революции. Как скоро революция находится внутри общества, в его действительных отношениях, — ей надо выйти на свет, войти в законодательство, и никакими усилиями не задержишь ее.

Первая машина сама по себе была революцией, потому что заключала в своих зубцах и колесах зародыш всего нового общественного порядка,

основанного на свободной конкуренции; этот порядок необходимо должен был энергически развиться из нее, хотя внешний вид ее конечно не имел в себе ничего угрожающего для старых отношений...

Однако, господа, мне пора объяснить значение слова буржуазия, как название политической партии; пора сказать, в каком смысле употребляю я это слово, потому что иначе мне грозит опасность, что моя лекция подвергнется важным недоразумениям. Слово буржуазия в переводе значит, собственно, гражданство. Но я употребляю его не в этом значении, мы все граждане: и работник, и мелкий промышленник, и крупный и т. д. С течением истории слово буржуазия приняло совершенно особое значение, стало обозначать известное политическое направление, которое я сейчас объясню.

Весь класс граждан недворян разделился при наступлении французской революции и разделяется до сих пор на два подкласса, а именно, во-первых, класс лиц, извлекающих свой доход исключительно или преимущественно из собственного труда, причем они или вовсе не поддерживаются капиталом, или обладают самым скромным капиталом, который дает им лишь возможность заниматься производительной деятельностью, прокармливающей их самих и их семейства; следовательно, к этому классу принадлежат работники, ремесленники, мелкие промышленники и вообще крестьяне. Во-вторых, класс лиц, располагающих крупным имуществом, большим капиталом, производящих при посредстве подобного большого фонда или извлекающих из него прибыль. Этих лиц можно бы назвать крупными промышленниками. Но, господа, крупный промышленник сам по себе, как таковой, еще не буржуа.

Гражданину нет дела до того, что дворянин, сидя в своей комнате, восторгается своими предками и своими поместьями. Но если дворянин вздумает воспользоваться этими предками и этими поместьями для того, чтобы играть особенную роль и пользоваться исключительными преимуществами в государстве, для того, чтобы стать во главе государства, гражданин рассердится на дворянина и обзовет его феодалом.

Так и в гражданском мире в отношении фактических имущественных различий.

Нет ничего проще, естественнее и законнее, как если крупный промышленник, сидя в своей комнате наслаждается приятностями и выгодами, которые доставляет своему обладателю большое имущество.

Конечно и работник и мещанин, вообще весь невладеющий класс имеет право требовать, чтобы государство обратило все свои помыслы и стремления на улучшение горького, удрученного нуждою материального положения рабочих классов; он в праве требовать, чтобы государство поставило себе главною целью помочь тем, чьими руками создаются все богатства, которыми щеголяет наша цивилизация, все продукты, без которых общество не могло бы просуществовать ни единого дня, он в праве требовать, чтобы государство помогло ему достичь более обильного и обеспеченного заработка, а с ним и возможности умственного образования и, следовательно, истинно достойного человека существования. Но при всем том работник никогда не должен забывать и никогда не забудет, что всякая собственность, однажды законно приобретенная, законна и неприкосновенна.

Но если крупный промышленник, не довольствуясь фактическими приятностями богатства, хочет еще поставить свое богатство, капитал, условием участия в государственной власти, в определении воли и цели государства, — он обращается в буржуа, он обращает факт владения в правовое условие политической власти, он выказывает себя новым привилегированным сословием в народе, сословием, которое хочет навязать всем общественным учреждениям существенный характер своей привилегии, как делало в средние века дворянство с привилегией землевладения.

Стало быть относительно французской революции и открытого ею исторического периода нам представляется следующий вопрос: оказалось ли третье сословие, достигшее через эту революцию господства, буржуазией в этом смысле? Хотело ли оно подчинить и подчинило ли народ своему привилегированному политическому владычеству?

На этот вопрос должны отвечать великие исторические факты, и они решительно отвечают — да!..

Если революция 1789 г. была революцией Tiers Etat — третьего сословия, — то революция 1848 г. есть революция четвертого сословия, которое в 1789 г. еще билось в складках третьего сословия и невидимому было тождественно с ним. Теперь оно желает сделать свой принцип господствующим принципом всего общества и проникнуть им все его учреждения.

Но здесь, в господстве четвертого сословия, тотчас выказывается громадная разница с господствами других классов. Дело в том, что четвертое сословие есть последнее и крайнее сословие общества, сословие обездоленное, не имеющее и не могущее выставить никакого исключительного, ни правового, ни фактического, условия, ни дворянства, ни землевладения, ни капиталовладения, которое оно могло бы обратить в новую привилегию и провести через все учреждения общества.

Мы все равно работники, если только имеем желание каким-нибудь образом приносить пользу человеческому обществу.

Следовательно в сердце четвертого сословия не может быть зародыша новой привилегированности, и потому оно тождественно со всем человеческим родом. Его дело есть действительно дело всего человечества, его свобода есть свобода самого человечества, его владычество есть владычество всех.

Стало быть, провозглашение идеи рабочего сословия господствующим принципом общества, в том смысле, как я вам его развил здесь, не есть возглас разделения и вражды классов общества; это возглас примирения, возглас, обращенный ко всему обществу, возглас, сглаживающий все противоречия между общественными группами, возглас единения, на который должны отозваться все противники привилегий и угнетения, возглас любви, который, однажды раздавшись из сердца народа, навеки останется истинным лозунгом его и по смыслу своему выйдет возгласом любви, даже когда грянет бранным кликом народа!

Нам остается теперь рассмотреть принцип рабочего сословия как господствующий принцип общества в трояком отношении:

1) в отношении формального средства осуществить его;

2) в отношении его нравственного содержания и

3) в отношении присущего ему воззрения на цель государства...

Средством осуществления этого принципа является всеобщее и прямое избирательное право...

Впрочем, и всеобщее избирательное право не обладает, господа, каким-либо волшебным свойством предохранять вас от мимолетных ошибок... Но всеобщее и прямое избирательное право есть единственное средство, само заглаживающее с течением времени ошибки, к которым может повести неудачное пользование им в данную минуту. Это — копье, само исцеляющее раны, которые наносит. При общем и прямом избирательном праве невозможно, чтобы избранное собрание не сделалось наконец верным и точным представителем избравшего его народа.

Поэтому народ должен всегда считать общее и прямое избирательное право своим необходимейшим политическим оружием, самым коренным и важным из своих требований...

Самый простой инстинкт подсказывает членам низших классов, что пока каждый из них думает и заботится только о себе, ему нельзя надеяться на значительное улучшение своего положения.

Но когда низшие классы общества стремятся к улучшению своего положения как класса, к улучшению участи своего сословия, их личный интерес совпадает с развитием всего народа, с победой идеи, с прогрессом культуры, с самим жизненным началом истории, которое есть не что иное, как развитие свободы. Таким образом это стремление далеко не идет вразрез с историческим движением, далеко от подобной осуждающей безнравственности, потому что, господа, как я уже сказал, ваше дело есть дело всего человечества.

Вы счастливы, господа, потому что, вместо того чтобы быть мертвыми по отношению к идее, вы предназначены самим личным интересом вашим к величайшей восприимчивости к ней. Вы — счастливцы, потому что ваш истинный личный интерес совпадает с бьющимся пульсом истории, с погоняющим жизненным началом нравственного развития. Вы можете поэтому с личной страстностью предаваться историческому развитию в уверенности, что чем жарче и жаднее будет эта страсть, тем она будет нравственнее.

Вот, господа, почему господство в государстве четвертого сословия принесло бы с собой расцвет нравственности, культуры и науки, еще невиданный в истории.

К этому присоединяется другая причина, теснейшим образом связанная со всем, что мы говорили, и составляющая краеугольный камень всего этого.

Четвертое сословие имеет не только иной политический принцип, чем буржуазия, а именно общее и прямое избирательное право вместо буржуазного ценза; оно не только относится к своему положению иначе, чем высшие сословия к нравственным началам; оно имеет еще

совершенно отличный от буржуазии взгляд на нравственную цель государства.

Воззренье буржуазии состоит в том, что государство имеет целью исключительно лишь обеспечение каждому беспрепятственного пользования своими силами.

Эта идея была бы удовлетворительна и нравственна, если бы все мы были одинаково сильны, одинаково ловки, образованы и богаты.

Но такого равенства нет и быть не может; поэтому эта мысль недостаточна и по своей недостаточности приводит к глубоко безнравственным выводам. Она приводит к тому, что сильнейший, хитрейший, богатейший эксплоатирует и обирает слабейшего.

Напротив того, нравственная идея рабочего сословия состоит в том, что беспрепятственное и свободное пользование личностью, своими личными силами само для себя недостаточно и что для нравственной социальной жизни необходимы сверх того: солидарность интересов, общность и взаимность в развитии.

Соответственно этой разнице, буржуазия определяет нравственную цель государства так: она состоит исключительно и единственно в охранении личной свободы и собственности индивидуума.

Эта идея будочника, господа, идея будочника потому, что не может представить себе государство иначе, как в образе будочника, все назначение которого состоит в предупреждении разбоя и грабежа...

Совершенно иначе, господа, понимает цель государства четвертое сословие; оно понимает ее именно так, как она действительно есть.

История, господа, есть борьба с природой, с нищетой, невежеством, бессилием и всяческой неволей, в которой мы находились, когда род человеческий начинал свою историю. Постепенное преодоление этого бессилия есть развитие свободы, которое представляет собою историю.

Мы никогда не сделали бы ни шага вперед в этой борьбе, если бы вели ее каждый сам по себе, каждый в одиночку.

Совершить это развитие свободы, развитие рода человеческого для свободы есть функция государства.

Государство есть единство личностей в одном нравственном целом, единство, умножающее в миллионы крат силы всех личностей, вступивших в это единение, в миллионы крат увеличивающее индивидуальные силы каждой из них.

Следовательно цель государства не в том, чтобы охранять личную свободу и собственность индивидуума, которыми по буржуазной идее индивидуум будто бы уже обладает при вступлении своем в государство; нет, цель государства в том, чтобы соединением индивидуумов доставить им возможность достигать ступеней существования, недостижимых для одинокой личности, делать их способными приобретать такую сумму просвещения, силы и свободы, которая немыслима для отдельного индивидуума.

Итак, цель государства — положительно развивать и постепенно совершенствовать человека; другими словами, — осуществлять назначение человека, т. е. культуру, к которой человеческий род способен; цель государства — воспитание человечества в направлении к свободе.

Вот, господа, настоящая нравственная сущность государства, его истинное и возвышенное предназначение. Это так верно, что государство более или менее служило этой цели во все времена, силою самих вещей, даже невольно, даже бессознательно, даже против желания своих вождей.

Но уже самое беспомощное положение отдельных членов рабочего сословия, низших классов общества, внушает им глубокий инстинкт, что назначение государства состоит и должно состоять в том, чтобы оказывать индивидууму помощь достигнуть через соединение всех со всеми развития, недоступного для одинокой личности.

Правда, как я уже сказал, все государства по самой природе вещей и в силу обстоятельств служили бессознательно и часто даже против воли этой своей нравственной цели. Но при господстве идеи рабочего сословия государство стало бы служить ей с полным сознанием и совершенною ясностью...

5. К. Маркс о Лассале.

Отрывок из письма Маркса председателю Всеобщего германского рабочего союза Швейцеру от 13 октября 1868 г.

«Что касается союза Лассаля, то он возник в эпоху реакции. После 15-летнего сна Лассаль снова пробудил в Германии рабочее движение, — и это остается его бессмертной заслугой. Но он совершил крупные ошибки. Он слишком поддался влиянию наличных условий

того времени. Мелкую исходную точку — свою противоположность ничтожному Шульце-Деличу — он сделал центральным пунктом своей агитации, — государственную помощь в противоположность самопомощи. Таким образом он снова выдвинул тот лозунг, который Бюше — глава французского католического социализма — выставил в 1843 г. против действительного рабочего движения во Франции. Будучи слишком интеллигентным, чтобы считать этот пароль чем-то большим, чем просто переходным pis aller (на худой конец), он мог оправдать его только тем, что он непосредственно (якобы) является практичным. Для этой цели он должен был утверждать, что это может быть осуществлено в ближайшем будущем. «Государство» превратилось таким образом в прусское государство. Таким образом он был вынужден сделать уступки прусской монархии и прусской реакции (феодальной партии) и даже клерикалам.

Вместе с государственной помощью производительным союзам, по Бюше, он соединил чартистский лозунг — лозунг избирательного права. Он проглядел, что условия в Германии и Англии различны. Он не понял уроков Франции в вопросе о всеобщем избирательном праве. Затем он с самого начала придал своей агитации религиозный сектантский характер, подобно всякому, кто утверждает, что у него в кармане имеется всеспасающее средство против страданий масс. На самом деле — всякая секта религиозна. Далее, подобно всякому учредителю секты, он отрицал какую бы то ни было связь с прежним движением. Он впал в ошибку Прудона, состоявшую в том, что он не искал реальной основы для своей агитации в действительных элементах классового движения, но хотел направить ход этого последнего по известному, определенному доктринерскому рецепту.

То, что я говорю теперь после времени (post festum), я наперед предсказывал Лассалю, когда он в 1862 г. приехал в Лондон и приглашал меня встать вместе с ним во главе нового движения.

Вы сами на себе испытали противоположность между движением секты и движением класса. Секта ищет смысла своего существования (raison d'être) в своем point d'honneur [1] не в том, что у нее есть общего с классовым движением, а в том особом талисмане (besonderen Schibboleth), который ее от этого движения отличает...

6. Из устава Всеобщего германского рабочего союза.

Устав Всеобщего германского рабочего союза, положивший начало самостоятельности существования рабочего движения, был принят на съезде в Лейпциге, куда собрались представители рабочих ферейнов 7 городов. Президентом этого союза, построенного на принципе строгой централизации и диктатуры руководителя, был избран Лассаль. Мы приводим § 1 этого устава, характеризующий цели союза.

«Под названием «Всеобщий германский рабочий союз» нижеподписавшиеся основывают для немецких союзных государств союз, который ставит себе целью мирным и легальным путем, в особенности посредством привлечения на свою сторону общественного мнения, добиваться установления всеобщего, равного и прямого избирательного права. Союз исходит при этом из убеждения, что только при помощи всеобщего, равного и прямого избирательного права могут быть достигнуты достаточное представительство социальных интересов немецкого рабочего сословия и действительное устранение классовых противоположностей в обществе...»

7. Нюрнбергская программа.

Эта программа была принята в сентябре 1868 г. на съезде немецких рабочих союзов, руководимых А. Бебелем, и означала собою шаг к самостоятельному выделению с.-д. партии из недр немецкой народной партии.

Собравшийся в Нюрнберге пятый съезд немецких рабочих ферейнов заявляет в нижеследующих пунктах о своем согласии с программой Международной ассоциации рабочих.

1. Освобождение рабочих классов должно быть делом самих рабочих классов. Борьба за освобождение рабочих классов не есть борьба за классовые привилегии и монополии, а борьба за равные права и равные обязанности и за уничтожение всякого классового господства.

2. Экономическая зависимость трудящегося человека от исключительного обладателя орудий труда образует основу рабства во всех его фор-

[1] Дело чести.

мах, основу социальной нищеты, духовной приниженности и политической зависимости.

3. Политическая свобода есть непременное предварительное условие для экономического освобождения рабочих классов. Социальный вопрос нераздельно связан поэтому с политическим, разрешение первого обусловлено разрешением второго и возможно только в демократическом государстве.

Принимая далее во внимание—

что все усилия, направленные к экономическому освобождению, терпели до сих пор неудачу вследствие недостатка солидарности между разнообразными отраслями труда в каждой стране и вследствие отсутствия братских уз единства между рабочими классами различных стран;

что освобождение труда не есть местная или национальная задача, а задача социальная, обнимающая все страны, в которых существует современное общество, и что разрешение ее зависит от практического и теоретического содействия наиболее передовых стран,—

пятый съезд немецких рабочих ферейнов постановляет: примкнуть к стремлениям Международной ассоциации рабочих.

8. Эйзенахская программа.

Эта программа была принята в августе 1869 г. в Эйзенахе на съезде рабочих ферейнов, руководимых А. Бебелем и В. Либкнехтом, и означала образование самостоятельной рабочей партии, назвавшей себя «Социал-демократической рабочей партией». В основу этой программы были положены Нюрнбергская и Хемницкая программы. Этот съезд окончательно оформил организацию эйзенаховцев, враждовавших с лассальцами. Печатным органом новой партии была газета «Народное государство». Местопребыванием комитета партии был избран Брауншвейг.

«I. Социал-демократическая рабочая партия стремится к устранению свободного народного государства.

II. Каждый член партии обязывается всеми силами выступать в защиту следующих положений: 1) современные политические и социальные условия в высшей степени несправедливы, и поэтому против них надо с величайшей энергией бороться; 2) борьба за освобождение трудящихся классов не есть борьба за классовые привилегии и преимущества, но за равные права и равные обязанности и за уничтожение всякого классового господства; 3) экономическая зависимость рабочих от капиталистов составляет основу рабства во всякой форме, поэтому социал-демократическая партия стремится путем уничтожения современного способа производства (система наемного труда) обеспечить полный продукт труда за каждым рабочим при помощи совместного товарищеского труда; 4) политическая свобода есть необходимое предварительное условие для экономического освобождения трудящихся классов, поэтому социальный вопрос неотделим от политического, его разрешение обусловливается этим последним и возможно лишь в демократическом государстве; 5) принимая во внимание, что политическое и экономическое освобождение рабочего класса возможно лишь в том случае, если он ведет борьбу сообща и объединенно, социал-демократическая рабочая партия придает себе единую организацию, предоставляющую, однако, и каждому отдельному лицу возможность проявить свое влияние для блага целого; 6) принимая во внимание, что освобождение труда является не местной и не национальной, но социальной задачей, охватывающей все страны, где существует современный общественный порядок, социал-демократическая рабочая партия рассматривает себя, насколько это позволяют законы о союзах, как ветвь Международного товарищества рабочих и примыкает к его стремлениям.

III. Ближайшими требованиями при агитации от имени социал-демократической рабочей партии надо поставить следующее: 1) предоставление всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права всем мужчинам, начиная с 20-летнего возраста, для выборов в парламент, ландтаги отдельных государств, провинциальные и общественные собрания и во все другие представительные учреждения; избранным представителям должно выдаваться достаточное вознаграждение; 2) введение прямого народного законодательства (т. е. права предлагать и отвергать законы); 3) отмена всех преимуществ, связанных с сословием, владением имуществом, рождением и вероисповеданием; 4) введение народного ополчения вместо постоянного войска; 5) отделение церкви от государства и школы от церкви; 6) обязательное обучение в народных школах и бесплатное обучение во всех общественных учебных заведениях; 7) независимость

судов, введение судов присяжных и ремесленных профессиональных судов, введение публичного и устного судопроизводства и бесплатного отправления правосудия; 8) отмена всех законов о печати, обществах и союзах; введение нормального рабочего дня; ограничение женского и воспрещение детского труда; 9) отмена всех косвенных налогов и введение единого, прямого, прогрессивного подоходного налога и налога на наследства; 10) помощь государства кооперативным обществам и государственный кредит для свободных производительных товариществ с демократическими гарантиями».

9. Готская программа.

Готская программа была принята на объединительном съезде в Готе в 1875 г. лассальянцев и эйзенаховцев. Период острой борьбы этих партий приходил к концу, тем более, что основные разногласия — о тактике в борьбе за единство Германии — бисмарковским решением сверху были сняты. Сближение представителей этих фракций на почве общей парламентской работы, репрессии реакционного правительства, — все это создавало почву для объединения, тем более что идеологически ни та ни другая партия не стояли целиком на почве научного коммунизма и исповедывали идеи лассалевского социализма. Готская программа, в основном разработанная В. Либкнехтом, была компромиссной программой, удовлетворившей оба течения. По сравнению с эйзенахской программой она была шагом назад от марксизма к лассальянству, но она отражала действительный идейный уровень движения. Маркс и Энгельс осудили этот компромисс, который означал победу лассальянцев. Маркс в специальном письме к вожакам эйзенахской партии подверг резкой критике эту программу. Это письмо, став известным широким кругам партии только в 1890 г., когда Энгельс опубликовал его в «N. Z.», несмотря на протесты правления с.-д. партии, известно под названием «Критика Готской программы» К. Маркса. В Готе же объединившаяся партия стала называться «Социалистической рабочей партией Германии».

При изучении Готской программы необходимо познакомиться с ее критикой Марксом и оценкой, данной ей в приводимом ниже письме Энгельса к Бебелю от 1875 г., и сравнить ее с эйзенахской программой и основными положениями лассальянства.

«I. Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры, а так как общеполезный труд возможен лишь через общество, то обществу же, т. е. всем его членам, принадлежит и весь продукт труда, при условии всеобщей трудовой повинности, на равных правах, каждому по его разумным потребностям. В современном обществе средства производства составляют монополию класса капиталистов; обусловленная этим зависимость рабочего класса является причиной нужды и рабства во всех формах. Освобождение труда требует передачи всех средств производства в общее достояние всего общества и совместного регулирования общей работы, с общеполезным употреблением и справедливым распределением продуктов труда. Освобождение труда должно быть делом рабочего класса, по отношению к которому все остальные классы представляют лишь реакционную массу.

II. Исходя из этих основных положений, Социалистическая рабочая партия Германии стремится всеми средствами к достижению свободного народного государства и социалистического общества, к преодолению железного закона заработной платы путем устранения системы наемного труда, уничтожения эксплоатации во всех ее видах, устранения всякого политического и социального неравенства. СРПГ, хотя и действующая прежде всего в национальных рамках, сознает международный характер рабочего движения и полна решимости выполнить все обязанности, налагаемые им на рабочих, чтобы выявить как истину братство всех людей. Чтобы проложить путь к решению социального вопроса, СРПГ требует учреждения социалистических производительных товариществ с государственной помощью под демократическим контролем трудового народа. Производительные товарищества должны быть учреждены как для промышленности, так и для земледелия в таких размерах, чтобы из них могла возникнуть социалистическая организация труда всего общества. Социалистическая рабочая партия требует как основы государства: 1) всеобщего, прямого, равного избирательного права с тайным обязательным голосованием для всех принадлежащих к государству лиц с двадцатилетнего возраста при всех выборах и голосованиях в государстве и общинах; выборы и голосование должны производиться в праздничный день; 2) прямого законодательства при посредстве народа, решения народом войны и мира; 3) всеобщей воинской повинности, народного ополчения вместо постоянного войска; 4) отмены всех исключительных законов, а именно — законов о печати, союзах, собраниях, вообще всех за-

копов, ограничивающих свободное выражение мнений, свободную мысль и исследование; 5) народного суда, бесплатного отправления правосудия; 6) всеобщего и равного народного образования за счет государства, всеобщей школьной повинности, бесплатного обучения во всех учебных заведениях, признания религии частным делом.

В рамках существующего общества СРПГ требует: 1) возможного расширения политических прав и свобод в смысле вышеуказанных требований; 2) единого прогрессивного подоходного налога, государственного и общественного, вместо всех существующих, в особенности обременяющих народ, косвенных налогов; 3) неограниченного права коалиции; 4) соответствующего общественным потребностям закона о нормальном рабочем дне, запрещения воскресной работы; 5) запрещения детского труда и всякого женского труда, вредного для здоровья и нравственности; 6) законов для охраны жизни и здоровья рабочих — санитарного контроля за жилищами рабочих, надзора через выбранных рабочими должностных лиц за рудниками, фабричной, ремесленной и домашней промышленностью; 7) регулирования тюремного труда; 8) полного самоуправления для всех рабочих вспомогательных касс».

10. Фридрих Энгельс о Готской программе.

Лондон 18/28 марта 1875 г.

«Дорогой Бебель!

Я получил ваше письмо от 23 февраля и рад, что вы чувствуете себя физически так хорошо.

Вы спрашиваете, что мы думаем об истории с объединением. Увы! — с нами произошло совершенно то же, что и с вами. Ни Либкнехт ни кто-либо другой не осведомляли нас, и мы знаем только то, что напечатано в газетах, а там не было ничего, пока дней восемь назад не появился проект программы. Конечно, последний привел нас в немалое удивление.

Наша партия так часто протягивала лассальянцам руку для примирения или хотя бы соглашения и была так часто и так бесстыдно отталкиваема Газенклеверами, Гассельманами и Тёльке [1], что всякий ребенок мог бы вывести отсюда такое заключение: если теперь эти господа сами приходят искать примирения, то, стало быть, они находятся в дьявольски стесненном положении. И при хорошо известном характере этих господ является нашим долгом использовать это положение, чтобы добиться всяческих гарантий, что эти люди не укрепят снова своего пошатнувшегося положения в общественном мнении рабочих за счет нашей партии. Следовало принять их крайне холодно и недоверчиво, поставить объединение в зависимость от степени их готовности оставить свои сектантские лозунги и свою государственную помощь и принять в существенном эйзенахскую программу 1869 г. или улучшенное издание ее, приноровленное к теперешнему моменту. Нашей партии абсолютно нечему учиться у лассальянцев в отношении теории, т. е. в том, что имеет для программы решающее значение; первым условием объединения было, чтобы они перестали быть сектантами, лассальянцами, а следовательно, чтобы они первым делом если не выкинули чудодейственное средство государственной помощи целиком, то признали в нем лишь одну из второстепенных переходных мер наряду со многими другими возможными мерами. Проект программы показывает, что наши, будучи в теоретическом отношении в сто раз выше лассальянцев, во столько же раз ниже их по политической изворотливости; «честные» [1] снова жестоко надуты нечестными.

Во-первых, принимают громкую, но исторически ложную лассалевскую фразу, что по отношению к рабочему классу все прочие классы представляют лишь одну реакционную массу. Это положение справедливо только в отдельных исключительных случаях, например, при пролетарской революции, как Коммуна, или в стране, где уже не только буржуазия переделала общество и государство по образу своему, но где уже после нее демократическая мелкая буржуазия довела эту переделку до последних выводов. И если бы, например, в Германии демократическая мелкая буржуазия принадлежала к этой реакционной массе, то как могла бы социал-демократическая рабочая партия в течение ряда

[1] Руководители лассальянцев.

[1] Прозвище «социал-демократической рабочей партии» (эйзенаховцев) до 1875 г. в отличие от «общегерманского рабочего союза» (лассальянцев).

лет итти с нею, с народной партией, рука об руку? Как могла бы газета «Volksstaat» («Народное государство») заимствовать почти все свое политическое содержание у мелкобуржуазно-демократической «Frankfurter Zeitung» (Франкфуртской газеты)? И как можно в эту самую программу включать не менее семи требований, которые дословно повторяют программу народной партии и мелкобуржуазной демократии? Я имею в виду семь политических требований 1—5 и 1—2, из которых нет ни одного н е б у р ж у а з н о-демократического.

Во-вторых, принцип международности рабочего движения практически совершенно отвергается для настоящего времени, и это делается людьми, которые в течение пяти лет при самых трудных обстоятельствах самым славным образом поддерживали этот принцип. Положение германских рабочих во главе европейского рабочего движения зиждется в с у щ е с т в е н н о м на их число интернациональной позиции во время войны; никакой другой пролетариат не вел себя так хорошо. И вот теперь этот принцип отвергается ими в тот самый момент, когда повсюду за границей рабочие подчеркивают его в той же мере, в какой правительства стараются подавить всякие попытки его выражения в организации! Что же осталось от интернационализма рабочего движения? Простая надежда—и даже не на совместную деятельность европейских рабочих в целях их освобождения впоследствии, нет, а на будущее «международное братство» народов, На «Соединенные штаты Европы» во вкусе буржуа из «Лиги мира»!

Естественно, вовсе не требовалось говорить об Интернационале как таковом. Но, по меньшей мере, не следовало делать ни шагу назад сравнительно с программой 1869 г. и надо было сказать примерно так: х о т я германская рабочая партия действует п р е ж д е в с е г о в рамках поставленных ей государственных границ,—а она не имеет права говорить от лица европейского пролетариата, в особенности что-нибудь ложное,—однако она сознает свою солидарность с рабочими всех стран и будет готова и впредь, как и до сих пор, выполнять обязанности, налагаемые на нее этой солидарностью. Подобные обязанности существуют и без провозглашения себя частью «Интернационала»,—например, помощь при стачках и воздержание от штрейкбрехерства, заботы о том, чтобы партийные органы осведомляли германских рабочих о заграничном движении, агитация против грозящих или вспыхнувших кабинетных войн, поведение во время таковых на манер образцового поведения в 1870—1871 гг. и т. д.

В-третьих, нашим дали навязать себе лассалевский «железный закон заработной платы», который зиждется на совершенно устарелых экономических взглядах, а именно, что рабочий в среднем получает только минимальную заработную плату, притом в силу того, что по мальтусовой теории народонаселения рабочих всегда чересчур много (такова была аргументация Лассаля). А ведь Маркс подробно показал в «Капитале», что законы, управляющие заработной платой, весьма сложны, что в зависимости от обстоятельств перевешивает то один, то другой, что они, значит, вовсе не железные, а, напротив, весьма эластичны, и что вопрос не решается парою слов, как воображал себе Лассаль. Мальтусовское обоснование закона (списанное Лассалем у него и Рикардо, с искажением последнего), как оно, например, цитируется в «Книге для чтения рабочих» из другой брошюры Лассаля, подробно опровергнуто Марксом в отделе «о процессе накопления капитала». Таким образом, приняв лассалевский «железный закон», приняли ложное положение и ложное обоснование его.

В-четвертых, программа выставляет как е д и н с т в е н н о е с о ц и а л ь н о е требование лассалевскую государственную помощь в самом голом виде, в каком Лассаль украл ее у Бюше. И это после того как Браке[1] прекрасно показал всю никчемность этого требования; после того как все или почти что все ораторы нашей партии вынуждены были выступать в борьбе с лассальянцами против этой «государственной помощи»! Большего смирения наша партия не могла высказать. Интернационализм, опустившийся до Аманда Гегга, социализм, опустившийся до буржуазного республиканца Бюше, который выставил это требование в н и к у с о ц и а л и с т а м, чтобы превзойти их!

В самом лучшем случае «государственная помощь» в лассалевском смысле является только о д н и м из многих других средств для достижения цели, которая выражена здесь хромыми словами: «чтобы проложить путь к решению социального вопроса»,—как будто бы для нас еще есть теоретически н е р е ш е н н ы й со-

[1] Б р а к е — бывш. член «Союза коммунистов», деятель германского рабочего движения, эйзенаховец.

циальный вопрос! Если бы сказать так: «германская рабочая партия стремится к устранению наемного труда и вместе с ним классовых различий посредством осуществления товарищеского производства в промышленности и земледелии в национальном масштабе; она стоит за всякую меру, которая годится для достижения этой цели!» — то ни один лассальянец не мог бы иметь ничего против.

В-пятых, совсем не говорится об организации рабочего класса как класса при посредстве профессиональных союзов. А это очень существенный пункт, так как это подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет повседневную борьбу с капиталом, в которой он получает выучку и с которой теперь при самой худшей реакции (как в Париже в настоящее время) нельзя более покончить. При той важности, какой достигла эта организация и в Германии, по нашему мнению, безусловно необходимо упомянуть о ней в программе и по возможности оставить ей место в организации партии.

Все это наши сделали в угоду лассальянцам. А чем поступились те? Тем, что в программе фигурирует куча довольно путанных чисто демократических требований, из которых некоторые просто дело моды, — например, «народное законодательство», которое существует в Швейцарии и приносит больше вреда, чем пользы, если вообще дает какие-нибудь результаты. Народное управление — вот это было бы уже нечто. Точно также отсутствует первое условие всякой свободы; что все должностные лица за все свои должностные деяния по отношению ко всякому гражданину отвечают перед обыкновенными судами и по обыкновенному праву. О том, что такие требования, как свобода науки, свобода совести, фигурируют в любой либеральной буржуазной программе и здесь выглядят странновато, распространяться не буду.

Свободное народное государство превратилось в свободное государство. С точки зрения грамматики свободное государство — это такое, которое свободно по отношению к гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно со времени Коммуны, которая уже не была государством в подлинном смысле. Анархисты тычут нам в зубы «народное государство», надоедая им до тошноты, хотя уже брошюра Маркса против Прудона и позднее «Коммунистический манифест» прямо говорят, что с введением социалистического общественного строя государство само собою растворяется и исчезает. А так как государство — только преходящее учреждение, которым пользуются в борьбе при революции для подавления силою своих противников, то чистая бессмыслица говорить о свободном народном государстве, пока пролетариат еще пользуется государством; он пользуется им не в интересах свободы, но для подавления своих противников, а коль скоро может быть речь о свободе, государство перестает существовать как таковое. Поэтому мы предложили бы везде поставить взамен государства — «общину», хорошее старое немецкое слово, весьма хорошо передающее французское слово «коммуна».

«Устранение всякого социального и политического неравенства» — также весьма сомнительное выражение вместо: «уничтожение всяких классовых различий». Между отдельными странами, областями, местностями всегда будет существовать известное неравенство в житейских условиях, которое можно будет свести к минимуму, но никак не уничтожить совсем. Горцы всегда будут иметь иную житейскую обстановку, нежели жители равнин. Представление о социалистическом обществе как царстве равенства есть одностороннее французское представление, примыкающее к старому девизу: «свобода, равенство, братство»; это представление имело в свое время и на своем месте оправдание как ступень развития, но теперь должно быть преодолено, как и все односторонности прежних социалистических школ, так как вызывает только путаницу в умах и так как найдены более точные представления о деле.

Я останавливаюсь на главном, хотя чуть не каждое слово в этой худосочной и вялой редакции программы требует критики. Она такова, что если будет принята, то Маркс и я никогда не признаем себя принадлежащими к построенной на таком фундаменте новой партии, и пред нами встанет весьма серьезный вопрос: какую позицию мы должны занять по отношению к ней также и публично. Помните, что за границей на нас возлагают ответственность за все и каждое из заявлений и поступков германской социал-демократической рабочей партии. Так делает Бакунин в своем сочинении «Государственность и анархия», ставя нам в счет каждое необдуманное слово, сказанное или написанное Либкнехтом со времени основания «Демократического недельного листка». Люди воображают, что мы отсюда командовали всей этой историей, тогда как вы знаете так же хо-

рошо, как и я, что мы почти никогда ни па волос не вмешивались во внутренние партийные дела, а если и вмешивались, то лишь затем, чтобы по мере возможности сгладить сделанные, по нашему мнению, промахи, притом же только теоретические. Но вы сами увидите, что эта программа составляет поворотный пункт, который весьма легко мог бы заставить пас отклонить от себя всякую ответственность за партию, которая ее признаст.

Вообще важна не столько официальная программа партии, сколько то, что она делает. Однако новая программа всегда является публично водруженным знаменем, и внешний мир судит по нему партию. Поэтому она не должна поворачивать вспять, как настоящая программа в сопоставлении с эйзенахской. Следовало подумать о том, что скажут рабочие других стран об этой программе, какое впечатление произведет это коленопреклонение всего германского социального пролетариата перед лассальянством.

Притом я убежден, что объединение на этой основе не продержится и года. Лучшие головы наших партий должны обречь себя на то, чтобы распевать заученные наизусть лассалевские положения о железном законе заработной платы и государственной помощи. Хотел бы я посмотреть, например, на вас в этой роли! И если они будут делать это, то слушатели освикают их. Я уверен, что лассальянцы стоят именно за эти части программы, как жид Шейлок за свой фунт мяса. Раскол наступит; по тем временем мы сделаем Гассельмана, Газенклевера, Тёльке и компанию снова «честными»; мы выйдем из раскола ослабевшими, а лассальянцы окрепшими; наша партия утратит свою политическую девственность и уже не сможет энергично выступить опять против лассалевских фраз, которые она сама в течение известного времени писала на своем знамени; и когда лассальянцы снова будут говорить: «мы подлинная и единственная рабочая партия, а те — буржуа», то в доказательство смогут сослаться на эту программу. Все социалистические меры в ней принадлежат им, а наша партия не внесла в нее ничего, кроме требований мелкобуржуазной демократии, которую сама назвала в этой самой программе частью «реакционной массы!..»

11. Англия — рычаг экономической революции.

(Из циркуляра генерального совета Интернационала.)

«...Хотя революционная инициатива, по всей вероятности, будет исходить из Франции, но одна только Англия может сыграть роль рычага для серьезной экономической революции: это — единственная страна, где нет уже крестьян и где землевладение сконцентрировано в немногих руках. Это — единственная страна, где капиталистическая форма, т. е. высоко развитый труд, под руководством капиталистических предпринимателей, распространилась уже во всем производстве. Это — единственная страна, где громадное большинство населения состоит из наемных рабочих. Это — единственная страна, где классовая борьба и организация рабочего класса при посредстве трэд-юнионов достигла известной степени зрелости и всеобщности. Благодаря господству Англии на мировом рынке она является единственной страной, где всякая революция в экономических отношениях должна оказать непосредственное воздействие на весь мир. Если лендлордизм и капитализм наиболее сильно развиты в Англии, то в этой стране, с другой стороны, имеются налицо материальные условия их уничтожения. Генеральный совет находится теперь в выгодном положении: он непосредственно стоит у рычага пролетарской революции, и какою глупостью, — более того, можно сказать, каким преступлением — с его стороны было бы, если бы он предоставил этот рычаг в одни только английские руки?

У англичан имеются налицо все необходимые материальные предпосылки социальной революции. Чего у них нет, так это духа обобщения, революционной страсти. Только генеральный совет в состоянии вдохнуть в них эту страсть и ускорить таким путем истинно революционное движение в этой стране, а следовательно, и повсюду. Огромные результаты, достигнутые уже нами в этом направлении, подтверждаются наиболее интеллигентными и наиболее видными газетами господствующих классов, совершенно не говоря уже о так называемых радикальных членах нижней палаты и палаты лордов, которые еще недавно оказывали большое влияние на вожаков английских рабочих. Они открыто обвиняют нас в том, что мы отравили и почти окончательно подавили английский дух рабочего класса и толкнули его в объятия революционного социализма».

12. Из устава трэд-юниона «Соединенная ассоциация бумагопрядильщиков».

(Выдержка.)

«Ассоциация образована для того, чтобы обеспечить всем ее членам справедливое вознаграждение за труд; для того, чтобы улаживать и примирять столкновения между предпринимателями и рабочими, избегая таким образом прекращения работ; для того, чтобы настаивать на исполнении фабричных законов или других законодательных постановлений о защите труда; для того, чтобы оказывать денежную помощь всякому члену, который пострадал вследствие стачки или локаута или потерял способность к труду вследствие какого-нибудь несчастного случая».

13. Адрес английских рабочих.

Настоящий адрес, составление которого приписывается Оджеру, одному из вождей английского трэд-юнионистского движения, переживавшего в тот период оживление, был впервые опубликован 5 декабря 1863 г. в английской рабочей и профессиональной газете Лондонского совета союзов «Bechive», которая редактировалась впоследствии бывшим чартистом Р. Гартуэлль. Предложение о посылке такого адреса было принято на торжественном заседании Лондонского совета союзов от 23 июля 1863 г. в честь прибытия делегатов французских рабочих (Толлен, Перрашон и др.), приехавших в Лондон по приглашению английских рабочих для участия в митинге протеста 22 июля в С.-Мартинс-Холле против угнетения Польши. Собрание 23 июня 1863 г., положившее начало обмену адресами между представителями английских и французских рабочих, может считаться исходным моментом, приведшим к организации МТР — I Интернационала.

К рабочим Франции от рабочих Англии.

«Братья из Франции!

Когда мы устроили свое большое собрание, чтобы выразить свое негодование по поводу преступников, причиняющих уже многие годы благородному несчастному польскому народу страдания и наносящих ему самые тяжкие обиды, то вы порадовали нас своим посещением; это внушает нам надежду, что мы увидим зарю более светлого и счастливого будущего для униженных и презираемых народов Европы.

Это посещение не могло иметь лучшего повода и высшей цели, чем дело Польши, которое освещено самопожертвованием, верностью и жертвенным героизмом народа, снискавшего себе в своей справедливой борьбе за свободу симпатии и удивление всех мудрых и добрых людей христианского мира, какого бы сословия — высокого или низкого — они ни были.

Мы гордились тем, что могли принять представителей свободы; мы любили, французы, вас, прибывших для того, чтобы начать так долго откладывавшееся дело прочного содружества народов. Никто не мог бы начать этого дела с большими надеждами на успех его, чем великодушные, полные энтузиазма французы. Ваши способности в промышленности, ваше материнство в искусстве, науке и литературе, ваша любовь ко всему, что прекрасно в искусстве и природе, обеспечили вам, во мнении мира, высокое место. И вы не могли утвердить его лучше, чем сделав шаги для объединения тех, на труде коих покоится вся жизнь, дабы их объединенные усилия в пользу свободы противостали влиянию тех, кто принес растление народов, — ибо они одобряют договоры, которые держат в оковах слабые страны и которые разрываются по желанию сильных.

Цари и властители имеют свои конгрессы и торжества; пышность и великолепие их воспеваются всем миром. Они правятся легкомысленным и веселят богачей; в то же время они увеличивают бремя, под тяжестью которого задыхаются честные трудолюбивые массы бедняков. На этих конгрессах санкционируются удачные преступления, а бессовестные министры легализируют их и прославляют злодеяния. Но мужи высочайших талантов и чистейших помыслов, дух которых не отступает перед притязаниями богачей и не потворствует порокам сладострастных дворов, мужи, которые выступают за свободу народов и права массы, ввергаются — если они спасаются от смерти — в темницы или, безжалостно изгнанные со своими семьями, должны искать на чужбине защиты и покоя, в которых им отказывает родина. Такое поведение недостойно деяний наших отцов и по-

стыдно для нашего времени. Поэтому мы предостерегаем всех тех, кто зрит эти злодейства и не принимает подходящих мер, какие им доступны, дабы они стали невозможными; мы заявляем, что, пренебрегая этой задачей, они несут солидарную ответственность за зло и рано или поздно поплатятся за свое унизительное равнодушие.

В качестве средства положить конец теперешнему злоупотреблению силой мы призываем вас к созданию братства народов. Созовем собрание из представителей Англии, Франции, Германии, Италии, Польши и всех тех стран, в которых имеется воля к общей работе на пользу человечества. Созовем свои конгрессы для обсуждения великих вопросов, от которых зависит мир народов. Противопоставим наш разум и наше моральное право льстивости и грубости наших так называемых господ, и мы убеждены, что могущество деспотов будет ослаблено и что негодяи, позорящие высочайшие задачи человечества, злоупотребляя дарованным им доверием и сводя на-нет благороднейшие усилия человеческого гения, закончат свои дни в неизвестности. Это уровняет дорогу разумным, честным людям и даст им возможность двигаться вперед и работать не для привилегий немногих, а для прав масс.

Для дела рабочих крайне необходимо братство народов, ибо всегда, когда мы пытаемся улучшить свое социальное положение путем сокращения рабочего дня или повышения заработной платы, наши хозяева грозят нам, что они выпишут французов, немцев, бельгийцев, которым дадут нашу работу за меньшую плату; и мы, к прискорбию, должны сказать, что это действительно имело место не по злой воле наших братьев на материке, по из-за отсутствия правильной, систематической связи между трудящимися классами всех стран, которая, надо надеяться, будет осуществлена, ибо наш принцип — уравнивать по возможности заработок хуже оплачиваемых с заработком лучше оплачиваемых рабочих — не позволит хозяевам использовать одних из нас против других, чтобы таким образом, в соответствии с их торгашеским скряжничеством, по возможности более понизить наш жизненный уровень.

Сделать это — задача народов. Немногие свободы наших предков были добыты ими в борьбе, и опыт снова и снова учит, что чем более мы доверяем князьям и государям, тем скорее они предают и презирают нас. В доказательство этого пусть сравнят геройские дела итальянских борцов за свободу, имевших во главе одного из своих, с поведением тех, которые предали и ранили величайшего современного вождя Гарибальди, после того как они получили из его рук плоды его опасного предприятия, и которые, таким образом, дали ему кровавое доказательство неблагодарности правительства. Подумайте далее об уничтожении чужеземным деспотом Римской республики, этого свободнейшего, честнейшего правительства, какое видела когда-либо Европа, вспомните неблагородное нападение на свободное правительство Швейцарии и пагубное вмешательство в Мексике, только чтобы установить на место республики империю — форму правления, ненавистную подлинному духу мексиканцев и совершенно противоположную традициям и симпатиям всего народа той части света. Присоедините к этим преступлениям еще позорную и жестокую войну, которую наши правители вели в Китае сперва с войсками богдыхана, затем с мятежниками, — и наша позиция станет ясной, ибо, бесспорно, злодеяния эти в будущем будут источником борьбы, если объединенные народы не воспротивятся этому.

Поэтому наш лозунг — братство. Заключим тесную связь со всеми людьми, которые нуждаются в мире и свободе, в промышленном развитии и в человеческом счастье на всей земле. Пусть отныне сильные и мужественные люди, вооруженные огнем и мечом, не дают себя вести для убийств и разорения, чтобы удовлетворить жадность торговцев к золоту, министров — к постам и тиранов — к завоеваниям; пусть отныне они живут, чтобы видеть счастье в своей отчизне и чтобы помогать слабым, старым, покинутым.

Мы говорим вам: наше первое общее усилие пусть будет направлено для свободы Польши. Справедливость сего дела вопиет о том, договорные обязательства требуют этого, и долг указывает путь. Народы обеих стран должны сейчас же приготовить петиции и одновременно направить их своим правительствам, изложив в них бесспорность притязаний поляков на права воюющей стороны; петиции эти должны опираться на серьезное решение и впредь выступать на защиту этого народа, как он того заслуживает. Мы должны сделать это, чтобы преодолеть козни тайной дипломатии (этого бича народов), — иначе она снова начнет свою адскую игру, поведет на смерть благороднейших сынов Польши, отдаст дочерей ее в добычу грубой солдат-

чины, а страну эту превратит — к вечному стыду и позору цивилизованного мира — еще раз в чудовищную бойню.

За рабочий класс Англии: Том Грант Фэси (маляр), председатель бюро: Вильям Кремер столяр), К. Годдарт (переплетчик), Джон Эглингон (печатник), Джордж Оджер (сапожник).

14. Ответный адрес французских рабочих.

Этот адрес французских рабочих, составленный в ответ на адрес англичан, был оглашен представителем французской делегации Толленом на митинге от 28 сентября 1864 г. в С.-Мартинс-Холле, который был создан для обсуждения «плана для лучшего соглашения между обоими народами», как гласило объявление о митинге. На этом митинге была принята знаменитая резолюция, положившая начало организации I Интернационала.

«Братья и друзья! Да, вы правы: чувство, собравшее нас,—верный признак более благоприятного для освобождения народов будущего. Не должно быть больше того, чтобы цезари, лоб которых украшен короной, сочащейся кровью, делили между собой ограбленные государями народы, опустошенные жестокими войнами страны. Снова Польша покрыта окровавленным саваном, а мы должны были оставаться бессильными зрителями этого.

Один единственный угнетенный народ грозит опасностью для свободы всех других народов. Всякий свободный или желающий быть свободным человеком обязан, во имя своего собственного достоинства, притти на помощь своим угнетенным братьям. Сомнения нет: нам придется бороться со многими трудностями, и не один из нас погибнет в борьбе; но это не должно нас пугать. Свобода, прогресс, как и земля, нуждаются в удобрении.

Опоясаемте поэтому свои чресла и будем радостно готовиться к борьбе. Голос народа должен быть слышен во всех важных вопросах политического и социального характера, чтобы дать таким образом понять деспотам, что настал конец их тиранической опеке.

Поэтому рабочие всех стран, желающие быть свободными, теперь настал наш черед созывать конгрессы. На арене, наконец, снова появляется народ, осознавший свою силу и поднявшийся против тирании в политических отношениях, против монополии и привилегий в социальной экономии.

Уже давно промышленность развивает благодаря научным открытиям свою производительную силу; употребление машин, облегчающее разделение труда, еще увеличивает мощь ее, между тем как торговые договоры, порожденные учением о свободе торговли, открывают ей повсюду рынки.

Промышленный прогресс, разделение труда, свобода труда—все это новые вещи, которые отныне должны привлечь наше внимание, ибо должны изменить коренным образом экономические условия общества. Под влиянием потребности времени, под давлением фактов капиталы концентрируются, объединяясь в мощные финансовые и промышленные товарищества.

Если мы не станем защищаться от этого, то сила эта останется без противовеса и будет править нами деспотически.

Мы оставим в стороне так часто раздающиеся по нашему адресу смехотворные увещания: «сберегайте». Но мы видим, как аристократия будущего завладевает малейшими сберегательными кассами, как она, побуждаемая добросердечием и потребностью покровительствовать нам,—хотим ли мы этого или нет,—делает все, чтобы отнять у рабочего, путем тысячи ухищрений, управление его маленьким капиталом, вместо того чтобы пробудить его инициативу к собственному благополучию. Наши маленькие сбережения, поглощаемые этим Пактолом, скоро сделают из нас покорных слуг финансовых князей, в то время как разделение труда имеет тенденцию сделать из каждого рабочего колесико в руках высоких лордов индустрии. Перед лицом этой мощной, научно продуманной организации склоняется все, все отступает—человек, предоставленный самому себе, становится ничем: он чувствует каждый день, как свобода действий его, его независимость колеблются. Перед лицом этой организации гаснет индивидуальная инициатива или дисциплинируется, покоряясь этой организации.

Труд есть закон человечества, источник общественного богатства, законная основа индивидуальной собственности. Он должен быть неприкосновенен, свободен. Но что бы ни говорили об этом первосвященники политической и социальной экономии, мы утверждаем, что в настоящее время труд лишен всего этого. Ученые теоретики, копающиеся в своих толстых книгах,—они формулируют аксиомы, получающие ужасное опровержение на наш счет. Они, пови-

димому, предпочитают рассматривать вопрос только с одной точки зрения, с точки зрения потребления. Согласно закону спроса и предложения рабочий для них — только предмет мануфактуры. Ведь сказал же знаменитый английский государственный деятель: «Если два предпринимателя бегают за одним рабочим, то заработная плата поднимается; если два рабочих бегают за одним предпринимателем, то заработная плата понижается».

Если капитал, этот могучий помощник труда, становится его беспощадным господином, то рабочий обрекается на голодную смерть. Это называют обменом равных услуг и свободой оборота. Если предприниматель, под давлением неблагоприятных обстоятельств, понижает цену труда, чтобы восстановить потерянное равновесие между собой и своими конкурентами, то это называют свободной конкуренцией. Точно свобода торговли должна иметь своим следствием только перемещение почвы, на которой идет борьба. Что за выгода для нас, в день общего мира, от того, что прячут обратно пушки в наших арсеналах, когда мы — благодаря пару и электричеству — вынуждены заменить их еще более ужасными машинами разрушения?

Свобода торговли — будь она дополнена свободой труда — не увековечила бы борьбы, а, наоборот, помогала бы искусству и гению каждого народа превратить подконец врагов в соревнователей.

Так из-за отсутствия профессионального образования, наука стала привилегией капитала. Благодаря разделению труда рабочий стал простым механическим орудием, а свобода торговли, без солидарности между рабочими, породит промышленное рабство, еще более безжалостное, роковое для человечества, чем то, которое наши предки уничтожили в великие дни французской революции.

Это не крик ненависти, но призыв к пробуждению. Мы, рабочие всех стран, должны объединиться, чтобы поставить непроходимую грань роковой системе, которая, в противном случае, разделит человечество на два класса: на массу невежественных людей и на кучку вельмож и перекормленных мандаринов.

Спасем себя путем солидарности!»

15. Организация I Интернационала.

После принятия приводимой здесь резолюции на митинге в С-Мартинс-Холле был избран комитет из представителей английских, французских, немецких и итальянских рабочих. В комитет вошел и К. Маркс. Состав комитета был чрезвычайно пестрым. В него входили от Англии Оджер, Кремер, Гартуэлль и др. — трэд-юнионисты, бывшие чартисты и оуэнисты, от Франции — Ле-Любе и др. — прудонисты, от Германии — Эккариус, Леспер и др., старые члены «Союза Коммунистов». Генеральный совет этого общества должен был находиться в Лондоне и быть «посредником» между рабочими обществами Германии, Италии, Франции и Англии. На первом же заседании комитета по настоянию Эккариуса и Витлона новая организация стала называться «Международным товариществом рабочих» (МТР).

«После того как данное собрание прослушало ответ наших французских братьев на наш адрес, мы еще раз приветствуем их, и так как их план рассчитан на то, чтоб содействовать солидарности рабочих, то собрание принимает предложенный проект как основу для международного товарищества. Одновременно с этим оно назначает комитет, полномочный пополнить себя новыми членами, и поручает ему выработать статуты и регламент для предполагаемого товарищества».

16. Учредительный адрес.

Учредительный адрес, составленный Марксом, был принят на четвертом заседании комитета 1 ноября 1864 г. с незначительными поправками. На первом заседании комитета была выделена подкомиссия (куда вошел и К. Маркс) для выработки проекта учредительного адреса. Было представлено два проекта — итальянцем майором Вольфом и англичанином Вестоном. После обсуждения в подкомиссии, на заседаниях которой Маркс не мог присутствовать, пленум комиссии поручил снова переработать программу Вестона и статуты Вольфа. На новом заседании подкомиссии были заслушаны проект декларации и переработанные французом Ле-Любе статуты Вольфа и были утверждены. Маркс пишет об этих проектах: «Я прямо испугался, когда при мне прочли совершенно незрелое введение доброго Ле-Любе, имеющее претензию сойти за декларацию принципов, чрезвычайно фразистое, плохо написанное, — там на каждом шагу проглядывал Мадзини (знаменитый итальянский революционер, республиканец), — наполненное неопределеннейшими обрывками французского социализма... Итальянские статуты... имели целью нечто действительно невозможное, именно нечто вроде центрального правительства рабочих классов Европы». Когда на пленуме комиссии обсуждались эти про-

екты, Маркс выступил против них. По требованию Эккариуса они вновь были сданы в подкомиссию, которая Марксу поручила окончательную редакцию. Но Марксу пришлось написать все сызнова. Вот как описывает Маркс эту работу: «Я увидел, что нет никакой возможности сделать что-нибудь из этой чепухи. Чтобы оправдать несколько тот в высшей степени своеобразный способ, каким я собирался проредактировать уже «вотированные чувства» (votiertes sentiments). — я написал обращение к рабочим классам (чего в первоначальном плане не было). Нечто вроде обзора судеб рабочих классов с 1845 (a sort of review of the adventures of the Working Classes since 1845). Под предлогом того, что в это обращение вошло уже все фактическое и что об одном и том же не следует повторять по три раза, я изменил все «введение», выкинув «декларацию принципов», и вместо 40 положений оставил только 10. Поскольку в обращении речь идет о политике, я говорю о странах, а не о национальностях и разоблачаю Россию, но не мелкие государства. Подкомиссия приняла все мои предложения. Меня только обязали во введении к уставу вставить две фразы, говорящие о «долге» и «праве» и точно также об «истине, нравственности и справедливости». Но они помещены таким образом, что никакого вреда принести не могут... Было очень трудно так поставить дело, чтобы наши взгляды приняли такую форму, которая сделала бы их приемлемыми для теперешней точки зрения рабочего движения. Те же самые люди будут недели через две устраивать митинги с Кобденом и Брайтом по поводу избирательного права. Требуется время, пока вновь возродившееся движение сделает возможной старую смелость речи. Необходимо быть сильнее на деле и умереннее в форме».

Учредительный адрес, как и устав, были впоследствии утверждены на первом конгрессе Интернационала в Женеве в 1866 г.

«Товарищи рабочие!

Весьма знаменателен тот факт, что с 1848 г. по 1864 г. нужда рабочих классов не уменьшилась, а между тем этот период по развитию промышленности, по росту торговли не имеет себе равного в истории.

В 1850 г. один из умеренных органов английской буржуазии, обыкновенно отличающийся точностью своих данных, предсказал, что если привоз и вывоз в Англии увеличится на 50%, то пауперизм понизится до нуля.

Увы! 7 апреля 1864 г. канцлер казначейства Гладстон приводил в восторг членов парламента заявлением, что английская торговля по вывозу и ввозу поднялась в 1863 г. до суммы в 443 955 тыс. ф. ст.: «Сумма громадная и превышающая почти в три раза весь торговый оборот относительно еще близкой эпохи 1843 г.!» Но в то же время он красноречиво говорил и о нищете. «Подумайте, — восклицает он — о тех, которые живут на краю ужасного пауперизма!» С неменьшим красноречием говорил он также о заработной плате, которая, по его собственным словам, «нисколько не повышается», и о человеческой жизни, которая «девять случаев из десяти не что иное, как ежедневная борьба за существование».

Заметим, что он при этом даже не упомянул об ирландцах, которые на севере заменяют постепенно машины, а на юге — стадо баранов, хотя, оказывается, что в этой несчастной стране число баранов также уменьшается, но, конечно, не так быстро, как число людей. Он также уклонился повторить то, что в внезапном припадке ужаса выдали высшие члены «десятитысячной аристократии».

Когда панический страх перед гарротерами [1] достиг известной степени, тогда палата лордов произвела расследование о них и в то же время издала отчет о положении ссыльных и заключенных в исправительных домах. Тогда-то истина нашла себе место в многотомной «Синей книге» 1863 г., и на основании официальных данных и цифр было доказано, что самый последний разряд преступников, заключенных в тюрьмах Англии и Шотландии, несравненно меньше работает и лучше питается, чем земледельческий класс этих стран.

Но это еще не все!

Когда американская война внезапно лишила работы рабочих графства Ланкашира и Честера, тогда палата лордов послала в эти промышленные округа врача с поручением определить минимум количества углерода и азота, который был бы доступен рабочим по цене и по своему способу изготовления и настолько питателен, чтобы предупреждать заболевания на почве голода. Исполняя это поручение, доктор Смит пришел к убеждению, что каждому взрослому человеку, средним числом, необходимо употреблять в пищу за одну неделю 28 тыс. гран [2] углерода и 1 330 гран азота для того только, чтобы не умереть голодной смертью, и, кроме того, он нашел, что та скудная пища, на которую по причине своей крайней нищеты обречены рабочие на

[1] Гарротеры — обреченные на ужасную казнь, обычно применяемую в Испании.

[2] 1 гран = 64,8 миллиграмма.

хлопчатобумажных фабриках, подходит по количеству своих составных частей весьма близко к вышеозначенному выводу его исследований [1].

По послушайте дальше. Тот же ученый медик был позднее снова послан правительством с поручением исследовать пищу беднейшей части рабочего класса. Шестой отчет «о состоянии общественного здравия», изданный в течение того же 1864 г. по распоряжению парламента, содержит в себе результаты этих исследований. Что же открыл доктор? Он открыл, что ткачи шелковых материй, портнихи, перчаточники, чулочники и другие рабочие не имеют даже жалкой пищи рабочих на хлопчатобумажных фабриках, т. е. что они в среднем не пользуются даже тем количеством углерода и азота, которое необходимо для предупреждения случаев голодной смерти.

«Кроме того,—мы буквально приводим слова отчета,—исследование положения земледельческих семейств доказало, что пища пятой части этих семейств содержит в себе углеродистых веществ менее вышеозначенного минимума, а пища третьей части их—азотистых веществ менее своего минимума, и, что, наконец, в графствах Беркс, Оксфорд и Соммерсет недостаток азотистых веществ в пище есть почти повсеместное явление. При этом не следует упускать из виду,—прибавляет официальный отчет,—что лишние себя необходимой пищи крайней противно человеку, и, что поэтому и эти рабочие только после всевозможных лишений в других вещах начинают отказывать себе в самой необходимой пище... Чистота составляет предмет совершенно недоступной роскоши, и если порой чувство собственного достоинства заставляет соблюдать ее, то эта попытка неизбежно сопровождается увеличением мук голода... Все эти наблюдения тем более печальны, что они подтверждают факт незаслуженной нищеты. Действительно, во всех вышеприведенных случаях мы видим перед собою нужду трудящегося, а не праздного населения, и притом тот труд, который вознаграждается столь жалким существованием, по большей части бывает слишком тяжел и продолжителен».

Затем отчет обнаруживает странный и даже неожиданный факт, «что из всех частей Великобритании—Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии—именно земледельческое население Англии, и преимущественно в ее богатейшей части, питается хуже остальных; но что в то же время беднейшие поселяне графств Беркса, Оксфорда и Соммерсета питаются лучше, чем большинство рабочих, живущих в восточной части Лондона».

Таковы официальные факты, обнародованные парламентом в 1864 г., во время «тысячелетнего царства свободной торговли», в тот самый момент, когда канцлер казначейства торжественно объявил Палате общин, «что улучшение положения рабочих в Англии достигло вообще такой высокой степени, что подобного ему примера мы не встречаем в истории какого-нибудь другого века или какой другой страны!» Но каким противоречием с этим официальным самовосхвалением звучит простое и краткое замечание не менее официального отчета о состоянии общественного здоровья: «под общественным здоровьем какой-нибудь страны следует понимать здоровье всей ее народной массы, а разве можно назвать эту массу здоровой, когда она не пользуется вся, до последних слоев своих, самым скромным благосостоянием?!»

Ослепленный главой «Синей книги»—«Развитие национального богатства»—и ошеломленный статистическими цифрами, канцлер казначейства восклицает в диком экстазе: «С 1842 г. по 1852 г. поступление податей страны увеличилось на 6%; в следующие же восемь лет, от 1853 г. по 1861 г. оно увеличилось на 20%; этот факт так изумителен, что ему даже с трудом можно верить!..» Это ошеломляющее увеличение богатства и могущества, — прибавляет г. Гладстон [1], — распространяется исключительно на одни имущие классы.

Если вы пожелаете узнать, сколько жертв потрясенного здоровья, нравственного падения и умственного расстройства стоит рабочему классу производство и «этого ошеломляющего увеличения богатств, распространяющегося исключительно на одни имущие классы», то обратите внимание на описание мастерских портных, наборщиков и швей, помещенное в последнем «Отчете о состоянии общественного здравия». Возьмите затем «Отчет комиссии для исследования детского труда» за 1863 г., где, между про-

[1] Читателям известно, что, кроме воды и других неорганических веществ, углерод и азот составляют основную часть человеческой пищи. Эти простые химические ингредиенты, чтобы быть годными для питания организма, должны быть принимаемы в виде

[1] Гладстон-Вильям (1809—1898) — видный политический деятель Англии, глава и член нескольких министерских кабинетов.

чим, сказано, что горшечники, мужчины и женщины, представляют часть населения, совершенно выродившуюся как в физическом, так и в психическом отношениях; что их болезненные дети, становясь в свою очередь болезненными родителями, ведут постепенно к вырождению всей расы и что народонаселение в графстве Стаффорд вырождалось бы еще быстрее, если бы оно не пополнялось постоянно пришельцами из смежных провинций и браками с более здоровыми элементами. Бросьте еще взгляд на синюю книгу г. Тременгеера под заглавием: «Жалобная книга подмастерьев булочников». Кто не придет в ужас от уверений фабричных инспекторов, подкрепленных документами, обнародованными генерал-регистратором, что будто бы состояние здоровья графства Ланкастер поднялось именно в то время, когда за недостатком в хлопке их выгнали с бумагопрядильных фабрик графства и, следовательно, когда они были обречены на еще более скудное питание, и что будто бы за это время также убавилась смертность детей по той причине, что матери получили, наконец, возможность кормить их грудью вместо опийной микстуры Годфрея?!

Таблицы налога на доход и на имущества, представленные в Палату общин 20 июля 1864 г., указывают, что с 5 апреля 1862 г. по 5 апреля 1863 г. число счастливцев с ежегодным доходом до 50 тыс. ф. ст. поднялось с 67 на 80 человек. Та же таблица обнаруживает другой любопытный факт, а именно,— что ежегодный доход в 25 млн. ф. ст. (сумма, превышающая годовой заработок всех земледельцев Англии и графства Валлийского) делится только между 3 тыс. человек. Откройте статистические данные за 1861 г. и вы увидете, что с 1851 г. по 1861 г. число землевладельцев в Англии и в Уэльсе упало с 16 934 на 15 066 и что, таким образом, сосредоточивание поземельной собственности в 10 лет увеличилось на 11%. Если сосредоточение поземельной собственности во владении небольшого круга людей будет следовать той же пропорции, то, без сомнения, решение вопроса о поземельной собственности должно будет весьма упроститься, а именно — притти к той форме, как то случилось раз во времена Римской империи, когда Нерон заскрежетал зубами при известии, что половина африканской провинции составляет собственность только шести господ!

Мы нарочно остановились на этих «замечательных фактах, которым так трудно верится», потому что Англия стоит во главе торговой и промышленной Европы. Вспомните, ведь еще так недавно один из изгнанных сыновей Людовика-Филиппа поздравлял английского земледельца с превосходством его судьбы перед судьбой трудящихся братьев его по ту сторону Ла-Манша! Действительно, мы встречаемся во всех цивилизованных промышленных государствах континента с теми же общественными явлениями, какие видим в Англии, с тою, впрочем, разницею, что на континенте они представляются в меньшем размере и с некоторыми местными особенностями. С 1848 г. небывалое до сих пор развитие промышленности и громадное увеличение привоза и вывоза замечено было вообще во всех этих государствах. Повсюду «увеличение богатств и могущества, распространяющееся исключительно на одни имущие классы», было поистине опьяняющее! Везде, как и в Англии, меньшинство рабочего класса получило небольшую прибавку к заработной плате; но при повсеместном вздорожании предметов первой необходимости это повышение заработной платы столь же мало означает увеличение благосостояния рабочих, как, например, повышение платы за содержание пенсионеров богадельни и в приюте сирот в столице с 7 ф. 7 шилл. 4 пенсов в 1852 г. на 9 ф. 15 шилл. 8 пенсов в 1862 г. и не послужило к улучшению быта этих пенсионеров и сирот. Повсюду значительные массы рабочего класса впадали в более и более бедственное состояние, по мере того как подымалось благосостояние высших классов!! Затем все здравомыслящие люди признают, и только те, которым выгодно вечно сулить «журавля в небе», отрицают неопровержимость того факта, что во всех странах Европы ни усовершенствование машин, ни применение науки к производству, ни открытие новых путей сообщения или колоний, ни переселение, ни создание новых рынков, ни свобода торговли, ни все эти условия вместе взятые совершенно неспособны уничтожить бедствия рабочего класса. Наоборот, до тех пор пока социальное устройство будет покоиться на своих старых и ложных основах, всякое новое развитие производительной силы труда только шире и глубже проведет ту пропасть, которая разделяет теперь между собою различные сословия, и ярче выставит существующий между ними антагонизм.

Во время этой «опьяняющей эпохи экономического прогресса» голодная смерть поднялась в великобританской столице на степень социаль-

ного фактора. Эта эпоха ознаменовалась в анналах истории ускоренным возвратом, самым широким распространением и самым убийственным действием той общественной язвы, имя которой — торговый и промышленный кризис.

После поражения революции 1848 г. все организации и все политические журналы рабочего класса на континенте были подавлены грубою рукой силы. Самые передовые сыны труда в отчаянии бросились по ту сторону океана, в Северные штаты, и все эфемерные мечты об освобождении рабочего класса замерли перед этой эпохой промышленной горячки, нравственной спячки и политической реакции.

Благодаря отчасти английской дипломатии, действовавшей тогда заодно с петербургским кабинетом, губительные следствия поражения рабочего класса на континенте распространились вскоре и по ту сторону Ла-Манша. Видя поражение своих братьев на континенте, английский рабочий потерял мужество и всякую веру в свое собственное дело, а это отчаяние рабочего возвратило землевладельцу и капиталисту их начавшую уже колебаться самоуверенность, и они нагло взяли назад все предложенные ими самими перед тем уступки.

Открытие золота в новых землях вызвало огромное переселение и произвело непополнимую пустоту в рядах великобританского пролетариата. Другие же из самых деятельных его членов прельстились временною приманкою прибыльного труда, возвышенной заработной платой, и сделались, таким образом, «черными политиками» [1].

Напрасными также оказались все усилия поддержать движение чартистов или дать ему новое направление. Все печатные органы рабочего класса замолкли один за другим вследствие апатии массы, и казалось, что еще никогда английский пролетариат не мирился так всецело со своим политическим ничтожеством.

Итак, если между рабочими классами Англии и континента не существовало в то время общности в действии, то у них была по крайней мере солидарность в поражении.

Однако этот период, идущий вслед за революцией 1848 г., представляет в то же время и такие факты, которые вознаграждают нескольких рабочих за понесенные ими поражения; мы упомянем тут только о главнейших.

После тридцатилетней борьбы, выдержанной с самой замечательной стойкостью, рабочий класс Англии, пользуясь временной ссорой между аристократией — землевладельческой и денежной, — успел, наконец, провести билль о десятичасовой работе.

Громадная польза, вытекающая из этого билля для рабочих на фабриках, в физическом, нравственном и умственном отношениях признается самими инспекторами фабрик в их полугодовых отчетах, и все теперь с удовольствием указывают на этот факт. Вслед затем и большинство континентальных правительств вынуждено было принять в более или менее измененной форме английский закон о мануфактурах, а сам английский парламент принужден теперь ежегодно расширять круг своих законодательных мер по этому вопросу.

Но рядом с практической выгодой этот закон имел другие замечательные последствия. В лице своих знаменитых оракулов, каковы доктор Ур, профессор Сенниор и другие философы того же закала, буржуазия предсказывала и с величайшим самодовольством доказывала, что всякое вмешательство закона в ограничение числа рабочих часов будет не чем иным, как похоронным звоном для английской промышленности, которая будто бы, подобно вампиру, может существовать только кровью и преимущественно кровью детей. В былое время убийство ребенка считалось священнотаинством в религии Молоха, но оно совершалось, по крайней мере, только в самых необычайных случаях, быть может один раз в году, и к тому же Молох не выражал особого предпочтения к детям беднейшего класса! Этот спор о праве законодательной власти определять число рабочих часов принял характер особенного ожесточения не только потому, что он являлся страшилищем для корыстолюбивой буржуазии; но главным образом потому, что с ним вновь поднимался и даже до некоторой степени разрешался великий спор между слепым «законом спроса и предложения», составляющий суть всей политической экономии буржуазии, и между стремлением рабочего класса подвергнуть производство контролю и заведыванию всего общества для всеобщего равномерного пользования им, т. е. стремлением к той форме производства, которая составляет суть политической экономии рабочего класса.

Итак, билль о десятичасовой работе не был только практическим успехом, но он был в то же время торжеством самого принципа: в первый раз и в открытом поле буржуазная по-

[1] В Англии называют так людей, изменивших своим принципам и делу своей партии.

литическая экономия была поражена политической экономией рабочего класса.

Но политической экономии труда было суждено одержать вскоре еще более полное торжество над политической экономией капитала. Мы говорим о кооперативном движении и в особенности о кооперативных фабриках, основанных по инициативе нескольких энергичных «рабочих рук». Нельзя достаточно высоко оценить значение этих громадных социальных опытов! Они доказали на деле, а не одними теоретическими рассуждениями, что возможно производство в большом масштабе и в полном согласии с требованиями современной науки и помимо существования класса предпринимателей, эксплоатирующих класс рабочих; они доказали, что орудия труда могут приносить плоды, не будучи чьей-либо монополией, являющейся орудием насилия и эксплоатации по отношению к рабочему; они доказали, что наемный труд, подобно труду рабов или труду крепостному, есть не что иное, как переходная и низшая форма производства, которой суждено исчезнуть с появлением труда общественного, выполняющего возлагаемые на него тяжелые задачи с полной охотой, весело и непринужденно! В Англии Роберт Оуэн первый бросил семя кооперативной системы; на континенте кооперативные попытки рабочих в действительности не что иное, как практическое приложение теорий, хотя и не открытых, но громко провозглашенных в 1848 г.

Но, с другой стороны, весь опыт этого периода (с 1848 до 1864 г.) доказал до очевидности, что, несмотря на все превосходство самого принципа и на всю пользу его практического применения, кооперативное производство, если оно ограничивается одними случайными частными усилиями небольшого круга рабочих, никогда не будет в силах ни остановить быстрое развитие монополии, ни освободить рабочие массы, ни даже хоть несколько облегчить тягость их положения. И, может быть, в этом и заключается настоящая причина того, что такое множество праздных бар, филантропов-буржуа и даже великоумных экономистов рассыпается теперь потоком пошленьких похвал перед кооперативной системой, которую они старались вначале ее расцвета так напрасно задушить, представляя ее как забавную утопию мечтателей или проклиная ее как сумасшедший бред социализма.

Чтобы освободить всю массу рабочих, кооперативное производство должно быть распространено на всю страну, и, следовательно, ее развитие должно находить себе поддержку во всех силах и средствах государства. Но землевладельцы и капиталисты будут всегда пытаться пользоваться своими политическими преимуществами, чтобы отстаивать свои экономические привилегии. Они не только не будут поощрять стремление к освобождению труда, но, напротив, будут продолжать ставить ему наибольшие препятствия. Стоит только вспомнить, с каким пренебрежением лорд Пальмерстон выразился в ответ на билль о правах ирландских фермеров, представленный в нынешнюю сессию (1864 г.). «Палата депутатов, — восклицает он, — есть палата землевладельцев!».

Итак, первая задача рабочего класса заключается в завоевании себе политической власти. Рабочие начинают понимать это, потому что подобное общее их стремление появилось разом в Англии, в Германии, в Италии и во Франции, и вследствие этого возникли вновь усилия дать рабочей партии политическую организацию.

Они обладают одним важным элементом успеха: своею численностью; но численность только тогда придает вес, когда она объединена и направлена к сознательной цели. Опыт прошлого нас учит, что забвение о тех братских узах, которые должны связывать рабочих разных стран и побуждать их к взаимной поддержке в борьбе за освобождение, наказывается общим поражением всех их предприятий, совершаемых в каждой местности отдельно, без связи с другими.

Руководясь этим сознанием, рабочие разных стран составили публичный митинг в зале Сент-Мартинс 28 сентября 1864 г. и решили основать Международное товарищество. Этот митинг был созван еще вследствие других побуждений.

Если успех дела освобождения рабочих классов зависит от их братского единодушия и взаимного содействия, то каким образом они могут выполнить свое великое назначение, когда международная политика, руководясь единственно преступными замыслами и пользуясь национальными предрассудками, проливает в своих разбойничьих войнах кровь и тратит деньги народа?! Не благоразумие английских господствующих классов, но оппозиция рабочего класса преступному безумию этих высших образованных классов спасла недавно Западную Европу от позора нового крестового похода ради поддержки и развития рабства по ту сторону океана.

Бесстыдное одобрение, лицемерная симпатия и идиотское равнодушие, с которыми высшие

классы Европы смотрели на то, как Россия завладевала горами Кавказа и душила героическую Польшу; громадные завоевания этого варварского исполина, голова которого в Петербурге, а руки которого находят себе место во всех кабинетах Европы, — показали, наконец, рабочим, что пора им вникнуть в тайны международной политики, что пора им наблюдать за дипломатическими действиями своих правительств, сопротивляться им в случае нужды всеми средствами, находящимися под рукою, и наконец, в случае неудачи подобных отдельных усилий, соединиться в одном общем протесте против преступных замыслов правительств, провозглашая необходимость соблюдать естественные законы нравственности и справедливости, которыми должны руководиться все люди в своих отношениях и которые должны служить также высшей нормой для взаимных отношений народов!

Бороться во имя такого политического знамени — значит принимать участие в общей борьбе во имя полного освобождения рабочего класса. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

17. Устав I Интернационала.

Устав I Интернационала, как и «Учредительный адрес», был разработан К. Марксом. Если «Учредительный адрес» должен был быть введением к уставу и обосновать существование международного общества рабочих то устав в своей принципиальной части формулировал цели и программу новой организации. При изучении «Учредительного адреса» и устава, необходимо обратить внимание (и выяснить причины этого) на формулировку целей движения и сравнить их с соответствующим местом «Манифеста коммунистической партии».

«Принимая во внимание,

что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса;

что борьба за освобождение рабочего класса означает не борьбу за классовые привилегии и монополии, а борьбу за установление равных для всех прав и обязанностей и уничтожение всякого классового господства;

что экономическое подчинение трудящихся монопольным обладателям средств производства, т. е. всех источников жизни, составляет основную причину рабства во всех его видах, социальной нищеты, умственного вырождения и политической зависимости рабочего класса;

что, поэтому, экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия к достижению этой великой цели до сего времени оставались безуспешными вследствие недостатка единодушия между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и вследствие отсутствия братского союза между рабочими классами различных стран;

что освобождение труда не является местной или национальной задачей, но социальной проблемой, охватывающей все страны, в которых существует современное общество, проблемой, которая может быть разрешена лишь путем взаимного практического и теоретического содействия наиболее передовых стран;

что возобновление движения рабочих классов в наиболее промышленных странах, возбуждая новые надежды, дает вместе с тем торжественное предостережение против повторения старых ошибок и заставляет стремиться к немедленному объединению всех пока еще разрозненных усилий.

Вследствие этого нижеподписавшиеся члены комитета, избранного по постановлению публичного митинга, состоявшегося 28 сентября 1864 г. в Сент-Мартинс-холле, в Лондоне, приняли необходимые меры, чтобы основать международное общество рабочих.

Они объявляют, что это Международное общество, равно как и все общества и лица, входящие в его состав, будут признавать правду, справедливость и нравственность, как основу своих отношений друг к другу и ко всем людям без различия расы, религии или национальности.

Они считают долгом человека добиваться прав человека и гражданина не только для самих себя, но и для всякого лица, выполняющего свои обязанности. Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.

И в этом духе они составили следующий временный устав международной ассоциации.

Статья первая. Настоящее общество основано с целью создать центральный пункт для сообщений и сотрудничества между рабочими обществами, существующими в разных странах, стремящихся к одной и той же цели: к защите, развитию и к полному освобождению рабочего класса.

Статья вторая. Настоящее общество принимает название «Международное товарищество рабочих».

Статья третья. Генеральный совет Товарищества образуется из рабочих, представителей разных национальностей, входящих в состав Международного товарищества рабочих.

Генеральный совет избирает из своей среды членов президиума, т. е. председателя, главного секретаря, казначея и секретаря для отдельных стран.

Общий конгресс Товарищества определяет ежегодно местопребывание генерального совета, избирает его членов и назначает место и время для следующего конгресса.

Делегаты конгресса собираются в определенный конгрессом срок, не дожидаясь особых приглашений. В случае невозможности созвать конгресс в назначенном предыдущим конгрессом месте генеральный совет имеет право изменить место заседаний конгресса, но отнюдь не время его созыва.

Статья четвертая. Генеральный совет должен представлять на каждый годичный конгресс Товарищества подробный отчет о своих работах за истекший год. В случае крайней необходимости он может созвать общий конгресс ранее назначенного срока.

Статья пятая. Генеральный совет Товарищества устанавливает связь между отдельными секциями и союзами рабочих, для того чтобы рабочие каждой страны были постоянно осведомлены о движении рабочих в других странах, дабы они смогли предпринять одновременно, в одном и том же духе исследование о социальном положении рабочего класса в своей стране.

Для облегчения своих сношений с различными секциями Товарищества генеральный совет издает периодический бюллетень.

Статья шестая. Ввиду того, что успех рабочего движения может быть обеспечен в каждой стране только путем объединения и организации рабочих и что, с другой стороны, полезность генерального совета зависит от его более или менее тесной связи с рабочими обществами, национальными и местными, то члены МТР всеми своими силами должны стремиться, каждый в своей стране, к объединению существующих в ней различных рабочих обществ в один национальный союз.

Само собой разумеется, что применение этой статьи устава будет зависеть от существующих в каждой стране законов, но каждое местное общество обязано входить в непосредственные сношения с генеральным советом, если к этому нет препятствий со стороны местных законов.

Статья седьмая. Каждый член МТР при переезде на жительство в другую страну имеет право на братскую поддержку со стороны местных членов Товарищества; ему даются все сведения, относящиеся к его профессии в той местности, куда он направляется, и ему оказывается кредит на условиях, определенных уставом его секции и под гарантией последней.

Статья восьмая. Каждый, кто принимает и разделяет принципы МТР, может стать его членом, но лишь с поручительством принимающей его секции.

Статья девятая. Каждая секция имеет право избирать своих членов-корреспондентов в генеральный совет Товарищества.

Статья десятая. Рабочие секции, составляющие Международное товарищество рабочих, хотя и объединены друг с другом братскими узами солидарности и взаимной поддержки, сохраняют, тем не менее, свойственные им виды организации.

Статья одиннадцатая. Все, что не предусмотрено настоящим уставом, будет дополнено особыми постановлениями, подлежащими пересмотру на каждом годичном конгрессе Товарищества».

18. Роль Маркса в Интернационале.

«Интернационал был учрежден для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для его борьбы. Его первоначальные уставы и его первый учредительный адрес сразу же указывают на это. С другой стороны, Интернационал не удержал бы своей позиции, если бы с ходом истории сектантство не пережило самое себя. Развитие социалистического сектантства и истинного рабочего движения стоят друг к другу в обратном отношении. Секты имеют свое (историческое) право на существование лишь до тех пор, пока рабочий класс не созрел для самостоятельного исторического движения; с наступлением же этого момента сектантство в сущности становится реакционным. И в истории Интернационала повторился тот общеизвестный факт, что все отживающее стремится обновиться и удержать свою позицию во вновь нарождающихся формах. История Интернационала — это беспрерывная борьба генерального совета с дилетантскими

опытами и сектами, стремящимися занять в рядах самого Интернационала позицию против истинного рабочего движения. Борьба эта велась на съездах, а еще в большей степени на частных совещаниях генерального совета с отдельными секциями.

Так как в Париже прудонисты (мутуалисты) тоже принимали участие в организации общества, то они естественным образом в течение первых лет стояли во главе парижского движения. В противоположность им там конечно позже образовались группы коллективистов, позитивистов и др.

В Германии — клика лассальянцев. Я сам состоял в продолжение двух лет в переписке с опороченным Швейцером, неопровержимо доказал ему, что лассалевская организация есть просто сектантская организация и что в качестве таковой она враждебна организации действительного рабочего движения, создать которую стремится Интернационал. У Швейцера были свои особые «основания» этого не понять.

В конце 1868 г. в Интернационал вступил Бакунин, имеющий целью создать внутри его под именем «Союза социальной демократии» второй Интернационал и стать во главе его. Он — человек без всяких теоретических знаний — претендовал на роль представителя в этом новом политическом организме научной пропаганды среди членов Интернационала и хотел сделать ее специальной задачей этого второго Интернационала — внутри Интернационала.

Его программа, — эта понадерганная отовсюду мешанина, — членам Интернационала диктует равенство классов (!), отмену наследственного права как исходный пункт социального движения (сенсимонистские бредни), атеизм как догму, а главной догмой выставляется воздержание от участия в политике (по Прудону).

Эта детская азбука нашла себе распространение (и до известной степени еще держится) в Италии и Испании, где мало развиты реальные основания рабочего движения, и в среде некоторых себялюбивых, тщеславных и пустых доктриперов в Бельгии и романской Швейцарии.

Для господина Бакунина его доктрина (белиберда, составленная по кусочкам из прудоновских, сен-симонистских и других теорий) была и есть вещь второстепенная и служит ему лишь средством к приобретению личного значения и веса. Но если Бакунин в теоретическом смысле нуль, то зато он, как интриган, на высоте своего призвания.

Против этого заговора (поддерживавшегося до известного момента, главным образом на юге Франции, французскими прудонистами) генеральный совет вел многолетнюю борьбу, пока наконец не нанес ему давно подготовлявшегося удара в форме 1, 2 и 3, IX, XVI и XVII резолюций, принятых на конференции [1].

Само собой понятно, что генеральный совет не станет поддерживать в Америке того, против чего он боролся в Европе. Вооружившись 1, 2, 3 и IX резолюциями, Нью-йоркский комитет этим приобретает легальные средства, дающие ему возможность положить конец сектантству и происках дилетантских групп, а в случае надобности и совершенно исключить их.

«Политическое движение» рабочего класса имеет, само собой разумеется, конечной целью завоевание им «политической власти», а для этого до известного момента необходимо развитие «предварительной организации рабочего класса», само собой вырастающее из экономической борьбы рабочего класса.

Но, с другой стороны, каждое движение, в котором рабочий класс, как таковой, противостоит господствующим классам и оказывает на них давление посредством «давления извне», есть «политическое движение». Например, попытка принудить отдельного капиталиста при помощи стачек и т. д. к сокращению рабочего дня на отдельной фабрике или мастерской будет чисто экономическим движением; напротив, движение в пользу закона о восьмичасовом рабочем дне и т. д. будет уже

---

[1] Резолюции Лондонской конференции 1, 2 и 3 запрещают секциям, отделам и т. д. присваивать себе всякого рода сектантские названия и предписывают им именоваться отделениями или секциями Международного товарищества рабочих с обозначением своего места пребывания; IX резолюция подчеркивает необходимость политической деятельности рабочего класса и заявляет, что его экономическое движение и его политическая деятельность неразрывно друг с другом связаны; XVI резолюция объявляет вопрос об «Альянсе» исчерпанным, ввиду заявления его секретаря Н. Жуковского о распущении «Альянса»; резолюция XVII дает секциям швейцарской Юры право называться Fédération jurassienne и порицает их органы «Progrès» и «Siècle».

политическим. И этим-то путем повсюду из отдельных экономических требований рабочих вырастает движение политическое, т. е. движение класса, чтобы этим путем добиться осуществления его интересов в общей форме, т. е. в форме, имеющей принудительный характер для всего общества. Если эти движения подчинить определенной предварительной организации, то они, в свою очередь, сделаются средством развития этой организации.

Там, где организация рабочего класса еще не настолько развита, чтобы он мог вступить в решительное сражение с коллективной властью, т. е. с политической властью господствующих классов, там он к этому должен быть подготовлен непрерывной агитацией против враждебной нам политики правящих классов. В противном же случае он сделается игрушкой в их руках, как это доказала сентябрьская революция во Франции и как это до известной степени до последнего момента доказывают успехи в Англии Гладстона и К°».

(Письмо Маркса к Больтке от 23 ноября 1871 г.)

19. Интернационал и профсоюзы.

А. Прошлое профсоюзов.

(Это постановление Женевского конгресса было взято из докладной записки, написанной для делегатов К. Марксом).

«Капитал есть концентрированная общественная (социальная) сила, в то время как рабочий располагает только своей индивидуальной рабочей силой. Договор между капиталом и трудом никогда не может быть поэтому заключен на справедливых условиях, справедливых даже в смысле такого общества, которое собственность на материальные средства жизни помещает на одной стороне и живую производительную энергию — на другой.

Единственной общественной (социальной) силой на стороне рабочих является их численность. Однако сила числа нарушается их разъединением. Это разъединение рабочих создается и поддерживается их неизбежной конкуренцией друг с другом. Профессиональные союзы первоначально возникли из самопроизвольных попыток рабочих устранить или, по крайней мере, умерить эту конкуренцию с целью добиться таких условий договора, которые помогли бы им подняться выше положения простых рабов.

Поэтому непосредственная задача профессиональных союзов ограничивалась обыденными нуждами и изысканием средств для воспрепятствования постоянным захватам капитала, одним словом — вопросам заработной платы и рабочего времени. Эта деятельность профессиональных союзов является не только вполне законной, но и необходимой. Она неизбежна, пока существует современная система производства. Напротив, она должна быть обобщена путем образования и объединения профессиональных союзов во всех странах.

С другой стороны, бессознательно для самих себя профессиональные союзы служили формирующими центрами организации для рабочего класса, как средневековые муниципии и коммуны — для буржуазии. Если профессиональные союзы необходимы для партизанской войны между капиталом и трудом, то они еще более важны как организационные факторы уничтожения самого наемного труда.

Б. Настоящее профсоюзов.

Исключительно поглощенные местной и непосредственной борьбой с капиталом, профессиональные союзы не вполне еще поняли силу своей деятельности, направленной против самой системы наемного рабства. Они поэтому держались чересчур далеко от социальных и политических движений. Однако в последнее время они, повидимому, пробуждаются к некоторому пониманию своей великой исторической миссии, как это, например, явствует из их участия в недавнем политическом движении в Англии[1], из более широких воззрений на их функции в Соединенных штатах и из следующей резолюции, принятой на недавней конференции профессиональных союзов в Шеффильде: «Конференция, вполне одобряя все усилия, предпринятые Международным товариществом рабочих с целью объединения рабочих всего мира в один общий братский союз, настоятельно рекомендует всем представленным на ней союзам присоединиться к Интернационалу, так как это безусловно необходимо для прогресса и процветания всего рабочего мира».

[1] Борьба в 1865—1866 гг. за избирательное право.— Прим. перев.

В. Будущее профсоюзов.

Помимо своих первоначальных задач, они должны учиться действовать сознательно, как организующие центры рабочего класса, в интересах его полного освобождения. Они должны помогать всякому социальному и политическому движению, стремящемуся к этой цели. Смотря на себя как на борцов и представителей всего рабочего класса и действуя соответственно этому, они должны привлекать в свои ряды всех рабочих. Они должны заботливо блюсти интересы рабочих в наихудше оплачиваемых отраслях промышленности, как, например, сельскохозяйственных рабочих, которые исключительными условиями осуждены на бессилие. Они должны убедить весь мир, что их усилия не только не являются узкими и эгоистическими, но, наоборот, направлены на освобождение миллионов угнетенных».

20. Политические задачи рабочего класса.

(Резолюция Лозаннского конгресса 1867 г.)

«Принимая во внимание, что отсутствие политических свобод препятствует социальному воспитанию народа и эмансипации пролетариата, который заявляет: 1) что социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения; 2) что установление политических свобод является мерой первой и безусловно необходимой, поэтому конгресс постановляет: 1) ежегодно повторять предшествующую декларацию; 2) официально сообщить эту декларацию всем членам Международного товарищества рабочих, равно как участникам конгресса мира, прося их оказать энергичную поддержку для дарования, наконец, всем народам неотчуждаемых прав 1789 года» [1].

21. Решение Брюссельского конгресса Интернационала.

Приводимые резолюции приняты по докладу бельгийского депутата де-Пап по вопросу о земельной собственности на III конгрессе в Брюсселе в сентябре 1868 г. и служат поворотной вехой в борьбе коммунизма с прудонизмом. Резолюции приняты большинством 30 голосов против 5 при 15 воздержавшихся и означали победу принципов коллективизма.

А. О земельной собственности.

«Принимая во внимание, что нужды производства и применение известных законов агрономии требуют крупного земледельческого производства коллективным путем и делают необходимым введение машинного труда и коллективной организации сельской рабочей силы и что вообще современное экономическое развитие ведет к крупному земледельческому производству;

принимая во внимание, что соответственно этому сельскохозяйственный труд и сельскохозяйственная собственность должны быть поставлены в те условия, что и в горном деле;

принимая во внимание, что производительные свойства почвы представляют первоисточник всех продуктов, всех средств производства и всех потребительных благ и что эти производительные свойства не созданы трудом, не могут быть частной собственностью, —

конгресс держится того мнения, что экономическое развитие современного общества делает социальною необходимостью обращение земли в общественную собственность и что государство должно сдавать землю в аренду земледельческим обществам (производительным товариществам) на таких же условиях, как рудники и железные дороги.

Б. О лесах.

Принимая во внимание, что предоставление лесов частным лицам ведет к опустошению лесов;

что это опустошение мешает регулированию и сохранению водных источников и понижает доходность земли, а также угрожает здоровью населения и подвергает опасности жизнь граждан, — конгресс высказывает взгляд, что леса должны составлять общее достояние.

---

[1] Т. е. политических свобод (собраний, печати, совести), провозглашенных Великой французской революцией.

В. О каналах, дорогах и телеграфных путях.

Полагая, что эти пути сообщения требуют единого управления и использования, которое не может быть предоставлено частным лицам, как этого требуют некоторые экономисты, под видом монополии, —

конгресс полагает, что эти пути сообщения должны быть в коллективной собственности общества.

Г. О рудниках, каменноугольных копях и железных дорогах.

Принимая во внимание:

1) что крупные производства, связанные с обработкой почвы, предоставлены природой для пользования человечеству; 2) что эти производства непременно требуют применения машин и коллективной силы; 3) что машины и коллективная сила, которые в настоящее время существуют исключительно к выгодам капиталистов, в будущем должны быть использованы исключительно работающими и что для этого необходимо, чтобы вся индустрия, где эти две экономические силы являются насущными (неизбежными), должна быть использована рабочими группами и самостоятельно, —

конгресс полагает, что каменоломни, каменноугольные копи и другие рудники, так же как и железные дороги, в нормальном обществе будут принадлежать общественному коллективу, представленному государством, но государством, возрожденным (преобразованным), подчиняющимся законам правосудия;

что каменоломни, каменноугольные копи, рудники и железные дороги будут обществом предоставлены для эксплоатации не капиталистам, как в настоящее время, а рабочим товариществам; при этом заключается двойной договор: с одной стороны, передающий право пользования (эксплоатации) рабочим товариществам и, с другой, обеспечивающий (гарантирующий) интересы общества: а) научную и рациональную эксплоатацию, б) возможность пользоваться их продукцией по цене, наиболее близкой к себестоимости (собственной цене), в) право проверки счетов товарищества, г) и, следовательно, невозможность восстановления монополии.

Вместе с этим договор должен обеспечивать естественные права каждого члена рабочей ассоциации по отношению к его товарищам».

22. Средства прекратить войну.

(Резолюция Брюссельского конгресса.)

Принимая во внимание, что отношения между естественными группами, народами, нациями, а также между гражданами должны регулироваться справедливостью, что хотя главная и постоянная причина войны заключается в недостатке экономического равновесия и что поэтому война всегда служила лишь аргументом более сильного, а не являлась санкцией права; она оказывается лишь средством порабощения народов привилегированными классами и представляющими их правительствами; она укрепляет деспотизм, уничтожая свободу (примером служат последние войны Италии и Германии). Разоряя семьи и внося деморализацию повсюду, где происходит скопление армий, она таким образом поддерживает и усиливает невежество и нищету. Золото и кровь никогда не служили чему-либо другому, как поддержанию среди народов диких инстинктов варварства. В обществе, основанном на труде и производстве, сила должна служить лишь свободе и праву каждого; она должна быть лишь гарантией, но отнюдь не средством притеснения хотя бы даже по отношению к одному только члену общественного организма. При настоящем состоянии Европы правительства не представляют законных интересов рабочих: наряду с главною и постоянною причиною войны, а именно отсутствием экономического равновесия, вследствие которого для ее уничтожения необходима социальная реформа, побочною причиною войны является произвол, вытекающий из централизации и деспотизма. Отныне народы могут уменьшить число войн, противодействуя тем, кто их вызывает и объявляет; это право вообще принадлежит рабочим классам, которые являются почти исключительными носителями воинской повинности и от которых всецело должна зависеть санкция этого права; они обладают для этого законным практическим средством, которое может быть немедленно осуществлено. В действительности общественный организм не сможет существовать, если производство на некоторое время остановится; поэтому тем, кто производит, до-

статочно перестать производить, для того чтобы сделать невозможным осуществление мер, принимаемых единоличными и деспотическими правителями.

Конгресс Интернациональной ассоциации рабочих, собравшийся в Брюсселе, выражает самый энергичный протест против войны. Он призывает все секции Ассоциации, каждую в своей стране, равно как все рабочие общества и группы рабочих, каковы бы они ни были, действовать самым энергичным образом, для того чтобы помешать войне одного народа с другим, которая в настоящее время является не чем иным, как войной гражданской, так как, происходя между теми, кто производит, она будет борьбою лишь между братьями и гражданами. Конгресс особенно рекомендует рабочим прекращать всякую работу в том случае, если бы в их странах вспыхнула война. Конгресс вполне рассчитывает на дух солидарности, охватывающий рабочих всех стран, и надеется, что они не откажут в своей поддержке этой войне всех народов против войны».

23. Отношение Интернационала к стачкам.

(Резолюция Брюссельского конгресса.)

«Конгресс заявляет, что стачка не является орудием полного освобождения рабочего, но она представляет часто необходимое средство борьбы между трудом и капиталом в современном обществе.

Необходимо подчинить стачки известным правилам, с тем чтобы они могли быть объявляемы лишь в благоприятных случаях и при наличии известной организации.

С точки зрения организованности стачек необходимо, чтобы во всех профессиях существовали рабочие союзы сопротивления и чтобы эти профессиональные союзы федерировались с профессиональными союзами других стран.

Для определения своевременности и законности стачек необходимо создать в каждой местности особую комиссию из делегатов от профессиональных союзов, которая представляла бы собой своего рода совет, чтобы решить, своевременна ли и законна ли предпринимаемая стачка».

24. М. А. Бакунин.

(Отрывки из работы «Государственность и анархия».)

«Мы, революционеры-анархисты, поборники всенародного образования, освобождения и широкого развития общественной жизни, а потому враги государства и всякого государствования, в противоположность всем метафизикам, позитивистам и всем ученым и неученым поклонникам богини науки, мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом; что она развивается из своей собственной неиссякаемой глубины рядом различных фактов, не рядом абстрактных рефлексий, и что последние, всегда производимые ею и никогда ее не производящие, указывают только, как верстовые столбы, на ее направление и на различные фазисы ее самостоятельного и самородного развития.

Сообразно такому убеждению мы не только не имеем намерения и малейшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанный из книжек или выдуманный нами самими, но в убеждении, что народные массы носят в своих более или менее развитых историею инстинктах, в своих насущных потребностях и в своих стремлениях, сознательных и бессознательных, все элементы своей будущей нормальной организации, мы ищем этого идеала в самом народе; а так как всякая государственная власть, всякое правительство, по существу своему и по своему положению поставленное вне народа, над ним, непременным образом должно стремиться к подчинению его порядкам и целям, ему чуждым, то мы объявляем себя врагами всякой правительственной государственной власти, врагами государственного устройства вообще и думаем, что народ может быть только тогда счастлив, свободен, когда, организуясь снизу вверх путем самостоятельных и совершенно свободных соединений и помимо всякой официальной опеки, он сам создаст свою жизнь.

Таковы убеждения социальных революционе-

ров, и за это нас называют анархистами. Мы против этого названия не протестуем, потому что мы действительно враги всякой власти, ибо знаем, что власть действует столь же развращающе на тех, кто облечен ею, сколько и на тех, кто принужден ей покоряться. Под тлетворным влиянием ее одни становятся честолюбивыми и корыстолюбивыми деспотами, эксплоататорами общества в свою личную или сословную пользу, другие — рабами.

Идеалисты всякого рода, метафизики, позитивисты, поборники преобладания науки над жизнью, революционеры-доктринерские, все вместе, с одинаковым жаром, хотя разными аргументами, отстаивают идею государства и государственной власти, видя в них совершенно логично, по-своему, единое спасение общества. Совершенно логично, потому что, приняв раз за основание положение, по нашему убеждению совершенно ложное, что мысль предшествует жизни, отвлеченная теория — общественной практике и что поэтому социологическая наука должна быть исходною точкою для общественных переворотов и перестроек, они необходимым образом приходят к заключению, что так как мысль, теория, наука, по крайней мере в настоящее время, составляют достояние весьма немногих, то эти немногие должны быть руководителями общественной жизни, не только возбудителями, но и управителями всех народных движений, и что на другой день революции новая общественная организация должна быть создана не свободным соединением народных ассоциаций — общин, волостей, областей, снизу вверх, сообразно народным потребностям и инстинктам, а единственно диктаторскою властью этого ученого меньшинства, будто бы выражающего общенародную волю.

На этой фикции мнимого народного представительства и на действительном факте управления народных масс незначительною горстью привилегированных, избранных или даже не избранных толпами народа, согнанными для выборов и никогда не знающими, зачем и кого они выбирают; на этом мнимом и отвлеченном выражении воображаемой общенародной мысли и воли, о которых живой и настоящий народ не имеет даже и малейшего представления, основываются одинаковым образом и теории государственности и теория так называемой революционной диктатуры.

Между революционною диктатурою и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке. В сущности же они представляют обе одно и то же управление большинства над меньшинством во имя мнимой глупости первого и мнимого ума последнего. Поэтому они одинаково реакционны, имея как та, так и другая результатом непосредственным и непременным упрочением политических и экономических привилегий управляющего меньшинства и политического и экономического рабства народных масс.

Теперь ясно, почему революционеры-доктринерские, имеющие целью низвержение существующих властей и порядков, чтобы на развалинах их основать свою собственную диктатуру, никогда не были и не будут врагами, а напротив, всегда были и всегда будут самыми горячими поборниками государства. Они только враги настоящих властей, потому что желают занять их место; враги настоящих политических учреждений, потому что они исключают возможность их диктатуры; но вместе с тем самые горячие друзья государственной власти, без удержания которой революция, освободив не на шутку народные массы, отняла бы у этого мнимо-революционного меньшинства всякую надежду заложить их в новую упряжь и облагодетельствовать их своими правительственными мерами.

И это так справедливо, что в настоящее время, когда в целой Европе торжествует реакция, когда все государства, обуянные самым злобным духом самосохранения и народопритеснения, вооруженные с ног до головы в тройную броню — военную, полицейскую и финансовую, готовятся, под верховным предводительством князя Бисмарка, к отчаянной борьбе против социальной революции, теперь, когда, казалось бы, все искренние революционеры должны соединиться, чтобы дать отпор отчаянному нападению интернациональной реакции, мы видим, напротив, что революционеры-доктринерские под предводительством г. Маркса везде держат сторону государственности и государственников против народной революции...

На всегерманском знамени[1] написано: удержание и усиление государства во что бы ни стало; на социально-революционном же, на нашем знамени, напротив, огненными, кровавыми буквами начертано: разрушение всех государств, уничтоже-

[1] Бакунин имеет в виду марксистов.— Прим. сост.

ние буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов, — организация разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира.

В Италии существует огромный, от природы чрезвычайно умный, но большею частью безграмотный и поголовно нищенский пролетариат, состоящий из двух-трех миллионов городских и фабричных рабочих и мелких ремесленников и около 20 миллионов крестьян-несобственников. Как уж сказано выше, вся эта бесчисленная масса людей доведена притеснительным и воровским управлением высших классов, под либеральным скипетром короля-освободителя и собирателя итальянских земель, до такого отчаянного положения, что самые поборники и заинтересованные участники настоящего управления начинают признаваться и говорить громко как в парламенте, так и в официальных журналах, что далее итти по этому пути невозможно и что необходимо сделать что-нибудь для народа во избежание всеразрушающего народного погрома.

Да, может быть, нигде так не близка социальная революция, как в Италии, нигде, не исключая даже самой Испании, несмотря на то, что в Испании уже существует официальная революция, а в Италии, повидимому, все тихо. В Италии весь народ ожидает социального переворота и сознательно стремится к нему. Можно себе представить, как широко, как искренно и как страстно была принята и принимается поныне итальянским пролетариатом программа Интернационала. В Италии не существует, как во многих других странах Европы, особого рабочего слоя, уже отчасти привилегированного, благодаря значительному заработку, хватающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением. Особенно в Германии и в Швейцарии таких работников много; в Италии же, напротив, очень мало, так мало, что они теряются в массе без малейшего следа и влияния. В Италии преобладает тот нищенский пролетариат, о котором гг. Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов в Германии отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что в нем, и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы, заключается и весь ум и вся сила будущей социальной революции...

Но нищета, самая ужасная, даже когда она поражает многомиллионный пролетариат, не есть еще достаточный залог для революции. Человек одарен от природы изумительным и, право, иногда доводящим до отчаяния терпением, и чорт знает, чего он не переносит, когда вместе с нищетой, обрекающей его на неслыханные лишения и медленную голодную смерть, он еще награжден тупоумием, тупостью чувств, отсутствием всякого сознания своего права и тем невозмутимым терпением и послушанием, которыми между всеми народами особенно отличаются восточные индейцы и немцы. Такой человек никогда не воспрянет: умрет, но не взбунтуется.

Но когда он доведен до отчаяния, возмущение его становится уже более возможным. Отчаяние — острое, страстное чувство. Оно вызывает из его тупого, полусонного страдания и предполагает уже более или менее ясное сознание возможности лучшего положения, которого он только не надеется достигнуть.

В отчаянии, наконец, долго оставаться не может никто: оно быстро приводит человека или к смерти или к делу. К какому делу? Разумеется, к делу освобождения и завоевания условий лучшего существования. Даже немец в отчаянии перестает быть резонером; только надо много, очень много всякого рода обид, притеснений, страданий и зла, чтобы довести его до отчаяния.

Но и нищеты с отчаяньем мало, чтобы возбудить социальную революцию. Они способны произвести личные или, много, местные бунты, но недостаточны, чтобы поднять целые народные массы. Для этого необходим еще общенародный идеал, вырабатывающийся всегда исторически из глубины народного инстинкта, воспитанного, расширенного и освещенного рядом знаменательных происшествий, тяжелых и горьких опытов, — нужно общее представление о своем праве и глубокая, страстная, можно сказать религиозная, вера в это право. Когда такой идеал и такая вера в народе встречаются вместе с нищетою, доводящею его до отчаяния, тогда социальная революция неотвратима, близка, и никакая сила не может ей воспрепятствовать...

Удовлетворение народной страсти и народных

требований для классов имущих и управляющих решительно невозможно; поэтому остается одно средство — государственное насилие, одним словом — государство, потому что государство именно и значит насилие, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, а в крайнем случае бесцеремонного и откровенного».

25. Программа Международного союза социалистической демократии («Альянс»).

«1. Альянс объявляет себя атеистическим. Он стремится к уничтожению религиозных культов, к замене веры наукой и божеской справедливости — справедливостью человеческой.

2. Альянс прежде всего хочет политического, экономического и социального уравнения классов и лиц обоего пола; он предполагает, что началом такого уравнения должна быть отмена права наследования, чтобы в будущем потребление каждого человека соответствовало его производству; поэтому, сообразно решению, принятому последним рабочим конгрессом в Брюсселе, земля, орудия труда, как и всякий другой капитал, став коллективной собственностью всего общества, должны утилизироваться только рабочими, т. е. промышленными и земледельческими ассоциациями трудящихся.

3. Альянс требует для всех детей обоего пола с момента их рождения равных средств для их развития, т. е. содержания, воспитания и образования как промышленного, так и эстетического. Это равенство, сначала только экономическое и социальное, будет иметь своим результатом все больший и больший рост естественного равенства человеческих личностей, уничтожая все существующие неравенства, возникшие как исторический продукт социальной организации, настолько же ложной, как и несправедливой.

4. Враг всякого деспотизма, не признавая никакой формы политического устройства общества, кроме республиканской, и отрицая абсолютно всякий союз с реакционерами, Альянс отрицает также всякую политическую деятельность, не имеющую своей непосредственной и прямой целью торжество рабочего дела над капиталом.

5. Альянс признает, что все существующие в настоящее время политические и авторитарные государства, ограничиваясь все более и более выполнением простых административных функций, необходимых обществу, должны будут растворяться во всемирном союзе свободных земледельческих и промышленных ассоциаций.

6. Признавая, что социальный вопрос может быть разрешен только на основе международной солидарности трудящихся всех стран, Альянс отрицает всякую политику, основанную на так называемом патриотизме и на соперничестве наций.

7. Альянс стремится к свободному объединению всех местных ассоциаций».

26. Резолюция Главного Совета Интернационала об «Альянсе».

«Принимая во внимание,

что наличие второго международного союза, функционирующего внутри и вне Международного товарищества рабочих, будет способствовать неизбежно его дезорганизации,

что каждая группа лиц, живущая в какой-либо местности, будет иметь тогда право подражать инициативной группе Женевы и под более или менее благовидным предлогом основывать в среде Интернационала другие международные союзы с своими особыми задачами,

что таким образом Международное товарищество рабочих может сделаться игрушкой в руках интриганов всех наций и каждой партии,

что вопрос этот был уже частично решен еще в резолюции Брюссельского конгресса Интернационала относительно «Лиги мира и свободы», —

Главный совет Международного товарищества рабочих на своем заседании 22 декабря 1868 г. единогласно постановил:

1) что все параграфы устава Международного союза социалистической демократии, касающиеся его отношений к Интернационалу, объявляются не имеющими никакого реального значения;

2) Международный союз социалистической демократии не принимается как особая ветвь в Международное товарищество рабочих.

Председатель собрания Оджер.

Главный секретарь Шо».

27. Ф. Энгельс о бакунизме.

(Письмо Энгельса Купо от 24/I 1872 г.)

«...У Бакунина своеобразная теория, смесь из прудонизма и коммунизма, причем для первого характерно, что он считает главным злом, подлежащим устранению, не капитал, не классовое противоречие между капиталистами и рабочими, возникшее благодаря общественному развитию, но государство.

В то время как массы социал-демократических рабочих, так же, как и мы, держатся такого взгляда, что государственная власть есть не что иное, как организация, которая служит господствующим классам — землевладельцам и капиталистам — для того, чтобы защищать свои привилегии, Бакунин утверждает, что государство создало капитал, капиталист обладает своим капиталом только благодаря милости государства.

Так как, следовательно, государство является главным злом, то нужно прежде всего уничтожить государство, тогда и капитал сам собой погибнет. Мы же говорим наоборот: уничтожьте капитал — сосредоточение всех средств производства в руках немногих, — тогда само собой отпадет государство. Тут существенная разница, отмена государства без социального переворота — бессмыслица. Уничтожение капитала — это есть общественный переворот и включает в себя преобразование всего способа производства. Но так как для Бакунина государство есть основное зло, то ничего не следует делать, что могло бы поддержать жизнь какого бы то ни было государства — республики, монархии и т. п. Поэтому — безусловное воздержание от какой бы то ни было политики. Совершить политическое действие, в особенности принять участие в выборах, — это измена принципу.

Надо вести пропаганду, поносить государство, организовываться, и, когда, наконец, будешь иметь на своей стороне всех рабочих, следовательно — большинство, тогда уничтожаются, наконец, все государственные учреждения, и на их место ставится организация Интернационала. Это великое действие, которым кладется начало тысячелетнего царства, называется социальной ликвидацией.

Все это звучит необыкновенно радикально и так просто, что все можно выучить наизусть в пять минут. Поэтому эта теория быстро встретила сочувствие среди молодых адвокатов, докторов и других доктринеров в Италии и Испании. Но масса рабочих никогда не допустит, чтобы им втолковали, что общественные дела их собственной страны не являются их собственными делами; они по природе своей политичны, и если кто говорит им: «бросьте политику», тогда они, в конце концов, ее покидают. Проповедывать рабочим воздержание от политики при всяких обстоятельствах — это значит загонять их прямо в руки попам или буржуазным республиканцам.

Так как, согласно Бакунину, Интернационал должен быть создан не для политической борьбы, а для того, чтобы он был в состоянии при социалистической ликвидации тотчас же заступить место старой государственной организации, то он (Интернационал) должен, насколько возможно, приблизиться к бакунинскому идеалу будущего общества. В этом обществе прежде всего не существует никакой власти, потому что власть — государство — безусловно от дьявола. (Каким образом эти господа собираются пустить в ход фабрики, железные дороги, управлять кораблем и т. д. без воли, решающей в последнем счете, без объединенного руководства, — этого они нам, конечно, не говорят.) Прекращается также и существование власти большинства над меньшинством. Всякий отдельный человек, всякая община — автономны. Но каким образом общество, хотя бы из двух человек, возможно без того, чтобы каждый человек хоть от небольшой части своей автономии отказался, — об этом Бакунин также молчит.

Так вот и Интернационал должен быть устроен по этому образцу. Каждая секция автономна, и в каждой секции каждый отдельный человек тоже автономен. К чорту базельские постановления, передающие генеральному совету губительную и его самого деморализующую власть. Даже если эта власть передана добровольно, она должна прекратиться именно потому, что она власть. Таковы основные пункты всего надувательства (des Schwindles)»...

28. Ф. Энгельс о новых задачах Интернационала.

(Письмо Энгельса Зорге от 12 и 17/IX 1874 г.)

«...Он (Интернационал) принадлежал к периоду Второй империи, когда царившие по всей Европе преследования пробуждавшегося рабочего движения диктовали солидарность пролетариата

и его вмешательство во внутреннюю политику. Это был момент, когда всеобщие космополитические интересы пролетариата были выдвинуты на первый план, когда Германия, Испания, Италия и Дания только что вступили в движение или же еще только вступали. В 1864 г. характер движения оставался во всей Европе, т. е. в массах, далеко еще непонятым теоретически. Немецкий коммунизм еще не вылился в форму рабочего движения; прудонизм же не был настолько силен, чтобы выезжать на своем специальном коньке; бакунинская новая белиберда еще не приняла определенной формы и в собственной голове ее автора; и даже вожаки английских тред-юнионов считали возможным вступление их в движение на основании программы, изложенной в объяснительной записке к уставу. И первый же крупный успех должен был разрушить это несовместимое сотрудничество различных фракций. Таким успехом и была Коммуна, явившаяся невольным духовным детищем Интернационала, хотя последний и пальцем не пошевельнул для того, чтобы вызвать ее к жизни; таким образом Интернационал до известной степени вполне справедливо считается виновником Коммуны. Но как только он, благодаря ей, приобрел в Европе нравственную силу, так сейчас же возник спор между отдельными политическими направлениями, оспаривавшими друг у друга исключительное право на использование результатов, достигнутых Коммуной. Давно назревший момент распада Интернационала настал. Зависть при виде растущей силы элементов, оставшихся верными старой широкой программе немецких коммунистов, толкнула бельгийских прудонистов в объятия бакунинских искателей приключений. Гаагский же съезд был, в действительности, концом для обеих партий. Америка была единственной страной, где имя Интернационала еще пользовалось некоторой популярностью, почему здоровый инстинкт и подсказал, что целесообразно перенести туда его правление. Но, наконец, и в Америке престиж Интернационала пал, и всякая попытка вдохнуть в него новую жизнь была бы безрассудной и легкомысленной тратой энергии. Десять лет Интернационал влиял на историю Европы в одном направлении — в направлении, в котором заложено все будущее, и может с гордостью осматриваться на свою работу.

Но в старой своей форме он изжил себя. Организация же нового, того же типа, т. е. организация союза всех пролетарских партий мира, предполагает повсеместное гонение рабочего движения, как это было в период от 1849 до 1864 г. Но для пролетарского мира не страшны более никакие преследования. Я думаю, что возрожденный Интернационал будет — после того, как учение Маркса в течение нескольких лет будет все более и более усваиваться — чисто коммунистическим, и на его знамени будут провозглашены именно наши принципы»...

29. Политические задачи пролетариата.

(Резолюция Лондонской конференции 1871 г.)

«На основании устава Интернационала, где сказано, что «экономическое освобождение рабочих является великой целью, которой всякое движение политическое должно быть подчинено как средство»;

на основании «Учредительного адреса» Интернационала, в котором сказано: «Обладатели земли и капиталисты будут всегда употреблять свои политические привилегии для того, чтобы защищать и увеличивать свои экономические привилегии, вследствие чего завоевание политической власти является первой обязанностью рабочего класса»;

на основании резолюции Лозаннского конгресса Интернационала в 1867 г., где сказано, что «социальное освобождение рабочих неотделимо от освобождения политического»;

принимая во внимание, что неверные переводы основного устава дают возможность ложного толкования и что эти ложные толкования наносят вред развитию и деятельности Интернационала; принимая во внимание кроме того:

что против коллективной власти господствующих классов пролетариат может действовать как класс только в том случае, если он образует политическую партию, противоположную всем прежним партиям, созданным господствующими классами;

что это объединение пролетариата в политическую партию необходимо, чтобы обеспечить торжество социальной революции и ее конечной цели — уничтожения классов;

что коалиция рабочих сил уже достигнута благодаря экономической борьбе и должна так-

же служить рычагом для рабочих масс в их борьбе против политической власти своих эксплоататоров, —

конференция напоминает членам Интернационала следующее:

что в периоде борьбы экономическое движение рабочего класса и его политическая деятельность неразрывно связаны друг с другом».

30. Воззвание Юрской секции.

Ко всем федерациям международного товарищества рабочих.

«Нижеподписавшиеся делегаты, являющиеся представителями группы интернациональных секций, объединившихся в федерацию, которая приняла название Юрской федерации, обращаются с настоящим воззванием ко всем федерациям Международного товарищества рабочих и просят их присоединиться к ним и потребовать, чтобы в возможно непродолжительном времени был создан общий конгресс Интернационала.

В коротких словах мы постараемся изложить вам те мотивы, которые заставляют нас требовать созыва общего конгресса, необходимого для того, чтобы удержать Интернационал от вступления на опасный путь, который приведет неизбежно к его гибели.

С начала образования Интернационала был образован, как известно, генеральный совет, который должен был, согласно уставу, служить центральным бюро для письменных сношений между секциями, по которому не было вручено абсолютно никакой власти, что было бы, впрочем, совершенно противоречащим самому духу Интернационала, который является выражением протеста против власти...

На Базельском конгрессе слепое доверие достигло того, что почти все было отдано в руки генерального совета. Благодаря административным постановлениям генеральный совет мог вносить незаметным образом чувствительные изменения в основной устав, где автономия каждой секции и каждой группы в секции была ясно и определенно провозглашена.

Судите сами.

Административная резолюция Базельского конгресса, резолюция VI: «Генеральный совет имеет право распустить до будущего конгресса секцию Интернационала».

Резолюция VII: «Когда между секциями или национальными группами возникнут какие-либо недоразумения, генеральный совет имеет право высказать свое суждение по поводу разногласий, предоставляя право апелляции предстоящему конгрессу, который может вынести окончательное решение по данному вопросу».

Принять такие постановления значило дать в руки генеральному совету опасную власть, а Базельский конгресс имел оплошность принять эти постановления и не подумал, какие могут произойти от этого результаты.

Нужно признать тот неоспоримый факт, подтверждающийся тысячи раз на опыте, что власть портит всех людей, в руки которых она попадает. Совершенно невозможно, чтобы человек, имевший власть над себе подобными, оставался человеком нравственным.

Генеральный совет не мог избежать этого фатального закона. Состоящий в течение пяти лет под ряд из одних и тех же лиц, постоянно переизбираемых, и облеченный в силу базельских постановлений большой властью над секциями, он кончил тем, что стал смотреть на себя как на законного главу Интернационала.

Мандат члена генерального совета делался в руках некоторых личностей как бы их личной собственностью, и Лондон стал казаться им бессменной столицей Интернационала. Мало-по-малу эти лица, которые в действительности должны быть нашими уполномоченными, но большинство которых на самом деле ни от кого не получало никаких полномочий, не быв избраны никаким конгрессом, — эти лица, говорим мы, привыкнув итти впереди во главе движения и говорить от имени Интернационала, стали стремиться сделать господствующими в Интернационале свои теории и свою личную программу. Сделавшись своего рода правительством, генеральный совет вполне естественно стал рассматривать свою личную доктрину как официальную теорию Интернационала. Все другие идеи, расходящиеся или противоречащие этой теории, исходящие от других групп, стали считаться ересями.

Таким образом постепенно сложилась и образовалась ортодоксия, центром которой явился Лондон и представителями — члены генерального совета.

Вскоре секретари-корреспонденты генерального совета для различных стран стали видеть

свою миссию не в том, чтобы служить нейтральными и беспристрастными посредниками между различными федерациями, но превратились в апостолов ортодоксальной доктрины, ставя на первое место интересы секты, а не общие интересы всего Интернационала... Перед лицом этих фактов что должны мы делать?

Мы не обвиняем генеральный совет. Лица, составляющие генеральный совет, стремятся — вполне искренно думая, что так будет лучше, — к торжеству своих личных доктрин и хотят ввести в Интернационал принцип власти. Обстоятельства благоприятствовали этим стремлениям, и вполне естественно, что эта школа, идеал которой заключается в завоевании политической власти рабочим классом, пришла к заключению, что вследствие последних событий необходимо изменить первоначальную форму организации Интернационала и превратить его в иерархическую организацию, управляемую центральным комитетом.

Но если мы находим объяснение этим фактам и этим стремлениям, мы тем не менее нисколько не имеем желания подчиниться им, а, наоборот, считаем своим долгом бороться против них, бороться во имя той социальной революции, к которой мы стремимся и программа которой говорит: «Освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся». Это освобождение должно быть достигнуто помимо всякой власти, даже помимо власти, избранной самими рабочими.

Мы просим поддержки в Интернационале и просим секции встать на защиту их автономии, которая была до сих пор основой Интернационала. Мы требуем, чтобы генеральный совет, права и обязанности которого были изменены постановлениями Базельского конгресса, удовольствовался своей нормальной ролью, которая заключается лишь в том, чтобы он был простым корреспондентским бюро, центром статистики; того единства, которого генеральный совет стремится достигнуть путем централизации и диктатуры, мы хотим добиться при помощи свободной федерации автономных групп...

Мы настаиваем на необходимости скорейшего созыва общего конгресса Интернационала.

Да здравствует Международное товарищество рабочих!

Сонвилье, 12 ноября 1871 г.

Делегаты на конгрессе Юрской федерации: Генри Девенож, Леон Швицгебель, Фриц Шуи, Жустин Гербер, Х. Гофер, Фредерик Грозье, Николай Жуковский, Жюль Гэд, Шарль Шопар, Альфред Жапрено, Шума Бранд, Джемс Гильом, Дюпен, А. Шепер, Луи Картье».

31. Расширение полномочий генерального совета.

(Постановления Гаагского конгресса.)

«Статья 2. Генеральный совет обязан выполнять постановления конгрессов и наблюдать за точным исполнением секциями всех постановлений и устава Интернационала.

Статья 6. Генеральный совет имеет также право распускать секции, отделения, советы или федеральные комитеты и федерации Интернационала до созыва следующего конгресса.

Однако по отношению к секциям, принадлежащим к какой-либо федерации, генеральный совет, прежде чем распускать их, обязан предварительно посоветоваться об этом с соответствующим федеральным советом.

В случае роспуска какого-либо федерального совета генеральный совет должен оповестить об этом секции, входящие в эту федерацию, и просить избрать в тридцатидневный срок новый федеральный совет.

В случае роспуска целой федерации генеральный совет должен немедленно сообщить об этом всем федерациям Интернационала. Если большинство федераций потребует для разбора дела созыва экстренной конференции, то генеральный совет обязан исполнить эту просьбу и конференция должна вынести окончательное решение по данному вопросу».

32. Завещание I Интернационала.

(Воззвание конференции Интернационала в Филадельфии 1876 г.)

«Товарищи рабочие!

Интернациональный конгресс в Филадельфии упразднил генеральный совет Международного товарищества рабочих, внешняя связь организации более не существует.

«Интернационал умер!» — опять воскликнет

буржуазия и с радостью и насмешкой будет указывать на работы этого конгресса, как на доказательство поражения всемирного рабочего движения. Пусть крик наших врагов не окажет на нас влияния. Мы распустили организацию Интернационала по причинам, вытекающим из современного политического положения Европы, но взамен ее мы видим, как принципы организации признаются и защищаются передовыми рабочими всего цивилизованного мира. Дадим нашим товарищам—европейским рабочим—немного времени для усиления своих национальных организаций, и, без сомнения, они вскоре окажутся в состоянии разрушить барьеры, отделяющие их от рабочих других частей света.

Товарищи, вы телом и душой проникнись принципами Интернационала, вы найдете средства и без организации расширить круг его приверженцев, вы приобретете новых борцов, которые будут работать во имя осуществления целей нашего общества. Американские товарищи обещают вам, что они будут свято хранить и лелеять завоевания Интернационала в Соединенных штатах до тех пор, пока более благоприятные условия опять соберут рабочих всех стран под общее знамя борьбы и вновь, с еще большей силой, раздастся клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

Внутреннее положение империи Наполеона III.

В VI главе мы видели, что диктатура Наполеона III (бонапартизм) возникла на почве неустойчивого равновесия классов. Эта военная диктатура не была осуществлением интересов какого-нибудь одного класса общества, но, будучи установлена для того, чтобы гарантировать собственническую массу от призраков коммунизма, она пыталась возвыситься над всеми классами, чтобы таким образом умерить социальные противоречия.

Чтобы утвердиться на основе противоречивых классовых интересов, империя Наполеона III прежде всего развивает до огромных размеров свой бюрократический аппарат и армию. Бюрократическая государственная машина проникает во все закоулки общественной жизни. Чиновничество с блестящим мундиром и большими окладами, дающими возможность прожигать жизнь выходцам буржуазии, широко культивируется Наполеоном III как опора трона. Так создается особая каста чиновников-бюрократов, для которых существование империи — вопрос желудка. Наряду с армией и бюрократией другой опорой режима становится католическое духовенство. Оно должно внушить крестьянам уважение к «империи порядка», к защитнику собственности, воспитать массу в покорности. Религия католических попов при Наполеоне III сделалась прямым проводником его политики, а «сутана» стала придатком полицейского аппарата, поступив на содержание правительства. Недаром в одном циркуляре министерства внутренних дел предлагалось оказывать «содействие кюре, ибо его слово может объединить, примирить, внушить одним обязанность экономии, другим — долг и самопожертвование». «Никогда церковь не получала более широких поблажек, никогда не прилагалось столько забот к постройке церковных зданий, никогда церковная утварь не обогащалась в такой степени», — пишет один католический писатель о Второй империи. Но не только увеличился вес духовенства, в его руки было отдано просвещение народных масс по закону 1850—1851 гг.; клерикализм стал основным началом внутренней политики Наполеона.

Первые девять лет (1851—1860 гг.) империя отличалась своим реакционным духом. Была введена строгая предварительная цензура на газеты, шпионаж душил всякое проявление свободной мысли. Из школ был изгнан либеральный дух, в университетах запрещалось преподавание истории и философии. Хотя существовало всеобщее избирательное право, но весь процесс выборов проходил при таких условиях, что не давал возможности оппозиции пройти на выборах. Газетам запрещалось писать о парламентских прениях и было разрешено только публиковать официальный годовой отчет.

Промышленная и торговая буржуазия.

Но если буржуазия была ущемлена политически, то она старалась вознаградить себя экономически. Эпоха Наполеона III была временем сильного роста капитализма во Франции. Правительство покровительствовало отечественной промышленности и торговле. За этот период, несмотря на кризисы 1857 и 1864 гг., мы наблюдаем беспрерывный рост производительных сил страны. С 1851 по 1869 г. национальное богатство удвоилось, поднявшись с 82 млрд. франков до 162.

Заведений с паровыми двигателями было в:

1840 г.	1852 г.	1862 г.	1872 г.
3 200	6 500	15 000	23 400

В лошадиных силах:

34 300	75 500	205 600	338 000

Производство основных отраслей капиталистического хозяйства выражалось в тоннах:

	1840 г.	1852 г.	1862 г.	1872 г.
Камен. угля	3 003 000	4 904 000	10 317 000	16 101 000
Чугуна . . .	348 000	522 000	1 091 000	1 218 000
Железа, стали	245 000	320 000	781 000	1 025 000

Росла торговля, как показывают цифры ввоза и вывоза в миллионах франков:

	1840 г.	1850 г.	1860 г.	1869 г.
Вывезено товаров .	1 052	1 119	2 657	4 009
Ввезено	1 010	1 435	3 147	3 993

Так удовлетворялись интересы торговой и промышленной буржуазии.

Финансовая аристократия. Но особенно благоприятна была империя для финансовой буржуазии. Широкая политика внешнего блеска и подачек, авантюр и войн, которые стали настоящими финансовыми предприятиями, была залогом процветания этого слоя буржуазии. Она ближе всех стояла к власти. Интересы этого класса были руководящими для империи. Еще в бонапартистском кабинете пребывание банкира Фульда в качестве министра финансов гарантировало интересы биржи. И действительно, биржевая игра и спекуляция достигли своего предела. Десятками учреждались всякие акционерно-учетные банки, компании и общества, выпускавшие многочисленные акции. «Общество поземельного кредита», «Кредит под залог движимости» развивали колоссальную горячку. Но процветание крупной буржуазии покоилось на разрушении мелкой буржуазии города и деревни. В предыдущей главе мы видели, что, несмотря на [illegible]тельные успехи капитализма, страна все [illegible]оставалась по преимуществу с мелким и средним производством, с преобладанием многочисленного класса мелкой и средней собственности.

Мелкая буржуазия. Машинная техника вытеснила ручной, ремесленный труд, успешно конкурируя с ним. Для мелкого самостоятельного производителя это создавало неуверенность в завтрашнем дне своего экономически независимого существования. А биржевая спекуляция и огромные налоги империи подрывали и без того жалкое материальное благосостояние этих групп. Это обстоятельство толкало мелкую и среднюю буржуазию, разорившуюся при империи, в ряды оппозиции и делало ее оплотом республиканских идей.

Внешняя политика Наполеона III. Бонапартизм, возникший в результате острой классовой борьбы, после поражения 1848 г., мог существовать до тех пор, пока социальные антагонизмы находились в устойчивом равновесии. Не опираясь ни на один из существующих классов империи непосредственно, Наполеон III должен был удовлетворять противоречивые интересы различных классов. Это определяло всю внутреннюю политику империи, полную противоречий. Проводя в стране реакционный курс, Наполеон III в то же время стремится приобрести симпатии рабочих масс как целым рядом филантропических мер, так и грандиозными работами по перестройке Парижа и других городов Франции. Борясь с оппозицией и вводя строжайшую цензуру, Наполеон культивирует различные рабочие общества взаимопомощи с казенной субсидией, посылает рабочих представителей на всемирную выставку и т. п. Но подобная политика заигрывания с различными классами, тая в себе противоречивые тенденции, вызывает недовольство всех классов. С экономическим расцветом для имущих классов неблекла непосредственная опасность красного призрака, и классовая борьба вновь начала обостряться. Империя Наполеона III начинает на этой почве трещать по швам, ибо усиление ее мощи для мелкого крестьянства означало увеличение налогов и дальнейшее разорение, для мелкой буржуазии — потерю ее экономической независимости, для рабочих — непомерный гнет периода первоначального накопления. Договор с Англией вызвал недовольство промышленной буржуазии. Чтобы упрочить и сохранить свое положение, создать славу французского оружия и выгодные предприятия для отечественной буржуазии, Наполеон III бросился в авантюры внешних войн. Целый ряд войн и экспедиций в период 1852—1869 гг. с Турцией, Италией, Мексикой, Китаем, Алжиром, требовавших огромных средств и сил, должен был упрочить внутреннее положение империи и создать ореол славы победителю. Но все эти войны, затеянные в интересах либо кучки акционеров, либо двора, шли к обратным результатам, а франко-прусская война 1870 г. явилась могилой Второй империи.

Рост оппозиции. Неудачная внешняя политика, требовавшая огромных расходов, расточительность двора, налоговая политика, реакционная внутренняя политика вызвали рост недовольства внутри страны во всех классах общества, в особенности среди мелкой буржуазии и рабочих.

Война с Италией и итальянская политика Наполеона испортили его отношения с католиками и папой, а конфискация имущества орлеанистов лишила империю поддержки этой группы. Выразителем монархической оппозиции был Тьер. Близко к ней примыкала так называемая республиканская легальная парламентская оппозиция. Эта умеренная группа желала торжества «народного суверенитета», но не признавала революционных средств, стоя на почве парламентской легальности.

За стенами парламента вновь выступили старые республиканские деятели 1848 г., вернувшиеся из изгнания после амнистии 1859 г. Жюль Фавр, Эмиль Оливье и др. были их представителями. Республиканская оппозиция — выразитель чаяний средних слоев буржуазии, стонущей под гнетом и бременем налогов, — требовала отказа от завоевательной внешней политики, ограничений административного произвола, свобод, демократизации страны. Вождь республиканцев Гамбетта, сделавшись популярным после процесса Делеклюза, выработал так называемую Бельвильскую избирательную программу,

которая выражала их требования. Ее политическая часть сводилась к следующему: «Самое радикальное приложение всеобщего избирательного права к избранию муниципальных советников и депутатов, уничтожение сената, личная свобода под эгидой закона, свобода собраний, союзов, печати, суд присяжных для политических преступлений, всеобщее, обязательное, бесплатное светское первоначальное обучение, отделение церкви от государства, уничтожение постоянной армии, изменение системы налогов, прямая ответственность всех чиновников, замещение всех должностей выборными лицами». Для республиканцев этого типа не существовало рабочего вопроса как такового. Социальные задачи целиком подчиняются политическим преобразованиям. Республиканцы типа Гамбетты отделяли себя от левых республиканцев (Рошфор и др.), считая их оппозицию «чрезмерной, непочтительной, неконституционной и склонной к насилию». На выборах 1869 г. оппозиция получила $3^1/_2$ млн. голосов против $4^1/_2$ правительственных, что означало ее крупные успехи.

Рабочее движение при Второй империи и Интернационал.

В предыдущей главе мы видели, что французский рабочий класс, по преимуществу мелко-ремесленного типа, в 60-х годах вновь начинает проявлять себя. Экономическая необходимость, с одной стороны, «полицейский социализм империи» — с другой, толкают его на путь экономической борьбы и сплочения. 1864—1867 гг. являются годами наибольшего влияния на рабочее движение чистого прудонизма. Французская секция Интернационала находится в их руках. Занимаясь «изучением рабочего вопроса» («Интернационал — общество исследования, а не новый карбонаризм», Толен), просветительной деятельностью, отрицательно относясь к политике, прудонисты всецело поглощены кооперацией в духе мутуэлизма. Но этот мирный экономизм не мог долго удовлетворять рабочих. Падение прудонистского банка «Кредита труда» и «Учетной кассы народных обществ» в 1868 г. наносит удар идеям мирного кооперативизма и ведет к разочарованию прудонистами, а коммунистические резолюции о собственности Брюссельского конгресса Интернационала окончательно выбивают почву из-под их ног. Империя толкала рабочих в лагерь бланкистов, но и те широкого, массового рабочего движения создать не могли. Будучи по существу заговорщицкой группой, исповедуя принцип диктатуры «революционного меньшинства», они и не стремились к широкой массовой организации, а строили тайные кружки. После первого процесса Интернационала в 1868 г., устроенного империей, французская секция попадает в руки бланкистов и левых прудонистов, приспособивших свои теории к новым революционным веяниям. Хотя с ростом стачечной волны (особенно стачки углекопов Луарского бассейна, на заводах Крезо), которую поддерживал Интернационал, и в связи с тремя судебными процессами во время империи, он приобретал все бо́льшую популярность, все же его французская секция попрежнему оставалась неоформленной организационно, слабой по своей численности, без ясной и определенной программы. Вожди движения прекрасно понимали это. Так, Толлен писал: «Почти единодушно мы признаем свою неподготовленность к революции». Но беда была не только в слабости самой организации, а главным образом в том, что не было единства мнений по основным вопросам движения, не было своей собственной определенной программы. Характерно, что в своем манифесте по поводу плебисцита секция выставляла почти те же практические требования, что и республиканцы в своей Бельвильской программе. На поверхности рабочего движения, наряду с остатками старых прудонистов, сторонников частной собственности, мы встречаем коллективистов-бланкистов, мечтающих о социальной революции и стремящихся к захвату власти, левых прудонистов, отрицательно относящихся к парламентаризму и выборам. Как различно было понимание вопросов тактики, так же смутно и противоречиво было представление о цели.

Таким образом накануне Парижской коммуны пролетариат не имел вождя в лице своей партии, секция Интернационала не была руководящей организацией, вожди не имели ясной программы. Рабочий класс, оппозиционно настроенный к империи с самого начала, на выборах в 60-х годах, отдавал свои голоса левым республиканцам. «Яблоко или дуля, мне наплевать, лишь бы то, что я брошу в ящик, было оппозицией», — сказал один рабочий на выборах 1869 г. Этим он выразил настроение своих братьев. Рабочий класс еще не дорос до ясного сознания своих классовых целей. Он выходил на широкую дорогу самостоятельного движения, а пока что имел несколько синдикатов, клубов, кооперативных федераций. Не имея своих широких организаций, он не имел опыта и стойких руководителей.

Франко-прусская война.

Оппозиция подрывала корни империи. Процесс Делеклюза, убийство В. Нуара и манифестация на похоронах его, смелый тон республиканской печати (Рошфор и др.), процессы интернационалистов, расстрелы бастующих рабочих в Луаре и на заводах Крезо, выборы 1869 года вынуждали империю на уступки, но либеральные подачки министерства Оливье только разжигали оппозицию. При таком положении Наполеон III бросился в франко-прусскую войну. Для Франции эта война была династической: ее требовала императрица Евгения. «Мне нужна эта война;

это — моя война», — говорила она. Несмотря на обработку общественного мнения и желание вызвать патриотизм населения империи, война все же была непопулярна: ее приняли как несчастье. Германия в этот период находилась в процессе создания единой империи под главенством Пруссии. Для нее предстоящая война, кроме территориальных приращений, которые она сулила, должна была служить цементом, который крепко свяжет отдельные части страны. Поэтому Бисмарк, «кровью и железом» строящий единство, искал только повода к войне, а буржуазия приветствовала ее, считая войну национальной.

15 июля Э. Оливье сообщил законодательному собранию об объявлении войны: «С сегодняшнего дня на меня и моих коллег-министров ложится большая ответственность. Мы принимаем ее с легким сердцем». Империя объявила войну действительно «с легким сердцем», больше того — с легкомыслием. Скоро обнаружился весь этот дутый пафос и патриотизм империи. «Легкое» отношение к силам противника, ложное представление о своих силах, беспорядок и продажность в интендантстве и в военном деле быстро дали себя знать. Военные катастрофы следовали друг за другом: битва при Сен-Приве, Мецце, наконец 2 сентября пал Седан. Это решило участь империи. «После поражения Мак-Магона 6 августа защитники империи пытались спасти ее, сменив министерство, но после Седана империя могла спастись, только изменив самое себя». Республиканцы, сторонники законных и парламентских мер, боялись революции и только под влиянием парижских народных масс были вынуждены пойти в ратушу, чтобы провозгласить республику. А между тем буржуазные республиканцы (гамбеттисты) были единственной партией, которая могла принять власть. В ее рядах были крупные парламентские имена, известные своей оппозицией при империи, у них были государственные навыки. Социалисты вместе с левыми республиканцами-якобинцами при том положении, в котором они находились, могли вместе с Делеклюзом, когда разразилась катастрофа, только сказать: «Мы пропали».

4 сентября и правительство национальной обороны.

Под влиянием патриотического возбуждения и ненависти к империи парижских народных масс 4 сентября, в результате бескровной революции, образовалось правительство национальной обороны, а власть перешла в руки буржуазных правых республиканцев, вождь которых за несколько дней до того публично отмежевался от радикальных элементов, после неудачной попытки восстания 14 августа. Временное правительство, во главе с Гамбеттой и Фавром, не скрывало своего отрицательного отношения к социалистам. Только по требованию народа оно приняло в свою среду единственного представителя левой оппозиции Рошфора, устами Ж. Фавра заявив: «Лучше уж его иметь с нами, чем против нас».

«Республика, — писал Маркс, — не ниспровергла трона, она только заняла оставленное им место. Республика провозглашена не как социальное противоречие, а как мера национальной обороны». Пруссаки стояли под воротами Парижа. Идея «защиты отечества» господствовала над умами крайних левых и вынуждала их к сдержанным действиям по отношению к новой власти. Якобинец Делеклюз писал: «Прежде всего — пруссаки», а Бланки, в своей газете, вторил ему: «Перед лицом врага не должно быть ни партий ни разногласий».

Но скоро обнаружилось, что правительство национальной обороны стало правительством измены.

Правительство национальной обороны «унаследовало от империи не только развалины, но и боязнь рабочего класса», говорилось в циркуляре генерального совета Интернационала. (Мат. и док., № 1.) События скоро подтвердили прогноз. 4 сентября состоялось соединенное заседание парижской секции Интернационала и рабочих синдикальных камер. Собрание одобрило воззвание «к немецкому народу» и отправило правительству делегацию с целым рядом требований, долженствующих укрепить оборону. Правительство не приняло основных требований. Это было первым расхождением, которое положило начало сомнению в искренности правительства национальной обороны.

ЦК двадцати округов.

Как бы в ответ на это рабочие, ремесленники и мелкая буржуазия предместий Сен-Антуан, Тампль, Бельвиль, Монмартр и др. создали свои организации — районные наблюдательные комитеты. Их целью было — контроль за действием правительственных служащих, мэров и их помощников и выявление требований народа. ЦК 20-ти округов объединял районные наблюдательные комитеты, созданные на основе всеобщих выборов. В него входило немало социалистов, а собирался он на улице Кордери, где находилась секция Интернационала. В центральном комитете пролетариат объединялся с мелкой буржуазией в своем революционном порыве «защиты отечества». В середине сентября центральный комитет обратился к правительству с требованием провести целый ряд мер. «Необходимо взять на учет, экспроприировать все запасы съестных продуктов и предметов первой необходимости и привлечь к работе комиссии, избранные разными округами. Необходимо распределить съестные припасы среди всех жителей Парижа при помощи карточек, которые будут выдаваться им в каждом округе соразмерно: 1) количеству членов семьи каждого граждa-

нина, 2) количеству съестных припасов, взятых на учет указанными комиссиями, и 3) предположению о наивозможно большой продолжительности осады». Кроме того, муниципалитеты обязаны обеспечить каждому гражданину и его семье необходимое помещение. Правительство не удовлетворило и этих требований. Оно боялось нарушить священное право частной собственности и свободы торговли. Его мало беспокоила картина голода во время осады безработных рабочих и ремесленников. Но вскоре обнаружилось настоящее лицо правительства национальной обороны.

Подогреваемое настроениями парижского народа, желавшего прогнать пруссаков, правительство делало вид, что подготовляет оборону. Гамбетта вместе с другими членами правительства мог сколько угодно декламировать на тему об общенациональных задачах защиты страны, а Ж. Фавр — говорить: «Мы не уступим ни дюйма нашей территории, ни одного камня наших крепостей». На самом же деле правительство подготовляло капитуляцию. Оно послало Тьера к европейским державам с просьбой о посредничестве, а Фавра — к Бисмарку на переговоры. Для правительства национальной обороны вооруженный народ пролетариев и ремесленников был самым опасным врагом.

Национальная гвардия. В Париже существовала национальная гвардия. Постановлением законодательного собрания состав ее был увеличен.

Во время осады Парижа, когда промышленная и торговая жизнь замерла, создав массу безработных, служба в национальной гвардии, где платили 1½ франка в день, была единственным заработком рабочего и ремесленника. Они заполняли ее ряды, увеличив гвардию до 300 тыс. человек. Воодушевленные идеями защиты отечества, национальные гвардейцы могли быть использованы как хороший и надежный материал для защиты. Но это были голодные пролетарии. «Вооружить рабочих — значит вооружить революцию», а «победа Парижа над прусским завоевателем была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государством-паразитом» (Маркс). Это обстоятельство не входило в план правительства национальной обороны. Военный министр Трошю, убежденный, что, при настоящем положении дел, попытка отстоять Париж от пруссаков — «чистое безумие», вел особую военную политику, сводившуюся к тому, чтобы вышибить революционный дух национальных гвардейцев. Вместо того, чтобы, воспользовавшись временем, подготовить укрепление Парижа, обучить национальных гвардейцев, военное командование занималось выправкой, бесконечно изнуряя и истощая их терпение, или же отправляло в бой при таких условиях, когда поражение было неминуемо, как будто для того, чтобы отделаться от национальных гвардейцев и «пообщипать» их (битва при Буше, на Марне и т. п.).

После недолгого успеха военные поражения вновь стали обычным явлением. Правительство занималось опасной игрой: «декорируя оборону, оно подготовляло капитуляцию».

Восстание 31 октября и 23 января. Скоро ЦК 20-ти округов, выражая мнение парижских масс, пришел к убеждению, что правительство неспособно организовать оборону. Известие 31 октября о сдаче Базена, защитника Меца, падение города Бурже, неудачные переговоры Тьера и отмена выборов в городской совет Парижа обнаружили реакционную сущность правительства. Это настроение народных масс вылилось в попытку свергнуть его 31 октября. «Первым актом защиты должно быть отстранение тех, которые делают ее невозможной», — писал Бланки в своей газете. Движение 31 октября было стихийным. Толпа, ворвавшись в думу, арестовала правительство и принялась за составление списков нового. «Беспорядочность, отсутствие дисциплины у патриотов, — говорит Лиссагарэ, — возвратили правительству его сентябрьскую действенность». Здесь сказались вновь раздробленность и неорганизованность социалистической и революционной Франции, которая не могла руководить движением. Во главе его стояли якобинцы и бланкисты. Восстание к вечеру было подавлено. Начавшись во имя обороны, оно было раздавлено именем этой обороны, а освобожденное правительство, вопреки обещаниям, издало приказ об аресте виднейших вождей движения. Но неудача восстания ничего не изменила в настроении левых элементов. Они вновь ничему не научились. Вторая попытка 23 января под влиянием известий о падении Бюзанваля также окончилась неудачей. «Инсургенты опять не были готовы». Необходимо отметить, что секция Интернационала непосредственно участия в этом движении не принимала. Восстание в Париже эхом пронеслось по провинции, вызвав выступления в Марселе, Тулузе, Сент-Этьене. Но и там движение потерпело неудачу по тем же причинам.

Капитуляция и выборы в законодательное собрание. 6 января 1871 г. ЦК 20-ти округов выпустил воззвание, в котором писал: «Исполнило ли свой долг правительство, взявшее на себя дело национальной обороны? Нет. Своей медлительностью, своей нерешительностью, своим бездействием люди, которые нами управляют, привели нас на край гибели. Они не сумели ни управлять, ни сражаться. Люди умирают от холода и чуть ли не от голода. Бесполезные вылазки, бесплодные

кровопролитные сражения, повторные неудачи... Правительство себя показало, оно нас губит. Продолжение такого порядка вещей — это капитуляция». Скоро капитуляция правительства стала явной для всех. 28 января им были подписаны условия капитуляции, которые сводились: к обезоружению Парижской крепости и сдаче немцам главнейших внешних крепостей; войско, за исключением национальной гвардии, признавалось военнопленным, оружие его должно быть сдано в 2-недельный срок, а Париж должен был уплатить 200 млн. франков военной контрибуции. Созываемое национальное собрание во время перемирия должно подписать условия мира. Выборы в подобной обстановке, под прусскими штыками, не предвещали ничего хорошего. Отрезанный осадою Париж не мог развить в короткий срок своей агитации по провинции. Таким образом судьбы Франции отдавались в руки крестьянства. Реакционное, тупое, оно желало прекращения войны какой угодно ценой. Для него парижские рабочие, требующие социальной республики и избавления от пруссаков, — только бунтовщики. Настроением крестьянства воспользовались монархические круги, во главе с Тьером, в союзе с Кюре, развив бешеную агитацию.

Выборы проходили под знаком борьбы за продолжение или прекращение войны, за провозглашение демократической и социальной республики. Революционеры и социалисты в лице ЦК 20-ти округов, секции Интернационала и синдикальных камер, объединившись в блок, выставили своих кандидатов. Но и на этот раз сказалась неясность позиции социалистов. Списки были составлены по случайным признакам, в погоне за именами. В своем воззвании блок говорит: «Это — список кандидатов, составленный во имя нового мира партией обездоленных... Рабочие имеют все права занять свое место в грядущем строе. Революционно-социалистические кандидатуры означают: отрицание чьего бы то ни было права подвергать пересмотру вопрос о республике, признание необходимости участия рабочих в правительстве, низвержение правительственной олигархии и промышленного феодализма».

Выборы 8 февраля выявили два факта: 1) парижские массы — стихийно-революционны; своим голосованием они сказали: за республику, против правительства, а значит и за борьбу с пруссаками; 2) провинция показала, что она против Парижа, против войны, — она за мир во что бы то ни стало.

Национальное собрание.

Из 750 депутатов национального собрания, собравшегося в Бордо, до 450 были явные монархисты. Первое же собрание «деревенщины» показало их ненависть к Парижу. Назначив монархиста Тьера главой исполнительной власти, наделив его широкими полномочиями, оно бросило первый вызов великому городу. 27 февраля оно приняло позорные условия мира: передачу Пруссии Эльзас-Лотарингии и уплату 5 млрд. контрибуции. Это было прямой изменой, желанием развязать себе руки в борьбе с поднимающейся революцией. Но собрание не удовлетворилось этим. Скоро оно приняло несколько законов, направленных прямо против Парижа. Чтобы уничтожить национальную гвардию рабочих и ремесленников, оно лишило их единственного источника существования — выдачи гвардейцам полуторафранковой платы. За время войны в торговле наблюдался застой. Чтобы избежать банкротств, временное правительство декретом приостановило платежи по векселям, обязательствам и найму квартир. Национальное собрание отменило этот декрет, обязав производить уплату платежей через два дня. Такое постановление для парижских мелких торговцев и ремесленников означало полное разорение. Чтобы окончательно отделаться от мятежного Парижа, лишить этот старый город революций гегемонии, национальное собрание решило перенести свои заседания в Версаль. Это было неслыханным оскорблением «деревенщиной» города, который на своих плечах вынес все тяготы осады. Париж должен был подняться за республику против внешнего и внутреннего врага.

ЦК национальной гвардии.

События назревали стихийно и вызывались провокационной политикой национального собрания.

Национальная гвардия, составленная по преимуществу из вооруженных рабочих, была грозной силой. Но она не была организована. Скоро представился случай ее организации. Идея, выдвинутая несколькими радикальными республиканцами, — объединить гвардию в целях использования ее в выборах 8 февраля, ввиду наступления национального собрания на Париж, приобрела теперь иной характер. Созданное объединение батальонов, в лице центрального объединения национальной гвардии, поставило целью защиту республики от покушения национального собрания и пруссаков. 16 февраля на делегатском собрании выяснился политический характер ЦК национальной гвардии, а принятый устав и введение к нему вскрывали намерения этой организации. «Республика является единственной возможной формой правления; вопрос о ней не подлежит обсуждению». «Национальная гвардия имеет неотъемлемое право избирать своих начальников». Национальная гвардия должна заменить постоянные армии, которые являлись до сих пор лишь орудием деспотизма и неизбежно приводили страну к катастрофе».

Первое положение противопоставляло ЦК национальной гвардии законодательному собранию, было вызовом по отношению к нему.

В организации центрального комитета принимали участие бланкисты и члены Интернационала, но секция Интернационала, как таковая, недооценивала значение этой организации вооруженного пролетариата и относилась к ней с опаской. Она ограничилась делегированием четырех своих членов в ЦК, предложив, однако, им не выступать от имени Интернационала. В этом характерном постановлении сказалось непонимание задач момента, незрелость французской секции. К надвигающимся событиям она вновь не была готова, точно так же как и ЦК национальной гвардии. Эти две организации не понимали складывающейся обстановки и меньше всего желали надвигающихся битв. Выброшенные стихией наверх, неизвестные до сих пор, члены ЦК национальной гвардии были по существу мирно настроенными гражданами. 10 марта, за неделю до Коммуны, да и во время самой Коммуны, как мы увидим позже, докладчик Арну говорил: «Всего более далеки от наших мыслей печальные и кровавые столкновения граждан между собой. Мы протягиваем нашу руку всем нашим согражданам». Но логика событий, ход классовой борьбы не считаются с настроениями отдельных групп и революционизируют их головы с поразительной быстротой.

Правительство Тьера не дремало. Оно взяло инициативу в свои руки. Оттолкнув от себя целым рядом законодательных мероприятий мелкую буржуазию, оно решило покончить с непокорным Парижем. (Мат. и док., № 2.) Первым шагом было назначение бонапартистского генерала Орель-де-Паладина главнокомандующим национальной гвардией, которая требовала выборных начальников. Но чтобы окончательно разделаться с вооруженными рабочими, нужно было их обезоружить. 17 марта Тьер решил действовать. Он приказал ночью своим генералам собрать верные войска и на рассвете двинуться на Монмартр и Бельвиль, чтобы украсть у национальной гвардии ее орудия. Население города в прокламациях призывалось к содействию. (Мат. и док., № 3.)

18 марта. Ранним утром 18 марта отряды солдат двинулись к укреплениям предместий. Национальная гвардия не ожидала нападения. Посты охранялись слабо. Но тут на помощь пришло само парижское население. Женщины, стоящие в ночных очередях, подняли тревогу. При соприкосновении с национальными гвардейцами с народом войска Тьера стали брататься. Тьер проиграл. Гражданская война началась. Но Тьер не сложил оружия. Он решил продолжать наступление иными способами. Перебравшись в этот день с другими членами правительства в Версаль, он принялся за организацию армии, призывая на помощь Бисмарка в борьбе с Парижем, а в этом отношении планы Бисмарка не расходились с Тьером. «В Париже соберутся мятежники всех стран, и мы поймаем их как в мышеловке», — говорил он.

К вечеру 18 марта Париж оказался без законного правительства. Кто же мог занять его место?

27 февраля, когда ожидался приход пруссаков в Париж, а парижское население, охваченное революционной тревогой, собиралось дать им отпор, ЦК национальной гвардии призвал к спокойствию. «Всякое враждебное действие означало бы моментальное падение республики и привело бы к тому, что... потопило бы социальные требования в потоках крови». Этот день показал силу центрального комитета. Парижские массы прислушивались к нему.

Но, как мы видели, люди, стоявшие во главе ЦК, не понимали хода событий. Не было партии, которая бы возвысилась над событиями, овладела ими. ЦК боялся власти. Он не руководил происходящими событиями и «был более всего смущен своим положением: он был во главе революции, которой не желал». Стихийно национальные гвардейцы и население предместий бросились к нападавшим на рассвете солдатам, решив участь событий. Стихийно они дали отпор генералам Леконту и К. Тома, разделавшись с ними, окружив себя сильными баррикадами. ЦК национальной гвардии не принимал участия в этих событиях и только в полдень, после долгих колебаний, когда события определились с достаточной ясностью, вынужден был взять бремя власти, возвестив об этом в прокламации к народу. (Мат. и док., № 4.)

Не руководила событиями и секция Интернационала. 17 марта один из членов секции говорил: «Федеральный совет МТР находится в большом затруднении благодаря неясности положения: что делать?». Только 22 марта секция Интернационала должна была заняться обсуждением событий. «Центр действий действительно был тут (в Интернационале), но плана действий все-таки не было на случай нападения противников» (Лавров). Таким образом 18 марта было стихийным движением народных парижских масс, восставших против иноземного ига и собственного национального собрания, как олицетворения помещичье-буржуазной реакции.

Роль ЦК национальной гвардии. Из каких же социальных групп состоял ЦК национальной гвардии, взявший власть в свои руки? Рабочие, служащие, мелкие чиновники, представители мелкой буржуазии—вот в чьих руках находилась власть. В ратушу пришел безыменный народ, среди ко-

торого не было представителей господствующих классов. Впервые в истории рабочий класс оказался у власти. Без исторического опыта, без прозорливого политического чутья, без определенной, ясно осознанной программы, они, вчера еще никому не известные рабочие, поднялись против предателей. Понятны теперь те роковые для Коммуны ошибки, которые совершал пролетариат с первых же дней. Вместо того чтобы осознать себя орудием классовой диктатуры, занять наступательную революционную позицию против власти господствующего класса, обезоружить и дезорганизовать врага, ЦК национальной гвардии, испуганный грозной исторической ответственностью, спешил передать свою власть демократически избранной Коммуне. В то время как Версаль прекрасно понимал положение, — версальские офицеры, слуги буржуазии, знали, за что они дерутся, — ЦК национальной гвардии занимался переговорами с мэрами, тайными и явными сторонниками Тьера, спорил о законности революции. В результате было проиграно 10 первых драгоценнейших дней, а это дало возможность неприятелю собрать силы. Но ошибка заключалась не только в этом, но и в том, что ЦК предоставил полную возможность правительству Тьера уйти из Парижа, вывезти с собой часть государственных ценностей и вывести вооруженную силу. Члены ЦК оказались не на высоте исторической задачи. Они хотели только охранять республику, не поняв логики классовой борьбы, не уяснив себе, что упрочение новой власти пролетариата возможно только в результате отчаянной гражданской войны. ЦК не только не организовал наступления на Версаль, но и не принимал необходимых мер против версальцев в самом Париже. А эти последние имели в своих руках прессу, которая дезорганизовала общественное мнение. Они имели своих агентов в лице мэров, которые не только саботировали, но и активно помогали контрреволюции выступить 22 марта. Печать нерешительности и боязни лежит на всех прокламациях и выступлениях ЦК. (Мат. и док., №№ 5 и 6.) Вместо того чтобы открыто провозгласить диктатуру, как того требовали обстоятельства, ЦК «не собирается занять места тех, кто был сметен порывом народной бури». «Париж не стремится властвовать, — читаем мы в воззвании Коммуны, — он не мечтает об иной диктатуре, кроме диктатуры примера». На нападения версальцев ЦК отвечал тем, что «проповедывал умеренность, даже более того — великодушие». Оценивая себя не как правительство, а как «комитет бдительности», вознесенный народным возмущением на гребень революции, против «провинциального сборища», требующий республики и коммунальных вольностей, ЦК национальной гвардии спешил передать власть законной восприемнице — Коммуне. (Мат. и док., №№ 7 и 8.) Увлеченный идеей демократии, решив назначить выборы в Коммуну, ЦК хотел привлечь к этому делу мэров, «законных» представителей власти. О том, кто такие были парижские мэры, мы лучше всего узнаем из их собственных показаний. (Мат. и док., №№ 9 и 10.) Представители буржуазии, они колебались между пролетарской Коммуной и Версалем, пока, наконец, в первых числах апреля не перешли окончательно на сторону Тьера.

Коммуна. 28 марта Коммуна была избрана. Застрельщиком ее был парижский пролетариат, к которому примкнула частью мелкая буржуазия и ремесленники, обнищенные Версалем. Провозглашение ее вызвало энтузиазм. Состав Коммуны был менее классово-однороден, чем состав ЦК национальной гвардии. В этом отношении ЦК был бо́льшим выразителем пролетарских масс, чем Коммуна. В обстановке гражданской войны центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Если в своих воззваниях Коммуна говорила туманным языком революционных якобинцев, не осознав классового характера движения, то некоторые документы ЦК говорят, что иногда он поднимался до понимания пролетарского характера движения. (Мат. и док., № 12.) Только с уходом из состава Коммуны 17 представителей буржуазии после 5 августа, что означало отрыв от нее буржуазных попутчиков, Коммуна стала не общедемократическим правительством, а скорее органом парижского пролетариата и бедноты.

Коммуна объединила все революционные социалистические течения того времени, от якобинцев и бланкистов до интернационалистов и прудонистов. Большинство ее составляли якобинцы с бланкистами, меньшинство — члены Интернационала. Среди них не было единства взглядов, по-разному фракции понимали задачи Коммуны. На всем протяжении ее можно проследить две взаимно переплетающиеся идеи: Коммуны политической и Коммуны социальной. Якобинцы, носители традиций Великой революции, деятели 48 года — сторонники политической коммуны. Старые лозунги «свобода, равенство и братство» были их путеводной звездой. Не отличаясь последовательностью своих взглядов, одевшись в тогу Великой французской революции, они исключительное значение придавали политической стороне коммунального движения. Туманными формулами, прикрашенными романтизмом, они прикрывали классовую ненависть существующих капиталистических отношений. «Будущее, — говорил их вождь Ф. Ппа, — это равенство бедного и богатого, раба с господином, рабочей платы с капиталом». Но «собственность в наших глазах так же священна, как труд,

которому она дает применение и который она вознаграждает». Они не были социалистами и мечтали о таком строе, где «все интересы будут одинаково представлены и который всем им будет одинаково благоприятен». Якобинцы не видели пролетарского характера Коммуны. «Будучи последовательными демократами, якобинцы стремились установить преобладание низших классов вообще, народа в широком смысле слова, но оставались чуждыми освободительной борьбе пролетариата» (Лукин). Лучше всего, если откинуть прудонистский и бланкистский налет, их лик отражается в декларации к французскому народу. (Мат. и док., № 13.)

К якобинцам примыкали бланкисты. Их программа также не отличалась ясностью. Но от якобинцев они отличались своей социалистической сущностью.

Меньшинство — прудонисты и бакунисты — тоже не имело определенных и ясных формул, требующихся обстоятельствами. В противоположность бланкистам, они, зараженные еще идеями Прудона, недооценивали значение политической борьбы пролетариата. В Коммуне они видели начало социальной революции, но, увлеченные идеей автономии, не поняли необходимости захвата в руки рабочего класса государственного аппарата, чтобы раздавить врагов. Противники централизации государства, они хотели «опрокинуть тирана, не подавив тиранию». (Мат. и док., № 11.) Но, несмотря на все это, напрасно мы стали бы искать ясности в их социально-экономической программе. Экономика тогдашней Франции, как мы видели, не давала еще готовить социальных рецептов. А члены Интернационала были детьми своего времени.

Ни большинство ни меньшинство не возвысились до классового понимания событий. Все они говорили об общности интересов труда и капитала и социальный антагонизм считали «печальным недоразумением». «Буржуазия, как и пролетариат, — два общественных класса, оба заинтересованные, хотя и в неравной степени, в великих экономических реформах», — писали в передовице официальных журналов. Эта точка зрения классовой солидарности проглядывает почти во всех материалах Коммуны, и только изредка некоторые социалисты, как, например, писательница Андрэ Лео, возвышаются до понимания социально-экономической сущности движения Коммуны. (Мат. и док., № 14.) «Париж, восставший против национального собрания, — это уже не Коммуна, это — революция. Он и должен быть откровенно революцией», — пишет она в газете «Коммуна» 9 апреля. «Париж обладает социальной идеей, — продолжает она. — Он должен высказать ее громко, определенно, ясно. В настоящую минуту ему нечего терять».

Мероприятия Коммуны.

Итак, Коммуна была провозглашена. Мы видели, как неясно и противоречиво представляло себе задачи ее большинство. Этой же неясностью и отсутствием системы определяются и мероприятия Коммуны. Якобинцы, колеблясь между идеей коммунальных вольностей и государственной власти, не могут занять определенной позиции. Не осознав себя, как власть рабочего класса, они все время впадают в противоречия, пока не изживут окончательно иллюзии соглашательства, после разрыва с мэрами в первых числах апреля.

К своей деловой работе — управлению — Коммуне пришлось приступить при особенных обстоятельствах. Государственный аппарат был совершенно дезорганизован Тьером. (Мат. и док., № 15.) Личный состав служащих государственных учреждений, кроме низов, убежал в Версаль. Те, что остались в Париже, саботировали. Коммуне приходилось почти заново строить весь государственный механизм, преодолевая огромные препятствия. Нужно было сломить саботажников. Коммуна издает соответствующее постановление. (Мат. и док., № 16.) Но Коммуне не пришлось восстанавливать прежний аппарат государственности. Она по существу была принципиальным отрицанием его. (Мат. и док., № 17.) Коммуна «была определенной формой такой республики, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство». (Маркс, «Гражданская война».) Коммуна должна была придать государству совершенно иной характер. С самого же начала она уничтожила два основных оплота буржуазной государственности, уничтожив постоянное войско заменой его вооруженным народом и введя отделение церкви от государства. (Мат. и док., № 18.) От полиции были отняты политические функции, и к ней, как и к другим государственным органам, был применен принцип сменяемости. Всякие привилегии, как денежные, так и связанные с общественной службой, были уничтожены и установлен максимальный оклад жалованья чиновникам, не превышающий заработка рабочего. (Мат. и док., № 18.) Таким образом «Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций — дешевое правительство, уничтожив две самых крупных статьи расхода — армию и чиновничество» (Маркс).

Но наиболее важное и принципиально отличное от организации власти заключалось в том, что Коммуна строилась как отрицание старого принципа разделения власти. «Коммуна, — писал Маркс, — должна была быть не парламентской, а работающей корпорацией, и в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей закон». Таковой она и была. Ее «пар-

ламентаризм» не имел по существу ничего общего с парламентскими учреждениями буржуазного типа, ибо Коммуна была «работающей корпорацией», а не собранием «профессиональных говорунов».

Как мы видели вначале, Коммуна, руководимая якобинцами и бланкистами, начала с провозглашения принципов демократии и либерализма, но в ходе обостренной гражданской войны, в обстановке осажденной со всех сторон крепости, ее большинство должно было отступить от легальных мер. Правительство рабочего класса, чем на самом деле являлась Коммуна, должно было вступить на путь репрессий против своих классовых врагов. «Мы переживаем революционную эпоху, а потому должны действовать революционными средствами и принимать необходимые меры предосторожности», — говорил Арну в заседании 24 апреля. 30 апреля якобинец Мио предложил организовать комитет общественного спасения, который «если потребуется, имел бы смелость рубить головы изменникам». Хотя меньшинство Коммуны — интернационалисты — противились этим мерам, говоря, что «мы должны господствовать над нашими врагами нравственной силой» (Верморель) и «мы — республиканцы — демократы и социалисты, а потому не должны пользоваться теми средствами, которые употребляют деспоты» (Арну), Коммуна принимает целый ряд мер самообороны. Начав с увещевания белой прессы, ведущей травлю против Коммуны, она приходит к закрытию газет (Мат. и док., № 20), запрещает собрания, производит обыски и аресты, принимает декреты о заложниках (Мат. и док., № 22) и их расстреле, конфискует имущество Тьера (Мат. и док., №№ 22 и 23), реквизирует помещения беглецов. Но все эти меры проводятся Коммуной бессистемно, хаотично, вынужденно. Якобинцы, как мелкие буржуа, больше декламировали на тему о терроре, чем применяли его на деле.

Социально-экономическая деятельность Коммуны.

Мы не стали бы искать в творчестве Коммуны, в ее созидательной работе коммунизма. Его мало, как мы видели, было даже у тогдашних членов Интернационала из французской секции. Социалистические идеологи того времени, Верморель и др., сами неясно представляли себе социальные мероприятия на другой день после революции. Тем менее ясно было это рядовым представителям социализма, не говоря уже о якобинцах, которые не были социалистами. Социалистичность Коммуны проявилась не в мероприятиях ее, которых она не успела даже и развернуть за 72 дни своего существования, а в том, что Коммуна была правительством рабочего класса, была по существу классовой властью. Этот факт настолько существенен, что должен явиться отправным пунктом при оценке роли Коммуны.

Все мероприятия социально-экономического характера Коммуны носят также характер неуверенности, отсутствия определенного плана, ясности и смелости мысли. Эпоха слабого развития рабочего движения положила свою печать на все ее творчество. На этом фоне становится понятным, почему правительство рабочего класса в сущности не приняло необходимых мер, направленных к экономическому освобождению своего класса. Коммуна не поставила во всей широте проблемы «экспроприации экспроприаторов» и обобществления средств производства. Созданная ею «комиссия труда и обмена», которая должна была подготовить совершенно новое законодательство о труде, с самого начала своих работ ограничила свои задачи рамками «отношений между рабочими и хозяевами». Декреты, принятые Коммуной в этой области, — о воспрещении вычетов и штрафов из заработной платы, о сдаче коммунальных работ артелям рабочих, о мастерских, брошенных своими хозяевами, о заработной плате чиновников, о воспрещении ночной работы булочников, об образовании бирж труда в мэриях, о возврате заложенных в ломбарде вещей бедняков, о квартирной плате, об обеспечении инвалидов и семей национальных гвардейцев, павших в борьбе, и др., — не объединены определенной системой и стоят еще на почве капиталистических отношений. Только один декрет о брошенных мастерских носит попытки переступить эти отношения. (Мат. и док., № 18.)

Еще менее решительна была Коммуна в своей финансовой политике.

Французский банк, влиятельнейшая финансовая организация, после бегства правительства Тьера попал в руки Коммуны. В нем находилось до трех миллиардов франков различных ценностей. Вместо того, чтобы сделать банк орудием борьбы, а средства обратить на нужды революции, Коммуна ограничилась назначением туда своего делегата-прудониста Белэ, получив согласие на скромное субсидирование нового правительства. Боясь подорвать устойчивость кредита и денежного обращения, Коммуна, в лице своего министра финансов Журда, больше всего заботилась об устойчивости финансовых капиталистических отношений. В то время как Версаль объявил беспощадную войну Коммуне, ее комиссар Белэ настаивал в исполнительной комиссии «на необходимости уважать банк со всеми его привилегиями и преимуществами. Надо, чтобы он стоял высоко с его безупречным кредитом и с его билетами al pari. В этом заинтересована вся Франция, следовательно и Версаль». Белэ убеждал Коммуну в нерациональности захвата банка силой, ибо «всякий на-

спльственный захват обратился бы против нас самих, превратив клише банковой экспедиции бумаг в клише для ассигнаций». Об этом лучше всего свидетельствует версалец маркиз де-Плек, вице-директор банка. (Мат. и док., № 19.)

Приготовление к обороне.

Правительство Тьера, выпущенное Коммуной из Парижа, медленно, но верно собирало вокруг себя враждебные силы. Клеветой и ненавистью оно отравляло провинцию, отрезав ее от восставшего беспомощного Парижа. «Не бойтесь, — увещевал Тьер буржуазию в одном воззвании, — мы не поддадимся душевной слабости и не допустим мира с виновными, что только ухудшило бы зло». Правительство Версаля решило разделаться окончательно с ненавистными мятежниками и принялось за построение армии по всем правилам военного искусства. В целях подавления пролетарского восстания Тьеру пришло на помощь прусское правительство передачей военнопленных. Бисмарк вполне мог быть спокоен. А Тьер напрасно «умолял господина Бисмарка во имя порядка» предоставить ему самому подавить этот «антисоциальный разбой». (Мат. и док., № 24.) «Как только мне удалось, — говорит Тьер, — собрать 50 тыс., я сказал себе, что настал момент проучить инсургентов». Ружейная перестрелка не умолкала на передовых позициях с самого начала. Но только орудийная пальба с утра 2 апреля показала, что Тьер решил наступать. Война началась. Об этом известил генерал Галифе в своем циркуляре от 3 апреля, подогреваемый буржуазной прессой, требовавшей крови и жертв. (Мат. и док., № 25.)

Что сделала Коммуна для обороны? Коммуне необходимо было завладеть провинцией, зажечь пожар революции там, связавшись со всей страной тысячами нитей. Этим Коммуна подрубила бы корень, который питал Тьера, и рассеяла бы ложь, созданную версальцами. Коммуна пыталась разрешить эту задачу, создав «комиссию внешних сношений», во главе с Паскалем Груссе, но все ее немногочисленные попытки кончались неудачей. Комиссия располагала ничтожными средствами. Восстания в провинции, в Лионе, Марселе, Сент-Этьене, Тулузе, Нарбонне, возникшие под влиянием известий из Парижа, не были поддержаны и тотчас подавлялись. Движением никто не руководил, никто его не организовывал. Комиссары Коммуны, посланные в провинцию, не могли справиться с задачей. Не было общего плана. Коммуна не приняла также и мер, чтобы связаться с западно-европейскими рабочими.

Не лучше обстояло дело с самой военной организацией. Отменив постоянную армию декретом от 29 марта, распустив добровольческие отряды, Коммуна принялась за организацию национальной гвардии, единственной ее опоры. В ее руках находился достаточно боеспособный материал: около 100 тыс. воодушевленных бойцов. Но у Коммуны не было необходимой организации. А гвардейцы, не спаянные дисциплиной, предоставленные себе, расходились по домам, распыляя силы Коммуны.

Представители военной касты целиком были на стороне Версаля. Революция не могла выделить организатора, который мог бы создать боеспособную армию. В военном деле также не было плана, а все военачальники Коммуны не могли или не хотели понять особого характера национальной гвардии, составленной по преимуществу из ремесленников и рабочих. «В национальной гвардии каждый батальон, каждая рота — это настоящая семья, составленная из соседей, товарищей по мастерской, обитателей одной улицы, одного и того же дома» (Арну). При таком естественном построении боевых групп необходимо было создать обстановку баррикадной борьбы мелкими группами, чтобы дать исход личному героизму, индивидуальной отваге. Генералы же Коммуны вместо этого «хотели вести правильную, классическую войну». Клюзере и Россель были противниками баррикадной борьбы. Баррикадная комиссия не предпринимала долгое время никаких мер. Проходило время, а Париж оставался неукрепленным.

Приказы Клюзере и Росселя, не считавшиеся с особым характером гвардейцев, только дезорганизовали их, разрывали последние связи между ними, а начавшие портиться отношения между ЦК национальной гвардии и командованием создавали неустойчивость. Делекюз, назначенный Коммуной, конечно, уже не мог поправить дела. Не обладая техническими военными знаниями, он мог принести на службу Коммуны только свой пламенный энтузиазм и старое имя революционера. (Мат. и док., № 26).

Версальцы уже вступали в Париж, а Коммуна не имела плана обороны. Его заменяла личная инициатива. Прокламация Делекюза от 21 мая окончательно подрывала дисциплину. Он писал: «Довольно милитаризма! Довольно с нас обшитых галунами генеральных штабов! Дайте место народу; дорогу бойцам с голыми руками! Народ ничего не понимает в ученых маневрированиях. Но, имея в руках ружье, а под ногами каменную мостовую, он не боится всех стратегов монархической школы, вместе взятых»... «Когда военный министр осуждает всякую дисциплину, — пишет по этому поводу Лиссагарэ, — кто же захочет еще повиноваться?» —

Итак, к обороне Париж не был готов. Он не имел организованной защиты, а расхождение «большинства» с «меньшинством» в самой Коммуне, их борьба, наконец уход последних из совета Коммуны еще больше осложнили положе-

ние, ослабляя оборону. 21 мая в семь часов вечера Тьер телеграфировал о вступлении генерала Дуэ в Париж. Домбровский обратился в Комитет общественного спасения с письмом, в котором писал: «Если вы можете прислать мне подкрепление, — я отвечаю за все». Но Коммуна не могла уже послать организованного подкрепления. Она переживала агонию. Отдельным ее членам оставалась только готовность жертвовать собою. В пламени борьбы выковывалась героическая решимость рабочих и ремесленников бороться до конца. «Воодушевленные классовой ненавистью, стиснутые в кольцо, борцы за Коммуну отбивались от нападения врагов, в которых проснулся инстинкт тигра». 21—28 мая парижский пролетариат показал бессмертные примеры стойкости, отдавая все на борьбу с версальцами.

Но каждый новый день приносил новые поражения. Петля на шее Коммуны стягивалась. Когда 25 мая выяснилась неминуемая гибель Коммуны, отдельные ее члены пошли сознательно навстречу смерти. «Я не хочу и не могу служить жертвой победоносной реакции... После стольких поражений я не чувствую в себе еще мужества перенести и это поражение», — писал Делеклюз своей сестре. С таким чувством он, как и многие другие, пошел на баррикады, где и был убит.

28 мая пало последнее укрепление Коммуны на улице Рамбаль. Версальцы, «люди порядка», торжествовали свою победу. Пресса буржуазии требовала беспощадной мести. Правительство Тьера вместе со всей буржуазией желало как будто навсегда отделаться от красного призрака. «Земля усеяна трупами. Да послужит уроком это ужасное зрелище!» — писал Тьер и принялся справлять свое «правосудие». «Мы прибегаем только к закону, — говорил Тьер в национальном собрании, — при помощи закона необходимо уничтожить мятежников... Искупление будет полное. Оно произойдет именем закона, при помощи закона и на основании закона». И действительно, Париж был обращен в бойню в течение майской недели. Кроме расстрелянных 20—30 тыс. мужчин, женщин и детей, по данным Дюбрейля, за два последних месяца было арестовано до 45 тыс. человек. В своем правосудии версальцы не щадили не только женщин, но и детей. На суде подсудимые вели себя героически. Данные о социальном составе осужденных показали, среди каких классов вербовала Коммуна своих борцов.

Коммуна пала. Много ошибок было у нее. На это мы указывали выше; на историческом фоне борьбы рабочего класса они становятся понятными. Но все это не умаляет величайшего исторического смысла Парижской коммуны и для нас. Обаяние ее и значение — в том, что она была первой попыткой рабочей революции (Мат. и док., № 27), по существу своему правительством рабочего класса. Встав у власти, пролетариат внутренней логикой событий должен будет уничтожить основы того экономического строя, которые делали его эксплоатируемым. Его революция — по необходимости коммунистическая. Таковой и была Парижская коммуна. За 72 дня своего существования Коммуна не могла развернуть своей работы. Но тем не менее для пролетариата она всегда будет служить лучшим уроком в его борьбе. На ее ошибках и поражениях учился российский пролетариат. Умудренный опытом, обогащенный знаниями и историческим наследием, он, под руководством своей партии, продолжает великое дело Парижской коммуны — освобождение труда. (Мат. и док., № 28.)

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА.

Материалы и документы по данной теме сгруппированы таким образом чтобы выявить: 1) классовый характер «народной революции» 18 марта, 2) идеологию борющихся групп, 3) социальное содержание политики Парижской коммуны и 4) ее исторический смысл для рабочего движения.

Документы №№ 1 2, 3 ярко выявляют классовый характер правительства национальной обороны. Отрывок из воззвания Генерального совета Интернационала, принадлежащий перу К. Маркса (№ 1), дает блестящий анализ и вскрывает социальное содержание переворота 4 сентября и вместе с тем служит чрезвычайно важным документом, определяющим позицию Маркса во время франко-прусской войны, в период до-монополистического капитализма. Ввиду особой важности, которую сыграл этот документ в последующей истории рабочего движения, в период империалистической войны 1914 г., на проработке его необходимо остановить внимание. (Ввиду того, что этот вопрос выходит за пределы данной темы, мы рекомендуем для проработки специальную литературу: Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 93—94, 101—102; Зиновьев, Война и кризис социализма, Гиз, 1920 г., ч. 1, главы IV—V.) Главным образом воззвания ЦКНГ, вскрывают идеологию руководителей движения 18 марта.

Два первые воззвания ЦКПГ являясь иллюстративным материалом, вместе с тем служат для характеристики тактики руководителей. При знакомстве с ними должно быть обращено внимание на декларирование на другой день захвата власти демократических выборов и снятие осадного положения. Три следующие документа посвящены выявлению задач движения в представлении руководящих групп этого движения. Особое внимание должно быть обращено на анализ документов №№ 5—6, излагающих программу строящейся Коммуны, как государства нового типа. При проработке документа № 7 необходимо иметь в виду, что его авторы — Авт. Арно и Эд. Вальян — принадле-

жали одни — к «большинству», другой— к бланкистам; поэтому документ этот может служить в качестве образчика взглядов большинства руководителей Коммуны. В качестве образчика взглядов «меньшинства» необходимо внимательно изучить воззвание Парижской секции Интернационала (документ № 12), подчеркнув типичные программные положения прудонизма, который господствовал в рядах секции. Лучше всего эти два указанные документа изучать в их сопоставлении выделяя общее и отличное.

Следующие 3 документа (№№ 8, 9 и 10) являются иллюстративными по вопросу о борьбе вокруг выборов в Коммуну и рисуют главным образом позицию мэров и их помощников в затянувшемся конфликте.

Классовый характер ЦКНГ прекрасно выявляет воззвание его от 6 апреля (документ № 12). Одним из центральных документов для изучения идеологии Парижской коммуны является декларация к французскому народу от 13 апреля (документ № 19), составленная комиссией состоящей из трех бланкистов и одного примыкающего «к большинству». Этот документ рекомендуется положить в основу самостоятельной работы об идеологии Коммуны. Не менее интересным является документ № 14 как образец поисков путей к крестьянству. Следующая группа документов (№ 18) посвящена двум вопросам: социально-экономическому творчеству Коммуны и строительству нового типа государства. Эта группа документов должна быть проработана обязательно, так как служит основным материалом для анализа классового характера движения 18 марта. Наряду с законодательным материалом характеризующим политику Коммуны в различных областях социального творчества здесь приведена документация по вопросам строительства нового типа государства Теоретический анализ последнего рода материала и его обобщение даются в двух классических отрывках В. И. Ленина (документ № 17) и К. Маркса (документ № 27). Эти же отрывки являются материалом для выяснения исторического смысла Парижской коммуны.

Следующая группа документов (№№ 20, 21, 22 и 23), относящаяся ко второму периоду деятельности Коммуны, характеризует оборонительно-карательную политику против Версаля. Этот декретный материал может быть использован в качестве иллюстративного материала тактики Коммуны по отношению к Версалю, запоздалого рефлекса классовой политики. Сюда не должен быть отнесен документ № 19, который следует рекомендовать для обязательной проработки. Два следующих документа (№№ 24 и 25) служат иллюстрацией наступательных планов озверелой буржуазии. Воззвание Делеклюза (№ 26) является прекрасным документом военной беспомощности «большинства».

Последний документ (№ 28) наряду с вышеприведенными служит блестящим образцом выяснения исторического смысла Парижской коммуны и вместе с тем посвящен оценке тактики парижских коммунаров. Для выяснения ошибок Коммуны он имеет первостепенное значение и должен быть обязательно проработан.

В качестве примера проработки документов укажем на следующее:

I. Декларация Коммуны (документ № 13).

1. В какой период и при каком соотношении классовых сил появилась декларация?

2. Какой смысл имела революция 18 марта в представлении авторов декларации?

3. Какие принципы кладут авторы декларации в основу государственного устройства?

4. Какова роль Парижа?

5. Как представляют себе авторы декларации политическое единство нации?

6. Каковы политические требования декларации?

7. В каких положениях проявляется влияние прудонистов и в каких бланкистов?

8. Имеются ли социалистические положения в декларации?

9 Каков общий характер декларации?

II. Социальное законодательство Коммуны (документ № 18).

1. Какие декреты и в какой период существования Парижской коммуны были изданы в направлении изменения характера и сущности государственной власти?

2. Какие принципы положены в основу этой группы декретов?

3. Какие декреты, направленные к разрешению вопросов труда, и когда были изданы Коммуной?

4. Являются ли принципы лежащие в их основе, социалистическими?

5. Можно ли утверждать на основании приведенного (основного, законодательного материала о социалистическом и пролетарско-классовом характере социального законодательства Коммуны?

6. Как можно характеризовать социальное законодательство Коммуны?

ЛИТЕРАТУРА.

В качестве учебника рекомендуется Ц. Фридлянд, Истории Западной Европы т. I; Лукин Парижская коммуна. В случае отсутствия времени для проработки этой фундаментальной работы по Коммуне рекомендуется брошюра Слуцкого Парижская коммуна. изд. Коммунистического университета им Свердлова; К. Маркс, Гражданская война во Франции, с предисловием Энгельса. Гиз К. Маркс. Письма к Кугельманну с предисловием В. И. Ленина; Ленин Государство и революция, гл. II. По отдельным вопросам: Молок Парижская коммуна и крестьянство; Молок, Очерки быта и культуры Парижской коммуны; Вайнштейн, Парижская коммуна и французский банк. «Ист.-Маркс», т. I.

Для документации использованы следующие книги:

1) Маркс, Гражданская война во Франции, 2) Л. Мишель, Коммуна, 3) «Murailles Politiques

Françaises», II, «La Commune»; 4) «Journal Officiel»; 5) Луи Доббрейль, Коммуна 1871 г.; 6) Ленин, Государство и революция; 7) «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars»; 8) Маркс, Письма к Кугельману; 9) «Парижская коммуна», изд. Коминтерна; 10) Газета «La Commune», № 22.

1. Правительство национальной обороны в оценке Интернационала.

(Из второго воззвания генерального совета Интернационала от 9 сентября 1870 г.)

«В нашем первом манифесте от 23 июля мы сказали: «Похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится так же, как началась, — жалкой пародией.

Но мы не должны забывать, что именно европейские правительства и господствующие классы дали Луи-Бонапарту возможность в течение целых восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс реставрации Второй империи».

Таким образом еще раньше, чем начались военные операции, мы уже смотрели на бонапартистский мыльный пузырь, как на дело прошлого.

Мы не заблуждались насчет жизнеспособности Второй империи. Мы не были также неправы в своем опасении, что для Германии «война потеряет свой чисто оборонительный характер и выродится в войну против французского народа». Оборонительная война действительно кончилась сдачей Луи-Наполеона, капитуляцией Седана, провозглашением республики в Париже. Но еще гораздо раньше этих событий, уже в тот самый момент, когда гнилость бонапартовского милитаризма выпыла наружу, прусская военная камарилья решилась превратить войну в завоевательную...

Немецкий рабочий класс, не имея возможности помешать этой войне, поддерживал ее энергично, как войну за независимость Германии, за освобождение ее и всей Европы от гнетущего ига Второй империи. Немецкие промышленные рабочие вместе с рабочими сельскими составляли ядро героических войск, тогда как дома оставались их полуголодные семьи. Кроме бедствий на поле брани за границей, их ожидают не менее великие бедствия дома от нищеты. И они теперь, в свою очередь, требуют «гарантий», гарантий в том, что их неисчислимые жертвы были не напрасны, что они действительно добились свободы, что их победы над армиями Бонапарта не будут превращены, как в 1815 г., в поражение немецкого народа. И в качестве первой такой гарантии они требуют «почетного для Франции мира» и «признания французской республики».

Центральный комитет немецкой социал-демократической рабочей партии опубликовал 5 октября манифест, в котором он энергично настаивает на этих гарантиях. «Мы, — говорил он, — протестуем против присоединения Эльзас-Лотарингии. И мы сознаем, что говорим от имени немецкого рабочего класса. В общих интересах Франции и Германии, в интересах мира и свободы, в интересах западно-европейской цивилизации, в интересах борьбы с восточным варварством немецкие рабочие не потерпят молча присоединения Эльзас-Лотарингии... Мы будем стоять верно вместе с нашими товарищами, рабочими других стран, за общее международное дело пролетариата».

К несчастью, мы не можем рассчитывать на их непосредственный успех. Если французские рабочие не могли остановить нападающей стороны в мирное время, то больше ли шансов у немецких рабочих удержать победителя во время военной горячки? Манифест немецких рабочих требует выдачи Луи-Бонапарта как обыкновенного преступника в руки французской республики. А их эксплоататоры всеми силами стараются опять усадить его на тюльерийский престол как самого подходящего человека для того, чтобы привести Францию к гибели. Как бы там ни было, история покажет, что немецкие рабочие созданы не из такого дряблого материала, как немецкий средний класс. Они исполнят свой долг.

Вместе с немецкими рабочими мы приветствуем учреждение республики во Франции, но в то же время нас тревожат опасения, которые, будем надеяться, окажутся неосновательными. Эта республика не свергла трона, она только заняла оставленное им пустое место. Она провозглашена не как социальное завоевание, а как мера национальной обороны. Она находится в руках временного правительства, состоящего частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, — между прочим и таких, на которых июньское восстание 1848 г. оставило несмываемое пятно. Разделение труда между членами этого правительства внушает подозрение.

Орлеанисты заняли сильнейшие позиции правительственной власти: армию и полицию, между тем как мнимым республиканцам предоставили функцию болтовни. Некоторые из первых шагов этого правительства довольно ясно показывают, что оно унаследовало от империи не только груду развалин, но и страх пред рабочим классом. Если теперь во имя республики они широковещательно обещают невозможные вещи, то не делается ли это для того, чтобы подготовить агитацию в пользу «возможного» правительства? Не является ли республика, согласно плану некоторых ее буржуазных антрепренеров, которые охотно стали бы ее могильщиками, лишь переходной ступенью к орлеанской реставрации?

Таким образом французский рабочий класс находится в чрезвычайно затруднительных условиях. Всякая попытка ниспровергнуть существующее правительство в разгаре страшного кризиса была бы безумием отчаяния. Французские рабочие должны исполнить свой долг граждан, и они делают это, но они не должны позволить себя увлечь национальным традициям 1792 г., как французские крестьяне дали обмануть себя национальными преданиями Первой империи. Им нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Они должны использовать республиканские свободы, чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса. Это даст им новые геркулесовы силы для борьбы за возрождение Франции и за наше общее дело — освобождение пролетариата. От их силы и мудрости зависит судьба республики.

Пусть же секции Международного товарищества рабочих призовут рабочий класс во всех странах к деятельному выступлению. Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, — настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, капитала и землевладения».

2. Правительство национальной обороны решило обезоружить национальную гвардию.

(Письмо Ж. Фавра к Тьеру [1].)

Париж, 10 марта, 12 часов ночи.

«Дорогой президент и друг! Совет с величайшей радостью получил приятное известие о вотуме собрания. Вашей неутомимой преданности принадлежит вся честь этого вотума, который обязывает еще большей благодарностью вам. Меня это радует со всех точек зрения, я вижу в этом залог вашей связи с собранием, это возвращает вас к нам и дает возможность наконец приступить к осуществлению наших многообразных обязанностей. Мы должны успокоить и защитить нашу несчастную, глубоко потрясенную страну. Мы должны начать с исполнения законов. Сегодня вечером мы закрыли пять газет, которые каждый день проповедуют убийства: «Vengeur», «Mot d'Ordre», «Bonche de Fer», «Cri du Peuple» и «Carricature». Мы решили покончить с редутами Монмартра и Бельвиля и надеемся достигнуть этого без кровопролития. Сегодня происходил суд над второй категорией обвиняемых 31 октября, и военный совет приговорил заочно к смертной казни Флуранса, Бланки, Левро и присутствовавшего на суде Валлеса к шести месяцам тюрьмы.

Завтра утром я уезжаю в Ферьер. Мне нужно объясниться с прусскими властями относительно целой массы подробностей. Пруссаки по-прежнему нестерпимы. Я хочу попытаться, нельзя ли взаимными уступками добиться смягчения участи наших несчастных соотечественников.

Надеюсь, что вы выедете завтра, в субботу. Париж и Версаль приготовились к вашей встрече, а в Париже есть человек, который очень счастлив, что вы возвращаетесь.

Ваш Жюль Фавр».

3. Прокламация Тьера к жителям Парижа.

«Жители Парижа!

Мы еще раз обращаемся к вам, к вашему разуму и патриотизму, и мы надеемся, что вы выслушаете нас.

[1] Ж. Фавр — министр иностранных дел; Тьер — президент исполнительной власти французской республики», избранный 17/II 1871 г. национальным собранием в Бордо.

Ваш великий город, для жизни которого необходим порядок, стал свидетелем волнений в некоторых кварталах; хотя это возмущение и не распространяется на другие кварталы, но оно препятствует возвращению к труду и благосостоянию.

С некоторого времени злоумышленники, под предлогом борьбы с пруссаками, которых уже больше нет в наших степах, овладели частью города, воздвигли там укрепления и держат там стражу, принуждая и вас принимать в этой страже участие; и все это по приказу таинственного комитета, который желает самостоятельно командовать частью национальной гвардии и не признает власти генерала д'Ореля, по справедливости занимающего пост вашего главы; этот комитет хочет образовать в противовес законному правительству, установленному всеобщей подачей голосов, свое правительство.

Эти люди, причинившие вам так много зла,— те самые, которых вы разогнали 31 октября,— делают вид, что они защищают вас от пруссаков, но пруссаки только появились в ваших степах, и эти беспорядки лишь задерживают их окончательный уход. Злоумышленники портят пушки, которые, если бы они стреляли, грозили бы разрушением вашим домам и убийством вашим детям и вам самим. Наконец, они не защищают, а компрометируют республику, потому что, если в глазах Франции республика сделается неизбежною спутницею беспорядков, республика погибнет. Не верьте им и выслушайте истинную правду.

Правительство, установленное всей нацией, давно могло бы отнять эти похищенные у государства пушки, которые в данный момент угрожают только вам; оно могло бы снести эти нелепые укрепления, препятствующие только сообщению, и предать в руки правосудия преступников, осмелившихся начать вслед за войной с иноземцем гражданскую войну; но правительство хотело дать время обманутым отвернуться от тех, кто их обманывает.

Между тем время, предоставленное благонамеренным людям, чтобы они могли отделиться от злонамеренных, отнято у вашего спокойствия, у вашего благосостояния и благосостояния всей Франции. Нельзя продолжать эту отсрочку до бесконечности. Пока длится такое положение вещей, торговля стоит, ваши лавки пусты, заказы, которые могли бы поступать со всех сторон, откладываются, вам приходится оставаться праздными, кредит не восстанавливается, капиталы, необходимые правительству для того, чтобы освободить территорию от врага, не поступают в казначейство. В ваших интересах, в интересах города, а также в интересах всей Франции правительство решилось действовать. Преступники, желавшие установить свое собственное правительство, будут преданы с соблюдением установленных правил в руки правосудия. Пушки, похищенные у государства, будут возвращены в арсеналы. Для выполнения этого необходимого, справедливого и разумного дела правительство рассчитывает на вашу помощь. Пусть добрые граждане отвернутся от дурных; они должны помогать законной власти, а не противодействовать ей. Они ускорят таким образом возвращение городу благосостояния и окажут услугу своей республике, так как беспорядок погубил бы ее во мнении Франции.

Парижане! Мы обращаемся к вам с этой речью, так как мы уважаем ваш здравый смысл, ваше благоразумие и ваш патриотизм, но после этого предупреждения вы дадите нам право прибегать к силе, ибо необходимо во что бы то ни стало, без малейшей проволочки, немедленно же восстановить полный и незыблемый порядок, необходимое условие вашего благополучия.

(Следуют подписи.)

Париж, 17 марта 1871 г.»

4. Первое воззвание ЦК национальной гвардии.

Свобода, равенство, братство.

Французская республика.

К НАРОДУ.

«Граждане! Население Парижа сбросило с себя ярмо, которое ему желали навязать.

Спокойный, невозмутимый в сознании своей силы, народ без страха и без вызова ждал, пока бесстыдные безумцы осмелились посягнуть на республику. На этот раз наши братья солдаты не захотели поднять руку на священный ковчег свободы. Мы благодарим всех. Пусть

Париж, а с ним и вся Франция положит основание республике, которую мы приветствуем со всеми последствиями; только такое правительство может раз навсегда покончить с эрой вторжений и гражданских войн. Осадное положение снято; население Парижа приглашается по своим секциям для коммунальных выборов. Безопасность граждан обеспечена национальной гвардией.

Центральный комитет национальной гвардии.

(Следуют подписи.)

Парижская ратуша, 19 марта 1871 г.»

К национальной гвардии Парижа.

«Граждане!

Вы поручили нам организовать оборону Парижа и защиту ваших прав.

Мы с полным сознанием заявляем, что выполнили свою миссию: благодаря вашей мужественной поддержке и вашему удивительному хладнокровию мы прогнали правительство изменников.

Теперь наши полномочия истекают, и мы возвращаем вам ваш мандат, ибо не стремимся занять место тех, кого только что смела буря народного негодования.

Готовьтесь же немедля к коммунальным выборам и дайте нам единственную награду, о которой мы когда-либо мечтали, — зрелище установленной вами истинной республики!

Пока же, именем народа, мы продолжаем занимать городскую ратушу.

Центральный комитет национальной гвардии.

(Следуют подписи.)

Парижская ратуша, 19 марта 187[1] г.»

5. Революция 18 марта в представлении ее участников.

(Статья в неофициальной части «Journal Officiel» от 21/III.)

Реакционные журналы продолжают обманывать общественное мнение, с умышленной недобросовестностью искажая события, разыгравшиеся в последние три дня в столице. Они публикуют грубую клевету, ложные и оскорбительные обвинения против мужественных и бескорыстных людей, взявших на себя в минуту величайшей опасности тяжкую ответственность за спасение республики.

Беспристрастная история несомненно воздаст им должное; она установит, что революция 18 марта есть новый, важный этап на пути прогресса.

Безвестные пролетарии, вчера еще никому неведомые, но имена которых скоро разнесутся по целому свету, одушевленные глубокой любовью к праву и справедливости, безграничной преданностью Франции и республике, решили под влиянием этих благородных чувств спасти порабощенную родину и угрожаемую свободу. В этом их великая заслуга перед современниками и потомством.

Пролетарии столицы, при виде обманов и измены правящих классов, поняли, что настал час, когда они должны спасти положение и взять управление общественными делами в свои руки.

Умеренность и мудрость, которой они воспользовались при получении от народа власти, выше всяких похвал.

Они сохраняли спокойствие, несмотря на вызывающее поведение врагов республики, и проявили осторожность перед лицом неприятеля.

Они проявили величайшее бескорыстие и безграничное самоотвержение. Едва взяв власть в свои руки, они поспешили созвать народ в избирательные участки для скорейшего избрания коммунального управления, которому решили передать свою временную власть.

Всемирная история не знает другого примера временного правительства, которое так торопилось бы отдать свои полномочия представителям, избранным всеобщей подачей голосов.

Глядя на их бескорыстное, честное демократическое поведение, с удивлением спрашиваешь себя: как может существовать столь несправедливая и бесстыдная пресса, осыпающая клеветою и оскорблениями этих доблестных граждан, деятельность которых должна была бы вызвать лишь похвалу и восхищение?

Неужели друзьям человечества, защитникам права, будь они победители или побежденные, суждено всегда становиться жертвой лжи и клеветы?

Неужели рабочие, все производящие и ничем не пользующиеся, терпящие нужду среди накопляемых ими ценностей, созданных их тяжелым трудом, будут всегда подвергаться оскорблениям?

Неужели они никогда не добьются права работать для своего освобождения, не вызывая этим против себя целого хора проклятий?

Неужели буржуазия, их старшая сестра, добившаяся освобождения более трех четвертей века назад, их предшественница на пути революции, не понимает, что теперь наступил черед освобождения и для пролетариата?

Казалось, невзгоды и бедствия, навлеченные на Францию политической бездарностью буржуазии, ее моральной и интеллектуальной дряхлостью, должны были бы доказать, что время буржуазии прошло, что буржуазия выполнила задачу, возложенную на нее в 1789 г., и должна если не уступить место рабочим, то хоть дать им возможность в свою очередь добиться освобождения.

Разве, ввиду постигшей нас катастрофы, для нашего спасения не необходимо общее сотрудничество?

Почему же буржуазия, в роковом ослеплении, с неслыханным упорством отказывает пролетариату в его законной доле свободы?

Почему она неустанно борется с его стремлением получить общегражданские права; почему она всеми силами и средствами противится свободному развитию рабочих?

Зачем она подвергает сжеминутным опасностям все достижения человеческого духа, завоеванные Великой французской революцией?

Если бы 4 сентября правящий класс предоставил свободу стремлениям и нуждам народа; если бы он честно признал за рабочими их гражданские права — право пользоваться всеми свободами; если бы он дал им возможность развить все свои способности, удовлетворить все свои нужды; если бы правительство не предпочло разгром родины несомненному торжеству республики в Европе, — мы не дошли бы до нашего теперешнего положения и избежали бы катастрофы.

Пролетариат, стоя лицом к лицу с постоянной угрозой своим правам, с решительным отрицанием своих законных стремлений, видя разгром родины и крушение всех ее надежд, понял, что священный долг и безусловное право повелевают ему взять в свои руки ее судьбы и обеспечить ей победу, овладев властью.

Вот почему он ответил революцией на бессмысленный и преступный вызов близорукого и преступного правительства, не побоявшегося вызвать гражданскую войну вслед за неприятельским нашествием и оккупацией.

Но армия, которую правительство надеялось восстановить против народа, отказалась поднять против него оружие; она братски протянула ему руку и присоединилась к своим братьям.

Пусть же капли пролитой крови, которую мы горячо оплакиваем, падут на головы зачинщиков гражданской войны, врагов народа, бывших в течение полувека виновниками всех наших внутренних несогласий и национальных бедствий.

На мгновение остановленный ход прогресса возобновится опять, и пролетариат, невзирая ни на что, закончит задачу своего освобождения.

Правительственный уполномоченный при
«Journal Officiel».

6. ЦК национальной гвардии о своих задачах.

(Из воззвания ЦК.)

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ.

Если бы Центральный комитет национальной гвардии был правительством, он мог бы, щадя достоинство своих избирателей, пренебречь самооправданиями. Но его первым заявлением было, что он «не собирается занять место тех, кто был сметен порывом народного негодования» и что элементарная честность обязывает его не выходить из определенных границ полученных им полномочий; поэтому комитет представляет собой только группу лиц, которые имеют право принимать меры для самозащиты.

Порожденный республикой, начертавшей в своем девизе великое слово «братство», — комитет прощает своим оскорбителям; но он хочет раскрыть глаза тем добрым гражданам, которые по своему неведению поверили клевете.

Он не действовал тайком: имена его членов значатся на всех его воззваниях: если имена эти и не громки, зато члены комитета не уклонялись от ответственности, несмотря на то, что она была велика.

Комитет не состоял из людей неизвестных — он был создан в результате свободного голосования двухсот пятнадцати батальонов национальной гвардии.

Он не был зачинщиком беспорядков, ибо национальная гвардия, оказавшая ему честь признать его своим руководителем, не запятнала себя ни эксцессами, ни репрессиями и обнаружила свое величие и силу благоразумием и умеренностью поведения.

В провокации однако не было недостатка; правительство не переставало подготовлять тягчайшее из всех преступлений — гражданскую войну. Оно оклеветало Париж и восстановило против него провинцию.

Оно призвало против нас наших братьев — солдат — и морило их на наших площадях голодом, оторвав их от домашнего очага.

Оно хотело навязать нам своего главнокомандующего.

Оно хотело ночью лишить нас наших пушек, которые мы помешали ему выдать пруссакам.

Наконец вместе со своими перепуганными сторонниками в Бордоской палате, оно сказало Парижу: «Ты обнаружил героизм, но мы боимся тебя, поэтому мы срываем с тебя венец столицы».

Чем же ответил на этот вызов Центральный комитет? Он основал федерацию: он проповедывал умеренность, даже, больше того — великодушие; в тот момент, когда готовилось вооруженное нападение, он повторял своим: «Не нападайте никогда и отвечайте оружием только в случае крайней необходимости».

Он обратился с призывом ко всем интеллектуальным силам страны, ко всем свободным людям, он искал содействия офицерского корпуса. Его двери были всегда широко раскрыты для всех, кто стучался в них во имя республики.

На чьей же стороне были право и справедливость и на чьей стороне злая воля?

Все эти события произошли в течение такого короткого срока и так недавно, что они еще не забыты никем. Если мы пишем это накануне дня нашего отказа от власти, то, повторяем, мы имеем в виду честных людей, легкомысленно поверивших клевете, достойной только тех, кто ее выдумал.

Особенное негодование вызывает у них то обстоятельство, что наши имена мало известны. Увы! Сколько известных, очень известных имен оказалось для нас роковыми!..

Знаете ли вы, к какому средству они прибегли недавно в борьбе против нас? Они лишили хлеба тех солдат, которые дали себя обезоружить, не желая стрелять в народ, и они называют нас убийцами, — они, наказывающие голодом за отказ от убийства!

Прежде всего мы заявляем с негодованием, что кровавая грязь, в которой они пытаются утопить наше доброе имя, является гнусным клеветническим измышлением. Мы не подписали ни одного смертного приговора, национальная гвардия не принимала участия ни в одной казни.

Да и ни ей, ни нам не нужно было этого.

Эта клевета столь же нелепа, как и низка.

Впрочем, нам даже совестно оправдываться. Ведь наше поведение достаточно ясно показывает, кто мы такие. Разве мы домогались окладов или почестей? Если мы могли заслужить — и действительно заслужили — доверие двухсот пятнадцати батальонов и все же остались в неизвестности, разве это не свидетельствует о том, что мы презирали громкую популярность? Известность приобретается дешево: ценою нескольких пустых фраз или некоторой доли подлости; доказательством тому, что это так, служит недавнее прошлое.

Мы, облеченные полномочиями, возложившими на нас тяжелую ответственность, без страха и колебания выполнили вверенную нам задачу, и теперь, достигнув цели, мы говорим народу, уважения которого мы не теряли даже тогда, когда внушали ему терпение: «Вот полномочия, которые ты нам дал; в этот момент, когда мы могли бы воспользоваться ими в наших личных интересах, мы считаем нашу задачу законченной: твори теперь сам свою волю. Теперь ты свободен, господин наш. Мы, никому неведомые еще несколько дней назад, столь же безвестными вернемся снова в твои ряды и покажем правящим, что мы можем смело, с поднятой головой спуститься по ступеням твоей ратуши, зная, что нас ждет внизу пожатие твоей честной загрубелой руки».

Члены ЦК (следуют подписи).

7. Программа Коммуны.

«Граждане!

Завтра состоятся выборы в коммунальное собрание; завтра население Парижа закрепит своим голосованием выражение своей воли, открыто проявившейся 18 марта, когда народ изгнал провокаторское правительство, имевшее,

казалось, одну цель — завершить дело своих предшественников и увенчать гибель страны уничтожением республики.

Этой беспримерной в истории революцией, величие которой с каждым днем обнаруживается все более, Париж дал образец блистательного порыва и справедливости. Он обнаружил, что в его душе нераздельны идеи порядка и свободы, единственные основы республики.

Тем, кого наши бедствия поставили во главе наших судеб и которые задались целью уничтожить всякую политическую и социальную жизнь Парижа, Париж ответил декларацией неотъемлемого права всякого города, как и всякого государства, на самоуправление, т. е. права самому ведать делами своей внутренней муниципальной жизни, предоставляя центральному правительству общую администрацию и политическое руководство страной.

Страна не свободна там, где не свободны индивидуумы или город в ней; во Франции не будет республики, пока столица страны не получит права на самоуправление.

Этого права, которое не осмеливаются оспаривать у самых захудалых местечек, не признают за Парижем, не признают потому, что боятся его любви к свободе, его непоколебимой решимости сохранить республику, утвержденную коммунальной революцией 18 марта, республику, которую вы закрепите завтра вашим голосованием.

Прошло восемь дней с момента освобождения Парижа, с тех пор как великий город по собственной воле располагает собою, и эти восемь дней ничем не связанной свободы доказали всякому беспристрастному наблюдателю, на чьей стороне была любовь к порядку и сознание права.

Порожденный требованием справедливости, вызвавшим революцию 18 марта, Центральный комитет водворился в ратушу не как правительство, но как народный страж, как комитет бдительности и организации, озабоченный тем, чтобы внезапностью или хитростью у народа не отняли плодов его победы; на обязанности комитета лежало организовать окончательное выражение народной воли — свободные выборы собрания, которое представляло бы не только идеи, но и интересы населения Парижа.

В день, когда коммунальное собрание конституируется, в день, когда будут оглашены результаты голосования, Центральный комитет сложит свои полномочия и удалится, гордый сознанием исполненного долга, счастливый сознанием, что миссия его выполнена.

Тогда Париж станет действительным хозяином своей судьбы; в коммунальном собрании он найдет орган для выражения своих интересов и для защиты их перед лицом интересов других частей страны и перед национальной центральной властью.

Он сможет тогда сам, по всестороннем изучении и обсуждении и без постороннего незаконного и насильственного вмешательства, бесстыдно попирающего право и справедливость в пользу монархической клики, разрешить сложные вопросы коммунального и частного права, еще более усложненные тем длительным испытанием, которое он выдержал ради спасения страны.

Он наконец сможет сам решить, — какие меры следует принять для быстрейшего и безболезненного возвращения к труду и деловой жизни.

Республика не может существовать ни дорогостоящими административными фантазиями, ни разорительными спекуляциями; она живет свободой, экономией, трудом и порядком. Республика должна установить гармонию интересов, а не жертвовать одним ради других. Вопросы о сроках платежей, о наемной плате за квартиры могут быть разрешены только представителями города при поддержке их сограждан, мнение которых всегда должно быть затребовано и выслушано. Как и все, касающееся интересов города, решение этих вопросов не может быть передано на произвол власти, повинующейся по большей части только духу партийности.

Точно так же и рабочий вопрос: труд — вот единственная база общественной жизни, единственная основа честного и лояльного ведения дел; граждане, оторванные от работы войной, которую вызвало и поддерживало бесконтрольное правительство, не должны быть отданы в жертву — внезапным прекращением выдачи жалованья — нищете и безработице.

Надо считаться с переживаемым ныне переходным периодом; надо добросовестно искать из него выхода: труду должен быть оказан кредит, который вырвет рабочего из неминуемой нищеты и даст ему возможность быстро достичь полного освобождения.

Эти вопросы, как и многие другие, должны быть разрешены вашим коммунальным советом; решения его будут основаны на праве всех граждан, так как все будут принимать участие в их обсуждении, и ответственный и сменяемый совет

этот будет находиться под непрестанным контролем граждан.

Наконец он должен будет установить отношение города к центральной власти, обеспечив при этом независимость и автономию Коммуны.

Итак, на выборы, граждане! Пусть каждый из вас поймет величие вышавшего на его долю долга, пусть каждый знает, что, опуская в урну свой бюллетень, он навеки кладет основание свободе и величию Парижа, обеспечивает Франции республику и делает для нее то, что он так доблестно делал перед лицом неприятеля, — исполняет свой долг.

Уполномоченные по внутренним делам Ант. Арно, Эд. Вальян.

Париж, 25 марта 1871 г.»

8. Постановление ЦК национальной гвардии о выборах.

«Центральный комитет национальной гвардии, принимая во внимание настоятельную необходимость установления в Париже коммунального управления, предписывает:

1. Выборы коммунального совета города Парижа назначаются в среду, 22 марта.

2. Подача голосов производится по спискам и по округам.

Каждый округ избирает одного члена совета на 20 тыс. жителей или на остаток свыше 10 тыс.

3. Выборы будут производиться от 8 часов утра до 6 часов вечера. Подсчет голосов начнется немедленно.

4. Муниципальным властям всех двадцати округов поручается озаботиться в пределах их компетенции проведением в жизнь настоящего предписания.

О числе членов совета, подлежащих избранию в каждом округе, население будет извещено дополнительно.

Парижская ратуша. Центральный комитет национальной гвардии (следуют подписи).

19 марта 1871 г.»

9. Призыв мэров и депутатов Парижа к бойкоту выборов.

«К национальной гвардии и ко всем гражданам.

Родина, изувеченная, обагренная кровью, гибнет, а мы, ее дети, мы наносим ей последний удар! Враг стоит у ворот нашего города, готовый в каждую удобную минуту вступить в него господином, а мы обращаем друг против друга братоубийственное оружие!

Во имя великих воспоминаний прошлого нашей несчастной Франции, во имя наших детей, будущность которых мы губим, со скорбью в сердце мы обращаемся к вам.

Подадим друг другу руки, как это мы делали в горестные и славные дни осады! Не допустим, чтобы в один день померкла слава, завоеванная пятью месяцами стойкости и беззаветной отваги!

Граждане, будем думать о том, что соединяет, а не о том, что разъединяет нас.

Мы хотим сохранения и упрочения великой национальной гвардии, существование которой неразрывно связано с существованием республики.

И мы добьемся этого.

Мы хотим вернуть Парижу муниципальную свободу, похищенную у него грубым деспотизмом.

Мы добьемся и этого.

Эти пожелания были переданы вашими депутатами национальному собранию, и оно единогласно удовлетворило их, гарантировав безотлагательное производство муниципальных выборов как в Париже, так и в других коммунах Франции.

В ожидании этих выборов, единственно законных и правильных, которые только и отвечают истинным принципам республиканских учреждений, долг добрых граждан не поддаваться призывам, обращенным к ним людьми, не имеющими на то ни права, ни полномочий.

Мы, ваши муниципальные представители и ваши депутаты, заявляем, что не принимаем никакого участия в назначенных на завтра выборах и протестуем против их незаконности.

Граждане! Объединимся же в уважении к закону, и родина и республика будут объединены.

Да здравствует Франция! Да здравствует республика!

Мэры и товарищи мэров Парижа (следуют подписи).

Депутаты департамента Сены (следуют подписи)».

10. Мэры — пособники Тьера.

Вот что мэры показывали следственной комиссии:

Демарэ, мэр IX округа: «Что касается меня, то я не покинул Парижа. Я считал лучшим подвергнуться опасности, чтобы дать время версальскому правительству вооружиться».

Франсуа Фавр, мэр XVII округа: «В течение восьми дней мы были последними преградами, единственной баррикадой, возведенной между инсуррекцией и законным правительством».

Вотрен, мэр IV округа: «Если бы инсуррекция, вместо того чтобы оставаться в Париже из-за выборов, пошла на Версаль, скажите мне, что стало бы с Францией?... И вот, господа, я уверен, что эти восемь дней, полученных вами благодаря выборам, и еще три дня потеряны были ими вследствие конституирования их совета, так что нападение на Мон-Валерьен могло произойти только 2 апреля. Таким образом мои коллеги и я, мы выиграли восемь дней. Мы находились в очень плохой компании, лицом к лицу с неизвестными именами, но, когда нужно исполнить долг, надо стать выше всех этих соображений... Я давал свою подпись из политических соображений и поступлю так же и впредь и, делая это, я буду думать, что я вас спасаю».

Тирар, мэр XI округа и депутат: «Я должен вам заявить, господа, что главная цель, чего мы добивались этой оппозицией, заключалась в том, чтобы помешать федералистам итти на Версаль. Я убежден, что, если бы 19 и 20 марта батальоны федералистов направились по дороге в Шатильон, Версалю угрожала бы величайшая опасность; и я считаю, что наше сопротивление в течение нескольких дней дало возможность правительству организовать защиту».

Шельхер, сенский депутат: «Что касается моего поведения, то оно главным образом состояло в том, чтобы пытаться завести переговоры в ожидании, пока станет возможным сопротивляться. Я на свой страх старался организовать сопротивление под командой, конечно, адмирала (Сессе), и если я подал голос за происшедшее примирение, то сделал это, чтобы выиграть время».

А вот и окончательное признание — заявление адмирала Сессе, тоже сенского депутата, который в качестве назначенного милостью Тьера главнокомандующего национальной гвардией мог наблюдать мэров за работой: «Будьте вполне уверены, г. Тьер решил твердо не уступать ни в одном пункте; но после отступления армии все мы чувствовали себя на вулкане, и следовало попробовать спасти дом... Когда доблестные люди, как Тирар, как Демарэ, явились и говорили ему: «Уступим это, впоследствии это вернется», г. Тьер старался по мере возможности исполнять добрые намерения этих господ...».

11. Воззвание парижской секции Интернационала накануне выборов в Коммуну.

Международное товарищество рабочих.
Федеральный совет парижских секций.
Федеральная камера рабочих объединений.

«Работники!

Долгая цепь бедствий, катастрофа, которая повидимому должна повлечь за собой полную гибель нашей страны, — таков конечный итог положения, созданного для Франции правительствами, над ней господствовавшими.

Неужели же мы утратили качества, необходимые для того, чтобы оправиться от этого унижения? Неужели мы до того выродились, что с покорностью будем переносить лицемерный деспотизм тех, которые предали нас чужеземцу, и найдем в себе силы лишь для того, чтобы гражданской войной сделать нашу гибель непоправимой?

Последние события показали мужество парижского народа; мы убеждены, что в скором времени братское соглашение докажет его мудрость.

Принцип власти теперь бессилен восстановить порядок на улицах, возобновить работу в мастерских. И это бессилие является его отрицанием.

Отсутствие солидарности интересов вызвало общую разруху и породило гражданскую войну; только от торжества свободы, равенства и солидарности и можно ожидать упрочения порядка на новых основах и новой организации труда, являющихся первым залогом этого порядка.

Работники!

Коммунальная революция провозглашает эти принципы; она устраняет все поводы к конфликтам в будущем. Задумаетесь ли вы дать ей вашу окончательную санкцию?

Независимость Коммуны является гарантией договора, статьи которого, свободно обсужденные, прекратят антагонизм классов и обеспечат социальное равенство.

Мы требовали освобождения работников, и коммунальное представительство является в том порукой, ибо оно должно каждому гражданину дать средства защищать свои права, фактически контролировать действия своих уполномоченных, обязанных блюсти его интересы, и совершить постепенное осуществление социальных реформ.

Автономия каждой коммуны устраняет всякое насилие в ее требованиях и утверждает республику в ее высшем выражении.

Работники!

Мы боролись, мы научились страдать за наш принцип равенства, мы не отступим теперь, когда уже в состоянии положить первый камень нового социального строя.

Чего мы добивались?

Организации кредита, обмена, ассоциации, дабы обеспечить трудящимся полную оплату их труда.

Бесплатного обучения, светского и всестороннего.

Права собраний, ассоциаций, безусловной свободы печати, личности.

Организации на муниципальных началах полицейской службы, вооруженной силы, гигиены, статистики и пр.

Нас дурачили наши правители, мы плясали под их дудку, когда они попеременно то заигрывали с отдельными группами, на антагонизме коих зиждилось их существование, то прижимали их.

Теперь народ Парижа прозрел. Он отказывается от этой роли ребенка, руководимого наставником, и в муниципальных выборах, являющихся результатом движения, которое он же сам создал, он будет помнить, что принцип, главенствующий в организации группы или ассоциации, — тот же самый, коим должно управляться и все общество, и подобно тому как он отклонит всякого администратора, президента, назначенного властью, для него чуждого, он не примет мэра или префекта, навязанных ему правительством, не разделяющим его стремлений.

Он подтвердит свое верховное право при выборах совета: оставаться хозяином в своем городе и создать такое муниципальное представительство, какое сочтет наилучшим, не навязывая его другим.

В воскресенье, 26 марта — мы в этом убеждены — народ Парижа сочтет долгом чести голосовать за Коммуну.

Делегаты, присутствовавшие на ночном заседании 23 марта 1871 г.

Федеральный совет парижских секций Международного товарищества рабочих (следуют подписи).

Федеральная камера рабочих объединений (следуют подписи)».

12. ЦК национальной гвардии о событиях.

«Граждане Парижа!

То, что теперь происходит, — это вечная история преступников, стремящихся избавиться от наказания при помощи нового преступления, которое позволило бы им безнаказанно царить посредством террора.

Это горсть клятвопреступников, изменников, фальшивомонетчиков и убийц, мечтающих утопить справедливость в крови. Гражданская война — это их якорь спасения: они начали ее. Да падут же на их головы тысячи проклятий и да погибнут они!

Граждане Парижа, наступают великие дни высокого героизма и высокой доблести. В ваших руках лежат счастье родины и будущее всего мира. Вас ожидают благословения или проклятия будущих поколений.

Рабочие, не обманывайте себя: идет великая борьба между паразитизмом и трудом, между эксплоатацией и производством. Если вы устали коснеть в нужде и невежестве; если вы хотите, чтобы ваши дети сами пользовались плодами своего труда, а не воспитывались, как животные, для мастерской и для казармы, которые создают своим потом богатства эксплоататора и проливают свою кровь ради какого-нибудь деспота; если вы не хотите, чтобы ваши дочери, лишенные необходимого надзора и воспитания, становились орудием наслаждения в руках денежной аристократии; если вы не хотите, чтобы разврат и нужда толкали мужчин в ряды полиции, а женщин — к проституции; если вы хотите наконец царства справедливости — будьте мудры, будьте на страже. Вперед, рабочие! Пусть ваши сильные руки низвергнут поганую реакцию.

Граждане Парижа, торговцы, ремесленники, лавочники, мыслители, — все, кто работает и искренно ищет разрешения социальных проблем, Центральный комитет заклинает вас вместе итти

к прогрессу. Воодушевитесь мыслью о судьбе родины и ее мировом гении.

Центральный комитет твердо верит, что героическое население Парижа обессмертит свое имя и возродит весь мир.

Да здравствует республика! Да здравствует Коммуна!

За Центральный комитет (подписи).

Париж, 5 апреля 1871 г.»

13. Декларация Коммуны.

К ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ.

«В дни грозного и печального конфликта, грозящего Парижу ужасами новой осады и бомбардировки, когда льется французская кровь, когда гибнут под ядрами и картечью наши братья, жены и дети, необходимо, чтобы ничто не смущало национальной совести и чтобы общественное мнение было единодушно.

Париж и вся страна должны знать характер, смысл и цель совершающейся революции. Пусть ответственность за наши потери, страдания и горе падет наконец на головы изменников, предавших Францию и открывших Париж врагам, а теперь в слепом и жестоком упорстве своем добивающихся гибели столицы, чтобы похоронить под обломками республики и свободы двойное доказательство их измены и преступления.

На Коммуне лежит обязанность выявить стремления и желания парижского населения и определить характер движения 18 марта, непонятый, неосознанный и оклеветанный политическими деятелями, заседающими в Версале.

На этот раз Париж опять работает и страдает для всей Франции; его битвы и жертвы подготовляют ей интеллектуальное и моральное, политическое и экономическое возрождение, ее славу и благоденствие.

Чего добивается Париж?

Признания и упрочения республики, единственной формы правления, совместимой с правами народа, с правильным и свободным развитием общества.

Полной автономии каждой коммуны на всем протяжении Франции, обеспечивающей каждой из них всю совокупность ее прав, а каждому французу — полное развитие его сил и способностей как человека, гражданина и работника.

Автономия Коммуны должна быть ограничена только одинаковыми правами всех прочих, связанных с нею коммун, союз которых должен укреплять единство Франции.

Неотъемлемыми правами Коммуны являются:

право вотирования коммунального бюджета, доходов и расходов; установление и распределение налогов; управление всеми местными службами; организация магистратуры, муниципальной полиции и народного просвещения; управление принадлежащими Коммуне имуществами;

назначение посредством выборов или конкурса ответственных и подлежащих постоянному контролю и отозванию коммунальных чиновников и должностных лиц всех категорий;

полная гарантия свободы личности, свободы совести и свободы труда;

постоянное участие граждан в коммунальных делах, путем свободного выражения своих взглядов и свободной защиты их интересов; коммуна должна гарантировать свободу этих выражений, так как на ней одной лежит обязанность надзора и обеспечения правильного и свободного пользования правом печати и собраний;

организация городской обороны и национальной гвардии, избирающей своих начальников — единственной силы, поддерживающей в городе порядок.

Париж не требует других местных гарантий, разумеется при условии, что в центральной администрации, собрании делегатов федеральных коммун, он найдет осуществление на практике этих же самых принципов.

Но в силу своей автономии Париж пользуется свободой действия и сохраняет за собой право произвести по собственному разумению административные и экономические реформы, которых желает его население; создать учреждения, способствующие развитию и распространению просвещения, производительности, кредита и обмена; принять меры к обобществлению власти и собственности, следуя потребности момента, желанию заинтересованных сторон и данным опыта.

Наши враги ошибаются или сознательно обманывают страну, обвиняя Париж в желании навязать свою волю или свое главенство остальной нации, в стремлении к диктатуре, которая конечно была бы покушением на независимость и суверенитет других коммун.

Они ошибаются или обманывают страну, говоря, что Париж хочет разрушить единство

Франции, созданное революцией и единодушным признанием наших отцов, пришедших со всех концов старой Франции на праздник федерации.

Политическое единство, как его навязывали нам до сих пор империя, монархия и парламентаризм, есть централизация деспотическая, неразумная, основанная на произволе и крайне тягостная.

Но политическое единство, которого добивается Париж, — это добровольная ассоциация всех местных инициатив, свободное и ничем не вынужденное сотрудничество всех индивидуальных энергий, стремящихся к общей цели — благосостоянию, свободе и безопасности всех.

Коммунальная революция, начатая по народной инициативе 18 марта, открывает новую эру экспериментальной, позитивной и научной политики.

Это конец старого чиновнического и клерикального мира, конец милитаризма, бюрократизма, эксплоатации, ажиотажа, монополий и привилегий, всего того, что поддерживало рабство пролетариата и навлекло столько бед и несчастий на родину.

Пусть же наша великая и дорогая родина, обманутая этой ложью и клеветой, наконец успокоится.

Борьба, возгоревшаяся между Парижем и Версалем, не такова, чтобы окончиться призрачным компромиссом: исход ее не может быть сомнительным. Победа, к которой с несокрушимой энергией стремится национальная гвардия, должна принадлежать идее и праву.

Мы взываем к Франции!

Она знает, что вооруженный Париж полон мужества и спокойствия, что он энергично, с энтузиазмом поддерживает порядок, героически и сознательно приносит себя в жертву, что он вооружился единственно из преданности свободе и общей славе, — и Франция прекратит это кровавое столкновение.

Франция должна торжественно проявить свою непреклонную волю и обезоружить Версаль.

Вся Франция воспользуется нашими победами, пусть же она покажет себя солидарной с нами; пусть она будет нашей союзницей в этой борьбе, исходом которой будет или торжество идей Коммуны, или разрушение Парижа.

А мы, граждане Парижа, наше призвание — совершить современную революцию, самую широкую и плодотворную из всех, когда-либо озарявших историю человечества.

Наш долг — бороться и победить.

Парижская коммуна.

Париж, 19 апреля 1871 г.»

14. Воззвание к сельским жителям[1].

(Отрывки из газеты «La Commune», № 22 от 19 апреля 1871 г.)

«Пусть Париж громко скажет жителю деревни:

Брат, тебя обманывают. Наши интересы одни и те же. То, чего требую я, хочешь и ты; освобождение, которого я добиваюсь, — это твое освобождение. В городе тот, кто производит все богатства мира, испытывает нужду в хлебе, одежде, у него нет крова, ему нечего рассчитывать на чью-либо помощь. Но разве не то же в деревне? Разве не безразлично, как называется эксплоататор: богатый землевладелец или промышленник? Тебе так же, как и мне, недостает свободы, отдыха, умственной и духовной жизни. Ты и я — мы все еще рабы нищеты. Вот уже около века, крестьянин, несчастный поденщик, как тебе повторяют, что собственность — это священный плод труда; и ты этому веришь. Но открой же глаза и посмотри вокруг; посмотри на себя, и ты убедишься, что это ложь. Вот ты — старик; ты все время работал; однако ты небогат, и у тебя нет даже куска хлеба на старости лет. Все твои сбережения ушли на воспитание детей, которых у тебя отнимает рекрутский набор, или которые, женившись, в свою очередь будут слишком бедны, чтобы прокормить тебя. Опустив голову, пойдешь ты от двери к двери просить унижающую, сухую милостыню. Это несправедливо, брат-крестьянин. Разве ты не видишь, как тебя обманывают? Если бы правда была то, что собственность есть плод труда, ты был бы собственником: ведь ты столько работал! Ты владел бы тем маленьким домом с садом и оградой, которые являлись твоей мечтой, целью, страстью твоей жизни, но которых ты не в состоянии был приобрести...

Это несправедливо. Вот почему Париж, который ты обвиняешь со слов людей, которым

[1] Автор воззвания — социалистка Андре Лео.

выгодно тебя обманывать, восстает, протестует и требует изменения законов, которые отдают в руки богатых всю власть над трудящимися. Париж хочет, чтобы сын крестьянина получил такое же образование, как сын богача, и получал бесплатно, потому что наука есть общее достояние и не менее необходима для жизни, чем глаза для зрения... Париж требует уничтожения должностей, оплачиваемых 20, 30 и 100 тыс. франков, позволяющих одному человеку в продолжение года поглощать благосостояние многих семейств.

Уже одна эта экономия дала бы возможность устроить убежище для престарелых рабочих.

Париж требует, чтобы каждый человек, не являющийся собственником, не платил налогов; чтобы владеющий только домом и садом также ничего не платил; чтобы небольшие состояния были обложены слегка и чтобы вся тяжесть налогов падала на богачей.

Париж требует, чтобы правосудие ничего не стоило тем, кто в нем нуждается, и чтобы народ сам выбирал судей из среды честных людей общины...

Итак, Париж хочет: земли для крестьян, средств производства для рабочих, работы для всех.

Война, которую ведет сейчас Париж, — это война с ростовщичеством, обманом и праздностью. Вам говорят: «Парижане-социалисты стоят за дележку». Но, добрые люди, разве вы не видите, кто ведет с вами такие речи? Разве не сторонник дележки тот, кто, ничего не делая, вольготно живет за счет других? Разве вам не приходилось слышать, как воры, чтобы замести следы, сами кричат: «караул» и убегают, пока словят мнимого вора?

Плоды земли — тем, кто ее возделывает; каждому свое; труд для всех.

Да не будет больше ни слишком богатых ни слишком бедных.

Да не будет более ни работы без отдыха, ни отдыха без работы.

Это возможно; потому что лучше не верить ни во что, чем верить, что справедливость невозможна. Для этого нужны только хорошие законы, которые явятся только тогда, когда трудящиеся не захотят больше, чтобы бездельники обманывали их...

Итак, вам ясно, теперь, жители деревни, что дело Парижа — ваше дело. Генералы, нападающие сейчас на Париж, — те самые, что предали Францию. Депутаты, которых вы выбрали, не зная их, хотят снова вернуть короля.

Что бы ни случилось, помните: революции будут происходить до тех пор, пока не будет достигнуто: земля — крестьянам, орудие труда — рабочим, работа — всем...».

15. Приказ Тьера чиновникам.

«По указанию исполнительной власти вы приглашаетесь отправиться в Версаль, чтобы находиться в ее распоряжении.

По распоряжению правительства никакая корреспонденция из Парижа не должна быть ни отправляема ни доставляема по назначению.

Все, что будет получено в ваших отделениях в форме запечатанных денег из Парижа или других мест, должно неизменно отсылать в Версаль».

16. Борьба Коммуны с саботажем.

«Будучи в настоящее время единственной властью, Коммуна декретирует:

Ст. 1. Чиновники различных ведомств и учреждений отныне должны считать не имеющими никакой законной силы приказания или распоряжения, исходящие от версальского правительства или его агентов.

Ст. 2. Всякий чиновник или служащий, который не будет подчиняться этому декрету, подлежит немедленному увольнению».

17. Государство типа Коммуны.

А. Чем заменить разбитую государственную машину?

(Из книги В. И. Ленина «Государство и революция».)

«...Разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превра-

щения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (особая сила для подавления определенного класса) — в нечто такое, что уже не есть собственно государство.

Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населения, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве, и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления *уже не нужно*. В этом смысле государство *начинает отмирать*. Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии) само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти.

Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня «*заработной платы рабочего*». Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом* — от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от господства, как «*особой силы*» для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно нагляднем — по вопросу о государстве пожалуй наиболее важном — пункте уроки Маркса наиболее забыты! В популярных комментариях — им же несть числа — об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время, — вроде того как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом.

Понижение платы высшим государственным чиновникам кажется «просто» требованием наивного, примитивного демократизма. Один из «основателей» новейшего оппортунизма, бывший социал-демократ Эд. Бернштейн, не раз упражнялся в повторении пошлых буржуазных насмешечек над «примитивным» демократизмом. Как и все оппортунисты, как и теперешние каутскианцы, он совершенно не понял того, что, во-первых, переход от капитализма к социализму *невозможен* без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?), а во-вторых, что «примитивный демократизм» на базе капитализма и капиталистической культуры — не то, что примитивный демократизм в первобытные или в докапиталистические времена. Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и пр., а на *этой* базе громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».

Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалования к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собой понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного чисто-политического переустройства общества, но они получают разумеется весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т. е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность.

«Коммуна, — писал Маркс, — сделали правдой лозунг всех буржуазных революций — дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов — армию и чиновничество».

Из крестьянства, как и из других слоев мелкой буржуазии, лишь ничтожное меньшинство «поднимается вверх», «выходит в люди» в буржуазном смысле, т. е. превращается либо в за-

житочных людей, в буржуа, либо в обеспеченных и привилегированных чиновников. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство (а таких капиталистических стран большинство), угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет «дешевого» правительства. Осуществить это может **только** пролетариат и, осуществляя это, он делает вместе с тем шаг к социалистическому переустройству государства».

Б. Уничтожение парламентаризма.

«Коммуна, — писал Маркс, — должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы...».

«Вместо того чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю».

Эта замечательная критика парламентаризма, данная в 1871 г., тоже принадлежит теперь, благодаря господству социал-шовинизма и оппортунизма, к числу «забытых слов» марксизма. Министры и парламентарии по профессии, изменники пролетариату и «деляческие» социалисты наших дней предоставили критику парламентаризма всецело анархистам и на этом удивительно разумном основании объявили **всякую** критику парламентаризма «анархизмом»!..

Но для Маркса революционная диалектика никогда не была той пустой модной фразой, побрякушкой, которой сделали ее Плеханов, Каутский и пр.

Маркс умел беспощадно рвать с анархизмом за неуменье использовать даже «хлев» буржуазного парламентаризма, особенно когда заведомо нет налицо революционной ситуации, — но в то же время он умел и давать действительно революционно-пролетарскую критику парламентаризма.

Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет представлять и подавлять народ в парламенте, — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках.

Но если ставить вопрос о государстве, если рассматривать парламентаризм как одно из учреждений государства, с точки зрения задач пролетариата **в этой** области, то где же выход из парламентаризма?

Как же можно обойтись без него?

Опять и опять приходится сказать: уроки Маркса, основанные на изучении Коммуны, настолько забыты, что современному «социал-демократу» (читай: современному предателю социализма) прямо-таки непонятна иная критика парламентаризма, кроме анархической или реакционной.

Выход из парламентаризма конечно не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения. «Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы».

«Не парламентское, а работающее» учреждение — это сказано не в бровь, а в глаз современным парламентариям и парламентским «комнатным собачкам» социал-демократии! Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и пр.: настоящую «государственную» работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье». Это до такой степени верно, что даже в русской республике, буржуазно-демократической республике, раньше чем она успела создать настоящий парламент, сказались уже тотчас все эти цели парламентаризма...

Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет...».

18. Социальное законодательство Коммуны.

1.

Парижская коммуна,

принимая во внимание, что основным принципом Французской республики является свобода;

что из всех видов свободы главный есть свобода совести;

что государственный бюджет культов противоречит этому принципу, так как насилует убеждения граждан;

что в действительности духовенство было соучастником в преступлениях против свободы,—

постановляет:

§ 1. Церковь отделяется от государства.

§ 2. Бюджет культов упраздняется.

§ 3. Так называемые неотчуждаемые имущества, принадлежащие религиозным конгрегациям, как движимые, так и недвижимые, объявляются национальной собственностью.

§ 4. Назначается немедленное расследование по поводу этих имуществ с целью выяснить их характер и передать их в распоряжение нации.

Парижская коммуна.

Городская ратуша, 3 апреля 1871 г.

2.

Парижская коммуна постановляет:

§ 1. Рекрутский набор отменяется.

§ 2. В пределах Парижа не может быть учреждена и в городе не может быть введена никакая военная сила, кроме национальной гвардии.

§ 3. Все способные к военной службе граждане вступают в ряды национальной гвардии.

Парижская коммуна.

Городская ратуша, 29 марта 1871 г.

3.

Парижская коммуна, принимая во внимание, что до сего времени высшие общественные должности, благодаря присвоенным им высоким окладам, служили предметом домогательства и раздавались в виде милости;

с другой стороны, принимая во внимание, что в истинно-демократической республике не должно быть места ни синекурам ни преувеличенным окладам жалованья, —

постановляет:

максимум содержания чиновников различных коммунальных учреждений определяется в шесть тысяч франков в год.

Парижская коммуна.

Городская ратуша, 2 апреля 1871 г.

4.

Считая своим долгом доставить помещение жертвам второй бомбардировки Парижа и ввиду неотложной необходимости разрешения этого вопроса,

Парижская коммуна постановляет:

§ 1. Все пустующие помещения объявляются реквизированными.

§ 2. Помещения эти предоставляются по мере спроса на них в пользование жителям бомбардируемых кварталов.

§ 3. Реквизиции должно предшествовать составление описи помещений, копия с которой вручается представителям отсутствующих владельцев.

На мебель, состоящую из легко переносимых предметов, налагаются печати.

§ 4. Муниципальные власти озаботятся немедленным исполнением настоящего декрета. На них же обязанность возложено, по мере возможности, облегчить условия переезда гражданам, подавшим об этом заявление.

Париж, 25 апреля 1871 г.

5.

Принимая во внимание, что администрация некоторых предприятий ввела в обычай систему штрафов и вычетов из жалованья и заработной платы;

что эти штрафы налагаются часто под мелочными, пустыми предлогами и приносят существенный ущерб служащему и рабочему;

что юридически эти произвольные, основанные на прижимках, удержания не могут быть оправданы;

что фактически штрафы являются замаскированным понижением заработной платы и обращаются в пользу тех, кто их налагает;

что подобного рода наказания, безнравственные как по существу, так и по форме, не являются результатом какой-либо правомерной юрисдикции, —

исполнительная комиссия (Коммуны), согласно предложению комиссии труда, промышленности и обмена, постановляет:

§ 1. Воспрещается администрации как частных, так и общественных предприятий налагать штрафы и производить вычеты со служащих и рабочих, заранее установленная заработная плата которых должна быть уплачиваема в полном размере.

§ 2. Все нарушения этого распоряжения будут преследоваться в судебном порядке.

§ 3. Все штрафы и удержания, сделанные в виде наказания, начиная с 18 сего марта, должны быть возмещены потерпевшим в двухнедельный срок со дня издания настоящего декрета.

Исполнительная комиссия (подписи).

Париж, 27 апреля 1871 г.

6.

Парижская коммуна постановляет:

Ст. 1. Комиссия труда и обмена уполномочивается пересмотреть контракты, заключенные до сего времени Коммуной.

Ст. 2. Комиссия вправе требовать, чтобы заказы сдавались непосредственно рабочим артелям или чтобы им отдавалось, во всяком случае, преимущество.

Ст. 3. Подрядные условия и цены должны устанавливаться совместно с индендантством синдикальной камерой соответствующей корпорации и делегацией комиссии труда и обмена, согласно заключению финансовой комиссии.

Ст. 4. В подрядных условиях на исполнение всякого рода заказов для коммунальной администрации должна оговариваться минимальная заработная плата, поденная или сдельная, положенная рабочим и работницам, которые будут заняты исполнением данного заказа.

Париж, 13 мая 1871 г.

7.

Принимая во внимание, что многие мастерские брошены своими хозяевами, которые стремятся, не считаясь с интересами рабочих, уклониться от своих гражданских обязанностей, и что, вследствие этого трусливого бегства владельцев, явилась остановка многих необходимых для жизни города предприятий и подорвало благосостояние рабочих, —

Парижская коммуна постановляет:

Рабочие синдикальные камеры созываются для учреждения осведомительной комиссии, имеющей целью:

1) дать статистику брошенных мастерских с точным описанием состояния, в котором они находятся, и перечнем имеющихся в них инструментов;

2) представить доклад о практических мерах, которые могли бы быть приняты для скорейшего пуска в ход этих мастерских, переданных из рук покинувших их дезертиров в ведение кооперативной ассоциации занятых в них рабочих;

3) выработать проект устава этих рабочих кооперативных товариществ;

4) учредить третейский суд, который по возвращении хозяев подобных мастерских устанавливал бы условия окончательной их передачи рабочим товариществам и размер вознаграждения, уплачиваемого товариществами бывшему хозяину.

Осведомительная комиссия должна будет представить свой отчет коммунальной комиссии по организации труда и обмена, на обязанности которой лежит составление в возможно скором времени проекта декрета, отвечающего как интересам Коммуны, так и интересам рабочих.

Париж, 16 апреля 1871 г.

8.

Парижская коммуна,

принимая во внимание, что труд, промышленность и торговля выдержали все тяжести войны, и признавая справедливым, чтобы собственность также несла свою долю жертв на благо страны, —

постановляет:

§ 1. Взнос квартирной платы за октябрьский терм 1870 г. и январский и апрельский термы 1871 г. отсрочивается.

§ 2. Внесенная уже квартиронанимателями за эти 9 месяцев плата зачисляется в счет будущих термов.

§ 3. Вышесказанное распространяется также на плату за меблированные помещения.

§ 4. Всякий наниматель имеет право нарушить связывающий его контракт в течение шести месяцев со дня опубликования настоящего декрета.

§ 5. Всякий отказ от квартиры может быть по желанию нанимателя отложен на три месяца.

Примечание. Вопрос о процентах под залог недвижимостей будет разрешен специальным декретом.

Городская ратуша 29 марта 1871 г.

9.

В ответ на справедливые требования всей корпорации рабочих-булочников исполнительная комиссия постановляет:

1. Ночной труд запрещается.

2. Институт контрагентов, введенный императорской полицией, отменяется. Эти функции замещаются списками, находящимися в каждой мэрии, для записи рабочих-булочников. Центральный регистрационный стол будет вестись в министерстве торговли.

Исполнительная комиссия (подпись).

Париж, 20 апреля 1871 г.

19. Коммуна и Французский банк.

(Из показания вице-директора Французского банка маркиза де-Плек перед парламентской следственной комиссией.)

В четверг утром, 23 марта, я оказался во главе управления Французским банком ввиду отъезда г. Рулана в Версаль. До того дня я не имел никаких дел с делегатами Коммуны, хотя у директора побывали делегаты Центрального комитета национальной гвардии.

Этими делегатами были Журд, Варлен и кажется Бильоре. Они пришли просить о выдаче одного миллиона франков, дав понять, что скоро придут за вторым.

В среду, 22 марта, директор доложил совету, что он велел выдать в понедельник один миллион франков, по требованию Журда, Варлена и Бильоре.

Требование о выдаче денег мотивировалось необходимостью платить жалованье национальной гвардии и выдавать пособия их женам и детям...

23 марта центральный комитет должен был прислать за 350 тыс. франков, составлявшими второй аванс в счет второго миллиона, который обещал ему выдать совет.

Делегаты Журд и Варлен явились в 10 часов утра. Подождав некоторое время, они удалились, испуганные враждебным тоном и угрозами вооруженных служащих, наполнявших помещения.

В скором времени я получил первое письменное требование нового правительства. Оно гласило следующее:

«Морить голодом население Парижа — таково оружие партии, которая называет себя партией порядка! Но голод не обезоруживает никого, а толкнет массы на убийства и погромы. Мы хотели избежать этих бедствий, и банк мог бы помочь нам в этом. Он предпочел стать на сторону людей, которые хотят во что бы то ни стало подавить Республику.

Мы поднимаем брошенную нам перчатку, оставляя на совести тех, которые ради своих личных выгод боятся разжигать народную ярость, ужасную ответственность за их поведение.

Что касается нас, то мы исполнили свой долг, и, если наше миролюбие было принято за страх, мы докажем нашим противникам, что они ошиблись. Пусть же банк возьмет назад свои пагубные решения!

Мы не придем больше в банк. Если последний согласен внести дополнительные 700 тыс. франков к затребованному нами миллиону, то пусть он доставит их сам в министерство финансов до полудня. По истечении этого срока будут приняты все необходимые энергичные меры!

Да здравствует Республика!

Журд и Варлен.

Итак, война была объявлена, оставалось только или избежать, если это было возможно, всякого столкновения, или принять борьбу, если бы другого выхода не оказалось.

Я послал контролера банка предупредить делегацию финансов, чтобы она не надеялась получить требуемую сумму к 12 часам, так как совет соберется только в час, а это единственный орган, который мог бы уполномочить меня произвести подобную выдачу.

В то же время я отправил главного кассира в первый и второй округа и к адмиралу Сессе, чтобы выяснить — можем ли мы принять бой, другими словами — получим ли мы поддержку.

Адмирала не могли найти, — он еще не вернулся из Версаля. Помощник мэра первого округа, г. Мелин, советовал избегать борьбы и итти на соглашение.

Во втором округе г. де-Кевовилье, командир батальона, с своей стороны, просил передать мне, что если банк подвергнется нападению, то получит помощь.

Я созвал совет, чтобы обсудить ультимативное требование Центрального комитета; было решено не изменять принятых обязательств и, не обращая внимания на угрожающую форму письма, дать знать комитету, что он может

прислать за деньгами, правда, не за 700 тыс., а только за 350 тыс.; при этом я объявил, что мы отказываемся доставить деньги в министерство финансов.

Около четырех часов два делегата, из коих одного звали Мелье, в сопровождении одного или двух батальонов, которые оставались у входа в банк, явились за получением обещанных 350 тыс. франков.

В тот же день я выдал прибывшему из Версаля агенту казначейства 200 тыс. франков. Об этом узнал Центральный комитет, который дал мне знать, что впредь всякая выдача денег для Версаля будет рассматриваться как государственная измена.

Я сообщил об этом директору в Версаль, но это, невидимому, не подействовало, так как казначейство продолжало присылать ко мне за деньгами вплоть до 1 апреля, и я вынужден был под конец запретить его агентам вход в банк.

Обеспокоенный дерзостью людей, которые осмелились грозить мне в такой момент, когда батальоны порядка еще защищали меня до самого вокзала Сен-Лазар, я попросил у адмирала Сессе свидания. Он принял меня в мэрии II округа, около часа дня.

Нужно было точно выяснить, на что я могу рассчитывать... Адмирал Сессе ответил, что он будет защищать нас, но, провожая меня, дал мне понять, что не в состоянии этого сделать. Дело происходило 24 марта.

На следующий день, 25-го, я снова послал за адмиралом Сессе. Накануне я переслал ему через его адъютанта 100 тыс. франков; теперь его не могли найти; он уехал, по всей вероятности, после полудня.

Батальоны, охранявшие банк от вокзала Сен-Лазар до Сент-Оноре, разбрелись. Банк был беззащитен и не мог больше рассчитывать ни на какую помощь извне. Настал момент подсчитать наши материальные и моральные силы...

Положение банка к 20 марта было следующее:

В кассе насчитывалось:

В звонкой монете	77 000 000	франков
В банковых билетах	166 000 000	»
Итого	243 000 000	франков
В портфеле	899 000 000	»
В облигациях	120 000 000	»
В слитках	11 000 000	»
В драгоценностях	7 000 000	»
В ценных бумагах	900 000 000	»
Итого	2 180 000 000	франков

Кроме того, имелись банковые билеты на сумму в 800 млн. франков, которые не были еще выпущены, но которым недоставало только подписи главного кассира... Если присоединить и эти билеты к общей сумме, получится итог в 2 980 млн. франков.

Чтобы эвакуировать банк, потребовалось бы... 60 или 80 повозок и целый армейский корпус, так как Коммуна добровольно не позволила бы нам выйти, а у нас не было ни одного батальона...

Служащие банка составляли в ту минуту три роты 12 батальона, численностью в 430 человек, если из общего числа 500 человек исключить негодных, больных и т. д...

Наши моральные силы были значительнее. Каждый был в высокой степени проникнут сознанием, что защита банка есть дело громадной национальной важности, в жертву которому должно быть принесено решительно все.

Эти 430 человек выказали за все долгие дни Коммуны самое твердое, самое прекрасное поведение. Они дали мне возможность говорить с Коммуной таким языком, которого я себе не мог бы позволить, если бы хотя немного сомневался в их преданности...

28 марта Коммуна была провозглашена. Накануне Центральный комитет, который должен был назавтра уступить ей свою власть, потребовал у нас еще 500 тыс. франков. Я немедленно послал к нему главного кассира сказать, что если это требование сделано именем государства, то я не стану даже рассматривать его, но что если оно делается именем города Парижа, то я рассмотрю его и созову совет.

Ответ гласил, как всегда, что дело идет о национальной гвардии, о женщинах и о детях... В тот же день, не без затруднений, мне удалось отправить из Парижа 32 клише, чтобы помешать Коммуне, если она завладеет банком, печатать билеты...

На следующий день я вступил в сношения с г. Белэ, старейшиной Коммуны...

«Гражданин, — сказал он, войдя в мой кабинет, — казначей батальонов федерации находится в министерстве финансов перед запечатанными кассами; нужно достать денег на уплату жалованья, так как состояние умов таково, что банк легко может быть разграблен; я этого очень опасаюсь...».

«Но, г. Белэ, вы видели, вероятно, проходя через наши помещения, вооруженных людей, и если я вам решительно заявляю, что мы будем

защищаться в случае нападения, то только потому, что вполне могу положиться на их преданность».

«Но, что если Коммуна, во избежание кровопролития, назначит своего директора?»

«Директора? Нет, я его никогда не признаю! Я сам — директор банка; я один имею право распоряжаться и уступлю только перед насилием. Другое дело, если бы вы предложили мне комиссара или делегата, какой существовал например при анонимных обществах; пусть этим делегатом были бы вы, ограничив свои полномочия наблюдением за моими сношениями с Версалем и за моими сношениями с городом Парижем, с Коммуной, — о, тогда весь к вашим услугам, и мы сможем столковаться. Но требовать от меня большего, требовать от меня например выдачи хоть одного текущего счета, — на это я никогда не пойду. Хранить в тайне текущие счета — это профессиональный долг банка. Но скажите, господин Белэ, разве роль, которую я вам предлагаю, недостаточно велика? Помогите мне спасти банк — это достояние вашей родины, достояние Франции!..»

На следующий день, около девяти часов вечера, гг. Давилье, член совета банка, и де-Бенк, секретарь совета, находились в моем кабинете, когда доложили о Белэ. Он имел при себе мандат делегата Коммуны.

«Вы вероятно не подозреваете, гражданин, что привело меня сюда, — сказал он. — Я — делегат Коммуны». Я напомнил ему наш вчерашний разговор и заявил, что он может быть делегатом только на тех условиях, которые я ему заранее поставил, а именно — с правом контроля над моими сношениями с версальским правительством и с Коммуной, и ничего более.

«Но разве вы не видите, гражданин, что мы — сила?» Я возразил ему, что сила не имеет в моих глазах большого значения, что мой авторитет выше, так как я олицетворяю право, и что я решительно настаиваю на своей программе. Впрочем, эта фраза вырвалась у моего собеседника просто в порыве гордости и отнюдь не выражала его настоящих намерений...

Я устроил Белэ в кабинете, соседнем с моим, чтобы иметь его, поскольку это возможно, около себя. Начиная с этого дня, он помогал нам — как я буду иметь случай показать это — в меру своего авторитета, и я могу заявить, что без той помощи, которую он оказал нам, Французский банк не просуществовал бы...»

20. Коммуна закрывает газеты.

«Комитет общественного спасения постановляет:

Ст. 1. Газеты и журналы: «La Commune», «L'Echo de Paris», «L'Indépendance Française», «L'Avenir National», «La Patrie», «Le Pirate», «Le Républicain», «La Revue des Deux Mondes», «L'Echo de Ultramar» и «La Justice» запрещаются.

Ст. 2. Никакая новая газета или периодическое издание политического характера не будут выходить до окончания войны.

Ст. 3. Все статьи должны быть подписаны их авторами.

Ст. 4. Виновные в нападках на республику и на Коммуну будут преданы военному суду.

Ст. 5. Владельцы типографий, нарушители сего, будут преследоваться как соучастники, и их типографские станки будут опечатаны.

Ст. 6. Настоящее постановление будет немедленно сообщено запрещенным газетам через посредство гражданина ле-Муссю, гражданского комиссара, специально для сего делегированного.

Ст. 7. Общей охране поручается наблюдение за исполнением означенного постановления.

Комитет общественного спасения:

Ант. Арно, Эд. Бильорэ, Ф. Гамбон, Г. Ранвье».

Городская ратуша, 28 флореаля (18 мая) 1871 г.

21. Угроза Версалю и декрет о заложниках.

1.

Граждане!

Версальские бандиты ежедневно убивают наших пленных; каждый час приносит нам известия о новых убийствах.

Вы знаете виновников этих расстрелов: это — жандармы и полицейские агенты империи, это — роялисты Шаретта и Кателино, идущие на Париж с белым знаменем и криками «да здравствует король».

Версальское правительство ставит себя вне законов войны и гуманности, поэтому и мы будем вынуждены прибегнуть к репрессиям.

Если наши враги будут продолжать препе-

брегать обычаями войны, существующими между цивилизованными народами, и умертвят еще хоть одного нашего солдата, мы ответим им казнью соответствующего или двойного числа пленных.

Всегда великодушный и справедливый даже в порывах гнева, народ питает отвращение к кровопролитию, как и гражданской войне, но его долг принять меры самозащиты против варварских поступков своих врагов и, чего бы это ему ни стоило, воздать око за око и зуб за зуб.

Парижская коммуна.

Париж, 5 апреля 1871 г.

2.

«Принимая во внимание, что версальское правительство открыто попирает законы войны и гуманности; что оно повинно в ужасах, которыми не запятнали себя даже поработители французской земли; что на представителей Коммуны возложен священный долг защищать честь и жизнь двух миллионов обитателей, вручивших в их руки свою судьбу, и что необходимо теперь же принять соответственные положению меры;

принимая также во внимание, что политические деятели и городские выборные должны примирить общее благо с уважением к общественной свободе, —

Парижская коммуна постановляет:

§ 1. Всякое лицо, уличенное в соучастии с версальским правительством, немедленно привлекается к ответственности и подлежит аресту и суду.

§ 2. Не позднее двадцати четырех часов назначается обвинительное жюри для разбора вменяемых ему преступлений.

§ 3. Жюри произносит свой приговор не позднее сорока восьми часов.

§ 4. Обвиняемые, задержанные по приговору обвинительного жюри, считаются заложниками парижского народа.

§ 5. Всякая казнь военнопленных или сторонников законного правительства Парижской коммуны имеет немедленным последствием казнь тройного числа заложников, задержанных согласно § 4 и назначаемых жеребьевкой.

§ 6. Все военнопленные немедленно передаются обвинительному жюри, которое решает, остаются ли они в качестве заложников или отпускаются на волю».

5 апреля 1871 г.

22. Предание суду главарей версальского правительства.

«Парижская коммуна,

принимая во внимание, что члены версальского правительства объявили и начали гражданскую войну, напали на Париж, убили и ранили много солдат национальной гвардии и линейных войск, а также женщин и детей, что это преступление, противное всякому праву, совершено ими без всякого вызова, предумышленно и предательски, —

постановляет:

Ст. 1. Гг. Тьер, Фавр, Пикар, Дюфор, Симон и Потюо привлекаются к ответственности.

Ст. 2. Их имущество подлежит аресту и секвестру впредь до их появления перед народным судом.

Ст. 3. Правительственные уполномоченные по министерству юстиции и общественной безопасности озаботятся приведением настоящего декрета в исполнение.

Парижская коммуна.

3 апреля 1871 г.

23. Конфискация имущества Тьера.

«Согласно решению, одобренному Комитетом общественного спасения, гражданин Жюль Фонтэн, управляющий коммунными имуществами,

постановляет:

в ответ на слезы и угрозы Тьера, осмелившегося бомбардировать Париж, а также в ответ на законы, изданные его сообщниками, собранием деревенщины:

§ 1. Все белье, находящееся в доме Тьера, передается в распоряжение походных госпиталей.

§ 2. Предметы искусства и ценные книги передаются национальным музеям и библиотекам.

§ 3. Мебель должна быть выставлена для осмотра в городском складе и затем продана с аукциона.

§ 4. Деньги, вырученные от этой продажи, предназначаются целиком на выдачу содержания и пособий вдовам и сиротам жертв этой подлой войны, виновником которой является бывший собственник отеля Жорж.

§ 5. На этот же предмет обращаются деньги, полученные от продажи остатков постройки.

§ 6. На площади, занятой особняком отцеубийцы, будет разбит публичный сквер.

Генеральный директор коммунальных имуществ

Ж. Фонтэн».

Париж, 25 флореаля (19 мая) 1871 г.

24. Телеграмма Тьера Фавру.

«Господин Бисмарк может быть спокоен. Война будет кончена в течение недели. Нам удалось уже пробить брешь со стороны Исси, и в настоящий момент идет работа над ее расширением.

Брешь пробита в ла-Мюэт, где дело быстро подвигается вперед; к тому же предприятию мы приступаем в Пасси и на Пуэн-дю-Жур. Однако нашим солдатам приходится работать под огнем картечи и, не будь нашей большой батареи на Монтру, подобные смелые попытки были бы невозможны.

Во всяком случае предприятия такого рода зависят от стольких случайностей, что немыслимо определить вполне точно срок их окончания. Я умоляю господина Бисмарка во имя порядка предоставить нам самим подавить этот антисоциальный разбой, который на несколько дней свил себе гнездо в Париже.

Действовать иначе — значило бы нанести новый удар сторонникам порядка во Франции и законности в Европе.

На нас могут рассчитывать: общественный порядок восторжествует в течение недели.

Что касается наших пленников, то сегодня утром я сообщил вам, куда их отправить. Перевозить их морем за поздним временем невозможно. Наши войска готовы и стоят на сухопутной границе, немедленно по прибытии пленники будут распределены как нужно. Во всяком случае, мы не будем ждать их, чтобы начать свои действия; но предосторожность эта необходима на всякий случай.

Ваш преданный друг Тьер».

25. Буржуазия требует мести.

«Поменьше эрудиции и филантропии, господа, и побольше опытности и энергии. Если опытность не далась вам, позаимствуйте ее у жертв.

В этот момент мы ставим на карту Францию. Время ли теперь заниматься литературными упражнениями? Нет, тысячи раз нет! Мы знаем цену этому краснопечию. Поступайте, как поступали в подобных обстоятельствах великие энергичные народы.

Не надо пленных!

Если в толпе окажется честный человек, действительно вовлеченный силой, вы его узнаете. Честный человек окружен ореолом. Дайте вашим молодцам-солдатам свободу отомстить за своих товарищей, и пусть они сегодня в пылу мести совершат то, что холодный рассудок запретит им совершить завтра».

(«Journal de Versailles», 3-я неделя апреля.)

26. Воззвание Делеклюза.

К ПАРИЖСКОМУ НАРОДУ, К НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ.

«Граждане!

Довольно милитаризма, долой генеральные штабы в расшитых и украшенных по всем швам позументами мундирах. Место народу, борцам с обнаженными руками! Час революционной войны пробил!

Народ несведущ в ученых маневрах, но, когда у него ружье в руке, камни мостовой под ногами, он не боится всех стратегов монархической школы, вместе взятых.

К оружию, граждане, к оружию! Дело идет, как вы знаете, о том, чтобы победить или пасть под неумолимыми руками реакционеров и клерикалов Версаля — этих подлецов, заведомо отдавших Францию пруссакам и заставляющих нас платить дань их предательства.

Если вы хотите, чтобы кровь, которая, как вода, текла в течение шести недель, не пропала бесплодно, если вы хотите жить свободными в свободной и равноправной Франции; если вы

хотите избавить ваших детей от страданий и горя, которое вы испытываете сами, — вы подниметесь, как один человек, и перед вашим грозным отпором враг, хвастающийся тем, что вновь подчинит вас своему игу, останется при позоре своих бесплодных злодеяний, которыми он себя пятнает вот уже два месяца.

Граждане, ваши избранники будут бороться и умрут с вами, если это необходимо; но во имя доблестной Франции — матери всех народов революций, постоянного очага идей справедливости и солидарности, которые должны быть и будут законами мира, наступайте на врага, и пусть ваша революционная энергия покажет ему, что можно продать Париж, но нельзя его ни предать, ни победить.

Коммуна рассчитывает на вас, верьте Коммуне.

Гражданский уполномоченный по военным делам

Ш. Долеклюз.

Комитет общественного спасения:

Ант. Арпо, Эд. Бильорэ, Ф. Гамбон, Г. Ранвье».

21 мая 1871 г.

27. Значение Коммуны.

(К. Маркс. Гражданская война во Франции).

«Утром 18 марта 1871 г. Париж был разбужен громовыми криками: «Да здравствует Коммуна!» Что же такое эта Коммуна, этот сфинкс, создавший такую тяжелую задачу буржуазным мозгам?

Коммуна была прямой противоположностью империи. Крик «Да здравствует социальная республика!», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к таковой республике, которая не только уничтожила бы монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и явилась именно определенной формой такой республики.

Париж, бывший резиденцией и центром старой правительственной власти, а вместе с тем и общественным центром французского рабочего класса, Париж восстал с оружием в руках против попытки Тьера и его помещичьей палаты восстановить и увековечить эту старую правительственную власть, оставшуюся в наследство от империи. Париж мог сопротивляться Версалю только потому, что осада освободила его от армии, место которой заняла национальная гвардия, комплектовавшаяся большею частью из рабочих. Этот факт надо было превратить в прочное учреждение, и поэтому первым декретом Коммуны был декрет об уничтожении регулярного войска и о замене его вооруженным народом.

Коммуна была образована из муниципальных советников (городских гласных), выбранных парижскими округами посредством всеобщей подачи голосов. Члены ее были ответственны и сменяемы в любое время. Большинство их было, как это само собой разумеется, рабочими или известными представителями рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а деловой коллегией, соединявшей в себе как исполнительную, так и законодательную власть. У полиции, бывшей до сих пор орудием государственного правительства, были немедленно отняты все ее политические функции, и она была превращена в ответственное и во всякое время сменяемое орудие Коммуны. Начиная с членов Коммуны и до самых низов, общественные должности оплачивались жалованием в размере рабочей заработной платы. Та же судьба постигла чиновников и других отраслей управления. Привилегии и оклады на представительство, которыми пользовались высшие сановники, исчезли вместе с ними. Общественные должности перестали быть частной собственностью креатур центрального правительства. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне.

Уничтожив регулярную армию и полицию, — эти орудия материальной силы старого правительства, — Коммуна приступила немедленно к сокрушению власти духовенства, этого орудия духовного порабощения: она декретировала распущение и экспроприацию всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных людей и, подобно их предшественникам — апостолам, жить милостынею верующих. Все учебные заведения, поставленные вне влияния церкви и государства, стали бесплатными для всех. Таким образом школьное образование сделалось доступным всем; с науки были сняты оковы, наложенные классовыми предрассудками и правительственною властью.

Судей лишили той мнимой независимости, которая только скрывала их подчиненность поочередно сменявшимся правительствам: они каждому правительству приносили присягу на верность и каждому изменяли. Как и прочие должностные лица общества, они были сделаны выборными, ответственными и сменяемыми.

Парижская коммуна должна была служить естественным образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы Коммуна водворилась в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинциях. В кратком очерке национальной организации, который Коммуна не успела подробно разработать, прямо говорится, что Коммуна должна стать политической формой самых маленьких деревушек и что постоянное войско должно быть заменено по всей стране народной милицией с самым кратким сроком службы. Собрание уполномоченных, заседающих в главном городе округа, должно было заведывать общими делами всех сельских общин каждого округа, а эти окружные собрания, в свою очередь, должны были посылать уполномоченных в национальное собрание, заседающее в Париже; уполномоченные должны были строго придерживаться инструкций своих избирателей и могли быть сменены во всякое время. Немногие, но важные функции, оставшиеся еще у центрального правительства, должны были быть не уничтожены, как ложно говорили враги Коммуны, а лишь переданы коммунальным чиновникам, т. е. таким, которые были строго ответственны. Коммунальное устройство не разрушало, а напротив организовывало единство нации; это единство должно было превратиться в нечто действительное с уничтожением государственной власти, считавшейся воплощением этого единства, претендовавшей стоять выше нации и независимо от нее и на деле бывшей только паразитом на организме нации. Уничтожая те органы старой правительственной власти, которые служили только для угнетения, Коммуна вырывала из рук этой власти, претендовавшей стоять выше общества, ее законные функции и отдавала их ответственным слугам общества. Всеобщая подача голосов до сих пор служила народу для выбора каждые три года или шесть лет какого-нибудь члена господствующего класса, который представлял и подавлял народ в парламенте; теперь она должна была служить народу, организованному в коммуны, точно так же как служит индивидуальное право голоса каждому работодателю при приискании рабочих, надзирателей и бухгалтеров для своего предприятия. Ведь общества точно так же, как и отдельные лица, всегда умеют найти для своих практических предприятий подходящих людей, а если иногда ошибаются, то умеют очень скоро поправить свою ошибку. С другой стороны, Коммуна по самому существу своему была безусловно враждебна замене всеобщей подаче голосов иерархическою инвеститурою...

Уничтожив две крупнейшие статьи расходов: армию и чиновничество, Коммуна осуществила собою идеал всех буржуазных революций — дешевое правительство. Самое существование ее было отрицанием монархии, которая является в Европе по крайней мере обычным балластом и неизбежной маской классового господства. Коммуна создала для республики фундамент действительно демократических учреждений. Но ни «дешевое правительство» ни «настоящая республика» не были конечной целью ее; и то и другое явилось само собою, между прочим.

Различные толкования значения Коммуны, разнообразные интересы, которые она выражала, доказывают, что она была весьма растяжимою государственною формою, меж тем как все прежние формы правительства были по существу своему формами угнетения. Тайна ее заключается в том, что она по существу своему была *правительством рабочего класса*, результатом борьбы между классом производящим и классом присваивающим, той давно искомой политической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия Коммуна немыслима, без него она — пустой призрак. Политическое господство производителей не может существовать рядом с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно и классовое господство. Раз труд освобожден, все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть особенностью известного класса...

Когда Парижская коммуна взяла на себя руководство революцией, когда простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного» начальства — имущих классов, именно на привилегию управления, — они взялись за работу при неслыханно тяжелых условиях и исполняли ее скромно, добросовестно

и успешно; высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, получаемого, по словам известного авторитета в науке (проф. Гесли), секретарем лондонского школьного сената. Старый мир скорчило от бешенства, когда он увидел над городскою ратушею красное знамя — символ республики труда.

Это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным еще к общественной инициативе; это признал парижский средний класс — мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все за исключением богатых капиталистов. Мудро разрешив вопрос, бывший всегда причиной раздоров в самом среднем классе, — вопрос о должниках и кредиторах, Коммуна спасла этот класс. Эта часть среднего класса участвовала в 1848 г. в подавлении июньского восстания рабочих, и сейчас же затем Учредительное собрание бесцеремонно отдало его в жертву его кредиторам. Но он примкнул теперь к рабочим не только потому. Он чувствовал, что ему приходится выбирать между Коммуной и империей, какой бы ярлык она ни носила. Империя разорила средний класс в материальном отношении своим расхищением общественного богатства, покровительством биржевой спекуляции, искусственным ускорением централизации капитала и вызываемой ею экспроприации значительной части этого среднего класса. Империя политически угнетала его и нравственно возмущала своими учреждениями; она оскорбляла его вольтерьянство, поручая воспитание его детей «невежественным патерам»; она возмутила его национальное чувство, затеяв эту войну, которая вознаградила за все ее бедствия только одним — ниспровержением империи. После бегства из Парижа шайки высших бонапартовских сановников и капиталистов истинная «партия порядка» среднего класса, выступившая под именем «республиканского союза», стала под знамя Коммуны и защищала ее от клеветы Тьера. Выдержит ли признательность этой массы среднего класса теперешние тяжелые испытания — это покажет будущее.

Коммуна имела полное право объявить крестьянам: «Наша победа — ваша надежда». Самой наглой клеветой, пущенной в ход в Версале и разнесенной по всему свету достославными башибузуками европейской печати, было утверждение, что помещики из национального собрания являлись представителями французских крестьян.

Не правда ли, как правдоподобна эта внезапно вспыхнувшая во французских крестьянах любовь к людям, которым они после 1815 г. должны были заплатить миллиард вознаграждения? В глазах французского крестьянина уже самое существование крупного поземельного собственника есть посягательство на его завоевания 1789 г.

В 1848 г. буржуа обложили землю крестьян добавочным налогом в 45 сантимов на франк, но это сделали именем революции; теперь они же затеяли гражданскую войну против революции, чтобы взвалить на плечи крестьян главную тяжесть 5-миллиардной контрибуции, которую они обязались уплатить пруссакам.

Коммуна, напротив, заявила в одной из первых же своих прокламаций, что бремя войны должны нести настоящие виновники ее. Коммуна освободила бы крестьянина от «налога крови», дала бы ему дешевое правительство, заменила бы таких пиявок, как нотариус, адвокат, судебный пристав и пр., наемными коммунальными чиновниками, избираемыми им самим и ответственными перед ним. Она освободила бы его от произвола полевого сторожа, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем.

Французский крестьянин прежде всего расчетлив. Он нашел бы вполне разумным платить попам не из сумм, взимаемых сборщиками податей, а из доброхотных пожертвований, размер которых зависел бы от степени набожности общины. Вот какие существенные блага обещало непосредственно господство Коммуны — и только Коммуны — французским крестьянам. Поэтому излишне останавливаться здесь на тех более сложных и действительно жизненных вопросах, которые только одна Коммуна могла и необходимо должна была решить в пользу крестьян, — таковы вопросы об ипотечном долге, который тяготел на крестьянской земле, о сельском пролетариате, возрастающем со дня на день, об экспроприации самих крестьян, которая совершалась все быстрее и быстрее благодаря развитию новейшего сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия.

Луи Бонапарт был избран французским крестьянством в президенты республики. Вторую же империю создала «партия порядка». В 1849 и 1850 гг. французский крестьянин, противопоставляя повсюду своего мэра правительственному префекту, своего школьного учителя — правительственному священнику, себя самого — пра-

вительственному жандарму, начал этим показывать, что ему нужно на самом деле. Все реакционные законы, изданные «партией порядка» в январе и феврале 1850 г., были направлены, по ее собственному признанию, против крестьян. Крестьянин был бонапартистом, потому что он отождествлял великую революцию и принесенные ему ею выгоды с именем Наполеона. Этот самообман при Второй империи быстро исчезал. Этот предрассудок прошлого (по существу своему враждебный стремлениям «помещиков») не мог бы устоять против призыва Коммуны к жизненным интересам и насущным потребностям крестьян. Помещики отлично понимали (и этого они больше всего боялись), что если коммунальный Париж будет свободно сообщаться с провинциями, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет поголовное крестьянское восстание. Поэтому-то они так трусливо спешили окружить Париж полицейской блокадой, чтобы помешать распространению заразы.

Коммуна служила истинною представительницей всех здоровых элементов французского общества; она была поэтому действительно национальным правительством. Но, будучи правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась в то же время международной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединила к Франции рабочих всего мира.

Вторая империя была праздником космополитического мошенничества. На ее призыв из всех стран бросились грабители, чтобы принять участие в ее оргиях и в ограблении французского народа. Даже в настоящую минуту правой рукой Тьера является Ганеско, валашский плут, а левой — Марковский. Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело. Буржуазия успела в промежуток между внешнею войной, проигранной из-за ее измены, и гражданской войной, вызванной ее заговором с чужеземными завоевателями, показать свой патриотизм полицейской травлей против немцев по всей Франции. Коммуна назначила немца министром общественных работ...»

28. Уроки Коммуны.

(Из письма Маркса к Кугельманну.)

Лондон, 12 апреля 1871 г.

«Дорогой Кугельман!

Если ты просмотришь последнюю главу «18-го брюмера», ты увидишь, что по моему мнению ближайший подъем французской революции будет попыткой не передать бюрократически военную машину из одних рук в другие, как это бывало до сих пор, а разрушить эту машину. Именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. Такова как раз попытка наших геройских парижских товарищей. Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял у ворот Парижа. История не знает еще примера подобного героизма. Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». Надо было сейчас же итти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним реакционная часть парижской национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели начинать гражданской войны, как будто чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж! Вторая ошибка: Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности. Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание — если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества — является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания. Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства...»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ЭПОХА II ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Экономическое положение Европы в конце XIX и начале XX в.

Если период 50—70-х годов XIX в. можно характеризовать в экономической и политической истории главных стран Европы и Америки как период окончательной победы и укрепления системы промышленного капитализма, то конец XIX и начало XX в. является периодом формирования и укрепления финансового капитала или империализма. Эпоха промышленного капитализма в ряде революций и войн завершила в основном процесс образования «национальных государств», государств промышленного капитализма, в то же время создав мировой рынок. В эпоху империализма мировое хозяйство и мировой рынок приобретают особо важное значение. Этот рост мирового хозяйства происходит на основе невиданного до тех пор роста производительных сил, роста техники. «Век пара» сменяется «веком электричества». За 20 лет (1892—1912) производство стали в трех основных европейских государствах (Англии, Франции, Германии) возросло почти в 5 раз, производство чугуна — почти в 2½ раза, каменного угля — почти удвоилось, а внешняя торговля увеличилась больше чем в два раза. Протяжение железнодорожной сети за 40 лет (1870 — 1910) во всех странах увеличилось почти в 5 раз. Этот огромный рост производительных сил, который, несмотря на ряд острых и затяжных кризисов, в общем шел по восходящей линии развития, происходил на основе ряда ценнейших технических изобретений и усовершенствований. Эти технические изобретения в свою очередь давали толчок новому подъему производительных сил. Открытия Бессемера, Сименса, Томаса дали возможность легко и дешево перерабатывать руду в сталь, которая скоро начала вытеснять дерево и железо. Технический прогресс обуславливал изменение экономической и политической роли отдельных отраслей народного хозяйства. Металлургическая промышленность стала главенствующей, а ее влияние на политику — решающим. Огромные успехи индустриализации в этот период меняли лик народного хозяйства отдельных стран, а вместе с тем и соотношение города и деревни. К 1911 г. процент сельскохозяйственного населения в Англии (с Уэльсом) упал до 22, в Германии к 1907 г. — до 28,6, а во Франции за 1906 г. — до 57,9.

Самой характерной особенностью эпохи империализма является рост и укрепление монополий. Концентрация производства, борьба крупного производства с мелким и средним и победа первого далеко зашла и в предшествующую эпоху. Но теперь она приобрела особенно быстрый темп и привела к расцвету гигантских монополистских союзов не только на внутреннем, но и на международных рынках. Так например в Германии сахарный синдикат выбрасывал 70% продукции всей страны, электрические тресты Сименс-Шуккерт и Всеобщая компания электричества — 40% всей добываемой энергии страны, а добыча каменного угля синдицированными предприятиями равнялась 92,6% добычи всего Рурского округа, или 54% всей добычи страны.

Это превращение капитализма, движущей силой которого до этого времени была свободная конкуренция, в капитализм монополистический, где господствует монополия, — является самой характерной особенностью эпохи империализма. Хотя монополизм и не уничтожает конкуренции и свободной торговли, но он обостряет их. Борьба с новой силой разрастается между гигантскими монополистическими союзами. Этот монополизм вырастает из новых акционерных форм организации предприятий. Трест, картель, синдикат — эти новые явления экономической истории — начинают широкой полосой появляться в промышленности после кризиса 1873 г., пока — в начале XX в. — не становятся господствующей формой хозяйственной жизни. Так например число акционерных обществ в Германии в 1886—1887 гг. равнялось 2 643 с капиталом 4 876 млн. марок, поднявшись в 1912 г. до 5 421 акционерного общества с капиталом в 18 млрд. марок; в Великобритании в 1884 г. было 8 692 акционерных общества с капиталом в 500 млн. ф. ст., в 1912 г. — 56 352 общества с капиталом в 2 420 млн. ф. ст. Акционерная форма, отделив «функции капитала от функции предпринимателя», создала безличный капитал. Это дало воз-

можность крупному капиталу, фактическому распорядителю хозяйственной жизни, мобилизовать мелкий капитал путем выпуска акций, расширяя их до огромных пределов. Право на акцию, дающую ссудный процент, при существовании биржи порождает ее куплю-продажу. С развитием банкового дела и его концентрацией операции купли-продажи акций и всяких ценных бумаг становятся основными, и банки из роли посредников становятся монополистами-акционерами. Происходит сращивание банковского капитала с промышленным в форме так называемого финансового капитала, который держит в своих руках нити всего капиталистического производства. Мы уже видели на примере Германии, что концентрация производства приводит к фактической монополии, что в руках крупной промышленности сосредоточивается вся экономическая мощь страны. Финансовый капитал и банки еще больше усиливают монополистскую роль кучки крупнейших предприятий. Эта характерная черта новой фазы капитализма — империалистической — приводит к тому, что весь мир оказывается в подчинении у горстки финансистов. Монополия при посредстве банков превращает разрозненных капиталистов в коллективного капиталиста, который, пользуясь счетным аппаратом банка (текущие счета и т. п.), не только следит и контролирует (при помощи кредита) положение дел в отдельном предприятии, но и влияет на ход дел, определяя его судьбу. С другой стороны, эта монополия приводит к тому, что монополист организует технически совершенные предприятия не только в одной отрасли промышленности, но и в целом ряде подсобных и связанных с нею отраслей. В целях уничтожения конкуренции он объединяет в одних руках отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, создавая гигантские комбинаты, наподобие германских трестов, включающих угольные шахты, металлургические заводы и обслуживающие подсобные предприятия собственным железнодорожным и морским транспортом.

Монополизм на внутреннем рынке в обстановке мирового хозяйства приводит к монополии и на внешнем международном рынке. Этому обстоятельству способствует еще одна характерная особенность новой фазы развитого капитализма — вывоз капитала. Вывоз этот происходит как в форме капитала, приносящего проценты, так и капитала, приносящего прибыль. Если вывоз из различных стран раньше имел место по преимуществу в форме товаров, то в современную фазу капитализма — империалистическую — растет вывоз капитала. По данным экономиста Гобсона в 1914 г. сумма британского капитала за границей определялась примерно в 3500 млн. ф. ст., французского — в 1800 млн. ф. ст., а германского — в 1200 млн. ф. ст. Государство финансового капитала превращается все больше и больше в государство-рантье, живущее за счет доходов с процентов на капитал. Так например по данным Сарториуса фон-Вальтерсгаузена Германия перед войной получала 1200 млн. марок ежегодного дохода от иностранных вложений своего капитала. Это приводит к тому, что в эпоху империализма капитализм начинает «загнивать». Утечка капиталов из высокоразвитой капиталистической страны в страну с более низкой техникой и дешевыми рабочими руками, сулящая гигантские доходы, вырывает стимулы у капиталистов для развития производительных сил в своей стране. Гобсон приводит интересные данные относительно Англии о вложениях капитала внутри страны и за границей. Так в 1900 г. было вложено капиталов внутри страны 100 121 тыс. ф. ст., а за границей — 26 069, в 1905 г. соответственно 48 426 — 110 617, в 1910 г. — 60 296 и 179 832, в 1913 г. — 35 951 и 149 735. В эпоху империализма капитализм превращается в «паразитический, загнивающий капитализм» (Ленин).

Монополия на международном рынке приводит к образованию международных картелей и трестов, монополистски гигантских союзов. Обладая колоссальными средствами, они поглощают более слабых конкурентов, целиком, монополистски захватывая мировой рынок или деля его на сферы своего влияния между двумя большими финансовыми группами. Так например мировая торговля алюминием, столь важным в военном деле, до войны была захвачена целиком в руки одного международного треста, точно так же как и производство никеля, платины и др. Известны международные синдикаты стали, керосиновые тресты, синдикаты рельсовой индустрии, электрической промышленности и т. д., которые сосредоточивают огромную долю мирового производства, монополистски диктуя цены в сферах своего влияния.

Это монополистское положение ведет к разделу мира на экономические и иные сферы влияния между союзами капиталистов. К этому прибавляется еще необходимость иметь за собою обеспеченные, огражденные от конкурентов, рынки сырья, рынки приложения капитала, обеспечивающие наиболее высокий процент. Отсюда — стремление к захвату и закреплению за собой наибольшего количества колоний.

Несколько цифр лучше всего покажут нам, какую огромную роль в политике государств в этот период начали играть колонии. Вывоз капитала теперь в значительной части идет во внеевропейские страны, т. е. в колонии. По данным Хармса (Harms), в 1912 г. около 35% английского капитала приходилось на внеевро-

нейские страны. Еще больший процент (около 50) дает Франция. И только последнее место занимает Германия. В то же самое время растет колониальная торговля. С 1881 по 1894 г. внеевропейский вывоз Германии повысился с 8 до 20% всего вывоза, направляясь главным образом в Африку, Австралию и в Южную Америку.

В связи с ростом вывоза товаров в колонии из метрополии, с одной стороны, выгодным применением капитала — с другой, растет также и протяженность колониальных железных дорог. Строительная горячка захватывает все империалистические государства. Железнодорожные пункты в колониальных странах становятся также военно-стратегическими пунктами, являющимися яблоками раздора между великими державами.

В то время как за период с 1880 по 1907 г. железнодорожная сеть увеличилась в Германии на 72%, во Франции — на 84%, а в Англии — на 29%, прирост железнодорожного строительства за этот же период в колониальных странах выражается в сотнях процентов. Так например в Африке увеличение выразилось в 547%, в Британской Индии — в 226% и т. п.

По данным Hewins, с 1884 по 1904 г. в Соединенном королевстве железнодорожная сеть выросла на 26%, в то время как строительство за морем увеличилось на 223%. За этот же период железнодорожная сеть в Индии и Канаде утроилась, в Австралии — учетверилась, в Южной Африке — упятерилась.

Вывоз капитала, как и торговля с колониями приносили колоссальные доходы — сверхприбыли, увеличивая национальный доход империалистических стран. Колонии становились лакомыми кусками, куда тянулись руки европейцев. Колониальная «целина» представляла собою неисчерпаемый источник эксплоатации и обогащения. Эпоха от 80-х годов до начала войны представляет собою время наиболее интенсивной колониальной политики европейских стран. Англия, как страна с наиболее старой колониальной политикой, закрепляет за собою львиную долю колониальных владений. Но наибольшую агрессивность проявляет Франция, увеличив свои колониальные владения за 40 лет более чем в 10 раз.

Бурская война, боксерское восстание в Китае, триполитанская война, марокканская авантюра — все это цепь эпизодов колониальной политики предвоенной эпохи европейских стран. К началу европейской войны была захвачена большая, доступная человечеству, колониальная часть света.

Вот выдержка из таблицы, приводимой

Колониальные владения трех «великих» держав.

Страны	Колонии				Метрополия		Всего	
	1876 г.		1914 г.		1914 г.		1914 г.	
	В млн. км²	В млн. жител.	В млн. км²	В млн. жител.	В млн. км²	В млн. жител.	В млн. км²	В млн. жител.
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,6	11,1	95,1
Германия	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
Итого три «великих» державы	23,4	257,9	47,0	461,3	1,3	151,0	48,3	612,3

т. Лениным в его книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», рисующая рост колониального могущества стран Запада.

За последние 30 лет с лишним три главных европейских государства увеличили в два с лишним раза территорию своих колоний, имея в 1914 г. в 35 раз с лишним большую территорию колониальных владений, чем свою собственную.

Государство финансового капитала.

Экономическая эволюция в сторону монополизма, отмеченная нами как характерная особенность эпохи, меняет сущность государственной власти. Ранее парламентский строй был ареной борьбы за влияние на власть различных классовых группировок (промышленной и торговой буржуазии, земельных собственников и т. п.). Финансовый капитал изменил как социальную сущность, так и отношение к государству этих классовых группировок. Акционерная безличная форма треста, синдиката и банка создала возможность объединения интересов крупной буржуазии и земельной аристократии. Приобретая акции, земельная аристократия живет уже не столько за счет земельной ренты, сколько за счет промышленной прибыли. Доход этого класса, равно как и крупной буржуазии,

определяется теперь долею участия в прибылях, в акциях и дивидендах. Так солидаризируются интересы капитала и крупного землевладения.

Вместе с тем кадры старого дворянства и знати, прошедшие школу государственного управления, являются поставщиками гражданского и военного чиновничества, столь необходимого для разросшегося государственного аппарата. Так заключается союз с феодальной земельной аристократией и финансовым капиталом. Эта черта особенно ярко проявляется в Германии, где аграрно-юнкерский класс во главе с императором обслуживает интересы развитой крупной индустрии.

Если в начале капиталистического развития государство, приспособляясь к ходу промышленного развития, было выражением интересов той или иной классовой группировки, то монопольное положение капитала превратило его в государство монопольного капитала, в котором распоряжаются группы финансовых королей.

Режим парламентской демократии, имевший огромное революционное значение в предшествующую фазу развития капитализма, стал теперь декорацией, прикрывающей политику финансового капитала, в руках которого — весь аппарат продажной капиталистической прессы и парламентских деятелей. Так финансовый капитал поглотил интересы других капиталистических классов, выступая в интересах всех имущих классов, противостоя рабочим. Борьба за договоры найма должна была превратиться между этими классами в борьбу за власть.

Парламентская демократия начинает переживать кризис. Решающая политика государства становится уделом тайных и закулисных махинаций. Парламент все более и более отстраняется от решения наиболее важных дел внешней политики. В эпоху империализма начинается отход от парламентской демократии к политической реакции. Но рост политической реакции означает также и обострение социальных противоречий, которые еще больше растут благодаря экономическому гнету широких масс трудящихся, стонущих под тяготами новых налогов и растущей дороговизны. Начало XX в. принесло новый рост социальных конфликтов. Протекционизм, как система защитных мер одного хозяйственного государственного организма от другого, начинает расцветать как раз в этот период. Юнкерская Германия раньше других стран становится на этот путь в конце 70-х годов. За ней идет Франция, а потом и Англия. Системой протекционизма государство финансового капитала преследует две цели: оградить внутренний рынок для монопольного капиталиста, диктующего цены на этом рынке, чтобы за этот счет предоставить ему возможность конкурировать на международном рынке. Поощрительные вывозные пошлины также способствуют этому. С другой стороны, страны высоко развитого капитализма (Англия, Германия, Франция) вынуждены ввозить в значительном количестве жизненные припасы из аграрных или полуаграрных стран. Повышая ввозные пошлины на эти товары, государство финансового капитала удовлетворяет интересы аграриев, увеличивая их ренту при высоких ценах на хлеб на внутреннем рынке. Аграрные пошлины занимают в протекционистской политике государства значительное, основное место, в то время как в старой протекционистской политике главное внимание отводилось политике промышленных пошлин. Но система протекционизма означает также рост тягот для трудящихся, рост дороговизны на продукты потребления, рост социальной нужды и социальных противоречий. Вместе с тем таможенная оборона одного государства ведет к тем же действиям со стороны другого государства. И действительно, периоды подготовки к заключению нового торгового договора обычно сопровождались не меньшими военными приготовлениями, чем настоящая война.

Финансовому капиталу нужна сильная государственная власть для защиты собственных границ. Но так как финансовый капитал имеет потребность в расширении своей экономической базы, своих границ, ему нужна эта власть также и для завоеваний. Кроме этого финансовому капиталу нужны рынки сырья, рынки сбыта, рынки приложения капитала. Эту задачу он возлагает также на сильную государственную власть, могущую выступить на внешнем рынке. Отсюда — империалистически захватническая политика финансового капитала как характерная особенность эпохи. Колониальная политика занимает одно из основных мест в политике государства. Отсюда же огромный рост милитаризма и маринизма.

Так милитаризм тесно был связан с империализмом эпохи. Но рост милитаризма определялся не только завоевательной политикой государства. Мы выше уже отмечали ту роль, которую начали играть в эту эпоху металлургия, уголь и сталь, тот удельный вес, который заняли в политике короли железной руды. Металлургия была той питательной средой, на которой, как на грибках, взращивался империализм. Война и военное снаряжение становились хорошими предприятиями для металлургической промышленности, а военные заводы Круппа в Германии, Шнейдера и Крезо во Франции, Армстронга в Англии не знали национальных границ и заботились как о вооружении своего, так и чужого «отечеств». Капиталистическая пресса, находящаяся у них на содержании, подогревала военные интересы этих групп, разжигая национа-

лизм, натравливая одних на других, наполняя страницы своих газет алармистскими криками. Вслед за англо-бурской войной 1899—1901 гг., русско-японской войной 1904—1905 гг., балканскими войнами 1912 — 1913 гг. (балканских войн было три) Европа, вооруженная до зубов, вступила в новую полосу военных поединков, готовясь к решительной мировой схватке.

Напряженность международной обстановки, в особенности после 1907 г., когда военная опасность начала обнаруживаться с особенной силой, коренилась в первую очередь во всем строе экономического развития эпохи империализма. Мы видели, что развитие капитализма в разных странах и в различных отраслях хозяйства шло неравномерно. Эта неравномерность развития является основным законом капитализма. В условиях империализма эта неравномерность развития достигает крайних пределов, в высшей степени обостряя международные отношения. Борьба за экономическую и политическую гегемонию на мировом рынке, борьба за рынки сбыта и приложения капитала, за рынки сырья — обостряется. Эта борьба ведет к вооруженным конфликтам, к которым готовятся. Поиски союзников на случай возможной войны в этих условиях становятся одной из основных задач дипломатов. Рост тайной дипломатии и образование могущественных военных и дипломатических союзов — вот детище эпохи империализма. Две военных коалиции — тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и тройственное согласие (Англия, Франция, Россия, Triple Entente) — окончательно оформляются в эту эпоху и являются свидетельством обострения международных отношений.

Как мы видели выше, во второй половине XIX в. Англия стала монополистом на мировом рынке, встречаясь с соперником в лице Франции.

К концу XIX века и началу нового столетия Англия встречает молодого, но опасного соперника в лице быстро индустриализирующейся Германии, шаг за шагом отвоевывающей монополистическое положение на мировом рынке. За этот период в несколько десятков лет Германия не только догоняет Англию в отдельных отраслях производства, но и значительно обгоняет ее, проникает со своими дешевыми и лучшего качества товарами не только на новые рынки, но и выбивает английские товары с их старых рынков в английских колониях.

Еще в 1886—1888 гг. Германия занимает третье место в мировой торговле. Но уже в 1898—1900 гг. она оттесняет Францию, заняв ее место, догоняя Англию.

Турецкая политика Германии, проникновение на Восток, постройка Багдадской железной дороги, имеющая огромное политическое и стратегическое значение, — все это окрыляло мечты германских империалистов, мечтавших уже о великой Германии — от Балтийского до Средиземного морей, но эта политика перекрещивалась с английскими интересами. Соперничество этих двух государств — Англии и Германии, — стремление к монополии одного из них, ущемление или полнейшее экономическое сокрушение своего конкурента, — вот что стало основой международной политики этих стран.

Так с конца XIX и начала XX в. Англия и Германия становятся в центре мировой политики, и подготовка к решительной схватке между этими двумя гигантами начинает занимать главное внимание Европы. Вокруг них, приспособляясь к ним, начинают складываться две основные европейские коалиции: тройственный союз и тройственное согласие. Эти группировки определились империалистическими интересами государств.

В 1879 г. было положено основание союзу Германии и Австрии, к которому вначале относилась сочувственно и Англия. Встреча колониальных интересов Франции и Италии в Тунисе и захват его в 1881 г. Францией толкали Италию в объятия двойственного союза, который официальным актом 1882 г. был расширен в тройственный союз со включением Италии.

На другом полюсе начала создаваться другая коалиция: Англия, Франция и Россия, своим острием направленная против Германии.

В 1892 г. был оформлен франко-русский союз. Присоединению к этому союзу Англии вначале мешали неприязненные и враждебные отношения с Францией и в особенности с Россией. Но с появлением на мировой арене такого империалистического молодого хищника, как Германия, заставило Англию выйти из положения «блестящей изолированности», как характеризовали ее дипломатическую политику II половины XIX в.

Неприязненные англо-французские отношения длившиеся со времени Великой французской революции, вновь возгоревшиеся после франко-прусской войны, когда Франция решила вознаградить себя широкой колониальной политикой, сменились в 90-х годах сближением этих двух стран. После фашодского инцидента в конце прошлого века из за обладания Египтом, Франция вынуждена была признать английское преимущество в этой стране, за что получила Марокко. Произошел полюбовный раздел сфер влияния, и с этого времени закладывается основание «дружественного согласия», оформленного тайным соглашением 1904 г.

Неприязненные англо русские отношения из-за турецкого вопроса, столкновений интересов в Персии, Афганистане и Тибете сменились полюбовным размежеванием сфер влияния после того, как Россия потерпела разгрому в русско-

японской войне. Англо-русские споры по азиатским вопросам закончились полюбовным размежеванием, выраженным в конвенции 1907 г. С этого времени можно датировать и формальное образование Антанты, как противогерманской коалиции, официально оформленной в сентябре 1914 г. Так образовалось тройственное согласие.

Так происходило экономическое и политическое развитие Европы в эпоху империализма. Противоречия, заложенные внутри капиталистического общества, в этот период еще больше обострялись. Это обострение противоречий шло как по линии социальной — между буржуазией и пролетариатом — внутри государства, так и между государствами или союзами государств. Международные отношения Европы в эпоху империализма характеризовались как «вооруженный мир». Но эта особенность развития на основе гигантских противоречий иногда скрадывалась за видимостью этих противоречивых явлений. В самом деле, с одной стороны, в эту эпоху происходит невиданный до тех пор расцвет массового рабочего движения (социалистические партии, профсоюзы, кооперативы, просветительная деятельность), с другой — усиливается политическая реакция. С одной стороны, все большие и большие массы вовлекаются в политическую жизнь путем расширения избирательного права, с другой стороны, наблюдается все большее бессилие парламента и кризис всей системы парламентаризма. С одной стороны, на основе колоссального развития производительных сил и эксплоатации колоний происходит некоторое улучшение экономического положения отдельных слоев мелкой буржуазии и верхушечной части пролетариата, с другой — дальнейшее ухудшение положения широчайших масс пролетариата, в особенности накануне войны. С одной стороны — ухудшение положения широких масс трудящихся (рост налогов, дороговизна, предпринимательский гнет и т. п.), с другой — новое социальное законодательство, чтобы привлечь массы на сторону буржуазии и обеспечить единый фронт в случае возможной войны.

В этой крайне сложной и противоречивой обстановке складывалось европейское рабочее движение эпохи II Интернационала.

Рабочее движение и его формы в конце XIX и начале XX ст.

Первый Интернационал, распавшись, дал начало рабочему движению отдельных стран в их национально-государственных рамках. Оправившись после разгрома Парижской коммуны во Франции, после падения закона против социалистов в Германии, после кризиса 70-х годов в Англии, рабочее движение начинает широко развиваться в условиях легальности. К концу столетия оно вполне оформляется в различных странах в своеобразные типы, причем повсюду оно выливается в три основные формы: партию, профсоюз, кооператив.

Перед войной насчитывалось во всех странах 10 838 тыс. членов профсоюзов, 3 372 тыс. членов социалистических партий и 7 315 тыс. членов кооперативов. Из этого числа на долю только трех основных европейских стран (Англии, Германии, Франции) приходилось 6 239 тыс. членов профсоюзов, 4 211 тыс. членов кооперативов и 2 582 тыс. членов социалистических партий.

Все эти три формы массового рабочего движения находятся в близкой, а порой и органической связи. Но несмотря на такой огромный размах массового рабочего движения в эпоху империализма, оно все же охватывает менее 20—25% всего рабочего класса, по преимуществу его квалифицированные слои. Этот факт имеет огромное значение для понимания характера рабочего движения. Монополистический капитализм, развиваясь в противоречиях, порождает также противоречивые тенденции и в самом рабочем классе. Гигантское развитие техники и автоматизации производства порождает в развитии рабочего класса различные тенденции. С одной стороны, в рабочем классе растут те слои полуобученных, полуквалифицированных рабочих, которые легко могут переходить от одного вида работы к другому и которые вытесняют и чернорабочего и высококвалифицированного рабочего старой ремесленной техники. С другой стороны, он создает кадры высококвалифицированных рабочих, преданных интересам предприятия, заинтересованных в его развитии. Но экономическое развитие происходит крайне неравномерно. Если отмеченные тенденции проявляются главным образом в области тяжелой индустрии и новых растущих областях производства (химическая промышленность и электропромышленность), то наряду с нею происходит и другой процесс — разделение на высококвалифицированных и некваллифицированных. Если первый процесс ведет к большей или меньшей нивелировке внутри рабочего класса, то одновременно происходит и процесс дифференциации и расщепления. Капиталист, применяющий в своем производстве дорогостоящие машины и аппараты, затрачивающий огромные капиталы на новую технику, заинтересован в том, чтобы обеспечить бесперебойную работу своего предприятия, закрепив за собой известные квалифицированные слои рабочих. Капиталист создает для них более сносные условия существования, повышает их заработную плату, отгораживая их от всего остального рабочего класса. Так на почве «подкармливания» создается в условиях капитализма «рабочая аристократия». В условиях империализма это тем более легко, что монополистический капитализм получает колоссальные сверхприбыли за счет высокой техники своей страны и эксплоатации колоний.

Это создавало в части рабочего класса иллюзии заинтересованности в процветании промышленности своей страны, своего капиталиста. Но вместе с тем империализм, улучшая положение небольшой части рабочего класса, значительно ухудшал положение огромных широких масс рабочего класса. Рост социальных противоречий, как следствие развития империалистической системы, отмеченной нами выше, не мог не сказаться и на рабочем классе. И действительно в период после 1905 — 1907 гг. мы видим огромный размах рабочего движения, подчас стихийный, — движение новых масс, вызванное тяготами новой эпохи.

В этих-то противоречивых условиях эпохи империализма росло и ширилось массовое рабочее движение. То обстоятельство, что после поражения Парижской коммуны западноевропейское рабочее движение не знало революционных бурь и развивалось в «мирных органических условиях» легального существования и парламентаризма, — имело решающее значение для его судеб. Отражая противоречивые процессы, происходившие внутри рабочего класса, рабочее движение развивалось также в противоречиях и борьбе. Отмеченные выше тенденции внутри рабочего класса питали различные группировки рабочего движения (правых и левых), то усиливая одних, то других. В разных странах эта борьба направлений в рабочем движении, осложненная национальными особенностями, проявлялась по-разному, но она шла везде. В этой борьбе реформистского и революционного направлений особую роль играл так называемый «центр», революционный на словах, оппортунистический на деле. В процессе борьбы разных направлений изменялся и сам центр, эволюционируя направо. В условиях роста оппортунистических тенденций, питающихся объективными условиями органической эпохи развития, «центр» становился тормозом революционного развития. Постепенно, шаг за шагом, в практике и теории революционной борьбы пролетариата стала отлетать его революционная сущность, а вожди новой мирной (органической) эпохи развития рабочего движения стали подменять его мирным либеральным реформизмом. Этот социалистический реформизм настолько глубоко пустил корни в рабочее движение стран Запада, что парализовал волю пролетариата к революции и, как мы увидим позже, сделался роковой причиной кризиса социализма во время войны. Несмотря на национальные различия реформизма и различное его проявление в разных странах (немецкое бернштейнианство или ревизионизм, французская мильерановщина или министериализм, английский тред-юнионизм, русский меньшевизм), он носит международный характер, питаясь одними и теми же корнями: монопольным положением капитала и развившимся и усложнившимся характером рабочего движения. (См. мат. и док., № 1.)

Германия. Начнем обзор с Германии, во-первых, потому, что германское социал-демократическое движение стало мощным международным фактором по своей силе и влиянию во II Интернационале.

Те общие черты эпохи империализма, о которых мы говорили выше (концентрация производства, интенсивный рост производительных сил, монополизм, колониальная политика, милитаризм и т. д.), особенно ярко проявились в этой стране, преломившись в своеобразной социально-исторической обстановке. Промышленный расцвет Германии определялся, во-первых, предшествующей отсталостью страны и возможностью для буржуазии усиленной эксплоатации рабочей силы, при быстром увеличении рабочего рынка; во-вторых, тем, что страна позже других выступила на арену промышленно-экономической жизни и, воспользовавшись техническим опытом старых индустриальных стран, при огромных природных богатствах (уголь и железо), смогла сразу приступить к организации технически совершенных и рационально построенных предприятий. Процесс индустриализации происходил не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, что создавало почву для срастания интересов юнкерства и индустриалов-феодалов. Все это вело к обострению классовых противоречий и вместе с тем с ростом империализма вело к увеличению кадров новых «средних слоев» (Mittelstand), обслуживающих огромные капиталистические предприятия и империалистическое государство. В самом рабочем классе Германии происходил процесс дифференциации, который противопоставлял высококвалифицированную верхушку класса всей остальной его массе. (Табл. № 1).

На этой основе выросла юнкерско-буржуазная Германская империя с ее всеобщим избирательным правом и реакционнейшей прусской трехклассной избирательной системой. «Кровью и железом» связанная сверху, Германская империя отражала это своеобразное развитие страны, где юнкерский класс обслуживал политические интересы буржуазии. Вот почему это объединение было неполным и незаконченным, и централизованная власть Пруссии существовала наряду с властью десятка других малых и больших «конституционных монархов». Политическая история Германии этого периода может быть разделена на два этапа: до начала XX столетия и после него. Первый период — период Бисмарка — идет под знаком национального объединения и закона против социалистов; второй — под знаком империализма и социальных реформ, имеющих целью, под угрозой выросшего рабочего движения, развратить его и привлечь на свою

сторону организованную верхушку рабочего класса.

В этой обстановке развивалось германское рабочее движение, заняв первое место в пролетарском движении Европы. Этому способствовали следующие обстоятельства, имевшие огромное значение при формировании движения: 1) рост и концентрация производительных сил (индустриализация) Германии происходили в рамках монархическо-юнкерского режима; 2) с момента выступления на политическую арену немецкий пролетариат имел всеобщее избирательное право в имперский рейхстаг и наряду с этим отсталую трехклассную избирательную систему в Пруссии; 3) он имел перед собою накопленный опыт английских и французских рабочих, и 4) марксизм, как идеология, получил свое окончательное оформление в трудах Маркса и Энгельса. Все эти факторы формировали германскую социал-демократию как наиболее последовательную, выдержанную и устойчивую партию.

После объединения лассальянцев и эйзенахцев в 1875 г. на съезде в Готе обнаружилось, что социалистическая рабочая партия Германии, как она стала называться теперь, пользуется в стране значительным влиянием. С 1871 по 1877 г. число поданных за нее голосов поднялось с 119 836 до 493 447. Исключительный закон против социалистов (1878—1890 гг.), принятый рейхстагом по требованию Бисмарка, надеявшегося правительственным террором и социальным законодательством отвлечь массы от социал-демократии, только на время задержал рост и развитие партии. После ряда кризисов и отчаянной внутрипартийной борьбы социал-демократия приспособилась к новым условиям существования, превратив трибуну рейхстага в место агитации и пропаганды. Перейдя на нелегальное положение, руководимая фракцией рейхстага и перенесенным за границу органом (цюрихская газета «Социал-демократ»), партия при содействии Маркса и Энгельса, под их бичующим напором, справилась как с правыми оппортунистами, тащившими партию на путь реформизма и приспособленчества, так и с анархистскими тенденциями (Мост). Партия вела борьбу с полицейско-юнкерским государством. Несмотря на чудовищные репрессии, сыпавшиеся на социал-демократов, количество поданных голосов за партию росло. К моменту падения закона в 1890 г. число социал-демократических депутатов увеличилось до 35. Падение закона сняло последние внешние преграды для организации партии, и накопившаяся энергия нашла себе выход в широком строительстве своего партийного и профессионального аппарата. (Мат. и док., № 2.) В 1891 г. Эрфуртский съезд принятием детально разработанной программы (Мат. и док., № 6) окончательно подвел теоретический марксистский фундамент под партийное здание, наметил практические задачи партии и устранил те уклоны в сторону лассальянства, которые были в старой Готской программе. Но став в этой программе целиком на почву марксизма, составители ее взяли у Маркса и Энгельса все то, что отвечало эпохе мирного органического развития капитализма и рабочего движения. Революционная сторона учения Маркса — теория социальной революции и диктатуры пролетариата — не нашли своего отражения в программе. Недаром Энгельс в своем письме к Каутскому (от 28 июня 1891 г.) выступает с жестокой критикой этого проекта (Мат. и док., № 7), справедливо усматривая в нем «честный» оппортунизм, а «честный оппортунизм опаснее всех других» (Энгельс). Ни в программе, ни в комментариях к ней, написанных выдающимся теоретиком эпохи II Интернационала Каутским, мы не встретим ни слова о диктатуре пролетариата, как неизбежном переходном этапе от капитализма к социализму.

Острая внутрипартийная борьба в период исключительных законов, между оппортунистами, группировавшимися вокруг значительной части парламентской фракции (Блос, Ауэр, Гейзер) и сторонниками последовательной революционной тактики (Бебель), на которую становилось руководство партии под влиянием, с одной стороны, напора рабочих, с другой — критики Энгельса и заграничного нелегального органа партии, — сдерживалась обручами закона против социалистов. Два первых легальных съезда партии—Галльский (1890 г.) и Эрфуртский (1891 г.)— важны не только тем, что они теоретически и тактически оформили лицо партии (принятием новой программы), но также и выявили силы левой и правой оппозиций. Правое крыло партии возглавлял Фольмар, незадолго до съезда выступавший с рядом речей (эльдорадские речи) и статей о новой оппортунистической тактике. (Мат. и док. № 3.) Левое крыло возглавляли так называемые «молодые» (Вернер, Вильбергер, Кампфмейер, Шиппель), частично опиравшиеся на оппозиционное движение рабочих (Берлин). Если Фольмар тянул партию только на путь социальных реформ и приспособления своей деятельности к условиям капиталистического государства, надеясь на постепенное врастание в социализм, то «молодые» в своих рядах в значительной степени насчитывали сторонников антипарламентаризма. Эта анархистская струя стала заметна особенно впоследствии, когда часть «молодых» была исключена в Эрфурте из партии. «Молодые» выступили против ряда оппортунистических ошибок руководства партии (нежелание праздновать 1 мая, парламентская тактика, поведение фракции рейхстага). В этой критике грехов оппортунизма было много справедливого и вер-

ного. Но в этой критике было не меньше мелкобуржуазного революционизма, не желавшего различать руководство партии (Бебеля и др.) от Фольмара и его сторонников. Оппозиция «молодых» была скоро преодолена. Фольмар и фольмаризм были осуждены партией на Галльском и Эрфуртском партейтагах. Руководство партии в этой борьбе на два фронта взяло твердую линию. (Мат. и док., № 5.) Но необходимо отметить, что если против «молодых» партия встала на путь организационных мер (исключение из партии), то правые продолжали в ней свою работу. «Молодые», исключенные из партии, скоро образовали свою организацию «независимых социалистов», с органом «Социалист», встав на путь анархо-синдикализма. Роль их была исчерпана. Эрфуртским партейтагом кончается первый период внутрипартийной борьбы в условиях легальности.

После Эрфуртского съезда для социал-демократии начался мирный, ничем не прерываемый органический рост партии. Шаг за шагом партия увеличивала свои силы, переходя от одного парламентского успеха к другому. Нижеприведенная таблица характеризует эти успехи.

Парламентские успехи герм. с.-д.

Годы	Число голосов в тысячах	% с.-д. голосов к общему числу на выборах	Депутатов рейхстага
1884	550	9,7	24
1890	1427	19,7	35
1893	1737	23,3	44
1898	2107	27,0	56
1903	3011	31,7	81
1907	3259	28,9	43
1912	4250	34,8	110

Из оппозиционной незначительной группы социал-демократия стала крупнейшей массовой партией в стране, делегаты которой были рассеяны по всем представительным учреждениям, так что в 1913 г. количество их превышало 12 тыс. человек. В 1914 г. число членов партии перевалило за миллион. Переход от оппозиционно-политической парламентской работы к положительной в различных учреждениях менял характер и традиции партии. И из непримиримо классовой, какою она была вначале, она постепенно становится оппортунистической и реформистской. «Наша партия стала могущественным фактором в государстве, каким она не была раньше, — говорил оппортунист Фольмар в 1891 г. — Мы имеем возможность непосредственного влияния на ход политических дел. Мы руководим уже не незначительной относительно частью населения, а миллионами. Ответственность за это руководство лежит на нас. Все эти факты должны обнаружиться также и в нашем будущем поведении, во всей нашей тактике». Отсюда — целый ряд новых задач, новая тактика, которую тот же Фольмар формулировал следующим образом: «Удовлетворение непосредственных народных нужд и достижение ближайших требований представляют главные задачи не только потому, что имеют агитационное значение, но и потому, что это постепенное социализирование является естественным путем для постепенных переходов к социализму. Этим указывается путь спокойной парламентской работе в самом широком смысле слова».

«Новые времена, новые песни». Падение «закона против социалистов» открыло новую эру для германской социал-демократии. Переходя от одного парламентского успеха к другому, она начинает менять свою тактику, приспособляясь к условиям роста партии и ее практическим задачам; она начинает внутренно перерождаться из оппозиционной партии в партию социальных реформ на почве существующего строя. В этих условиях характерным становится не только то обстоятельство, что все крепче и увереннее становятся голоса правого крыла партии, в лице Фольмара, Шиппеля, Бернштейна и других, но незаметно, шаг за шагом происходит перерождение основного кадра партии, в лице Бебеля, К. Либкнехта, Каутского и других хранителей революционных традиций партии, ее лучшего прошлого. Борьба с ревизионизмом или бернштейнианством означала новый этап в развитии партии. Если фольмаризм означал мелкобуржуазную опасность в рядах партии, питающуюся интересами крестьянского юга Германии (Бавария) и был, так сказать, местным явлением, то ревизия Бернштейном Маркса означала более серьезную угрозу партии — превращение ее в социал-реформистскую. Эта опасность, питаемая возросшими в условиях империализма кадрами рабочей аристократии, представляла серьезную угрозу партии. Первыми, кто разглядел эту опасность, были Р. Люксембург, Парвус, Цеткин. Именно они подняли тревогу. Под их влиянием медленно раскачиваясь, вынуждены были всту-

пить в борьбу основные кадры партии под руководством Бебеля и Каутского. Уже в этот период борьбы с ревизионизмом (1898—1903) можно заметить разницу в подходе и в отношении к ревизионизму со стороны подлинно левых и руководства партии (в вопросах парламентаризма, революции, тактики). Хотя Р. Люксембург и другие не были до конца последовательны в этих вопросах, все же их позиция была ближе к подлинному революционному марксизму. Партия на своих партейтагах (Ганноверский — 1899 г., Любекский — 1901 г., Дрезденский — 1903 г.) осудила ревизионизм. Но это осуждение отличалось нерешительностью, непоследовательностью, словесным радикализмом и уступкой Бернштейну в ряде теоретических и тактических вопросов (см. Ленин, Государство и революция). «Центр», во главе с Бебелем, борясь с ревизионизмом, несмотря на временные зигзаги влево (1905 г.), сам эволюционировал вправо, в сторону Бернштейна. Скоро на новом этапе внутрипартийной борьбы с «левыми радикалами» во главе с Р. Люксембург (1910—1914) это стало очевидным.

К началу войны процессы перерождения основного ядра партии в сторону реформизма обрисованы со значительной ясностью. 4-ое августа 1914 г., — когда парламентская фракция с согласия правления партии голосовала за кредиты правительству Вильгельма для ведения империалистической войны и стала на позицию «обороны своего отечества», — было дальнейшим выводом из ее недавнего прошлого. В борьбе внутрипартийных групп победила социал-реформистская тенденция.

Бернштейнианство, как оно выявилось в конце столетия, не было случайным или временным эпизодом в рядах немецкой социал-демократии, а являлось выражением определенной тенденции развития партии.

Ревизионизм. Бернштейнианство возвело в догму реформизм и оппортунизм не только в области практической политики. Историческая роль Бернштейна заключалась в том, что он впервые теоретически обосновал и идеологически оформил накоплявшийся до того практический оппортунизм партии. При этом он начал с ревизии Маркса (отсюда название — ревизионизм), с пересмотра казавшихся до того незыблемыми основных положений марксизма. Основная задача ревизии Бернштейном марксизма заключалась, по его мнению, в том, чтобы удалить из него революционную сущность («бланкизм») и приспособить его к мирным реформистским задачам партии.

В целом ряде статей, появившихся в 1896 — 1898 гг. в «Neue Zeit», а потом и в своей книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899 г.), Бернштейн начинает с заявления, что «дальнейшее развитие и обработку марксистского учения следует начинать с его критики». Критике подвергаются: теория концентрации, теория обнищания и кризисов. Чтобы обосновать два основных пункта ревизионизма: необходимость соглашения с буржуазией и постепенное внедрение и взращивание в рамках капитализма путем новых реформ новых социальных отношений, Бернштейн пытается доказать, что положение рабочего класса в капиталистическом обществе заметно улучшается, а вместе с этим сглаживается и уменьшается классовая борьба. Отсюда делается вывод, что теория Маркса о катастрофе, как о начале социальной революции, неверна. Путь социализма — не путь катастроф, а путь реформы и медленного врастания нового общества в старое на основе компромиссов с буржуазией. Задачи социализма — в положительной социально-экономической работе, как на почве конституционного законодательства, так и в удовлетворении текущих нужд движения. «То, что считают конечной целью социализма, — заявляет Бернштейн, — для меня ничто; движение — все». (Мат. и док., № 8 и 31, А.)

От марксизма к реформизму. Ревизионизм или реформизм не был только привнесенным со стороны в ряды партии, инородным телом. Нетрудно проследить в истории германской социал-демократии, на отношении ее к целому ряду кардинальных вопросов, как она медленно и постепенно перерождалась в партию реформистскую. Мы не имеем возможности дать исчерпывающего обзора. Остановимся только на основных моментах.

Как относилась партия к парламентской работе и выборам? На своем партейтаге в Эрфурте в 1891 г. партия дала ответ на этот вопрос (Мат. и док., № 10, А.) Ставя своей основной целью захват политической власти, партия смотрела на парламентскую работу, как на одно из средств классовой борьбы. Выборы в рейхстаг дают возможность наилучшим способом соприкасаться с пролетарскими массами. Партия не создает себе «никаких иллюзий насчет парламентских успехов». Но беспрестанная работа в различных органах государства на почве парламентаризма, в условиях роста партии, необходимость давать ответ на ряд вопросов практической политики, приводят к тому, что уже на Ганноверском партейтаге 1899 г. Бебель вносит резолюцию (Мат. и док., № 10, Б), где парламентская работа рассматривается под углом зрения «расширения политических прав и свободы народа» и «серьезного улучшения социального положения рабочего класса». На эту работу партия уже смотрит как на «шаг, приближающий ее к конечной цели». Отсюда только один шаг до признания парламентской деятельности основной задачей социал-демократии. И на этот

путь социал-демократия действительно вступила в своей практической политике. На съезде в Майнце в 1900 г. Р. Люксембург, представитель левого крыла, отметила это обстоятельство в своих речах по поводу политики партии в вопросах захвата германским империализмом Киао-Чао в Китае и англо-бурской войны.

Изменив свою оценку парламентской работы, партия должна была изменить свое отношение к выборным блокам и комбинациям с буржуазными партиями. Начав с осуждения всяких блоков с буржуазными партиями, социал-демократия, вопреки настойчивым требованиям ревизионистов, еще на Кельнском конгрессе 1893 г. вынесла постановление о воздержании от участия в выборах в прусский ландтаг, на котором невозможно «независимое выступление» (Мат. и док., № 13.) Уже в 1897 г. на Гамбургском партейтаге партия выносит постановление о том, что на перебаллотировках, в случаях, когда кандидат партии исключен из списка, все члены партии должны голосовать за такого кандидата буржуазной партии, который в случае своего избрания в рейхстаг будет действовать в «интересах социал-демократии». (Мат. и док., № 14.) Тот же съезд, рассматривая вопрос о выборах в ландтаги, высказался уже за участие в выборах там, «где это окажется по обстоятельствам возможным. Вопрос о возможности для социал-демократии участия в выборах в том или другом округе решается социалистами заинтересованного округа в зависимости от местных условий. Компромиссы и союзы с другими партиями запрещаются». Передавая вопрос на разрешение местных инстанций партии, съезд открывал двери оппортунистам. В следующем году такая «возможность» компромисса с буржуазными партиями стала реальностью на выборах Баварии, и Ганноверский партейтаг должен был заняться обсуждением этого вопроса. Не давая конкретного ответа, принятая резолюция (Мат. и док., № 10, Б) поддерживает блоки. Съезд в Майнце (1900 г.) дает определенную директиву об обязательном участии в местных выборах и о соглашениях с буржуазными партиями. (Мат. и док., № 13, Б.)

Эта же эволюция происходила и в вопросах практической политики партии в представительных учреждениях, в работе различных комиссий рейхстага и ландтагов, в голосовании за бюджет. Традиция партии требовала от своих депутатов отрицательного вотума бюджета, исходя из классовой оценки государства. В 1893 г. депутаты баварского ландтага голосовали за бюджет, мотивируя это тем, что «бюджетные суммы необходимы для продолжения деятельности общества», а социалисты не желают допустить распадения общества, «добиваясь органического преобразования его». Этот «баварский инцидент» был предметом страстных обсуждений Франкфуртского съезда 1894 г. В прениях фигурировали две резолюции: одна — Бебеля, резко осуждавшая голосование бюджета, другая — баварских делегатов и делегатов других южных земледельческих округов, сводившая спор с принципиальной почвы на почву практических интересов и целесообразности. (Мат. и док., № 15, Б) Делегатом Штаттгагеном к резолюции Бебеля была внесена поправка, совершенно меняющая характер постановки вопроса Бебелем. Эта поправка была принята съездом, но при голосовании резолюции Бебеля с указанной поправкой в целом она была отвергнута точно так же, как и резолюция баварских делегатов. Таким образом большинство съезда не выявило своего резко отрицательного отношения к вотированию бюджета; наоборот, голосование поправки показало, что съезд стоит на почве не принципиальных, а практических интересов. На Любекском съезде 1901 г. вопрос становится вновь в порядок дня, на этот раз по поводу вотума бюджета в баденском ландтаге. Съезду предшествовала дискуссия в центральной партийной печати между Р. Люксембург и баденским депутатом Ан. Фендрихом. Если баденцы, как и все оппортунисты, аргументировали интересами практики и сегодняшнего дня, не видя в этом вопросе принципа, то для Р. Люксембург этот вопрос был прежде всего вопросом принципа, вопросом оценки буржуазного государства вообще и отношения к нему социал-демократов в частности. На съезде фигурировали два проекта резолюций: Р. Люксембург и Бебеля (Мат. и док., № 15, А и В.) После частного соглашения с баденскими делегатами Бебель изменил первоначальную редакцию своей резолюции, и его новая резолюция предвидела возможность вотирования бюджета в силу «чрезвычайных обстоятельств и особых условий» (Мат. и док., № 15, Г и Д), открывая широкие двери для оппортунистических истолкователей. Съездом была утверждена резолюция Бебеля в последней редакции, к которой присоединилась и Р. Люксембург.

В 1913 г. фракция рейхстага голосовала за введение нового налога для нужд армии. Это было прямым выводом из постановления Йенского партейтага (1913 г.) о бюджете. Частичное принятие имперского бюджета вело прямой дорогой к военной позиции германской социал-демократии.

Так постепенно на почве практической политики подменивались основные задачи социал-демократии рядом мелких практических задач на почве улучшения существующего строя, отходили в даль будущего идеи революционного социализма, росла и крепла вера в роль и значение парламентской демократии. От частичных уступок оппортунистам и практическим политикам

в различных областях партийной тактики, от частичного голосования и поддержки современного империалистического государства в целях его частичного реформирования партия незаметно шла к поддержке этого государства. (Мат. и док., № 18, А, Б, В.) Партия все более и более заражалась социал-оппортунизмом и шла к социал-оборончеству. Она вырабатывала медленно и постепенно целую систему национальной внешней и таможенной политики. Фольмар развивал законченную систему национальной политики, считая «тройственный союз» прогрессивным фактором. Бебель поддерживал легенду об оборонительной войне против «русского варварства». Шиппель развивал целую систему империализма. Вольфганг Гейне в 1898 г. требовал от германского правительства реформы, за что обещал голосовать за «пушки». Как реагировала партия на эти «уклоны»? Когда правительство потребовало кредитов на посылку армии для расправы в Африке с гереро, социал-демократическая фракция вначале воздержалась от голосования, а Бебель на Бременском партейтаге 1904 г. оправдывался незнанием причин восстания. На партейтагах в Эссене, Пене, Хемнице, когда партия ходом событий вынуждена была давать ответы на целый ряд вопросов империалистической политики правительства, можно проследить, как партия реагировала на них. Правое крыло ее, завзятые оппортунисты (Фольмар, Шиппель, Носке и др.) в вопросах марокканском, империализма, колониальной политики тащили партию на путь поддержки своего отечества, своей промышленности, своего государства, выражая определенную систему социал-шовинистских взглядов. Центр, во главе с Бебелем, занимал неопределенную, колеблющуюся позицию, то выступая против крайностей правой (случай с Шиппелем), то предпочитая обходить острые вопросы (защита отечества, поведение социалистов во время войны и др.). Так составлена и резолюция Хемницкого партейтага 1912 г. об империализме. Только небольшая группа левых радикалов резко ставила вопросы дня, правильно оценивая положение. Империализм или социализм — так ставил вопрос Паннекук на Хемницком съезде. (Мат. и док., № 19, В.)

Рост партии, ее парламентские успехи в условиях мирного развития страны вели к механическому взгляду на исторический процесс. Революционная диалектика Маркса подменялась неизбежностью роста социал-демократии внутри страны, иллюзией силы партии и ее голосов на выборах. Такое понимание исторического процесса — «история работает за нас» — было свойственно не только ревизионистам, но и вождям центра — Бебелю и Каутскому. Бебель в своих неоднократных выступлениях не уставал повторять, что «ошибаются те, кто говорят, что социал-демократия хочет вызвать революцию. Ничего подобного мы в мыслях не имеем». За боязнь революционного действия, нежелание поставить в порядок дня вопрос революционного насилия, как исторического фактора в определенной ситуации, подмена его мирной парламентской работой характерны не только для К. Либкнехта, Бебеля, но и для Каутского даже того периода, когда он был «ортодоксальным марксистом», неоднократно развивал в своих работах («Социальная революция», «На другой день после социальной революции», «Путь к власти» и др.) взгляд, что в конечном счете социал-демократия может быть довольна положением дел, потому, что исторический процесс идет навстречу ей. Если же пролетариату придется прибегнуть к революционному насилию, то на это вынудят его господствующие классы. Во всяком случае, заканчивал всегда Каутский, «это — музыка будущего, далекого будущего». В своей работе о «колониальной политике», в ряде статей о войне, патриотизме и задачах социал-демократии в ту эпоху Каутский часто давал правильное понимание хода событий и оценку международного положения. Его выступление на Эссенском партейтаге по вопросу об оборонительной и наступательной войне в условиях империалистской эпохи, оценка империализма, как возможной последней стадии капитализма («Колониальная политика и социал-демократия») и др. были правильными. Но из этих положений он не делал практических выводов. Марксизм, как определенный метод исторического предвидения и действия, становился для него только методом объяснения явлений, а не изменения их. В своих лекциях о «социальной революции», высказывая свое суждение об условиях революций и войн, он как бы боится, чтобы слушатели не сделали практических выводов, и тут же делает оговорку: «Оговариваюсь, во избежание недоразумений, что я рассуждаю в этом вопросе как исследователь... Я исследую, что может быть, а не предсказываю, что будет, и уже совсем не призываю я здесь чего-либо такого, что должно бы быть».

Мирная органическая эпоха развития рабочего движения, когда непосредственные массовые действия подменялись избирательным бюллетенем, вела к тому, что от социал-демократии отлетел дух революционной инициативы, а марксизм из революционного активистского учения превращался в мертвый, сухой догмат.

Когда первый шквал русской революции 1905 г. и рост внутренних противоречий в Германии вновь поставил в порядок дня международного рабочего движения вопросы борьбы за власть, вожди социал-демократии вынуждены были заняться переоценкой средств из их тактического арсенала. В этом вопросе с особенной

характерностью выявились все тенденции партии. Если для правого крыла партии, явных ревизионистов, не существовало вопроса о захвате власти, всеобщей политической стачке и восстании, и они отделывались оценкой их, как «всеобщей глупости» (Мат. и док., № 20), то центр, под влиянием активности масс, их сочувствия русской революции, должен был дать ясные ответы, тем более что в ряде организаций, в особенности берлинской, под влиянием оппортунизма и парламентского кретинизма официальных вождей партии, начал проявляться синдикалистский уклон (Фридберг). Какие же ответы давал центр? В своем докладе на Иенском партейтаге в сентябре 1905 г. Бебель развивал точку зрения, что в случае покушения на всеобщее избирательное право пролетариат может прибегнуть к всеобщей стачке. Бебель ни словом не упоминает о том, что всеобщая политическая стачка может привести к восстанию и поставить в порядок дня захват власти. Наоборот, он чрезвычайно узко, в определенных практических целях, оценивает это революционное средство. Он полагает, как реальный политик, что «мы ведь боремся не за утопические выдумки и не за требования государства будущего». «Мы не думаем, — продолжает он, — что посредством всеобщей стачки мы сокрушим основы буржуазного общества». (Мат. и док., № 21, А.) Как же отвечает вождь центра на то, по какому пути пойдет развитие, и должна ли партия заниматься подготовкой революции? Бебель говорит: «Все зависит от обстоятельств и обусловленных ими настроений народа. С таким же малым основанием можно сказать, что революция в Германии будет, как и то, что в Германии ни в коем случае до насильственных вспышек не дойдет». В этой обронсиной фразе как нельзя лучше выявляется механический взгляд оппортуниста, преклонение перед стихийностью движения масс, отказ от сознательного руководства.

Иенская резолюция о всеобщей стачке так и расценивает это тактическое средство. (Мат. и док., № 21, В.)

Но если доклад Бебеля в Иене должен был убедить в необходимости применения всеобщей стачки в известных случаях, то его доклад в Мангейме в 1906 г. должен был убедить в обратном,— что в Германии ситуация такова, что теперь не может итти речи о немедленном применении стачки, что это вопрос отдаленного будущего. Весь доклад Бебеля представляет собою защиту от возможных обвинений в том, что он, Бебель, предлагает немедленно подготовиться к всеобщей стачке. (Мат. и док., № 21, Б.) И хотя принятая резолюция (Мат. и док., № 21, Г) не отрицает всеобщей стачки, но весь характер съезда и тон речей на нем говорили об отказе от этого тактического средства. Прав был оппортунист Давид, когда говорил, что в Иене Бебель выступил с трубой, зовущей в бой, а в Мангейме — «с барабаном, бьющим отступление». Оппортунисты торжествовали победу, и Кольб с полным правом мог писать: «Дебаты о всеобщей стачке обнаружили тот факт, что германская с.-д. гораздо более проникнута духом ревизионизма, чем об этом можно было бы думать после Дрезденского партейтага». Еще больший интерес представляет дискуссия о массовой стачке накануне Иенского партейтага (1913) и дебаты на партейтаге. Блок центра с ревизионизмом, который оформился значительно раньше, здесь окончательно закрепился. Оппортунисты солидаризировались с Шейдеманом, одним из новых руководителей партии и докладчиком в Иене о массовой стачке. Большинством была принята резолюция, признающая массовую стачку в случаях обороны демократических завоеваний, но объявление ее обставлялось таким количеством необходимых предварительных условий, что она, по выражению К. Либкнехта, становилась на практике невозможной.

Если сравнить постановку вопроса о всеобщей стачке и революции Бебелем, Каутским, Р. Люксембург и В. И. Лениным (Мат. и док., №№ 5, 11, 12, 21, 23 и 24), который в своих выводах учел весь опыт русской революции, для нас вполне рельефно обрисуются их позиции.

Так постепенно германская социал-демократия с ростом и развитием перерождалась в партию оппортунистическую, в партию социальных реформ. Центр еще сохранял революционную фразеологию, но в практической политике шел часто на поводу за ревизионистами, боялся делать решительные выводы. Когда требовалось от центра практическое революционное действие, его воля была парализована. Интересы выросшей огромной парламентской партии связывали его. Видя как будто растущую ревизионистскую опасность, центр боролся с нею на словах, выносил торжественно осуждающие резолюции (Любекский, Дрезденский и др. партейтаги,— Мат. и док., №№ 9, 10, Б), но дальше осуждений не шел. А тем временем ревизионизм рассасывался по всему организму партии, обволакивал ее своим влиянием. Где же были корни реформизма партии, что питало их?

Корни реформизма. Вначале мы отметили, что появление и развитие реформизма связано с ростом влияния социал-демократической партии. Это одна из причин. В эпоху империализма из всех партий только одна социал-демократия является оппозиционной и привлекает к себе симпатии угнетенных классов. Во время выборов за нее голосуют не только рабочие, но и некоторые группы мелкой и средней буржуазии. Эта масса

избирателей давит своими голосами на политику партии, заставляя ее приспособляться к их интересам.

С ростом и развитием партии ширится ее аппарат. Политика становится профессиональным делом; парламентаризм требует особых знаний от представителей партии. Так выделяется особая каста партийных и профессиональных чиновников, профессионалов-парламентариев, для которых существование аппарата имеет самодовлеющее значение. Эти группы дают наибольшее количество сторонников реформизма.

Третье и наиболее важное обстоятельство заключается в том, что монопольный капитал, пользуясь своим положением на рынках как внутреннем, так и внешнем, за счет получаемой сверхприбыли улучшает положение отдельных категорий наиболее квалифицированных рабочих, привлекая их на свою сторону. Эта рабочая аристократия, верхняя тонкая прослойка рабочего класса, будучи в более сносных материальных условиях, становится заинтересованной в расцвете отечественной промышленности и является тем фундаментом, на котором растет оппортунизм.

Далее, выросшая партия давит своим количеством на верхушку. При потере общих перспектив движения для руководства партии, как таковая, ее единство приобретают самодовлеющее значение. Оберегая это единство во что бы то ни стало и при всяких обстоятельствах, немецкая социал-демократия создавала почву для разжижения социализма как системы революционных действий. Наконец вся обстановка мирной эпохи экономического развития и беспрерывный рост производительных сил создавали иллюзию полнокровности капитализма, его живучести.

Доступ в парламенты представителей рабочих укреплял эту иллюзию возможности мирного реформирования капиталистического строя, его постепенного преодоления путем устранения наиболее отрицательных черт.

Профессиональные союзы. В том же направлении перерождения тактики немецкой социал-демократии в сторону оппортунизма влияли вожди и бюрократы профессиональных союзов. Германское профессиональное движение, благодаря особенностям конституции страны и запоздалому экономическому развитию, было порождением политических партий. «Профессиональные союзы — школы социализма», «союзы — тот резервуар, из которого черпает партия своих членов», — вот как смотрели социал-демократы в 90-х годах на профессиональное движение.

Быстрый экономический расцвет способствовал росту социал-демократических (независимых) союзов. Строительство профессионального движения проходило под влиянием целого ряда благоприятных обстоятельств, наложивших свою печать и создавших образцовые в организационном отношении союзы: 1) во главе движения стояли социал-демократы, ученики Маркса, понимавшие ход исторического развития; 2) вооруженные историческим опытом экономической борьбы рабочих других стран, они могли выбрать наиболее целесообразные формы его; 3) почти с самого начала профессиональное движение встретилось с концентрированным капиталом в лице трестов и синдикатов. Вот почему союзы стали строиться по производственному принципу, на основе централизма, объединяя всех рабочих данной отрасли производства. Немецкие централизованные союзы — характерная отличительная особенность так называемых «геверкшафтов». Система выдачи пособий во время безработицы, стачек, переездов и т. п. тесно связала союзы с рабочей массой и обеспечивала им быстрый рост и укрепление. После падения исключительного закона против социалистов за 22 года социал-демократическое профессиональное движение выросло почти в 10 раз. В 1891 г. было организовано 277 659 человек, в 1913 г. число организованных рабочих возросло до 2 573 718 человек.

Но даже при таком быстром темпе роста и его огромном размахе профессиональное движение охватило только квалифицированную часть класса — 10—15% всех наемных рабочих.

Стоит только взглянуть на таблицу расходов этих союзов, чтобы убедиться в многообразии союзных функций. (Табл. № 3.) Как видно из таблицы, расходы на стачки занимали одно из первых мест. Но если проследить относительное изменение отдельных статей расхода по видам помощи, то легко заметить, что рост расходов на стачки шел в меньшей степени, чем на другие нужды. Эта тенденция характерна для последнего периода развития немецких союзов. Взаимопомощь начинает занимать солидное место в практике союзов. От непосредственной классовой борьбы — забастовок, они переходят к другим методам — коллективным договорам и соглашениям. Этот вид союзной политики начал занимать настолько солидное место, что тарифных соглашений в конце 1913 г. было 13 446 для 2 072 56 рабочих, т. е. для 80% организованных в союзы рабочих. (Табл. № 2.) К забастовкам прибегают уже в крайних случаях. В союзной практике быстро растет количество конфликтов, ликвидируемых соглашательски. В общем немецкое профессиональное движение начинает пропитываться тред-юнионистскими тенденциями.

Рост профессионального движения способствовал росту реформизма. Союзы, становясь силой, требовали к себе от социал-демократии иного отношения: они стремились к независимости от партии, к самостоятельности.

Теория самостоятельности союзов, их равноценности с партией, независимого существования от партии, явилась следствием окрепшего и усилившегося движения, была создана теми же оппортунистами.

Профессиональное движение, вызванное к жизни социал-демократией, по мере своего роста и укрепления, обособлялось от нее. «Нейтральность» союзов в отношении политики, выросшая на полицейской почве германско-юнкерского государства, скоро из нужды стала превращаться вождями союзного движения в добродетель. Профсоюзные бюрократы, освобождаясь от партийного руководства, тем самым порывали и с перспективой борьбы за социализм. В их глазах профессиональное движение начинало приобретать самоцель, а борьба за мелкие повседневные нужды на почве капиталистических отношений — самодовлеющую ценность. Профессиональные союзы с разросшимся аппаратом, их цельность и сохранность во что бы то ни стало — вот руководящее положение профессионального чиновника. Чрезвычайно характерно, что в период острой борьбы партии с руководящими центрами за руководство вождь профессиональных союзов, член генеральной комиссии, депутат социал-демократической фракции рейхстага Адольф Эльм в 1905 г. в июньской книге реформистского журнала «Социалистический ежемесячник» писал: «Я должен самым решительным образом оспорить, будто бы профессиональные союзы в своих статутах или программных заявлениях когда-либо обязывались к признанию конечной цели социал-демократии, превращению например частной собственности на орудия производства в общественную собственность. Профессиональные союзы суть организации с ясно выраженной целью завоевания для рабочего класса возможно больших выгод на почве современного государства. Все союзы до сих пор отказывались от обсуждения вопросов будущего общественного порядка. Ни один союз не обязывает вновь вступающих членов к признанию социал-демократической программы».

Профессиональные вожди и чиновничество становились оплотом оппортунизма в германском рабочем движении.

Под давлением вождей союзов партия вынуждена была на Магдебургском партейтаге признать, что «профессиональные союзы по своему значению стоят не ниже социал-демократической партии», т. е. признать равноправие и равноценность союзов и партии. Это постановление было шагом назад от гегемонии партии, как представительницы общеклассовых задач пролетариата. (Мат. и док., №№ 22 и 25.)

Разногласия не ограничились указанными вопросами: они проявлялись и по другим поводам, и почти всегда партия отступала перед силой союзов. Под влиянием отрицательного отношения союзов к первомайской забастовке и всеобщей стачке партия вынуждена была пойти на принятие компромиссных решений (сравни Пенскую, Маннгеймскую и Кельнскую резолюции по вопросу о стачке). Так союзные вожди и бюрократия воздействовали на партийное общественное мнение в сторону организации его на реформистский лад.

Все перечисленные нами факторы действовали в том направлении, что усиливали правое реформистское крыло немецкой социал-демократии. Резолюции, принимаемые на партейтагах, осуждавшие реформистов (Дрезденская резолюция), оставались пустыми бумажками. Рост реформизма был настолько быстрым, что в 1913 г. из 110 социал-демократических депутатов рейхстага 57 принадлежали к правому крылу, определявшему парламентскую партийную политику.

Левые радикалы.

Чрезвычайно важно отметить, что если поднимавший голову ревизионизм в 90-х и 900-х годах встречал словесный отпор в «пассивном радикализме» центра и в первую очередь в лице его вождей Бебеля и Каутского, то после первой русской революции, примерно с 1910 г., центр начинает сдавать свои теоретические позиции ревизионизму. В этом отношении характерна начавшаяся в этот период внутрипартийная борьба левых радикалов — во главе с Р. Люксембург, К. Либкнехтом, К. Радеком и др. — с центром, возглавляемым К. Каутским, идущим в блоке с ревизионистами. Недаром Каутский уже в 1911 г. в статьях в «Neue Zeit» писал о ревизионизме как об умершем течении в партии. Борьба центра и ревизионистов с левыми радикалами, приведшая во время Хемницского партейтага 1912 г. к раздельным предварительным конференциям этих групп (небывалый случай в истории германской социал-демократии), начавшись по вопросам тактики, закончилась расхождением по ряду крупных принципиальных и теоретических вопросов. И в этих спорах (1910 — 1914 гг.) о новой тактике, о всеобщей стачке, о парламентаризме, о государстве и революции, о природе империализма обнаружилось с очевидностью, что центр все дальше и дальше отходит от идей революционного марксизма, будучи по существу прикрытием ревизионистской теории.

В спорах с Р. Люксембург в 1910 г. перед Магдебургским партейтагом в социалистической прессе (Мат. и док., №№ 26 и 27), а потом и на самом партейтаге в полемике с К. Радеком, Паннекуком и Леншем в 1911—1913 гг. (Мат. и док., № 19, Б, В, Г, Д, Е) К. Каутский выступил рьяным защитником «старой, испытанной», парламентской тактики, «тактики измора», против выдвигаемой левыми «новой» тактики мас-

совых действий, тактики непосредственного наступления масс на империалистическое государство. Тактика левых радикалов не отрицала парламентаризма, наоборот — вела к усилению парламентских действий социал-демократии внепарламентским выступлением масс. Оценивая современную эпоху как империалистическую, а государство финансового капитала как агента империалистической буржуазии, левые радикалы считали необходимым подготовить массы к решительному действию, направленному к конечной цели социал-демократии. К. Либкнехт вместе с Р. Люксембург развивали точку зрения необходимости массовых действий пролетариата против всех реакционных классов империалистического государства. Старая тактика социал-демократии в партии, союзах, кооперации вела к собиранию и накоплению сил. Настало время выводить эти массы в бой. Всеобщая стачка является самым лучшим орудием вовлечения широких масс, не только организованных, но и неорганизованных, в активное действие. Она укрепит связь партии с этими массами, усилит руководство ими. С ростом организаций в условиях парламентской деятельности партии растет централизм, в мирных условиях приводящий к бюрократизму, к отрыву руководящих инстанций от масс. «Массе же членов, — пишет Р. Люксембург, — остаются только обязанности платить взносы, разносить листки, подавать голоса на выборах, привлекать новых абонентов для газет и т. п.». Это обстоятельство ведет к консервированию массы, к отрыву ее от организации.

«Массы должны проявлять свою особую деятельность, развивать и развертывать свою массовую энергию, они должны двигаться, действовать, проявлять страсть, смелость и решимость».

«Пролетариат не может, — продолжает Роза, — накоплять свои силы и развивать свою жизнь для конечной победы, не закаляя себя в борьбе, среди поражений и превратностей, которые являются его всегдашними спутниками. Великая и решительная борьба, безразлично — ведет ли она к победе или поражению, больше сделает для развития классового самосознания и накопления опыта, чем тысячи пропагандистских листков и собраний в мирное время». Но не только поэтому нужна новая тактика. Капитализм вступил в новую и последнюю стадию своего развития — в империалистическую, когда парламент перестает играть роль. Оценке положения и новых тактических задач партии и посвящена дискуссия Паннекука и Каутского в «Neue Zeit» в 1912 г. Эта дискуссия, как и дискуссия об империализме с Радеком и Ленцем, ставшим во время войны ренегатом (изменником), как и спор с Р. Люксембург, являются не чем иным, как продолжением и дальнейшим развитием расхождений центра и левых радикалов. В этот период четко и ясно формулируются пункты расхождений по основным теоретическим вопросам марксизма — о социальной революции, о государстве, о роли масс. При этом центр, в лице Каутского, выступает с рядом теоретических положений, являющихся логическим выводом из марксизма эпохи II Интернационала, эпохи мирного органического развития, когда одни теоретики сознательно, другие бессознательно выхолащивали революционную сущность учения Маркса-Энгельса, выбрасывали из него революционное ядро, извращали его, держась за букву марксизма, за мертвую догму, приспособляли к интересам мирного буржуазного развития. Как раз в период 1910—1913 гг. в спорах с левыми радикалами это обстоятельство выявилось с особенной очевидностью.

Левые радикалы (Паннекук, Радек) перед Хемницким партейтагом и на самом партейтаге защищали ту систему взглядов, что капитализм вступил в новую и последнюю фазу своего развития — империалистическую. Движущей силой империализма является финансовый капитал и монополистическая промышленность. Вывоз капитала в чужие страны и колонии является основным стимулом империалистической колониальной политики. Империализм, как экономическая и политическая система, изменил природу государства и отношение к нему разных классов. Хотя и не все классы получают прямые выгоды из империалистической политики, но все классы кроме пролетариата в эпоху господства финансового капитала находятся на поводу у империалистов. Всем им противостоит рабочий класс, положение которого ухудшается. «Империализм лишает всякого смысла парламентаризм». Он делает власть парламента призрачной и укрепляет могущество магнатов финансового капитала и бюрократии. Капитализм не может отказаться от империалистической политики. Требование военных разоружений и мирного разрешения конфликтов является утопией. Империализм или социализм — вот как поставлен в порядок дня вопрос. Отсюда — необходимость новой тактики, тактики массовых действий, активной пролетарской внешней политики.

Ан. Паннекук в своих статьях в «Neue Zeit» «Массовые действия и революция» развивает теорию процесса социальной революции. Вопрос о завоевании власти является коренным вопросом борьбы. Но это завоевание власти мыслится не в форме завоевания большинства голосов в парламенте (это не соответствует ни природе пролетарской борьбы, ни представлениям Маркса-Энгельса о захвате власти, ни природе современного государства), а в форме многократных массовых действий пролетариата, борющегося за власть. Массы должны выступить на арену истории. Этот исторический момент уже

наступил, и борьба за завоевание политической власти пролетариатом становится непосредственной задачей. Но задачи пролетариата не только в захвате старой буржуазной государственной машины для использования в своих интересах, но и в том, чтобы, пользуясь указаниями Маркса и историческим опытом, «сломить государственную машину». (Мат и док., № 31, Б.)

Такова система взглядов левых радикалов, развиваемая в период 1910—1914 гг. Хотя между радикалами не было единства по всем вопросам, но они противостояли в партии, как левое крыло. Необходимо отметить, что эта система взглядов была значительным шагом вперед по пути революционного понимания марксизма. Но даже и у левых радикалов мы не найдем указаний о конкретной форме государственной власти пролетариата в переходный период. Только В. И. Ленин еще в довоенную эпоху первой русской революции дал чрезвычайно яркую трактовку марксова учения о диктатуре пролетариата, как необходимой ступени революционного движения, причем в такой постановке вопроса, какой мы не встретим ни у одного из деятелей эпохи II Интернационала. (Мат. и док., № 31, Г.)

Застрельщиком в борьбе с левыми радикалами выступил Каутский, начав полемику с Р. Люксембург летом 1910 г. перед Магдебургским партейтагом по вопросу о новой тактике и роли всеобщей стачки.

Поводом послужило массовое демонстрационное движение пролетариата в Пруссии в январе—марте 1910 г. за реформу избирательного права, шедшее под лозунгом «Право на улицу».

В марте движение достигло своей высшей точки и нужно было его переводить на новые рельсы, на новую высшую ступень. Здесь-то и обнаружился оппортунизм и боязнь руководящих инстанций партии. Р. Люксембург, оценивая движение, написала:

«Положение партии в настоящий момент сводится к простой дилемме: или вскоре массовая деятельность выйдет далеко за пределы простых собраний и уличных демонстраций — тогда массовая стачка является единственным средством, вытекающим из данного положения, — или же все движение достигнет мертвой точки и через некоторое время неизбежно разрешится ничем. Собственно говоря, для партии, обладающей авторитетом и ответственностью германской социал-демократии, нет даже выбора. После того как она сама вызвала массы к действию, она не может бить отбой. Партия попала в положение, когда ей следует впервые применить принятое 5 лет назад в Кёне решение относительно массовой стачки...

Массовые демонстрации имеют свою собственную логику и психологию, с которыми необходимо считаться политикам, желающим ими руководить. Проявления массовой воли в политической борьбе не могут искусственно поддерживаться долгое время на одной и той же высоте, застыть в одной и той же форме. Они должны подыматься, принимать новые, более решительные формы. Раз начавшееся движение масс должно итти вперед. И если у руководящей партии в данный момент нехватит решимости дать массе нужный пароль, то ею неизбежно овладевает некоторое разочарование, подъем исчезнет и выступление прекратится... Или во что бы то ни стало вперед, или начавшееся движение масс безуспешно прекратится... Враг отступает, нам следует наступать. Не оптимистическое ожидание реванша через 1½ года у избирательной урны, по удару за ударом теперь; по взятие измором, по борьба по всей линии, — вот что нам теперь нужно». (Мат. и док., № 26.)

Со всей решительностью против этой линии выступил Каутский, обвиняя Люксембург в том, что она марксистский анализ обстановки заменяет якобы «слепой верой в безошибочность революционного инстинкта масс». (Мат. и док., № 27.) Тактика, предлагаемая Люксембург, ведет к тому, что организованный пролетариат будет разбит в открытом бою. В современных условиях выгоднее тактика затяжной борьбы, чем искусственное форсирование решительных битв. В статье «К партейтагу» он пишет: «Положение теперь таково, что среди буржуазии растет не сплочение в одну реакционную массу, а, наоборот, ее расщепление. Эти слои буржуазии хотят капитализма без империализма и колониальной политики». И Каутский начинает развивать элементы своей теории сверхимпериализма, сущность которой сводилась к тому, что империализм не является неизбежной формой развития капитализма. Эта теория получила свое законченное выражение у Каутского уже во время империалистической войны. Здесь нам важно выяснить только ее корни. По его мнению, не вся буржуазия заинтересована в империалистической политике, в милитаризме. Возможен и другой путь развития капитализма. Об империализме можно говорить только как о тенденции, как о возможности. Весь вопрос в том, чтобы заставить эту часть буржуазии отказаться от захватнической политики. Это можно сделать, — рассуждает Каутский, — ибо соревнование в вооружениях в конце концов невыгодно самой буржуазии. Правда, без колониальной политики капитализм развиваться не может. Но даже на этом пути возможно соглашение великих держав.

Противопоставляя эту теорию теории левых радикалов, Каутский считал, что практическим лозунгом борьбы должно быть ограничение вооружений и постепенное разоружение капиталистического государства. (Мат. и док., № 19, Г и Д.) На этом пути возможно и необходимо

соглашение с теми группами буржуазии, которые по природе своей чужды империалистической политике. «Ближайшим нашим делом, — писал Каутский, — должна быть поддержка и укрепление мелкобуржуазного и буржуазного движения, направленного против войны и вооружений». Путь борьбы лежит через парламент. Либерализм, являющийся выразителем настроений мелкой буржуазии и растущих кадров служащих (средних слоев), — вот союзник пролетариата. Неправда поэтому, что в эпоху империализма буржуазные классы являются сплошной реакционной массой. В центре внимания социал-демократии должны лежать блоки и соглашения с либералами, единый фронт против реакции. Каутский заканчивает свою статью в «Форвертсе» «Новый либерализм и новые средние классы» следующим замечанием:

«Соотношение сил различных партий и классов, обнаружившееся во время последней выборной кампании, создали политическую ситуацию, беспримерную в истории Германии. Не впадая в парламентский кретинизм, не переоценивая могущества рейхстага и силы либерализма, все же нужно притти к выводу, что центр тяжести нашего политического развития лежит в рейхстаге и что парламентские битвы при нынешнем положении могут нас значительно продвинуть вперед, — конечно не сами по себе, но благодаря их воздействию на массы, которые останутся фундаментом нашей силы, каково бы ни было парламентское соотношение сил».

Возлагая все свои надежды на избирательный бюллетень и парламентские комбинации с либералами, Каутский высказывается против новой тактики массовых действий и всеобщей стачки, выдвигаемых левыми радикалами. Не отрицая принципиального значения всеобщей стачки, он центр тяжести видит в парламентской борьбе. В реферате о немецкой социал-демократии и ее тактике, предназначенном для бельгийских профсоюзников (1911 г.), он развивает следующее положение: «Конечно, массовая стачка может привести к большим практическим результатам, но только тогда, когда она во-время парализует весь государственный механизм. А это возможно только при очень благоприятных обстоятельствах, при наличии сильной организации пролетариата. Как регулярное средство политической борьбы массовая стачка неприменима.

Но есть другой метод, с помощью которого можно нагнать страх на буржуазию и помещиков... Метод этот состоит в том, что у буржуазных партий отбирают их избирателей, в которых они нуждаются, чтобы пользоваться политическим влиянием. Страх перед избирателем — в этом заключается великое средство давления, которым пользуются пролетарские партии в парламентских странах с всеобщим избирательным правом. Этот страх всегда оказывается более действительным, чем страх, вызываемый так называемым «прямым действием».

Противопоставляя тактике массовых действий старую тактику парламентской борьбы, Каутский упрекает левых радикалов в том, что они хотят на германскую почву перенести тактику русских большевиков. В полемике с Р. Люксембург он дает такую оценку: «Проявление русского рабочего движения кажется ей идеалом, который нужно проповедывать гнилому Запа у. Русскую беду она возводит в интернациональную добродетель». (Мат. и док., № 29.)

Такая переоценка парламентаризма и его роли в эпоху империализма, взращенная легализмом, была оппортунистическим извращением марксизма Каутским и центристами.

Но особенно рельефно это выявилось во время полемики Каутского и Паннекука в 1912 г. по вопросу о государстве. Ревизионисты, в лице Бернштейна, революционное учение Маркса о государстве, о диктатуре пролетариата извратили и подменили вульгарно-либеральной теорией демократии и парламентаризма, каковые, по их мнению, ведут к изживанию классовой борьбы внутри капиталистического общества и победе принципов социализма. Нападая на марксово учение о революции и диктатуре, Бернштейн усмотрел на этой элементы марксистской теории как пережитки бланкизма и видел задачу социал-демократии в целой системе социал-реформизма. (Мат. и док., № 31, А). Каутский в споре с Паннекуком в 1912 г. по вопросу о задачах пролетариата в отношении к государственной власти, несмотря на то, что в своих прежних работах («Социальная революция», «На другой день социальной революции», «Путь к власти») высказал ряд правильных революционных положений по этому вопросу, встал теперь на точку зрения не разрушения государственной машины буржуазии, о чем говорил Маркс, а завоевания и использования ее в интересах пролетариата. Поэтому система демократии и парламентаризма представляется Каутскому единственной формой, в которой может быть осуществлена власть пролетариата. (Мат. и док., № 31, В.)

Толкование Каутского в вопросах государства и парламентаризма было не только уступкой ревизионистам, но и прямым извращением марксизма. Оно отражало оппортунистическую тенденцию в развитии партии и являлось шагом назад от Маркса. Так происходило перерождение в условиях мирного парламентского развития рабочего движения основного ядра партии — ее центра.

Так развивалось немецкое рабочее движение до войны. Мощное и сильное своей численностью, с огромным партийным и профессиональным аппаратом, приспособленным к условиям капита-

листического парламентского режима, оно было внутренне, как революционное движение, бессильно. Реформизм, проникший во все поры партийного и профессионального тела, подтачивал революционную энергию рабочего класса. Болезненный кризис внешней силы и внутреннего революционного бессилия дал себя знать во время войны.

Франция. Аналогичная тенденция развития рабочего движения от создания самостоятельной партии в духе революционного марксизма к с ц а ъному реформизму и увлечение парламентской деятельностью социалистов повторяется и во Франции, с тою только разницей, что французскому социализму приходилось действовать в обстановке преобладания мелкорем слепого пролетариата, где жили традиции Великой французской революции, и формальной демократии, причем это особо богатое историческое прошлое питалось своеобразием социально-экономической и политической обстановки Третьей республики. (Табл. № 4.) От Парижской коммуны до империалистической войны Франция прошла длинный путь капиталистического развития. Экономическая история ее может быть разбита на два главных периода: до начала XX столетия и после 1902 — 1903 гг. Медленный темп развития первого периода сменяется более быстрым ростом производительных сил, главным образом в металлургической промышленности. Во второй период этот перелом определялся ростом колониального могущества страны, что в свою очередь стояло в тесной связи с ролью финансового капитала в стране. Франция в эпоху империализма была могущественным ростовщиком. Мы видели выше, что страна в последний период занималась главным образом вывозом капитала, выступая при этом в качестве ростовщика. Возросшая колониальная мощь и выросшие колониальные аппетиты способствовали развитию металлургической промышленности, изготовляющей главным образом предметы военного снаряжения. При всем этом Франция, как империалистически промышленная страна, во многом уступала Германии и Англии и стояла позади них. При задержке прироста населения в стране, при усиленной эмиграции, городское население Франции к концу этого периода не превышало 42%. Типичным для страны даже в эту эпоху было существование мелкого и среднего предприятия, что не исключало наличия огромных капиталистических предприятий-гигантов. Все эти особенности французского хозяйства коренились в историческом прошлом и настоящем раздробленного крестьянского землевладения. Крестьян-мелких собственников было 55% всего населения. Наиболее распространенной земледельческой культурой было садоводство и огородничество. Отсюда — слабое применение машинной техники и консерватизм крестьянской массы.

Третья республика была выражением интересов магнатов капитала, реакционной крестьянской массы и мелких рантье, соучастников ростовщических операций финансового капитала. «Третья республика — это империя без императора, где непосредственно господствует капитал». Рабочий класс, будучи раздроблен, не представлял собою компактной классовой силы, но вместе с этим он выступал как единственный центр всей демократической оппозиции против реакционной политики буржуазной и бюрократической Третьей республики.

Впервые собравшийся после Парижской коммуны национальный рабочий конгресс 1876 г. в Париже, как и конгресс 1878 г. в Лионе, заявили себя противниками политической деятельности и социалистической доктрины. Только под влиянием отрезвляющих объективных условий режима Третьей республики и агитации Девиля и Гэда, вернувшихся в Париж после изгнания (газета «Равенство»), национальный конгресс в Марселе (1879 г.) встал на путь коллективизма и постановил образовать рабочую партию — федерацию рабочих социалистов. Разработанная Гэдом и Лафаргом программа, при непосредственном участии Маркса и Энгельса, была принята конгрессом парижской федерации в 1880 г. и утверждена национальным конгрессом в Гавре в 1881 г. (Мат. и док., № 32.) С этого времени французское рабочее движение стало под знамена научного социализма. Вскоре, с одной стороны, под влиянием переоценки парламентской и муниципальной деятельности, возвращения старых коммунаров из изгнания, принесших с собою немало старых республиканских иллюзий, — с другой, в партии назревает раскол между гэдистами (сторонниками Гэда) и бруссистами (сторонниками Брусса), или поссибилистами (possible — постепенный). Происшедший раскол на Сент-Этьенском конгрессе в 1882 г. был по существу расколом между марксистами и реформистами и сводился главным образом к различной оценке задач партии, участия в выборной деятельности, федеративного и централистского принципа построения партии. Бруссистов интересовал главным образом выборный успех партии. Социализм для них сводился к медленному завоеванию законодательных и административных учреждений страны с целью проведения целого ряда реформ. «Я принадлежу к тем, — говорил П. Брусс, — которые желают быть коммунистами и революционерами; но я также хочу достигнуть чего-нибудь практического. Я предпочитаю отказаться от принципа «все сразу», который приводит ровно ни к чему; я предпочитаю разделить идеальную цель на несколько этапов, придать

нашим требованиям такой характер, чтобы сделать их наконец осуществимыми». Отсюда — приспособление к нуждам избирателей, отказ от Гаврской программы, требование автономии для отдельных федеративных частей партии в выработке выборных платформ и тактика блоков.

Росту социализма во Франции, его довольно быстрому успеху способствовало то обстоятельство, что, с одной стороны, в эпоху Третьей республики не было острой борьбы между крупной буржуазией и землевладельцами, с другой — не было радикальной оппозиционной партии, партии демократических реформ, которая бы не была скомпрометирована различными панамами. Таким положение вело к тому, что к социализму примыкали все радикально настроенные элементы. Социалистическая пропаганда из городов начала проникать в сельские местности, завоевывая крестьянство. Французская рабочая партия в погоне за избирательными голосами крестьянства вынуждена была стать на путь защиты интересов таких групп крестьянства, которые антагонистичны сельскому пролетариату. Аграрная программа французской рабочей партии, принятая в Марселе в 1892 г. и дополненная в Нанте в 1894 г. (Мат. и док., № 33), и отражала эти противоречивые интересы различных групп французского крестьянства и вместе с тем была показателем роста оппортунистических настроений. Недаром Ф. Энгельс выступил против нее с резкой критикой в своей работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», напечатанной в № 10 «Neue Zeit» за 1894 г. (Мат. и док., № 34.) Революционный социализм воспринимался как демократический радикализм. Мильеран, выражая эти настроения, говорил в 1898 г.: «Против олигархической и плутократической партии стоит партия демократии, оставаясь верной республиканской идее». Отсюда делались те выводы, что социалисты должны выставлять не специфические классовые требования, а общеклассовые, общенародные. «Выставляя такую программу реформ, — говорил Мильеран, — социалистическая партия произведет сильное впечатление и представит неопровержимые доказательства, что она является в настоящем смысле слова партией правительственной».

Отколовшиеся гедисты, сторонники старой Гаврской программы, образовали «рабочую партию», бруссисты — «федерацию рабочих социалистов» с новым партийным уставом. Как реакция на увлечение бруссистами реформистской парламентской и муниципальной деятельностью, в 1890 г. на конгрессе в Шатерлоо от них отделилось левое революционное крыло сторонников Аллемана, отрицавших всякую парламентскую деятельность. К двум основным группировкам прибавилась третья. Наряду с ними работали старая бланкистская организация во главе с Вальяном, центральный революционный комитет и федерация независимых социалистов во главе с Жоресом и Мильераном. Все эти группы и фракции французского социализма вели между собой ожесточенную борьбу, пока наконец внешняя опасность военной диктатуры в связи с делом Дрейфуса в 1898 г. не поставила на очередь вопроса об их объединении. Но на Лионском конгрессе вместо объединения произошла новая перегруппировка сил, на этот раз наиболее отчетливая. Поводом послужил так называемый мильерановский казус. (Мат. и док., №№ 35, 36 и 37.) Сближение правой реформистской части с буржуазными республиканцами для защиты республики повело к тому, что министерство Вальдека-Руссо пригласило в свой кабинет независимого социалиста Мильерана вместе с генералом Галифе, палачом Коммуны.

Необходимо отметить, что к этому времени относится расцвет реформизма и в Германии (появление работ Бернштейна). Таким образом реформизм начинает приобретать уже не национальный, а международный характер. Мильеранизм, выражая те же тенденции движения, что и ревизионизм в Германии, был практической политикой реформизма. Парижский объединенный конгресс (1899 г.) занял неопределенную, скорее одобрительную, чем отрицательную позицию к «казусу Мильерана». Хотя большинством 818 против 634 голосов конгресс признал недопустимым для социализма вступление в буржуазное министерство (предложение Гэда), но огромным большинством в 1 140 против 240 голосов одобрил предложение комиссии о необходимости пересмотра этого решения при «наступлении исключительных обстоятельств». Эта неопределенность и оппортунистичность большинства французского социализма повела к резкому размежеванию на две фракции: революционеров и министериалистов. Группа левых, во главе с Гэдом, Вальяном и аллеманистами, образовала «социалистическую партию Франции»; группа же умеренных, во главе с Жоресом, — «французскую социалистическую партию». Последняя была близка к левой республиканской, в блок с которой она часто вступала.

Увлечение министериализмом постепенно проходило. Несмотря на присутствие в министерстве социалистов, правительство никогда так не проявляло своей буржуазно-классовой сущности, как в этот период. Расстрелы бастующих рабочих в Шалоне, Мартинике и др. местах, преследование синдикатов, половинчатые либеральные законы о труде говорили сами за себя. Несмотря на значительное влияние, которым пользовалась группа Жореса в парламенте, ее авторитет в рабочих массах падал. Отрицательное отношение Интернационала на Амстердамском конгрессе (1904 г.) к международному реформизму усиливало

позицию гэдистов. Под влиянием этого решения, с одной стороны, отрезвления рабочих масс, требовавших изменения тактики, — с другой, создавалась почва для сближения двух основных социалистических группировок. На Парижском конгрессе в апреле 1905 г. это объединение совершилось на основе опубликованной декларации. (Мат. и док., № 38.) Хотя объединение социалистической партии создалось в результате чистки реформистской группы (Мильеран, Бриан и Вивиани), а платформа объединения говорила о победе гэдистских принципов классовой борьбы, скоро однако обнаружилось, что партия не отказалась на деле от реформизма. Старые мильерановские грехи слишком глубоко вкоренились в ней. Здесь, как и в Германии, отказ от революционных принципов был тем более, чем сильнее становилась партия, чем больше были ее избирательные успехи. От выборов к выборам росла парламентская группа гораздо в большей степени, чем сама партия, а это вело к тому, что партия, приспособляясь к избирателям, превращалась в типичную парламентскую партию, склонную ко всякого рода политическим комбинациям и блокам с буржуазией.

Следующая таблица дает представление о развитии Французской социалистической партии после объединения.

Годы	Количество членов партии	Количество депутатов в палате	Количество голосов на выборах в законодат. собр.
1905	34 688	38	805 000
1906	43 462	52	878 000
1910	53 928	76	1 106 000
1914	72 765	103	1 398 000

Если к парламентским избирательным успехам прибавить достигнутые партией значительные успехи на муниципальных выборах (в 1912 г. было избрано 5 530 муниципальных советников), для нас станет ясным ее лицо: сравнительно небольшое партийное ядро и значительное количество делегатов в различных выборных учреждениях страны. При организационной слабости партии подобное положение вело к тому, что партийная верхушка отрывалась от массы, становясь бесконтрольной. В представительных учреждениях за деловой работой стирались резкие партийные грани, депутаты превращались в типичных реформистов, а сама партия, несмотря на старую революционную фразеологию,— в реформистскую. Члены партии входили в франкмасонские ложи и получали правительственные знаки отличия. Так постепенно перерождалось основное ядро партии во Франции. (Мат. и док., №№ 39 и 40.)

Синдикализм. На почве увлечения французского социализма министериализмом и парламентской деятельностью, переоценки республиканской опасности как реакции к началу столетия окрепло новое течение социалистической мысли — революционный синдикализм. Синдикализм как экономическое (профессиональное) и идеологическое движение, своеобразно сочетавшее старые прудонистские и бакунистские идеи отрицательного отношения к политике и экономический федерализм, с одной стороны, и идею классовой борьбы — с другой, постепенно формировался в недрах синдикальных организаций, пока наконец на Амьенском конгрессе (1906 г.) не отлился окончательно в законченную систему. (Мат. и док., №№ 41 и 42.) Сущность этой идеологии сводится к противопоставлению партии синдикату. Если партия группирует людей по их идеальным стремлениям, говорят синдикалисты, по их воззрениям, то синдикат — по интересам классовым, экономическим. Оттого синдикат отличается большей классовой однородностью. Поэтому же он более классово устойчив и оттого выше партии. В современном обществе процветает классовая борьба. В неприкрашенной, непосредственной форме она проявляется не в парламенте, как полагают социалисты, не среди политических партий, где могут затушевываться классовые интересы, а в экономических организациях пролетариата, в его синдикатах. «Непосредственное действие» (action directe), стачка, ставящая непосредственно лицом к лицу рабочего и капиталиста, — единственная форма действительной классовой борьбы. Поэтому все, что затемняет классовое сознание, что отвлекает интересы рабочих от «непосредственного действия», — вредно. Отсюда — отрицательное отношение к парламентаризму, к политике, к государству, сосредоточие всего внимания на синдикате и стачке. «Sindicat se suffit à lui-même» — «синдикат довлеет себе» — вот основная формула синдикалистов. Стачка важна не по непосредственным результатам, которые она приносит рабочим, а потому, что «в самой себе заключает революционную ценность», «становится для пролетариата прекрасной гимнастикой действия», влечет за собой состояние борьбы». Но «непосредственное действие» важно еще и потому, что оно приводит к непосредственному переустройству производственных отношений (стачка за восьмичасовой рабочий день). Держать все время в напряжении рабочих, поддерживать дух возмущения отдельными вылазками, чтобы подготовиться к всеобщей генеральной стачке, — вот задача синдиката. Генеральная стачка — это не всеобщая стачка рабочих в борьбе за власть. Синдикалисты против всякой власти. Генеральная стачка

нужна для того, чтобы преобразовать современное общество в социалистическое, на основе экономической договорной федерации синдиката.

Итак, единственная форма классовой борьбы — «непосредственное действие», руководителем которого является синдикат. Но синдикат — не только боевая организация. Он — «клеточка будущего», которая воспитывает нового человека, создает новое «синдикальное право». Синдикат уже в капиталистическом обществе должен ведать всем тем, что имеет отношение к найму труда. Поэтому он стремится к захвату рынка труда, организуя биржи труда; он занимается культурной работой, ведет антимилитаристическую и антипатриотическую агитацию.

Революционный синдикализм окреп и развился в начале столетия; по корням своим он восходит к Прудону. Его антипарламентская идеология являлась реакцией на реформистский социализм, но, увлекшись антиреспубликанской идеей, он не разглядел классовой природы государства, в отрицании своем не заметил организующей силы государственной власти, изолируя рабочих от широкого классового движения замкнутой жизнью синдикатов. Борясь непосредственно с предпринимателем, синдикализм игнорирует капиталистическое государство, отвлекая рабочий класс от его широких классовых целей. Поэтому прав был Гэд, давая следующую оценку синдикализму: «Синдикальное движение, протекающее в рамках капиталистической организации, не разбивая ее, является почти всегда реформистским в хорошем значении этого слова. Имея целью улучшить условия жизни жертв капиталистического порядка, деятельность эта не касается однако самого этого порядка».

Тактика изоляции вела к внутренней слабости самой организации. Вот почему французское синдикальное движение было небольшим по размаху, слабым и раздробленным по типу организации и коренным образом отличалось от централизованного немецкого движения. По данным статистики министерства торговли в 1905 г. только рабочих каменноугольной промышленности удалось охватить значительное количество (50,9%); во всех других производствах процент организованных был низок (металлурги — 15%, текстильщики — 12%, строители — 10%, пищевики — 7%). Причины этого явления — в слабой организованности французского капитала; но синдикальная теория отражала только действительность (Таб.). Но и синдикалистское движение не представляло собой единого целого: по мере роста в нем все яснее начали намечаться различные течения, и наиболее сильным становилось его реформистское крыло.

Англия. Английское рабочее движение наиболее консервативно по своим традициям и идеологии. После бурной эпохи чартизма к 60-м годам оно вполне оформилось как определенный тип цехового тред-юнионизма. Стоя на почве капиталистических отношений, юнионизм главное свое внимание направляет в сторону повышения жизненного уровня своих членов.

Подобный тип английского рабочего движения питался теми особенностями английского социально-экономического развития, которые отличают страну последней четверти XIX и начала XX столетия. Как мы отмечали выше, примерно с половины 70-х годов прошлого столетия Англия начинает терять свое исключительно монопольное положение на мировом рынке, так как к этому времени выступают ее сильные конкуренты в лице Германии, Франции и Соединенных штатов. Бурный темп развития экономики Англии предшествующих десятилетий становится теперь уделом Германии, в особенности с 90-х годов. Капиталистическое развитие Англии идет теперь замедленным темпом вверх, а в некоторых отраслях производства совсем приостанавливается. Относительное улучшение наступает только с половины первого десятилетия XX в. К этому периоду Англия начинает выступать на мировом рынке не только как одна из наиболее могущественных промышленных стран, но и как мировой банкир, вывозящий капиталы. В то время как участие Англии в производстве железа упало с 1860 по 1912 г. с 52 до 12,6% общего мирового производства, доля участия в мировой торговле понизилась с 1886 г. по 1911 г. с 19,8 до 16,6%, вывоз капитала в отсталые и колониальные страны достигал в 1912 г. 3 192 млн. ф. ст., что равнялось сумме вывоза капитала Франции и Германии, взятых вместе. Оттесненная могущественными конкурентами на мировом рынке, Англия в общем все же остается наиболее сильной капиталистической державой в Европе. И если 50 — 70-е годы XIX в. — эпоха наибольшего капиталистического расцвета страны — идут под знаком фритредерской политики, то с 80-х годов английский капитал, учтя огромное значение колоний как рынка сбыта товаров, источников сырья и места приложения своих капиталов, вступил на путь открытой империалистической политики. Отсюда — стремление создать великую британскую империю со всеми колониями и всепоглощающая мысль борьбы с Германией. Протекционистская политика этого периода была выражением этой же тенденции.

Характерные изменения происходили и в области сельского хозяйства страны. В общем и целом продолжался дальнейший рост индустриализации и урбанизации (рост больших городов). К началу войны на долю городского населения приходилось 78% населения. Страна жила главным образом за счет привозного хлеба, каковой с 46,6% общего потребления в 1870—1875 гг. возрос до 80% в 1900—1904 гг. Этот процесс

роста зависимости от мирового хлебного рынка был непосредственным отражением роста мирового хлебного рынка, включением в него новых аграрных стран, фабрик хлеба (Америка). Мировой сельскохозяйственный кризис способствовал усилению капитализации сельского хозяйства Англии. Мелкое земледельческое хозяйство сведено было почти к нулю. Под собственной запашкой землевладельцев находилась только 1/5 обрабатываемой площади. Еще к 80-м годам прошлого столетия из 33 млн. акров всей годной земли на долю 4 217 крупных земельных собственников приходилось более 1/2 всей земельной площади. Неблагоприятное состояние сельского хозяйства усиливало процесс концентрации земельной собственности, пролетаризацию сельского населения и вело к аграрной протекционистской политике.

Социальное расслоение Англии было отражением этого экономического процесса. Государственная власть находилась в руках двух буржуазных фракций — консерваторов и либералов, не имевших по существу классово отличающих их программ. Консерваторы опирались на землевладельцев, финансистов, духовенство, значительную часть средней и мелкой буржуазии. Либералы — на торговую буржуазию, представителей легкой индустрии, интеллигенцию и часть рабочих. Консерваторы выражали империалистические устремления страны, чаще сопротивлялись реформам. Либералы были сторонниками более гибкой политики, политики реформ. Англия в эпоху империализма оставалась в основном тем же типом буржуазно-парламентского государства, где политическим центром был парламент. Ряд реформ (третья избирательная реформа 1884 г., две реформы местного управления, реформа палаты лордов, палаты депутатов и т. п.) закончил оформление буржуазного государства. Ряд социальных реформ был лишь результатом давления рабочих низов. Общее положение Англии, несмотря на вопиющее положение рабочих низов, создавало относительно благоприятное положение верхов рабочего класса. Всеми этими чертами определялось и само рабочее движение Англии как массово-организованное, с одной стороны, как консервативное, плетущееся в хвосте либеральной политики, — с другой. В богатой Англии, этой «промышленной мастерской мира», рабочая верхушка противопоставляла себя всему остальному классу больше, чем где бы то ни было, а сам рабочий класс в обстановке мирного развития страны оставался традиционно консервативной массой во всю послечартистскую эпоху. Хотя промышленные кризисы 1874 и 1883 гг., повлекшие ухудшение в положении рабочих, привели к новой полосе рабочего движения, так называемому «новому юнионизму», питающемуся социалистической доктриной, по классово-выдержанной массовой рабочей партии в континентальном смысле в Англии не было. К 1881 г. относится организация демократической федерации, преобразованной в 1881 г. в социал-демократическую федерацию, которая при все своей социалистической выдержанности не могла стать массовой партией. Она неправильно оценивала связь между борьбой за конечную цель и программой-минимум. (Мат. и док., № 43.) Она считала тред-юнионы консервативными организациями и отрицала необходимость работы в них. Поэтому в английских условиях она оставалась маленькой группой. Число ее членов в 1894 г. равнялось 5 тыс. человек, в 1900 г. — 9 тыс. человек. Число голосов на выборах доходило в 1892 г. до 659, в 1906 г. — до 22 тыс. В 1907 г. федерация стала именоваться социал-демократической партией и, слившись в 1911 г. с частью «Независимой рабочей партии», образовала «Британскую социалистическую партию».

В 1884 г. образовывается Фабианское социалистическое общество, ставящее себе целью агитацию и пропаганду социалистических идей в духе реформизма. (Мат. и док., № 45.) Фабианцы стоят за расширение функций государства, за протекционизм. Во время бурской войны они в лагере империалистов. Это интеллигентское либеральное течение никогда не вело за собою рабочих. В 1911—12 отчетном году членов общества насчитывалось 2 687. В области теории они отрицают трудовую теорию ценности Маркса и классовую борьбу, имея в виду уничтожение ренты.

Социалистическая агитация 80-х годов имела тем больший успех, что захватывала и приводила в движение новые слои пролетариата—неквалифицированные массы. Вожди нового юнионизма— Бернс, Том Мэнн — и другие члены социал-демократической федерации принялись за организацию новых слоев необученных рабочих — докеров, газовщиков и др. Удачно проведенные в 1889 г. среди них стачки всколыхнули массы, пробив брешь в старой аристократической организации юнионов. Новая неквалифицированная масса принесла с собой новые методы борьбы, новое понимание задач. На смену старому, узко цеховому принципу замкнутости союзов среди высококвалифицированных рабочих явился новый принцип широкого построения союзов. Борьба за демократизацию союзов, за понижение членских взносов характерна для нового юнионизма. Старым задачам охраны узко цеховых интересов нео-юнионизм противопоставил интересы всего рабочего класса. В этом отношении чрезвычайно любопытно сравнить уставы старого и нового союзов. (Мат. и док., № 47.) Новый юнионизм иначе оценивал как систему взаимопомощи, занимавшую основное место в старом союзе, так и стачку как метод борьбы.

В 1893 г. была создана под руководством Кейр-Гарди «Независимая рабочая партия», как стремление части социалистов создать массовую партию. От социал-демократической федерации Независимая рабочая партия отличалась главным образом своей оценкой тредов и оппортунистическим характером своей политики. Приспособляясь к условиям развития страны и консерватизму английской рабочей массы, Независимая рабочая партия избегала постановки вопросов революции и классовой борьбы. (Мат. и док., № 35.) Выражая эти настроения, ее вождь Р. Макдональд в 1906 г. писал: «Будущее рабочей партии зависит от того, в какой мере она уяснит себе и общественному мнению свои принципы. Если она ограничится лишь тем, что будет партией одного класса или тредов, или превратится в движение класса, живущего лишь физическим трудом, она станет слабее и исчезнет». Оппортунизм независимой рабочей партии способствовал ее парламентским успехам. Число членов ее к 1912 г. равнялось 40 тыс. человек.

Но наиболее важное в новом движении заключалось в том, что оно поставило в порядок дня необходимость организации своей рабочей партии. До сих пор юнионы прибегали к помощи чужих партий: либералов и консерваторов, поддерживая то одну, то другую. На конгрессе профессиональных союзов в 1899 г. было решено образовать особую рабочую партию, которая возникла в следующем году, выделив «комитет рабочего представительства».

Хотя в Англии к началу столетия существовали три самостоятельные фракции различных оттенков социалистической мысли, все они не были массовыми партиями. Только после образования «рабочей партии», своеобразной политической организации, на основе самостоятельных юнионов и кооперативов и социалистических групп, социалистическое движение в Англии приобретает массовый характер. В 1913 г. рабочая партия насчитывает 1 880 тыс. членов и в 1900 г. проводит на выборах в парламент 29 своих представителей. На следующих выборах число ее кандидатов увеличилось до 42. Программа рабочей партии была пропитана либерализмом и не отличалась большой социалистичностью, а, став большой парламентской партией, рабочая партия сделалась оплотом оппортунизма и либерализма. Ее тактику определяли настроения тред-юнионов. (Мат. и док., № 46.)

Отмеченная нами волна нового юнионизма 90-х годов в общем и целом мало изменила характер английского рабочего движения. Отличительные его особенности — медленный органический рост и приспособляемость к условиям, вначале монополистского, а потом империалистического развития Англии, остались старые. Нужны были значительные потрясения, чтобы привести в движение старый мир юнионов. Перелом наступил в начале XX в. 1911—1913 гг. — вехи нового движения в среде тред-юнионов. Стачечная волна, начавшаяся в 1911 г. грандиозной забастовкой транспортников, была новым явлением как по своему размаху, так и по методам. Начавшись через головы вождей, она показала мощь пролетариата и силу непосредственного стачечного давления. Но эта же стачечная волна выявила организационную слабость движения и впервые практически поставила вопрос о концентрации профессиональной борьбы путем объединения и федерирования родственных союзов. Движение за реорганизацию союзов от узкой основы цеха до рабочих всего производства ведет начало с этого периода. Конгресс тред-юнионов в Нью-Кестле в сентябре 1911 г. впервые за всю историю движения провозглашает необходимость реорганизации союзов по производственному принципу. Практическим выводом этого движения явилась федерация трех могущественных союзов: национального союза железнодорожников, великобританской федерации горнорабочих и федерации транспортных рабочих, и создание тройственного согласия, насчитывающего в своих рядах до 1½ млн. членов. Это движение перестройки союзов применительно к новым условиям концентрированного капитала привело также к созданию федерации национального союза железнодорожников, рабочих машиностроительной индустрии, великобританской федерации горнорабочих и целого ряда самостоятельных, до того враждовавших цеховых союзов.

Но, несмотря на все эти изменения, дух английского рабочего движения мало изменился, и оно по-старому стояло на почве капиталистических отношений.

II Интернационал.

Распад I Интернационала не повлек за собой распада международного рабочего движения. Оно жило и развивалось теперь в рамках национальных связей, все время делая попытки к новому международному объединению, начиная с всемирного социалистического конгресса в Женеве. Эти отдельные попытки осуществления пролетарской солидарности удались наконец в 1889 г. на Парижском конгрессе. Но обстановка, при которой закладывались основы II Интернационала, была совершенно отличной от обстановки его предшественника. Рабочее движение проделало значительные этапы, от узко-сектантского до широкого массового, в форме самостоятельной социалистической партии, профсоюза и кооперации, приобретших значительную силу. В их среде росло и крепло реформистское крыло.

С другой стороны, империалистическая природа государства финансового капитала объективно ставила перед создающимся Интернационал-

лом новые задачи в области руководства рабочим движением.

Первый период существования Интернационала, приблизительно до Амстердамского конгресса (1904 г.), был временем его организационного оформления и установления основ его политики. Учитывая, с одной стороны, опыт I Интернационала, с другой — существование еще в рабочем движении ряда сектантских группировок, необходимо было определить те партийные силы, на основе которых могло вырасти международное объединение. Брюссельский конгресс (1891 г.) выдвинул два основных условия: признание необходимости политической борьбы и организации рабочего класса. Цюрихский конгресс (1893 г.) подтвердил выставленное положение, уточнив его постановлением Лондонского (1896 г.) и Парижского (1900 г.) конгрессов. (Мат. и док., № 50 и 51). Этими постановлениями II Интернационал отмежевался от анархистских групп и становился объединением «социалистов государственников», гарантии их социалистов. Исключая из своей среды анархистские и синдикалистские элементы, II Интернационал наряду с этим включал в свой состав рыхлые, классово неопределившиеся или классово невыдержанные оппортунистические группировки. Наряду с марксистами мы находим в его составе представителей английских тред-юнионов, английскую рабочую партию, русских эсеров и др. Это обстоятельство (расширение своей организационной базы за счет оппортунистических групп и ориентация на правое крыло рабочего движения) имело роковое значение для Интернационала.

Вначале международная связь устанавливалась в форме конгрессов. Но уже на Парижском конгрессе пришли к необходимости закрепления этой связи путем устройства постоянного Международного социалистического бюро с местопребыванием в Брюсселе. (Мат. и док., № 49.) Бюро, во главе с генеральным секретарем, состояло из представителей социалистических партий разных стран (до 25), и в его задачи входили: подготовка конгрессов, изучение различных вопросов в связи с ними, информация различных стран о состоянии рабочего движения, собирание необходимых материалов и т. п. Конгресс робко формулировал задачи Международного бюро в деле непосредственного руководства движением, ограничив его «принятием мер для облегчения совместных действий и международной организации пролетариата».

Постановлением того же конгресса при Международном бюро в 1904 г. была организована международная парламентская комиссия из парламентских деятелей социалистических национальных партий, «чтобы облегчить возможность общих действий по важным международным политическим и экономическим вопросам». Итак, в формулировке своих задач II Интернационал не выходил из рамок взаимной информации и координации международных усилий рабочего класса. Конгрессы его превращались все более и более в место торжественных встреч представителей и вождей рабочего движения. Центром внимания был не сам Интернационал, как руководящий орган, а национальное рабочее движение. Вот почему входящим в его состав социалистическим партиям была предоставлена широчайшая автономия, вплоть до разработки самостоятельной тактики, так как только «эти организации являются лучшими судьями в тактических вопросах своей страны». (Мат. и док., № 50.)

Стоит лишь сравнить устав II Интернационала. (Мат. и док., № 51), который был принят только Штуттгартским конгрессом (1907 г.), т. е. 18 лет спустя после основания Интернационала, с уставом I Интернационала, руководимого непосредственно К. Марксом, чтобы сразу определить различные организационные основы. Если I Интернационал строился на основе демократического централизма, то второй — на принципе автономизма. И способы приема в Интернационал через национальную секцию (пункт II устава), и способ голосования на конгрессе (пункт III, А), и конструирование самого МСБ (пункт IV) — все это вытекало из нежелания ограничивать право отдельных партий или национальных секций, из признания автономности их. Этот организационный принцип целиком увязывался с теми ограниченными задачами в области интернационального действия, которые ставил перед собою II Интернационал. И вместе с тем он вел к усилению оппортунистических тенденций в самом Интернационале, поскольку при растущем и крепнущем оппортунизме в национальных партиях предоставлял им самим разрешать споры с левыми группами и вырабатывать свою тактику. При таком положении резолюции и постановления международных конгрессов в лучшем случае превращались в широковещательные декларации.

Развитое рабочее движение ставило в порядок дня вопросы его интернационализации, направления его в однородные формы с общими задачами. Выявление экономических и политических задач рабочего класса, форм его организации и борьбы, формулировка общих целей и принципиальной тактической линии неоднократно привлекали внимание конгрессов. Уже I Парижский конгресс, рассматривая вопрос об экономической и политической борьбе, признал необходимым организацию рабочих в социалистическую партию, «не идущую на компромиссы с другими политическими партиями... и стремящуюся на почве данного строя к завоеванию политической власти». Политическая партия рабочего класса

должна быть единой в стране, как един пролетариат. Хотя II Интернационал не суживал размаха политической борьбы и «под политическими действиями понимал борьбу, организованную во всех формах ее проявления», все же она приняла главным образом форму парламентской. Но задачи рабочего класса не ограничились его политическими действиями. «Экономическая и синдикальная борьба рабочих необходима, чтобы сломить могущество капитала». Поэтому конгрессы всякий раз высказывались за необходимость организации профсоюзов и кооперативов, их федераций как в национальных, так и в международных рамках. (Мат. и док., №№ 53 и 54.) Результатом этих решений, в особенности Лондонского конгресса, было установление регулярных конгрессов профсоюзов, а впоследствии и организация их с генеральными секретарями во главе и общим центром международного профессионального движения (Интернационал профсоюзов). В своих резолюциях Интернационал подчеркивал необходимость связи синдикальной борьбы с политическими действиями. «Синдикаты, организуя рабочих, создают из них политическую силу». Но синдикаты не могут уничтожить политической эксплоатации, которая будет сломлена «только при условии обладания рабочим классом политической властью». Отсюда — политические задачи синдикального движения.

Штутгартский конгресс особой резолюцией (Мат. и док., № 54) формулировал взаимоотношения между социалистическими партиями и профсоюзами. Хотя в целом резолюция направлена против оппортунистической теории «нейтральности» профсоюзов и поэтому вызвала горячие возражения оппортунистов всех стран, в особенности немецких профессионалистов, но тем не менее она не отличается четкостью формулировок, говорящих о руководящей роли социалистических партий в классовой борьбе пролетариата. Резолюция скорее может быть истолкована в духе немецкого центра (см. резолюцию Маннгеймского партейтага о всеобщей стачке), т. е. равноправия партии и союзов.

В целях демонстрирования международной солидарности рабочего класса Парижским конгрессом, по предложению американской федерации труда, было установлено празднование 1 мая. В этот день «пролетариат во всех странах и во всех городах» должен предъявлять требования о 8-часовом рабочем дне, манифестировать свое единство. На Брюссельском конгрессе к лозунгам 8-часового рабочего дня были добавлены требования «регламентации труда и всемирного укрепления пролетариата в его стремлении установить мир между народами». Брюссельский конгресс установил также и форму этой демонстрации — стачку. (Мат. и док., № 56.)

Оппортунизм в рядах II Интернационала.

За время существования II Интернационала его конгрессы не раз занимались установлением тактических основ социалистических партий. Оппортунизм и ревизионизм все больше поднимали голову. «Мильерановский казус» во Франции показал, до каких пределов может дойти оппортунизм на практике. Международному конгрессу необходимо было особенно реагировать по этому конкретному случаю. На Парижском конгрессе (1900 г.) был поставлен вопрос о вхождении социалистов в буржуазное правительство. (Мат. и док., № 57.) На конгрессе, в особенности в комиссиях, разгорелась ожесточенная борьба между ревизионистами и марксистами. Чрезвычайно характерна была речь Вандервельде, докладчика по этому вопросу. Он начал с заявления: «Конгресс не судилище и не церковный собор для отлучения от церкви еретиков. Задача конгресса не есть одобрение или осуждение, а мы должны действовать умиротворяюще, примиряюще, объединяюще между двумя направлениями французского социализма... Для нас вступление социалиста в буржуазное министерство есть вопрос тактики, а не принципа». Такое заявление председателя II Интернационала было чрезвычайно симптоматичным. По этому вопросу фигурировали две резолюции: Гэда и Каутского. (Мат. и док., №№ 57 и 58.) И хотя принятая резолюция говорила о «запрещении всякого рода союзов с какой бы то ни было фракцией капиталистического общества», считала «вступление отдельного социалиста в ряды буржуазного правительства ненормальным явлением», вынужденным временным и исключительным средством, но дополнение этих положений передачей окончательного разрешения вопроса национальным орргинизациям сводило эти положения к нулю. Вся резолюция была формулирована в таких неясных выражениях, что министериалисты и жоресисты, вернувшись во Францию, приводили ее в оправдание своей тактики. От конгресса требовался конкретный ответ для осуждения мильерановского случая. Он предпочел уклониться от прямого осуждения этого факта.

Вот почему на Амстердамском (1904 г.) конгрессе гэдисты вновь были вынуждены поднять вопрос о тактике входящих в Интернационал партий, на этот раз в общей плоскости борьбы с оппортунизмом. Международные оппортунисты во главе с Жоресом, Фольмаром, Бернштейном и др. три дня боролись в комиссии. Тайные пособники Жореса, Вандервельде и Адлер, пытались было внесением поправки сгладить всю остроту дрезденской резолюции немецкой социал-демократии, которую предлагали принять гэдисты. Конгресс, осудив ревизионизм, подчеркнул, что «классовые противоречия не только не ослабляются, но все более и более обостряются»

и социал-демократия «не может стремиться к участию в правительственной власти в пределах буржуазного общества». (Мат. и док., № 59 и 60.) Прения по этому вопросу показали, что в самом Интернационале сидит значительное количество оппортунистов, что вожди, так называемые «центристы» (Каутский, Гаазе), не обладают достаточной решительностью в борьбе с ревизионизмом и относятся терпимо к нему. На практике ревизионизм уживался с словесным радикализмом центристов. (Мат. и док., № 60.) Цепя прежде всего целостность партии, они боялись всяких расколов, всяких ясных и резких действий, ведущих к размежеванию. Характерным для вождей II Интернационала является их отношение к борьбе ревизионистов и марксистов в рамках национальных партий. Ставя превыше всего формальное единство, они мало интересуются принципиальной борьбой. Вот почему, несмотря на исторический спор гэдистов и жоресистов во Франции, меньшевиков и большевиков в России, международные конгрессы «призывают все национальные секции, которые до сего времени пребывают в расколе, как можно скорее восстановить единство», как гласит резолюция Копенгагенского конгресса. (Мат. и док., № 61.) Вожди II Интернационала смотрят на международные конгрессы не как на орган, где устанавливаются правила пролетарской политики, а как на парадные сборища, где, обмениваясь любезностями, нельзя обижать никого. За несколько дней до Амстердамского конгресса, где должен был разрешаться вопрос: с ревизионистами или против них, Ф. Адлер писал в «Arbeiter Zeitung»: «На наш взгляд конгрессу следовало бы избежать попытки установить тактическое правило в этом узком смысле термина. При каждой такого рода попытке ему неизбежно угрожала бы опасность установить правила или слишком узкие или слишком широкие. Международный конгресс может и должен расширять наши точки зрения, укреплять нашу энергию и нашу веру в победу, но он лишен возможности управлять нами». А Вандервельде, как бы выражая общее настроение, писал в органе голландской партии в день открытия конгресса: «Известные вещи должны быть сказаны. Известные правила могут быть установлены. Но на наш взгляд конгресс занялся бы делом бесплодным и опасным, если бы вздумал под флагом декларации принципов разрешать конфликты, разделяющие в разных странах социалистов и даже доводящие их до раскола. Ведь мы не третейский суд, еще меньше — инквизиция». Такая психология давала возможность не только покрывать оппортунистов, но и поддерживать их тогда, когда практически разрешался вопрос, с кем быть: с оппортунистами или революционерами. Так поступило Международное социалистическое бюро в 1909 г. в вопросе раскола голландской партии, когда своей резолюцией поддержало правую. Но таковым было поведение вождей не только в вопросах единства и тактики. Основными вопросами, вскрывшими кризис социализма внутри II Интернационала, были вопросы войны, колониальной политики и империализма.

Отношение к войне.

Уже на Парижском конгрессе вопросу о войне было уделено значительное место. Империализм как новая фаза развития капитализма начал проявлять свою агрессивность. Резолюция Парижского конгресса не шла дальше постановления I Интернационала по этому вопросу. Установив связь войны с современными экономическими условиями, резолюция указывает на опасность постоянных армий, требует уничтожения их и введения народной милиции, «которая в случаях надобности может быть готова к выступлению в течение 24 часов». Эта резолюция стоит еще на почве молчаливого признания «обороны отечества». Следующие конгрессы собирались уже в иной политической обстановке. Финансовый капитал перерастал рамки национальных государств. Он стремился к международной монополии, к захвату новых рынков и колоний. К 90-м годам определились основные группировки империалистических сил, борющихся за раздел мира. Австро-германский союз 1879 г. пополнился в 1882 г. третьим членом — Италией.

В 1891—1892 гг. начало определяться сближение Франции и России, давшее начало группировке сил стран тройственного согласия. Вот почему конгрессы II Интернационала, в особенности Цюрихский (1893 г.), проходили всецело под впечатлением складывающихся империалистических группировок, предвещающих эпоху новых войн; франко-русский союз, несший с собою международную империалистическую опасность, усугублялся еще тем, что укреплял русский царизм в его позициях, делая его оплотом международной реакции. В своих резолюциях конгрессы призывают протестовать против «воинственных поползновений и против союзов», создавших современное положение Европы, которое становится все более и более угрожающим. Цюрихская резолюция предлагает «представителям рабочих партий в собраниях, где рассматриваются законопроекты, отвергать военные кредиты, протестовать против содержания постоянных армий и требовать разоружения». Еще определеннее по содержанию резолюция Парижского конгресса 1900 г. Но все эти резолюции о войне питались главным образом настроениями опасности союза с русским царизмом. Русская революция 1905 г. показала международному пролетариату мощь российского рабочего класса. С другой стороны, целый ряд

войн и колониальных усмирений, как англо-бурская, боксерское восстание в Китае, русско-японская (1904—1905 гг.), германские «геройства» в Африке (герреро), показали, что настала эпоха новых империалистических и колониальных войн. Старые оборонительные национальные войны, повивальные бабки буржуазных государств (Франция, Германия, Италия), сменились после 1871 г. новыми войнами, диктуемыми империализмом, интересами финансового капитала. Войны эпохи после Парижской коммуны стали захватническими, грабительскими, за расширение рынков, за приобретение новых сфер приложения капиталов в поисках за новыми местонахождениями сырья. «Война стала продолжением политики иными средствами», политикой монопольного капитала. Даже там, где как будто бы примешивались национальные моменты, как в балканских войнах, по существу война велась между двумя или несколькими империалистическими коалициями. Мелкие нации стали помехой монополистским гигантам. Вот почему трудно было говорить в эту эпоху «о защите отечества», когда ясно выступали империалистические инстинкты государств-колоссов, о нападении или обороне, когда все государства в одинаковой степени вели захватную грабительскую политику. Эти объективные условия империалистической эпохи ставили перед Интернационалом новые задачи. Штутгартский конгресс (1907 г.) и проходил под лозунгом «борьбы с империализмом».

Но вожди Интернационала, перенося свою практику социал-оппортунизма на вопросы войны и колониальной политики, в сущности стояли на старой позиции. В этих вопросах их социал-оппортунистическая система дополнялась системой социал-оборонческой политики или у некоторых — рядом пацифистских мер. Фольмар, защищая позицию оборонительной войны, видел в тройственном союзе, родившемся под знаком империализма, прогрессивный фактор. Бебель поддерживал старую легенду о «русской опасности» самодержавия, не учитывая новой ситуации и роли растущего революционного движения в России. Жорес также стоял на почве «защиты отечества», видя в франко-русском союзе положительную тенденцию к миру и делая ряд пацифистских выводов. Каутский хотя как будто и понимал характер эпохи, неизбежность мировых конфликтов на почве империализма, но боялся делать решительные выводы. «Если война все же возникла бы, — заканчивает он свой ответ на одну анкету, где его спрашивали, «какие обязанности лежат на социалистах в случае войны», — пролетариат едва ли где-нибудь настолько силен, чтобы путем революции... перед войной сделать невозможной войну». Отсюда один шаг до той теории, развитой Каутским в начале войны, что «Интернационал — орудие мирного времени» и там, где грохочут пушки, не может быть слышен его голос. Только небольшая группа лиц, во главе с Р. Люксембург, Паннекуком, Лениным и др., видели действительное положение и делали те выводы из теории революционного марксизма, которые разрубали узел противоречий империалистического тупика. Но эта группа внутри II Интернационала была незначительной. Политику определял центр, радикальный на словах, оппортунистический на деле. Этот словесный радикализм наложил свою печать на все резолюции конгрессов, но он не мешал оппортунизму на практике.

Несмотря на оппортунистический доклад Ван-Коля (Мат. и док., № 63, А) по колониальному вопросу, Амстердамский конгресс, как и Парижский, установил империалистическую сущность политики правящих классов в этом отношении и возлагал на социалистические партии и их парламентские фракции «обязанность безусловно противиться всяким империалистическим и протекционистским проектам, отвергать военные кредиты, бороться против всяких концессий в колониях, беспощадно разоблачать жестокие насильственные действия над туземцами, требовать свободы и самостоятельности для колоний, парламентского контроля над внешней политикой своих государств». (Мат. и док., № 63, Б.) Постановления Штутгартского конгресса по этому же вопросу не вносили нового. (Мат. и док., № 63, В.)

Несмотря на постановления международных конгрессов, с ростом влияния социалистических партий внутри страны и укреплением в них оппортунистического крыла, ревизионистские парламентские деятели принимали колониальную политику своей страны, борясь только с ее уклонами (голосование баденских и баварских социал-демократов, английской рабочей партии). Штутгартский конгресс, несмотря на радикальную резолюцию, которая была принята, показал внутреннюю противоречивую позицию вождей II Интернационала, верных основной грех международной социал-демократии.

Прения по вопросу сосредоточились в комиссии, где наметилось несколько основных группировок: гэдисты, Бебель, Фольмар, Жорес — Вальян и левое крыло (Роза Люксембург). Гэдисты, базируясь на том, что «милитаризм есть естественный и неизбежный продукт капиталистического строя», предлагали не принимать никаких специальных мер борьбы против империализма, ограничившись общей борьбой с капиталистическим обществом. Бебель и Фольмар защищали позицию оборонительной и наступательной войны, оставаясь на старых позициях. Необходимо отметить, что даже такой вождь германской социал-демократии, как Бебель, был зара-

жен большой дозой оппортунизма и не видел характера новой империалистической эпохи, заявив, что известное положение «Коммунистического манифеста»: «пролетарии не имеют отечества» — неверно для современной эпохи. Необходимо также отметить, что большое значение в мотивировке Бебеля против революционных мер занимает опасение, как бы такие мероприятия не послужили прокурорской власти средством для роспуска легальных партий. (Мат. и док., № 64, А и В.)

Жорес, стоя на той же принципиальной позиции оборонительных войн и необходимости защиты отечества, предлагал для предотвращения войны прибегнуть к решительным мерам «вплоть до массовой стачки и восстания».

Против Бебеля и Фольмара выступил Эрве, представитель анархо-синдикалистских элементов, который, дав острую критику оппортунизма германской социал-демократии, предлагал особые меры борьбы со всякой войной (военная стачка и восстание), забывая, что войны — только следствия, а причины их — капитализм. Критикуя германскую социал-демократию, Эрве проходил мимо оппортунизма французских социалистов. (Мат. и док., № 64, Б.)

Принципиально отличной была позиция левого крыла. Это течение видело империалистическую сущность войн современной эпохи, а потому отрицало принципы «защиты отечества» в настоящих условиях. В комиссии по выработке резолюции Роза Люксембург отстаивала положение «превращения империалистической войны в гражданскую». «Мы хотим, — говорила она,— чтобы в случае войны агитация велась не только за скорейшее прекращение ее; мы требуем, чтобы сама война была использована для ускорения краха классового господства». Внесенная ею в этом смысле поправка, подписанная также В. И. Лениным, была принята конгрессом. (Мат. и док., № 64, Г и 65.)

Хотя большинство конгресса, ревизионисты и центр, судя по прениям в комиссии, стояли на точке зрения оборонительных и наступательных войн и необходимости «защиты отечества», в штутгартской резолюции не встречаются эти понятия. Слишком очевиден был захватнический характер современных войн и невозможно было ни с политической, ни с дипломатической точек зрения применить к ним критерий оборонительной войны. Далее, если на эту точку зрения встали бы составители резолюции, они не могли бы найти общего языка, ибо признание правоты своего отечества в современных военных конфликтах означает распад интернациональных связей. Вот почему вожди II Интернационала должны были сговориться на резолюции, обходящей эти вопросы, вот почему они приняли поправку Розы Люксембург, понимая под борьбой «всеми средствами» главным образом борьбу парламентскую, как об этом заявил английский делегат. Устанавливая империалистический характер войн, резолюция требует борьбы всеми мерами против вооружения и милитаризма. В случае возникновения войны конгресс возлагает на социалистов обязанность борьбы за ее скорейшее прекращение и предлагает «всеми силами использовать кризис, чтобы ускорить падение капиталистического строя».

Ход прений и резолюции Штутгартского конгресса показали противоречивость и двойственность позиций вождей Интернационала. Они всецело находились под влиянием предшествующей эпохи. Воспитанные на предшествующей органической эпохе мирного развития рабочего движения, вышколенные на парламентской борьбе, вожди социал-демократии говорили о защите империалистического отечества и в то же время принимали резолюции, обязывающие их к активной борьбе против империализма.

Копенгагенский конгресс не внес ничего нового в формулировку задач социал-демократии в борьбе против войны. Подтвердив антимилитаристическую резолюцию Штутгарта, он поручил секретарю МСБ в случае, если обнаружится опасность военного столкновения, созвать экстренно интернациональное бюро и международную комиссию.

Базельский конгресс. Заседания Международного социалистического бюро 28—29 октября 1912 г. и чрезвычайный конгресс в Базеле 24—25 ноября 1912 г. проходили в обстановке надвигавшейся военной грозы.

Борьба между империалистическими коалициями (тройственным союзом и тройственным согласием) достигла своих пределов. Балканские события, несмотря на их национальный и как будто бы местный характер, могли быть только прологом к общеевропейской войне. Это прекрасно понимали деятели II Интернационала. В резолюции, принятой МСБ против войны, подчеркивается «насильническая и изменническая» политика великих держав, устанавливаются истинные причины балканской войны как происки и интриги русского царизма и австрийской монархии. «Из этой войны может во всякую минуту разгореться всеобщее столкновение», — гласит резолюция, призывающая пролетариат к энергичной борьбе против империализма. Резолюция подчеркивает, что ближайшее время принесет вероятно для партии социалистов, для пролетариата много испытаний и потребует от них ответственных действий. Созванный в конце того же года чрезвычайный Базельский конгресс занимался единственным вопросом: о международном положении. Ход прений и единогласно принятый манифест опять-таки с опре-

деленной точностью устанавливают империалистический характер назревающего мирового конфликта.

В манифесте ни слова не говорится об «обороне и защите отечества». Подтверждая штутгартское постановление об обязанностях социалистов в борьбе за мир, призывая пролетариев «высказать свою волю повсюду и всеми способами», базельский манифест возлагает специальные задачи на национальные партии каждой страны в целях предотвращения войны. Обращаясь к правящим классам, манифест предостерегает их об опасности новой Парижской коммуны, великой русской революции, вышедших из войн. (Мат. и док., № 66.)

Базельский конгресс был последним конгрессом II Интернационала. Назначенный следующий конгресс в Вене на 23 августа 1914 г., перенесенный затем сроком на 9 августа в Париж, не мог состояться. Империалистическая война порвала слабые интернациональные связи рабочего класса, разбила II Интернационал на две враждующие коалиции, бросив социалистов в шовинистическом угаре друг на друга. Подавляющее большинство социалистических партий и их вожди стали на сторону своих правительств, изменив тем обещаниям, которые торжественно провозглашали на своих конгрессах. Оппортунизм, гнездящийся в недрах интернационального рабочего движения, одержал на этот раз победу. Во время войны он превратился в социал-шовинизм и оборончество. (Мат. и док., № 67.)

Значение II Интернационала.

II Интернационал погиб в пламени войны. Его распадом заканчивается еще один этап рабочего движения. Оформив сильное массовое рабочее движение отдельных стран, он выявил их опасный уклон от революционного марксизма — оппортунизм. Новая эпоха требовала новых задач и тактики: централизации сил на основе единой программы и революционной тактики. Оппортунизм убил волю к революционному действию. Это — первый исторический урок, принесенный крушением Интернационала. Борьба рабочих всех стран против империализма, а не примирение и соглашение с ним, за коммунистическое общество под руководством революционной и единой международной коммунистической партии — вот второй урок гибели Интернационала. Дорогой ценой платит рабочий класс за свои ошибки. В борьбе с утопическим сектантством погиб I Интернационал, в болоте оппортунизма и социал-империализма погиб II Интернационал. Осознав исторический опыт, рабочий класс построил новый — III Интернационал, хранитель лучших заветов своих предшественников. (Мат. и док., № 68.)

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА.

Весь материал главы сгруппирован таким образом, чтобы можно было проследить, с одной стороны, формы, характер и размах рабочего движения в Западной Европе эпохи империализма и борьбу в нем различных течений, с другой — выявить общие явления перерождения основного руководящего ядра в рабочем движении этого периода. В целях большей наглядности материал дается сперва по основным странам Европы, потом о II Интернационале как центре скрещивании влияний национальных движений.

Первый документ (№ 1), являясь вводным ко всей главе, дает общую характеристику эпохи, вскрывая основные линии развития рабочего движения. Следующий, наиболее крупный, раздел материалов относится к рабочему движению Германии. Германское социалистическое движение занимало во II Интернационале руководящее положение и вместе с тем благодаря особенностям социально-политического развития страны в системе мирового хозяйства в этот период рабочее движение развивалось там в наиболее классических формах для этой эпохи. Вот почему изучение рабочего движения эпохи II Интернационала лучше всего ставить на изучении Германии, материалы которой являются центральными. Документы по истории социалистического движения в Германии будучи сгруппированы вокруг трех основных моментов, дают возможность: 1) выявить теоретическую и практическую позицию партии в начале ее расцвета (после падения исключительного закона против социалистов); 2) показать эволюцию основного ядра в партии в сторону реформизма на протяжении ее истории как по основным вопросам теории, так и практики рабочего движения и 3) выявить основные борющиеся силы внутри германской социал-демократии в их теоретических высказываниях (центр, ревизионизм и левые радикалы).

Таблица № 1 даст представление как о составе пролетариата, так и об его эволюции. Доклад А. Бебеля на партейтаге в Галле (док. № 2), являясь хорошим иллюстративным документом, дает представление о размахе работы партии и ее положении в начале расцвета партии. Теоретическая и тактическая позиции партии этого периода выявляются группой документов (№№ 2, 5, 6, 10 и др.). Сюда же примыкает группа документов (№№ 3, 4, 5), дающая представление о внутрипартийной борьбе этого периода и рисующая позицию различных групп в партии.

Следует обратить особенное внимание на проработку Эрфуртской программы и критические замечания к ее проекту Ф. Энгельса (док. № 6). При анализе Эрфуртской программы желательно сравнить ее с программой Российской социал-демократической партии, принятой II съездом. Группа документов (№№ 10, 13, 14 и др.) дают возможность выявить позицию германской социал-демократии по основным вопросам социалистического и рабочего движения (отношение к парламентской деятельности, к блокам с буржуазными

партиями, к избирательной борьбе и т. д.). Непосредственно к этой же группе документов примыкает и следующая, рисующая борьбу группировок в партии.

Здесь прежде всего нужно отметить документы, дающие представление о ревизионизме как в теоретических, так и в практических вопросах рабочего движения (№№ 8, 15 Б, 18 А, Б, 19 А, 20 и др.). Отрывки из работ Э. Бернштейна (док. №№ 8 и 31 А) должны быть серьезно проработаны и могут быть использованы в качестве материала для самостоятельной работы о сущности ревизионизма.

Далее идут документы, вскрывающие позицию центра германской социал-демократии, который являлся вдохновителем партийной политики. И, наконец, последняя группа документов этой серии представляет левое крыло партии. При изучении группировок лучше всего взять какой-нибудь один вопрос (практической политики или теоретический, например отношение к голосованию бюджета или к вопросам государства и революции), на котором необходимо выявить расхождения.

Эти же документы могут быть использованы по вопросам эволюции основного ядра партии. Этот вопрос является наиболее существенным как при изучении истории германской социал-демократии, так и истории II Интернационала. Эволюция партии может быть вскрыта при сравнительном анализе партийных документов за различные периоды как в вопросах теории, так и партийной практики. Необходимо рекомендовать самостоятельную работу учащихся над этой группой документов, взяв также для изучения один-два вопроса (например отношение к парламентской деятельности, к выборам в ландтаги, к бюджету, к идее всеобщей стачки или массовым действиям и т. п.). К этой же проблеме эволюции относятся и материалы по профдвижению, рисующие его размах, характер и линии развития (табл. №№ 2 и 3).

Таблицы могут быть использованы для самостоятельной работы.

Следующая группа документов и таблиц посвящена рабочему движению Франции и Англии. Хотя они не выявляют динамики развития рабочего движения и борьбы течений, но в общем рисуют характер и состояние движения предвоенной Франции и Англии.

Таблица № 4 дает представление о составе французского пролетариата. Программа рабочей партии Франции (док. № 32) и аграрная программа (док. № 33) выявляют теоретическую позицию партии. При изучении их следует рекомендовать сравнительный анализ с Эрфуртской программой. Особое внимание должно быть обращено на разбор аграрной программы и критику ее Энгельсом (док. № 34). Учащимся необходимо рекомендовать самостоятельную работу над этим документом, при этом желательно сравнить основные положения ее с аграрной частью программы российской социал-демократической партии. При постановке изучения по такому образцу рекомендуется использовать статьи В. И. Ленина, Собр. соч., т. IX («Аграрная программа русской социал-демократии» и «Ответ т. Иксу»).

Французский ревизионизм представлен документом № 35, при работе над которым рекомендуется сравнить основные положения Мильерана с положениями Бернштейна (док. № 8). Наконец документы №№ 39, 40 и 41 вскрывают позицию французской партии после объединения по основным вопросам рабочего движения. Борьба гедизма и жоресизма по вопросу о сотрудничестве классов представлена документами №№ 36 и 37.

Идеология синдикализма, его отношение к основным проблемам рабочего движения, его размах и характер представлены группой документов №№ 41, 42 и таблицами №№ 5 и 6.

Английскому рабочему движению посвящены документы №№ 44, 45, 46, 47 и таблицы №№ 7 и 8. Документы №№ 44, 45, 46 дают представление о теоретической позиции трех основных партийных группировок. При проработке их рекомендуется сравнить с Эрфуртской программой, что даст возможность выявить программные особенности английского социализма. Анализ документа № 46 поможет усвоить основы английской рабочей партии. Наконец таблицы, посвященные развитию трэд-юнионизма, могут быть использованы для самостоятельной работы о характере английского профессионального движения.

Отрывок из статьи В. И. Ленина (док. № 48) дает общую характеристику ревизионизма как интернационального явления в рабочем движении, блестяще вскрывает его сущность, его социальные корни. Отрывок может быть использован в качестве материала при самостоятельной работе на тему «О ревизионизме». Последний раздел документов и материалов главы посвящен непосредственно II Интернационалу. Весь материал здесь сгруппирован по трем основным моментам: 1) организационные основы II Интернационала, 2) позиция по основным вопросам рабочего движения и 3) борьба течений. Первой группе вопросов посвящены документы №№ 50, 51 и 49. Эти три документа, являясь центральными, должны быть обязательно проработаны учащимися под углом зрения организационных задач в формулировках II Интернационала, принципов построения интернационального органа, состава его членов и взаимоотношений национальных партий. Особое внимание должно быть обращено на устав II Интернационала. Избирательные успехи социалистического Интернационала представлены в таблицах №№ 9 и 10. Следующая группа документов (№№ 53—58, 61—67) посвящена выяснению позиции II Интернационала в основных вопросах рабочего движения. В зависимости от аудитории и учебплана можно рекомендовать самостоятельную проработку документов только по двум-трем вопросам, например милитаризма и войны и политических задач. Наконец, документы №№ 59, 60, 61, 64 и 65 посвящены выявлению борющихся течений внутри II Интернационала по основным вопросам: ревизионизму, колониальному вопросу и войне. Документ № 64 должен быть проработан обязательно и может послужить вместе с документом № 65 основным материалом для

самостоятельной работы на тему «Борьба течений во II Интернационале по вопросу о войне». Документы №№ 67 и 68 дают общую оценку II Интернационалу и вскрывают причины его краха в империалистической войне.

В качестве примеров проработки документов укажем, в каком направлении должна вестись работа

I. При проработке Эрфуртской программы необходимо серьезно вникнуть в критические замечания Энгельса, выраженные в письме к ЦК СДПГ (док. № 7). Вместе с этим необходимо общие положения программы сравнить с программой Российской социал-демократической партии. При проработке нужно ответить на следующие вопросы:

1) Каковы основные положения теоретической части Эрфуртской программы?

2) Каковы политические требования Эрфуртской программы?

3) Почему Энгельс подвергает жестокой критике Эрфуртскую программу, обвиняя ее составителей в оппортунизме?

4) Находим ли мы в Эрфуртской программе и в программе Российской социал-демократической рабочей партии указания и какие о путях и средствах преобразования капиталистического общества на коммунистических началах?

5) Чем объяснить, что программа германской социал-демократии в теоретической части обходит молчанием проблему диктатуры пролетариата, а в практической — требование демократической республики?

6) Какие требования выдвигают немецкая и российская программы партий по отношению к крестьянству?

II. Аграрная программа Французской рабочей партии. (Документ № 33.)

При разборе этого документа необходимо рекомендовать проработку критического анализа аграрной программы и теоретическую постановку крестьянского вопроса, данную Ф. Энгельсом в «Крестьянском вопросе во Франции и Германии» (док. № 34). Вместе с этим желательна проработка статьи В. И. Ленина, «Аграрная программа русской социал-демократии» (Собр. соч., изд. 1-е, т. IX, стр. 284), дающая принципиально иную, подлинно марксистскую, в противоположность авторам французской программы, постановку и разрешение аграрного вопроса. В результате проработки этого материала может быть рекомендована самостоятельная работа на тему: «Аграрная программа французской партии», охватывающая примерно следующие вопросы:

1) Теоретические основы аграрной программы Французской партии.

2) Практические меры, выдвигаемые программой.

3) Критика аграрной программы Французской партии Ф. Энгельсом.

4) Оппортунистический и революционный подход к разрешению крестьянского вопроса под углом зрения союзника пролетариата в грядущей революции.

III. Организационные основы II Интернационала (по документам №№ 49, 50 и 51). При проработке этих документов необходимо основные положения сравнить с уставом Международного товарищества рабочих (док. № 8 А, гл. VIII) и уставом III Интернационала. При проработке необходимо ответить на следующие вопросы:

1) Признание каких принципов требовалось по уставу для принадлежности ко II Интернационалу?

2) Каковы формы организации II Интернационала, и чем они отличаются от МТР и III Интернационала?

3) Как формулированы уставе и Парижской резолюции цели международного объединения? (Ср. по трем Интернационалам.)

4) Каковы взаимоотношения с национальными секциями?

5) Каковы организационные принципы трех Интернационалов?

6) Чем объяснить, что, в отличие от Маркса, считавшего необходимой организацию центра международного движения в гуще рабочего движения, в Англии (док. № 8 в гл. VIII) деятели II Интернационала установили пребывание МСБ в Бельгии?

Для документации использованы следующие книги:

1) Statistisches Jahrbuch, 1921—1922; 2) Protokollen über d. Verhandlungen d. Parteitages der SPD Abgehalten zu Halle, Erfurt, Hannover, Mainz, Köln, Hamburg, Frankfurt, Lübek, Chemnitz, Jena, Manheim; 3) Handbuch d. Sozialdemokratischen Parteitage v. 1863—1909; 4) Kampfmeyer. Unter dem Sozialistengesez; 5) «Neue Zeit», 1902, в. I и 1912, №№ 41 и 46, 1913 г. №№ 41—42; 6) Бернштейн, Социальные проблемы; 7) Р. Люксембург, Всеобщая стачка немецк. с.-д.; 8) В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. VII, ч. 2-я «Уроки московского восстания»; «Победа кадетов и задачи рабочей партии», т. VII, ч. 1-я; 9) Нейштрипке, Профессиональное движение, т. I; 10) Цвинг, Германские профессиональные союзы; 11) Bernstein, Geschichte d. Berliner Arbeiter Bewegung; 12) Vollmar, Uber nächsten Aufgaben d. deutschen s.-d.; 13) Каутский, Эрфуртская программа; 14) Kautsky, Der politische Massenstreik; 15) Annaire Statistique, 1909 et 1923, «Bulletin du Ministère du travail», 1922—1923—1924; 16) П. Лафарг, Сочинения, т. I; 17) Энгельс, Крестьянский вопрос во Франции и Германии; 18) П. Луи, История соц. партии во Франции; 19) Его же, История синдикального движения во Франции, т. I и II; 20) XV congrès nation, comporatif, Amiens, 1906; Блюм, Рабочие и социалистические конгрессы во Франции; 21) Энвор. Современный социализм; 22) Чернышев, Памятная книжка марксиста; 23) Вебб, История трэдюнионизма; 24) Бер, История социализма в Англии; 25) Ротштейн, Очерки по истории рабочего движения в Англии; 26) Verhandlungen u. Beschlusse des Internationalen Sozialistischen Arbeiter und Gewerkschaft Kongresses zu London (1895), Paris (1899 и 1900), Stuttgart (1907), Kopenhagen (1910), Zürich (1893),

Amsterdam (1904), Basel (1912). Encyklopédie socialiste. Le Mouvement socialiste International par Jean Longuet. Paris. 1913. 27) R. Luxemburg Gesamm. Werke, b. IV.

ЛИТЕРАТУРА.

В качестве учебника — Ц. Фридлянд, История Западной Европы, ч. 2 и «Книга для чтения по истории «нового и новейшего времени», т. III, эпоха империализма, изд. «Пролетарий».

По рабочему и социалистическому движению в Германии: Н. Лукин, Очерки по новейшей истории Германии, Гиз, 1925 г., очерк шестой; Зиновьев, Война и кризис социализма, Гиз, 1920 г., ч. 2, гл. VI. По рабочему и социалистическому движению Франции: Поль Луи, История профессионального движения во Франции, ч. 1 и 2, изд. ВЦСПС; Его же, История социализма во Франции; Зиновьев, Война и кризис социализма, Гиз 1920 г. ч. 2, гл. VII. По рабочему и социалистическому движению Англии: Ротштейн, Очерки по истории рабочего движения в Англии. Гиз, 1925 г., ч. 2. период трэд-юнионизма; Бер, История социализма в Англии Гиз, 1924 г., ч. 2. Новейший период и современный британский социализм.

По истории II Интернационала (по отдельным проблемам и конгрессам): Зиновьев Война и кризис социализма, Гиз, 1920 г., ч. 2, гл. IX и X. Зайдель, Очерки по истории II Интернационала. И. Ленц, История II Интернационала.

Плеханов, Собр. соч., т. IV, Рабочее движение в 1891 г., Военный вопрос на конгрессе в Цюрихе в Амстердаме (имеется отдельным изданием «Красная новь», 1923 г.); В. И. Ленин, Международный социалистический конгресс в Штутгарте. Собр. соч. изд. 1-е, т. VIII; «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии», т. XI, ч. 1; «Вопрос о кооперативах на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене, т. XI, ч. 2-я; «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», т. XX. ч. 1, «Заседание Международного социалистического бюро 28—29/IX, 1908 г.», т. XI, ч. 1; «Исторические судьбы учения К. Маркса». т. XII, ч. 2; «Марксизм и ревизионизм», т. XI, ч. 1; «Одиннадцатая сессия Международного социалистического бюро», т. XI, ч. 1; «Разногласия в европейском рабочем движении» т. XI, ч. 2; «Крах II Интернационала» т. XIII; Р. Люксембург, Реформа или революция; Коалиционная политика и классовая борьба, обе брошюры в изд. «Красная новь». Каутский, Антиберштейн; Социальная революция и на другой день; Путь к власти все — Гиз, 1926 г.; Бернштейн, Социальные проблемы; Об империализме и финансовом капитале. Ленин, Империализм как новейшая фаза капитализма.

1. На пороге XX века.

XIX столетие окончилось. Что дало оно рабочему классу? И чего может ожидать этот класс от начавшегося двадцатого века?

XIX столетие ознаменовалось поразительным развитием техники. Производительные силы цивилизованных обществ приняли в течение этого столетия огромные, небывалые размеры. Их рост естественно вел за собою рост общественного богатства. Но быстро растущее богатство цивилизованных стран не устранило существовавшей в них бедности. Напротив. Небывалое развитие производительных сил явилось новым фактором ее увеличения. Это очень метко указано и хорошо объяснено некоторыми членами английской королевской комиссии, назначенной для исследования причин застоя промышленности и торговли. В особой записке, которая вошла составною частью в «заключительный доклад» комиссии, эти члены говорят, что вследствие роста производительных сил коренным образом изменились условия существования цивилизованных обществ: прежде главная трудность заключалась для них в редкости и дороговизне предметов необходимости и удобства, а теперь она состоит в том, что благодаря развитию машинного производства людям, не имеющим ничего, кроме своей силы (т. е. пролетариям), все труднее становится найти заработок, а следовательно и средства к жизни.

Это значит, что борьба за жизнь в цивилизованных обществах XIX века становилась тем труднее и ожесточеннее, чем более росли их производительные силы, т. е. чем более увеличивалась материальная возможность изгнания из их среды бедности и связанных с нею страданий.

Бедность порождалась избытком. Это противоречие, на которое указывал еще гениальный Фурье, перешло неразрешенным в XX век. Его устранение составит главнейшую общественную задачу этого последнего.

Чем труднее и ожесточеннее становилась борьба за существование в цивилизованных обществах XIX века, тем более увеличивались для отдельных членов этих обществ шансы нравственного падения и даже полного нравственного одичания. Их преступность росла в общем гораздо быстрее, чем их население, при-

чем в числе осужденных все более увеличивался процент рецидивистов, наглядно показывал этим полную несостоятельность тех мер, которые принимались цивилизованными обществами для своего нравственного оздоровления.

Таким образом, если рост производительных сил порождал бедность там, где он мог бы создать невиданное прежде материальное довольство, то он же, затрудняя борьбу за существование и усложняя общественную жизнь, вел к умножению нравственных страданий и нравственной испорченности там, где он мог бы дать сильнейший толчок нравственному облагорожению цивилизованного человечества.

Это противоречие тоже не было разрешено XIX веком и тоже целиком перешло в XX в.

Что бы ни говорили явные и тайные, корыстные и бескорыстные защитники капитализма, несомненно, что увеличение трудностей борьбы и это умножение шансов нравственной испорченности означает ухудшение быта рабочих. В этом отношении XIX век был для них неблагоприятен.

Но он был чрезвычайно благоприятен для них в другом отношении. Он дал им — или, по крайней мере, их передовой, наиболее чуткой и развитой части — то, что для них важнее всех материальных благ и без чего невозможно коренное улучшение их участи: ясное сознание непримиримой противоположности их интересов с интересами эксплоататоров и твердое убеждение в том, что освобождение рабочих должно и может быть делом самих рабочих.

Подобно тому как XVI, XVII и XVIII столетия ознаменовались освободительным движением буржуазии, XIX в. был веком освободительного движения рабочего класса. В этом заключается главнейшая отличительная черта его культурной истории и драгоценнейшее наследие, переданное им XX в.

Но между освободительным движением буржуазии и освободительным движением пролетариата есть существенная разница. Освободительное движение буржуазии совершалось в пользу меньшинства. Его торжество не устранило эксплоатацию человека человеком, а только изменило ее форму. Освободительное движение рабочего класса совершается в пользу огромного большинства, и его торжество навсегда положит конец эксплоатации одних людей другими. Вот почему победа пролетариата будет в то же время осуществлением самого высокого из всех тех нравственных идеалов, до которых додумалось цивилизованное человечество. Победа рабочего движения, которому многие — умышленно или по недоразумению — приписывают лишь узкие, грубые «или удочные» цели, будет в действительности величайшим торжеством нравственного идеализма.

Но между борющимся пролетариатом и его великой целью стоит свирепый и близорукий эгоизм высших классов, которые чувствуют себя прекрасно при теперешнем общественном порядке и в лучшем случае могли бы добровольно согласиться лишь на некоторые частные его переделки. Благодаря этому свирепому и близорукому эгоизму немало крови рабочих пролилось в XIX в., и вероятно немало прольется ее и в XX. И против этого эгоизма пролетариат имеет лишь одно средство: объединение своих сил ради завоеваний политической власти. Когда рабочий класс тем или иным путем добьется политического господства, тогда консервативное упорство эксплоататоров разобьется о революционную энергию эксплоатируемых, и тогда будут устранены указанные нами противоречия, унаследованные XX в. от XIX в.; царство капитализма будет окончено; начнется эпоха социализма.

XX в. осуществит лучшие радикальные стремления XIX в. Но как ни твердо уверены мы в победе пролетариата, как ни ясно видим мы стоящую перед ним великую цель, мы не хотим обманывать ни самих себя, ни наших читателей. Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа. Наоборот, мы хорошо знаем, как тяжел путь, лежащий перед нами. Нас ожидает на нем много частных поражений и тяжелых разочарований. Немало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уж теперь в великом социалистическом движении обнаруживаются два различных направления, и может быть революционная борьба XX в. приведет к тому, что можно будет mutatis mutandis назвать разрывом социал-демократической «Горы» с социал-демократической «Жирондой».

(«Искра» № 2, 1900 г.)

НЕМЕЦКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

2. Положение социал-демократической партии после падения исключительного закона.

(Из отчета Бебеля на партейтаге в Галле в 1890 г.)

«Три года прошло с тех пор, как я в последний раз имел честь делать отчет перед представителями партии [1]. Вы все знаете, при каких условиях мы вынуждены были давать отчет. Двенадцать лет существовал исключительный закон, и мы не имели возможности собираться на съезды в Германии; по этой же гнетущей причине промежутки между партийными съездами в силу необходимости были очень неравномерны; мы могли высказывать и взаимно выяснять свои мысли только в очень редкие моменты. Мы должны были по возможности приспособляться к обстоятельствам, за которые мы совершенно не ответственны. Съезды, созванные при исключительном законе за границей — в 1880 г. в Видене, в Швейцарии, в 1883 г. в Копенгагене и в 1887 г. в Сен-Галлене, — можно назвать путевыми кампиями для развивающейся партии. Это были дни радости и гордости партии; съезды происходили за границей, стоили больших издержек и жертв и были очевидным доказательством успеха, возвышающим дух, мужество и самоотверженность товарищей. Спустя 13 лет теперь мы вновь собрались в Германии, подчиняясь только общим для всех законам; собрались в таком числе, как никогда...

Только что прошедшие выборы в рейхстаг доказали не только существование партии, но даже рост ее, несмотря на все преследования. Масса наших приверженцев воодушевилась. Примеры мужества действовали заразительно. Этому помогла сознательная, целесообразная агитация, которая все более и более доказывала обществу, что преследования, которым мы подвергаемся, неслыханны, что процессы, которые против нас возбуждали, незаконны и что вообще отношение к нам совершенно несовместимо с общими правовыми нормами, основанными для современного государства и необходимыми для него, раз оно желает существовать. Эта мысль проникала благодаря целесообразной деятельности во все более широкие круги; наше требование стало так сильно, что наконец увидели возможность поступать попрежнему и пришлось ослабить притеснения. Обзор развития партии за последние 20 лет дает следующий поучительный результат, выраженный числом голосов, поданных за нашу партию на выборах. При общих выборах в 1871 г. за нас было подано 102 тыс. голосов, в 1874 г. — 325 тыс., в 1877 г., два года спустя после объединительного съезда партии, которая до 1875 г. была раздроблена на две фракции, — 493 тыс. голосов. Это — наивысшая цифра до исключительного закона. Год спустя рейхстаг был распущен, после двух покушений началось неслыханное гонение против нашей партии, которой правительство приписало инициативу покушений, и под сильнейшим давлением этой травли число поданных голосов летом 1878 г. уменьшилось с 493 тыс. до 473 тыс. Удары закона против социалистов продолжались, но все-таки на выборах в 1881 г., которые произошли при совершенно необычных условиях, мы получили 312 тыс. голосов. Нужно придать этому факту тем большее значение, что тогда вследствие исключительного положения и преследований бо́льшая часть избирательных округов не могла получить ни одной прокламации, ни одного избирательного листка, так как никакая типография противников не хотела их печатать, а собственные наши типографии были все уничтожены, прокламации же, где они только были, можно было распространить лишь с величайшими затруднениями и риском.

Настали выборы 1884 г. Они представляли уже совершенно другую картину. Партия успела сильно оправиться; съезды в Видене и Копенгагене состоялись и значительно подняли дух партии. В разных местах делались успешные попытки издавать новые газеты, основывать типографии и т. д., и в результате на этот раз удалось получить 550 тыс. голосов. В 1887 г. число наших сторонников возросло до 763 тыс., а на последних выборах в этом году, которые все хорошо помнят, — даже до 1 427 тыс. Наша партия стала самой сильной партией в Германии.

Далее мы видим, что вместе с усилением нашей партии рос интерес к социальному движению в самых широких кругах наших противников. Они были вынуждены обратить внимание на это движение и изучать его. Я напомню об известном циркуляре 4 февраля, который без сомнения представляет крупный моральный

[1] Бебель имеет в виду третий и последний нелегальный съезд партии в Сен-Галлене (1887 г.). — *Прим. ред.*

ТАБЛИЦА № 1.

Распределение пролетариата в Германии между предприятиями различных размеров.

Число предприятий.

Отрасли хозяйства	Предприятия с числом рабочих			Все предприятия
	1—5	6—50	свыше 50	
		1 8 8 2 г.		
А. Садоводство, скотоводство, рыболовство . . .	30 673	1 183	30	31 886
Б. Промышленность, включая горное и строительное дело	2 175 857	85 001	9 481	2 270 339
В. Торговля, транспорт, включая гостиницы и рестораны	676 238	26 531	463	703 232
Всего . . .	2 882 768	112 715	9 974	3 005 457
		1 9 0 7 г.		
А. Садоводство, скотоводство, рыболовство . . .	49 200	3 970	146	53 316
Б. Промышленность	1 870 261	187 074	29 033	2 086 368
В. Торговля, транспорт	1 204 737	76 366	2 828	1 283 931
Всего . . .	3 124 198	267 410	32 007	3 423 615

Число лиц, занятых в каждой группе предприятий.

Отрасли хозяйства	Предприятия с числом рабочих			Все предприятия
	1—5	6—50	свыше 50	
		1 8 8 2 г.		
А. Садоводство, скотоводство, рыболовство . . .	51 437	11 422	4 559	67 418
Б. Промышленность	3 270 404	1 109 128	1 554 131	5 933 663
В. Торговля, транспорт	1 013 981	271 170	54 557	1 339 708
Всего . . .	4 335 822	1 391 720	1 613 247	7 340 789
		1 9 0 7 г.		
А. Садоводство, скотоводство, рыболовство . . .	96 378	40 820	16 913	154 111
Б. Промышленность	3 200 282	2 714 664	4 937 927	10 852 873
В. Торговля, транспорт	2 056 916	888 931	395 185	3 341 032
Всего . . .	5 353 576	3 644 415	5 350 025	14 348 016

успех тех требований, которые были заявлены в июле прошлого года на Международном рабочем конгрессе в Париже. Даже ультрамонтаны (крайняя папская партия) были вынуждены в последние месяцы созвать международный конгресс, чтобы обсудить, как лучше построить плотину против растущего потока социализма. Наконец несколько дней тому назад во Франкфурте-на-Майне собрался конгресс представителей ученых, который тоже признал необходимым рабочее законодательство. Все это — крупные моральные победы не немецкой только, но и международной социал-демократии. Но особенно приятен и важен для нас тот факт, что чувство солидарности рабочих различных стран развилось в громадной степени со времени Парижского конгресса; уже сам Парижский конгресс доказывает это необычайной многочисленностью представителей от рабочих всех стран, и наши противники вынуждены считаться с международным движением, раз они хотят по возможности остаться господами положения.

Мы все уверены, что выйдет совсем обратное: международное движение перерастает их, как уже переросли их национальные движения в разных странах. (Одобрение.)

Перехожу теперь к нашей теперешней прессе, чтобы и тут объяснить, как развивалась агитационная деятельность партии за последние годы. В 1887 г. и раньше мы не могли дать точного обзора печати, существовавшей при исключительном законе; было даже нецелесообразно говорить об этом. Теперь же, на мой взгляд, уместно исследовать, каково было положение прессы в период 1878—1890 гг.

В момент обнародования закона против социалистов в Германии существовало 42 политических и 14 профессиональных органов. Общее число подписчиков их никогда нельзя было точно установить, но по компетентному расчету оно не превышало 160 — 170 тыс. Из 42 политических газет 13 появлялись 6 раз в неделю, 13 — по 3 раза, 3 — по 2 раза и 13 — по одному разу в неделю.

В настоящее время мы можем сделать достаточно точный обзор, но все-таки и теперь я не мог собрать точные данные, так как многие редакции газет не исполнили моей просьбы и не сообщили мне числа их подписчиков, и данные относительно их не могли войти в предлагаемую таблицу. Вот она. Она приурочена к концу сентября, и поэтому увеличение числа изданий, которое к 1 октября к нашему удовольствию было значительным, не могло быть принято во внимание.

Всего политических газет выходило:

Еженедельно	по 6	раз	19	газет;	подписчиков	у них	от	30 000	до	1 100	в общем	120 400
»	» 3	»	25	»	»	»	»	9 000	»	250	»	58 000
»	» 2	»	6	»	»	»	»	6 000	»	450	»	14 850
»	» 1	»	10	»	»	»	»	14 500	»	1 000	»	60 850

Итого 60 газет с 254 100 подписчиками.

Положение профессиональной прессы следующее: еженедельно выходило 17 журналов, из которых один, именно листок горнорабочих, имел 27 тыс., другой журнал — 16 тыс., третий — 15 тыс., четвертый — 12 500, пятый — 11 тыс., последний — 800 подписчиков. В общем эти журналы имели 155 350 подписчиков.

Ежемесячно 2 раза, иногда 3, выходили 2 журнала с общим числом подписчиков 4 400; каждые 14 дней, т. е. дважды в месяц, — 20 журналов, имевших от 6 тыс. до 400, а в общем 39 750 подписчиков; ежемесячно 1 раз — 2 журнала, в общем 1 500 подписчиков. Итого 41 журнал с 201 тыс. подписчиков.

К указанным журналам должны быть далее причислены: одно научное периодическое издание «Новое время» («Neue Zeit»), выходящее ежемесячно и имеющее 2 500 подписчиков, один литературный журнал в Гамбурге «Товарищ» («Gesellschafter»), еженедельно, с 19 тыс. подписчиков и два юмористических органа с 107 тыс. подписчиков.

Почти все вы участвуете в профессиональном движении, и для вас вовсе не тайна, что это движение сильно развилось и составляет важную часть в общем рабочем движении. Общее число всех профессиональных органов теперь 104, общее число их подписчиков 600 тыс.

Собственно партийная литература возросла тоже значительно, особенно привозимая из-за границы. В период до издания закона против социалистов никогда не было напечатано даже приблизительно такое количество партийных изданий, как в период господства этого закона, и этот прилив будет гораздо больше, когда в ближайшем будущем мы выпустим новые издания и еще преобразуем нашу партийную литературу. Само собой понятно, что без согласия автора и партии не должно появляться ни одно издание. Я думаю, что в будущем мы не станем ничего издавать менее как в 20—30 тыс. экземпляров, а для многих брошюр это число должно быть еще повышено — так велик спрос со всех сторон. До закона против социалистов каждое издание выходило в общем не более как в 5 тыс. экземпляров...»

3. Георг фон-Фольмар.

Настоящий отрывок взят из первой речи Фольмара на партийном собрании в Мюнхене, в Эльдорадо, имевшем место 1 июня 1891 г. и известной под названием «Речей в Эльдорадо».

«Уже с давнего времени как внутри нашей партии, так и вне ее обсуждаются оба вопроса: 1) претерпела ли политика имперского правительства после прекращения господства Бисмарка значительное изменение, наступил ли новый курс и 2) имеет ли социал-демократия

при настоящем правительстве основание для какого-либо изменения политики, которой она придерживалась до сих пор...

Подобное изменение не может конечно не оказывать влияния на нашу партию и на ее политику...

Наша тактика в настоящее время не может быть такой же, как во время исключительного закона. Во всяком случае мы и тогда не отказывались от парламентской деятельности и участия в текущей политике; однако главнейшая задача партии в то время состояла в том, чтобы оказывать самое жестокое, беспощадное сопротивление правительству, которое нас поставило вне закона, которое стремилось нас уничтожить и политически, и индивидуально, и с которым поэтому не могло быть никаких других отношений, кроме войны. В настоящее время дело обстоит иначе. Правительство конечно не отказалось от борьбы с нами. Однако борьба эта не является больше варварским уничтожением, нас признали воюющей силой, с нами ведут регулярную борьбу, в которой мы можем добиться значительных успехов благодаря нашему умению.

Само собой разумеется, что не может быть и речи об отказе от принципов нашего движения. Мы также мало имеем оснований выпустить из рук наше оружие, которому мы обязаны тем, чего до сих пор добивались. Вместе с тем, с другой стороны, интересам рабочего движения и общественного блага вообще так же, как и далекому от всяких утопий и отвлеченностей реально-политической в лучшем смысле слова сущности нашей партии, не противоречит, если мы встанем на путь соглашения и попытаемся произвести экономические и политические улучшения, основываясь на современном государственном и общественном порядке. Наша партия, после того как она вначале высказывалась самым резким образом против всякого участия в парламенте, вступила на этот путь неохотно и неуверенно и не раз хотела сойти с него, в связи с многочисленными трудностями. В настоящее время, когда увеличились ее сила и уменье и когда условия стали более благоприятными, мы должны дальше итти по этому пути уверенно и последовательно.

Напоминаю вам слова, которые я произнес в прошлом году на огромном собрании, имевшем место 1 октября: «Ввиду сделанных обещаний, мы честно должны испытать, действительно ли имеется воля произвести определенные улучшения и сделать опыт, возможна ли на почве вновь завоеванного общего права достаточная защита интересов и стремлений трудящихся. Если это испытание и этот опыт будут удачными, то мы, социал-демократы, обрадуемся этому больше, чем кто-нибудь другой, — так как мы боремся не ради борьбы, а ради результатов борьбы. Там, где мы встретим добрую волю, действительно доброжелательное отношение к рабочим, мы первые их признаем, поддержим и будем развивать. Никто из нас не мечтает о том, что отношения могут измениться единым ударом; прогресс совершается постепенно, шаг за шагом, органически. Если же эти ожидания не оправдаются, если нас попытаются обмануть или даже захотят вскоре снова вернуться к прежней политике насилия, то мы ничего не теряем. Наше испытанное в борьбе оружие всегда готово, в последние 12 лет мы научились обращать его острие и против самых больших опасностей. Всему же миру будет самым непреложным образом доказано, где лежит добрая и злая воля. Наше положение является многообещающим, имеет большие перспективы и является вместе с тем очень ответственным. Если когда-то было достаточно страсти и железной настойчивости, то в настоящее время, прежде всего, нужны благоразумие, разумная осторожность и твердая настойчивость».

Доброй воле протягиваем открыто руку, злой — показываем кулак! Когда мы встречаем добрую волю, мы должны ее укреплять, разъяснять предрассудки, жестоко бороться с дурным влиянием. Главный враг — это существующее в современном обществе противоречие интересов; незнание и предрассудки превращают многих в общем далеко не плохих людей в противников наших стремлений, и в данном случае большую пользу может принести не только убеждение словом, но еще в большей степени умное поведение. Но прежде всего наша партия как представительница угнетенных и передовых превратится в мощный фактор политической власти для поддержки доброжелательных и борьбы с себялюбцами. Только тот может предъявлять требования, кто обладает силой и властью; беспомощному нищему ничего не дают.

Соответственно этой ступени развития мы должны перейти от теории к практике, от общего к частному. Мы должны всегда иметь в виду будущее, но при этом не забывать настоящего, близкого, необходимого. Эти частности с точки зрения высокого миросозерцания могут показаться

мелкими и ничтожными, однако только мечтатель и глупец недооценивают их необходимость и значение. Благоразумный понимает, что для успеха одинаково важны как сила в период бури и натиска, так и уменье во время длительной борьбы. Несомненно правильна и мысль о безудержном стремлении вперед, стремлении все сокрушать. Чтобы создать систему, миросозерцание, необходимо выкристаллизовать идею, и для вдохновения надо поставить конечную цель, которая указывала бы направление на меняющихся путях. Если эту идею ограничить исключительно областью теории и не дать ей осуществиться, то она не найдет никакого противовеса. Однако перенесение идеи в действительность, в действие, не так легко и быстро преодолевает препятствия. Иногда случались конечно большие кризисы, когда история получала внезапный толчок и казалось делала скачок. В общем же имеет место медленное органическое развитие. Подобно тому как естественные отношения развиваются не в непосредственно следующих один за другим переворотах, точно так же и общественные формы следуют одна за другой не как оторванные, законченные, не связанные единицы. И здесь тоже не существует искусственного деления, внезапного прекращения и возобновления, — но старое постепенно врастает в новое, может быть слишком медленно для высокого полета мысли, зато верно. Настоящее тысячами корней связано с прошлым, а будущее — с настоящим, что не оставляет места для абсолютного; все политические и общественные отношения являются относительными, переходными формами. Наша задача состоит в том, чтобы использовать форму настоящего времени и оказать влияние на будущее.

Тот, кто хочет влиять на огромном поприще всей общественной и государственной жизни не только путем критики и отрицания, тот, кто хочет добиться чего-нибудь положительного, тот должен прежде всего точно соразмерить свои силы. Мы в настоящее время являемся количественно самой крупной партией Германии и имеем право радоваться и гордиться этим огромным успехом, которого не могли остановить небывалые трудности. Но как бы велик сам по себе ни был успех и неудержимо ни росло влияние рабочего движения на все слои и отношения общества, все же его непосредственное влияние на законодательство, на носителей публичной власти, как и на тех, кому принадлежит экономическая сила, ни в коем случае не соответствует размерам той части населения, которая своими интересами и симпатиями связана с рабочим движением. Повсюду, во всех углах имеются противники, которые, несмотря на свою обычно взаимную враждебность, в большинстве случаев объединяются друг с другом против нас. При наличии подобной армии могущественных, хорошо вооруженных противников, мы прежде всего должны избегать распыления собственных сил. Чем меньше армия, тем более ловким должно быть использование имеющихся сил, тем решительнее надо настаивать на прекращении ненужных споров, тем более ненужной становится борьба любителей борьбы, из-за которой растрачиваются силы на второстепенных местах или там, где не нужно, в то время когда их нужно бережно собирать, чтобы применить в надлежащем месте...

Наша партия несомненно является международной в лучшем смысле этого слова. Одной из наших славных заслуг является то, что мы постоянно и тогда, когда это было особенно опасно и тяжело — в первое время после войны, — боролись с ложным националистическим самомнением и что мы объединяющее, общечеловеческое ставим выше разъединяющего, национального. Если когда-либо рабочее движение, во все времена выполняло и будет выполнять обязанности в отношении международного братства, то это было именно германское рабочее движение. Однако это не исключает и того, что для нас существуют и национальные задачи и обязанности. Но как бы человек ни чувствовал себя гражданином мира, он должен признать, если он не мечтатель, что экономические отношения действуют не безусловно и механически, а глубоко обоснованы различием народностей и государственного общежития. Нам долго придется ждать Соединенных штатов Европы. Будем бороться с национальным самомнением, с шовинизмом всюду, где мы его встречаем, и поставим общие интересы человечества выше интересов отдельных его членов; но не дадим себя увлечь бессмысленным отрицаниям имеющей право на существование здоровой национальной жизни и вытекающих отсюда обязанностей. Надо избегать переоценки национальности точно так же, как ее отрицания и самоуничижения.

Я повторяю, поскольку мы приобретаем непосредственное влияние на ход общественных событий, мы должны при полном сохранении наших основных стремлений концентрировать

нашу силу на наиболее близких и существенных задачах и от времени до времени представлять положительные программы действий. Ближайшими требованиями, к которым мы должны стремиться являются:

1. Продолжение охраны труда...
2. Достижения действительного права союзов...
3. В области борьбы за зарплату устранение какого бы то ни было государственного вмешательства в пользу одной стороны...
4. Законодательство о промышленных объединениях...
5. Устранение пошлин на продовольствие...

Очень много будет зависеть от развития социал-демократии, от ее силы и решительности, а также от ее умелого, логического использования фактических отношений, для того чтобы эта мысль в первую очередь проникла в рабочий мир, а также и в другие слои. Чем более мирным, упорядоченным, органическим путем будет итти это развитие, тем лучше для нас и для всеобщего блага.

4. Оппозиция «молодых».

Приводимая здесь анонимная летучка составлена представителем «молодых» Вильбергером и представляет собою платформу, с которой они выступили против руководства партии. Воззвание широко распространялось в 1891 г.

ТОВАРИЩАМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМ БЕРЛИНА.

Помни, мой сын, что нужно быть одухотворенным, чтобы совершать великие дела.

Сен-Симон.

Часть товарищей из всех избирательных округов Берлина в парламент, которые не боялись опасностей и жертв во время закона против социалистов, чтобы распространять идеи социал-демократии среди рабочего населения, и которым партия наряду с победоносной мощью самих идей, обязана своей настоящей силой, не могут равнодушно видеть, как систематически убивается революционный дух этого движения отдельными вождями.

Было бы изменой святому для нас всех делу, если бы мы продолжали равнодушно наблюдать дальше, как диктатура душит всякую демократическую мысль и чувство, как все больше опошляется все движение и опускается до чисто реформистской партии мелкобуржуазного направления; как с трибуны рейхстага торжественно отрекаются от революции и как ежедневно делается все, чтобы провести примирение между пролетариатом и буржуазией. Если Лассаль и Либкнехт были правы, когда утверждали, что прогрессивная партия во время прусского конфликта заговорилась до смерти, то это теперь очень хорошо подходит к социал-демократической фракции в рейхстаге.

С этой прокламацией мы обращаемся главным образом к убежденным и сознательным товарищам и только во вторую очередь к тем, которые являются таковыми только по имени. И первых мы с самого начала спрашиваем: «Кто из вас в настоящее время чувствует еще жар вдохновения в связи с так называемыми предложениями об охране труда и страховании, то воодушевление, которое помогало нам преодолевать все препятствия и добиваться успеха несмотря на то, что мы количественно малы по сравнению с правительством и остальным господствующим обществом».

«Однако, — говорят многие, — в интересах партии каждый товарищ должен подчиниться большинству даже и тогда, когда постановления большинства совершенно противоположны собственным воззрениям».

Эта точка зрения в основе ложна и в конце концов должна вести к политическому разложению.

Большинство политической партии часто является чисто случайным и составляется так же, как и у социал-демократии во время последних выборов, из различных заинтересованных групп. Постановления большинства поэтому часто продиктованы под влиянием других партий или общественных классов и очень часто не имеют ничего или мало общего с принципами самой партии и даже совершенно противоречат этим принципам и создают таким образом почву для колебаний вправо, которые, к сожалению, замечаются большинством только тогда, когда они

стоят перед совершившимся фактом.

Самому делу не наносится таким образом вреда, когда борются с партийным руководством и ложно извращенной, по нашему мнению, тактикой партии.

Дисциплина обусловливается организацией; но выше обеих для каждого партийного товарища в первую очередь должен быть принцип идеи революционного социализма. В большинстве же случаев социализм и демократия не имеют почти ничего общего с тем, о чем наши представители в рейхстаге спорят с господствующими классами, что будет доказано нами дальше.

Социал-демократическое движение Германии с самого начала было исключительно революционным и пролетарским, все остальные партии считались еще до самого недавнего времени всеми товарищами «реакционной массой».

Поэтому каждая попытка представить это по природе чисто пролетарское движение менее революционным, принимая во внимание среднюю мелкую буржуазию, является изменой делу пролетариата.

Этот упрек не может быть устранен такими соображениями, как «распространение социал-демократических идей», так как мы прекрасно знаем, что указанные общественные круги руководствуются не идеями демократического социализма, если вообще говорят об этих идеях, когда крестьянин или ремесленник отдают свои голоса во время выборов социал-демократам; это просто соответствует интересам тех людей, которые чувствуют себя угнетенными и порабощенными, и поэтому думают, что социал-демократы собственно меньше должны считаться с правительством или процентами и что социализм — дело далекого будущего.

Для промышленных рабочих и действительных социал-демократов совершенно безразлично, получат ли во время выборов 500 или 1 000 голосов в Померании: прежде всего потому, что неправильно заставлять ушедший вперед рабочий класс ожидать обращения отсталого сельского населения и еще потому, что это было бы обманом, если бы пытались заставить товарищей поверить, что при современном обществе с помощью парламентаризма, путем постановления большинства может быть проведена социализация различных классов.

Социальная революция получит свое разрешение там, где она была начата: в промышленных центрах, где колоссальными шагами уже в течение сорока лет идет вперед пролетаризация, не дожидаясь согласия индифферентного во все времена сельского населения.

Господствующие классы никогда не откажутся добровольно от своих привилегий, и, пока существует господствующий класс, всегда найдется необходимое число рабов, которые готовы по команде пролить кровь за своих палачей.

Также бессмысленно внушить народу, что короли в конце концов могут устать от своего занятия и как-нибудь объявят, что они добровольно отказываются от своих прав. Если это когда-нибудь случалось, то это происходило в пользу кронпринца или какого-нибудь другого правопреемника, чтобы пустить пыль в глаза народу и вызвать надежды, которые они никогда не выполнят.

Точно так же обстоит дело и с «врастанием» современного общества в социалистическое государство, будто оно может совершиться в одну ночь без прекращения производства и собственно уже сейчас может быть провозглашено в Англии. Те, кто бросают в массы такую чепуху, действительно не имеют права говорить и писать о «детях в политике». Они сами гораздо хуже этого.

Мы поэтому считаем, что уже практически неправильно существование центрального органа, который устанавливает поведение товарищей в различных местах. Совершенно немыслимо, чтобы товарищи из Берлина и других промышленных центров, которым проповедуют социализм уже в течение 30 лет, только из-за дисциплины были бы вынуждены в тактических вопросах считаться с отсталой деревней и прикованным к земле крестьянином. Здесь, где борьба за существование на поле битвы промышленности требует ежедневно сотни человеческих жизней, которые гибнут от безработицы, переутомления, нищеты, нужды и всех связанных с этим явлений, — здесь не считают, здесь инстинктивно чувствуют, что надо что-то изменить для того, чтобы отчаяние не охватило ряды испытанных бойцов. Мы не можем также понять, зачем происходят ежегодно национальные и интернациональные конгрессы, связанные с тяжелыми жертвами, только для того, чтобы принятые решения отменить при первом случае под каким-нибудь предлогом, как это уже имело место два раза по

поводу празднования 1 мая поведения во время перевыборов.

Когда партия была еще молодой и состояла из пролетариев, тогда тактика, подобная теперешней, была бы невозможной.

Самый факт, что подобная тактика возможна, уже показывает, что партия состоит и руководима элементами, которые отчасти преследуют совершенно другие цели, чем те товарищи, которые всегда были готовы и готовы в настоящее время отдать за свои убеждения свою жизнь.

Что касается целесообразности парламентаризма, который в настоящее время является «прислугой за все», то наша точка зрения вполне совпадает с точкой зрения т. Либкнехта, изложенной им в брошюре «Политическое положение социал-демократии» и которую (точку зрения) мы приводим здесь целиком.

В отношении рейхстага Либкнехт тогда, в 1869 г., между прочим писал: «Наши речи не могут иметь прямого влияния на законодательство. Мы не можем убедить своими речами рейхстаг. Своими речами мы можем только распространять истину среди масс, так как лучше мы этого не можем сделать в другом месте. Какой практический смысл имеют выступления в рейхстаге? Никакого. А разговаривать бесцельно — занятие глупцов. Ни одного преимущества, но зато мы теряем: приносится в жертву принцип, серьезная политическая борьба низводится к парламентскому фехтованию, народ вводится в заблуждение, будто бисмарковский рейхстаг призван решать социальные вопросы. И мы должны будто бы по практическим соображениям парламентировать. Только измена или близорукость могут этого требовать от нас».

В другом месте Либкнехт пишет: «Социализм больше не является теоретическим вопросом, а вопросом власти, который, как и всякий другой вопрос о власти, разрешается не в парламенте, а на улице, на поле сражения».

Сравните с этим жалкие законодательные проекты и речи в рейхстаге, которые фракция вместе с Либкнехтом произнесли. Чем объяснить это очевидное для всякого колебание? Вожди говорят, что они должны считаться с мелкой буржуазией для того, чтобы партию сделать народной и иметь за собой широкие массы. Мы же считаем, что подобным представлением о широкой массе обманывают только себя и других. В подходящий момент масса так же быстро уйдет, как пришла, так как у нее нет ничего того, что должно воодушевлять социал-демократическое общество. Массы может привлекать каждый, кто умеет приспосабливаться к обстоятельствам, как это показывает антисемитская агитация в Германии.

Поэтому новая тактика в этом отношении не более, чем компромисс с массами за счет принципа. Мы все думали, что после прекращения закона о социалистах и вовлечения 35 социал-демократов в рейхстаг агитация будет вестись более принципиально, запросы и законопроекты должны вестись более широко, чем до сих пор, а наступило как раз обратное.

По законопроекту нашей фракции 8-часовой рабочий день должен получить законную силу только в 1898 г., несмотря на то, что международный конгресс в Париже в 1889 г. постановил, что надо уже теперь повсюду требовать от законодательства установления 8-часового рабочего дня. Как это вяжется, между прочим, с демократией, что в 1890 г. рейхстаг постановляет и возводит в закон то, что законную силу должно получить только в 1898 г.? Наша программа требует ежегодно новых выборов, и мы считаем недопустимым, чтобы какие-либо представители народа устанавливали бы то, что может существовать только тогда, когда представительство будут осуществлять независимо лучшие или худшие, во всяком случае другие. Как это вяжется дальше с демократией, когда в рейхстаге наша фракция при обсуждении законопроекта о ремеслах вносит запрос о том, что подчинение различных ремесл этому закону происходит путем распоряжения кабинета, т. е. утверждается лично королем, а не рейхстагом или с его согласия.

И это является уступкой трону, которая с нашей точки зрения ничем не оправдывается, даже и тогда, если исходить из соображения, что носитель короны является бо́льшим другом народа, чем само народное представительство.

Враг милитаризма во всякой форме, Бебель в прошлом году зашел так далеко, что обещал правительству свою поддержку, если оно, в связи с введением бездымного пороха, заменит существующие до сих пор светлые мундиры черными; позже он объяснял это тем, что эта уменьшенная попадаемость врага пойдет на пользу товарищам, находящимся в армии. Тот, кто приводит такие аргументы, может в конце концов все оправдать. Юнкера тоже утверждают, что, устанавливая высокие цены на хлеб, они заботятся

о благе сельскохозяйственного рабочего, повышая его зарплату, а вместе с тем и о благе всего народа. Когда правительство требует несколько сот миллионов для постройки казарм и крепостей, оно тоже утверждает, что таким путем создает работу для рабочих и большая часть требуемых сумм снова попадает в карманы рабочих. То же самое утверждает цеховой, когда дело идет об общественных работах, независимо от цели, которой они служат.

Больше всего в этом отношении сделал за последние дни известный, бывший прежде радикальным, депутат фон-Фольмар. Если правительство не оценило этого товарища, одаренного несомненным государственным талантом, и не вручило ему маршальского жезла, то он безусловно своей мюнхенской речью от 1 июня заслужил право на ближайшее освобождающееся министерское место. Не только национал-либералы и свободомыслящие, мы также имеем своего собственного государственного мужа. И после этого еще возмущаются, когда мы говорим о разложении? Слово это недостаточно сильно, когда действия некоторых почти граничат с изменой.

Агитация против пошлин на хлеб тоже ничем не отличается от мотивировки свободомыслящих за прекращение пошлины.

Наши депутаты ни одним звуком не обмолвились о единственно правильной точке зрения, которую высказал еще Маркс в 1849 г. в своей брюссельской речи. Агитация в рейхстаге и все, что с этим связано, все, что до сих пор рассматривалось только как средство для достижения цели, теперь стало самоцелью и все это только для того, чтобы заслужить нечевичную похлебку за так называемый «закон охраны труда», который скорее является законом охраны предпринимателей вследствие того, что добавочный параграф о нарушении договора уничтожает так называемые «привилегии», которые якобы предоставляет рабочим этот закон в остальном.

Практические результаты никоим образом не соответствуют тем жертвам, которые партия вынуждена нести. Мы упрекаем вождей не в нечестности, а только в слишком большой внимательности ко всевозможным факторам власти, связанной с измененным общественным положением, и в слишком слабой связи с нуждами пролетариата, с пульсом угнетенного народа.

Тех, кто все еще надеется, что тактика может скоро изменится, должны были отучить от этого выступления Бебеля так же, как открытое объявление войны всем тем, кто в будущем не подчинится приказу на собрании от 3 июля.

Что касается празднования 1 мая, то на этот раз и Бебель не мог сказать ничего другого кроме того, что во всяком случае в связи с этим до сих пор 10 тыс. человек не имели бы работы, если бы фракция своевременно не поняла, что наступивший кризис может явиться катастрофой для партии. Соответствует ли это однако действительности или эта точка зрения страдает теми же грубыми ошибками, как и остальные вышеприведенные мероприятия партии? Предпринимательство всегда и всюду, где оно чувствовало себя достаточно сильным и когда благоприятствовали время и обстоятельства, всегда пыталось уничтожить профессиональные и политические организации рабочих и строго наказывать каждого глубоко убежденного рабочего еще задолго до того, как 1 мая было объявлено международным конгрессом мировым праздником, направленным против предпринимателей.

Если же согласиться, что предприниматели достаточно сильны, чтобы при подобной пробе сил пролетариата выбросить на мостовую сотни тысяч, что они действительно достаточно сильны, чтобы предотвратить при равных благоприятных условиях участие в подобной демонстрации, даже и в том случае, если она приходится на воскресенье, так как значение ее от этого не меняется.

На этом собрании демократия получила от Бебеля такую пощечину, что мы сами не можем понять, как мог человек в один вечер, в один час разрушить все то, что он сам создавал в течение 25 лет и за что так энергично и храбро боролся.

Собственную партию пусть основывают те, которые не соглашаются слепо со всем, что считает правильным партийное руководство. Разве это не правительство в другой форме? Разве Бебель думает, что он сумеет устранить недовольство, если он устранит представителей недовольных?

Мы в настоящее время те же, чем были 10 и 15 лет тому назад, и таковыми и останемся — убежденными социалистами и подлинными демократами.

Мы считаем себя принадлежащими к социал-демократической партии и не дадим ни руководителям нашей партии, ни кому-либо другому навязать нам то, что противоречит нашим убеждениям...

Мы ожидаем от тех товарищей, которые вместе с нами так храбро боролись во время закона о социалистах за распространение наших идей, что они наконец воспрянут и вместе с нами выступят против опошления партии.

Тогда вернется и воодушевление, которое укрепляет волю и помогает преодолевать все трудности.

Да здравствует международная революционная социал-демократия!

5. Борьба на два фронта.

Приводимые здесь отрывки из речей Бебеля и В. Либкнехта на Эрфуртском партейтаге характерны не только аргументировкой, направленной как против правых (Фольмар), так и против левых («молодые»), но также и теоретическими высказываниями вождей партии по основным вопросам движения.

А. Из речи Бебеля.

...Конечная цель партии — это уничтожение современного буржуазного общества с капиталистическим способом производства; это всегда было ее целью. Организация социалистического общества и социалистического способа производства составляет программу партии с того момента, как партия себя осознала.

В настоящее время социал-демократия по отношению к другим прежним партиям, поскольку они стремились добиться господства, занимает совершенно другую позицию. В то время, как мы стремимся уничтожить капиталистический способ производства и заменить его социалистическим, мы вынуждены итти по совершенно другому пути, чем все прежние классы, которые пришли к господству. История человеческого развития показывает, что какой-нибудь класс только в тот момент получает политическое господство в государстве, когда он достиг господства над новым способом производства, когда он получил власть над материальными благами; у нас же вопрос идет о совершенно противоположном.

Мы не в состоянии установить господство рабочего класса путем завоевания экономической мощи, мы должны прибегнуть к противоположному средству. В первую очередь мы должны завоевать политическую власть и использовать ее для того, чтобы путем экспроприации буржуазных классов добиться экономической власти. Как только мы получим политическую власть, все остальное приложится само собой. Но как мы добьемся этой власти?

Когда партия, как наша, объявляет войну господствующему обществу, и когда последней целью ее является уничтожение этого общества, то, само собой разумеется, что господствующий класс сделает все, чтобы этому помешать. С другой стороны, такая партия, как наша, имеющая подобные стремления, поставлена в необходимость употребить все способы и средства, которые она считает годными для пропаганды своих идей; она должна сделать все, чтобы сделать эти идеи достоянием масс, которые должны быть заинтересованы в своих социалистических идеях. Однако мы знаем, что борьба за политическую власть не может решиться немедленно, несмотря даже на совершенно несомненную быстроту, с которой мы приближаемся к цели, темп которой в будущие годы усилится, следовательно мы должны искать наи более действительных и обеспечивающих успех средств.

Существует целый ряд путей, которые сообща ведут к цели. Прежде всего, это устная агитация в союзах и собраниях. Мы все в большей или меньшей степени прекрасно знаем, как затрудняют для нас этот путь, но мы развиваем его всеми имеющимися у нас силами. Дальше идет пресса; мы распространяем свои газеты, стремимся увеличить количество подписчиков, увеличиваем число органов, так как вместе с этим растет наша власть. Третье средство — это парламентская деятельность. Это средство так высоко ценил Лассаль, что он не выставлял другого требования, кроме требования всеобщего, равного и прямого избирательного права. Он считал его единственным средством добиться политической власти; он считал, что при помощи этого средства можно заставить государство удовлетворить требования рабочего класса. Это требование было удовлетворено в 1867 г.

Я не хочу останавливаться здесь на причинах, которые принудили тогда господствующие классы дать всеобщее избирательное право. Достаточно того, что оно было дано; с того момента, когда оно было дано, ни у одного социал-демократа не возникло сомнений насчет того, чтобы наиболее широко использовать это средство и чтобы послать представителей партии в рейхстаг. И в течение почти 25 лет этим пользовались во все увеличивающейся степени.

Потом возник вопрос: как должны представители вести себя в рейхстаге? Этот вопрос много раз обсуждался и будет обсуждаться до тех пор, пока мы вынуждены оставаться на почве парламентской деятельности...

Это преждевременное возникновение разногласий по вопросу о тактике партии, и именно среди самих вождей, свидетельствует наиболее ярким образом о том, что свобода мнений внутри партии является жизненным принципом, само собой разумеющимся правом, которое наиболее полно и широко используется самими вождями. Если бы это было не так, то в партии произошел бы раскол или партия была бы обречена на гибель...

В настоящее время мы все согласны в том, что при первых выборах не следовало бы вообще избирать кандидатов противных партий; в настоящее время партия не может попасть в такое затруднительное положение, когда ей пришлось бы поддерживать других рабочих кандидатов, просто потому, что таковых больше не существует. Далее, на партийном конгрессе в Дрездене обсуждался вопрос о тактике 1871 г.; на этом конгрессе я, по поручению партийного руководства, делал доклад об участии в коммунальных выборах и выборах в ландтаг; тогда была дана директива всюду выступать за введение общего голосования в ландтаге и коммуне. То же самое было решено на конгрессе в Эйзенахе в 1873 г., также по предложению Либкнехта в Кобурге в 1874 г. До 1877 г., когда состоялся последний партейтаг, до издания закона против социалистов, партия вообще больше не занималась вопросом тактики. Этот вопрос обсуждался уже во время существования закона о социалистах на трех конгрессах: в Видене, Копенгагене и Ст.-Галлене, он был решен в том смысле, что партия должна вообще принимать участие в выборах, что депутаты в парламенте ни в коем случае не должны вести себя только оппозиционно, но принять все меры к тому, чтобы добиться уступок в пользу рабочего класса. Почему мы всегда решали так? Потому что каждый знающий практическую жизнь понимает, что было бы глупостью, если бы партия не говорила о каждодневной нужде, о каждодневном страдании рабочего класса и не добивалась бы улучшения существующего положения и уничтожения существующего зла. Мы пытаемся достигнуть этого между прочим также при помощи наших профсоюзных организаций. Было время, когда по поводу целесообразности этих последних внутри партии велись оживленные споры; даже и в настоящее время некоторые придерживаются того мнения, что профсоюзы имеют второстепенное значение, что профсоюзная организация мешает политической, что она поглощает массу сил и средств, которых она лишает политические организации, и вследствие ущерба, нанесенного неудачной стачкой, не следует основываться на профсоюзах. Огромное большинство партии между тем считает профсоюзные организации необходимыми не только для развития партии, но и для ведения классовой борьбы против существующего порядка вещей.

Каждый практический человек знает, что мы своими конечными целями не завоевали сотни тысяч людей, потому что эти последние говорят: зачем нам стремиться к цели, которой мы не доживем, к цели, от которой нельзя ждать немедленного успеха. Тактика анархистов в том и заключается, чтобы разъяснить, что надо отбросить профсоюзную и парламентскую деятельность и быстро опрокинуть существующий общественный порядок. Как бы велики ни были усердие и готовность к жертвам анархистов, определенно известно, что всюду, где развивается анархическое движение, оно, несмотря на все усилия и жертвы, не пошло дальше организации жалкой секты. Все эти чисто отрицательные направления бессознательно работают в пользу наших противников, потому что последние только и ждут этой тактики. Для них нет ничего более неприятного, чем спокойная, сознательная работа, самое приятное для них было бы, если бы пролетариат давал повод, чтобы его можно было насилием опрокинуть. Наша беспрерывная подкопная работа — это то, чего больше всего не переваривают наши смертельные враги. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы теперь отказались от этой тактики. Мы согласились на том, что профсоюзное движение и организация необходимы, что борьба за улучшение положения рабочих в буржуазном обществе сделалась огромным средством для развития нашего движения среди всего рабочего класса. Мы знаем, что все те сотни тысяч мужчин и женщин, как мы можем с гордостью теперь сказать, пришли к нам в большинстве случаев не потому, что они признали, что последняя цель социал-демократии — это их цель, поэтому они присоединяются к ней, но они пришли потому, что они видят, что наша партия — это единственная, которая говорит о страданиях рабочего класса

и борется за улучшение его положения. Они видят, что действия других партий противоречат словам, которыми они бросаются перед избирателями, и, что, напротив, наша партия борется за них, что она знает о тяжелом ярме, под которым они стонут, о страданиях, которые они испытывают, и пригвождает к позорному столбу мучителей и эксплоататоров. Вот те соображения, которые побуждают массы итти к нам, а раз они уже к нам пришли, то, само собой разумеется, что те, которые вначале присоединились к нам только в надежде на определенные прямые выгоды, может быть даже по каким-либо побочным причинам, все больше и больше завоевываются нами, пока становятся целиком и полностью социал-демократами.

В современном обществе люди не рождаются, как Минерва из головы Юпитера, готовыми социал-демократами; им приходится бороться с массой предрассудков, которые забили в их головы современное общество и его адвокаты в школе и церкви. С другой стороны, несомненно то бесчисленное множество, которое в настоящее время примыкает к движению, так сказать врастает в движение, как дети социал-демократов, потому что в настоящее время имеется материнское и отцовское влияние; в наше же время еще не было социал-демократических отцов и матерей, мы должны были сначала ими сделаться. Если в настоящее время партия растет не только в ширину, но и в глубину так, как мы этого, может быть, сами не ожидали, то это плоды развития последних 20 лет, и не только наша собственная заслуга. Мы слишком хорошо знаем, что то, что сделано нами, могло быть достигнуто нами, потому что нам помогали обстоятельства и потому, что буржуазия, наш смертельный враг, является матерью, которая, создавая современный пролетариат, рождает детей, которых мы должны воспитывать социал-демократами. Таким образом мы сделались тем, что мы представляем собой в настоящее время.

Фольмар думал, что тактика нашей партии должна концентрироваться на определенных положительных требованиях, остальные же требования надо отложить до лучших дней — точка зрения, с которой я борюсь самым решительным образом. Но поскольку Фольмар может придерживаться такого мнения, могут и другие считать, что тактика партии может быть более агрессивной. Если бы господа из оппозиции сказали например: фракция сделала то-то и то-то, это, по нашему мнению, неправильно, тогда можно было бы спорить, но при том способе, когда вы забрасывали клеветой и подозрением, дискуссия невозможна. Теперь эти господа говорят, что речи депутатов должны были быть больше проникнуты революционным духом. Мы же слышали, что даже в вопросе парламентской тактики между ними нет единения. Их общая почва — это подозрение и поносительство партийного руководства; по всем же вопросам они различного мнения. Два лица, которые по своим умственным способностям могут считаться руководителями оппозиции, Вильдбергер и Рихард Багинский, совершенно расходятся по вопросу о тактике партии в отношении парламентской деятельности. Вильдбергер не против парламентской деятельности, он считает только, что надо действовать более резко, Багинский, напротив, говорит, что мы хотя и должны посылать депутатов в рейхстаг, но они не должны вносить запросов, а только протестовать, отрицать и агитировать. Вы, сидящие там, в рейхстаге, вы, жалкая, ничтожная группа, мы попытаемся захватить вас в свои руки и тогда вам будет плохо. Вильдбергер говорит: мы не должны скрывать революционной точки зрения, мы всегда должны подчеркивать, что парламентаризм — это не та почва, на которой мы достигаем своей цели. Ну, а как с последней целью? В рейхстаге нас упрекают: вы хотите жестокого насилия и переворота. Должны мы с этим согласиться? Мы могли бы это сделать в рейхстаге, не будучи привлеченными к уголовной ответственности, но какие это имело бы последствия? Моральную ответственность за такое безмозглое поведение мы должны были бы нести вне рейхстага, и от этого нам пришлось бы плохо. Само собой разумеется, что противники сделали бы из этого вывод, что они должны сражаться с нами на баррикадах и, чтобы этого избежать, стали бы иначе поступать с нами. Действительно, нельзя доставить большего удовольствия своим противникам, чем говорить с ними в подобном стиле; это дало бы возможность провести то, чего желают противники. Они очень несчастны, что они беспомощны, так как все, что они предпринимают против нас, ударяется о броню нашего спокойствия и хладнокровия. Ни одно из их оружий до сих пор не могло нанести нам серьезного поранения. Они могут повредить одному, может быть, убить его, но что из этого? На его место станут десять, двадцать других. Так было до издания закона о социалистах, так было при

этом законе, и так будет после него до тех пор, пока мы должны бороться с современным государством и с современным обществом. Если мы при каждом случае говорили бы то, чего требует оппозиция, это было бы провокацией, и мы не могли бы избежать насильственной борьбы. Или вы полагаете, что если, предположим, партия согласилась бы с подобной тактикой, то те, которые это одобряют, примирились бы с тем, чтобы ограничиться только словами? Вы сильно ошибаетесь. Мы были бы вынуждены к открытой борьбе. А что произошло бы в эпоху магазинного ружья и огромных орудий с революцией, которую сделала бы в лучшем случае пара сот тысяч человек, об этом я говорил уже недавно в Дрездене: мы были бы расстреляны как враги. Кто в настоящее время в связи с колоссальными успехами не только на военном, но и на политическом, и в особенности на экономическом поприще полагает, что мы, социал-демократы, хотели бы достигнуть своей цели путями буржуазных партий, т. е. баррикадами, — тот глубоко ошибается, тот совершенно не понимает положения вещей, в котором мы находимся. Точно так же как то положение, которое мы занимаем по отношению к государству и обществу, совершенно разнится от положения прежних классов и партий, мы точно так же и в достижении последней цели становимся на совершенно новые пути и пользуемся новыми средствами. Я думаю, что мы имеем большое основание быть довольными ходом вещей; только те, которые не могут охватить происходящего, могут не согласиться с этим. Буржуазное общество так усердно работает для своего уничтожения, что мы должны только выждать момент, чтобы получить падающую из его рук власть. В Германии, а также во всей Европе, дела принимают такой оборот, что мы и здесь имеем все основания быть удовлетворенными. Я убежден, что осуществление нашей цели так близко, что только немногие из присутствующих в этом зале не доживут до этого времени. И при таком ходе развития (обращаясь к оппозиции) одобрить ваш метод тактики означало бы погубить партию...

Фольмар видит существенное улучшение в современном политическом положении, он полагает, что наступил «новый курс». Крупные промышленники и аграрии должны, по его мнению, сократить свои беспредельные требования; правительство стало на путь рабочего законодательства, мы должны вступить на путь соглашения и попытаться на основе существующего государственного и общественного порядка достигнуть экономических и политических улучшений. «Доброй воле протягиваем руку!» Незнание и предрассудки делают многих, в общем не плохих, людей противниками наших стремлений, мы должны развивать самокритику и самоограничение, не слишком много заниматься прошлым в своей практической и политической работе и т. д. Собственно смысл этих речей, как я написал об этом в «Нейе Цейт», может быть выражен в одном предложении: медленно вперед. Фольмар подчеркивает необходимость развития, но он настаивает на том, чтобы считаться с существующим и только медленно итти вперед... Я должен заявить, если партия будет следовать тактике Фольмара и сосредоточит всю свою агитацию прежде всего на завоевании этих пяти пунктов [1], с временным устранением наших прямых целей, то это будет борьба, которая, по моему мнению, с неизбежностью приведет партию к погрязению. Это означало бы полнейшее уклонение от нашей прямой цели. Мы действовали бы как раз в направлении, обратном тому, как мы должны действовать и действовали до сих пор. Мы до сих пор боролись за все то, чего можно добиться от современного государства, и мы всегда подчеркивали, что то, чего мы добиваемся, это только мелкая уступка и абсолютно ничего не меняет в истинном положении вещей. Мы всегда должны иметь в виду целое, каждая новая уступка имеет для нас то значение и смысл, что мы укрепляем ту почву, на которой мы стоим, для борьбы и для того, чтобы сделаться обороноспособнее. Если бы наша армия — партия противостояла бы другой армии — объединенному противнику, о котором я должен сказать, что он еще пока во всех отношениях является более сильным, то, само собой разумеется, было бы глупостью предпринять решительный бой с этой армией. Я должен делать все, что по возможности улучшает наше положение в борьбе и таким образом обеспечивает окончательную победу. Каждого клочка земли, который я отвоевываю в подобной борьбе, каждой выгоды, которой я могу добиться, я должен добиваться для того, чтобы сделать более сильным последний удар. Именно потому, что мы нашей

[1] Здесь идет речь о пятом пункте практических требований, сформулированных Фольмаром в своей первой речи в Эльдорадо; см. выше. *Прим. ред.*

агитацией в политической, экономической и парламентской области хотим целиком и полностью добиться своей цели, поэтому наши противники говорят нам: вы хотите уступок для того, чтобы легче победить нас, и поэтому мы этих уступок вам не даем. Для нас же вопрос идет о том, чтобы показать массам, что противники отказывают в их собственной области в самых элементарных и справедливых требованиях. Это просвещение масс относительно наших противников есть главная задача нашей парламентской деятельности, а вовсе не вопрос о том, будет ли удовлетворено какое-либо требование или нет. Мы вносили свои запросы всегда только с этой точки зрения. Из дюжины предложений, которые мы внесли в последний законодательный период, было принято только одно единственное, а именно то, которое противники должны были принять, если не хотели самих себя высечь. Наша деятельность в этой области встретила самую благоприятную оценку в широких кругах рабочих, о чем свидетельствуют многочисленные письма. Мы всегда придерживались той точки зрения, что дело идет вовсе не о том, добиваемся ли мы того или другого; самое важное для нас — это ставить определенные требования, которых не может ставить никакая другая партия. Мы являемся представителями рабочего класса в противоположность интересам всех других классов, мы при этом ни в коем случае не можем пойти на соглашение, как этого хочет Фольмар в своей первой, а еще больше в своей второй мюнхенской речи. Он говорит, например, во второй своей речи, что с тех пор, как работает рейхстаг, в Германии произошли существенные изменения, во главе стали новые люди и произведено немало реформ. Он далее указывает на те достижения, которые получены со времени учреждения первой фабричной инспекции до новейшего закона о регулировании производства.

Он говорит о постепенном продолжающемся улучшении положения рабочих, для которых много сделано. «Серьезные люди стремятся к идеалу, и они представляют себе также длинный путь, который ведет к нему, и бесчисленные препятствия, встречающиеся на нем и т. д.».

Это точка зрения, с которой я самым решительным образом буду бороться. Это в основе неправильно, чтобы от нас выступал вождь и постоянно говорил в партии: дети, нам предстоит бесконечно длинный путь, на котором лежат неисчислимые препятствия, поэтому будьте скромны, не двигайтесь слишком быстро, и так мы постепенно, если даже очень медленно, но доберемся до цели. Это ложная и извращенная тактика, которая парализует всякое воодушевление и способствует тому, что о значении мелких уступок распространяются такие мнения, которые не имеют ничего общего о сущностью и целями нашей партии. При этом игнорируется успех не только на нашей стороне, но также достигнутый в другой форме успех наших противников. Наша точка зрения стала более четкой, ясной и принципиальной постольку, поскольку сильней развилась вся партия и поскольку мы все больше продвинулись вперед, наши противники продвинулись назад. Ни один здравомыслящий противник не осмеливается в настоящее время сказать, что буржуазное общество может удовлетворить требования рабочего класса. Несколько лет назад в это верили еще многие наши противники, в настоящее время никто этому не верит. Развитие экономических отношений, продолжающееся вооружение, когда каждый должен сказать себе, что если войны не будет сегодня или завтра, то послезавтра она будет непременно, и уверенность в том, что все это ведет к уничтожению современного общества, в результате всего этого никто не станет отрицать, что мы идем к катастрофе. Само собой разумеется, никто не скажет, что социал-демократия права, но ни один из противников не думает, что она не права. Наш огромный выигрыш в том, что противники потеряли веру в самих себя. И при таком положении вещей становиться нам на точку зрения Фольмара и говорить: дети, двигайтесь медленно, будьте скромны? Как будто мы когда-либо были нескромны. С политикой воздержания, как рекомендует Фольмар, я ни при каком положении не могу согласиться. И скажите, товарищи, что собственно изменилось в Германии за 2 года? Бисмарк ушел, конечно, мы все радуемся этому, но Каприви здесь, а ведет ли он дела в общем и целом лучше, чем Бисмарк? Человек, который на последнем заседании рейхстага заявил: мы отлично знаем, что мы с вами, социал-демократами, справимся не иначе, как при помощи ружей и пушек, — открыто высказал свое мнение и это нас радует, но оказывать ему доверие — для этого действительно нет оснований. Далее, возьмем поведение правительства в аграрном вопросе. Имеем ли мы основание считать его особенно благоприятным? Но что бы мы выиграли, если бы даже

переменились местами либералы и консерваторы, чего можем мы ожидать от этого при современном государственном и общественном порядке? Если правительство, в противоположность Бисмарку, дошло до того, чтобы, наряду с законом о страховании в случае инвалидности, болезни и несчастья дать немного и рабочего законодательства, то правительство сделало это для того, чтобы лить воду на мельницу социал-демократии? Нет, исключительно для того, чтобы отвести воду от социал-демократической мельницы. Не будем заблуждаться на этот счет. Может быть те люди наверху и имеют «доброе сердце», я например думаю о «добром сердце» г. фон-Берлепш, но они не являются нашими друзьями, все, что они делают, они делают для того, чтобы нас ослаблять. Если они нас укрепляют, удовлетворяя то или другое из наших требований, то это происходит против их воли. Положение вещей в настоящее время таково, что все то, что делают наши противники, борются ли они с нами или соглашаются, во всяком случае, они способствуют нашей работе, способствуют против своей воли нашим делам...

Б. Из речи В. Либкнехта.

...Что касается парламентаризма и моего отношения к нему, то г. Вильдбергер [1], если бы он читал протоколы прежних конгрессов, знал бы, что я всегда придавал парламентаризму то значение, какое он сам придает в только что произнесенной речи. Я и мы все стоим на той точке зрения, что центр тяжести нашей партийной деятельности лежит не в рейхстаге, а вне его, и что наша деятельность в рейхстаге до тех пор, пока мы не имеем решающего влияния, должна быть преимущественно агитационной. Но то, что мы не имеем решающего влияния, является разве осуждением парламентаризма? Парламентаризм просто обозначает систему народного представительства. Что мы до сих пор ничего не добились в рейхстаге, в этом вина не парламентаризма, а того, что мы не имеем еще достаточной власти в стране и в народе. Если бы за нами стояло столько голосов, столько силы, как за буржуазными партиями, тогда рейхстаг был бы и для нас не столь бесплодным, каким он является для других, — механизм законодательства работал бы для нас так же хорошо, как он работает в настоящее время для наших противников... Этим я не хочу сказать, что путем законодательства могут быть решены все вопросы; но покажите мне другой путь, который вел бы к цели. По мнению некоторых, существует еще другой путь, более короткий, а именно — насилие. Мы готовимся втайне или как-нибудь иначе к моменту, когда мы путем насилия одним ударом изменим положение. Но ведь это же анархизм и это ваша (обращаясь к оппозиции) большая ошибка, что вы не учитываете этих последствий. Под парламентаризмом мы понимаем не парламентское мнимое представительство, как при Луи-Филиппе, но использование силы, которая нам дана стоящими за нами голосами.

Если бы главное ударение делали на моменте механического насилия, мы становились бы на точке зрения наших врагов. Бисмарк был человеком грубого насилия, человеком кровавой и железной политики. Никто не обладал большими средствами насилия и никто меньше не стеснялся в средствах их употребления. А успех, куда он девался? В течение четверти века он имел в своем распоряжении полицию, армию, капитал, государственную власть, словом, все механические средства власти; мы ничего не могли противопоставить ему, кроме нашего права, нашего убеждения, открытую грудь — и мы победили. Наше оружие было лучше. Грубое насилие должно уступить моральным факторам, логике вещей. Бисмарк лежит повергнутый во прах, а социал-демократия — самая крупная партия Германии. Разве это не могучее доказательство правильности теперешней тактики? А чего добились анархисты в Голландии, Франции, Италии, Испании, Бельгии? Абсолютно ничего. Они уничтожали все, чего касались, всюду наносили вред движению, и рабочие от них отвернулись. Всех анархистов Европы можно запрятать в пару полицейских экипажей. Своими смешными революционными фразами, бессмысленными покушениями и другими глупостями анархисты ничего не сделали для дела пролетариата и только работали наруку противникам, которые поэтому весьма довольны анархистами. Хуже всего обстоит дело с социализмом в странах, где движение с самого начала было связано с жестокостями и глупостью анархистов. Политическое возрождение французского пролетариата после кровопускания кровавой майской недели начинается с того момента, когда он целиком порвал с анархическим безумием. Я под-

[1] Представитель оппозиции «молодых».

черкиваю, что я помогал созданию нашей тактики и совершенно согласен с Бебелем, который с самого начала в связи с другим ходом своего развития пришел к этой более практической форме тактики. Я подписываюсь целиком под его резолюцией...

Чем мы добились своего могущества в Германии? Как раз тем, что мы вместо того чтобы сказать: мы живем в воздушных замках и не интересуемся практическими вещами, — мы с самого начала практически взялись за работу на благо рабочего класса, работали в общинах, ландтагах и рейхстаге и использовали всякое оружие, которое имели. Мы не поступали так, как тот англичанин, который не мылся потому, что хотел иметь для этого целое море и предпочитал совсем не умываться. Революционность не в средствах, а в цели. Насилие тысячелетиями считается реакционным фактором. Докажите (обращаясь к оппозиции), что наша цель ошибочна, тогда вы можете сказать, что партия теперешним руководством отклоняется от революционного пути. Лучшим доказательством для правильности руководства является успех, наша тактика целиком себя оправдала.

Меня упрекают в том, что я заявил, что в случае нападения на нас, когда мы должны будем обороняться, мы готовы защищать отечество. Конечно я несколько раз об этом заявлял, это само собой разумеется, это сделает каждый из нас; и я спрашиваю г. Вильдбергера, а разве он не сделает этого, не должен так сделать; в конце концов нас даже никто и не спросит и разве это не в наших собственных интересах, чтобы мы выбросили из нашей страны того, кто ворвется в нее, как выбрасывают разбойника, который вламывается в наш дом? Но я всегда прибавлял к своим заявлениям, что война должна быть справедливой, необходимой. Но каждая война, которая по форме является оборонительной, является таковой в действительности. Кажущийся обороняющимся иногда в действительности бывал нападающим. Во всяком случае социал-демократия не должна дать увлечь себя в шовинистическое течение. Брюссельское решение против милитаризма точно устанавливает нашу точку зрения во всех направлениях. Мы военную опасность не считаем чем-то неизбежным, как рок; неправильны выводы: если Бебель и я высказываемся за возможность мировой войны как результата господствующего экономического беспорядка, то мы обязаны предоставлять правительству суммы для целей милитаризма. Современный милитаризм сам является причиной военной опасности и, во всяком случае, не в состоянии помешать войне. Поэтому мы в отношении милитаризма занимаем принципиально ту же позицию, какую занимает, по его словам, г. Вильдбергер...

Анархической чепухой мы будем также мало заниматься, как и оппортунистической. Что «оппозиция» говорила о критике тактики, мы не считаем этого нарушением интересов партии, они имеют на это полное, никем неоспоримое право. Но если «молодые учтут последствия того, чего они фактически требуют, то, поскольку я могу понять — ясно никто этого не выразил, — они должны сказать: надо осудить парламентский и легальный путь, парламентаризм губит и разрушает партию, долой его! Мы хотим пропаганды действием, мы анархисты. Если вы способны делать выводы, если вы имеете мужество для этого, вы должны это сказать, иначе вы занимаете жалкое положение посредине, колеблетесь между нашей тактикой и тактикой анархистов.

Вместе с тем мы должны опасаться оппортунизма. Следует строго охранять революционный характер партии. Приспособление к обстоятельствам не должно выродиться в трусливую беспринципную расчетливость; партия всегда должна в своих действиях руководиться принципом и конечной целью, никогда не забывать своего революционного характера и всегда его выявлять. Это то, что забыл Фольмар, что компромисс между капитализмом и социализмом невозможен и что все остальные партии стоят на почве капитализма. Если мы даже откажемся от фразы о реакционной массе, то все же мы должны знать, что все другие партии тесно связаны и образуют одну стену, которую нельзя прошибить добром, прекрасными фразами. Ее надо взять с бою, при помощи овладевшего своим классовым сознанием народа. Партия должна добиться мощи, должна приобрести таких сторонников, чтобы они могли в конце концов развивать такое влияние, которому никакое правительство не может противостоять. Нам могут сказать: когда вы будете иметь большинство, тогда придут солдаты; на это я отвечаю: дайте нам дойти до такого положения, тогда мы сделаем опыт...

Опираясь на науку и опыт, сильные сознанием нашего правого дела, мы смело и неудержимо движемся вперед. Мы ловко и умно используем факты, которые действуют в пашу

пользу, и употребим все средства борьбы, в которых мы превосходим наших врагов, а не они нас, и употребление которых поставит их несомненно в такое положение, когда они не смогут вредить нам как партии, а не только что уничтожить.

Мы имеем испытанную тактику — путь нам ясно указан программой. Не будем уклоняться от него. Будем избегать, с одной стороны, болота оппортунистической правительственной политики, с другой стороны — анархических безумств.

6. Эрфуртская программа.

Эта программа, носящая название по имени съезда, была принята в 1891 г. Вопрос о замене устаревшей и теоретически неудовлетворительной Готской программы поднимался несколько раз еще в эпоху исключительного закона. Первый легальный съезд в Галле (1890 г.) по докладу В. Либкнехта решил поручить Бебелю, Ауэру и В. Либкнехту разработать новый проект программы. К Эрфуртскому партейтагу было выработано несколько проектов партийной программы. По докладу В. Либкнехта на Эрфуртском съезде был принят проект партийного правления, в основном разработанный Каутским. Каутским же в 1892 г. были написаны комментарии к Эрфуртской программе. При изучении этой программы следует ознакомиться с брошюрой К. Каутского «Эрфуртская программа».

«Экономическое развитие буржуазного общества ведет с необходимостью закона природы к гибели мелкого производства, основу которого образует частная собственность рабочего на его средства производства. Оно отделяет рабочего от его средств производства и превращает его в неимущего пролетария, а средства производства становятся монополией сравнительно небольшого числа капиталистов и крупных землевладельцев.

Рука об руку с этим монополизированием средств производства идет процесс вытеснения раздробленных и мелких предприятий колоссальными крупными предприятиями, развитие ручного инструмента в машину, гигантский рост производительности человеческого труда. Но все выгоды этого переворота монополизируются капиталистами и крупными земельными собственниками. Для пролетариата же и для гибнущих средних слоев — буржуазии и крестьян — это означает все большую необеспеченность существования, рост нужды, гнета, порабощения, унижения, эксплоатации.

Все больше увеличивается число пролетариев, все многочисленнее становится резервная армия рабочих, все резче проявляется противоположность между эксплоататорами и эксплоатируемыми, все ожесточеннее классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, разделяющая современное общество на два враждебных лагеря и составляющая общую черту всех промышленных стран.

Пропасть между имущими и неимущими еще более увеличивается вследствие кризисов, обусловливаемых самой сущностью капиталистического способа производства; эти кризисы становятся все обширнее и опустошительнее, они возводят всеобщую необеспеченность в нормальное состояние общества и служат доказательством общества переросли его, что частная собного общества переросли его, что частная собственность на средства производства стала несовместимой с их целесообразным приложением и полным развитием производительных сил.

Частная собственность на средства производства, которая некогда служила производителю для обеспечения обладания продуктами своего труда, служит ныне средством для экспроприации крестьян, ремесленников и мелких торговцев и для присвоения продукта труда рабочих в собственность не-работников, т. е. капиталистов и крупных землевладельцев. Только преобразование капиталистической частной собственности на средства производства — землю, копи и рудники, сырье, инструменты, машины, средства сообщения — в собственность общественную и замена товарного производства производством социалистическим, ведущимся для общества и самим обществом, могут привести к тому, что крупное хозяйство и беспрерывно возрастающая производительность общественного труда превратятся для эксплоатируемых до сих пор из источника нищеты и угнетения классов в источник величайшего благосостояния и всестороннего гармонического развития.

Этот общественный переворот означает освобождение не одного только пролетариата, но и всего человеческого рода, страдающего от современных условий жизни. Но освобождение это может быть только делом рабочего класса, так как все другие классы, несмотря на различие их интересов, стоят все на почве частной собственности на средства производства и ви-

дят в сохранении основ современного общества свою общую цель.

Борьба рабочего класса против капиталистической эксплоатации его — по необходимости политическая борьба. Рабочий класс не может вести своей экономической борьбы, не может развить своей экономической организации без политических прав. Он не может осуществить перехода средств производства во владение общества, не овладев раньше политической властью.

Придать этой борьбе рабочего класса сознательный и единый характер, внести в нее единство и указать ей ее естественно-необходимую цель — такова задача рабочей партии.

Во всех странах, где существуют капиталистический способ производства, интересы рабочего класса одинаковы. По мере расширения международных сношений и производства для всемирного рынка положение рабочих каждой страны становится все более зависимым от положения рабочих в других странах. Таким образом освобождение рабочего класса есть дело, в котором в одинаковой степени заинтересованы рабочие всех культурных стран. Сознавая это, социал-демократическая партия Германии чувствует и объявляет себя солидарной с сознательными рабочими всех других стран.

Таким образом рабочая партия Германии борется не за новые классовые привилегии и преимущества, а за уничтожение самого классового господства и самих классов, за равные права и равные обязанности для всех людей, без различия пола и происхождения. Исходя из этих воззрений, партия ведет в современном обществе борьбу не только против эксплоатации и угнетения наемных рабочих, но и против всякой эксплоатации и угнетения, направлены ли они против класса, партии, пола или расы...»

Исходя из этих принципов, германская социал-демократическая партия выставляет следующие требования:

1. Всеобщее, равное, прямое избирательное право как активное, так и пассивное, с тайной подачей голосов для всех граждан государства, достигших двадцатилетнего возраста, без различия пола, при всех выборах и голосованиях. Пропорциональное представительство, а до введения его — законодательное перераспределение избирательных округов после каждой народной переписи. Новая легислатура [1] каждые два года (двухлетние законодательные периоды). Назначение законом выборов и голосований в праздничный день. Вознаграждение избранным представителям. Отмена всяких ограничений политических прав, за исключением случаев назначения опеки.

2. Прямое законодательство через народ при помощи законодательной инициативы и референдума. Самоопределение и самоуправление народа в империи, отдельных государствах (входящих в состав империи), провинции и общине. Избрание должностных лиц народом; их уголовная и гражданская ответственность. Ежегодное утверждение налогов.

3. Общее военное обучение. Народная милиция вместо постоянной армии. Решение народными представителями вопросов о войне и мире. Разрешение всех международных споров третейским судом.

4. Отмена всех законов, ограничивающих или подавляющих свободное выражение мнений, право союзов и собраний.

5. Отмена всех законов, ограничивающих права женщин по сравнению с мужчинами в области публичного и частного права.

6. Признание религии частным делом каждого отдельного человека. Отмена всяких взносов из общественных средств на церковные и религиозные цели. Церковные и религиозные общины должны быть рассматриваемы как частные союзы, совершенно самостоятельно управляющие своими делами.

7. Светская школа. Обязательное посещение общественных народных школ. Бесплатное обучение, бесплатные школьные пособия и пища в народных и общественных школах; право бесплатного пользования всем этим и в средних учебных заведениях для тех учеников и учениц, которые по своим способностям будут признаны достойными дальнейшего образования.

8. Бесплатное судопроизводство и бесплатная юридическая помощь. Выборные судьи. Право апелляции в уголовных делах. Вознаграждение лиц, невинно обвиненных, заключенных и осужденных. Отмена смертной казни.

9. Бесплатная медицинская помощь, не исключая акушерской помощи, и снабжение лекарствами. Бесплатное погребение.

10. Прогрессивный налог на доходы и имущества для покрытия всех общественных расходов, поскольку они должны быть покрыты налогами. Обязательная декларация своих доходов плательщиками. Прогрессивный налог на наследство, сообразно с его размерами и степенью

[1] Легислатура — законодательство.

родства. Отмена всех косвенных налогов, пошлин и других политико-экономических мер, жертвующих интересами всего общества интересам привилегированного меньшинства.

Для защиты рабочего класса германская рабочая партия требует немедленно:

1. Национального и международного рабочего законодательства на следующих основаниях:

а) установление нормального рабочего дня с максимальной продолжительностью в 8 часов;

б) запрещение промышленного труда детей моложе 14 лет;

в) запрещение ночной работы, за исключением тех отраслей промышленности, которые, в силу своих естественных условий, требуют ночной работы по техническим ли причинам или в интересах общественного блага;

г) непрерывный отдых для каждого рабочего по крайней мере в течение 36 часов в неделю;

д) запрещение системы расплаты товаром вместо денег.

2. Надзор за всеми промышленными заведениями, обследование и регулирование условий труда в городе и в деревне посредством имперского министерства труда, окружных управлений и камер труда. Всестороняя промысловая гигиена.

3. Уравнение в правах перед законом сельскохозяйственных рабочих и домашней прислуги с промышленными рабочими; отмена специальных законов о прислуге.

4. Обеспечение права союзов.

5. Передача всего страхования рабочих в руки государства, при решающем участии рабочих в заведывании делом».

7. Критика проекта Эрфуртской программы Ф. Энгельсом.

(Отрывки из письма Ф. Энгельса ЦК СДПГ от 29 июня 1891 г.)

Политические требования.

«Политические требования проекта имеют большой недостаток. В них нет того, что собственно следовало сказать. Если бы все эти десять требований были удовлетворены, то у нас хотя и было бы гораздо больше средств для проведения главного политического требования, но у нас абсолютно не было бы еще самого главного. В предоставленных народу и его представительству правах имперская конституция является простой копией прусской конституции 1850 г. — конституции, в которой по параграфам изложена самая крайняя реакция; конституции, на основании которой правительство обладает действительной властью, палаты же не имеют даже права непринятия бюджета; конституции, которая в эпоху конфликта доказала, что правительство могло с ней сделать все, что хотело. Рейхстаг имеет совершенно такие же права, как и прусская палата, и поэтому Либкнехт назвал этот рейхстаг фиговым листком абсолютизма. Хотеть на основании этой конституции и санкционированного ею сепаратизма мелких государств, на основании союза Пруссии с Реисс-Грейц-Шлейц-Лобенштейн, из которых одна содержит столько же квадратных миль, сколько другой квадратных дюймов, на таком основании хотеть провести «превращение всех средств производств в общественную собственность», очевидно, нелепо. Касаться этого однако опасно. Тем не менее так или иначе необходимо затронуть этот вопрос. Насколько это необходимо, доказывает оппортунизм, именно теперь проникающий в значительную часть социал-демократической печати. Опасаясь возобновления закона против социалистов, вспоминая некоторые слишком поспешные заявления, сделанные при существовании этого закона, вообразили вдруг, что теперь, при современном состоянии законности в Германии, партия может в пределах законности провести все свои требования мирным путем. Стараются убедить себя и партию, что «современное общество врастает в социализм», не спросив себя, не должно ли оно при этом сбросить с себя старую общественную форму, так же насильственно разорвать старую оболочку, как если бы обществу в Германии кроме того предстояло еще разорвать оковы полуабсолютистского, бесконечно вдобавок запутанного, политического порядка. Можно себе представить, что старое общество может мирно врасти в новое в таких странах, в которых народное представительство концентрирует в себе всю власть, в которых можно конституционным путем делать все, что хотят, если иметь за собой большинство народа; в демократических республиках, как Франция и Америка, в монархиях, подобных Англии, где каждый день обсуждается в печати устранение династии при уплате ей известной суммы и где эта династия бессильна против воли народа. Но заявлять нечто

подобное в Германии, где правительство почти всемогуще и где рейхстаг и все другие представительные органы не имеют никакой власти, и к тому же без особенной нужды, — это значит снять с абсолютизма фиговый листок и самому становиться для прикрытия наготы.

Такая политика может только надолго привести партию на ложный путь. На первый план выдвигаются общие, абстрактные политические вопросы, отодвигая таким образом на задний план ближайшие конкретные вопросы, вопросы, которые при первых крупных событиях, при первом политическом кризисе сами выдвинутся в первую очередь. Что может из этого получиться кроме только, что партия вдруг в решительный момент окажется беспомощной, что не будет ясности и единства в самых важных пунктах, потому что вопросы эти никогда не обсуждались. Неужели опять должно повториться то, что было в свое время с покровительственными пошлинами, которые тогда считали вопросом, касающимся только буржуазии, лишь в отдаленной степени касающимся рабочих, когда каждый мог, следовательно, голосовать, как хотел; теперь же многие ударились в противоположную крайность, и, в противовес буржуа, ставшим сторонниками покровительственных пошлин опять проповедуют экономические бредни Кобдена и Брайта[1] — самое настоящее манчестерство,—выдавая их за чистейший социализм.

Это игнорирование важнейших точек зрения из-за преходящих повседневных интересов, эта борьба и стремление к минутному успеху, не считаясь с дальнейшими последствиями, это пренебрежение будущим движения ради его настоящего — может быть по существу даже и «честно», но это есть и остается оппортунизмом, а «честный» оппортунизм является, может быть, самым опасным из всех видов оппортунизма. В чем же заключаются эти щекотливые, но очень существенные пункты?

Во-первых. Если можно что-нибудь с уверенностью сказать, так это то, что наша партия и рабочий класс могут притти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Последняя даже является специфической формой для диктатуры пролетариата, как это уже показала Великая французская революция[2]. Совершенно же немыслимо, чтобы лучшие наши люди стали министрами при императоре, подобно Микелю[3].

Но теперь, повидимому, считается недопустимым прямо поставить в программе требование республики, хотя даже при Луи-Филиппе это допускалось во Франции так же, как в настоящее время в Италии. Но тот факт, что в Германии даже не разрешается открыто выставить республиканскую партийную программу, доказывает, как велика иллюзия, что там возможно мирным путем ввести республику, и не только республику, но и коммунистическое общество.

Вопрос о республике можно, конечно, обойти. Но что, по моему мнению, необходимо вставить,—это требование концентрации всей политической власти в руках народного представительства. И этим пока можно было бы ограничиться, если нельзя пойти дальше...

Из всех этих вещей очень немногое надо включить в программу. Я упомянул о них главным образом, чтобы охарактеризовать условия Германии, где нельзя говорить о чем-либо подобном, а также и тот самообман, что такие условия можно легальным путем превратить в коммунистическое общество; а затем, чтобы напомнить центральному комитету партии, что есть еще другие важные политические вопросы, кроме прямого народного законодательства и бесплатной юридической помощи, без которых мы в конце концов еще можем обойтись. При

---

[1] Кобден и Брайт — английские экономисты и политики, — сторонники свободной торговли.

[2] В. И. Ленин, цитируя это место Энгельса в своей работе «Государство и революция», замечает по этому вопросу следующее:

«Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, именно — что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата. Ибо такая республика, нисколько не устраняя господства капитала, а следовательно, угнетения масс и классовой борьбы, неизбежно ведет к такому расширению, развертыванию, раскрытию и обострению этой борьбы, что раз возникает возможность удовлетворения коренных интересов угнетенных масс, эта возможность осуществляется неминуемо и единственно в диктатуре пролетариата, в руководстве этих масс пролетариатом. Для всего II Интернационала это — тоже «забытые слова» марксизма, и забвение их необычайно ярко обнаружила история партии меньшевиков за первое полугодие русской революции 1917 г.» (стр. 85—86, изд. «Красная новь», 1923 г.).

[3] Микель, И. (1828—1890), — в молодости деятель коммунистического движения в Германии, переметнувшийся позже в лагерь национал-либералов. Был прусским министром.

общем отсутствии прочных гарантий, эти вопросы не сегодня-завтра могут сделаться жгучими; в каком мы тогда очутимся положении, если мы их не обсуждали, не пришли относительно них ни к какому определенному мнению».

8. Сущность ревизионизма.

Отрывки из книги Эд. Бернштейна, «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», вышедшей в 1899 г. и дающей суммарные взгляды автора.

«...Дальнейшее развитие и обработку марксистского учения следует начинать с его критики. При настоящем положении дела при помощи Маркса и Энгельса можно доказать все. Для апологетов и литературных зоилов это чрезвычайно удобно. Но кто хоть отчасти сохранил в себе теоретическую мысль, для кого научность социализма «не есть показная вещь, которую вынимают из шкапа при торжественных случаях и забывают в другое время», тот, сознав раз эти противоречия, почувствует потребность устранить их. В этом, а не в постоянном повторении слов учителей, состоит задача их учеников...

Было бы глубоким заблуждением думать, что в современном развитии замечается относительное или абсолютное уменьшение числа собственников. Не «более или менее», а прямо-таки более, т. е. и абсолютно и относительно растет число собственников. Если бы деятельность и планы социал-демократии находились в зависимости от убыли числа собственников, то социал-демократия могла бы действительно спокойно «почить». Но на самом деле происходит прямо обратное. Не от убыли, а от роста общественного богатства зависят надежды социализма. Социализм или социалистическое движение пережило уже много предрассудков; оно переживает и то предубеждение, будто будущность его зависит от концентрации владений или, если угодно, от всасывания прибавочной ценности все меньшей и меньшей группой капиталистических мамонтов...

Рабочий, который в государстве, общине и т. д. стал полноправным избирателем, а следовательно, и участником общего достояния нации, дети которого воспитываются обществом, здоровье которого оно охраняет и которого оно защищает от несправедливости — этот рабочий имеет отечество, оставаясь в то же время гражданином мира, подобно тому как нации сближаются между собою теснее, продолжая вести свою собственную жизнь...

Интернационализм в глазах моих сохраняет такое же высокое значение, как и всегда, и я не думаю, чтобы я хоть сколько-нибудь оскорбил его, высказав вышеприведенные мысли. Только в том случае, если социал-демократия ограничится доктринерской пропагандой и социалистическими экспериментами, она может оставаться в чисто критическом отношении к политическим вопросам. Но политическая деятельность уже сама по себе является компромиссом с несоциалистическим миром и вынуждает к мероприятиям, которые имеют не вполне социалистический характер. При дальнейшем развитии национальное станет столько же социалистическим, как и муниципальное.

Интернационализм не может служить основанием к слабой уступчивости перед претензиями иностранцев...

Конечно, приобретая колонии, необходимо исследовать их ценность и надежды, которые можно связать с ними в будущем; необходимо строго контролировать обращение с туземцами и все управление, но нет никакого основания видеть в приобретении колоний заранее что-то дурное...

Если социал-демократия не хотела или не хочет ограничиться тем, чтобы быть рабочей партией лишь в смысле политического дополнения движения рабочих союзов, то она должна подумать о том, чтобы заинтересовать по крайней мере значительную часть крестьян в победе своих кандидатов. По отношению к массе мелких крестьян этого еще в течение долгого времени можно будет достигать, проводя такие мероприятия, которые в близком будущем обещают им улучшение или обеспечение. Но во многих мероприятиях, направленных к этой цели, законодательство не может делать различия между мелкими и средними крестьянами, а с другой стороны оно не может помочь крестьянину или гражданину государства и рабочему, не оказывая ему в то же время поддержки, хотя бы косвенной, как «предпринимателю».

Не в те времена, когда чартистское движение носило наиболее революционный характер, добились английские рабочие права голо-

ся, а в те, когда умолк революционный боевой клич и рабочие вступили в союз с радикальной буржуазией для достижения реформ.

Но ни одному благоразумному социалисту в Англии не грезится уже теперь будущая победа социализма при помощи великой катастрофы; никто не думает о завоевании парламента революционным пролетариатом. Взамен этого внимание все более переносится на работу в муниципалитетах и других органах самоуправления; прежняя низкая оценка движения рабочих союзов оставлена; с этим движением, а также с кооперативным, заключена более тесная связь.

Конституционное законодательство действует более медленно. Оно обыкновенно представляет собою путь компромисса; это — путь не уничтожения приобретенных прав, а удовлетворения взамен их. Но в нем больше силы, чем в революции, там, где предрассудки, ограниченный горизонт большой массы служат препятствием социальному прогрессу. Путь конституционного законодательства имеет большое преимущество там, где дело касается создания прочных жизнеспособных экономических учреждений, иначе говоря, этот путь предпочтительнее для положительной социально-политической работы.

В законодательной работе в спокойное время интеллект доминирует над чувством; во время революции — чувство над интеллектом. Законодательство есть планомерная сила, революция — стихийная.

Я говорил: «то, что считают конечной целью социализма, для меня ничто; движение — все».

Стремление к намеченной конечной цели является второстепенным вопросом перед энергичным стремлением к ближайшим целям. Главное заключается в том, что цели класса проникнуты определенным принципом, выражающим высшую ступень хозяйства, всей общественной жизни, что эти цели определяют мировоззрение, обозначающее прогресс в развитии культуры, высшую мораль и правовое сознание...»

9. Партейтаги на словах осуждают ревизионизм.

После Штутгартского партейтага (1898 г.), немецкая социал-демократия занималась вопросами ревизионизма на партейтагах в Ганновере (1899 г.), Любеке (1901 г.) и, наконец, Дрездене (1903 г.). Ганноверскую революцию см. под № 10Б, Дрезденская революция, принятая за основу на Амстердамском конгрессе II Интернационала, приведена в соответствующем разделе за № 60. Здесь приводится Любекская революция, которая была принята большинством 203 голосов против 31 при 4 воздержавшихся (Ауэр, Р. Фишер, Бернштейн и Каутский). При принятии этой революции присутствовавший на партейтаге Бернштейн заявил следующее: «Товарищи! Как я вам уже изложил в заявлении Штутгартскому партейтагу, вотум конгресса, само собой разумеется, не может меня заставить изменить свои убеждения. Однако, вместе с тем, вотум большинства моих товарищей мне никогда не был безразличен. Я убежден, что эта резолюция объективно несправедлива по отношению ко мне и основывается на ложных предпосылках, как я это подробно изложил вам. Но после того, как т. Бебель заявил, что с этой резолюцией не связан вотум недоверия, я заявляю, что выражаю вотуму большинства партейтага то уважение и внимание, которые подобают решению конгресса».

«Съезд признает безусловно необходимость самокритики для дальнейшего духовного развития нашей партии. Однако крайне односторонний характер той критики, которой занимался т. Бернштейн в последние годы, избегая критиковать буржуазное общество и его представителей, поставил Бернштейна в двусмысленное положение и возбудил недовольство большинства товарищей.

В надежде, что т. Бернштейн сознает это и соответственно изменит свое поведение, с'езд переходит к очередным делам».

10. Задачи социал-демократии.

А. Резолюция Эрфуртского партейтага 1891 г.

«Принимая во внимание, что завоевание политической власти есть первая и главная цель, к которой должно стремиться всякое классовое движение сознательного пролетариата, но что завоевание политической власти не может быть делом одной минуты, результатом неожиданного нападения на противника в благоприятный момент, и что оно может быть результатом только постоянной и упорной работы и искусного пользования всеми путями и средствами, предоставляющимися для пропаганды наших идей и целей в массе рабочего класса, партейтаг заявляет: нет основания менять тактику, которой партия следовала до сих пор.

Напротив, партейтаг признает обязанностью всех товарищей по партии вести всеми силами и средствами, находящимися в их распоряжении, пропаганду при выборах в рейхстаг, ландтаги, муниципальные советы, — везде, где есть шанс на успех без нарушения принципов.

Не создавая себе ни малейшей иллюзии насчет ценности парламентских успехов для наших основных требований ввиду узости и классового эгоизма буржуазных партий, партейтаг считает агитацию по поводу выборов в рейхстаг, ландтаги и муниципальные советы чрезвычайно действительным поводом для социалистической пропаганды, потому что она представляет наилучший способ войти в соприкосновение с пролетарскими классами и разъяснить им их классовое положение и потому еще, что пользование парламентской трибуной является наилучшим средством обнаружить неспособность общественных властей уничтожить социальные бедствия и тем доказать всему миру неспособность правящих классов принимать в соображение новые потребности цивилизации, удовлетворения которых требует рабочий класс.

Партейтаг требует от правителей партии, чтобы они действовали твердо и решительно в смысле партийной программы и, не отказываясь от получения уступок со стороны правящих классов, всегда имели в виду полную и конечную цель партии».

Б. Резолюция Ганноверского партейтага 1899 г.

Эта резолюция, предложенная Бебелем, как докладчиком по вопросу о ревизионизме Бернштейна, была принята большинством партейтага в 216 голосов против 21.

«Развитие буржуазного общества, каким оно было до сих пор, не дает партии никакого повода отказываться или изменять свои основные взгляды.

Теперь, как и в прошлом, партия стоит на принципе классовой борьбы, согласно которому освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом, и вследствие этого считает исторической задачей рабочего класса завоевание им политической власти с целью осуществить при помощи этой власти обобществление средств производства и введение социалистической системы производства и обмена, достичь возможно большего благополучия для всех.

Чтобы достигнуть этой цели, партия использовывает все согласные с ее основными принципами средства, обещающие ей успех. Не обманывая себя насчет сущности и характера буржуазных партий, представляющих и защищающих современный политический и социальный строй, она не отказывается итти сообща с ними от случая к случаю, когда дело идет об укреплении партии при выборах или расширении политических прав и свободы народа, или о серьезном улучшении социального положения рабочего класса и содействии культурным задачам, или о борьбе с враждебными рабочим и народу стремлениями. Но партия повсюду сохраняет в своей деятельности полную самостоятельность и независимость и в каждой одержанной победе видит лишь шаг, приближающий ее к конечной цели.

Партия относится нейтрально к основанию кооперативов. Она считает, что основание подобных кооперативов, предполагающих, что имеются налицо к тому необходимые условия, способно повести к улучшению экономического положения их членов; она видит также в основании подобных обществ, как и всякой другой организации рабочих для защиты и содействия их интересам, подходящее средство, могущее подготовить их к самостоятельному управлению своими делами, но она не признает за кооперативными обществами решающего значения в деле освобождения рабочего класса от цепей наемного рабства.

В вопросе борьбы против милитаризма на суше и на воде колониальная политика партии остается на своей прежней точке зрения. Точно так же она остается верна своей национальной политике, стремящейся к согласию и братству народов и прежде всего к согласию и братству рабочего класса в различных цивилизованных странах, чтобы таким образом построить цивилизацию на основах всемирной федерации.

Ввиду всего этого партия не имеет никакого основания для изменения ни своих принципов и основных требований, ни своей тактики, ни, наконец, своего названия, т. е. из социал-демократической партии сделаться демократически-социалистической партией реформы, и решительно отклоняет всякую попытку, цель которой изменить или замаскировать ее позицию по отношению к существующему государственному или общественному порядку и к буржуазным партиям.

11. Р. Люксембург о революции и парламентаризме.

Настоящий отрывок взят из работы Розы Люксембург «Социальная революция или реформа», направленной против Бернштейна и вышедшей первым изданием в 1900 г.

«Судьбы демократии связаны с судьбами рабочего движения. Но разве развитие демократии, даже в лучшем случае, делает излишней или невозможной пролетарскую революцию в смысле захвата государственной власти, завоевания политической власти?

Бернштейн разрешает этот вопрос путем тщательного взвешивания хороших и плохих сторон законодательной реформы и революции и делает это с добродушием, напоминающим взвешивание корицы и перца в потребительской лавке. В развитии законодательства он усматривает действие интеллекта, в революционном развитии — действие чувства; в реформах — медленный метод исторического прогресса, в революции — быструю, в законодательстве — планомерную, в перевороте — стихийную силу.

Это — старая песня, что мелкобуржуазный реформатор решительно во всем на свете видит «хорошую» и «плохую» сторону и собирает мед со всех цветков. Но такая же старая песня и то, что действительный ход событий ничуть не считается с мелкобуржуазными комбинациями и одним щелчком разоряет тщательно сложенные кучи «хороших сторон» всевозможных вещей. Мы видим, что в истории законодательная реформа и революция обусловлены причинами более глубокими, чем преимущества или вред того или иного образа действия.

В истории буржуазного общества законодательная реформа служила постепенному усилению возвышавшегося класса, пока он чувствовал себя достаточно зрелым, чтобы завоевать политическую власть и разрушить всю существующую правовую систему, чтобы заменить ее новой.

С Бернштейном, который гремит против захвата политической власти, как против бланкистской теории насилия, случилась беда: то, что веками стояло во главе угла и являлось движущей силой человеческого общества, он считает бланкистской ошибкой. С тех пор как существует классовое общество и классовая борьба составляет главное содержание его в истории, завоевание политической власти было всегда как целью всех возвышающихся классов, так и исходной и конечной точкой каждого исторического периода. Мы видим это на примере длительной борьбы крестьянства с денежным капиталом и дворянством древнего Рима, борьбы патрициев с епископами и ремесленников с патрициями в средневековых городах, борьбы буржуазии с феодалами в новой истории.

Законодательная реформа и революция не представляют, таким образом, различных методов исторического прогресса, между которыми можно выбирать на прилавке истории, как между горячими и холодными сосисками, — а они являются различными моментами в развитии классового общества, которые обусловливают и дополняют, но вместе с тем и исключают друг друга, как, например, южный полюс и северный, буржуазия и пролетариат.

В каждый данный момент законная форма правления есть только продукт революции. Между тем как революция является политическим творческим актом истории классов, законодательство представляет политическое прозябание общества. Работа законодательной реформы не обладает собственной, независимой от революции, двигательной силой; в каждый исторический период она движется по линии, указанной ей последним переворотом, или, выражаясь конкретнее, лишь в рамках общественных форм, порожденных последним переворотом. Это и есть сущность вопроса.

Безусловно ложно и совершенно непсторично представлять себе работу законодательной реформы просто как растянутую во времени революцию, а революцию — как сжатую в комок законодательную реформу. Социальный переворот и законодательная реформа — это моменты, отличающиеся не по своей длительности, а по своей сущности. Весь секрет исторических переворотов, совершаемых при помощи политической власти, состоит как раз в переходе чисто количественных изменений в новое качество, или, выражаясь конкретно, в переходе одного исторического периода, одного общественного порядка — в другой.

Поэтому тот, кто высказывается за путь законодательных реформ вместо и в противоположность завоеванию политической власти и общественному перевороту, тот в действительности избирает не более спокойный, верный и медленный путь к той же цели, а избирает другую цель вместо создания нового общественного порядка — только несущественные изменения старого. Так, политические воззрения ревизионизма имеют целью не осуществление социалистического порядка, а реформирование капиталистического, не упразднение системы найма, а урегулирование эксплоатации, одним словом, устранение капиталистических уродливостей, а не самого капитализма...

Все основные отношения капиталистического классового господства не могут быть преобразо-

ваны законодательными реформами на буржуазном базисе, потому что они вовсе не созданы буржуазными законами и облечены в форму таких законов...

Но есть еще одно обстоятельство.

Вторая особенность капиталистического порядка состоит в том, что в нем все элементы будущего общества в своем развитии сначала принимают форму, в которой они не приближаются к социализму, а от него отдаляются. В производстве все более выявляется общественный характер. Но в какой форме? В форме крупного предприятия, акционерного общества, картеля, в которых капиталистические противоречия, эксплоатация, порабощение рабочей силы доведены до крайнего предела.

В области военного дела развитие ведет к распространению всеобщей воинской повинности, к сокращению срока военной службы, следовательно, материально осуществляется приближение к народной армии. Но это в форме современного милитаризма, где господство милитаристического государства над народом крайне ярко обнаруживает классовый характер государства.

В политическом отношении развитие демократии, поскольку она находит благоприятную почву, ведет к участию в политической жизни всех слоев населения, следовательно, до некоторой степени, к «народному государству». Но это облекается в форму буржуазного парламентаризма, где классовые противоречия и классовое господство не упразднены, а, наоборот, раскрыты и обнажены. Поскольку, таким образом, все капиталистическое развитие основано на противоречиях, постольку для того, чтобы освободить ядро социалистического общества от противоречащей ему капиталистической скорлупы, надо и по этой причине прибегнуть к завоеванию политической власти пролетариатом и к полному уничтожению капиталистической системы...

Если демократия и перестала быть нужна буржуазии и стала отчасти обузой, то зато для рабочего класса она необходима и неустранима. Необходима она, во-первых, потому, что создает политические формы (самоуправление, избирательное право и т. п.), которые послужат пролетариату зачатками и отправными точками при преобразовании буржуазного общества. Необходима она, далее, и потому, что только через нее, в борьбе за демократию, в осуществлении ее прав, пролетариат приходит к сознанию своих классовых интересов и своих исторических задач.

Одним словом, демократия необходима не потому, что она делает излишним завоевание политической власти пролетариатом, а, наоборот, потому, что она делает этот захват власти настолько же необходимым, насколько и единственно возможным. Когда Энгельс в своем предисловии к «Борьбе классов во Франции» подверг просмотру тактику современного рабочего движения и противопоставлял баррикадам законодательную борьбу, то он имел в виду не вопрос окончательного завоевания политической власти, — что ясно из каждой строки предисловия, — а вопрос современной повседневной борьбы, не тактику пролетариата по отношению к капиталистическому государству в момент захвата государственной власти, а его тактику в рамках капиталистического государства. Одним словом, Энгельс указывал путь порабощенному пролетариату, а не победоносному.

А известное выражение Маркса о земельном вопросе в Англии, на которое Бернштейн тоже ссылается, — «вероятно, всего дешевле было бы выкупить лендлордов», — относится, как раз наоборот, к тактике пролетариата не до победы, а после победы. Ведь о «выкупе» господствующих классов речь может итти, очевидно, лишь тогда, когда у кормила стоит рабочий класс.

В качестве возможности Маркс предусматривал здесь мирное осуществление диктатуры пролетариата, а не замену диктатуры капиталистическими социальными реформами.

В самой необходимости захвата политической власти пролетариатом ни Маркс, ни Энгельс никогда не сомневались. Только Бернштейн додумался до того, чтобы считать курятник буржуазного парламентаризма тем самым органом, которому суждено осуществить грандиознейший, всемирно-исторический переворот: перевести общество от капиталистических форм к социалистическим...

Вся наша программа оказалась бы жалким клочком бумаги, если бы она не могла нам служить при всех перипетиях и во все моменты борьбы, и служить для действия, а не для бездействия. Если наша программа является формулировкой исторического развития общества от капитализма к социализму, то она, очевидно, должна также формулировать и все переходные фазы этого развития и, следовательно, должна уметь в каждый момент указать пролетариату тактику, нужную для приближения к социализму. Из этого следует, что у пролетариата вообще не может быть такого момента, когда он был бы вынужден покинуть свою программу или мог быть покинутым ею.

Практически это обнаруживается в том, что не может быть такого момента, когда пролетариат, поставленный ходом событий у кормила, не был бы в состоянии и не был бы вместе с тем обязан предпринимать известные меры к осуществлению своей программы, известные переходные меры в духе социализма. Утверждение, что социалистическая программа могла бы в какой-нибудь момент политического господства

пролетариата совершенно оказаться несостоятельною и не содержащей указаний для осуществления социализма, бессознательно предполагает, что социалистическая программа вообще и во все времена неосуществима.

А если переходные меры преждевременны? Этот вопрос заключает в себе целый клубок недоразумений относительно действительного хода социальных переворотов.

Прежде всего нельзя искусственно вызвать захват государственной власти пролетариатом, т. е. большим классом населения. Захват этот сам по себе предполагает определенную степень зрелости экономическо-политических условий, если не иметь в виду тех случаев, как Парижская Коммуна, где господство досталось пролетариату не как плод целеустремленной борьбы, а в виде исключения, как всеми брошенное бесхозяйственное имущество. Здесь заключается главное различие между бланкистскими государственными путчами «решительного меньшинства», которые всегда совершаются внезапно и потому всегда несвоевременно, и завоеванием государственной власти большой народной массой, исполненной классового сознания, которая сама может быть только продуктом начинающегося крушения буржуазного общества и потому в себе самой несет экономическо-политическое оправдание своевременности своего появления.

Если таким образом завоевание политической власти рабочим классом с точки зрения общественных предпосылок никак не может совершиться «слишком рано», то, с другой стороны, с точки зрения политического эффекта — сохранения власти — оно по необходимости должно совершиться «слишком рано». Преждевременная революция, не дающая Бернштейну спать, висит над ним, как дамоклов меч, и тут не помогут ни опасения, ни предупреждения. На это есть две очень простые причины.

Во-первых, такой грандиозный переворот, как переход от капиталистического порядка к социалистическому, совершенно немыслимо произвести одним ударом, одним победоносным маневром пролетариата. Предположить такую возможность, значило бы обнаружить бланкистский образ мышления. Социалистический переворот предполагает длительную и упорную борьбу, при которой пролетариат, по всей вероятности, будет не раз отброшен, так что в первый раз, с точки зрения конечного результата всей борьбы, его появление у кормила окажется безусловно «преждевременным».

Во-вторых, «преждевременный» захват государственной власти неизбежен еще и потому, что эти «преждевременные» нападения пролетариата сами являются фактором, и притом важным фактором, создающим политические условия окончательной победы, так как пролетариат лишь в процессе политического кризиса, сопровождающего захват власти, только в огне длительной и упорной борьбы может обрести нужную степень политической зрелости, которая даст ему возможность произвести окончательный великий переворот. Таким образом и эти «преждевременные» нападения пролетариата на политическую государственную власть оказываются важными историческими моментами, которые помогают вызвать и определить момент окончательной победы. С этой точки зрения представление «преждевременного» завоевания политической власти трудящимся народом является политической нелепостью, исходящей из механического понимания развития общества, предполагающего существование, вне самой классовой борьбы и независимо от нее, определенного момента для ее победы.

Но так как пролетариат не может завоевать государственную власть иначе, чем «преждевременно», или, иными словами, так как он необходимо должен раз или несколько раз завоевать ее «преждевременно», чтобы под конец завоевать ее навсегда, то оппозиция против «преждевременного» захвата власти не что иное, как оппозиция против стремления пролетариата к завоеванию политической власти вообще.

Так что с этой стороны мы последовательно приходим к выводу (ведь все дороги ведут в Рим), что ревизионистский совет отказаться от социалистической конечной цели сводится к другому совету — отречься от всего социалистического движения, что его совет социал-демократии, в случае завоевания власти, «лечь спать» тождествен с другим советом: уже теперь и окончательно лечь спать, т. е. отказаться от классовой борьбы».

12. Каутский о революции.

Настоящий отрывок взят из статей Каутского «Ein sozialdemokratischer Katechismus», напечатанных в N. Z. за 1893 г. (XII, B. 1, № 12 и 13) в ответ на оппортунистическую проповедь Фольмара, выступившего тогда под псевдонимом Кнорре. В последующих своих работах Каутский неоднократно возвращался к вопросу о социальной революции и парламентаризме (см. его «Социальная революция», «На другой день социальной революции», «По поводу социальной революции», «Путь к власти» и др.), развивал дальше высказанные в приводимой статье взгляды, но от исходных положений о роли демократии и парламентаризма не отказывался никогда.

«...Мы — революционеры и притом не просто в том смысле, в каком революционна паровая машина. Социальный переворот, к которому мы стремимся, может быть достигнут только посредством политической революции, посредством завоевания политической власти борющимся пролетариатом. И та государственная форма, при которой только и может быть осуществлен социализм, есть республика, и притом в общепринятом смысле этого слова, т. е. республика демократическая...

Социал-демократия — партия революционная, но отнюдь не фабрикующая революции. Мы знаем, что наши цели могут быть достигнуты только путем революции, но мы знаем также, что как мы не можем сделать революции, так наши противники не в силах ей воспрепятствовать. Поэтому нам вовсе не приходит в голову затевать революцию или подготовлять ее. И так как революция не может быть сделана по нашему произволу, то мы ничего не можем сказать о том, когда, при каких условиях и в каких формах она наступит. Мы знаем, что классовая борьба между буржуазией и пролетариатом не окончится, пока пролетариат не добьется полного обладания политической властью, которой он воспользуется для введения социалистического строя. Мы знаем, что эта классовая борьба все более ширится и становится интенсивнее, что пролетариат все более растет численно и в отношении своей моральной и экономической силы и что его победа и поражение капитализма поэтому неизбежны. Но мы можем строить весьма неопределенные предположения о том, когда и как произойдут последние и решающие бои в этой социальной войне. Все это не ново...

Так как мы ничего не знаем о решительных битвах социальной войны, то мы конечно так же мало можем сказать о том, будут ли они кровавыми, будет ли в них играть значительную роль физическая сила или они будут выиграны исключительно мерами экономического, законодательного и морального давления.

Можно однако сказать, что имеется налицо полная вероятность, что в революционных битвах пролетариата средства последнего рода будут превалировать над средствами физическими, т. е. военной силой, в противоположность тому, как это имело место в революционной борьбе буржуазии.

Первая причина, почему грядущие революционные битвы реже придется выигрывать военными средствами, лежит, как в этом уже неоднократно убеждались, в колоссальном превосходстве вооружения правительственных армий над оружием, находящимся в распоряжении «штатских», в превосходстве, которое, как общее правило, делает сопротивление «штатских» наперед безнадежным.

С другой стороны, в распоряжении революционных слоев теперь находятся лучшие оружия экономического, политического и морального сопротивления, чем в XVIII столетии. Только Россия составляет в этом отношении исключение.

Свобода коалиций, свобода печати и всеобщее избирательное право (при некоторых обстоятельствах и всеобщая воинская повинность) представляют собой не только оружие, дающее пролетариату современных государств преимущество по сравнению с теми классами, которые выигрывали революционные битвы буржуазии; эти институты проливают свет на соотношение сил отдельных партий и классов и на дух, их воодушевляющий, чего не было во времена абсолютизма.

Господствующие классы точно так же, как и революционеры блуждали в ту пору в потемках. Так как всякое проявление оппозиции было сделано невозможным, то ни правительство, ни революционеры не знали своих сил. Каждая из обеих партий была подвержена опасностям как переоценить свои силы, пока она не померялась ими в бою с противником, так и недооценить их и бросить оружие, понеся лишь одно единственное поражение. В этом одна из важнейших причин, почему на долю революционной буржуазии выпадает так много бунтов, подавляемых одним ударом, и так много правительств, низвергаемых одним же ударом; отсюда и чередование революции и контрреволюции.

Совсем иначе теперь, по крайней мере в странах с демократическими до некоторой степени учреждениями... Демократический строй не может устранить классовых противоречий капиталистического общества и не может предотвратить их неизбежного следствия — крушения этого общества. Но демократический строй может сделать одно: он может предохранить не от революций, а от некоторых преждевременных безнадежных революционных попыток и может сделать излишними некоторые революционные восстания. Он вносит ясность в соотношение сил различных партий и классов, не устраняя их противоречий и не отодвигая их конечных целей; но он действует в том направлении, чтобы помешать классам восходящим браться за разрешение задач, для которого они еще не выросли, и удержать классы господствующие от отказа в уступках, — отказа, с последствиями которого они уже не в силах справиться. Направление развития этим не меняется, но ход его становится более постоянным и более спокойным...

Демократически пролетарский метод борьбы может показаться более скучным, чем метод революционной поры буржуазии: он конечно менее драматичен и эффектен, но требует и меньше жертв. Это безразлично для прекраснодушных

литераторов, которые делают из социализма занимательный спорт и ищут в нем интересные темы, но это совсем не безразлично для тех, кто ведет борьбу.

Так называемый мирный метод классовой борьбы, который ограничивается невоенными средствами — парламентаризмом, забастовками, демонстрациями, печатью и тому подобными средствами воздействия,— имеет в каждой стране тем больше видов на будущее, чем влиятельнее там демократические учреждения, чем больше проницательность населения в области политики и экономики и чем больше его выдержка.

Все же из двух противников при одинаковых условиях хладнокровие скорее всего сохранит тот, кто чувствует свое превосходство. Напротив того, кто не верит в себя и в свое дело, тот слишком легко теряет спокойствие и самообладание.

Но во всех странах современной культуры пролетариат представляет собой тот класс, который более всего верит в себя и в свое дело. Для этого ему вовсе не надо предаваться иллюзиям; ему достаточно обозреть историю последнего поколения, чтобы видеть, как она всюду охвачена непрерывным стремлением вперед; ему достаточно только проследить современное развитие, чтобы почерпать отсюда уверенность в неизбежности его победы. Отсюда однако не следует ожидать, что пролетариат в какой-нибудь стране, где он достиг наиболее высокого развития, легко потеряет спокойствие и самообладание и поведет политику приключений. Этого тем менее следует ожидать, чем выше в то же время образование и дальновидность рабочего класса и чем более демократично государство.

Но этой уверенности в своих силах отнюдь нельзя приписать господствующим классам. Они чувствуют и видят, что они с каждым днем становятся слабее; они становятся все более и более нервозными и пугливыми и потому нерасчетливыми. Они все более и более приходят в такое состояние, когда надо быть готовым к тому, что они, охваченные внезапным припадком ярости и преисполненные слепого неистовства, бросятся на противника, чтобы поразить его, не заботясь о всех тех ранах, которые они таким образом наносят обществу в целом и самим себе, но заботясь о тех непоправимых опустошениях, которые они произведут.

Политическое положение пролетариата позволяет ожидать, что он будет стараться возможно дольше обойтись применением одних только вышеупомянутых «законных» методов. Опасность, что пролетариат может отказаться от этого стремления, лежит в особенности в нервозном настроении господствующих классов.

Государственные мужи господствующих классов больше всего желают, чтобы подобный припадок бешенства очень скоро наступил по возможности не только у одних господствующих классов, но и у индифферентных масс. Они добиваются, чтобы это произошло возможно скорей, раньше, чем социал-демократия будет настолько сильна, чтобы оказать противодействие такому припадку. Это сулит им единственную надежду, что победа социал-демократии будет отсрочена по крайней мере на несколько лет. Все же буржуазия в этом случае играет ва-банк. Ибо, если ей не удастся в этом припадке бешенства нанести поражение пролетариату, она обессиленная тем скорее потерпит крушение, и тем раньше наступит торжество социал-демократии. Но политикам господствующих классов теперь большей частью свойственно настроение, при котором они полагают, что им ничего более не остается, как поставить все на карту. Они хотят провоцировать гражданскую войну из страха перед революцией.

Социал-демократия, напротив того, не ищет никаких оснований прибегать к подобного рода политике отчаяния; она скорее имеет все основания заботиться о том, чтобы припадок ярости власть имущих, если он уже неизбежен, был возможно дальше отсрочен, с тем, чтобы он наступил только тогда, когда пролетариат, достаточно окрепший, смог бы без дальних слов повалить беснующегося и связать его. Тогда этот припадок будет последним, и произведенные им опустошения и вызванные им жертвы будут возможно менее значительны.

Социал-демократия должна поэтому избегать и даже бороться с тем, что явилось бы бесцельной провокацией господствующих классов и что дало бы господствующим мужам опорный пункт, чтобы привести буржуазию и ее приверженцев в состояние социалистопенавистнического бешенства. Когда мы заявляем, что революций нельзя фабриковать, когда мы считаем неразумным и даже вредным «затеять» революцию и когда мы соответственно с этим поступаем, то это происходит не в угоду немецким властям, а в интересах борющегося пролетариата. И германская социал-демократия в этом отношении солидарна со всеми братскими для нее партиями. Благодаря этой тактике государственным мужам господствующих классов до сих пор не удавалось в борьбе с пролетариатом достигнуть таких результатов, каких им очень хотелось бы.

Как ни мало относительное политическое влияние социал-демократии, все же она в современном государстве слишком могущественна, чтобы буржуазные политики могли управляться с нею по своему произволу. Незначительные мероприятия буржуазным политикам вовсе не помогают; эти мероприятия только

озлобляют тех, кого они коснулись, но не запугивают их и не ослабляют их способности к борьбе.

Но всякая попытка проведения острых мер, могущих сделать пролетариат неспособным к борьбе, грозит опасностью гражданской войны, которая, каков бы ни был ее исход, во всяком случае принесет с собой огромные опустошения. Это в настоящее время знает всякий до некоторой степени дальновидный человек. И какие бы ни были у буржуазных политиков основания желать, чтобы социал-демократия была бы возможно скорей поставлена перед испытанием силы, для которого она еще, может быть, в настоящее время не доросла, буржуазные дельцы вовсе не хотят слышать об эксперименте, способном каждого из них разорить,—по крайней мере до тех пор, пока они трезвы и пока их не настиг упомянутый выше припадок бешенства. В последнем случае буржуа конечно на все способен, и чем сильнее его страх, тем более свирепо он будет требовать крови.

Интересы пролетариата теперь повелительнее, чем когда бы то ни было, требуют, чтобы он избегал всего того, что способно бесцельно провоцировать господствующие классы на политику насилия. Соответственно с этим и поступает социал-демократия.

13. Отношение партии к выборам в ландтаги.

А. Резолюция Кельнского партейтага 1893 г.

«Исходя из того, что трехклассная избирательная система в Пруссии, являющаяся, по выражению самого Бисмарка, самой жалкой из всех избирательных систем, не дает возможности социал-демократии принять **независимое** участие в выборах в прусский ландтаг с видом на успех.

Ввиду того, далее, что компромиссы с враждебными партиями противоречат принципам, которыми партия до сих пор руководилась при выборах, так как они неизбежно приводят к деморализации, к распрям и разногласиям в собственных рядах партии, — партейтаг объявляет:

Члены партии обязаны совершенно воздерживаться в Пруссии, при существующей там избирательной системе, от участия в выборах в ландтаг.

Кроме того партейтаг постановляет:

Принимая во внимание, что избирательные системы различных государств империи представляют настоящий образчик реакционных избирательных законов и что, в частности, плутократический характер прусской трехклассной избирательной системы делает невозможным для рабочего класса проведение в ландтаг его представителей, — партейтаг предлагает членам партии развить во всех государствах широкую и энергичную агитацию в пользу введения, согласно требованиям нашей программы, всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права в ландтаги».

Б. Резолюция Майнцского партейтага 1900 г.

«Партейтаг постановил:

Члены партии во всех германских государствах, в которых существует трехклассная избирательная система, должны принимать участие в ближайшей избирательной кампании, выставив своих собственных кандидатов. Для выборов в прусский ландтаг ЦК партии образует центральный избирательный комитет. Без его разрешения члены партии различных округов не могут входить в соглашения с буржуазными партиями».

14. Постановление Гамбургского партейтага 1897 г. о перебаллотировках.

«Партейтаг решил:

1. Все товарищи — члены партии — должны приступить к приготовлениям к выборам в рейхстаг, если это до сих пор ими еще не сделано, и выставить партийных кандидатов во всех округах, где имеются организованные члены партии без всякого отношения к тому, на какое число голосов можно рассчитывать.

2. На перебаллотировках, в случае когда кандидат партии будет исключен из списка, все члены партии должны подавать свои голоса за такого кандидата буржуазной партии, который примет на себя обязательство — в случае своего избрания — действовать в рейхстаге в следующем направлении:

а) отстаивать всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право в его настоящем виде, если только не будут внесены предложения, клонящиеся к расширению этого права или к обеспечению его новыми гарантиями;

б) отстаивать неприкосновенность бюджетного права рейхстага, не соглашаясь ни на септеннат [1], ни на квинтеннат [2];

в) требовать издания имперского закона, обеспечивающего право союзов, собраний и коалиций;

г) бороться против издания каких бы то ни было исключительных законов и против усиления действующих уголовных кар за проступки и преступления политического характера;

д) бороться против всякого ухудшения действующего законодательства о печати;

е) бороться против увеличения постоянной армии и флота;

ж) бороться против увеличения косвенных налогов и таможенных пошлин и против всяких новых налогов и новых пошлин на предметы первой необходимости и на предметы общего потребления (табак, пиво и пр.);

з) бороться против всякого ослабления или ограничения законов и распоряжений, касающихся охраны и страхования рабочих, не говоря уже о случаях, предусмотренных параграфом «а».

3. Если не окажется ни одного кандидата, согласного принять на себя все эти обязательства, то следует воздержаться от всякого участия в перебаллотировке.

15. Отношение партии к вотированию бюджета.

А. Проект резолюции Бебеля на Франкфуртском партейтаге.

«Мы предлагаем партейтагу заявить:

Парламентские представители партии как в рейхстаге, так и ландтагах, обязаны критиковать и всеми силами бороться со злом и несправедливостью, коренящимися в классовом характере государства, которое является не чем иным, как политической организацией, имеющей своею целью защиту интересов правящих классов; точно так же представители партии обязаны использовать все целесообразные меры для уничтожения существующего зла и для создания других условий, соответствующих нашей программе. Так как правительства в качестве руководителей классовых государств самым жестоким образом подавляют социалистические движения и употребляют все средства, которые им кажутся целесообразными, для возможно полного уничтожения социал-демократии, то, естественно, и представители партии в ландтагах не могут выражать правительствам своего доверия, и так как голосование бюджета в целом признается таким вотумом доверия, то они при голосовании бюджета в целом должны выступить против него».

В. Проект резолюции баварских делегатов.

«Нижеподписавшиеся предлагают партейтагу объявить:

Ввиду того, что принципиальная борьба с существующим политическим и социальным строем вытекает из всей деятельности партии;

ввиду того, что общее вотирование бюджета в различных государствах является исключительно вопросом практической целесообразности, который следует разрешать в зависимости от данных условий места и времени и в связи с доводами, изложенными на баварском с'езде.

С'езд, приняв к сведению предложения, внесенные товарищами из Берлина (1, 3 и 5 избирательные округа), Галле, Веймара, Брауншвейга и Ганау, решает перейти к очередным делам».

В. Проект резолюции Р. Люксембург о вотировании бюджета.

(Любекский партейтаг.)

«Принимая во внимание, что существующая государственная власть имеет задачей сохранение и защиту капиталистического строя и что как общеполезные функции ее, так и те прогрессивные реформы, которые можно у нее вынудить, не могут изменить этого основного ее характера, а, напротив, сами проникнуты капиталистическими интересами;

что, соответственно этому, наше согласие с отдельными расходами государства ни в коем случае не должно нарушить нашего официального отношения ко всей деятельности госу-

[1] Септеннат — семилетний срок утверждения бюджетов военного и морского министерств. (Прим. перев.)

[2] Квинтеннат — пятилетний срок утверждения бюджетов военного и морского министерств. (Прим. перев.)

дарства в целом, как органа классового господства капитала;

что одобрение бюджета равносильно предоставлению средств существования этому врагу рабочего класса — классовому государству — и тем превращает нашу принципиальную оппозицию к нему, а также всю нашу критику его деятельности, в пустую фразу;

что в частности правительства отдельных германских государств должны рассматриваться во всей их внутренней и внешней политике как нераздельные части государственной власти Германской империи, соучаствующие вместе с нею в ее деятельности и несущие вместе с нею ответственность за все, — социал-демократические депутаты германских ландтагов обязуются голосовать против бюджетов в целом».

Г. Первый проект резолюции Бебеля о вотировании бюджета.

(Любекский партейтаг.)

«Ввиду того, что рабочий класс в отдельных государствах не обладает равными правами с правящими классами и отношение к нему иное, чем к последним;

ввиду того, что отдельные государства по своему характеру и организации являются классовыми государствами, т. е. прочной опорой капиталистического строя и что, следовательно, ни характер государственных доходов, ни характер государственных расходов не соответствуют тому, чего социал-демократия требует от администрации государства;

ввиду того, что правительства отдельных государств, одобряя действия союзного совета (законопроекты о борьбе с революционными действиями; проект каторжной тюрьмы; косвенные налоги на предметы массового потребления; таможенные пошлины на предметы первой необходимости; милитаризм, маринизм и т. д.), тем самым наносят рабочему классу самый несправедливый и самый тяжкий ущерб;

ввиду того, что вотирование бюджета признается, между прочим, выражением доверия правительству и одобрения главных мер политического характера;

партейтаг рассчитывает, что социалистические представители, следуя примеру товарищей-депутатов баварской, саксонской, вюртембергской палат, будут впредь голосовать против бюджета».

Д. Вторая редакция проекта резолюции Бебеля.

«Ввиду того, что отдельные государства, как и имперский союз, носят классовый характер, отказывают рабочему классу в равных правах и по своей сущности являются организациями правящих классов в целях охраны их господства,

партейтаг рассчитывает, что социалистические депутаты законодательных собраний отдельных государств не будут противоречить в своих голосованиях программе партии и принципам классовой борьбы пролетариата и что они, вообще говоря, будут голосовать против бюджета.

Вотирование бюджета может быть допущено лишь как исключение, в силу чрезвычайных обстоятельств и особых условий».

16. Речь делегата Носса за вотирование бюджета на Любекском партейтаге.

«Я стою на той точке зрения, что вопрос об одобрении бюджета есть вопрос не принципиальный, а тактический. Зингер, как и другие, согласился с этим. Ораторы, выступавшие здесь, разрешили нам, когда мы будем иметь в Готе большинство, — что, надеюсь, случится в следующий раз, — голосовать за бюджет, который мы тогда разработаем. Если бы мы не захотели сделать этого, то нам ведь не оставалось бы ничего иного, как заявить, что мы отказываемся от участия в обсуждении бюджета. Но это было бы — извините за выражение — чистейшим доктринерством. Никогда еще ни один товарищ не спрашивал нас, как мы голосовали: за бюджет или против? Один случай из нашего последнего опыта покажет вам, что при известных обстоятельствах должно голосовать за бюджет даже не имея большинства. У нас сейчас новое правительство, которое пытается поддержать хорошие отношения с нами, — конечно не ради наших прекрасных глаз, а потому, что из 19 депутатов — нас 9 человек. Мы могли бы и на этот раз провалить бюджет, так как вследствие позиции министерства в вопросе о хлеб-

ных пошлинах аграрии может быть голосовали бы вместе с нами против бюджета. Но чего мы достигли бы этим? Я перечислю вам, чего мы добились до сих пор благодаря нашей силе: вознаграждение не только невинно-осужденных, но и незаконно-арестованных; участие нашего представителя в промысловом надзоре; повышение заработной платы рабочим государственных имуществ с 1,2 марки до 3 марок, которые включены в бюджет; ассигнование 2 тыс. марок для рабочего секретариата без всяких иных условий, кроме наблюдения через правительственного чиновника за беспристрастной выдачей сведений. Мы достигли того по крайней мере морального успеха, что наш Бок выбран вице-президентом, и в то же время выбран и немедленно утвержден членом административной палаты верховного суда, стоящего даже над правительством. Ни на одном собрании не присутствует больше полиция. Все эти уступки сделаны нам только потому, что известна наша сила. В настоящее время бюджет просто продлен ввиду того, что подготовляется новый закон о налогах. Если бы пришли теперь к нашим избирателям и сказали бы им: вот всего этого мы добились, но затем отклонили бюджет в целом — как вы думаете, было бы наше поведение понятно избирателям? Не забывайте, что мы имеем дело не с просвещенными и сознательными берлинскими или гамбургскими товарищами, а с сельским населением, которое не поняло бы таких представителей. Я тоже стою за отклонение бюджета в таких случаях, как в Бадене или Веймаре, но при известных обстоятельствах это невозможно. Просить после отклонения бюджета депутатского жалованья — значить попасть в довольно жалкое положение».

17. Речь К. Цеткин на том же партейтаге против вотирования бюджета.

«По поводу замечаний Давида я хочу прежде всего сказать следующее: в заявлении наших депутатов вюртембергского ландтага по поводу отклонения бюджета было совершенно ясно и недвусмысленно сказано, что как весь бюджет в целом, так и отдельные части его являются выражением классового характера вюртембергского государства. Мне кажется, этим заявлением достаточно ясно обрисовывается позиция наших товарищей. Спорить о том, является ли вопрос об одобрении бюджета принципиальным или тактическим вопросом — занятие довольно трудное; это значит вести пустой спор о словах, и вот почему. Принципы и тактика, с моей точки зрения, не суть нечто такое, между чем лежит глубокая, непереходимая бездна. Наши принципы не витают где-то высоко в облаках теории, в то время, как здесь, на земле фактов, стоит одна только тактика. Наша тактика диктуется и обусловливается нашими принципами. («Правильно!») Наша тактика не есть нечто такое, что даст нам возможность увернуться от необходимости применения своих принципов и в любую минуту выбросить их за борт под более или менее благовидным предлогом. Нет, наша тактика есть совокупность наиболее целесообразных средств для осуществления и проведения в жизнь наших принципов. Сущность наших партийных убеждений выпуждает нас в обычных условиях отклонять бюджет, который есть выражение доверия существующему правительству. Тов. Иосс полагает, что вопрос об одобрении бюджета не может иметь большого значения, что это есть лишь чисто теоретический вопрос. Я держусь как раз обратного мнения. Именно с точки зрения практики, а не из-за любви к теории, нужно голосовать против бюджета. Соображения практики заставляют нас искать возможно более целостного пути, но в то же время они требуют от нас еще чего-то другого. Если мы хотим быть именно практическими политиками, если мы хотим выпудить у капиталистического государства по возможности больше реформ, то мы должны помнить, что существенной предпосылкой для этого является необходимость пробудить классовое самосознание масс, и в лице организованных масс вне парламента создавать ту силу, которая одна в состоянии навязать нашу волю буржуазному государству. Поэтому в нашем отношении к государству, к буржуазным партиям, к буржуазному миру мы должны держаться всего того, что может вскрыть глубокое, непримиримое противоречие между нами и всем буржуазным обществом, что может увеличить плоскость трения между социал-демократией и капиталистическим государством, а также буржуазными партиями. Принимая все это во внимание, мы должны в нормальных условиях голосовать против бюджета.

Еще несколько слов по поводу голосования бюджета нашими товарищами в Бадене. Фендрих и его друзья притворяются, когда говорят, что

можно было принять бюджет ввиду того, что в нем было много расходов на культурные потребности. Не имеет никакого значения подсчет, много или мало предусматривает та или иная статья на культурные надобности. Мы должны помнить только одно, а именно: что каждый отдельный бюджет государства представляет собой отражение капиталистической культуры, а эта капиталистическая культура означает некультурность, порабощение и закабаление масс. (Шумные одобрения.) В мнимо-культурном бюджете народного просвещения, например народная школа — на положении замарашки. («Правильно!») Фендрих [1] говорит, что в Бадене можно было принять бюджет, ибо там не действует закон об исключительном положении. Но разве там пролетариат не лишен всеобщего и равного избирательного права? И, если там это исключительное положение имеет характер нормального правопорядка, тем хуже. Тем неприкрытее выражается в этом классовый характер баденского государства. Но больше того: посредством правительственной геометрии избирательных округов это обыкновенное право превращено для народа в подлейшее право [1]. («Правильно!») Таким образом Фендрих и его товарищи одобрили бюджет при отягчающих их вину обстоятельствах...» [2].

18. От голосования кредитов на пуговицы до голосования кредитов на пушки.

А. Из речи оппортуниста Шиппеля [3] на Ганноверском партейтаге.

«...Энгельс совершенно открыто признает для внешней политики преимущества постоянного войска перед всякой другой формой военной организации. Он говорит, что постоянные кадры создают прочное единство, создают войско, способное действовать и необходимое для государства, втиснутого между Францией (с запада) и Россией (с востока).

Действительно, постоянное войско сослужило большую службу во внешней политике Пруссии и обеспечило ей победу, которая является также революционной. (Продолжительное волнение.) Многие соображения Энгельса не утратили своего значения до сих пор. Разве мы все еще не втиснуты между Францией с запада и Россией с востока? Разве мы не слышали от наших товарищей — вождей партии, что со времени франко-прусской войны антагонизм еще усилился? Значение постоянного войска для внешней политики не может быть оспариваемо. Если мы введем милицию, т. е. если мы вооружим все оседлое население, то мы должны будем не только прекратить естественный приток населения из деревень востока, но еще гуще заселить их в ущерб промышленным районам, так как теперь мы держим на востоке самое значительное количество войск. Одно из двух: или мы полагаем, что война никогда не вспыхнет, и тогда мы должны требовать не милиции, а полного упразднения армии, или же мы допускаем возможность военных столкновений, и тогда мы обязаны, в качестве представителей немецкого рабочего класса, позаботиться о том, чтобы жизнь германских рабочих была вне опасности. (Продолжительное волнение.)

Мы должны также согласиться, что хотя мы разумеется прежде всего стоим за мир и в политике допускаем только самозащиту, но в случае войны нам придется вести ее далеко за пределами нашего отечества и с военной точки зрения перейти в наступление. («Слушайте, слушайте!») Не может же наша защита заключаться в том, что мы окружим себя китайской стеной и с высоты ее покажем врагу кукиш!

Я всегда заявлял, что милиция является для меня конечной целью эволюции. Но это отнюдь не система, которая при современных национальных противоречиях может вдруг явиться по щучьему велению и противостать врагу, обладающему постоянным войском; наоборот, она может явиться лишь в результате органического развития постоянного войска, если мы будем располагать в государстве сильным представительством наших интересов; и я утверждаю, что Энгельс также считал такое развитие возможным».

[1] Фендрих — немецкий социал-демократ, правый, выступил в печати накануне Любекского партейтага с обоснованием необходимости голосовать за бюджет.

[1] Непереводимый каламбур. В подлиннике сказано: «dieses «gemeine» Recht wird zum gemeinsten». «Gemein» — значит как обычный, общий, так и низкий, подлый. (Прим. перев.)

[2] В заключение речи К. Цеткин предлагает голосовать за резолюцию Бебеля, полагаясь на лойяльность членов партии и исходя из интересов ее единства.

[3] Шиппель — немецкий социал-демократ, литератор, член рейхстага, активный сторонник Бернштейна.

Б. Из речи Шиппеля в Гамбурге.

«Я хочу добавить пару слов к речи Бебеля... Военный министр сообщил в конфиденциальной бюджетной комиссии в декабре, что готовится новое артиллерийское вооружение, которое даст Германии перевес. Это сообщение было строго конфиденциально. Рихтер сказал, что будто социал-демократы обещали не раздувать этого вопроса. Это может иметь только один смысл, что мы обещали не разглашать конфиденциальных сведений. Этого требует простая порядочность, и ни один товарищ не будет возражать против этого. Но, товарищи, если мы открыто и не обсуждали этого вопроса, то тут мы должны сказать, что попали в чрезвычайно затруднительное положение. Мы не голосовали за постоянную армию, по факт налицо: за наши предложения милиционной системы и отмену постоянных армий большинства пока нет и в ближайшем будущем не предвидится. Это факт, очень неприятный, правда, но с которым считаться необходимо. Должны ли мы теперь, поскольку буржуазные партии не идут в этом вопросе нам навстречу, поставить немецких рабочих как бы для совместного наказания перед опасностью искупить своей кровью упорство врагов? Это было бы абсурдом и противно интересам рабочего класса. В других случаях мы будем вести борьбу против милитаризма, но данный момент был самым неудачным в этом отношении. И еще я должен возразить т. Зиндерману, который говорил, будто бы я был назначен докладчиком в рейстаге при обсуждении таможенной войны и отказался от доклада по болезни. Это неверно. Франция не могла знать, что так быстро внесут интерпелляцию; предполагалось, что ее не будет, и потому не позаботились о докладчиках. Я лично, во всяком случае, отказался бы от доклада потому, что я всегда отказывался брать слово по вопросу о таможенной войне, так как по моему мнению тут затрагиваются не только интересы немецкой промышленности, но и интересы немецких рабочих. Все это далеко не так просто. Ведь меня избрали в первую голову не как сторонника международной свободы торговли, а как защитника интересов немецких промышленных рабочих. Я тоже интернационалист не хуже всякого другого, но ведь интернационализм должен быть основан на взаимности, и если мы имеем дело с другой страной, которая постоянно нарушает наши права, то интернационализм состоит не в том, чтобы вечно расхваливать заграничную буржуазию и ругать свою собственную; как раз по отношению к Америке правы-то именно мы: там повышение покровительственных пошлин на изделия промышленности введено в систему. Мы же понизили хлебные пошлины, предоставили американцам все выгоды преимущественно благоприятствуемой страны, те выгоды, за которые другие государства предоставляют нам в свою очередь преимущества, а Америка только и делает, что все время стесняет наш экспорт новыми пошлинами. Ну, так в такой момент моего интернационализма хватит на то, чтобы сказать: в данном случае я нападению не на Германию, а на того, кто совершил большую несправедливость. А это, по-моему, не немцы. И поэтому я бы отказался от доклада, в чем, право, нет никакой беды. Если бы мы вздумали в момент таможенных переговоров ослабить позицию немецких уполномоченных, это было бы только поддержкой протекционистской Америки в ее сопротивлениях каким бы то ни было уступкам. Пострадал бы немецкий промышленный экспорт, чьи интересы во многих отношениях связаны с интересами немецкого рабочего класса».

В. Из речи Ауэра («центр») в Гамбурге.

«Кто-то сказал, что мы должны свести счеты с Шиппелем, и последний оратор выразился в этом смысле. Поэтому я чувствую себя обязанным открыто заявить, что если из-за какого-то выражения Шиппеля в его речи (было ли оно уместно, это другой вопрос), из-за того, что Шиппель подразумевал и что он только и мог подразумевать, должны быть с ним сведены счеты, тогда нужно сводить эти счеты не только с ним одним, а с рядом других партийных товарищей, как Бебель, Либкнехт и я. («Слушайте, слушайте!!») Мне кажется, тут недоразумение. Может быть, потому что Шиппель не сумел как следует выразиться. Последний оратор говорил о том, что Шиппель голосовал за пушки и будет голосовать за розги для порок. Когда Шиппель сказал хоть одно слово в этом смысле? Он совершенно ясно сказал в своей последней речи: мы отклонили этот законопроект, ибо мы являемся принципиальными противниками этой системы, но мы не думали, что по этому вопросу принятие законопроекта

(а представители этой системы должны были его принять ввиду безумного развития милитаризма в европейских культурных государствах) должно было дать повод для особой агитации. Можно использовать этот расход в сотни миллионов на новые пушки для того, чтобы лишний раз заклеймить безумными эти тарифы, но мы не можем отрицать фактов, что те, кто является сторонниками милитаризма и при настоящем положении несет на себе ответственность, должны были принять этот законопроект. Мы были против, ибо мы принципиально против милитаризма. Но из этого совершенно не следует, что нужно было по поводу пушек затеять особую агитационную кампанию. Вот что хотел сказать Шиппель, и только это. Но разве эта точка зрения является в партии такой новостью? Я назвал Бебеля и Либкнехта. Вспомните съезд в Галле, на котором лидер независимых обратился с таким же упреком к Бебелю. Что же Бебель ответил на это? Необходимо точно вспомнить его слова, и я их процитирую по протоколу: «По если вы считаете эти постоянные армии необходимыми, тогда примите меры к тому, чтобы использовать необыкновенное усовершенствование техники ведения войны. Я уже указал, что при употреблении бесшумного колокола и при меткости современного оружия наши солдатские мундиры с их блестящими металлическими пуговицами и яркими красками делают солдат прекрасной мишенью для врагов. Но если нашим отцам, сыновьям и братьям уж придется итти на бойню, так оденьте их по крайней мере так, чтобы они не бросались в глаза неприятельским стрелкам. И теперь я спрашиваю вас всех, а вы все обязаны употребить оружие против внешнего врага,— все вы солдаты, запасные, ополченцы, если я хочу помешать вам стать удобной мишенью для выстрелов врагов, что в этом достойно порицания с партийной точки зрения? (Восклицания: «Ничего!») Если же я пошел дальше и выразил готовность голосовать за средства для изготовления этих менее бросающихся в лицо мундиров, то этим я выразил только свою готовность позаботиться о том, чтобы в грядущую войну десятки тысяч наших соотечественников не пали напрасной жертвой беззаботности нашего военного управления. Я имел удовлетворение узнать, что после маневров этот вопрос обсуждался в общей и специальной прессе. Пресса пришла к заключению, что необходимо расстаться с нашим пестрым обмундированием, если мы хотим предотвратить массовую бойню наших солдат. Никогда в жизни моя совесть не была спокойней, чем в этот раз».

И эта речь имела на съезде большой успех. Но если Бебель выразил готовность ассигновать средства для того, чтобы наши братья не служили мишенью для вражеских пуль, то разве это по существу не одно и то же? (Возгласы: «Нет, нет!») Ну, конечно для вас это одно и то же. Я знаю это и потому и поднял этот вопрос. Если для вас это не одно и то же, тогда конечно вы можете послать на войну солдат, вооружив их палками. (Протест.) Мы принципиально против войны, но мы не можем помешать ей, и мы должны считаться с возможностью, что война наступит хотя бы против нашей воли. Этот факт не может служить опорным пунктом для решительного нападения на милитаризм. Что же — прикажете нам во время будущей сессии голосовать против того, чтобы наши солдаты получали горячее на ужин? А ведь горячие ужины ведут за собой также увеличение военного бюджета. Далее, мы противники войны, и все же наши вожди считались с возможностью войны и сделали соответственные официальные заявления. Возможен даже такой случай, когда мы будем за войну и будем считать ее абсолютной необходимостью. («Правильно!») Я напомню только о речах Бебеля и Либкнехта в рейхстаге по поводу возможности войны против врага с востока, против варваров, против русского царизма и его завоевательных стремлений. Эти заявления сопровождались овациями всей фракции. Так чего же вы хотите? Чтобы и эту войну мы вели при помощи пушек, давно превзойденных всеми другими государствами, Россией в том числе? В этом отношении имеется интереснейшее заявление Либкнехта на Нюренбергском съезде. Вот его слова: «Один из предыдущих ораторов (это был старик Ланендорф) высказывался за всеобщее разоружение. Я присоединяюсь к нему; но мы можем провести его только тогда, когда обезвредим всех врагов народа. А до этого еще далеко. В Германии и Франции час освобождения как будто бы недалек, но наше освобождение — это далеко не все. Перед нами еще одно кровавое задание и один священный долг: разгром России, восстановление Польши. Только тогда, когда мы отсечем обращенную на запад голову русского двуглавого орла, только тогда, когда мы искупим по отношению к Польше преступление наших монархов, главным образом са-

мого бесчестного и наименее немецкого среди них, Фридриха «Великого», только тогда, когда мы таким образом изгоним деспотизм из его последнего убежища, только тогда мы можем разоружить народы. До тех же пор мы должны не отступать от нашего требования всенародного вооружения. Каждый гражданин должен быть солдатом, каждый солдат — гражданином. Да, товарищи, мы также требуем оружия. Если нам удастся ввести милиционную систему, нам тоже понадобится оружие. Поэтому давайте спокойно рассматривать положение и не подсовывать Шиппелю того, чего он не говорил. Шиппель определенно подчеркнул принципиальную точку зрения, что мы не можем голосовать за какие бы то ни было ассигнования, ибо мы являемся принципиальными противниками милитаризма и современного государственного строя. Если вы с этой точки зрения спокойно обсудите положение, то я совершенно не боюсь за исход «сведения счетов». (Аплодисменты и выражения протеста.)

19. Вопросы империализма и войны.

Речь Квесселя на Хемницком партейтаге (1912 г.).

«Мне приходится, право же, с редким удовольствием заявить, что я до некоторой степени согласен с тт. Ленгшем и Паннекуком [1], а именно в том отношении, что сегодняшние дебаты о проблеме империализма должны быть рассматриваемы только как начало длительного обсуждения.

Прежде всего, по-моему, в резолюции не хватает обоснования торгового и индустриально-политического значения империализма. Во время предвыборной борьбы мои империалистические противники часто упрекали меня в том, что наша партия предала индустрию и тем самым жизненные интересы немецкого народа в мароккском вопросе. Я указывал в ответ на заявление Бебеля, что мы при всяких обстоятельствах должны требовать для нашего правительства равноправия на мировом рынке. И вот я считаю чрезвычайной ошибкой, что в резолюции это заявление Бебеля в Нене, которое мы все приветствовали в свое время с необычайным восторгом и которое сослужило нам ценную службу во время выборной кампании, не нашло себе места. Правда, мы требуем свободы мировых сообщений, но что мы должны ответить, если наши противники зададут вопрос: каким образом мы намерены поддерживать это требование? Согласно нашим старым взглядам я должен был бы ответить: мы стоим за политику открытых дверей. Но поскольку мне пришлось ближе заняться торговой политикой, я пришел к убеждению, что политика открытых дверей не дает больше тех результатов, в которые мы, социалисты, до сих пор верили. Мы поставили наши колонии в одинаковое положение с заграницей. В них никакая промышленность, и даже немецкая, не пользуется покровительственными пошлинами. Согласно официальным сведениям немецкая металлопромышленность экспортирует в немецкие колонии в 34 раза больше, чем английская. Но если взять цифры, то вывоз английских продуктов металлопромышленности в Британскую Индию в 1909—1910 гг. равнялся 152 млн., а немецких продуктов только—5,8 млн., так что здесь как раз обратная пропорция нашим колониям. Для того чтобы решить задачу, необходимо отдать себе полный отчет во всех ее трудностях. Конечно мы не можем немедленно найти готовое решение для этой особенно актуальной проблемы, но мы должны открыто сказать, что это жизненный вопрос для немецких рабочих. Правда, частичные решения заключаются в том, чтобы твердо держаться принципа охранять всюду свободу и государственную независимость народов. Это относится к Персии, а также и к Китаю и Турции. Точно так же и в мароккском вопросе — теперь уж дело прошлое — мы должны были действовать с большей энергией и отстаивать самостоятельность страны от хищнического французского империализма. Но из этого следует, что всюду, где немецкое правительство выступает с целью провести равноправие нашей промышленности, оно должно пользоваться нашей поддержкой. Это в интересах пролетариата, точно так же как поддержка правительства, если бы оно действительно возымело намерение заключить целесообразные торговые договоры. Резолюция не есть разрешение вопроса. Нам еще придется заняться этой проблемой, и ультрарадикалам, ревизиони-

[1] Ленш и Паннекук — активные сторонники «левых радикалов», накануне Хемницкого партейтага вели дискуссию с Каутским по вопросам империализма, милитаризма, лозунгов разоружения и народной милиции.

стам и марксистам придется выяснить свою точку зрения по вопросу открытых дверей. (Ледебур смеется.) Ваш смех ничего не доказывает. Часто люди смеются над фактами потому, что они недостаточно глубоко занимались данным вопросом. Относительно Бебеля я знаю, что, по его мнению, это вопрос чрезвычайной важности. Еще год тому назад в Йене я держался того взгляда, что политика открытых дверей вполне гарантирует равноправие немецкой промышленности. Я отказываюсь теперь от этого взгляда, и каждый, кто беспристрастно проанализирует цифры торговой статистики, принужден будет от него отказаться».

Выступление Паннекука на Хемницком партайтаге.

«Эта дискуссия является конечно только первой попыткой высказаться, точно определить пункты разногласий и возбудить интерес к вопросу в широких кругах. Поэтому я остановлюсь только на немногих основных вопросах, чтобы выяснить положение и отмежеваться от ложных истолкований. Мы считаем империализм необходимой или, лучше сказать, неизбежной формой развития капитализма не в том смысле, что ничто иное немыслимо или нежелательно, но в том смысле, что мы фактически вступили на этот путь. Можно доказать, что империализм принес вред широким кругам населения, так же как и буржуазии. Но факт налицо, вся буржуазия стоит за него. Мы не утверждаем, будто империалистическая политика необходима в том смысле, что без нее наступят катастрофа, кризис и безработица. Гаазе привел в пример оружейные заводы, для которых при разоружении наступила бы безработица. Но этот пример для нас неубедителен. Ничего подобного нам в голову не приходило. Нам приходится бороться не только с капиталистами оружейных заводов, но и с гораздо большим кругом непосредственно заинтересованных лиц. Крупный и финансовый капитал целиком заинтересован в империалистической политике и тем самым в мировом вооружении. Таким образом империализм не является простой политикой интересов буржуазии. Его скорее можно назвать направлением, идеологией. Политикой интересов он является только для крупного капитала, а вся масса буржуазии тащится на буксире по причинам и материального и идеологического свойства. Часто говорят об империализме, как о каком-то умопомешательстве буржуазии. Бернштейн говорил в номере «Хемницкого голоса народа», посвященном съезду, об умственной эпидемии. Но мы не можем рассуждать так не по-марксистски, как будто мы здесь имеем дело с случайностью. Литература нам раскрывает также нити, посредством которых каждая буржуазная группа связана с этой политикой. Потому мы считаем утопией надеяться на то, что возможен поворот с этого пути. Нам указывают на английское предложение. Англия вплоть до эпохи усиленных вооружений обладала империалистической монополией. Всемирное вооружение грозит ей потерей этой монополии. (Бернштейн: «Разоружение — еще больше».) Было само собой понятно, что Англия выступит с предложением разоружения, но также понятно и то, что немецкое правительство на это не пошло («Слушайте, слушайте!»), конечно с точки зрения крупного капитала. С точки зрения пролетариата, наоборот, наша фракция постоянно стоит на этой точке зрения и защищает ее, отклоняя бюджет и выступая по каждому военному законопроекту. Но если она потребует, чтобы немецкое правительство согласилось на предложение английского правительства, тогда надо сознаться, что из этого ничего не выйдет. Господствующий класс не может пойти по этому пути, ибо он является классом эксплоататоров, ибо по существу он не может вести иной политики, кроме политики грабежа и насилия. Поэтому различные державы хотят сохранить свое могущество. Во всех их столкновениях вопрос решает только сила. Даже если бы война и не наступила, все же крупному капиталу нужно вооружение. Только с его помощью можно принудить к уступкам конкурентов — другие мировые державы. Поэтому все вооружаются с величайшим усердием. Гаазе уже указал на то, как магнаты капитала организовались в интернациональном масштабе. Но он добавил, что это не устраняет опасности войны. Если это так, и капиталисты знают, что война неизбежна, то тогда вооружение будет продолжаться. Наша точка зрения не имеет ничего общего с одобрением этой политики. Мы только подчеркиваем ее неизбежность для того, чтобы соответственно организовать нашу борьбу против империализма. Мы будем самым ожесточенным образом бороться против этой общественно-опасной насильственной формы капитализма. Но не тем способом, что мы попытаемся вернуть капитализм к его более ранним формам. Это невозможно. Есть

только один исход — через империализм к социализму. Нам говорят: что же, утешать массы, стонущие под бременем налогов на вооружение, надеждой на государство будущего, ведь это невозможно! Предположим для сравнения, что внезапно портовым рабочим угрожает опасность безработицы, так как вводятся машины, зерновые элеваторы, и тысячи рабочих будут выброшены на улицу. Невольно встает мысль: разве мы не должны двинуть наши профессиональные союзы на борьбу? Но социал-демократ скажет им: нельзя, против этой формы развития мы не можем бороться, постарайтесь, чтобы эти машины попадали в ваши руки. («Слушайте, слушайте!» И протесты.) Это тоже было бы нечто вроде утешения будущим, но на деле ничего подобного. Наша точка зрения вовсе не состоит в том, что мы отказываемся от борьбы с империализмом в надежде на государство будущего. Рабочий класс может на деле бороться против империализма, он должен это сделать, и эта борьба является в то же время борьбой за социализм. К примеру, борьба против дороговизны. Дороговизна — результат империализма. Золотая продукция картелей, пошлины, закрытие границ, внутренняя реакция и союзы предпринимателей — все это способствует растущей дороговизне, которая толкает массу на бунт и революционизирует умы. Но дороговизна выводит также массы на улицы, как в прошлое воскресенье в Штутгарте. Под лозунги — открытие рейхстага, открытие границ — будут собираться все больше и больше демонстрантов, пока мы не достигнем цели. Эта массовая кампания является одновременно борьбой за ближайшие цели, за облегчение нужды и в то же время борьбой за социализм, ибо она повышает силу, уверенность, организованность массы. Нечто подобное мы видим в борьбе против внутренней реакции. В борьбе за прусское избирательное право главным оружием служат массовые выступления, и военная опасность неизбежно приведет к тому, что рабочий класс должен будет выступить, чтобы помешать войне, и массовые выступления будут играть большую роль. Итак, наша точка зрения по отношению к империализму — это решительная борьба, которая непрестанно ведется в парламенте, а в определенные моменты — посредством массовых выступлений. Мы подчеркиваем, что в борьбе с империализмом рабочие могут рассчитывать только на самих себя, а не на какие-то противостоящие империализму тенденции буржуазного мира, и в себе самом рабочий класс найдет силы для победы над империализмом». (Аплодисменты.)

Ленин об империализме.

Настоящий отрывок взят из статьи Ленина «Miliz und Abrüstung», направленной против каутскианского понимания империализма и пацифизма. Статья была напечатана в «Neue Zeit» 1913 г. № 41—II.

«Все дебаты о «разоружении» являются только частью тех больших споров, продолжающихся уже два года и которые начались статьями т. Люксембург о массовой стачке [1] и продолжались в статьях Паннекука [2] о массовых действиях. Содержанием их является вопрос: **какую тактическую позицию занимает социал-демократия по отношению к империализму.**

Ответ на этот вопрос зависит от того, что понимать под империализмом. Та или иная позиция в этом вопросе зависит от того, рассматривать ли эту гонку вооружений и этот раздел колониальных областей как преходящий эпизод в развитии, которое могло складываться и по-иному, либо рассматривать империализм вообще как последнюю фазу капиталистического развития, которая неизбежно приводит к социализму.

Научный социализм, поскольку он занимался этими проблемами новейшего времени, изображал всегда империализм как последнюю и высочайшую ступень капиталистического общества. В течение последних двадцати лет интернациональный капитализм пережил никогда невиданный подъем, прерываемый только короткими, быстро преодолеваемыми кризисами. Производительные силы повсюду гигантски вырастали, и вместе с ними росло и богатство капиталистов. Заработная плата рабочих, несмотря на абсолютное увеличение, значительно отставала от повышения производительности труда. Перед предпринимателями таким образом встал вопрос: что делать с этим богатством? Они не могут его потребить сами, нельзя рассчитывать и на рабочий класс, заработная плата которого является только вычетом из им самим произведенной ценности. Потребность в применении капитала привела к сокрушению всех, еще не подчиненных прямо капиталистическому способу производства

[1] См. док. № 26
[2] См. док. № 31 B

категорий общества. Уничтожение среднего сословия, мелкого ремесла и крестьянства было одним из последствий, концентрация капитала в банках, картелях и синдикатах — другим. Но этого было далеко недостаточно. Золотой поток поднимался и поднимался, а вместе с ним росла и забота о том, чтобы найти приложение для излишних капиталов. И теперь капитал устремился за границу для того, чтобы там закончить тот самый процесс, который он начал внутри страны...

Начинается погоня капитала по земному шару за новыми возможностями сбыта. На громадные излишние средства, не находившие применения внутри страны, капитал строит в тропических и субтропических областях, в Сибири, Месопотамии, Южной Африке, Америке, Восточной Азии железные дороги и дороги, пускает в ход горное производство, добывает золото из россыпей, вводит электричество, газ, керосин, воздвигает гавани и верфи, выстраивает новые города и парки и осыпает человечество благодатью современнейших орудий убийства — от мелких калибров до дредноутов. Другими словами: он вовлекает последние неподчиненные капиталу области земного шара в поток капиталистического развития. Он хватается за последние источники, из которых он может еще черпать жизненную силу и возможность существования. Когда эти источники будут исчерпаны, пробьет час капитализма. В то время как производительность труда поднимается и поднимается, в то время как из колониальных стран вырастают такие же капиталистические области, которые со своей стороны будут искать возможностей приложения для своих излишних капиталов, все больше иссякает возможность применять эти капиталы. Капитализм задыхается в собственном жиру. Наемный труд, условие и базис всякого капиталистического способа производства, становится невыносимыми оковами для дальнейшего развития производства. Эти оковы будут разбиты. Рабочий класс, создающий излишние ценности, которые господствующий класс не имеет больше возможности использовать, захватывает государственную власть для того, чтобы осуществить вытекающие из хода развития огромные мероприятия.

Итак мы видим, что империализм — это в самом деле означает век революции, что он является последним словом капитализма. О темпе его развития нам дали представление последние восемь лет. Восточно-азиатская война, русская революция, революция в Турции, Персии, Китае, раздел Африки, происшествия в Мексике, раздел Турции, раздел Персии, — все это глубочайшие сдвиги, происшедшие в до смешного короткий срок последних восьми лет. Чем быстрее шел раздел еще не захваченных капитализмом областей, тем стремительнее была гонка вооружений, вырывающих друг у друга добычу больших государств. Для каждого такого государства являлось вопросом существования, удастся ли захватить большие и поддающиеся культуре земли, в которых можно поместить их излишние капиталы. Именно поэтому характер современной колониальной политики так изменился. Раньше стремились выжимать из колонии все, что возможно, путем ли обмана или сдирания шкуры с туземцев, теперь же колонии служат противоположной цели — по возможности вкладывать в них капиталы. Теперь уже больше не стараются выманить у туземцев за пару стеклянных бус большие ценности. Колонии для империализма на сегодняшний день представляют ценность не как рынки сбыта европейских шерстяных товаров и прочих предметов широкого потребления, но как области, в которых можно помещать чудовищно излишние капиталы, которые вопиют о применении. Дорого стоящие железные дороги и сооружение мостов, шоссе и т. п., короче говоря, сооружения, на которые идут сотни миллионов — вот какова теперь цель колонизаторского капитала. При этом понятно, что капиталисты не могут пускаться в столь дорогие предприятия, если не обеспечено получение процентов. Поэтому капитал стремится приобрести влияние на иностранную государственную власть, стремится создать «урегулированные» отношения, чтобы государственная власть стала служителем иностранного капитала. Наиболее простым путем является прямая аннексия. Если на него можно вступить, капитал это делает без колебаний. Тогда капитал — полный господин страны, и ему не приходится бояться иностранной конкуренции или во всяком случае в меньшей степени. Поэтому тенденция империалистических государств заключается не только в том, чтобы поместить за границей капиталы, но также и подчинить, насколько возможно, иностранную государственную власть своей. Политика «открытых дверей» применяется все меньше и меньше. Так борьба империалистических великих держав за оставшиеся клочки земли превращается в борьбу между собой. И так как здесь идет речь о том, быть или не быть государствам, пресыщенным

капиталом, так как им необходимы области применения излишних капиталов, если они не хотят задохнуться в собственном жиру, — то именно поэтому борьба идет не на жизнь, а на смерть. Гонка вооружений является сопровождающим ее осязательнейшим явлением, и необычайно распухшие расходы на вооружение повсюду за последние десять лет не только лишь в Германии и Англии являются доказательством, насколько уже велики трудности, вытекающие из противоположности между крайне возросшими производительными силами и все сужающимися областями применения излишних капиталов... Намерение побороть гонку вооружений путем взаимного договора о постепенном ограничении вооружений было утопией и утопией осталось».

Каутский о милитаризме и разоружении.

Настоящий отрывок взят из статьи Каутского «Первое мая и борьба против милитаризма», помещенной в майском номере «Neue Zeit» за 1912 г.

«...Наше единомыслие с буржуазными защитниками разоружения основано на общности интересов в этом вопросе буржуазного мира и пролетариата. Буржуазное общество терпит такой же глубокий ущерб, как и пролетариат — и даже еще больший — это не сентиментальная фраза, а трезвый факт. Правда, пролетариату угрожают бесконечные страдания, но буржуазному обществу сверх того — полный переворот. Уже сейчас гонка вооружений приносит народам все большие тяготы, что означает для имущих классов неприятную альтернативу либо взять на себя эти тяготы, либо взвалить их на уже и без того чрезвычайно мятежные народные массы и тем самым усиливать опасность для существующего режима.

Давление весьма реальных интересов побуждает, по крайней мере, ту часть буржуазного общества, которая подальновиднее, либо интересам которой непосредственно угрожают вооружения, действовать в пользу разоружения, путем международных соглашений.

Как и в прошлом веке, во время борьбы за нормальный рабочий день, так и теперь, в борьбе против вооружений, одни буржуазные элементы оказались бы слишком слабыми и лишенными энергии для того, чтобы преодолеть сопротивление значительной части правящих классов. Но совсем по-иному складываются перспективы разоружения, когда наряду с выступающими с этим требованием буржуазными элементами подымет свой голос мощный и бесстрашный пролетариат.

Сторонники теории «инстинкта масс» больше чем другие товарищи должны признавать войну ужасным бедствием для всего рабочего класса и энергичнейшую борьбу против нее должны считать первым долгом рабочих. Но они боязливо избегают всех путей предотвращения войны, по которым пришлось бы идти совместно с буржуазными элементами, и ограничиваются весьма сомнительным и ненадежным средством — массовой стачкой — в случае начала войны; они даже слышать не хотят об агитации в пользу мероприятия, проведение которого значительно отдалило бы вероятность войны. А как прикажете реагировать на гонку вооружений, которой нельзя воспрепятствовать путем массовой стачки? Агитация против нее должна базироваться на конкретных требованиях, иметь определенное содержание. Они хватаются за требование организации милиции; по их мнению оно хорошо уже тем, что никакая буржуазная партия его не поддерживает. Это верно, но с другой стороны милиция, как мы уже говорили, имеет то неприятное свойство, что совершенно не мешает вооружениям. Вместе с тем, как мы уже видели, наши товарищи, загипнотизированные термином «единая реакционная масса», выставляют также и научные основания против стремления к разоружению. Они утверждают, что мы тем самым вступаем в противоречие с экономическим развитием, которое порождает стремление капитализма к постоянному расширению, от него же империализм, а от империализма гонка вооружений. Вооружение таким образом является естественной необходимостью капиталистического общества.

По их мнению с одинаковым успехом можно было просить рейхсканцлера как об ограничении вооружений, так и об отмене системы наемного труда...

Наши разногласия в этом вопросе проистекают от того, что эти друзья понимают сущность экономической необходимости совсем по-иному, чем прочие марксисты.

Факторы, составляющие жизненный элемент капиталистического процесса производства, без которых он не может существовать, конечно, могут быть устранены только вместе с ним.

Но рассматривать каждое явление, являющееся следствием капиталистического процесса производства, как его жизненный элемент, без которого он не может существовать, является грубой ошибкой.

Получение прибавочной стоимости является жизненным элементом капиталистического способа производства. Оно вызывает стремление продлить рабочий день. Но продление рабочего дня не является жизненным элементом капитализма. Он может развиваться и даже еще лучше при сокращенном рабочем дне. Стремление к получению прибавочной стоимости, благодаря ограничению рабочего дня, будет только направлено на другие пути. Чем короче например рабочий день, тем больше стремление заменить человеческую рабочую силу машинами.

Так, постоянное расширение рынка является также жизненной необходимостью для капитализма. На определенной ступени развития капитализма наиболее удобный путь достичь этого — приобретение колоний или сфер влияния, что приводит к гонке вооружений.

Гонка вооружений основывается на экономических причинах, но не на экономической необходимости. Его приостановка ни в какой мере не является экономически невозможной.

Этим, правда, еще ничего не сказано о вероятии проведения разоружения. Правящие классы заинтересованы в гонке вооружений. Удастся ли преодолеть их сопротивления, это вопрос политической мощи, вопрос, решение которого нельзя предвидеть, ответом на который будет успех борьбы против гонки вооружения. Но первая предпосылка успеха — это энергичная агитация за наши требования. Кто стремится удушить нашу агитацию в зародыше и выбивает у нас из рук оружие утверждением, что наше требование заведомо бессмысленно и что противник разоружения экономически проницательнее нас, играет наруку противнику.

Мы должны развернуть агитацию, если бы она даже и не обещала прямого практического результата. Разве мы защищаем наши требования, только когда рассчитываем на большинство в парламенте? В таком случае мы должны были бы прекратить всякую агитацию за милицию, как имеющую еще меньше шансов на успех, чем агитация в пользу соглашения с Англией о проведении разоружения. Еще несколько лет тому назад эта идея могла казаться утопичной, но не теперь. Это пожалуй легче всего объяснить путем сравнения. Капиталистический способ производства основан на свободной конкуренции, на неограниченной борьбе всех против всех. Каждое предприятие видит в других предприятиях той же отрасли своих врагов; каждый из них мечтает сокрушить конкурентов, убрать их с дороги, чтобы одному завладеть всем рынком. Конкуренция порождает стремление к монополии. Эта «конечная цель» долго является бессмысленной утопией, но процесс концентрации капиталов создает в некоторых отраслях промышленности и торговли такое положение, когда вся данная отрасль индустрии находится в руках немногочисленных крупных конкурентов. Чем меньше их, тем губительнее последствия борьбы для побежденных. Каждый стремится к устранению других, к монополии, но никто не может этого достигнуть, и они истощают силы друг друга.

На этой стадии борьбы конкуренты уже созрели для взаимного соглашения. Якобы необходимая по законам природы конкуренция устраняется, возникают картели, тресты, в которых участники преуспевают значительно лучше, чем при соперничестве в условиях свободной конкуренции.

Этот путь развития, на который уже 20 лет все в большей мере вступают отдельные предприятия, открывается теперь и для капиталистических государств в целом. Все они стремятся к экспансии и при этом все больше и больше стесняют и тормозят друг друга. Поэтому они увеличивают свои боевые силы, и расходы предприятий по экспансии растут до такой степени, что поглощают все прибыли. Тем не менее они продолжают свою политику в расчете на то, что та или другая страна путем вооружений достигнет такой стадии, когда ей удастся сокрушить конкуренцию и монополизировать мировой рынок. Но чем больше исчезает такая надежда, чем становится яснее, что продолжение конкурентной борьбы разоряет всех участников, тем ближе день, когда конкурентная борьба государств уступит свое место новым взаимоотношениям на началах картеля. Это меньше всего означает отказ от экспансии отечественного капитала, а только переход к более дешевому и менее опасному методу.

В Америке нередко две конкурирующие железные дороги старались разорить друг друга, объявляя друг другу ожесточеннейшую тарифную войну. Но если при этом не удавалось быстро довести до действительного банкротства одну из дорог, тогда они обычно объединялись, и в

трогательном единении во много раз повышали тарифы, причем прибыли оказывались значительно выше, чем при свободной конкуренции.

Капиталисты Германии и Англии также ничего не потеряют, если оба государства между собой договорятся о внешней политике и на этом основании сократят свои вооружения. Объединившись, оба эти государства сумели бы добиться, чтобы остальные государства по меньшей мере Европы присоединились к их соглашению о разоружении. Тогда их капиталисты сумеют значительно энергичнее и свободнее, чем до сих пор, овладеть по меньшей мере восточным полушарием.

Это соглашение отнюдь не означало бы победу интернационализма или вечного мира, как трест не равнозначащ социализму или хотя бы даже регулированию производства. Как объединение отдельных предпринимателей не может навсегда устранить конкуренцию, так и невозможно соглашение между капиталистическими державами, которое устранило бы на вечные времена все поводы к конфликтам. Поэтому и невозможно такое соглашение между ними, которое привело бы к полному разоружению. Но, конечно, мы считали бы бесконечно большим достижением, если бы удалось выйти из нынешней стадии, когда мировая война неизбежна и разыграется в кратчайший срок, и заменить ее таким положением, при котором возможность войны, конечно, не устраняется навсегда, но во всяком случае отодвигается. В результате такого соглашения могла бы быть навсегда устранена опасность войны европейских держав между собой, поскольку с каждым годом растет мощь европейского пролетариата, который бросил бы все свои силы на чашу весов против войны.

И с другой стороны, если бы дело и не дошло до полного разоружения, но удалось бы положить предел всякому дальнейшему расширению существующих вооружений, то и это было бы значительным достижением. Но если бы даже ничего из этого не вышло, если бы наша агитация за разоружение не нашла бы отклика в буржуазных кругах и ей не удалось бы преодолеть громадные трудности, препятствующие проведению этой идеи, все же она была бы чрезвычайно полезна, конечно, не для буржуазного общества, которое неизбежно докатится до мировой войны, но для нашей партии. Пропагандистская сила партии по меньшей мере во всех кругах трудящихся, особенно страдающих и находящихся под угрозой, благодаря гонке вооружений и ее последствиям, усилилась бы чрезвычайно. Достаточно даже и этого соображения.

Именно теперь у нас есть все основания позаботиться, чтобы либералы были вынуждены занять определенную позицию в вопросе соглашения с Англией. Но у нас еще больше оснований установить перед народом ответственность всех буржуазных партий, которые противодействуют этому соглашению за возрастающие налоги и за неизбежный без этого соглашения мировой пожар. У нас нет ни малейшего основания, исходя из неверного толкования наших взглядов на историю, представлять гонку вооружений и угрожающую войну как нечто неотвратимое, в чем правящие партии столь же неповинны, как в самом факте существования буржуазного общества.

Конечно, у нас есть все основания поддержать парламентскую борьбу против нового законопроекта о вооружениях массовым выступлением вне парламента. Для того, чтобы это выступление по-настоящему захватило массы, на первый план должны быть поставлены вопросы, выдвинутые исторической ситуацией. Таким вопросом на сегодняшний день является не вопрос о милиции, а международное соглашение, прежде всего с Англией, об ограничении вооружений...

Каутский о войне и Интернационале.

Настоящий отрывок взят из статьи Каутского «Der Krieg und d. Internationale», N. Z. № 6 1912 г. Статья появилась перед Базельским конгрессом II Интернационала. В. И. Ленин тотчас же после появления этой статьи обратился с письмом к Плеханову, в котором писал: «Статья Каутского в «N. Z» после октябрьского заседания Межд. соц. бюро есть явно официальное мнение немцев, австрийцев и др. Мы решительно не согласны с центральным пунктом этой статьи (В. И. точно указывает этот пункт. См. 2 и 3 абзацы приводимого отрывка. *А. С.*)... У Каутского выходит зарок именно от революционной массовой стачки. Это недопустимо и с русской точки зрения (100 000 политических стачечников теперь в Питере с революционными митингами и сочувствием восстанию матросов) и с общеевропейской» (XIII Лен. сборник, стр. 209).

«...То, что относится к войне, имеет силу и по отношению к движению против войны. Но международный конгресс управляется и руководится не каким-нибудь самодержавным полководцем. При теперешнем быстром развертывании событий в большей степени будет зависеть от

случайности, соберется ли он в благоприятное время, не выступит ли он слишком поздно или, что возможно также, слишком рано. Но если нельзя с точностью определить степень влияния конгресса, во всяком случае следует ожидать, что он окажет значительное влияние. Наибольшее значение предстоящего международного конгресса может быть состоит в том, что агитация по поводу участия в нем дает в отдельных странах новый толчок к демонстрациям пролетариата в пользу мира. Конгресс будет тем внушительнее, чем энергичнее до него в отдельных государствах была проявлена воля пролетариата к миру.

При этом мы должны уже теперь ясно себе представить, каким образом мы можем и имеем противодействовать войне. Ясно одно: в настоящее время, в век всеобщей воинской повинности и растущей мощи пролетариата, ни одно правительство не решится вступить в войну, прежде, чем ему не удастся предварительно создать всеобщее воодушевление у населения в пользу войны.

С другой стороны, столь же несомненно, что всякие действия, направленные к тому, чтобы помешать правительству начать войну посредством массовых выступлений или вооруженных выступлений или массовой стачки, — все эти действия среди населения, охваченного военным воодушевлением, можно считать обреченными на неудачу.

Таким образом наша задача сводится в сущности к пропаганде. Массовые действия, как преднамеренные действия нашей партии, возможны только постольку, поскольку они имеют пропагандистский характер.

Мы должны считаться с тем фактом, что элементами, желающими войны, каковы бы они ни были, будет выдумываться все возможное, чтобы посредством распространения всякого рода лжи запугать, обмануть и разжечь массы. Пресса и телеграф, находящиеся в руках этих элементов, дают для этого очень легкие способы. Противодействие всему этому является важнейшей нашей задачей. В этом отношении социал-демократическая ежедневная пресса является нашим могущественнейшим оружием в пользу мира. Однако было бы грубейшей ошибкой и прямым извращением марксизма, если бы мы в этот момент обратились исключительно к пролетариату, игнорируя остальные трудящиеся массы: интеллигенцию, мелкую буржуазию, крестьянство. Конечно, пролетариат представляет наиболее прочный оплот мира, но в последнем не менее заинтересованы и мелкая буржуазия и крестьянство. Но еще хуже было бы, если бы мы стали сейчас говорить непролетарским слоям народа о том, что борьба из-за турецкой добычи является жизненной необходимостью для буржуазного общества, и что когда мы боролись против войны и требовали мира, то это только потому, что мы хотели уничтожить буржуазное общество.

Проповедывать такую бессмыслицу в настоящее время — значило бы совершать измену против политики мира. Наша тактика, имеющая целью сохранение мира, должна стремиться не к тому, чтобы отрывать социалистический пролетариат от других заинтересованных в мире слоев народа, но скорее к тому, чтобы силой пролетарского противодействия войне увлечь, объединить с собой все эти массы, изолировать сторонников войны, делая их тем самым бессильными против фаланги жаждущих мира масс.

Я указывал 12 лет тому назад на то, что при защите собственной страны от вторжения внешнего врага, ввиду общей нужды, классовые противоречия отступают на задний план, как это в действительности было самоотверженно и решительно сделано пролетариатом, с одобрения Интернационала, в 1870—1871 гг. во Франции...

Что имело силу тогда, в критический момент войны против чужеземного нашествия, то относится не в меньшей степени, а даже в большей степени, к критическому моменту против войны. Пролетариат борется с войной не только во имя своих классовых интересов. Не только пролетарские интересы, но и общие интересы всего общества вызывают нашу агитацию в пользу мира.

Как часто случается, так и в данном случае, особые интересы пролетариата совпадают с общими интересами всего человечества. И чем больше мы будем это подчеркивать, чем решительнее мы будем требовать мира, как представители всего народа, против частных интересов незначительного меньшинства, тем значительнее будут действия нашего призыва, тем энергичнее поднимутся все трудящиеся массы мелкой буржуазии и крестьянства, как и промышленный пролетариат, против лихорадки шовинизма, тем больше будет шансов на мир».

Радек об империализме.

Настоящий отрывок взят из статей К. Радека «Наша борьба против империализма», печатавшихся в мае 1912 г. в «Neue Zeit» и направленных против каутскианского понимания империализма.

Теоретики марксизма изображали империализм как политику капитализма в эпоху финансового капитала. Они объясняли заокеанскую экспансию капитала как следствие его бегства от уменьшения прибылей в странах развитого капитализма; таким образом, они представляли империализм столь же необходимым следствием экономического развития, как картели и всегда готовая обслуживать эти картели покровительственная таможенная политика. Заокеанская экспансия капитала приводит в своем развитии к колониальной политике, к стремлению к резервированным в известной степени для национального капитала заокеанским областям, отношение которых к метрополии, т. е. к империалистической политике, закрепляется в государственно-правовом порядке. В настоящий момент нет такой заокеанской политики, которая не служила бы империализму...

Распространяя свое экономическое влияние на различные территории, которых оно и не думает заселять, империалистическое государство создает себе экономическую мощь для проведения своих главных целей. По мере возрастания дивидендов и процентов на капитал, империалистическое государство приобретает экономические средства для проведения своей воли в намеченных им территориях и политические козыри для достижения своих целей. Экономический захват Марокко принес германскому финансовому капиталу миллионы, выжатые из марокканских крестьян, и вместе с тем дал германскому правительству возможность предъявить к Франции требование о компенсациях в Конго, с которого и начался весь средне-африканский вопрос. Хотя проникновение германского капитала в Персию еще находится в зачаточном состоянии, но оно уже дало Германии козырь для уничтожения препятствий, чинимых ей Россией в проекте Багдадской железной дороги, и помогло ей испортить отношения между Россией и Англией, что было выгодно для общих целей германской мировой политики. Еще теснее связь между «мирной» заокеанской политикой капитала и его действительной политикой силы, т. е. империализмом. Иногда цели мирной экспансии под влиянием тех или иных обстоятельств превращаются в цели экспансии насильственной: возмущения «мирно» эксплоатируемого населения, столкновения с другими державами, которые хотят овладеть спорной территорией для своей исключительной экспансии при помощи менее мирных средств, — все это крайне легко приводит к переходу от мирной экспансии к воинственной, приводит даже в тех случаях, когда это и не было заранее предусмотрено программой мировой политики данного государства. В этом между прочим и заключалась опасность германского вмешательства в марокканские смуты, хотя германское правительство, по нашему глубокому убеждению, подтверждаемому и более углубленным изучением буржуазной мировой политики, не имело сначала никаких воинственных намерений. Во многих случаях мирная экспансия возможна только, как следствие экспансии насильственной. Но в чем же, собственно, главнейшая цель заокеанской экспансии?

Ведь, не в экспорте же продуктов широкого потребления, текстильных товаров и т. д., спрос на которые в нецивилизованных колониальных землях весьма незначителен и может быть развит только в том случае, если на месте имеется какая-нибудь государственная власть, предоставляющая экономическому обороту необходимую безопасность! Такой власти в нецивилизованных странах не существует, а стало быть, в них не существует ни упорядоченных правоотношений, ни путей сообщения, которые могли бы проложить дорогу мирной экспансии. Это делает неизбежным предварительным условием «мирного» развития постройку финансовым капиталом железных дорог и других путей сообщения, что, в свою очередь, вызывает необходимость захвата соответствующих территорий. Экспорт капитала, предназначенного для постройки путей сообщения и ведущего за собой развертывание государственного механизма, это и есть важнейшая часть «мирной» экономической экспансии.

Ввиду всего этого, следует самым энергичным образом отвергнуть точку зрения, частью распространенную среди радикалов и гласящую, что социал-демократия, являясь резкой противницей колониальной политики, все же защищает мирную заокеанскую экспансию Германии. Эта точка зрения совершенно неправильна, она не считается со связью между мирной и насиль-

ственной экспансией. Можно было бы дать ей спокойно умереть, рассматривая ее как пережиток влияния фритредерских взглядов на умственную жизнь социал-демократии, — но из нее вытекают важные последствия для всей нашей агитации: она в корне подрывает возможность всякой последовательной борьбы с колониальной политикой и империализмом.

В основе этой точки зрения лежит то положение, что заокеанская экспансия соответствует интересам рабочего класса, который благодаря ей получает работу. Если бы социал-демократия признала это положение справедливым, то империалистической прессе оставалось бы только доказать, — а она вполне может сделать это, — что время мирной заокеанской экспансии в колониальных землях уже прошло и что, следовательно, кто считал заокеанскую экономическую экспансию выгодной рабочему классу, тот должен защищать и те средства, которые обеспечивают ее развитие, т. е. флот и империализм, как таковой. Так что, кто считает, что мирная экспансия соответствует интересам рабочего класса, тот теряет почву под ногами в борьбе против империализма [1]. Если же он хочет сохранить свою отрицательную позицию по отношению к империализму, то ему остается только один путь: он должен не рассматривать империалистическую политику как внешнюю политику близкого к краху капитализма, а стремиться доказать, что для капитализма возможна и другая, не империалистическая внешняя политика, которая тоже защитит интересы буржуазного общества. Он должен доказывать, что широкие массы собственников не понимают этого только по бесголовости, которой и пользуется эгоистическая кучка корыстолюбцев, запрягшая в свою колесницу всю обманутую буржуазию.

Этот способ трактовки империализма (он насчитывает целый ряд представителей и в германском марксистском лагере [2]) отодвигает наше понимание империализма на десятки лет назад, подменяя тот империализм, который мы видим теперь, мировой политикой уже давно исчезнувшей эпохи, а именно эпохи английского промышленного капитала. Теоретическое обоснование этой политики можно найти у фритредерских национал-экономистов Англии. Они указывали на то, что колониальные рынки завоевываются не пушками, а качеством товара, и что, следовательно, никакой колониальной политики не нужно. Нужно позаботиться только о взрыве китайских стен, предоставив остальное силе естественного напора капиталистического хозяйственного строя.

С тех пор многое изменилось. Ни одна из национальных буржуазий не обладает монополией на мировом рынке. На нем господствует яростная борьба. И так как эта борьба вызывает стремительное развитие производительных сил, угрожающее выбить капиталистический мир из его колеи, то облегчением для капитала является не свободная конкуренция, а монополия, а также монополизирование внешних рынков путем создания колоний. Если в этих колониях и проводится принцип открытых дверей или ему подобная таможенная политика в отношении того или иного товара (этого часто требуют финансы колонии или международные договоры), то политическая власть, находящаяся в руках буржуазии той страны, которой принадлежит данная колония, даст ей перед конкурентами все преимущества, каких она только может пожелать. Общность языка с колониальными властями, их связи с национальным капиталом, финансовая зависимость от метрополий, все это приводит к тому, что колония становится монопольно эксплоатируемой добычей колонизующей страны.

Таким образом, кто считает возможным рекомендовать жаждущему монополий капиталу нашего времени мировую политику английского капитала начала прошлого столетия, тот лишает себя возможности понять империалистическую политику, с которой он имеет дело, и победить ее.

Допуская, что финансовый капитал может вести и не империалистическую мировую политику, исследователь впадает в дальнейшие заблуждения. Для агитации против империализма из этого допущения вытекает то, что империалистические аферы изображаются как продукт мошенничеств ничтожной клики, против которой могут резко выступать широкие круги буржуазии. Но так как они этого не делают, то позиция, занимаемая буржуазией по отношению к вопросам империалистической политики, получает характер какой-то комедии ошибок. А для политики партии результатом подобного

---

[1] Само положение, гласящее, что заокеанская экспансия, якобы, соответствует интересам рабочего класса, я думаю, не нуждается здесь в моем опровержении.

[2] Имеется в виду Каутский. Прим. сост.

взгляда является неумение хладнокровно и точно оценить причины перехода буржуазии к империалистической политике, что приводит к целому ряду ошибочных общих выводов, особенно в вопросах борьбы с империализмом. Но ко всему этому я еще вернусь.

Если мы хотим, чтобы наша антиимпериалистическая позиция получила твердую основу, то для этого нам нужно вытравить из своего сознания все пережитки старой идеологии, которая когда-то в части своей имела серьезное обоснование, но теперь противоречит действительности и приводит только к заблуждениям.

Империализм является единственно возможной мировой политикой современной капиталистической эпохи. Правда, он приносит пользу лишь ограниченным слоям руководящих капиталистических кругов, банкам и тяжелой промышленности, но за него стоят и широкие круги буржуазии: он открывает им такие горизонты, которые, даже будучи недостижимыми, все же имеют для буржуазии непреодолимую притягательную силу. Он обещает ей создание монопольных рынков, где она будет свободна от тех забот, которых теперь требует от нее мировой рынок. Он обещает ей новую арену для продолжительного развития производительных сил, т. е. преодоление опасности социальной революции.

В эпоху роста материального могущества и идеологического развала буржуазии он открывает перед ней такие горизонты развития мощи, которые наполняют ее величайшим восторгом.

Для современного капитализма невозможна иная политика, кроме империалистической...

Если рассматривать империализм вне связи с организацией картелей в промышленности, с таможенной политикой и т. д., словом, если не рассматривать его как закономерный результат последней фазы капиталистического развития, то легко поддаться искушению и недооценить империалистические противоречия... Поскольку империализм является политикой современного капитала, поскольку в капиталистически развитых государствах он увлекает за собою все слои буржуазного общества, поскольку он создает стимул для все новых и новых противоречий и столкновений между государствами, постольку длительное устранение империалистической опасности лежит в пределах возможного—случайные попытки ее смягчения, которые предпринимаются великими державами, дают чисто империалистические результаты, т. е. сдвиги в колониальных владениях империалистических государств — сдвиги, которые, будучи вызваны изменениями в их политической мощи, приводят к все большему развитию империализма. Поэтому социал-демократия должна видеть свою задачу не в поисках целебного бальзама от ран, наносимых империализмом, а в принципиальной борьбе против этого империализма, в отказе от всех его комбинаций и в победе над ними.

20. Ревизионист о всеобщей стачке.

(Из статьи ревизиониста Кольба.)

«Вопрос о всеобщей стачке находится в самой тесной связи с теоретическими и тактическими проблемами, которые уже давно доставляют социал-демократии материал для так называемых «партийных дискуссий». Если хорошо разобраться, то легко убедиться, что все эти разногласия сосредоточиваются на одном пункте, а именно — как и при помощи каких средств пролетариат достигнет политической власти? Как произойдет осуществление социализма? Если каждый из нас признает полную свободу мнений при обсуждении различных вопросов, то следует однако помнить, что в вопросе о конечной цели не существует разногласий. Это, к несчастью, до сих пор слишком часто забывали. Отсюда — множество недоразумений среди наших членов; особенно сильно это сказывается на массе.

Социал-демократическая партия имеет свои корни в науке. Науке она обязана своим существованием. Но социал-демократия не должна смотреть на науку, как на совокупность догм. Когда опыт доказал, что та или иная научная гипотеза, признававшаяся до тех пор, нуждается в поправке, нужно сделать эту поправку. Нигде и никогда социал-демократия не может стоять на догматической точке зрения, а тем более в вопросах тактики, которую она намерена принять.

Все проходит. Наступит конец и капиталистическому строю со всеми его социальными, политическими, экономическими и интеллектуаль-

ными учреждениями. Партия, которая стремится к полному преобразованию всех этих отношений и условий, должна держаться тактики, которая не препятствовала бы развитию, но помогала бы ему и ускоряла бы его.

А потому тактика социал-демократии должна быть рассматриваема как фактор переменный; ее нельзя установить раз навсегда на догматических основаниях; вот почему ошибочна резолюция о тактике партии, принятая Дрезденским партейтагом. Мы имели довольно много случаев констатировать, что почти бесполезно решать заранее, какова будет ситуация, и предопределять сообразно с этим свое поведение. Факты всегда оказываются сильнее наших желаний. Самое поверхностное знакомство с историей нашей партии дает возможность узнать, что до настоящего времени почти все сделанные нами предсказания были опровергнуты ходом событий, и очень часто наши тактические резолюции должны были оставаться мертвой буквой.

Это однако не мешает некоторым попрежнему заниматься предсказаниями и на простых предположениях основывать определенные решения, которым в критические моменты нельзя придавать никакого значения, если, по крайней мере, принять во внимание весь предыдущий опыт. Теорией катастроф, основанной на простых предположениях и сжато выраженной в догматических формулах, мы ослабили способность рабочего класса к борьбе и ограничили его влияние на эволюцию.

Речь Каутского в Дрездене о теории катастроф, т. е. вступление к его критике ревизионизма, была также только вступлением к его толкованию всей нашей тактики, к тому толкованию, которое остается непонятным для нас. Там особенно указывается на то, что мы должны сообразовать свою тактику с моментами острых конфликтов, которые разделяют наших противников, с периодами, когда обостряется борьба между различными слоями буржуазии. Так что в конечном счете мы — рабы обстоятельств, и нам остается только ждать благоприятного момента, чтобы сразу принять великое решение и низвергнуть врага.

Такая тактика совершенно противоречит нашей прежней тактике, мы решительно утверждаем это. Но ее естественным следствием является очевидно провозглашение всеобщей стачки. Революции, подобные тем, какие происходили до сих пор, сделались невозможными. Каутский недвусмысленно заявил об этом: «Пролетариат имеет свой особый метод революции — прекращение работы, приостановку производства. Прерывая нормальное течение жизни капиталистического общества, он может изнурить его».

Но это легче сказать, чем сделать. Ведь пролетариат не существует вне современного общества, он сам — составная часть этого общества. Прерывая нормальное течение жизни капиталистического общества, мы наносим в то же время удар пролетариату. Конечно очень легко — во всяком случае, для этого не требуется большой политической проницательности — сказать: «если бы было возможно с некоторой надеждой на успех угрожать грандиозной саксонской буржуазии, то она вероятно подумала бы, прежде чем отнять у пролетариата избирательное право». Если... возможно... вероятно. И такими шаткими доводами выступают в политике, идут вперед, одерживают победу.

Если бы всеобщая стачка была орудием классовой борьбы, обеспечивающим победу, то она конечно не была бы «всеобщей бессмыслицей». Но так как она не может быть предпринимаема «с некоторой надеждой на успех», то нам остается только стремиться достигнуть своей цели при помощи тактики, которой мы держались до сих пор. Мы не можем изнурить, поразить капиталистическое общество, оставив в нем жизнь, це нанося в то же самое время очень сильного вреда основным интересам пролетариата. Итак нам нужно получше устроиться при существующем порядке и стараться реформировать его в нашем духе, чтобы таким путем достигнуть своей цели. Если нельзя насильственно устранить исторически сложившиеся отношения, не подвергаясь почти верной опасности кровавого поражения, то прямая обязанность искать другого пути для победы. Социальные реформы в своих последствиях несут социальную революцию, полное преобразование современного порядка. «Мы основываемся на органическом развитии вещей, мы прилагаем все наши усилия к тому, чтобы подчинить своему влиянию и ускорить это органическое развитие. Мы придерживаемся той тактики, которую в науке называют эволюцией. Из этих оснований возможно без колебаний вывести следствия, которые устранили бы существующее теперь противоречие между нашей тактикой и теорией. Hic Rhodus, hic salta! Вот та точка, вокруг которой вра-

щается весь конфликт. С разрешением этого вопроса будет решен и вопрос о всеобщей стачке.

Всеобщая стачка, организованная с целью сломить господство буржуазии, неизбежно привела бы к кровавому столкновению, в котором пролетариат потерпел бы поражение, между тем как легальное завоевание политической власти есть движение прогрессивное. Теория эволюции или теория революции — вот вопрос, к которому мы все снова и снова возвращаемся.

Тот, кто стремится к диктатуре пролетариата естественно стремится также и к насильственному нарушению социального равновесия, а следовательно к всеобщей стачке, т. е. в действительности к революции. Из этого однако не следует, что наши ортодоксы хотят революции и отказываются от завоевания политической власти законным путем; нет, они только полагают, что противоречие, конфликты неизбежно ведут к наступлению такого момента, когда их можно будет разрешить только насильственной развязкой, только катастрофой. Но эта схема основывается лишь на простом предположении, и я не считаю нужным разбирать ее здесь. В вопросе о всеобщей стачке мы остановимся лишь на том, что она должна быть тактикой, соответствующей теории катастроф, развитой Каутским, методом пролетарской революции.

Сколько понадобилось бы миллионов рабочих, чтобы иметь возможность объявить в Германии всеобщую стачку с некоторой надеждой на успех? В какой мере, согласно взглядам Каутского и товарищей, разделяющих его теорию катастроф, должен быть организован, дисциплинирован и воспитан пролетариат, чтобы можно было рассчитывать на участие в стачке довольно большого числа рабочих, которое позволило бы отважиться на отчаянную решительную битву? И действительно ли этот момент также «очень близок»? Каутский лично не решился бы утверждать этого. А между тем он имел смелость в июне 1903 г. предсказывать «очень близкое» торжество социал-демократии!

Пусть же наконец перестанут объявлять чуть ли не отступниками тех, кто рассуждает с большим спокойствием, более хладнокровно: пусть не заявляют, что, критикуя подобные гипотезы и предсказания, они обнаруживают презрение к нашим основным убеждениям и подвергают опасности наши принципы. Внутренние раздоры партии коренятся в этом шатком противоречивом положении между нашей официальной теорией и нашей тактикой. Когда и где партия применяла в своей тактике выводы из теории катастроф? На практике социал-демократия уже давно следует эволюционной теории, о чем она неоднократно заявляла с высоты трибуны рейхстага, чтобы на следующий же день отказаться от этого и третировать как оппортунистов тех, кто защищает эволюционную доктрину.

Опыт показал, что путь легальной борьбы есть самый верный и короткий из тех путей, которые ведут к нашей цели. В практической деятельности и не думают следовать выводам из теории катастроф и заниматься пропагандой всеобщей стачки, чтобы в ближайшем будущем сокрушить господство буржуазии. Не думают также, что германские рабочие уже склонны начать революцию, которую выводят для нас из этой проклятой теории. Мы не должны, мы не можем связывать с катастрофой завоевание политической власти пролетариатом. Девиз: все или ничто не имеет никакой ценности в политической борьбе. Совершенно невозможно сразу разобраться в таком сложном аппарате, какой представляет управление в современном государстве.

Революция или эволюция? По этому вопросу нам нужно принять ясное и определенное решение, не останавливаясь ни перед какими выводами из него. Нам нужно решительно заявить, хотим ли мы отложить на второй день после революции заботу о том, чтобы создать что-нибудь на место капиталистического общества, или мы предпочитаем начать подрывать существование этого общества энергичной, непрерывной реформаторской деятельностью. Ревизионисты не боятся открыто заявлять о тех последствиях, к которым приводят их взгляды. Они требуют от ортодоксов лишь того, чтобы они подражали ревизионистам, чтобы они помогали массе наших членов основательно разобраться в наших разногласиях. Отклонение предложения Фридеберга [1] ясно показывает, как поступил бы пролетариат, если бы ему предложено было применить в своей тактике выводы, вытекающие из теории катастроф. Зачем же придерживаться теории, которая на практике никогда не признавалась? Почему не показать того, что есть? Или, лучше, почему не подготовляют революцию, если полагают, что она неизбежна?».

[1] Фридеберг в 1906—1907 гг. защищал синдикалистские взгляды и был против парламентаризма.

21. Бебель о всеобщей стачке.

А. Из доклада на партейтаге в Кельне в 1905 г.

«Марксисты и ревизионисты согласны в том, что пролетариат все больше и больше растет и, в конце концов, образует огромную массу нации. Пролетариат по количеству своему и социальному положению уже теперь образует основу нации; он является источником богатства, источником нашего благосостояния, основой нашей платежной способности, нашей способности обороняться, основой всего. Эта масса образует фундамент общества, на ее плечах зиждется вся общественная пирамида, и если фундамент начнет покачиваться, тогда рухнет вся пирамида. Я не навожу никаких страхов. Существует возможность мирного развития. Это и от нас зависит. Прежде всего это зависит от той мощи, которой будет обладать наша организация, от степени достигнутого нами политического просвещения и понимания немецких рабочих масс, которые во всякий момент исторического развития должны иметь ясное представление, как им нужно держаться, что им нужно делать и чего не делать. Это должно быть раз навсегда выяснено, но также и другая сторона дела должна быть ясна. Гораздо в большей степени, чем от нас, ход развития зависит от поведения наших противников. Их поведением определяется наша тактика; исключительно от них зависит дать развитию мирный, так сказать, нормальный ход, или же вызвать катастрофу. Жестоко ошибается тот, кто думает, что массам можно отказывать в гражданских и человеческих правах или даже отнимать у них эти права. Тут не помогут никакие тормозы. Тормозите сколько угодно — тормоз окажется бессильным. Мы видим далее, что буржуазные партии все теснее смыкаются, что противоречия между ними все более сглаживаются. Буржуазные партии говорят себе: если мы не в состоянии устранить чудовище, которое денно и нощно причиняет нам столько забот и тревожит наши сны, то соединимся, по крайней мере, чтобы отразить нападения. Вот чем объясняется тесное единение наших противников со времени 1903 г...

Таково положение. Так как бывшие до сих пор в нашем распоряжении средства оказались недостаточными, чтобы сделать невозможными известные покушения на права рабочего класса, то всякий вдумчивый товарищ должен задаться вопросом: достаточны ли тактические и агитационные средства, которыми мы до сих пор располагали, или же мы должны озаботиться изысканием новых средств?

Поэтому было сделано предположение о массовой стачке. Политическую стачку устраивают, замечают нам на это, но ничего не говорят о ней. Глупо думать, что можно устранить дискуссию об этом вопросе тем, что сделаешь вид, будто не замечаешь ее. Это страусова политика. Раз об этом вопросе теперь толкуют всюду и везде, безразлично — правильно или нет, то всякий вдумчивый человек, а тем более вождь партии, который хочет быть достойным этого имени, должен спросить себя: не настало ли для партии время заняться этим вопросом. Никакие мероприятия, в которых большие народные массы должны быть двинуты в дело, невозможны, пока эти массы не ознакомлены с сутью дела. Если нужно, чтобы массы с воодушевлением совершили известный поступок, то они требуют, чтобы им объяснили смысл и цель этого поступка, и они вправе этого требовать. Просвещенные массы вообще слепо не повинуются приказанию. Профессиональный конгресс в Кельне думал однако покончить с вопросом о массовой стачке принятием резолюции Бемельбурга. Конгресс отклонил всеобщую забастовку в том виде, как ее предлагают анархисты и анархо-соцпалисты, и объявил, что не желает продолжения дискуссий по этому вопросу. Чего же достигли этим? Прямо противоположного результата. Как раз после принятия резолюции Бемельбурга, которая страдает большой неясностью со стороны формы и содержания, началась настоящая полемика. Насколько велика эта неясность, видно из того, что в ложном понимании этой резолюции упрекают даже фон-Эльма[1], которого я, несмотря на то, что очень часто расхожусь с ним во мнениях и не раз с ним обменивался ударами, считаю весьма компетентным для суждения о профессиональном конгрессе и о значении принятой им резолюции. Нужно, в самом деле, рассматривать эту резолюцию под микроскопом, чтобы вычитать в ней, что она совсем не пошла так далеко и не запретила дискуссий о всеобщей стачке. При чте-

[1] Бемельбург и фон-Эльм — вожди немецких профсоюзов, оппортунисты.

нии резолюции и ее мотивировки невольно получается впечатление, что дискуссия по этому вопросу излишня. Но так как резолюция может быть истолкована и иначе и мы все заинтересованы в том, чтобы именно в этом вопросе итти рука об руку с профессиональными союзами, то мы должны совершенно объективно заняться рассмотрением вопроса. Еще одно место из статьи Эльма пришлось мне очень по душе. Это там, где он говорит, что гораздо лучше было бы если бы вместо этой неясной и противоречивой резолюции, была принята энергичная резолюция, в которой сильным мира сего недвусмысленным образом объявлялось бы: если вы посмеете посягнуть на всеобщее избирательное право, то профессионально-организованные рабочие употребят всю свою экономическую силу, чтобы не допустить этого преступления. В его статье говорится далее: профессиональные союзы заинтересованы во всеобщем избирательном праве гораздо больше, чем партия, потому что вместе с правом всеобщего голосования подвергается опасности также право союзов, собраний и коалиций. Эльм говорит далее, что политические вожди совсем не придут в замешательство в случае издания новых исключительных законов, они вернутся тогда к тактике 1878 г. Это совершенно верно. В то время тайные организации вырастали, как грибы после дождя. Мы играли с полицией, как кошка с мышкой. Для многих товарищей это было радостью, истинным наслаждением; когда мы теперь бываем в тесном товарищеском кругу, нам доставляет больше всего удовольствия рассказывать друг другу случаи из той поры, как мы водили полицию за нос, как мы играли с ней. А если иным товарищам приходилось иногда отправляться в тюрьму, так что ж? Мы чуть не все там перебывали, и, пожалуй, будет время, когда тот, кто ни разу не сидел в тюрьме, будет считаться товарищем не в полном смысле этого слова. Жалка была бы партия, если бы из боязни прокурора и Уложения о наказаниях она перестала защищать свои человеческие и гражданские права. На наших глазах тысячи наших товарищей в России жертвуют жизнью, всем; так неужели у нас не хватит мужества отсидеть пару месяцев в тюрьме или подвергнуться худшей каре, если нужно будет отстаивать наши права? Итак кельнское решение создало неясность и путаницу, и с тех пор началась бесконечная полемика. В реферате, который там читал т. Бемельбург, интересна мотивировка, почему этот вопрос включили в программу занятий. Это сделано было, как сказал он, во избежание того, что профессиональным союзам иначе придется после подчиниться одностороннему решению, которое будет принято с другой стороны. «Другая сторона» — это наш партейтаг. Против нас заранее были приняты меры, на наше решение хотели оказать давление...

И затем еще одно обстоятельство. Мы ведь боремся не за утопические выдумки и не за требования государства будущего. Мы не думаем, что посредством всеобщей стачки мы сокрушим основы буржуазного общества; мы боремся за совершенно реальные права, которые являются жизненной необходимостью для рабочего класса, если только он еще хочет политически жить и дышать. Когда на очереди будет стоять вопрос об уничтожении всеобщего голосования, то как ни испорчены буржуазные круги, среди них найдется много людей, которые скажут, что это недопустимо, что нельзя отнимать у рабочих права, которыми они никогда не злоупотребляли, и в этих кругах мы безусловно найдем известное сочувствие. Кроме того моя сила несравненно больше в том случае, когда я отстаиваю право, которым я пользовался десятилетиями, чем тогда, когда я намереваюсь завоевать себе новое право.

Пусть попробуют лишить нас всеобщего избирательного права, пусть осмелятся опять попытаться упразднить право коалиций! Подобно тому, как католические рабочие в стачке горнорабочих храбро боролись рука об руку со свободными профессиональными союзами, они примут участие в борьбе и в том случае, когда опасности будут подвергаться их жизненные интересы как членов рабочего класса...»

Б. Из доклада А. Бебеля на партейтаге в Мангеймe в 1906 г.

«Когда мы в прошлом году разъехались из Йены, то вряд ли кто-нибудь думал, что в этом году мы уже снова будем обсуждать вопрос о всеобщей политической стачке. Как дело дошло до этого, я думаю всем вам хорошо известно, и я не буду распространяться об этом. Я только остановлюсь на совещании между правлением нашей партии и генеральной комиссией геверкшафтов (профсоюзов), на котором мы неофициальным образом обсуждали положение вещей и с нашей стороны заявили, что, по нашему мнению, объективная обстановка та-

кова, что при настоящих условиях ни в каком случае нельзя думать о всеобщей стачке, так как подобная стачка немин[illegible]но кончилась бы страшным поражением партии. («Слушайте, слушайте!»)

Я на этом совещании высказал вообще свое мнение о том, как следует устраивать всеобщую стачку, и при этом старался основательно разобрать современное положение Германии и особенно Пруссии. Я настоятельно указывал, что без сомнения всеобщая стачка в Германии или в Пруссии представляет собой нечто совсем иное, чем в какой-нибудь стране, что там нам предстоит встретиться с такими силами и организациями, с одной стороны, с прусским королевством и юнкерством, с другой стороны, с хорошо организованными промышленными баронами, которые всякую попытку устроить всеобщую стачку постараются подавить такими жестокими мерами, что нам нужно быть гораздо лучше организованными, чем теперь, если мы хотим иметь успех при проведении этой стачки.

При таких условиях было бы поэтому совершенно невозможным думать, что можно провести в жизнь всеобщую стачку; скорее несомненно следует ожидать, что последняя не удалась бы; и реакция тотчас же получила бы возможность принять какие-нибудь исключительные мероприятия и законы.

На вышеупомянутом совещании мы поэтому сказали, что было бы в высшей степени безответственно, если бы мы при таком положении вещей сделали подобный шаг. Конечно, бывают моменты в жизни народов, когда приходится сказать: coûte que coûte (пусть это стоит сколько угодно) и когда борьбу следует вести до конца, даже если предвидится верное поражение. Но я самым решительным образом высказываюсь против того, что в настоящее время положение в Пруссии таково, что приходится предпринять такого рода острую борьбу...

Весьма естественно однако, что руководители геверкшафтов, после того как я развил свои взгляды, не только увидели в них подтверждение их точки зрения, но с внутренним самоудовлетворением вывели из них дальнейшие заключения, будто я вообще стою против всякой всеобщей политической стачки в будущем и против пропаганды последней.

Что подобное психологическое объяснение верно, следует еще из того, что уже на самом совещании высказывались некоторыми подобные взгляды, так что я даже вынужден был самым решительным образом заявить, что я стою на той же точке зрения, как и в Йене, и не беру назад из моей йенской речи ни слова. Совершенно ложно было бы толкование йенской резолюции в том смысле, будто мы при первом удобном случае без всяких разговоров должны предпринять всеобщую стачку.

Уже один взгляд на прежние всеобщие стачки показывает нам, что без согласия руководителей и членов геверкшафтов нечего думать о проведении всеобщей стачки. Один тот факт, что политически организованных рабочих числится всего 400 тыс. человек, должен убедить всякого разумного человека в том, что стачка одних этих рабочих, даже если бы к ним пристали и некоторые неорганизованные, была бы безрезультатна. Немыслимо провести всеобщую стачку, если в пользу нее нет всеобщего сочувствия в массах. (Шумные одобрения.) Последнее же искусственно вызвать нельзя. Это мы видели, когда в середине августа этого года руководители русской социал-демократии большинством двух третей голосов постановили устроить всеобщую стачку. Последняя однако не удалась, так как большинство рабочих и их организаций были против стачки. Это должно послужить хорошим уроком для тех, кто думает, что в любой момент можно устроить всеобщую стачку.

У нас в Германии дело обстоит так же, как и во всех остальных странах, кроме России. Дело идет не о преобразовании всей политической надстройки буржуазного общества. При этом у нас применение всеобщей стачки для приобретения политических прав ограничено лишь Северной Германией. И если в последней массовая стачка будет применена как последнее средство для завоевания всеобщего избирательного права, то Южная Германия к этой стачке не пристанет. В лучшем случае она может нас поддержать морально или деньгами. Надежда на всеобщую стачку в Южной Германии из чувства солидарности построена на песке. Это мы себе должны заметить, если мы будем рассматривать положение вещей трезво.

Относительно того, может ли дойти в случае всеобщей стачки до кровопролития или нет, я ничего определенного сказать не могу. Как бы то ни было, не следует полагать, что раз в России революция началась со всеобщей стачки, то и у нас должно так быть. Эта именно мысль недавно побудила наших майнцских товарищей, руководимых тов. Давидом, заявить, что

у нас ни под каким случаем и думать нельзя о кровавой революции. Массовая стачка, по их мнению, может служить как последнее средство, но во всяком случае всегда как мирное средство борьбы.

Можно ли однако наперед рассчитывать, что может предпринять недовольная народная масса? Мы никогда не заявляли, что мы сделаем революцию, но, наоборот, всегда утверждали, что революции делаются сверху, правящими классами, не уступающими воле народа. Но, конечно, нельзя исключить возможность и народных взрывов, если мера неудовольствия в народе переполнится. Поэтому жестоко ошибаются те, кто думает, что Германия, благодаря особенностям народного характера, заворожена навеки от революционных вспышек. Я конечно не могу утверждать и противоположного. Во всяком случае все зависит от обстоятельств и обусловленных ими настроений народа. С таким же малым основанием можно сказать, что революция в Германии будет, как и то, что в Германии ни в коем случае до насильственных вспышек не дойдет.

Относительно же возможности применения всеобщей стачки у нас существуют определенные предположения. Кельнская резолюция гласит, что в случае посягательств на всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право или на право союзов на всем рабочем классе лежит обязанность воспользоваться всяким пригодным средством. И подобным средством мы считаем всеобщую приостановку работ. Раз только будет практиковаться посягательство на всеобщее избирательное право или захотят отнять у рабочих право союзов, то тут уже не может существовать вопроса: желаем ли мы устроить всеобщую стачку, тогда мы обязаны ее сделать. Права, которые нами добыты борьбой, мы не позволим отобрать у нас, иначе мы были бы самыми жалкими людьми! (Шумные одобрения). Это — такой пункт, по которому не может быть никаких разногласий, никаких разговоров. Тогда мы все должны пойти в огонь, даже если бы мы все погибли! (Новые шумные одобрения). Если наши противники пытаются покуситься на наши права, то пусть они несут и всю ответственность за это. Тогда мы все вынуждены будем защищать наши человеческие права, без которых не может существовать ни один народ, и сделаем все для отражения этих посягательств, как бы дорого это ни стоило. Я твердо убежден, что тогда весь рабочий класс далеко за пределами немецкой социал-демократии и геверкшафтов примкнет единодушно к этой борьбе, поскольку он политически мыслит и чувствует, поскольку он вообще понимает всю огромную ценность этих прав...»

В. Резолюция Иенского партейтага (1905 г.).

(Заключительная часть.)

«...Партейтаг заявляет, что — особенно в случае покушения на всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право или на право коалиций — обязанность всего рабочего класса пользоваться всеми подходящими средствами защиты.

Одним из самых действительных средств в борьбы для отражения подобных политических преступлений против рабочего класса и для завоевания важных основных прав в целях его освобождения, партейтаг признает в подходящих случаях самое широкое применение массового прекращения работы.

Для того чтобы применение этого средства борьбы было возможно и наиболее действительно, безусловно необходимо как можно большее распространение политической и профессиональной организации рабочего класса и непрестанное воспитание и просвещение масс рабочей литературой и устной и печатной агитацией.

В этой агитации следует указывать на важность и необходимость политических прав рабочего класса, особенно всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и полной свободы коалиций, подчеркивая классовый характер государства и общества и повседневное угнетение рабочего класса господствующими классами и властями с помощью исключительного обладания политической властью.

Каждый член партии обязан, если его профессия обладает профессиональной организацией, вступить в нее и поддерживать задачи профессиональных союзов. Но на каждом сознательном члене профессионального союза также лежит обязанность примкнуть к политической организации своего класса — социал-демократии — и содействовать распространению социал-демократической печати».

22. Резолюция Маннгеймского партейтага (1906 г.) о всеобщей стачке.

I

Партейтаг подтверждает постановление Йенского партейтага о политической массовой стачке, и, установив, что постановление Кельнского конгресса профессиональных союзов[1] не противоречит йенскому постановлению, считает все споры о смысле кельнского постановления исчерпанными.

Партейтаг еще раз особенно настоятельно рекомендует соблюдение постановлений, требующих укрепления и расширения партийной организации, распространения партийной прессы и вступления членов партии в профессиональные союзы и членов профессиональных союзов в партийные организации.

Как только правление партии признает наличность необходимости в политической массовой стачке, оно должно войти в сношения с генеральной комиссией профессиональных союзов и принять все меры для успешного проведения этого действия.

II

Профессиональные союзы безусловно необходимы для улучшения классового положения рабочих в пределах буржуазного общества. Они не менее важны, чем социал-демократическая партия, которая должна вести борьбу за улучшение положения рабочего класса и его равноправие с прочими классами общества на политической почве и, помимо этой своей ближайшей задачи, добивается освобождения рабочего класса от всякого угнетения и эксплоатации путем уничтожения наемной системы и организации основанного на всеобщем социальном равенстве способа производства и обмена, то-есть социалистического общества. Этой цели должны добиваться и обладающие классовым сознанием рабочие профессиональных союзов. Обе организации следовательно должны прибегать в своей борьбе ко взаимным соглашениям и совместным действиям.

Чтобы достичь единства в действиях, равномерно затрагивающих интересы профессиональных союзов и партии, центральные учреждения обеих организаций должны стараться сговариваться друг с другом.

Но чтобы обеспечить это единство мышления и действий партий и профессиональных союзов, составляющее необходимое условие победоносного развития пролетарской классовой борьбы, безусловно необходимо, чтобы профессиональное движение было проникнуто духом социал-демократии. Поэтому обязанность всякого члена партии — действовать в этом направлении.

23. Р. Люксембург о всеобщей стачке.

(Отрывок из брошюры «Всеобщая стачка и немецкая социал-демократия», появившейся в 1906 г.)

«Социал-демократия — самый развитой, самый сознательный передовой отряд пролетариата. Она не может и не смеет сложа руки фаталистически ждать наступления «революционной ситуации»; она не может и не смеет рассчитывать, что это стихийное народное движение свалится с неба. Она должна, наоборот, и в этом отношении, как всегда, итти *впереди* событий, стараться их *ускорить*. Достигнуть же этого она может не тем, что в удобный или неудобный момент ни с того ни с сего даст «лозунг» массовой стачки, а прежде всего выяснением в самых широких пролетарских слоях неизбежного *наступления* этого революционного периода, ведущих к нему внутренних *социальных моментов* и его *политических результатов*. Если самые широкие пролетарские слои должны быть привлечены к политическому массовому действию социал-демократии и если, наоборот, при массовом движении социал-демократия должна завладеть действительным руководством и его удержать, если она должна в *политическом* смысле подчинить себе все движение, то она должна с полной ясностью, последовательностью и решительностью внушить германскому пролетариату *тактику* и *цели* периода грядущих битв.

В прежние буржуазные революции — где, с одной стороны, о политическом воспитании революционной массы и руководстве ею заботились буржуазные партии, и где, с другой стороны, дело сводилось к простому свержению старой правительственной формы, — непродолжительная баррикадная битва была подходящей формой революционной борьбы. Ныне, когда ра-

[1] См. докум. № 25.

бочий класс должен во время революционной борьбы сам себя развивать, сам себя собирать и сам собою руководить, когда революция так же направлена против старой государственной власти, как и против капиталистической эксплоатации, массовая стачка является естественным средством в самом действии рекрутировать, революционизировать и организовать самые широкие слои пролетариата. Она в одно и то же время расшатывает и опрокидывает старую государственную власть и ставит пределы капиталистической эксплоатации. Душой революции является теперь в России городской промышленный пролетариат.

Но чтобы произвести какое-нибудь непосредственное массовое политическое действие, пролетариат должен раньше собраться в массу. Для этого он должен прежде всего выйти из фабрик и мастерских, из шахт и хижин. Он должен преодолеть свою разобщенность, свою разбросанность по отдельным мастерским, на которую он обречен повседневным игом капитала. Массовая стачка является поэтому первой естественной формой, в которую выливается всякое крупное революционное действие пролетариата; и по мере того как промышленность становится преобладающей формой общественного хозяйства, по мере того как растет роль пролетариата в революции, по мере того, наконец, как развиваются противоречия между трудом и капиталом, — массовые стачки должны становиться все могучее и решительнее. Преобладающая форма прежних буржуазных революций — баррикадная борьба, открытое столкновение с вооруженной силой государства — составляет в современной революции только крайний пункт, только отдельный момент в общем процессе пролетарской массовой борьбы.

Этим достигается в новой форме революции и та культурность, то смягчение классовой борьбы, которые пророчески предсказывались оппортунистами германской социал-демократии, Бернштейнами, Давидами и пр. Правда, этим господам рисовалась желанная культурность и смягчение классовой борьбы в образе мелкобуржуазно-демократических иллюзий. Они видели ее в ограничении классовой борьбы исключительно областью парламентаризма и абсолютном исчезновении уличных революций. История решила этот вопрос несколько более глубоким и тонким образом: возникновением революционной массовой стачки. Конечно, этот революционный прием отнюдь не заменяет непосредственных уличных схваток и не делает их излишними. Но он делает их лишь отдельными моментами долгого периода политической борьбы и в то же время связывает с этим революционным периодом огромную культурную работу в буквальном смысле этого слова. Варварские формы капиталистической эксплоатации становятся более «культурными», и таким образом достигается материальный и умственный подъем всего рабочего класса.

Таким образом массовая стачка оказывается не специфически русским продуктом, вызванным политическими условиями России. Она, напротив, — общая форма пролетарской классовой борьбы, вытекающая из современного уровня капиталистического развития, из современных классовых отношений. Три буржуазных революции: Великая французская революция, мартовская революция в Германии и теперешняя революция в России образуют с этой точки зрения неразрывную цепь последовательного развития и отражают в себе расцвет и гибель капиталистического века. В Великой французской революции проявляются в долгом периоде ужасной борьбы еще совсем неразвитые внутренние противоречия буржуазного общества. Только в разгаре революции зарождающиеся и зреющие противоречия разрешаются беспрепятственно, совершенно свободно, с не знающим уступок радикализмом. Через полстолетия на полпути капиталистического развития вспыхивает революция германской буржуазии. Не достигнув своей полноты, она обрывается благодаря противоречию интересов и равновесия сил капитала и труда; она гибнет, задушенная буржуазно-феодальным компромиссом, сведенная до размеров короткого, плачевного, умолкнувшего на полуслове эпизода. Еще полстолетия — и современная русская революция стоит на поворотном пункте исторического пути, находящемся уже по ту сторону горы, за апогеем капиталистического общества. Буржуазная революция не может быть уже задушена противоречием между буржуазией и пролетариатом. Наоборот, она переходит в новый долгий период огромнейшей социальной борьбы, в которой сведение старого счета с правительственным режимом является пустяком по сравнению с целым рядом новых счетов, предъявляемых во время самой революции. В специальных политических условиях России русская революция реализует таким образом общие результаты международного капиталистического развития и является ско-

рее первым предвестником новой серии пролетарских революций Запада, чем последним отзвуком прежних буржуазных революций. Самая отсталая страна, именно потому, что она так непростительно запоздала со своей буржуазной революцией, указывает пути и методы дальнейшей классовой борьбы пролетариату в Германии и самых передовых капиталистических странах.

Поэтому и с этой стороны совершенно ошибочно издали смотреть на русскую революцию, как на красивое зрелище, как на нечто специфически «русское», удивляясь только геройству борцов, т. е. внешним аксессуарам. Гораздо важнее, чтобы немецкие рабочие привыкли смотреть на русскую революцию, как на свое *собственное дело* не только в смысле международной классовой солидарности с русским пролетариатом, но чтобы они видели в ней прежде всего *главу своей собственной социальной и политической истории*. Те руководители профессиональных союзов, те представители парламентской борьбы, которые считают германский пролетариат «слишком слабым», а германские условия недостаточно зрелыми для революционной массовой борьбы, очевидно и не подозревают, что мерило зрелости классовых отношений и мощи пролетариата в Германии кроется не в цифровых данных германских профессиональных союзов или избирательной статистики, а в событиях русской революции. Точно так же, как зрелость французских классовых противоречий во время июльской монархии и парижских июньских дней отразилась на мартовской революции Германии, на ее развитии и ее фиаско, точно так же ныне зрелость германских классовых противоречий отражается на событиях, на мощи русской революции. А бюрократы германского рабочего движения, роющиеся по ящикам своих контор, чтобы найти в них доказательство его силы и зрелости, не видят, что то, чего они ищут, находится перед их глазами в виде крупного исторического откровения. Ибо в смысле историческом русская революция является рефлексом международного, а стало быть, прежде всего германского рабочего движения.

Результат русской революции был бы поэтому слишком плачевен и до смешного ничтожен, если бы германский пролетариат, как хотят Фроме, Эльм и пр., воспользовался ею только для того, чтобы ухватиться за одну ее внешнюю форму борьбы, массовую стачку, и сделать из нее запасную пушку на случай отмены всеобщего избирательного права, сведя ее, другими словами, до жалких размеров парламентской оборонительной борьбы. «Если у нас отнимут всеобщее избирательное право, то мы будем обороняться». Это совершенно понятное решение. Однако, чтобы притти к нему, вовсе не надо становиться в героическую позу Дантона, как это делал, например, т. Эльм в Иене. Ибо защищать имевшееся уже небольшое количество парламентских прав является попросту первым, основным долгом всякой оппозиционной партии, а вовсе не каким-то необыкновенным новшеством, для которого нужны были бы ужасающие груды тел русской революции. Но одна только оборона никогда не может исчерпать всю политику пролетариата в революционный период. Правда, трудно с уверенностью предсказать, произойдет ли отмена всеобщего избирательного права в Германии в такой момент, когда она непременно вызовет немедленное всеобщее стачечное движение. Но, с другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что, как только у нас в Германии откроется период бурной массовой стачечной деятельности, социал-демократии будет невозможно ограничить свою тактику исключительно парламентской обороной. Социал-демократия не может предопределить повода и момента, когда должны будут вспыхнуть в Германии массовые стачки, так как она не может создавать исторические ситуации решениями своих съездов. Но зато она может и должна объяснить и формулировать в решительных и последовательных фактических положениях политическое направление, которое примет эта борьба при своем наступлении. Историческими событиями можно руководить, не диктуя им правил, а изучая заранее их вероятные, поддающиеся вычислению, следствия и приноравливая к ним свои собственные действия.

Государственный переворот, которым реакция попытается отнять у самых широких слоев трудящегося населения важнейшее политическое право, право выбора в парламент — вот непосредственно угрожающая политическая опасность, с мыслью о которой германское рабочее движение свыклось уже в течение нескольких лет. Как уже сказано выше, несмотря на все огромное значение этого возможного события, нам нельзя с определенностью утверждать, что за этим государственным переворотом немедленно последует открытое народное движе-

ние в форме массовых стачек. Нам нехватает для этого знания всех тех бесчисленных обстоятельств и моментов, совокупностью которых определяется ситуация при массовом движении. Однако, если мы примем во внимание крайнее обострение современных отношений Германии, а также разнообразное международное влияние русской революции и будущей обновленной России, то нам станет ясно, что переворот, который произойдет в германской политике вследствие отмены всеобщего избирательного права, не ограничится борьбой за его восстановление. Напротив, этот государственный переворот со стихийной силой привел бы через более или менее продолжительный срок к колоссальному всеобщему политическому сведению счетов возмущенных пробудившихся народных масс с реакцией. Тут произошла бы расплата за спекуляцию на дороговизне хлеба, за искусственное повышение цен на мясо, за хищение народных средств на бездонные военный и морской бюджеты, за разврат колониальной политики, за национальный позор кенигсбергского процесса, за отсутствие социальных реформ, за бесправие железнодорожников, почтовых чиновников и сельскохозяйственных рабочих, за издевательство над шахтерами, за приговор суда в Лебтау и за все классовое правосудие, за безжалостную систему локаутов, — одним словом, за весь 20-летний гнет объединенного господства ост-эльбского юнкерства и организованного в союз крупного капитала.

Но раз тронется с места лавина народного движения, ее нельзя будет остановить независимо от желания или нежелания социал-демократии. Противники массовых стачек не признают обыкновенно значения уроков и примеров русской революции для Германии, главным образом потому, что ведь Россия должна прежде всего совершить огромный прыжок из восточной автократии в современный буржуазный правовой строй. Формальное расстояние между старым и новым политическим порядком должно в достаточной мере объяснить неудержимость и силу революции в России. В Германии мы уже давно имеем самые необходимые формы и гарантии правового государства, — а потому здесь невозможен такой стихийный взрыв стихийных противоречий. Те, кто так рассуждает, забывают, что зато в Германии, если уже дело дойдет до открытой политической борьбы, исторически необходимая цель будет совсем другая, чем теперь в России. Буржуазный правовой строй существует в Германии уже давно. Он успел уже исчерпать себя до конца и пойти к уклону, буржуазная демократия и либерализм успели вымереть. И именно ввиду всего этого в Германии не может быть больше речи о буржуазной революции. Ввиду этого в период открытой народной политической борьбы в Германии дело может итти только о диктатуре пролетариата, как о последней исторически необходимой цели. А расстояние между этой целью и современными условиями в Германии гораздо огромней, чем расстояние между буржуазным правовым порядком и неограниченной монархией. Поэтому эта цель также не может быть достигнута одним ударом; здесь также нужен долгий период гигантской социальной борьбы.

Но разве нет вопиющего противоречия в нарисованных перспективах? Мы сказали, что, с одной стороны, в возможный будущий период массового политического выступления прежде всего завоюется свобода союзов самыми отсталыми слоями германского пролетариата — сельскохозяйственными рабочими, железнодорожниками, рабами почтовой службы, должны будут быть устранены самые невыносимые проявления эксплоатации. С другой же стороны, политической задачей этого периода будет уже захват политической власти пролетариатом. С одной стороны, экономическая профессиональная борьба за ближайшие интересы, за повышение материального положения рабочего класса, с другой — крайняя конечная цель социал-демократии!

Это конечно вопиющие противоречия, но они зависят не от ошибки нашего мышления, а от внутренних условий капиталистического развития. Развитие капитализма движется не по прямой линии, а в резких молниеподобных зигзагах. Подобно тому как различные капиталистические страны дают нам картину самых различных стадий развития, так и внутри каждой страны разные слои одного и того же рабочего класса находятся не на одном уровне. Однако история не ждет терпеливо, пока отсталые страны и слои догонят наиболее передовые, чтобы тогда симметрически двинуть дальше стройные колонны. Она вызывает взрывы передних, наиболее подверженных опасности пунктов, как только там назревают обстоятельства. А вихрь революционного периода в несколько дней и месяцев довершает недоделанное, сглаживает неравенство, одним толчком приводит весь социальный прогресс в боевое движение...».

24. От политической стачки к восстанию.

Отрывок из статьи В. И. Ленина, посвященной оценке уроков декабрьского вооруженного восстания в Москве 1905 г.

«...Нет ничего более близорукого, как подхваченный всеми оппортунистами взгляд Плеханова, что нечего было начинать несвоевременную стачку, что «не нужно было браться за оружие». Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы. И теперь мы должны наконец открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должны агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими «предварительными ступенями», не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит обманывать и себя и народ.

Таков первый урок декабрьских событий. Другой урок касается характера восстания, способа ведения его, условий перехода войск на сторону народа. У нас в правом крыле партии сильно распространен крайне односторонний взгляд на этот переход. Нельзя, дескать, бороться против современного войска, нужно, чтобы войско стало революционно. Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представить себе этот переход войска в виде какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания — с другой. Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвенность такого взгляда. На деле неизбежное, при всяком истинном народном движении, колебание войска приводит при обострении революционной борьбы к настоящей борьбе за войско. Московское восстание показывает нам именно самую отчаянную, самую бешеную борьбу реакции и революции за войско. Дубасов сам заявил, что только 5 тыс. московского войска из 15 надежны.

Правительство удержало колеблющихся самыми разнообразными, самыми отчаянными мерами; их убеждали, им льстили, их подкупали, раздавали часы, деньги и т. п., их спаивали водкой, их обманывали, их запугивали, их запирали в казармы, их обезоруживали, от них выхватывали предательством и насилием солдат, предполагаемых наиболее ненадежными. И надо иметь мужество прямо и открыто признать, что мы оказались в этом отношении позади правительства. Мы не сумели использовать имевшихся у нас сил для такой же активной, смелой, предприимчивой и наступательной борьбы за колеблющееся войско, которую повело и провело правительство. Мы готовили и будем еще упорнее готовить идейную «обработку» войска. Но мы окажемся жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и физическая борьба за войско...

Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало. Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией. Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию.

Кто против него, кто не готовится к нему — того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее, предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставит нас разделять врагов и друзей по этому признаку. Не пассивность должны проповедывать мы и не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско, — нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско.

Третий великий урок, который дала нам Москва, касается тактики и организации сил для восстания. Военная тактика зависит от

уровня военной техники — эту истину разжевал и в рот положил марксистам Энгельс. Военная техника теперь не та, что была в половине XIX в. Против артиллерии действовать толпой и защищать с револьверами баррикады было бы глупостью. И Каутский был прав, когда писал, что пора пересмотреть после Москвы выводы Энгельса, что Москва выдвинула «новую баррикадную тактику». Эта тактика была тактикой партизанской войны. Организацией, которая обусловлена такой тактикой, были подвижные и чрезвычайно мелкие отряды: десятки, тройки, даже двойки. У нас часто можно встретить теперь социал-демократов, которые хихикают, когда речь заходит о пятках и тройках.

Но хихиканье есть только дешевенький способ закрыть глаза на новый вопрос о тактике и организации, вызываемой уличной борьбой при современной военной технике. Вчитайтесь в рассказ о московском восстании, господа, и вы поймете, какую связь имеют «пятки» с вопросом о «новой баррикадной тактике».

Москва выдвинула ее, но далеко не развила, далеко не развернула в сколько-нибудь широких, действительно массовых размерах. Дружинников было мало, рабочая масса не получила лозунга смелых нападений и не применила его, характер партизанских отрядов был слишком однообразен, их оружие и их приемы недостаточны, их уменье руководить толпой почти не развито. Мы должны наверстать все это, и мы наверстаем, учась из опыта Москвы, распространяя этот опыт в массах, вызывая творчество самих масс в деле дальнейшего развития этого опыта. И та партизанская война, тот массовый террор, который идет в России повсюду почти непрерывно после декабря, несомненно помогут научить массы правильной тактике в момент восстания. Социал-демократия должна признать и принять в свою тактику этот массовый террор, разумеется, организуя и контролируя его, подчиняя интересам и условиям рабочего движения и общереволюционной борьбы, устраняя и отсекая беспощадно то «босяческое» извращение этой партизанской войны, с которым так великолепно и так беспощадно расправлялись москвичи в дни восстания и латыши в дни пресловутых латышских республик.

Военная техника в самое последнее время делает еще новые шаги вперед. Японская война выдвинула ручную гранату. Оружейная фабрика выпустила на рынок автоматическое ружье. И та, и другое начинают уже с успехом применяться в русской революции, но далеко в недостаточных размерах. Мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями. При участии рабочей массы в городском восстании при массовом нападении на врага, при решительной умелой борьбе за войско, которое еще более колеблется после Думы, после Свеаборга и Кронштадта, при обеспеченном участии деревни в общей борьбе — победа будет за нами в следующем всероссийском вооруженном восстании.

Будем же шире развертывать нашу работу и смелее ставить свои задачи, усваивая уроки великих дней российской революции. В основе нашей работы лежит верный учет интересов классов и потребностей общенародного развития в данный момент. Вокруг лозунга: свержение царской власти и созыв революционным правительством Учредительного собрания мы группируем и будем группировать все большую часть пролетариата, крестьянства и войска. Развитие сознания масс остается, как и всегда, базой и главным содержанием всей нашей работы. Но не забудем, что к этой общей, постоянной и основной задаче моменты, подобные переживаемому Россией, прибавляют особые, специальные задачи. Не будем превращаться в педантов и филистеров, не будем отговариваться от этих особых задач момента, от этих специальных задач данных форм посредством бессодержательных ссылок на наши всегдашние и неизменные при всех условиях, во все времена, обязанности.

Будем помнить, что близится великая массовая борьба.

Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть по возможности единовременно. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей: организация борьбы сложится подвижная и гибкая; партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе».

(Н. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 2, — «Уроки московского восстания», 29 июля 1906 г.).

ТАБЛИЦА № 2.

Экономическая борьба рабочих в Германии.

Годы	Число промышленных конфликтов в предприятиях	Число рабочих, участвовавших в конфликтах		Общее число стачек и локаутов	Результаты конфликтов в процентах			Общее число потерянных рабочих дней	Тарифные соглашения		
		Без прекращения работы	С прекращением работы (стачки, локауты)		Окончившиеся для рабочих успешно	Окончившиеся с частичным успехом	Окончившиеся с поражением рабочих		Число действующих тарифных договоров	Число предприятий, охваченных тарифными договорами	Число рабочих, охваченных тарифными договорами
1905	43 759	382 510	507 960	2 323	53,6	23,5	21,0	7 362 802	—	—	—
1906	62 397	601 706	316 042	3 480	53,8	22,4	20,9	6 317 675	—	—	—
1907	56 078	525 235	281 030	2 792	49,4	25,4	22,7	5 122 467	5 324	111 050	974 564
1908	48 939	419 434	126 883	2 052	44,2	19,7	33,6	2 045 585	5 671	120 401	1 026 435
1909	32 143	348 961	131 244	2 045	46,8	16,4	24,3	2 247 512	6 578	137 214	1 107 478
1910	94 943	656 581	369 011	3 194	53,6	31,0	14,9	9 037 575	8 293	173 727	1 361 086
1911	58 448	686 416	325 253	2 914	65,3	15,3	19,0	6 864 240	10 520	183 232	1 552 827
1912	50 760	774 769	479 589	2 825	61,7	16,4	19,3	4 776 818	12 437	208 307	1 999 579
1913	92 463	966 537	248 986	2 600	63,8	16,6	19,5	5 672 034	11 977	186 120	1 488 191
1914	26 248	266 359	96 681	1 409	57,5	13,9	28,0	1 759 933	7 819	107 503	1 127 696

ТАБЛИЦА № 3.

Общая сводка расходов центральных союзов на все виды пособий (в марках).

ГОДЫ	Дорожные пособия	Пособия при безработице	Пособия при болезни	Пособия при инвалидности	Пособия при перемене местожительства и в случае нужды и смерти	Пособия пострадавших от репрессий	Юридическая помощь	Итого	Стачечные пособия
1891	144 338	64 290	— [1]	— [1]	— [1]	14 737	10 843	234 208	1 037 789
1895	302 602	196 912	454 114	— [1]	42 780	40 307	15 871	1 051 887	253 589
1900	461 028	501 078	656 026	113 530	205 459	97 092	68 486	2 102 699	2 625 642
1905	712 820	1 991 924	1 920 639	273 960	800 355	486 765	311 239	6 497 702	9 674 094
1906	758 222	2 653 296	3 281 741	351 181	1 181 282	795 209	342 339	9 363 270	13 748 412
1907	869 148	4 375 012	5 635 387	384 562	1 385 808	1 010 045	346 773	14 006 735	13 196 363
1908	1 184 353	8 134 388	8 473 853	419 781	1 465 627	1 440 263	326 765	21 445 030	4 819 399
1909	1 125 829	8 593 928	8 896 354	493 505	1 667 284	1 074 684	288 137	22 189 130	6 904 431
1910	1 015 984	6 075 522	9 028 693	504 771	1 749 031	809 738	330 322	19 514 061	19 603 605
1911	1 028 431	6 340 514	10 266 730	538 436	1 882 869	895 519	421 485	22 374 014	17 303 328
1912	1 179 102	7 741 240	11 452 567	528 080	2 101 600	1 072 857	399 470	24 474 916	12 748 016
1913	1 506 247	11 532 930	13 536 958	559 766	2 735 218	938 403	414 086	31 223 508	16 606 472
1914	1 002 894	23 718 902	10 826 663	564 596	11 722 982	588 434	307 176	48 731 647	5 477 636

[1] Пособия при инвалидности и болезни или пособия при болезни и безработице в эти годы сосчитаны вместе.

25. Резолюция Кельнского конгресса профессиональных союзов о всеобщей стачке.

«Пятый конгресс германских профессиональных союзов признал неотложной обязанностью профессиональных союзов всеми силами добиваться улучшения всех законов, на которых основано их существование и без которых они не в состоянии выполнить свои задачи и со всей решительностью бороться против попыток урезать существующие права народа.

В этой борьбе, как и во всех других случаях, тактика должна сообразоваться с обстоятельствами момента.

Поэтому конгресс отвергает также все попытки заранее установить определенную тактику, пропагандируя массовую стачку; он рекомендует организованным рабочим энергично противодействовать таким попыткам.

Конгресс не считает нужным обсуждать идею всеобщей стачки, которую защищают анархисты и люди, лишенные всякого опыта в области экономической борьбы. Конгресс предостерегает рабочих от пренебрежения мелкой повседневной работой над укреплением организации ради пропаганды идеи всеобщей стачки».

---

26. Р. Люксембург о новой тактике.

Настоящий отрывок взят из статьи «Was weiter», написанной Розой по горячим следам вновь обострившейся борьбы в Пруссии весной 1910 г. по поводу реформы избирательного права. Статья эта за отказом редакции напечатать ее в центральном органе партии появилась в провинциальной партийной газете «Dortmunder Arbeiterzeitung» от 14 и 15 марта 1910 г.

«Вопрос о прусском избирательном праве, застывший уже полвека на мертвой точке, на сегодняшний день в фокусе общественной жизни Германии. Достаточно было нескольких недель энергичных массовых выступлений пролетариата, чтобы всколыхнуть старое болото прусской реакции, чтобы повеяло свежим ветром в политической жизни Германии. Прусская избирательная реформа не осуществима парламентскими методами; только непосредственное массовое выступление в стране может внести перемены — после первых опытов уличных демонстраций, с одной, и событий в комиссии по избирательному праву, с другой стороны, — это установлено тверже, чем когда бы то ни было.

Недавние уличные демонстрации уже сами по себе означают отрадное изменение внешних форм социал-демократической борьбы и одновременно начало сильнейшей массовой борьбы за прусское избирательное право. Но, со своей стороны, на партию, по инициативе и под руководством которой они проводятся, это налагает определенные обязанности. Наша партия в связи с развернутым ею массовым движением должна иметь ясный и определенный план, как она в дальнейшем намерена руководить начатым массовым движением.

Уличные демонстрации, как и военные, являются обычно прелюдией боя. Бывают случаи, когда уже одни демонстрации, устрашая врага, достигают цели. Независимо от того неопровержимого факта, что враг, в данном случае объединенная прусская — юнкерская, крупнобуржуазная и монархическая реакция, нисколько не склонен идти на уступки уличным манифестациям народных масс, — эти демонстрации могут оказать действительное давление, если есть серьезная решительность и готовность в случае надобности взяться за более решительные средства борьбы. Кроме того необходима прежде всего полная ясность, что мы намерены сделать, если уличные демонстрации окажутся недостаточными.

Опыт нашей партии также доказал необходимость полнейшей ясности и решительности в этом отношении. Еще два года назад мы предприняли первые попытки уличных демонстраций в Пруссии. Массы уже и тогда оказались на высоте ситуации. Они с воодушевлением откликнулись на призыв социал-демократии. В возбужденных массах отчетливо ощущались свежие веяния, надежда на новые, более действенные формы борьбы, решимость не отступать ни перед какими жертвами, ни перед какими запугиваниями.

Что же получилось в конечном результате? Партия не дала больше никаких лозунгов, выступление не расширилось и не продолжалось, напротив, массы охладели, общее возбуждение вскоре улеглось и все дело в конце концов затормозилось. Этот первый эксперимент должен послужить нашей партии указанием и предостережением, что у массовых манифестаций своя

особая логика и своя психология, и политику, который намерен ими руководить, совершенно необходимо с этим считаться. Нельзя в политической борьбе искусственно удерживать на одной и той же высоте в течение длительного периода проявления воли масс, нельзя их отлить в застывшую форму. Они должны повышаться, обостряться, принимать новые, более действенные формы. Возникшее массовое выступление должно итти вперед. И если у руководящей партии в определенный момент не хватит решимости дать массам необходимые лозунги, тогда в массах неизбежно возникает известное разочарование, исчезает порыв, и в выступлении наступает перелом...

Уличные демонстрации на сегодняшний день только в ничтожной мере соответствуют тяге к действию озлобленных масс и напряженности политической ситуации.

Сколько еще ждать? Только мало соприкасаясь с духовной жизнью партийных масс в стране, можно не ощущать совершенно определенно, что уже первая волна уличных демонстраций последних недель по своей внутренней логике вызвала настроение и создала ситуацию после битвы, далеко выходящие за пределы этих демонстраций, которые долго ли, коротко ли неизбежно потребуют дальнейших шагов, более решительных средств.

События в комиссии по избирательному праву и на пленуме прусской палаты депутатов, тот факт, что даже самая демагогическая из всех партий — центр — не постеснялась путем блока с юнкерами убить все надежды на реформу избирательного права, — все это в качестве ответа на превосходные демонстрации во всей Пруссии является оплеухой демонстрирующим массам и с социал-демократией во главе, оплеухой, за которую нельзя не отплатить. С того момента, как началась открытая борьба, по неумолимой, железной логике самой этой борьбы удар должен следовать за ударом.

Реакция ответила на массовые манифестации тем, что испакостила в комиссии и на пленуме законопроект об избирательном праве, а массы под руководством социал-демократии должны на это ответить новым натиском. В ситуации, подобной настоящей, длительные колебания, большие паузы между отдельными боевыми актами, нерешительность в выборе средств и стратегии дальнейших боев почти означают проигранную битву.

Необходимо не давать противнику передышки, не давать ему надежды, что мы не решимся пойти дальше, что у нас не хватит мужества быть последовательными. С другой стороны, массовые демонстрации скоро уже не будут удовлетворять психологической потребности, боевому настроению, озлоблению масс, и если социал-демократия не решится шагнуть вперед, если она упустит подходящий политический момент для дачи дальнейших лозунгов, то ей вряд ли удастся поддерживать и дальше массовые демонстрации, и выступление в конце концов прекратится.

Таким образом партия во всех отношениях стоит перед вопросом: что же дальше?

Поскольку последний прусский партейтаг более эффектным, чем политически взвешенным, жестом к сожалению уклонился от разрешения этого вопроса, его настоятельно необходимо решать путем дискуссии в прессе и на собраниях. Сами партийные массы должны взвесить и решить, что делать дальше. Только тогда, только как выражение массовой воли партии пата дальнейшая боевая тактика приобретет необходимую энергию и необходимую силу напора.

* * *

Ряд постановлений и резолюций социал-демократических рабочих, принятый в различных центрах нашего движения, дает ответ на этот вопрос. В Галле, в Бремене, в Бреславле, в Гессен-Нассауском агитационном округе, в Кенигсберге товарищи во весуслышание назвали то боевое средство, применение которого партией в настоящих боях как бы само собой напрашивается — массовую стачку.

За применимость массовой стачки в настоящих условиях говорит именно то обстоятельство, что она сама собой вытекает как естественное и неизбежное нарастание уже начатого и все больше распространяющегося массового выступления.

Внезапная, «сделанная» в одно прекрасное утро по простому декрету партии, массовая стачка — это просто детская фантазия, порожденная анархистским мозгом. Но массовая стачка, возникающая из длящегося месяцами и увеличивающегося по своему охвату движения громадных рабочих масс — демонстраций, из ситуации, когда трехмиллионная партия стоит перед дилеммой: либо любой ценой вперед, либо начатое массовое выступление бесплодно само собой прекратится, — такая, возникшая из внутренней потребности и решимости раскачавшихся масс и одновременно из обостренной политической ситуации, массовая стачка, подобно тому как

сила ружья заключается в нем самом, в самой себе содержит свое обоснование.

Конечно массовая стачка не является чудодейственным средством, обеспечивающим успех при всяких условиях. Именно не следует рассматривать массовую стачку как искусственное, целиком по предписанию и по команде применимое, единовременное механическое средство политического нажима. Массовая стачка является только внешней формой выступления, имеющего свое внутреннее развитие, свою логику, свое нарастание, свои выводы в теснейшей связи с политической ситуацией и ее дальнейшим развитием. Массовая стачка — именно в качестве короткой единовременной стачки-демонстрации — безусловно не является последним словом начатой политической кампании. Но она столь же безусловно является в настоящей стадии первым словом этой кампании. Дальнейший ход, длительность, непосредственный результат, также затраты и жертвы этой кампании не поддаются предварительному подсчету карандашом на клочке бумаги, как какая-нибудь калькуляция биржевой сделки.

Тем не менее бывают такие ситуации, когда партия, стоящая во главе миллионов, с полной решимостью должна дать тот единственный лозунг, который может двинуть вперед ею начатую борьбу.

В той партии, где подобно германской принципы организации и партийной дисциплины стоят на такой беспримерной высоте, инициатива неорганизованных народных масс и добровольческая, так сказать, импровизированная способность к выступлению, этот, столь значительный, часто имевший решающее значение во всех прежних больших политических боях фактор, почти исключается. Это возлагает на партию неуклонную обязанность доказать применимость столь высоко развитой дисциплины и организации для больших выступлений не только во время парламентских выборов, но и в других формах борьбы. Приходится решать, способна ли немецкая социал-демократия, опирающаяся на сильнейшие в мире профорганизации и самую большую армию избирателей, провести массовое выступление, аналогичное осуществлявшимся в разное время с большим успехом в маленькой Бельгии, Италии, Австро-Венгрии, Швеции, России, либо Германия, с ее двухмиллионной профсоюзной организацией и мощной превосходно дисциплинированной партией, окажется столь же неспособной в решающий момент провести в жизнь действенное массовое выступление, как парализованные анархистской путаницей французские профсоюзы и ослабленная внутренней борьбой партия Франции.

Совершенно ясно, что выступление характера и масштаба массовой стачки не может осуществляться без профсоюзов. Только при совместном, единодушном действии обеих организаций может развернуться во всей стране то громадное выступление, о котором только и может идти речь в настоящий момент в Германии. По профсоюзной линии в этом вопросе возможны различные точки зрения. С одной стороны, восточный угольный округ уже в течение некоторого времени охвачен сильным брожением и готовится к большому экономическому бою. С другой стороны, в ряде отраслей промышленности, например в строительном деле, предприниматели только и ждут подходящего предлога для проведения широких локаутов. На первый взгляд оба эти обстоятельства могут послужить основанием считать политическую массовую забастовку не совсем кстати. Но это только на первый взгляд. При ближайшем рассмотрении совпадение широкой массовой забастовки в угольной промышленности с политическим стачечным движением может быть только полезно для обоих движений. В каждом большом массовом движении пролетариата происходит взаимодействие многочисленных политических и экономических моментов, и искусственно отрывать их друг от друга, пытаться педантически их разделять было бы напрасной и вредной попыткой. Здоровое, жизнеспособное движение, как нынешняя прусская кампания, должно и может питаться всем накопившимся социальным горючим материалом. С другой стороны, для успеха более узкой задачи горняков может быть только полезно, что она вливается в более широкую политическую задачу. Это больше нагонит страху на противника — угольных магнатов и правительство. И тем скорее они будут вынуждены пойти на уступки, чтобы успокоить горняков и попытаться их изолировать от политического потока.

Что же касается угрожающих локаутов, существует бесчисленное количество примеров, свидетельствующих, что в тех случаях, когда выгода предпринимателей и интересы их господства этого требуют, у них всегда будет достаточно предлогов для жесточайших локаутов, и никогда еще недостаток в кое-как оправданных предлогах их не удержал от этого насилия. Состоится ли массовая политическая стачка или нет — без локаутов, поскольку они царуют пред-

принимателям, дело не обойдется. Совпадение во времени этих локаутов с большим политическим движением может только повысить способность сопротивления рабочих в их бедствиях, связанных с локаутами, благодаря общему подъему идеализма, готовности приносить жертвы, энергии и способности сопротивления.

По профсоюзной линии самым серьезным возражением является то обстоятельство, что массовая стачка представляет во всяком случае большой риск для существования профсоюзных организаций и их касс. Могут ли и должны ли профсоюзы пойти на такой риск? Конечно нельзя отрицать этого риска. Но какая борьба, какое выступление, какая чисто экономическая стачка не связана с риском для боевых рабочих организаций?

На самом деле опасность, риск, которому подвергаются наши профсоюзные организации, — чисто внешний.

На самом деле только в решительной борьбе сохраняются здоровые, крепкие организации и после каждой боевой схватки восстанавливаются с обновленными, снова выросшими силами. Если за политической массовой всеобщей забастовкой и последовало бы некоторое ослабление или пострадали бы отдельные профессиональные союзы, — вскоре наново расцвели бы не только эти старые организации, но большое выступление расшевелило бы новые слои пролетариата и внесло бы идею организации в круги, неподдававшиеся до сего времени спокойной, систематической профессиональной организации, либо привлекло бы в наши организации ту массу пролетариев, которые до сих пор находятся под буржуазным руководством, в партии центра, у гирш-дункеровцев и евангелистов.

При здоровом, большом, смелом массовом выступлении выигрыш превысит потери. Именно в данный момент у нас перед глазами поучительный пример, как благодаря обстоятельствам для самого осторожного профсоюзного движения может стать необходимостью, делом чести вступить в сильный бой, не взвешивая боязливо все шансы выигрыша и проигрыша.

Массовая политическая стачка конечно не ограничится пределами Пруссии, партийные массы остальной части Германии наверняка с воодушевлением присоединятся. Германская массовая стачка несомненно оказала бы глубочайшее и значительнейшее действие на интернационал, была бы фактом, бесконечно подымающим мужество, социалистическую веру, веру в себя, готовность к жертвам пролетариата всех стран. Конечно эти соображения не могут служить основанием для немецкой социал-демократии и немецких профсоюзов решиться на массовую стачку, если эта стачка не обусловлена внутренней ситуацией в Германии. Но при подсчете выигрыша и потерь от предполагаемой массовой стачки следует учитывать и это обстоятельство. Немецкая социал-демократия до сего времени служила в интернационале великим образцом в области парламентской борьбы, организации и партийной дисциплины. Быть может она вскоре сумеет дать блестящий пример увязки всех этих преимуществ с решительным и бесстрашным массовым выступлением.

Конечно совершенно нельзя ожидать, что в один прекрасный день со стороны главного руководства движения, правления партии, и генеральной комиссии профсоюзов последует «приказ» начинать массовую стачку. Организации, несущие ответственность за миллионы, обычно в своих решениях, которые, ведь, придется выполнять другим, проявляют естественную сдержанность.

Поэтому решение перейти к непосредственному выступлению масс должно исходить от них самих. Освобождение рабочего класса может быть только делом рук самого рабочего класса, — эта руководящая строка Коммунистического манифеста применима также и в том смысле, что и внутри классовой партии пролетариата каждое большое решающее движение должно возникать не по инициативе горсточки вождей, а из убежденности и решимости масс — сторонников партии. Решение довести нынешнюю борьбу за прусский избирательный закон до победы, применяя соответственно постановлению партейтага «все средства», следовательно и массовую стачку, может быть принято только широчайшими кругами партии. Партийные товарищи и профсоюзники в каждом городе, в каждом округе должны занять определенную позицию по отношению к вопросам создавшейся ситуации, ясно и открыто выразить свое мнение, свою волю.

Таким образом выявится общее мнение организованных рабочих масс. И тогда наши вожди окажутся на своем посту, как и всегда до этого времени».

27. Каутский — сторонник старой тактики.

Настоящий отрывок из статьи Каутского, напечатанной в «Neue Zeit» в 1910 г. в ответ на вышеприведенную статью Розы Люксембург.

«...Прежде всего мы должны себе уяснить, что мы понимаем под массовой стачкой. Тов. Люксембург пишет:

«Массовая стачка в виде короткой, единовременной стачки-демонстрации безусловно не является последним словом начатой политической кампании».

В своих тактических соображениях мы должны строго различать массовую стачку как демонстрацию от массовой стачки как средства принуждения, так как каждая из них обусловлена особыми предпосылками и требует особой тактики. Разница между этими стачками столь же велика, как между маневром и настоящим решительным боем.

Политическая массовая стачка-принуждение применяется, чтобы заставить политических властителей, какое-нибудь правительство или парламент, что-либо сделать или от чего-либо отказаться. Если это не удается — она проиграна, она приводит к поражению. Она проводится изо всех сил, до тех пор, пока не достигает намеченной цели, либо утомленные массы не дрогнут.

Продолжительность стачки-демонстрации намечается заранее, независимо от того, преследует ли она какие-либо определенные практические цели. По истечении срока выступление масс прекращается так же сразу, как и начиналось.

Стачка-протест может носить местный характер как протест против местного происшествия, хотя бы полицейских насилий. Такие стачки-демонстрации имели место во время нынешнего движения за избирательное право. В зависимости от роста и усиления полицейских насилий несомненно будут расти и усиливаться стачки-протесты.

Напротив, политическая массовая стачка, как средство принуждения против центральных политических учреждений, правительства или парламента, должна носить всеобщий характер. Она должна, по возможности, охватывать рабочий класс всего государства и, по возможности, все слои рабочих. Она может быть удачной только в том случае, если ее размах будет настолько велик, чтобы захватить и те слои рабочих, которые нельзя вовлечь в стачку-демонстрацию, например железнодорожников.

Что же предлагает т. Люксембург? — Только местные стачки-демонстрации или же развитие нынешнего движения во всеобщую стачку-принуждение. Из ее статьи это не ясно, и вместе с тем это важно выяснить. Многие, отвергая стачку-принуждение как преступную глупость, будут считать желательными в существующей обстановке местные стачки-протесты. С другой стороны, если мы будем пропагандировать идею массовой стачки, без всяких подразделений, хотя бы мы считали необходимым только стачки-демонстрации, может случиться, что мы в более импульсивных натурах, против своего желания, вызовем идею стачки-принуждения, следствием чего будут выступления, не входившие в наши намерения, не соответствующие ни обстановке, ни соотношению сил и ведущие к поражению.

Не следует забывать, что массовая стачка в качестве стачки-принуждения является последним оружием, которое мы можем пустить в ход.

Тов. Люксембург говорит о массовой стачке, а именно «о короткой, единовременной стачке-демонстрации». Следовательно она имеет в виду также и другие формы массовых стачек. Это видно хотя бы из устанавливаемой ею связи между политической массовой стачкой и экономическими стачками, причем, по ее мнению, оба эти фактора помогают друг другу...

Экономическая стачка является по существу стачкой-принуждением, а не просто стачкой-демонстрацией. Экономическая стачка почти несовместима со стачкой-демонстрацией. Вместе с тем политическая стачка-принуждение и экономическая забастовка чрезвычайно разнятся между собой.

Я откровенно признаюсь, что достаточно «педантичен» для того, чтобы осмелиться сделать «и напрасную и вредную попытку» разделить эти два вида борьбы. Сама жизнь была до сего времени настолько педантична, что делала то же самое уже хотя бы по той простой причине, что успех каждого из этих видов борьбы зависит от совершенно разных условий.

Тов. Люксембург может быть сошлется на Россию 1905 г. Там в то время господствовала революция. В такой обстановке, когда происходит сдвиг во всей общественной жизни страны,

естественно объединяются политические и экономические требования в единое стачечное движение, но в Пруссии пока ведь еще нет революции. А в западноевропейских боях за реформу избирательного права политический и экономический моменты до сего времени строго разделялись.

* * *

Современная военная наука различает два вида стратегии. Стратегия сокрушения и стратегия измора противника.

Первая быстро стягивает свои боевые силы, чтобы выступить навстречу противнику и нанести ему решительные удары, которые бы его опрокинули и лишили боеспособности. При стратегии измора полководец, напротив, уклоняется от решительной схватки; он старается всякого рода маневрами не давать передышки вражеской армии, лишая ее возможности поднять дух войск победой, постоянно угрожать ей и утомлять ее и тем самым все больше понижать и парализовать ее способность к сопротивлению.

Обычной военной стратегией является стратегия сокрушения. Она прежде всего значительно привлекательнее для каждого бойца; она проще, яснее, зажигательнее. Полководец пойдет на стратегию измора только в том случае, если у него нет надежд достигнуть своей цели, применяя стратегию нападения. Но и в этом случае не всегда он может ею пользоваться. Стратегия измора рассчитана на бойцов, которых привела под знамена не надежда на победу и добычу, которые при всяких условиях, что бы ни случилось, преданы душой и телом своему делу.

Кроме того база армии должна быть вне досягаемости врага. Когда неприятелю удается занять области, откуда армия черпает рекрутов, продовольствие и оружие, стратегии измора приходит конец...

Такую же разницу (как в стратегии войск Ганнибала и римлян) мы находим при сравнении стратегии революционных классов в первые и последние десятилетия прошедшего века. Французским революционерам, благодаря стечению благоприятных обстоятельств в период 1789 — 1793 гг., в результате смелого натиска, удалось несколькими ударами свергнуть господствующий режим. В абсолютной полицейской монархии, где исключалась всякая возможность создания партией и правового воздействия народных масс на правительство, для революционного класса стратегия сокрушения была конечно единственно возможной. Стратегия измора не годилась, потому что правительство было в состоянии лишить своих противников всех возможностей организации и объединения, если бы они вздумали оказывать ему длительное сопротивление.

Эта стратегия была еще в полном расцвете ко времени основания нашей (социал-демократической) партии. Успехи Гарибальди в Южной Италии, блестящие, хотя в конечном счете бесплодные, бои польских повстанцев непосредственно предшествовали агитации Лассаля и основанию Интернационала. Вскоре за ними последовала Парижская коммуна. Но именно она и показала, что времена стратегии сокрушения пока прошли.

Эта стратегия годилась в политических условиях доминирования большого города и недостатка транспортных средств, благодаря которым нельзя было быстро стянуть из провинции большие количества войск, при состоянии улиц и вооружения, дававшем много шансов для успеха уличных боев.

Но именно тогда и были заложены основы новой стратегии революционного класса, которую Энгельс в конце концов так резко противопоставил в своем предисловии к книге Маркса «Классовые бои во Франции» старой революционной стратегии. Эту новую стратегию можно вполне назвать стратегией измора. Она до сих пор давала нам блестящие результаты. Силы пролетариата росли с каждым годом, пролетариат становился центральным пунктом европейской политики.

Конечно не следует думать, что новая стратегия введена только в результате большей проницательности. Как мы уже указывали, стратегия измора для революционного класса раньше была невозможной. Ее применение могло быть успешным только в условиях всеобщего избирательного права, права коалиций, свободы печати, свободы союзов.

Конечно из этого не следует, что при стратегии измора бои станут излишними. При стратегии измора мы не стремимся непосредственно к решающему бою, как при стратегии сокрушения, а длительно к нему подготовляемся и вступаем в решающий бой только тогда, когда считаем противника достаточно ослабленным. Но противник должен быть уже необычайно деморализован, для того чтобы удалось без решающего боя вырвать из его рук источники его господства.

Стратегия измора, применявшаяся римлянами против Ганнибала, не избавила их от необходимости в конце концов дать карфагенским полководцам решающий бой при Каме. При стратегии измора не всегда удается даже до решающего момента избегнуть какого бы то ни было боя, если к нему стремится противник.

Конечно не легко применять стратегию измора, как ее понимал Энгельс. И все же немецкой социал-демократии удалось блестяще применять эту стратегию при законе против социалистов, когда она была пущена в ход, хотя против нее были последователи Моста, сторонники стратегии сокрушения, а также тогдашние ревизионисты от Гехберга и Шрамма до Фирэка, мечтавшие привлечь на свою сторону симпатии буржуазии путем ослабления боевого характера нашего движения...

Стратегия измора, как и всякая стратегия, становится возможной и целесообразной только в определенных условиях. Было бы нелепо применять ее при всяких условиях. Тот факт, что мы добились блестящих результатов, применяя эту стратегию, сам по себе еще не является основанием держаться за нее и впредь. Изменившиеся обстоятельства вполне могут вызвать отступление от нее.

Стратегия измора во время войны невозможна или нецелесообразна, если противник угрожает отрезать или захватить нашу базу. В таком положении уже из самосохранения необходимо на него напасть заблаговременно. Точно так же стратегия измора изживает себя, если она демонализует и лишает мужества собственные войска и может повести к трусости или дезертирству и когда только смелый удар может поддержать и сохранить армию.

Переход в наступление с целью нанести такой удар является неизбежным также и в том случае, если мы попали в тупик и приходится выбирать между сокрушением врага и позорной капитуляцией.

Наконец, следует переходить к стратегии сокрушения, если сам враг попал в беду, когда создается благоприятная ситуация, при быстром и энергичном использовании каковой есть возможность нанести ему жестокий, быть может смертельный, удар.

Перенесение этих положений из военного дела в политику не требует особых разъяснений.

Иенский партейтаг, признавая массовую стачку в смысле стачки-принуждения одним из наших боевых методов и тем самым считаясь с возможностью перехода от стратегии измора к стратегии сокрушения, имел в виду только первое из вышеприведенных положений, а именно ситуацию, при которой опасность угрожает нашим основам, враг стремится лишить нас возможности вести борьбу прежними методами, покушаясь на парламентское избирательное право или на другие необходимые условия пролетарской организации и пропаганды.

В нынешней ситуации пока еще такое положение не создалось.

Следовательно опасения, что массы могут не поддержать нас в решительный момент, не должны быть основанием для применения более решительных средств, являющихся переходом к тактике сокрушения.

Конечно в процессе каждой борьбы обостряются противоречия. Длительность борьбы сама по себе увеличивает ожесточение. К этому присоединяется обострение классовых противоречий, вызываемое экономическим развитием и ростом боевых возможностей благодаря увеличению организации или успехам техники. Но здесь идет речь не о «внутренней логике» постепенно само собой наступающего усиления и обострения массовых выступлений, а о применении новых более решительных приемов, вводимых как «лозунг» путем планомерной агитации партии. Боязнь разочарования масс не является основанием для перемены тактики. Диалемма, о которой говорит Люксембург, не стоит перед нами, если только мы сами не создадим ее.

Для отказа от стратегии измора и перехода к стратегии сокрушения путем быстрейшего обострения и увеличения массовых выступлений как боевого средства может быть только одно основание, кроме приведенного в иенской резолюции: если враг попал в беду, которую нужно поскорее использовать и действительнее всего можно использовать путем массовой забастовки.

Такова ли нынешняя ситуация? Вот решающий вопрос.

В ответе на него, а не во внутренней логике массовых манифестаций мы находим разрешение проблемы целесообразности в данный момент массовой стачки.

На первый взгляд может показаться, что нынешняя ситуация является результатом уличных демонстраций. Нам могут сказать, что благодаря тому, что социал-демократия прибегла к более решительным средствам, она воодушевила массы и ей удалось прижать правительство. Но воодушевление быстро исчезнет, а правительство восстановит свой авторитет, свои силы, свой

рассудок, если мы не двинемся вперед по тому же пути, т. е. не будем все обострять свои методы борьбы, тем самым все больше воодушевлять массы и все больше и больше прижимать правительство к стене, пока оно не рухнет под сокрушающим напором масс. Партия совершила бы тяжкий грех перед пролетариатом, если бы при таком положении не приложила всех усилий для того, чтобы побудить его к более решительным методам борьбы.

Но по-моему, сложилась иная ситуация.

Конечно уличные демонстрации вызвали большое воодушевление. Конечно правительство прижато к стене. Почему же, если таким простым средством можно было пробудить воодушевление и ослабить авторитет и силы правительства, почему же мы к нему не прибегли уже давно?

Как раз наоборот. В прусских условиях удачные уличные демонстрации и их громадное моральное действие стали возможными, только когда социал-демократия стала партией широких масс и среди них началось сильнейшее брожение. Уличные демонстрации приняли огромные размеры и оказали глубокое влияние на массы, ибо эти демонстрации родились из глубочайшего возбуждения масс, и потому в результате получалось воодушевление и подъем духа масс, с одной стороны, и смущение и растерянность в лагере правительства и правительственных партий, с другой стороны.

Сильнейшее озлобление масс имеет свои глубокие причины, которые действовали годами и сохранятся еще на много лет. Я уже писал о них в своей книге «Weg zur Macht» («Путь к власти») и здесь о них скажу только вкратце.

Прежде всего перед нами важнейшая причина широкого недовольства — дороговизна продуктов...

Ее (дороговизны продуктов) последствия еще усиливаются благодаря соперничеству в вооружении, которое именно за последнее время принимает совершенно безумные размеры, ибо к сухопутным вооружениям присоединяются морские, рост которых значительно обгоняет первые. Дело в том, что во флоте уровень техники играет бо́льшую роль, чем количество боевых сил, и путем вложений необходимых средств этот уровень можно быстро повысить.

Отсюда рост налогового пресса, еще более усиливающий классовые противоречия. Одновременно принимает все более угрожающий характер и международное положение, так как правящие классы не могут согласиться на разоружение. А помимо разоружения есть только один способ избавиться от невыносимого налогового гнета: война.

Аналогичное положение мы встречаем во всех странах и всюду видим в результате растущее возбуждение масс, но также и растущее противоречие между правящими классами. Мы видим, как не только международное положение становится все более и более напряженным, но и внутри каждой страны между большинством буржуазного мира — мелкими буржуа, интеллигентами, торговцами, маленькими капиталистами, с одной стороны, и землевладельцами, крупными финансистами и промышленными монополистами, использующими все преимущества создавшегося невыносимого положения и стремящимися переложить все тяготы на массы, — с другой.

Некоторые поумнее защитники капиталистической эксплоатации в Пруссии и в остальных частях Германии с ужасом видят, как благодаря бессмысленным зверствам юнкеров и их правительства все теснее смыкаются ряды класса трудящихся, как растет среди них возбуждение и их мысли и чувства становятся все революционнее.

И не только среди рабочих масс, но и среди широких слоев буржуазного мира нарастает протест против юнкерского режима по разнообразнейшим, часто противоречивым, причинам; в одном лишь с каждым днем все больше сходятся все: существующий режим ведет Германию к гибели.

Всего сильнее и единодушнее это озлобление в низших слоях, которым больше всего приходится страдать от дороговизны, налогового гнета и бюрократических издевательств. Естественно, что это озлобление приводит их к социал-демократии, в которой они видят свое прибежище и защитницу своих интересов.

Вот откуда мощь и значение наших уличных демонстраций. По тем же причинам растут ряды наших избирателей, о чем свидетельствуют каждые дополнительные выборы в рейхстаг. По тем же причинам всеобщие выборы в рейхстаг в будущем году грозят превратиться в день страшного суда для правительства прусских юнкеров и его верных или хотя бы половинчатых союзников.

Противник уже считается с возможностью завоевания нами на ближайших выборах 125 мандатов...

И как она сама (партия социал-демократов) выросла за это время! За период с 1887 по 1907 г. она учетверила количество своих голосов. Если

бы нам удалось сделать на выборах 1911 г. такой же скачок вверх, как в 1890 г. (ситуация в этом смысле весьма многообещающая), т. е. удвоить число голосов, партия имела бы абсолютное большинство всех поданных голосов.

Конечно мы не рассчитываем на такой скачок, но все уверены в том, что мы сделаем громадный скачок вперед, а абсолютное большинство голосов за нашу партию станет вопросом ближайших лет. Но абсолютное большинство поданных голосов на ближайших выборах будет означать нечто большее, чем обычную победу на выборах. При настоящей ситуации, при наличии громадного возбуждения народных масс, напряженного внутреннего и внешнего положения, такая победа означает не что иное, как крушение всей существующей правительственной системы. Ближайшие выборы расшатают эту систему до основания. Это не подлежит сомнению.

Либо выборы вобьют правящим классам диалектику настолько, что они поймут невозможность дальше хозяйничать на теперешний манер и решатся для отражения нарастающей волны социализма применить западные методы, т. е. попытаются путем уступок привлечь на свою сторону широкие слои трудового народа. При существующем чрезвычайном озлоблении и громадном обострении противоречий необходимы важные уступки, чтобы произвести какое-либо умиротворяющее действие, например минимум применения в Пруссии имперского избирательного права в рейхстаг, либо — и это более вероятно — наша победа будет иметь обратное действие: она подстегнет правящие классы к тому, чтобы подавить грубыми насильственными приемами движение, поскольку действующие законы окажутся недействительными для этой цели.

Наконец есть еще третья возможность, и она вероятнее всех других: правящий режим теряет голову, беспомощно качается из стороны в сторону между насилиями и уступками, не идет последовательно ни в одном из этих направлений; его насилия только озлобляют, его уступки только производят впечатление слабости, и он раздувает пламя, которое хотел потушить.

Как бы ни сложились обстоятельства, выборы в рейхстаг должны создать ситуацию, которая явится новой и расширенной базой для наших боев. Ситуация, которая в случае наступления одной из двух последних возможностей несомненно быстро выльется, в силу своей внутренней логики, в большие классовые бои, в которых на новом широком базисе мы совсем по-иному сумеем бороться, чем на сегодняшний день. События складываются так, что ключ к этой грандиозной исторической ситуации — подавляющая победа на ближайших выборах в рейхстаг — у нас в кармане, и только по своей же глупости мы можем потерять его и прозевать блестящую для нас ситуацию. Так, мы сглупим, если в порыве нетерпения поддадимся искушению сорвать недозрелый плод, если мы спровоцируем пробный бой, совершенно не обеспечив себе победы.

Конечно в каждом бою приходится итти на риск. Вряд ли добился бы большого успеха полководец, который шел бы в бой только в том случае, когда возможность поражения заранее исключена.

Но когда благодаря благоприятно складывающимся обстоятельствам и умелому их использованию видишь перед собою возможность несомненной большой победы, когда и опасность грозит именно в случае перехода к новой стратегии, провоцирующей бой на неизведанном и сомнительном поле битвы, величайшей глупостью будет ввязаться перед верной победой в такой бой и тем самым себе повредить.

Ни один разумный полководец не станет переносить борьбу с того поля битвы, где он уверен в победе, на другое, где исход сомнителен...

Самым худшим поражением было бы — и эту возможность также надо принять во внимание, — если бы мы призвали пролетариат к массовой политической стачке и он в подавляющем большинстве не последовал бы нашему призыву.

Мы задушили бы все эти многообещающие зародыши, которыми чреваты наступающие выборы, если бы спровоцировали до выборов, не будучи к тому вынужденными, бои, которые принесли бы нам тяжелые поражения. Правительству и его партиям не приходится и желать лучшего. Мы бы спровоцировали как раз то, что ему нужно, чтобы выбраться из беды.

Не на массовой стачке должны мы сегодня заострить свою агитацию, а уже на приближающихся выборах в рейхстаг.

Один раз уже наши товарищи пробовали получить реванш за несправедливость избирательного права в ландтаг, и это блестяще удалось. Было это в Саксонии, где наша партия из 23 мандатов страны завоевала 22; теперь нужно получить такой же реванш, с вероятно еще бо́льшим моральным действием, в Пруссии.

Удержим движение в берегах, не будем истощаться в демонстрациях; используем всякую возможность подорвать авторитет правящих

классов, покажем их вредность и враждебность народу; но вместе с тем разъясним массам, что в борьбе за избирательное право дело идет о большем, чем некоторые изменения избирательного закона, — что дело идет о свержении юнкерского режима, о свержении всех элементов, извлекающих прибыли из высоких цен и новых налогов; что такая борьба будет длительной и упорной, что она не кончится, что ближайшей возможностью нанести сокрушительный удар злейшим врагам народа являются выборы в рейхстаг, что для этого стоит собрать и применить все силы.

Будем держаться применявшейся нами до сего времени стратегии измора. Оставим себе свободу выбора наших боевых средств и воздержимся от агитации, внутренняя логика которой приводила бы нас к дилемме, вынуждавшей нас применить наше последнее и самое решительное боевое средство на неподходящем месте и в неподходящий момент и тем самым его растратить».

28. Иенский партейтаг (1913 г.) о массовой стачке.

А. Резолюция о массовой забастовке Иенского партейтага 1913 г.

«После подтвержденного Мангеймским партейтагом (1906) решения Иенского партейтага (1905) следует считать самое широкое применение массовой забастовки в известных случаях одним из самых действительных средств не только для защиты от покушений на существующие народные права, но и для завоевания новых народных прав.

Завоевание всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права во все представительные учреждения является одним из предварительных условий освободительной борьбы пролетариата. Трехклассная избирательная система не только осуждает неимущих на бесправие, но и препятствует им во всех их стремлениях к улучшению своего жизненного положения, она делает господами законодательства касту юнкеров, жесточайших врагов профессиональной деятельности и социального прогресса.

Поэтому съезд призывает бесправные массы напрячь все силы в борьбе против бесправия трехклассной системы, в сознании, что эта борьба не может привести к победе без больших жертв.

Отвергая массовую забастовку в анархическом смысле как верное и во всякое время применимое средство для устранения социальных зол, партейтаг в то же время высказывает убеждение, что рабочий класс должен напрячь все силы свои для завоевания политического равноправия. Массовая политическая забастовка может быть проведена только при полном единстве всех органов рабочего движения, массами, проникнутыми классовым сознанием, воодушевленными конечными целями социализма и готовыми на всякие жертвы. Поэтому партейтаг вменяет в обязанность всем партийным товарищам неустанно работать над дальнейшим строительством политических и профессиональных организаций».

Б. Проект резолюции Р. Люксембург.

(Отвергнут большинством Иенского партейтага.)

Роза Люксембург и ее единомышленники предложили сохранить в резолюции, предложенной партийным правлением, лишь первый абзац, три же остальных абзаца заменить следующим текстом:

«Обострение экономических и политических противоречий в Германии вынуждает пролетариат все более и более широко развертывать свои силы для защиты против предательских ударов господствующих классов, для улучшения своего экономического положения и для расширения своих политических прав. В борьбе против лишения его политических прав пролетариат все в большей и большей мере вынужден развивать самую напряженную энергию. Эта борьба находит свое наивысшее выражение в борьбе за всеобщее, равное и прямое избирательное право во все представительные учреждения, завоевание которого является необходимой предпосылкой к освободительной борьбе пролетариата. Современное политическое бесправие пролетариата, в особенности в Пруссии, ярче всего выражающееся в трехклассной системе избирательного права, препятствует пролетариату во всех его стремлениях улучшить свой жизненный уровень. Это бесправие делает господами законодательства не только в Прус-

сии, но и во всей империи самых ярых врагов профессиональной деятельности и социального прогресса.

Это позорное избирательное право может уступить только бурному натиску широких масс в их борьбе за избирательное право, натиску, какой имел в виду партейтаг прусских социал-демократов в январе 1910 г.

Партейтаг приветствует вновь возрождающийся интерес широких партийных кругов к вопросу о политической массовой забастовке. Предпосылкой успешного проведения политической массовой забастовки является возможно более совершенная организация пролетариата, политическая и экономическая, а также проникновение этих организаций революционным стремлением и готовностью к жертвам. Партейтаг вменяет поэтому партийным товарищам в обязанность неустанно работать над строительством политической и профессиональной организации и над распространением партийной и профессиональной прессы. Массовая забастовка не может все же быть создана искусственно, по команде партийных и профессиональных инстанций. Она может возникнуть только в результате нарастания уже проявляющегося массового действия при обострении экономического и политического положения.

Как ответ на удары реакции, а также как первая предпосылка успешного массового действия должна быть наступательная, решительная и последовательная тактика партии во всех областях. Только такая тактика, которая сознательно переносит центр тяжести борьбы на действие масс, способна сохранить боевую энергию и идеализм организованных рабочих, увлечь в важные моменты неорганизованных и длительно завербовать их в профессиональные и политические организации.

Партейтаг призывает партийных товарищей и руководящие инстанции принять все меры к тому, чтобы германский пролетариат был готов в грядущей борьбе ко всяким возможностям».

29. Каутский возглавляет борьбу против левых радикалов.

Настоящий отрывок взят из статьи Каутского «Nach Gedanken zu den nachdenklichen Betrachtungen», напечатанной накануне Иенского партейтага 1913 г. в «Neue Zeit» № 41 и 42—B. II., июль 1913 г.

«Позиция нашей фракции в вопросе о военном законопроекте и исход избирательной кампании в прусский ландтаг вновь вызвали оживленную дискуссию. Но на этот раз она дает совершенно другую картину, чем все партийные дискуссии за 15 лет. Мы не находили более двух направлений, которые замкнуто противостояли друг другу. Теперь все перемешалось. Уже в прошлом году, перед Хемницким партейтагом, мы могли констатировать, что демаркационная линия между двумя крыльями, возникшими в результате ревизионизма, становится все более незначительной. Ревизионизм скоро будет целиком в прошлом. Те, кто это отрицает, смешивают его с оппортунизмом, с умеренными убеждениями, с политикой момента и подобными явлениями. Тенденции этого рода, как и противоположные им тенденции, имеются и будут существовать в нашей партии, пока она сама существует. Напротив, ревизионизм, требующий ревизии или совершенного отказа от марксистского учения, возник впервые в конце прошлого столетия, и эти требования на сегодняшний день совершенно перестали быть политическим фактором в нашей партии. Потому ли, что его защитники чувствуют себя теоретически побежденными, потому ли, что практика выдвинула другие более важные для них вопросы, либо еще по каким-нибудь причинам произошла эта перемена, — сейчас это нас не должно интересовать, но сам по себе этот факт твердо установлен. Если существуют еще товарищи, объявляющие ревизию марксистской теории настоятельно необходимой, то они уже больше не находят никакого отклика. С другой стороны, отдельные представители крайней левой, находящиеся на другом полюсе, должны констатировать, что признанные марксисты значительно отклоняются от них, что считавшиеся до сих пор ревизионистами товарищи призывают к массовым действиям. И трудно сказать, что вызывает большее негодование Р. Л. (Роза Люксембург) — критика марксистов или присоединение ревизионистов. В действительности между этими ревизионистами, как и между марксистами, всегда существовали весьма различные практические тенденции. Пока вопросы ревизионизма стояли на переднем плане — эти разногласия не имели значения. Общее перерасположение к марксизму спаяло ревизионистов, приверженцев свободной торговли, и протекционистов, защитников вооружения и морской политики, друзей либерализма и его врагов в фалангу, против которой также сплотились и все марксисты. Распад од-

ной фаланги способствует также распаду и другой.

Выплывают новые вопросы, которые не разрешаются более по старым направлениям левых и правых.

Это создает вид некоторой путаницы, но внешность обманчива.

Дискуссия руководителей принимает несколько хаотический характер, но это происходит только на поверхности. Массы, о которых так много говорят, от имени которых все выступают, всем этим очень мало затронуты. До тех пор пока не наступят большие исторические события, они будут двигаться по своему пути старым способом — руководящие статьи не производят никакого массового действия.

Хаосу мнений ни в коей мере не соответствует хаос практики. Напротив, в последние годы она стала в нашей партии более единой, чем ранее.

Единство практики между югом и севером, между союзами и партией, точно так же, как единство внутри фракций рейхстага по важнейшим вопросам, сегодня значительно больше, чем ранее... Но еще хуже то, что во время дискуссии о массовой стачке возникло огромнейшее расхождение мнений. И мнения разделились не только в том смысле, что одни высказываются за — другие против стачки (Каутский, далее, насчитывает четыре направления: 1) за бельгийский образец — стачка-демонстрация, 2) за русский образец — за политическо-экономическую стачку, 3) против всякой стачки, 4) за бельгийский образец только в далеком будущем, когда наступят соответствующие условия).

«Существует другое направление, которое мы назовем русским... Стоит только начать (речь идет о забастовке), и неорганизованные массы, которые никогда не дают осечки, поддержат». А если мы даже потерпим поражение и организация пойдет к черту, — что с того? Чем больше озлобления масс, тем быстрее они повторят забастовку вновь и вновь, как это было в 1905 г. в России, пока не было достигнуто победы. Это — «бодрый пароль» (Frischtfröhlich) данного направления. Но, как мы уже не раз говорили, русские обстоятельства нельзя сравнивать с нашими. Русские рабочие совершенно бесправны.

Забастовка для них единственно возможное средство общего действия. Их побуждения всегда выражаются в стачке. При этом их потребности меньше, чем у всех европейских рабочих, и они могут продержаться дольше без заработка и поддержки, чем другие рабочие капиталистической Европы... Для Западной Европы с ее большими централизованными массовыми организациями и в революционное время идея хронических массовых стачек попросту абсурдна.

Здесь борьба всегда концентрируется в одном большом решительном действии. Насколько мало русский пример может служить для Западной Европы образцом, видно хотя бы из того, что сами его защитники у нас не твердо стоят за него. В России и массовая забастовка вытекала из стихийного возбуждения народных масс... Эта стихийность, вызванная большими событиями, которые должны были встряхнуть даже самого индифферентного, самого отсталого человека, давала этой стачке победоносную силу. Наши «русские» признают, что стихийность возбуждения является предварительным условием победоносной массовой стачки, но они не видят в немецкой массе такого сильного возбуждения; ждать же до тех пор, пока исторические события в России подхлестнут массы, — слишком скучно. Они требуют стихийного возбуждения возможно скорее, и если оно не хочет притти, они категорически требуют от партии, чтобы она создала искусственно эту стихийность путем «смелой инициативы» и немедленно.

Но чем этого достигнуть? Только «смелым действием», т. е. массовой стачкой. Это должно быть исключительным средством возбудить массы настолько, что они восторженно последуют за нами и вступят в массовую стачку! Мюнгаузен, который вытягивает самого себя из болота за собственную косу.

Эта бессмыслица исходит из того, что согласно марксизму народные массы якобы пробудятся только благодаря большим социальным переменам; согласно еще бланкистско-путчистской тактике, только маленькое меньшинство делает подлинную историю и что оно своим смелым действием увлечет за собой массы, — тактика, которую немецкая социал-демократия отбросила с самого начала своего существования... Это мнение (левых радикалов) покрывается целиком синдикалистской революционной гимнастикой, с которой они имели такой «прекрасный успех»...

Не пробуждать подобную жажду подвигов, но руководить ими (рабочим классом), — в этом задача партии. Она его направляет к целям и методам борьбы, которые приносят пролетариату успехи, и благодаря этому — благодаря победе, а не благодаря поражению — делают способным и воодушевляют к новым действиям...»

30. Р. Люксембург о каутскианстве.

Первый из приводимых отрывков — из статьи Розы, написанной накануне Иенского партейтага и напечатанной в «Neue Zeit» 5 сентября 1913 г. под названием «Das Offiziö entum der Theorie». Второй отрывок — из статьи Розы, написанной после Иенского партейтага, но не увидевшей света вплоть до 1927 г., когда она была напечатана в коммунистическом журнале «Die Internationale».

Уже много лет не испытывали мы в наших рядах, как теперь, такую общую, насущную потребность продвигаться вперед, придать нашей тактике больше веса и боеспособности, нашему организационному аппарату больше подвижности. Критика собственных недостатков в жизни партии и в боевых методах, как всегда, основная предпосылка всякого внутреннего прогресса в рядах социал-демократии, на этот раз возникла в недрах организации и нашла себе живейший отклик в широчайших кругах партии. Как будто бы для такой самокритики есть достаточно оснований.

Борьба за прусское избирательное право после блестящего натиска 1910 г. попала в полосу полного застоя. Согласно общему мнению выступление партии, так же как и фракции в борьбе против военного законопроекта, оказалось не на высоте, тактика же фракции по отношению к финансовому законопроекту вызвала в широких партийных кругах глубокое беспокойство. Никогда еще со времени возникновения партии прирост организации и подписчиков нашей прессы не шел так медленно, как теперь. Частично приходится даже отметить и снижение численности организации и подписчиков. Хотя эти показатели не дают никаких оснований для изобличительных проповедей о том, как мы безнадежно «обуржуазились», все же для боевой партии, и именно для партии самокритики, они являются поводом для серьезной проверки собственных сил и боевых методов. Широчайшие круги товарищей испытывают серьезную необходимость разобраться во всех возникших вопросах, сомнениях и проблемах. Об этом сигнализируют отовсюду партийная пресса и партийные собрания.

Только Каутский, тот самый Каутский, что упрекнул меня в «недостаточном знании чувств и жизненных условий пролетариата», не заметил этих исканий, этого беспокойства среди наших масс. По его мнению в нашей партийной жизни нечего и обсуждать. Демонстрации в пользу избирательного закона прекратились, хотя сам Каутский в мае 1910 г. считал необходимым их продолжать, борьба за избирательное право уже три года как замерла. Каутский же находит, что все в порядке, по его мнению, к чему-нибудь иному могут стремиться только Мост и Гассельман.

В ответ на критику нашего поведения в отношении военного законопроекта Каутский требует, чтобы ему указали массовые выступления против таких законопроектов во Франции, Италии, Австрии. У него даже хватает жестокого юмора требовать от современной России, чтобы она послужила образцом выступления против милитаризма для немецкой социал-демократии с ее миллионами организованных.

Для партийных товарищей страны всякое настроение масс в борьбе против военного законопроекта явилось горьким и постыдным разочарованием. Но Каутский находит эту вялость вполне понятной и совершенно хладнокровно восклицает: а с чего было массам волноваться. Ведь по Каутскому дело идет только о «распространении всеобщей воинской повинности на всех мужчин, способных носить оружие». Чудовищнейший из всех военных законопроектов приобретает у него самый невинный вид, как если бы дело шло о награждении орденом четвертой степени прогрессивного лидера.

Еще в 1909 г. Каутский резко критиковал поведение фракции при обсуждении финансового проекта и непременно настаивал на обструкции. На Лейпцигском партейтаге он выступал решительно против голосования за прямые налоги, так как они сочетались с косвенными, и заявлял: «никогда мы не дадим нынешнему строю согласия на налоги для целей, которые мы отвергаем» (протоколы Лейпцигского партейтага, стр. 349). А сейчас Каутский не находит ни одного слова осуждения для поведения большинства фракции. Более того, он приветствует его, как прекраснейшую победу, как начало «весны» положительной работы в рейхстаге. И даже убыль организации и числа подписчиков не вывели Каутского из созерцательного философского спокойствия.

«Без сомнения, — заявляет он, — в партийной жизни приходится сейчас отметить некоторое затишье, приведшее кое-где даже к известному уменьшению числа подписчиков партийной печати и числа членов партийных организаций. Это печальное, но далеко не опасное явление».

Подумать только: тот самый Каутский, который вообще намерен ориентироваться только на организованных во всех боях классовой борьбы, рассчитывает только на них, который видит в организации не только сознательное ядро и передовой отряд пролетариата, но вообще всю суть классовой борьбы и истории, — этот Каутский проявляет вдруг замечательное спокойствие, став даже перед убылью в наших организациях. Более того, в своем стремлении изобразить эту

убыль «не угрожающей» он доходит даже до крайне опасной теории, что «можно питать одинаковый интерес к целям нашего движения, находясь в организации или вне ее». Счастье, что «Нейе Цейт» не имеет слишком большого распространения в массах, иначе все отлынивающие от организации нашли бы у нашего обертеоретика оправдание своему недостойному поведению. Стоит кому-нибудь из нас осмелиться утверждать, что в известные бурные моменты, в определенных исторических ситуациях, неорганизованные должны участвовать в борьбе за большие народные цели рядом с организованными и под их руководством, как Каутский приходит в благороднейшее негодование против подобного бланкизма, путчизма, синдикализма. Но когда дело идет о том, чтобы приукрасить существующее с его недостатками, чтобы усыпить самокритику в партии, тогда Каутский открывает внезапно то, чего никто не знал до него: что можно даже питать «одинаковый интерес» к целям нашего движения, будучи или не будучи организованным».

Это — казенщина, и в более чистом виде она еще никогда не была представлена в партии и, по крайней мере, в духовном и теоретическом органе социал-демократии. Во всяком случае, такое применение теории не имеет ничего общего с марксизмом. Теоретическое познание в духе Маркса служит не для того, чтобы плестись позади действия и стряпать оправдания для всего, что когда-либо делалось или допускалось предержащими властями социал-демократии, а, наоборот, для того чтобы итти впереди партийного действия, направляя его, чтобы подстрекать партию к постоянной самокритике, чтобы вскрывать недочеты и слабости движения, указывать новые пути и широкие горизонты.

Каутский же, напротив, борется против мысли о наступательной тактике, против требования инициативы, против лозунга массовой стачки. Сам он, однако, может предложить только опаснейшие иллюзии насчет парламентаризма. Весной 1910 г., когда партия в разгаре демонстраций за избирательное право в Пруссии обсуждала вопрос о методах дальнейшей борьбы, Каутский выступил с теорией разоружения в борьбе за избирательное право, чтобы в духе правящих партийных кругов направить все внимание и всю энергию на предстоящие выборы в рейхстаг. Выборы в рейхстаг! То был единственный тактический лозунг Каутского. Все надежды сосредоточить на выборах в рейхстаг. Каутский обещал совершенно новую ситуацию после выборов в рейхстаг и предсказывал «новый либерализм». Конечно и этот «новый либерализм», подобно всем политическим гороскопам Каутского, был обставлен разнообразными «если» и «но»; всякое положительное утверждение отменялось рядом ограничивающих условий. По единственная осязательная цель и ядро его рассуждений и его словечка о новом либерализме состояли в том, чтобы пробудить надежду на «новые средние классы» и переместить центр тяжести политической борьбы на парламент...

...Выборы в рейхстаг давно позади, «совершенно новая ситуация» не наступила, наоборот, старый реакционный курс спокойно продолжается. Наша фракция из 110 оказалась, как и следовало ожидать, в общем и целом столь же бессильной против этой реакции, как и прежняя из 33. «Новый либерализм», невзирая на «новый средний класс», оказался совершенно дряхлым и старческим. Борьба за избирательное право в Пруссии, замершая с весны 1910 г., все еще не оживилась. А новая политическая ситуация, «не имеющая себе равной в прежней истории Германии», нашла свое увенчание в застое социальной реформы и в беспрепятственном принятии военного законопроекта, «не имеющего себе равного в прежней истории Германии».

Каков же *сегодня* лозунг Каутского? Снова выборы в рейхстаг и только выборы в рейхстаг. «Рост значения рейхстага в сознании народных масс» — таков, по Каутскому, еще и сегодня тот единственный путь, которым мы продвинемся вперед. Его теория сводится к казенному успокоению всех сомнений и оправданию всего существующего в партии. Его тактика точно так же сводится к удержанию движения на старых изъезженных рельсах чистого парламентаризма, а в остальном к надежде, что история сама позаботится уже о революционном развитии, а когда наступит время, массы через головы удерживающих вождей бросятся в штурм».

Или, как это красиво формулировал «Форвертс» — собрат Каутского по духу, «когда массы приходят в состояние бурного возбуждения, когда они теснят вперед, не обращая уже внимания на сдерживающих *вождей*, — тогда наступает момент, когда уже не обсуждают и затем объявляют массовую забастовку, когда она уже налицо, рожденная непреодолимой силой массового движения».

Это указание для наших вождей напоминает правительственную максиму блаженной памяти императора Фердинанда перед мартовской революцией: «меня и Меттерниха еще выдержат». Пока еще «выдерживают», вожди социал-демократии будут цепляться за священную рутину, за чистый парламентаризм и противостоять новым задачам времени. Лишь когда не помогут никакие тормоза, они сочтут доказанным, что «время исполнилось».

Тормозящие вожди безусловно будут в конце концов отброшены в сторону нетормозящими массами. Однако, спокойно выжидать этого радостного события, как верного признака «паз-

ревшей поры» — это годится для одинокого философа. Для политического руководства революционной партией это означает свидетельство.

* * *

Последний Иенский съезд нашей партии отличается от прошлых партейтагов тем, что центральным пунктом его идейной борьбы больше не был теоретический или практический ревизионизм, а две новые проблемы, рожденные новой ситуацией. Дебаты были посвящены двум чисто практическим проблемам, которые должны непосредственно касаться и занимать каждого сознательного рабочего, профессионально или политически активного... Изменение общих условий борьбы вызвало дебаты в Иене о массовой стачке и по налоговому вопросу... Впервые с 1910 г. под натиском империалистического курса постепенно вновь пробуждается жажда борьбы, и заметна склонность к решительным средствам борьбы. Сознание недостаточности нашего партийного действия против наступления империализма придало партейтагу 1911 г. особый отпечаток... Теперь действуют объективные моменты, оживляющие и усиливающие значение решений, принятых принципиально восемь лет назад. Теперь создались условия, благодаря которым то, что решили восемь лет назад 400 представителей партии, постепенно сделалось помыслами и решениями миллионной массы.

Партейтаг этого года призван был сигнализировать это изменение ситуации, это обострение империализма под знаком противоречий и призвать массы: вооружитесь острейшим оружием, потому что только из вашей внутренней сознательности и политической зрелости может родиться, когда это понадобится, решимость в действии и уверенность в победе... Но здесь обнаружилась перемена наших собственных инстанций... Теперешнее правление видит свою миссию в том, чтобы, подчиняясь давлению профессиональных инстанций, принять вместе общую резолюцию, лишенную практической решимости, и направить дебаты по всему фронту не против упирающихся вождей профсоюзов, а против стремящихся вперед партийных товарищей. Тов. Шейдеман в своем реферате, как и в заключительном слове, занял позицию, прямо противоположную позиции Бебеля в 1905 г. В то время как Бебель резко и с горькой насмешкой выступал против страха перед открытым обсуждением массовой стачки и против кровавых привидений ужасов, которые рисовались как следствие массовой стачки, Шейдеман пустил в ход все свое красноречие, чтобы политиканствовать против обсуждения массовой стачки и рисовать кровавые привидения. Одним словом, если выступление Бебеля в 1905 г. было натиском партии на профсоюзы, чтобы сдвинуть их влево, то стратегия партийного правления в Иене в 1913 г. вела к тому, чтобы позволить сдвинуть себя вправо и послужить профсоюзным инстанциям орудием против левого крыла партии... Если принятием резолюции правления по вопросу о массовой стачке была сделана уступка консервативному сопротивлению профсоюзных вождей, то тем большая уступка была сделана парламентскому оппортунизму Зюдекума, Давида и Носке принятием вурмовской резолюции и одобрением тактики фракционного большинства. Возведенный в принцип лозунг «наименьшего зла» в том смысле, что отказ от принципиального отклонения милитаризма является «наименьшим злом», принципиальное допущение голосования за милитаристские законопроекты — «если принятие военного законопроекта предрешено, — все это открывает двери той самой ревизионистской тактике, которой партия в своем подавляющем большинстве из года в год подготовляла решительное поражение. Но хитро придуманная формула Вурма, что отпуск средств для милитаризма позволителен, если тем самым «предотвращается» обременение народа более неблагоприятным налогом, — применима ко всем бюджетным отпускам, так как само собой разумеется, что каждый бюджет можно считать предохраняющим от еще более неблагоприятного... И однако наше мнение было бы ошибочным, если бы из решений о массовой стачке и по вопросу о налогах мы вывели заключение, что Иенский партейтаг сделал резкий сдвиг вправо и что на нем выявилось большинство — две трети — ревизионистского крыла. Столь быстрый рост правого крыла, которое до последнего партейтага составляло одну треть, — был бы непонятным феноменом. Но на самом деле этого роста не было. Сознательный ревизионизм наверное не был проведен. По крайней мере половина победившего большинства действовала не из сознательного ревизионизма в вопросе о налогах, а вследствие недостаточной ориентировки о действительных последствиях и действительном характере принятого решения большого числа принявших решение делегатов. В вопросах о массовой стачке партийное правление явно завербовало в последний момент большинство для своей резолюции сильным подчеркиванием воли к действию.

Следовательно мы не имеем никакого основания предположить, что обычная ревизионистская треть партейтага, представленная последовательными вождями оппортунизма, как-то выросла на партейтаге. Большинство вместе с этой ревизионистской третью образовало те нерешительные и качающиеся слои центра, которые Бебель в Дрездене назвал «болотом»... Роль этого «болота», несмотря на нерешительность воззрений его отдельных членов, в каждой политической организации и также в нашей партии

совершенно определенна. В продолжение всего последнего периода борьбы с ревизионизмом «болото» поддерживало левое крыло партии и образовывало вместе с ним компактное большинство против ревизионизма, нанося ему сообща с левым одно блестящее поражение за другим. Целью «болота» было защищать мнимый консервативный элемент, защищать «старую испытанную тактику» против ревизионистских новшеств. И освящало для средних элементов эту борьбу то, что возглавляли ее высшие инстанции, признанные авторитеты. Правление партии, центральный научный орган партии, люди с заслуженными именами — Зингер, Либкнехт, Бебель, Каутский — боролись в первых рядах. Все это служило гарантией для элементов «болота», что на этой стороне находятся традиция и обыденщина. Но империалистический период, обостривший обстановку последних лет, поставил нас перед новой ситуацией, перед новыми задачами. Необходимость придать партии при всей ее массовой широте подвижность, боевую готовность и агрессивную силу для того, чтобы сделать массу подвижной и бросить ее непосредственное давление на чашу весов событий, — все это требует больше, чем судорожной приверженности к внешним формам «старой испытанной тактики». Это требует понимания, что именно старая испытанная революционная тактика требует новых форм массового действия и что этой тактики необходимо держаться также и в новой ситуации, как например, при введении налогов на собственность для милитаризма и Германии. Здесь прежде всего изменило «болото». Как консервативный элемент, оно повернулось теперь точно так же против стремящихся вперед левых, как оно до сих пор повертывалось против стремящихся назад правых. Но благодаря этому оно превратилось из защитного вала партии против оппортунизма в опасный элемент застоя, стало почвой, на которой подавленный до сих пор оппортунизм может пышно разрастись. Решения в вопросах налога при ближайшем рассмотрении показывают, как победившее «болото» невольно для себя создало козырь тому парламентскому оппортунизму, который оно осуждало на дюжине партейтагов. Весь способ борьбы против левых, вся аргументация вместе с систематическим искажением мнений противника, упорные «недоразумения» с мнимым презрением к мелкой работе, обвинения в недооценке парламентаризма, кооперации, путчистские наклонности и все, что может выдумать богатая фантазия, — все это оружие фактически почерпнуто из арсенала ревизионистского крыла. В борьбе против левых «болото» пользуется слово в слово теми же самыми аргументами, которые ему бросали в лицо в течение многих лет правые. И окончательно определяет позиции «болота» — это то, что «инстанции» повернулись против левых. Правление партии, которое в течение многих лет под руководством Бебеля боролось против правых, приняло теперь поддержку правых для защиты консерватизма против левых. Научный журнал «Neue Zeit» с 1910 г. вместе с правлением партии сделал этот поворот фронта. В близких журналу кругах за последнее время его стали именовать «марксистским центром». Точнее говоря, этот мнимый «марксистский центр» существует, чтобы теоретически обосновывать современные политические функции «болота». Опираясь на «болото», в союзе с правыми, правление партии и большинство фракции одержали победу на Иенском партейтаге в решающих вопросах. И Каутский, который торжествовал в Иене победу «старой испытанной тактики», упустил из виду замечательное обстоятельство, — что на этот раз соратниками его были Зюдекум, Давид, Носке и Рихард Фишер, против которых он, Каутский, должен был защищать в течение десятилетий эту тактику.

Это новое расположение сил не является чем-то случайным, оно логически вытекает из сдвига во внешних и внутренних условиях нашей партийной жизни, и мы поступаем правильно, принимая сохранение этого расположения сил в перспективе может быть ряда лет, если вдруг внешние события не ускорят хода развития. Как бы неприятна ни казалась эта ситуация некоторым товарищам, для пессимизма и уныния нет ни малейшего основания.

Этот период так же, как и всякая исторически обусловленная ситуация, должен быть пережит. Напротив, чем яснее мы видим вещи, тем энергичнее, сознательнее и радостнее можно будет дальше бороться. Ближайшими задачами, вытекающими из Иенского партейтага, являются: систематическое наступление против «болота», т. е. против идейного консерватизма партии. И здесь единственным действительным средством является мобилизация широких масс товарищей, встряска умов путем постановки дискуссии о массовой стачке и о налоговом вопросе (всех тактических разногласий) на партсобраниях, в профсоюзных собраниях, в прессе. Развитие событий с исторической неизбежностью с каждым днем все больше и больше оправдывает тактические стремления левых, и, поскольку развитие ведет к преодолению элементов застоя в партии, меньшинство Иенского партейтага может бодро смотреть на будущее. То, что Иенский партейтаг внес ясность во взаимное соотношение сил в партии и впервые сомкнул ряды левых против блока «болота» с правыми, — это нужно только приветствовать как радостное начало дальнейшего развития».

31. Вопросы государства и революции.

А. Бернштейн о демократии и государстве.

В Германии Маркс и Энгельс на почве радикальной гегелевской диалектики дошли до учения, родственного бланкизму... Бланкизм не есть только теория метода; его метод является скорее только проявлением, продуктом его глубокой политической теории. Это просто теория неизмеримой творческой силы революционной политической власти и ее проявления — революционной экспроприации. Метод отчасти является делом условий. Где общество и печать лишены свободы, там сами собой возникают тайные общества, и где в революционных брожениях над страной фактически господствует политический центр, как было во Франции до 1848 г., там и мятеж, если только приняты в расчет уроки опыта, не так уже нерационален, как воображают немцы. Поэтому устранение мятежа не освобождает еще от бланкизма. И яснее всего это видно при чтении сочинений Маркса и Энгельса, написанных в эпоху коммунистического союза. Если исключить отрицание мятежей, в них веет бланкистский дух. Замечательно, что критика «Коммунистического манифеста» не коснулась из всей социалистической литературы только сочинений Бабефа. О них сказано лишь, что они во время Великой революции выражали только требования пролетариата—характеристика, во всяком случае противоречащая времени. Революционная практическая программа манифеста целиком пропитана бланкизмом... Но никогда дух бланкизма не проявлялся так резко и неудержимо, как в циркуляре коммунистического союза, появившемся в марте 1850 г.; здесь точно определяется, как во время предстоящего нового взрыва революции коммунисты должны направить все силы на то, чтобы сделать революцию беспрерывной. Все теоретические воззрения на природу современной экономики, все знания данного состояния экономического развития Германии (а это состояние было далеко ниже состояния тогдашней Франции, о которой Маркс в то самое время писал, что в ней «борьба промышленного рабочего против промышленного буржуа есть только частный факт»), все экономическое понимание разлетается вдрах перед этой программой, фантастичнее которой не мог бы придумать даже самый завзятый клубный революционер. Маркс и Энгельс провозглашали сами то, за что через шесть месяцев Маркс упрекал Виллих-Шаппера [1], вместо условий действительности они объявляли «только волю двигательной силой революции». Они совершенно игнорировали потребности современной экономической жизни, оставляли без всякого внимания отношение сил и состояние развития классов. По пролетарский терроризм провозглашался чудесной силой, которая должна довести производственные отношения до высоты, считавшейся предварительным условием социалистического преобразования общества; а между тем пролетарский терроризм при тогдашнем положении Германии мог произвести только разрушительное действие, и, направленный таким образом *против* в буржуазной демократии, он с первого дня должен был оказать и в политическом и в экономическом отношении реакционное влияние...

В современном социалистическом движении можно заметить два главных течения; в разные времена они появляются в разных оболочках и часто совершенно противоположны друг другу. Одно находится в связи с проектами реформ, которые выработаны социалистическими мыслителями и направлены на *созидание*; для другого дают пищу революционные народные волнения: оно стремится главным образом к *разрушению*. Смотря по обстоятельствам, первое принимает то *утопический* характер, то *сектантский*, то *мирно-эволюционный*, второе — *конспиративный*, *демагогический* или *террористический*. Чем более приближаемся мы к нашему времени, тем яснее слышим с первой стороны лозунг: эмансипация посредством *экономической организации*, а с другой: эмансипация посредством *политической экспроприации*. В прошлые времена представителями первого направления были по большей части только отдельные мыслители; второе проявлялось в беспорядочных народных движениях. В первой половине текущего столетия [1] обе стороны имеют каждая свою беспрерывно действующую группу; первая — социалистические секты, разные рабочие кооперации и всевозможные революционные союзы. Не раз делались попытки к соединению, и не всегда противоположности имели безусловный характер. Так выражение Коммунистического манифеста, что французские фурьеристы нанесли действуют тамошним реформистам, а английские оуэнисты — чартистам, применимо целиком только к крайностям тех и других. Оуэнисты в главной массе были вполне сторонниками политической реформы — стоит припомнить только людей вроде Джонса, — они восставали лишь против культа силы, в том виде как его исповедывали более радикальные

[1] Виллих и Шаппер — немецкие революционеры, члены союза коммунистов.

[1] Речь идет о XIX столетии (прим. сост.).

чартисты — «physical force men», — отступали там, где эти последние брали верх. То же произошло во Франции с последователями Фурье.

Теория Маркса стремилась соединить оба направления в основе. У революционеров она заимствовала представление об освободительной работе рабочих, как о политической классовой борьбе, у социалистов — вмешательство в предварительные экономические и социальные условия эмансипации рабочих...

Марксизм сбросил с себя власть бланкизма в одном отношении, именно — в отношении метода. Что же касается другого элемента, преувеличенной оценки творческого значения революционной силы в деле преобразования современного общества на социалистический манер, то в этом отношении марксизму никогда не удалось вполне освободиться от бланкистских воззрений. Та поправка, которую он внес в них, именно — идея об усилении централизации революционной силы, касается скорее формы, чем сущности...

Что такое демократия?

Повидимому ответ на этот вопрос весьма прост; на первый взгляд его можно выразить словами: «господство народа». Но, подумав, увидим, что это — внешнее, чисто формальное определение; почти все, употребляющие слово «демократия» разумеют под ним нечто большее, чем одну только формулу господства. Мы ближе подойдем к цели, прибегнув к отрицательному способу выражения и определив демократию как отсутствие классового господства, как состояние общества, исключающее политические привилегии одного класса относительно всего общества. Это выясняет, почему монополистическая корпорация в принципе является антидемократической. Кроме того преимущество такого отрицательного определения заключается в том, что в нем менее, чем в словах «народное господство», есть место для угнетения индивидуума правом большинства, идеи, которая безусловно противоречит современному сознанию. Подавление меньшинства большинством мы находим в настоящее время «недемократичным», хотя раньше оно казалось вполне совместимым с господством народа. Понятие демократии современное мировоззрение соединяет с правовым представлением, с равноправностью всех членов общества; такое представление ставит границы господству большинства, в которое в каждом конкретном случае превращается господство народа. Чем более идея равноправности приобретает права гражданства и проникает в сознание всех, тем более демократия совпадает по своему значению с наивысшей возможной степенью свободы для всех.

Впрочем демократия и беззаконие вовсе не одно и то же. Не отсутствие всяких законов отличает демократию от других политических систем, а отсутствие лишь тех законов, которые создают и признают исключения, основанные на собственности, происхождении и вероисповедании; не совершенное отсутствие законов, ограничивающих права отдельных лиц, но отмена всяких законов, ограничивающих всеобщую равноправность, равное право для всех. Демократия и анархия таким образом — совершенно различные вещи, а потому применять к демократии, как к общественному строю, выражения, вроде деспотизма, тирании и т. д., только потому, что в ней большинство обладает властью все решать и каждый обязан признавать законы, установленные большинством, — значит бестолково играть понятиями. Конечно демократия не есть безусловная защита против законов, которые отдельным лицам кажутся тираническими. Но в наше время мы можем почти поручиться, что большинство демократического общества не издаст закона, который причинял бы постоянное стеснение личной свободе, так как сегодняшнее большинство может стать завтра меньшинством и всякий закон, являющийся стеснением для меньшинства, может явиться угрозой для самого же временного большинства. Между мерами, которые во времена действительных гражданских войн применяло тираническое большинство, и господством большинства в современной демократии существует коренное различие. На практике скорее выяснилось, что чем дольше существовали в современном государстве демократические учреждения, тем бо́льшим вниманием и уважением пользовались права меньшинства, тем более ослабевала злоба в партийной борьбе. Тот, кто не в состоянии представить себе осуществления социализма без насильственного акта, может выставить его в качестве аргумента против демократии, и действительно в социалистической литературе не раз высказывались мнения в этом смысле. Но кто свободен от утопической надежды, будто современные нации под влиянием продолжительной революционной катастрофы распадутся на бесконечное число совершенно независимых друг от друга групп, для того демократия нечто большее, чем политическое средство, хорошее лишь постольку, поскольку оно является в руках рабочего класса орудием для сокрушения капитала. Демократия есть средство и цель одновременно. Она — средство победы в руках нашего учения; она также форма осуществления его...

Демократия в принципе есть уничтожение классового господства, если не фактическое уничтожение классов.

Но всеобщее избирательное право есть только часть демократии, однако это — такая часть, которая со временем должна привлечь к себе и другие, как магнит притягивает железные

опилки. Это совершается, правда, медленнее, чем иному желательно, но это — факт. И лучший способ, которым социал-демократия может содействовать этому, заключается в том, чтобы она и в своей доктрине стала на почву демократии со всеми вытекающими отсюда для ее тактики последствиями.

На практике, т. е. в своих действиях, она в конце концов всегда так и поступала. Но в статьях ее литературных представителей часто раздавался протест против такой политики, он раздается и теперь. Фразы, которые создались в эпоху, когда во всей Европе неограниченное господство принадлежало собственности, и которые при этих условиях имели известное оправдание, а в настоящее время являются пустым звуком, — эти фразы и в настоящее время ревностно повторяются, словно успех движения зависит от них, а не от живого понимания того, что можно и должно делать. Какой, например, смысл имеет фраза о диктатуре пролетариата? В наше время всюду, где можно, социал-демократы практически становятся на почву парламентского труда, пропорционального народного представительства и народного законодательства, а это все противоречит диктатуре. Она настолько отжила, что ее можно связать с действительностью, только лишив слово «диктатура» его настоящего значения и придав ему смягченный смысл. Вся практическая деятельность социал-демократии стремится к созданию такого положения и таких условий, которые помогли бы свободному от конвульсивных потрясений переходу современного общественного строя в высший. Сознание, что они — пионеры высшей культуры, одаряет вдохновением и пламенем ее приверженцев и является в конце концов нравственной и юридической основой общественной экспроприации. Классовая же диктатура принадлежит культуре низшего порядка, и, помимо вопроса о целесообразности и осуществимости дела, ее следует считать шагом назад, политическим атавизмом, если допустить мысль, что переход от капиталистического к социалистическому обществу должен неизбежно совершаться при формах развития того времени, которое не знало еще или знало в несовершенном виде нынешних методов пропаганды и проведения законов и не имело приспособленных для этой цели органов.

(Э. БЕРНШТЕЙН, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ.)

Б. Паннекук о массовых действиях и революции.

«Политическое и общественное развитие последних лет все больше выдвигало на первый план вопрос о массовых действиях. Благодаря опыту русской революции они в 1905 г. были теоретически признаны партией методом классовой борьбы; они блестяще проявились и тактически в прусской борьбе за избирательное право в 1908 и 1910 г.; с тех пор они составляли предмет подробных исследований и дискуссий, и только потребности избирательной борьбы временно отодвигали их на задний план. И это не случайность. С одной стороны, это результат роста силы пролетариата, с другой стороны, — это необходимый результат новой формы проявления капитализма, известного под названием империализма.

Нам здесь незачем заниматься причинами и движущими силами империализма — мы сопоставляем только его проявления и результаты: политику мировой державы, военные приготовления, в особенности сооружение флота, колониальные завоевания, рост налогов, опасность войны, усиление духа насилия и стремления к власти у буржуазии, реакцию внутри страны, прекращение социальных реформ, сокращение предприятий, затруднения профессиональной борьбы, дороговизну. Все это ставит рабочий класс в новые условия борьбы. Прежде он мог питать надежду медленно, но неуклонно итти вперед, профессионально — благодаря улучшению условий труда, политически — посредством социальных реформ и расширения его политических прав. Теперь ему приходится напрягать все силы, чтобы удержаться на достигнутой высоте жизненного уровня и прав. Его нападение прежде всего превратилось в оборону. Это обостряет и обобщает классовую борьбу; вместо заманчивой перспективы улучшения положения движущей силой борьбы все больше является печальная необходимость бороться с ухудшением положения. Империализм угрожает народным массам новыми опасностями и катастрофами — как мелкой буржуазии, так и рабочим — и подталкивает их к сопротивлению; налоги, дороговизна, опасность войны вызывают необходимость ожесточенной обороны. Но они только отчасти коренятся в парламентских решениях, и поэтому с ними только отчасти возможно бороться в парламенте. У самих масс должна возникнуть мысль о непосредственном действии и об оказании давления на господствующий класс. К этой необходимости прибавляется возможность благодаря росту силы пролетариата; все сильнее обнаруживается противоречие между бессилием парламента, как и нашей парламентской фракции, бороться против этих явлений и ростом сознания своей силы у рабочего класса. Поэтому массовые действия яв-

ляются естественным следствием империалистического развития современного капитализма и все более составляют необходимую форму борьбы с ним.

Империализм и массовые действия составляют новые явления, значение и сущность которых могут быть лишь постепенно поняты и преодолены. Это возможно только путем партийной полемики, и этим занята большая часть партийных дискуссий последних лет. Она произвела переворот в мыслях и чувствах, вызвала новую ориентацию умов, которая идет гораздо дальше противоположности между радикализмом и ревизионизмом, проистекающей из парламентской тактики борьбы. Они разделяют временно или надолго тех, которые до сих пор тесно были связаны общей борьбой и не сознавали никаких разногласий; поэтому при первом своем возникновении они являются достойными сожаления недоразумениями, благодаря чему дебаты эти приобретают особую остроту. Тем более необходимо для выяснения разногласий подробно остановиться на принципах боевой тактики пролетариата. В дальнейшем мы поэтому прежде всего начнем полемику с двух статей Каутского в прошлом году.

1. Сила буржуазии и пролетариата.

Государственная власть есть тот общественный орган, который властвует над правом и законом. Поэтому политическое господство, овладение государственной властью должно быть целью всякого революционного класса. Завоевание политической власти является предварительным условием социализма. Теперь государственной властью распоряжается буржуазия, и она пользуется ею для выражения и сохранения права и законов в своих капиталистических интересах. Но она все более становится меньшинством, которое к тому же все более теряет свое экономическое значение, свою важность для процесса производства. Рабочий класс составляет постоянно растущее большинство населения, в руках которого находится самая важная экономическая функция; в этом лежит залог того, что он способен будет завоевать политическую власть.

Мы должны подробнее рассмотреть условия и методы этой политической революции. Почему рабочий класс до сих пор не мог еще завоевать политической власти, несмотря на то, что численно и по экономическому значению он превосходит буржуазию? Посредством чего почти всегда за время истории цивилизации ничтожное эксплоатирующее меньшинство могло господствовать над большой эксплоатируемой народной массой? Потому что здесь имеются еще и многие другие факторы власти.

Первым из этих факторов власти является умственное превосходство господствующего меньшинства...

Второй и самый важный фактор власти господствующего класса заключается кроме того в его строгой, прочной организации: хорошо организованная небольшая группа всегда лучше большой, неорганизованной массы. Эта организация господствующего класса есть государственная власть. Она выступает как совокупность чиновников, которые, будучи рассеяны везде между народными массами в виде властей, определенным образом руководятся центральным правительством. Единство воли, исходящее из центра, составляет внутреннюю силу и сущность этой организации. Это дает ей нравственное превосходство перед неорганизованными массами, проявляющееся в самоуверенности ее выступлений. Оно образует точно так же огромный полип, который проникает в каждый уголок страны посредством своих тончайших щупальцев, приводимых в движение центральным мозгом, образует единый организм, в сравнении с которым другие люди, как бы они ни были многочисленны, являются только бессильными атомами. Всякий, кто не подчиняется покорно, автоматически подхватывается искусным механизмом, который давит его. И это сознание внушает массам страх.

Но если массами овладевает мятежный дух и исчезает благоговение пред высшими властями, тогда атомы объединяются в мысли, что они легко могут справиться с несколькими чиновниками; тогда у государственной власти имеются еще более сильные материальные средства принуждения — полиция и армия. Хотя они также составляют только небольшие группы меньшинства, но они снабжены орудиями убийства и скованы строгой военной дисциплиной в неприкосновенные организации, действующие как автоматические машины в руках начальников. Против их силы народная масса беззащитна, даже когда она старается вооружиться.

Возвышающийся класс может завоевать и сохранить государственную власть ради ее экономического значения и силы, — так например буржуазия в качестве руководителя капиталистического производства и владельца денег. Но по мере того, как становится излишней ее хозяйственная функция и она опускается до роли паразитического класса, исчезает этот фактор ее власти. Тогда исчезают также ее значение и ее умственное превосходство, и в конце концов у нее остается единственное основание ее господства — обладание государственной властью со всеми ее средствами насилия.

Если пролетариат хочет завоевать господство, он должен победить государственную власть — крепость, в которой укрылся имущий класс. Борьба пролетариата не является простой борьбой с буржуазией за государственную власть — как объект, но является борьбой *против* государственной власти. Проблема социальной революции в коротких словах гласит: настолько усилить власть пролетариата, чтобы она была выше государственной власти; и *сущностью этой революции является уничтожение и разложение орудий власти государства орудиями власти пролетариата*...

2. Завоевание политической власти.

Иллюзия парламентского завоевания власти покоится на той основной мысли, что избранный народом парламент представляет самый важный орган законодательства. При господстве *парламентаризма и демократии*, когда парламент господствует над всей государственной властью, а большинство народа — над парламентом, политически парламентская борьба, т. е. постепенное завоевание большинства народа посредством парламентской практики, просвещения и избирательной борьбы, составляла бы прямой путь к завоеванию государственной власти. Но эти предварительные условия отсутствуют; их нет нигде, и менее всего имеются они в Германии. Они еще должны быть установлены посредством конституционной борьбы, посредством завоевания демократического избирательного права прежде всего. С формальной стороны завоевание политической власти состоит из двух частей: во-первых, из установления необходимых для этого конституционных принципов, завоевания политических прав для массы и, во-вторых, из правильного использования этих прав, завоевания большинства народа для социализма. Там, где уже господствует демократия, вторая часть есть самая важная, но там, где, наоборот, широкие массы уже завоеваны, но отсутствуют права, как здесь в Германии, центр тяжести борьбы за власть лежит не в борьбе *посредством* имеющихся прав, а в борьбе *за* политические права.

Эти условия здесь не случайны; отсутствие конституционных основ господства народа в стране с высокоразвитым рабочим движением — необходимая форма господства капитала. Это значит, что фактическая власть находится в руках имущего класса. До тех пор, пока эта власть не разбита, буржуазия даже не может дать нам формальных средств для мирного устранения ее. Она должна быть разбита, *власть ее должна быть сломлена*. Конституция выражает соотношение классовых сил. Но эта сила должна проявиться в борьбе. Изменение в разграничении конституционных прав классов возможно только при том условии, что орудия борющихся классов сталкиваются друг с другом в борьбе. То, что с формальной стороны составляет борьбу за важнейшие политические права, по существу в действительности является напряжением всей силы обоих классов, борьбой их самых сильных орудий власти, стремящихся друг друга ослабить и в конечном счете уничтожить. Борьба эта может вести то к победам, то к поражениям, то к уступкам, то к периодам реакции; она может иметь только один конец — когда один из борющихся противников будет побежден, когда его средства власти будут уничтожены и политическая власть перейдет в руки победителя.

До сих пор ни один из обоих классов не мог еще выставить в борьбе самых сильных своих орудий власти. Господствующий класс к величайшей своей досаде не мог применить в парламентской борьбе своего самого сильного оружия, своей военной силы, и он должен был спокойно смотреть, как пролетариат увеличивал свою силу, не имея возможности помешать этому. В этом историческое значение парламентского способа борьбы в то время, когда пролетариат еще слаб и только начинает подниматься. Но и пролетариат тогда еще не применял своих самых сильных орудий власти. При этом обнаружились только его взгляды и его численность; но при этом не действовали ни его значение в процессе производства, ни его огромная сила организации, которая проявлялась только в профессиональной борьбе, а не в политической борьбе против государства. Борьба до сих пор в сущности представляла только стычки на аванпостах, главные же силы на обеих сторонах оставались в резерве. В грядущих боях за власть оба класса должны будут применить самое сильное свое оружие, самые сильные свои орудия власти; *никакое решительное изменение соотношения сил не возможно без их столкновения*. Господствующий класс будет стараться кровью подавить рабочее движение. Пролетариат прибегнет к применению массовой деятельности, начиная с простой формы собраний, вплоть до уличных демонстраций и до самой сильной массовой забастовки...

Правительство будет пытаться то подавить это движение силой — и тогда удача его будет зависеть от решительности пролетариата; то оно будет стараться усыпить массы уступчивостью и обещаниями — тогда борьба масс отчасти и целиком приведет к победе. Этим

конечно дело еще не кончается. Если завоевано важное право, то может наступить период успокоения, когда оно может быть использовано до пределов своей производительности. Но затем опять должна возгореться борьба; правительство не может спокойно предоставить политические права, которые дают массам решающую силу, и оно будет пытаться впоследствии отнять их, так как в противном случае массы не прекратят своей борьбы, пока не будут держать в своих руках ключи к государственной власти. Все снова и снова будет таким образом начинаться борьба, будут выступать организованные силы друг против друга, все снова и снова государственная власть будет подвергаться разлагающему, дезорганизующему влиянию массовых действий. Борьба прекратится лишь тогда, когда в конечном результате государственная организация будет совершенно разрушена. Организация большинства тогда проявит свое превосходство в том отношении, что она уничтожила организацию господствующего меньшинства...

Социальная революция есть процесс постепенного последовательного разложения всех орудий власти господствующего класса, главным образом государства, процесс постоянного построения власти пролетариата до полного завершения. К началу этого периода пролетариат должен уже достигнуть довольно высокой степени классового сознания, умственной силы и прочной организации, чтобы быть способным к дальнейшей тяжелой борьбе; но однако все это довольно несовершенно. Уважение к государству и к господствующему классу у масс, относящихся к ним враждебно, уже исчезло, но материальная сила их еще не уничтожена. В конце революционного процесса от этой власти уже ничего не остается; все трудящиеся в высокой степени организованы как масса, с полным сознанием решающая свою собственную судьбу, которая способна к власти и которая может смело взять в свои руки организацию производства.

В. Каутский о завоевании государственной власти.

«В согласии со всей нашей политикой до сих пор Паннекук также считает высшей целью пролетарской деятельности завоевание государственной власти.

Но и здесь он делает некоторые оговорки. Он утверждает:

«Борьба пролетариата не является просто борьбой за государственную власть как объект, а борьбой против государственной власти».

Это сначала может показаться простой талмудической казуистикой. Но дальше он говорит:

«Сущностью революции являются уничтожение и разложение орудий власти государства орудиями власти пролетариата».

И далее:

«Борьба прекратится лишь тогда, когда в конечном результате государственная организация будет совершенно разрушена. Организация большинства тогда проявит свое превосходство в том отношении, что она уничтожила организацию господствующего меньшинства».

До сих пор различие между социал-демократами и анархистами состояло в том, что одни хотели завоевать государственную власть, другие — уничтожить ее. Паннекук хочет и того и другого. То же самое мы замечаем и здесь, без дальнейших объяснений. Насколько он обстоятелен, когда дело касается доказательства его новой тактики, настолько же краток и темен он — новый Гераклит — там, где нужно изложить сущность и цель новой тактики.

Так он заставляет нас ломать себе голову над тем, что собственно он имел в виду.

Это трудно уже потому, что он нигде подробно не указывает, что он собственно понимает под государственной властью.

В одном месте он говорит:

«Организация господствующего класса есть государственная власть. Она выступает как совокупность чиновников, которые, будучи расселены везде между народными массами в виде властей, руководятся известным образом центральным правительством. Единство воли, исходящее из центра, составляет внутреннюю силу и сущность этой организации».

Что хочет разрушить Паннекук в характеризованной таким образом организации? Централизм? Но ведь и федеративная республика есть государство и имеет государственную власть. Или мы должны стремиться к разложению государства на самостоятельные общины?

Или он, может быть, хочет упразднить государственные функции чиновников? Но в партии и профессиональном движении мы не обходимся без служащих, тем более это невозможно в управлении государством. И наша программа пока не требует упразднения государственных чиновников, она только требует народного избрания властей. И это требование может относиться только к избранию высших должностных лиц. Нельзя же устраивать выборы для избрания письмоводителя!

Мы несомненно должны стремиться к другому, чем теперь, употреблению чиновничества в государстве. Но число их и общественное значение мы едва ли уменьшим, по крайней мере не в рамках современного общества. В на-

шем настоящем исследовании речь идет не о том, какой характер будет иметь аппарат управления «будущего государства», а о том, разлагает ли наша политическая борьба государственную власть еще раньше, чем мы ее завоевали.

Какое министерство с его чиновниками могло бы быть упразднено? Министерство просвещения? Конечно нет. Мы требуем еще гораздо больше школ и учителей, чем современное государство, и не хотим превратить школы в частные школы. Изменить мы хотим только зависимость школы от церкви и от современных господствующих классов, но это должно быть результатом не разрушения государственной власти, а того, что законодательство и правительство будут подчинены пролетариату.

Или министерство юстиции? Мы должны стремиться к прекращению теперешней классовой юстиции, но не к прекращению юстиции вообще. Гражданские процессы не будут уничтожены при усилении пролетариата, но не прекратятся и обыкновенные преступления до тех пор, пока существует капитализм и заметны его последствия.

Может быть министерство финансов? Нет, мы не можем уничтожить налоги. Наоборот. Чем сильнее пролетариат, тем больше требует он социальных реформ, на которые нужны деньги, следовательно — налоги. Целью нашей является не отмена налогов, а другое распределение их, самое широкое обложение богатых. И это станет одним из самых действительных средств экспроприации экспроприирующих. Таким образом мы не можем обойтись также и без чиновников, ведающих налоговым аппаратом. А министерство внутренних дел, полиция? И здесь мы стремимся не к их упразднению, а лишь к изменению их функций. Нам конечно не нужна политическая полиция или полиция нравов. Но зато нам нужна санитарная полиция, жилищная полиция, полиция для преследования фальсификации продуктов, для надзора за фабриками, для проведения законов об охране труда против богатых, а не против бедных.

Остается военное министерство. Но разве мы не требуем милиции? А как же она возможна без чиновников, которые заботятся о вооружении, без главного штаба, без инструкторов для солдат и офицеров?

Нет, ни одно из современных министерств не будет устранено нашей политической борьбой против правительства. Если есть отдельные правительственные функции, которые мы хотим уничтожить, зато мы не меньше присоединим новых к существующим уже функциям. Я повторяю во избежание недоразумений: здесь речь идет не о формировании государства будущей победоносной социал-демократией, а о характере современного государства при нашей оппозиции.

Панекук исходит из того, что в грядущих боях государственная власть сперва разрушит пролетарские органы. Тогда ожесточенный пролетариат своими массовыми действиями уничтожит государственную организацию, и таким образом посредством разрушения всякой организации будет построена социалистическая организация!

Панекук забывает, что в будущем массовые стачки всегда будут только эпизодами пролетарской классовой борьбы и никогда не смогут вполне ее заполнить. Массовая стачка, правда, может быть успешной, только парализуя силу государственной власти, но это может быть только преходящим явлением, так же как и самая массовая стачка. Она не может ставить себе целью разрушение государственной власти, она стремится лишь принудить правительство к уступчивости в известном вопросе или заменить враждебное пролетариату правительство правительством, идущим ему навстречу...

Пролетариат имеет все основания стремиться к тому, чтобы сделать законодательные органы господами как правительства, так и судов, но вместе с тем и к тому, чтобы облегчить его представителям доступ к законодательным органам, а также устранить те законодательные органы, из которых он исключен (верхние палаты, палаты господ, сенаты).

В этом, а не в разрушении государственной власти заключается политическая задача пролетариата. При решении ее он иногда может встречать затруднения, которые могут быть побеждены только массовыми действиями, причем иногда может быть устранено враждебное пролетариату правительство. Но это никогда не может вести к разрушению государственной власти, а лишь может повести к изменению соотношений сил внутри государственной власти...

Откуда произошло так называемое вырождение парламентаризма? Если парламенты все менее оправдывают себя как законодательные органы, то это происходит не потому, что механизм их становится все менее пригодным исполнить большие законодательные планы, а потому, что буржуазные партии, которые в настоящее время составляют их большинство, потеряли интерес к подобным работам. Их революционная пора давно прошла, они устроили государство согласно своим потребностям. Буржуазное большинство распадается на различные группы с различными противоположными интересами, враждующими друг с другом. Но ни одна из них не имеет больших новых, широких политических задач,

Противоположность их интересов может еще приобрести значение там, где речь идет о том, чтобы **помешать** большому **нововведению**, которое может быть полезно одной из господствующих клик. Но нигде противоречия внутри господствующих классов не являются больше движущей силой энергичного движения в пользу крупных нововведений. Такою движущею силою является в настоящее время как в парламентах, так и в обществе только пролетариат. Это положение отражается в парламентах, так как парламентаризм является только отражением всегдашнего соотношения интересов и сил современного общества. Не он оправдывает себя как механизм, а буржуазное большинство ставит все больше препятствий правильному его функционированию. Надо только изменить большинство, и механизм опять придет в движение».

Г. Ленин о диктатуре пролетариата [1].

«...В чем состояло главное отличие периода «революционного вихря» от теперешнего «кадетского» периода с точки зрения различных приемов политической деятельности, с точки зрения разных методов исторического творчества народа? Прежде всего и главным образом в том, что в период «вихря» применялись некоторые особые методы этого творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Вот наиболее существенные из этих методов: 1) «захват» **народом политической свободы**, — осуществление ее без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.); 2) создание новых органов **революционной власти**. — Советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр. и т. п. Эти органы создавались исключительно **революционными** слоями населения; они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были наконец именно органы **власти**, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Они действовали как власть, захватывая, например, типографии (Петербург), арестуя членов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на юге) и обращали их на нужды нового, народного правительства, — да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру это была, в зачатке, диктатура революционных элементов народа, — вы удивляетесь, г. Бланк и г. Кизеветтер? вы не видите здесь «усиленной охранки», равнозначащей для буржуа с диктатурой? Мы уже говорили вам, что вы не имеете никакого представления о научном понятии «диктатура». Мы сейчас объясним вам его, но сначала укажем **третий** «**метод**» действия эпохи «революционного вихря»: **применение народом насилия по отношению к насильникам над народом**.

Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала **никакой** другой власти и **никакого** закона, **никакой** нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть — это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было. Их сила — можете себе представить, г. Бланк и г. Кизеветтер [1] — ничего не имела общего с старыми орудиями силы, ничего общего с «усиленной охранкой», если не иметь в виду усиленной охраны народа от угнетения его полицейскими и другими органами старой власти.

На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот **основное** отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти. Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих и крестьян над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников. Таково отличие диктатуры **над** народом от диктатуры революционного **народа**, запомните это хорошенько, г. Бланк и г. Кизеветтер! Старая власть, как диктатура меньшинства, могла держаться исключительно при помощи полицей-

[1] Из статьи 1906 г.

[1] Деятели русской кадетской партии.

ских ухищрений, исключительно при помощи удаления, отстранения народной массы от участия во власти, от наблюдения за властью. Старая власть систематически не доверяла массе, боялась света, держалась обманом. Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытого, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты — рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты — наш товарищ. Выбирай своего депутата. Сейчас же, немедленно выбирай, как считаешь удобным, — мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего Совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, Совета солдатских депутатов, и пр. и т. п. Это — власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли.

Такова была новая власть или, вернее, ее зачатки, ибо победа старой власти затоптала побеги молодого растения очень рано.

Вы спросите, может быть, г. Бланк или г. Кизеветтер, зачем же тут «диктатура», зачем «насилие»? Разве же огромная масса нуждается в насилии против горстки, разве десятки и сотни миллионов могут быть диктаторами над тысячей, над десятком тысяч?

Этот вопрос обычно задают люди, первый раз увидавшие применение термина «диктатуры» в новом для них значении. Люди привыкли видеть только полицейскую власть и только полицейскую диктатуру; им странным кажется, что может быть власть без всякой полиции, может быть диктатура не полицейская. Вы говорите, что миллионам не нужно насилия против тысяч? Вы ошибаетесь и ошибаетесь оттого, что рассматриваете явление не в его развитии. Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает наряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее. Без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников...

...Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть. Не что иное, как это, означает понятие «диктатура», — запомните хорошенько, господа кадеты. Далее, во взятом нами примере мы видим диктатуру именно п а р о д а, ибо народ, масса населения, не оформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право. Наконец это есть диктатура именно р е в о л ю ц и о н н о г о народа. Почему только революционного, а не всего народа? Потому что во всем народе, страдающем постоянно и самым жестоким образом от подвигов авраамовых, есть люди, забитые физически, запуганные, люди, забитые нравственно, например теорией о непротивлении злу, насилием, или просто забитые не теорией, а предрассудком, обычаем, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!). Вот почему диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ, нисколько не боящийся однако всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно в е с ь народ к участию не только в «управлении» государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства...

...Бернштейнианцы принимали и принимают марксизм з а и с к л ю ч е н и е м его непосредственно-революционной стороны. Парламентскую борьбу они рассматривают не как одно из средств борьбы, пригодное особенно в определенные исторические периоды, а как главную и почти исключительную форму борьбы, делающую ненужным «насилие», «захваты», «диктатуру». Вот это пошлое мещанское извращение марксизма и переносят теперь в Россию гг. Бланки и прочие либеральные хвалители Плеханова. Они так сжились с этим извращением, что не считают даже нужным доказывать забвение марксистских принципов и идей в период революционного вихря.

Почему должен был возникнуть такой взгляд? Потому, что он самым глубоким образом соответствует классовому положению и интересам мелкой буржуазии. Идеолог «очищенного» буржуазного общества допускает в с е методы борьбы социал-демократии, к р о м е и м е н н о т е х, к о т о р ы е п р и м е н я е т р е в о л ю ц и о н н ы й н а р о д в э п о х и «в и х р я» и которые одобряет и помогает применять революционная социал-демократия. Интересы буржуазии требуют участия пролетариата в борьбе с самодержавием, но только такого участия, которое бы не переходило в главенство пролетариата и крестьянства, только такого участия, которое бы не устраняло совершенно старых, самодержавно-крепостнических и полицейских органов власти. Буржуазия хочет сохранить эти органы, лишь подчинив их своему непосредственному контролю, — они нужны ей п р о т и в п р о л е т а р и а т а, которому слишком облегчило бы его проле-

тарскую борьбу полное уничтожение этих органов. Вот почему интересы буржуазии как класса требуют и монархии и верхней палаты, требуют недопущения диктатуры революционного народа. Борись с самодержавием, говорит буржуазия пролетариату, но не трогай старых органов власти — они мне нужны. Борись «парламентски», т. е. в тех пределах, которые предпишу тебе я по соглашению с монархией, борись посредством организаций — только не таких, как всеобщие стачечные комитеты, Советы рабочих, солдатских депутатов и т. п., а посредством таких, которые признает и ограничивает, обезвреживает по отношению к капиталу закон, изданный мною по соглашению с монархией...»

(В. И. Ленин, Победа кадетов и задачи рабочей партии, Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 81—146.)

ФРАНЦУЗСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

32. Программа рабочей партии Франции.

(Утверждена национальным конгрессом в Гавре в 1880 г. и дополнена Руанским конгрессом 1882 г.

Принимая во внимание:

что освобождение производительного класса является освобождением всего человечества без различия пола и расы;

что производители могут быть свободны только тогда, когда они будут владеть средствами производства (земля, заводы, суда, банки, кредит и т. д.);

что существуют только две формы, в которых могут принадлежать им средства производства:

1) индивидуальная форма, которая никогда не была общим явлением и которая все более и более вытесняется промышленным прогрессом;

2) коллективная форма, материальные и интеллектуальные элементы которой образуются самим развитием капиталистического общества;

принимая во внимание:

что эта коллективная форма может явиться только результатом революционной деятельности производительного класса — пролетариата, организованного в особую политическую партию;

что подобная организация должна быть создана всеми средствами, какими располагает пролетариат, в том числе и всеобщим избирательным правом, превращаемым таким образом из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения. — французские рабочие-социалисты, ставя целью своих усилий политическую и экономическую экспроприацию класса капиталистов и возвращение обществу всех средств производства, постановили, пользуясь выборами, как средством организации и борьбы, принять в них участие с следующими ближайшими требованиями.

А. Политическая часть.

1. Отмена всех законов, стесняющих свободу печати, собраний и союзов, и в особенности закона против международного союза рабочих. Уничтожение послужных рабочих книжек и всех статей свода законов, подчиняющих рабочего хозяину и женщину мужчине.

2. Упразднение бюджета исповеданий и возвращение народу так называемых имуществ «мертвой руки», движимых и недвижимых, принадлежащих религиозным корпорациям (декрет Коммуны от 2 апреля 1871 года), включая все промышленные и торговые заведения этих корпораций.

3. Уничтожение государственных долгов.

4. Отмена постоянных армий и всеобщее вооружение народа.

5. Право Коммуны распоряжаться своей администрацией и своей полицией.

Б. Экономическая часть.

1. Однодневный отдых в течение недели или законодательное запрещение предпринимателям производить работы более шести дней в неделю. Законодательное установление рабочего дня для взрослых до 8 часов. Запрещение детям моложе четырнадцати лет работать в частных мастерских и сокращение рабочего дня до 6 часов в возрасте от 14 до 18 лет.

2. Охрана учеников союзами рабочих.

3. Законодательный минимум заработной платы, определяемый ежегодно на основании местных цен на жизненные припасы статистическими комиссиями из рабочих.

4. Законодательное запрещение хозяевам принимать иностранных рабочих за плату, более низкую, чем плата французских рабочих.

5. Равенство заработной платы за равную работу для рабочих обоего пола.

6. Научное и профессиональное обучение всех детей за счет государства и коммун.

7. Содержание за счет общества стариков и инвалидов труда.

8. Воспрещение всякого вмешательства предпринимателей в управление рабочими кассами взаимопомощи, страхования и т. д., которые должны быть отданы в исключительное ведение рабочих.

9. Ответственность предпринимателей за несчастные случаи, гарантированная залогом, вно-

ТАБЛИЦА № 4.

Распределение французского пролетариата по предприятиям (1906 г.).

Число предприятий.

Отрасли хозяйства	Предприятия по числу рабочих и служащих								
	Всего	Без наемного труда	1—5 рабочих	6—20 рабочих	21—50 рабочих	51—100 рабочих	101—500 рабочих	Свыше 500 рабочих	Число рабочих не известно
Рыбная ловля	13 450	2 082	10 822	445	58	27	15	—	1
Сельское хозяйство	2 547 653	1 223 279	1 278 878	43 397	1 785	174	17	—	113
Горная промышленность	7 576	310	4 782	1 700	400	173	140	70	11
Обрабатывающая промышленность	665 617	63 203	527 261	53 238	12 360	4 341	3771	504	939
Транспорт	24 498	3 499	17 958	2 018	400	108	67	16	432
Торговля	375 721	113 251	242 077	17 303	2 208	481	247	26	128
Свободные профессии	54 605	621	44 390	5 116	1 243	366	201	3	2 665
Личные и домашние услуги	30 532	802	28 622	1 013	78	10	4	—	3
Общественно-промышл. предприятия	913	—	613	283	55	28	44	37	—
Всего	3 720 565	1 407 047	2 155 393	124 366	18 587	5 708	4 516	656	4 292

Число рабочих и служащих.

Отрасли хозяйства	Предприятия по числу рабочих и служащих								
	Всего	Без наемного труда	1—5 рабочих	6—20 рабочих	21—50 рабочих	51—100 рабочих	101—500 рабочих	Свыше 500 рабочих	Число рабочих неизвестно
Рыбная ловля	27 732	—	17 621	3 953	1 832	1 876	2 450	—	—
Сельское хозяйство	2 561 087	—	2 238 652	354 107	52 960	11 756	3 612	—	—
Горная промышленность . . .	265 159	—	9 944	17 857	12 592	11 988	29 326	183 452	—
Обрабатывающая промышленность	3 414 750	—	906 599	537 549	400 909	310 472	761 631	497 590	—
Транспорт	114 390	—	33 832	21 112	13 137	7 863	11 790	26 656	—
Торговля	762 047	—	407 761	166 572	68 987	33 458	46 337	41 932	—
Свободные профессии	236 643	—	84 820	50 128	39 036	25 214	35 453	1 992	—
Личные и домашние услуги .	60 817	—	48 312	8 892	2 262	614	737	—	—
Общественно-промышл. предприятия	77 293	—	1 263	1 545	1 729	1 892	10 066	60 798	—
Всего . . .	7 619 918	—	3 745 804	1 061 715	593 444	405 133	901 402	842 419	—

симым предпринимателями в рабочие кассы, пропорционально числу занятых рабочих и опасности, которую представляет данное производство.

10. Участие рабочих в установлении специальных правил в различных мастерских; уничтожение узурпированного предпринимателями права наказания своих рабочих под формой штрафов или вычетов из заработной платы (декрет Коммуны от 27 апреля 1871 г.).

11. Прекращение всех контрактов, касающихся отчуждения общественной собственности (банки, железные дороги, рудники и т. д.) и передача эксплоатации всех государственных предприятий работающим в них рабочим.

12. Отмена всех косвенных налогов и превращение всех прямых налогов в прогрессивный налог на доходы, превышающие 3 тыс. франков. Уничтожение наследования, превышающего 20 тыс. франков по прямой линии.

33. Аграрная программа французской рабочей партии.

(Выработана X национальным съездом рабочей партии, происходившим в Марселе с 24 по 27 сентября 1892 г. и дополнена XII национальным съездом партии, происходившим в Нанте с 10 по 17 сентября 1894 г.)

«Принимая во внимание, что «производители лишь тогда будут свободны, когда овладеют средствами производства» («Программа рабочей партии»);

принимая во внимание, что если в области промышленности эти средства производства достигли уже такой степени капиталистической централизации, что не могут быть возвращены обратно производителям иначе, как в форме коллективной или общественной собственности, то в земледелии, по крайней мере во Франции, дело обстоит еще далеко не так; что средства производства — земля — находятся еще во многих местах в личной собственности самих производителей;

принимая во внимание, что если это положение вещей, характеризуемое крестьянской собственностью, и обречено на исчезновение, то все же социализм не может ставить себе задачей ускорить это исчезновение, так как его роль состоит не в отделении собственности от труда, а, наоборот, в соединении в одних и тех же руках этих двух факторов всякого производства, разделение которых ведет к порабощению и нищете трудящихся, превращающихся в пролетариев;

принимая во внимание, что если долг социализма заключается в том, чтобы, отобрав громадные поместья у их праздных владельцев, подобно тому, как будут отобраны железные дороги, копи, заводы и пр., передать их во владение, в коллективной или общественной форме, сельским пролетариям, то не менее настоятельный долг заключается в том, чтобы отстаивать против государственной казны ростовщиков и крупных землевладельцев мелких собственников, ведущих хозяйство своими силами;

принимая во внимание, что уместно распространить эту защиту и на производителей, которые, под именем фермеров и арендаторов, обрабатывают земли других, и если и эксплоатируют сами поденщиков, то лишь будучи в некотором роде вынуждены к этому эксплоатацией, жертвами которой являются они сами, —

рабочая партия, которая, в противоположность анархистам, не ожидает от распространения и усиления нищеты преобразования общественного строя и не видит возможности освобождения для труда и для общества иначе, как путем организации и согласования действий рабочих, деревенских и городских, завладевающих властью и издающих законы, приняла следующую аграрную программу, имеющую целью объединить в борьбе против общего врага — землевладельческого феодализма — все элементы сельскохозяйственного производства, всех участвующих под разными видами в обработке национальной земельной площади.

Пункт I. Минимум заработной платы, установленной союзами сельскохозяйственных рабочих и коммунальными советами как для поденных рабочих, так и для годовых (пастухи, батраки и батрачки и пр.).

Пункт II. Сельскохозяйственные советы сведущих людей.

Пункт III. Запрещение коммунам отчуждать коммунальные земли; передача государством в распоряжение коммун государственных земель — приморских и других, в настоящее время не обрабатываемых; употребление излишков коммунальных бюджетов на расширение коммунальной собственности.

Пункт IV. Предоставление коммуной уступленных ей государством собственных или купленных ею земель безземельным семьям, соединенным в товарищества и пользующимся лишь доходами с этих земель, с запрещением употреблять наемных рабочих и с обязательством употреблять поземельную подать на дела коммунальной благотворительности.

Пункт V. Сельскохозяйственная пенсионная касса для инвалидов и престарелых, содержимая на счет специального налога на доходы с крупной собственности.

Пункт VI. Организация по кантонам бесплатной врачебной помощи и снабжение населения лекарствами по заготовительной цене.

Пункт VII. Вознаграждение за счет государства, департамента и общины семей запасных за время учебных сборов.

Пункт VIII. Закупка или наем коммуной, при содействии государства, сельскохозяйственных машин и предоставление их в безвозмездное пользование мелким земледельцам; образование товариществ (ассоциаций) сельскохозяйственных рабочих для закупки удобрения, семян, виноградных лоз и пр., а также и для продажи продуктов.

Пункт IX. Отмена пошлин при передаче владений стоимостью ниже 5 тыс. франков.

Пункт X. Отмена всех косвенных налогов и замена прямых налогов единым прогрессивным налогом на доходы свыше 3 тыс. франков; как мера переходная — отмена поземельного налога для земледельцев, ведущих свое хозяйство собственным трудом, и понижение этого налога для тех, земля которых обременена ипотечными долгами.

Пункт XI. Понижение законного и договорного процента по денежным обязательствам.

Пункт XII. Понижение тарифов на перевозку удобрения, машин и сельскохозяйственных продуктов.

Пункт XIII. Понижение третейскими комиссиями, как это происходит в Ирландии, арендной платы и вознаграждение оставляющих участки фермеров и арендаторов за те их расходы, благодаря которым повысилась ценность участка.

Пункт XIV. Отмена ст. 2102 Гражданского уложения, предоставляющей собственникам право на урожай их арендаторов, и отмена права налагать арест на урожай на корню; установление для земледельца размера неприкосновенного имущества, включающего земледельческие орудия, часть урожая, удобрение и скот в количестве, необходимом для ведения хозяйства.

Пункт XV. Переоценка всех земель; в ожидании же осуществления этой общей меры — переоценка частичная по коммунам.

Пункт XVI. Немедленная выработка плана общественных работ, имеющих целью улучшение почвы и развитие производства в целом.

Пункт XVII. Свобода охоты и рыбной ловли, ограниченная лишь мерами, необходимыми, для охранения дичи и рыбы и охраны урожая; запрещение иметь частные охоты и сторожей для охраны их.

Пункт XVIII. Бесплатное обучение агрономии и опытные земледельческие поля».

34. Критика аграрной программы французской партии Ф. Энгельсом.

«Завоевание политической власти социалистической партией стало делом близкого будущего. Но для того, чтобы завоевать ее, партия эта должна сначала пойти из города в деревню, должна сделаться сильной в деревне... А это вводит нас в самую суть крестьянского вопроса.

I.

Сельское население, к которому мы можем обратиться, состоит из различных элементов, различающихся, в свою очередь, также смотря по местности...

Начнем с мелкого крестьянина. Для Западной Европы он вообще является не только самым важным из всех крестьян, но составляет также основной элемент для решения всего вопроса...

Под мелким крестьянством мы разумеем здесь собственника или арендатора — главным образом первого — участка земли, обыкновенно не больше того, что он в состоянии обработать силами своей собственной семьи, и не меньше того, сколько необходимо для прокормления этой семьи. Такой мелкий крестьянин, так же как и мелкий ремесленник, есть, следовательно, работник, тем отличающийся от современного пролетария, что он еще владеет своими средствами производства: следовательно, он является пережитком прежнего способа производства... Налоги, неурожаи, долги, наследства, процессы гонят одного крестьянина за другим к ростовщику; задолженность становится все более общим явлением и все более тяжелой для каждого в отдельности, — одним словом, наш мелкий крестьянин, как и всякий другой пережиток прошлого способа производства, неминуемо осужден на гибель. Он есть будущий пролетарий.

В качестве такового он должен был бы с готовностью открыть уши для социалистической пропаганды. Но в этом ему пока еще служит помехой глубоко укоренившееся в нем чувство собственности. Чем тяжелее для него становится борьба за свой обремененный долгами клочок земли, тем с большей силой отчаяния цепляется он за него — тем более видит он в социал-демократе, говорящем о передаче земельной собственности обществу, такого же опасного врага, как в ростовщике или адвокате. Как же преодолеть социал-демократии этот предрассудок? Что может она предложить погибающему мелкому крестьянину, не изменяя себе самой?

Здесь мы имеем практическое указание к аграрной программе французских социалистов марксистского направления, которая тем более имеет значения, что она идет из классической страны мелкого крестьянского хозяйства. На Марсельском конгрессе 1892 г. была принята первая аграрная программа партии. Она требует для безземельных сельских рабочих (следовательно, батраков и поденщиков) минимальной заработной

платы, установленной промысловыми союзами и общинными советами; сельских промысловых судов, состоящих наполовину из рабочих; запрещение продажи общинной земли; аренды государственных земель общинами, которые должны сдавать всю землю — и свою собственную и арендованную — ассоциациям безземельных семей сельских рабочих для общей обработки, с запрещением употреблять наемных рабочих и под контролем общины; пенсий для стариков и инвалидов, которые покрывались бы особым налогом на крупное землевладение.

Для *мелких крестьян*, к которым относятся и арендаторы, программа требует: приобретения общинами сельскохозяйственных машин для отдачи их, по своей цене, в пользование крестьянам; учреждения крестьянских товариществ для покупки удобрения, дренажных труб, семян и т. п. и для продажи продуктов; уничтожения налога, взимаемого при переходе из одних рук в другие земельных участков, не превышающих стоимости 5 тыс. франков; посреднических судов по ирландскому образцу для понижения слишком высоких арендных цен и вознаграждения уходящих арендаторов и фермеров за производимое их трудом повышение стоимости земли; уничтожения 2102 ст. Свода гражданских законов, которая дает земледельцу право наложить запрещение на урожай, и лишения кредиторов права брать под заклад хлеб на корню; запрещения брать в заклад полевые орудия, урожай, семена, удобрение, рабочий скот, одним словом — все то, что необходимо крестьянину для продолжения его работы; пересмотра давно устаревшего всеобщего земельного кадастра, а пока местного пересмотра в каждой общине; наконец бесплатного сельскохозяйственного среднего образования и учреждения сельскохозяйственных опытных станций.

Мы видим, что требования программы в интересах крестьян — требований в пользу рабочих мы пока не будем касаться здесь — не очень широки. Часть их уже осуществлена в других местах. Для посреднических арендных судов определенно указывается ирландский образец. Крестьянские товарищества уже существуют в Прирейнской Германии. Ревизия кадастра есть во всей Западной Европе горячее, насущное желание всех либералов и даже бюрократов. Также и остальные пункты программы могут быть осуществлены, не нанося существенного вреда капиталистическому порядку. Это мы говорим только для характеристики программы, но отнюдь не делая ей упрека, — наоборот!

Эта программа была так хорошо встречена крестьянами в самых различных частях Франции, что — по пословице: аппетит приходит с едою — наши французские товарищи захотели еще больше приспособиться ко вкусу крестьян. При этом партия чувствовала конечно, что здесь она становится на опасный путь. Можно ли помочь крестьянину, — не как будущему пролетарию, но как настоящему крестьянину-собственнику, — не нарушая основных принципов социалистической программы? Чтобы устранить это возражение, новым практическим предложениям была предпослана теоретическая мотивировка, пытавшаяся доказать, что в принципы социализма входит охрана личной крестьянской собственности от уничтожения ее капиталистическим способом производства, хотя авторы сами ясно понимали, что гибель ее неизбежна. Эту-то мотивировку, равно как и самые требования, принятые в сентябре нынешнего года на Нантском конгрессе, мы и хотим теперь рассмотреть поближе...

Прежде всего то положение французской программы, что свобода производителя предполагает обладание средствами производства, пришлось дополнить другим, непосредственно за ним следующим, — что обладание средствами производства возможно только в двух формах: или в форме единоличного владения, форме, которая никогда и нигде не существовала для всех производителей в их совокупности и которая с каждым днем делается все более невозможной благодаря промышленному прогрессу; или же в виде общественного владения, т. е. в той форме, материальные и духовные начала которой устанавливаются самим развитием капиталистического общества, — что следовательно производители должны всеми зависящими от них средствами стремиться к переходу средств производства в *общественную* собственность.

Общественное владение средствами производства выставлено здесь таким образом единственной главной целью. И не только в области промышленности, где почва уже подготовлена, но и повсюду, — следовательно также и в земледелии. Единоличное владение, по смыслу программы, нигде и никогда не существовало для всей совокупности производителей; именно поэтому, а также потому, что промышленный прогресс и без того ведет к его уничтожению, социализм нисколько не заинтересован в его поддержке, но очень заинтересован в его устранении, так как в той мере, в какой оно существует, оно делает невозможным общественное владение. Если ссылаться на программу, то надо ссылаться на всю программу в целом, а она значительно изменяет цитированное в Нанте положение, обставляя заключающуюся в нем историческую истину такими оговорками, при которых она только и может теперь остаться истинной в Западной Европе и Северной Америке.

Единоличное владение средствами производства уже совсем не дает теперь производителям истинной свободы. Ремесленники уже разорены

в городах, а в таких больших центрах, как Лондон, даже совершенно исчезли и заменились крупной промышленностью, sweating system и жалкими кропателями, живущими банкротствами. Самостоятельный мелкий крестьянин и не обеспечен во владении своим клочком земли, и не свободен. Как сам он, так и его дом, его двор, его поле принадлежат ростовщику: его существование менее обеспечено, чем существование пролетария, по крайней мере хоть изредка знающего спокойные дни, каких никогда не выпадает на долю несчастного раба задолженности. Вычеркните 2102 ст. Свода гражданских законов, обеспечьте крестьянину законом не подлежащий залогу инвентарь полевых орудий, рабочего скота и т. п., — вы все-таки не избавите его от безвыходного положения, когда он «добровольно» продает ростовщику и свой скот и самого себя с душой и телом, чтобы получить маленькую отсрочку. Ваша попытка оградить собственность мелкого крестьянина ограждает не его свободу, а только особенную форму его рабства; она продолжает то состояние, в котором он не может ни жить ни умереть; следовательно ссылка на первый параграф вашей программы здесь совершенно не уместна.

Мотивировка говорит, что в современной Франции одно из средств производства, а именно — земля, в очень еще многих местах находится в единоличном владении отдельных производителей; задача же социализма состоит не в том, чтобы отделять собственность от труда, но, наоборот, в том, чтобы соединить оба эти фактора всякого производства в одних и тех же руках. Как уже было сказано, это последнее положение, взятое в такой общей форме, ни в коем случае не может быть признано задачей социализма; его задача состоит только в передаче средств производства производителям в виде общественной собственности. Как только мы упустим это из виду, то вышеупомянутое положение тотчас же приведет нас к той ошибочной мысли, что социализм будто бы призван превратить современную, минимую собственность мелкого крестьянина на его поле в действительную, сделать, следовательно, мелкого арендатора собственником, обремененного долгами владельца — свободным от долгов. Социализм, разумеется, заинтересован в том, чтобы эта ложная видимость крестьянской собственности исчезла, — но не этим способом...

Но требуется оградить собственность не только мелкого крестьянина. «Целесообразно также распространить эту охрану и на тех производителей, которые под именем арендаторов или фермеров обрабатывают чужую землю и которые, в том случае если они эксплоатируют наемных рабочих, до некоторой степени вынуждены к этому эксплоатацией, тяготеющей над ними самими». Здесь мы переходим уже на совершенно иную почву. Социализм специально направляется против эксплоатации наемного труда. А здесь объявляется настоятельной обязанностью социализма ограждать французских фермеров, «эксплоатирующих наемных рабочих» — так сказано буквально! — и это потому, что они до некоторой степени к этому вынуждены «эксплоатацией, тяготеющей над ними самими»...

Такое же недоразумение могут вызвать и заключительные слова мотивировки, по которым социалистическая рабочая партия имеет своей задачей «объединить все элементы сельского производства и все роды деятельности, под различными наименованиями извлекающими пользу из национальной почвы, для совокупной борьбы против общего врага — феодального землевладения». Я решительно отрицаю, что социалистическая рабочая партия какой бы то ни было страны имеет своей задачей принимать в свои недра, кроме сельских пролетариев и мелких крестьян, еще и среднее и крупное крестьянство или даже арендаторов крупных имений, капиталистических скотоводов и других капиталистических эксплоататоров национальной почвы. Пусть феодальное землевладение является общим для них всех врагом! Мы можем в некоторых вопросах итти с ними вместе, можем некоторое время бороться рука об руку с ними за какую-нибудь определенную цель. В нашу же партию мы можем, правда, принимать отдельных лиц из каждого общественного класса, но ни в коем случае никакие капиталистические, никакие связанные общими интересами группы средней буржуазии или среднего крестьянства. Но и здесь дело обстоит не так дурно, как кажется; обо всем этом составители, очевидно, просто не подумали. К сожалению, их охватила страсть к обобщениям, и пусть они не удивляются, если их ловят на слове.

После мотивировки следуют вновь составленные добавления к программе. В них заметна та же поспешность формулировки...

Одним словом, после широковещательной теоретической мотивировки практические предложения новой аграрной программы в сущности нисколько не объясняют нам, каким образом французской рабочей партии удастся поддержать мелкую собственность мелкого крестьянина, которая, по ее же собственным словам, неминуемо обречена на гибель.

II.

В одном отношении наши французские товарищи безусловно правы: против воли мелкого крестьянина во Франции невозможен никакой прочный политический переворот. Только мне кажется, что, для того чтобы подойти к крестьянину, они неправильно взялись за дело.

Повидимому они стремятся сразу, — если возможно, то уже во время ближайших общих выборов, — перетянуть на свою сторону мелкого крестьянина. Они могут надеяться достигнуть этого только посредством очень смелых и широких обещаний, для защиты которых они вынуждены пустить в ход еще гораздо более отважные теоретические соображения. Если же взглянуть поближе, то окажется, что широкие обещания противоречат сами себе (обещание поддержать такое состояние, которое тут же объявляется неминуемо обреченным на гибель) и что отдельные мероприятия или совершенно не могут иметь практического действия (законы о ростовщичестве), или являются общими требованиями рабочих, или же такими, которые благоприятствуют и крупному землевладению, или наконец такими, значение которых для мелкого крестьянина очень не велико, так что чисто практическая часть программы сама исправляет ошибочное вступление и приводит громкие, страшные на вид слова мотивировки к самым невинным в действительности мероприятиям.

Скажем прямо: при тех предрассудках, которые создаются всем экономическим положением крестьянина, его воспитанием, его изолированным образом жизни и которые поддерживаются буржуазной прессой и крупными землевладельцами, мы можем только в том случае сразу перетянуть на свою сторону массу мелких крестьян, если мы им пообещаем нечто такое, чего заведомо не в состоянии сдержать. А именно мы должны им обещать не только охранять при всяких обстоятельствах их имущества против всех наступающих на них экономических сил, но также и освободить их от тяготеющего уже теперь над ними бремени: превратить арендатора в свободного собственника, а собственнику заплатить долги. Если бы мы были в состоянии сделать это, то мы опять пришли бы туда, откуда снова необходимо развилось бы современное положение. Мы не освободили бы крестьянина, мы только отсрочили бы на короткое время его гибель.

Но не в наших интересах немедленное привлечение крестьянина, который завтра же отвернулся бы от нас, если бы мы оказались не в состоянии сдержать свои обещания. Крестьянина, который ждет от нас, чтобы мы увековечили ему его крошечную собственность, мы не можем считать своим партийным товарищем, точно так же, как и мелкого ремесленника, который хочет навсегда остаться мастером. Эти люди принадлежат антисемитам; пусть они идут к ним за обещанием спасти их мелкое производство. Когда же они там узнают, что кроется под их блестящими фразами и какие мелодии наигрывают те трубы, звуками которых оглашаются антисемитские небеса, тогда они все более и более будут убеждаться, что мы — обещающие меньше и ищущие спасения совсем в другой стороне, — что мы все-таки более надежные люди. Если бы французам пришлось, как нам, столкнуться с шумной антисемитской демагогией, то, вероятно, они не сделали бы нантской ошибки [1].

Каково же наше отношение к мелкому крестьянству? И как нам придется с ним поступать, когда государственная власть очутится в наших руках?

Во-первых, безусловно правильно следующее положение французской программы: мы заранее предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее каким-нибудь вмешательством с нашей стороны.

А, во-вторых, точно так же очевидно, что, обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, — это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, разумеется, будет достаточно средств, чтобы предоставить крестьянину все преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъяснены...

Главное дело тут в том, чтобы выяснить крестьянину, что спасти или удержать его усадьбу и земельную собственность мы можем, только превратив их в товарищескую собственность и товарищеское производство. Именно единоличное хозяйство, обусловленное единоличной собственностью, ведет крестьян к гибели. Если они будут настаивать на своем единоличном хозяйстве, то неминуемо потеряют и землю и двор, так как крупное капиталистическое хозяйство вытеснит их устаревший способ производства. Так теперь обстоит дело; и вот являемся мы и даем крестьянам возможность ввести самим крупное производство не за капиталистический, а за их собственный общий счет. Неужели нельзя дать понять крестьянам, что это в их собственных интересах, что это их единственное средство спасения?

Мы никогда не можем обещать мелким крестьянам поддержать их единоличное хозяйство и единоличную собственность против превосходных сил капиталистического производства. Мы можем обещать им только, что не будем

[1] Энгельс здесь имеет в виду дополнение аграрной программы франц. партии в Нанте. Прим. сост.

против их воли силой вмешиваться в их хозяйственные отношения. Далее, мы можем также вступиться и за то, чтобы борьба капиталистов и крупных землевладельцев против мелкого крестьянства уже и теперь велась как можно менее несправедливыми средствами, и возможно больше мешать прямому грабежу и мошенничеству, которые случаются слишком часто. Но удаваться это будет только в исключительных случаях. При развившемся капиталистическом способе производства никто не знает, где кончается честное ведение дела и где начинается мошенничество. Но, во всяком случае, будет значительная разница, стоит ли общественная власть на стороне мошенника, или на стороне лиц, страдающих от мошенничества. А мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина; мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу в случае, если он на это решится; в том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своем клочке. Мы будем поступать так не только потому, что считаем возможным переход на нашу сторону самостоятельно работающего мелкого крестьянина, но также и из непосредственных партийных интересов. Чем больше будет число крестьян, которым мы не дадим спуститься до пролетариев и которых мы привлечем на свою сторону еще крестьянами, тем быстрее и легче совершится общественное преобразование. Нам было бы бесполезно ожидать с этим преобразованием того времени, когда капиталистическое производство повсюду разовьется до своих крайних последствий, когда и последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падут жертвами крупного капиталистического производства. Материальные жертвы, которые придется принести в этом смысле в интересах крестьян из общественных средств, с точки зрения капиталистической экономики могут показаться выброшенными деньгами, а между тем — это прекрасное употребление капитала, потому что они сберегут может быть в десять раз большие суммы при расходах на общественное преобразование в его целом. В этом смысле мы можем следовательно быть очень щедрыми по отношению к крестьянам. Здесь не место входить в подробности и делать определенные предложения в этом направлении; мы можем говорить здесь только в самых общих, основных чертах.

Итак мы не можем, значит, оказать более плохую услугу не только партии, но и самому мелкому крестьянину, обещая ему и вызывая у него хотя бы луч надежды, что мы будем стремиться надолго сохранить его мелкую собственность. Это значило бы прямо закрыть путь крестьянину к его освобождению и унизить партию до уровня антисемитизма. Наоборот. Наша партия обязана все более и более выяснять крестьянам, что их положение совершенно безнадежно, пока господствует капитализм, и что спасти их мелкую собственность как таковую совершенно невозможно; она обязана внушить им полную уверенность в том, что капиталистическое крупное производство раздавит их устаревшее мелкое хозяйство с такой же легкостью, с какой поезд железной дороги раздавил бы их тачку. Поступая так, мы будем действовать в смысле неизбежного экономического развития, которое само собою уже подготовит крестьянские головы для нашей проповеди...

Перейдем теперь к более крупным крестьянам. Здесь мы видим, главным образом благодаря наследственным разделам, но также и вследствие задолженности и аукционной продажи земель, целый ряд переходных ступеней от самого мелкого собственника до крупного крестьянина, сохранившего весь свой старый участок и имеющего даже сверх того. В тех местах, где средний крестьянин живет среди мелких, он не отличается от них существенно своими интересами и своими воззрениями; его собственный опыт должен ему сказать, сколько равных ему крестьян спустилось до мелких. Там же, где преобладают средние и крупные крестьяне и ведение хозяйств требует, вообще говоря, помощи батраков и батрачек, дело обстоит совершенно иначе. Рабочая партия разумеется прежде всего должна иметь в виду интересы наемных рабочих, т. е. батраков, батрачек и поденщиков: уже потому ей невозможно делать крестьянам какие-либо обещания, которые включают продолжение наемного рабства для рабочих. Но пока будут существовать крупные и средние крестьяне как таковые, они будут не в состоянии обойтись без наемных рабочих. И если с нашей стороны было бы просто нелепо давать мелким крестьянам надежду на продолжение их существования как таковых, то обещать это крупным и средним крестьянам граничило бы прямо с изменой...

Мы имеем твердое экономическое убеждение в том, что крупный и средний крестьянин также должен неминуемо погибнуть от конкуренции капиталистического хозяйства и дешевого заокеанского производства зерна, как на это указывают все возрастающая задолженность и повсеместно очевидный упадок также и этих крестьян. Против этого упадка мы ничего не можем сделать, кроме разве того, чтобы рекомендовать и здесь соединение хозяйств в товарищества, в среде которых эксплоатация наемного труда могла бы все более и более умень-

шаться и которые могли бы постепенно стать ветвями великого производительного национального товарищества с равными правами и обязанностями. Если эти крестьяне поймают неизбежность гибели их теперешнего способа производства и не сделают из этого необходимые выводы, то пусть они идут к нам, и нашей обязанностью будет посильно облегчить также и им переход в новую форму производства. В противном случае мы должны их предоставить их собственной судьбе и обратиться к их наемным рабочим, у которых мы уж найдем сочувствие. От насильственной экспроприации мы по всей вероятности удержимся и здесь, но впрочем будем надеяться на то, что экономическое развитие сделает более доступным благоразумию и эти крепкие головы.

Совершенно просто обстоит дело только с крупным землевладением. Здесь перед нами ничем не прикрытое капиталистическое производство, и в этом случае у нас уже не может быть никаких сомнений. Здесь мы встречаем массовый сельский пролетариат, и задача наша ясна. Как только наша партия овладеет государственной властью, она просто экспроприирует крупных землевладельцев совершенно так же, как промышленных фабрикантов...»

35. Сущность мильерановщины.

«Я касаюсь здесь предмета, непременно раздражающего и даже скандализирующего некоторых из наших товарищей. Национальные интересы, солидарность классов, — имеет ли право представитель рабочей партии хлопотать и беспокоиться об этих вопросах, не нарушая идеала, которому он служит, — торжества человечества, свободного от классовой борьбы и международных войн?

Но как можно установить основы такой пропаганды независимо от среды, где она ведется? Могут ли быть одинаковы метод и тактика при различных, даже противоположных режимах? Если справедливо, что республика является принципом рабочей партии в области политики, то следовательно в стране, где рабочая партия сделала огромный шаг вперед в осуществлении этого принципа, ее деятельность, раз она добивалась республиканской формы правления и всеобщего избирательного права, приобретает совершенно особый характер. Это значит, что приспособлять свою тактику к условиям того политического строя, среди которого она действует, не только право, но и настоятельная обязанность рабочей партии. Она нарушит свой прямой долг, если будет прибегать к одним лишь революционным фразам, чтобы снять с себя ответственность и бремя, налагаемое на нее политикой достижения непосредственных результатов. Тем самым она жертвует первостепенными интересами пролетариата, уклоняясь от усилий, при помощи которых мало-помалу можно было бы осуществить совокупность тех улучшений, которые я пытался точно резюмировать.

Но как французская рабочая партия назовет республиканский строй своим, как она употребит в дело это несравненное орудие для реформ, если она будет стоять вне жизни республиканской партии и замкнется в границах систематической критики? То влияние на нацию, без которого ни один из пунктов ее программы не может быть осуществлен, она приобретает лишь при условии, если не будет оставаться чуждой и равнодушной ни одному из чувств и стремлений нации. Во внутренних делах она должна занять свою позицию в той борьбе, в которую вовлечена теперь республика; она должна формулировать свое мнение, руководясь (да как же и может быть иначе?) своим собственным идеалом, а также и нуждами, мыслями и традициями республиканской демократии, ибо она продолжает ее дело и является ее наследницей. Она не должна пренебрегать ни хорошим порядком и процветанием финансов — первым условием всякой социальной реформы — ни поддержанием и развитием национального производства. Общественные работы, улучшение в целях развития промышленности, торговли и земледелия, справедливое управление и эксплоатация наших колониальных владений — все эти вопросы требуют изучения с ее стороны. Она должна быть внимательным и ревностным слугой национального величия и благополучия.

Патриотизму ее — тем более искреннему, что он ненавидит шумные декламации шовинистских политиков — нечего опасаться ее горячей любви к миру и человечеству. До тех пор, пока правительства не согласятся единодушно сбросить с себя бремя военных издержек, разоружение отдельной страны было бы более чем безумием: оно было бы преступлением против того самого идеала, передовым бойцом за который является Франция, как это видят сами представители рабочей партии. Прилагая усилия к поддержанию и укреплению направления нашей дипломатии в духе мира, стараясь извлечь из прошлых договоров все, что возможно в интересах международного единения и согласия, и добиться заключения новых договоров, скрепляющих узы дружбы и солидарности между нациями, — рабочая партия не менее бдительно должна следить за сохранением национальной независимости, обезопасив ее от вторжения пу-

тем силы оружия и прочности союзов. Готовясь к будущему, она не должна забывать ни обязанностей, завещанных от прошлого, ни обязательств, налагаемых настоящим.

Чтобы успешно следовать этой политике, и реалистической и идеальной, чтобы пожать все ее плоды, рабочая партия должна ясно сознать всю свою ответственность.

Я не скрыл цели, к которой она идет, и хорошо знаком с аргументом, что рабочая партия может и должна называться революционной, так как действительно устранение системы наемного труда будет самой настоящей и радикальной революцией. Слова не пугают меня; но я боюсь двусмысленности. А что может быть опаснее той двусмысленности, когда партия дает себе название, нормально противоречащее ее духу и способу ее деятельности? Если мы считаем насилие столь же достойным порицания, как и бесполезным, если законные реформы кажутся нам нашей непосредственной задачей и единственным практическим приемом, могущим приблизить нас к нашей отдаленной цели, то будем же смелы назвать себя своим собственным именем «реформистов». Ибо мы действительно реформисты. Пойдем смело своим путем и, высказавшись за реформизм, примем все его условия и последствия. Уже давно французская рабочая партия ставила на первом месте в своей программе захват государственной власти; уже давно от теории она перешла к действиям и стала посылать своих бойцов в городские думы, департаментские собрания, в парламент; она добилась этого путем соглашения с близкими к ней партиями и не без компромиссов, ценой которых покупается возможность действовать. Раз она пошла так далеко, раз она более чем прежде убеждена в полезности и необходимости способа действий, доказавшего на опыте свою ценность, в силу какого уклонения с пути оставит она этот способ как раз в тот момент, когда он начинает давать наибольшие результаты? Путем какой непоследовательности согласится она, собирая в свою пользу голоса, строго запрещать в то же время своим представителям вступать в состав правительства, приобретая вместе с большой ответственностью и определенную силу?

Подобный нелогичный образ действий, если бы его можно было продолжать, быстро подорвал бы кредит и влияние партии, достаточно слабой и достаточно неуверенной в себе, чтобы допустить это. Отсылать ли народ к тому таинственному моменту, когда внезапное чудо изменит лицо земли, или день за днем, реформа за реформой, терпеливыми и упорными усилиями завоевывать шаг за шагом прогресс, — между этими двумя способами действий должны мы выбирать.

Верный своим принципам и своему образу действий, одинаково далекий как от возбуждения химерических надежд, так и от нарушения своих обещаний, французский реформизм способен будет нести всякую ответственность; он не отклонит от себя никакого бремени, налагаемого на него глубоким чувством долга по отношению к своему идеалу и своей стране».

(Мильеран, Французский реформизм, предисловие.)

36. Жорес о мильерановщине.

«...Когда же возникли наши разногласия?

Говорили, повторяют, что эти разногласия начинаются с того момента, когда социалист вошел в состав буржуазного правительства. В действительности же, как я сейчас это докажу, это обстоятельство лишь обострило, резко подчеркнуло уже существовавшие разногласия относительно методов борьбы, но оно не создало их.

Разногласия уже существовали, они обнаружились уже в деле Дрейфуса.

И в самом деле, вы припомните, что в то время как многие из наших товарищей, в том числе и я, были уже вовлечены в эту кампанию, решившись вести ее до конца, появился в июле 1898 г. манифест национального совета наших товарищей из французской рабочей партии, напоминающий пролетариату о том, что не следует в этой кампании заходить слишком далеко, растрачивая свои силы в ущерб классовой борьбе. Позднее другой манифест, выпущенный на второй же день после вступления Мильерана в министерство, заявляет, что долгом каждого социалиста было не только воздержаться от какого-либо участия в этом непартийном, частном деле, но, наоборот, стремиться к исправлению и наконец к уничтожению всяких уклонений от прямых задач социалистических партий. Это звучало новым осуждением тактики, которой следовали многие из наших товарищей в деле Дрейфуса...

Поддерживать министра в буржуазном обществе, пусть даже министра-социалиста, если таковой имеется, это еще не значит быть настолько наивным, чтобы ожидать от этого министра, или какого угодно буржуазного министра, отношения, полного справедливости и участия к интересам пролетариата.

Я очень хорошо знаю, что капиталистическое общество представляет собою царство несправедливости и что мы не раньше выйдем из этого царства, чем из царства капитализма.

Но мы знаем также, что в буржуазном обществе имеются среди наших врагов одни более жестокие, более ненавидящие нас, другие — менее, и когда мы поддерживаем буржуазное министерство, то это не ради самого министерства, но лишь в противовес другому, худшему, которое хочет занять его место лишь для того, чтобы причинять вам зло. Поэтому я считаю величайшей несправедливостью упреки, направляемые на меня лишь за вину, за ошибку или за преступления тех, которых я поддерживаю с единственной целью воспрепятствовать осуществлению еще больших преступлений...

Карл Каутский заметил мне однажды с легкой насмешкой: «Не думаете ли вы завоевывать правительственную власть в государстве путем завоевания одного портфеля за другим?»

Точно так же во времена реформации протестанты вообразили себе, что они победят весь мир, стоит им только победить в св. коллегии кардиналов одного за другим.

Я заранее извиняюсь перед Каутским, но позволю себе спросить, каким именно путем упрочила свое влияние ересь, как укрепились великие перевороты незапамятной религиозной мысли XII и XIII столетий, как упрочилась сила реформации, если не постепенным подчинением себе одной лишь облеченной властью партии церкви?

И действительно в XVI столетии было время, когда сами верующие утратили всякое представление о том, остались ли их кардиналы, епископы и монахи с папой или пошли за Лютером.

Как сильно это почувствовала церковь, насколько хорошо поняла она, что опасность для нее заключается именно в этом углублении ереси, видно из того, что иезуитский орден, образовавшийся для ее спасения, выставил своим лозунгом: «проникать повсюду и быть непроницаемым для всех».

Церковь спасла свое существование на целые столетия тем, что сумела оградить себя от вторжения деятельных, живых сил нового общества. Но что могла сделать церковь, не может сделать буржуазная демократия, — она не сумеет отгородиться, замкнуться, она позволила вам уже проникнуть в муниципалитеты.

Говорят об ответственности, которую принимает на себя министр-социалист в буржуазном министерстве. Но разве избираемые вами члены муниципальных советов не несут на себе обязанностей?

Разве они не являются органами буржуазного государства?

Наконец ведь и всеобщая подача голосов, которой они избираются, разве она не установлена буржуазным законом?

Если бы я захотел торжествовать полную победу над непримиримостью многих из ваших друзей, мне стоило бы только напомнить им, что социалисты принимают на себя муниципальные должности по выбор ям всеобщим голосованием, от которого, однако, буржуазный закон устраняет лиц, живущих на средства общества, или же оседлых рабочих, и тем самым, следовательно, устраняет от выборов самую бедную часть пролетариата. Я мог бы напомнить вам, что мэр-социалист, несмотря на то, что он социалист, может быть отрешен от должности центральной властью правительства с лишением права быть вновь избираемым в течение года; я мог бы вам дальше напомнить, что мэр-социалист волей-неволей, в силу того что он мэр, принимает на себя обязательство в своей деятельности применять много буржуазных законов и ими руководствоваться; я мог бы напомнить, что, когда на ваших улицах разыгрываются беспорядки, возникают столкновения, он, мэр-социалист, во избежание нареканий, что социалисты поощряют грабеж и убийство, вынужден для подавления их прибегать к органам охраны общественной безопасности.

Вспомните, какая ответственность лежала на мэре гор. Марселя в такие дни.

Ограждая своим присутствием иностранцев-англичан от возможной вспышки народного негодования при выходе президента Крюгера на берег, он уже не был более мэром-социалистом, он явился уже охранителем репутации Франции перед лицом всего мира.

Социалисту было бы очень легко быть мэром, если бы он не должен был в то же время считаться с ответственностью перед всем обществом. Задача его именно потому в высшей степени сложна, что он, принадлежа к борющемуся пролетариату, составляет вместе с тем, по своей должности, одну из единиц буржуазного правительства.

Вот почему мэру-социалисту невозможно ограничиться одним лишь механическим исполнением своих обязанностей; нет, тут нужны люди ума, люди, отличающиеся большим тактом, умеющие разбираться в происходящем, люди, обладающие большой устойчивостью и сильной волей...

Да, с ростом могущества социалистической партии растет и ее ответственность, но мы, социалисты, не боимся этой ответственности.

Социалистическая партия может уверенно опереться на рабочий класс, при условии, если он выступит перед другими буржуазными партиями, в среде которых царят беспорядок и раздор, так же сплоченный в тесно организованную единую партию, как являет он собою один класс».

37. Ж. Гэд о министериализме.

«...Нам говорят: классовая борьба существует, но когда совершена судебная ошибка, когда члена правящих классов постигло незаслуженное наказание, она не только не запрещает, она, напротив, предписывает, вменяет в долг пролетариату — забыть все несправедливости, жертвой которых он становится ежедневно, забыть те чудовищные жестокости, которые изо дня в день совершаются против него, против его семьи и детей. Он должен забыть все это, ведь все эти несправедливости относятся не к лицу, они падают ведь только на рабочий класс, а это ведь в самом деле не так уж важно... Но раз капитана генерального штаба, члена правящей буржуазии, постиг удар правосудия его же класса, — пролетариат должен все оставить, он должен броситься восстановить совершенную несправедливость.

Я говорю, что классовая борьба, так понимаемая, была бы величайшим обманом.

По о чем тогда, товарищи, шла речь? О разделении пролетариата на дрейфусаров и антидрейфусаров, о постановке рабочему классу загадки: невинен человек или виновен? В этом смысле все это дело как было, так и осталось настоящей загадкой. Одни клялись именем одного, другие — именем другого, так что никогда нельзя было разобраться в этой груде противоречий и неясностей и составить свое собственное мнение.

Дело шло не о том, чтобы пролетариат своими заверениями, своими клятвами поддержал невиновность Дрейфуса.

Я прекрасно понимаю, что, когда вас, рабочих, вас, крестьян, отрывают от мастерских, от сохи, для того чтобы напялить на вас мундир, всунуть вам в руку ружье под предлогом защиты отечества, когда вас постигает, вас карает этот ужасный военный суд, вы имеете право взывать к нам, организованному пролетариату, потому что вы попали в казарму не по своей воле, потому что вы не по своей воле признали военные законы, военную организацию и так называемое «военное правосудие», от которого вы страдаете, но он — он ведь знал, с чем имеет дело, когда выбирал военное ремесло; ведь он, эта жертва, сделался вполне сознательно участником военных судов, он вполне сознательно выбрал этот путь, будучи уверен, что карам военного суда может подвергаться один лишь пролетариат, полагая, что только ему, офицеру, принадлежит привилегия одним мановением руки опускать на головы рабочих меч слепого военного правосудия, скрывающегося за закрытыми дверями.

Такова была эта жертва, для спасения которой помышляли мобилизовать все пролетарские социалистические силы...

Я говорю, что мы не можем признать права за буржуазией, когда кто-либо из ее членов становится жертвой несправедливости, обращаться к пролетариату с требованием, чтобы он перестал быть самим собой и, взяв в свои руки знамя борьбы, поднятой ею, позволил бы представителям правящих классов, скомпрометированных и компрометирующим образом действующих на других, тащить себя на буксире, потому что нельзя не вспомнить, что главный вожак этой кампании против несправедливости, постигшей частное лицо, внес проект закона, являющегося самой злой несправедливостью против целого класса...

Не правда ли, товарищи: за окончанием дела Дрейфуса не последовало уничтожения военных судов, и военное «правосудие» не потерпело никаких изменений? Вам удалось лишь оторвать одного человека с «Чортова острова» — и таким образом борьба за частный интерес отдельной личности и результаты могла иметь только единичные, частные?

...Впрочем я ошибаюсь, говоря, что кампания Дрейфуса не имела никаких других результатов... Кой-какие результаты получились, и Жорес сам не боится в этом признаться.

Жорес сказал: эта кампания, которую я вел с известным числом социалистов за Дрейфуса, открыла эру сотрудничества социалистов в буржуазном правительстве. Это вполне верно, гражданин Жорес, но, помимо всего остального, уже этого одного вполне достаточно, чтобы самым решительным образом осудить то самое сотрудничество социалиста в буржуазном правительстве, которое вы ставите себе в заслугу. Для того чтобы иметь возможность преподнести нам, как победу, такое участие социалиста в правительстве, нужно было сдвинуть партию пролетариата с его классовой почвы, а между тем министр-социалист в буржуазном министерстве не только лишен был возможности проводить законы, но, наоборот, был обречен на роль пленника или заложника в этом министерстве. Будучи втиснутым Вальдеком-Руссо, этим

прекрасным тактиком, в ряды буржуазной оппозиции, этот социалист играл в его руках роль прикрытия, роль щита от ударов оппозиции социалистической — и все это для того, чтобы помешать пролетариату самому выступить не только против Вальдека-Руссо, но и Галифе, ибо между первым и последним оказался Мильеран.

Вы говорите, вы утверждаете, граждане Жорес, что вы были правы, приняв участие в кампании Дрейфуса, потому что это привело к участию Мильерана в кабинете Вальдека-Руссо — Галифе. А я говорю, что это обстоятельство и является поводом к самому решительному осуждению всей вашей кампании. Достаточно было социалистической партии однажды, хотя бы и частично, сойти с классовой точки зрения, достаточно однажды завязать первую связь с частью буржуазии, чтобы затем уже рисковать скатиться по этой наклонной плоскости все ниже и ниже до самого конца.

Партия соединилась с враждебным классом, чтобы отстоять дело правосудия, чтобы исправить зло, причиненное одному человеку, и вот, теперь мы видим, она вовлечена в совместное правительственное творчество с этим классом.

Борьбу классов, оканчивающуюся таким образом сотрудничеством классов, эту новую форму сотрудничества, соединяющую в одном правительстве человека, который, раз он социалист, должен стремиться к ниспровержению капиталистического строя с людьми, единственною целью которых в большинстве является сохранение этого строя, это сотрудничество нам представляют как победу пролетариата, как завоевание социализма. До некоторой степени это так. Как вполне правильно говорит Лафарг, буржуазия — именно потому, что социализм стал силой и угрозой для нее — стала подумывать о том, чтобы, проникнув в ряды организованного пролетариата, разделить его на части и уничтожить. Но таким образом это уже не завоевание социализмом общественных сил, а завоевание общественными силами буржуазии социализма и его последователей...

Товарищи, день, когда социалистическая партия, когда организованный пролетариат станет понимать под классовой борьбой разделение политической власти с классом капиталистов, этот день будет последним днем социализма. Тогда не будет больше пролетариата, способного итти к освобождению, тогда рабочие станут тем же, чем они были 22 года тому назад, когда они откликались на призыв оппортунистской партии буржуазии против буржуазии оппортунистской. Они будут только классом, партией, приручennой другими партиями, которые будут вести ее за собой, не давая ему ничего в будущем».

38. Декларация объединения французских социалистических партий.

(Декабрь 1904 г.)

«Делегаты французских организаций: рабочей социал революционной партии, социалистической партии Франции, французской социалистической партии, автономных федераций — Буш-дю-Рон, Бретани, Эро, Севера, Соммы и Роны, уполномоченные своими соответствующими партиями и федерациями для проведения в жизнь объединения на основах, указанных международным конгрессом в Амстердаме, заявляют, что объединенная социалистическая партия должна руководиться в своей деятельности принципами, установленными международными конгрессами, в частности недавними: Парижским в 1900 г. и Амстердамским в 1904 г.

Они констатируют, что расхождения во взглядах и в понимании тактики, имевшие место до настоящего времени, следует приписать главным образом свойственным Франции обстоятельствам и отсутствию общей организации.

Они подтверждают взаимное желание основать боевую классовую партию, которая, если даже использует к выгоде трудящихся второстепенные конфликты правящего класса или при случае объединит свою деятельность с таковой другой политической партии, в целях защиты прав и интересов пролетариата, тем не менее остается партией коренной и в неизменной оппозиции к буржуазному классу в целом и к государству, являющемуся его орудием.

Вследствие этого делегаты заявляют, что их организации готовы непосредственно сотрудничать в этом деле объединения социалистических сил на нижеследующих единодушно выработанных и принятых основаниях:

1. Социалистическая партия является классовой партией, имеющей целью социализацию средств производства и обмена, т. е. преобразование капиталистического общества в обще-

ство коллективистическое или коммунистическое, а средством для этого — экономическую и политическую организацию пролетариата. По своей цели, своему идеалу и употребляемым ею средствам социалистическая партия, добиваясь проведения неотложных реформ, которых требует рабочий класс, не является, однако, партией реформ, а боевой классовой и революционной партией.

2. Выборные в парламент депутаты образуют единую группу перед лицом всех буржуазных политических фракций. Социалистическая группа в парламенте должна отказывать правительству во всех средствах, обеспечивающих господство буржуазии и сохранение ею власти, а следовательно должна отказываться от вотирования военных кредитов, кредитов на завоевание колоний, секретных фондов и всего бюджета в целом.

Депутаты не могут даже при исключительных обстоятельствах обязывать к чему-либо партию без ее на то согласия.

В парламенте социалистическая группа должна посвятить себя защите и расширению политических свобод и прав трудящихся, домоганию и проведению реформ, улучшающих условия жизни и борьбы рабочего класса.

Депутаты, как все выборные, должны находиться в распоряжении партии для ее деятельности в стране, ее общей пропаганды, организации пролетариата и конечной цели — социализма.

3. Индивидуально депутат в целом находится под контролем центрального органа. Во всех спорных вопросах окончательное решение выносится конгрессом, как высшей инстанцией.

4. Предоставляется полная свобода дискуссии в печати по всем вопросам программы и тактики, но в действиях все социалисты должны в точности придерживаться постановлений конгресса, согласно толкованиям центрального органа партии.

Газеты, принадлежащие как партии в целом, так и ее федерациям, а равно и те, которые им будут принадлежать, естественно находятся или будут находиться под контролем и руководством постоянного аппарата, учрежденного для этой цели партией или федерациями.

Газетам, которые не принадлежат партии, придерживающимся социалистического направления, надлежит в точности держаться в своей деятельности постановлений конгресса, согласно толкованиям федеральных или центральных органов партии, и помещать их официальные сообщения.

Центральный орган партии может призвать эти газеты к соблюдению политики партии или, если это понадобится, предложить конгрессу объявить о разрыве с ними всяких отношений.

5. Парламентские депутаты не могут быть индивидуально делегированы в центральный руководящий орган партии. Они должны быть в нем представлены коллективной делегацией, численно равной десятой доли его состава, но никоим образом не меньше пяти.

В случае создания исполнительного комитета они не могут принимать в нем участия.

Федерации имеют право делегировать в центральный орган в качестве должностных лиц товарищей, проживающих в границах федерации».

39. Резолюция о войне и милитаризме.

(Постановление Брестского конгресса 1913 г.)

«10-й Конгресс... констатируя, что развитие вооружений и вотирование закона о трехлетней военной службе будет понято нацией как ясное и характерное доказательство националистической и шовинистической политики;

считая, что единственным средством обеспечения национальной защиты является учреждение милиции путем всеобщего вооружения и что всякое уменьшение срока военной службы составит шаг в этом направлении, что продолжение пребывания молодых солдат в казарме явится отрицанием этого;

считая, что тяготы, вызванные вооруженным миром, опасные для народа и убийственные для экономической и общественной жизни народов, не могут уменьшиться, покуда международные разногласия, устранение которых возможно лишь с устранением капиталистического строя, не будут разрешаться путем развитой и упроченной системы третейского суда;

считая, что две великих нации, как германская и французская, могут одновременно приступить к разоружению в результате лойяльно и публично выраженного согласия, —

Конгресс радостно приветствует совместную деятельность германской и французской социа-

листических партий и солидаризируется с эльзас-лотарингскими социалистами, которые, выражая пожелание всего населения Эльзас-Лотарингии, решительнейшим образом отвергают реванш, который привел бы Германию и Францию в состояние войны;

поручает парламентской социалистической группе и постоянной административной комиссии вести в парламенте и в стране энергичнейшую и решительнейшую кампанию в пользу франко-германского соглашения, международных третейских судов, народной милиции и против законов о трехлетней военной службе».

40. Политические задачи партии.

(Резолюция Тулузского конгресса.)

«Социалистическая партия, как партия рабочего класса и социальной революции, преследует завоевание политической власти, в целях освобождения пролетариата, путем свержения капиталистического строя и уничтожения классов.

Своей пропагандой она беспрестанно напоминает пролетариату, что его благополучие и полное освобождение мыслимы лишь при коллективистическом и коммунистическом строе; партия ведет эту пропаганду во всех слоях, с целью побудить пролетариат к постоянному напряжению, к беспрерывной деятельности в интересах улучшения условий его существования, труда и борьбы, для завоевания новых гарантий, новых средств деятельности.

Именно потому, что она является революционной партией, именно потому, что в беспрестанном предъявлении прав на капиталистическую и буржуазную собственность она не дала себя остановить устаревшему в ее глазах праву, — она является реформаторской партией, в существеннейшем и активнейшем смысле этого слова, единственной партией, могущей добиться удовлетворения всех требований рабочего класса, могущей использовать каждую реформу, каждое завоевание в качестве точки отправления и опоры для более широких требований и более смелых завоеваний; и если партия указывает рабочему классу одновременно с полезностью и благотворностью каждой реформы также и границы, обусловленные самим характером капиталистической среды, — то это лишь для того, чтобы свести его к завоеванию новых реформ и дать ему постоянно чувствовать необходимость полной реформы — окончательного преобразования характера собственности.

Это преобразование уже подготовлено самим движением производственных сил.

Эволюция капиталистического способа производства, ее распространение на все страны земного шара, накопление и концентрация капиталов, прогресс орудий и техники, дающие человечеству продуктивные силы, способные удовлетворить всем потребностям, — делают возможной эмансипацию рабочего класса путем овладения всеми орудиями производства и обмена, которые этот класс в настоящее время обслуживает к выгоде незначительного меньшинства индивидуумов и которые тогда будут коллективно применяться для удовлетворения потребностей коллектива.

Параллельно с этим движением производственных сил должно развиваться громадное напряжение к воспитанию и организации пролетариата.

В этом смысле социалистическая партия признает существенное значение создания и развития рабочих органов борьбы и коллективной организации (союзы, кооперативы и т. д.), как элементов, необходимых для социального преобразования.

Для этой борьбы, для этих завоеваний социалистическая партия употребляет все орудия действий, регулируя их применение обдуманной волей прочно организованного пролетариата.

Пролетариат прогрессирует и освобождается при помощи своего непосредственного напряжения, непосредственного коллективного и организованного выступления, идущих вплоть до всеобщей забастовки, применяемой в случае угрозы свободе трудящихся, до крупных требований и до полного напряжения сил всего организованного пролетариата в целях экспроприации капиталистов.

Как все эксплоатируемые классы, пролетариат настаивает на своем праве прибегнуть в крайнем случае к восстанию, но он не вмешивается в коллективные движения, способные вызвать лишь общее и глубокое волнение в рядах пролетариата, лишь схватки, в которых трудящиеся бросились бы в авантюру против всех сил буржуазного государства.

Он смело и непреклонно употребляет все свое напряжение для завоевания политической власти; он противопоставляет всем буржуазным партиям с их ретроградными, неопределенными или фрагментарными программами всю коллективистическую и коммунистическую решительность и постоянное напряжение к освобождению организованного пролетариата и считает насущной задачей своих членов трудиться путем избирательной деятельности для укрепления парламентской и законодательной мощи социализма».

41. Амьенская партия.

Синдикализм.

(Октябрь 1906 г.)

«Конгресс всеобщей конфедерации труда в городе Амьене подтверждает § 2 устава, гласящий: «Всеобщая конфедерация труда объединяет вне всякой политической партии всех рабочих, сознающих необходимость борьбы за уничтожение системы наемного труда и капитала».

Конгресс считает, что это утверждение есть признание борьбы классов, которая противопоставляет, на экономической почве, борющихся рабочих против всех форм эксплоатации и гнета, материальных и духовных, какие класс капиталистов применяет по отношению к рабочему классу.

Это общее теоретическое положение конгресс поясняет следующими пунктами.

В повседневной борьбе синдикализм стремится к согласованию рабочих усилий, к увеличению благосостояния рабочих посредством достижения немедленных улучшений, как то: сокращения продолжительности рабочего дня, увеличения заработной платы и т. д.

Но эта деятельность является лишь одной стороной синдикализма; синдикализм подготовляет полное освобождение пролетариата, которое может осуществиться только посредством экспроприации капиталистов; средством для достижения этой цели синдикализм признает всеобщую стачку. Он полагает, что синдикат — ныне союз борьбы — в будущем станет органом, ведающим производством и распределением продуктов, основой социальной реорганизации.

Конгресс заявляет, что эта двойная деятельность — борьба повседневная и борьба за будущее — вытекает из самого положения рабочего, как человека, живущего заработком, — положения, которое угнетает рабочий класс и которое обязывает всех рабочих, каковы бы ни были их мнения и их политические или философские убеждения, принадлежать к синдикату — этой основной форме организации.

В соответствии с этим, поскольку дело идет об отдельных лицах, то конгресс признает пол-

ТАБЛИЦА № 5.

Сила синдикатов во Франции.

Процент организованных в синдикат к общему числу занятых рабочих в 1905 г

Название отраслей промышленности	Число синдикатов	Число синдикатов рабочих	Процентное отношение
Земледелие, лесные промыслы и рыболовство . . .	374	45 014	1,32
Каменноугольная промышленность	71	79 277	50,95
Строительные ремесла	713	52 480	10,06
Производство пищевых продуктов	273	40 720	6,77
Писчебумажное производство и книгопечатание . . .	296	23 857	19,76
Кожевенное и скорняжное производство	243	27 259	16,12
Текстильное производство	379	79 676	12,50
Производство химических продуктов	109	28 175	25,54
Добывание камня для постройки домов	47	7 889	14,18
Производство одежды и отделка материй	224	21 572	4,93
Деревообделочные ремесла и мебельное дело	324	24 620	10,91
Металлургическая промышленность	558	90 358	15,53
Транспортное дело и торговля	689	221 683	14,53
Домашняя прислуга	84	11 042	1,34
Либеральные профессии, больничные служащие, аптечные препараты и пр.	89	13 420	8,14

пую свободу для всякого члена синдиката участвовать вне профессиональной организации в том виде борьбы, какой наиболее соответствует его политическим и философским взглядам, под условием, чтобы он не вносил в синдикат тех мнений, которые исповедует вне его.

Что же касается организаций, то конгресс постановляет, что в интересах наибольшего успеха синдикализма экономическая борьба должна вестись непосредственно против класса хозяев, и конфедеральные организации, как группы синдикальные, должны стоять вне партий и сект, которые, со своей стороны, независимо от профессиональных организаций, могут стремиться к социальному преобразованию».

42. Синдикаты и антимилитаризм.

(Постановление Амьенского конгресса.)

«Конгресс заявляет, что антимилитаристическая и антипатриотическая пропаганда должна быть усилена и сделаться все более и более смелой.

При каждой стачке армия выступает в защиту предпринимателей; в каждом европейском конфликте, в каждой колониальной или международной войне рабочий класс оказывается одураченным, его интересы приносятся в жертву предпринимательскому классу, паразитам, буржуазии.

Соответственно с этим XV съезд одобряет и поддерживает всякую деятельность, связанную с антимилитаристической и антипатриотической пропагандой, которая одна лишь способна поколебать положение карьеристов, принадлежащих ко всем классам и ко всем политическим течениям».

АНГЛИЙСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

43. Программа социал-демократической федерации (теоретическая часть).

«Цель: социализация средств производства, распределения и обмена под контролем демократического государства в интересах всего общества; полное освобождение труда от господства капитализма и лендлордизма (крупного землевладения); установление социального и экономического равенства между обоими полами.

Экономическое развитие современного общества характеризуется более или менее полным господством капиталистического способа производства во всех отраслях человеческого труда.

Капиталистический способ, имея своей единственной целью создание прибыли, благоприятствует крупному капиталу и основан на отделении большинства народа от средств производства и концентрации этих средств в руках меньшинства. Таким образом общество распадается на два противоположных класса: одни — капиталисты и их молчаливые товарищи — крупные землевладельцы и ростовщики, держащие в своих руках средства производства, распределения и обмена и имеющие поэтому возможность распоряжаться трудом других; другой класс — рабочий класс, наемные рабочие — пролетариат, не имеющий ничего, кроме рабочей силы, и вынужденный поэтому в силу необходимости работать на первый.

Созданное таким образом социальное разделение становится шире и глубже при всяком новом прогрессе в применении сберегающих труд машин. Особенно резко проявляется оно в периоды промышленных и торговых кризисов, когда вследствие современных капиталистических условий ведения национальной и международной промышленности в производстве периодически наступает застой, а известная часть из немногих оставшихся самостоятельными производителей выбрасывается в ряды пролетариата.

Итак между тем как, с одной стороны, идет непрерывное накопление капитала, богатства и силы в руках постоянно уменьшающейся группы людей, с другой стороны, наблюдается все растущая необеспеченность существования массы наемных рабочих, все растущее несоответствие между человеческими потребностями и возможностью добывать средства для их удовлетворения и постоянное физическое и умственное вырождение среди наиболее пораженной нуждой части населения.

Но чем более расширяется эта социальная пропасть, тем сильнее растет возмущение пролетариата, более сознательное в других странах, чем у нас, против капиталистического строя общества, в котором возникли и находят такую плодородную почву этот социальный антагонизм и все его последствия. Капиталистический способ производства, соединяя массы рабочих на крупных фабриках и создавая взаим-

ТАБЛИЦА № 6.

Синдикальное движение и забастовки во Франции.

Годы	Число синдикатов	Число членов синдикатов	Число забастовок	Число бастующих (в тысячах)	Число потерянных рабочих дней (в тысячах)	Распредел. забастовок по результатам			Распредел. бастующих по результатам забастовок (в тысячах)		
						Победа рабочих	Соглашение	Победа хозяев	Победа рабочих	Соглашение	Победа хозяев
1890	1 006	139 695	313	119	1 340	82	64	161	13	28	76
1895	2 173	419 761	405	46	617	100	117	188	9	21	17
1900	2 685	491 647	902	223	3 761	205	360	337	24	140	58
1905	4 665	781 344	830	179	2 747	184	361	285	23	125	30
1906	4 857	836 134	1 309	438	9 439	278	539	492	31	253	154
1907	5 322	896 012	1 275	198	3 562	263	490	522	24	131	43
1908	5 324	957 102	1 073	99	1 752	185	324	564	20	47	32
1909	5 354	944 761	1 025	167	3 560	217	385	423	28	96	44
1910	5 260	977 350	1 502	281	4 830	307	598	597	31	114	137
1911	5 325	1 029 238	1 471	231	4 096	261	529	681	21	84	126
1912	5 217	1 064 413	1 116	268	2 318	193	382	541	18	76	178
1913	5 046	1 027 059	1 073	220	2 224	183	371	519	87	65	68
1914	4 846	1 026 302	672	161	2 187	129	217	326	13	57	91

ную зависимость не только между различными производствами и отраслями промышленности внутри страны, но даже между национальными промышленностями отдельных стран, подготовляет почву и дает материалы для всемирной классовой борьбы. Эта классовая борьба может быть направлена, как в нашей стране, сначала против злоупотреблений системы, но не против самой системы; но рано или поздно рабочие поймут, что никакие меры, кроме экспроприации класса капиталистов, кроме передачи обществу права собственности на средства производства, распределения и обмена, не могут положить конец их ужасному экономическому положению; и тогда борьба рабочего класса из бессознательной превратится в сознательную, и конечной целью пролетариата явится ниспровержение капиталистического строя. В то же самое время, ввиду того, что класс капиталистов держит в своих руках и пользуется государственной властью для сохранения своего положения и для отражения всех посягательств на него, классовая борьба должна принять политический характер и превратиться в борьбу рабочих за обладание политическим механизмом.

И вот эту-то борьбу для захвата политической государственной власти, в целях коренного социального преобразования, ведет от имени рабочего класса и в его интересах международная социал-демократия. Поэтому социал-демократия является единственно возможной для пролетариата политической партией. Социал-демократическая федерация составляет часть этой международной социал-демократии. Итак, она придерживается изложенных принципов и верит:

1) что освобождение рабочего класса может быть достигнуто лишь путем социализации средств производства, распределения и обмена и последующим контролем над ними со стороны организованного общества в интересах всего народа;

2) что, так как пролетариат является самым низшим классом, которому надо завоевать свободу, его освобождение будет обозначать освобождение всего человечества, без различия расы, национальности, веры или пола;

3) что это освобождение может быть лишь делом самого рабочего класса, организованного как в национальную, так и в международную политическую партию, сознательно стремящуюся к осуществлению своих идеалов, и, наконец,

4) что, в целях предоставления рабочему классу материальной и нравственной возможности организоваться для классовой борьбы, немедленно должны быть проведены реформы...».

44. Программа независимой рабочей партии.

(Партия основана в 1893 г.)

«Название. Независимая рабочая партия.

Цель. Промышленная республика, основанная на социализации земли и капитала.

Способы. Воспитание общества в принципах социализма.

Профессиональная и политическая организация рабочих.

Независимое представительство социалистических принципов во всех выборных учреждениях.

ПРОГРАММА.

Так как истинная цель промышленности есть производство всего необходимого для жизни, то эту задачу должно взять на себя общество коллективно, а поэтому:

земля, как вместилище всех необходимых для жизни элементов, должна быть признана и эксплоатируема как общественная собственность;

капитал, необходимый для промышленной деятельности, должен находиться в общем владении и пользовании;

труд и продукты его — богатство — должны быть правильно распределены между населением.

В качестве средств, ведущих к этой цели, мы требуем проведения следующих мер:

1. Максимальный восьмичасовой рабочий день, работа в течение 6 дней в неделю с удержанием всех существующих праздников и установление законом празднования 1 мая.

2. Предоставление работы всем взрослым трудоспособным рабочим по установленной тред-юнионами таксе заработной платы, с минимумом в 6 пенсов за час.

В целях доставления платной работы всем желающим приходские, окружные советы, советы местечек и графств должны иметь право:

а) организовать такие хозяйственно-промышленные предприятия, какие они признают желательными;

б) принудительно приобретать землю; покупать, сооружать и изготовлять здания, склады и орудия производства для указанных предприятий;

в) облагать налогами приносящие доходы ценности в округе, занимать деньги под обеспечение этих налогов для указанных выше целей.

3. Государственные пенсии всем лицам свыше 50 лет от роду и заботы о всех вдовах, сиротах, больных и неспособных к труду рабочих.

4. Свободное светское начальное, среднее и высшее образование с бесплатным содержанием в школе и университете.

5. Повышение возраста детского труда в целях окончательного его упразднения.

6. Муниципализация и общественный контроль за продажей спиртных напитков.

7. Муниципализация и общественный контроль за всеми больницами и лечебницами.

8. Отмена косвенных налогов и постепенное перенесение всей тяжести обложения на незаработанные доходы с целью их окончательного уничтожения.

Независимая рабочая партия стоит за всякое предложение, распространяющее избирательные права на мужчин и женщин и демократизирующее систему управления».

45. Основы фабианского общества.

«Фабианское общество состоит из социалистов.

Поэтому оно стремится к организации общества путем освобождения земли и промышленного капитала от господства личной и классовой собственности и к передаче их всему обществу для общего блага. Лишь таким образом естественные и приобретенные преимущества страны могут быть справедливо распределены между всем народом.

Сообразно с этим общество стремится к уничтожению частной собственности на землю и вытекающего из нее индивидуального присвоения, в форме ренты, сумм, уплачиваемых за разрешение пользоваться землею и за преимущества, представляемые лучшими качествами почвы и местоположением земельных участков.

Далее, общество стремится к передаче в руки общества таких промышленных капиталов, которые могут быть с удобством эксплоатируемы на коллективных началах. Дело в том, что, вследствие монополии на средства производства в прошлом, промышленные изобретения и превращения прибавочного дохода в капитал обогатили главным образом лишь класс собственников, и рабочие теперь зависят от этого класса в возможности заработать средства существования.

Если эти меры проведены будут без выкупа (хотя и не без известного вознаграждения экспроприированных лиц, какое покажется подходящим для общества), рента и процент будут прибавляться к заработной плате; нетрудящийся класс, живущий теперь трудом других, по необходимости исчезнет, и одинаковое равенство жизненных перспектив будет поддерживаться самопроизвольным действием экономических сил, при гораздо меньшем вмешательстве в личную свободу, чем это имеет место при существующей системе.

Для достижения этих целей фабианское общество намерено распространять социалистические взгляды и стремиться к социальным и политическим преобразованиям, связанным с ними. Оно старается провести последние путем общего распространения сведений об отношениях личности к обществу в его экономических, этических и политических проявлениях.

Пропагандистская деятельность общества выражается сейчас в следующих формах:

1. Собрания для обсуждения вопросов, имеющих отношение к социализму.

2. Дальнейшее исследование экономических проблем и собирание фактов, способствующих их выяснению.

3. Издание брошюр, в которых даются сведения по социальным вопросам и излагаются аргументы, относящиеся к социализму.

4. Содействие социалистическим докладам и прениям в других обществах и клубах.

5. Выступление от имени общества в публичных конференциях и дискуссиях по социальным вопросам.

Общество вербует сторонников во всех слоях населения, так как полагает, что не только лица, страдающие от теперешней системы, но и те, которые извлекают из нее выгоды, видят всю массу существующих социальных зол и приветствовали бы их устранение».

46. Основы рабочей партии.

(Выдержки из устава.)

«1. Комитет по представительству рабочих есть федерация, в которую входят тред-юнионы и объединения их, независимая рабочая партия и общество фабианцев. Кооперативам предоставляется право примкнуть к нему.

2. Цель комитета — установить единство политических действий названных организаций, а также проводить на выборах в парламент тех кандидатов примкнувших к нему организаций, которые обяжутся: образовать в парламенте особую фракцию; иметь собственных секретарей и собственную политику по вопросам труда; не отождествлять интересов либеральной или консервативной партии со своими и не содействовать им; не оппонировать кандидатам, выставляемым комитетом. Все такие кандидаты должны обязаться принять эти правила, подчиняться решениям фракции (в противном же случае сложить с себя полномочия) и выступать перед своими избирателями исключительно как рабочие кандидаты.

3. Исполнительный комитет состоит из 13 членов: девяти представителей от тред-юнионов, одного — от промышленных советов, одного—от фабианского общества и двух—от независимой рабочей партии. Эти лица выбираются своими организациями на ежегодной конференции.

4. Исполнительный комитет избирает председателя, вице-председателя и казначея; он ведет дела комитета рабочего представительства и делает соответственные распоряжения о выдаче вознаграждения постоянным служащим, если они необходимы.

Он состоит в сношениях с тред-юнионами и другими организациями, общенациональными и местными, выставляющими рабочих кандидатов, а при приближении общих выборов составляет список предложенных кандидатов согласно уставу, опубликовывает этот список и рекомендует избирателям из рабочего класса поддерживать этих кандидатов. Члены его строго воздерживаются от солидарности с интересами какой-либо группы либеральной или консервативной партий и от их поддержки.

Они доводят до сведения вошедших в состав комитета организаций, если главные представители какой-нибудь организации публично выступают против одобренных комитетом кандидатов, или если кто-либо из членов настоящего исполнительного комитета, член парламента или кандидат, выставленный комитетом, действует несогласно с духом настоящего устава».

47. Устав союза газовых рабочих (1889 г.).

«1) Цель этого союза состоит в том чтобы сократить рабочий день, добиться законом установленного 8-часового рабочего дня или 48 ч. в неделю; 2) уничтожить, где только возможно, сверхурочную и воскресную работу, а где невозможно — добиться более высокой оплаты ее; 3) уничтожить поштучную работу; 4) повысить заработную плату и уравнять плату женщин при исполнении одинаковых с мужчинами работ; 5) уничтожить теперешнюю систему контрактов и соглашений между предпринимателем и рабочими; 6) улаживать столкновения с хозяевами посредством плановых соглашений всегда, когда это возможно; 7) добиваться равенства предпринимателя и рабочих перед законом; 8) добиваться законов для улучшения условий жизни рабочего класса; 9) добиваться выбора членов в приходские, училищные и опекунские советы, муниципалитеты и в парламент при условии, чтобы кандидаты обязались стоять за коллективную собственность средств производства, распределения и обмена; 10) откладывать ежегодно сумму (maximum 2 000 ф. ст.), предназначаемую исключительно на расходы по выбору и содержанию членов в публичных собраниях представителей; 11) помогать организациям, имеющим одинаковые с союзом цели».

48. Марксизм и ревизионизм.

(Из предисловия В. И. Ленина к сборнику «К. Маркс».)

«...Бывший ортодоксальный марксист Бернштейн дал имя этому течению, выступив с наибольшим шумом и с наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма. Даже в России, где не-марксистский социализм естественно — в силу экономи-

ческой отсталости страны и преобладания крестьянского населения, придавленного остатками крепостничества — держался всего более долго, даже в России он явственно перерастает у нас на глазах в ревизионизм. И в аграрном вопросе (программа муниципализации всей земли), и в общих вопросах программы и тактики наши социал-народники все больше и больше заменяют «поправками» к Марксу отмирающие, отпадающие остатки старой, по-своему цельной и враждебной в корне марксизму, системы.

До-марксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм. Посмотрим же, каково идейное содержание ревизионизма...

В области политики ревизионизм попытался пересмотреть действительно основу марксизма, именно: учение о классовой борьбе. Политическая свобода, демократия, всеобщее избирательное право уничтожают почву для классовой борьбы, — говорили нам, — и делают неверным старое положение «Коммунистического манифеста»: рабочие не имеют отечества. В демократии, раз господствует «воля большинства», нельзя, дескать, ни смотреть на государство как на орган классового господства, ни отказываться от союзов с прогрессивной, социал-реформаторской буржуазией против реакционеров.

Неоспоримо, что эти возражения ревизионистов сводились к довольно стройной системе взглядов — именно: давно известных либерально-буржуазных взглядов. Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризм уничтожает классы и классовые деления, раз право голоса, право участия в государственных делах имеют все граждане без различия. Вся история Европы во второй половине XIX в., вся история русской революции в начале XX в. показывают воочию, как нелепы подобные взгляды. Экономические различия не ослабляются, а усиливаются и обостряются при свободе «демократического» капитализма. Парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения. Помогая просветить и организовать неизмеримо более широкие массы населения, чем те, которые прежде участвовали активно в политических событиях, парламентаризм подготовляет этим не устранение кризисов и политических революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций. Парижские события весной 1871 г. и русские зимой 1905 г. показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения. Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием, — тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах». Опыт союзов, соглашений, блоков с социал-реформаторским либерализмом на Западе, с либеральным реформизмом (кадеты) в русской революции показал убедительно, что эти соглашения только притупляют сознание масс, не усиливая, а ослабляя действительное значение их борьбы, связывая борющихся с элементами, наименее способными бороться, наиболее шаткими и предательскими. Французский мильеранизм, самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно национальном масштабе, дал такую практическую оценку ревизионизма, которую никогда не забудет пролетариат всего мира.

Естественным дополнением экономических и политических тенденций ревизионизма явилось отношение его к конечной цели социалистического движения. «Конечная цель — ничто, движение — все». Это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты — такова ревизионистская политика. И из самого существа этой политики вытекает с очевидностью, что она может принимать бесконечно разнообразные формы и что каждый сколько-нибудь «новый» вопрос, сколько-нибудь неожиданный и непредвиденный поворот событий, хотя бы этот поворот только в миниатюрной степени и на самый недолгий срок изменял основную линию развития, неизбеж-

ТАБЛИЦА № 7.

Борьба тред-юнионов в Англии.

(Составлена по The People's Year Book, 1918 г. The Ministry of Labour Gazette, Okt. 1924.)

Годы	Число тред-юнионов (к концу года)	Число членов в тред-юнионах (к концу года)	Число забастовок и локаутов, начинавшихся в течение года	Число рабочих, затронутых забастовками и локаутами	Число потерянных рабочих дней	Процентн. распределение общего числа рабочих, непосредственно участвов. в конфликтах по результатам			
						В пользу рабочих	В пользу предприним.	Соглашение	Неопред. результаты
		В тысячах							
1890	1 188 (1892 г.)	1 510 (1892 г.)	1 040	393	7 317	—	—	—	—
1895	1 281	1 415	876	264	5 543	—	—	—	—
1900	1 271	1 955	648	189	3 153	30,1	27,5	41,0	0,5
1901	1 297	1 979	642	179	4 142	27,5	34,7	37,3	0,5
1902	1 267	1 966	442	257	3 479	31,8	31,8	36,1	0,3
1903	1 285	1 994	387	117	2 339	31,2	48,1	20,7	0,0
1904	1 256	1 968	355	87	1 484	27,3	41,7	30,9	0,1
1905	1 244	1 998	358	94	2 470	24,7	34,0	41,2	0,1
1906	1 282	2 211	486	218	3 029	42,5	24,5	33,0	0,0
1907	1 283	2 514	601	147	2 162	32,7	27,3	40,0	0,0
1908	1 268	2 486	399	296	10 834	8,7	25,7	65,6	0,0
1909	1 260	2 478	436	301	2 774	11,2	22,3	66,5	0,0
1910	1 269	2 566	531	515	9 895	16,3	13,8	69,7	0,2
1911	1 290	3 140	903	962	10 320	6,6	9,3	84,1	0,0
1212	1 251	3 417	857	1463 [1]	40 915 [1]	74,5	14,4	11,1	0,0
1913	1 267	4 136	1 497	688 [2]	11 631 [2]	31,4	21,0	47,6	0,0
1914 (неполный)	1 258	4 146	973	446305	10 105	—	—	—	—

[1] Высокая цифра объясняется всеобщей стачкой углекопов, охватившей 1 млн. рабочих и 30 800 тыс. рабочих дней.
[2] Сюда входит и всеобщая стачка в Дублине, длившаяся 20 тыс. рабочих и 1 700 тыс. рабочих дней.

ТАБЛИЦА № 8.

Б. Расходы тред-юнионов в Англии.

(В фунтах стерлингов.)

Годы	Пособия по забастов. и локауту	В %	Пособия безработи.	В %	Пособия благотвор.	В %	Всего расходов
1892	398 035	27,8	324 869	22,7	458 845	32,2	1 426 613
1895	196 686	14,2	422 427	30,4	518 167	37,3	1 389 297
1900	153 516	10,6	261 295	17,9	679 556	46,6	1 456 716
1901	209 709	12,8	324 821	19,8	613 779	37,8	1 637 572
1902	219 8 4	12,2	429 418	23,9	653 251	36,4	1 798 879
1903	176 350	9,2	512 575	26,8	694 726	36,3	1 915 709
1904	117 222	5,7	654 181	32,0	748 823	36,7	2 043 161
1905	211 898	10,3	523 766	25.4	785 932	38,0	2 065 009
1906	153 179	7,5	424 98	21,6	819 721	41,8	1 960 169
1907	136 122	6,6	462 739	22,5	875 230	42,1	2 055 999
1908	615 359	19.2	1 000 685	31,3	927 614	28,9	3 210 530
1909	154 901	5,8	994 802	35,2	921 636	34,3	3 687 104

будут вызывать всегда те или иные разновидности ревизионизма.

Неизбежность ревизионизма обуславливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление. Для всякого сколько-нибудь сведущего и думающего социалиста не может быть ни малейших сомнений в том, что отношение ортодоксов и бернштейнианцев в Германии, гэдистов и жоресистов (теперь в особенности брусистов) во Франции, социал-демократической федерации и независимой рабочей партии в Англии, Брукэра и Вандервельде в Бельгии, интегралистов и реформистов в Италии, большевиков и меньшевиков в России повсюду в существе своем однородно, несмотря на гигантское разнообразие национальных условий и исторических моментов в современном состоянии всех этих стран. «Разделение» внутри современного международного социализма идет в сущности уже теперь по одной линии в разных странах мира, документируя этим громадный шаг вперед по сравнению с тем, что было лет 30—40 назад, когда в разных странах боролись неоднородные тенденции внутри единого международного социализма. И тот «ревизионизм слева», который обрисовался теперь в романских странах, как «революционный синдикализм», тоже приспособляется к марксизму, «исправляя» его: Лабриола в Италии, Лагардель во Франции сплошь да рядом апеллируют от Маркса, неверно понятого, к Марксу, верно понимаемому.

Мы не можем здесь останавливаться на разборе идейного содержания этого ревизионизма, который далеко не так еще развился, как ревизионизм оппортунистический, не интернационализировался, не выдержал ни одной крупной практической схватки с социалистической партией хотя бы одной страны. Мы ограничиваемся потому тем «ревизионизмом справа», который был обрисован выше.

В чем заключается его неизбежность в капиталистическом обществе? Почему он глубже, чем различия национальных особенностей и степеней развития капитализма? Потому что во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране, ввиду требований крупной, например, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители так же неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции. То, что теперь мы переживаем, зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами

и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделить врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX в. есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства».

II ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

49. Организация Международного социалистического бюро.

(Постановление Парижского конгресса 1900 г.)

«Международный социалистический конгресс в Париже, принимая во внимание:

что международным конгрессом, предназначенным стать со временем парламентом пролетариата, необходимо принимать постановления, которые намечали бы пролетариату путь в его освободительной борьбе;

что эти постановления, как результат международного соглашения, должны быть составлены в форме актов, — решает принять следующие меры:

1) избрать по возможности скорее организационный комитет при помощи социалистических организаций страны, где назначен следующий конгресс;

2) образовать постоянное международное бюро, составленное из делегатов — по одному от каждой страны — и располагающее необходимыми средствами. Бюро утверждает порядок дня предстоящего конгресса и запрашивает доклады уполномоченных каждой из наций, участвующих на конгрессе;

3) комитет этот избирает общего платного секретаря, который обязуется:

а) доставлять нужные сведения;

б) составить пояснительный сборник постановлений, принятых на предыдущих конгрессах;

в) распределять доклады о социалистическом движении каждой страны за два месяца до начала нового конгресса;

г) составлять общее обозрение представленных докладов по вопросам, подлежащим обсуждению конгресса;

д) издавать время от времени брошюры и манифесты по современным вопросам, по поводу наиболее крупных реформ, а также исследования по важнейшим политическим и экономическим вопросам;

е) принять необходимые меры для облегчения совместных действий и международной организации пролетариата всех стран.

Постоянное Международное бюро и общий секретарь будут находиться в Брюсселе.

Международное социалистическое бюро должно потребовать от парламентских социалистических национальных партий устройства собой международной комиссии, чтобы облегчить возможность общих действий по важным международным экономическим и политическим вопросам.

Эта комиссия будет присоединена к Международному социалистическому бюро.

Международному секретариату, находящемуся в Брюсселе, поручается организовать международные архивы по вопросам социализма, сосредоточивая в них книги, документы, доклады, касающиеся рабочего движения различных стран».

50. Устав конгрессов и МСБ II Интернационала.

(Принят Штутгартским конгрессом.)

«I. На интернациональные социалистические конгрессы допускаются:

А. Все объединения, согласные с главнейшими основами социализма: социализацией средств производства и обмена; интернациональным объединением и действием рабочего класса; завоеванием государственной власти организованным в классовую партию пролетариатом.

Б. Все профессиональные организации и которые стоят на почве классовой борьбы и признают необходимость политической, следовательно законодательной и парламентской деятельности, не принимая однако прямого участия в политическом движении (Парижский конгресс 1900).

II. А. Партия и организация каждой страны составляют секцию, которая решает вопрос о допущении всех объединений и организаций имеющихся там национальностей.

ТАБЛИЦА № 9.

Сила социалистических партий.

СТРАНА	Голосов на выборах в парламент	Членов профсоюзов	Членов кооперативов	Членов партии	Представителей в парламент	В % к общему числу
	в тысячах					
Финляндия (1911)	320	27	180	70 000	82 (из 200)	43,50
Швеция (1911)	173	200	78	60 000	64 (из 230)	38,7
Германия (1912)	4 238	2 647	1 200	970 000	110 (из 397)	27,4
Бельгия (1912)	580	160	150	—	39 (из 114)	35,2
Дания (1911)	98,7	123	200	47 000	24 (из 114)	21,6
Австрия (1911)	1 060	451	280	256 000	82 (из 516)	15,31
Франция (1910)	1 106	700	350	72 000	74 (из 564)	13,01
Норвегия (1912)	120	54	—	26 000	—	—
Швеция (1911)	105	93	150	27 000	15 (из 189)	8,82
Италия (1909)	338	650	300	30 000	43 (из 508)	8,46
Голландия (1909)	82	128	128	8 784	7 (из 100)	7
Великобритания (1912)	505	2 892	2 661	110 000 [1] / 1 430 000	42 (из 670)	6,27
Россия (1912)	45	—	1 000	18 000	15 (из 442)	3,4
Испания (1910)	—	150	—	—	1 (из 406)	0,24
Турция (1910)	—	—	—	—	6 (из 196)	3,06
Греция (1910)	12	—	—	—	— (из 352)	—
Сербия (1912)	25	—	—	—	2 (из 160)	1,24
Кроация (1912)	—	—	—	—	1 (из 431)	—
Болгария (1911)	25	17	—	4 600	—	—
Босния	—	—	—	2 000	—	—
Венгрия (1912)	—	86	648	—	7 (из 53)	13,0
Португалия	—	—	—	—	1 (из ?)	—
Канада	—	—	—	—	2 (из 213)	0,47
Соединенные штаты	903	2 500	—	120 000	—	—
Уругвай	—	—	—	—	1 (из 50)	1,7
Чили	18	—	—	—	5 (из 107)	4,6
Аргентина	55	50	—	4 000	2 (из 120)	—
Австралия (рабочая партия)	678	350	—	125 000	40 (из 75)	54,9
Новая Зеландия	18	50	—	—	4 (из 80)	5
Персия	?	—	—	—	3 (из ?)	—
Китай	?	—	—	—	23 (из ?)	—
Алжир	2,5	—	—	—	—	—
Тунис	—	—	—	—	4 (из 121)	3,3
Всего...	10 528,2	10 838	7 315	3 372 384	681	

[1] Число организованных социалистов в S. L. P., B. S. P. и фабианцы.

ТАБЛИЦА № 10.

Рост избирательных успехов социалистических партий.

Годы	Число голосов, поданных за соц. партии
1881	378 850
1885	667 614
1890	1 794 000
1895	3 033 718
1900	4 874 240
1902	5 253 054
1903	6 285 374
1904	6 686 000
1907	7 046 000
1912	10 528 200

Партия и организация, не допущенные надлежащей секцией, имеют право апеллировать к Международному социалистическому бюро, которое является последней инстанцией для решения этого вопроса.

B. Национальный комитет каждой секции или, в случае неимения таковой, секретариат каждой примыкающей партии должен рассылать приглашения на участие в конгрессе и принятые Международным социалистическим бюро решения социалистическим организациям и другим примыкающим организациям.

C. Текст всех предложений должен быть представлен Бюро за четыре месяца до установленного срока собрания Международного конгресса и через месяц после получения должен быть разослан секциям.

Новые предложения, которые не были представлены в установленном порядке, не принимаются, не рассылаются и не подлежат обсуждению, за исключением экстренных случаев. Международному социалистическому бюро одному только предоставлено право судить об экстренных предложениях, но поправки и резолюции должны быть внесены в письменной форме Международному социалистическому бюро, которое решает, приемлемы или неприемлемы поправки, и не делаются ли попытки внесения новых резолюций под видом поправок.

III. Способ голосования на интернациональных конгрессах следующий:

A. Голосование происходит посредством поднятия рук. Оно производится по национальностям, если три из представленных в нем секций выскажут подобное желание.

B. Каждая секция получает известное число голосов, колеблющееся от 2 до 20, по списку, который должен быть составлен функционирующим в 1906—1907 гг. бюро. Этот список должен периодически пересматриваться, или смотря по обстоятельствам.

C. для каждой секции устанавливается причитающееся ей число голосов:

a) согласно числу ее платящих членов, принимая во внимание число жителей;

b) смотря по важности национальности;

c) смотря по силе социалистических профессиональных организаций и обществ;

d) смотря по политической силе социалистической партии или партий.

Принадлежность плательщиков должна быть доказана всеми документами и расписками, которые может потребовать бюро.

D. Секция должна распределить приходящееся на долю каждой секции число голосов. В тех случаях, когда общее число составляющих секцию партий и организаций не может притти к соглашению относительно распределения голосов, распределение это производится Интернациональным социалистическим бюро.

IV. Международное социалистическое бюро, составленное на основе представительства национальных секций на международных конгрессах, проводит задачи последних. Каждая секция может послать двух уполномоченных делегатов в бюро. Делегаты могут быть заменены заместителями, уполномоченными примыкающих партий.

V. Бюро имеет постоянного секретаря, функции которого были установлены Парижским конгрессом 1900 г. Секретариат имеет свое местопребывание в Брюсселе, и бельгийская делегация исполняет обязанности исполнительного комитета.

VI. Взносы каждой примыкающей партии взыскиваются в январе каждого года по списку, который бюро должно составлять от поры до времени».

51. II Интернационал и национальные партии.

(Постановление Парижского конгресса 1889 г.)

«Конгресс объявляет:

1) что должна быть установлена постоянная связь между социалистическими организациями различных стран; но что связь эта ни в каком случае не должна вредить независимости организаций отдельных стран, ибо

эти организации являются лучшими судьями в тактических вопросах своей страны;

2) что надо обратиться к синдикальным палатам и корпоративным группам с предложением объединиться в национальном и международном масштабах;

3) что необходимо издавать международный бюллетень (справочный листок) на нескольких языках для изучения социалистических партий различных стран;

4) что следует потребовать от каждой рабочей организации, чтобы она снабжала своих членов, меняющих местожительство, особыми билетами, по которым они могли бы быть узнаны своими товарищами во всех странах;

5) что надо учредить национальные комитеты в тех странах, где их еще нет, для установления международной связи в кооперативном, политическом и социальном отношениях;

6) что национальный комитет каждой страны ежегодно и только на год исполняет обязанности центрального международного органа сношений и представляет годовой отчет, причем этому комитету воспрещается принимать решения, выходящие за пределы вверенной ему роли.

Дополнительный пункт. Просить комитет или комитеты переводить и доставлять партиям все требующиеся сведения касательно общественных и промышленных условий жизни рабочего класса.

Копия этого постановления будет послана секретарю парламентского комитета конгресса тред-юнионов с просьбой представить эти постановления на годичный конгресс, назначенный на сентябрь 1889 г.».

52. Политические задачи рабочего класса.

(Лондон, 1896 г.)

«1. Под политическими действиями конгресс понимает борьбу, организованную рабочим классом — во всех формах — для завоевания рабочим классом политической власти и использования законодательной и административной деятельности в государстве и общине в целях своего освобождения.

II. Конгресс объявляет, что завоевание политической власти является важнейшим средством для цели освобождения рабочих, как людей и граждан, и установления социалистической республики, и приглашает рабочих всех стран объединиться независимо от всех буржуазных партий и потребовать:

1) всеобщего избирательного права для всех взрослых;

2) равного избирательного права для каждого взрослого;

3) избрания путем баллотировки (Stichwhal);

4) права инициативы и референдума в государстве и общине.

III. Конгресс объявляет, что он за полное самоопределение всех наций. Он выражает свои симпатии рабочим всех стран, которые и поныне страдают под ярмом военного, национального и другого деспотизма; он призывает рабочих всех этих стран вступить в ряды классово-сознательных рабочих всего мира и вместе с ними за преодоление международного капитализма и достижение целей интернациональной социал-демократии.

IV. Конгресс объявляет, что раскрепощение женщины нераздельно связано с освобождением рабочего класса, поэтому он призывает женщин всех стран бороться рука об руку с рабочими и организоваться политически вместе с ними.

V. Конгресс объявляет, что каков бы ни был предлог для колониальной политики — будь он религиозный или цивилизаторский — она всегда есть лишь расширение области капиталистической эксплоатации в целях исключительных интересов класса капиталистов».

53. Экономические задачи рабочего класса.

(Резолюция Лондонского конгресса 1896 г.)

«Профессиональная борьба рабочих необходима, чтобы противостоять могуществу капитала и улучшить положение рабочих в современном обществе. Без рабочих союзов нет удовлетворительной заработной платы, нет уменьшения рабочего дня. Однако эта экономическая борьба не может уничтожить капиталистической эксплоатации, она только смягчает ее. Эксплоатация рабочих может быть только тогда положен конец, если само общество овла-

дает средствами производства, включая недра и землю, а также средства передвижения. Но необходимым условием обобществления является целый ряд законодательных мер. Меры эти могут быть осуществлены только при условии обладания рабочим классом политической властью. А политическая власть может быть завоевана только постольку, поскольку рабочий класс организован. Профсоюзы, организуя рабочих, тем самым создают из них политическую силу. Организация рабочего класса неполна и недостаточна, если она основана только на политической почве.

Но профессиональная борьба требует также политических действий со стороны рабочего класса. То, что рабочие приобрели, борясь при помощи профсоюзов против своих эксплоататоров, они должны для окончательного закрепления установить законодательными актами. С другой стороны, завоеванные законодательные реформы избавляют от экономических столкновений. Международное соглашение и общие действия рабочего класса всех стран в отношении экономической и профсоюзной борьбы и особенно в отношении законодательства об охране труда становятся тем более необходимы, что экономические связи международного капиталистического рынка все более и более развиваются, а вместе с ними увеличиваются и противоречия промышленности отдельных стран.

На ближайшее время необходимы совместные действия пролетариата в следующих направлениях:

1) отмена таможенных тарифов, налогов на потребление и вывозных премий;

2) установление международного законодательства по охране труда.

Поддерживая соответствующие постановления международного Парижского конгресса, конгресс рекомендует сосредоточить свои силы прежде всего на достижении следующих реформ:

а) установление восьмичасового рабочего дня в законодательном порядке;

б) отмена потогонной системы и установление действительного законодательства по охране труда рабочих, работающих на-дому;

в) ничем неограниченное право союзов и собраний для лиц обоего пола.

Для осуществления этих реформ необходимо взаимодействие профсоюзной и политической борьбы пролетариата. Поэтому, подтверждая постановление по этому вопросу Брюссельского и Цюрихского конгрессов, конгресс объявляет:

Организация рабочих в профсоюзы крайне необходима для освободительной борьбы пролетариата.

Конгресс считает, что все рабочие, желающие освобождения труда от капиталистического гнета, обязаны присоединиться к существующим союзам их профессии.

Чтобы сделать возможным и облегчить условия усиленной экономической борьбы, профессиональные организации должны соединиться в союзы, которые бы охватили всю страну. Распыление сил на обособленные организации порицается. В экономической борьбе политические убеждения рабочих не должны служить основанием для обособления. Однако из самой сущности пролетарской борьбы вытекает обязанность всех рабочих организаций сделать своих членов социал-демократами. Сверх того, союзы должны принимать в число своих членов женщин, работающих в соответственном производстве, и стремиться к осуществлению принципа равной заработной платы для лиц обоего пола при равном труде.

Наряду с борьбой за улучшение условий труда и повышение заработной платы профсоюзы должны наблюдать за правильным применением законов охраны труда, они должны добиваться отмены способов производства, вредных для здоровья, потогонной системы и выдачи заработной платы товарами. Конгресс считает стачку и бойкот необходимыми средствами для осуществления задач профсоюзов. Однако он не считает возможным международную всеобщую стачку. Крайне важно организовать рабочие массы в союзы, так как от степени развития организации зависит вопрос охвата стачкой целых отраслей промышленности и даже целых стран.

Чтобы осуществить единые международные профсоюзные выступления, надо устроить в каждой стране центральный профсоюзный комитет.

Эти комитеты по мере возможности должны составлять статистические таблицы рабочего рынка. Они должны обмениваться этими статистическими сведениями, а также докладами о всех важных для профсоюзов событиях своей страны.

В особенности же на обязанности профсоюзов всех стран лежит забота о том, чтобы иностранные рабочие-переселенцы

примыкали к профсоюзам страны, где они поселились, и чтобы они не работали за более низкую цену, чем местные рабочие. При стачках, локауте и бойкоте профсоюзы всех стран обязаны помогать друг другу по мере своих сил».

54. Отношение между социалистической партией и профессиональными союзами.

(Резолюция Штутгартского конгресса.)

«I. Для полного освобождения пролетариата от духовного, политического и экономического рабства необходима в одинаковой мере как политическая, так и экономическая борьба рабочего класса. Задача социалистических партийных организаций лежит преимущественно в области политической борьбы пролетариата, задача же профессиональных организаций лежит главным образом в области экономической борьбы рабочего класса. Таким образом задачи партии и профессиональных союзов одинаково важны для освободительной борьбы пролетариата.

У каждой из этих двух организаций есть соответствующая ее природе область, в которой она должна действовать вполне самостоятельно. Но наряду с этим существует все расширяющаяся область пролетарской классовой борьбы, где успех может быть достигнут лишь при помощи единодушного, согласованного действия партийной и профессиональной организаций.

Борьба пролетариата будет поэтому тем плодотворнее и успешнее, чем теснее будет связь между профессиональными союзами и партийными организациями, причем не следует упускать из виду единство профессиональной организации.

Конгресс заявляет, что рабочий класс должен стремиться к тому, чтобы во всех странах создалась и упрочилась тесная связь между партией и профессиональными союзами.

Партия и профессиональные союзы должны помогать друг другу в своих действиях и поддерживать друг друга нравственно и в своей борьбе употреблять лишь такие средства, которые полезны для освободительной борьбы пролетариата. Они должны столковываться между собою в тех случаях, когда между ними существует различие во взглядах на целесообразность того или иного средства.

Профессиональные союзы только тогда в состоянии будут выполнить свой долг в деле освободительной борьбы рабочих, когда действия их будут проникнуты социалистическим духом. На партии лежит обязанность помогать профессиональным союзам в их усилиях поднять и улучшить социальное положение рабочих.

Конгресс заявляет, что прогресс капиталистического способа производства, растущая концентрация производительных сил, растущее объединение предпринимателей, возрастающая зависимость отдельных отраслей производства от всего буржуазного общества должны обречь деятельность профессиональных союзов на бессилие, если они будут заботиться исключительно о своих профессиональных интересах, руководясь цеховым эгоизмом и теорией гармонии интересов между трудом и капиталом.

Конгресс держится того мнения, что профессиональные союзы смогут тем успешнее вести борьбу против порабощения и эксплоатации, чем более единства будет в их организации, чем значительнее будет их фонд, необходимый для профессиональной борьбы, чем глубже будут понимать их члены общее соотношение условий экономической жизни и чем сильнее будет их готовность к жертвам и их энтузиазм, породить которые больше всего способен социалистический идеал.

II. Конгресс обращает внимание всех профессиональных союзов на постановление, которое было предложено Брюссельской конференцией 1899 г. и принято на Парижском конгрессе 1900 г., именно — предложить профессиональным союзам посылать своих представителей на международные конгрессы, а также вступить в тесные сношения с международным секретариатом профессиональных союзов с целью обмена сведениями, касающимися организации и пропаганды.

III. Конгресс поручает Международному социалистическому бюро собрать материалы, которые могли бы облегчить изучение отношений между профессиональными союзами и социалистическими партиями во всех странах, и представить следующему конгрессу отчет по данному вопросу».

55. Отношение к кооперации.

Эта резолюция принята Копенгагенским конгрессом (1910).

Предложенное делегатом РСДРП В. И. Лениным дополнение к словам «подготовляет демократизацию и социализацию средств производства и обмена» — «после свержения капитализма», внесенное в комиссию было последнею отвергнуто. Подробности см. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 99, 1-е изд.

«Принимая во внимание, что кооперативные потребительные общества не только доставляют своим членам непосредственные выгоды, но вместе с этим призваны:

1) увеличивать мощь пролетариата путем уничтожения посредников и создания собственного производства для организованных потребителей;

2) улучшать условия их жизни;

3) воспитывать рабочих для самостоятельного управления собственными делами и помочь им таким образом подготовлять демократизацию и социализацию средств производства и обмена;

принимая во внимание, что одна кооперация не в силах осуществить цель, преследуемую социализмом, которая заключается в завоевании политической власти для перехода к коллективному владению орудиями труда, —

конгресс, предостерегая рабочих против тех, кто утверждает, что кооперация сама по себе является достаточной, заявляет, что утилизация кооперативного орудия в своей классовой борьбе представляет огромный интерес для рабочего класса.

Конгресс приглашает поэтому всех социалистов, всех членов профессиональных союзов активно участвовать в кооперативном движении для того, чтобы развить в кооперации социалистический дух и не дать кооперативам отклоняться от своей задачи воспитания рабочих и укрепления трудовой солидарности.

Долг социалистов-кооператоров — бороться внутри кооперативных обществ за осуществление следующих мер:

1) чтобы прибыль не возвращалась полностью участникам потребительных обществ, а предназначалась также для поддержки кооперативами, кооперативными федерациями и их центральными магазинами своих нуждающихся членов, для развития кооперативного производства и для воспитательных и просветительных целей;

2) чтобы условия труда и размеры заработной платы в кооперативах регулировались последними в согласии с профессиональными союзами;

3) чтобы организация труда у них была примерной и чтобы при покупке товаров они считались с условиями труда тех, которые эти товары производили.

Кооперативы каждой отрасли должны сами решить, будут ли они поддерживать — и в какой мере — политические партии из своих ресурсов.

Принимая во внимание, что услуги, которые кооперация может оказать рабочему классу, будут тем более значительны, чем более сильным и объединенным будет кооперативное движение, конгресс заявляет, что кооперативы каждой страны, основанные на базисе, указанном в настоящей резолюции, должны объединиться в единую федерацию.

Конгресс заявляет кроме того, что рабочий класс в своей борьбе против капитализма заинтересован сильнейшим образом в том, чтобы кооперативы, синдикаты (профессиональные союзы) и социалистическая партия, сохраняя свою автономию и независимость, все более сближались в своих отношениях».

56. Международная манифестация 1 мая.

Первая (А) из приводимых здесь резолюций принята Парижским конгрессом 1889 г. единогласно, кроме бельгийцев и русских, которые обосновывали свой отрицательный вотум невозможностью подобной демонстрации в России. Вторая (Б) резолюция была принята на Цюрихском конгрессе 1893 г. В проекте резолюции, представленной комиссией, докладчиком которой был В. Адлер, во 2-м пункте вместо слов «к устранению классового различия путем социального преобразования» (принятых конгрессом) значилось «путем социальной революции». 1-й и 3-й пункты были приняты единогласно. За принятие второго пункта голосовали делегации — голландская, австрийская, английская (большинство), американская, итальянская, испанская, румынская, сербская, бельгийская, французская, швейцарская, венгерская и польская (5 за — 3 против). Против — немецкая (все против 8), датская, болгарская и русская.

А.

Конгресс постановляет «организовать большую международную манифестацию (демонстрацию) в раз навсегда установленное число, именно так, чтобы разом во всех странах и во всех городах в один условленный день рабочие предъявили общественным властям тре-

бование установления восьмичасового рабочего дня, а также выполнения всех других постановлений международного конгресса в Париже.

Принимая во внимание, что подобная манифестация уже назначена на 1 мая 1890 г. Американской федерацией труда (Federation of Labor) на своем конгрессе в Сен-Луи в декабре 1888 г., то принято это число и для международной манифестации.

Рабочие различных наций проводят манифестацию так, как это им будет подсказано условиями их страны».

Б.

«1. Конгресс подтверждает решение Брюссельской конференции, которое гласит: для того чтобы за 1 мая сохранить определенный экономический характер требования восьмичасового рабочего дня и провозглашения классовой борьбы, конгресс постановляет: 1 мая является днем всеобщих демонстраций рабочих всех стран, в который они должны объявить общность своих требований и свою солидарность. Этот день демонстрации должен быть днем отдыха, если только условия отдельных стран делают это возможным.»

2. Конгресс принимает следующее дополнение: Социал-демократия каждой страны обязана стремиться к проведению прекращения работы в день 1 мая, поддерживать всякую попытку, в этом направлении, делаемую в каком-либо месте, какой-либо организацией.

3. Конгресс постановляет далее:

Манифестация 1 мая за восьмичасовой рабочий день должна быть в то же время заявлением твердой воли рабочего класса к устранению классового различия путем социального преобразования,- вступления на единственный путь и ведет к миру как внутри каждого народа, так и интернационального мира.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ О МИНИСТЕРИАЛИЗМЕ И СОЮЗАХ С БУРЖУАЗНЫМИ ПАРТИЯМИ.

7. II Интернационал и борьба с оппортунизмом.

Эта резолюция, предложенная Каутским, была принята Парижским конгрессом против голосов русской делегации во главе с Плехановым. Подробности борьбы вокруг этой резолюции см. Плеханов, Собр. соч., т. XII.

«I. Союзы с буржуазными партиями.

Конгресс напоминает, что классовая борьба запрещает всякого рода союзы с какой бы то ни было фракцией капиталистического класса.

Хотя конгресс и признает, что исключительные обстоятельства делают иногда союзы такого рода необходимыми (разумеется без смешения программы и тактики), однако партия должна стремиться к сведению их до минимума, к их полному уничтожению и терпеть их только до тех пор, пока их необходимость признается местной или национальной организацией, от которой зависят вошедшие в соглашение группы.

II. Завоевание политической власти.

В современном демократическом государстве завоевание политической власти пролетариатом не может быть достигнуто просто путем какого-нибудь насильственного действия, но может лишь явиться следствием долгой и трудной работы в области экономической и политической организации пролетариата, а также результатом его физического и нравственного возрождения и постепенного проникновения избранных им представителей в муниципальные советы и законодательные собрания.

Но где правительственная власть централизована, там она не может быть завоевана по частям. Вступление отдельного социалиста в буржуазное министерство не может считаться нормальным началом завоевания политической власти; оно не может быть не чем иным, как временной и исключительной в критическом положении.

Находятся ли налицо в отдельном конкретном случае эти критические обстоятельства, требующие рискованного опыта, — это вопрос тактики, а не принципа, он не подлежит обсуждению конгресса; однако во всяком случае этот опасный опыт может быть полезен только тогда, когда его одобряет значительное большинство организованной социалистической партии и министр-социалист является и остается уполномоченным своей партии. Где социалистический министр действует независимо от своей партии, где он перестает быть уполномоченным своей партии, там его вступление в министерство превращается из средства, способствующего усилению пролетариата, в средство, содействующее его ослаблению, и из средства, способствующего завоеванию политической власти, в средство, препятствующее этому завоеванию.

Конгресс полагает однако, что даже в этих случаях социалист должен покинуть министерство, если организованная партия найдет, что это последнее дало очевидные доказательства своего пристрастия в борьбе капитала с трудом».

58. Проект резолюции Ж. Гэда о министериализме.

Этот проект резолюции был внесен Гэдом в комиссию на Парижском конгрессе в противовес «каучуковой» резолюции Каутского. Поддержанный меньшинством комиссии, он был отклонен подавляющим числом голосов членов конгресса.

«Пятый международный конгресс, собравшийся в Париже, напоминает, что под завоеванием политической власти надо понимать мирную или насильственную политическую экспроприацию класса капиталистов.

Понятое таким образом завоевание политической власти оставляет место лишь для занятия тех избирательных постов, которыми партия завладеет путем употребления в дело своей собственной силы, т. е. силы рабочих, организованных в партию, защищающую его классовые интересы (partie de classe), и по необходимости запрещает всякое участие социалиста в буржуазном правительстве, по отношению к которому социалисты должны находиться в непрерывной оппозиции».

59. Борьба течений в Амстердаме.

Приводимые речи представителей разных групп взяты из протоколов Амстердамского конгресса, где обсуждался по инициативе гэдистов вопрос о тактике международного социализма.

А. Речь Жореса.

Трудно говорить после оратора, который закончил страстным призывом к единению. Я должен представить тезис, который вызовет возражения. Конечно и я стою за единение, но оно не может и не должно превратиться в принудительное единение; право меньшинства должно быть обеспечено. Социализм стал бы отнимать свое собственное право, если бы решился сузить право меньшинства. Я не говорю от имени меньшинства, возглавляемого Адлер — Вандервельде. Ибо при обосновании их резолюции были произнесены речи, которые не соответствуют моим политическим понятиям. Я могу говорить только от своего имени и от имени тех, кого я представляю. Дрезденская резолюция является как бы завершением больших теоретических и практических обсуждений. Она возбуждает целое море мыслей, высказать которые здесь не позволяет время. Я могу только сказать, почему я против нее. Не потому, что эта резолюция, если она будет принята здесь, то будет гэдистами обращена против меня. Вы скажете: «Вот вам подтверждение того, что Жорес дезертировал с арены классовой борьбы, что он осужден международным конгрессом». Этого я не боюсь. Придерживаясь нашей политики, мы не оставляем классовой борьбы. В ответ на все обвинения мы можем указать на наши дела. Мы спасали буржуазную республику, мы приготовили место свободной мысли, мы отстранили клерикализм, мы выступали за всеобщий мир, мы отбросили и отразили национализм, шовинизм и цезаризм.

Мы не боимся борьбы против необычайных теоретиков во Франции, которые утверждают, что республика не стоит того, чтобы пролетариат пожертвовал одним рабочим часом для ее защиты. Эта теория основывается на вере в автоматическую победу коллективизма и стоит в полном противоречии к бланкистским традициям. В ее яркое славное наименование входит борьба за республику и буржуазную свободу. Не практическая необходимость, а всеобщая точка зрения заставляет меня выступить против дрезденской резолюции, которая намеренно или случайно содержит неясности и двусмысленности. Эта резолюция справедливо подчеркивает, что пролетариат должен организоваться на основе классовой борьбы. Мы беспрестанно повторяли, что пролетариат должен объединиться в качестве классовой партии в отношении цели и организации. Мы требуем, как и все социалисты, полного превращения частной собственности в коллективную, мы боремся против всех видов эксплоатации. Мы согласны и с тем, что все реформы являются не только средством смягчить все современные недуги пролетариата, но что они служат для того, чтобы довести боеспособность пролетариата до состояния, необходимого для победного конца. Вандервельде считал необходимым восстать против тех реформистов, которые считают реформы средством укрепления буржуазного общества. Где эти реформисты? Я их не знаю. Все реформы являются лишь ступенями, по которым мы поднимаемся для достижения цели. Спасение республики, обеспечение политической свободы, всеобщность обучения, отделение церкви от государства, рабочее законодательство, налоговая реформа — все это лишь средства для достижения конечной цели — освобождения порабощенного труда. Классовые противоречия мы не будем сглаживать. Пролетариат, будучи автономным в своей цели, в своих средствах, должен экономически и политически организоваться.

В этом отношении я согласен со смыслом дрезденской резолюции. Но она не признает

того, что в интересах классовой пролетарской борьбы нужно обратиться ко всем многочисленным дремлющим демократическим силам вне пролетариата и заставить этих буржуазных демократов служить интересам пролетариата для борьбы с реакцией и проведения реформ. Гед сам в многочисленных предыдущих собраниях, где мы бывали вместе, не раз говорил, что максимум 200 тыс. человек лично заинтересованы в поддержании капиталистического строя. Вильгельм Либкнехт говорил также нечто подобное. Было бы неумно не собрать все многочисленные элементы, хотя экономически и не относящиеся к пролетариату, но также и не принадлежащие к классу эксплататоров, а оставить их в разрозненном состоянии. Пролетариат должен следить за движением этих элементов и направлять их к собственной выгоде. Так например французские радикалы не являются пролетарской партией, но также и не эксплоатирующим классом. Они выступают за целый ряд наших реформ, как то: прогрессивное подоходное обложение, отделение церкви от государства, огосударствление железных дорог, горного дела, банков, сахарных заводов, за передачу государству всех предприятий, носящих характер монополий. Их поддержка в борьбе против реакции может отлично быть использована. Мы были бы глупцами, если бы отказались от этой помощи. Дрезденская резолюция в этом отношении носит сектантский характер! Не следует при помощи этой резолюции установить бумажное единение и связать действия пролетариата. Что лежит в основе этой резолюции? Некий вид недоверия пролетариату в том смысле, что он может запутаться в компромиссах, что он может быть испорчен временным сотрудничеством с демократией. С одной стороны, ставят пролетариату отдаленнейшие цели, говорят ему, что он завоюет мир, создаст новое общество, а с другой — считают его столь малолетним и незрелым, что боятся, что он может поддаться всякому обольщению. Чем сильнее и более зрелым является пролетариат страны, тем решительнее присоединится он к нашей тактике. Там, где господствует полная свобода действия и движения, там появляются новые проблемы. Так обстоит дело в Италии, в Бельгии, в Англии. Социалистическое движение в Англии не потому слабо, что, как думает Бебель, английская буржуазия прекрасно сумела мелкими реформами отвлечь рабочих от самостоятельных организаций, а потому, что английские социалисты, загипнотизированные теорией катастроф, не сумели путем практической повседневной работы установить тесную связь с рабочим классом. Но теперь там замечаются признаки приближения социалистической мысли к профессиональному движению. Глубокая ошибка немцев — желать навязать свою тактику посредством дрезденской резолюции.

Да, граждане, неразумно связывать международный пролетариат в тот момент, когда перед ним ставятся новые вопросы, слишком узкими тактическими формулами. Германские социалисты, ставя свою дрезденскую резолюцию на международный конгресс и желая возвести в международную тактическую линию тактические правила, которые они установили быть может лишь временно для своей страны, — тем самым создают иллюзии; они представляют политическое и социалистическое мнение Германии, с которым они имеют дело, как однородное целое, как непререкаемое предписание для социалистического движения всех стран. Правда, ввиду того, что тактические заявления, которые имеют перед глазами внутреннюю политику различных стран, вынудили нас, французскую социалистическую партию, — и мы на это не жалуемся, — изложить внутреннее политическое положение нашей страны, то мы полагаем, что наши германские социалдемократические товарищи признают за нами право на основе социалистического равенства откровенно высказаться о вашем внутреннем положении. Я говорю, что, интернационализируя свою дрезденскую резолюцию, вы тем самым, не думая этого, придаете международному социализму дух неуверенности, слабости, которые вы подчас испытываете. То, что в настоящий момент тяготеет над Европой и всем миром, над порукой мира, над обеспечением политическими свободами, успехом социализма, рабочим классом, то что тяготеет над политическим и социальным развитием Европы, это не кажущиеся компромиссы, не опыты французских социалистов, которые связались с демократией с целью спасти свободу, развитие, всеобщий мир, а политическое бессилие германской социалдемократии.

Несомненно, вы большая, достойная партия, которая для международному социализму хоть и не всех мыслителей, как это подчас указывается, но некоторых наиболее сильных и остроумных, которые дали международному социализму пример последовательной систематической деятельности и мощной организации, которая не останавливается ни перед какими жертвами и не поддается никаким натискам. Вы — крупная партия, вы — будущее Германии, одна из наиболее благородных и славных партий цивилизованного и мыслящего человечества. Но среди вашей кажущейся политической мощи, как она выявляется в растущем из года в год числе голосов и мандатов, между нею и действительной силой влияния и действия имеется противоречие, которое становится все больше с ростом вашей избирательной мощи. Да, после тех июльских дней, которые дали вам

три миллиона голосов, сделалось ясно, что вы обладаете изумительным даром пропаганды, вербования, привлечения в свои ряды, но что традиции вашего пролетариата и механизм вашей конструкции не позволяют эту кажущуюся колоссальную силу в три миллиона голосов превратить в необходимое действие и применить к политической деятельности. Ибо оба основные условия, существеннейшие средства пролетарского действия, вам недостает — у вас нет ни революционной, ни парламентской деятельности.

Я сказал, что основной ошибкой дрезденской резолюции, которую немецкие товарищи допустили, является то, что предписания действия или скорее необходимость выжидания, которые подчас случаются у германской социалдемократии, вы хотели возвести во всеобщее правило. А я говорю, что те два способа, которыми пролетариат может сильнее влиять на политическую и социальную среду, ныне ей недостают. Во-первых, ей недостает революционной традиции пролетариата. В германском пролетариате были примеры жертв, достойные удивления. Но в его истории нет революционной традиции, он не завоевал свое избирательное право на баррикадах.

Вы продолжали действовать заглушая, затемняя, ослабляя в германском пролетариате эту исторически и без того столь слабую силу недостаточной революционной традиции. И теперь, поскольку у вас эта революционная традиция отсутствует, то вы с неудовольствием наблюдаете ее у народов, которые ее имеют, и у вас есть только нападки, ваши теоретики пренебрежительно отнеслись к нашим бельгийским товарищам, которые с опасностью для жизни вышли на улицу для завоевания всеобщего избирательного права. И так же мало, как средствами революционного действия и силой, которую дала бы вам революционная традиция пролетариата, вы обладаете, как сами хорошо знаете, и парламентской силой. Даже если бы вы имели большинство в парламенте, ваша страна была бы единственной, где вы, социалисты, не были бы господами положения, даже если бы вы и были в большинстве. Ибо ваш парламент лишь половинчатый парламент. Парламент не есть парламент, когда он не обладает исполнительной властью, когда его постановления являются лишь пожеланиями, которые государственная власть может по желанию кассировать. И вы сами знаете, чувствуете, что стоите перед трудным положением. И вы ищете выхода. Я уверен, что вы его найдете, нельзя заказать дорогу судьбе. Вы, пролетариат Германии, являетесь роком, вы — благо и спасение Германии. И тогда дорога вам открыта. Но вы еще не знаете, какую дорогу вы изберете на деле. пойдете ли вы революционным или парламентским путем, установите ли вы демократию в своей стране.

От вас ожидают все, социалистический мир ждет от вас, от того дрезденского конгресса, имевшего место после вашей победы, давшей вам три миллиона голосов, установления политики. В ваших газетах были лозунги: Государство наше! Мир наш! Нет, государство еще не ваше, вы еще не можете быть уверены даже, что в вашей столице будет дано право гостеприимства международному социализму.

Следовательно, вы не знаете, какую вам избрать дорогу. От вас ожидают после той большой победы боевого лозунга, программного действия, тактики. Вы все обстоятельства проверили, прочувствовали, рассмотрели, но лозунги еще не созрели. И теперь вы должны выказать перед своим собственным пролетариатом, перед международным пролетариатом ваше бессилие, сокрытое под непримиримыми теоретическими формулами, которые ваш прекрасный товарищ Каутский вам до конца своих дней будет поставлять.

Следовательно принятие дрезденской резолюции на этом международном конгрессе означало бы, что международный социализм во всех странах, во всех своих элементах, во всей своей силе присоединяется к временной, по отчаянной бездеятельности германской социал-демократии...

Б. Речь Бебеля.

Товарищ Жорес в своей речи особенно оживленно обращается к нам, немцам, так что у меня получается впечатление, будто он хочет возложить на нас ответственность за проведение дрезденской резолюции по настоящему вопросу. В противовес этому я констатирую, что никто не нас — ни автор той резолюции, ни те, которые голосовали за нее в Дрездене — не предполагал, что она будет предложена когда-нибудь на обсуждение интернационального рабочего конгресса. Однако после того, как это уже случилось без нашего участия, само собой разумеется, что мы будем высказываться за ее принятие.

Тов. Жорес в начале своей речи поставил под сомнение вопрос о компетенции конгресса вмешиваться подобной резолюцией в тактику партий отдельных стран. Наша компетенция лежит в нас самих. Гораздо больше возражений, чем вопрос о компетенции, в данном случае вызывает попытка установить в обязательной для всех резолюции торговую и таможенную политику различных стран. Для меня является загадкой, каким образом можно подвести под одно

все упомянутые крупные экономические интересы различных стран, которые столь противоречивы. Гораздо уместнее было бы возражать против обсуждения этого вопроса на международном конгрессе, чем против вопроса о тактике. Жорес неправ, когда он говорит, что дрезденская резолюция годится исключительно для германских условий. Течения внутри социал-демократии, которые в дрезденской резолюции поставлены в связь с нашей партийной жизнью, носят не только германский, но и международный характер. Они имеются не только в Германии, не только во Франции, где Жорес является их представителем, они ярко выражены в Италии, в Австрии, в Бельгии; мы нашли бы эту болезнь также и в Голландии, если бы она не была устранена событиями прошлого года — крупной общей забастовкой. (Трельстра: «Мы не были больны!») Но вам угрожала опасность заболеть. (Смех.) Кроме того, несмотря на различие государственных форм, характер государства и общества повсюду один и тот же: это буржуазное государство и буржуазное общество, оба основываются на классовом господстве и преследуют цель сохранения классового господства при помощи государственной власти.

Никто не думает о том, чтобы вычеканить подобные мысли, как их толкует Жорес в резолюции. Только сумасшедший может этого хотеть. Резолюция имеет целью только установление тактики социал-демократии в различных странах в пределах тех границ, которые установлены классовым характером государства. Поэтому не исключена возможность разногласия. Разногласия в партии не являются несчастием, у нас в Германии они никогда не прекращались и будут всегда существовать, потому что в каждом отдельном случае темперамент и толкование приводят к разногласиям. Но что необходимо, так это единство и замкнутость социал-демократии в каждой стране, которые только тогда возможны, когда мы не только будем иметь одинаковые принципиальные приемы, но также во всех вопросах общей политики будем придерживаться одинаковой тактики. Самое большое несчастие для партии какой-нибудь страны — это раскол. Никто не испытал этого больше, чем мы, немцы, до 1875 г., и поэтому я говорю: горе той стране, в которой произошел раскол партии.

Говорят, будто дрезденская резолюция — заклятие; она предает анафеме и исключает из партии; она ни то, ни другое, о чем лучше всего свидетельствуют события в Германии. Никто не предан анафеме, никто не исключен. Эта резолюция была на дрезденском партейтаге принята большинством 288 против 11 голосов, и из этих 11 противников нашлось едва двое, которые отклонили ее по тем же мотивам, которые были приведены здесь. Эта резолюция была только памятной запиской для представителей того направления, которое партия считает вредным и осуждает. Если же хотят останавливаться на отдельных словах резолюции, то мы согласны, чтобы они были изменены. Если ты, например, милый Виктор, вместо «осудить» («condamner») хочешь сказать «отклонить» или «не одобрить», — мы на это согласны. Вместе с тем должен быть исправлен соответственно немецкому тексту неверный перевод резолюции Гэда — Вальяна, с чем, как мне известно, согласны и докладчики.

Мы полагаем, что та тактика, которая проводится в отношении буржуазных партий и правительства, могла бы и должна проводиться также и во Франции и в других странах. Мы не требуем отказа от каких-либо ценных уступок рабочему классу, откуда бы они ни шли. Мы всегда принимали то, что считали действительно хорошим, независимо от того, что оно предлагалось правительством или какой-либо буржуазной партией. Но мы за это не благодарили, это не мешало нам в ближайший же момент, когда действия или намерения правительства или этой партии казались нам вредными, бороться с ними самым решительным и беспощадным образом. Мы всегда сохраняли полную свободу и независимость, исходя из того факта, что мы имеем перед собой государство, основанное на классовом господстве. Партия, представителем которой во Франции является т. Жорес, находится в настоящем союзе с правительством и стоящим за ним так называемым блоком буржуазных партий. Это вынуждает товарищей пропускать многое, что они должны были бы требовать в интересах рабочего класса, и многое терпеть, вместо того чтобы бороться с этим самым решительным образом. Подобное положение свидетельствует о смятении и неясности в собственных рядах. Активные элементы становятся недоверчивыми, они считают, что подобная тактика вредна интересам пролетариата, и в результате льют воду на мельницу анархизма, куда гонят лучшие силы, и в противовес привлекают в партию массу сомнительного буржуазного элемента. Я всегда подозревал своего друга Адлера в том, что в глубине души он скрытый ревизионист, но все то, что он вчера говорил об опасностях и соображениях против тактики Жореса, было прекрасно, и я подписываюсь под этим полностью.

Тактика Жореса не гонит буржуазные партии влево, но вынуждает социалистов итти вправо. Можно было бы привести много примеров этого из практики Франции. Когда в 1900 г. в Париже открылась международная выставка, Мильеран принимал на ней царя и получил за это русский орден. Но тогда же заседал Международный ра-

бочий конгресс. партийные товарищи не удостоились видеть Мильерана, несмотря на то, что он имел слово для приветствия. Когда делегаты конгресса, чтобы выполнить долг благодарности и благоговения, появились на Пер Лашез (Père Lachaise) у стены убитых коммунаров, то то самое правительство, в которое входил Мильеран, послало представителей буржуазной земной троицы — пехоту, кавалерию и артиллерию, — и делегаты были разогнаны полицейскими. Зингер едва успел сказать несколько слов. Это был неслыханный скандал.

Такого скандала не было даже в 1889 г., когда у власти стоял реакционнейший Дюпюи. Тогда мы свободно могли делать то, что стало невозможным при радикальном министерстве Вальдек-Руссо — Мильеран. Если бы у Мильерана была бы хоть капля чести, он немедленно должен был бы выйти в отставку. В Германии подобный министр немедленно вылетел бы из партии.

Жорес говорит, что Франция — республика, а Германия реакционная монархия, и поэтому дрезденская резолюция не годится для Франции. Несомненно, у нас имеются монархии с реакционнейшими правительствами. Милый Жорес! Мы завидуем вам, французам, что у вас республика, еще более завидуем вашему всеобщему избирательному праву и представительной системе. Однако республика не помешала тому, что, когда в последние годы во Франции возникали забастовки, против бастующих применялась не только полицейская, но и военная сила. Это значит, что во всех этих случаях республиканское правительство принимало сторону буржуазии против рабочих. Вполне понятно! Республика — тоже классовое государство; она имеет перед монархией то преимущество, что здесь классовая борьба носит более открытый характер. Наши полиция и юстиция тоже не отказывались применять насильственные действия против рабочих, однако после крупной забастовки горняков в 1889 г. военная сила к бастующим не применялась, в то время как во Франции она применяется при каждой значительной стачке. И это не только во Франции, но и в республиканской Швейцарии и в великой заокеанской республике — Соединенных штатах. Тов. Мор рассказал нам, как в Швейцарии при каждой крупной забастовке применяется сила милиции, причем против промышленных рабочих выставляют милицию по преимуществу из земледельческих округов. Я мог бы еще увеличить число его сообщений, но отказываюсь от этого. Мы знаем также о том, какую роль играли при этих событиях многие из наших министров в Швейцарии. Я думаю, с нас хватит этих фактов, и мы не имеем желания собирать факты подобного рода. О том, как дело обстоит в Соединенных штатах, достаточно свидетельствуют неслыханные события последнего времени в Колорадо, Пенсильвании, Питсбурге и т. д. Более жестоким образом выступить против рабочих не мог бы и монархический прокурор. В чем разница в поведении монархии и республики? Монархии никогда волей-неволей приходится охранять свой престиж: она нуждается, как это было во времена Бисмарка, в том, чтобы использовать рабочих против буржуазии; она должна показать вид, будто она стоит над партиями, как это было сделано в Германии, когда создали так называемое социальное законодательство, цену которого мы хорошо знаем. В республике же правительство является неприкрытым представителем господствующего класса, защита интересов которого и является его задачей. Поэтому это грубая ошибка, когда считают уступкой социализму, если принимают в правительство одного или нескольких социалистов: наши противники прекрасно знают, что не буржуазные классы доставляют удовольствие социалистам, а некоторые социалисты доставляют удовольствие буржуазным классам, и представители социалистов вынуждены взять на себя ответственность за действия буржуазного правительства.

Классической страной в этом отношении является Англия. Каждый раз, когда английские рабочие пытаются стать политической властью, английское правительство идет им навстречу и не только делает им всевозможные уступки, но и вводит в правительство в качестве члена министра того или другого из их представителей, и таким образом парализует оппозиционную деятельность рабочего движения. Английские государственные люди давно уже, лучше чем английские рабочие, поняли и существование классовых противоречий. Это получило свое отражение в романе Дизраэли «Сибилла», из эпохи начала сороковых годов прошлого столетия, в котором он говорит о двух нациях, которые враждебно противостоят друг другу в промышленном государстве. Благодаря этой тактике в Англии в настоящее время отсутствует сильное социалистическое движение. Должно так продолжаться и впредь?

Жорес указал также и на то, что принятие дрезденской резолюции делает невозможной борьбу, которую они во Франции ведут против клерикализма. Не понимаю почему. Вашей борьбе с клерикализмом, уважаемый т. Жорес, ни в малейшей степени не мешает дрезденская резолюция. Вы можете, согласно с дрезденской резолюцией, в любой момент объединиться с какой-нибудь буржуазной партией для достижения определенного культурного успеха; резолюция отвергает только длительный союз ценой уступок или отказа от наших классовых требо-

ваний. В этой борьбе с клерикализмом мы вполне сочувствуем вам, мы одобряем ее, если мы даже и не всегда одобряем те средства, которые вы применяете. Но об этом я не говорю. Вы только не заблуждайтесь относительно своих союзников; пойдут ли они так далеко, как должны были пойти, — в этом я сильно сомневаюсь. Буржуазия не может отказаться от такого союзника, как бог. Ознакомимся далее с французской налоговой системой, по сравнению с которой налоговая система юнкерской Пруссии является идеальной. Нет более несправедливой, более обременительной для рабочего класса системы обложения, чем французская. Правительству, которое и держивает п д бную систему обложения, я не доверил бы и гроша. Мы должны придерживаться следующей точки зрения: согласиться со всеми мероприятиями, которые приносят серьезную пользу рабочему классу, и решительно бороться со всеми мероприятиями, которые ему вредят, при сохранении полной свободы действия и независимости.

Дрезденская резолюция посягает на независимость французских социалистов не больше, чем резолюция Каутского, за которую Жорес и его друзья голосовали в 1900 г. Но, как показал опыт, этой резолюции уже недостаточно, и поэтому мы делаем еще шаг вперед. Несомненно, нельзя установить тактику на все случаи и на все времена, так как тактика меняется в зависимости от обстоятельств. Это очень смело положил как-то Либкнехт, который сказал: «Если нужно, я меняю тактику 24 раза в 24 часа». Но тактика никогда не должна противоречить нашим принципам. Пока мы имеем дело с классовым государством, основные вехи тактики не меняются, а большего предложенная резолюция и не требует.

Заметьте вы, французские товарищи, что за ваши ошибки должны и мы отвечать, и наоборот, и поэтому мы хотим взаимно оградить себя по возможности от подобных ошибок. Какую бы тактику мы ни проводили в отдельных случаях, одного мы не должны забывать: в буржуазном мире продолжают действовать классовые противоречия, которые все больше обостряются. Поэтому существует только «за» и «против», — здесь пролетариат, там буржуазия.

Примирение невозможно.

Борьба до конца.

В. Речь Гэда.

Вот уже два дня как мы сидим здесь и не отвечаем ни на один из брошенных нам упреков. Мы также молчали, когда Жорес обвинил нас в том, что мы просили помощь конгресса нашим предложениям принять дрезденскую резолюцию, ибо мы нуждаемся в этой помощи для борьбы против его фракции. Мы молчали и тогда, когда Жорес заявил, что мы в меньшинстве, а он и его друзья имеют за собой большинство рабочего класса. То и другое неверно. Мы просили международный конгресс принять дрезденскую резолюцию, ибо она регламентирует вопрос международного значения. Число ваших членов пало в течении года с 12 тыс. до 8 тыс. человек, число же наших членов возросло с 15 тыс. до 17 тыс. чел. Вы действительно имеете 32 депутата, а мы лишь 12, но ваши депутаты были кандидатами правительства, я прошу вас назвать хоть одного вашего кандидата, который был бы избран против министерского республиканца. (Председатель прерывает оратора: «Я был избран в департаменте Рены против министерского республиканца по имени Тевене».) Ваш случай является лишь исключением, подтверждающим правило. Затем Жорес привел наше поражение в Лилле, но оно явилось лишь плодом измены его друзей, которые вели в Лилле совместно с буржуазными республиканцами борьбу против нас. У них совершенно нет чувства классовой борьбы, о которой вы говорите и которой вы практически никогда не вели. Это ясно видно из того способа, который вы применили для спасения республики. Республика для нас, как и для Маркса, идеальная почва для революции, но почему? Потому что она непосредственно и ясно выявляет классовые противоречия без династических искажений их. Однако это превосходство республиканского режима исчезает, как только пролетариат, согласно желанию Жореса, для спасения республики в момент опасности должен каждый раз заявлять свои требования. При этих условиях республика была бы наихудшей формой правления. Вы восхваляете отделение государства от церкви, освобождение умов. Но ведь это все еще в будущем. Жорес ведь сам заявил, что неважно добиться большинства за разделение церкви и государства. Но предположим, что республиканская буржуазия проведет это отделение, то все же об освобождении умов говорить не было бы никаких оснований. Посмотрите на Америку, где церковь отделена от государства. Однако несмотря на это страна во власти попов именно потому, что никакое освобождение умов невозможно до полного преобразования капиталистического общества. Надо ли еще говорить о законе о десятичасовом рабочем дне, который вы себе ставите в заслугу. 10-часовой рабочий день для женщин и детей и для мужчин в смешанных предприятиях был уже решен в 1892 г., лишь его проведение было задержано на 10 лет. Вы сообщили, что подготовляется

закон о вспомоществовании инвалиду-рабочему. Но он дает рабочим то, чего рабочие добились с трудом в монархии Гогенцоллернов. Что касается ваших заслуг в вопросе о мире, то не вы, а мы боролись против русского альянса с самого начала; то же в колониальной политике. Вы восставали против военного и колониального бюджета. Это в общем неудивительно, что вы так подумали. Ваша ошибка — основная, фундаментальная; вы рассматривали социализм как исток буржуазной революции XVIII столетия. Мы, наоборот, говорили, что социализм является результатом классовой борьбы, которая исходит из капиталистического общества и везде проявляет одинаковые явления и, несмотря на различие форм государства, одну и ту же пролетарскую тактику. Поэтому мы и ставили этот вопрос перед пролетариатом всех стран. Но у вас так мало социалистического понимания, что вы считаете, что имеются в историческом происхождении и в современном положении различия, противоречащие представлению о единообразной социалистической практике и о равном международном действии социализма. Вы тем самым вводите национализм в Интернационал, но для нас еще живы слова Либкнехта, что для нас есть только две нации — эксплоататоров и эксплоатируемых. И к этой последней нации принадлежим мы все — французские и немецкие социалисты. Не устанавливайте новых разграничений между нациями и укрепляйте нашу единую тактику, нарушение которой ведет к смерти социализма.

Г. Речь Адлера.

Мы не хотим отклоняться от дрезденской резолюции, которая выражает в кратких словах точку зрения классовой борьбы. Мы здесь должны установить правила для тактики при конкретных обстоятельствах в определенной стране в определенное время. Это однако невозможно, как бы желательно это ни было. Я не говорю, что мы не должны этого делать, а что мы не можем. Никто не был бы благодарнее меня, если бы для разрешения всех сомнительных случаев мне бы дали правила. Да, если бы мы могли найти такую норму для классовой борьбы, как она должна вестись. Но тактика зависит от обстоятельств. В 1900 г. случай с Мильераном заставил нас принять определенное решение, и мы думали только об этом одном определенном случае. Так возникла резолюция Каутского. Фактически случай с Мильераном ныне исчерпан; но сегодня вопрос уже не идет о простом участии в министерстве, а о значительно более опасном деле, которое далеко не вполне разрешается резолюцией Каутского, которая гласит: анонимное участие в буржуазном правительстве большой социалистической группы без того, чтобы какое-либо отдельное лицо несло ответственность. Одно единое лицо, если оно выступит за царя и расстрел бастующих, можно сместить; здесь же речь идет о партии, носящей название социалистической. Пролетариат будет тяжело разочарован в случае, если социал-демократия пойдет по этому пути. Я слежу за развитием событий со страхом и печалью. Но так как я ответствен за свои поступки, то я могу здесь со всяческой силой сказать жоресистам: не делайте этого. Но я не осуждаю, я не исключаю. Дрезденская резолюция является прекрасным изложением принципов, — этого никаким образом нельзя отрицать. Но на международном конгрессе мы не должны выносить никаких постановлений, которые могут быть пересмотрены лишь через 3—4 года. Мы должны ограничиться положительным разъяснением точки зрения классовой борьбы и предостеречь международный пролетариат от уклонения и оставления этого пути. Но мы не должны клеймить меньшинства, не выносить никаких приговоров, никаких проклятий.

60. Интернационал о ревизионистах.

Эта резолюция известная под именем дрезденской резолюции (на дрезденском партейтаге 1903 г. немецкой социал-демократией была принята в основном эта резолюция, осуждающая ревизионизм), была внесена «Социалистической партией Франции» на Амстердамский конгресс (1904 г.) по вопросу «О международных правилах социалистической политики». После трехдневной борьбы в специальной комиссии и на пленуме конгресса различных направлений эта резолюция была принята большинством голосов. Особую роль помощников оппортунизма играли на этом конгрессе Вандервельде и В. Адлер, своими поправками к дрезденской резолюции желавшие совершенно обезвредить ее. Эти поправки гласили:

«Первый абзац дрезденской резолюции должен быть формулирован так: съезд с величайшей решительностью объявляет, что необходимо безо всяких колебаний держаться испытанной, увенчанной успехом социалистической тактики, основанной на классовой борьбе, и что политика приспособления к существующему порядку ни в коем случае не должна заменять собою борьбы за приобретение политической власти посредством победы над нашими противниками».

Второй абзац должен начинаться словами: «Следствием такой тактики уступок было бы»...

В третьем абзаце вычеркнуть слова: «в противоположность существующим ревизионистским стремлениям». То место резолюции, где речь идет о парижском решении, должно быть изменено так: «2. Что касается опасности и неудобств участия в правительственной власти при существующем порядке вещей, конгресс подтверждает резолюцию Каутского, принятую конгрессом 1900 г.». Отклоненные большинством комиссии эти поправки на пленуме конгресса однако собрали 21 голос за и 21 против. Чрезвычайно характерно, что при голосовании резолюции представитель Бельгии Анзеле предложил воздержаться от голосования по этому вопросу представителям России, Польши, Болгарии, Испании и Японии, так как-де эти страны не могут определять тактику больших партий. В ответ на это Р. Люксембург, представлявшей Польшу, было оглашено письменное заявление за подписями Плеханова, Раковского, Катаямы и испанца Иглезиаса, в котором они протестовали против «попытки разделить его участников на активных и пассивных граждан и устроить нечто вроде концерта великих держав по вопросам, касающимся всего международного социализма». Подробности об этом конгрессе см. Плеханово Собр соч., т. XVI.

«Конгресс самым решительным образом осуждает ревизионистские стремления изменить нашу испытанную и увенчанную успехом тактику, основанную на классовой борьбе, и поставить на место завоевания политической власти путем победы над нашими противниками политику приспособления к существующему порядку.

Последствием подобной ревизионистской тактики было бы превращение партии, стремящейся к возможно быстрому преобразованию существующего буржуазного строя в социалистический и следовательно партии революционной в лучшем смысле этого слова — в партию, довольствующуюся реформированием буржуазного общества.

Поэтому конгресс, в противоположность существующим ревизионистским стремлениям, убежденный, что классовые противоречия не только не ослабляются, а постоянно обостряются, заявляет:

1) что партия отклоняет от себя всякую ответственность за основанные на капиталистическом способе производства политические и экономические порядки и отказывается ассигновывать какие бы то ни было средства, которые направлены к поддержанию господствующего класса у власти;

2) что социал-демократия, согласно резолюции Каутского на международном конгрессе 1900 г. в Париже, не может стремиться к участию в правительственной власти в рамках буржуазного общества.

Далее конгресс осуждает всякое стремление к затушевыванию существующих классовых противоречий, облегчающему сотрудничество с буржуазными партиями.

Конгресс ожидает, что социал-демократические фракции (парламентов) будут попрежнему пользоваться той возрастающей силой, которая создается увеличением числа их членов огромным приростом стоящих за ними масс избирателей — для выяснения целей социал-демократии и для того, что соответственно основным положениям нашей программы со всей энергией и настойчивостью защитить интересы рабочего класса, добиваться расширения и упрочения политической свободы и равноправия; для того чтобы вести еще более энергичную чем до сих пор борьбу против милитаризма и маринизма, против колониальной и империалистической политики, против бесправия, угнетения и эксплоатации во всех ее формах, для того чтобы энергично содействовать развитию социального законодательства и выполнению исторических и культурных задач рабочего класса».

61. Единство партии.

А. Постановление Амстердамского конгресса.

«Конгресс объявляет:

Для того чтобы рабочий класс мог проявить всю свою силу в борьбе против капитализма, необходимо, чтобы в каждой стране существовала, в противовес буржуазным партиям, только единая социалистическая партия, как существует единый пролетариат. Поэтому все товарищи и социалистические организации обязаны стараться всеми силами достигнуть этого единства партии на почве определенных международными конгрессами принципов, — единства, необходимого в интересах пролетариата, перед которым они являются ответственными за все роковые последствия раскола.

Чтобы помочь в достижении этой цели, как международное социалистическое бюро, так и партии всех стран, в которых существует это единство, с полной готовностью сделают все зависящее от них в этом направлении».

Б. Резолюция Копенгагенского конгресса.

«Международный конгресс в Копенгагене, основываясь на постановлениях Амстердамского конгресса относительно единства партии,

принимая во внимание, что пролетариат един и что поэтому каждая секция Интернационала должна представлять единую группу, обязанную в интересах пролетариата своей страны и всего мира отбросить в сторону всякого рода внутренние разногласия,

принимая далее во внимание, что рост силы и влияния социалистического движения во Франции зависит только от единства, —

призывает все национальные секции, которые до сего времени пребывают в состоянии раскола, как можно скорее восстановить единство

и поручает Международному социалистическому бюро предложить свое содействие в деле проведения этого единства».

62. Аграрный вопрос во II Интернационале.

А. Резолюция Цюрихского конгресса (1893 г.).

«Конгресс подтверждает право общества на землю и ее недра. Конгресс объявляет, что одна из наиболее важных обязанностей социал-демократии заключается в организации сельскохозяйственных рабочих, подобно организации индустриального пролетариата, и во включении их в боевые ряды международного социализма.

Конгресс постановляет, что представители всех наций должны представить к следующему конгрессу доклады об успехах пропаганды в деревне и вообще об аграрных отношениях в соответствующих странах. Доклады эти должны главным образом указать, какое положение, какие средства и какой метод агитации социалисты считают наиболее соответствующим аграрным отношениям своей страны по отношению к сельскохозяйственным наемным рабочим, мелким собственникам, арендаторам и др.

Конгресс постановляет, что аграрный вопрос ввиду своей сугубой важности и недостатка внимания, уделяемого ему до сих пор на международных конгрессах, должен быть внесен в порядок дня следующего конгресса и поставлен во главе очередных вопросов».

Б. Резолюция Лондонского конгресса (1896 г.).

«Непрерывно увеличивающиеся бедствия, которые влечет за собой для земледельца капиталистическая эксплоатация сельского хозяйства, могут окончательно исчезнуть только в таком обществе, где земля — так же как и другие средства производства — будет обобществлена и где работа будет производиться в целях общего блага при пользовании наиболее совершенными приемами обработки.

Земельные отношения и распределения сельского населения на социальные категории в разных странах представляют слишком большие различия для того, чтобы можно было выработать одну общую формулу, которая указывала бы рабочим партиям одни и те же средства для осуществления их общей цели и которая бы удовлетворила все классовые группировки, заинтересованные в осуществлении этих целей. Тем не менее существенная предварительная задача для каждой рабочей партии — это организация сельского пролетариата в его классовой борьбе с теми, кто его эксплоатирует. Исходя из этих положений, конгресс объявляет, что надо предоставить различным нациям определить способы действия к достижению своих целей, наиболее соответствующие положению каждой страны. Конгресс полагает необходимым для обмена сведениями рабочих партий установить международные сношения между комиссиями исследования — как уже учрежденными, так и теми, которые будут учреждены в различных странах — для того, чтобы собрать статистические сведения и другие работы, относящиеся к аграрному вопросу».

63. Колониальная политика и социал-демократия.

А. Из доклада Международному амстердамскому социалистическому конгрессу представителя голландской социал-демократической партии Ван-Кола.

«Колониальная политика налагает свою печать на историю нашего времени. Она тесно связана с экономической организацией XX в. и ей суждено играть важную роль в будущем человечества. Стремление к колониальным захватам — универсально; оно есть следствие развития капиталистического общества.

Социал-демократия должна будет вмешаться в разрешение этой проблемы, имеющей чрезвычайную важность. Для нее важно занять определенное положение в этой борьбе за завоевание земного шара, — важно по тем мотивам, которые мы ниже излагаем.

«Международный социалистический конгресс в Амстердаме заявляет, что социал-демократы обязаны занять в колониальной политике определенное положение по следующим причинам:

1. Историческое развитие предоставило многим странам колонии, экономически тесно связанные с метрополией, политически совершенно отвыкшие от самоуправления; предоставить их самим себе невозможно, хотя бы с точки зрения международных отношений».

Колонии [1] существуют и будут еще существовать в течение многих веков; они неразрывно вплетены в историю человечества. И в каждом специальном случае придется решать, должна ли та или иная страна сохранить за собой свои заморские владения. Это будет зависеть от исторических отношений, от экономического и политического развития или от соотношения сил колоний и метрополии. В большинстве случаев нельзя будет просто отказаться от старых колоний, которые, не имея привычки к самоуправлению, будучи ослаблены вековой опекой, окажутся ввергнутыми в анархию и в нищету. Совершенно покинуть слабого или несознательного ребенка, неспособного обходиться без нашей помощи, значило бы сделать его жертвой безудержной эксплоатации или чьего-нибудь нового владычества.

История прошлого заставляет нас заботливо отнестись к интересам туземцев, слишком долго эксплоатировавшихся не знающим жалости капитализмом.

Социализм должен будет создавать сначала условия, при которых более или менее дикое состояние сможет уступить место более высокой культуре, истинной цивилизации.

В известных случаях предстоит выполнить священный моральный долг. Таково положение Голландии по отношению к колонии Ява, которая спасла Голландию от банкротства, которая снабжала ее казну сотнями миллионов (плоды принудительного труда) и которой Голландия обязана частью своего национального достояния, в значительной степени развитием своей торговли и своего мореплавания, а также и пышного расцвета своей промышленности. Ява главным образом и создала величие Голландии, позволила ей занять видное место среди других держав; Ява была единственной колонией в мире, которая в течение трех столетий давала огромные барыши метрополии, тогда как последняя принесла Яве лишь разорение и нищету. Эта разнузданная эксплоатация вопиет о возмездии. Голландия должна будет хотя бы отчасти уплатить свой долг чести, поддержать слабого, поднять угнетенного, доставить благосостояние тому краю, где она посеяла нищету! Позор прошлого будет изглажен лишь тогда, когда Голландия обеспечит за этими миллионами обездоленных лучшее будущее, лишь тогда, когда этот ребенок, сделавшись взрослым, сможет существовать свободным и пользоваться самостоятельностью.

2. Современный капитализм толкает цивилизованные страны к непрерывному расширению как для отыскания новых рынков для их продуктов, так и для того, чтобы находить поприще для быстрого роста капиталов. Против этой завоевательной политики, часто сопровождаемой преступлениями и грабежами, имеющей единственной целью удовлетворение ненасытной жадности капиталиста к золоту и вызывающей все новые и новые расходы на милитаризм, — следует беспощадно бороться. Она приводит государство на путь протекционизма и шовинизма, который представляет собою вечный источник международных конфликтов на всем земном шаре, усиливает власть господствующих классов, увеличивает гнет, тяготеющий над пролетариатом, и задерживает его освобождение.

Быстрый рост производительных сил, непрерывное усовершенствование машин, применение пара и электричества в промышленности, гигантское развитие средств перевозки и сообщения, непрерывно улучшаемые условия кредита — все это должно было привести при капиталистическом строе к гигантскому перепроизводству.

Капиталистические страны производят гораздо больше, чем могут продать, и богатства растут быстрее, чем возможность прибыльного применения их к делу; анархия нашей общественной организации выступает очевиднее, чем когда-либо.

Цивилизованный мир стал слишком мал. В нем образовался излишек рабочих и машин, товаров и капиталов, которые ищут себе применения в отдаленных странах, чтобы избежать постоянно угрожающего кризиса. Фабрики должны работать даже в убыток, чтобы не увеличивать до опасных размеров армии безработных, чтобы не вызвать насильственной революции.

Капитализм ведет к империализму, последний же неизбежно толкает к милитаризму, разоряющему народы и высасывающему из них все соки. И вот почему мы объявляем беспощадную войну капиталистической колониальной политике, которая еще более усиливает господствующие классы, увеличивает возможность эксплоатации производителей, благоприятствует развитию милитаризма и взамен ничтожных благ дает лишь тяготы, невыносимые для рабочего класса, освобождение которого она замедляет.

Эти империалистические стремления при-

[1] Под этим обычным названием мы подразумеваем в этом докладе не колонизацию в собственном смысле этого слова и не военные или пенитенциарные колонии, а лишь владения в тропических странах. (Прим. Ван-Коля).

дают новую ценность колониальным владениям, и старый режим торговой монополии отчасти возрождается из пепла. Колониальные захваты усилятся, увеличивая тяжесть, лежащую на рабочих классах, так как прибыль пойдет крупным промышленникам, торговым домам, субсидируемым обществам навигации, спекуляторам на концессии, крупным чиновникам. Колонии — это действительно «роскошь, дорого стоящая» (Молинари) всем европейским нациям.

Колониальный бюджет Франции повысился с 1858 по 1900 г. с 20 млн. до 100 млн.; вместе с экспедиционными расходами метрополия тратит на колонии ежегодно 175 млн. франков, вывозя туда ежегодно лишь на 170 млн. (4,5% всего экспорта). Германии пришлось покрыть в 1903 г. колониальный дефицит в 39 300 тыс. франков в обмен на самые ничтожные выгоды для ее торговли и промышленности [1]. Прибавьте сюда расходы на флот и на армию, и придется признать, что издержки на империализм приняли размеры, прямо-таки подавляющие для пролетариата, и что империализм — препятствие к социальным реформам.

И несмотря на все это, приходится ли осуждать всякое колониальное владение, во всяком случае всегда и везде?

3. Новые потребности, которые явятся после победы рабочего класса и после его экономического освобождения, создадут необходимость в колониальных владениях даже при социалистическом строе будущего.

Современные страны не могут уже обходиться без тех местностей, которые доставляют известные сырые материалы и тропические продукты, необходимые для индустрии и для удовлетворения потребностей человечества, — не смогут до тех пор, пока не явится возможность добывать все необходимое путем обмена продуктов местной промышленности и торговли.

Следовательно даже будущему социалистическому обществу придется вести колониальную политику, регулировать отношения между странами, достигшими высшей ступени экономического развития по сравнению с отсталыми расами.

В том вовсе не невозможном случае, если бы умеренные зоны оказались перенаселенными и если бы тропические страны оказались необходимыми старому миру для получения оттуда средств к существованию и сырых материалов, человечеству придется решать новые задачи. С 1870 по 1900 г. более 20 млн. человеческих существ уже покинули Европу, население которой возрастает все же ежегодно на 0,88%.

Цивилизованным народам, завоевавшим социальное равенство, может оказаться тесно в слишком узких пределах старого мира, тогда как в других частях света найдется под солнцем место для миллионов человеческих существ [2].

Сможем ли мы тогда покинуть половину земного шара на произвол народов, находящихся еще в периоде детства, оставляющих нетронутыми громадные подземные богатства и самые плодородные части нашей планеты? Или же мы должны будем в интересах всего человечества вмешаться, дабы земля — собственность всего рода человеческого — доставляла всем своим жителям средства существования? Разве под социализацией средств производства мы не должны подразумевать, что все средства к жизни и труду будут принадлежать всем?

Будущее решит этот вопрос, но и для современного общества неизбежно обладание колониями. Современный человек не может существовать без сырых материалов, необходимых для промышленности (хлопок, лес, каучук, слоновая кость и т. д.), без пищевых продуктов, которых нельзя добыть нигде, помимо этих стран, а если можно, то лишь с громадными трудностями (кофе, табак, чай, хинин, мускатный орех и т. д.). Большая часть земного шара непригодна для обработки; и ввиду того, что цивилизованные страны могут оказаться неспособными удовлетворять свое население, придется даже препятствовать народам примитивным уничтожать без смысла коллективные богатства — сжигать леса, истощать почву, истреблять животных.

«Колониальная политика, — говорит В. Либкнехт, — заселяющая мир, двигающая вперед цивилизацию и прогресс человечества, вполне оправдываема» (речь в рейхстаге 21 июня 1889 г), но Либкнехт выражал тогда опасение, что для такой колониальной политики время еще не пришло.

Весьма вероятно или возможно, что существование колоний окажется лишь временным в истории мира. Когда цветные расы достигнут высшей ступени цивилизации, экономического развития; когда разовьются промышленность и земледелие и сделается возможным обмен по договору, они будут иметь право на автономию или вернее они уже тогда будут пользоваться

[1] Торговый оборот германских колоний достиг в 1901 г. лишь 71 млн. франков: значительная часть приходится на спирт для туземцев и на жизненные припасы для правительственных чиновников. (Прим. Ван-Коля).

[2] 1 550 млн. населяющих землю рассеяны по площади в 137 млн. км², т. е. на 1 км² приходится 11,6 душ. Европа насчитывает 40,5 жителя на том же пространстве, а к 1900 г. при теперешнем увеличении населения число это удвоится. (Прим. Ван-Коля.)

ею. Но очень долгий срок отделяет нас еще от этого периода человеческой солидарности, когда вся земля составит единый мировой союз кооперации и ассоциации производительных сил, универсальную организацию братства народов. В ожидании такого строя было бы отлично отказываться от расширения колоний до наступления социалистической эры.

Напротив, мы должны взвешивать в каждом специальном случае полезность или вред того или иного колониального владения, рассматривая вопрос с различных вышеперечисленных сторон. (Та или иная колония может быть полезна, но также и вредна; когда колония представляет собою слишком тяжелую ношу для метрополии, то последняя может оказаться и раздавленной этой тяжестью.) Вообще говоря, буржуазия преувеличивает выгоды колоний и забывает, что в большинстве случаев те же выгоды могут быть получены без захвата колоний, т. е. без завоевательных войн, без вспышек расовой ненависти, которые являются следствием подобных захватов.

Социал-демократическая партия, основой политической деятельности которой является развитие классов, их борьба, и которая, согласно своим принципам, своей цели и стремлениям, строго осуждает все виды эксплоатации как отдельных индивидуумов, так и классов, рас и народов, принимает за руководство в своей колониальной политике следующие правила:

Так как капитализм является неизбежной стадией экономической эволюции, которую должны будут пройти также и колонии, то необходимо сделать возможным и в колониях рост промышленного капитализма, даже если бы для этого было необходимо пожертвовать старыми формами собственности (коммунальными и феодальными).

Но в то же время социал-демократия должна бороться всеми силами против *дегенерирующего влияния этого капиталистического развития на колониальный пролетариат*, тем более, что последний, как это можно предвидеть, не будет способен вести эту борьбу собственными силами.

Гипотеза К. Маркса, что некоторые страны смогут, хотя бы отчасти, миновать капиталистический период в своей экономической эволюции, не осуществилась; первобытные народы придут к цивилизации, лишь пройдя эту Голгофу. Наш долг, следовательно, *не задерживать развития капитализма* — необходимого звена в истории человечества; мы можем даже способствовать его нарождению, смягчая муки родов...

Помешать развитию *уродливых форм эксплоатации*; защитить туземцев, обуздать хищничество капиталистов, создать, насколько это возможно, сознательный и социалистический пролетариат, который сможет со временем овладеть своей самостоятельностью, — вот долг, который ставит нам история, вот задача, которую мы можем выполнить».

Б. Резолюция Амстердамского конгресса 1904 г.

«Принимая во внимание, что капиталистическая эксплоатация непрерывно расширяющихся колониальных областей становится все сильнее и беспорядочнее, что она истощает естественные богатства колоний и подвергает туземные народы тягчайшему, нередко кровавому угнетению; что эксплоатация эта приносит пролетариату еще бо́льшую нищету, — конгресс напоминает о решении Парижского конгресса 1900 г. относительно колониального вопроса и империалистической политики и заявляет, что на обязанности социалистических партий и парламентских фракций различных стран лежит: 1) безусловно противиться всяким империалистическим и протекционистским проектам, всяким колониальным завоевательным походам и всяким военным расходам на колонии; 2) бороться против всяких монополий и всяких крупных земельных концессий и строго следить за тем, чтобы богатства колоний не расхищались классом крупных капиталистов; 3) беспощадно разоблачать в печати все жестокие насильственные действия, жертвою которых являются туземцы; требовать для них энергичных мер охраны от военного варварства и капиталистической эксплоатации и особенно следить за тем, чтобы путем обмана или насилий не производилось грабежа по отношению к собственности туземцев; 4) предлагать и поддерживать мероприятия, которые могут улучшить положение туземцев, как то: общеполезные работы, гигиенические мероприятия, устройство школ и т. д.; стремиться к тому, чтобы парализовать вредное влияние миссионеров; 5) требовать для туземцев той свободы и самостоятельности, которая соответствует уровню их развития, имея в виду, что цель, к которой должно стремиться, — полная эмансипация колоний; 6) требовать парламентского контроля над внешней политикой, так как последняя, вследствие естественного развития парламентской системы, все больше и больше подвергается скрытому влиянию плутократической клики».

B. Резолюция Штуттгартского конгресса.

Резолюция Штуттгартского конгресса принята была после ожесточенной борьбы представителей различных направлений в специальной комиссии конгресса и на пленуме единогласно за исключением голландской делегации. В комиссии большинство принадлежало оппортунистам (Ван-Коль, Давид, Бернштейн и др.). Первый абзац этой резолюции принят на пленуме конгресса в редакции меньшинства членов комиссии [Карский (Мархлевский), Ледебур, Вурм, Браке и др.]. Вместо этого абзаца оппортунистическое большинство комиссии предлагало принять следующее положение: «Конгресс устанавливает, что польза и необходимость колоний вообще, а для пролетариата в особенности, сильно преувеличена. Но он не отвергает принципиально и для всех времен всякую колониальную политику которая при социалистическом режиме может сыграть цивилизаторскую роль». Докладчик Ван-Коль, обосновывая это положение, говорил: «Вести активную политику действия — вот наша обязанность... До 1870 г., когда мы были еще маленькой группой, когда мы еще верили в теорию катастроф, мы считали достаточным только протестовать против капитализма... Теперь мы признали своей обязанностью начать действовать против капитализма. В колониальной политике нам нужно иметь свою программу реформ». Большинство комиссии поэтому предложило резолюцию, которая требует «социалистической колониальной политики». Это положение большинства комиссии было отвергнуто 128 голосами против 108 при 10 воздержавшихся. Пленум конгресса также отклонил, по предложению меньшинства комиссии последний абзац проекта резолюции, который гласил: «С этой целью депутаты социалистических партий должны предлагать своим правительствам заключить международный договор, создающий колониальное право, которое защищает право туземцев и которое должно быть со своей стороны гарантировано государствами, заключившими договор». Подробнее см. Ленин Соб. соч. т. VIII, стр. 498, 1-е изд.

«Конгресс держится того мнения, что капиталистическая колониальная политика, в силу самой своей сущности, ведет к порабощению, принудительному труду или к истреблению туземного населения колониальных областей. Цивилизаторская миссия, на которую ссылается капиталистическое общество, служит лишь прикрытием завоевательных и эксплоататорских вожделений. Только социалистическое общество дает всем народам возможность достигнуть высшей ступени культуры. Вместо того чтобы увеличить сумму производительных сил, капиталистическая колониальная политика, путем порабощения и разорения туземцев и убийственных опустошительных войн, разрушает природные богатства страны, где она насаждает свои порядки. Этим она замедляет и задерживает даже развитие торговли и сбыт продуктов промышленности цивилизованных государств.

Конгресс осуждает варварские способы капиталистической колонизации и требует, в интересах развития производительных сил, такой политики, которая обеспечивала бы мирное культурное развитие и при которой природные богатства земли служили бы прогрессу всего человечества.

Конгресс подтверждает резолюции по колониальному вопросу, принятые на Парижском (1900 г.) и Амстердамском (1904 г.) конгрессах, и еще раз отвергает теперешний способ колонизации, который, будучи по существу своему капиталистическим, преследует одну лишь цель — завоевание чужих земель и покорение чужеземных народов для беспощадной их эксплоатации в интересах ничтожного меньшинства, увеличивая бремя, лежащее на пролетариате метрополий.

В качестве врага всякой эксплоатации человека человеком, в качестве защитника всех угнетенных без различия расы конгресс осуждает эту политику грабежа и завоеваний, которая представляет собой не что иное, как циничное пользование правом сильного и попирание прав побежденных народов.

Колониальная политика увеличивает опасность военных осложнений между государствами, занимающимися колонизацией, а расходы на войска и флот ложатся на них еще бо́льшим бременем.

В финансовом отношении необходимо, чтобы колониальные расходы, как те, которые вызываются развитием империализма, так и те, которые делаются в интересах экономического развития колоний, ложились на тех, кто один только и извлекает пользу из ограбления чужих земель и оттуда черпает свои богатства.

Конгресс заявляет наконец, что социалистические депутаты обязаны вести в своих парламентах непримиримую борьбу с этим способом эксплоатации и порабощения, господствующим во всех существующих колониях. С этой целью они должны стоять за реформы, способные улучшить участь туземцев, должны прервать нарушения их прав, всякой эксплоатации и порабощения их и стараться всеми имеющимися в их распоряжении средствами воспитывать в туземцах независимость».

II ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ВОПРОСЫ ВОЙНЫ.

64. Штутгартский интернациональный конгресс о войне.

(Прения в комиссии конгресса).

А. Речь Бебеля.

«По-моему, мы уже так часто обсуждали на интернациональных конгрессах вопрос о милитаризме и о войне, что было бы совершенно достаточно просто подтвердить прежние решения. («Правильно!») Но поскольку французские товарищи потребовали главным образом из-за так называемой антимилитаристической агитации Эрве, чтобы мы поставили этот вопрос в порядке дня, приходится опять заняться его обсуждением. В своей книге «Leur patrie» («Их отечество») Эрве не говорит нам ничего нового о милитаризме и патриотизме. Это все уже нам говорил на прежних конгрессах Домела Ньювенгус («Правильно!»), и все конгрессы подавляющим большинством неизменно отклоняли его резолюции.

Наша точка зрения и теперь не изменилась. Эрве говорит: отечество — это отечество господствующих классов, и пролетариату до него нет никакого дела. Аналогичная мысль выражена в «Коммунистическом манифесте» в словах: «У пролетария нет отечества». Но, во-первых, ученики Маркса и Энгельса уже высказывались в том смысле, что они не разделяют больше этого взгляда, а во-вторых, в течение этих десятилетий они занимали по отношению к европейскому и в частности к немецкому национальному вопросу определенную и вовсе не отрицательную позицию. Мы боремся не против отечества, как такового, — пролетариат имеет на него гораздо больше права, чем господствующие классы, — но против тех порядков, которые существуют в этом отечестве в пользу господствующих классов. («Совершенно правильно!») Парламент ведь также является учреждением господствующих классов в целях сохранения их классового господства, и все же мы идем в парламент не только для того, чтобы бороться против классового господства, но и для того, чтобы исправить существующие порядки. Мы не ограничиваемся одним отрицанием, мы делаем и положительную работу. Культурная жизнь и культурное развитие народа возможны только на основе полной свободы, независимости и с помощью родного языка.

Вот почему все народы, находящиеся под чужеземным гнетом, стремятся к национальной независимости. Это мы видим в Австрии, это мы видим в борьбе поляков за свое национальное возрождение.

И в России, как только она станет современным государством, проснется национальный вопрос. (Протест т. Люксембург.) Я знаю, что вы стоите на иной точке зрения, но я считаю вашу точку зрения неправильной. Каждая нация, живущая под властью другой, прежде всего борется за свою независимость. Если Эльзас-Лотарингия сопротивлялась отделению от Франции, то это было потому, что она в течение столетия участвовала в ее культурном развитии, пользовалась всеми завоеваниями великой революции и таким образом без всякого ущерба для своей национальности была культурно тесно связана с Францией.

Идея Эрве, что пролетариату решительно все равно, принадлежит ли Германия Франции или Франция Германии — абсурдна. (Возглас: «Да это вообще не идея». Смех.) Если бы Эрве вздумал всерьез пропагандировать эту мысль среди своих соотечественников, то я боюсь, что ему от них здорово бы влетело. («Правильно!») Как далеко может зайти национальное возбуждение в случае войны, мы видели в 1870 г., когда масса считала Наполеона зачинщиком, хотя зачинщиком-то был Бисмарк, провоцировавший, как это впоследствии стало известно, объявление войны посредством фальсификации эмской депеши, и возбуждение направлено было также и против нас, потому что мы воздержались от голосования за военный кредит, считая, что оба правительства одинаково виноваты в войне. История с эмской депешей нам была еще неизвестна. Утверждение, что иногда трудно отличить оборонительную войну от наступательной, я считаю совершенно неверным. Теперь дело обстоит не так: осведомленный и наблюдательный политик всегда будет знать о подготовке к военной катастрофе. Политика тайных кабинетов уже отжила свой век.

Попробуем разобрать вопрос антимилитаризма в понимании Эрве с практической точки зрения. Я не знаю, применима ли тактика Эрве во Франции, и боюсь, что мало хорошего получится, если мы вздумаем там применять в случае войны средства Эрве: всеобщую забастовку, дезертирство запасных и ополчения и открытое восстание. Я должен прямо заявить, что у нас подобные средства совершенно невозможны и не подлежат даже обсуждению. Как обстоят дела с Германией, мы видим на примере Карла Либкнехта, которого обвиняют в государственной измене, хотя он в своих ин-

сайнях определенно открещивается от Эрве и объявляет его тактику невозможной. Не знаю также, не является ли сомнительной антимилитаристская агитация Эрве с его собственной точки зрения. Немецкие военные круги и немецкий главный штаб следят за ним с большим вниманием, и военная партия — правда, у нас она ничтожна и еще не имеет опоры в правительственных кругах — приветствует все, что может ослабить возможного будущего противника. («Слушайте, слушайте!») Влиятельные круги Германии не хотят войны отчасти из-за социалистического движения. Князь Бюлов мне сам сознался, что правительство знает, какие последствия может иметь великая европейская война для государства и общества, и поэтому постарается, поскольку возможно, ее избегнуть.

По вышеизложенным основаниям мы не можем также голосовать за резолюцию Жореса и Вальяна, которые в заключение делают подозрительные уступки эрвеизму. Этого совсем не нужно говорить. По существу мы едины в борьбе против милитаризма и войны. Уже сорок лет, как мы, немцы, ведем борьбу против них и настойчивее нас не боролся никто. («Правильно!») Наоборот, нам часто выставляют Жореса как образец патриотизма. (Жорес: «Точь в точь, как вас указывают мне во Франции».) Правильно, меня выставляют у вас «великим патриотом», который стоит за всякую войну, хотя бы и не оборонительную. У нас думают, правда, по-другому. Во время инцидента в Марокко мы сделали чрезвычайное усилие по обе стороны границы, чтобы предотвратить войну. Если мы как социал-демократы не можем совершенно отказаться от вооруженной силы до тех пор, пока отношения между отдельными государствами в корне не изменились, то эта военная сила должна служить исключительно целям обороны и быть основанной на широком демократическом базисе, который бы исключал возможность злоупотребления военной силой. Таким образом мы в Германии боремся против современного милитаризма на суше и на воде во всех его формах и всеми нашими силами. Но сверх этого не можем дать себя увлечь и принять методы борьбы, которые могли бы иметь роковые последствия для деятельности партии и при известных обстоятельствах даже для ее существования. Я надеюсь, что по окончании общих прений нам удастся в подкомиссии притти к соглашению». (Оживленные аплодисменты.)

Б. Речь Эрве.

«Я, право, не знаю, действительно ли главный штаб в Берлине наблюдает за моей агитацией с таким интересом и с такой радостью, но одно я знаю наверняка. Не только мои ближайшие друзья, нет, весь социалистический мир наблюдает с удивлением и печалью за отношением немецкой социал-демократии к милитаризму. Как дошли мы до нашей такой грубой, такой беспардонной, такой дикой антимилитаристической агитации во Франции? Это было в самые жаркие дни русской революции, в те дни, когда прусские штыки являлись постоянной угрозой для русских революционеров. И мы спрашивали самих себя: как будет противодействовать этому немецкая социал-демократия, и должны были бояться, что она против такого преступления только «бросит на чашку весов моральный вес своих 3 миллионов голосов». (Смех.) А затем наступил марокканский инцидент, когда фурия войны летала над Германией и Францией, и мы задали себе тот же вопрос и опять должны были себе сказать, что Германия в ответ могла сослаться только на моральный вес своих трех миллионов голосов. Бебель благосклонно сообщил мне, что отечество в современной Европе является историческим фактом. Но я узнал от Бебеля еще гораздо более интересные вещи: в Амстердаме он нам сказал: «Социалистам безразлично, немецкая ли монархия, французская ли республика», и то же самое я вам говорю сегодня: каждое отечество есть не что иное, как дойная корова для капиталистов. Оно является для всех пролетариев мечтой, из-за которой, право, не стоит разбивать себе голову. Волки, сидящие за разными решетками, давно уже объединились, а наша задача теперь объединить овец и вывести за разноцветные пограничные столбы. Бебель проводит очень тонкое различие между наступательной и оборонительной войнами. Да, когда дело идет о том, чтобы проглотить маленькое Марокко, тогда наступательная война не маскируется, но если когда бы то ни было разразится война между великими державами, тогда могущественная капиталистическая пресса вызовет такую бурю национализма, что у нас нехватит сил противостоять ей, и тогда вы запоздаете с вашими

тонкими различиями. Ведь когда вы узнали о том, что эмская депеша была подделана? Десять лет спустя после войны, в которой погибло столько пролетариев. Моя антимилитаристская агитация должна была быть громким криком, предостережением немецкой социал-демократии, чтобы она в свою очередь исполнила свой долг перед Интернационалом и сделала войну невозможной. Моя агитация имела во Франции величайший, огромнейший успех. (Смех.) А разве это не успех, что я мог говорить в каждом городе, в каждой деревушке Франции об идее отечества, и меня не разорвали на куски? Осмеянные эрвеисты на последнем французском партийном съезде голосовали за Жореса и Вальяна в вопросе о милитаризме. Голоса осмеянных эрвеистов дали на последнем французском партийном съезде перевес в пользу резолюции Жореса и Вальяна по милитаризму и против Гэда. (Протест Жореса.) Мы хотели показать, вам, немцам, пример нашей блестящей успешной агитации, которому вы должны были бы последовать. И мы действовали не из-за волнения нашей буржуазии по поводу исправления границ 1871 г., а потому, что у нас революционное прошлое. Правда, Бебель сказал в Амстердаме, что прусские штыки принесли нам республику, но 14 июля, взятие Тюильри в февральскую и мартовскую революцию вряд ли нам сделали прусские штыки. (Смех.) Немецкая социал-демократия не пойдет за нами; в этом отношении после речи Бебеля невозможны никакие иллюзии. Я не забываю о великих заслугах Маркса, Энгельса, Лассаля, Каутского, Бебеля и единственного мужественного человека сегодня, Эдуарда Бернштейна, но теперь вы только машины для выборов и подсчетов, партия мандатов и касс. Вы хотите завоевать мир избирательными бюллетенями. Но я спрашиваю вас: если немецких солдат пошлют восстановить трон русского императора, если Пруссия и Франция застанут врасплох пролетариат, что вы тогда сделаете? Отвечайте мне не метафизически, не диалектически, а открыто и ясно, практически и тактически, что вы сделаете? Я знаю, в 1871 г. Бебель был заключен в тюрьму как мятежник. Тогда вы были в состоянии сотнями не обращать внимания на немецкие тюрьмы, когда правительство Бисмарка вас преследовало. Вы решились на это под железными законами Бисмарка, потому что опасность угрожала вашему политическому положению и вашим успехам на выборах, а сегодня (судя по речи Бебеля) вы больше не способны на это, сегодня, когда дело идет о том, чтобы предотвратить катастрофу, которая может стоить жизни сотням тысяч немецких и французских рабочих. (Роза Люксембург: «Неправда!») К вам это, конечно, не относится. Но, вообще-то, об этом ничего не слышно. (Бебель: «Вы об этом понятия не имеете, мы сидим в десять раз больше в тюрьме, чем все французские антимилитаристы вместе».) Нет, теперь вся немецкая социал-демократия обуржуазилась, и Бебель стал ревизионистом, если у него хватило духу сегодня сказать нам: пролетарии всех стран, убивайте друг друга! (Волнение.) Если вы отрекаетесь от нас, от пропаганды антимилитаризма, тогда, значит, наша агитация пошла на пользу не миру, а войне. (Вандервельде: «Вы по обыкновению работаете в пользу прусского короля». Смех.) Бельгия тоже только наполовину заинтересована в вопросах национальных конфликтов. (Волнение.) Я горел нетерпением лично познакомиться с немецкой социал-демократией. До сегодняшнего дня я знал ее только по казуистическим буквоедским спорам в толкованиях Карла Маркса. Теперь я видел их, немецких пролетариев, здесь на улицах Штутгарта. Все мои наивные иллюзии разрушены. Это — все благоденствующие, самодовольные и сытые обыватели. (Шум и смех.) Мы морально обезоружили французский главный штаб, ибо он знает, что война будет сигналом к восстанию пролетариата. Но что касается Германии, то приходится допустить возможность, что при солдатском послушании социал-демократов своему «императору» Бебелю, они без всякого сопротивления пойдут и за другим «императором» на войну и вонзят свои штыки в грудь французских пролетариев, которые будут в это время защищать баррикады под красным знаменем революции». (Волнение и смех.)

В. Речь Фольмара.

«Гражданин Эрве познакомил нас с открытием, сделанным им во время своего первого путешествия в неизвестные дебри Германии. Он открыл, что немцы добродушный народ. Его наблюдения совершенно правильны. Немного найдется стран, где партийные товарищи выслушивали бы такие речи с таким терпением и благодушием... (возгласы: «Очень хоро-

шо!») и ограничились бы только ответом, подобным моему.

Правда, некоторые немецкие члены партии нашли, что выражения гр-на Эрве относительно мужества и готовности итти в тюрьму — вопрос, в котором каждый социалист, да просто каждый человек с известным тактом должен был бы воздержаться от хвастовства... (*возгласы*: «Очень хорошо!») а также относительно сущности немецкой социал-демократии и еще некоторые другие вопросы переходят за границы терпимой шутки. Я однакоже полагаю, что чувство собственного достоинства не позволяет нам серьезно отнестись к подобным выходкам и удостаивать их хотя бы единым словом возражения. («Очень хорошо!» — *в рядах немецкой делегации.*) Я совершенно не думаю, что гр-н Эрве является представителем французской партии, что она ответственна за каждую частность его речи. Но как я ни далек от намерения вмешиваться во внутренние дела французских товарищей, все же я считаю своим долгом обратить их внимание на опасность чересчур мягкого отношения к гр-пу Эрве, ибо если Жорес и Вальян не употребляют здесь выражений, которые сам гр-н Эрве называет грубыми, то выводы, к которым они приходят,— те же, и Эрве имел право торжествующе указывать на себя, как на союзника Жореса и Вальяна при проведении резолюции в Нанси. Я подчеркиваю это потому, что Жорес предостерегал нас от преувеличенной оценки влияния гр-па Эрве. Да, если бы только французская партия сама не принимала слишком всерьез его агитации, если бы она не только наполовину отрекалась от его идей и если бы она в главных пунктах не принимала его выводы. Ну, что касается нас — немцев,— то мы теперь познакомились лично с «страшным антимилитаризмом», и я могу только сказать, что теперь многое из того, что происходит во французской партии, стало нам понятным. И мы ничему больше не удивляемся. («Очень хорошо!— *среди немецкой делегации.*) Теперь довольно об Эрве, займемся резолюцией Жореса и Вальяна.

Я не буду тратить много слов, так как в общем и целом я соглашаюсь с Бебелем, а остальное считаю само собой понятными истинами, которые конечно могут произвести впечатление в темпераментной речи, но которые нам не дадут ничего нового, так что не стоит отнимать у конгресса драгоценного времени. Я откажусь также от попытки последовать за высоким ораторским полетом Жореса,— может быть, я вообще этого не умею (*смех*), а ограничусь тем, что спокойно и продуманно изложу вам несколько соображений относительно того, как мы — немецкие социал-демократы — должны в настоящем положении думать и поступать. Уж я конечно не являюсь безусловным апологетом своей партии. Но я утверждаю, что вряд ли найдется хотя бы одна социал-демократическая партия какой бы то ни было страны, в которой национальные предрассудки, не говоря уже о шовинизме, с самого начала играли бы меньшую роль и в которых бич милитаризма и войны встретил бы более решительное и планомерное сопротивление, чем именно в немецкой социал-демократии. («Правильно!») И мы конечно готовы неослабно продолжать эту работу и неустанно вести борьбу против национальной и интернациональной опасности милитаризма и войны. Но мы не хотим исказить смысл этой борьбы. Неправда, будто интернациональный значит антинациональный. Неправда, будто у нас нет отечества, и при этом я употребляю слово «отечество» без разных хитро сплетенных комментариев. Я знаю, что социализм должен быть интернациональным и знаю причины этому. Но любовь к человечеству не может мешать ни на одну минуту быть хорошим немцем, так же как она не может мешать другим быть хорошим французом и итальянцем, и насколько мы признаем общие культурные интересы народов и осуждаем и отвергаем национальную травлю, настолько же мы не признаем утопического растворения всех народов в некую бесформенную международную кашу. (*Жорес*: «Кто же этого хочет?») Тов. Жорес, я знаю, что вы и Вальян сказали много хорошего о необходимости нации, но вы не один в этом зале. Мы слышали тут и другие речи, и пока гр-н Эрве находится в рядах вашей партии, вы не можете снять с себя ответственность за его выступление простым пожатием плеч. Мы издеваемся над карикатурой патриотизма и национальности у наших врагов, но и мы не должны давать веского повода ставить нам в вину искаженный интернационализм и давать таким образом господствующим классам возможность прикрывать свой эгоизм национальным плащом и возбуждать против нас национальное чувство. Вильгельм Либкнехт как-то сказал: мы свергнем Молоха идеей социализма, пропагандой, воспитанием, завоеванием влия-

ния в парламенте и в общественном мнении, но не детскими заговорами в казармах. И на этой точке зрения до сих пор стояло подавляющее большинство немецкой партии. То же самое относится и к другим средствам, указываемым в резолюции Жореса и Вальяна. Говорят, что Вальян сказал в Нанси, что он ничего не сделает в Штуттгарте без немцев и против немцев. Только что мы слышали здесь нечто подобное от Жореса. Если так, то мы обращаемся к французским товарищам с просьбой снять свою резолюцию и не делать ее объектом состязания, которое может принести только вред. Как бы охотно мы ни шли рука об руку с французскими товарищами, в этом пункте мы не можем отказаться от своей точки зрения. Мы должны решительно возражать против совершенно неприемлемых для нас резолюций Жореса — Вальяна. Я вполне понимаю, что для многих при постоянно растущем гнете военных вооружений и военной опасности массовая пропаганда и завоевание власти продвигаются слишком медленно. И они хотели бы найти средство для более быстрой победы над милитаризмом. Но эта попытка, по-моему, не дает ничего нового, что было бы применимо и могло бы нас побудить изменить нашу старую испытанную тактику, или, скорее, тут вообще мы не слышим ничего нового, что бы не было давно известно интернациональным конгрессам. То, что нам тут предлагается,— это те же старые рецепты, те же разогретые предложения Ньювенгуса, которые интернациональные конгрессы постоянно решительно отклоняли. И право же, у нас есть поважнее дела, чем заниматься анархическими фантазиями. Бебель уже указал на опасность, которая грозила бы нам при проведении в жизнь методов, рекомендуемых Жоресом и Вальяном. Правда, по мнению Жореса, Бебель преувеличивает, но это возражение слишком слабое, и Жорес должен предоставить в первую голову нам, немцам, судить об этом вопросе, который стоит на очереди и внимательнейшим образом обсуждается уже несколько лет. Если Жорес ссылается при этом на одно место в статье Каутского, то ведь всякому ясна разница между выражениями отдельного члена и постановлением, обязательным для всей партии.

Что касается Карла Либкнехта, то для меня само собой разумеется, что возбужденное против него обвинение в государственной измене лишает меня всякой возможности ссылаться на него в порядке прений. Но мы высказываемся против рекомендуемых резолюцией Жореса и Вальяна средств не только по соображениям благоразумия, мы считаем их принципиально неправильными (протест части французских делегатов, особенно Эрве). Мы считаем, что они являются искажением сущности социалистической политики, поскольку мы занимаемся единичными явлениями социального вопроса, вместо того чтобы охватить его в целом. Идея борьбы с войной посредством военной забастовки, по-моему, так же нелепа, как идея разрушения капитализма единым махом, посредством всеобщей забастовки. Такая тактика была бы решительным отклонением от правильного пути. Я лично считаю вполне достаточным подтверждение брюссельской и цюрихской резолюций, которые достаточно разрешили вопрос о милитаризме. Но, поскольку мы уже углубились в обсуждение, я не буду возражать против того, чтобы вы приняли другую резолюцию, которая если не скажет ничего нового по существу, то повторит старое по крайней мере в других словах. (Смех и бурный протест среди части французской делегации.) Будьте уверены, что мы, немецкие социалисты, прекрасно сознаем весь ужас войны и не меньше других товарищей готовы пустить в ход все возможные для нас средства, чтобы остановить натравливание народов друг против друга и воспрепятствовать военным столкновениям путем нарастающего воздействия на господствующую власть и общественное мнение. Мы не стоим за точный текст резолюции Бебеля и охотно пойдем на соглашение. Но мы должны настоятельно просить вас не связывать нас определенными методами и не отнимать у нас ни свободы самоопределения, ни основных условий существования нашей партии». («Браво!»— среди немецких делегатов.)

Г. Речь Розы Люксембург.

«Я взяла слово для того, чтобы напомнить от имени русской и польской делегаций, что при обсуждении этого пункта повестки мы должны вспомнить о великой русской революции. Открывая конгресс, Вандервельде напомнил нам с свойственным ему красноречием о наших великих мучениках, и мы почтили память героев. Но я должна открыто сказать, что во время

некоторых речей, особенно речи Фольмара, мне думалось, что если бы кровавые тени русских революционеров могли предстать перед нами, они бы сказали: «Не нужно нам ваших почестей, берите с нас пример!» И не последовать этому было бы предательством революции. На последнем конгрессе в Амстердаме в 1904 г. обсуждался вопрос о всеобщей забастовке. Принятая резолюция гласила, что мы еще не созрели и не готовы для всеобщей забастовки. Но та самая материалистическая диалектика, на которую так убедительно ссылался Адлер, осуществила то, что нам казалось немыслимым. Я должна возразить Фольмару и к сожалению также и Бебелю, когда они утверждают, что мы сделали все возможное и больше сделать не можем. Русская революция не только вырвала из войны, благодаря ей прервалась война. А то царизм наверно продолжал бы борьбу. Мы понимаем диалектику истории не в том смысле, что надо сложить руки и спокойно ждать, чтоб жареные гуси сваливались в рот. Я являюсь убежденной марксисткой и именно потому восстаю против роковой опасности придать марксизму закостеневшую форму фатализма, что ведет только к эксцессам вроде Эрве. Эрве — enfant, правда, enfant terrible. (Смех.) Если Фольмар говорит, что Каутский говорит только за самого себя, то это еще в большей степени относится к нему самому. Факт, что большинство немецкого пролетариата отреклось от взглядов Фольмара на Иенском съезде, где была принята резолюция, доказывающая, что немецкая партия осталась революционной и научилась кой-чему из истории. В этой резолюции всеобщая забастовка, которую столько лет подряд отвергали как анархистскую, признается средством, к которому в известных случаях можно прибегнуть. А над Иенским с'ездом витал не дух Домелы Ньювенгуса, а красный призрак русской революции. Верно, что мы тогда имели в виду всеобщую забастовку не против войны, а за избирательное право. Но ведь мы не можем дать клятву, что устроим всеобщую забастовку, если нас лишат избирательного права. Но еще менее мы можем поручиться, что объявим ее только за избирательное право. После речи Фольмара и отчасти Бебеля мы считаем необходимым усилить резолюцию и внести соответствующее добавление.

Я считаю нужным подчеркнуть, что в этом добавлении мы идем дальше Жореса и Вальяна и считаем необходимым во время войны агитировать не только за прекращение ее, но за использование войны для ускорения свержения классового гнета вообще». (Аплодисменты.)

65. Интернациональный социалистический конгресс в Штутгарте о войне и обязанностях социалистических партий.

Настоящая резолюция, принятая пленумом конгресса 24 августа 1907 г., в результате острой борьбы направлений, составлена на основе проекта, предложенного от имени немецкой делегации Бебелем, и поправок, внесенных Лениным и Люксембург. Мы приводим проект Бебеля и поправки Ленина и Люксембург в комиссию по вопросам милитаризма и международных конфликтов для сравнения с окончательным текстом принятой резолюции. Вот проект Бебеля:

«1. Войны между государствами, покоящимися на капиталистическом строе, являются обыкновенно следствием их конкуренции на мировом рынке; ибо каждое государство стремится не только обеспечить за собою свои рынки сбыта, но и завоевать новые, причем существенную роль играет здесь порабощение чужих народностей и захват земель.

2. Благоприятствуют этим войнам предрассудки одного народа против другого, систематически воспитываемые среди культурных народов в интересах господствующих классов.

3. Войны, следовательно, проистекают из самого существа капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда будет устранен капиталистический хозяйственный строй или когда огромность жертв людьми и деньгами, вызываемых развитием военной техники, и возмущение, вызванное вооружениями, пробудят народы к устранению милитаризма.

4. Рабочий класс, преимущественно поставляющий солдат и главным образом несущий материальные жертвы, является в особенности естественным противником войн, потому что они противоречат его цели: созданию строя, который осуществил бы солидарность народов.

5. Конгресс считает поэтому долгом всех рабочих и в особенности их представителей в парламентах попутно с разоблачением классового характера буржуазного общества и причин, заставляющих его поддерживать национальную рознь, всеми силами бороться против морских и сухопутных вооружений и отказывать в средствах для их осуществления.

6. В демократической организации обороны, охватывающей всех способных к оружию людей, конгресс видит существенную гарантию против наступательных войн и вернейшее средство устранения национальной розни.

7. В тех случаях, когда грозит война, рабочие заинтересованных стран и их представители в парламентах обязаны употребить все наиболее действительные средства к тому, чтобы воспрепятствовать ее возникновению, а если война все же возгорится — стремиться к быстрому ее окончанию».

Вот поправки, предложенные Люксембург от имени русской и польской с.-д. делегаций:

«I. Первый абзац резолюции Бебеля формулировать в следующих выражениях: «Конгресс снова подтверждает резолюции предыдущих международных конгрессов, направленных против милитаризма и империализма». Затем следует первый абзац резолюции Бебеля, и к нему присоединяется следующее добавление: «Эти войны являются естественным необходимым последствием беспрестанного роста милитаризма, который служит главным орудием буржуазного классового господства, экономического и политического угнетения рабочего класса.

II. Ко второму абзацу резолюции Бебеля прибавить следующий абзац: «чтобы таким образом отвлечь пролетарские массы от их действительных классовых задач, равно как и от долга международной классовой солидарности».

III. К пятому абзацу резолюции Бебеля прибавить следующие слова: «а также стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь воспитывалась в духе братства народов и социализма и систематически проникалась классовым сознанием, дабы благодаря этому господствующие классы не осмеливались употреблять своего классового господства против борющегося пролетариата».

IV. Последний абзац резолюции Бебеля формулировать следующим образом: «Если грозит объявление войны, рабочие заинтересованных стран и их представители в парламенте обязаны приложить все усилия к тому, чтобы помешать возникновению войны, принимая для этого надлежащие меры, которые естественно изменяются и усиливаются соответственно обострению классовой борьбы и общему политическому положению. Если война все же будет объявлена, они обязаны стоять за быстрое окончание ее и всеми силами стремиться использовать вызванный войною экономический и политический кризис для того, чтобы пробудить политическое сознание народных масс и ускорить крушение господства классов капиталистов».

В. И. Ленин, вспоминая эту борьбу за поправки, впоследствии писал: «Я хорошо помню, что окончательному редактированию этой поправки (речь идет о последнем абзаце резолюции) предшествовали продолжительные непосредственные переговоры наши с Бебелем. Первая редакция говорила гораздо прямее о революционной агитации и революционных действиях. Мы показали ее Бебелю; он ответил: «не принимаю, ибо прокурорская власть распустит тогда наши партийные организации, а мы на это не идем, пока еще нет ничего серьезного». После совещания с юристами по специальности и многократной переделки текста, чтобы выразить ту же мысль легально, была найдена окончательная формула, на принятие которой Бебель дал согласие». (Примечание В. И. Ленина в книге Г. Зиновьева «Война и кризис социализма», стр. 372).

«Конгресс подтверждает резолюции прежних интернациональных конгрессов по вопросу о борьбе с милитаризмом и империализмом и напоминает, что борьба против милитаризма не может быть отделена от деятельности социалистической классовой борьбы в ее целом.

Войны между капиталистическими государствами являются в общем последствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только к обеспечению за собою известного рынка, но к приобретению новых рынков, преимущественно путем порабощения другого народа и отнятия его территории.

Эти войны являются результатом непрекращающейся конкуренции, вызванной милитаристическими вооружениями, которые представляют собою одно из главных средств властвования буржуазии и экономического и политического порабощения рабочего класса.

Войны поддерживаются националистическими предрассудками, которые систематически культивируются в интересах господствующих классов для того, чтобы отвлечь пролетариат от его классовых обязанностей и от его долга международной солидарности.

Таким образом войны носят капиталистический характер и прекратятся лишь вместе с падением капиталистического строя или же тогда, когда необходимое для развития военной техники обилие жертв людьми и деньгами и вызванный вооружениями бурный протест заставят народы отказаться от этой системы.

Рабочий класс, из среды которого главным образом вербуются бойцы и который преимущественно и несет все материальные тягости войны, является естественным противником войны, так как она противоречит той цели, которую он преследует, т. е. созданию нового экономического строя, основанного на социалистических воззрениях и имеющего в виду осуществить в действительности солидарность народов.

Поэтому конгресс считает обязанностью всех

рабочих и их представителей в парламентах всеми мерами бороться с вооружениями как на суше, так и на море, изобличая классовый характер буржуазного общества и мотивы, которые им руководят при поддержании национального антагонизма, а также отказывать во всякой денежной поддержке такой политике и стараться, чтобы пролетарская молодежь воспитывалась в социалистических идеях братства народов и чтобы в ней постоянно поддерживалось ее классовое самосознание.

Конгресс смотрит на демократическую организацию системы милиции, которая должна заменить собою постоянные армии, как на реальную гарантию, которая сделает невозможными агрессивные войны и будет способствовать исчезновению национального антагонизма.

Интернационал не может наперед очертить в строго определенных рамках деятельность отдельных национальных партий, которая по необходимости должна быть различной в зависимости от условий места и времени, но он считает своим долгом, поскольку возможно, усиливать и координировать усилия рабочего класса, направленные против милитаризма и войны.

Действительно со времени Брюссельского интернационального конгресса пролетариат, ведя беспрестанную борьбу с милитаризмом путем отказа в разрешении военных и морских кредитов и путем стремления к демократизации армии, прибегал с возраставшей энергией и силой к самым разнообразным средствам для того, чтобы предупреждать войны или чтобы прекратить их, или для того, чтобы использовать в интересах раскрепощения рабочего класса те потрясения, которые вызывались войной во всех слоях общества. Таковы например соглашение между английскими профессиональными союзами и французскими рабочими синдикатами, заключенное после инцидента в Фашоде для того, чтобы обеспечить мир и установить добрые отношения между Францией и Англией; поведение социалистической партии во французском парламенте и в германском рейхстаге при марокканском кризисе; народные манифестации, организованные по этому поводу французскими и немецкими социалистами; согласованная деятельность собравшихся в Триесте австрийских и итальянских социалистов для того, чтобы предупредить столкновение между двумя государствами; энергичное вмешательство рабочего класса в Швеции с целью помешать нападению на Норвегию; наконец героическая и самоотверженная массовая борьба социалистов, русских и польских крестьян и рабочих для того, чтобы помешать царизму вести ожесточенную войну, чтобы положить ей конец и чтобы среди этого столкновения бросить русским народностям и пролетариату призыв к свободе. Вся эта деятельность указывает на растущее могущество рабочего класса и на его постоянное стремление поддержать мир посредством энергичного вмешательства. Для успеха этой деятельности необходимо, чтобы постоянная пропаганда подготовляла людей к мощным выступлениям и чтобы действия отдельных национальных партий были постоянно вызываемы и координируемы Интернационалом. Конгресс кроме того убежден, что под давлением пролетариата серьезное применение на практике международного арбитража заменит собою для всех разногласий жалкие попытки буржуазных правительств, и таким образом народу будет обеспечено благодетельное всеобщее разоружение, которое даст возможность обратить в пользу цивилизации неисчислимые запасы энергии и богатств, поглощаемые вооружениями и войнами.

Конгресс заявляет: если грозит вспыхнуть война, то обязанностью рабочего класса во всех заинтересованных странах и долгом их представителей в парламентах является приложение, при помощи Международного бюро, путем энергичных и координированных действий, всех возможных усилий для того, чтобы помешать войне всеми способами, которые будут ими признаны наиболее подходящими и которые, само собою разумеется, могут быть различными в зависимости от степени обостренной классовой борьбы и общего политического положения.

Если же война уже возникла, несмотря на все эти меры, то они обязаны приложить все усилия к тому, чтобы ее как можно скорее прекратить и всеми силами использовать вызванный войною экономический и политический кризис для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубоко лежащие общественные слои и ускорить падение капиталистического господства».

66. Базельский манифест (1912 г.).

«В своих конгрессах в Штутгарте и Копенгагене Интернационал уже формулировал правила деятельности пролетариата всех стран для борьбы против войны.

(Следуют два последних постановления Штутгартского конгресса, приведенные выше.)

Более чем когда-либо обстоятельства предписывают теперь интернациональному пролетариату придать своей согласованной деятельности всю возможную мощь и энергию. С одной стороны, всеобщая безумная погоня за вооружениями, увеличивая дороговизну жизни, обострила классовую рознь и довела рабочих до невыносимого положения. Рабочие решили положить конец этому режиму бессмысленной траты средств и паники. С другой стороны, периодически возникающая опасность войны возмущает народ все более и более. Великие европейские народы находятся постоянно перед возможностью быть брошенными друг на друга, причем такое нарушение всяких принципов человеколюбия и разума не может быть оправдано даже в малейшей степени интересами самих народов. Балканский кризис, который уже принес столько бедствий, может, в случае своего распространения, представить самую ужасную опасность для цивилизации и пролетариата. Вместе с тем такое явление оказалось бы позорным историческим событием благодаря несоответствию между неизмеримостью катастрофы и ничтожностью вызвавших ее интересов. Поэтому конгресс с большим удовлетворением отмечает полное единодушие социалистических партий и объединений во всех воюющих государствах в их отрицательном отношении к войне. Пролетариат повсюду в одно время восстал против империализма — и каждая секция Интернационала противопоставила правительству своей страны сопротивление и восстановила общественное мнение своего народа против всяких воинских фантазий. Таким путем осуществилось грандиозное сотрудничество рабочих всех стран, которое уже много сделало для сохранения мира. Страх правящих классов перед пролетарской революцией, которая явилась бы последствием всеобщей войны, служит весьма прочной гарантией мира. Конгресс требует от социалистических партий энергичного продолжения их деятельности и применения всех тех мер, которые покажутся им необходимыми.

Для этой общей деятельности конгресс определяет каждой социалистической партии ее специальную задачу.

Социалистические партии Балканского полуострова должны выполнить тяжелую работу. Великие европейские державы приложили много стараний к тому, чтобы систематически оттягивать введение необходимых реформ, чтобы создать в Турции политический и экономический хаос и чтобы возбудить национальные страсти, которые неминуемо должны привести к войне и к внутренним беспорядкам. Чтобы помешать использованию такого положения вещей в интересах династии и буржуазного класса, балканские социалисты с удивительным мужеством выставили требование демократической федерации. Конгресс просит их продолжать свою энергичную деятельность. Он надеется, что балканская социал-демократия по окончании войны пустит в ход все средства для того, чтобы помешать династии, милитаризму и жаждущей завоеваний балканской буржуазии захватить власть в свои руки и извратить результаты, полученные ценою таких ужасных жертв. Конгресс особенно приглашает балканских социалистов всемерно препятствовать не только возобновлению прежних враждебных отношений между сербами, болгарами, румынами и греками, но и всякому притеснению балканских народов, принадлежащих в данный момент к другому лагерю, а именно — турок и албанцев. Балканские социалисты обязаны противиться всякому нарушению прав этих народов и бороться с шовинизмом и разнузданными националистическими страстями утверждением братства между всеми балканскими народами, не исключая албанцев, турок и румын.

Социалисты Австрии, Венгрии, Кроации и Славонии, Боснии и Герцоговины должны всеми силами оказывать сопротивление всякому покушению дунайской монархии против Сербии. На их обязанности лежит противодействовать, как они делали это до сих пор, политике, направленной к ограблению Сербии путем вооруженной силы, и тяжким последствиям войны, к обращению ее в австрийскую колонию и к навлечению—в династических интересах— на народы Австрии, а вместе с ними и на все народы Европы самых плачевных последствий. Социалисты Австро-Венгрии должны кроме того бороться в будущем за то, чтобы отдельные югославянские народности, находящиеся в настоя-

щее время под господством Габсбургского дома, получили, даже оставаясь в составе Австро-венгерской монархии, право демократического самоуправления.

Социалисты Австро-Венгрии, равно как и социалисты Италии, обратят особенное внимание на албанский вопрос. Конгресс признает право албанского народа на автономию, но он не желает, чтобы под предлогом автономии Албания сделалась жертвой австро-венгерских и итальянских домогательств. Конгресс усматривает в этом не только опасность для самой Албании, но и угрозу в недалеком будущем для мира между Австро-Венгрией и Италией. Албания может вести независимое существование лишь как автономный член демократической Балканской федерации. Поэтому конгресс приглашает австро-венгерских и итальянских социалистов противодействовать всякой попытке их правительств втянуть Албанию в сферу их влияния.

Он просит их продолжать свою работу для обеспечения мирных отношений между Австро-Венгрией и Италией.

С большим удовлетворением конгресс приветствует забастовки протеста русских рабочих. Он видит в этом, что русский и польский пролетариат начинает оправляться от ударов, нанесенных ему контрреволюционным царизмом. Конгресс усматривает в этом выступлении рабочих самую действительную гарантию против преступных интриг царизма, который, утопив в крови народы своей империи и многократно изменнически предав балканские народы их врагам, теперь колеблется между опасением тех последствий, которые может иметь для него война, и страхом перед национальным движением, которое им же самим было создано. Таким образом, когда теперь царизм пытается выступить в роли освободителя балканских народностей, то это лишь для того, чтобы под лицемерным предлогом и путем кровавой войны получить преобладающее влияние на Балканах. Конгресс надеется, что городской и сельский пролетариат России, Финляндии и Польши воспользуется своею возрастающею силой, сорвет эту лживую маску и воспротивится всякой воинственной авантюре царизма, всякому выступлению на Армению или Константинополь и сосредоточит все свои силы в новой освободительной борьбе против царского деспотизма. Царизм есть оплот всех реакционных правительств Европы и самый страшный враг русского народа. Интернационал считает одной из своих главных задач его свержение.

Но в общей интернациональной деятельности самая важная задача выпадает на долю рабочих Германии, Франции и Англии. В данную минуту рабочие этих стран должны потребовать от своих правительств отказа от представления какой-либо помощи Австро-Венгрии и России, воздержания от всякого вмешательства в балканские неурядицы, соблюдения абсолютного нейтралитета. Если между тремя великими государствами, стоящими во главе человеческой цивилизации, вспыхнет война из-за сербо-австрийских разногласий по вопросу о порте, то это будет преступным безумием. Рабочие Германии и Франции не допустят, чтобы тайные договоры могли когда-либо создать для них обязанность вмешательства в балканскую войну. Если бы впоследствии военный разгром Турции подорвал ее господство в Малой Азии, то обязанностью социалистов Англии, Франции и Германии будет всеми силами препятствовать ведению завоевательной политики в Малой Азии, которая неминуемо приведет к всеобщей войне. Конгресс считает, что искусственно поддерживаемая вражда между Великобританией и Германской империей представляет собою самую большую опасность для европейского мира. Он приветствует попытки рабочего класса обоих этих государств уничтожить этот антагонизм. Он полагает, что наилучшим средством в этом отношении будет заключение соглашения об ограничении морских вооружений и об уничтожении морских призов. Конгресс приглашает английских и германских социалистов усилить их пропаганду в целях заключения такого соглашения. Смягчение антагонизма между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, устранит величайшую опасность для всеобщего мира. Оно поколеблет могущество царизма, который эксплоатирует этот антагонизм в своих интересах. Оно сделает невозможным всякое нападение Австрии на Сербию и обеспечит общий покой. Все усилия Интернационала должны быть направлены к этой цели. Конгресс констатирует, что весь социалистический Интернационал единогласно признает эти существенные принципы внешней политики.

Он требует, чтобы рабочие всех стран противопоставили капиталистическому империализму могущество интернациональной солидарности пролетариата. Он предостерегает правящие

классы всех государств против того, чтобы они военными действиями не увеличивали еще более те несчастия, которые терпит рабочий класс благодаря капиталистическому способу производства. Он требует мира, он на нем настаивает. Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов в среде рабочего класса возникновение войны не окажется безопасным для них самих. Пусть они вспомнят, что франко-германская война вызвала революционный взрыв Коммуны, что русско-японская война пробудила движение революционных сил русского народа. Пусть они не забудут того, что затруднения, вызванные взаимным соперничеством государств в производстве чудовищных затрат на военные и морские вооружения, были причиной того, что социальные конфликты в Англии и на континенте стали осложняться забастовками в небывалой степени. Они — безумцы, если не понимают, что одна лишь мысль о страшной войне возбуждает у пролетариата всех стран чувство гнева и негодования. Рабочие считают преступлением стрелять друг в друга из-за выгод капиталистов, из-за честолюбия династий или из-за хитросплетений тайных соглашений. Если правительства, удушая всякую возможность правильной эволюции, вынуждают пролетариат всей Европы принимать отчаянные решения, то на них именно и будет лежать вся ответственность за вызванный ими кризис. Интернационал удвоит свои усилия, чтобы предупредить войну своей усиленной пропагандой, своим непримиримым и постоянным протестом. С этой целью конгресс поручает международному социалистическому бюро с тщательным вниманием следить за событиями и при всяких условиях поддерживать сообщения и связь между пролетарскими партиями всех стран. Пролетариат сознает, что от него именно зависит в данный момент все будущее человечества, и он употребит всю свою энергию для того, чтобы помешать истреблению лучшего цвета всех народов, которым угрожают все ужасы бесчисленных кровопролитий, голода и болезней. Конгресс обращается к вам, пролетарии и социалисты всех стран, чтобы в этот решительный час вы не оставались безгласны. Высказывайте вашу волю повсюду и всеми способами. Выражайте всеми силами ваш единодушный протест в парламентах, объединяйтесь в манифестациях и массовых выступлениях, используйте все средства, которые предоставляют вам организация и мощь пролетариата, так, чтобы правительства постоянно видели перед собою волю внимательного и деятельного рабочего класса, решительно настаивающего на сохранении мира. Противополагайте таким образом капиталистическому миру эксплоатации и истребления масс пролетарский мир согласия и единения между народами».

67. Ленин о причинах краха II Интернационала.

«...Крах II Интернационала выразился всего рельефнее в вопиющей измене большинства официальных социал-демократических партий Европы своим убеждениям и своим торжественным резолюциям в Штутгарте и Базеле. Но этот крах, означающий полную победу оппортунизма, превращение социал-демократических партий в национал-либеральные рабочие партии, есть лишь результат всей исторической эпохи II Интернационала, конца XIX и начала XX вв. Объективные условия этой эпохи — переходной от завершения в Западной Европе буржуазных и национальных революций к началу социалистических революций — порождали и питали оппортунизм. В одних странах Европы мы наблюдаем за это время раскол в рабочем и социалистическом движении, идущий в общем и целом именно по линии оппортунизма (Англия, Италия, Голландия, Болгария, Россия), в других — длительную и упорную борьбу течений по той же линии (Германия, Франция, Бельгия, Швеция, Швейцария). Кризис, созданный великой войной, сорвал покровы, отмел условности, вскрыл нарыв, давно уже назревший, и показал оппортунизм в его истинной роли как союзника буржуазии. Полное организационное отделение от рабочих партий этого элемента стало необходимым. Империалистическая эпоха не мирится с существованием в одной партии передовиков революционного пролетариата и полумещанской аристократии рабочего класса, пользующейся крохами от привилегий «великодержавного» положения «своей» нации. Старая теория об оппортунизме как «законном оттенке» единой, чуждой «крайностей» партии превратилась теперь в величайший обман рабочих и величайшую помеху рабочему движению. Но так страшен и вреден открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочую массу, как эта теория золотой середины, оправдывающая марксистскими словечками оппортунистическую практику, до-

казывающая рядом софизмов несвоевременность революционных действий и пр. Виднейший представитель этой теории и вместе с тем виднейший авторитет II Интернационала Каутский проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в деле проституирования марксизма. В миллионной немецкой партии не осталось сколько-нибудь честных и сознательных и революционных социал-демократов, которые бы не отворачивались с негодованием от такого «авторитета», пылко защищаемого Зюдекумами и Шейдеманами.

Пролетарские массы, от которых вероятно около $^{9}/_{10}$ старого руководительского слоя отошло к буржуазии, оказались раздробленными и беспомощными перед разгулом шовинизма, перед гнетом военных положений и военной цензуры. Но объективная революционная ситуация, созданная войной и все расширяющаяся, все углубляющаяся, неизбежно порождает революционные настроения, закаляет и просвещает всех лучших и наиболее сознательных пролетариев. В настроении масс не только возможна, но становится все более и более вероятной быстрая перемена, подобная той, которая связана была в России начала 1905 г. с «гапонадой», когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а иногда и недель, выросла миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата. Нельзя знать, разовьется ли могучее революционное движение вскоре после этой войны, во время нее и т. п., но во всяком случае только работа в этом направлении заслуживает названия социалистической работы. Лозунгом, обобщающим и направляющим эту работу, помогающим объединению и сплочению тех, кто хочет помогать революционной борьбе пролетариата против своего правительства и своей буржуазии, является лозунг гражданской войны...»

68. Ленин об историческом месте II Интернационала.

«...Первый Интернационал (1864—1872) заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал. Второй Интернационал (1889—1914) был международной организацией пролетарского движения, рост которого пошел вширь, что не обошлось без временного понижения высоты революционного уровня, без временного усиления оппортунизма, приведшего в конце концов к позорному краху этого Интернационала.

Третий Интернационал фактически создался в 1918 г., когда многолетний процесс борьбы с оппортунизмом и социал-шовинизмом, особенно во время войны, привел к образованию коммунистических партий в ряде наций. Формально III Интернационал основан на его первом съезде в марте 1919 г. в Москве. И характернейшая черта этого Интернационала — его призвание выполнить, провести в жизнь заветы марксизма и осуществить вековые идеалы социализма и рабочего движения, — эта характернейшая черта III Интернационала сразу проявила себя тем, что новое, третье, «Международное общество рабочих» стало уже теперь совпадать в известной мере с Союзом советских социалистических республик.

Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской международной борьбы за социализм.

Второй Интернационал был эпохой подготовки почвы для широкого массового распространения движения в ряде стран.

Третий Интернационал воспринял плоды работ Второго Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистскую буржуазную и мелкобуржуазную скверну и начал осуществлять диктатуру пролетариата.

Международный союз партий, руководящих самым революционным движением в мире — движением пролетариата к свержению ига капитала, имеет теперь под собой невиданную по прочности базу: несколько советских республик, которые в международном масштабе воплощают в жизнь диктатуру пролетариата, его победу над капитализмом.

Всемирно-историческое значение III Коммунистического интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием — диктатура пролетариата.

Это гениальное предвидение, эта гениальная теория становится действительностью.

Эти латинские слова переведены теперь на все народные языки современной Европы, мало того — на все языки мира.

Началась новая эпоха всемирной истории.

Человечество сбрасывает с себя последнюю форму рабства: капиталистическое, или наемное рабство. Освобождаясь от рабства, человечество впервые переходит к настоящей свободе...»

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие к шестому изданию 3
Предисловие ко второму изданию . . . . . —

Глава I. **Промышленный переворот в Англии** 5

Материалы и документы. 1. Капиталистический расцвет Англия в конце XVIII в. 2. Торговля и промышленность Англии в XVIII в. 3. Задачи Ост-индской компании 4. Навигационный акт. 5. «Овцы поели людей». 6. «Огораживание» и капиталистическое развитие сельского хозяйства в Англии. 7. «Булавочная мануфактура». 8. Парламентский грабеж крестьян. 9. Изменение цен на хлеб. 10. Шерстопрядильная промышленность XVII в. 11. Ремесленники и машины. 12. Билль о правах 1689 г. 13. Избирательная система в Англии и социальный состав парламента. 14. А. Смит — против стеснений торговой и промышленной деятельности. 15. Годвин — о собственности и личной свободе. 16. Основные классы капиталистического общества 32

Глава II. **Франция накануне Великой революции** 35

Материалы и документы. 1. Внешняя торговля Франции XVIII в. 2. Стеснения внутренней торговли при старом порядке. 3. Промышленность Франции в конце XVIII в. 4. Земельные отношения во Франции накануне революции. 5. Феодальные права поместий Бле и Бросс в Бурбонне. 6. Цены на хлеб и на землю в XVIII в. 7. Примерное распределение земли между отдельными сословиями Франции накануне революции. 8. Конструкция расходного бюджета Франции. 9. Общая характеристика классов во Франции накануне революции. 10. Устав союза подмастерьев (вторая половина XVIII в.). 11. Вольтер о свободе совести. 12 Физиократы — «Общие принципы экономической политики земледельческого государства». 13. «О законах, устанавливающих политическую свободу». 14. Жан-Жак Руссо. 15. Мабли о земельной собственности как источнике зла 74

Глава III. **Великая французская революция**

Учредительное и Законодательное собрания 75

Материалы и документы. 1. Требования буржуазии. 2. Требования крестьянства. 3. Провозглашение Национального собрания. 4. Марат о 4 августа. 5. Отмена сословных и феодальных привилегий. 6. Национальное собрание и крестьянство. 7. Национальное имущество. 8. Рабочие предприниматели. 9. Закон ле-Шапелье от 14 июня 1791 г. 10. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. 11. Протест Марата против военного закона. 12. Петиция о низложении короля от 17 июля 1791 г. 13. «Прошение Марата отцам сенаторам, или основательные требования тех, кто ничего не имеет, к тем, кто имеет все». 14. Рост дороговизны, падение ассигнаций. 15. Борьба с контрреволюцией. 16. Отклики революции в Европе. 17. Война или мир? 18. Король и контрреволюция. 19. Манифест герцога Брауншвейгского. 20. Марат о 10 августа 113

Глава IV. **Великая французская революция**

Конвент 115

Материалы и документы. 1. Марат о задачах революции после 10 августа. 2. Измена короля. 3. Призыв к всеобщему ополчению. 4. Задачи революционных войн. 5. Из воззвания генерала Кюстина к жителям Вормса. 6. Адрес английских граждан Конвенту. 7. Декрет об объявлении войны Англии и Голландии. 8. Из воззвания Конвента о вооружении народа. 9. Якобинцы и жирондисты. 10. Жирондисты о продовольственном вопросе. 11. Жирондисты и монтаньяры о принудительном займе в 1 миллиард. 12. Декрет Конвента о разрушении Лиона. 13. Вандея. 14. Восстание в Тулоне. 15. О принципах революционного правления. 16. Декларация прав человека и гражданина 1793 г. 17. Конституция 1793 г. 18. Декрет о рассылке комиссаров в департаменты. 19. Из докладов комиссаров Конвента Комитету общественного спасения. 20. Роль народных обществ. 21. Террористические законы. 22. Рост дороговизны, падение курса ассигнаций, заработная плата. 23. Народные массы требуют максимума. 24. Закон о максимуме от 29 сентября 1793 г. 25. Декрет о борьбе с спекуляцией. 26. Декрет, отменяющий без вознаграждения все бывшие сеньориальные повинности, феодальные, оброчные права. 27. Декрет о разделе общинных земель. 28. Марат о французской революции. Марат о рабочем и аграрном вопросе. 29. Дантонисты. 30. Речь Жака Ру у решетки Конвента 25 июня 1793 г. 31. А. Речь Шометта в Генеральном Совете

Стр.

Парижской коммуны 14 октября 1793 г. 32. Культ верховного существа. 33. Завещание Робеспьера. 34. Бабеф и «бабувисты». 35. Сущность доктрины Бабефа. 36. Историческое значение диктатуры якобинцев 175

Глава V. Чартизм 176

Материалы и документы. 1. Англия в первую половину XIX в. 2. Население Англии по переписи в 1831 г. 3. Положение малолетних рабочих. 4. Замена взрослых рабочих на фабриках женщинами и детьми. 5. Годовой доход и расход семьи ручных ткачей из 6 человек, из числа которых трое работают на ткацком станке. 6. Постановление о внутреннем распорядке рабочего дома (1842 г.). 7. Против применения машин. 8. Р. Оуэн. Из доклада Комитету общества вспомоществования бедным, занятым в промышленности и земледелии, представленного в Комитет палаты общин по вопросу о бедных в 1817 г. 9. Рабочий класс и реформа 1832 г. 10. Зачем нужна рабочим хартия. 11. Первая национальная петиция. 12. Сторонники «моральной» и «физической» силы. 13. Постановление чартистского Конвента 1839 г. 14. О «священном месяце». 15. Вторая национальная петиция (8 мая 1842 г.). 16. Речь Маколея в палате общин против второй национальной петиции. 17. Чартисты об отмене «хлебных законов». 18. О. Коннор о коммунизме, частной собственности и самоконтроле. 19. Земельные проекты О'Бриенна. 20. Из речей депутатов Конвента 1848 г. 21. Из речи Эрнста Джонса (1848 г.). 22. Неудачи 10 апреля и торжество буржуазии. 23. Колебание заработной платы. 24. Резолюции, принятые чартистским Конвентом в апреле 1851 г. 25. Фритредеры и чартисты 215

Глава VI. **Революция 1848 г. во Франции** 216

Материалы и документы. 1. Июльская монархия. 2. Капиталистическое развитие Франции в эпоху июльской монархии. 3. Рост железнодорожной сети, паровых машин, добыча угля, обработка шерсти и шелка. 4. Рабочее население Парижа. 5. Восстание в Лионе. 6. Утопический социализм первой половины XIX в. 7. Требование либеральной буржуазии. 8. Программы газеты «La Réforme» (Реформа). 9. Февральская революция. 10. Первые шаги временного правительства. 11. Борьба за знамя республики. 12. Манифест к народам Европы. 13. Из циркуляра Ледрю-Роллена комиссарам правительства. 14. Клуб Барбэса о налоге в 45 сантимов. 15. Законопроект Люксембургской комиссии. 16. Люксембургская комиссия и конфликты между рабочими и предпринимателями. 17. Отношение к иностранным рабочим. 18. Прокламация временного правительства о выборах в Учредительное собрание. 19. Против немедленного созыва Учредительного собрания. 20. Реакция перешла в наступление 21. Документы, изготовленные для опубликования на случай победы народа 15 мая 1848 г. 22. Назначение национальных мастерских. 23. Состав национальных мастерских. 24. Порядок зачисления в число рабочих национальных мастерских и формирование бригад. 25. Сближение Люксембурга и национальных мастерских. 26. Июньские дни. Роспуск национальных мастерских. 27. Воззвание Национального собрания к национальной гвардии. 28. Воззвание рабочих Парижа. 29. Отвергнутый проект прокламации, представленный Консидераном, — «Национальное собрание — парижским рабочим». 30. Белый террор против июньских бойцов. 31. «Братский союз демократов» в июньские дни. 32. Из речи Ледрю-Роллена о семье и собственности в Национальном собрании. 33. Луи-Наполеон Бонапарт своим согражданам. 34. Из избирательной литературы для крестьянства во время выборов в Законодательное собрание. 35. Состав Законодательного собрания. 36. Тьер об отмене всеобщего избирательного права. 37. Собственники и переворот 2 декабря. 38. «18 брюмера Луи Бонапарта». 39. Прокламация президента республики Луи Бонапарта от 2 декабря. Воззвание к народу 268

Глава VII. **Революция 1848 г. в Германии** 269

Материалы и документы. 1. Германия в системе мирового хозяйства. 2. Экономическое и политическое положение Германии первой половины XIX в. 3. Буржуазия и пролетариат. 4. Утопический социализм в Германии. 5. Требования коммунистической партии Германии. 6. «Так называемому прусскому королю в Берлине». 7. Манифесты короля Фридриха-Вильгельма IV. 8. Требование расширения избирательного права. 9. Требования рабочих. 10. Из устава центрального комитета рабочих. 11. Буржуазия в революции 18 марта. 12. Буржуазия и крестьянство. 13. Пассивное сопротивление. Австрия. 14. Государственное устройство Австрии. 15. Правительственные распоряжения 14 и 15 марта. 16. Речь либерала Фишгофа. 17. Рабочие и демокр. революционеры в день 15 мая. 18. Славянская буржуазия и революционное движение в Вене. 19. Буржуазия благодарит палача октябрьских дней в Вене. 20. Дарованная конституция. Предпарламент и Франкфуртское национальное собрание. 21. Предложение республиканца Струве в предварительном собрании. 22. Восстание Геккера. Воззвание Народного комитета в апреле 1848 г. 23. Франкфуртское национальное собрание. 24. Баденское восстание. Воззвание к немецкому народу. 25. 1849 г. 26. Восстание в мае 1849 г. Венгрия. 27. Декларация независимости. 28. Роспуск Венгерского рейхстага. 29. Манифест Николая I. Маркс и Ленин о 48 годе. 30. Революция 18 марта 1848 г. и 1789 г. 31. Уроки 48 года. 32. Ленин о 48 годе. 33. Революция 1848 г. и пролетариат. 321

Глава VIII. I Интернационал 322

Материалы и документы. Рабочее движение Франции. 1. П. Ж. Прудон. 2. Манифест 60. 3. Огюст Бланки. Германия. 4. Ф. Лассаль. 5. К. Маркс о

Стр.

Лассале. 6. Из устава Всеобщего германского союза. 7. Нюрнбергская программа. 8. Эйзенахская программа. 9. Готская программа. 10. Фридрих Энгельс о Готской программе. 11. Англия — рычаг экономической революции. 12. Из устава тред-юниона «Соединенная ассоциация бумагопрядильщиков». 13. Адрес английских рабочих. 14. Ответный адрес французских рабочих. 15. Организация Интернационала. 16. «Учредительный адрес». 17. Устав I Интернационала. 18. Роль Маркса в Интернационале. 19. Интернационал и профсоюзы. 20. Политические задачи рабочего класса. 21. Решение Брюссельского конгресса Интернационала. 22. Средство прекратить войну. 23. Отношение Интернационала к стачкам. 24. М. А. Бакунин. 25. Программа международного союза социалистической демократии («Альянс»). 26. Резолюция Главного Совета об «Альянсе». 27. Ф. Энгельс о бакунизме. 28. Ф. Энгельс о новых задачах Интернационала. 29. Политические задачи пролетариата. 30. Воззвание Юрской секции. 31. Расширение полномочий Генерального Совета. 32. Завещание I Интернационала 384

Глава IX. **Парижская коммуна** 385

Материалы и документы. 1. Правительство национальной обороны в оценке Интернационала. 2. Правительство национальной обороны решило обезоружить национальную гвардию. 3. Прокламация Тьера к жителям Парижа. 4. Первое воззвание ЦК национальной гвардии. 5. Революция 18 марта в представлении ее участников. 6. ЦК национальной гвардии о своих задачах. «Республиканская федерация национальной гвардии». 7. Программа Коммуны. 8. Постановление ЦК национальной гвардии о выборах. 9. Призыв мэров и депутатов Парижа к бойкоту выборов. 10. Мэры — пособники Тьера. 11. Воззвание Парижской секции Интернационала накануне выборов в Коммуну. 12. ЦК национальной гвардии о событиях. 13. Декларация Коммуны. 14. Воззвание к сельским жителям. 15. Приказ Тьера чиновникам. 16. Борьба Коммуны с саботажем. 17. Государство типа Коммуны. 18. Социальное законодательство Коммуны. 19. Коммуна и Французский банк. 20. Коммуна закрывает газеты. 21. Угрозы Версалю и декрет о заложниках. 22. Предание суду главарей Версальского правительства. 23. Конфискация имущества Тьера. 24. Телеграмма Тьера Фавру. 25. Буржуазия требует мести. 26. Воззвание Делеклюза. 27. Значение Коммуны. 28. Уроки Коммуны 423

Глава X. **Эпоха II Интернационала** 424

Материалы и документы. 1. На пороге XX века. Немецкое рабочее движение. 2. Положение социал-демократической партии после падения исключительного закона. 3. Георг фон-Фольмар. 4. Оппозиция «молодых». 5. Борьба на два фронта. 6. Эрфуртская программа. 7. Критика проекта Эрфуртской программы Ф. Энгельсом. 8. Сущность ревизионизма. 9. Партейтаги на словах осуждают ревизионизм. 10. Задачи социал-демократии. 11. Роза Люксембург о революции и парламентаризме. 12. Каутский о революции. 13. Отношение партии к выборам в ландтаги. 14. Постановление Гамбургского партейтага 1897 г. о перебаллотировках. 15. Отношение партии к вотированию бюджета. 16. Речь делегата Иосса за вотирование бюджета на Любекском партейтаге. 17. Речь К. Цеткин на том же партейтаге против вотирования бюджета. 18. От голосования кредитов на пуговицы до голосования кредитов на пушки. 19. Вопросы империализма и войны. 20. Ревизионист о всеобщей стачке. 21. Бебель о всеобщей стачке. 22. Резолюция Мангеймского партейтага о всеобщей стачке. 23. Р. Люксембург о всеобщей стачке. 24. От политической стачки — к восстанию. 25. Резолюция Кельнского конгресса профессиональных союзов о всеобщей стачке. 26. Люксембург о новой тактике. 27. Каутский — сторонник старой тактики. 28. Иенский (1913 г.) о массовой стачке. 29. Каутский возглавляет борьбу против левых радикалов. 30. Р. Люксембург о каутскианстве. 31. Вопросы государства и революции. 32. Программа рабочей партии Франции. 33. Аграрная программа французской рабочей партии. 34. Критика аграрной программы франц. партии Ф. Энгельсом. 35. Сущность мильеранов щины. 36. Жорес о мильерановщине. 37. Ж. Гэд о министериализме. 38. Декларация объединения французских социалистических партий. 39. Резолюция о войне и милитаризме. 40. Политические задачи партии. 41. «Амьенская партия». 42. Синдикаты и антимилитаризм. Английское рабочее движение. 43. Программа социал-демократической федерации (теорет. часть). 44. Программа независимой рабочей партии. 45. Основы фабианского общества. 46. Основы рабочей партии. 47. Устав союза газовых рабочих (1889 г.). 48. Марксизм и ревизионизм. 49. Организация Международного социалистического бюро. 50. Устав конгрессов и МСБ II Интернационала. 51. II Интернационал и национальные партии. 52. Политические задачи рабочего класса. 53. Экономические задачи рабочего класса. 54. Отношение между социалистической партией и профсоюзами. 55. Отношение к кооперации. 56. Международная манифестация 1 Мая. 57. II Интернационал и борьба с оппортунизмом. Интернационал о министериализме о союзах с буржуазными партиями. 58. Проект резолюции Ж. Гэда о министериализме. 59. Борьба течений в Амстердаме. 60. Интернационал о ревизионистах. 61. Единство партии. 62. Аграрный вопрос во II Интернационале. 63. Колониальная политика и социал-демократия. II Интернационал и вопросы войны. 64. Штутгартский интернациональный конгресс о войне. 65. Интернациональный социалистический конгресс в Штутгарте о войне и обязанностях социалистических партий. 65. Базельский манифест (1912 г.). 67. Ленин о причинах краха II Интернационала. 68. Ленин об историческом месте II Интернационала 600